Кобо АБЭ

Перевод с японского
С. БЕРЕЖКОВА

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Итак, «Четвертый ледниковый период». Научно-фантастическая повесть прогрессивного японского писателя Кобо Абэ. Произведение, которое стало для японского читателя, для современной японской литературы своего рода откровением.

Конфликт «Четвертого ледникового периода» необычен. Вторжение будущего в настоящее. Испытание пригодности человека для будущего. Опасность повседневной обыденщины, мещанства для будущего. Повесть напоминает о громадной ответственности каждого человека перед обществом, особенно в такие поворотные эпохи истории, как наша.

Капиталистическое общество идет к краху. В духовной жизни царит цинизм, разочарование; любые перемены внушают ужас. Но оглянитесь, говорит Абэ, на другой мир, на Советский Союз. Ему ничто не страшно, он смело смотрит в будущее, потому что строит его. Будущее является высшим и единственным судьей настоящего. Судьей неподкупным, объективным и строгим. И чтобы гордо и честно смотреть в глаза этому судье, нельзя быть мещанином, трусом, обывателем. Нужно осознать свою ответственность и жить и работать в настоящем, созидая грядущее.

Странная история профессора Кацуми, талантливого ученого и пошлого обывателя, поражает воображение и заставляет задуматься над судьбами мира и человечества.

Повесть печатается с некоторыми сокращениями.

Полностью она будет опубликована в серии «Всемирная библиотека научной фантастики» (издательство «Молодая гвардия»).

Прелюдия

Толстые пласты ноздреватого ила на пятикилометровой глубине, неподвижные и мертвые, косматые, словно шкура допотопного зверя, вдруг вспучились, поднялись и сейчас же распались, обращаясь в кипящие темные тучи, гася бесчисленные звездочки планктона, роившиеся в прозрачном мраке.

Обнажилось изрезанное трещинами скальное основание подводной равнины. Из трещин, выбрасывая обильную пену, полезла вязкая, светящаяся бурым блеском масса и протянула на несколько километров скрюченные, как корни старой сосны, отростки. Продуктов извержения становилось все больше, исчезло темное сияние магмы, и уже только исполинский столб пара, бешено крутясь и разбухая, беззвучно и стремительно поднимался сквозь тучи взбаламученного ила. Но даже этот столб бесследно исчезал задолго до поверхности, растворяясь в немыслимой водной толще.

Как раз в это время в двух милях к западу проходило курсом на Иокогаму грузо-пассажирское судно. Когда корпус его внезапно содрогнулся и заскрипел, это обстоятельство не вызвало ни у команды, ни у пассажиров никакой тревоги. Они ощутили лишь мимолетное недоумение. Вахтенный офицер на мостике не без удивления отметил стаю дельфинов, испуганно выпрыгнувших из воды, а также мгновенное, хотя и незначительное изменение цвета моря, но и ему эти явления не показались заслуживающими специального упоминания в судовом журнале. В небе расплавленной ртутью сверкало июньское солнце.

Между тем неуловимое колебание воды — зародыш гигантского цунами — уже катилось в океанских глубинах к материку волнами невероятной длины и со скоростью в двести семьдесят километров в час...

Программная карта номер один

Электронно-счетная машина есть своего рода думающая машина. Она способна думать, но не может ставить проблемы. Чтобы машина думала, нужно ввести в нее так называемую программную карту, лист вопросов, написанных на машинном языке.

1

Когда я вошел, мой ассистент Ёрики, копавшийся в запоминающем устройстве, обернулся ко мне и спросил:

— Ну что там, в комиссии?

Видимо, лицо мое выражало полное отчаяние, потому что он, не дожидаясь ответа, шепотом выругался и отшвырнул инструменты.

— Веди себя приличнo! — сказал я.

Он нехотя нагнулся и подобрал отвертку. Затем, подбрасывая ее на ладони, он осведомился, выпячивая челюсть:

— Так когда же все-таки можно приступать к работе?

— Почем я знаю!

Я был зол и не мог без раздражения видеть, как сердятся другие. Стащив с себя пиджак, я швырнул его на панель управления. В тот же момент мне почудилось, будто машина включилась. Заработала по своей воле, сама собой. Этого, конечно, быть не могло. Галлюцинация. Но в эту секунду в голове моей мелькнула какая-то необычайная мысль. Я попытался удержать ее и не смог. Забыл. Вот мерзость, до чего же жарко...

— Они предложили какой-нибудь другой план?

— Они предложат, держи карман.

Ёрики помолчал, затем сказал тихо:

— Я спущусь вниз на минутку.

— Ступай. Делать все равно нечего.

Я сел на стул и закрыл глаза. Стук деревянных каблуков Ёрики удалялся. Любопытно, почему в Японии почти все молодые научные работники носят сандалии на деревянных каблунах? Вот странная манера. По мере удаления шаги становились быстрее... Вероятно, воспылал решимостью что-то предпринять.

Я открыл глаза и сразу, как нечто необыкновенно значительное, увидел на полке перед собой четыре папки с вырезками из газет и журналов. Статьи за эти три года, начиная с того дня, когда была пущена в ход знаменитая «Москва-1». Все статьи о машинах-предсказателях. Это путь, пройденный мною. И там, на последней странице, в последней папке, мой путь закончится.

2

А первой страницей в первой папке была статья одного научного обозревателя, того самого, который потом столь радикально изменил свои взгляды. В этом было что-то циничное.

Статья начиналась словами: «Ученые, откройте глаза!» — как если бы автор и был создателем предсказывающей машины. «Машина времени Уэллса,— продолжал он,— оказывается наивной выдумкой лишь потому, что Уэллс рассматривал передвижение по времени в пространственном смысле. Человек наблюдает микроорганизмы исключительно при посредстве микроскопа. Но кто осмелится сказать, что он не наблюдает микроорганизмы, раз не видит их невооруженным глазом? Совершенно аналогично человечество получило возможность своими глазами видеть будущее при посредстве машины-предсказателя «Москва-1». Машина времени наконец осуществлена! Мы стоим перед новым поворотом в истории цивилизации!»

Да, пожалуй, сказать так было можно. Но до чего в этой статье все было преувеличено! Если бы спросили меня, я сказал бы, что никакого будущего он не видел. Видел он всего несколько кадров из кинохроники.

Вот что тогда показали. Сначала часы, показывающие полдень, и огромная раскрытая ладонь. Рядом телевизор, на его экране то же самое изображение. Подается команда: ровно в час сжать руку в кулак. Инженер у панели управления поворачивает верньеры, часы на экране телевизора показывают час. С момента подачи команды проходит всего тридцать секунд, но на экране прошел час, и рука на экране твердо сжимается, в то время как ладонь возле телевизора остается раскрытой.

Затем демонстрировались такие эксперименты. По приказу напугать через час спящую птицу, птица на телеэкране испуганно вспархивала. По приказу через час разжать пальцы, сжимающие стакан, стакан на телеэкране падал на пол и разбивался вдребезги...

Не мудрено, что это поражало воображение. Я и сам вначале был порядком ошеломлен. Но дело не в этом. Прошло три года... пошла четвертая папка вырезок, другими словами, и тот же самый обозреватель запел по-иному. (Даже фразеология у него теперь производила впечатление какой-то нечистоты.) «Давайте предположим, что некоему человеку предсказали, что через час он свалится в яму. Но разве найдется такой идиот, который свалится, если его предупредили об этом? А если и найдется, то это будет, несомненно, весьма простодушный и в высшей степени подверженный внушению человек. И в этом случае мы будем иметь дело не с предсказанием, а с внушением. Так давайте же откажемся от этой блестящей лжи, именуемой машиной-предсказателем, давайте прямо и честно назовем ее машиной-гипнотизером, использующей человеческие слабости...»

Вот до чего мы договорились. Что же, называйте, как вам угодно. Кто украл булавку, тот и топор украдет.

Да он и не один такой. Все вдруг отвернулись от моего дела. Я стал опасным человеком.

3

Вторая вырезка в первой папке — статья с фотографией. На фотографии я еще улыбаюсь. Это — мое интервью по поводу «Москвы-1».

«Нет, я не думаю, что это утка. Теоретически такая машина вполне возможна. И я не думаю, что она существенно отличается от обычных электронно-счетных машин»,— рассказал профессор Кацуми из Центрального научно-исследовательского института счетной техники. Профессор говорил спокойно и сдержанно, как полагается специалисту».

Это ложь. Я просто сгорал от зависти. Я отвечал весьма холодно, и один из корреспондентов, разозлившись, спросил:

— Вы хотите сказать, сэнсэй, что построить такую же штуку вам ничего не стоит?

— Ну что же, если бы было время и деньги...— Это я говорил уже чуть ли не от чистого сердца.— Вообще способностью предсказывать будущее обладают в принципе все электронно-счетные машины. Главная проблема не в самой машине, а в уровне технических навыков, необходимых для ее использования. Программировать... то есть формулировать вопросы на языке, понятном для машины,— вот что трудно. До сих пор это должен был делать человек. Но вот эта самая «Москва-1» — как раз, по-видимому, такая машина, которая способна сама себя программировать.

— А что можно делать на такой машине? Не поведаете ли вы нам что-нибудь этакое, из области мечты?

— Гм... Обыкновенно эффективность предположений обратно пропорциональна величине минувшего промежутка времени и теряется ускоренно. Как вы могли видеть в хронике, область предсказаний вопреки ожиданиям ограниченна, не так ли? Если стакан уронить, он разобьется. Для того, чтобы узнать это, нам не приходится прибегать к помощи предсказывающей машины, не правда ли? Это и школьнику известно. Ну что же, возможно, найдутся пути применения ее в качестве учебного пособия... Но мне кажется, что следует воздержаться от слишком радужных надежд.

А ведь в действительности я места себе тогда не находил от ревности. Если я буду сидеть сложа руки, то безнадежно отстану. Нет, не будет мне покоя, пока я не попробую построить такую машину сам, своими руками. И я бросился к директору института, побежал к знакомым. Ни один человек не проявил к моему предложению ничего, кроме любопытства. И уж окончательно я был добит одним писателем, статью которого в качестве выступления моего единомышленника поместили рядом с интервью. (Нет ничего более серьезного, нежели невежество...)

«Весьма возможно, что утратившие свободу коммунисты имеют только такое будущее, которое можно предсказывать машинами. Но нам, строящим свое будущее на основе свободной воли, эти машины ни к чему. Попытайтесь отразить наше будущее в машинном зеркале, и вы увидите, что зеркало это станет прозрачным, как оконное стекло. Больше всего я опасаюсь, что вера в возможность предсказаний подорвет нашу нравственность...»

Но в конце концов случай все же улыбнулся мне. Откроем вторую папку. «Москва-1» принялась показывать, на что она способна. Я готов был жизнь отдать за такие возможности. Что там мечты! Из нее, как из рога изобилия, одно за другим посыпались предсказания, пресные, сухие, страшно реальные. Для начала это были поразительно точные прогнозы погоды, затем прогнозы состояния производства и экономики...

Растерянность тех дней одним словом не выразишь. Внезапно Япония получила прогноз на урожай риса. К прогнозу отнеслись пренебрежительно: ладно, через полгода проверим. Но тут...

Расчеты всех банков страны за первые два квартала.

Количество неоплаченных векселей в будущем месяце.

Предполагаемая выручка одного из универсальных магазинов.

Индексы цен в розничной торговле города Нагоя в будущем месяце.

Степень заполненности пакгаузов порта Токио.

Эти прогнозы были получены один за другим, и было поразительно, как они начали сбываться с точностью, сводившей к нулю поправки на случайные отклонения и ошибки. Поражало и заявление в конце списка прогнозов:

«Кроме того, «Москва-1» способна предсказать для вашей страны индексы цен на акции, а также соотношение между производством и потреблением. Однако из опасения вызвать у вас экономические трудности мы воздержимся от этого. Мы всегда будем преследовать только одну цель: честное мирное соревнование...»

Уныние было настолько сильным, что даже газеты ограничились лишь самыми необходимыми комментариями. Другие страны «свободного мира» тоже, видимо, получили соответствующие прогнозы и тоже помалкивали. Это плачевное молчание длилось довольно долго. Но правительства не просто молчали и сидели сложа руки. Под давлением финансовых кругов вынуждено было зашевелиться и наше правительство.

Первым делом, чтобы сохранить престиж, арестовали по подозрению в шпионаже нескольких коммунистов. Затем при нашем Центральном научно-исследовательском институте счетной техники учредили лабораторию — как было объявлено, для того, чтобы разработать свою оригинальную машину-предсказатель. Меня назначили начальником этой лаборатории, и это было естественно, поскольку я являюсь лучшим в Японии специалистом по программированию. Мое желание исполнилось, теперь я мог с головой погрузиться в исследования, связанные с машинными предсказаниями.

Вырезки из третьей папки...

В соответствии с заявлением «Москва-1» хранит молчание. Ерини несколько груб, но тем не менее способный помощник. Работа шла в хорошем ритме, так что осенью второго года почти все было закончено, и мы могли показывать на телеэкране, как в будущем разобьется стакан. (Показывать явления, обусловленные законами природы, сравнительно легко.) Мы несколько раз демонстрировали простенькие опыты, и с каждым разом моя слава и слава машины росла, а вместе со славой росли и всевозможные надежды. Я знаю, однако, что есть люди, для которых машина опасна. Когда мы попробовали предсказывать результаты скачек, устроители переполошились и заставили нас прекратить работу. В те времена я только наивно порадовался грозной репутации своей машины, но теперь мне кажется, что этот инцидент был первым зловещим предупреждением о том, что в конце концов мы превратимся в отверженных. (Не знаю, на скольких столбах держится мир, но по крайней мере три из них — это, наверное, темнота, невежество и тупость.) Впрочем, тогда мы еще были на восходящей ветви кривой, и я был полон самых радужных надежд. Не знаю почему, но особенно популярен я был у детей; я частенько фигурировал в цветных комиксах, где из своей лаборатории в ЦНИИСТе отправлялся в сопровождении своих роботов (в действительности машина представляет собой ряды громадных металлических ящиков, расположенных буквой Е на площади около семидесяти квадратных метров, но в комиксах, видимо, позарез нужны именно роботы) в грядущие века и побивал всевозможных злодеев.

Но вот наконец машина была отлажена, и настало время вплотную заняться ее тренировкой и обучением. Человек, даже со своим мозгом, ни на что не пригоден без образования и опыта. Точно так и машина. Особенно необходим опыт, как пища для мозга. Но машина не способна выходить на улицы и вращаться в свете, поэтому нам, людям, пришлось стать ее руками и ногами, всюду бегать и собирать для нее информацию. Нудная работа, пожирающая массу сил и денег.

(Информация была главным образом экономической, что не удивительно, принимая во внимание профиль нашего института, а также психологическое влияние предсказаний «Москвы-1».)

Способность машины усваивать информацию безгранична. Все, чем ее питают, она должным образом переваривает и где-то прячет. Когда какая-либо из ее «систем» насыщается, из пункта насыщения должен поступать сигнал. Отныне эта «система» способна сама разрабатывать для себя программу.

В один прекрасный день первый сигнал поступил. Это означало, что она усвоила все функциональные зависимости в явлениях природы, выражаемые кривыми. Я немедленно опробовал ее. Я дал ей задание показать на телеэкране прорастание горошины в воде за четыре дня. Она справилась прекрасно. Можно было видеть, как росток увеличивался и достиг семи сантиметров в длину. Далее ее развитие пойдет быстро. В память об этом дне я официально объявил ее название: «Кейги-1».

Однако пора закрыть третью папку и перейти к четвертой. Обстоятельства вдруг резко меняются.

4

Рождение машины-предсказателя мы решили отпраздновать с помпой. Какое задание дать ей первым? Мы разослали анкеты, провели собеседования. Заработала специальная комиссия, газетчики были наготове. И вдруг поступило сообщение, что пущена в ход «Москва-2».

Эта новость содержала злой сюрприз. Мне передали ее рано утром по телефону из какой-то редакции.

— И эта самая «Москва-2», говорят, уже сделала предсказание. Она объявила, что будущее непременно за коммунистическим обществом. Каково? Что вы об этом думаете, сэнсэй?..

Это показалось мне ужасно забавным, и я невольно расхохотался. Между тем ничего смешного в этом не было. Плакать следовало, а не смеяться: ведь не так часто приходится слышать известия, от которых получается несварение желудка.

В институте только об этом и говорили. Я чувствовал себя несчастным.

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Дело было не просто в том, что нашей машине не повезло. Меня вдобавок охватило предчувствие каких-то больших неприятностей.

Молодые сотрудники переговаривались:

— Машине не подобает говорить такие банальности...

— Почему же? А если это правда?

— Может, это предсказание подстроено?

— Я тоже так думаю. Уже то смешно, что будущее должно быть с каким-то «измом».

— А ты не думай об этом, как об «изме», вот и не будет смешно. Дело-то простое, переход от частной собственности на средства производства к совсем иной форме...

— И ты способен утверждать, будто эта иная форма возможна лишь при коммунизме?

— Дубина! Это же и есть коммунизм!

— Потому я и говорю, что это банально.

— Ничего ты не понял.

— Послушай, самое главное для человека — это жить свободно, не подвергаясь насилию...

— Да что ты говоришь! Какая оригинальная мысль!

Потом они подошли ко мне. Они спросили, может ли и наша машина предсказать что-либо толковое из области таких проблем.

— Мы им еще нос утрем,— пошутил я.

Увы, никто не рассмеялся.

На следующий день поступили сообщения из Америки. «Предсказание и гадание различаются коренным образом. Предсказанием достойно называться лишь то, в основе чего заложено понятие о нравственности. И поистине, только отрицанием человечности можно назвать попытку передать подобные вопросы на усмотрение машин. В нашей стране тоже давно уже существует машина-предсказатель, но мы, послушные голосу совести, избегаем пользоваться ею. Последние действия Советского Союза противоречат его заверениям о стремлении к мирному сосуществованию и представляют собой угрозу дружбе между народами и свободе человека. Мы рассматриваем предсказание «Москвы-2» как насилие над духом и рекомендуем как можно скорее отказаться от услуг подобных машин. В том случае, если этого сделано не будет, мы намерены апеллировать к ООН» (интервью государственного секретаря Строма).

Такая жесткая позиция нашего союзника не могла не отразиться на нашей работе. То, чего я боялся, в конце концов случилось. В тот же день около трех часов я получил через директора института приглашение на экстренное заседание комиссии по программированию. При этом выяснилось, что комиссия реорганизована и заседать будет уже в новом составе. Так бесцеремонно распорядилось Статистическое управление. Специалистов, если не считать директора и меня, в комиссии не осталось, лица все были новые, и состав сильно сократился.

Заседание состоялось, как всегда, на втором этаже главного здания института. Прежде на заседаниях мы с удовольствием перебрасывались глупыми веселыми шутками — что, например, случится, если предсказывать молодоженам день развода. Теперь же атмосфера была совершенно другой. Сначала поднялся чиновник Статистического управления, некий Томоясу, взявший на себя функции распорядителя.

— Данная комиссия,— сказал он,— сохраняет прежнее название, но характер ее будет отныне совершенно иной. Настоятельно прошу иметь это в виду. Заинтересованные правительственные круги пришли к единогласному мнению, что этап предварительных исследований закончен и право составления программ следует вновь, на этот раз со всей ответственностью, возложить на данную комиссию. Это означает, что без специального разрешения данной комиссии включать машину-предсказатель отныне запрещается. Самостоятельность поощряется и уважается на этапе исследовательском, но коль скоро мы вступили в этап практического применения, необходимо точно определить, кто несет всю ответственность... Вот в таком плане. Да, прошу принять во внимание еще следующее. Отныне и впредь наши заседания будут проводиться в закрытом порядке.

Затем встает какой-то долговязый тип. Я вижу его впервые. Он назвал себя и перечислил свои степени и звания, но я не расслышал. Кажется, он что-то вроде секретаря министра. Нервно ломая свои длинные пальцы, он говорит:

— Если взглянуть на последнее выступление «Москвы-2», то нетрудно усмотреть в нем, как это и отмечалось в американском заявлении, некий политический замысел... Ну вот, например, можно рассудить таким образом... Вначале они разожгли наше любопытство своей «Москвой-1» в расчете на то, что мы из чувства соревнования вынуждены будем строить свою собственную машину-предсказатель. Так оно и случилось... (Интересно, какого черта он пялит на меня глаза?) И когда мы вступили в этап практического применения, вот тут-то они нас и ловят. Ловят хитроумно, политически... Раз они делают политические предсказания, то получается, будто и нам стыдно не делать таких предсказаний: это произвело бы дурное впечатление. В результате мы можем поздравить себя с тем, что своими руками весьма ловко завели у себя шпиона. Я имею в виду машину-предсказатель. Мне хотелось бы, чтобы все хорошенько подумали об этом. Чтобы нам не зазеваться и не попасть в ловушку. Хочется, чтобы вы как следует осознали это...

Я потребовал слова. Директор с беспокойством поглядел на меня.

— А как с проектом программы,— сказал я,— который выработан прежним составом комиссии? Можно надеяться, что мы утвердим его?

— Это какой?..— Долговязый заглядывает в бумаги Томоясу.

— Их было три...— Томоясу растерянно листает бумаги.

— При чем здесь три? Я говорю о первом, который разработан и принят. Проблема цен и стоимости труда в соответствии с темпами механизации. Остается только выбрать для контроля предприятие и...

— Погодите, погодите, сэнсэй, — прерывает меня Томоясу.— Право принимать решения комиссия получила только с нынешнего заседания. То, что было раньше, соответственно утратило силу...

— Но у нас уже все подготовлено!

— Нет, это не пойдет,— говорит долговязый.— Этот проект мне не представляется удачным. Слишком велик риск. Есть возможность связать этот вопрос с политической проблематикой, вы понимаете...

Он засмеялся, сжимая губы, и вслед за ним дружным смехом разразились остальные члены комиссии. Не понимаю, что тут смешного. Настроение у меня окончательно испортилось.

— Ну вот видите, вы не понимаете. Да ведь это же все равно, что признать победу «Москвы-2»!

— Вот именно! Этого они только и добиваются. С ними надо держать ухо востро...

Все снова расхохотались. Ну и комиссия! Сборище идиотов каких-то. Впрочем, мне больше не хотелось протестовать. Терпеть не могу политики. Но если провалился первый проект, надо взамен его немедленно выдвинуть новый.

— Тогда остановимся на втором проекте? Занятость населения через пять лет, в случае если состояние денежного обращения не изменится...

— Это тоже не пойдет,— сказал долговязый и поглядел на остальных членов, как бы заручаясь их поддержкой.

— Ну, знаете, вопросов, не связанных с политикой, вообще, наверное, нет.

— Вы так думаете?

— А вы?

— Вот нам и хотелось бы, сэнсэй, чтобы вы об этом подумали... Мы ведь понятия не имеем, что можно, а чего нельзя с машиной-предсказателем...

— Ну хорошо, а третий проект? Прогноз результатов очередных парламентских выборов...

— С ума можно сойти... Из всех ваших проектов это самый невозможный!

— Простите,— сказал член комиссии, до того все время молчавший.— До меня никак не доходит одно обстоятельство. Человек, само собой, поступит по-разному в зависимости от того, знает он предсказание или не знает. Так вот, разве исполнится предсказание, если о нем всех оповестить?

— Я уже двадцать раз объяснял все это прежнему составу комиссии,— сказал я.

Видимо, я говорил не очень приветливо, и роль лектора поспешно берет на себя Томоясу.

— В этом случае делается новое предсказание, учитывающее, что люди действуют, зная первое. То есть делается предсказание номер два... В случае, если и оно опубликовано, делается предсказание номер три... И так сколько угодно, до бесконечности... Последним будет так называемое предсказание максимальной оценки. Считается, что действительности будет соответствовать оценка среднего арифметического от последнего и первого предсказаний.

Болван слушает и кивает, обернувшись ко мне, всячески демонстрируя свое восхищение.

— Надо же, ну кто бы мог подумать!..

Директор института не выдержал.

— Послушай, Кацуми-кун, — прошептал он мне.— Может быть, взять какие-нибудь природные явления?

— Прогнозами погоды пусть занимаются метеорологи. Это же очень просто — пусть подсоединят свои счетные машины к нашей машине, только и всего.

— Вот я и говорю, может быть, взять что-нибудь посложнее.

Я молчал. Нет, на такое унижение я не мог пойти ни в коем случае. Как бы я потом объяснил его Ёрики и другим сотрудникам? Разве мог я сказать им, что вся информация, которую мы собирали в течение полугода, пошла коту под хвост? Вопрос не в том, хорошо или плохо заниматься предсказаниями явлений природы. Вопрос в том: куда будут направлены возможности машины-предсказателя, нашего детища.

Заседание закрыли с тем, чтобы я, учтя все предупреждения и пожелания, подготовил к следующему заседанию новый проект. После этого комиссия стала собираться через каждую неделю, причем с каждым заседанием число присутствующих все уменьшалось, пока на четвертое заседание не явились всего трое — Томоясу, я и тот долговязый тип. И это вполне естественно. Только кретин не впал бы в уныние на наших тоскливых сборищах, похожих на допросы с намеками и недомолвками.

У Ёрики такое поведение членов комиссии с самого начала вызвало открытый протест. Он считает, что все это отговорки, а на самом деле они просто боятся политических прогнозов. Впрочем, даже выражая недовольство, он остается прекрасным работником. (При случае обязательно покажу ему, как высоко его ценю.) Мы все бились над проектом программы, который понравился бы комиссии. Перед заседаниями иногда приходилось работать по ночам.

Но чем больше мы работали, тем яснее осознавали, что вещей и явлений, не имеющих отношения к политике, не так уж много. Пожалуй, что вообще нет. Положим, мы собираемся сделать предсказание относительно площади обрабатываемой земли. Но сюда немедленно впутывается проблема классового расслоения деревни. Берем сеть автомагистралей по всей стране через несколько лет и немедленно задеваем проблемы, связанные с государственным бюджетом. Не стоит вспоминать все примеры один за другим, но все двенадцать проектов, предложенных мною на рассмотрение, были отвергнуты.

В конце концов я выбился из сил. Политика — это вроде паутины: чем больше стараешься от нее избавиться, тем сильнее она опутывает. Я не собираюсь вторить Ёрики, но не пора ли в самом деле разок показать зубы?

Сегодня я демонстративно отправился на заседание с пустыми руками. Хватит с меня проектов. При этом, конечно, не забыл напомнить Ёрики:

— Имей в виду, на политику мне в высшей степени наплевать. Не в пример тебе.

И вот, как вы уже видели, вернулся с этого заседания совершенно разбитый.

5

Зазвонил телефон. Говорил член комиссии Томоясу.

— Сэнсэй?.. Простите, я тогда немного... В общем, я сейчас посоветовался с начальником управления... (Врешь, ведь еще и тридцати минут не прошло!) Как бы вам это... Одним словом, если вы завтра до полудня не представите какой-нибудь новый план, то боюсь, все будет кончено...

— Как кончено?

— Завтра нам предстоит доклад на внеочередном заседании кабинета.

— Вот и передайте им, что я вам говорил...

— Видите ли, сэнсэй, не знаю, известно ли вам это, но есть мнение совсем закрыть работу с машиной...

Так вот до чего мы, оказывается, донатянулись!.. Что же, покориться и раз в неделю высасывать из пальца ни на что не годные планы? Да нет, теперь, наверное, и это уже не поможет. Или стереть память машины, вернуть ее в первоначальное девственно-идиотское состояние и уступить место кому-нибудь другому?..

Я снова взглянул на папки с вырезками, поднялся и оглядел машинный зал. Папки просят заполнить в них пустые места, а машина томится от избытка сил. «Москва-2» больше не озорничает, не задевает предсказаниями другие страны, но у себя в стране, говорят, дает потрясающие результаты. Не понимаю... Неужели машина-предсказатель может быть полезна только коммунистам?.. Или это я уже барахтаюсь в сетях психологической войны?..

Жарко... Страшно жарко... Я больше не мог сидеть на месте и отправился на первый этаж в отдел информации. Едва я вошел, разом смолкли спорящие голоса. Лицо Ёрики от замешательства пошло красными пятнами. Конечно, как всегда, обличал меня.

— Ничего, продолжайте...— сказал я и опустился на свободный стул. Затем добавил резко, не так, как собирался произнести это:— Работу закрывают... Только что звонили...

— Что такое, в чем дело?— воскликнул Ёрики.— Что сегодня было на заседании?

— Ничего особенного... Как всегда, болтали, только и всего.

— Не понимаю... Вы признали, что не уверены насчет политических прогнозов?

— Ерунда. Уверенности у меня хоть отбавляй.

— Тогда что же? Боятся положиться на машину?

— Именно так я им и сказал... Тогда эти приятели заявили, что не могут полагаться на то, что еще не опробовано...

— Так давайте опробуем!

— Это не так просто, как кажется...— холодно говорю я.— Вот ты, по-видимому, действительно полагаешь, будто политику можно предсказать. Насквозь коммунистический образ мыслей.

Даже Ёрики в изумлении прикусывает язык. Почему он молчит? Это не мои мысли, я хочу, чтобы он возражал, протестовал, ожесточился! Но он молчал, и я окончательно вышел из себя.

— Вообще я не знаю... Предсказывать будущее, наверное, с самого начала было напрасной затеей... Например, человек все равно знает, что умрет, так какой смысл в предсказаниях?

— Смерти хочется избежать, если это не смерть от старости,— сказала Кацуко Вада.

Эта девица иногда кажется воплощением посредственности. А временами она необычайно привлекательна. Ее внешность портит черное родимое пятно на верхней губе.

— А если узнаешь, что избежать не удастся, тогда как? Будешь счастлива?.. Как ты полагаешь, стала бы ты из кожи вон лезть, чтобы построить машину, если бы заранее знала, что работать тебе все равно не дадут?

— Они действительно хотят сделать это, сэнсэй?

Неизменный тон Ёрики.

— Давайте плюнем на них, пустим машину на полную мощность, а потом сунем им под нос готовые результаты.

Это Соба, его подпевала, в своей обычной роли.

— Результаты будут, по-видимому, те же, что в Советском Союзе.

— Неужели?— сказала Вада.

— А что такого,— сказал Соба.— Пусть.

— Даже вот как? Гм... Впрочем, среди вас вряд ли есть коммунисты...

— Что вы этим хотите сказать, сэнсэй?

Мне вдруг надоел этот разговор.

— ... как говорят наши приятели в комиссии. Мне-то это совершенно безразлично.

Все с облегчением смеются.

— Я так и знал!

— Ой, сэнсэй, как вы нас разыграли!

— А о том, что нас закрыть собираются,— это тоже шутка?

Я встал, туманно усмехаясь. Мне было стыдно за себя. Ёрики чирикнул и протянул мне спичку, и я вспомнил, что держу сигарету. Я проговорил тихо, чтобы слышал только Ёрики:

— Потом поднимись на второй этаж...

Он встревоженно заглянул мне в глаза. Кажется, он сразу понял, что я задумал...

6

— Ты понимаешь?.. Меня вдруг осенило, когда я разговаривал с вами внизу...

Как зловеще гудит вентилятор!

— Я так и подумал. Мне почему-то тоже как раз это пришло в голову.

— Тогда за дело. Только имей в виду: работать придется всю ночь. Я хочу, чтобы об этом пока никто не знал...

— Разумеется.

Мы сняли с полки наши папки, распотрошили их и принялись приводить вырезки в удобопонятный для машины порядок. Нам предстояло ввести содержание вырезок в память машины.

— Эта идея несколько раз брезжила в моей голове, но я никак не мог ухватить ее... То мне чудилось, будто машина включается сама собой. А то сегодня я минут десять глядел на эти папки, и в воображении возникали всякие фантазии... Словно в мозгу что-то дразнится, мелькает, вот-вот, кажется, поймаю... и все пропадает.

— В подсознании?..

— Вероятно. Но ничего, вот машина осознает свое положение, тогда не нужно будет больше ломать голову, как раньше. Машина сразу научит, что делать, сразу подскажет, к чему ты стремишься, и не нужно будет больше блуждать в подсознании...

— Только хватит ли ей информации для такого уровня в этих вырезках?

— Да, вероятно, понадобится много дополнительных разъяснений. Мы дадим их на пленке...

Вада принесла нам на ночь бутерброды и пиво.

— Больше вам ничего не понадобится?

— Ничего, спасибо.

Она ушла. Когда работаешь, время летит быстро. Девять часов вечера.

Десять часов. Иногда я брал из холодильника лед и прикладывал к глазам.

— Предсказание «Москвы-2» тоже вводить в память?

— Ну а как же, непременно вводи... Это же важнейший момент, переход от третьей папки к четвертой.

— В какую секцию вводить?

— Всю информацию от них вводи вместе, может быть, мы тогда получим какое-нибудь усредненное значение.

Результат усреднения оказался весьма многозначительным. Первый общий пункт гласил, что машина-предсказатель в Советском Союзе работает чрезвычайно активно — это мы, положим, знали и раньше, но удивило нас другое: предсказание «Москвы-2» о том, что будущее за коммунистическим обществом, подтверждалось в этом пункте с особой настойчивостью.

— Странно... Как она представляет себе коммунистическое общество?

— Видимо, какие-то общие представления у нее имеются...

— Вот что. Попробуй поискать, нет ли другой секции с реакцией на предсказание «Москвы-2».

Такая секция нашлась, и она содержала уже фундаментальное представление о коммунизме. Машина понимала коммунистическое общество следующим образом:

«ПОЛИТИКА: ПРЕДСКАЗАНИЕ».

Другими словами, последнее политическое предсказание, возможное после обнародования бесконечного числа всех мыслимых политических предсказаний, то есть политическое предсказание максимальной оценки, есть коммунизм.

— Замечательно! Значит, если мы будем пользоваться предсказывающими машинами, то коммунизм наступит, несмотря ни на что?

Это был успех, неожиданный и великолепный. Мы с новым жаром принялись за работу. Когда мы ввели в память машины содержание последних вырезок, было уже начало четвертого. Мы подкрепились бутербродами.

— Итак... какую точку зрения задать ей для составления программы?

— Точку зрения... Нет, до этого она еще не доросла. Давай лучше начнем опрос, какая ей нужна дополнительная информация, чтобы она могла ориентироваться в современных условиях.

Это нудная работа, требующая уйму времени. Своего рода испытание методом проб и ошибок, которое нужно вести без устали, почти интуитивно, на ощупь. Между тем тусклые окна пронизывает голубой оттенок. Час, когда сильнее всего ощущается усталость. Если сидеть сложа руки, то очень хочется спать, поэтому я сменил Ёрини. Когда через минуту я оглянулся, он уже спал.

Ага, машина отзывается. Какой-то неясный ответ. Сначала я не мог понять, в чем его смысл. Я попробовал отключить взаимодействующие секции. Тогда из одного вывода вышли слова «сам, лично», а из другого — слово «человек». «Сам, лично» — это, по-видимому, сама предсказывающая машина. Предсказывающая машина и человек?.. Что она хочет этим сказать? Стоп! Может быть, эта неопределенность обусловлена не скудностью информации, а взаимоотрицанием противоречащих друг другу данных? Или... Нет, не понимаю. Что же она хочет сказать?

Вдруг я спохватился. Да ведь сама неопределенность ответа и есть ответ на мой вопрос. На вопрос, который я задал... Какой же вопрос я задал? Я даже не обратил на это внимания... Да, тема программирования! И что я хотел выяснить? Все ясно... Существует ли возможность сломить сопротивление комиссии... и если существует, то какой план будет лучше всего для этой цели. Вот какая проблема.

Может быть, на этот вопрос она и отвечает. Что-то очень уж простой ответ. Предсказывание судьбы человека... Человека индивидуального, вне социальной информации, потому что для него она построена из взаимоотрицающих друг друга элементов... Предсказание индивидуального будущего!

Что же, почему бы и нет? Кажется, я недооценивал машину. Ее возможности обширнее, чем я ожидал. Впрочем, удивляться нечему. Дети приводят в изумление родителей, ученик обводит вокруг пальца наставника...

Я поспешно бужу Ёрики, и он соглашается со мной.

Действительно, это логично. Ведь политический прогноз и предсказание судьбы индивидуума в каком-то смысле противостоят друг другу. Как бы то ни было, попробовать стоит...

— Кто будет контрольным образцом?

— Спросим машину...

Но машина, казалось, не собиралась указывать нам еще и контрольный образец. Ей было все равно.

— Придется поискать самим.

— Если мы хотим начать с предсказания номер один, необходимо, чтобы объект не знал об эксперименте.

— Дело не из приятных.

— Да...

Меня наполняло радостное возбуждение. Действительно, насколько судьба живого человека интересней цифр и графиков! Нам тогда и в голову не приходило... Мы совсем не думали о человеке, о нашем ближнем, которого выберем для бесцеремонного исследования. Ничего не поделаешь, видимо, так это и должно было быть.

Я прилег, не раздеваясь, на диван и проспал около пяти часов.

Около полудня я позвонил Томоясу.

В три часа пришел ответ.

— Полный успех. Правда, окончательное решение будет вынесено на следующем заседании комиссии, так что придется подождать, но к этому вашему плану даже начальник управления отнесся весьма благосклонно. Большое вам спасибо...

Мы верили в машину. Мы вообще верили в успех и не очень беспокоились. И все же я вздохнул с облегчением, когда не услышал в голосе Томоясу ноток обычной напряженности.

7

В четыре мы отправились на поиски этого мужчины. Ну, разумеется, мы не сразу решили, что нам нужен именно мужчина. Дважды бросали бумажку, на которой с одной стороны было написано «мужчина», а с другой — «женщина», и оба раза выпало «мужчина». Так получилось, что мы стали искать мужчину.

— Сколько, оказывается, мужчин на свете... Кого же выбрать?

— Мы как лисы в стаде овец.

— Глаза разбегаются. До чего жаль, что нам не женщина нужна...

— Ничего, и до женщин еще доберемся.

Вначале мы просто беспечно прогуливались. На метро и на электричке добрались до Синдзюку. Постепенно это стало надоедать.

Нет, так не годится... Определим, какой именно человек нам нужен...

— Какой именно? Может быть, такой, который долго проживет?

— Такой, которого не раскусишь с первого взгляда.

— Значит, он должен быть очень обыкновенный, ничем не примечательный на вид.

Но людей обыкновенных, ничем не примечательных на вид слишком много. Рисковать не хотелось. Около семи часов мы окончательно вымотались, зашли в маленькое кафе и сели за столик у окна.

И там мы увидели этого мужчину. Он совершенно неподвижно сидел за соседним столиком над блюдцем с мороженым, упершись взглядом в стеклянную дверь, на которой золотыми знаками было написано название заведения. Мороженое таяло и переполняло блюдце. Видимо, он заказал мороженое и сразу забыл о нем.

Я оглянулся и обнаружил, что Ёрики тоже заметил этого человека. Не знаю, сколько времени требуется порции мороженого, чтобы растаять, но зрелище это произвело на нас изрядное впечатление. На вид это был очень обыкновенный человек, но чувствовалось в нем что-то такое... Может быть, мы слишком вольно толковали внешние признаки, но нам показалось, будто эта маленькая подробность, это блюдце с нетронутым растаявшим мороженым является безошибочной приметой нужного для опыта человека.

Ёрики толкнул меня под локоть и показал взглядом. Я кивнул в ответ. Подошел официант за заказом. Ёрики спросил какой-то сок, но когда я заказал кофе, он отменил сок и тоже заказал кофе. В ожидании кофе мы не обменялись ни словом. Наши языки снова усталость и еще больше — тяжесть решения, которое нам предстояло принять. Но ведь нам было все равно, кого выбрать. Пусть это будет человек самый обыкновенный, самый средний, только с какой-нибудь маленькой характерной особенностью. Но разве узнаешь без расследования, есть ли у человека характерная черточка? К тому же мы утомились. Ходить и колебаться, не зная, на что решиться, можно до бесконечности... И было очевидно, что если хотя бы один из нас выразит согласие, объектом нашего эксперимента неминуемо станет этот самый мужчина с блюдцем растаявшего мороженого.

Несмотря на жару, он был в отлично сшитом, хотя и несколько поношенном фланелевом костюме. И он сидел, выпрямившись, совершенно неподвижно. Бросалось в глаза только, что время от времени он менял положение ног. И еще он нервно вертел в пальцах руки, лежащей на столе, незажженную сигарету.

Вдруг загремела грубая музыка. Это какая-то девочка опустила в музыкальный автомат десятииеновую монету. Девочке было лет восемнадцать—двадцать, она была в черной юбке до колен и красных сандалиях. Музыкальный автомат находился позади нас. Мужчина испуганно обернулся на шум, и мы в первый раз увидели его лицо. Какое-то строгое и вместе с тем нервное, с запавшими глазами, оно плотно прилегало, словно привинченное, к черному галстуку бабочкой. Этому человеку, видимо, за пятьдесят, но есть в нем что-то детское, возможно, из-за крашеных волос.

Музыка была для меня слишком вульгарной. Слух Ёрики она, однако, не оскорбляла, он даже принялся отстукивать ритм кончиками пальцев. У него даже выражение лица смягчилось. Отхлебнув кофе, он придвинулся ко мне и сказал:

— Вот человек, который нам нужен. Как вам кажется, сэнсэй? В нем что-то есть, а?..

И вот тут я вдруг усомнился. Я только молча пожал плечами в ответ. Нет, это не был глупый каприз. Просто я ощутил внезапно прилив какого-то неопределенного отвращения. Одно дело — мысленно планировать предсказание судьбы какого-то абстрактного, неведомого лица, эксперимент при этом представляется великолепным и значительным. И совсем другое дело — увидеть этого человека, этого будущего подопытного кролика собственными глазами. Да полно, есть ли смысл в нашей затее? Вчера ночью я был страшно утомлен. Что, если предложение машины мы истолковали неправильно? Что, если я утвердился в своем истолковании потому только, что рядом был Ёрики, который сразу со мной согласился? А вдруг я истолковал не предложение машины, а собственные свои переживания, от которых не знал, куда деваться? Переживания, вызванные нажимом комиссии... Истолковал так, как мне было удобно...

Ёрики озадаченно прищурился.

— Что случилось, сэнсэй?..— прошептал он.— Это же заказ машины... Ведь этим планом мы добились согласия Томоясу...

— Неофициального согласия. Что еще скажет комиссия...

— Глупости! — Он вытянул губы.— Было ясно сказано, что начальник управления одобрил. Что вам еще надо?

— Как ты не понимаешь? Ведь до следующего заседания он может двадцать раз изменить это свое мнение. Что с того, что наш план не связан с политикой? Они не станут тратиться на бесполезные для себя вещи. Не забывай, что проблема комиссии есть прежде всего проблема бюджета. Это не детская болтовня о том, что кому нравится и что кому не нравится.

— Тогда почему машина дала такой заказ?

— Боюсь, что мы были утомлены и неправильно его истолковали.

— А я вот так не думаю!— Разгорячившись, Ёрики взмахнул рукой и опрокинул стакан с водой. Вытирая платком брюки, он продолжал:— Мне кажется, что предложение машины попытаться предсказывать будущее индивидуумов бьет прямо в цель. А вдруг мы получим иной вывод, нежели предсказание «Москвы-2»?

— Ничего подобного машина не говорила.

— Ну, разумеется, нет. Я и сам не очень-то верю в такую возможность. Я просто хочу сказать, что мы имеем шанс получить согласие комиссии, если умненько на эту возможность намекнем... К тому же откроются и совершенно конкретные перспективы. Если наш эксперимент окажется успешным и мы выработаем какие-то общие приемы для предсказания индивидуального будущего, то можно будет, например, на основе обзора прошлой и будущей жизни преступника выносить идеальные приговоры... или даже вообще предотвращать преступления. Можно будет давать брачные советы, определять профессиональные способности, ставить диагнозы... а в случае необходимости предсказывать и сроки смерти...

— Это еще для чего?

— А как же? Представляете, как возликуют страховые компании?— Ёрики победоносно рассмеялся.— Вы только возьмите на себя труд хорошенько подумать, и вам откроются такие пути применения... Я, во всяком случае, считаю этот наш план чрезвычайно перспективным.

— Да, пожалуй, ты прав... Да и я, в общем, не сомневался в суждении машины.

— Тогда в чем же дело?

— Да так, ни в чем... Ничего особенного... Послушай, однако, вот если бы объектом эксперимента выбрали тебя, как бы ты себя чувствовал?

— Я не гожусь. Я ведь знаю о машине, и эксперимент получился бы нечистым.

— Предположим, что ты не знаешь о машине.

— Тогда мне было бы все равно. Я был бы совершенно равнодушен.

— Ой ли?..

— Конечно, равнодушен... Слушайте, сэнсэй, вы просто переутомились.

Да, возможно, я переутомился. Неужели машина оставит меня? Неужели Ёрики обгонит меня? Нет, этому не бывать...

8

Минут через двадцать после того, как мы допили свой кофе, человек наконец поднялся. Видимо, тот, кого он ждал, так и не появился... Немного спустя мы тоже вышли из кафе.

На улицы спускались сумерки. Казалось, будто суетливый людской муравейник тщится оттеснить надвигающуюся ночь, возведя на ее пути вал из пылинок искусственного света.

У человека такой вид, будто ничего особенного не произошло. Выйдя из кафе, он четким шагом направляется по узкому переулку к трамвайной линии. Судя по походке, он здесь не впервые. По обе стороны переулка тянутся ряды дешевых кабачков; мужчины и женщины в странных и нелепых одеждах надрываются от крика, зазывая гостей в свои заведения. Деловая поступь мужчины производит здесь впечатление, тем более что и внешность его не соответствует духу этих кварталов.

Дойдя до трамвайной линии, он внезапно повернулся к нам лицом. Я растерялся и остановился, как вкопанный, но Ёрики подтолкнул меня и шепнул:

— Нельзя! Он же сразу заметит вас!

Тут на нас с воплями набросились женщины-зазывалы. Спасаясь от них, мы пошли прямо на мужчину, попрежнему столбящего лицом к нам. Но он не заметил нас, словно глубоко о чем-то задумался. Мельком взглянув на часы, он двинулся обратно, нам навстречу. Зазывалы словно только того и ждали: они завопили так пронзительно, что у меня одеревенели щеки.

Мужчина вернулся в кафе, но тот, кого он ждал, видимо, не пришел. Тогда он вновь зашагал по переулку к трамвайной линии. На этот раз зазывалы к нам не обращались. Кто-то даже плюнул мне вслед. Наверное, они решили, что мы сыщики. Никто не любит сыщиков. Я сказал:

— Этот человек тоже окажется в тюрьме... правда, он не будет знать об этом...

— Если уж так говорить, то каждый человек заперт в тюрьме.

— Как это?

— А разве нет?..

Выйдя к трамвайной линии, мужчина повернул на юг. Мы миновали дощатый забор, за которым возводилось какое-то здание. Света там не было. Через два квартала мужчина перешел на другую сторону и повернул обратно. Пройдя мимо уже знакомого нам переулка, он вышел на улицу, ярко освещенную гирляндами фонарей, и свернул направо. Там, в тупике, сгрудились крошечные кинотеатрики. Дойдя до них, человек снова повернул назад.

— Он просто бесцельно кружит по городу

— Наверное, разволновался. Тот, кого он ждал, не пришел.

— Тогда почему у него такая походка?.. Интересно, кто он по профессии?

— Гм...— Как раз в ту минуту я тоже размышлял об этом. Ясно, что он привык быть на виду у людей. Долгое время служит в одном и том же учреждении, и служба у него такая, где приходится непрерывно следить за своей внешностью.— Знаешь, мне кажется... Ты полагаешь, что у нас есть право заниматься такими делами?

— Право?..

— Да, право... Врачу, например, не разрешается производить эксперименты на живых людях. А если мы совершим оплошность, это будет похуже неудачной операции. Ты понимаешь меня?

— Вы преувеличиваете, сэнсэй. Если мы сохраним все в тайне, клиент ничуть не пострадает.

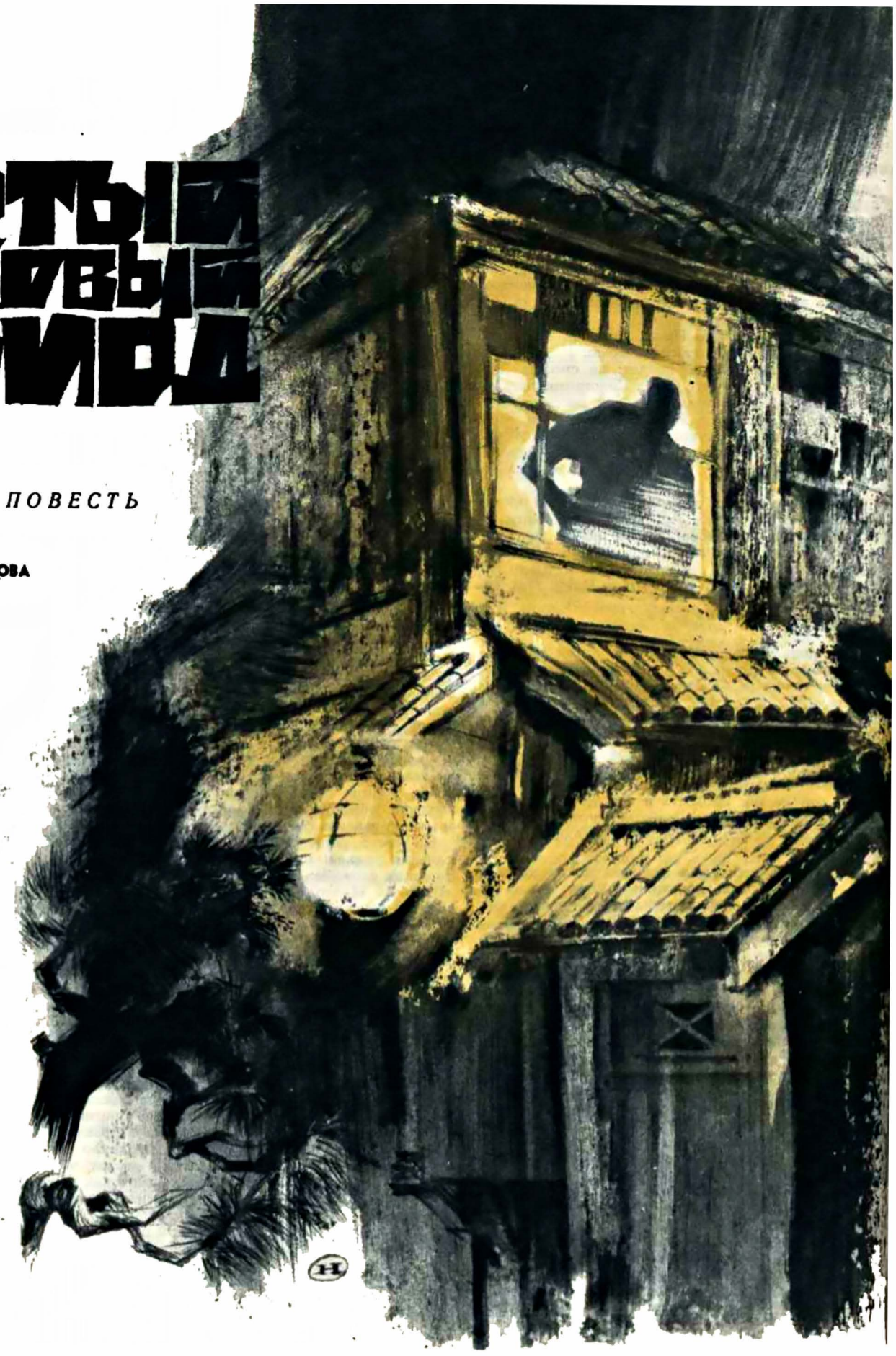
— Так-то оно так... Но я на месте этого человека в бешенство бы пришел.

Ёрики молчит. Мои слова, видимо, не трогают его. Да и с какой стати? Пять лет мы проработали с ним бок о бок, и он видит меня насквозь... Он знает, что я не собираюсь ни перед кем отчитываться и ни за что на свете не откажусь от нашей затеи, что бы я ни говорил. Даже если бы машина заказала нам убийство, я бы, вероятно, убил... Плакал бы, страдал, но убил. Вот идет перед нами и несет какую-то свою крошечную тайну этот обыкновенный человек средних лет и не знает, что с его будущего, со всей его жизни будет содрана кожа. Я ощутил мучительную боль, словно кожу сдирали с меня самого. Но отказаться от моей машины было бы во много раз страшнее.

(Продолжение следует.)

КОБО АБЭ

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД



ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с японского С. БЕРЕЖКОВА

9

Человек водил нас за собой весь вечер. Все той же походкой чиновника, спешащего по коридорам учреждения с папкой под мышкой, он без конца шагал по одним и тем же улицам. Раз он кому-то позвонил по телефону, дважды зашел в заведение «патинко», где один раз пробыл четверть часа, а второй раз двадцать минут. Больше он нигде не останавливался. Мы пришли к предположению, что здесь, видимо, замешана женщина. Она обещала прийти и не пришла. Действительно, в таком возрасте... мне самому вот-вот будет столько же... человек оставляет надежду на счастливый случай. Ничего неожиданного для него на свете не остается. И у него больше нет необходимости зря тратить энергию на бесцельное блуждание по улицам. Одна только женщина вносит поправку в эту закономерность. Человек становится смешным и банальным.

В конце концов наши предположения оправдались. На свете редко случаются неожиданности. Около одиннадцати он зашел в магазин, позвонил по телефону-автомату и коротко с кем-то поговорил. (Ёрики ухитрился подглядеть и записать в блокнот номер телефона.) Затем человек сел в трамвай и сошел на пятой остановке. Вот, оказывается, куда он направлялся — в небольшой меблированный дом на задах торговой улицы. От остановки туда было метров пятьдесят по переулку на склоне холма.

Человек останавливается у ворот и некоторое время в нерешительности оглядывается по сторонам. Мы тем временем покупаем сигареты в лавочке на углу. (За этот вечер я купил уже десяток пачек сигарет.) Наконец человек входит в дом. Следом за ним немедленно входит Ёрики. Он должен узнать, в какую комнату вошел человек, и прочесть на двери табличку с именем. В случае, если его заметит хозяин дома, он должен дать денег и обо всем расспросить. Я остаюсь у ворот и рассматриваю дом. В окнах трех комнат нижнего этажа за занавесками горит свет. В окнах второго этажа, в том числе в окне над подъездом, света нет.

Проходит некоторое время. Затем в крайнем окне второго этажа вспыхивает свет. На мгновение. Мелькает огромная тень человека, и свет гаснет снова. Из подъезда босиком, с туфлями в руках, выбегает Ёрики.

— Табличку на двери видел... имя женское, как мы и думали... Тикако Кондо...— Он обувается, тяжело переводя дыхание, присев на корточки в тени ворот.— Прямо мороз по коже... впервые в жизни такое...

— Это там на секунду свет зажегся?

— Ну да, там... И еще слышно было, как упало что-то тяжелое...

— Вон в той крайней комнате.

— Ага, вы тоже видели?

— Странно как-то... На секунду вспыхнул и больше не загорается.

— Что тут странного? Дорвался до девки...

— Хорошо, если так. Я все боюсь, не заметил ли он нас.

— Едва ли... Нет, этого быть не может... Он бы где-нибудь запутал нас и бросил, а не привел бы сюда.

Мне, однако, стало как-то не по себе. Мы поставили перед собой задачу установить имя и адрес этого человека, но ведь теперь все изменилось. Сторожить его здесь не имело смысла: он мог остаться ночевать. Мы оба почти не спали со вчерашнего дня. Вдобавок мы ведь не решили еще окончательно, что именно он будет объектом эксперимента. Если это окажется удобным, можно будет основным объектом взять женщину, а его рассматривать как объект вспомогательный... Я изложил Ёрики эти соображения, и он согласился.

— Вот мы и добрались до женщин, правда, сэнсэй?

— В конце концов их примерно столько же, сколько мужчин.

Итак, мы временно отступили. Дойдя до проспекта, я простился с Ёрики и вернулся домой, еле держа на плечах ноющую от утомления голову. Жена рассказывала что-то о том, как подрался в школе наш сын, но я слушал вполуха, то и дело, словно в узкую темную щель, проваливаясь в дремоту...

10

На следующий день я, разумеется, проспал и явился в институт в одиннадцатом часу.

Вчера я... Не могу объяснить это толком даже себе. Одним словом, работа над проектом, приемлемым с точки зрения комиссии, представлялась мне вчера так. Мы разрабатываем этот проект вдвоем с Ёрики, тщательно скрывая это от остальных. Затем комиссия официально утверждает проект, и тогда — только тогда мы доводим его до сведения всех сотрудников. Именно поэтому я позволил себе вчера пуститься в эту авантюру с единственным помощником. Играло здесь какую-то роль и то обстоятельство, что проект касался на этот раз всего-навсего одного человека, величины, по моему мнению, не заслуживающей всестороннего исследования. И только ночью я понял, что скорлупой, обволакивающей частную жизнь человека, пренебрегать нельзя. Будь у нас время, нетрудно было бы разработать обширный проект, но до следующего заседания ко-

---

Продолжение. Начало см. в № 1.

миссии остается всего пять дней. Вдобавок для того, чтобы проект приняли наверняка, лучше представить его дня за два до заседания. Если нынешний проект не пройдет, положение наше вновь ухудшится. Во всяком случае, работа будет закрыта — хотя бы временно.

По дороге в институт я понял, что план действий надо изменить. Я решил официально объявить о своих намерениях всем сотрудникам и взяться за дело объединенными силами. Если разъяснить им суть положения, они не разгласят тайну. Я разделю их на две группы. Одна занимается женщиной, другая берется за мужчину, каждый сотрудник знает свои обязанности и выполняет их быстро и точно. Информация, которая будет собрана в ближайшие два дня, позволит определить последующее направление работы и новые возможности. И самое главное — провести проект через комиссию.

Прежде чем пройти к себе, я заглянул в отдел информации и спросил, где Ёрики. Мне ответили, что Ёрики давно уже ждет меня в машинном зале наверху.

— Позовите всех и соберитесь наверху, мне надо поговорить с вами,— сказал я и поспешил к Ёрики.

Он сидел перед пультом, положив локти на панель управления. Странно, он даже не поздоровался. Он только как-то жестко взглянул на меня и сказал, не двигаясь с места:

— Что же мы будем теперь делать, сэнсэй?

— То есть?

— Как вам нравится эта чертовщина? — Он щелкнул пальцем по газете, разостланной на коленях.

— Постой, о чем ты говоришь? Ёрики озадаченно поднял голову.

— Вы что, сэнсэй, газет еще не читали?

На лестнице загремели деревянные каблуки. Это поднимались сотрудники из отдела информации. Ёрики вскочил и уставился на меня.

— Это еще что такое?

— Я велел им собраться, хочу распределить работу...

— Вы что, с ума сошли? Читайте! — Он сунул мне в руки газету, распахнул дверь и грубо заорал в коридор:

— Куда лезете? Сейчас не время! Идите, позову, когда освободимся!..

Кацуко Вада звонко крикнула в ответ что-то язвительное. Я не расслышал, что именно. Мне уже было не до этого. Я стоял, вперив глаза в газету, читая и перечитывая заметку, обведенную красным карандашом, и мне казалось, будто воздуха вокруг меня становится все меньше и меньше.

«ЗАВЕДУЮЩИЙ ФИНАНСОВЫМ ОТДЕЛОМ ЗАДУШЕН ЛЮБОВНИЦЕЙ. Вчера, одиннадцатого, около полуночи, заведующий финансовым отделом фирмы «Есиба-сёдзи» г-н Сусуму Тода, 58 лет, известил свою любовницу Тикако Кондо, 26 лет, проживающую в номере 6-м меблированных домов «Мидори», район НН, Синдзюку, Токио, был ею избит, а затем задушен. Означенная Тикако Кондо добровольно явилась в ближайшее полицейское отделение, где заявила, будто совершила убийство в целях самообороны, когда г-н Тода набросился на нее за то, что она поздно вернулась домой. Г-н Тода прослужил в названной фирме тридцать лет, его сослуживцы единодушно говорят, что ничего подобного от такого достойного человека они не ожидали».

Пока я медленно, раз за разом перечитывал заметку, Ёрики терпеливо ждал.

— Вот какие дела, сэнсэй...— сказал он, когда я поднял на него глаза.

В крайнем окне вспыхнул свет, и мелькнула огромная тень человека...

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Со лба у меня скатилась капля пота, упала на заметку и расплылась. Я сказал:

— А что другие газеты?..

— Я купил пять разных, но здесь подробнее всего...

— Да... Жаль, конечно. Если бы мы взялись за дело месяц назад, можно было бы предсказать все это... А теперь ничего не поделаешь...

— Хорошо, если они тоже такого мнения...

— Что ты имеешь в виду? Думаешь, нам предложат предсказывать будущее мертвецов? Или играть в детективов? У нас нет на это времени.

— Я беспокоюсь о...

— А ты не беспокойся! И вообще у этого человека было слишком много тайн. В качестве объекта он все равно не подошел бы.

— Перестаньте, сэнсэй! Кого вы хотите обмануть? Не надо делать вид, будто вы ничего не понимаете. Нам известно, что по крайней мере несколько человек видели, как мы шли по пятам за этим самым Тодой. Например, хозяин табачной лавочки, где мы брали сигареты в последний раз...

— Ну и что же? Ведь преступница уже явилась с повинной...

— Вас это успокаивает?..— Ёрики торопливо провел языком по губам и заговорил возбужденной скороговоркой: — А меня вот нет. Даже из этой заметки возникает масса непонятного. Вот, например, вам не представляется странным это убийство, последовавшее за избиением? Вспомните молоденькая женщина, ну, пожурили ее за то, что поздно вернулась, и вдруг...

— Она, вероятно, ударила его, он взбесился, а она испугалась и нечаянно убила.

— Едва ли... Чтобы молодая женщина могла убить разозленного мужчину? Ну хорошо, пусть даже будет так. Но вы, вероятно, помните, сэнсэй, как это было. Он вошел в комнату, сейчас же на секунду зажегся свет, упало что-то тяжелое, и снова свет погас. Помните, сэнсэй, вы говорили, что видели в окне тень человека? Так вот, я тоже видел тень человека, только не в окне, а на стеклянной двери. Странно, не правда ли? Вспыхивает лампа, и человек отбрасывает тень одновременно на дверь и на окно напротив. Непостижимо... Остается предположить, что в комнате было два человека.

— Значит, женщина была уже дома?

— Нет. Из заметки видно, что женщина явилась домой после мужчины.

— Вовсе нет... Впрочем, здесь написано как-то неясно. Можно понять и так и этак...

— А я своими глазами отчетливо видел, как этот Тода сам отомкнул дверь ключом. Вдобавок я проверил номер телефона, по которому он тогда звонил. Все точно, это номер телефона в том самом доме. Он звонил, чтобы узнать, пришла ли уже его любовница. И, судя по его поведению, ему ответили, что ее еще нет.

— Она могла вернуться после его звонка, но до его прихода.

— Тогда почему в комнате не было света?.. Кто упал?.. Почему свет зажегся только на секунду и сразу погас?

— Не понимаю, что ты хочешь сказать. Во всяком случае, раз уж она пришла с повинной...

— Не верю, чтобы в полиции все были болванами. Кто-нибудь из нижних жильцов мог заметить время, когда послышался звук падения. Кто-нибудь из соседей мог засвидетельствовать, что света в комнате не было. Возможно даже, что следы на горле удушенного покажут, что это сделала не женщина. А как только появятся сомнения, будет проведено тщательное расследование. Следы ног в носках на полу в коридоре... Отпечатки пальцев на двери... Подозрительные сыщики, преследовавшие жертву накануне...

— Постой... Ты, что же, оставил там отпечатки пальцев?

— В том-то и дело... Разве я знал, что так получится?

— Ага... Да... Постой, однако же, ну пусть даже так. Ведь все выяснится, едва нас проверят... Глупости, глупости! И стимула к убийству нет никакого, не так ли? Пусть подозревают на здоровье, доказательств-то никаких нет!

— Все это так. Но если будут подозревать, то будут и расследовать, понимаете, сэнсэй? И пока эти идиоты не уяснят досконально сущности нашей работы...

— Ох, как скверно!

Да, теперь я понял. Он заметил, что я понял, и несколько смягчил тон.

— Ужасно скверно, сэнсэй. В первую очередь пронюхает пресса. Об убийстве сразу забудут и примутся расписывать нашу деятельность. Мы-то можем себе представить, какими красками они будут расписывать: «Растоптано достоинство личности», «Кошмар машинного века»... И все такое прочее...

Тут он спохватился и замолчал. Вероятно, он вспомнил мои вчерашние сомнения и испугался, что причиняет мне двойную боль.

— Кажется, ты прав. Мы должны срочно продемонстрировать практическую пользу, дать какой-нибудь впечатляющий результат, иначе нашу деятельность сочтут общественно опасной... А если хоть кто-нибудь выскажется в таком духе, все пропало. Комиссия и без того трясется от страха, как бы чего не вышло. Она воспользуется первым же подходящим предлогом, чтобы поскорее разделаться с нами... Но ты молодчина, я и не подозревал у тебя таких способностей. Тебе бы детективом быть. Или адвокатом.

— Да нет, сэнсэй, я ведь тоже не сразу пришел к такому выводу. Просто мы столько времени следили за ним, потом я стоял там за дверью... От всего этого у меня осталось впечатление чего-то зловещего, и когда я прочел эту заметку, то сразу инстинктивно почувствовал: нет, убила не женщина, там был кто-то другой. Ну, а раз так, то подозрение прежде всего падет на нас. И если мы дорожим нашей работой, пятиться нельзя. Остается только упредить их и ударить первыми.

— Ударить... гм...

— Да, поэтому дела с комиссией надо уладить прежде, чем нанесут удар они.

— Я думаю, это будет нетрудно, если действовать через Томоясу... Но чтобы никаких признаков робости! Твердо стоять на своем: это-де необходимо для разработки проекта.

— Правильно, сэнсэй. Да и за объяснениями нам лезть в карман не придется. Вот, например, скажем, есть сейчас свежий, с иголочки, труп.

— Труп?

— Да. Материальное воплощение вывода машины относительно будущего. Я слыхал, что у мертвецов, которых хранят должным образом, нервная система живет целых три дня после клинической смерти.

Словно вдруг пришло утро на улицы моего мозга, распахнулись двери, и клеточки энергично принялись за работу. Ёрики опять утер мне нос. Ну что за пройдоха! Впрочем, обижаться не приходится. Придет время, и он заменит меня.

— Неплохо. И даже не в качестве предлога неплохо. Это по-настоящему любопытный замысел... Нет, право, начать с трупа — это отличная идея!

— Ну-ка, посмотрим. Пусть это будет первый пункт математической индукции... Далее, вторым пунктом будет женщина... А ведь отличные экземпляры подобрались, сэнсэй, а? Хотя не наша это заслуга...

— Если все пойдет хорошо, то должен оказаться еще и истинный преступник. Он что, будет третьим пунктом?

— Нет, он будет уже ступенью для практического применения. На эту приманку мы и поймаем комиссию.

11

Решение принято, теперь нужно спешить. У нас еще есть время, пока полиция не протянула к нам лапы, но необходимо немедленно принять меры, чтобы труп не отдали родственникам. Так или иначе, дорога каждая минута. И нам ни при каких обстоятельствах не обойтись без молодежи с первого этажа. Ёрики уверен, что они будут слушаться его. Всех в соответствии с наклонностями разделили на три группы: команда по трупу, команда по женщине и команда по выявлению истинного преступника. Я беру на себя расследование в целом. Было решено, что, пока я веду переговоры с Томоясу, команды окончательно оформятся, выработают план действий и будут ждать в полной готовности. Узнав, что Томоясу находится у себя, я немедленно отправился к нему.

Томоясу был очень любезен. Пока я разглагольствовал о различных возможностях, вытекающих из применения машины к предсказанию будущего отдельных людей, с лица его не сходила самая благожелательная улыбка. Наверное, он страшно доволен, что дело приняло другой оборот и ему не придется больше стоять между мною и своим начальником. Я, со своей стороны, решил продолжать разговор так, чтобы по возможности укрепить его в этом настроении. Мне кажется, что на моем лице не появилось и тени озабоченности,— я всячески подчеркивал, что мы столкнулись со счастливейшим обстоятельством. Вот тут-то, когда пришлось заговорить о трупе и полиции, Томоясу перестал улыбаться и снова стал сух и сдержан, как всегда. С таким чувством, словно мне предстояло переправиться через бурный поток, я изо всех сил навалился на руль нашей

беседы. Не жалея красок, я расписывал сияющие перспективы применения машины-предсказателя для предотвращения преступлений. Ни малейшего намека на то, что полиция может заинтересоваться нами самими. Я сражался более часа и в конце концов победил. Он решился.

Нет, решился он не на переговоры с заинтересованными инстанциями. У него и прав-то на это не было. Просто я уговорил его доложить содержание нашей беседы начальнику статистического управления. Затем я в течение часа упражнялся в красноречии перед этим самым начальником. В отличие от Томоясу начальник на протяжении всего разговора сидел с каменной физиономией. С той же каменной физиономией он попросил нас подождать и куда-то вышел.

Я места себе не нахожу. Мне все представляется, будто вот-вот позвонит Ёрики и сообщит, что нагрянула полиция. А вот Томоясу снова спокоен. Прежняя любезная улыбочка вернулась на его физиономию. Видимо, доволен, что передал эстафету начальству. Он пускается в пространные рассуждения о возможностях предсказывающих машин. Но он городит такие глупости, что у меня нет никакой охоты ему отвечать. И такой вот человек является ответственным членом комиссии!..

Проходит еще час... Он тянулся бесконечно, и я стал уже опасаться, что о нас вообще забыли... Наконец начальник вернулся и деловито произнес:

— Кажется, все в порядке... В общих чертах договоренность есть... Письменного отношения посылать не будем, если возникнет необходимость, сошлитесь на меня... Впрочем, я дал знать в соответствующие инстанции...

Он говорил таким равнодушным тоном, что я даже забыл, что это благоприятный ответ. Только на улице я осознаю, что теперь можно ликовать, бросаюсь искать телефон-автомат и сообщаю Ёрики об успехе переговоров. В голосе Ёрики я даже по телефону ощущаю напряженность. Оказывается, они там уже связались со счетной лабораторией госпиталя Центральной страховой компании (счетная лаборатория в госпитале — это помещение, где установлена электронная диагностическая машина), и госпиталь готов приступить к стимуляции трупа, едва он туда поступит. Я распорядился немедленно послать Собу в полицию, чтобы доставить труп в госпиталь, и повесил трубку... Внезапно я облился холодным потом. Тело пронзила острая боль, словно оно распадалось на части... Нет, это была не боль. Это было страшное возбуждение. Наконец-то начинается настоящая работа... После долгого безнадежного ожидания, когда это ожидание стало частью моей жизни, начинается наконец настоящая работа... Не это ли мы называем ощущением счастья?

12

Все подготовлено. Гудит кондиционирующая установка, и стоит войти в помещение, как от ног по всему телу распространяется приятный холодок. У нас отдельная телефонная связь со счетной лабораторией, мои сотрудники разделены на три группы, каждая группа снабжена переносным радиотелефоном и готова приступить к делу в любую минуту. Молодчина он, этот Ёрики!..

Наконец все уходят, и я остаюсь один в машинном зале ждать перед телеэкраном и тремя радиотелефонами, включенными на прием. Тихо. Слышится только монотонное бормотание машины. Сейчас я всего-навсего одна из ее деталей. Машина будет сама принимать поступающую информацию, сама будет сортировать и вводить ее в запоминающее устройство. На мою долю остаются только легкие вспомогательные операции, если машина их потребует. Но я горжусь этим. Ведь это я, и никто другой, одарил ее такими возможностями. И я с наслаждением кричу своей машине-предсказателю:

— Ты безгранично увеличенная часть меня самого!..

В три часа пятьдесят минут, на двадцать пятой минуте после ухода Ёрики и его товарищей, поступило первое сообщение — от Цуды из команды по трупу. Очень не хочется повторять это сообщение: было что-то зловещее в том, с какой точностью оправдывались предположения Ёрики. Действительно, женщина вернулась домой около полуночи, это подтверждают свидетели-очевидцы. Далее, какая-то драма имела, по-видимому, место: на затылке у женщины обнаружена рана, которую сама она себе нанести не могла, но результаты обследования трупа, а также ряд других обстоятельств заставляют усомниться в верности ее показаний. Похоже на то, что у нее был соучастник, но она не желает менять свои показания. Не исключено поэтому, что ей кто-то угрожает. По мнению полиции, разгадка преступления в подобных случаях исключительно сложна, обнаружить преступника будет трудно, однако известно, что чем тщательнее преступление спланировано, тем легче поймать виновника за хвост... (Я было заколебался. Может быть, стоит сообщить о том, чему мы были прошлой ночью свидетелями? Если все обстоит так, как утверждает полиция, то вряд ли подозрение падет на нас, людей совершенно случайных. Впрочем, я был уверен, что нам самим удастся обнаружить преступника, и потому решил пока молчать и ждать.)

Вскоре затем поступило подробное сообщение от Кимуры из группы женщины. Это были обычные данные, которыми заполняются анкеты и полицейские документы,— возраст Тикако Кондо, место ее рождения, профессия, краткая биография, характер, тип лица, даже рост, вес и тому подобное. Приводить их здесь не имеет смысла. Они настолько поверхностны, что ничем не могут помочь, когда дело идет об анатомировании человеческой личности. Все пришлось переделать заново и с самого начала и притом совсем другими методами. Вдобавок, если бы возникла необходимость, такие данные всегда можно получить в полиции. И только если бы полиция отказала, можно было обратиться за ними к знакомым женщины.

Наконец в девятом часу в госпитале приступили к стимуляции трупа. Кажется, они там считали, что не все еще для этого готово, но мы решили рискнуть, пока труп не пришел в состояние, при котором стимуляция была бы уже бесполезна. До девяти часов я принял еще несколько сообщений от сотрудников, но я опускаю их, потому что эти данные подтвердились позже в «показаниях» трупа. За час до стимуляции я имел по телевизору непродолжительную беседу с профессором Ямамото, ведущим хирургом госпиталя. Он объяснил, что их диагностическая машина способна воспроизводить и подвергать анализу лишь основные физиологические реакции, но расшифровать импульсы, запечатленные в коре головного мозга, она не в состоянии. Еще бы! Даже для нашей самопрограммирующейся машины это пока еще область неизведанного. Итак, задача машины сводится к тому, чтобы запомнить и расшифровать комбинации импульсов, возникших в коре головного мозга нашего покойника в результате различных воздействий.

13

Труп внесли в анатомический кабинет минут за десять до начала работы. Он упакован в герметический стеклянный ящик, наполненный особой газовой смесью. Препаратор действует при помощи телемеханических манипуляторов. Профессор Ямамото стоит возле ящика и дает пояснения. (Я наблюдаю всю процедуру на экране телевизора.) Включают рентгеновскую установку, и на стене справа возникает увеличенная анатомическая схема трупа. На этой схеме отчетливо видно, как в нервные узлы нечеловечески точно и уверенно целятся тончайшие, толщиной в волос, металлические иглы, укрепленные в манипуляторах. Черепная коробка трупа срезана. Вместо нее наложена прямо на мозг толстая металлическая шапка с торчащими наподобие волос многочисленными медными проводами. Эта шапка является своего рода измерительным прибором.

Вдруг вспыхнул яркий свет, в помещении стало светло. Телекамера придвинулась к голове трупа. Позади я увидел Ёрики, он улыбнулся мне в объектив. Несколько поодаль возникли напряженные лица Собы и Кацуко Вады — они исподлобья глядели в лицо трупа. Кацуко стояла так, что родинки на верхней губе не было видно, и она казалась очень хорошенькой. Камера описала дугу. Весь экран заполнило обнаженное, отсвечивающее белым мертвое тело. Шея покрыта коричневыми пятнами, это следы душивших пальцев. Подбородок выпячен. На белесых, словно припудренных щеках торчат редкие волоски бороды... Примерный семьянин, служащий финансового отдела, а вот поди же ты — обзавелся любовницей, и дело у них зашло так далеко, что она его убила. Почему-то он представляется мне сейчас гораздо более живым и грозным, нежели вчера, когда он неподвижно сидел в кафе над блюдцем растаявшего мороженого, похожий на манекен в своем облегающем фланелевом костюме. Я завидовал ему, и в то же время мне было смешно. Странное беспокойное ощущение возникло в груди.

И вот началась работа. Сначала измеряют вес и рост. Получают соответственно 54 килограмма и 161 сантиметр. Затем в мгновение ока определяют и замеряют характеристики различных частей тела. Включают манипуляторы. Иглы втыкаются в труп, и на стене вспыхивают индикаторные лампы. И труп в стеклянном ящике словно оживает. Задвигались ноги, туловище дернулось. Шевельнулись губы, открылись глаза, лицо изменило выражение. Вада вздыхает, и вздох этот больше похож на крик. Даже у Ёрики лицо в поту и дрожат губы.

— Так определяются функции движения,— сказал профессор Ямамото.— Следует помнить, что функции движения связаны не только с физиологией организма, но и со всей историей прожитой жизни.

Далее исследуется деятельность внутренних органов, а когда с этим покончено, начинается наконец самое главное: анализ импульсов в коре головного мозга. Количество игл в манипуляторе увеличилось, семь или восемь из них повисли перед лицом. Они стимулируют органы чувств: уши, глаза и прочее. В уши вводятся слуховые трубки, на глаза опускают какой-то прибор, напоминающий огромный бинокль. На экранах осциллографов возникают странные кривые. Их больше восьмидесяти, и они непрерывно изгибаются самым причудливым образом.

— Мы начнем,— поясняет профессор Ямамото,— со стимуляции обычных, повседневных раздражений. Пять тысяч моделей различных раздражений, тщательно отобранных и отработанных в наших лабораториях. Они выражаются в зрительных и слуховых образах, которым соответствуют простейшие существительные, глаголы и прилагательные... Затем мы пустим в дело еще пять тысяч моделей, представляющих собой комбинации предыдущих. Обыкновенно в нашей практике анализ импульсов коры этим и кончается, но сегодня мы попытаемся пойти несколько дальше. Ну вот хотя бы... Мне сейчас пришло в голову... Покажем ему свежую кинохронику и прочитаем последние газеты за эту неделю. В обратном порядке, начиная с сегодняшних.

— Превосходная мысль! — восклицаю я нарочито восторженным голосом, и Ёрики на экране согласно кивает головой.

Действительно, придумано хорошо. Очень удачная мысль. Даже слишком удачная. Видимо, профессор Ямамото давно ее лелеет, уже не раз пытался проверить ее на практике, но неудачно, а сейчас из тщеславия делает вид, будто это гениальное озарение снизошло на него только что...

Впрочем, в кривых на экранах осциллографов незаметно никаких изменений. Они по-прежнему дрожат, как воздух над горячей дорогой. А что сейчас слышит моя машина?

Щелкает переключатель. Наконец-то! Вот-вот застрекочет скоростное печатающее устройство, и из вывода поползет лента записи. Когда же? Я жду и не могу дождаться. Что расскажет мертвец?

14

Профессор Ямамото отключает мозговой анализатор и говорит, кивая мне с телеэкрана:

— Ну, вот и все. Программа стимуляции закончена...

Я поблагодарил и с каким-то беспокойным чувством выключил телевизор. На гаснущем экране я еще успел заметить, что Ёрики и его товарищи смущенно глядят на меня. Вероятно, я поступил слишком грубо и невежливо по отношению к профессору. Ведь все они там, в госпитале, с таким интересом и нетерпением ждали, что́ расскажет через машину покойный заведующий финансовым отделом по имени Сусуму Тода. Все так хотели узнать, как отреагировала на этот эксперимент машина... Но у меня были свои соображения. До тех пор, пока вопрос не будет улажен полностью и окончательно, результаты сегодняшней работы опубликовывать нельзя. Надо стараться всеми силами не раздражать трусливую комиссию сенсационными слухами. Если, например, это убийство хоть в малейшей степени обернется против нас, комиссия немедленно повернется к нам спиной. И для меня сейчас самое главное — раскрытие этого странного преступления.

В тот момент, когда я собирался включить выводную систему, зажужжал телефон. Я взял трубку и сейчас же услышал далекий хрипловатый голос:

— Алло, это господин Кацуми?

Голос показался мне знакомым, но я не мог вспомнить, кто это. В трубке слышался уличный шум — видимо, говорили из автомата.

— Предупреждаю,— продолжал голос,— лучше вам не залезать слишком глубоко в наши дела.

— Ваши дела... Какие дела?

— Этого вам знать не нужно. Между прочим, полиция заинтересовалась теми двумя, которые ходили за убитым.

— Кто ты?

— Ваш друг.

Отбой. Я закурил сигарету и, немного успокоившись, вернулся к выводной системе. Щелкаю переключателями, читая ленту записи. Вызываю одну за другой все секции с информацией, полученной из госпиталя, объединяю их и перевожу на положение «общая реакция». Теперь психика убитого полностью восстановлена и способна реагировать на внешние воздействия. Не сама психика, правда, а ее электронное отображение. Должна существовать какая-то разница между психикой живого человека и ее отображением, это несомненно, и было бы очень интересно исследовать эту разницу, но сейчас меня интересует совсем другое.

Стараясь подавить волнение, я обращаюсь к машине:

— Можешь отвечать на вопросы?

Короткая пауза. Затем слышится слабый, но отчетливый ответ:

— Кажется, да. Если вопросы будут конкретными...

Голос совсем живой, и я немного теряюсь. Словно в машине спрятан настоящий человек. Но это всего лишь электронная схема. У нее не должно быть ни сознания, ни воли.

— Тебе известно, что ты умер?

— Умер? — испуганным, задыхающимся голосом шепчет формула внутри машины.— Я умер?

Нет, это ужасно. Я бормочу:

— Ну да... Конечно...

— Вот, значит, как... Меня все-таки убили... Вот оно как...

— И ты, конечно, знаешь, кто тебя убил?

Голос вдруг становится жестким и гневным:

— Да вы-то кто такой? Почему вы задаете мне вопросы?

— Я?..

— И где я нахожусь? Что происходит? Я умер, но ведь я разговариваю, думаю...— Голос торжествующе кричит: — А-а, понял! Вы врете. Вы все врете, хотите заманить меня в ловушку...

— Нет-нет. Ты ведь не настоящий человек. Ты всего лишь уравнение, формула человека по имени Сусуму Тода, введенная в машину-предсказатель...

— Мне не до смеха. Бросьте ваши нелепые шутки! Ну что за мерзавцы... Я совсем не чувствую своего тела... Снимите лучше, где Тикако? И включите свет, прошу вас.

— Ты умер, понимаешь?

— Хватит! Больше ты меня не запугаешь! Довольно я дрожал перед тобой!

Я вытираю пот, заливающий глаза. Надо покончить все одним махом.

— Кто тебя убил?

В машине слышится издевательский смех.

— Лучше скажи мне, кто ты такой. Если я убит, то выходит, что ты и есть убийца... Ну ладно, довольно. Зажги свет и позови Тикако. Слышишь? Будем говорить начистоту.

Кажется, он действительно считает, что я преступник. Следовательно, сознание покинуло его за мгновение до смерти. Может быть, не стоит разуверять его? Попробовать разыграть представление?

— Ну хорошо. Кто же я такой, по-вашему?

— Откуда я знаю?! — ломающимся, как у юноши, голосом крикнул человек в машине.— Ты что, за идиота меня считаешь? Неужто ты думаешь, что я поверю твоей дурацкой выдумке?..

— Выдумке?.. Какой выдумке?

— Замолчи!

Мне кажется, что я ощущаю на лице его тяжелое дыхание. Я знаю, что это машина, но меня охватывает отвращение. Да, дело усложняется. Не того я ожидал от простой и ясной точности машины. В чем-то я просчитался. Ну, конечно, нельзя было вот так, в лоб, безо всякой подготовки объявить ему правду. Нужно было действовать осмотрительно, оставив себе путь для отступления.

Я решительно поворачиваю переключатель. Что-то шевельнулось в моей совести: его существование назалось слишком реальным. Я торопливо настраиваю индикатор времени и перевожу его на двадцать два часа назад. На тот час, когда Сусуму Тода ждал свою любовницу в кафе на Синдзюку. Затем я включаю изображение.

Снова зажужжал телефон. Это был Цуда.

— Как дела? Какие результаты дала стимуляция трупа?

— Пока никаких...— ответил я и вдруг спохватился. Ведь мой разговор с машиной выявил одну очень важную деталь. Когда мы говорили с Ёрики, он заметил, что, возможно,

убийца окажется вовсе не Тикако Кондо. Это было самым скверным из возможных предположений, но всего лишь предположением, не имеющим под собой никакой почвы. Однако из разговора с машиной явствует со всей очевидностью, что Тода ожидал встречи с кем-то, помимо женщины, с каким-то третьим лицом... возможно, с врагом или с посредником.

— Лучше расскажи, как там у вас. Есть что-нибудь новое?

— Почти ничего. За ним до самого дома шли какие-то двое. Это утверждает, например, старичок из табачной лавочки рядом с домом. Впрочем, женщина уже скрепила свое признание отпечатком пальца. У следствия тоже нет единого мнения, и вообще все изрядно охладели к этому делу.

— А твое мнение?

— Право, не знаю... Я вот говорил с Кимурой из группы, которая занимается женщиной. Пока мы не будем ясно представлять себе отношения между нею и убитым... Утверждать, будто у женщины был соучастник, нет, кажется, никаких оснований. И вообще, неужели это так уж важно для нас?

— Откуда нам знать, что важно, а что не важно, если мы еще ничего не сделали?— В моем тоне прорывается раздражение. Надо же, искали совершенно случайный объект и впутались в такую странную историю! — Я бы хотел, чтобы вы там меньше занимались теоретическими построениями и все внимание сосредоточили на сборе фактических данных. Хорошо бы, например, иметь точный план комнаты этой Тикако.

— Не вижу, чем это может помочь машине.

— А я тебе еще раз повторяю: мы не знаем, что для нас важно и что нет! — не удержавшись, крикнул я, но тут же пожалел об этом.— Ладно, потом соберемся и все тщательно обговорим. У нас нет времени, вот я и срываюсь... Между прочим, остерегайся репортеров. Помни, для нас это последний шанс одолеть комиссию...

Кажется, он не согласился со мной. Но он промолчал и отступился. Дело запутывается все больше и больше. Нам уже не до проектов, годных для комиссии. Мы по горло заняты — стараемся обелить себя. И у меня такое впечатление, что чем больше мы барахтаемся, тем глубже увязаем.

15

Когда я положил трубку и обернулся, на экране была спина живого Тоды двадцать два часа назад. И меня вновь охватила гордость за могущество моей машины. Я поворачиваю верньер поля зрения. Тода на экране сдвигается, и я вижу обстановку кафе как бы его глазами. Отчетливым выглядит только то, на что устремлен сейчас его взгляд. Все остальное беспорядочно искривлено и затуманено. Место, где сидим мы с Ёрики, представляется темным пятном, словно там ничего нет. Мороженое в блюдечке на столе совершенно растаяло.

Тода черпает мороженое ложкой вытягивает губы и отхлебывает. Глаза его неподвижно устремлены на дверь. Я поспешно шарю в памяти, вспоминая, что будет дальше. Ага, скоро заиграет музыкальный автомат и Тода повернется лицом к нам. Буду ждать.

Загремела музыка, и Тода обернулся. Чтобы узнать, какими он видел нас, я поворачиваю верньер поля зрения на сто восемьдесят градусов. Музыкальный автомат и девочка в юбке до колен возникают на экране с поразительной четкостью. А впереди мы, неясные, размытые, словно тени. (Это хорошо, теперь можно не беспокоиться, что труп станет нашим обвинителем.)

Я перевожу индикатор времени на два часа вперед.

Тода стоит перед будкой телефона-автомата.

Я ускоряю ход времени на экране в десять раз. Словно в фильме, снятом рапидом. Тода стремительно вскакивает в трамвай, соскакивает, мчится вверх по переулку и подбегает к дому Тикако. Я переключаю ход времени на нормальную скорость.

Теперь начинается самое важное. Если нам повезет, мы не только выпутаемся из дурацкого положения, но и получим важный материал для представления комиссии, и тогда все немедленно изменится к лучшему. Я, не отрываясь, слежу за Тодой, то и дело судорожно глотая слюну.

Он поднимается по темной лестнице, останавливается и вглядывается в конец коридора. Затем качает головой и неуверенно идет по коридору. Идет, стараясь ступать тихо, навстречу ожидающей смерти... Откуда-то из тени под лестницей за ним, вероятно, наблюдает Ёрики, но на экране этого не видно... Тода извлекает из бокового кармана ключ, тыльной стороной ладони вытирает со лба пот, затем наклоняется и отпирает замок. Ключ в замке поворачивается с неестественно острым скрипом, и этот звук словно отражает то, что творится на душе у Тоды. Тода, не оборачиваясь, грубым толчком захлопывает за собой дверь. По стуку чувствуется, что дверь закрылась неплотно. Напротив во мраке комнаты виднеется пепельный квадрат окна и в нем какой-то далекий огонек. Тода снимает туфли и, протянув руку влево, поворачивает выключатель. (А смерть уже надвинулась на него!)

Вспыхивает свет. Маленькая комната, видно, что здесь живет женщина. В углах мебель. Никого нет. Все заполнено жестким молчанием. Взгляд Тоды безнадежно обходит комнату... В ту же секунду за его спиной возникает какой-то неуловимый звук. Он нарастает, вспухает, превращается в скрип, и вдруг все, что видит Тода, бессильно оплывает. Косо взлетает пол комнаты и прижимается к лицу. Огромная изогнутая тень, гася свет, бесшумно рушится сверху. Экран заполняет тьма.

Так вот когда он умер!

Некоторое время я сидел неподвижно, уставившись на темную дрожащую поверхность экрана. Итак, он не видел убийцу. Мало того, он может стать свидетелем не в нашу пользу. Женщины в комнате не было. Так говорится и в ее показаниях, но это вопиющая ложь, будто он набросился на нее с упреками и она убила его. И еще. Этот скрип за спиной. Что, если он принял этот звук за скрип двери? Ведь за дверью тогда стоял не кто иной, как Ёрики. Да, стимуляция трупа выходит нам боком. Мы сами, своей рукой набросили петлю себе на шею...

Не знаю, сколько времени я просидел так, рассеянно задумавшись. Потом я вдруг почувствовал, что в зале кто-то есть, и обернулся. У дверей, прислонившись спиной, стоял Ёрики. Не знаю, когда он вошел. (На миг, словно галлюцинация, перед моими глазами возникла последняя сцена на экране, я ощутил себя на месте Тоды и вздрогнул.) Ёрики, покачивая головой, запустил пальцы в волосы и проговорил с улыбкой:

— Да, плохо наше дело.

— Ты видел?

— Да. Самый конец.

— Где остальные?

— Собу и Ваду я оставил там. Пусть ждут. Возможно, нам потребуются еще какие-нибудь данные...

— Я ждал, что ты мне позвонишь...

Ёрики отлепил от тела промокшую сорочку, затем медленно провел языком по губам. Я повернулся вместе с креслом и, глядя ему в лицо, продолжал зловещим тоном, удивившим меня самого:

— ...а вместо этого позвонил какой-то чудак и угрожал мне.

— Что такое?!— Ёрики замер, держась за спинку стула, на который собирался садиться.

— Предлагал не залезать слишком глубоко в их дела. Сказал, что полиция заинтересовалась теми двумя, которые следили за убитым. Причем, это, кажется, правда. Туда тоже говорил мне об этом.

— И?..

— Видимо, этому типу известно, что следили за убитым мы с тобой.

— Интересно...— задумчиво проговорил Ёрики и затрещал длинными пальцами.— Получается, что там действительно был еще кто-то, кроме нас.

Я насмешливо заметил:

— Весьма возможно. Но кто этому поверит?

— Верно. Я вас понимаю...— Ёрики, закусив губу, исподлобья посмотрел на меня.— Звонивший, разумеется, и есть убийца... Но этот телефонный разговор слышали только вы, сэнсэй, и в то же время вы являетесь моим соучастником. Если полиция нападет на след двоих, следивших за убитым, подозрение падет прежде всего на меня.

— Я попытался представить себе связь между обстановкой в комнате и тенью на окне. Эта тень была, несомненно, от Тоды, когда он падал. Ты видел еще одну тень... но ее, кроме тебя, никто больше не видел.

— Да, мне могут сказать, что это была моя собственная тень, и опровергнуть это я не смогу.— Ёрики с горькой усмешкой прищелкнул языком.— Поистине нам фатально не повезло, что наш объект не видел убийцу. Столько трудов нам стоила стимуляция трупа, и вот она обернулась против нас. Будь у меня хоть малейший мотив для убийства, даже вы могли бы заподозрить меня, сэнсэй, и были бы правы...

— С мотивом тоже беда. Заставить его говорить оказалось не так-то просто...

Я многословно поведал Ёрики, как убитый, это несчастное отражение личности в машине, решительно не пожелал признать себя мертвым, и как трудно с ним иметь дело. Ёрики молча выслушал меня, затем тихо сказал:

— Тогда остается только прибегнуть к обману.

— К обману?

— Да. Убедить его, что он еще жив.

16

В общем, это нам, кажется, удалось. Убитого — нет, его электронный призрак в машине — убедили, что он лежит в госпитале. Он ничего не видит и не чувствует своего тела из-за шока, но он скоро поправится. И когда в нем возбудили чувство мести, он неожиданно заговорил. Мы заставили его говорить, и это был успех. Другой вопрос — насколько это улучшает положение.

(Еще только шесть часов, но небо внезапно потемнело, хлынул проливной дождь. Огромные капли разбиваются на стеклах окон. Напряженно, словно сидя на стуле с двумя ножами, я выслушал исповедь машины. Привожу ее здесь.)

«Лучше бы уж я умер. Мне стыдно... вы понимаете меня?.. В мои-то годы беспардонно волочиться за юбками... Что говорит жена?.. Нет, теперь она вряд ли простит меня... Видите ли, она никогда не давала мне ни малейшего повода для недовольства. Так оно и было, я говорю вам правду... Теперь эта девушка, Тикако Кондо. Она пела в кабаре, но вы бы никогда не подумали, что она из тех женщин. Застенчивая такая, скромная... Спросите кого угодно, я никогда не посещал таких заведений, но в тот вечер я сопровождал нашего директора, и вот... Не знаю, почему девушка с таким веселым образом жизни обратила внимание на меня, ничем не примечательного, туповатого пятидесятилетнего мужчину... Ну, естественно, я сразу потерял голову. Она гладила мои щетинистые щеки своими гладенькими пальчиками. ...Да из одной только благодарности я бы... Нет, этого словами не объяснишь, в общем, я совсем одурел... рад был без памяти... Но это вам, наверное, не интересно... Однако вы должны понять, что это она не только из-за денег. Вы, конечно, не поверите, но это чистая правда. Никогда не пыталась вытянуть из меня деньги. Конечно, я каждый месяц выплачивал ей кое-что, и она была этим вполне довольна. Она была худенькая, угловатая, но душа-то прямая и мягкая. Она даже откровенно сказала мне, что полюбить меня не сможет, но что я ей нравлюсь. Редкостная женщина. Ведь я верно говорю?..

А потом я стал подозревать ее. Когда тридцать лет подряд занимаешься финансовыми расчетами, обязательно становишься дотошным и подозрительным. Все время дрожишь, как бы из тебя не стали тянуть деньги, а если не тянут — опять не то. Как-то она слишком уж ровно держалась со мной... А я человек далеко не самоуверенный, вот и перестал ей доверять... Это все равно, как если смотреть в подзорную трубу не с того конца... Ну вот, то да се, и случилось одно происшествие. Вернее, это даже происшествием нельзя назвать, но однажды прихожу я к ней и вижу, что она купила дорогой ковер. Вы, вероятно, его видели, не правда ли?.. Не такой, чтобы уж сразу бросался в глаза, но при ее средствах, конечно, роскошь. Я финансовый работник, сразу такие вещи примечаю. Но когда узнал, в чем дело, то еще больше поразился. Она сказала, что забеременела и ковер купила в память об этом. У меня, в мои годы, даже сейчас в груди стеснение, чуть не плачу, когда вспоминаю. У нас с женой детей нет, и это меня совсем ошеломило. Нет, не то, чтобы ошеломило, это я неправильно говорю. Просто у меня словно крылья выросли, захотелось бежать и всюду хвастаться, показать себя людям таким, каким меня никто не знает. Мне даже чудилось, будто об этом надо рассказать и жене, которая тогда ничего не подозревала, пусть, мол, порадуется вместе со мной... Что это? Кажется, дождь идет? Слышу... Ну ладно, подождите еще немного, сейчас перейду к самому главному. Дальше все пошло скверно. Представьте, она говорит мне, что беременна, и это чистая правда, и вдруг я прихожу, а она заявляет, что сегодня сделала аборт. Каково? Ну ладно, аборт так аборт. В конце концов, честно говоря, я и сам не так уж уверен в своем будущем. Но меня страшно оскорбило то, что она не сочла нужным хотя бы посоветоваться со мной. Я прямо из себя вышел, наговорил ей всякого. Ты-де сама не знала, от кого ребенок, и потому, дескать, боялась рожать... Теперь, дескать, все понятно, понесла от какого-нибудь мерзавца с толстым кошельком и выкачивала из него денежки... А если не так, то откуда у тебя деньги на ковер?.. Я-де, значит, был только предлогом для шантажа... Она все отрицала, мотая головой, и наконец расплакалась... Нет, это не вчера было, вчера мы с нею так и не увиделись. Это было месяца два назад...

Я рассказал до того места, как допрашивал ее. Она плакала. Я, конечно, понимал, что не такой она человек, чтобы заниматься шантажом, но как же иначе все объяснить? Она изо всех сил пыталась оправдаться... Но оправдания ее были из рук вон глупыми... Рассказала, что есть, мол, такая больница, где делают аборт да еще семь тысяч иен платят, если беременность не больше трех недель. Когда она заметила, то сразу побежала в эту больницу. Ей сказали, что она как раз на третьей неделе, и тут же сделали аборт. Ну кто этому поверит? Спрашиваю, где эта больница. Отвечает, что сказать не может, дала слово никому не говорить, а если скажет, то с нею, дескать, случится несчастье... Ну, думаю, хватит с меня! И залепил ей пощечину. Раньше я о таких вещах только читал, никогда в жизни пальцем не тронул женщину. Ужасно скверно мне стало, и я, не сказав больше ни слова, убежал.

Как бы то ни было, а радости больше я не знал. Только об одном и думал: как бы ее поймать на чем-нибудь, чтобы она уже не смогла отделаться дурацкими выдумками... Тут мне повезло. У нее были сберкнижки. По странной привычке она хранила дома свои старые, ни на что уже не годные сберкнижки. Для меня это было настоящей находкой. Вы понимаете, я все-таки финансовый работник. Пришел я к ней, когда ее не было дома, и принялся их тщательно изучать. Цифры, если уметь их читать, могут рассказать много интересного. Я многое выяснил тогда. Иногда дважды в неделю, а иногда два-три раза в месяц в книжках были отмечены вклады, которые она никак не могла бы объяснить. Мой глаз не обманешь, думаю, теперь-то ты мне попалась. Собрал я доказательства и ткнул ей под нос. Это было три дня назад. Она опять в слезы, но меня это уже не трогало. Доказательства-то — вот они, от них не отвертишься. Тут она снова принялась твердить свои глупости про больницу. Дескать, она получает там по две тысячи иен комиссионных за сообщение о каждой женщине, беременной не больше трех недель. Эта больница-де скупает трехнедельных детей в утробе матери, и она подрабатывает там посредничеством. Ужасная гадость, правда? Мне уж и не до подозрений стало, я начал беспокоиться. Может, она свихнулась, думаю... Стал я припоминать. И верно, думаю, иной раз она как будто странная какая-то, словно бы угасшая, что ли... Я не отступаю, продолжаю расспрашивать. Тогда она, дрожа от страха, снова повторила, будто если в больнице узнают, что она мне рассказала, ей будет плохо, может быть, даже и убьют. Дескать, эти купленные зародыши вовсе не умирают. В больнице их выращивают в специальных аппаратах, и из них вырастают-де люди, более совершенные, чем нормальные, которые растут в материнской утробе. И наш ребенок, дескать, жив... Как вам это понравится? Даже оторопь берет, верно?.. Если она говорит правду, думаю, то это должно быть страшное дело. А если ей солгали, то надобно ей как-то открыть глаза... Я стал настаивать, чтобы она проводила меня туда. В конце концов она сдалась и пообещала посоветоваться с кем-то там в больнице...

Ну и вот, получил я ответ. Это было вчера, в полдень. Мне позвонили в контору и предложили явиться к семи часам вечера в кафе Р. на Синдзюку. Сказали, что там я встречу сотрудника больницы, который мне все объяснит... Откровенно говоря, я этого не ожидал и очень удивился. Мне и в голову не пришло, что это может быть ловушкой. Я был уверен, что имею дело с сумасшедшими. И, сидя в кафе, злясь и досадуя, что меня заставляют так долго ждать, я еще простодушно размышлял, в какую психиатрическую лечебницу я ее завтра отведу... Ага, вы уже, оказывается, знаете, что было дальше. Да, меня обвели вокруг пальца. Нет-нет, не думайте, что это кто-нибудь из ее мифической больницы. Это, конечно, любовник. Она по бесхарактерности не смогла заставить себя признаться и не знала, что со мной делать. А насчет больницы, скупающей детей в материнской утробе,— это она ловко придумала. Но почему она не сказала сразу, что я ей мешаю?.. Я ведь совсем не хочу, чтобы обо мне думали, будто я такой уж неразборчивый... И незачем ей было натравливать на меня своего любовника. Сплошной позор вся эта история...»

(Продолжение следует.)

— Я вижу, сэнсэй, что у вас не хватит смелости через машину заглянуть в свое будущее.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

КОБО АБЭ

Перевод с японского
С. БЕРЕЖКОВА

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

17

— Все дело, конечно, в этой женщине,— с досадой сказал Ёрики, мрачно покусывая губу.

— Но она признала себя виновной и не собирается отказываться от этого признания.

— Вот это и странно. Впрочем, судя по рассказу убитого, она, наверное, просто невротик.

— А может быть, она действительно чего-нибудь боится?

— Все может быть... Например, боится собственной тени. Или старается выгородить настоящего преступника. Возможно, конечно, что она и впрямь признала себя виновной под угрозой.

Продолжение. Начало см. в №№ 1, 2.

— С точки зрения здравого смысла наиболее естественны два первых предположения. Но если учесть мой телефонный разговор, то последнее предположение тоже не лишено оснований...

— Да-да, этот телефонный разговор...— Ёрики изо всех сил сморщился, словно пытаясь выжать из себя какую-то мысль.— Да, любовник, пожалуй, отпадает. Нет... Да, это так... Я с самого начала был против версии о любовнике. Таких добропорядочных и скупых мужчин не убивают из-за женщин. В качестве мотива это не годится.

Я усмехнулся.

— Так что же, примем версию о торговле зародышами?

Ёрики с серьезным видом кивнул.

— Я думаю, не обязательно понимать это буквально. Но раз уж мы отвергли версию о любовнике, остается только предположить, что убитый либо знал, либо делал нечто такое, что не устраивало преступника. Причем настолько не устраивало, что тому пришлось прибегнуть к уничтожению человека... Далее, все, что убитый знал и делал, должно так или иначе содержаться в этой его исповеди. А отсюда следует, что версия о торговле трехнедельными зародышами в материнской утробе, при всей ее нелепости, тоже заслуживает самого тщательного рассмотрения.

— Разве что как сказочка.

— Разумеется, как сказочка. Не исключено, что выражения «три недели», «зародыш» и прочие являются каким-то кодом... В общем, как бы то ни было, давайте попробуем на машине женщину. Это нужно сделать в первую очередь.

Я невольно вздыхаю.

— Чувствую, что нам из этой истории не выпутаться.

— Теперь отступать нельзя... Нам остается только идти напролом.

— Значит, ты считаешь, что все обойдется?.. Но ведь эта шайка может донести на нас, как только узнает, что мы взялись за женщину... Она и перед убийством не останавливается...

— Если мы будем сидеть сложа руки, подозрение все равно рано или поздно коснется нас. Весь вопрос во времени. Спасение в одном — нанести удар первыми... И в конце концов нам совершенно не обязательно лично встречаться с этой женщиной. Комиссия пошлет за ней машину, ее потихоньку выведут из полиции через задний двор и отвезут в госпиталь. Между прочим, это может быть даже интересно — попытаться предсказать будущее такой особы...

Я потерял точку опоры, потерял

всякое представление о перспективе и понятия не имел, что следует предпринять. Тем не менее, подобно неопытному велосипедисту, которому нет покоя, пока он не летит сломя голову, все равно куда, я, недолго думая, позвонил члену комиссии Томоясу. Томоясу был очень любезен: нашей работой, по его словам, заинтересовались в высших сферах. Выслушав меня, он благосклонно заметил, что разрешение на стимуляцию трупа можно толковать достаточно широко, чтобы не считаться с арестованной. Действительно, он тут же получил разрешение начальника статистического управления. Затем он спросил, как у нас дела. Я уклончиво ответил, что получены интересные результаты, и попросил, чтобы женщину, не упоминая при ней о нашей лаборатории института счетной техники, перевезли из полиции в госпиталь Центральной страховой компании к профессору Ямамото. Томоясу сразу же согласился. Все прошло так гладко, что я ощутил беспокойство. Мне показалось, что это свидетельствует о скорости нашего стремительного падения в бездну.

Ожидая, пока женщину доставят к профессору Ямамото, я дал машине заданне вновь проанализировать результаты стимуляции трупа и разделить их на общие и характерные показатели, то есть на показатели, свойственные всем людям вообще, и показатели, характерные только для данного индивидуума. Превосходный материал. Прямо сам просится для представления в комиссию. Я приказал отпечатать основные положения об анализе характерных показателей. Все поместилось на одной страничке мелким шрифтом. Ряд обычных медицинских терминов и слов из учебника японского языка... Кажется, в этом и заключено то, что мы называем индивидуальностью.

— Послушай, Ёрики-кун, давай приложим к этому листку какой-нибудь пример практического применения и выступим с ним на очередном заседании комиссии.

— Можно, конечно. Только все эти комиссии для нас уже не проблема. Идею предсказания судьбы человека они приняли.

— Ничего подобного. Есть всего-навсего неофициальное согласие.

— Это одно и то же. Вспомните, как к нам относились раньше...

— Да, пожалуй...

Я позвонил профессору Ямамото. Женщину еще не привезли. Когда я рассказал ему о том, что мы составили положения об анализе характерных показателей, он, как и следовало ожидать, не мог скрыть волнения. Я попросил позвать к телефону Кацуко Ваду и продиктовал положения, чтобы она ввела их в диагностическую машину. Ёрики принес кофе. Полощa зудящие от непрерывного курения глотки сладким кофе, мы поговорили о новой титанической машине-предсказателе «МОСКВА-3». Эту машину построили недавно, и о ней ходили самые разнообразные слухи. Видимо, она примет на себя обслуживание систематическими прогнозами стран коммунистического и нейтралистского блоков, занимающих бо́льшую половину земного шара. Гигантский монумент их превосходству, которым они так гордятся. Его тень, вероятно, падает далеко за пределы моей лаборатории. Когда я думаю об этом, я ощущаю себя ничтожеством. Там, у них, машина-предсказатель является столпом государства, а у нас это всего лишь крысоловка для поимки какого-то убийцы, да и сам ее создатель мечется вслепую, стараясь отделаться от крысы, вцепившейся ему в ногу...

Но меня все сильнее охватывает беспокойство. Прошло уже много времени, а никто не сообщает, что женщину привезли. Может быть, еще раз позвонить Томоясу?

— Ну а я, сэнсэй, все свои надежды возлагаю на эту крысоловку. Что ни говорите, сама машина избрала для себя это дело. А машина — это логика.

— Да я что же, я ведь не отступаюсь...

От Томоясу сообщили, что из полиции женщину уже отправили. Но в госпитале ее еще нет. Мое беспокойство усугубляется.

Ёрики тоже, по-видимому, волнуется. Он ходит вокруг машины, заглядывает в ее узлы и непрерывно болтает.

— Весь вопрос в системе программирования... Нам не разрешают социальную информацию — пусть, обойдемся... В этом смысле, мне кажется, мы тоже кое-что проглядели... Если бы мы мыслили более широко, то даже из информации о природных явлениях смогли бы вывести предсказание, по важности не уступающее предсказаниям «МОСКВЫ-2»... Все дело в том, чтобы оставаться настойчивыми и целеустремленными...

Зажужжал телефон. Ёрики схватил трубку и слушает. Подбородок его выпячивается, взгляд становится тяжелым. Кажется, что-то случилось.

— Что там?

Он мелко трясет головой.

— Умерла...

— Умерла?.. Как умерла?

— Понятия не имею. По-видимому, самоубийство.

— Это точно?

— Говорят, что отравилась...

— Немедленно подключи машину к лаборатории Ямамото. Подвергнем ее труп стимуляции и выясним, кто и где передал ей это снадобье...

— Похоже, что ничего у нас не выйдет,— сказал Ёрики, не снимая руки с телефонной трубки.— Она убила себя каким-то нервным ядом. Мозг ее разрушен, и нормальной реакции ожидать не приходится.

— Плохо дело...— Я смял в пальцах зажженную сигарету и почти не ощутил боли от ожога. Я старался держаться спокойно, но у меня дрожали колени.— Ну ладно, послушаем, что скажет Ямамото-сан.

Я позвонил в госпиталь. Ямамото подтвердил, что никакой надежды нет. Ему редко случалось видеть труп, нервная система которого была бы разрушена столь основательно. По его словам, если яд принят в дозе, превышающей какую-то определенную норму, у самоубийцы начинается рвота, яд не успевает распространиться, и организм усваивает лишь незначительное его количество. Организм же этой женщины буквально пропитан ядом. Так может случиться только при введении яда инъекцией. Однако никаких следов укола на трупе не обнаружено. Да и как она могла ухитриться сделать себе укол, если все время в машине находилась под надзором полицейского? Можно, правда, предположить, что она заранее проглотила какой-нибудь препарат, парализующий рвотный центр, и это дало ей возможность принять такую чудовищную дозу яда. Но это слишком сложно...

Если быть последовательным, то так или иначе приходишь к мысли об убийстве. Я понял, что профессор Ямамото вот-вот заговорит об этой возможности, и спасся бегством. Ни в коем случае нельзя дать понять, что нам известно больше других. Пока мы не нащупаем противника, надо затаиться.

Едва я положил трубку, как снова зажужжал телефон. В барабанную перепонку ударил твердый, сдержанный голос:

— Алло! Господин Кацуми? Мы вас предупредили по-хорошему, а вы что делаете? Теперь пеняйте на себя...

Не дослушав, я сунул трубку Ёрики.

— Это он. Тот самый шантажист.

Ёрики крикнул:

— Алло! Кто это? Кто говорит?

Незнакомец дал отбой.

— Что он сказал? — спросил я.

— Сказал, что полиция теперь взялась за дело по-настоящему.

— Тебе этот голос не показался знакомым?

— Знакомым?..

— Вернее, не голос, а интонация...— Что-то шевельнулось в моей памяти и сейчас же исчезло.— Наверное, я вспомню, если услышу еще раз...

— Действительно, мы, возможно, знаем этого человека. Слишком уж быстро он узнает обо всех наших делах.

— Что будем делать?

Хрустя пальцами и озираясь, словно ища вешалку для шляп, Ёрики проговорил:

— Да, кольцо окружения сжимается... И если мы не найдем в нем слабое место...

— Может быть, проще пойти и сообщить в полицию, как все было?

— Как все было? — Ёрики криво усмехнулся и повел плечом. — А как вы докажете им, что все именно так и было?

— Но разве не служит доказательством, например, то, что женщину убили не мы?

— Не пойдет. Пусть даже женщина действительно убита, а не покончила с собой. Но ведь наши Цуда и Кимура не раз наведывались в полицию и так или иначе имели возможность соприкасаться с нею. Сейчас они вне подозрений, потому что у них бумаги с большими печатями, но едва нас заподозрят в убийстве этого несчастного заведующего финансовым отделом, как на них тут же обратят внимание... «Институт убийц». Хорошо звучит, не правда ли? Отличный заголовок для газет. Слава о нашей методике человекоубийства прогремит по всему миру.

— Это только предположение. То, что ты мне говоришь...

— Да, это своего рода предположение.

— Сейчас полиция будет заниматься вещественными доказательствами. Например, будет доискиваться, откуда взялся яд...

— Сэнсэй... Как вы думаете, почему комиссия так охотно идет нам навстречу? Не потому ли, что они думают, что наша машина поможет раскрыть преступление?.. Мы ведь и сами так считали. Мы полностью полагались на возможности машины. Но противник оказался гораздо сильнее, чем мы воображали. И вы думаете, что полиция легко справится с противником, который оказался сильнее нашей машины?

— Противник?

— Ну конечно! Разве не ясно, что мы имеем дело с настоящим противником?

Я опустил глаза и задержал дыхание. Нет, в сторону всякие эмоции. Нужно слушать Ёрики. И если действительно нам противостоит противник, а не простая цепь случайностей...

Позвонил Цуда. Полиция задержала какого-то субъекта и показала его хозяину табачной лавки. Как только выяснилось, что произошла ошибка, задержанного немедленно отпустили. Хозяин табачной лавки утверждает, что один из преступников — небольшого роста мужчина, видом из благородных, глаза маленькие, с холодным, жестким блеском. Я непроизвольно улыбнулся. Ёрики я это передавать не стал.

— Так кто же это, по-твоему? — спросил я его.

— Мне все больше кажется, что это не частные лица, а какая-то организация.

— Почему?

— Не могу выразить этого словами. Я так чувствую.

Дождь прекратился. Незаметно наступил вечер.

— Восьмой час. Пора отпустить всех по домам.

— Я им позвоню,— сказал Ёрики.

Я кивнул и подошел к окну. Внизу у ворот стоял какой-то мужчина с сигаретой во рту. Было темно, и я не мог разглядеть его лица. Вдруг он поднял голову, увидел меня и поспешно ушел. Я резко обернулся.

— Ты хочешь сказать, что это та самая организация, которая занимается скупкой зародышей?

— Ну вот еще, откуда мне знать...— немного растерянно, как мне показалось, проговорил Ёрики, набирая номер на телефонном диске.— Впрочем, если уж на то пошло, сейчас над проблемами внеутробного выращивания млекопитающих работают во всем мире...

— Внеутробное выращивание?

— Угу...

— Любопытно... Ты, что же, только сию минуту об этом вспомнил? Или все ждал случая сказать?

— Да нет, я об этом давно думаю. Просто как-то к слову не приходилось...

— Понятно. С твоим образом мышления ничего иного и быть не могло. Но я тебе вот что скажу. Все это плод твоего воображения. И будет лучше, если ты выбросишь это из головы.

— Почему?

— Потому что это мешает тебе видеть факты.

— Да нет же...

— Довольно об этом. Не отвлекайся, звони.

Но Ёрики не стал звонить.

— А я вот сам видел крыс с жабрами. Самые настоящие земноводные, только млекопитающие.

— Ерунда!

— Нет, правда. Говорят, они там научились в ходе внеутробного выращивания заменять наследственное развитие индивидуальным. Это действительно возможно. Говорят даже, что выведены земноводные собаки, но их мне, правда, видеть не приходилось. Пока у них не получается с травоядными животными. Но хищники и всеядные сравнительно...

— И где эти животные находятся?

— Неподалеку от Токио. В лабораториях старшего брата одного вашего знакомого, сэнсэй...

— Кто это?..

— Брат господина Ямамото из госпиталя Центральной страховой компании. А вы и не знали?.. Жаль, что сейчас поздно уже. Но завтра я бы мог свозить вас туда... Я, конечно, не думаю, чтобы они занимались и человеческими зародышами, но, может быть, нам удастся напасть там на какой-нибудь след. Конечно, это окольный путь, но ведь прямого пути и...

— Хватит с меня. Я не желаю играть в сыщиков. Вон там, у ворот, торчит какой-то субъект и следит за нами. Если не сыщик, то наверняка наемный убийца.

— Вы это серьезно?

— Пойди и сам посмотри.

— Я позвоню вахтеру, пусть он проверит.

— Позвони заодно и в полицию.

— Сказать, что нас подкарауливает наемный убийца?

— Скажи все, что тебе угодно...— Я встал, переобулся и взял портфель.— Я иду домой. Ты тоже иди, когда всех обзвонишь.

18

Я был зол. Я даже не знаю, на кого именно. Мне так хотелось размотать этот дурацкий клубок, но я понятия не имел, с чего начинать. И дело не в том, что в руках у меня не было нитей — напротив, нитей было слишком много. Все они переплетались и обрывали друг друга, и совершенно непонятно было, какой из них лучше следовать.

По дороге домой я немного боялся, но, кажется, за мной никто не следил. Жена услыхала, как я резко рванул калитку, и поспешила мне навстречу. Я понял, что она ждала моего возвращения. И действительно, не успел я в передней снять туфли, как она вдруг заговорила низким, хрипловатым голосом:

— Что все это значит? Этот госпиталь... и вообще все...

На ней было выходное платье. То ли она тоже только что вернулась, то ли собиралась куда-то идти. Свет из комнаты пронизывал встрепанные волосы на ее голове. Она была сильно возбуждена и раздражена чем-то. Я не понимал, в чем дело. При слове «госпиталь» я вспомнил только счетную лабораторию в госпитале Центральной страховой компании, где разыгрался акт из дела об убийстве... Откуда жена узнала об этом? И почему она так этим заинтересовалась?

— Как это — что значит?

— Как ты можешь?..— прошептала жена сдавленным, полным упрека голосом, и я остановился как вкопанный. Из гостиной под аккомпанемент телевизионной музыки донесся пронзительный прерывистый смех нашего старшего сына Есио. Я ждал, что скажет жена. У меня возникла нелепая мысль: а вдруг она обнаружила в работе счетной лаборатории господина Ямамото какое-то упущение, которого я не заметил? Но жена, по-видимому, ждала, что скажу я.

Некоторое время тянулось неестественное молчание. Наконец жена проговорила:

— Я сделала так, как ты хотел. Но я вижу, ты забыл даже, о чем звонил им. Не ожидала от тебя такого легкомыслия... Достаточно того, что ты не удосужился приехать за мной.

— Звонил?

Жена подняла голову. На лице ее был испуг.

— А разве нет?..

— Подожди. О чем я звонил?

У нее мелко задрожал подбородок.

— Они сказали, что ты им позвонил... Ведь ты звонил, правда?

Она была в смятении. Видимо, упреки, которыми она только что собиралась меня осыпать, потеряли под собой почву. Вошло что-то немыслимое, неожиданное и разом погасило ее раздражение. И вот что я понял из ее сбивчивых, взволнованных слов.

Около трех часов, едва Есио вернулся из школы, ей позвонил врач из клиники женских болезней, где она состояла под наблюдением. Это маленькая лечебница в пяти минутах езды на автобусе от нас, ее директор — мой старый приятель. Содержание телефонного разговора сводилось к тому, что ее пригласили немедленно приехать в клинику, где ей, по моей просьбе, сегодня же сделают операцию. Жена заколебалась. Кажется, она даже ощутила чувство протеста. Она позвонила ко мне, но меня на месте не оказалось. (В три часа я сидел у члена комиссии Томоясу и вел переговоры о передаче нам трупа. В лаборатории все были, конечно, как в тумане, и, видимо, забыли потом передать мне, что звонила жена.) Волей-неволей она отправилась в клинику.

— Я все же решила на всякий случай посоветоваться с доктором... Но его в поликлинике не было. Сам же вызвал и куда-то уехал. Я разозлилась и хотела тут же вернуться домой... Но едва я вышла за дверь, как меня нагнала какая-то женщина, видимо, медсестра, с большой такой родинкой на правой стороне подбородка, и сказала, что доктор скоро вернется. Она предложила мне подождать в приемной и дала принять какие-то пилюли... Горькие пилюли в красной обертке... Кажется, в красных обертках — это сильнодействующие лекарства... Эти пилюли, во всяком случае, подействовали сильно... Спустя некоторое время я впала в странное оцепенение. Как будто все тело уснуло, остались только глаза и уши... Потом... Я все помню, но как-то в тумане, словно это было не со мной... Кажется, меня вывели, поддерживая с обеих сторон, усадили в машину и повезли в другую больницу... Это был госпиталь с темными, длинными коридорами... Там был доктор... Это был, правда, совсем

другой доктор, но ему все уже было известно, и он быстро сделал мне операцию. Все шло, как на конвейере. Мне не дали времени подумать, сообразить... И еще — не знаю, какой в этом смысл, но перед уходом мне вручили какую-то несуразно большую сумму. Сказали, что это сдача...

— Сдача?

— Да. Ты ведь заплатил заранее...

— Сколько тебе дали? — сказал я, невольно поднимаясь с места.

— Семь тысяч иен... Не знаю уж, сколько они посчитали за операцию.

Я потянулся за сигаретой и опрокинул стакан с водой, стоявший на столе со вчерашнего вечера.

— Ты была, кажется, на третьей неделе?

— Да... Примерно так.

Вода подтекает под стопку книг. «Вытри, пожалуйста»... Семь тысяч иен... Три недели... От шеи по спине растекается огромная тяжесть, словно я карабкаюсь в гору с пятидесятикилограммовым грузом на плечах. Жена озадаченно смотрит на меня. Я отвожу взгляд и, накладывая на лужу старую газету, спрашиваю:

— Что это за госпиталь? Как он называется?

— Не знаю. За мной прислали машину и на ней же отправили обратно.

— Ну хотя бы где он, ты не помнишь?

— Право... Где-то очень далеко... На юг от города как будто, где-то чуть ли не у моря. Я в дороге все время дремала...— Она помолчала и добавила, словно выпытывая: — Но ты-то, конечно, знаешь о нем?

Я ничего не ответил. Да, я знаю, только совсем в другом смысле. Как бы там ни было, ничего говорить нельзя. Любое мое слово повлечет новые вопросы, и мне придется на них отвечать. Волнение мое улеглось, и я почувствовал, как во мне поднимается жестокое упрямство, раскаленное, как железный лист, под которым бьется жаркое пламя. Я еще не мог сказать себе, что все понял... Вернее, я не понимал причины, по которым меня все глубже затягивают в омут... Но моя жена вдруг оказалась в этой ловушке вместе со мной, и это было настолько оскорбительно, что меня охватила ярость, затмившая все перед моими глазами.

19

Я спускаюсь на первый этаж и подхожу к телефону. Жена хотела было сказать Есио, чтобы он выключил телевизор, но я остановил ее. Не хватает мне еще впутывать жену в эти дела, в которых я сам брожу на ощупь, как слепой.

Прежде всего я позвонил в клинику своему приятелю и спросил адрес гинеколога, наблюдающего за женой. Мне дали его телефон. Врач оказался дома. Мои вопросы привели его в замешательство. Разумеется, он ничего не знал и не вызывал мою жену. Да он и не мог знать, сказал он, поскольку в указанное время совершал обход больных на дому, начатый еще вчера. На всякий случай я спросил о медсестре, угощавшей жену пилюлями. Как я и ожидал, он ответил, что в клинике нет медсестры с родинкой на подбородке. Мои страхи оправдывались: дело принимало плохой оборот.

Набирая номер лаборатории, я чувствовал дурноту, словно сердце мое провалилось и бьется в желудке. Дурнота эта возникала из ощущения, что ход событий, в которые я так внезапно оказался вовлеченным, совершенно противоречит всем мыслимым законам природы, согласно которым явления обыкновенно развиваются через цепь случайностей.

Семь тысяч иен... Внеутробное выращивание... Крысы с жабрами... Земноводные млекопитающие...

Другое дело, если бы это была радиопостановка во многих сериях. Но случайности потому и случайности, что они не имеют друг с другом ничего общего. Смерть заведующего финансовым отделом... Подозрение... Смерть женщины... Таинственные телефонные звонки... Торговля зародышами... Ловушка, в которую попала жена... Цепная реакция, начавшаяся с очевидной случайности, развернулась в прочную цепь, и эта цепь все туже затягивается вокруг моей шеи. И все же я никак не могу нащупать ни мотивов, ни целей, как будто меня преследуют умалишенные. Мой рационалистический дух не в состоянии выдержать все это.

По телефону отозвался дежурный вахтер. Горит ли еще свет в лаборатории, спросил я. Вахтер шумно прочистил горло, откашлялся и ответил, что свет не горит и никого там, наверное, уже нет. Я проглотил немного хлеба с сыром, выпил пива и стал собираться.

Жена растерянно глядела на меня, почесывая правой рукой локоть левой, сжатой в кулак под подбородком. Вероятно, она думала, что я просто сержусь на путаницу в клинике, и испытывала чувство вины передо мной.

— Может быть, не стоит? — нерешительно сказала она.— Ты ведь устал, наверное...

— Эти семь тысяч тебе вручили в конверте?

— Нет, без конверта...

Она сделала движение, чтобы пойти за деньгами, но я остановил ее. Затем я обулся.

— Когда же ты освободишься? — сказала она.— Я все хочу поговорить с тобой о Есио. Учитель сообщил мне, что он пропускает уроки.

— Ничего страшного. Он еще ребенок...

— Может быть, поедем послезавтра, в воскресенье, на море?

— Если завтра все уладится с комиссией.

— Есио ждет не дождется...

Я раздавил в своей душе что-то хрупкое, как яичная скорлупа. И, давя это хрупкое одно за другим, молча вышел из дому. Нет, я не занимался самоистязанием. Просто эти скорлупки действительно слишком хрупкие. Даже если я пощажу их, они будут раздавлены кем-нибудь посторонним.

Едва я вышел, как кто-то шарахнулся от ворот, перебежал улицу и скрылся в переулке напротив. Я пошел обычной своей дорогой и трамвайной линии. Кто-то сейчас же выныривал из переулка и как ни в чем не бывало последовал за мной. Вероятно, тот самый субъект, что давеча слонялся возле лаборатории. Я резко повернулся и двинулся ему навстречу. Он опешил, тоже повернулся и бросился бежать обратно в переулок. Преследователи из романов, которые мне приходилось читать, так никогда не поступали. Либо он неопытный новичок, либо нарочно старается обратить на себя внимание. Я пустился в погоню.

Я был проворнее его. Давно мне уже не приходилось бегать, но помогли, видимо, тренировки студенческих лет. Кроме того, на следующем перекрестке он на секунду замешкался, не зная, куда повернуть. Пробежав метров сто по мостовой, засыпанной щебнем, я настиг его и схватил за руку. Он рванулся от меня, оступился и упал на одно колено. Я чуть не повалился тоже, но удержался на ногах, не выпуская его. Мы оба пыхтели и задыхались, не произнося ни слова, изо всех сил стараясь одолеть друг друга. В беге превосходство было на моей стороне, но в борьбе он был слишком для меня гибок и подвижен. Он вдруг поднялся, выгнул спину и, когда я пошатнулся, ударил меня в живот головой, пахнущей бриллиантином. У меня перехватило дыхание, и я упал, словно придавленный свинцовой плитой.

Придя в себя, я еще слышал вдали убегающие шаги. Значит, без сознания я пробыл недолго, несколько секунд. Но у меня уже не было ни духа, ни энергии бежать за ним. Тошнотворный, приторный запах бриллиантина словно пристал к моему телу. Я встал и сейчас же почувствовал острую боль, как будто у меня были сломаны нижние ребра. Я присел на корточки, и меня вырвало.

Потом я привел себя в порядок, вышел на трамвайную линию и поймал такси. Возле дома Ёрики в Таката-но-Баба я велел остановиться и ждать и подошел к привратнику. Ёрики дома не было. Нет, он не ушел, он еще не возвращался с работы. Я вернулся в такси и поехал в лабораторию.

Вахтер, голый до пояса, с полотенцем на шее, при виде меня страшно смутился.

— Как же так,— сказал я,— смотри, в лаборатории свет...

— В самом деле...— растерянно бормотал он.— Надо туда позвонить... Верно, пока я купался на заднем дворе... Сейчас, подождите минуточку...

Я оставил его и вошел в здание. Меня обступила непроглядная дремлющая тьма, словно я очутился в ящике из фольги, покрытой жирной сажей. И полная тишина. Но в машинном зале кто-то был: через дверную щель сочился свет. Ключи имелись только у меня и у Ёрики, и еще один запасной ключ хранился у вахтера. Либо Ёрики так и не покидал лабораторию (тогда вахтер зачем-то солгал мне), либо он что-то забыл и вернулся... Последнее предположение при обычных обстоятельствах было бы, наверное, вполне естественным. Итак, я столкнулся еще с одной случайностью. Но ведь я был почему-то совершенно твердо уверен, что непременно захвачу здесь Ёрики. Не могу объяснить, почему, но я это чувствовал. Ёрики тоже скажет, что пришел сюда в надежде встретить меня, и при этом, вероятно, дружелюбно улыбнется мне... Но у меня-то вряд ли хватит смелости улыбнуться ему в ответ. Мне не хочется так думать, но я не могу больше воспринимать Ёрики просто и без оглядки, как раньше. Нелепо, конечно, полагать, будто он заодно с противником, но тем не менее... Объектом эксперимента мы выбрали убитого заведующего финансовым отделом, и наш выбор действительно был чисто случайным. Но разве не странно, что всю эту похожую на дурную выдумку цепь случайностей Ёрики воспринимает так спокойно и деловито? Во всяком случае, он всегда знал больше меня и видел на шаг дальше. (Это он, например, выдвинул диковинную историю о земноводных млекопитающих и тем самым подкрепил версию о торговле зародышами, казавшуюся до того болезненной фантазией бедного бухгалтера.) Он тогда, помнится, хотел рассказать еще что-то, но я заупрямился, не стал его слушать и ушел домой. А теперь не время упрямиться. Мне во что бы то ни стало надо понять, что происходит.

20

Замок не был заперт. Прижав ладонью ноющее ребро, я повернул ручку и резко распахнул дверь. В лицо ударил ледяной воздух. Это было странно, но еще больше я удивился при виде женщины, стоявшей с застывшей улыбкой лицом ко мне возле пульта машины. Кацуко Вада! И она улыбалась. Но ее улыбка сейчас же исчезла и сменилась выражением изумления и испуга. Было очевидно, что она ожидала увидеть не меня, а кого-то другого.

— Это ты?..

— Ох, как я испугалась!

— Это я испугался. Что ты здесь делаешь так поздно?

Переведя дыхание, она легко повернулась на пятках и села на стул возле пульта. Я подумал, что у нее очень живое и выразительное лицо, о чем она, может быть, и сама знает, хотя подчас и не подает виду.

— Простите,— сказала она.— Мы с Ёрики договорились здесь встретиться.

— Зачем же извиняться? Но вы договорились встретиться именно здесь?

— Видимо, мы как-то разошлись с ним...— Она покачала запрокинутым лицом.— Мы уже давно хотели вам открыться, сэнсэй...

Все реально. Все чудовищно реально. Я невольно улыбаюсь.

— Ну хорошо, хорошо, не волнуйся... Значит, он должен был прийти сюда?

— Нет, Ёрики должен был здесь ждать меня. Я пришла, но здесь никого не оказалось. Тогда я вернулась домой, потом к нему на квартиру, но его не было и там, и я...

Внезапно меня охватил ужас.

— Но ведь сюда только что звонил вахтер!

— Да, но...— Видимо, она не поняла, почему у меня изменился голос, и смущенно улыбнулась.— Он сказал, что пришел сэнсэй, а я подумала, что речь идет о Ёрики...

Ну конечно же, Ёрики для вахтера тоже сэнсэй.

— Странно, что в зале так холодно. Как будто на машине только что работали.

— В общем, я решила, что он вот-вот придет, и осталась ждать,— сказала Вада, щуря глаза, словно от яркого света.

Все совершенно логично. Никаких оснований для подозрений. Просто у меня слишком напряжены нервы. Растерянность вахтера тоже объясняется очень просто: он помогает этим двоим встречаться. Любовь. Самая обыденная история на свете. Можно с облегчением вздохнуть. Под ногами снова твердая, надежная почва. Нет чувства более основательного, нежели ощущение непрерывности обыденного...

— А я и не замечал, что у вас с Ёрики зашло так далеко.

— Просто мне не хотелось увольняться отсюда.

— Зачем же увольняться? Работали бы вместе...

— Это было бы сложно... Есть разные причины...

— Ну да, понятно...

Я понятия не имел, что мне тут понятно. Но на душе у меня стало легко, и мне хотелось смеяться.

— Между прочим, сэнсэй,— сказала Вада,— что бы вы сказали, если бы я попросила вас сделать меня объектом эксперимента? Пусть машина предскажет мне будущее...

— Это было бы интересно.

Действительно, мы были бы тогда избавлены от многих неприятностей.

— Я серьезно.— Она медленно провела кончиками длинных пальцев по краю пульта.— Я хочу знать, почему человек во что бы то ни стало должен жить.

— Вот будете жить вдвоем, и ты увидишь, как это просто.

— Что значит вдвоем? Вы имеете в виду брак?

— Ну да, все это. Люди живут не потому, что могут объяснить такие вещи. Напротив, они задумываются над такими вещами именно потому, что живут.

— Все говорят так. А все же интересно, захочется ли жить, если действительно узнаешь свое будущее...

— И ты хочешь подвергнуться эксперименту специально, чтобы испытать это? Странное рассуждение.

— А все-таки, сэнсэй?..

— Что — все-таки?

— Если человек выносит жизнь не по невежеству своему, а потому, что жизнь сама по себе является таким важным делом, то как мы смеем допускать аборты?

Я глотнул воздух и съежился. У меня что-то щелкнуло за ушами. Но Вада произнесла это таким неподдельно наивным тоном... Нет, это, конечно, случайное совпадение.

— Существо, лишенное сознания, нельзя приравнивать к человеку.

— Юридически это так, согласна,— сказала Вада ясным, честным голосом.— У нас разрешается убивать ребенка в материнском лоне хоть на девятом месяце. Но ведь детей, родившихся преждевременно, убивать запрещено, считается, что это излишняя роскошь. Не из бедности ли воображения мы удовлетворяемся рассуждением о том, что можно приравнять к человеку, а что нельзя?

— Так можно дойти до абсурда... Если мы продолжим твою мысль, то нам придется объявить убийцами всех женщин и мужчин, которые не хотят иметь детей...— Я с трудом выдавил из себя смешок.— Вот мы с тобой тратим сейчас время на пустую болтовню — по-твоему, значит, мы тоже совершаем убийство?

— Возможно.— Вада выпрямилась на стуле и прямо взглянула на меня.

— И, по-твоему, нам следовало бы принять меры к тому, чтобы спасти этого ребенка?

— Да, возможно.— Она даже не улыбнулась.

Я смутился, сунул в рот сигарету и отошел к окну. Я странно себя чувствовал: мне было очень жарко, ноги словно одеревенели.

— Ты очень опасная женщина...

Я услышал, как Вада поднялась со стула. Я напряженно ждал чего-то. Потом молчание стало невыносимым, и я обернулся: она стояла за моей спиной, и я никогда не видел у нее такого жесткого лица. Пока я искал слова, чтобы сказать что-нибудь, она заговорила:

— Ответьте мне ясно и определенно, сэнсэй. Я буду судить вас.

Я рассмеялся. Рассмеялся бессмысленно. Она тоже слегка улыбнулась.

— Ты действительно странная девушка.— сказал я.

— Идет суд.— Лицо ее снова стало серьезным.— Итак, сэнсэй, вы не считаете убийство ребенка в материнском лоне преступлением?

— Когда размышляешь над такими вещами, легко дойти до абсурда.

— Ну что же, сэнсэй, я вижу, что у вас не хватит смелости заглянуть через машину в свое будущее.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Достаточно.

Остановка была такой резкой, что у меня словно по инерции душа выскочила из тела. Вада стояла, устремив к потолку свои слегка выпуклые глаза, и скорбно покачивала головой. Если бы не ее простодушный вид, я бы заорал от ужаса.

Затем она как ни в чем не бывало взглянула на часы и вздохнула. Я тоже машинально поглядел на часы. Было пять минут десятого.

— Однако уже поздно...— сказала она.— Я, пожалуй, пойду домой.

Она улыбнулась мне исподлобья, плавно и стремительно повернулась кругом, и ее словно вынесло из зала. Это было так неожиданно, что я растерялся. Я стоял у окна и видел, как она попрощалась с вахтером и скрылась за воротами.

Я напряг ноги и изо всех сил уперся ими в пол. Этим я показал себе, что впредь никому больше не дам надо мной издеваться. Вряд ли в странном поведении Вады был какой-нибудь тайный умысел. Если смотреть на вещи просто, то ничего особенного, по-видимому, не произошло. И, конечно, я заподозрил Ваду и сам страшно расстроился просто потому, что меня одолевают свои проблемы. Надо успокоиться и смотреть на вещи просто. Отделить важное от второстепенного и последовательно установить, что в ближайшее время необходимо предпринять.

Я подошел к столу, взял лист бумаги и начертил большую окружность. Затем стал вписывать в нее окружность поменьше, но у меня сломался карандаш. Зашкурить малую окружность я не смог.

Я несколько раз порывался уйти, но не решался и продолжал терпеливо ждать. Если Ерики узнает, что я здесь, он непременно придет. Странно, что он все не приходит. А может быть, он знает, но просто хочет подразнить меня? Нет, не стоит раздражаться пустыми предположениями.

Двадцать минут десятого... Без пятнадцати десять... Без десяти... Наконец, в десять минут одиннадцатого он позвонил по телефону.

— Сэнсэй, это вы? Я только что встретил Ваду...— Нет, голос у него не был робким и виноватым. Наоборот, он говорил оживленно и даже весело.—...Да, мне хотелось бы вам кое-что показать. Может быть, дома удобнее?.. Ага, ну хорошо, через пять минут буду в лаборатории...

Я глядел в окно и ждал, стараясь подготовить себя к этой встрече. Придумывал и отвергал слова, которые скажу Ерики. За окном расстилался ночной город. Мне показалось, что в одном месте между небом и крышами натянута тонкая белесая пленка. Ну да, это ведь станция пригородной электрички... Волнуются, сталкиваясь, бесчисленные судьбы и жизни, а когда смотришь вот так, издали, то представляется, будто там тишина и спокойствие. С горной вершины даже бурное море кажется гладкой равниной. В далеких пейзажах всегда царит порядок. И самое фантастическое происшествие не может выйти за рамки порядка, присущего далекому пейзажу...

У ворот остановилось такси, из него выскочил Ерики. Взглянул на окно, помахал рукой. Прошло ровно пять минут.

— Мы совсем растерялись друг друга,— сказал он, входя в зал.

— Садись.— Я указал ему стул, на котором сидела Вада, а сам остался стоять так, чтобы свет падал на меня сзади.— Долго мне пришлось ждать. Ты что, разминулся с Вадой?

— Нет. Откровенно говоря, я как ушел, так и не возвращался сюда. Меня задержали...

— Ладно, это неважно...— прервал я его, стараясь говорить спокойно.— Пусть будет так. Дело вот в чем. Мне нужно поговорить с тобой, и я хочу, чтобы наш разговор фиксировала машина...

— То есть?..— Ерики вопросительно склонил голову. Ни тени смущения не было на его лице.

— Я хотел бы еще раз тщательно обговорить все, что произошло с сегодняшнего утра.

— Это было бы здорово...— Он закивал и уселся поудобнее.— Я уже пытался как-то проанализировать эти события и очень сожалел, что вы, сэнсэй, не пожелали этим заняться. Помнится, вы перед уходом даже рассердились на меня как будто.

— Да... Что, бишь, я тогда сказал?

— Что с вас довольно и что вы не желаете играть в сыщиков...

— Действительно. Итак, продолжим этот разговор. Включи вход.

Ерики нагнулся над входным устройством, затем удивленно произнес:

— Да она же включена! И никто не заметил, потому что перегорела сигнальная лампа. Ну и ну, хороши же мы с вами...

— Что на входе?

— Микрофон.

— Значит, она фиксировала все, что здесь говорилось?

— Видимо, да...— Он откинул кожух и запустил ловкие пальцы в узлы металлической нервной системы.— Ага, вот оно что... То-то Вада так уверена, что я был здесь до ее прихода. Я отрицал, но она и слушать не хотела. Тогда, говорит, почему же в зале так холодно? Меня это, конечно, тоже озадачило. А теперь все понятно.

Опять он меня обвел. Я даже не знаю, что ощутил острее: разочарование или подозрение, что это тоже подстроено. Когда он сказал, что не возвращался сюда, я уже торжествовал в душе. В мое отсутствие никто, кроме него, машину включить не мог, и холод в зале выдавал его с головой. А теперь все сорвалось. Ну что же, ничего не поделаешь. Вешать нос по этому поводу, во всяком случае, не стоит.

— Хорошо,— сказал я.— Начнем с общего обзора событий.

— Прошу вас. Я со своей стороны буду вносить поправки и уточнения.

— Мы выбрали объект эксперимента для представления комиссии по программированию. Наш выбор был совершенно случаен... и вдруг оказалось, что этот человек кем-то убит. Поскольку в момент убийства мы находились вблизи от места преступления, возникла возможность, что подозрение падет на нас...

— Вернее, на меня,— поправил Ерики.

— Арестовали любовницу убитого, но полиция, кажется, этим не удовлетворилась... Впрочем, не знаю, полиция ли... Возможно, что мысль о поисках в другом направлении внушили полиции, скажем, соучастники убийцы с целью припугнуть...

— Согласен.

— Как бы то ни было, мы оказались в ловушке. Мы знали, что надо что-то предпринимать, иначе полиция рано или поздно доберется до нас. И чтобы вызвать на бой истинного убийцу, мы решились на стимуляцию трупа убитого. Помимо всего прочего, это можно было бы представить в случае успеха как первый эксперимент с блестящими результатами. Но мы выяснили только, что убийца не женщина, а также выслушали диковинную сказку о торговле человеческими зародышами. Приложением к эксперименту явился телефонный звонок от какого-то шантажиста...

— Следует обратить особое внимание на то, как быстро этот субъект получает информацию...

— Да. И на то, что голос его мне определенно знаком...

— Вы так и не вспомнили?

— Нет. Кажется, вот-вот вспомню, но не могу... Во всяком случае, это человек из нашего окружения.

— И вдобавок,— подхватил Ерики,— он в какой-то степени осведомлен о нашем механическом предсказателе. Именно поэтому, едва мы решили подвергнуть анализу любовницу убитого, он сразу почуял опасность и убил ее, прежде чем она попала к нам в руки... Но все это не объясняет, каким образом смерть совершенно случайного человека повлекла за собой события, связанные с нашими делами...

— Что ж, никто нам не мешает рассматривать это как случайность. В таком случае получается так, что противник загнал нас в ловушку с целью оградить себя от неприятностей. Но могут существовать еще другие, неизвестные пока нам звенья этой цепи. И тогда ловушка приобретает, возможно, гораздо более серьезный смысл.

— Что вы имеете в виду?

— То, что кто-то поставил перед собой цель дискредитировать машину-предсказатель.

— Не понимаю.

— Ладно, пойдем дальше... Как бы там ни было, в руках у нас не осталось ни одной нити.

— На первый взгляд это так.

— Впрочем, этого нам показалось мало... Мне снова позвонил шантажист; ко мне приставили для слежки какого-то субъекта. В то же время ты поведал мне любопытную историю о подводных млекопитающих, и я уже оставил всякую надежду что-либо понять...

— Я как раз хотел...

— Минутку, дай мне закончить... Но, вернувшись домой, я узнал поразительную вещь. Оказывается, пока меня не было, мою жену обманом заманили в какой-то госпиталь и там насильно сделали ей аборт.

— Что вы говорите!

— Жена была беременна на третьей неделе. И когда она уезжала, ей выплатили семь тысяч иен... Да подожди же... Это, разумеется, не заставит меня поверить в версию о торговле зародышами в материнской утробе. Возможно, шантаж по телефону они сочли недостаточным и прибегли к более внушительной форме устрашения. Не знаю. Недаром говорят, что хитрый мошенник старается укрыть большую ложь в куче мелких обманов. Может быть, этими семью тысячами они стараются приковать мое внимание к самому бессмысленному месту в исповеди убитого... нет, дай мне договорить до конца... с целью оглушить меня психологически. Хотя, впрочем, не все ли равно, какая у них цель. Самое важное здесь то, что мерзавец, организовавший весь этот гнусный заговор, отлично знал результаты стимуляции. Не так ли? Разве я мог бы воспринять происшествие с женой как угрозу, если бы в исповеди убитого не говорилось о торговле зародышами, о семи тысячах иен, о трехнедельном сроке? Этот субъект знал все. Так?.. Так. Но содержание исповеди было известно только двоим. Мне и тебе. Ты не станешь отрицать это?

— Да, я признаю это,— произнес Ерики. Он сидел неподвижно, немного побледнев и опустив глаза.

— Еще бы ты не признавал! Ведь все теперь понятно.

— Что понятно?

Я встал перед ним и, протянув руку к его лицу, медленно, слово за словом, выдавил из себя:

— То... что убийца... ты!

Против ожидания Ерики не сник и не вспылил. Он не мог скрыть нервного напряжения, но голос его был холоден и спокоен. Глядя мне прямо в глаза, он сказал:

— А как же с мотивом?

— Если ты полагаешь, что я не ожидал такого возражения, то ты глубоко ошибаешься. Если ты убийца, мотив обнаружится сам собой. Короче говоря, убитый только для меня был случайным человеком, ты же знал его и имел в виду с самого начала. В тот день у нас не было определенной цели, к тому же мы сильно устали. Завести меня в кафе и обратить мое внимание на этого человека, которого заманили туда через любовницу, было не так уж трудно. И ты проделал это весьма умело. Ты заманил меня в ловушку, запугал полицией, потом ты сделал вид, будто помогаешь искать преступника, и этим отвел от себя мои подозрения. Ты все предусмотрел, даже мелочи. И теперь тебе, наверное, досадно, что в твоих замыслах оказалась прореха... Слишком уж ты полагался на этот самый вопрос о мотиве...

— А если бы этой прорехи не оказалось, что тогда?

— Ну, расчет твой ясен. Ты ожидал, что мне, загнанному и запуганному, останется только во всеуслышание солгать, будто машина подтвердила виновность этой женщины-самоубийцы.

— Любопытный силлогизм... И что же вы собираетесь теперь предпринять, сэнсэй?

— Я вынужден просить тебя пойти куда следует.

— Хотя бы и без мотива?

— Об этом ты, наверное, будешь советоваться с адвокатами. Впрочем, может случиться и так, что тебя в законном порядке подвергнут испытанию на нашей машине...— У меня вдруг иссякли силы, и я ощутил в себе страшную пустоту.— Подумать только, сколько ты глупостей натворил!.. Ну разве можно так? Ведь ты... Я всегда возлагал на тебя такие надежды... Кто бы мог подумать!.. Это просто ужасно!..

— Что здесь говорила Вада?

— Вада? Ах да, Вада... Ничего особенного она не говорила... Хотя... Да, кажется, она беспокоилась о тебе... Ну вот, ты и ее теперь сделал несчастной... Да что толку жалеть, ничего уже не исправишь...

Ерики глубоко вздохнул и отрицательно покачал головой.

— Очень любопытный был силлогизм. Совершенно в вашем духе, сэнсэй. Логичный и строгий. Правда, есть в нем одна ошибка, тоже совершенно в вашем духе.

— Ошибка?

— Ну, пусть не ошибка. Назовем ее слепой точкой.

— К чему эти увертки? Ведь все зафиксировано машиной.

— А действительно, почему бы нам не обратиться за помощью к машине? Вот она и рассудит нас.— Ерики сел за пульт и, манипулируя кнопками, произнес в микрофон: — Готовность к суждению.

Зеленая лампочка — сигнал готовности.

— Определить наличие или отсутствие ошибки в указанном силлогизме.

Красная лампочка — сигнал наличия ошибки.

Ерики переключил выходное устройство на динамик и скомандовал:

— Указать, в чем ошибка.

Машина немедленно отозвалась:

— Имеет место логический скачок в изначальном предположении. При наличии информации о торговле зародышами человек должен знать заранее, что этот вопрос будет отражен в результате стимуляции трупа.

Я вскрикнул и схватил Ерики за руку.

— Это он! Тот самый голос! Я узнал его!

— Это ваш голос, сэнсэй.

Ах, черт... Ну конечно... Когда машину озвучивали, ей придали мой голос. И именно этот голос говорил тогда со мной по телефону, сомнений быть не может. Не мудрено, что он показался мне знакомым. Вероятно, кто-то снял его с машины и записал на пленку!

Я торжествовал. Я тряс и дергал руку Ерики и кричал: «Вот она, шкура оборотня! Ах ты хитрец, ах ты бестия этакая! Что, не выгорело? Мерзость мерзостью и наказывается!»

Ерики не пытался вырваться и стоял неподвижно, глядя в сторону. Потом, когда я задохнулся и замолчал, он тихо произнес:

— Но это же не доказательство. Голос не так индивидуален, как лицо...

У меня сперло дыхание и на глазах выступили слезы. Я отпустил руку Ерики, чтобы вытереть их. Ерики отошел и, загородившись стулом, сказал:

— Итак, как утверждает машина, все ваши рассуждения, сэнсэй, построены на слепой точке — на твердом убеждении, что торговля зародышами есть не что иное, как фантазия убитого. Стоит усомниться в этом, и весь ваш блестящий силлогизм рассыпается в прах... Я, конечно, тоже не знаю ничего конкретного. И пусть это окольный путь, но уж коль скоро мы не имеем возможности вести поиски открыто, на виду у полиции, почему бы нам не испробовать и эту версию?.. Это, конечно, всего лишь рабочая гипотеза... но давайте предположим на время, что торговля зародышами действительно имеет место. Выводы могут оказаться не менее интересными, чем следствия из версии о том, будто я убийца... Таким образом, если торговля зародышами существует, она может осуществляться в широких масштабах и достаточно организованно. И, следовательно, достаточно велика вероятность того, что случайный объект может оказаться так или иначе связанным с этой организацией.

— Все это глупости. Сказки для бездельников.

Ерики закусил губу, упрямо насупился и достал из кармана фотографию величиной с почтовую открытку. Он спокойно положил ее на сиденье стула и сказал:

— Вот, взгляните, пожалуйста. Это фото подводной собаки... Честно говоря, я нынче вечером ездил в лабораторию брата господина Ямамото. Я получил разрешение на осмотр и прихватил заодно этот снимок.

Действительно, это была фотография собаки, плывущей под водой. Передние лапы ее были подняты, задние вытянуты, голова опущена. От шеи по спине тянулись цепочки пузырьков воздуха.

— Собака не из породистых... Вот здесь, в утолщении за нижней челюстью, видны черные щели. Это жабры... На уши не обращайте внимания, это дефект фотографии. В общем, у нее, как видите, облик обыкновенной собаки, хотя какое-то незначительное оперативное вмешательство сразу после рождения все-таки, кажется, необходимо. Вот глаза у нее действительно странные. Одновременно с отмиранием легких претерпевают изменения и различные железы, в частности, вырождаются и слезные железы, а это влечет за собой изменение формы глаза.

— Синтетический оборотень, чудо хирургии...

— Ничего подобного. Такие жабры есть только у акул, а разве возможна прививка от акулы к собаке? Нет, здесь результат планируемой эволюции на основе внеутробного выращивания. Если бы вы видели это своими глазами...

— Понятно. Ты хочешь сказать, что торговля зародышами имеет целью производство подводных людей?

— Размеры трехнедельного зародыша не превышают трех сантиметров. Если их скупать на мясо, то платить по семь тысяч иен за штуку не имеет смысла.

Я смотрел на эту фотографию, похожую на дурной сон, и у меня было ощущение, будто реальность перестала быть реальностью. Я уже не верил, что за стеной есть улицы, что на этих улицах живут люди.

— ...И они разрешили осмотр?

— Да, мне удалось уговорить их.— Ерики оживился и придвинулся ко мне.— Только с условием, что мы будем молчать.

— Слушай, тут же концы с концами не сходятся. Допустим, что торговля зародышами существует и заведующий финансовым отделом убит потому, что мог разгласить эту тайну. Почему же такие страшные конспираторы так просто пускают нас к себе?

— Видимо, как ни странно, у них есть на то свои причины.

— Причины?.. Воображаю, что это за причины... А хочешь знать мое мнение? Если бы там можно было зацепиться за какую-нибудь улику, они бы нас ни за что не пустили. А раз они пускают все-таки, значит, и ехать к ним нечего.

Ерики судорожно проглотил слюну.

— Сэнсэй...— проговорил он.— Это, наверное, последний шанс.

— Что, они прекращают работу?

— Я не о поездке. Это ваш, сэнсэй, последний шанс.

— Что такое?

— Ничего, достаточно...

Что это? У меня уже был где-то с кем-то такой разговор. Ах да, те же самые слова произнесла недавно Кацуко Вада...

— Эта собака... Она сама ловит рыбу?

У Ерики блеснули глаза.

— О да, их там специально обучают. Если мы поедем, то можно будет посмотреть, как это делается.

— Странно, право. Чему ты так радуешься? Мы же собираемся в лагерь противника.

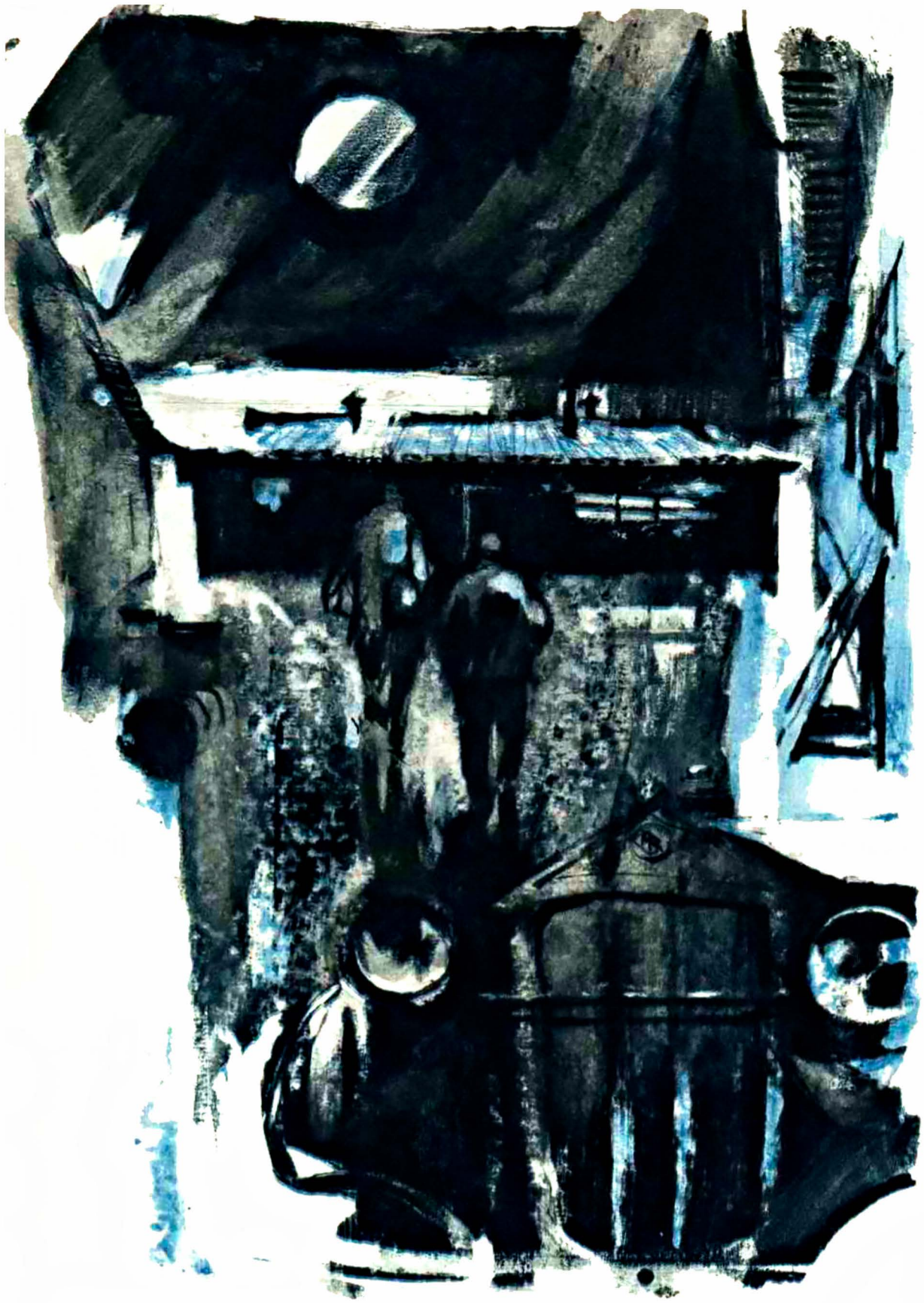
— Я?.. Да, я доволен... Если нам повезет, подозрение с меня будет снято.

— Ты подумал о том, что мы можем и не вернуться оттуда?

Ерики рассмеялся:

— Если хотите, оставим здесь записку.

(Продолжение следует)



Наконец машина остановилась. Луна пряталась за тучами. Впрочем, она все равно не помогла бы мне сориентироваться.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

КОБО АБЭ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с японского С. БЕРЕЖКОВА

Продолжение. Начало см. №№ 1—3.

22

— Ладно, на сегодня довольно... Устал...— говорю я вяло и поднимаю к лицу два пальца, которыми упирался в стол. На подушечках пальцев белеют плоские округлые следы.

— Простите, сэнсэй...— возражает Ёрики. Он упрям и настойчив, как обычно.— Я, вероятно, надоел вам, но раз уж вы согласились, может быть, покончим с этим делом сегодня же?

— С каким делом?

— С визитом к подводным млекопитающим.

— Что за глупые шутки? Уже одиннадцать часов!

— Знаю. Но раз уж мы решили ехать, то не все ли равно, который час? К тому же нельзя забывать, что до заседания комиссии осталось всего три дня, и если мы собираемся представить господину Томоясу наш проект, у нас для работы остается всего один день, завтрашний.

— Так-то оно так, только вряд ли они обрадуются, если мы явимся так поздно. Да и нет там уже никого, наверное...

— Ничего подобного. Директор лаборатории господин Ямамото нарочно ради нас перенес свое дежурство на эту ночь...

— Директор дежурит?

— Там ведь все, как в больницах. Поскольку они работают с живыми существами... И вообще там по ночам много работы. Впрочем, вы сами увидите.

— Послушай...— Я поставил колено на сиденье кресла и достал сигарету, хотя мне не хотелось курить. Возможно, такой позой я намеревался продемонстрировать Ёрики и самому себе, что полностью сохраняю душевное равновесие.— Если говорить прямо, ты не вполне откровенен со мной.

Ёрики оттопырил губу и насупился. Кажется, он хотел что-то сказать, но промолчал. Я продолжал:

— Мне многое хотелось бы сказать тебе. Я не улавливаю логики происходящего. Мало того, я испытываю какую-то внутреннюю неудовлетворенность. Грубо выражаясь, мне все это отвратительно...

— Кажется, я вас понимаю.

— А раз так, то брось околичности и расскажи мне все, что тебе известно. Нас загнали в тупик. Кто-то зачем-то спутал нас по рукам и ногам. Мы не знаем, чего добивается противник, и потому не можем отвечать на удары. Кто и какую выгоду может извлечь из того, что мы в ловушке?..

— Эта шайка, несомненно, боится машины-предсказателя.

— Вряд ли... Ведь машина так и не дала нам ничего по-настоящему. Женщину они убили, никаких нитей в наших руках не осталось. Чего же им еще бояться? Нет, это не то.

— Мы же будем продолжать работу. Во-первых, комиссия надеется найти истинного преступника и не позволит нам остановиться на полдороге.

— Комиссию можно обвести, подсунув ей характерные показатели личности убитого.

— Не знаю...— Ёрики покачал головой.— Ведь о том, что мы работаем, известно и полиции. Правда, самым высшим чинам. Они ждут от нас результатов и потому держатся в роли стороннего наблюдателя и даже помогают нам. И если мы не найдем убийцу и подозрение падет на нас, тогда все пропало... Нет, это не годится. Никуда не годится.

— Хорошо. Допустим, ты прав. Но тогда напрашивается вот какое соображение. Эти бандиты — предположим, что они действительно существуют,— так вот, эти бандиты, очевидно, могут выставить своих свидетелей и натравить на нас полицию в любое время, когда только им заблагорассудится. Мы целиком и полностью зависим от них...

— Какая чушь! Да они только и ждут, чтобы вы упали духом. Трус всегда попадается на эту удочку. Услышит, что поблизости бродят волки, забьется в свою нору и, хотя отлично сознает, что неминуемо помрет от голода, ни почем не высунет нос наружу... Ох, простите, сэнсэй, это я от злости, что у нас все так нелепо складывается.

— Ничего, я и сам знаю, что я трус. Но вот я сейчас слушал тебя, и мне пришло в голову... Послушай, пойдем в полицию и все расскажем, ведь нам самим легче станет.

Ёрики исподлобья глядит мне в лицо. То ли он действительно жалеет меня, то ли осуждает, а может быть, просто притворяется. Закусив губу, он невнятно говорит:

— Кое-кто, вероятно, обрадуется. Их ведь уйма таких, кто спит и видит выгнать нас с вами отсюда и превратить лабораторию в подсобный вычислительный центр... И вот еще что, сэнсэй. Вы отказываетесь признать существование торговли зародышами. Вы считаете, что вашу супругу заманили в ловушку, чтобы привлечь внимание к этой сказочке. А вы представьте себе, что такое предприятие действительно существует. Тогда получится, что они не только не собираются прятаться от вас, но сами настойчиво подсовывают вам факты...— Легонько постукивая пальцами по краю пульта, Ёрики вдруг переходит на шепот: — Или, может быть, это — предупреждение, сэнсэй. Они хотят вам показать, что у них достанет силы расправиться и с вами... Действительно, мужчина убит, женщина убита...

— И что же ты предлагаешь? — Я замечаю, что давно уже расхаживаю, стуча каблуками, среди блоков машины.

— Выяснить, что собой представляет эта ловушка. Ничего другого не остается.— Я молчу, и Ёрики вкрадчиво добавляет: — Впрочем, можно запросить машину.

— Довольно! — кричу я. Мне страшно, и я зол на себя за этот страх. Кажется, я ждал этого предложения. Ждал и боялся.

— Почему? Разве вы больше не доверяете машине?

— Машина — это логика. Здесь не может быть речи о недоверии...

— Тогда почему...

— Это не такое дело, с которым стоит обращаться к помощи машины.

— Странно... Значит, вы признаете, что прав я?

— Почему же странно?

— Но вы колеблетесь, сэнсэй. И если вы не доверяете машине, значит, вы не доверяете логике?

— Можешь думать, как тебе заблагорассудится.

— Нет, так нельзя. Получается, что для вас важна только сама машина, а в том, что она предсказывает, вы не заинтересованы.

— Кто это тебе сказал?

— Ну как же? Если предположить, что вы не решаетесь обратиться к машине не потому, что не верите ей, а потому, что не желаете верить, то чем ваше мнение отличается от мнения противников машины? И тогда вы, сэнсэй, как человек, который страшится знать будущее, не способны руководить нашей работой.

Я вдруг обмяк. Злость сменилась раскаянием. Лицо горело от утомления.

— Да... Возможно, ты прав... Но как вы, молодые, можете хладнокровно говорить такие жестокие вещи!..

— Не говорите так, сэнсэй, пожалуйста,— добродушно произнес Ёрики. Он словно сменил маску.— Вы же знаете, какой у меня язык. Не сердитесь, сэнсэй...

— Я не хочу уходить отсюда. Люди, подобные мне, ни на что не способны, когда их удаляют от дела, которое они создали. И все же, если я увижу, что не справляюсь, я уйду сам, спрячусь куда-нибудь. Что мне еще остается?.. Так, наверное, и будет, если я отдамся на волю событий... В глубине души я уверен в этом, хотя мне противно так думать. Противно, не правда ли, что инженер, создавший машину-предсказатель, сам боится предсказаний. Просто смешно. Меня даже дрожь пробрала, когда ты предложил обратиться к машине...

— Вы просто устали.

— А ты поступаешь нечестно.

— Как это?

— Я уже сказал, что ты не откровенен.

Ёрики недовольно спросил:

— В чем? Укажите конкретно...

— Положим, ты прав, и нам нужно изо всех сил стараться разгадать смысл ловушки. Но неужели для этого так уж необходимо, чтобы я увидел подводных млекопитающих?.. Погоди, я и без тебя знаю, что ты в этом убежден... Недаром ты потратил полдня и готов тащить меня туда в такой поздний час... Понимаю. Прекрасно понимаю... Но почему-то ты никак не желаешь объяснить мне причину этого. Вот ты говоришь, что торговля зародышами — это факт и что в лаборатории внеутробного выращивания мы, возможно, обнаружим какую-нибудь улику. Но я не верю, чтобы столь туманная надежда могла так воспламенить тебя. Да, до заседания комиссии осталось три дня. Так неужели я поверю, что ты станешь тратить это драгоценное время на каких-то там водяных собак и крыс да еще безо всякой уверенности в успехе? Совершенно очевидно, что ты что-то скрываешь от меня.

— Да нет же, ничего подобного,— говорит Ёрики, смущенно улыбаясь.— Просто я считаю, что для того, чтобы выработать четкую тактику действия, необходимо точно убедиться в существовании торговли зародышами, а потом уже двигаться дальше. Но навязывать вам такой план, сэнсэй, у меня не хватает смелости, ведь я отлично понимаю, каким это все представляется несуразным. Кому охота ломать голову над вещами, которые и вообразить-то себе невозможно? А вот если бы вы хоть раз увидали этих подводных животных своими глазами, то, вне всякого сомнения, признали бы возможность торговли зародышами. Я, например, видел их и теперь без труда представляю себе эту торговлю...

— Ехать туда ради одного этого нет никакой необходимости. Если на такой гипотезе можно выработать действенную тактику, то почему бы и не попробовать?

— Разве можно серьезно заниматься тем, во что не веришь?

— Будем считать, что я поверил.

— Нет, сэнсэй, вы еще не верите. Поверить в это не так-то просто.— Я невольно улыбнулся, и он добавил: — Вот видите, вы смеетесь, значит, не верите.

— Глупости...

— Если в это поверишь, то смеяться уже не станешь. Это страшно. Представьте себе миллионы подводных людей в год...

— Ох, как тебя заносит!..

— Об этом я и говорю. Пока вы не поверите, мы не двинемся вперед ни на шаг. Любую возможность вы будете воспринимать как плод фантазии. Какая уж тут тактика!

— Понимаю. Пусть будет так... Значит, ежегодно создаются миллионы подводных людей...

— И среди них, сэнсэй, ваш сын...

Я рассмеялся. Хрипло, сухо, но все же рассмеялся. Чем, кроме смеха, мог я ответить!.. Где-то в душе бессильно барахтался, пытаясь проникнуть в память, разговор с женой, который был у нас несколько дней назад. Тогда я почти не обратил на него внимания. Кажется, это было вечером в день последнего заседания комиссии. Я сидел у изголовья постели и пил виски с содовой, а жена о чем-то настойчиво меня спрашивала. Я был раздражен. Меня злило не только упрямство комиссии, но и ощущение усталости, не дававшее мне сосредоточиться на словах жены. Сама близость жены угнетала меня, словно налагала на меня какую-то ответственность. «Ну что же, купи»...— проговорил я, поглядывая на страницу каталога электрооборудования, и торопливо поднес к губам стакан. «Купить? Что купить?» Ну этот, как его, холодильник, что ли... «О чем ты?» Оказывается, я не слышал ни слова. Тонкие волосы, упавшие на лицо жены, резко бросались в глаза, и в этом было что-то зловещее. Я, наконец, понял, что она говорила о нашем будущем ребенке.

Да, человек есть существо, наделенное будущим, убийство есть зло, потому что отнимает у человека это будущее, однако будущее всегда и всюду есть тень настоящего во времени. Ну кто же несет ответственность за будущее тех, у кого нет даже этого настоящего? Это было бы уходом от действительности под предлогом ответственности.

Слова Ёрики о том, что мой ребенок, возможно, стал подводным человеком, мгновенно обратили в пыль мою уверенность в себе. Мой ребенок, который не должен был родиться, неподвижно смотрел на меня из темной воды... Вот темные щели в утолщении подбородка, это жабры... Уши, как у всех людей, но веки должны измениться... В черной воде колышутся белые руки и ноги... Мой ребенок, который не должен был родиться... Ребенок, о котором я самодовольно препирался с женой, скрестив ноги на подушке... Ленивый самообман и тупая самоуверенность того вечера обернулись отмщением и нависли над моей головой... У нас с женой больше не будет взаимных уколов. Отныне раны буду получать только я. До конца дней жена будет укорять меня призраком нашего ребенка, насильственно оставленного в живых, и чем отчаяннее я буду защищаться, тем больнее будут удары, а если я попытаюсь спастись бегством, все равно меня всюду будут ждать неподвижно раскрытые глаза, глядящие из воды...

Я неловко оборвал смех.

— Нельзя же так...— проговорил Ёрики, пристально следя за моим лицом.— Если вы не убедитесь сами...

— Понятно. Спасибо тебе, теперь я, кажется, знаю, что нужно делать...

— Что именно?

— Мы поговорим потом, когда вернемся...

Ёрики испытующе посмотрел на меня, повертел в нагрудном кармане карандаш и стал выключать машину.

— Что это? Все время шла запись?

— Вы же не велели выключить, сэнсэй...— улыбнулся Ёрики. Он показал на счетчик работы звукозаписи.— Если что-нибудь случится, это будет вместо нашего завещания.

Зал наполняется едва слышным шепотом тишины. Как всегда, машина почему-то кажется не такой, как обычно. Это очень неприятное ощущение: словно за ее блоками ждет, раскрыв гигантскую пасть, дорога в будущее. И будущее вдруг показалось мне не сухой схемой, как до сих пор, а неистово жестоким зверем, обладающим своей, независимой от настоящего волей.

Программная карта номер два

Программирование есть не что иное, как превращение качественной реальности в реальность количественную...

23

Ночь тихая и жаркая. Между пальцами выступает пот, как будто на руках перчатки. Звезд не видно, в прореху между тучами выглядывает багровая луна. Мы зашли в сторожку вахтера, и Ёрики куда-то позвонил. Вахтер немедленно, словно только нас и дожидался, открыл для меня банку фруктового сока. Его угодливость отвратительна.

— Созвонился? — наугад спросил я.

— Да, все в порядке,— ответил, улыбнувшись, Ёрики.— Пойдемте.

Больше мы не проронили ни слова. Соглядатая у ворот нет. Мы выходим на трамвайную линию, и вскоре нам удается поймать такси. Я усаживаюсь и торопливо лезу в карман за платком, но не успеваю: капля пота падает у меня с кончика носа. Ёрики говорит шоферу:

— Из Цукудзи поедем через Харуми до моста на строительном участке номер двенадцать... Знаете?.. Это мост Ёрои... Так вот, сразу за мостом...

Немолодой шофер с полотенцем от пота на голове под форменной фуражкой на секунду обернулся и подозрительно поглядел на нас, затем молча включил мотор. По сторонам привычно потянулись ряды истомленных, обессиленных духотой деревянных домов. В каменных кварталах жара усилилась. Через час мы миновали Харуми, и впереди открылся опустошенный пейзаж, весь состоящий, казалось, из канав и дорог. Сначала мы говорили о чем попало: о резких изменениях погоды за последние несколько лет, о небывало высоких приливах, об опускании грунта, о частых землетрясениях,— затем замолчали. Кажется, я даже задремал ненадолго.

Наконец впереди, в липком солоноватом ветре засиял зелеными огнями мост Ёрои. Эти яркие огни в центре мрачной пустыни производят очень неприятное впечатление. Когда мы ехали через мост, послышался низкий короткий рев гудка. Час пополуночи.

За мостом у обочины шоссе стоял старомодный автомобиль. Возле него сидел на корточках человек с карманным фонариком и делал вид, будто копается в моторе. Ёрики велел шоферу остановиться, расплатился, и мы вышли. «Это оттуда»,— произнес Ёрики, подошел к машине у обочины и что-то сказал. Человек с фонариком сейчас же встал и поклонился.

Мы пересели в его машину и проехали еще минут двадцать. Дороги были широкие, обычные, но ехали мы как-то странно. Очень скоро я потерял ориентировку. Мы миновали три больших моста, так что, вероятно, не были уже на территории строительного участка номер двенадцать. Но я решил не задавать вопросов. Раз уж пускаются на такие хитрости, то спрашивать бесполезно, все равно не ответят. А если скрывать не собираются, то лучше подождать и потом попросить показать на карте.

Наконец машина остановилась. Пустынная улица между огромными складами. Впереди, где дорога обрывается у моря, одноэтажная постройка, окруженная обычным бетонным забором. У входа незаметная деревянная табличка с надписью: «Лаборатория Ямамото». Во дворе под открытым небом валяются железные бочки. Я поспешно поднял глаза. Но, к сожалению, луна спряталась за тучами. Впрочем, она все равно не помогла бы мне сориентироваться. Море здесь было со всех сторон, кроме северной.

Господин Ямамото сам вышел к нам навстречу. Огромный человек с синеватым, как бы испачканным лицом. Мой брат всегда пользуется вашей помощью,— произнес он четким пружинящим голосом, протягивая мне свою карточку.

Карточка казалась крошечной в его мясистых пальцах с глубоко врезанными ногтями. Я сейчас же вспомнил, что его брат ведает счетной лабораторией госпиталя Центральной страховой компании, и эти слова показались мне зловещими. Вероятно, точно так же все кажется исполненным загадочного смысла человеку, страдающему амнезией. Стараясь не поддаваться, я торопливо сказал первое, что пришло в голову:

— Вы действительно на него похожи...

— Что вы, мы ведь братья только по свойству.

Господин Ямамото весело смеется и приглашает меня следовать за ним. Он в белом халате и сандалиях, только белый халат слегка замаслен. Огромные опущенные руки кажутся очень тяжелыми. Обычно, как это ни странно, именно такие вот пальцы бывают необычайно ловкими и подвижными. Они имеют дело не с невидимыми абстракциями, как наши, а с тонкой организацией живых существ.

Внутри постройка выглядит ветхой и страшно запущенной, словно здание начальной школы, доживающее последние дни. Но в нише в глубине коридора оказался лифт. Мы вошли в него, господин Ямамото нажал кнопку, и лифт неожиданно пошел вниз. Собственно, больше двигаться ему было некуда, ведь здание было одноэтажное, но я по привычке ожидал противоположного ускорения и так удивился, что вскрикнул. Господин Ямамото громко расхохотался. Это был наивный беззаботный смех, который заставляет забыть начисто и про поздний час и про странную ситуацию. Положительно представление о заговорах и интригах никак не вяжется с личностью господина Ямамото. Злое намерение разоблачать и обвинять тает в моей душе и превращается в какую-то смутную надежду.

Лифт движется медленно, но мне представляется, что мы спустились этажа на три. Длинный коридор, в нем множество дверей. Если не считать знобящей сырости, это довольно обычная обстановка для исследовательского института. Пройдя по коридору, мы сворачиваем направо, и меня вводят в просторное помещение.

Это было поразительное зрелище. Словно кубический аквариум. Словно сооружение из глыб грязноватого льда. Лабиринт больших и малых бассейнов, путаница труб, кранов и измерительных приборов. Железные мостики для людей протянуты в три ряда, совсем как в машинном отделении океанского корабля. Запотевшие стены, покрытые зеленой масляной краской, таинственные клейкие всплески, вонь обнажившейся при отливе отмели... Такие сны я часто вижу перед гриппом.

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

По мостику у нас над головами расхаживал, стуча сандалиями, человек в белом халате. Он снимал и записывал показания приборов. Он не обратил на нас внимания, но господин Ямамото окликнул его: «Харада-кун!»,— и он оглянулся с удивительно приветливой улыбкой.

— Харада-кун, открой нам потом третью камеру...

— Слушаюсь, там уже все приготовлено.

Господин Ямамото кивнул.

— Пойдемте пока в мой кабинет,— сказал он мне и зашагал по центральному мостику.

— Смотрите, смотрите!..— шепчет Ёрини, хватая меня за локоть.

Но я без него не свожу глаз с бассейнов, мимо которых мы идем.

В первом бассейне две громадные подводные крысы — самец и самка. Они ничем не отличаются от обыкновенных полевых крыс, только у основания шеи, где шерсть редкая, открываются и закрываются бледно-розовые щели, да еще бросается в глаза форма груди, похожей на маленькую бочку. Двигались в воде они с поразительной ловкостью, причем плавали не только по-собачьи, загребая лапками, как это делают наземные животные, но и как креветки, резко сгибая и распрямляя туловище. Впрочем, инстинктов, свойственных грызунам, они, видимо, не утратили: одна из них поднялась на поверхность, вцепилась в плававший кусок дерева и, грызя его, медленно, животом кверху вернулась в глубину. Другая хотела было броситься на меня, но за мгновение до удара о стекло бассейна ловко повернулась и уставилась на меня большими круглыми глазами, полуоткрыв рот и высунув красный язык.

В следующих двух бассейнах тоже были крысы. А в четвертом находились зайцы. Не в пример крысам, они безжизненными мешками, покрытыми слипшейся шерстью, неподвижно висели в воде у самого дна. Господин Ямамото щелкнул ногтем по стеклу и сказал:

— С травоядными пока получается плохо. Слишком специфичен способ ассимиляции энергии... Первое поколение еще как-то удается вырастить, а вот, начиная со второго, все идет прахом...

Мы поднялись по железному трапу и оказались перед подвешенной к потолку камерой, похожей на ящик. На пороге камеры я непроизвольно обернулся. Как раз в этот момент у дальней стены в бассейне величиной с грузовой вагон, взбаламутив воду, всплыл с хриплым стоном огромный черный лоснящийся зверь. Это была корова.

— Внушительное зрелище, не правда ли? — с улыбкой сказал господин Ямамото, закрывая дверь.— С травоядными тоже так или иначе получается, если не жалеть искусственных кормов. Коровы дают мясо и молоко, поэтому производство искусственных кормов в больших масштабах оказывается выгодным. Только вот доильные машины отказывают, не работают под водой. Пока мы применяем небольшие вакуумные насосы, но это, разумеется, не выход...— Он повернулся к холодильнику в стене, достал фарфоровый кувшин и налил в стакан молоко.— Попробуйте, пожалуйста. Парное молоко, только что доили. Почти не отличается от молока на суше. Правда, анализы показывают повышенное содержание соли, но молоко здесь скорее всего ни при чем, просто при дойке в него неизбежно попадает морская вода... А самое главное то, что оно свежее.

Чтобы не обидеть его, я одним глотком осушил стакан. Молоко было вкуснее домашнего. Видимо, из-за хороших кормов. Затем меня усадили на стул. Думается, что отличный прием для того, чтобы разбить лед,— сразу угостить молоком и только затем предложить сесть. Если все это игра, то мой партнер является изрядным актером.

— Сейчас поздно, и вы, наверное, устали... Мы-то здесь привыкли к ночной работе,— сказал профессор Ямамото.

Он стоит, сплетя на груди толстые пальцы, спиной к стенду с микроскопом и различными химическими приборами. На пальцах торчат редкие жесткие волоски, как на щетках для домашних ношек и собак. Позади меня высокий книжный шкаф и ширма, за которой виден край койки.

— Ничего, мы тоже частенько засиживаемся допоздна.

— Да, конечно, вы так загружены... Но у нас сам характер работы такой, для нас нет ни дня, ни ночи. Судьба, ничего не поделаешь. Хищники, например, ведут преимущественно ночной образ жизни. Можно было бы прибегнуть к искусственному освещению, но вот собак мы должны дрессировать под открытым небом, а днем этого делать нельзя. Мы ведь прячемся от посторонних глаз...

— Прячетесь?

— Разумеется, прячемся,— подтвердил он с теплой усмешкой.— Но вам-то мы покажем потом, если останется время... Как вы насчет молока? Может быть, еще стакан, Ёрини-кун? Ты будешь пить?

Я с изумлением взглянул на Ёрини. С едва знакомыми людьми так не разговаривают. Даже при дружелюбии и общительности господина Ямамото. Однако Ёрини не собирался скрывать, что он здесь свой человек. Мне показалось, что они сговорились дурачить меня, и я разозлился:

— Я бы предпочел, если это возможно, немедленно обратиться к основному вопросу...— Тут я заметил, что говорю грубо, но остановиться уже не мог и продолжал, куда кривая вывезет: — Право, не знаю, как извиниться перед вами. Свалились к вам как снег на голову в такое неподходящее время... Я полагаю, Ёрини объяснил вам причину нашего визита?

— Да, я слышал, что вы заинтересовались нашими исследованиями... Впрочем, это не имеет никакого значения, не беспокойтесь, пожалуйста. Мы живем здесь в строгой изоляции от внешнего мира, и вы представить себе не можете, сэнсэй, до чего приятно побеседовать с таким человеком, как вы... Живем чуть ли не в центре Токио, а с людьми встречаемся чрезвычайно редко. Ведь получить разрешение трудно.

— Разрешение на выход отсюда?

— Нет, разрешение для посетителей.

— Значит, что же, это лаборатория государственная?

— Нет, как можно! Будь она государственная, как ваша, разве мы могли бы сохранить ее в тайне? Правда, не было бы и таких строгостей.— Он выставил передо мной свою огромную руку, как бы предупреждая мой вопрос.— Нет, этого я не могу вам сказать. Говоря по правде, даже я не совсем понимаю сущность организации, которой принадлежит наша лаборатория... Но у этой организации огромная сила! Такое ощущение, будто она держит в руках всю Японию. А поскольку я от души полагаюсь на нее, мне нет смысла узнавать и уточнять то, что меня не касается.

— В таком случае, это известно тебе,— сказал я, обращаясь к Ёрини.

— Мне? Что вы, что вы!

Ёрини преувеличенно высоко поднял брови и потряс головой, но я заметил, что лицо его при этом оставалось спокойным.

— Странно, однако,— сказал я.— Как же ты сумел получить для меня разрешение?

— Разумеется, через меня,— произнес господин Ямамото, открывая в улыбке длинные редкие зубы. Кажется, ему нравилось, что беседа становится такой оживленной.— Откуда человеку со стороны знать то, что не знаю даже я, лицо как-никак ответственное? Просто мне известно, к кому надо обратиться, и, следовательно, испросить для вас разрешение было вполне в моих возможностях.

— Понимаю...

Среди моих карт была одна, которая на ощупь казалась мне козырной, и я неторопливо, упиваясь собственным волнением, выложил ее на стол:

— Значит, когда Ёрини-кун впервые узнал о существовании этой лаборатории, он тоже должен был получить разрешение на осмотр через третье лицо... иначе у вас не сходятся концы с концами...

Ёрини открыл было рот, но господин Ямамото опередил его.

— Совершенно верно,— сказал он.— Давайте я вам вкратце объясню, в чем тут дело. Пусть это будет нечто вроде памятки для посетителя. Как я уже говорил, работа этой лаборатории засекречена. Тайну ее должен свято хранить всякий человек, кому она известна, независимо от того, сотрудник он или посетитель. Конечно, закона, который это гарантировал бы, не существует. И мы не берем клятвенных подписок с приложением печати. Формально никто ничем не связан. Зато чрезвычайно строг отбор. Мы показываем лабораторию только тем людям, в которых абсолютно уверены. И поэтому нарушений этого обязательства почти не бывает.

— Почти? Значит, все-таки бывают нарушения?

— Ну как вам сказать... Поскольку публике ничего не известно о нашей работе, можно считать, что таких случаев вовсе не было, не так ли? Впрочем, я как-то слыхал краем уха, что один из наших работников, человек грубый и неотесанный, спьяна проболтался. За это он подвергся строгому наказанию.

— Его убили?

— Нет, зачем же... Наука идет вперед. Убивать вовсе не обязательно. Можно лишить человека памяти. Есть и другие методы.

Кажется, мой козырь сыграл. Господин Ямамото был по-прежнему мягок и любезен, но Ёрини, сам того не замечая, барабанил пальцами по краю стола, и ускоренный ритм этого стука свидетельствовал о том, что беседа идет о самом главном.

— А если труп может заговорить, остается только изрезать его на мелкие кусочки...

Господин Ямамото расхохотался, как будто я сказал что-то очень смешное.

— Да уж,— проговорил он, трясясь от смеха,— это действительно было бы неудобно.

— Я, однако, никак в толк не возьму... Если вы здесь так боитесь гласности, то к чему вообще разрешать осмотр? Добро бы еще человек сам настаивал и рвался к вам, но ведь вы сами навязываете это разрешение, а затем грозите убийством... Это же просто ловушка. Вдобавок, на что годится знание, которым ни с кем нельзя поделиться? Вся ваша затея похожа на издевательство.

— Вы преувеличиваете, сэнсэй,— заговорил Ёрини.— Никто не мешает вам делиться вашими мыслями с единомышленниками...

Господин Ямамото перебил его:

— Совершенно верно, разрешение, как правило, получается через третье лицо. Это делается для того, чтобы расширять круг единомышленников, и нисколько не противоречит требованию сохранения тайны. Слухи, общественное мнение, все эти так называемые голоса публики, лишенные конкретного источника,— это одно. А суждение единомышленника, лица ответственного,— это уже совсем другое.

— Единомышленники, единомышленники... Да в чем, собственно?

— Вот это и мы хотим вам показать.— Господин Ямамото стремительно встал и потер руки. Глаза его в припухших веках весело сузились.— Мне представляется, что вас больше увлечет не фантастическая сторона дела, а сама идея. Мы начнем осмотр с камеры выращивания, но прежде мне хотелось бы вкратце познакомить вас с предметом наших исследований, с историей.

— Подождите,— сказал я, подняв руку.— Давайте сначала выясним еще один вопрос.— Я тоже встал, отступил на шаг и медленно опустил руки на стол.— Ёрини-кун, я знаю теперь, почему ты достал мне разрешение. Но я еще не знаю, кто и почему достал разрешение для тебя. Теперь я имею право знать это, не так ли?.. Ведь все, кто получил разрешение, являются единомышленниками. Так вот, кто и по какой причине выбрал тебя?..

Ёрини тоже поднялся, слабо улыбаясь.

— Пожалуйста,— произнес он.— Теперь я могу вам сказать. Только я боюсь, что вы рассердитесь.

— Я не собираюсь сердиться. Я хочу знать правду.

— Справедливое желание,— сказал с прядурковатым видом господин Ямамото.— Правда всегда привлекает. И Ёрини-кун освободится от камня на сердце.

— Это была Вада,— произнес Ёрини и облизнул губы.

— Вада?!

— Да, она работала у нас, прежде чем перейти к вам,— объяснил господин Ямамото.— Она была способным ассистентом, с ясными и четкими убеждениями, что редко встречается у женщин... Но у нее был один недостаток, который делал ее совершенно непригодной к работе у нас. Она не переносит вида крови. Поэтому она уволилась и перешла к вам. Кстати, поручился за нее перед вами как раз мой брат из госпиталя Центральной страховой компании...

— Да, да, я припоминаю...

Разрозненные звенья цепи вдруг с четким звоном соединились в одно целое. Все очень просто. Это, конечно, не значит, что все сомнения рассеялись и вопросов больше нет. Да, цепь с поразительной ловкостью извлечена из пустоты, но именно эта ловкость наводит на размышления. Совсем сквозь то, что я никак не могу разглядеть фигуру самого фокусника. Цепь, однако, меня восхищает. Она великолепно составлена. Совершенно случайные, казалось бы, персонажи расположились вдруг по-иному и обрели ясные и отчетливые роли. Теперь появилась хоть какая-то надежда понять, для чего Ёрини завлек меня сюда. Во всяком случае, появилась возможность какого-то объяснения всему этому. И мое доверие к Ёрини... Впрочем, до доверия еще далеко. Но мне показалось, что я вот-вот стану доверять ему. Я медленно, чтобы было незаметно, перевел дыхание.

24

— Первоначально мы исследовали метаморфоз насекомых... Вы, разумеется, имеете какое-то представление об эмбриологии, Кацуми-сан?

— Нет, считайте меня дилетантом. Я не помню даже, что раньше бывает, гаструла или бластула...

— Прекрасно. В таком случае постараюсь изъясниться попроще.— И господин Ямамото заговорил монотонно, постукивая незажженной сигаретой о край стола.— Разумеется, не метаморфоз насекомых был нашей целью. Задача в самом широком смысле состояла в планомерном преобразовании живых организмов вообще. Кое-что наука добилась еще до нас. У растений, например, удавалось вдвое увеличить содержание пигментов. С животными дело обстояло хуже. Дальше экспериментов по улучшению породы дело не пошло. Мы же стремились к этому на радикальном и плановом уровне... Я бы сказал, это был дерзкий замысел оседлать эволюцию, заставить ее двигаться скачками и в нужном нам направлении. Вам, вероятно, известно, что каждый организм в своем индивидуальном развитии от зародыша проходит все этапы исторического развития вида. Строго говоря, конечно, никакой организм не повторяет форму предка, но он во всех своих проявлениях в известном смысле пропорционален этой форме. И если вмешаться в развитие зародыша, то можно отклонить его от направления, заданного наследственностью, и получить организм совершенно нового вида. До нас были грубые попытки такого вмешательства. Создавались гротескные уродцы вроде двухголовых головастиков или лягушек с пастью ящерицы, но все это было не то. Сломать часы может и младенец, а вот чтобы сконструировать часовой механизм, требуется специальное мастерство. Развитие организма управляется некими гормонами, своего рода противоборствующими стимулянтами. Именно взаимодействие этих элементов и определяет характер, черты данного организма. При необходимости, вероятно, можно было бы выразить это взаимодействие системой интегральных уравнений.

— На нашем жаргоне это называется сложной обратной связью,— заметил я.

— Вот именно, эта обратная связь необычайно сложна. И для выяснения ее сущности мы обратились к метаморфозу насекомых. А теперь, с вашего разрешения, я провожу вас в камеру выращивания...

Мы остановились перед железной дверью, на которой масляной красной была намалевана цифра 3. Господин Ямамото оттянул засов. За дверью был бокс площадью в десять квадратных метров, три стены его были из стекла. Внутри медленно двигались вправо и влево десятки конвейерных лент, расположенных в несколько этажей. Сотни аппаратов, напоминающих станочки для шлифования линз, так же медленно и методично склонялись и выпрямлялись над лентами. А внизу четверо людей в белых халатах что-то делали за длинным металлическим столом.

— Внутри все тщательно стерилизовано,— сказал господин Ямамото,— поэтому пригласить вас туда я не могу. Обычно я тоже даю указания отсюда. Вот, взгляните, пожалуйста. В одной только этой камере ежедневно обрабатываются до тысячи трехсот зародышей. В соответствии с разработанной программой их отключают от нормальной линии наследственного развития. Вон там, прямо перед нами, зародыши подводных коров. Да... Вот так-то... Вначале мы содрогнулись, когда представили себе такую вот картину...— Господин Ямамото заглянул мне в лицо, возле уголков глаз у него прорезались морщины.— Мы, разумеется, естествоиспытатели, и нас не оставит пустая болтовня об осквернении природы. И все же, говоря по чести, когда я представил себе фабрику обработки зародышей, мне стало не по себе.

— Мне сейчас тоже не по себе, когда я вижу ее своими глазами,— сказал я.

— Вообще куски будущего, вырванные из целого, производят впечатление гротеска. Харада-кун, покажи нам, пожалуйста, зерно, которое вы сейчас готовите...— Он повернулся ко мне и объяснил: — Необработанный зародыш, только что снятый с плаценты, мы называем зерном.

Итак, в первой камере отделяется брак, во второй производится пересадка на искусственную плаценту, затем зародыш переносится сюда, и когда плацента изменяет цвет, его несут в четвертую камеру. Там начинается превращение его в подводное млекопитающее... Ага, кажется, нам сейчас покажут...

К нам торопливо подходит один из сотрудников, бережно неся стеклянный сосуд. Кажется, дейст-

вительно, вокруг разветвленных нитей кровеносных сосудов лежит смутная тень.

— Это и есть признак изменения зародыша. Как только он обнаруживается, зародыш немедленно передают в четвертую камеру.

Объяснения господина Ямамото сводились примерно к следующему.

В эволюционной теории существует важный закон, именуемый «законом соответствия». Суть его в том, что изменение одного органа в живом организме неминуемо ведет к изменению других органов. Повторение развития вида в индивидуальном развитии есть не просто механическое копирование пройденного, а физическая необходимость, содержащая в себе все возможности для эволюции. Повторяется не все. Кровь, например, почти не меняется с самого начала. И повторяются в развитии зародыша только те органы, которые дают начало для образования новых, а сами затем исчезают.

Возникает вопрос: что произойдет, если жаберные складки не переродятся в железу? У рыб, например, эволюция останавливается именно на этой стадии. Но зародыш млекопитающего, если задержать его на этой стадии, в рыбу, разумеется, не превратится. В лучшем случае получится какой-нибудь чудовищный слизняк, совершенно нежизнеспособный. Дело в том, что копируется далеко не все, и многие органы, необходимые для превращения зародыша млекопитающего в рыбу, уже необратимо деградировали...

Господин Ямамото говорил без передышки. Затем он остановился, внимательно посмотрел на меня, улыбаясь толстыми губами, и осведомился:

— Такое объяснение вас устраивает?

И тут же, не дожидаясь ответа, пошел к двери, продолжая на ходу:

— Следуя по порядку, мы должны были бы осмотреть теперь четвертую камеру. Но там нет света, в сплошном мраке вращаются стеклянные шары, и больше ничего. Пройдемте прямо в пятую камеру, последнюю.

— Точно,— подтвердил Ерики через плечо, уступая мне дорогу.— В таком же порядке осматривал и я, когда Вада-кун впервые привела меня сюда.

25

Мы очутились в длинном коридоре, пол которого круто шел под уклон.

— На стадии жаберных складок определяется линия дальнейшего развития: превратятся ли складки в настоящие жабры или переродятся в железы внутренней секреции...— Господин Ямамото понизил голос, словно ему было неприятно эхо стен.— Как и при метаморфозе насекомых, это зависит от взаимодействия гормонов. Гормоны же выделяются нервными клетками. Поистине нервная система — это поразительная вещь. Мало того, что она абсолютно необходима для равновесия в живом организме, она является еще и источником энергии для эволюции. Так вот, если на этой стадии остановить действие гормонов, немедленно прекращается специализация растущих тканей. В свое время мы при помощи такого приема создали свинью-слизняка почти в семьдесят сантиметров длиной...

— Такая тварь съедобна? — спросил Ерики.

Он словно заранее приготовил этот вопрос. Он изо всех сил стремился показать, что все здесь для него привычно и обыденно. Мне это было неприятно.

— Отчего же,— спокойно ответил господин Ямамото,— вероятно, съедобна. Правда, вряд ли она хороша на вкус. Прекращение специализации означает, что останавливается развитие нервной системы и соответственно мышечных тканей, другими словами, количественный рост белка не сопровождается уже качественными изменениями.

— Какой, однако, длинный коридор.

— Сейчас будет поворот и за ним тупик. Здание построено в виде «П», и мы обошли его из конца в конец. Устали?

— Нет, но температура...

— С температурой приходится мириться. Мы ведь под поверхностью моря...

Мы огибаем бассейн и входим в маленькую комнатушку.

Это неказистое помещение, беспорядочно заваленное медикаментами, сверкающими хирургическими инструментами, аквалангами, какими-то странными приборами. Тупо гудит вентилятор, но все равно в нос бьет резкий, противный запах. В углу что-то вычерчивает на миллиметровке маленький человек с узким лобиком. При нашем появлении он поспешно поднимается и предлагает сесть. Я озираюсь. Стульев всего два, и я отказываюсь. Мне не хочется оставаться здесь долго.

— У нас посетитель,— сказал господин Ямамото.— Скажите им, пусть работают так, чтобы все было видно.

Маленький человек вышел, волоча шнур микрофона. Мы вышли следом и тоже спустились на корточки у края бассейна. Маленький человек что-то сказал в микрофон. Двое в воде подняли лица и помахали нам руками.

— Следующий идет через две минуты,— объявил маленький человек, повернувшись к господину Ямамото.

Действительно, один из тех, что в воде, показывал нам два пальца.

— Сейчас у нас рождаются по одному каждые пять—восемь минут...—сказал господин Ямамото.— Прежде чем попасть сюда, зародыши в жаберной стадии, которых мы видели в третьей камере, хранятся в соседней, четвертой камере. Срок зависит от вида животного, разумеется. Для свиней он составляет около шести месяцев. А странно звучит это слово «хранятся», не правда ли, сэнсэй?

Я не в силах сдержать изумление.

— Но шесть месяцев при темпе один в пять минут—это же должно быть огромное количество!

— Они там распределены по пяти ступеням, шестнадцать тысяч штук в каждой,— заметил маленький человек, выпячивая подбородок.— Это составляет запас в восемьдесят тысяч штук.

У окошка в стене бассейна вспыхнул красный свет.

— Идет!— закричал маленький человек, ероша волосы.

Ерики, упершись руками в край бассейна, подался вперед.

Люди в воде, посигналив что-то взмахами рук, становятся по сторонам окошка, стараясь держаться так, чтобы не заслонять его от нас пузырьками воздуха. Внезапно из окошка выскакивает черный металлический ящик. Люди в воде сейчас же принимаются манипулировать с приборами.

— Отделяют искусственную плаценту.

Они раскрывают ящик и извлекают из него пластиковый мешок, который тут же на глазах раздувается в большой шар. Видно, как внутри переливается мутная красноватая жидкость. Один из людей втыкает в шар наконечник шланга, протянутого от прибора в стене, и поворачивает кран.

— Из шара отсасывается жидкость. Едва плацента отделена, как рефлекторно начинается жаберное дыхание, и эта операция должна проводиться с наивозможной быстротой...

Шар сморщился, и пластик облепил новорожденного поросенка. Поросенок сучит ножками и дергается. Один из аквалангистов вспарывает пластик ножом и снимает его с поросенка, как рубашку. Другой аквалангист при помощи наконечника со шлангом чистит поросенка, обирая приставшие к его тельцу нечистоты.

— Ваш вопрос, сэнсэй?

— Я хотел о звуке... Как в воде обстоит дело со звуком?

— Понятно... К сожалению, здесь еще много неясного, и я не смогу дать исчерпывающий ответ... Но вот у рыб слуховые органы закрыты костными щитками, и тем не менее они прекрасно слышат.

— То есть, вы хотите сказать, что животные в воде не глухие?

— Ну разумеется! Подводные собаки, например, слышат просто великолепно.

— Море часто называют миром безмолвия,— глубокомысленно заметил Ерики.— Но, должно быть, не так уж он безмолвен, этот мир...

— Какая чепуха! — вскричал маленький человек, словно вдруг вспомнив о нашем присутствии.— Для того, кто слышит, нет такого оживленного места, как море. Ведь каждая рыбка щебечет по-своему, будто пташка в роще...

— Есть проблема более сложная, чем слух,— сказал господин Ямамото, склоняя голову и поглаживая огромным пальцем кончик носа.— Они не владеют голосом, а это противоречит их инстинктам. Жаберное дыхание не дает, сами понимаете, возможности пользоваться голосовыми связками. С этой проблемой мы совершенно замучились. Немая собака не может стать сторожевым псом. Впрочем, собак-то мы научили...

— Научили лаять?

— Ну что вы... Научили скрипеть зубами... На эту мысль нас навела одна рыба. Неплохая идея, правда?

Аквалангист покончил с чисткой, оттолкнулся от дна и всплыл к самой поверхности, держа поросенка в вытянутых руках. Розовый, покрытый белым пухом, поросенок с изумленным выражением уставился на нас из-под воды, усиленно работая жаберными щелями, похожими на мясистые складки.

Аквалангист взял поросенка под мышку, повернулся, мелькнув выцветшими голубыми шлангами за спиной, стремительно пересек бассейн и скользнул в окошко в стене напротив. За ним потянулся плоский белый шлейф серебристых пузырьков.

— Куда это он?

— В камеру молочного кормления...— ответил господин Ямамото.

Глаза постепенно привыкают. Я вижу белый веретенообразный предмет, покрытый бесчисленными выступами, похожими на детские соски. Его облепили, прильнув ртами к выступам, десятки поросят. Все это напоминает гроздь винограда, покрытого белым налетом... Время от времени в поле зрения медленно проплывают тени пастухов в аквалангах.

— Их выдерживают здесь примерно месяц, затем «отнимают от груди» и переправляют на подводное пастбище...

26

В ЛАБОРАТОРИЮ ЯМАМОТО

ЗАКАЗ № 112

1. Йоркширов потомственных — 2 головы.
2. Сторожевых собак против акул — 2 шт.
3. Собак охотничьих породистых — 5 шт.
4. Молочных коров породы «3-я улучшенная» — 8 голов.
5. Вакцины против желтой болезни на 200 голов.

Указание просим экстренно доставить по суше. Нингата, М, 3-е морское пастбище».

— Потомственные йоркширы?..— спросил я.— То есть созданные вами признаки становятся наследственными?

Лодка, оборудованная прожектором, скользнула над подводным пастбищем величиной с небольшое озеро. Воздух был тяжелый, дышать было трудно.

— Нет. В первом поколении это пока невозможно. Подводные млекопитающие, рожденные от первого поколения, достаточно жизнеспособны, но давать потомство не могут... Способность к размножению они приобретают только в том случае, если их, в свою очередь, выращивать вне материнского чрева. Полученных таким образом животных второго поколения мы называем потомственными — потомственная свинья, потомственная корова... Это требует много труда, да и средств, поэтому таких у нас пока мало. Впрочем, придет время, и мне думается, что подводные животные, способные к самостоятельному размножению, перестанут быть редкостью.

— А морское пастбище в Нингата, это что такое?

— То, что написано. Пастбище на морском дне.

— Настоящее пастбище? Вы что же, и продукты на рынок поставляете?

— Гм... В этих делах я, признаться, профан. Во всяком случае, с весны прошлого года к нам вдруг стали поступать такие вот заказы. Первый, если не ошибаюсь, пришел с морского пастбища в Босо. Постепенно заказов становилось все больше, иногда они приходят из совершенно неожиданных мест, например, из глубоководного морского пастбища Ка-Эль в Тихом океане. Всего мы отправили до сих пор около двухсот тысяч голов коров и свиней, это составляет почти пять процентов сухопутного поголовья в нашей стране... Скорее всего этот скот поступает в собственность какой-то организации, и очень возможно, что с деловой точки зрения это предприятие вполне рентабельное...

— Даже не верится...

— А я и сам хорошенько не понимаю. Хотя возьмите, например, отложения на дне океана, тот же глубоководный ил. Он является вполне сносным кормом для свиней. А раз так, то корма для свиней имеются в неограниченных количествах. Это позволяет пускать свиней на выпас, как овец. Почему же не допустить, что такое предприятие может быть рентабельным?.. Вон, глядите, как раз под нами доят вакуумным насосом корову...

— Если допустить, что такое огромное предприятие действительно существует, то почему я о нем ничего не слыхал? Нет, не могу поверить...

— Вот в том-то и дело,— резко сказал Ерики, сидевший на веслах.— Организация солидная...

Я еще не знал, враг он или друг, и потому не понял его тона.

А я действительно колебался. Посещение этого места произвело настоящий переворот в моих мыслях, тут Ерики оказался прав. Версия о торговле зародышами, о которой я раньше и слышать не хотел, надвигалась теперь на меня, как ощутимая реальность. А раз так, то необходимо заново переосмыслить всю цепь событий последних дней. Убийство заведующего финансовым отделом уже перестало, очевидно, быть центром этих событий.

Незаметно для меня самого стремление разыскать и настигнуть убийцу ослабело, сердце мое было теперь полно похищенным ребенком. Я чувствовал, что становлюсь оппортунистом. Для того, чтобы сохранить машину, я готов был подстроить ложное показание и объявить убийцей ту несчастную женщину. В каком-то смысле мое посещение лаборатории приблизило меня к сути дела, но я ощущал, что разрешение всей проблемы отодвинулось еще дальше. Что ж, дальше, так дальше, мне все равно. С меня довольно, я не желаю больше путаться в такие дела. Ерики сказал, что полиция нас подозревает, но ведь и полиция, надо полагать, дорожит своим престижем. Пусть будет ложь, но это будет ложь машины-предсказателя, и полиция ухватится за нее, чтобы избавиться от такого запутанного дела... А сейчас я хочу одного: поскорее уйти отсюда и отдохнуть возле своей машины.

Но перед этим надо во что бы то ни стало сделать одно дело. Найти мое похищенное дитя и уничтожить его, пока не поздно. Если мне это удастся, я смогу навсегда повернуться спиной к делам господина Ямамото. Я найду самого заурядного человека и все начну сначала. Вот, кстати, помнится, в качестве объекта эксперимента предлагала себя Вада... Очень мило с ее стороны. Впрочем, с возрастом женщины перестают быть милыми... А в общем, наверное, у нее окажется мирное, тихое будущее, сотканное из маленьких радостей и маленьких печалей. Ничего особенно интересного, но более надежного объекта не найти.

— Почему, однако, все это держится в такой тайне? — спросил Ерики. Ага, не вынес молчания.

В эту минуту лодка причалила. Господин Ямамото с легкостью, поразительной для его телосложения, выпрыгнул на берег и спокойно ответил:

— Потому что это дело слишком сложное и неожиданное. Оно произведет переворот и во внутренней и в международной обстановке. И даже мозговой трест организации не знает, вероятно, что из этого в конце концов получится.

— Зачем же заниматься делами, из которых неизвестно что получится?

— Возможно, с точки зрения финансовых тузов, справиться с надвигающимися трудностями можно только путем создания искусственных колоний. Сейчас нет больше отсталых стран, где так прибыльно было торговать в старину, и к тому же это куда более надежный способ вложения капитала, нежели война... Между прочим, сэнсэй, если бы ваша предсказывающая машина не стала объектом газетной шумихи, а была бы засекречена, эти господа, несомненно, явились бы и к вам, чтобы узнать о будущем подводных колоний. Очень интересно знать, что бы она ответила. «МОСКВА», говорят, предсказала человечеству коммунизм, но вряд ли она принимала во внимание существование колоний на дне океанов.

— У нас не занимаются политическими предсказаниями.

— Ну разумеется! Ведь стеснять общество предсказаниями противоречило бы принципам либерализма.

Вдоль берега подводного пастбища шла высокая бетонная стена. Мы прошли через дверцу и снова оказались перед бассейном. Он был несколько больше бассейна в пятой камере, в стенах его чернели отверстия, забранные решеткой. Дрессировщик с аквалангом за спиной обучал подводную собаку. Шерсть собаки отливала черным блеском, словно средневековые латы.

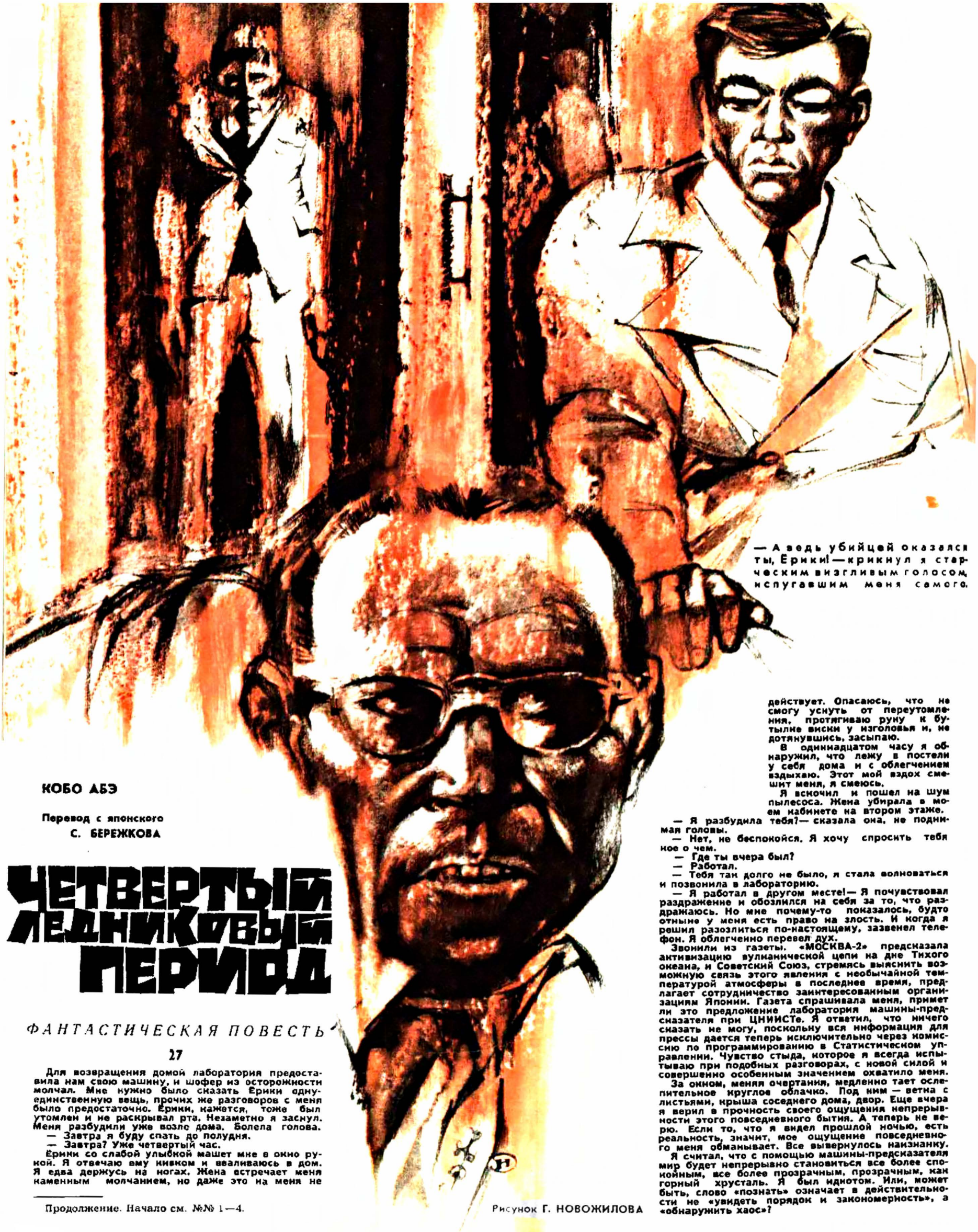
— Между прочим, сэнсэй,— сказал Ерики, как будто что-то вспомнив,— знаете, как этих собак пересылают по суше? Это тоже очень интересно. Есть такие грузовики-цистерны для перевозки нефти, у них позади болтаются цепи, может быть, вы видели. Так вот, животных сажают в эти цистерны. Отличная идея, правда? Когда я вижу, как эти грузовики мчатся штук по пять-шесть один за другим, ага, думаю, дело идет!..

— И теперь тебе не терпится показать свою осведомленность? — насмешливо сказал господин Ямамото.

— Ну вот еще...— смущенным голосом пробормотал Ерики, после чего оба они расхохотались, как будто им было очень смешно.

Но мне-то было не до смеха. У меня не было сил даже улыбнуться.

Продолжение следует



— А ведь убийцей оказался ты, Ёрики! — крикнул я старческим визгливым голосом, испугавшим меня самого.

КОБО АБЭ

Перевод с японского
С. БЕРЕЖКОВА

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

27

Для возвращения домой лаборатория предоставила нам свою машину, и шофер из осторожности молчал. Мне нужно было сказать Ёрики одну-единственную вещь, прочих же разговоров с меня было предостаточно. Ёрики, кажется, тоже был утомлен и не раскрывал рта. Незаметно я заснул. Меня разбудили уже возле дома. Болела голова.

— Завтра я буду спать до полудня.

— Завтра? Уже четвертый час.

Ёрики со слабой улыбкой машет мне в окно рукой. Я отвечаю ему кивком и вваливаюсь в дом. Я едва держусь на ногах. Жена встречает меня каменным молчанием, но даже это на меня не действует. Опасаюсь, что не смогу уснуть от переутомления, протягиваю руку к бутылке виски у изголовья и, не дотянувшись, засыпаю.

В одиннадцатом часу я обнаружил, что лежу в постели у себя дома и с облегчением вздыхаю. Этот мой вздох смешит меня, я смеюсь.

Я вскочил и пошел на шум пылесоса. Жена убирала в моем кабинете на втором этаже.

— Я разбудила тебя? — сказала она, не поднимая головы.

— Нет, не беспокойся. Я хочу спросить тебя кое о чем.

— Где ты вчера был?

— Работал.

— Тебя так долго не было, я стала волноваться и позвонила в лабораторию.

— Я работал в другом месте! — Я почувствовал раздражение и обозлился на себя за то, что раздражаюсь. Но мне почему-то показалось, будто отныне у меня есть право на злость. И когда я решил разозлиться по-настоящему, зазвенел телефон. Я облегченно перевел дух.

Звонили из газеты. «МОСКВА-2» предсказала активизацию вулканической цепи на дне Тихого океана, и Советский Союз, стремясь выяснить возможную связь этого явления с необычайной температурой атмосферы в последнее время, предлагает сотрудничество заинтересованным организациям Японии. Газета спрашивала меня, примет ли это предложение лаборатория машины-предсказателя при ЦНИИСТе. Я ответил, что ничего сказать не могу, поскольку вся информация для прессы дается теперь исключительно через комиссию по программированию в Статистическом управлении. Чувство стыда, которое я всегда испытываю при подобных разговорах, с новой силой и совершенно особенным значением охватило меня.

За окном, меняя очертания, медленно тает ослепительное круглое облачко. Под ним — ветка с листьями, крыша соседнего дома, двор. Еще вчера я верил в прочность своего ощущения непрерывности этого повседневного бытия. А теперь не верю. Если то, что я видел прошлой ночью, есть реальность, значит, мое ощущение повседневного меня обманывает. Все вывернулось наизнанку.

Я считал, что с помощью машины-предсказателя мир будет непрерывно становиться все более спокойным, все более прозрачным, прозрачным, как горный хрусталь. Я был идиотом. Или, может быть, слово «познать» означает в действительности не «увидеть порядок и закономерность», а «обнаружить хаос»?

Продолжение. Начало см. №№ 1—4.

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

— Постарайся еще раз вспомнить, что представлял собой этот родильный дом, куда тебя возили. Это очень важно.

Жена молчала, в замешательстве глядя на меня. Конечно, она не понимала, насколько это важно. И она представления не имела, как это меня заботит. А я не мог ей объяснить и едва опять не разозлился. Даже если бы мне не навязали обязательство хранить тайну, все равно рассказать жене правду было бы невозможно. Это невероятно осложнило бы положение. Если судьба нашего нерожденного ребенка так потрясла меня, то что будет с женой, если она узнает... При одном предположении об этом у меня подкашиваются ноги.

Но выпытывать у нее все-таки необходимо. Нельзя ли что-нибудь солгать?

— Как ты полагаешь, это был действительно родильный дом?

— А почему ты...

— Видишь ли, у меня есть основания полагать, что над нами зло подшутили.

— Как так?

— У меня был один старый товарищ, врач. Он сошел с ума.

Это была вопиющая чушь, и в другое время я бы не удержался от смеха. Но я произнес это совершенно серьезно, и жена поверила. Лицо ее отвердело. Действительно, другое подобное оскорбление для женщины не придумаешь.

— Да, пожалуй, теперь мне начинает казаться, что это была не больница.

— На что это было похоже?

— Понимаешь...— Она сузила глаза и запрокинула голову.— Там все было голо и ужасно темно...

— Недалеко от моря?

— М-м...

— Здание двухэтажное? Одноэтажное?

— Д-да...

— А на дворе валяются железные бочки?

— М-м... Может быть...

— А врач? Такой крупный мужчина, да?

— Д-да, возможно...

— Что же ты, совсем уж ничего не помнишь?

— Ведь мне дали какие-то пилюли. У меня все, как в тумане, кажется, вот-вот вспомню — и не могу. Такое чувство, будто память у меня не моя... Но я отчетливо помню все, что было до того, как я приняла эти пилюли. Медсестру с родинкой на подбородке я бы сразу узнала, если бы встретила.

Да, женщину с родинкой на подбородке я в лаборатории Ямамото не встречал. Кажется, остается только одно средство: исследовать память жены машиной-предсказателем. Правда, это опасный путь. На этом пути уже погибла одна женщина — Тикако Кондо. Стоит ли попытка такого риска?

Я решился не потому, что ответил на этот вопрос. Просто меня охватила ярость. Нестерпимо уже одно то, что мне приходится испытывать такие страхи и волнения. С женой ничего не случится. Я с нее глаз спускать не буду. Думать же об опасностях — значит унижать самого себя.

Я сказал жене:

— Мы едем. Пойди и переоденься...

28

Жена испытующе взглянула на меня, но промолчала. Может быть, потому, что я так ничего толком и не объяснил, а скорее всего мой тон просто не оставлял места для расспросов. Бывают случаи, когда приходится понимать без объяснений.

Я глядел в спину жене, которая спускалась на первый этаж, чтобы переодеться. Нет, не приходится отрицать, что я приспособил самоанализ к самооправданию. В конце концов для чего я это затеял? Чтобы действительно защитить жену? Или чтобы использовать ее как послушный инструмент? Это уже самодопрос. Мне становится стыдно, и я опускаю голову. А почему мне, собственно, стыдно? В чем моя вина? Этого я объяснить не могу. Или где-то в глубине души я уже предвидел страшную развязку, которая нас ожидала?

Как бы то ни было, ясно одно: я потерял уверенность. Ничего похожего на собственное мнение у меня больше нет. Осталось только непомерное беспокойство. Очень хочется бежать... Хотя странно было бы, если бы я не испытывал беспокойства. Я не знаю, сын у меня или дочь, это неважно. Мой ребенок будет иметь жабры, он будет жить под водой, что же он подумает о нас, своих родителях, когда вырастет? Одна эта мысль приводит в содрогание. Это ужас, которого не выразишь никакими словами, который ничего не имеет общего с понятием об ответственности родителей. Детоубийство на фоне этого ужаса представляется благороднейшим, гуманнейшим поступком...

По лицу поползли капли пота. Я пришел в себя. Я простоял так минут десять и еще не умывался. Торопливо спускаюсь вниз. Сую в рот зубную щетку и ощущаю тошноту, словно с похмелья.

Раздается телефонный звонок. Я вдруг вспомнил про шантажиста — про отвратительного шантажиста, которому известны все мои действия и намерения,— не прополоснув рта, я бросился к телефону. Звонил Томоясу из комиссии по программированию.

— Э-э... Я, собственно, по поводу советского предложения о сотрудничестве.

На этот раз его тягучий голос не раздражает меня, как обычно.

— Предложение отклоняется?— спрашиваю я.

— Нет, не то чтобы отклоняется... Мы здесь решили пока выжидать и наблюдать.

Все по-прежнему. И газеты опять промолчат. Из выжидания и наблюдения сенсации не получится. Да и вообще интерес к машине за последнее время пошел на убыль. Вероятно, сработала пропаганда, утверждающая, что машина-предсказатель несовместима с либерализмом. Но теперь это меня не задевало. У меня просто не было сил обращать на это внимание. Если бы этот трус Томоясу, воображающий, будто он держит за шиворот будущее, узнал хотя бы сотую долю того, что я видел вчера ночью... Я молчал, и Томоясу заговорил снова:

— Кстати, как у вас с работой?.. Заседание комиссии состоится послезавтра, и я предвкушаю...

— Мы готовим интересный доклад. В частности, о характерных показателях личности.

— А в отношении убийцы?

С губы сорвалась на руку капля зубной пасты.

— Я составляю сегодня проект доклада, Ёрики передаст его вам,— сказал я и повесил трубку.

И сейчас же снова раздался звонок. Вот на этот раз звонил действительно тот самый шантажист с моим голосом.

— Кацуми-сэнсэй? Как вы быстро взяли трубку! Вы словно ждали моего звонка...— сказал он со смехом и, не дожидаясь ответа, перешел на серьезный тон. Его голос стал еще более похожим на мой.

— Впрочем, вы действительно ждали... Не правда ли?.. Ведь вы собираетесь совершить поступок, от которого я непременно предостерегу вас...

Да, в глубине души я действительно ждал звонка от этого шантажиста. Который раз он назойливо вмешивается в мои намерения. И все же я растерялся. Если в моем доме не установлены скрыто подслушивающие устройства, то один только Ёрики мог предвидеть, что я собираюсь исследовать жену машиной-предсказателем... Но, с другой стороны, Ёрики слишком ловок, чтобы так глупо раскрывать себя... Я ощутил близость невидимого соглядатая и поежился.

— Почему ты решил, что я ждал?.. Простая случайность!

— Совершенно верно. Ведь до моего звонка ваш телефон был занят.

Я смешался. Я еще допускал, что кто-то использует мой голос, записанный на магнитофонной ленте при помощи машины-предсказателя, но не представлял себе, как эта запись может всякий раз точно соответствовать положению вещей и правильно реагировать на мои слова.

— Вы удивлены?— осведомился мой собеседник. Послышался смешок: он догадался о моей растерянности.— Но хоть теперь вы поняли, кто я такой?

— Кто?

— Ну как — кто... Неужели вы еще не поняли? Тогда даю вам еще один ключ. Перед этим вам звонил Томоясу-сан.

— Ты Ёрики!.. Нет, ты, конечно, машина. Ты просто голос. Но управляет тобой Ёрики, это ясно. Он, должно быть, рядом с тобой. Пусть возьмет трубку, живо!

— Чепуха. Раз я говорю, то я и слушаю. Я позвонил вам по своей воле. Неужели вы полагаете, что машина способна на быстрые и точные ответы, если ею кто-то управляет?.. Кстати, сэнсэй, у вас рот набит зубной пастой. Вас, наверное, прервали во время умывания, не так ли? Если желаете, сходите и прополощите рот, я подожду. И прошу прощения, я не шучу. Я хочу доказать вам, что разговариваю по своей собственной воле...

— Тогда лучше скажи прямо и определенно, кто ты такой!

— Да, пожалуй, лучше сказать... Но неужели вы действительно не догадываетесь?.. Хотя это тоже возможно. Ну что же, сэнсэй, вы, конечно, уже обратили внимание на то, что мой голос в точности походит на ваш... Вот вы сейчас подумали: ага, наверное, это просто случайное сходство. Так? Ладно, ладно, не будем спорить. Итак, сэнсэй, вы не пожелали узнать меня. То, что вы не желаете тратить на это усилий, и то, что я вынужден сейчас говорить с вами по телефону,— это, в сущности, две стороны одной медали... Я должен сообщить вам одно важное обстоятельство.

— А почему бы тебе не зайти сюда, но мне? Ведь с глазу на глаз договориться было бы проще.

— Вы думаете?.. К сожалению, это невозможно... К тому же и разговор у нас не такой уж сложный...

— Тогда говори. И постарайся короче.

— Прекрасно. Постараюсь,— сказал голос выразительно и, помолчав, продолжал: — Коротко говоря, вы приняли решение совершить непоправимый поступок.

Я подумал, что нужно быть осторожным. Мой собеседник свободно пользуется и залихватскими интонациями бродяги и сухим, чиновничьим тоном... Значит, это не обычный человек, у которого что на уме, то и на языке. Какое ремесло требует проникновения за внешнюю оболочку человеческого существования, за масну общественного положения и профессии? Прежде всего, видимо, ремесло сыщика и шантажиста. Может быть, изображая собой всезнайку, он просто хочет выведать мои намерения...

— Ну, знаете ли...— ответил на мое молчание голос, тихонько откашливаясь.— Хотя в том, что вы меня подозреваете, нет ничего удивительного. Это мне понятно. Итак, вы сейчас собираетесь выйти, взяв с собой жену? Так?.. Нет, не думайте, пожалуйста, что я наблюдаю за вами в бинокль из какого-либо дома поблизости. Впрочем, действительно, у вашего дома дежурит наблюдатель... Посмотрите в окно в конце коридора, живее!

Я послушно оставил трубку и выглянул, как было сказано. Как раз в этот момент мимо ворот слева направо со скучающим лицом проходил мой шпион. Я попятился, вернулся к телефону и осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, взял трубку.

— Ну как?— сейчас же спросил голос. (Как он узнал, что я уже у телефона?) — Это тот самый молодой человек, с которым вы давеча подрались. Между прочим, весьма способный специалист по всякого рода убийствам.

— Ты откуда говоришь?

Терпеливо превозмогая тупую боль, которая поднимается от позвоночника к голове, я пытаюсь сообразить, откуда, разговаривая по телефону, можно одновременно наблюдать за моим домом.

— Да нет же, я уже, кажется, сказал, что звоню издалека. Ага, отлично, вот здесь у меня проезжают пожарные машины. Окно у меня открыто. Вы слышите? У вас ничего не слышно, не правда ли?..

— Любой дурак может проделать такой фокус при помощи магнитофона.

— И это верно... Тогда запишите номер моего телефона. Будете знать номер, и ваши сомнения исчезнут. Я положу трубку, а вы позвоните, хорошо?

— Хватит с меня. Мне все равно.

— Нет, так не пойдет...— Голос вдруг стал увещевающим.— Это очень важно. Я-то ведь вижу все насквозь...

— Ну и что из этого?

— Ты так ничего и не понял, бедняга...

Шантажист глубоко вздохнул. В его тоне была такая искренняя печаль, что меня даже не задел переход на фамильярное «ты».

— И ты до сих пор не догадываешься, кто с тобой говорит? Это же я. Понимаешь, ты сам... Я — это ты!

29

Долго я стоял неподвижно. Не только плоть, но и душа моя словно замерла, затаилась. Это не было простым чувством вроде страха. Это было странное состояние, в котором смешались спокойствие и смятение, как будто мне с самого начала сказали обо всем, и я давно все знаю, и все же в любой момент готов сойти с ума. Это спокойствие можно сравнить с ощущением идиотского веселья, которое испытываешь, когда видишь смутно знакомого тебе человека и вдруг обнаруживаешь, что это твое отражение в зеркале... А смятение сродни невыразимо грустному отчаянию, какое бывает во сне, когда превращаешься в духа, паришь под потолком и смотришь сверху на собственный труп...

С трудом подбирая слова, я выговорил:

— Как же это... значит, ты... это я... синтезированный машиной, что ли?

— Это не так просто. Ты же знаешь, что синтезированная личность не может вести такой разговор.

Я непроизвольно киваю.

— Но ведь у тебя не может быть сознания.

— Еще чего... У меня же нет тела... Я — это всего-навсего запись на магнитофонной ленте, как ты и предполагал. И, естественно, я не могу обладать таким сокровищем, как сознание. Зато я более определен и детерминирован, нежели сознание. Мне в мельчайших деталях известна наперед вся работа твоей мысли. И чтобы ты ни делал, как бы ни поступал, ты всегда останешься в пределах предусмотренной во мне программы.

— Кто же составил план для этого разговора?

— Никто. Он определен самим тобой.

— Значит...

— Правильно. Я — это второе предсказание твоего будущего, учитывающее знание первого предсказания. Короче, я — это ты. Ты, познавший себя до конца.

Я вдруг ощутил себя далеким крошечным существом. А на том месте, где я находился, ворочалась огромная склизкая боль.

— Кто же приказал тебе позвонить? Ёрики?

— Ты все еще не понимаешь. Ты никак не можешь освоиться с истинным положением вещей. Моя воля — это твоя воля. Ты только не осознал ее, вот и все. Я поступаю так, как поступил бы ты, зная свое будущее.

— Как же ты управляешь магнитофоном?

— Перестань молоть чепуху. Конечно, мне помогает человек. Это Ёрики-сан, ты угадал... Но не думай, пожалуйста, что это его интриги или что-нибудь подобное. Все, что он до сих пор сделал, делалось по моей просьбе. И если ты подозреваешь Ёрики, подозревай лучше самого себя...

— Ладно, пусть так... А зачем тебе нужно было вести себя как шантажисту, пугать меня этими звонками?

— Я не пугал. Я предупреждал.

— Все равно, зачем был нужен этот окольный путь? Если тебе известно мое будущее, значит, вероятно, известны и мои враги? Почему нельзя было действовать более прямыми путями?

— Враги... Ты неисправим. Поистине, враг в тебе самом. Твой способ мышления — вот кто наш настоящий враг... Я просто хотел спасти тебя от катастрофы... А-а, вот и хорошо, идет Садако. Впрочем, хотя я — это ты, тебе, конечно, неприятно, что я ее называю... Ладно, буду называть ее женой. Она переоделась и ждет тебя за дверью. И, вероятно, с недоумением слушает наш разговор. Позови ее и дай ей трубку, я хочу спросить ее кое о чем...

— И не подумаю!

— Правильно, я знал, что ты это скажешь. Если рассказать ей хоть о чем-нибудь, придется рассказать обо всем. На это у тебя не хватит смелости. Ты ведь так и не сказал ей, куда собираешься ее вести. Впрочем, в этом уже нет надобности...

— Это почему?.. Это оскорбление не пройдет даром...

— Ладно, ладно. Если не хочешь позвать ее к телефону, спроси сам. Спроси ее про фиктивную медсестру с родинкой. Твоя жена сказала, кажется, что родинка была на подбородке... А не ошиблась ли она? Может быть, родинка была не на подбородке, а на верхней губе?

30

Я задохнулся. Я просто забыл, что нужно дышать. Издалека пробивается луч света, и все вокруг меняет свой облик. Родинка не на подбородке, а на верхней губе... Подвела память, жена просто забыла. Значит, этой медсестрой была моя помощница Кацуко Вада? У нее родинка на верхней губе. Она стесняется и привыкла держать голову опущенной, чтобы родинка не бросалась в глаза. И тогда эта родинка видна у нижнего края подбородка, и затуманенная память переносит ее на подбородок...

— Садако!— в ужасе кричу я на весь дом.— Родинка у медсестры!

Дверь открылась, и показалось испуганное лицо жены.

— Что с тобой? Ты так меня напугал...

— Эта родинка, где она была?.. Может быть, не на подбородке? Может быть, здесь?

— Пожалуй... Кажется, да...

— А точно? Вспомни хорошенько!

— Если я ее увижу, то вспомню, но... Пожалуй, что да.

— Именно на губе...— сказал голос в трубке.

Я торопливо махнул рукой, отсылая жену. Но она не ушла. Она стояла, глядя мне в глаза холодными глазами. Не понимаю, почему у нее такой взгляд. Я крепче прижимаю трубку к уху и поворачиваюсь спиной.

— Другими словами...— продолжает мое второе «я»,— этой медсестрой была, как ты догадался, Кацуко Вада. Твоя жена не знает ее, потому что Вада была больна, когда остальные твои сотрудники приходили к тебе на Новый год с поздравлениями. Но теперь ты понял, что твои предсказания о друзьях и врагах ни на что не пригодны?

— Если так, то все прекрасно... Ведь она сделала это по моему поручению, иначе говоря, по твоей просьбе.

— Чем же ты недоволен?

Я украдкой оглянулся. Жены уже не было.

— Тем, что теперь все мне кажутся врагами.

— Да, пожалуй...— произнес он спокойно и, как мне показалось, печально.— Что же, ты сам был беспощадным врагом самому себе. И мы ничем не могли помочь тебе, как ни старались...

— Понял, хватит!— Меня вдруг охватила ярость.— Довольно ходить вокруг да около! Какой вывод? Что я, по-твоему, должен делать?

— Чудак... Я думал, что ты уже сделал вывод. Прежде всего теперь уже незачем поднимать шум и тем более впутывать в эту историю жену...

— Я не поднимаю шума!

— Ну как же?.. Ты что, вообразил, будто жена так просто, без всяких объяснений, согласится на исследование машиной? Если ты так полагаешь, то ты просто дурак... Ты с гордостью думаешь о себе: я-де человек хладнокровный, я все вижу и могу делать вид, что ничего не замечаю. А на самом деле ты скучен и консервативен до мозга костей, и жена теперь ни за что не разрешит тебе заглядывать в ее душу... Почему? Да потому, что в ее душе есть нечто такое, что не предназначено для твоих глаз. Нет, не беспокойся, это не ревность и не измена... Это гораздо хуже. Презрение и безнадежность.

— Чушь.

— Нет. Засады устраиваются в самых неожиданных местах. Ты ничего и не подозреваешь и вдруг наталкиваешься на препятствие, и это становится поворотным моментом в твоей судьбе... Чтобы заставить жену согласиться на исследование, тебе пришлось бы кое-что ей рассказать... И так волей-неволей ты раскрыл бы тайну лаборатории Ямамото.

— Это всего лишь твое предположение.

— Это не предположение, это — предопределение... Ты все равно пришел бы к такому выводу... И если бы я не позвонил тебе, ты так бы и поступил. Впрочем, были еще другие пути избежать этого... Например, испросить у господина Ямамото для твоей жены разрешение на осмотр лаборатории. Хотя это, кажется, не входило в твои намерения. Твои мысли направлены в диаметрально противоположную сторону. Ты побывал в лаборатории, ты начал понимать, что повседневное является всего лишь изнанкой реальности, и тем не менее ты думаешь только о том, как бы убить своего ребенка, и порвать все связи с будущим, и навсегда зарыться в этот мир изнанки... Помнишь, вчера вечером Вада-кун сказала тебе, что идет суд? Да, то был настоящий суд. А то, что я говорю тебе сейчас, это, возможно, решение суда. Не верится, что такой человек, как ты, закоренелый консерватор, консерватор до мозга костей, мог создать машину-предсказатель...

— Ты что же, позвонил мне специально, чтобы читать проповеди?

— Ты говоришь так, будто речь идет о постороннем человеке. Но ведь я — это ты... Впрочем, ладно... Как бы то ни было, число жертв нужно свести к минимуму. Ты уже знаешь, что медсестрой была Вада-кун, и теперь нет необходимости исследовать жену машиной. Если ты хоть это уяснил, об остальном можно не беспокоиться.

— Значит, мой ребенок будет подводным человеком?

— Совершенно верно.

— Зачем? Кому это понадобилось?

— Понимаю. Тебе хочется знать причину. Это понятно. Поэтому я запросил для тебя разрешение на осмотр питомника подводных людей. Для этого нужно отдельное разрешение. Вероятно, мой запрос уже рассмотрен, но за ответом тебе придется сходить в комиссию самому. Примерно часов в пять за тобой зайдут.

— Еще одно... Кто в конце концов убил этого заведующего финансовым отделом?

— Конечно, Ёрики-кун... Но не торопись с выводами. Приказ убить отдал я, то есть ты.

— Знать не хочу об этом!

— Можешь не знать, это ничего не меняет.

— А кто это сейчас нашлялся? Там Ёрики возле тебя?

— Нет, это Вада-кун.

— Все равно... Передай трубку!

— Возьмешь трубку?— спросил он в сторону, и ему ответил нежный смеющийся голос Вады:

— Давайте, сэнсэй, довольно вам с самим собой разговаривать...

Вот именно, с самим собой. Смешно получается, один я уже там есть, не хватает только, чтобы туда нагрянул второй я. Но что за положение! Пальцы у меня вдруг одеревенели, и трубка едва не выскользнула из потной ладони. Пытаясь удержать ее, я неловко повернулся и нажал на рычажок телефона. Набрал номер, но ответом было только низкое гудение.

Вероятно, так и должно было случиться. Если он является вторым предсказанием моего будущего и ему известно обо мне все до мельчайших деталей, значит, он предвидел и мою оплошность с трубкой. Но у меня были еще вопросы к нему. Если он приказал убить заведующего финансовым отделом, то выходит, что он существовал уже тогда. То есть еще до того, как я додумался до предсказания будущего отдельных людей. Когда же он появился на свет? И кто его создал?

Я позвонил Ёрики. Его не было. Вады, разумеется, тоже не было.

Жена сказала через дверь:

— Я готова.

— Все. Уже не нужно.

— Что не нужно?

— Не нужно идти. Все уже выяснилось.

— Вот как... Странный у тебя был разговор по телефону.

Я распахнул дверь и остановился на пороге. Жена, глядя в сторону, отстегнула брошь и швырнула на столик перед трюмо.

— Я хочу спросить тебя,— проговорил я.— Ты меня презираешь?

Жена подняла удивленное лицо, затем, словно нехотя, рассмеялась. И сказала сквозь смех:

— У тебя весь рот в зубной пасте...

Я хотел что-то сказать, но промолчал. Мне все стало противно. И сам себе я стал противен. Я не подозревал, что мы видим друг друга в последний раз: я — ее застывшую улыбку, от которой мне было тошно, она — мою идиотскую, заляпанную зубной пастой физиономию. Я закрыл дверь и вернулся к умывальнику. Прополоскал рот и начал бриться.

31

Через каждые тридцать минут я звонил в лабораторию, разыскивая Ёрики, а в промежутках неторопливо просматривал газеты. Как всегда, международные соглашения, вопрос о территориальных водах, экономический шпионаж... необычайно высокая температура атмосферы, повышение уровня мирового океана, землетрясения... повествования о красавицах, об убийствах, о пожарах. Странно, что набор этих неприветливых явлений мог когда-то приводить меня в сентиментальное настроение. Я видел краешек будущего, и все обыденное, в том числе и мой сорокашестилетний возраст, казалось мне теперь неимоверно далекой стариной. У меня было такое ощущение, будто я свалился от усталости и остался один на дороге.

Незаметно я снова заснул. Газета, на которую я лег лицом, намокла от пота. Вернулся из школы Ёсио, бросил сумку и сразу помчался куда-то. Жена сердито закричала ему вслед. Я поднялся. Захотелось позвать Ёсио, поговорить с ним о чем-нибудь. Но в следующий момент его легкие шаги уже затихли в конце переулка.

Я спустился на нижний этаж. Жена окликнула из кухни:

— Может быть, поешь?

— Нет. Потом.

Я обулся и вышел. Мне хотелось немного побродить.

Едва я вышел на улицу, как на глаза мне попался мой шпион. Волоча ноги и пиная камешки на дороге, он шел в мою сторону, и лицо у него было такое, будто ему все на свете надоело. Увидев меня, он остановился, как вкопанный. Я двинулся прямо на него, но на этот раз он и не думал убегать и поклонился со смущенной улыбкой.

— Ты что здесь делаешь?

— Виноват...

Я не стал больше разговаривать с ним и прошел мимо. Но он повернулся на пятках и пошел рядом со мной. Вряд ли он такой дурак, чтобы пытаться напасть на меня сейчас. Слышны голоса играющих детей, повсюду прохожие. Желая уязвить его, я заметил, что он здорово отличился прошлым вечером, но он только оскалил зубы в наивной улыбке и пробормотал:

— Да нет, я сделал только, как приказано...

— Это правда, что ты большой мастер убивать?

— Ну уж и большой. Так, выполняю поручения...

— А что тебе сейчас поручено?

— Виноват, сэнсэй...— Он как бы в затруднении опустил глаза.— Поручили пока только следить за вами, больше ничего...

— Кто поручил?

— Вы сами, сэнсэй, кто же еще?

Вон оно что! Итак, мое второе «я» имеет дело с заказами на убийства из-за угла. Никогда в жизни не подозревал, что способен на это. Если бы я не был напуган до оцепенения, меня бы, наверное, затрясло от отчаяния и ужаса.

— Так... И сколько человек ты уже убил?

— Да пустяки в общем-то... С тех пор, как я у вас, не убил еще ни одного...

Я перевел дыхание.

— А до этого?

— Одиннадцать человек. Я ведь чем силен? Не оставляю никаких следов. Сперва оглушаю, а потом зажимаю нос и рот. Он и задыхается. Возни, конечно, много, зато уж комар носа не подточит. Есть у меня такая способность: как увижу человека, кто бы он там ни был, сразу знаю, как у него дух сломить. С одного взгляда. Это вроде гипноза, что ли... Нажать на больное место, и человек готов, все равно что мертвый, делай с ним что хочешь. Взять, к примеру, вас, сэнсэй... Вообще-то это говорить не положено, ведь если человек такую вещь знает заранее, справиться с ним трудно. Ну, вам, сэнсэй, можно... Так вот, у вас слабое место — это лицо или сбоку живота.

Для чего мое второе «я» наняло этого человека? Может быть, для охраны, но не исключено, что ему дали поручение по специальности. В любом случае все это очень странно. И незачем мне разгуливать с таким субъектом...

— Ты можешь идти домой.

Он ухмыльнулся и искоса посмотрел на меня.

— На такой крючок вы меня не подцепите, сэнсэй. Вы же сами сказали: ни при каких обстоятельствах не подчиняться приказам, даже вашим собственным, если не в письменном виде. Нет, меня вы не проведете. Лучше давайте зайдем куда-нибудь и закусим, если вы свободны. А то я утром забыл захватить завтрак. Я уж решил было потерпеть, но если мы будем вместе, приказа я не нарушу... Прошу вас, сэнсэй, сделайте одолжение... Было бы здорово поесть сейчас гречневой лапши...

В конце концов отказываться было лень, и тому же можно было рассчитывать как-то приручить этого подонка, и я согласился. Он потащил меня в ближайшую харчевню. У меня тоже с утра ничего не было во рту, и хотя есть не хотелось, я заказал себе лапшу в корзинке. А мой смертоносный приятель, несмотря на жару, взял суп с лапшой и засыпал в него огромное количество красного перца. Ел он страшно медленно, смакуя каждую лапшинку, и так увлекся, что не замечал мух, ползавших по его лицу. Это было еще более мерзко, чем его откровения о способах убийства.

По телевизору объявили пять часов. Шпион сейчас же вскочил и, оглянувшись по сторонам, сказал: «В пять часов я должен позвонить и узнать, куда вас сегодня везти...»

С обеспокоенным лицом он помчался к телефону в углу и схватил трубку. Кажется, ему ответили немедленно. Он произнес несколько слов, понивал, затем повесил трубку и вернулся. На лице его было написано облегчение.

— Господа уже собрались и просят пожаловать незамедлительно,— сказал он.

— Куда?

— Как куда? С вами же договорились... что я зайду за вами после пяти...

Так вот кого мое второе «я» посылает за мной! Этот субъект должен доставить меня в пресловутую комиссию питомника подводных людей. Значит, он тоже из них. Как все это, оказывается, просто и в то же время сложно!

— А кому ты сейчас звонил?

— Господину Ёрики.

— Ёрики! При чем здесь Ёрики?.. Какое он-то имеет отношение к этой комиссии?

— Не знаю...

— А куда ехать, ты знаешь?

— Так точно...

Я первым выскочил из харчевни и тут же поймал такси. Сейчас наконец замкнется кольцо загадок, я увижу охотника, который ставил ловушки, доберусь до ствола, который скрыт за ветвями. Заплачу, что я должен, но и вы, господа, вернете мне то, что должны, затем мы подведем итог и посмотрим. Я не думал о том, что моя рубашка измята, а на ногах у меня гэта, что в кармане моем осталось всего тридцать иен. Там Ёрики, за такси пусть платит он...

Мой провожатый, как и подобает специалисту по убийствам, хорошо знал город. Он командует шоферу сворачивать то налево, то направо, словно нарочно выбирая самые глухие и узкие переулки. Но едем мы, кажется, не в ту сторону, куда я предполагал, не к строительному участку, и мало-помалу меня охватывает беспокойство. Вскоре мы выезжаем на знакомую улицу. Вот трамвайная линия, вдоль которой я прохожу по утрам и по вечерам... Мой провожатый хлопает шофера по плечу: «У табачной лавочки сверни и — направо, к белой ограде...»

— Что за дурацкие шутки?— растерянно сказал я.— Это же филиал ЦНИИСТа, моя лаборатория.

— Так точно...— отозвался шпион, отодвигаясь, чтобы дать мне выйти.— Так приказал Ёрики-сан...

Возражать и спорить не имело смысла. Я вышел и спросил вахтера. Все правильно, ответил вахтер, никакой ошибки нет, все уже собрались и ждут сэнсэя. Мой провожатый удовлетворенно занимал и стал поглаживать подбородок.

— В какой комнате?

— На втором этаже, в машинном зале.

В окнах второго этажа отражались закатные облака, стекла слепо отсвечивали белым блеском. Я попросил вахтера расплатиться за такси и пошел через двор. На полпути я обернулся. Вахтер испуганно глядел на мои гэта. А господин убийца неподвижно стоял рядом с ним, опустив длинные руки и улыбаясь.

На первом этаже я заглянул в отдел обработки материалов. Неутомимый Кимура и его четверо молодых помощников методично и упорно рассортировывали и кодировали горы всевозможных данных, которые когда-нибудь для чего-нибудь могут пригодиться. Этот отдел можно назвать кухней для машины-предсказателя. Работа здесь монотонная, но требует большой точности, признает только факты, и никого здесь не волнует, идет эта пища машине на пользу или во вред. Говоря по правде, такая работа нравится мне больше всего. В отделе информации было пусто.

В коридоре второго этажа с его единственным окном было уже темно. Я прислушался, но ничего не услышал, кроме заглушенного уличного шума. Я осторожно подкрался к двери машинного зала и заглянул в замочную скважину, но ее заслоняла чья-то спина.

Я взялся за дверную ручку, быстро повторяя в уме то, что собирался сказать. («Кто вы такие? Кто вам разрешил? Возможно, вы какая-то комиссия, но я не могу предоставлять этот зал сборищу, о котором впервые слышу. Во-первых, машина-предсказатель находится под строжайшим контролем правительства. Даже я сам обязан докладывать о своей работе с нею... Итак, прошу дать мне объяснение. Я не могу допускать своеволия. Не знаю, господа, какие у вас права, но здесь, во всяком случае, за все отвечаю я...»)

И я, предвкушая эффект этой речи, распахнул дверь. Ледяной ветер пахнул мне в лицо, ожег глаза. И я замер, не в силах произнести ни слова. Все было совсем не так, как я ожидал.

Это я был таким, каким меня здесь ожидали увидеть. Четверо мужчин и одна женщина, улыбаясь, смотрели на меня. И я знал их всех, слишком хорошо знал. И все они были совершенно спокойны.

Слева за столом сидели господин Ямамото и Кацуко Вада... Напротив, между двумя блоками машины, стоял Ёрики... Можно было примириться и с тем, что тут же в углу оказался Соба, эта верная тень Ёрики... Но справа у телеэкрана я увидел еще Томоясу из комиссии по программированию! Это меня доконало. Я-то, разиня, считал Томоясу простым винтиком казенного механизма!..

Куда ни шло, если фигура злодея возникает перед тобой из мрака неизвестности. Гораздо страшнее обнаружить, что ты жил с ним бок о бок и ни о чем не подозревал. Я был ошеломлен, я понятия не имел, как нужно держаться. Мелькнула мысль,

что самый ужасный из призраков — это чуть изменённый лик хорошо знакомого человека...

— Мы вас ждали,— произносит Ёрики. Он делает шаг вперед и жестом предлагает мне занять место в пустом пространстве посередине зала. Остальные просто и сдержанно здороваются со мной. Мне сразу становится легче. Ну, конечно, я ожидал чего-то совершенно необычного, и потому, видимо, самые заурядные вещи показались мне необыкновенными. На самом же деле все очень обыкновенно.

Я решил держаться как ни в чем не бывало. Усевшись на предложенный стул и вежливо склонив голову в сторону господина Ямамото, я с достоинством осведомился:

— Чем же мы будем заниматься?

— Рассмотрим вашу просьбу на осмотр питомника подводных людей...— обычным своим серьезным тоном быстро проговорила Вада.

— В соответствии с вашим пожеланием, сэнсэй...— тут же добавил господин Ямамото и заискивал с добродушной улыбкой на своей огромной, несколько растерянной физиономии.

Внезапно мне снова сделалось скверно. Нет, все-таки это очень необычно. Я уже не поспевал за стремительной сменой своих ощущений. Лицо мое оставалось неподвижным, но душа, сжавшись в комок, забилась в самые недра моего существа.

— Официально настоящее собрание,— сказал Ёрики,— называется «Комиссия лаборатории ЦНИИСТа при административном бюро компании по разработке и эксплуатации морского дна». Но это слишком длинно и к тому же не выражает с достаточной полнотой существа дела. Поэтому обыкновенно мы называем себя просто «комиссией бюро».

— Хотя мы всего лишь комиссия, с нами очень считаются,— заметил Соба.

— Совершенно верно,— сказал господин Ямамото, покачиваясь на стуле.— Я ведь, кроме того, еще и член правления. Меня назначили сюда наблюдателем именно в силу важности комиссии при машине-предсказателе...

Я опустил глаза и пробормотал бессильным голосом:

— Кто вам разрешил пользоваться этим помещением?

— Я,— прозвучал вдруг голос в динамике машины.

— Второе предсказание вашего будущего, сэнсэй,— подтвердил, словно оправдываясь, Томоясу и оглянулся на динамик.

Воцарилось неловкое молчание. «Они меня жалеют»,— подумал я. Мне не было стыдно за свой жалкий вид.

— Начнем,— тихо сказал Ёрики.

Соба включил магнитофон.

— Пожалуй, начнем,— сказал Ёрики.

Видимо, он здесь за председателя.

— В соблюдении каких бы то ни было формальностей нужды, пожалуй, нет. Главный вопрос, который мы должны рассмотреть, это просьба... гм... Кацуми-сэнсэя о разрешении на осмотр и наше решение по этой просьбе...

— Решение определено выводом,— произнесла машина моим голосом,— следовательно, вопроса для рассмотрения нет.

— Правильно,— сказала Вада, наматывая на палец прядь волос.— Остается претворить решение в жизнь.

— Не спорю. Но комиссия обязана дать объяснение. Если вам не нравится выражение «рассмотрение вопроса», пусть будет «ответ на просьбу», что ли... Итак, сэнсэй, принимая во внимание вывод, мы, к сожалению, вынуждены были отказать вам в вашей просьбе... Причина отказа заключается в том, что вы задумали убийство, сэнсэй, вы намерены совершить преступление, именуемое детоубийством. Мы отказываем вам, чтобы предотвратить это преступление...

Я проглотил слюну и поднял глаза. Но я не мог выразить словами то, что думал. Ёрики продолжал, словно успокаивая:

— Вместо осмотра, чтобы вы имели возможность полностью уяснить положение дел, мы намерены предложить вам посмотреть на телеэкране будущее подводного человека, предсказанное машиной. Это решение принято только нашей комиссией, но нам кажется, что это даст вам больше, нежели осмотр. А затем мы перейдем к выводу, о котором здесь уже говорилось... Разумеется, сначала мы объясним вам, как и почему был сделан этот вывод. Одновременно вы получите представление об истинной сути того, что происходит за последние несколько дней...

— А ведь убийцей оказался ты! — крикнул я старческим визгливым голосом, испугавшим меня самого.

— Вы уже давно об этом знали, сэнсэй... Только нельзя отрывать это от всего остального... Нужно понять это в связи с целым... иначе говоря, из каких соображений...

— Поэтому,— раздраженно прервала его Вада,— не лучше ли начать с объяснения, когда было предсказано будущее сэнсэя...

Да, вероятно, мне хотелось знать это больше всего. Но я чувствовал, что меня видят насквозь, и был оскорблен. Подумать только, даже эта Вада уже давно считает меня безнадежным невеждой! Это было нестерпимо. Я брякнул первое, что мне пришло в голову. Именно брякнул:

— Прежде всего я хочу знать, что это за вывод, о котором здесь толкуют?

— Видите ли...— проговорил Ёрики как бы в затруднении и огляделся. Но остальные молчали, разглядывая свои ногти. Видимо, Ёрики понял это молчание как поддержку и, медленно облизнув губы, сказал:

— Вывод состоит в том, что нам придется, сэнсэй, просить вас умереть...

— Умереть?.. Что за чушь?

Я приподнялся со стула. Но я не ощущал беспокойства и даже, кажется, иронически улыбался. Ёрики продолжал:

— ...и сейчас мы постараемся объяснить вам причину этого...

— Довольно!

Что они мне могут сделать, эти субъекты, да ничего, нужно просто встать и, не говоря ни слова, быстро выйти. И ничего не случится, ничего не может случиться... Но я поглядел на их лица, удрученные и расстроенные, и вдруг содрогнулся.

— Послушайте, сэнсэй,— сказала Вада, подавшись ко мне.— Вы не должны отчаиваться. Вы должны бороться до последнего.

Все согласно закивали. Ёрики сказал ободряюще:

— Вот именно. Это вывод, но вывод чисто логический. Мы же знаем, что логика меняется в зависимости от исходной гипотезы. Мы уже сделали все возможное, чтобы спасти вас, сэнсэй, но вы ни в коем случае не должны терять надежды. Вывод теперь вам известен, и мы рассчитываем, что вы сами найдете условия, на которых можно совершенно изменить ответ... А теперь прошу вас слушать внимательно.

32

Логика не может убить человека... Во всяком случае, не может быть логики, которая приказала бы мне умереть... Эти люди в чем-то ужасно ошибаются... Впрочем, я остался сидеть посередине зала не потому, что поверил их словам, и не для того, чтобы бороться с этой логикой. Уже были хладнокровно убиты два человека, детей уродуют, где-то поблизости рыщет мастер-убийца. Какова бы она ни была, эта логика, убить меня им, видимо, ничего не стоит. Говоря по правде, даже слушать их было унизительно. Но почему-то я не мог двинуться с места. Мне казалось, что если я буду сидеть совершенно неподвижно, время остановится тоже.

— В общем, я буду объяснять по порядку...— торопливо заговорил Ёрики.— Я узнал о существовании этой организации примерно в сентябре прошлого года... как раз когда машина была закончена и стала показывать на экране, как бьются стаканы... В это время, если вы помните, и нам по рекомендации господина Ямамото из госпиталя Центральной страховой компании поступила Вада-кун... Коротко говоря, она мне и рассказала впервые об этом...

Вада, испытующе взглянув мне в глаза, заметила:

— Но я рассказала не сразу. Сначала я подвергла его строгому испытанию...

— Еще бы! — Ёрики покосился на нее.— Испытание было строгое. Я даже заподозрил было, что меня хотят завлечь в любовные сети. Она беспрерывно рассказывала мне всякие романтические и фантастические истории о будущем, которое якобы покажет машина. Я даже решил, что она поэт... Я относился к этому довольно благодушно, и вдруг оказалось, что это и есть страшное испытание.

— Я проверяла его реакцию на представление о будущем... О будущем, которое оторвано от настоящего. Вернее, проверяла, что его интересует больше: сами предсказания или машина-предсказатель. Вас я тоже подвергала как-то испытанию, сэнсэй, вы помните?..

Да, что-то такое было. Ничего конкретного на память не приходит, помню только, как она болтала какую-то потешную чепуху и как мне было смешно. Я хочу ответить что-нибудь, но язык присох к гортани и слов не получилось.

— Впрочем, вы, сэнсэй, оказались безнадежны... Вы и думать не желали о том, что будущее может изменить настоящему. И, следовательно... Как бы это сказать... Вот, например, машина-предсказатель не может отвечать, если не получит вопроса. Сама задавать себе вопросы она не может. Поэтому при работе с машиной-предсказателем очень многое зависит от того, кто задает вопросы. И вот в этом смысле вы, сэнсэй, как мне кажется, совершенно неспособны работать с машиной.

— Неправда! Важнее всего факты!— Мой голос был сухой и хриплый.— Предсказание — не сказка! Это... Это — логическое заключение, выведенное исключительно из фактов! А ты тут несешь всякую... Э, да что говорить...

— Вы уверены? Но разве машина способна иметь дело с самими фактами? Что, если главное в том, как факты переводятся на язык вопросов?

— Довольно. Это уже философия... А я, да будет тебе известно, простой техник.

— Именно. В этом-то, сэнсэй, и состоит ограниченность вашего метода, когда вы выбираете тему.

— Да кто вы, собственно, такие — учить меня?— Я закинул руку за спинку стула и наклонился вперед. Я пытаюсь кричать, но у меня спирает дыхание и каждая фраза застревает в глотке.— Ты, Ёрики-кун, убийца, что бы ты там ни говорил! А ты, Вада-кун? Ты украла моего ребенка! Вы здесь все сумасшедшие! А вы, Томоясу-сан? Вы чудовищный лицемер, вот кто вы такой! Вы лгали и лгали на каждом шагу, и я даже не знаю, как вас назвать после этого!

— Но ведь я...— Томоясу, словно ища помощи, забегал взглядом по полу.— Я только старался спасти положение. Все, что было в моих силах...

— Это так,— сказал господин Ямамото и выставил в мою сторону плоскую ладонь.— Томоясу-сан тоже играл трудную роль. Позиция его была очень шаткой, ведь в его задачу входило скрывать от посторонних глаз нашу двойную организацию...

— Двойную организацию?..

— Погодите, вернемся к нашей теме,— сказал Ёрики. Он прошел мимо меня, возле двери повернулся и упер костяшки пальцев в служебный стол.— С некоторых пор мы начали использовать машину-предсказатель для нужд компании по разработке морского дна. Мы делали это тайком от вас, сэнсэй, но вы, наверное, догадывались... Нет, этот счетчик не точен. Он оборудован устройством, которое позволяет переводить его назад...

— Кто разрешил это самоуправство?

— Видите ли, по линии организации меня назначили заведующим этого зала... Разумеется, сначала я отказывался. Хотя компания по разработке морского дна обладает полномочиями, превышающими полномочия правительства, мне было страшно неприятно брать на себя такую ответственность без вашего ведома. Но руководство компании торопило меня. Оно спешило. Правда, оно понимало, что разработки дна зашли слишком далеко и пятиться уже поздно, но надо было узнать, какие плоды они принесут в будущем. И едва руководство прослышало о машине-предсказателе, как тут же на нее накинулось. Запросить предсказание официально было нельзя... организация абсолютно секретная... Тогда к нам откомандировали Ваду-кун, поискали, проверили и нашли, что я вполне подхожу... Но я долго отказывался от назначения. Мне хотелось во что бы то ни стало убедить вас, уговорить, чтобы ответственным лицом от нашей тайной организации стали здесь вы. Работать тайком от вас мне было неприятно. С другой стороны, следовало опасаться, что вы в любой момент можете обнаружить новые знания машины, которые она неизбежно получит при этой работе. Правда, в этом отношении вы были страшно лояльны и никогда не пускали машину в ход без разрешения комиссии...

— Это значит,— с раздражением сказала Вада,— что сэнсэя интересовало не будущее, а только сама машина.

— Нельзя ли тоном пониже?— резко заметил Ёрики и продолжал:— Коротко говоря, в предвидении таких затруднений руководство компании поручило Томоясу-сан тормозить, поелику это возможно, работу комиссии по программированию... Но это противоестественное положение не могло продолжаться до бесконечности, нужно было искать выход...

— И вы решили меня убить?

— Нет, не тогда. Мы поняли, что иного выхода нет, гораздо позже. Вы не смотрите, сэнсэй, что Вада-кун говорит здесь таким тоном. Она ведь тоже вся извелась, стараясь вас спасти. Компания предложила несколько проектов вашего легального устранения, но мы не согласились, мы не могли поступать с вами жестоко. Мы отлично понимали, что для вас значит ваша машина. Тогда не кто иной, как Вада-кун, предложила подвергнуть вас машинному анализу и выяснить ваше будущее. Результат пробного испытания оказался не очень благоприятным, но мы решили, что для окончательного вывода этого недостаточно... Решили уточнить... И мы задали машине предсказать ваши действия, когда вы будете обладать конкретными знаниями о работах на морском дне.

— И что получилось?

— Э-э...— Ёрики замолчал, сжал губы и принялся вычерчивать на углу стола маленькие квадратики.

— Землетрясение!— воскликнул вдруг Соба, глядя на потолок.

Действительно, по ногам и коленям поползли мелкие округлые толчки. Это продолжалось всего несколько секунд.

— Итак?— сказал я.

Ёрики растерянно кивнул.

— Да. Э-э... Одним словом, мы поняли, что это безнадежно.

— Что безнадежно?

— То есть, что это будущее для вас невыносимо, сэнсэй. Вы не могли себе представить будущее иначе, как продолжение повседневного. В этом смысле вы возлагали на машину большие надежды, но вы не могли идти к будущему, которое оторвано от настоящего... которое отрицает настоящее, разрушает его. Вы являетесь, возможно, лучшим специалистом по программированию, но программирование есть не что иное, как превращение качественной реальности в реальность количественную. А без обратного синтеза этой количественной реальности в качественную будущее постигнуть нельзя. Это просто и понятно, но вы, сэнсэй, были в этом отношении неисправимым оптимистом. Будущее для вас всегда было лишь механическим продолжением количественной реальности. Вот почему реальное будущее оказалось для вас невыносимым, хотя вы всегда питали огромный интерес к его предсказанию...

— Не понимаю. Все это ерунда. О чем ты говоришь?

— Погодите, я постараюсь объяснить. Потом вы увидите это будущее на экране своими глазами. Вы не только открыто выступили против него, но даже усомнились в возможностях машины...

— Ничего не понимаю. И почему в прошедшем времени?..

— Потому что все это предсказала машина... И чтобы предотвратить наступление этого будущего, вы нарушите обещание, как вы пытались сделать это несколько часов назад, и разоблачите тайну организации.

— А если даже и так? Что плохого в том, что я против этих подводных колоний с подводными людьми? Тогда мы получим будущее второго предсказания, выведенное из новых условий, и оно будет великолепным. Я полагаю, ценность машины-предсказателя в том и заключается, что она дает возможность заблаговременно исключать такие идиотские варианты будущего.

— Значит, по-вашему, машина-предсказатель нужна не для того, чтобы строить будущее, а для того, чтобы законсервировать настоящее?

— В том-то все и дело...— торопливо вмешалась Вада.— В этом весь Куцуми-сэнсэй. Кажется, говорить больше не о чем...

— Нельзя же рассуждать так узколобо,— сказал я, сдерживая закипающую злость.— Не думаете же вы, что это будущее с подводными колониями единственно возможно? Нет идеи опаснее, чем возведение предсказания в абсолют, я постоянно, до горечи во рту, твердил вам это. Ведь это же фашизм. Все равно что предоставить божественную власть политиканам. Почему вы не попробовали предсказать будущее при условии разоблачения тайны?

— Мы пробовали, разумеется...— ровным голосом сказал Ёрики.— В результате получилось, что вас убьют, сэнсэй.

— Кто?

— Наемный убийца, который ждет снаружи.

Окончание в следующем номере.

КОБО АБЭ

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с японского С. БЕРЕЖКОВА.

33

...И поэтому меня убьют? Какая нелепость. Убить, чтобы не дать предсказанию осуществиться,— это еще понятно. Но убить специально для того, чтобы осуществилось предсказание об убийстве? Конечно, это просто предлог, чтобы расправиться со мной...

— Неверно,— прозвучал в динамике голос моего второго предсказания, и я вдруг почувствовал, будто моя одежда сделалась прозрачной.

— Что неверно?

— То, что ты сейчас думаешь.

Все взгляды обратились на меня. Голос машины продолжал:

— Ты ошибаешься. Это предсказание не удовлетворило Ёрики-кун и его товарищей. Они принялись ломать голову над тем, как тебя спасти. И они обратились ко мне за советом...

— Второе предсказание вашего будущего, сэнсэй,— поспешно вставил Ёрики.— Никто так не заботится о судьбе человека, как он сам. Вдобавок ваше второе предсказание знает вас лучше, чем вы...

— Совершенно правильно... Все, что было потом, сделано по моему плану. Я же являюсь отражением твоего разума, твоей неосознанной волей.

— И эти убийства... эти ловушки...

— Да. Никто не несет за них ответственность. Ты делал это для себя.

— Не верю.— Почему-то я поглядел на Ёрики. Ёрики опустил глаза и поднес пальцы к вискам.

— Почему же? План был вполне логичный,— спокойно возразил голос. У меня было такое ощущение, будто чья-то рука ощупывает мои внутренности.— Подумай сам. Все отвечало одной задаче: что нужно сделать, чтобы ты, узнав будущее, не разгласил тайну организации. Первое убийство преследовало две очевидные цели. Во-первых, ты сам оказался под подозрением и уже не мог апеллировать к общественности, что бы ни случилось. Во-вторых, тебе намекнули на существование торговли зародышами и тем самым подготовили к восприятию дальнейшего...

— Но разве не странно, что именно в тот день я впервые додумался до предсказания индивидуального будущего? И этого заведующего финансовым отделом мы встретили совершенно случайно...

— Ты ошибаешься. Намек на эту идею тебе дала машина. Идея же была подготовлена заранее. Если бы ты сам не заметил намека, Ёрики-кун подсказал бы тебе. Что же касается заведующего, то тебя навел на него опять же Ёрики-кун. Ревнивец довел несчастную женщину до того, что она сболтнула лишнее. Она проболталась, заведующий узнал. По законам организации необходимо было заставить обоих молчать. Ёрики-кун выманил мужчину в условленное место и привел туда тебя. Остальное ты знаешь. Ёрики-кун убил его, а я пригрозил тебе по телефону. Женщина же послушно покончила самоубийством, приняв яд, который передал ей Соба-кун.

— Как это жестоко!

— Да, пожалуй...

— Убийство не может быть разумным, в каких бы благородных целях оно ни совершалось...

— Подобными банальностями вопроса об убийстве не решишь. Убийство является злом не потому, что отнимает у человека его бренную плоть, а потому, что отнимает будущее. Мы часто говорим: жизнь бесценна... По сути, под жизнью мы понимаем будущее. Возьмем тебя. Не ты ли намеревался уничтожить своего ребенка?

— Это — совсем другое дело...

— Почему же другое? Тебе претило будущее ребенка, и ты относился к его жизни совершенно равнодушно. В поворотные эпохи, когда будущее не определено, когда для спасения одного будущего приходится жертвовать другим будущим... в такие эпохи убийства неизбежны. Разве это не так? Что б ты сделал, если бы та женщина не умерла? Ты бы исследовал ее машиной-предсказателем и, узнав о подводных людях, поднял бы шум на весь мир.

— Естественно.

— Сказано откровенно... Да, именно так бы ты и сделал. Благодаря тебе общественное мнение возмутилось бы, разъяренная толпа обрушилась бы на питомники подводных людей, и будущее было бы растоптано...

— Откуда тебе это известно?

— Это рассказала машина, которую ты создал.

— Пусть так. Все равно, у будущего, которое еще даже не началось, нет права судить настоящее.

— Не право, а воля.

— Воли тем более не может быть.

— И это говоришь ты? Ты, который сам разбудил спящее будущее? Видимо, ты и сам не понимаешь, что сделал. Когда собака кусает хозяина, виноват хозяин. И, говоря по правде, тебе нечего было бы возразить, если бы вместо той женщины расправились с тобой...

— Да, было и такое мнение,— сказал Ёрики.

— Но мы не теряли надежды до последней минуты. Мы решили сделать все возможное. И это благодаря тому, что Ёрики-кун сам вызвался на опасную роль убийцы...

— Я только...— пробормотал Ёрики.

— Да, скажи спасибо Ёрики... Скажи ему спасибо, что тебя не убили из-за угла... и ты имеешь теперь возможность, хотя бы временную, заглянуть в будущее... И, между прочим, наш сын... да ты еще не знаешь, у нас мальчик. Это не моя идея, эту идею подала мне Вада-кун...

Я взглянул на Ваду, но она не отвела глаз. Она была бледна, словно потеряла много крови, и глаза ее были острые, как у птицы. Вдруг я вспомнил наш вчерашний разговор, когда она сказала, что будет судить меня. Нет, она не чувствовала себя виноватой. Наоборот, она обвиняла меня. Что толку пугать оборотня грозными взглядами? Моя ярость утонула в смятении.

— Благодаря ей ты связан теперь с будущим... Это наш общий подарок тебе, творцу машины-предсказателя. Ты понимаешь? Потому что ты чист перед будущим. Это действительно очень важно... Ведь преступление перед будущим в отличие от преступления перед настоящим и прошлым является существенным и решающим.

— По-твоему, я должен быть благодарен за то, что из моего сына сделали урода-раба? У меня слов не хватает...

— Подожди. Ты опять ничего не понял. Я объясню тебе позже... Как бы то ни было, после того, как вы с Ёрики ударили по рукам, тебе наконец показали лабораторию господина Ямамото. Ты, возможно, считал все эти события разрозненными, случайными, но на самом деле они были нанизаны на единый стержень. Все было продумано заранее. И цель была достигнута. Тебе дали заглянуть в будущее, но обязали ничего не разглашать. Остальное зависело от тебя самого. Мы ждали, не сводя с тебя глаз. Решишься ли ты войти в будущее или отступишь?..

— И что же?

— Что ты спрашиваешь? Речь идет о тебе самом... Несмотря на все наши усилия, ты остался прежним. Ты впутал в это дело жену и поставил себя в положение, которое вынудило тебя открыть ей все. Одним словом, результат оказался тот же, что и при первом предсказании. Правда, ты пришел к этому результату несколько окольным путем. Если бы я не остановил тебя, ты бы неизбежно разгласил тайну, не правда ли? И вот тебя пригласили сюда, чтобы принять последние меры.

— Господин Ямамото сказал вчера, что убивать вовсе не обязательно. Что есть и другие меры.

— Да, есть. Обычно пользуются менее заметными способами. Страх, за который женщина получает семь тысяч иен, заставляет ее держать язык за зубами. Семь тысяч иен за целую человеческую жизнь — это же так дешево! Между прочим, психологи, исходя из нынешних цен на продукты и предметы ширпотреба, подсчитали, что человеческая душа стоит как раз семь тысяч иен. Интересно, правда?.. Нет, семь тысяч иен, которые получила твоя жена, имеют, конечно, совсем другой смысл. Это была просто демонстрация. Стоимость души тоже не всегда одинаковая. Как бы то ни было, когда имеешь дело с большим числом людей, прорывы неизбежны. Пока это происходит среди тех, кто сознает себя участником преступления, это не страшно. Индивидуальное заболевание, вроде болезни желудка. В какой-то мере это даже на руку компании, потому что количество поступающих зародышей увеличивается. Но совсем другое дело, когда тайна просачивается наружу. Слухи превращаются в неиндивидуализированное общественное мнение, они свирепствуют, как грипп. Естественно, приходится принимать меры... Иногда приходится наказывать очень строго, например, когда проваливается посредник, как это было с той женщиной. Со всеми так нельзя: слишком хлопотно. То есть убить нетрудно, но много возни с трупом. Поэтому обыкновенно прибегают к таким способам, которые не оставляют следа. Например, усиливают чувство страха, а если это не помогает, искусственно вызывают психическое расстройство. Но не может быть, чтобы ты предпочел смерти сумасшествие.

— О себе ты бы не рассуждал так легко...

— Не говори глупостей... Твоя смерть — это моя смерть. Впрочем, не будем сентиментальными... Если бы у тебя достало сил рассуждать хладнокровно, ты бы сам пришел к такому решению... Это куда лучше, чем влачить существование человеческого обломка. Вдобавок компания любезно согласилась выплатить твоей семье страховую премию...

— Страховую премию? Какая доброта!.. Но если твоя воля — это и моя воля, то выходит, что моя смерть будет своего рода самоубийством. А разве самоубийцам полагаются страховые премии?

— Об этом не беспокойся. Твоя смерть будет выглядеть как несчастный случай. Ты погибнешь, коснувшись проводов высокого напряжения...

34

Сколько прошло времени? Не знаю. За окнами стало совсем темно. Никто не шелохнулся, и я сижу, словно во сне, мертвой хваткой вцепившись в свое время. Мне кажется, что, если это молчание будет длиться вечно, следующее мгновение не наступит никогда.

Думал ли я о чем-нибудь? Кажется, думал, но все о каких-то пустяках. Кто выгладил брюки для Ёрики — его хозяйка или Вада?.. Куда я засунул счета за телевизор?.. Я увяз в этой путанице мыслей и не мог пошевелиться... Видимо, наши эмоции воздействуют на нервную систему гораздо сильнее, чем мысль. Я ждал момента, чтобы бежать. Все мускулы были напряжены, как у кошки, готовой к прыжку. Нет, сравнение с кошкой не просто слова. Ибо в памяти моей, словно утверждая непрерывность повседневного бытия и протестуя против сумасшедшего разрыва этой непрерывности, всплыла залитая солнцем веранда, уставленная цветами. Пока существует эта веранда, я не умру, ни за что не умру.

Вдруг, скрипнув стулом, поднялся Соба.

— Ну что же, пора?..

— Убивать? — Я тоже вскочил, опрокинув стул.

— Нет, что вы...— испуганно произнес Ёрики.

— У нас еще два часа,— быстро заговорила Вада.— Мы должны показать вам по телевизору питомник подводных людей, а затем, если пожелаете, вам покажут будущее колоний на морском дне...

— Он обязательно пожелает,— сказал голос из недр машины.— Такова программа, недаром смерть отложена до девяти часов. Логика не убедила его, он еще не понимает. И он еще намерен сопротивляться...

— Значит, можно начинать? — сказал Соба и протянул руку к пульту за спиной Томоясу.

Томоясу отстранился от него.

— Если разрешите, сначала стакан воды...— проговорил он, стесненно поглядев на Ваду.

— Может быть, фруктового сока?

— Да, пожалуйста. Горло совершенно пересохло... Простите, что я вас беспокою...

— Ничего, пожалуйста. Мне все равно нужно сойти вниз и передать Кимуре, чтобы они уходили, не дожидаясь нас...

Высоко подняв голову, она скользящей походкой направилась к выходу. Я остановил ее.

— Значит, Кимура и его сотрудники тоже связаны с этой организацией?

— Нет, они ничего не знают...— ответил вместо нее Ёрики.

В ту же секунду, изо всех сил оттолкнувшись ногами от пола, я прыгнул к двери. Рассказать все Кимуре и просить о помощи — иного выхода нет. Вся эта банда сошла с ума... Но не успел я коснуться дверной ручки, как дверь распахнулась и на пороге, как бы для того, чтобы подхватить меня, если я поскользнусь и упаду, возник тот самый молодой человек, специалист по убийствам из-за угла. Он стоял, растерянно улыбаясь, подняв длинные руки, словно не зная, что с ними делать...

— Вы все-таки хотите... К чему это, сэнсэй?..

Окончание. Начало см. №№ 1—5.

Я бросился на него, целя левым плечом ему в грудь, рассчитывая сбить его с ног и проскользнуть справа. Но я в чем-то промахнулся. Я ощутил сильный толчок в левую сторону живота, перевернулся, и в следующий момент меня швырнуло к противоположной стене. Я лежал в странной, противоестественной позе. Нижняя часть тела словно оторвалась и провалилась куда-то. Затем способность к нормальному пространственному восприятию вернулась ко мне, и я почувствовал, как из-под сердца вспучивается острая боль.

Ерики и Томоясу подняли меня и, поддерживая с обеих сторон, водворили на прежнее место. «Пот...» — тихо сказала Вада, кладя мне на ладонь сложенный носовой платок. Господин Ямамото качал головой и горестно вздыхал. Я оглянулся на специалиста по убийствам. Он стоял на прежнем месте и в прежней позе, смущенно приоткрыв рот.

— Вы сами так велели, сэнсэй... Предупредили: если, мол, я сделаю так, то ты не теряйся... Я тогда подумал, что это шутка, но не мог же я...

— Ладно. Ступай и жди,— сказала машина. Кажется, он не отличал голоса машины от моего. Нисколько не удивившись, он кивнул и вышел, шаркая подошвами брезентовых туфель.

— Начинайте,— сказала Вада и тоже вышла.

— Ты говоришь и поступаешь в точности, как предсказано,— укоризненно сказала машина, четко выговаривая каждое слово.

Ерики погасил свет, и Соба включил телевизор. Внезапно, словно темнота освободила меня, я закричал. Горло у меня пересохло, и голос был как чужой.

— Зачем... Зачем все это нужно? Если хотите убить, то почему не убиваете?

Ерики обернулся в сиреневом свете, падавшем с экрана.

— Нам ведь все равно, сэнсэй...— робко сказал он.— Если вы отказываетесь смотреть...

Я замолчал... корчась от боли в животе.

Интерлюдия

ПИТОМНИК ПОДВОДНЫХ ЛЮДЕЙ. КОММЕНТИРУЕТ ГОСПОДИН ЯМАМОТО

На экране железная дверь, на которой белой масляной краской намалевана цифра «3».

Появляется молодой человек в белом халате и останавливается перед объективом, щурясь от яркого света.

— Сначала камера выращивания. Мы покажем вам вашего ребенка, сэнсэй... (К молодому человеку.) У вас все готово?

— Так точно... Здесь, в третьей камере...

— Нет-нет, ничего объяснять не нужно. Покажите сэнсэю его сына.

(Молодой человек кивает и открывает дверь. Обстановка почти такая же, как в камере выращивания для свиней. Молодой человек поднимается по железному трапу, возвращается со стеклянным сосудом в руках.)

— Прирос?

— Да, превосходно.

(Стеклянный сосуд крупным планом. Зародыш, похожий на головастика. Прозрачное сердце колышется, как горячий воздух. В темном студне фейерверком раскинулись кровеносные сосуды.)

— Это ваш сын, сэнсэй... Как он вам понравился?.. Бодрый парнишка, не правда ли?.. А теперь, если не возражаете, пойдемте дальше. (Экран гаснет.) Подождем немного, пока они там все подготовят... Так вот, наш питомник подводных людей делится на три сектора: сектор выращивания, сектор воспитания и сектор обучения. Сектор выращивания мы осматривать не будем, он ничем не отличается от камер для животных. Что же касается сектора воспитания и сектора обучения, то разница между ними возрастная. В первом содержатся дети от рождения и до пяти лет, во втором — свыше шести. Таких у нас пока очень мало, это уроженцы тех времен, когда дело находилось еще в стадии эксперимента. Один ребенок восьми лет, восемь — семи с половиной, двадцать четыре — семи и, наконец, сто восемьдесят один — шести лет. Пятилетних детей у нас уже сорок тысяч, четырехлетних и младше ежегодно получается от девяноста до ста тысяч. Поэтому работа в секторе обучения уже с будущего года тоже начнется с настоящим размахом. Сейчас в разных пунктах на океанском дне ведется скоростное строительство отделений этого сектора. Их будет больше двадцати, и каждое сможет принять от трех до десяти тысяч детей...

(«Простите, мы заставили вас ждать»,— прервал голос. Экран освещается. Внутренность гигантского бассейна. Бесчисленные ряды длинных полок, разделенных на крошечные отсеки. И в каждом отсеке плавает подводный младенец.)

— Это камера сосунков. Они поступают сюда из родильной камеры по пять сотен, а то и по тысяче ежедневно. Времени у нас не так много, поэтому перейдем сразу к последней группе, к пятилетним детям.

(Экран гаснет и снова загорается. Бассейн размером в классную комнату начальной школы. Человек тридцать детей, мальчики и девочки, с резиновыми ластами на ногах свободно плавают во всех направлениях. Это обыкновенные японские ребятишки, но у них странно раскрытые немигающие глаза, длинные волосы, клубящиеся, как водоросли, жаберные щели у горла и слишком узкие грудные клетки. Слышится неумолчный шум, похожий на скрип ржавого металла. С потолка свисает целый лес металлических труб. На поверхности воды плавают куски дерева. В стенах сложной формы выступы с отверстиями. Видимо, это устройства для игр.)

— Слышите шум? Они скрипят зубами. Скрип зубами — это речь подводных людей. Голосовые связки отмерли, да под водой они и ни к чему. Подводные люди пользуются азбукой Морзе. Преимущество такой речи в том, что разговаривать можно при помощи какого-нибудь предмета. Можно разговаривать по секрету, прикасаясь друг к другу пальцами, можно говорить во время еды с набитым ртом, постукивая ногой по полу. Создана очень простая азбука из букв, представляющих сочетания горизонтальных и вертикальных линий. В настоящее время уже восемнадцать человек наших сотрудников, все из бывших телеграфистов, свободно владеют речью подводных людей, работает также электронная переводная машина, и мы имеем возможность давать нашим питомцам достаточно хорошее образование... Смотрите, как все насторожились. Должно быть, пришел приказ из кабины связи.

(Некоторое время все дети неподвижно смотрят в одну сторону. Затем, обгоняя друг друга, бросаются к люку слева. Объектив следует за ними. Появляются две женщины в акваланге. Одна стоит у большого ящика, другая постукивает двумя дощечками. Видимо, она что-то объясняет. Дети выстраиваются перед ними. Женщины извлекают из ящика и раздают им по очереди какие-то черные предметы величиной с большую книгу. Один из детей, получив черный предмет, немедленно откусывает от него.)

— Ужин.

(Женщина с дощечками бьет жующего ребенка. Тот, скрипнув зубами, бросается наутек.)

— Наказание за плохое поведение. У нас воспитывают строго. Есть можно только в своей комнате.

— Этот ребенок... Он что, засмеялся?

— Гм... Способы выражения чувств у них несколько другие. Во всяком случае, в том смысле, как мы это понимаем, он не мог смеяться. Вместе с легкими у них отмерла и диафрагма, так что смеяться они не могут. Интересно также, что они не плачут. В числе других желез у них исчезли и слезные, и они не могут плакать, если бы даже захотели...

— Но, может быть, они плачут как-нибудь иначе, без слез?

— Если верить Джеймсу, человек плачет не потому, что ему грустно, наоборот, ему грустно потому, что он плачет. Возможно, не имея слезных желез, они не знают грусти.

(Перед объективом проплывает девочка. Она удивленно оглядывается. Маленькое острое лицо, огромные блестящие глаза. Пронзительно скрипнув, она поворачивается и уплывает прочь.)

— Какая жестокость!

— Что вы сказали?

— Это же трагедия...

(Господин Ямамото смеется.)

— Нет, так нельзя. Вы навязываете им свое сочувствие на основе предвзятых аналогий... Лучше перейдем дальше... К образцовому отделу обучения для шестилетних и старше...

Это далековато. Им придется перевозить телекамеру на субмарине. А пока включите свет, пожалуйста...

ГИПОТЕЗА О КОНЦЕ ЧЕТВЕРТОГО ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА. СООБЩЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕРЫВА ДЕЛАЕТ ГОСПОДИН ТОМОЯСУ

— Я ведь простой чиновник, так что я коротко, в двух словах... Вы уже слыхали кое-что об этом, Кацуми-сэнсэй, вам сегодня утром звонили по телефону... Это — советское предложение о сотрудничестве в исследованиях насчет активизации вулканической гряды на дне Тихого океана... Если говорить по правде, мы с помощью Ерики-сан уже давно провели эти исследования... Конечно, Советский Союз тоже имеет все эти данные, но здесь уже вопрос политики...

— Если возможно, покороче,— замечает Ерики.

— Да, конечно... Впрочем, иначе чем коротко я рассказать и не смогу, я ведь в этих делах совершеннейший профан... В общем, вулканическая гряда на дне Тихого океана действительно активизировалась. Видимо, это связано как-то и с колебаниями погоды в последнее время... Особенно с необычайно высокой температурой в летние периоды в северном полушарии... Сначала предполагалось, будто здесь виноваты солнечные пятна или там человечество расходует все больше энергии и поэтому увеличилось количество углекислого газа в атмосфере, но оказалось, что объяснить это дело только такими причинами нельзя.

Известно было также, что уровень морей и океанов будет повышаться из-за таяния ледников и полярных шапок, которые приписываются четвертому ледниковому периоду, но нынешнее повышение не соответствует расчетам. Скажем, известно было, что через тысячу лет льды растают полностью, и уровень океанов, совсем как после прошлого, третьего ледникового периода... В общем, уровень океанов должен подняться метров на сто, поэтому многие страны стали понемногу переносить города и предприятия подальше от берегов, на возвышенности и плоскогорья... Только наше правительство пустило это дело на самотек и притворяется, что знать ничего не знает... Наверное, потому, что у нас нет плоскогорий...

Однако после прошлого геофизического года выяснилось, что воды в океанах прибыло гораздо больше, чем растаяло льдов. В три раза больше, если верить измерениям, представляете? Некоторые ученые даже утверждают, что в три с половиной раза... С другой стороны, опущение суши не объясняется и истощением грунтовых вод. А это может значить только одно: что где-то вновь и вновь образуется морская вода. Другими словами, что начали в огромных масштабах действовать подводные вулканы. Как правило, вулканические газы почти целиком состоят из водяного пара, считается даже, что вообще вся океанская вода получилась из вулканических газов. Я в этом мало понимаю, но дело обстоит, видимо, именно так...

И, судя по тому, как резко увеличивается количество воды, это не какое-нибудь местное извержение... Я плохо в этом разбираюсь, но началось, кажется, черт знает что. По последним взглядам, например, земная суша — это участки коры, содержащие большое количество радиоактивных веществ, которые ее разогрели, расплавили и выпятили. Значит, под корой полно расплавленной лавы. Лава эта иногда раздувается и даже выходит на поверхность, и мы получаем вулканы. Но это для лавы не выход. Мало того, эти участки коры из-за лавы становятся все толще, все тяжелее, они давят на лаву, и лава в конце концов начинает вылезать у их границ, как варенье из раздавленного пирожка. Это происходит, конечно, на границах моря и суши.

Считается, что такие вещи должны повторяться каждые пятьдесят—девяносто миллионов лет... И вот обнаружили, что на границе Тихого океана и азиатского материка происходит подозрительное движение. В так называемом тихоокеанском огненном кольце, в поясе землетрясений... Не знаю даже, что это значит... И тогда получается, что и нынешняя температура атмосферы и повышения уровня океанов — это не просто явления, связанные с ледниковым периодом, а признаки громадной катастрофы, наступающей раз в пятьдесят миллионов лет. Вот что называется гипотезой о конце четвертого ледникового периода...

Неизвестно, кто первый ее высказал, но она начала распространяться, и тогда все государства спохватились и быстренько распустили геофизический год. Ведь если гипотеза верна, то в ближайшем будущем начнет извергаться в сотни раз больше подводных вулканов, нежели сейчас, уровень океанов и морей станет повышаться на тридцать метров в год, так что лет через сорок поднимется на тысячу метров. Опубликуйте такую вещь, и что получится? Государственный и общественный порядок немедленно рухнет. Если не считать такую гигантскую страну, как Советский Союз, все окажется под водой, утонет Европа, исчезнет Америка, оставив после себя одни Скалистые горы, а от Японии останется лишь десяток гористых островков. Правительствам надлежит держать это в тайне от населения, пока не будут выработаны соответствующие меры.

Действительно, все правительства обязались ничего не раскрывать. Но в правительствах постоянно происходят всевозможные изменения, доверять им до конца нельзя... Поэтому самые крупные из финансовых королей объединились и создали своего рода комитет по выработке необходимых мер. Впоследствии этот комитет развернулся в компанию по разработке и эксплуатации морского дна...

— Это же нечестно!

Кончик языка у меня горел, как будто мне в рот влили крепкую кислоту. Не знаю, то ли я действительно разозлился, то ли решил, что должен разозлиться, то ли злость была только предлогом, но я испытывал необходимость кричать во все горло.

— Если бы я знал...— Язык совсем не слушался меня.— Почему? Почему не сказали мне сразу? Если бы я знал с самого начала... я бы...

Ерики остро взглянул на меня исподлобья.

— Вы так думаете? — сказал он.

— Да как же так можно!..— Мой голос больше походил на стон.— Вы скрыли от меня самый решающий фактор...

— Вряд ли это имело бы значение. Мало того, если бы все это было вам известно заранее, сэнсэй, вы бы еще упорнее цеплялись за настоящее и натворили бы много плохого.

— Почему?..

— Этот всемирный потоп вас пугает?

— Да!

— А избавило вас от этого страха существование подводных людей?

Я пытался ответить, но не мог. У меня было такое чувство, будто я вот-вот заснулю, как затравленное животное... Все тело в огне, только от ног ползет ледяной холод. Словно наползает смерть.

— Вот почему,— медленно сказал Ерики.— все эти разговоры о подводных вулканах я считаю второстепенными.

— Почему же? — недовольно произнес Томоясу.— Настоящее — это не просто ледниковый период, это конец четвертого ледникового периода... Возможно, начало совершенно новой геологической эпохи...

— Все это так. Но подводные колонии имеют огромное самостоятельное значение, независимо от геологических катастроф. Они сами по себе представляют замечательный мир, и это вовсе не потому, что они являются вынужденной мерой. Для меня, например, повышение уровня Мирового океана — это только хороший аргумент, чтобы расшевелить власть имущих.

— Неправильный взгляд...

— Пусть неправильный. У нас с вами, Томоясу-сан, разные точки зрения... Да, сэнсэй, мы служим одному делу, но взгляды у нас разные. Эта шайка финансистов намерена хорошо заработать на нашем предприятии, не правда ли, Томоясу-сан? Или вы считаете, что они жертвуют свои бренные капиталы во имя будущего?

— Вы преувеличиваете! — возмущенно сказал Томоясу.— Второстепенный это вопрос или третьестепенный, несомненно одно: все города и деревни пойдут ко дну. Что бы вы там ни говорили, это несомненно.

ОБРАЗЦОВАЯ ШКОЛА ДЛЯ ПОДВОДНЫХ ЛЮДЕЙ. КОММЕНТИРУЕТ ГОСПОДИН ЯМАМОТО

(Мир океанских глубин... Что-то вроде тюльпана на тонком стебле выделяется на черном фоне подводного неба.)

— Это здание образцовой школы. Интересная архитектура, не так ли?.. Здание построено из пластика, стены полые, в полостях газ. Здание легче воды. Принцип, обратный наземному, где все основано на силе гравитации. Кроме того, для жильцов этого здания верх и низ в общем не имеют значения, поскольку они свободно передвигаются

в пространстве. Горизонтальные плоскости никого не связывают, поэтому входы и выходы устроены сверху. Конструкция чрезвычайно простая... Да, и приятнее всего то, что не нужно думать ни о давлении воды, ни о водопроницаемости... В морской глубине всегда мирно и тихо...

(Объектив приближается к зданию.)

— Какое оно громадное...

— Сейчас там всего двести сорок детей, но рассчитано оно на тысячу. В нем и школа и интернат... Подходящий домик, правда?.. В ближайшем будущем таких соорудят здесь двадцать одну штуку. На двадцать одну тысячу детишек от шести до десяти лет... Нет, строить нетрудно. Скоро переходим на массовое производство.

(Объектив достигает крыши. Это купол с большим круглым люком в центре. Над люком, балансируя на одной ноге, стоит мальчик, у его плеча рыба в ладонь величиной.)

— Вышел встречать... Это первый и самый старший из подводных людей... В этом году ему исполнилось восемь лет, а на вид ему можно дать лет двенадцать-тринадцать. И даже больше. Это можно объяснить тем, что он растет без родителей, но главное — в другом. Под водой все живое развивается поразительно быстро. Я как-то читал в одной публикации Академии наук СССР, что для растений биологический КПД в пять процентов на суше соответствует почти ста процентам в океане. Для полового созревания слону требуется сорок лет, а гигантский кит способен давать потомство уже через два-три года после рождения...

(Мальчик издает едва слышный скрип и кланяется. Рыба норовит ткнуться мордой в его губы, он осторожно отстраняет ее. На секунду кажется, что он улыбается, но это, наверное, не так. Его тело обтянуто свитером и рейтузами, на ногах ласты. Над головой, словно дым, колышутся легкие волосы, глаза раскрыты необыкновенно широко. Движения его грациозны и легки, как у девушки. И только жабры и узкая грудь производят неприятное впечатление.)

— Как он приручил эту рыбу! Он любит животных, этот мальчуган. Зовут его в переводе на фонетику — Ирири... хотя это просто знаки азбуки Морзе... А теперь взгляните на поверхность крыши.

(Вид крыши сверху. Под прозрачным пластиком можно разглядеть густые, как пена, черноватые заросли.)

— Это разновидность пресноводной хлореллы, но мы приучили ее к морской воде... Растение идеальное по питательности, содержит более дюжины различных аминокислот. Печенье из него — любимое лакомство для детей...

— (Гулкий голос из динамика.) Осмотрите мастерские?

— Да, мы быстро.

(Объектив останавливается. В стенах ровные ряды овальных дверей, как пчелиные соты.)

— Сейчас мастерскими почти не пользуются, пока некому, но в будущем они станут классами для политехнического обучения.

(Объектив приближается к одной из овальных дверей. Мальчик вместе с рыбой, вцепившейся ему в волосы, проскальзывает вперед.)

— Здесь будут заниматься всем, что необходимо на практике, начиная с физических и химических экспериментов и управления машинами и кончая техникой обработки пищевых продуктов. Так что, как только оборудование завершится окончательно, это будут скорее даже не классы, а небольшие цехи. Через пять лет, когда старшие классы укомплектуются полностью, школа сможет перейти на самообслуживание.

— А после окончания школы?

— Сейчас строятся подводные заводы. Многие, вероятно, пойдут работать на подводные рудники и нефтяные промыслы. Постоянно не хватает рабочих рук на подводных пастбищах. Самые способные перейдут в специальные школы, где из них будут готовить врачей, инженеров, техников. Предполагается, что сначала они будут помогать людям, а потом и вовсе заменят человеческий персонал.

(У мальчика в руках длинный прямой шест, в нижней части которого прикреплены педали. Мальчик садится на шест верхом, нажимает на педали, и на конце шеста начинают вращаться лопасти. Шест поднимается по вертикали. Мальчик склоняется набок, и шест движется горизонтально.)

— Подводный велосипед... Очень доволен, что на него смотрят люди...

— Я вижу, к людям он все-таки привязан?

— Да... Ирири очень привязан... Этот мальчик — наш первый эксперимент, и в процессе выращивания мы допустили, наверное, какие-то ошибки. У него не полностью отмерли железы с внешней секрецией. Вы заметили, например, какие у него глаза? Это потому, что слезная железа у левого глаза частично уцелела. Возможно, в этом причина неполного выгорания...

— Неполного выгорания?

— Вы, конечно, понимаете, что человеческие эмоции в известной мере зависят от способности кожи и слизистых к осязанию. Возьмем, например, выражения «мороз по коже», «мурашки по телу», «в горле пересохло», «он к ней липнет»... Даже из таких словосочетаний видно, какую роль осязание играет для формулирования наших настроений и переживаний. Если говорить коротко, способность к осязанию является проявлением инстинктивного стремления защитить море от воздуха. Я вижу, вам кажется, будто я говорю чепуху, но вы послушайте, это очень важно... Как известно, даже у человека, самого совершенного из наземных животных, все — кровь, кости, протоплазма — почти полностью составлено из элементов, присущих морю. Жизнь выкристаллизовалась в море, мало того, она всегда зависела от моря. Даже когда она покинула морскую стихию, она забрала с собой на сушу море, обернув его в свою кожу. Вот больным вводят иногда раствор поваренной соли. Но и сама кожа есть не что иное, как метаморфоза моря. И хотя сопротивляемость ее выше, чем у остальных органов, она тоже порой не может обходиться без помощи моря.

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

В конечном счете железы с внешней секрецией — что это, как не помощь изнемогающей коже со стороны моря? Слезы есть море для глаз... И все наши эмоции являются лишь определенными состояниями желез с внешней секрецией... другими словами, стадиями оборонительной войны моря против суши...

— И если этой войны нет, то нет и эмоций?

— Я не говорю, что нет. Но это, вероятно, нечто совершенно непостижимое для нас. Там, в море, им не приходится воевать с атмосферой. Все равно как рыбы, например, не знают страха перед огнем.

(Мальчик на велосипеде принимается играть со своей рыбой в пятнашки.)

— Иногда, глядя на других детей, не на Ирири, действительно спрашиваешь себя: да полно, есть ли у них душа? Есть, конечно, но она совсем другая, чем у нас...

— Значит, это единственный ребенок, похожий на человека?

— Да... Его поведение понятно нам. (Впадает в сентиментальный тон.) С душой наземного существа в морской глубине... Неполное выгорание, иначе не назовешь...

(Преследуя рыбу, мальчик скользит мимо объектива и исчезает из помещения.)

— Не потому ли он так умен и развит?

— Нет, в отношении умственных способностей другие дети ему не уступают. Один мальчик, на три месяца моложе его, сконструировал часы, которые работают на сжатом воздухе. Правда, стрелка передвигается раз в пятнадцать минут, но все-таки...

(Объектив, следуя за мальчиком, медленно приближается к другим детям...)

— (Господин Ямамото вновь переходит на деловой тон.) Здесь, в среднем поясе здания, они живут, а нижние этажи отведены под обычные классы... Обучение, как и у нас, начинается с чтения, письма и счета, но вот чему учить их дальше... Существует мнение, что самую важную роль в их жизни будут играть такие науки, как физика жидкостей и органическая химия... В конце концов не нам строить догадки на этот счет... Повидимому, истина определится, когда они получат учителей из своей среды. Слишком различны основы ощущений в воздухе и под водой....

(Многоярусный балкон... Играющие дети... Одни глядят на объектив с откровенным любопытством, другие совершенно равнодушны.)

— И, конечно, им не преподают ни историю, ни географию, ни социологию. Мы не можем решить, как объяснить им взаимоотношения между ними и человечеством.

— (Томоясу шмыгает носом.) Совершенно естественно. Они бы прокляли нас, только и всего...

— Ну уж нет... (Отрицательно качает головой.) Вы говорите так потому, что переоцениваете наземного человека.

(В любопытстве и в равнодушии подводных детей есть одна общая черта. Это странная холодность. Под их взглядами человек сам себе начинает казаться «предметом». Я не могу не согласиться с господином Ямамото, когда он задает себе вопрос, есть ли у них душа.)

— На этом наш беглый осмотр и закончим... Соба-кун, выключите, пожалуйста...

(Кто-то глубоко вздыхает... На экране дрожит, сжимаясь, световое пятно...)

Облик грядущего

35

Световое пятно на экране сжалось и исчезло. Никто не шевелился. Никто не включил свет, и никто не попросил сделать это. Может быть, будет еще что-нибудь?.. В глубине души я надеялся, что будет продолжение. Ведь тогда я поживу еще немного...

Но молчание затягивается, и меня охватывает ужас. Странное дело, я был подавлен тем, что мне показывали, мое существо протестовало, и вместе

Напрягая последние силы, он выполз из воды. В своем воображении он представил себе, как встанет во весь рост и услышит музыку ветра...

с тем мне было интересно. Незаметно для себя я пытался подсчитать, сколько в подводном здании мальчиков и сколько девочек — кажется, число их было в общем одинаково,— я строил произвольные догадки относительно будущих браков— словом, я чувствовал себя экспериментатором в лаборатории. Но вот экран погас, я снова оказался в темноте и стал тем, чем был раньше... Снова превратился из экспериментатора в подопытное животное. Я ожидаю смерти... Приговоренному к смерти подали из жалости чашку чая. Но смерть остается смертью...

Ногти впиваются в ладони. Я сижу, как прикленный, и цепляюсь за мгновения. Неужели, несмотря ни на что, я и вправду поверил моему второму «я», что это я сам требую своей смерти? Усомниться в машине-предсказателе — значит подтвердить ее суждение. Признать ее правоту — значит тоже подтвердить... Это все равно, что бросать монету, обе стороны которой одинаковы. Итак, заколдованный круг? Но это же бессмыслица. Чтобы отвергать смерть, не нужно иных причин, кроме нежелания умирать.

Больше я не вытерплю, подумал я. Впрочем, я только думаю. Я не действую. Не то что я не сознаю своего положения. Просто это такая пассивность, от которой можно избавиться не через вспышку эмоций, а, наоборот, через вялость и расслабленность. Но мои мускулы туго стянуты напряжением и заскорузли, как старая кожа. Кажется, стоит мне повернуть голову, и будет слышно, как заскрипит шея.

Соба пошевельнулся и поднял лицо, словно собираясь спросить о чем-то. Я попытался воспользоваться этим, чтобы освободиться от проклятого оцепенения. Я заговорил. Жалкий у меня был голос, как будто на мои голосовые связки накленли парафинированную бумагу... Я окончательно утратил чувство собственного достоинства.

— Возможно, суша по сравнению с морем действительно менее удобна для жизни...— лепечу я.— Но ведь именно благодаря этому неудобству животное эволюционировало до человека... Тут я не могу согласиться...

— Вот уж в самом деле...— шепчет Вада.

— Предубеждение!— живо воскликнул господин Ямамото.— Да, живые существа эволюционировали в борьбе с природой. Да, четыре ледниковых периода сделали австралопитека современным человеком. Кто-то даже удачно заметил, что человек выскочил из волшебного платка, именуемого глетчером. Все это так... Но человечество в конце концов покорило природу. Оно искусственно преобразовало и улучшило почти все, что есть в природе. Иначе говоря, оно обрело силу превращать эволюцию из процесса случайного в процесс сознательный... И нельзя ли допустить, что миссия живого, для выполнения которой оно выползло на сушу, на этом закончилась? В старину линзы приходилось шлифовать, а нынешние пластические линзы выходят из производства готовыми. Эпоха, когда «муки и страдания создавали жемчуг», миновала... Не пора ли и самому человеку освободиться от дикости и перейти к рациональному преобразованию самого себя? И на этом замкнуть кольцо борьбы и эволюции... Пришло время вернуться на старую родину — в море, но уже не рабами, а хозяевами...

Тут он почему-то вздохнул, и я, собравшись с духом, возразил:

— Но ведь они как раз рабы. Они живут в колониях, у них нет ни своего правительства, ни своей политики.

— Это сейчас...— раздраженно сказал Ёрики.— Во все эпохи все новое рождается от рабов.

— Такой взгляд на подводных людей означает самоотрицание. Наземное человечество заживо становится реликтом прошлого.

— Придется стерпеть. Стерпеть этот скачок и значит стоять на позициях будущего.

— Если я предаю подводных людей, то вы предаете наземное человечество!

— Лучше, сэнсэй, подумайте вот о чем,— произнес Томоясу, покачивая головой, словно желая показать, что уж он-то разбирается во всем.— Города кишат безработными, деловая активность непрерывно падает...

— Все это верно, кто же спорит... Но все равно, у вас нет никакого права держать в тайне этот чудовищный план...

— У нас есть это право. Его нам дало подводное человечество через машину-предсказателя. Вдобавок в свое время все это будет опубликовано.

— Когда?

— Когда большинство матерей будут иметь хотя бы по одному подводному ребенку... Когда предубеждение против подводных людей больше не будет грозить нашему делу. К этому времени угроза потопа надвинется вплотную, и человечество встанет перед выбором: либо война из-за суши, либо покровительство подводных людей... Разумеется, народ,— Ёрики встал, скрипнув стулом,— выберет подводных людей.

Он обернулся и сделал знак Собе. Этот жест показался мне исполненным такой неумолимой решимости, что я сжался, словно неожиданно наткнулся во мраке на невидимую преграду. Соба сейчас же поднялся и вложил в машину лист программной карты. Затем, глядя в наблюдательное устройство, начал настройку.

Вдруг я ощутил в левом плече боль, острую, как от укола иглы. Но это не была игла. Это была рука Ёрики. Он неслышно подошел сзади и положил руку мне на плечо. Он наклонился и тихо сказал:

— Это облик грядущего, сэнсэй... Истинное будущее... Вы так стремились увидеть его...

36

И машина рассказала такую историю.

Толстые пласты ноздреватого ила на пятикилометровой глубине, неподвижные и мертвые, косматые, как шкура допотопного зверя, вдруг вспучились, поднялись и сейчас же распались, обращаясь в кипящие темные тучи, гася бесчисленные звездочки планктона, роившиеся в прозрачном мраке.

Обнажилось изрезанное трещинами скальное основание подводной равнины. Из трещин, выбрасывая обильную пену, полезла вязкая, светя-

щался бурым блеском масса и протянула на несколько километров скрюченные, как корни старой сосны, отростки. Продуктов извержения становилось все больше, исчезло темное сияние магмы, и уже только исполинский столб пара, бешено крутясь и разбухая, беззвучно и стремительно поднимался сквозь тучи взбаламученного ила. Но даже этот столб бесследно исчезал задолго до поверхности, растворясь в неимоверной водной толще.

Как раз в это время в двух милях к западу проходило курсом на Иокогаму грузо-пассажирское судно «Нантё-мару» Южноамериканской линии. Когда корпус его внезапно содрогнулся и заскрипел, это обстоятельство не вызвало ни у команды, ни у пассажиров никакой тревоги. Они ощутили лишь мимолетное недоумение. Вахтенный офицер на мостике не без удивления отметил стаю дельфинов, испуганно выпрыгнувших из воды, а также мгновенное, хотя и незначительное, изменение цвета моря, но и ему эти явления не показались заслуживающими специального упоминания в судовом журнале. В небе расплавленной ртутью сверкало июньское солнце.

Между тем неуловимое колебание воды — зародыш гигантского цунами — уже катилось в океанских глубинах к материку волнами невероятной длины и со скоростью в двести семьдесят километров в час.

Цунами легким ветром пронесся над подводными пастбищами, над подводными городами, над подводными нефтепромыслами. Многие из подводных людей, занятых сбором рыбьей икры, вообще не заметили его.

На следующее утро цунами обрушился на побережье Японии от Сидзуока до Босо. «Нантё-мару» получил по радио сообщение, что Иокогамы больше не существует, и остановился в открытом океане.

Выражение «больше не существует» совершенно сбило капитана с толку, но еще более странным показалось ему поведение пассажиров. Почему они отнеслись к этому сообщению так спокойно? Впрочем, странности начались не сегодня. Эти люди зафрахтовали корабль целиком, подняли на борт какую-то гигантскую машину, но по прибытии в порт назначения не выгрузились, а приказали идти обратно. Причем за время плавания они устроили в трюме что-то вроде лаборатории и не отходили от своей машины ни на шаг. Их возглавлял человек по имени Ёрики. Кто они, эти люди?

— Значит, это были вы?

— По-видимому, да.

— Вы знали, что Иокогама погибнет, и молчали?

— Как можно... Население было предупреждено, и почти все эвакуировались.

— А я тоже был на этом корабле?

— Нет, сэнсэй... Вы уже давно...

Наводнение не прекращалось. Двое алчных людей, мужчина и женщина, слонялись вдоль берега. Ничего ценного им не попадалось. То, что они приняли было за браслет, оказалось вставной челюстью. Потом женщина заметила в воде утопленника. Ей стало страшно и захотелось домой. Мужчина попробовал перевернуть тело концом палки. Но утопленник вдруг оскалил зубы, показал ему язык и уплыл в глубину. Это был разведчик подводных людей. Говорят, что женщина упала в обморок.

Вода все не отступала, непрерывно происходили землетрясения, люди рассказывали друг другу о странных утопленниках. Беспокойство усиливалось. Возникли слухи о том, что куда-то исчезло правительство, и это было самое страшное. Слухи не были лишены оснований: правительство перешло в море.

Правительственное здание стояло на холме, откуда открывался прекрасный вид на скалистую пустыню и на заросли ламинарий подводного района номер один. Неподалеку от холма, за ущельем в двадцать метров шириной, возвышались по три в ряд гигантские оранжевые тюльпаны заводов, производящих магний и пластмассу. Этот удивительный пейзаж открывался чиновникам из окон их плавучего цилиндрического здания, прикрепленного к скалистому дну тремя опорами.

Наконец над поверхностью моря выдвинулась антенна, и началась радиопередача. Правительственное сообщение гласило:

1. Четвертый ледниковый период закончился. Наступает новая геологическая эпоха. Надлежит воздерживаться от опрометчивых поступков.

2. С целью упрочить впоследствии международное положение государства правительство заблаговременно и в строгой тайне создавало подводных людей и вело разработку колоний на морском дне. В настоящее время имеются восемь подводных городов с населением по триста тысяч человек в каждом.

3. Подводные люди счастливы и подчиняются порядку. Они оказывают государству всевозможную помощь в нынешнем бедственном положении. Скоро вы начнете получать продукты и предметы первой необходимости, изготовленные на морском дне.

4. Последнее. Японское государство намерено претендовать на акваторию в границах, указанных в отдельном документе.

5. Дополнительное сообщение. В настоящее время рассматривается вопрос о снабжении специальными пайками женщин, имеющих детей среди подводных людей. Ждите дальнейших сообщений.

(Этот последний пункт имел наибольший успех. Под него подпадало уже подавляющее большинство матерей.)

Странное движение возникло среди матерей на суше. Они хотели общаться со своими детьми. Но подводные люди не понимали, чего от них хотят, и не пошли навстречу. Поэтому правительство закрыло на это глаза. Зато возникло гражданское агентство, которое организовывало прогулки по морскому дну. Дела агентства процветали.

Однажды произошел инцидент. Из-за ограды, куда было запрещено заплывать подводным людям, мальчик в акваланге застрелил из гарпунного ружья подводного ребенка. Правительство не нашло в этом состава преступления, но рассерженные подводные люди ответили забастовкой. Тогда растерявшееся правительство поспешило признать за подводными людьми все человеческие права. После этого в отношениях между сторонами произошли большие изменения. А через несколько лет три представителя от подводных людей — юридический, торговый и промышленный — вошли в правительство.

Шли годы, уровень моря повышался все быстрее. Люди откочевывали все выше в горы. Они жили в постоянном движении и, наконец, совсем утратили привычку к оседлой жизни. Не было уже ни железных дорог, ни электростанций. Никто больше ни о чем не думал, люди существовали на подаяния подводного мира. На каком-то берегу кто-то затеял прибыльное дело: установил несколько перископов и показывал желающим жизнь моря. Дело пользовалось большим успехом. Скучающие старики выстраивались в очереди, чтобы за несколько медяков полюбоваться на жизнь детей и внуков и убить время.

Но прошло несколько лет, и перископы тоже оказались под водой и покрылись ржавчиной.

Настал день, когда подводные люди образовали свое правительство. Оно получило международное признание. Многие страны тоже пошли по пути создания подводных колоний.

Но и у подводных людей была своя беда. Одного на несколько десятков тысяч поражало странное заболевание. Видимо, оно вызывалось дурной наследственностью. Не исключено, что давали о себе знать некоторые железы с внешней секрецией, которые оставались у первого поколения, поколения Ирири. Правительство назвало это заболевание «болезнью суши» и постановило немедленно по обнаружении прибегать к хирургическому вмешательству.

37

— Вот видите!— зло и победоносно произнес я.

— Что?

— Теперь настала их очередь тосковать по суше!

Мне никто не ответил. На всех лицах было одинаковое выражение почтительной грусти, словно эти люди стояли у постели умирающего. Даже у нетерпеливой Вады плотно сжаты губы и лицо человека по ту сторону любви и ненависти. Я ни с того ни с сего вдруг подумал: а действительно, что уж теперь упрямиться...

— Это безнадежно далеко от нас,— проговорил кто-то низким голосом.

Кажется, господин Ямамото. Да, далеко... Это будущее так же безнадежно далеко от нас, как первобытный мир... У меня что-то затряслось в груди, я почувствовал тошноту и хрипло кашлянул.

Видимо, я запутался. Сделать вид, что я признаю будущее, бежать и при первой возможности предать все гласности?.. Если в том, что называется справедливостью, есть хоть какая-то доля моральной ценности, я должен поступить именно так. А если нет? Честно признать, что я враг такого будущего, и затем встретить смерть?.. Если в том, что называется честью, есть хоть доля моральной ценности, я должен поступить именно так. Значит, если я не верю машине, то первое, а если верю, то второе...

Впрочем, я не совсем точно выразился, когда сказал, что запутался. И скорее всего я так и не сумею принять окончательное решение и буду убит, как жалкий слизняк. Хуже всего то, что я перестал верить себе. Что сам себе кажусь ничтожеством, жалким слизняком. И машина, вероятно, все это предвидела...

Я непроизвольно сказал вслух:

— Но можно ли относиться к машине как к последней инстанции?

— Вы все еще сомневаетесь?— В голосе Ёрики смешались удивление и сочувствие.

— А разве не бывает ошибок? Ведь чем отдаленнее будущее, тем больше ошибки... И дело не только в ошибках... Кто поручится, что все это не вымысел машины? Изменила или выбросила то, что ей непонятно, и преподнесла нам более или менее правдоподобную историю. ...Ты же сам знаешь ее способности... Если ввести в нее, например, данные о трехглазом человеке, она автоматически переправит три на два...

— Это она тоже предсказала. Что вы рано или поздно усомнитесь в ее способности предсказывать и тогда...— Ёрики не окончил и сделал вид, будто занашлялся.

— Я не говорю, что сомневаюсь. Сомневаться и относиться как к последней инстанции — вещи разные. Я хочу только сказать, что совершенно иное будущее...

— Иное будущее?

— Вы делаете вид, что облагодетельствовали подводных людей, а я вот сомневаюсь, скажет ли этот будущий рыбочеловек вам спасибо за эти благодеяния... Я уверен, что он будет вас смертельно ненавидеть.

— Свинья не обижается, когда ее называют свиньей...

Внезапно я ощутил во всем теле слабость и онемение и замолчал. Так бывает, когда смотришь на звезды, думаешь о бесконечности вселенной и вдруг чувствуешь, что вот-вот заплачешь. Это не отчаяние и не сентиментальность, а соединенное действие сознания собственной ограниченности и физической немощи.

— Но...— Это слово само собой вырвалось у меня, и я стал искать, что сказать дальше.— Что стало с моим сыном?

— Все хорошо,— донесся откуда-то издалека теплый голос Вады.— Это наш лучший вам подарок, сэнсэй.

38

И затем машина рассказала такую историю.

Жил один юноша. Он был практикантом на подводных нефтепромыслах. Однажды он помогал ремонтировать радиомачту — она была укреплена на пластиковом поплавке и плавала по поверхности — и случайно вылез из воды без воздушного скафандра. (Это герметический костюм с приспособлением для постоянного притока и забора свежей морской воды; подводные люди пользуются им во время работ на воздухе.) С тех пор он не мог забыть этого странного ощущения. Но такие вещи были строго запрещены медицинским надзором. За них наказывали. Поэтому юноша никому ничего не рассказал, и это сделалось его тайной.

Но этого беспокойного ощущения, будто ветер что-то унес с его кожи, забыть он не мог, и он стал все чаще покидать город и плавать вдали от других людей. Он уходил на подводное плато, которое, как говорили, было когда-то сушей. На таких местах во время приливов и отливов возникали стремительные течения и водовороты, со дна поднималась муть, образуя причудливые полосы и принимая форму подвижных скал, и все вокруг заволакивалось туманом. Юноша вглядывался в этот туман и представлял себе облака в небе. Разумеется, облака в небе были и теперь, и он не раз видел их в кино на уроках. Но теперь все облака были одинаковы. Говорят, что давным-давно, когда земной шар покрывали огромные материки и рельеф суши был очень сложным, это заставляло облака принимать бесконечно разнообразные формы. Интересно, на что это было похоже, когда по небу плавали такие призраки, и какие чувства испытывали древние наземные люди, когда глядели на них?

Правда, сами наземные люди не были для юноши диковинкой. Их всегда можно видеть в воздушных комнатах музея. Вялые и безжизненные на вид, они неуклюже передвигаются среди изделий привычных им предметов обихода, придавленные к полу силой тяготения. Верхняя часть туловища у них непомерно огромна, потому что заключает в себе воздушный насос, именуемый легкими. Они совершенно беспомощны — для того, чтобы принять самую обычную позу, им приходится пользоваться так называемым стулом... Нет, вряд ли они могут иметь отношение к мечте.

Книги по истории рассказывают, как храбро сражались и умирали предки на этой великой суше, обители смятения и муки. У них было отсталое сознание, но они обладали так называемым «духом борьбы». И, несмотря на консерватизм, у них достало мужества погрузить в собственное тело хирургический нож и дать начало подводному человеку. И, как говорится в книгах, каковы бы ни были их побуждения, надо быть благодарным им за это их мужество.

Но почему мужество и отвага не ощущаются в наземных людях, которые в музее? Учитель объяснил, что их деградация связана с потерей ведущей роли в обществе. Возможно, это и так, но что, если в них есть нечто такое, чего нам не дано понять? И никак нельзя согласиться с тем, что у них никогда ничего не было, кроме «духа борьбы»... Юноша много думал обо всем этом, хотя, разумеется, не так последовательно. С тех пор, как ветер коснулся его кожи, мир прошлого за воздушной стеной обрел для него странную притягательную силу. Наука наземной эпохи достигла довольно высоких ступеней развития. Наземной эпохе отведено немало страниц даже в учебниках для начальной школы. Но о внутренней жизни наземных людей не говорилось почти ничего, если не считать упоминаний об особенностях их системы ощущений. Исследования в этой области не поощрялись из страха перед «болезнью суши»: эта болезнь была всего лишь видом нервного расстройства, обусловленного природным предрасположением, но почему-то носила характер идейной инфекции — возможно, потому, что история подводной эпохи была еще короткой и в общественном устройстве оставались еще детали, спорные и чреватые ошибками. Соблазн нарушить это табу тоже подстегивал юношу.

Теперь он украдкой уплывал из города ежедневно после работы. Все свободное время он кружил на подводном скутере в поисках следов жизни наземных людей. Под волнами, сияющими тусклым голубым светом, как перевернутое зеркало, он проплывал над подводными пастбищами, огибал метеостанции, подвешенные на бесчисленных буях, проносился сквозь столбы воздушных пузырьков, извергаемых подводными заводами.

Но за такое ограниченное время ему не удавалось достичь места, где, встав на ноги, можно высунуть голову из воды. В окрестностях его города суши уже давно не было.

Однажды юноша остановил учителя музыки и задал вопрос: не была ли музыка наземных людей чем-то вроде ветра, который они воспринимали не только ушами, но и всей кожей? Учитель отрицательно покачал головой.

— Ветер есть простое движение воздуха, а не колебание.

— Но ведь существовало выражение «песня несется по ветру»?

— Вода передает музыку, но вода не музыка... И считать воздух чем-то большим, нежели простое промышленное сырье, значит впасть в мистицизм.

Но юноша почувствовал в ветре нечто большее, чем промышленное сырье. Учитель ошибается. И юноша решил, что он еще раз сам проверит, музыка ветер или нет.

Через некоторое время наступили трехдневные каникулы. Воспользовавшись этим, юноша со своими товарищами сел на прогулочный корабль для экскурсии по историческим местам. Этот быстроходный корабль за половину дня доставил их к гигантским руинам, которые в древности назывались «Токио».

Но у юноши не было времени предаваться размышлениям об этих диковинных вещах. Востор-

женность и любопытство он оставил своим наивным приятелям, а сам незаметно отстал от них и один поплыл дальше. Если плыть в течение суток на северо-запад, он достигнет клочка суши, о котором упоминали на уроках географии. Садилось солнце, наступало время, когда волны сияют особенно красиво, но чем дальше он плыл, тем монотоннее и мрачнее становилось все вокруг. Эти места, лишь недавно поглощенные морем, еще, казалось, носили на себе отпечаток смерти.

Юноша плыл и плыл. Постепенно пейзаж под ним становился все более диким, появились рифы и глубокие ущелья. Торчали шипами мертвые остовы наземных растений. Едва заметные белесые пятна на склоне какого-то холма... должно быть, кости наземных животных, загнанных и убитых наступающим морем...

Юноша плыл всю ночь. По дороге он три раза останавливался передохнуть и подкрепиться сладким желе и пойманными рыбешками. Он никогда раньше не плавал так долго без скутера и теперь от усталости не чувствовал ни рук, ни ног. Но он продолжал плыть и на рассвете наконец достиг цели. Дно здесь поднималось и выступало над водой. Это и была суша. Маленький островок в полкилометра окружностью, едва выдвигавшийся над поверхностью моря...

Напрягая последние силы, он выполз из воды. В своем воображении он представлял себе, как встанет во весь рост и услышит музыку ветра, но едва он покинул море, как вся тяжесть мира вдруг навалилась на него. Он приник к земле и не мог пошевелиться. С огромным трудом он смог поднять один палец. И вдобавок было страшно тяжело дышать, словно во время спортивной борьбы, когда запрещенным приемом зажимают жабры. Но он не обратил на это внимание, ведь кислород есть и в воздухе...

А желанный ветер дул. Ветер коснулся его глаз, и как будто в ответ из глаз что-то полилось. Он был доволен. Это слезы. Значит, «болезнь суши»... Ему уже не хотелось двигаться.

Очень скоро он перестал дышать.

Сменили друг друга несколько десятков дней и ночей. Море поглотило и этот маленький островок. Труп юноши еще долго качался на волнах.

«А я? Я могу поднять палец?— подумалось мне.— Нет, кажется, не могу. Пальцы тяжелы, словно свинцовые. Как у этого подводного мальчика, который выполз на берег».

Где-то далеко раздался гудок электрички. С грохотом проехал грузовик. Кто-то тихо нашлянул. Потом, наверное, от ветра дважды сотряслись стекла в оконных рамах.

К двери, словно прилипая к полу, медленно приближались шаркающие шаги моего убийцы в брезентовых туфлях. Я все еще никак не мог поверить... Неужели человек имеет обязательства только потому, что существует?.. Да, вероятно, так, в споре между отцами и детьми судят всегда дети... Созданные судят создателей, что бы там создатели ни думали, это, вероятно, закон действительности.

Шаги остановились за дверью.

КОНЕЦ

ПОВЕСТЬ «ЧЕТВЕРТЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД» И КОБО АБЭ, ЕЕ АВТОР

Абэ Кобо — в соответствии с традицией многих восточных народов, по-японски сначала пишется фамилия, а затем имя — принадлежит к тому же писательскому поколению, что и всемирно прославленные Рей Бредбери и Станислав Лем. Он даже несколько моложе их: ему только что исполнилось сорок лет.

Его роднит с этими писателями любовь ко всему парадоксальному, пристальный интерес к человеческой психологии, к поведению обыкновенных людей в необыкновенных, фантастических обстоятельствах. Его основная тема — вторжение будущего в наше настоящее, жестокая проверка этим будущим человеческих характеров и дел.

Мир Кобо Абэ — это грядущее общество, за которое борется Советский Союз вместе со своими друзьями — социалистическими странами и передовыми людьми обоих полушарий. Это коммунизм, уже победивший на одной трети земного шара, тот коммунизм, который победит и во всем мире, как в романе предсказывают мощные электронные машины «Москва-1», «Москва-2» и «Москва-3»! Тесная связь настоящего и будущего у Абэ не удивительна: он сам коммунист.

Уроженец Токио, Кобо Абэ окончил Токийский университет, верно хранящий традиции английских и американских университетов, и, естественно, в начале своей литературной деятельности подпал под влияние многих писателей Европы и Америки и меньше всего Японии. «Преступление господина Карумы», наиболее значительное из его ранних произведений, очень сильно перекликается с «Метаморфозой» Кафки. «Звери идут на нас» и «Охота за рабами» — о людях-животных, подобных снежному человеку,— с романом Веркора. Написанное для телевидения «Изобретение Р.62», про робота, который научился делать людей,— с американскими фантастическими повестями, сатирическое произведение «Привидения живут здесь» лежит в русле английской литературы.

Научно-фантастическая литература чрезвычайно популярна в Японии. Книги астронома Сэгава — «Цветут цветы на Марсе» и «61 Лебедя» — выходят в роскошных изданиях. Ежемесячно выходит журнал «Эс-Эф магазин», где печатаются избранные рассказы американских писателей, работающих в этом жанре. Немало переводится книг и советских авторов. Так, например, сравнительно недавно издана книга Александра Полещука «Звездный человек».

Но творчество Абэ лежит совсем в иной плоскости, чем поток японской scince fiction (сайенс фикшн), как на американский лад в Японии (да и не только в Японии) называют массовую научно-фантастическую литературу. Книги Абэ можно поставить на книжной полке рядом с книгами многих мастеров психологического и социального романа. Фантастика для него не самоцель, а смелый и действенный прием, позволяющий обнажить и препарировать сложные конфликты и противоречия современной буржуазной действительности.

В центре романа «Четвертый ледниковый период» находится машина-предсказатель «Кэйги-1». Нет, она не главный герой — герои, конечно, люди. Но она является тем узлом, который связывает воедино судьбы всех действующих лиц, и ее работа определяет развитие сюжета всего повествования.

Вообще говоря, машина-предсказатель совсем не является чем-то совершенно фантастическим. Любая современная электронная машина способна к предсказаниям. Ведь решение каждой математической задачи является логическим выводом из всех вводимых в машину данных, и конструирование будущего является аналогичным процессом. Дело лишь в программе, заданной машине, и в тех материалах и данных, которые введены в память машины.

Еще Лаплас говорил, что если существовал бы такой фантастический универсальный мозг, который мог бы охватить и помнить положение каждого атома во Вселенной и его движение, то ему ничего не стоило бы восстановить их положение в прошлом и предсказать состояние Вселенной в любой удаленный момент будущего. Но числа, с которыми пришлось бы иметь дело такому мозгу или запоминающему устройству машины, если перевести это на язык современной вычислительной техники, были бы так велики, что память машины приобрела бы такие астрономические размеры, а количество вводимых данных было бы столь чудовищно велико, что всему человечеству не хватило бы многих миллиардов лет, чтобы выполнить эту работу. Поэтому абсолютно точное предсказание будущего практически невозможно.

Введение в память машины статистически усредненных данных может, конечно, дать схематическую картину будущего. Но результат такого исследования всегда будет неполным, а порой и искаженным. Во многом он будет зависеть и от оператора-программиста. Недобросовестный программист, преследуя определенные цели, может совсем опустить какие-то важные факты и даже ввести в машину заведомо неверные данные, чтобы получить заведомо необъективную картину будущего.

На этом свойстве машины-предсказателя и построен сюжет романа «Четвертый ледниковый период».

Профессор Кацуми, создатель и главный программист «Кэйги-1»,— представитель ученых старой школы. Он считает, что наука является чем-то стоящим выше социальных отношений и классовой борьбы. Он мало интересуется будущим, считая, что это — дело политиков. Его привлекает лишь созданная им машина, ее возможности и перспективы ее развития. Он хочет лишь одного — чтобы ему не мешали, чтобы не лишили возможности экспериментировать с машиной-предсказателем. Но человек, не понимающий движущих социальных сил современного общества и не примкнувший ни к одному из борющихся лагерей, не может выдержать испытания будущим и неминуемо попадает между жерновами истории. И профессор Кацуми, хотя объективно он и честен, гибнет от руки наемного убийцы.

Ему противостоит целая шайка капиталистов, использующих машину-предсказатель в своих целях — для создания заведомо неверной картины будущего и извлечения сегодня, сейчас огромных прибылей. Ими создан своеобразный подпольный концерн, все члены которого законспирированы. Им нужен Кацуми лишь до того, как он создаст и отладит машину «Кэйги-1». После этого, как человека, который слишком много знает, его устранят.

Томоясу, один из героев, внешне туповатый бюрократ, но на самом деле глава нелегального концерна,— живое олицетворение мощи и логики не желающего умирать капиталистического мира. Он даже снисходительно относится к Кацуми, но больше всего он боится, что тот опровергнет фальсифицированную заговорщиками картину будущего и получит на своей машине тот же результат, что предсказала «Москва»: коммунизм победит во всем мире. Поэтому он первый голосует за смерть Кацуми.

Доктор Ямамото, «добродушный» ученый, создающий новые породы подводных животных, на самом деле возглавляет бесчеловечные эксперименты с человеческими зародышами и живыми людьми. Это приказчик и слуга концерна. Поэтому он тоже без колебаний голосует за смерть.

Ерики, ассистент Кацуми, — тип ученого, целиком перешедшего на сторону капитализма. Он полностью лишен морали Кацуми, которая кажется ему старомодной. Ему ничего не стоит обмануть учителя и своими руками убить человека. Но он не только слуга концерна, он еще и честолюбец: он мечтает о месте главы лаборатории. Поэтому он и голосует за смерть.

И, наконец, Вада — бывшая ассистентка Кацуми, ныне сотрудница Ямамото, фанатично преданная жестоким и бесчеловечным экспериментам по созданию подводных людей. Фальсифицируя будущее, она сама начинает в него верить. Поэтому она тоже голосует за смерть.

При всей фантастичности идеи Абэ нарисованные им картины опираются на совершенно реальные факты науки. Поэтому так убедителен и достоверен написанный им роман.

Опыты итальянского профессора Петруччи по внеутробному выращиванию человеческих зародышей не только известны во всем мире, но и повторены многими учеными. Работы Крика и его сотрудников по расшифровке кода наследственности превратили фантазии об управлении развитием организма в реальность. Японские ученые, научившись заранее управлять полом шелковичного червя, лишь одним этим добились удвоения производства шелка в стране. Поэтому создание подводных животных и людей -- лишь фантастическое развитие достижений современной науки.

Совершенно реальным является также факт, что наша планета сейчас постепенно выходит из последнего ледникового периода. Об этом свидетельствуют и потепление Арктики за сто лет и увеличение средних температур умеренных поясов на четыре — шесть градусов. Если растают ледники Антарктиды и вечные льды Севера, то уровень Мирового океана поднимется на тридцать — пятьдесят метров. Новый материк в Атлантическом океане, возникающий буквально на наших глазах, своего рода Новая Атлантида (конечно, эти цифры измеряются в геологических часах и в тысячах наших лет), может увеличить этот подъем уровня океана. Это реальная основа фантастических картин, нарисованных Абэ.

Роман «Четвертый ледниковый период» сложен и многопланов, поэтому он допускает многие толкования. Но он совершенно определенно утверждает неумолимую гибель капитализма и победу нового социального строя, и он полон оптимистической веры в человека, в его неудержимое стремление вперед, что так ярко и поэтично рассказано в последнем эпизоде, в истории подводного юноши, жертвующего своей жизнью за одно лишь мгновение: вдохнуть пленительный воздух нашей Земли и своими уже почти незрячими глазами увидеть жгучее и нежное пылающее Солнце!

Кирилл АНДРЕЕВ

Айзек АЗИМОВ

Рисунок
Г. НОВОЖИЛОВА

Ночь, которая умирает

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Их свидание напоминало заранее организованную встречу бывших соучеников, и хотя никто из присутствующих не испытывал радости, не было пока никаких оснований предполагать, что это событие будет отмечено печатью трагедии.

Эдвард Таллиаферро, только что прибывший с Луны, встретился со своими двумя бывшими однокашниками в номере Стенли Конеса. Поднявшись со своего места, Конес сдержанно поздоровался с ним, а Беттерслей Райджер ограничился кивком головы.

Таллиаферро осторожно опустил свое большое

тело на диван, ни на секунду не переставая ощущать его необычную тяжесть.

Все они в этот день уже видели друг друга, правда, в более официальной обстановке, а теперь наконец остались одни.

— Это своего рода знаменательное событие,— сказал Таллиаферро,— ведь мы собрались все вместе впервые за десять лет. Фактически это наша первая встреча после окончания колледжа.

По носу Райджера прошла судорога. Ему перебили нос незадолго до конца занятий, и, когда Райджер получал свой диплом астронома, лицо его было обезображено повязкой.

— Кто-нибудь заказал шампанское или еще что-нибудь в этом роде? — ворчливо спросил он.

— Хватит! — воскликнул Таллиаферро.— Первый Всеобщий межпланетный съезд астрономов не место для мрачного настроения, и еще меньше для этого подходит встреча друзей!

— В этом виновата Земля,— внезапно раздался голос Конеса.— Все чувствуют себя не в своей тарелке. Я лично никак не могу привыкнуть к новым условиям.

Он с силой потряс головой, но ему не удалось сбросить с лица выражение глубокой подавленности, и оно осталось таким же угрюмым.

— Я вполне с тобой согласен,— сказал Таллиаферро.— Я сам кажусь себе таким тяжелым, что это ощущение отнимает у меня все силы. Но тебе, Конес, должно быть легче, ведь сила тяжести на Меркурии составляет 0,4 той, к которой мы привыкли на Земле, а на Луне она равняется всего лишь 0,16.

Перебив попытавшегося было что-то возразить Райджера, Таллиаферро продолжал:

— А что касается Цереры, то там созданы псевдогравитационные поля с силой тяжести 0,8 земной. У тебя, Райджер, не должно быть никаких проблем, связанных с пребыванием на Земле.

— Все дело в открытом пространстве,— раздраженно заявил астроном, недавно покинувший Цереру.— Я не в состоянии пока привыкнуть к мысли о возможности выходить из помещения без космического скафандра, и это угнетает меня.

— Он прав,— подтвердил Конес.— А я еще вдобавок не представляю себе, как можно существовать без защиты от Солнца, ничем не предохраняя себя от его лучей.

Таллиаферро показалось, что он постепенно переносится в прошлое.

«Как Райджер, так и Конес очень мало изменились,— подумал он,— да и я сам тоже. Все они, конечно, стали на десять лет старше. Райджер прибавил в весе, а на худом лице Конеса появилось несколько жесткое выражение. Но тем не менее я узнал бы каждого из них, если бы нам пришлось встретиться неожиданно».

— Давайте смотреть правде в глаза. Мне думается, что дело вовсе не в том, что мы сейчас находимся на Земле,— сказал он.

Конес метнул в его сторону настороженный взгляд. Он был небольшого роста, и одежда, которую он носил обычно, казалась чуточку для него великоватой. Движения рук его были быстры и нервны.

— Ты имеешь в виду Вильерса! — воскликнул он.— Да, я иногда вспоминаю о нем.— И добавил с каким-то отчаянием: — Я получил от него письмо.

Райджер выпрямился, и его оливковая кожа потемнела еще больше.

— Ты получил от него письмо? Когда?

— Месяц назад.

— А ты? — Райджер повернулся к Таллиаферро. Тот, невозмутимо сощурив глаза, кивнул.

— Он сошел с ума,— сказал Райджер.— Он утверждает, что ему удалось открыть способ мгновенного перенесения массы на любые расстояния... Он вам это тоже сообщил?.. Значит, так оно и есть. Он всегда был немного не в себе, а теперь он свихнулся окончательно.

Райджер яростно потер нос, и Таллиаферро вспомнил тот день, когда Вильерс ему этот нос перебил.

Десять лет образ Вильерса преследовал их как смутная тень вины, хотя фактически ни на в чем было упрекнуть себя. Все четверо, они вместе готовились к выпускным экзаменам, четверо избранных, всецело посвятивших себя одному делу и готовившихся для профессии, которая в этот век межпланетных полетов достигла новых, невиданных доселе высот.

На других окруженных безвоздушным пространством планетах, где отсутствие атмосферы создавало наиболее выгодные для наблюдений условия, строились обсерватории.

Так была создана обсерватория на Луне, откуда можно было наблюдать Землю и внутренние планеты.

Обсерватория Меркурия, самая близкая к Солнцу, позволяла изучать его до мельчайших подробностей.

Поле деятельности обсерватории Цереры, самой молодой и оборудованной по последнему слову техники, простиралось от Юпитера до дальних галактик.

Каждому из четырех счастливчиков — Таллиаферро, Райджеру, Конесу и Вильерсу — предстояло очутиться в положении Галилея, который, имея в своем распоряжении первый настоящий телескоп, не мог направить его в любую точку неба без того, чтобы не сделать великое открытие.

И именно тогда Ромеро Вильерса свалил острый приступ ревматизма. Кто в этом был виноват? Болезнь оставила ему в наследство слабое, не справлявшееся со своей работой сердце.

Из всех четырех он был самым талантливым, самым целеустремленным, подававшим самые большие надежды, а он даже не смог окончить учебу и получить диплом доктора!

Но ужаснее всего было то, что ему навсегда было запрещено покидать Землю: ускорение при взлете космического корабля убило бы его.

Таллиаферро направили на Луну, Райджера — на Цереру, Конеса — на Меркурий. И только Вильерс остался вечным пленником Земли.

Они пытались выразить ему свое сочувствие, но Вильерс почти с ненавистью отверг все проявления симпатии и жалости. Они не услышали от него ничего, кроме ругательств и проклятий. Когда Райджер, потеряв самообладание, поднял на него руку, Вильерс с воплем бросился на него и размозжил ему нос.

Судя по тому, что он часто осторожно поглаживал его, Райджер не забыл этого события.

Конес в нерешительности сморщил лоб, ставший от этого похожим на стиральную доску.

— А ведь он тоже приехал на съезд. Ему даже предоставили в отеле номер...

— Я бы не хотел с ним встретиться,— заявил Райджер.

— Он придет сюда в девять. Он сказал, что хочет видеть нас, и мне показалось... Его можно ждать с минуты на минуту.

— Если вы ничего не имеете против, я лучше уйду,— поднимаясь, сказал Райджер.

— Погоди! — воскликнул Таллиаферро.— Что случится, если вы встретитесь?

— Я предпочитаю уйти, потому что не вижу смысла в нашей встрече. Он сошел с ума.

— А даже если и так? Не будем мелочными. Ты что, боишься его?

— Боюсь! — презрительно воскликнул Райджер.

— Хорошо, назовем это иначе. Ты нервничаешь. Но почему?

— Я вовсе не нервничаю,— возразил Райджер.

— Брось, это ясно как день. Мы все чувствуем себя перед ним виноватыми, хотя на это нет никаких оснований. Ведь все произошло без нашего участия.— Но в его голосе не было уверенности.

И когда в этот момент раздался звонок у входной двери, все трое невольно вздрогнули и, повернув головы, устремили свои взоры на тот барьер, который еще отделял их от Вильерса.

Дверь открылась, и в комнату вошел Ромеро Вильерс. Все неловко поднялись со своих мест, чтобы поздороваться с ним, и так и остались в замешательстве стоять. Никто из них не протянул ему руки.

Он смерил их сардоническим взглядом.

«Вот кто сильно изменился»,— подумал Таллиаферро.

Это была правда. Все тело Вильерса как бы уменьшилось в размерах, усохло, а из-за сутулости он казался еще меньше ростом.

— Друзья! Мои шагающие по космосу друзья! Мы потеряли связь друг с другом,— произнес он.

— Хелло, Вильерс,— отозвался Таллиаферро. Вильерс впился в него взглядом.

— Ты здоров?

— Вполне.

— И вы оба?

Конес слабо улыбнулся и с видимым усилием что-то пробормотал.

— Все в порядке, Вильерс. К чему ты клонишь? — рявкнул Райджер.

— Райджер — сердитый мужчина,— сказал Вильерс.— Как поживает Церера?

— Когда я покидал ее, она процветала. А как Земля?

— Ты можешь увидеть все сам,— как-то сразу сжавшись, ответил Вильерс.— Я надеюсь,— продолжал затем он,— что вы все трое прибыли на съезд для того, чтобы прослушать мой доклад, с которым я выступлю послезавтра.

— Твой доклад? Какой еще доклад? — спросил Таллиаферро.

— Я ведь вам писал об этом. Я буду делать доклад об изобретенном мною способе мгновенного перенесения массы.

Райджер улыбнулся уголком рта.

— Да, ты это писал, однако ты не упомянул о том, что собираешься выступать на съезде. Кстати, я что-то не заметил твоего имени в списке докладчиков. Я непременно обратил бы на него внимание, если бы оно там было.

— Ты прав, меня не внесли в список. Я даже не подготовил для публикации тезисы.

Вильерс покраснел, и Таллиаферро поспешил успокоить его.

— Не волнуйся, Вильерс, ты что-то неважно выглядишь.

Вильерс резко повернулся к нему, губы его скривились.

— Благодарю за заботу, мое сердце еще пока тянет.

— Послушай-ка, Вильерс,— сказал Конес,— если тебя не внесли в список и не опубликовали тезисы...

— Нет, это ты послушай. Я ждал десять лет. У вас у всех есть работа в космосе, а я вынужден преподавать в какой-то школе на Земле, но я лучше не только любого из вас, но и всех вас, вместе взятых.

— Допустим...— начал было Таллиаферро.

— Я не нуждаюсь в вашей снисходительности. Свидетелем моего опыта был сам Мендель. Я полагаю, что вы знаете, кто такой Мендель. Он является в настоящее время председателем секции астронавтики съезда, и я продемонстрировал ему свое изобретение. Это было грубое сооружение, и оно сгорело после первого же опыта, но... Вы слушаете меня?

— Да, с учетом того, насколько все это заслуживает внимания,— холодно ответил Райджер.

— Мендель даст мне возможность сделать доклад так, как я найду нужным. Бьюсь об заклад, что он поступит именно так. Я буду говорить без всякого предупреждения, без предварительной рекламы. Я обрушусь на них, словно бомба. Когда я сообщу им основные данные, съезд прекратит свою деятельность. Чтобы проверить правильность моих слов, ученые бросятся назад в свои лаборатории и немедленно приступят к строительству аппаратуры. И они увидят, что она действует. Я заставлял живую мышь исчезнуть в одном конце моей лаборатории, и она появлялась в другом. Мендель присутствовал при этом.

Он пристально всматривался в каждое из трех окружавших его лиц.

— Я вижу, что вы мне не верите,— произнес он.

— Если ты не хочешь, чтобы об изобретении стало известно до твоего выступления, почему же ты решил сообщить нам все это теперь? — поинтересовался Райджер.

— О, вы совсем другое дело! Вы мои друзья, мои соученики. Бросив меня на Земле, вы отправились в космос.

— У нас не было другого выбора,— каким-то чужим, тонким голосом возразил Конес.

Вильерс не обратил на его слова никакого внимания.

— Итан, я хочу, чтобы вы узнали обо всем сейчас. Аппарат, проделавший такое с мышью, в равной степени пригоден и для человека. Сила, которая может перенести что-нибудь на расстояние в десять футов в лаборатории, перенесет предмет через миллионы километров в космосе. Я побываю и на Луне, и на Меркурии, и на Церере — везде, где захочу. Я сравняюсь с каждым из вас, я превзойду вас.

— Что до меня, то я очень этому рад,— сказал Таллиаферро.— Желаю тебе успеха. А нельзя ли взглянуть на твой доклад?

— О, нет.— Вильерс прижал руки к груди, как бы стараясь защитить от посторонних взглядов не видимые никому листы с записями.— Вы будете ждать, как все остальные. Существует всего один экземпляр моего доклада, и никто не увидит его до тех пор, пока я не буду готов зачитать его. Никто, даже Мендель.

— Один экземпляр! — вскричал Таллиаферро.— А что будет, если ты потеряешь его?..

— Этого не случится. Но если даже и произойдет что-либо подобное, то я все помню наизусть.

— Но если ты...— Таллиаферро чуть было не сказал «умрешь», но вовремя остановился и после почти незаметной паузы продолжал: —...обладаешь хоть каплей разума, ты на всякий случай должен сфотографировать текст.

— Нет,— отрезал Вильерс.— Вы услышите меня послезавтра, и вы увидите, как одним ударом будут распахнуты перед человеком необъятные, невиданные дали, как в мгновение ока расширится горизонт человеческих возможностей.

Он еще раз внимательно посмотрел в глаза каждого из присутствующих.

— Подумать только, прошло целых десять лет,— произнес он.— До свидания.

— Он сошел с ума! — взорвался Райджер, глядя на дверь с таким выражением, как будто там еще стоял Вильерс.

— В самом деле? — задумчиво отозвался Таллиаферро.— Мне кажется, что отчасти ты прав. Он ненавидит нас вопреки разуму, не имея на то никаких реальных оснований. И, кроме того, как еще можно расценить то, что он отказывается сфотографировать свои записи,— ведь это необходимо сделать из простой предосторожности...

Произнося последнюю фразу, Таллиаферро задумчиво вертел в руках свой собственный микрофотоаппарат. Это был ничем не примечательный небольшой цилиндр нейтрального цвета, несколько толще и короче обычного карандаша.

— Клянусь космосом, что никаких записей не существует! — в сердцах воскликнул Райджер.— Так же, как не существует никакого изобретения. Он пойдет на любую ложь, чтобы свести с нами счеты.

— В таком случае, как ему удастся послезавтра выкрутиться? — спросил Конес.

— Откуда я знаю? Ведь он сумасшедший.

— Не преуменьшайте достоинств Вильерса, он очень умен,— сказал Таллиаферро.

— Возможно, что он и был таким десять лет назад,— возразил Райджер,— а сейчас он превратился в идиота. Я предлагаю раз и навсегда забыть о его существовании.

Он говорил нарочито громко, как бы стараясь изгнать этим все воспоминания о Вильерсе и о том, что было с ним связано. Он начал рассказывать о Церере и о своей работе, заключавшейся в радиолокации Млечного пути, которую осуществляли с помощью новых радиоскопов, способных подвергать анализу отдельные звезды.

Конес, внимательно слушая, время от времени кивал головой, а затем сам пустился в пространные рассуждения о радиоизлучении солнечных пятен и о своем научном труде, темой которого было исследование связи между протонными бурями и гигантскими водородными вспышками на солнечной поверхности.

Что касается Таллиаферро, то ему особенно нечего было рассказывать. По сравнению с работой, о которой говорили остальные, деятельность Лунной обсерватории была лишена романтического ореола. Последние данные о составлении метеорологических сводок в околоземном пространстве не выдерживали никакого сравнения с радиоскопами и протонными бурями.

А кроме того, его мысли все время возвращались к Вильерсу. Вильерс *действительно* был очень умен. Все они знали это. Даже Райджер, несмотря на все его вызывающее поведение, не мог не сознавать, что если мгновенное перенесение массы было возможно в принципе, то по всем законам логики именно Вильерс должен был открыть способ его осуществления.

Приходилось признать, что никто из них не произвел переворота в изучении космоса. То, о чем они самозабвенно мечтали в годы учебы, так и не стало реальностью. Из них получились всего лишь компетентные, ничем не выдающиеся труженики. Этого у них отнять было нельзя, но, к сожалению, и больше о них сказать было нечего, и они отлично сознавали это.

В глубине души Таллиаферро был уверен, что Вильерсу еще предстоит великое будущее, и эта мысль лишала его покоя.

Райджер и Конес, безусловно, тоже отдавали себе в этом отчет, и сознание собственной заурядности могло вскоре превратиться в невыносимые муки уязвленного самолюбия. Если во время доклада выяснится, что он на самом деле открыл способ мгновенного перенесения массы, Вильерс будет признан гениальным ученым.

Таллиаферро почувствовал, как душу его переполняют зависть и раздражение. Ему стало стыдно, но он ничего не мог с собой поделать.

Разговор постепенно угасал.

— Послушайте, а почему бы нам не заглянуть к старине Вильерсу? — отведя глаза, спросил Конес.

Он безуспешно пытался придать своему голосу оттенок небрежности, и никого не могла обмануть деланная сердечность его тона.

— Зачем нам оставаться врагами... Это никому не нужно...— добавил он.

«Он стремится окончательно выяснить, правда ли то, что нам сказал Вильерс,— подумал Таллиаферро.— Пока что он все еще надеется, что это всего лишь бред сумасшедшего, и хочет убедиться в этом сейчас же, иначе ему сегодня грозит бессонница».

Но поскольку он сам сгорал от любопытства, он не стал возражать против предложения Конеса, и даже Райджер, неловко пожав плечами, сказал:

— Черт возьми, это неплохая идея.

Было около одиннадцати часов вечера.

Таллиаферро разбудил настойчивый звонок у входной двери. Мысленно проклиная того, кто посмел нарушить его сон, он приподнялся в темноте на лонте. С потолка лился мягкий свет индикатора — еще не было четырех часов утра.

— Кто там? — крикнул Таллиаферро.

Прерывистые, резкие звуки звонка не умолкали.

Таллиаферро с ворчанием набросил халат. Он открыл дверь, и яркий свет, хлынувший из коридора, заставил его на секунду зажмуриться. Лицо стоявшего перед ним человека было ему знакомо по достаточно часто попадавшимся ему на глаза трехмерным фотографиям.

— Мое имя Хьюберт Мендель,— отрывистым шепотом представился тот.

— Я знаю,— сказал Таллиаферро. Мендель был одним из крупнейших астрономов современности, достаточно деятельный, чтобы быть председателем секции астронавтики нынешнего съезда.

Таллиаферро вдруг вспомнил, что, по словам Вильерса, именно Менделю демонстрировал он свой опыт по перенесению массы.

— Вы доктор Эдвард Таллиаферро?

— Да, сэр.

— Тогда одевайтесь, вы пойдете со мной. Произошло нечто очень важное, касающееся одного нашего общего знакомого.

— Доктора Вильерса?

Веки Менделя слегка дрогнули. Благодаря исключительно светлым бровям и ресницам глаза его казались какими-то странно обнаженными, незаконченными. У него были мягкие редкие волосы, на вид ему можно было дать лет пятьдесят.

— Почему вы назвали Вильерса? — спросил он.

— Он упомянул вчера вечером ваше имя. Кроме него, я не могу вспомнить ни одного человека, с которым бы мы оба были знакомы.

Мендель кивнул и, подождав, пока Таллиаферро закончит одеваться, вышел в коридор и повел его за собой. Райджер и Конес ожидали их в номере, расположенном этажом выше того, который занимал Таллиаферро. Глаза Конеса покраснели, в них застыло тревожное выражение. Нетерпеливо затягиваясь, Райджер курил сигарету.

— Вот мы и увиделись снова. Еще один вечер встречи,— произнес Таллиаферро, но его острота пропала даром.

Он сел, и все трое молча уставились друг на друга. Райджер пожал плечами.

Глубоко засунув в карманы руки, Мендель зашагал взад и вперед по комнате.

— Я приношу свои глубокие извинения, джентльмены, за причиненное вам беспокойство,— начал он,— и благодарю за то, что вы не отказали мне в моей просьбе. Но мне хотелось бы получить от вас нечто большее. Дело в том, что около часа назад умер наш друг Ромеро Вильерс, и тело его уже увезли из отеля. Причиной смерти врачи считают паралич сердца.

Воцарилось напряженное молчание. Райджер попытался было поднести ко рту сигарету, но его рука остановилась на полпути и медленно опустилась.

— Вот бедняга,— произнес Таллиаферро.

— Какой ужас,— хрипло прошептал Конес.— Он был...

Слова замерли у него на устах.

— Тут уж ничего не поделаешь, у него ведь было больное сердце,— стряхивая с себя оцепенение, произнес Райджер.

— Остается только уточнить кое-какие детали,— спокойно возразил Мендель.

— Что вы хотите этим сказать? — резко спросил Райджер.

— Когда вы все видели его в последний раз? — поинтересовался Мендель.

— Вчера вечером,— ответил Таллиаферро.— Наше свидание превратилось во встречу бывших одноклассников — до этого мы не видели друг друга десять лет. К сожалению, не могу сказать, что это была приятная встреча. Вильерс считал, что у него имелись основания сердиться на нас, и он был очень разгневан.

— И в котором часу это произошло?

— Первая встреча с ним состоялась около девяти.

— Первая встреча?

— Позже мы видели его еще раз.

— Он ушел очень рассерженным,— взволнованно объяснил Конес.— Мы не могли примириться с этим и решили попробовать объясниться с ним начистоту. Ведь когда-то мы были друзьями. Поэтому мы отправились в его номер и...

— Вы пошли к нему все вместе? — быстро спросил Мендель.

— Да,— удивленно ответил Конес.

— В котором это было часу?

— Что-то около одиннадцати.— Конес обвел взглядом остальных. Таллиаферро кивнул.

— И как долго вы оставались у него?

— Не больше двух минут,— сказал Райджер.— Он велел нам убираться вон. По его мнению, мы явились с целью отнять у него записи.— Он остановился, как бы ожидая, что Мендель поинтересуется, о каких записях идет речь, но тот промолчал, и Райджер продолжал: — Мне кажется, что он хранил эти записи под подушкой, так как, выгоняя нас, он всем телом бросился на нее.

— Может быть, как раз в тот момент он уже умирал,— с трудом прошептал Конес.

— Тогда еще нет,— решительно сказал Мендель.— Из того, что вы были у него вчера вечером, можно заключить, что, по всей вероятности, вы оставили там отпечатки пальцев.

— Вполне возможно,— согласился Таллиаферро, привычное уважение которого к Менделю постепенно рассеивалось. Им снова овладело нетерпение: было четыре часа утра, и плевать он хотел на то, Мендель это или кто-нибудь другой.

— Может быть, вы наконец скажете, что означает этот допрос? — спросил он.

— Так вот, джентльмены,— произнес Мендель,— я собрал вас не только для того, чтобы сообщить о смерти Вильерса. Есть ряд обстоятельств, которые необходимо выяснить. Насколько мне известно, существовал всего один экземпляр его записей. Как оказалось, этот единственный экземпляр был вложен кем-то в аппарат для сжигания окурков, и от него сохранились лишь жалкие клочки. Я не читал этих записей и даже никогда их не видел, но я достаточно знаком с открытием Вильерса, чтобы, если понадобится, подтвердить на суде под присягой, что найденные обрывки бумаги с сохранившимся на них текстом являются остатками того самого доклада, который он должен был сделать на съезде... Мне кажется, что у вас, доктор Райджер, есть какие-то на этот счет сомнения.

— Я далеко не уверен в том, собирался ли он вообще выступить с докладом,— кисло улыбнулся Райджер.— Если вы хотите знать мое мнение, сэр, то Вильерс был сумасшедшим. В течение десяти лет он в отчаянии бился о преграду, возникшую между ним и космосом, и в результате им овладела фантастическая идея мгновенного перенесения массы, идея, в которой он видел свое единственное спасение, единственную цель жизни. Ему удалось путем каких-то жульнических махинаций продемонстрировать опыт. Кстати, я не берусь утверждать, что он старался надуть нас умышленно. Не исключено, что он был вполне искренен и в своей искренности безумен. Вчера вечером кипевшая в его душе буря достигла своей кульминационной точки. Он возненавидел нас за то, что нам посчастливилось работать на других планетах... и он пришел к нам, чтобы, торжествуя, показать свое над нами превосходство. Для этого момента он и жил все эти десять лет. Потрясение, которое он пережил, могло в какой-то мере вернуть ему разум, он понял, что на самом деле он полный банкрот, что никакого открытия не существует. Поэтому он сжег свои записи, и сердце его, не выдержав такого напряжения, остановилось. Все это слишком скверно.

С лица внимательно слушавшего Менделя не сходило выражение глубокого неодобрения.

— Ваша версия звучит очень складно,— сказал он,— но вы не правы. Меня не так-то легко, как это вам, быть может, кажется, провести показом основанного на мошенничестве опыта. А теперь я хочу выяснить еще кое-что. Согласно тем сведениям, которые, как я в этом поспешил удостовериться, имеются о вас в регистрационной книге, вы все трое являетесь его одноклассниками по колледжу. Это верно?

Они кивнули.

— Есть ли среди приехавших на съезд ученых еще кто-нибудь, кто когда-то учился с вами в одном классе?

— Нет,— ответил Конес.— В том году только мы четверо готовились к получению дипломов доктора астрономии. Он бы тоже получил этот диплом, если бы...

— Да, да, я знаю,— перебил его Мендель.— В таком случае кто-то из вас троих побывал еще один, последний раз в номере Вильерса в полночь.

Его слова были встречены молчанием.

— Только не я,— наконец холодно произнес Райджер.

Конес, широко открыв глаза, отрицательно покачал головой.

— На что вы намекаете? — спросил Таллиаферро.

— Один из вас пришел к Вильерсу в полночь и стал настаивать, чтобы тот показал ему свои записи. Мне неизвестны мотивы, которыми руководствовался этот человек. Возможно, что все делалось с заранее продуманным намерением довести Вильерса до такого состояния, результатом которого мог быть паралич сердца. Когда Вильерс потерял сознание, преступник, если можно так назвать этого человека, не терял времени даром. Он быстро завладел записями, которые, должен добавить, могли действительно находиться под подушкой, и сфотографировал их. После этого он уничтожил рукопись в аппарате для сжигания окурков, но он очень спешил и поэтому не успел сжечь бумагу до конца.

— Откуда вам известно, что там произошло? — прервал его Райджер.— Можно подумать, что вы присутствовали при этом.

— Вы недалеки от истины,— ответил Мендель.— Дело в том, что когда Вильерс в первый раз потерял сознание, он был еще жив. После ухода преступника ему удалось добраться до телефона и позвонить ко мне в номер. Он с трудом выдавил из себя несколько слов, которых оказалось достаточно, чтобы представить себе то, что там произошло. К несчастью, меня в тот момент в номере не было, я задержался на конференции. Однако присоединенный к телефону магнитофон записал то, что пытался мне сообщить Вильерс. Я всегда, как только прихожу домой или на работу, прослушиваю пленку с записью телефонных звонков. Такая уж у меня бюрократическая привычка. Я сразу позвонил ему, но он был уже мертв.

— Тогда кто же, по его словам, сделал это? — спросил Райджер.

— В том-то и беда, что он ничего об этом не сказал, либо из-за того, что он говорил с трудом и довольно невнятно, разобрать имя преступника просто невозможно. Однако одно слово он произнес совершенно отчетливо. Это слово — «одноклассник».

Таллиаферро достал из внутреннего кармана пиджака свой фотоаппарат и протянул его Менделю.

— Если хотите, можете проявить мою пленку,— спокойно сказал он.— Я ничего не имею против. Вы не найдете здесь записей Вильерса.

Конес тотчас же последовал его примеру. Нахмурившись, к нему присоединился Райджер.

Мендель принял от них три аппарата и холодно сказал:

— Полагаю, что тот из вас, кто сделал это, уже успел своевременно вытащить пленку с засекреченными записями. Но все же...

Таллиаферро пренебрежительно поднял брови.

— Вы можете обыскать меня и номер, где я остановился.

С лица Райджера не сходило выражение глубокого недовольства.

— Погодите-ка минутку, черт вас возьми. Вы что, представитель полиции?

Мендель удивленно взглянул на него.

— А вам очень хочется, чтобы вмешалась полиция? Вам нужен скандал и обвинение в убийстве? Вы хотите сорвать работу съезда и дать в руки мировой прессы сведения, радостно воспользовавшись которыми она сделает из астрономов и астрономии грязное месиво?

Смерть Вильерса вполне можно приписать несчастному случаю. У него на самом деле было больное сердце. Предположим, что тот из вас, кто был у него, действовал под влиянием импульса и преступление, которое он совершил, могло быть непредумышленным. Если этот человек вернет негатив, нам удастся избежать больших неприятностей.

— И преступник не понесет никакого наказания? — спросил Таллиаферро.

Мендель пожал плечами.

— Я не стану обещать, что он выйдет сухим из воды, но что бы с ним ни произошло, в случае, если он теперь сознается, ему не грозит публичное бесчестие и пожизненное тюремное заключение, что неизбежно произойдет, если мы обратимся в полицию.

Никто не проронил ни слова.

— Это сделал один из вас,— произнес Мендель.

Снова молчание.

— Я думаю, что мне понятны основные соображения, которыми руководствовался виновный, и я попытаюсь их вам обрисовать. Рукопись уничтожена. Только мы четверо знаем об открытии Вильерса, и только один я присутствовал при опыте. Более того, единственным доказательством того, что я был свидетелем этого опыта, являются слова самого Вильерса, то есть слова человека, который, возможно, был не в своем уме. Поскольку Вильерс умер от паралича сердца, а записи уничтожены, легко можно будет поверить в теорию доктора Райджера, который утверждает, что вообще не существует и никогда не существовало никакого способа мгновенного перенесения массы. Через один-два года наш преступник, в распоряжении которого находится рукопись Вильерса, начнет постепенно обнародовать содержащиеся в ней материалы. Он будет ставить опыты, осторожно выступать в печати с соответствующими статьями, и дело кончится тем, что именно он окажется автором этого открытия, а это повлечет за собой столь желанную славу и деньги. Даже его бывшие одноклассники ничего не заподозрят. В крайнем случае они решат, что давнишняя история с Вильерсом побудила его начать исследования в этой области. Но не более.

Мендель пристально всматривался в лица присутствующих.

— Но теперь у него ничего не выйдет. Любой из вас, кто когда-либо осмелится от своего имени опубликовать данные о перенесении массы, тем самым объявит себя преступником. Я присутствовал при опыте и уверен, что это не было мошенничеством. Я знаю, что у одного из вас находится пленка со снятой рукописью Вильерса. Как видите, эта рукопись теперь потеряла для вас ценность. Так отдайте мне пленку.

Молчание.

Мендель направился к двери, но, прежде чем уйти, еще раз обернулся к ним.

— Я буду вам очень признателен, если вы останетесь здесь до моего возвращения. Я вас долго не задержу. Надеюсь, что виновный воспользуется этим перерывом и обдумает свое дальнейшее поведение. Если он опасается, что признание повлечет за собой потерю работы, пусть он вспомнит, что, встретившись с полицией, он может лишиться свободы и к тому же подвергнуться зондированию памяти.

Взвесив на руке три фотоаппарата, он добавил:

— Я проявлю эти пленки.

— А что, если мы сбежим в ваше отсутствие? — пытаясь улыбнуться, спросил Конес.

— Только у одного из вас есть к этому основания,— отозвался Мендель.— Мне думается, что я вполне могу положиться на двух невиновных в том, что они проследят за третьим, хотя бы во имя защиты собственных интересов.

И он ушел.

Было пять часов утра.

— Проклятая история! Я хочу спать,— бросив возмущенный взгляд на часы, воскликнул Райджер.

— При желании мы можем поспать и здесь,— философски заметил Таллиаферро.

За окном постепенно серело, медленно наступал рассвет.

Таллиаферро задремал, усилием воли не позволяя сознанию выключиться полностью. Он ни в коем случае не хотел заснуть, пока бодрствовали другие.

Когда вошел Мендель, Таллиаферро быстро рас-

См. стр. 26.

Со стр. 20

крыл глаза. Видимый из окна кусок неба принял голубой оттенок. Таллиаферро был рад, что окно плотно закрыто. В отеле имелась, конечно, система кондиционирования, но те из жителей Земли, которые питали странное, с его точки зрения, пристрастие к свежему воздуху, могли в теплую погоду открывать окна. Таллиаферро, который был не в состоянии забыть об окружающем Луну безвоздушном пространстве, при одной мысли об этом содрогнулся от ужаса.

— У кого-нибудь из вас есть что сказать мне? — спросил Мендель.

Они молча взглянули на него, а Райджер отрицательно покачал головой.

— Я проявил ваши пленки, джентльмены, и просмотрел то, что было на них заснято,— сказал Мендель, бросая на кровать аппараты и проявленные пленки.— Я ничего не обнаружил!.. Боюсь, что у вас теперь возникнут трудности с монтажом, и приношу вам за это свои извинения. Вопрос о пропавшей пленке остается открытым.

— Если таковая вообще существует,— широко зевнув, заметил Райджер.

— Я предлагаю, джентльмены, спуститься в номер Вильерса,— сказал Мендель.

— Зачем? — испуганно воскликнул Конес.

— Вы собираетесь пустить в ход испытанный психологический метод — привести виновного на место преступления, чтобы раскаяние в содеянном заставило его сознаться? — ехидно поинтересовался Таллиаферро.

— Причина, по которой я пригласил вас в номер Вильерса, далеко не столь мелодраматична. Я просто хотел бы, чтобы двое невиновных помогли мне найти пропавшую пленку.

— Вы считаете, что она находится именно там? — вызывающе спросил Райджер.

— Вполне возможно. Наше расследование только начинается. Потом мы обыщем ваши номера тоже. Симпозиум по астронавтике не начнется раньше десяти часов завтрашнего утра, и нам нужно уложиться в оставшееся время.

— А если мы до тех пор ничего не выясним?

— В этом случае, видимо, придется прибегнуть к помощи полиции.

Они осторожно вошли в номер Вильерса. Райджер покраснел. Конес был очень бледен. Таллиаферро пытался сохранить спокойствие.

Прошлой ночью они видели комнату при искусственном освещении. Тогда в ней находился озлобленный, растрепанный Вильерс, который, судорожно обхватив руками подушку и устремив на них ненавидящий взгляд, потребовал, чтобы они убирались вон. Теперь здесь неуловимо пахло смертью.

Чтобы улучшить освещение, Мендель занялся оконным поляризатором, и в помещение вдруг хлынули лучи восходящего солнца.

Конес быстрым движением закрыл рукой глаза.

— Солнце! — вскричал он, и выражение его голоса заставило остальных замереть на месте. Черты лица Конеса исказились таким неподдельным ужасом, как будто ему пришлось взглянуть незащищенными глазами на то Солнце, которое мгновенно ослепляет в условиях Меркурия.

Вспомнив свое собственное отношение к возможности выхода из помещения без скафандра, Таллиаферро заскрипел зубами. Те десять лет, которые они провели вне Земли, не прошли даром, изрядно покалечив их души.

Конес бросился к окну, ощупью отыскивая рычаг поляризатора, но внезапно воздух с шумом вырвался из его груди, и он онемел.

— Что случилось? — бросившись к нему, спросил Мендель. Остальные последовали за ним.

Далеко внизу, простираясь до самого горизонта, лежала каменно-кирпичная громада купавшегося в лучах восходящего солнца города, обращенного сейчас к ним своей теневой стороной. Таллиаферро исподтишка окинул эту картину тревожным взглядом.

Конес, грудь которого была настолько стеснена, что он уже был не в состоянии кричать, не отрываясь смотрел на нечто, находившееся гораздо ближе.

Там, на наружном выступе подоконника, лежал кусочек светло-серой пленки длиной в дюйм и на него падали первые лучи солнца. Уголок ее, попавший в трещину в цементе, пока еще оставался в тени. С яростным криком Мендель распахнул окно и схватил пленку. Бережно прикрыв ее рукой и устремив в пространство налившиеся кровью глаза, он произнес:

— Ждите меня здесь!

Говорить было не о чем. Когда Мендель ушел, они сели и молча уставились друг на друга.

Мендель вернулся через двадцать минут.

— Часть пленки, которая находилась в трещине, не успела засветиться, и мне удалось разобрать несколько слов. Это действительно снимок рукописи Вильерса. Остальные записи погибли навсегда, и спасти их невозможно. Открытия Вильерса больше не существует,— спокойно произнес Мендель, но что-то в тоне его голоса свидетельствовало о том, что его чувства уже перешли ту грань, за которой кончаются все их внешние проявления.

— Что же дальше? — спросил Таллиаферро.

Мендель устало пожал плечами.

— В данный момент мне уже все равно, ведь способ мгновенного перенесения массы перестал существовать до тех пор, пока кто-нибудь, обладающий такими же блестящими способностями, как Вильерс, не откроет его заново. Я сам займусь этой проблемой, но я не питаю никаких иллюзий относительно моих возможностей. Мне кажется, что, поскольку открытие Вильерса погибло, уже не имеет значения, кто именно из вас в этом виновен. Что может нам дать дальнейшее расследование?

— Нет, постойте,— раздался твердый голос Таллиаферро.— В ваших глазах каждый из нас троих останется на подозрении. Я тоже не являюсь исключением. Вы занимаете высокое положение, и у вас для меня никогда не найдется доброго слова. Меня вполне можно будет обвинить в некомпетентности или еще в чем-нибудь похуже. Я не желаю, чтобы мою карьеру погубил призрак недоказанной вины. Я предлагаю довести расследование до конца.

— Я не следователь,— устало возразил Мендель.

— Тогда, черт возьми, пригласите полицию.

— Погоди-ка минутку, Тал. Ты что, намекаешь на то, что преступление совершил я? — спросил Райджер.

— Я только хочу сказать, что я лично в нем невиновен.

— Если мы обратимся в полицию, каждого из нас подвергнут зондированию памяти! — со страхом воскликнул Конес.— А это может привести и нарушению умственной деятельности...

Мендель высоко поднял руки:

— Джентльмены! Джентльмены! Прошу вас! Существует еще одна-единственная возможность избежать вмешательства полиции. Вы правы, доктор Таллиаферро. Было бы несправедливо по отношению к невиновным оставить вопрос нерешенным.

На повернувшихся к нему лицах в разной степени отразились недоверие и враждебность.

— Что вы собираетесь предложить нам? — спросил Райджер.

— У меня есть друг по имени Уэндель Эрт. Быть может, вы слышали о нем, а если и нет, это не имеет значения. Но так или иначе я постараюсь устроить, чтобы он нас принял сегодня вечером.

— Какой в этом смысл? — с неприязнью спросил Таллиаферро.— Что нам это даст?

— Он странный человек,— неуверенно произнес Мендель,— очень странный. И в своем роде гениальный. Ему приходилось раньше помогать полиции, и, кто знает, вдруг ему удастся помочь сейчас нам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Когда они вошли в комнату, Эдвард Таллиаферро не смог побороть глубочайшего изумления, которое в нем вызвало само помещение и находившийся в нем человек. И то и другое, казалось, существовали в полной изоляции от всего, что их окружало, и составляли часть какого-то иного, непонятного мира. Ни один земной звук не проникал сюда через обитые мягкой прокладкой и лишенные окон стены. Свет и воздух Земли были заменены искусственным освещением и системой кондиционирования.

Это была большая, тонувшая в полумраке комната, в которой царил хаотический беспорядок. Они с трудом пробрались между разбросанными по полу различными предметами и диванy, с которого были быстро убраны и свалены по соседству в кучу пленки с записью книжных текстов.

У хозяина комнаты было большое круглое лицо и приземистое, шарообразное тело. Он быстро передвигался на своих коротких ножках, так энергично вертя во все стороны головой, что его очки еле держались на том едва заметном выступе, который служил ему носом. Усевшись наконец за письменный стол — единственное во всей комнате достаточно ярко освещенное место,— он устремил на них добродушный взгляд своих выпуклых близоруких глаз, полускрытых массивными нависшими веками.

— Я очень рад вашему приходу, джентльмены, и прошу извинить за беспорядок.— Он помахал в воздухе своими коротенькими пальцами.— Я занимаюсь сейчас составлением каталога различных собранных мной объектов внеземного происхождения, имеющих огромное значение для науки. Это колоссальная работа...

Ну, так чем же я могу быть вам полезен?— спросил он.

Пока Мендель представлял их хозяину, Таллиаферро упорно старался решить мучивший его вопрос. Это, несомненно, был человек по имени Уэндель Эрт, который написал недавно появившийся в печати научный труд под названием «Сравнительное исследование эволюционных процессов на водно-кислородных планетах», и в то же время в сознании как-то не укладывалось, что это был именно он.

— Доктор Эрт, вы автор «Сравнительного исследования эволюционных процессов»? — не выдержав, спросил он.

На лице Эрта расплылась блаженная улыбка:

— Вы читали эту книгу?

— Нет, но...

— Тогда вам необходимо ее прочесть сейчас же, немедленно. У меня есть здесь один экземпляр...

Он снова вскочил со стула, но тут уже вмешался Мендель.

— Подождите, Эрт, не все сразу. Мы пришли к вам по серьезному вопросу.

Он почти насильно заставил Эрта сесть и быстро стал излагать суть дела, как бы боясь, чтобы тот не перебил его, снова увлекшись какой-нибудь посторонней темой.

Лицо Эрта стало постепенно наливаться кровью. Он нервно схватил очки и укрепил их на носу.

— Мгновенное перенесение массы! — вскричал он.

— Я видел это своими собственными глазами,— подтвердил Мендель.

— И вы никогда ни словом не обмолвились об этом.

— Я поклялся хранить тайну. Как я уже сказал, изобретатель был... несколько странным человеком.

— Как же вы могли позволить, Мендель, чтобы такое важнейшее открытие оставалось в руках у заведомого чудака? В крайнем случае, чтобы получить необходимые сведения, надо было подвергнуть его зондированию памяти.

— Это бы убило его! — запротестовал Мендель.

Но Эрт, прижав ладони к щекам и в отчаянии раскачиваясь взад и вперед, продолжал:

— Мгновенное перенесение массы! Единственный пригодный для порядочного цивилизованного человека способ передвижения. Единственно возможный способ. Если бы только я знал! Если бы я присутствовал там! Но, увы, ведь отель находится отсюда почти в тридцати милях.

— Насколько мне известно,— раздраженно перебил эту тираду Райджер,— между вашим домом и Залом Собраний существует регулярное воздушное сообщение. Вы могли бы добраться туда за десять минут.

Тело Эрта вдруг напряглось, и, бросив на Райджера какой-то странный взгляд, он вскочил с места и опрометью выбежал из комнаты.

— Что за черт! — воскликнул Райджер.

— Проклятье! Я должен был предупредить вас,— пробормотал Мендель.

— О чем?

— У доктора Эрта есть свой пунктик: он не пользуется никакими существующими транспортными средствами. Он только ходит пешком.

— Но ведь он, как я понимаю, специалист по изучению форм жизни на других планетах?— сощурившись в полумраке, спросил Конес.

Таллиаферро, поднявшийся незадолго до этого с дивана, стоял теперь перед укрепленной на пьедестале чечевицеобразной моделью галактики, устремив взгляд на мерцающее сияние звездных систем.

— Да, это правда, но он ни разу не посетил ни одну из тех планет, изучением которых он занимается, и никогда не сделает этого. Я сомневаюсь, побывал ли он за последние тридцать лет дальше, чем за милю от этого дома.

Райджер расхохотался.

Мендель вспыхнул.

— Вам это, должно быть, кажется смешным,— рассерженно произнес он,— но я буду вам очень признателен, если вы впредь в присутствии доктора Эрта постараетесь осторожнее выбирать темы для разговора.

Через минуту появился сам Эрт.

— Приношу мои извинения, джентльмены,— прошептал он.— А теперь займемся нашей проблемой. Может быть, кто-нибудь из вас желает сознаться сам?

Таллиаферро презрительно поджал губы. Едва ли этот толстенький специалист по формам жизни на других планетах, сам себя добровольно приговоривший к заключению, обладал достаточной твердостью, чтобы заставить кого бы то ни было признаться в совершенном преступлении. К счастью, дело обстоит так, что им не придется прибегать к помощи его таланта следователя, если таковой вообще у него имеется.

— Скажите, доктор Эрт, вы связаны с полицией?— спросил Таллиаферро.

На красном лице Эрта появилось самодовольное выражение.

— Официально нет, но тем не менее мы с ней находимся в очень хороших отношениях.

— В таком случае я сообщу вам кое-какие сведения, которые вы затем сможете туда передать.

Втянув живот, Эрт принялся рывками вытаскивать из брюк край рубашки, которым он затем медленно стал протирать очки. Покончив с этим занятием и небрежно водрузив очки обратно на нос, он произнес:

— Итак, я вас слушаю.

— Я хочу вам сказать, кто был у Вильерса в момент его смерти и кто заснял его записи.

— Значит, вам посчастливилось раскрыть тайну?

— Я думал об этом весь день, и мне кажется, что я пришел к правильному решению.

Таллиаферро явно наслаждался произведенным его словами эффектом.

— Так что же вы собираетесь нам сообщить?

Таллиаферро глубоко втянул в себя воздух. Несмотря на то, что он готовился к этому моменту в течение нескольких часов, не так-то легко было наконец решиться.

— В том, что произошло, по всей видимости, виновен не кто иной, как доктор Мендель,— наконец произнес он.

Мендель задохнулся от возмущения.

— Послушайте, доктор,— громко начал он,— если у вас есть какие-либо основания для такого странного...

— Пусть он говорит, Хьюберт,— перебил его высокий голос Эрта.— Я предлагаю выслушать его. Ведь вы сами его подозреваете, и нет такого закона, который запретил бы ему подозревать нас.

Мендель злобно стиснул губы.

— Это нечто большее, чем простое подозрение, доктор Эрт,— начал Таллиаферро, усилием воли заставляя свой голос звучать ровно.— Доказательства налицо. Мы все четверо знали об изобретении Вильерса, но только один из нас, доктор Мендель, присутствовал при опыте. Только он з н а л, что оно не является плодом больного воображения. Только он з н а л, что записи действительно существуют. Нам известно было лишь то, что Вильерс обладал более или менее неуравновешенным характером. Из всего, что знали мы, можно было допустить лишь какой-то процент вероятности того, что Вильерс говорил правду. Мы зашли к нему в одиннадцать только затем, как мне кажется, чтобы окончательно убедиться в этом.

А теперь рассмотрим этот же вопрос с другой точки зрения. Что знал доктор Мендель, и каковы были его мотивы? Представим себе, доктор Эрт, следующую картину. Кто бы ни был тот человек, который пришел к Вильерсу в полночь, он был свидетелем того, как тот потерял сознание, и заснял затем его рукопись. Это лицо (не будем пока что называть его по имени) было потрясено, увидев вдруг, что Вильерс пришел в себя и звонит кому-то по телефону. Охваченному паникой преступнику мгновенно приходит в голову мысль о необходимости как можно скорее отделаться от единственного находящегося в его распоряжении вещественного доказательства.

Он должен был немедленно избавиться от непроявленной пленки с заснятыми записями, причем ему следовало сделать это так, чтобы эта пленка не была найдена и он, в том случае, если его ни в чем не заподозрят, смог бы снова завладеть ею. Идеальным местом для этого был наружный выступ подоконника. Быстро раскрыв окно, он положил на подоконник снаружи пленку и ушел. А теперь, если бы даже Вильерс остался жив или, в другом случае, если бы его телефонный разговор дал какие-нибудь результаты, единственным доказательством вины этого человека были бы показания самого Вильерса, и можно было легко убедить всех в том, что Вильерсу были свойственны большие странности.

Таллиаферро торжествующе умолк, смакуя неоспоримость приведенных им доводов.

Уэндель Эрт, сощурившись, взглянул на него и похлопал пальцами прижатых к животу рук по вытащенному из брюк краю рубашки.

— Так в чем же вы видите главное доказательство вины доктора Менделя?— спросил он.

— Самым важным здесь является то, что лицо, совершившее преступление, открыло окно и положило пленку снаружи. А теперь судите сами: Райджер жил десять лет на Церере, Конес — на Меркурии, я — на Луне, и за этот период нам очень редко приходилось бывать на Земле, только во время кратких отпусков, да и сколько их там было! Вчера мы несколько раз жаловались друг другу на то, как нам трудно привыкать к земным условиям.

Планеты, на которых мы работаем, лишены атмосферы. Мы никогда не выходим из помещения без скафандра. Мы совершенно отвыкли даже от мысли о возможности появиться во внешнем мире без защитного костюма. Ни один из нас не мог бы открыть окно без отчаянной внутренней борьбы. Что касается доктора Менделя, то он жил только на Земле и для него процесс открывания окна — это не более как приложение мускульной силы, и он мог легко сделать это, а мы — нет. Отсюда логический вывод, что преступление совершил он.

Таллиаферро откинулся на спинку стула и позволил себе слегка улыбнуться.

— Клянусь космосом, он прав!— восторженно воскликнул Райджер.

— Ни в коей мере! — приподнявшись с дивана, взревел Мендель. Казалось, что он вот-вот бросится на Таллиаферро с кулаками.— Я отрицаю все эти жалкие измышления. А что вы скажете об имеющейся у меня записи телефонного звонка Вильерса? Там есть слово «одноклассники»...

— Он в тот момент умирал,— возразил Таллиаферро.— Большую часть из того, что он сказал, как вы сами недавно признали, понять невозможно. Я не слышал записи, и я спрашиваю вас, доктор Мендель, правда ли то, что голос Вильерса был искажен до неузнаваемости?

— Видите ли...— смущенно начал Мендель.

— Я не уверен, что так оно и есть, и не нахожу никаких оснований отрицать вероятность того, что вы сами заранее сфабриковали запись, ввернув туда это проклятое слово «одноклассники».

— Боже мой, откуда я мог знать, что на съезд приехали соученики Вильерса? Откуда мне могло быть известно, что они в курсе его открытия?— воскликнул Мендель.

— Об этом вам мог сказать сам Вильерс.

— Послушайте,— решительно начал Мендель,— вы трое видели Вильерса живым в одиннадцать. Врач, осмотревший его тело вскоре после трех часов ночи, заявил, что он был мертв уже по крайней мере два часа. Отсюда, смерть наступила между одиннадцатью вечера и часом ночи. В это время я присутствовал на вечернем заседании, и по меньшей мере дюжина свидетелей может показать, что я находился с десяти часов вечера до двух ночи в нескольких милях от отеля.

— Даже если это и так,— немного помолчав, упрямо продолжал Таллиаферро,— можно предположить, что вы вернулись в отель в половине третьего и прямо отправились к Вильерсу, чтобы обсудить кое-какие вопросы, связанные с его будущим докладом. Вы нашли дверь открытой или воспользовались дубликатом ключа, это не имеет значения. Главное в том, что вы нашли Вильерса мертвым и, воспользовавшись представившейся возможностью, засняли его рукопись...

— Но если он был уже мертв и не мог никому позвонить, зачем мне понадобилось бы прятать пленку?

— Чтобы отвести от себя подозрения. Не исключено, что у вас есть второй экземпляр пленки. Кстати, о том, что она засвечена, мы знаем только с ваших слов.

— Довольно, хватит! — вмешался Эрт.— Вы выдвинули интересную гипотезу, доктор Таллиаферро, но она не выдерживает тяжести приведенных в ее защиту доказательств...

— С вашей точкой зрения, может быть, это и так...— нахмурившись, попытался возразить Таллиаферро.

— Это точка зрения каждого человека, обладающего способностью к аналитическому мышлению. Неужели вы не видите, что для преступника Хьюберт Мендель был излишне активен?

— Нет,— сказал Таллиаферро.

Уэндель Эрт мягко улыбнулся.

— Видите ли, доктор Таллиаферро, я не сомневаюсь в том, что вы в процессе своей научной деятельности вряд ли настолько увлекаетесь собственными теориями, что начисто отбрасываете противоречащие им факты и логические умозаключения. Я очень прошу вас не изменять этому золотому правилу, когда вы выступаете в роли следователя.

А теперь представьте себе, насколько проще была бы стоявшая перед доктором Менделем задача, если бы он, согласно вашему утверждению, на самом деле послужив причиной смерти Вильерса и обеспечив себе алиби или же, как опять-таки следует из ваших слов, не застав Вильерса в живых, воспользовался этим в своих интересах! Зачем бы ему понадобилось фотографировать рукопись или приписывать это действие кому-нибудь другому? Ведь он мог просто-напросто взять записи и уйти. Кто еще знал о их существовании? Практически никто. У него не было никаких оснований предполагать, что Вильерс рассказал о них кому-нибудь еще, ведь, как известно, он был патологически скрытным человеком.

Никто, кроме доктора Менделя, не знал, что Вильерс собирался делать доклад. О его выступлении не было объявлено так же, как не были опубликованы тезисы. Отсюда следует, что доктор Мендель мог без всякого опасения спокойно забрать рукопись и удалиться.

Даже в том случае, если бы ему удалось установить, что Вильерс поделился своей тайной с бывшими одноклассниками, то что из того? Какими доказательствами обладали эти его бывшие соученики? Что могли они выдвинуть против доктора Менделя, кроме ссылки на слова человека, которого они сами считали полусумасшедшим?

Однако доктор Мендель поступает по-другому. Он заявляет о том, что бумаги Вильерса уничтожены, он утверждает, что смерть Вильерса нельзя признать вполне естественной, он ищет пленку, на которую была заснята рукопись, короче, он делает все, чтобы навести на себя подозрения, в то время как единственное, что ему следовало сделать,— это оставаться в тени. Если бы он и вправду совершил это преступление, а потом вел себя подобным образом, он был бы самым тупым, самым убого мыслящим человеком из всех, кого я знаю. А о докторе Менделе этого сказать никак нельзя.

— Кто же в таком случае виновный? — спросил Райджер.

— Один из вас троих.

— Но кто именно?

— О, для меня этот вопрос давно решен. Я понял, кто из вас виновен, уже в тот момент, когда доктор Мендель закончил свой рассказ.

Таллиаферро с неприязнью взглянул на толстенького специалиста по изучению форм жизни на других планетах. Его не испугало последнее заявление ученого, но зато оно, видимо, произвело сильное впечатление на двух других. У Конеса отвисла челюсть, придав его лицу идиотское выражение, а губы Райджера как-то странно вытянулись. Оба они почему-то стали похожи на рыб.

— Вы наконец скажете, кто это? — спросил Таллиаферро.

Эрт сощурился.

— Во-первых, я хочу, чтобы вы уяснили себе, что самое сейчас важное — это открытие Вильерса. Оно еще может быть восстановлено.

— Черт возьми, Эрт, что вы там болтаете? — в сердцах воскликнул еще не забывший нанесенной ему обиды Мендель.

— Вполне возможно, что человек, который сфотографировал записи, прежде чем сделать это, взглянул на них. Я сомневаюсь, были ли у него время и присутствие духа прочесть их, а если он даже и пробежал их глазами, вряд ли он смог что-либо запомнить, во всяком случае, сознательно. Но существует зондирование памяти. Если он бросил хоть один взгляд на записи и они на какой-то миг были восприняты его сетчаткой, то их можно будет восстановить.

Все вздрогнули.

— Вы напрасно так боитесь зондирования,— поспешно продолжал Эрт.— Если его проводить как следует, оно совершенно безопасно, особенно когда человек идет на него добровольно. Причиной вредных последствий является ненужное сопротивление, своего рода духовный отказ от подчинения. Поэтому, если виновный признается сам и добровольно отдаст себя в мои руки...

В тишине слабо освещенной комнаты неожиданно раздался хохот Таллиаферро.

Реакция Таллиаферро привела Эрта в замешательство, и он с искренним недоумением воззрился на него поверх очков.

— Я имею достаточное влияние на полицию и могу устроить, чтобы зондирование не стало достоянием гласности,— сказал он.

— Я не виновен! — озлобленно выкрикнул Райджер.

Конес, в свою очередь, отрицательно потряс головой.

Таллиаферро хранил презрительное молчание.

— Что ж, тогда мне придется самому указать виновного,— вздохнув, произнес Эрт.— Увы, ничего хорошего из этого не получится. Человек будет травмирован, и возникнет много нежелательных осложнений.

Он теснее прижал к животу руки и пошевелил пальцами.

— Доктор Таллиаферро сказал, что пленка была положена на наружный выступ подоконника с целью сокрытия и предохранения от возможных повреждений. В этом я с ним совершенно согласен.

— Благодарю вас,— сухо произнес Таллиаферро.

— Однако почему кому-то пришло в голову, что это место является столь безопасным тайником? Ведь явись туда полицейские, они б, несомненно, нашли пленку. Она фактически была найдена даже без их помощи. Так кто же мог подумать, что предмет, хранящийся вне помещения, находится в полной безопасности? Только человек, живший долгое время на лишенной атмосферы планете и полностью свыкшийся с мыслью о невозможности выхода из закрытого помещения без тщательной подготовки.

Так, например, на Луне какой-нибудь предмет, спрятанный вне Лунного Купола, мог бы считаться в относительной безопасности. Люди там редко выходят наружу и только с какой-нибудь определенной целью, связанной с их работой. Поэтому человек, живший в условиях Луны, ради того, чтобы спрятать пленку, мог преодолеть внутреннее сопротивление и, открыв окно, оказаться лицом к лицу со средой, которую он подсознательно воспринимал бы как безвоздушное пространство.

— Доктор Эрт, почему вы вдруг заговорили о Луне? — сквозь стиснутые зубы спросил Таллиаферро.

— О, я упомянул о Луне только в качестве примера,— добродушно пояснил Эрт.— Все, о чем я говорил до сих пор, в равной мере относится к вам троим. А теперь я перехожу к решающему моменту, к вопросу об умирающей ночи.

Таллиаферро нахмурился.

— Вы имеете в виду ту ночь, когда умер Вильерс?

— Я имею в виду любую ночь. Сейчас я вам все объясню. Если даже мы допустим, что наружный выступ подоконника действительно является вполне надежным тайником, то кто из вас мог до такой степени потерять всякое ощущение реальности, чтобы признать его таковым для непроявленной пленки? Хочу вам напомнить, что пленка, которую используют в наших микрофотоаппаратах, не обладает большой чувствительностью и рассчитана на то, чтобы ее можно было проявлять в самых разнообразных условиях. Всем нам известно, что рассеянное вечернее освещение не может нанести ей серьезных повреждений, но рассеянный дневной свет погубит ее за несколько минут, а что касается прямых лучей Солнца, то они разрушат ее мгновенно.

— Объясните же наконец, Эрт, к чему вы ведете? — перебил его Мендель.

— Зачем вы меня торопите! — обиженно воскликнул Эрт.— Я хочу дать вам возможность как следует во всем разобраться. Самым большим желанием преступника было обеспечить полную сохранность пленки, как самого ценного, что у него теперь было в жизни, ведь от нее зависело все его будущее — это был его вклад в мировую науку. Так почему же он положил ее туда, где ее неизбежно должно было разрушить утреннее солнце?.. Только потому, что он считал, что солнце не взойдет никогда. Он думал, что ночь, так сказать, бессмертна.

Но ночи не бессмертны. На Земле они умирают и уступают место дню. Даже полярная ночь, которая тянется шесть месяцев, рано или поздно умирает. Ночи на Церере длятся всего лишь два часа, ночи на Луне — две недели. Это тоже умирающие ночи, и как доктор Таллиаферро, так и доктор Райджер знают, что ночь всегда сменяется днем.

— Но погодите...— вспыхнув, начал было Конес.

Уэндель Эрт взглянул ему в глаза.

— Ждать больше незачем, доктор Конес. Меркурий является единственным во всей солнечной системе небесным телом, которое всегда повернуто к Солнцу одной стороной. Три восьмых его поверхности никогда не освещаются Солнцем, и там царит вечный мрак. Полярная Обсерватория расположена как раз на границе этой теневой части планеты. За десять лет своего пребывания на Меркурии вы, доктор Конес, привыкли считать ночь бесконечной, неумирающей. Вам казалось, что погруженная во тьму поверхность планеты будет оставаться в таком состоянии вечно. И поэтому вы доверили непроявленную пленку земной ночи, в своем волнении забыв о том, что эта ночь обречена на смерть...

— Постойте...— запинаясь, произнес Конес.

Но Эрт был неумолим.

— Как мне сегодня сообщили, в тот момент, когда Мендель повернул рычаг оконного поляризатора, вы вскрикнули при виде солнечного света. Что вас побудило к этому — страх перед меркурианским Солнцем или же вы вдруг поняли, что означает этот свет для ваших планов? Вы бросились к окну. Для чего? Чтобы вернуть рычаг в исходное положение или чтобы взглянуть на испорченную пленку?

Конес упал на колени.

— Я не хотел этого. Я собирался только поговорить с ним, только поговорить, но он закричал и потерял сознание. Мне показалось, что он умер. Записи были под подушкой, и все остальное произошло само собой. Одно действие потянуло за собой другое, и прежде чем я понял, что я делаю, было уже поздно. Но, клянусь, я не хотел этого.

Они образовали около него полукруг, а Уэндель Эрт устремил на рыдающего Конеса взгляд, полный глубокой жалости.

Прнехала карета «Скорой помощи», и только после ее отъезда Таллиаферро заставил себя обратиться к Менделю.

— Я надеюсь, сэр, что то, что было здесь сказано, не посеет между нами вражды,— натянуто произнес он.

— Я думаю, что всем нам лучше по возможности забыть о событиях последних суток,— столь же натянуто ответил Мендель.

Когда они, собираясь уходить, уже стояли в дверях, Уэндель Эрт, склонив голову набок, с улыбкой произнес:

— Мы еще не уточнили вопрос о моем гонораре.

От удивления Мендель лишился дара речи.

— Я не имею в виду деньги,— поспешил объяснить Эрт.— Я хочу только, чтобы, когда будет сконструирован первый рассчитанный на человека аппарат для перенесения массы, мне дали возможность совершить путешествие.

— Но ведь до мгновенного перенесения массы в космосе еще очень далеко,— все еще не придя окончательно в себя, возразил Мендель.

Эрт отрицательно покачал головой.

— Нет, нет, я говорю не о космическом путешествии. Мне хотелось бы побывать в Лоуер Фоллз, что в Нью-Гемпшире.

— Договорились, Эрт, будет сделано. Но почему вы хотите отправиться именно туда?

Эрт вскинул голову. К своему глубочайшему изумлению, Таллиаферро увидел на лице специалиста по изучению форм жизни на других планетах смешанное выражение стыдливости и нетерпения.

— Когда-то... довольно давно... я ухаживал там за одной девушкой. С тех пор прошло много лет... но иногда я спрашиваю себя...

Перевела с английского С. ВАСИЛЬЕВА.

Айзек АЗИМОВ

ПЕРСТ ОБЕЗЬЯНЫ

Рассказ

— Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да. Да.— сказал Марми Таллинн, писатель-фантаст, всякий раз придавая голосу новую модуляцию и высоту тона. Кадык на его длинной шее ходил ходуном.

— Нет,— отрезал Лемюэл Хоскинс, редактор научно-фантастического журнала, глядя немигающим взором сквозь стекла очков в стальной оправе.

— Значит, вы против научного опыта. Вы и слушать меня не желаете. Как это понимать? Меня забаллотировали? — Марми принялся подниматься на носках и опускаться, дыхание у него участилось. В тех местах, где он хватался за голову, волосы его спутались.

— Один против шестнадцати — сказал Хоскинс.

— Слушайте,— не унимался Марми,— ну почему вы всегда правы? Почему я всегда не прав?

— Марми, посмотрите правде в глаза. С каждого из нас спрашивают по-своему. Упади тираж журнала, и я погорел. Меня тут же вышвырнут. Президент фирмы «Спейс паблишерс» даже не станет задавать вопросов, уж вы мне поверьте. Он просто посмотрит цифры. Но тираж пока не падает, а растет. Выходит, я хороший редактор. Ну, а с вами дело обстоит так: когда редакторы принимают вашу продукцию, вы талант. Когда они вас отвергают, вы бездельник. В данном конкретном случае вы бездельник.

— Есть и другие редакторы. На вас, знаете ли, свет клином не сошелся.— Марми воздел руки и растопырил пальцы.— Считать умеете? Вот сколько научно-фантастических журналов с удовольствием возьмут любое произведение Таллинна, причем возьмут с закрытыми глазами.

— Ну и на здоровье,— сказал Хоскинс.

— Послушайте.— Голос Марми смягчился.— Вы хотите, чтобы я внес в повествование два изменения, верно? Вам нужен был вводный эпизод с войной в космосе. И я вам его представил, вот он.— Марми помахал рукописью под носом у Хоскинса, и тот отодвинулся, будто от нее попахивало.— Но вы также хотели, чтобы в эпизод, где действие происходит на обшивке корпуса космического корабля, я ввел короткую ретроспективную сцену с действием внутри корабля,— продолжал Марми.— А вот этого вам не видать, как своих ушей. Если я пойду на это изменение, я испорчу концовку, которая в ее теперешнем виде исполнена пафоса и глубокого чувства.

Редактор откинулся в кресле и воззвал к своей секретарше, которая на протяжении этого спора знай себе неторопливо печатала. К подобным сценам она привыкла.

— Вы слышите, мисс Кейн? И он еще толкует о пафосе, глубоком чувстве... Что он, писатель, может понимать в таких вещах? Да вы меня послушайте! Если вы вставите эту ретроспективную сцену, вы усилите напряжение, уплотните сюжет, прибавите ему убедительности.

— Каким же это образом я прибавлю ему убедительности?— в отчаянии вскричал Марми.— По-вашему, если я заставлю ребят в космическом корабле толковать о политике и социологии, когда они того и гляди взорвутся, повествование от этого станет убедительнее? О господи боже!

— А больше ничего и не остается. Если вы начнете толковать о политике и социологии после кульминации, читатель у вас заснет.

— Но я же пытаюсь доказать вам, что вы ошибаетесь. И я могу это доказать. Какой прок от разговоров, когда я условился о научном эксперименте...

— О каком еще эксперименте?— Хоскинс снова обратился к секретарше:— Как вам это нравится, мисс Кейн? Он уже вообразил себя одним из своих героев.

— Так уж вышло, что я знаком с одним ученым.

— С кем именно?

— С доктором Арндтом Торгессоном, профессором психодинамики из Колумбийского университета.

— Сроду о таком не слыхал.

— Я полагаю, это о многом говорит,— с презрением сказал Марми.— Вы никогда о нем не слыхали! Да вы и об Эйнштейне-то услышали только тогда, когда ваши авторы стали упоминать о нем в своих рассказах!

— Очень смешно. Ну, и что этот Торгессон?

— Он разработал способ научного определения ценности литературного произведения. Это огромная работа: она... она...

— И она закрытая?

— Разумеется, закрытая. Он же не профессор от научной фантастики. В научной фантастике, когда человек придумывает какую-нибудь новую теорию, он тут же растрезвонивает о ней в газетах. В настоящей жизни такого не бывает. Ученый порой годами экспериментирует, прежде чем что-нибудь напечатать. Публикация — дело нешуточное.

— Тогда откуда об этом знаете вы, если не секрет?

— Так уж вышло, что доктор Торгессон — мой поклонник. Так уж случайно оказалось, что ему нравятся мои рассказы. Так уж получилось, что он считает меня лучшим из всех писателей-фантастов.

— И он знакомил вас со своей работой?

— Совершенно верно. Я как будто чувствовал, что вы встанете на дыбы из-за этого рассказа, и попросил его устроить для нас показательный опыт. Он обещал, если только мы не станем болтать. Он сказал, что эксперимент будет интересный. Он сказал...

— Что же в нем такого тайного?

— Ну...— Марми замялся.— Послушайте, а что, если бы я сказал вам, что у него есть обезьяна, которая из головы может отстукать на машинке «Гамлета»?

Хоскинс в тревоге воззрился на Марми.

— Что это вы тут устраиваете? Хотите сыграть со мной злую шутку?— Он повернулся к мисс Кейн.— Когда писатель десять лет строчит научную фантастику, его для вящей безопасности надо держать в клетке-одиночке.

Мисс Кейн знай себе размеренно печатала.

— Вы слышали, что я сказал,— продолжал Марми.— Обыкновенная обезьяна, на вид даже смешнее среднестатистического редактора. Я договорился на сегодня пополудни. Пойдете со мной или нет?

— Разумеется, нет. Вы думаете, я оставлю кучу рукописей вот такой высоты,— он провел рукой по горлу,— ради ваших глупых шуток? Вообразили себя комиком, а я, значит, должен вам подыгрывать?

— Если это шутка, Хоскинс, я угощаю вас обедом в любом ресторане по вашему выбору. Мисс Кейн — свидетель.

Хоскинс откинулся в кресле.

— Вы угостите меня обедом?! Вы, Мармадьюк Таллинн, самый известный в Нью-Йорке тунеядец, живущий в долг, собираетесь уплатить наличными?!

Марми всего передернуло — и не оттого, что его упрекнули в скупердяйстве, а потому, что произнесли его имя полностью, все его три ужасных слога.

— Повторяю,— заявил он,— обед за мной, где хотите и что хотите. Бифштекс, грибы, грудка цесарки, марсианский аллигатор — что угодно.

Хоскинс встал и взял шляпу с крышки ящика для картотеки.

— Да ради того только, чтобы поглядеть, как вы разворачиваете огромные старинные долларовые купюры, которые прячете в ложном каблуке своей левой туфли с тысяча девятьсот двадцать восьмого года, я бы пошел пешком в Бостон...

Доктор Торгессон был польщен. Он тепло пожал Хоскинсу руку и сказал:

— Я читаю «Космические истории». С тех самых пор, как приехал в эту страну, мистер Хоскинс.

Превосходный журнал. И особенно мне нравятся рассказы мистера Таллинна.

— Вы слышите? — не удержался Марми.

— Слышу. Марми говорит, что у вас, профессор, есть какая-то одаренная обезьяна.

— Да,— ответил Торгессон,— но, разумеется, это должно остаться между нами.

— Дальше редактора не пойдет, профессор.

— Хорошо, хорошо, садитесь, джентльмены, садитесь.— Он принялся вышагивать перед ними туда-сюда.— Что вы сказали мистеру Хоскинсу о моей работе, Марми?

— Ничего, профессор.

— Так. Ну, мистер Хоскинс, поскольку вы редактор журнала научной фантастики, мне, я полагаю, не нужно спрашивать, имеете ли вы представление о кибернетике.

— Ну да. Счетные машины... Массачусетский технологический институт... Норберт Винер...— Он пробормотал что-то еще.

— Да. Да.— Торгессон зашагал быстрее.— Тогда вы должны знать, что на принципах кибернетики созданы компьютеры для игры в шахматы. Правила шахматных ходов и задачи игры встроены в их схемы. Возьмите любое положение на доске, и машина вычислит все возможные ходы с их последствиями и выберет тот единственный, который обеспечит наибольшую вероятность победы в партии. Машину даже можно настроить так, что она будет учитывать темперамент противника.

— Ну да,— согласился Хоскинс.

— Теперь представьте ситуацию, в которой вычислительной машине предложат отрывок из литературного произведения, к которому компьютер затем может добавлять слова из своего запаса. Из того словаря, который служит материалом для создания величайших литературных ценностей. Естественно, эту машину пришлось бы научить, что означают различные клавиши на пишущей машинке.

Хоскинс беспокойно заерзал.

— А как же обезьяна, профессор? Марми упоминал какую-то обезьяну.

— Но ведь именно к этому я и подхожу,— сказал Торгессон.— Естественно, ни одна рукотворная машина не может быть достаточно сложной. Другое дело — человеческий мозг. Человеческий мозг. Он и сам по себе уже вычислительная машина. Разумеется, я не могу использовать мозг человека: этого мне, увы, не позволяет закон. Но даже и мозг обезьяны, если им умело манипулировать, в состоянии сделать гораздо больше, чем любая машина, когда-либо созданная человеком. Подождите! Пойду принесу крошку Ролло.

Он вышел из комнаты. Хоскинс подождал немного, потом с опаской посмотрел на Марми и сказал:

— Эх, братец!

— В чем дело? — спросил Марми.

— В чем дело?! Да ведь этот человек — самозванец. Скажите мне, где вы наняли этого жулика?

— Жулика?! — оскорбился Марми.— Ну, знаете! Мы находимся в кабинете настоящего профессора в Фейеруззер Холл, Колумбийский университет. Надеюсь, хоть Колумбийский университет вы узнаете?

— Разумеется, но...

— А это кабинет доктора Торгессона. Взгляните на эту пыль.— Он дунул на какой-то учебник и поднял целое облако пыли.— Одна эта пыль уже говорит о том, что тут все самое настоящее. А взгляните-ка на заглавие: «Психодинамика человеческого поведения». Автор — профессор Арндт Ролф Торгессон.

— Допускаю, Марми, допускаю. Есть какой-то Торгессон, а это его кабинет. Как вы пронюхали, что настоящий Торгессон в отпуске, и как вам удалось воспользоваться его кабинетом, я не знаю. Но неужели вы пытаетесь убедить меня, что этот шут с его обезьянами и компьютерами — настоящий ученый? Х-ха!

— Судя по вашей природной подозрительности, можно сделать лишь один вывод: у вас было несчастливое и полное лишений детство.

— Подозрительность во мне развилась от постоянного общения с писателями, Марми. Ресторан я уже выбрал, и сводить меня туда вам обойдется в кругленькую сумму.

Марми фыркнул.

— Это не будет стоить мне даже того самого жалкого цента, который вы время от времени мне кидаете. Тс-сс! Он возвращается.

К шее профессора льнула обезьянка-капуцин, имевшая очень грустный вид.

— А это,— представил профессор,— крошка Ролло. Поздоровайся, Ролло.

Обезьянка дернула себя за вихор.

— Боюсь, он переутомился,— сказал профессор.— Ну, вот тут у меня как раз кусок его рукописи.

Он опустил обезьянку, позволив ей держать себя за палец, а сам тем временем вытащил из кармана пиджака два листка бумаги и протянул их Хоскинсу. Тот прочел:

«Быть или не быть, таков вопрос. Что благородней духом — покоряться пращам и стрелам яростной судьбы иль, ополчася против роя смут, сразить их противоборством? Умереть, уснуть, и только; и сказать, что сном кончаешь...»[1].

Он поднял глаза.

— Это напечатал крошка Ролло?

— Не совсем. Это копия с того, что напечатал он.

— Ах, копия. Ну, крошка Ролло не знает своего Шекспира. Здесь должно быть: «Иль ополчась на море смут».

Торгессон кивнул.

— Вы совершенно правы, мистер Хоскинс. Шекспир действительно написал «море». Но, видите ли, это смешанная метафора. На море с оружием не бросаются. С оружием бросаются на толпу или войско. Ролло выбрал односложное слово и отстукал «рой». Это одна из редких ошибок Шекспира.

— Позвольте мне понаблюдать, как он печатает,— попросил Хоскинс.

— Пожалуйста.— Профессор выкатил столик с машинкой. За ней тянулся проводок. Он объяснил:— Приходится пользоваться электрической машинкой, поскольку иначе физическое напряжение оказывается слишком большим. Необходимо подсоединить крошку Ролло вот к этому трансформатору.

Он сделал это, используя в качестве подводящих проводов два электрода, которые едва заметно торчали из шерсти на голове зверька.

— Ролло подвергся весьма тонкой операции на мозге, в результате которой несколько проводков были вживлены в различные участки коры. Мы можем блокировать свободную деятельность мозга и, по сути дела, использовать его как компьютер. Боюсь, подробности были бы...

— Давайте посмотрим, как он печатает,— повторил Хоскинс.

— Что бы вы хотели?

— Он знает «Лепанто» Честертона? — почти не раздумывая, спросил Хоскинс.

— Наизусть он ничего не знает. Его писательство — просто вычисления. Прочтите отрывок из этого произведения, чтобы он мог проникнуться настроением и высчитать последствия первых слов.

Хоскинс кивнул, набрал в грудь воздуха и громовым голосом принялся читать:

— «Бьет в Садах Солнца сто один фонтан, Усмехается фонтанам Византийский Султан, Смех его, знак радости, предвестник беды, Колеблет черный лес, лес его бороды, Изгибает полумесяцем кроваво-красный рот: Срединным морем мира завладел султанский флот...»[2].

— Достаточно,— сказал Торгессон.

Наступило молчание. Они ждали. Обезьяна церемонно разглядывала пишущую машинку.

— Этот процесс, само собой, требует времени,— сказал Торгессон.— Крошке Ролло надо принять во внимание романтичность этого стихотворения, несколько архаичный оттенок, четкий монотонный ритм и все такое прочее.

И вдруг черный пальчик потянулся и коснулся какой-то клавиши. Это была буква «б».

— Заглавных букв он не пишет,— объяснил ученый.— Не ставит и знаков препинания да и слова не всегда отделяет друг от друга. Вот почему я обычно перепечатываю его работу, когда он заканчивает.

Крошка Ролло нажал «е», потом «л», потом «о», «с», «т», «е», «н», «н», «а», «я». Потом, после продолжительной паузы, он стукнул по пробельной клавише.

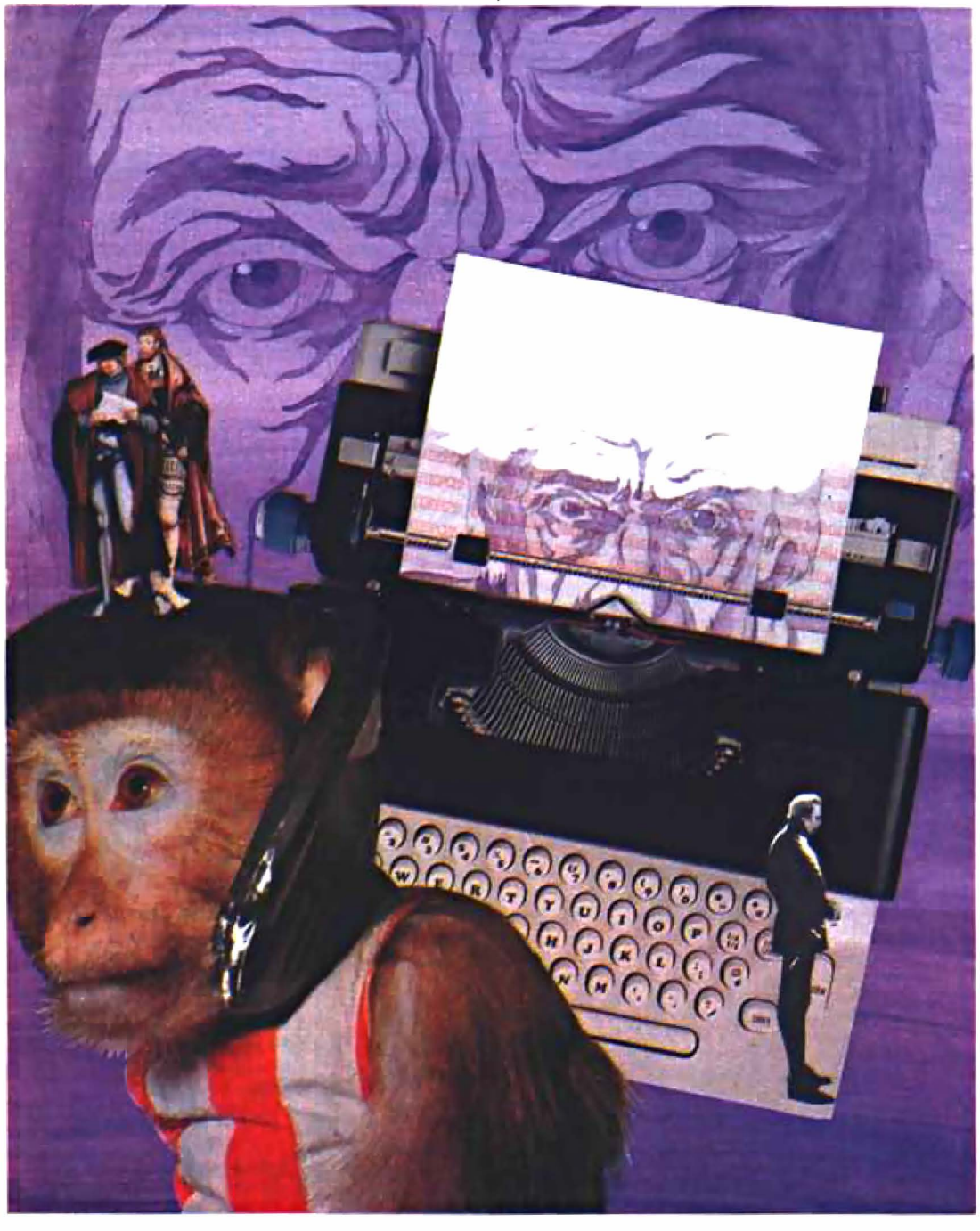


Рисунок Владимира Тарасова

[1] «Гамлет» Шекспира (перевод М. Лозинского). У Азимова сознательно искажено. *(Здесь и далее прим. переводчиков.)*

[2] «Лепанто» дается в переводе А. Сергеева.

— «Белостенная»,— сказал Хоскинс.

Слова печатались сами собой:

«белостенная италия от страха чуть жива в адриатике ждет гибель веницейского льва у монархов христианских папа ради христа молит войско для спасения святого креста».

— Боже мой!— воскликнул Хоскинс.

— Значит, у стихотворения такое именно продолжение?— спросил Торгессон.

— Видит бог!— отвечал Хоскинс.

— Если так, значит, Честертон, должно быть, поработал на славу. Тут все на своем месте.

— Видите?— проговорил Марми, сжимая Хоскинсу плечо.— Видите, видите, видите?— И еще раз добавил:— Видите?

— Черт меня подери!— не успокаивался Хоскинс.

— А теперь,— сказал Марми, взъерошив себе волосы так, что они стали похожи на хохолок какаду,— давайте перейдем к делу. Давайте проверим мой рассказ.

— Да, но...

— Не бойтесь. Крошке Ролло это по силам,— заверил Торгессон Хоскинса.— Я частенько читаю ему отрывки из лучших образцов научной фантастики, включая многие рассказы Марми. Просто поразительно, насколько он улучшил многие произведения.

— Не в этом дело,— сказал Хоскинс.— Любая обезьяна способна писать научную фантастику лучше иных наших литературных поденщиков. Но ведь в рассказе Таллинна тринадцать тысяч слов. Понадобится целая вечность, чтобы отстукать его.

— А вот и нет, мистер Хоскинс, а вот и нет. Я прочту ему рассказ, а в самом важном месте пусть продолжает он.

Хоскинс сложил руки.

— Валяйте, я готов.

— А я и подавно,— заявил Марми и тоже скрестил руки на груди.

Крошка Ролло, пушистый комочек, похожий на несчастного каталептика, сидел и слушал, а мягкий голос доктора Торгессона мерно повышался и понижался, пока он читал о битве в космосе и о последующей борьбе пленников-землян, стремившихся вернуть себе потерянный корабль.

Один из героев выбрался на обшивку космического корабля, и доктор Торгессон передавал эти колоритные события с легким восхищением. Он читал:

— «Безмолвие вечных звезд повергло Стелни в оцепенение. Саднящее колено резко напомнило о себе, когда он ждал, что чудовища услышат звук удара и...»

Тут Марми неистово дернул доктора Торгессона за рукав, Торгессон поднял глаза и отключил Ролло.

— Ну вот,— сказал Марми.— Понимаете, профессор, именно здесь Хоскинс лезет своими липкими пальцами в мою работу. Я продолжаю этот эпизод за пределами космического корабля. Наконец Стелни побеждает, и корабль снова оказывается в руках землян. Затем я начинаю объяснять. Хоскинс хочет, чтобы я прервал эту сцену, вернулся на борт корабля, приостановил действие на целых пять страниц, затем снова вышел в космос... Вы когда-нибудь слышали такую муру?

— Может быть, пусть все-таки решает обезьяна?— предложил Хоскинс.

Доктор Торгессон включил крошку Ролло, и черный сморщенный пальчик неуверенно потянулся к машинке. Хоскинс и Марми одновременно подались вперед, их головы мягко соприкоснулись над тельцем размышляющего крошки Ролло. Машинка отстукала букву «н».

— «Н»,— подбодрил Марми, кивая.

— «Н»,— согласился Хоскинс.

Машинка пробила «а», затем продолжала в более быстром темпе: «начнут действовать стелни ждал в беспомощном ужасе что сейчас откроются шлюзовые камеры и неумолимо появятся облаченные в скафандры ларусы».

— Слово в слово,— восхищенно проговорил Марми.

— Да, у него, безусловно, ваш слащавый стиль.

— Читателям он нравится.

— Только потому, что их среднее умственное развитие...— Хоскинс умолк.

— Продолжайте, продолжайте,— подбодрил Марми.— Говорите уж. Скажите, что коэффициент их умственного развития на уровне двенадцатилетнего ребенка, и я процитирую вас во всех научно-фантастических журналах нашей страны. Скажите, ну!

— Джентльмены,— встревожился Торгессон.— Джентльмены. Вы мешаете крошке Ролло.

Они повернулись к машинке, которая по-прежнему размеренно отстукивала: «...звезды кружили по своим орбитам а чувствительное нутро землянина упорно подсказывало стелни что корабль вращается стоя на одном месте».

Каретка откатилась назад, чтобы начать новую строку. Марми затаил дыхание. Если что-то и произойдет, то именно сейчас.

И обезьяна, протянув палец, отстукала: «*».

— Знак сноски!— завопил Хоскинс.

А Марми пробормотал:

— Звездочка...

— Звездочка?!— удивился Торгессон.

Последовала строчка еще из девяти звездочек.

— Все, братец,— сказал Хоскинс. Он быстро объяснил вытаращившему глаза Торгессону:— У Марми такая привычка— пробивать строчку из звездочек, когда он хочет указать на радикальное изменение места действия. А радикальное изменение места действия— именно то, чего я от него добивался.

Машинка начала новый абзац: «внутри корабля...»

— Отключите его, профессор,— попросил Марми.

Хоскинс потирал руки от удовольствия.

— Когда я получу переработанный вариант?

— Какой вариант?— холодно спросил тот.

— Обезьяний. Сами же говорили...

— Да, говорил. Для этого я и привел вас сюда. Этот крошка Ролло, он машина, холодная, бесчувственная логическая машина.

— Ну и что?

— А то, что хороший писатель не машина. Он пишет не умом, а сердцем. Сердцем.— Марми несколько раз стукнул себя в грудь.

Хоскинс застонал.

— Что вы со мной делаете, Марми? Если вы опять заведете свою песню о душе и сердце писателя, я просто не выдержу, меня вырвет прямо здесь, сию же минуту. Давайте придерживаться обычной формулы: «Ради денег я напишу что угодно».

— Одну минуту,— сказал Марми.— Послушайте. Крошка Ролло поправил Шекспира. Вы сами указали на это. Крошка Ролло хотел, чтобы Шекспир сказал: «против роя смут». И он был прав с его машинной точки зрения. «На море смут» в данных обстоятельствах выступает как смешанная метафора. А вам не кажется, что Шекспир тоже это знал? Шекспир просто знал, когда нарушать правила, вот и все. Крошка Ролло— машина, которая правил нарушать не может. А хороший писатель может и должен. «Море смут» производит большее впечатление, в этом есть некая раскатистость и мощь. А то, что метафора смешанная,— пустяки, черт с ним.

Далее. Велев мне сменить место действия, вы руководствовались механическим правилом для поддержания напряженности повествования, поэтому, разумеется, крошка Ролло согласен с вами. Но я-то знаю, что обязан нарушать правила, чтобы не снизить глубокого эмоционального воздействия концовки, какой я ее вижу. В противном случае у меня получается механическая продукция, которую в состоянии выдать и компьютер.

— Но ведь...— начал было Хоскинс.

— Давайте голосуйте за механическое! Скажите еще, что мечтаете стать таким редактором, как крошка Ролло!

— Ладно, Марми,— с дрожью в голосе сказал Хоскинс,— я возьму рассказ в его нынешнем виде. Нет, не давайте его мне, пришлите почтой.

Он нахлобучил шляпу и повернулся, готовый уйти. Торгессон крикнул ему вслед:

— Пожалуйста, никому не рассказывайте о крошке Ролло!

Из-за хлопнувшей двери донеслось в ответ:

— Вы что, думаете, я сошел с ума?

Удостоверившись, что Хоскинс ушел, Марми довольно потер руки.

— Великая вещь мозги,— сказал он и до упора вдавил палец в висок.— С каким удовольствием я продал этот рассказ, профессор. Эта сделка стоит всех предыдущих, вместе взятых.

Он весело плюхнулся в ближайшее кресло. Торгессон посадил крошку Ролло себе на плечо.

— И все же, Мармадьюк,— мягко спросил он,— как бы вы поступили, если б крошка Ролло напечатал вместо своей версии вашу?

По лицу Марми пробежала грустная тень.

— Черт возьми,— сказал он,— как раз этого я и опасался!

Перевели с английского
Владимир ПОСТНИКОВ и Андрей ШАРОВ.

Айзек АЗИМОВ,

американский ученый-биолог
и писатель-фантаст

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

УРОДЛИВЫЙ МАЛЬЧУГАН

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Перевела с английского
С. ВАСИЛЬЕВА

Как всегда, прежде чем открыть тщательно запертую дверь, Эдит Феллоуз поправила свой рабочий халат и только после этого переступила ту невидимую линию, которая отделяла реальный мир от несуществующего. При ней была ее записная книжка и авторучка, хотя она с некоторого времени не вела больше систематических записей и прибегала к ним только в случае крайней необходимости.

На этот раз она несла с собой чемодан. («Это игры для мальчиков»,— улыбнувшись, объяснила она охраннику, который давным-давно уже перестал задавать ей какие бы то ни было вопросы и лишь махнул рукой, пропуская ее.)

И, как всегда, уродливый мальчуган сразу почувствовал ее присутствие и плача бросился ей навстречу.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз,— бормотал он, произнося слова мягко и слегка невнятно, в свойственной одному ему манере.

— Что случилось, Тимми? — спросила она, проводя рукой по его заросшей густыми космами коричневых волос бесформенной головке.

— Джерри вернется, чтобы опять играть со мной? Мне очень совестно за то, что произошло.

— Не думай больше об этом, Тимми. Из-за этого ты и плачешь?

Он отвернулся.

— Не совсем, мисс Феллоуз. Дело в том, что я опять видел сон.

— Опять тот же сон? — Мисс Феллоуз стиснула зубы.

Конечно же, эта история с Джерри не могла не вызвать у мальчика старое сновидение.

Он кивнул, пытаясь улыбнуться, и его широко растянувшиеся, выдающиеся вперед губы обнажили слишком большие зубы.

— Когда же я наконец достаточно подрасту, чтобы выйти отсюда, мисс Феллоуз?

— Скоро,— мягко ответила она, чувствуя, как сжимается ее сердце,— скоро.

Мисс Феллоуз позволила Тимми взять себя за руку и с удовольствием ощутила теплое прикосновение грубой сухой кожи его ладони. Он повел ее через комнаты, которые составляли Первую секцию «Стасиса», комнаты, несомненно, достаточно комфортабельные, но тем не менее являвшиеся для семилетнего (семилетнего ли?) уродца местом вечного заключения.

Он подвел ее к одному из окон, выходивших на покрытую низкорослым кустарником лесистую местность.

Он прижался носом к оконному стеклу.

— Я смогу выйти туда, мисс Феллоуз?

— Ты увидишь места гораздо лучше, красивее, чем эти,— грустно ответила она, глядя на несчастное лицо маленького заключенного, отраженное в профиль на оконном стекле.

Это был невероятно уродливый мальчик, и Эдит Феллоуз очень любила его.

Губы ее задрожали: она могла позволить себе сейчас такую роскошь, так как ее собственное лицо находилось вне поля зрения ребенка.

Нет, они не убьют его. Она пойдет на все, чтобы воспрепятствовать этому. На все. Она открыла чемодан и начала вынимать находившуюся в нем одежду.

* * *

Эдит Феллоуз впервые переступила порог акционерного общества «Стасис Инкорпорейтэд» немногим более трех лет назад. Тогда у нее не было ни малейшего представления о том, что крылось за этим названием. Впрочем, этого в то время не знал никто, за исключением тех, кто там работал. И действительно, ошеломляющее известие потрясло мир только на следующий день после ее поступления. А незадолго до этого они дали лишь лаконичное объявление, в котором приглашали на работу женщину, обладающую знаниями в области физиологии, опытом в медицинской химии и любящую детей. Эдит Феллоуз работала сестрой в родильном отделении и посему пришла к выводу, что отвечает всем этим требованиям.

Джеральд Хоскинс, доктор физических наук, о чем свидетельствовала укрепленная на его письменном столе пластинка, потер щеку большим пальцем и принялся внимательно ее разглядывать.

Инстинктивно сжавшись, мисс Феллоуз почувствовала, что у нее начинает подергиваться лицо (ее лицо, с его слегка асимметричным носом и, пожалуй, слишком густыми бровями).

«Сам-то он отнюдь не красавец, с обидой подумала она: лысеет, начинает полнеть, да вдобавок выражение губ у него какое-то угрюмое, замкнутое...» Но так как сумма, предложенная за работу, оказалась значительно выше той, на которую она рассчитывала, мисс Феллоуз решила не торопиться с выводами...

— Итак, вы действительно любите детей? — спросил Хоскинс.

— В противном случае я не стала бы притворяться.

— А может быть, вы любите только хорошеньких детей? Этаких прелестных сюсюкающих херувимчиков с крошечными носиками?

— Дети всегда остаются детьми, доктор Хоскинс,— ответила мисс Феллоуз,— и случается, что именно некрасивые дети больше других нуждаются в поддержке.

— Предположим, что мы возьмем вас...

— Вы хотите сказать, что согласны нанять меня?

На его широком лице мелькнула улыбка, придав ему на какой-то миг странную привлекательность.

— Я быстро принимаю решения,— сказал он.— Пока что я еще ничего не предлагаю вам и вполне могу отпустить вас ни с чем. А сами-то вы готовы принять мое предложение?

Стиснув руками сумочку, мисс Феллоуз со всей быстротой, на которую она была способна, стала подсчитывать в уме те выгоды, которые сулила ей новая работа, но, повинуясь внезапному импульсу, отбросила вдруг все расчеты.

— Да.

— Прекрасно. Сегодня вечером мы собираемся пустить «Стасис» в ход, и я думаю, что вам следует присутствовать при этом, чтобы сразу же приступить к своим обязанностям. Это произойдет в восемь часов вечера, и я надеюсь, что увижу вас здесь в семь тридцать.

— Но что...

— Ладно, ладно. Пока все.

По сигналу вошла улыбающаяся секретарша и проводила ее из кабинета.

Когда ровно в половине восьмого она снова пришла сюда, то с удивлением заметила, что ей не понадобилось ничего о себе сообщать. Все те, кто попадался ей на пути, как мужчины, так и женщины, казалось, отлично знали не только, кто она, но и характер ее будущей работы. Ее немедленно провели внутрь здания.

Она находилась на балконе, с которого открывался вид на обширную шахту, заполненную какими-то приборами, представлявшими собой на первый взгляд нечто среднее между пультом управления космического корабля и контрольной панелью электронно-счетной машины.

В другой части шахты высились перегородки, служившие стенами для лишенной потолка квартиры. Это был как бы гигантский кукольный домик, внутреннее убранство которого просматривалось как на ладони с того места, которое заняла мисс Феллоуз.

Ей ясно были видны стоявшие в одной из комнат электронная плита и холодильная установка, и расположенное в другом помещении оборудование ванной. А предмет, который ей удалось рассмотреть в третьей комнате, мог быть только частью кровати, маленькой кровати...

Хоскинс разговаривал с каким-то мужчиной. Вместе с мисс Феллоуз на балконе их было трое. Хоскинс не представил ей незнакомца, и мисс Феллоуз оставалось лишь исподтишка разглядывать его.

— Я отнюдь не собираюсь, доктор Хоскинс, делать вид, что мне все это понятно,— говорил он.— Я хочу сказать, что понимаю кое-что лишь в тех пределах, которые доступны достаточно интеллигентному неспециалисту. Но, даже учитывая границы моей компетенции, я хочу заметить, что одна сторона проблемы мне менее ясна, чем другая. Я имею в виду выборочность. Вы в состоянии проникнуть очень далеко; допустим, что это понятно. Чем дальше вы продвигаетесь, тем туманнее, расплывчатее становятся объекты, что требует большей затраты энергии. Хорошо. Но в то же время вы не можете достичь более близкого. В этом-то и кроется для меня загадка.

— Если вы позволите мне воспользоваться аналогией, Девеней, я постараюсь представить вам проблему в таком свете, чтобы она казалась менее парадоксальной.

Проскользнувшее в разговоре имя незнакомца, помимо ее воли, произвело на мисс Феллоуз впечатление, и ей тут же стало ясно, кто он. Это, видимо, был сам Кандид Девеней, писавший для телевизионных новостей очерки на научные темы, тот Кандид Девеней, личным присутствием которого были отмечены все крупнейшие события в научном мире.

— Если вы считаете, что это поможет, то почему бы вам и не воспользоваться аналогией? — спросил Девеней.

— Ну, хорошо. Итак, вам, конечно, известно, что вы не в состоянии читать книгу со шрифтом обычного формата, если эта книга находится от вас на расстоянии шести футов, но это сразу же становится возможным, как только расстояние между вашими глазами и книгой сократится до одного фута. Как вы видите, в данном случае пока действует правило: чем ближе, тем лучше. Но ес-

ли вы приблизите книгу настолько, что между нею и вашими глазами останется всего лишь один дюйм, вы снова потеряете способность читать ее. Отсюда вам должно быть ясно, что существует такое препятствие, как слишком большая близость.

— Хм,— произнес Девеней.— Вы разрешите использовать это в моем рассказе?

— Пожалуйста. Я только буду рад, ведь я достаточно долго ждал кого-нибудь вроде вас. Я дам все необходимые вам сведения. Наконец-то наступило время, когда мы можем разрешить всему миру заглянуть через наше плечо. И мир кое-что увидит.

Мисс Феллоуз поймала себя на том, что вопреки собственному желанию восхищается его спокойствием и уверенностью. В нем угадывалась огромная сила.

— Каков предел ваших возможностей? — спросил Девеней.

— Сорок тысяч лет.

У мисс Феллоуз перехватило дыхание.

— Лет?!

Казалось, сам воздух застыл в напряжении. Люди у приборов управления почти не двигались. Кто-то монотонно бросал в микрофон короткие фразы, смысл которых мисс Феллоуз не могла уловить.

Перегнувшись через перила балкона, Девеней внимательно всматривался в то, что происходило внизу.

— Мы увидим что-нибудь, доктор Хоскинс? — спросил он.

— Что вы сказали? Нет, мы ничего не увидим до тех пор, пока все не свершится. Мы обнаруживаем объект косвенно, как бы по принципу радарной установки, с той разницей, что вместо электромагнитных волн предпочитаем пользоваться мезонами. При наличии соответствующих условий мезоны возвращаются, причем некоторая часть их отражается от каких-либо объектов, и наша задача состоит в исследовании характера этих отражений.

— Должно быть, это довольно трудная задача.

На лице Хоскинса промелькнула улыбка.

— Перед вами результат пятидесяти лет упорных исканий. Лично я занялся этой проблемой десять лет назад. Да, все это действительно очень нелегко.

Человек у микрофона поднял руну.

— Уже несколько недель мы фиксируем один определенный момент, удаленный от нас во времени, причем мы то прекращаем опыт, то восстанавливаем заново, предварительно рассчитав наши собственные перемещения во времени, и тем самым еще и еще проверяя нашу способность с достаточной точностью ориентироваться во времени. Теперь это должно сработать безотказно.

Здит Феллоуз вдруг заметила, что она машинально оставила свой стул и тоже стоит у перил, но смотреть пока было не на что.

— Сейчас,— спокойно произнес человек у микрофона.

Наступила тишина, продолжавшаяся ровно столько, сколько требуется времени на один вдох, и из кукольного домика раздался пронзительный вопль смертельно испуганного ребенка.

Ужас! Непередаваемый ужас!

Голова мисс Феллоуз резко повернулась в направлении крика.

А Хоскинс, стукнув кулаком по перилам, голосом, изменившимся и дрожащим от торжества, произнес:

— Сработало.

Подталкиваемая в спину твердой рукой Хоскинса, который не соизволил даже заговорить с ней, мисс Феллоуз спустилась по короткой винтовой лестнице в шахту.

Те, кто до этого момента находился у приборов управления, собрались теперь здесь. Они курили и, улыбаясь, наблюдали за появившейся в главном помещении троицей. Со стороны кукольного домика доносилось слабое жужжание.

— Вхождение в «Статис» не представляет ни малейшей опасности,— обратился Хоскинс к Девенею.— Я сам проделывал это множество раз. На какой-то миг у вас появится странное ощущение, которое не оказывает абсолютно никакого влияния на организм.

Как бы желая продемонстрировать правильность своих слов, он вошел в открытую дверь. Напряженно улыбаясь и почему-то сделав глубокий вдох, за ним последовал Девеней.

— Идите же сюда, мисс Феллоуз! — нетерпеливо воскликнул Хоскинс, поманив ее пальцем.

Мисс Феллоуз кивнула и неловко переступила порог. Ей показалось, что тело ее потрясла какая-то внутренняя дрожь, но как только она очутилась внутри дома, это ощущение полностью исчезло. В доме пахло свежей древесиной и влажной почвой.

Теперь здесь было тихо, во всяком случае, не слышно было больше голоса ребенка, но зато откуда-то раздавалось шарканье ног и шорох, как будто кто-то проводил рукой по дереву. Потом послышался стон.

— Где же он? — в отчаянии воскликнула мисс Феллоуз, «Неужели этим глупцам безразлично, что там происходит?»

Мальчик находился в спальне, или, вернее, в комнате, где стояла кровать.

Он был совершенно обнажен, и его забрызганная грязью грудь неровно вздымалась. Охапка смешанной с грязью жесткой травы рассыпалась по полу у его босых коричневых ног. От нее исходил запах земли с примесью какого-то зловония.

Хоскинс прочел нескрываемый ужас в ее устремленных на ребенка глазах и с раздражением произнес:

— Не было никакой возможности, мисс Феллоуз, вытащить мальчишку чистым из такой глубины веков. Мы вынуждены были захватить для безопасности кое-что из того, что его окружало. А то бы он явился сюда без ноги или части черепа.

— Прошу вас, не надо! — воскликнула мисс Феллоуз, изнемогая от желания прекратить этот разговор. — Почему мы бездействуем? Бедный ребенок испуган. И он грязный.

Она была права. Мальчик был покрыт кусками засохшей грязи и какого-то жира, а его бедро пересекала воспаленная царапина.

Когда Хоскинс приблизился к нему, ребенок, которому на вид было немногим более трех лет, низко пригнулся и быстро отскочил назад. Его верхняя губа оттопырилась, и он издал какой-то странный звук, нечто среднее между ворчанием и кошачьим шипением.

Хоскинс быстрым движением схватил его за руки и оторвал отчаянно кричавшего и извивающегося ребенка от пола.

— Держите его так,— сказала мисс Феллоуз.— Прежде всего ему необходима теплая ванна. Его нужно как следует вымыть. У вас есть здесь все необходимое? Если да, то попросите принести вещи сюда и хотя бы вначале помогите мне с ним управиться. Кроме того, ради всех святых, распорядитесь, чтобы отсюда убрали всю эту грязь и мусор.

Теперь настал ее черед отдавать приказания, и она чувствовала себя в новой роли прекрасно: растерянная наблюдательница уступила место опытной медицинской сестре. Она взглянула на ребенка уже другими глазами, с профессиональной точки зрения,— и на какой-то миг замерла в замешательстве. Грязь, которой он был покрыт, его вопли, извивающееся в тщетной борьбе тело —

все это куда-то отступило. Она рассмотрела самого ребенка.

Это был самый уродливый мальчуган из всех, которых ей приходилось когда-либо видеть. Он был невероятно безобразен от макушки его бесформенной головы до изогнутых колесом ног.

С помощью трех мужчин ей удалось выкупать мальчика. Остальные в это время очистили помещение. Она работала молча, с чувством оскорбленной гордости, раздраженная его ни на минуту не прекращающимися криками и борьбой, а также тем, что мыльная вода промочила насквозь ее платье.

Когда кожа ребенка приняла наконец вполне сносный розовый оттенок и запахла душистым мылом, она, несмотря на все переживания, почувствовала себя лучше. Кричать мальчик уже был не в состоянии; он лишь устало скулил, в то время как его испуганный, настороженный взгляд быстро перебегал с одного лица на другое, не упуская из виду никого из тех, кто находился в комнате. То, что он был теперь чист, только подчеркивало худобу его обнаженного, дрожащего от холода после ванны тела.

— Дайте же наконец ночную рубашку для ребенка! — резко сказала мисс Феллоуз.

В тот же миг откуда-то появилась ночная рубашка. Казалось, что все было подготовлено заранее, однако никто не трогался с места до ее приказа, как будто умышленно оставляя за ней право распоряжаться и тем самым испытывая ее.

— Я подержу его, мисс,— подойдя к ней, сказал Девеней.— Одна вы не справитесь.

— Благодарю вас.

Прежде чем удалось надеть на ребенка рубашку, им пришлось выдержать настоящую битву, а когда мальчик попытался сорвать ее с себя, она сильно ударила его по руке.

Ребенок покраснел, но не заплакал. Он во все глаза уставился на нее, ощупывая неловкими пальцами фланель рубашки, как бы исследуя этот неведомый ему предмет.

«А теперь что?» — в отчаянии подумала мисс Феллоуз.

Все они, даже уродливый мальчуган, замерли, как бы ожидая, что она будет делать дальше.

— Вы позаботились о пище, о молоке?— решительно спросила мисс Феллоуз.

Они предусмотрели и это. В комнату вкатили специальный передвижной агрегат, состоявший из холодильного отделения и нагревательного устройства.

Для начала она взяла одно только молоко. Электронная установка за каких-нибудь десять секунд согрела его до требуемой температуры и автоматически выключилась. Она налила немного молока в блюдце, не сомневаясь в том, что уровень развития ребенка очень низок и он не умеет обращаться с чашкой.

Мисс Феллоуз кивнула мальчику и, обращаясь к нему, произнесла:

— Пей, ну, пей же.— Она жестом показала ему, как поднести блюдце ко рту. Глаза ребенка следили за ее движениями, но он не шевельнулся.

Внезапно она решилась. Схватив мальчика за руку повыше локтя, она опустила свою свободную руку в молоко и затем провела ею по его губам, так что капли жидкости потекли по его щекам и подбородку.

Он отчаянно завопил, но вдруг, умолкнув, начал облизывать свои влажные губы. Мисс Феллоуз отступила назад.

Мальчик приблизился к блюдцу, наклонился к нему, и затем, быстро оглянувшись по сторонам, как бы высматривая притаившегося врага, снова нагнулся к молоку и начал его жадно лакать, как кошка.

Мисс Феллоуз не в силах была до конца скрыть охватившее ее при виде этого чувство, и, видимо, кое-что отразилось на ее лице, потому что Девеней, взглянув на нее, произнес:

— Доктор Хоскинс, а сестра в курсе того, что происходит?

— В курсе чего? — поинтересовалась мисс Феллоуз.

Девеней заколебался, но Хоскинс, по выражению лица которого можно было заподозрить, что все это втайне его забавляет, сказал:

— Ну что ж, можете ей сказать.

— Вы, по всей вероятности, даже не подозреваете, — обратился Девеней к мисс Феллоуз,— что волею случая вы первая в истории цивилизованная женщина, которой приходится ухаживать за ребенком-неандертальцем.

Сдерживая охвативший ее гнев, мисс Феллоуз повернулась к Хоскинсу.

— Вы могли бы предупредить меня заранее, доктор.

— А зачем? Какая вам разница?

— Речь шла о ребенке.

— А разве это не ребенок? У вас когда-нибудь был щенок или котенок, мисс Феллоуз? Неужели в них больше человеческого? А если бы это оказался детеныш шимпанзе, вы бы почувствовали к нему отвращение? Вы медицинская сестра, мисс Феллоуз. Судя по вашим документам, вы работали три года в родильном отделении. Вы когда-нибудь отказывались ухаживать за ребенком-уродом?

Мисс Феллоуз почувствовала, что теряет под собой почву.

— Вы все-таки могли бы сказать мне это раньше,— уже менее решительно произнесла она.

— Для того, чтобы вы вовремя успели отказаться от этой работы? Не следует ли из этого, что вы хотите это сделать теперь?

Он холодно посмотрел ей прямо в глаза. С другого конца комнаты за ними наблюдал Девеней, а маленький неандерталец, покончив с молоком и вылизав начисто блюдце, поднял к ней свое монгольское лицо с широко раскрытыми и о чем-то молящими глазами.

Мальчик жестом указал на молоко, и вдруг из его рта посыпались все время повторяющиеся одни и те же отрывистые гортанные звуки вперемежку с искусным прищелкиванием языка.

— А ведь он говорит! — удивленно воскликнула мисс Феллоуз.

— Конечно,— сказал Хоскинс.— Homo neanderthalensis в действительности является не отдельным видом, а скорее разновидностью Homo sapiens. Так почему бы ему не уметь говорить? Вполне возможно, что он просит еще молока.

Мисс Феллоуз машинально потянулась за бутылкой, но Хоскинс схватил ее за руку.

— А теперь, мисс Феллоуз, прежде, чем вы сделаете еще хоть одно движение, вы должны сказать, остаетесь вы или нет.

Мисс Феллоуз раздраженно высвободила руку.

— А если я уйду, вы что, не собираетесь в этом случае кормить его? Я побуду с ним... некоторое время.

Она налила ребенку молока.

— Мы намереваемся оставить вас здесь с мальчиком, мисс Феллоуз,— сказал Хоскинс.— Это единственный вход в Первую секцию «Стасиса». Дверь тщательно запирается и охраняется снаружи. Я хотел бы, чтобы вы изучили систему замка, который будет, конечно, соответствующе настроен на отпечатки ваших пальцев, так же как он настроен на отпечатки моих собственных. Пространство наверху (он поднял взгляд к несуществующему потолку кукольного домика) охраняется тоже, и мы будем предупреждены в любом случае, если здесь что-либо произойдет.

Мисс Феллоуз в недоумении окинула взглядом кукольный домик.

— А для чего все это, доктор Хоскинс? Разве мальчик представляет собой какую-нибудь опасность?

— Видите ли, мисс Феллоуз, все дело в энергии. Он никогда не должен покидать это помещение. Никогда. Ни на секунду. Ни по какой причине, даже если от этого зависит его жизнь. Даже для того, чтобы спасти вашу жизнь, мисс Феллоуз. Вы поняли меня?

Мисс Феллоуз гордо вскинула голову.

— Я знаю, что такое приказ, доктор Хоскинс.

— Отлично. Вы всегда можете просигнализировать, если вам что-нибудь понадобится.

И двое мужчин покинули «Стасис».

Обернувшись, мисс Феллоуз увидела, что мальчик по-прежнему не спускает с нее настороженного взгляда. Его испуганные глаза ни на секунду не переставали следить за ней, подстерегая малейшее неверное движение. Она вдруг заметила, что инстинктивно пытается успокоить его, медленно приближая руку к его волосам, стараясь, однако, чтобы рука эта была все время в поле его зрения. Тем самым она давала ему понять, что в этом жесте не кроется для него никакой опасности.

И ей удалось погладить его по голове.

Мальчик снова защелкал языком.

— Можно взять тебя за руку?— спросила она.

Она протянула ему обе руки и замерла в ожидании. Рука ребенка медленно двинулась навстречу ее руке.

— Правильно,— кивнула она.

Когда рука мальчика была уже в каком-нибудь дюйме от ее собственных рук, смелость оставила его, и он отдернул свою руку назад.

— Ну что ж,— спокойно сказала мисс Феллоуз,— позже мы попробуем еще раз. Не хочется ли тебе полежать? — Она похлопала рукой по кровати. Но мальчик опустился на голый пол и быстро юркнул под кровать.

Она нагнулась, чтобы взглянуть на него, и из темноты на нее уставились два горящих глаза, и она услышала знакомое прищелкивание.

— Ладно, — сказала она,—если ты чувствуешь себя там в большей безопасности, можешь спать под кроватью.

Она прикрыла дверь спальни и удалилась в самую большую из трех комнат, где для нее была приготовлена койка, над которой по ее требованию натянули временный тент.

* * *

Она никак не могла заснуть, помимо своей воли напрягая слух, чтобы не упустить ни одного звука, который мог раздаться из соседней комнаты. Она убеждала себя в том, что ребенок не в состоянии выбраться из дому, но, несмотря на это, ее грызли сомнения.

А что если мальчик все-таки опасен? Опасен в самом прямом смысле этого слова? Нет, Хоскинс не скрыл бы это от нее, не оставил бы ее с ним одну, если бы...

Она попыталась разубедить себя, внутренне смеясь над своими страхами. Ведь это был всего лишь трех- или четырехлетний ребенок. А что если, когда она заснет, он вздумает напасть на нее, пустив в ход зубы и ногти...

У нее участилось дыхание. Она мучительно напрягла слух, и на этот раз ей удалось уловить какой-то звук.

Мальчик плакал.

Не кричал от страха или злобы, не выл и не визжал, а именно тихо плакал, как убитый горем, глубоко несчастный, одинокий ребенок.

«Бедняжка»,— подумала мисс Феллоуз, и в первый раз с момента встречи с ним сердце ее пронзила острая жалость.

Ведь это был настоящий ребенок, так какое же, по сути дела, значение имела форма его головы? И это был не просто ребенок, а ребенок осиротевший, как ни одно дитя за всю историю человечества. Тысячи лет назад умерли не только его родители, но безвозвратно исчезло все, что его когда-то окружало. Грубо выхваченный из давно ушедшего времени, он был теперь единственным во всем мире существом такого рода. Последним и единственным.

Она почувствовала, как ее все больше охватывает глубокое сострадание и стыд за собственное бессердечие. Она встала с постели и направилась в соседнюю комнату.

— Мальчик, а мальчик!— шепотом позвала она.

Она совсем уж было собралась просунуть под кровать руку, но, сообразив, что он может укусить ее, решила не делать этого. Она зажгла ночник и отодвинула кровать.

Несчастный ребенок, прижав колени к подбородку, комочком свернулся в углу, глядя на нее заплаканными, полными страха глазами.

В полумраке его внешность показалась ей менее отталкивающей.

— Ах ты бедняга, бедняга,— произнесла она, осторожно гладя его по голове, чувствуя, как мгновенно напряглось, а потом постепенно расслабилось его тело.— Бедный мальчуган. Можно мне побыть с тобой?

Она села рядом с ним и начала медленно и ритмично гладить его волосы, щеку, руку, тихо напевая какую-то ласковую песенку.

Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь разглядеть при слабом свете ночника ее губы, как бы заинтересовавшись совершенно новым для него звуком.

Воспользовавшись этим, она притянула его поближе и ласковым, но решительным движением ей удалось постепенно приблизить его голову к своему плечу. Она просунула руку под его ноги и не спеша, плавно подняла его к себе на колени. Снова и снова повторяя все тот же один несложный куплет и не выпуская из рук ребенка, она медленно качалась вперед и назад, баюкая его. Он постепенно успокоился, и вскоре по его ровному дыханию она поняла, что мальчик заснул.

Очень осторожно, стараясь не шуметь, она положила ребенка на кровать. Укрыв спящего, она внимательно посмотрела на него. Во сне его лицо казалось таким мирным, таким ребячьим, что, право же, его безобразие как-то меньше бросалось в глаза.

Она вздохнула и медленно опустилась на кровать рядом с ребенком.

* * *

Проснулась она как от внезапного толчка и с трудом сдержала чуть было не сорвавшийся с ее губ крик ужаса. Мальчик смотрел на нее в упор широко раскрытыми глазами, и ей понадобилось довольно много времени, чтобы вспомнить, как она очутилась в его кровати. Медленно, не отрывая от него взгляда, она спустила на пол сначала одну, потом другую ногу.

Бросив быстрый испуганный взгляд в сторону лишенного покрытия потолка, она напрягла мускулы для последнего решительного движения, собираясь окончательно выбраться из кровати.

Но в этот момент мальчик, вытянув руку, коснулся ее губ своими, похожими на обрубки, пальцами и что-то произнес.

Это прикосновение заставило ее отпрянуть. При дневном освещении он был непередаваемо безобразен.

Мальчик опять повторил какую-то фразу, а затем, открыв широко рот, движением руки попытался показать, будто что-то вытекает у него изо рта.

Мисс Феллоуз задумалась, стараясь отгадать значение этого жеста, и вдруг взволнованно воскликнула:

— Ты хочешь, чтобы я пела?

Мальчик молча продолжал смотреть на ее губы.

Несколько фальшивя от напряжения, мисс Феллоуз начала ту самую песенку, что пела ему накануне ночью, и маленький уродец улыбнулся, неуклюже раскачиваясь в такт музыке и издавая при этом какой-то булькающий звук, который можно было истолковать как смех.

— Подожди немного,— сказала она,— дай мне привести себя в порядок, это займет не больше минуты. А потом я приготовлю тебе завтрак.

Приготовление овсяной каши было делом нескольких секунд, и, когда еда была на столе, она поманила его рукой.

Неизвестно, понял ли он значение ее жеста или же его привлек запах пищи, но мальчик тут же слез с кровати.

Она попыталась показать ему, как пользоваться ложкой, но он в страхе отпрянул от нее. «Ничего, у нас впереди еще много времени»,— подумала она. Но настояла на том, чтобы он руками поднял миску ко рту. Он повиновался, но действовал так неловко, что страшно испачкался, хотя большая часть каши все-таки попала по назначению.

К ее удивлению, освоение туалета оказалось более простой задачей, что принесло ей немалое облегчение. На этот раз он довольно быстро понял, чего она ждет от него. Она поймала себя на том, что гладит его по голове, приговаривая:

— Вот это хороший мальчик, вот это умница!

И ребенок улыбнулся ей, доставив ей тем самым неожиданное удовольствие.

В тот же день после полудня прибыли представители прессы. Пока они устанавливали в дверях свою аппаратуру, она взяла мальчика на руки, и он тесно прижался к ней. Суета испугала его, и он громко заплакал, но, несмотря на это, прошло не менее десяти минут, пока ей разрешили унести ребенка в соседнюю комнату.

Она вскоре вернулась, покраснев от возмущения, и в первый раз за восемнадцать часов вышла из домика, плотно закрыв за собой дверь.

— Я думаю, что с вас на сегодня хватит. Теперь мне понадобится бог знает сколько времени, чтобы успокоить его. Уходите.

— Ладно, ладно, — произнес джентльмен из «Таймс геральд». — А это действительно неандерталец или какое-нибудь жульничество?

— Уверяю вас, что это не мистификация,— раздался откуда-то сзади голос Хоскинса.— Ребенок — настоящий Homo neanderthalensis.

— Это мальчик или девочка?

— Это мальчик-обезьяна,— вмешался джентльмен из «Ньюс».— Нам сейчас показывают не что иное, как мальчика-обезьяну. Как он себя ведет, сестра?

— Он ведет себя точно так же, как любой другой маленький мальчик,— отрезала мисс Феллоуз, чье раздражение заставило ее стать на защиту ребенка,— и он вовсе не мальчик-обезьяна. Его зовут... Тимоти, Тимми, и он абсолютно нормален в своих действиях.

Имя Тимоти было выбрано ею совершенно случайно: оно просто первым пришло ей в голову...

— Тимми — мальчик-обезьяна,— изрек джентльмен из «Ньюс», и, как оказалось впоследствии,

именно под этой кличкой ребенок впервые стал известен всему миру.

— Скажите, док, что вы собираетесь делать с этой обезьяной?— спросил, обращаясь к Хоскинсу, джентльмен из «Глоба».

Хоскинс пожал плечами.

— Видите ли, моя первоначальная задача заключалась в том, чтобы доказать возможность перенесения его в наше время. Однако я полагаю, что он заинтересует антропологов и физиологов. Ведь перед нами находится существо, по своему развитию стоящее на грани между животным и человеком. Нам представляется возможность узнать многое о нас самих и о наших предках.

— Как долго намерены вы держать его здесь?

— Столько времени, сколько нам понадобится на его изучение, плюс еще какой-то период после завершения исследований. Не исключено, что на это потребуется значительный отрезок времени.

— Не могли бы вы вывести его из дома? В этом случае нам удалось бы установить телевизионную аппаратуру и состряпать настоящее зрелище.

— Очень сожалею, но ребенок не может покинуть пределы «Стасиса».

— А что такое «Стасис»?

— Боюсь, джентльмены, что объяснение займет слишком много времени. — Хоскинс позволил себе улыбнуться.— А вкратце суть дела заключается в том, что время, каким мы его себе представляем, в «Стасисе» не существует. Эти комнаты как бы покрыты невидимой оболочкой и не являются в полном смысле частью нашего мира. Именно благодаря этому и удалось извлечь, так сказать, ребенка из времени.

— Постойте-ка,— перебил джентльмен из «Ньюс», которого явно не удовлетворило объяснение Хоскинса,— что это вы там болтаете? Ведь сестра свободно входит и выходит из помещения.

— Это может сделать любой из вас,— небрежно ответил Хоскинс.— Вы будете двигаться параллельно временны́м силовым линиям, и это не повлечет за собой сколько-нибудь значительной потери или притока энергии. Ребенок же был доставлен сюда из далекого прошлого. Его движение происходило поперек силовых линий, и он получил временно́й потенциал. Для того, чтобы переместить его в наш мир, в наше время, потребуется израсходовать всю накопленную энергию, а также, возможно, и все запасы энергии города Вашингтона. Мы были вынуждены сохранить доставленный сюда вместе с мальчиком мусор, и нам придется лишь постепенно удалять его отсюда.

— Вы сможете дать сегодня вечером интервью? — спросил представитель «Таймс геральд». — Оно будет передаваться по всем каналам.

— Думаю, что смогу,— быстро ответил Хоскинс.

На следующее утро Хоскинс сиял от торжества.

— Интервью прошло удачно?— спросила мисс Феллоуз.

— Исключительно удачно. А как поживает... Тимми?

Услышав, что он назвал мальчика по имени, мисс Феллоуз была приятно удивлена.

— Все в порядке. Иди сюда, Тимми, это добрый дядя, он тебя не обидит.

Но Тимми не пожелал выйти из другой комнаты, и из-за двери виднелся только пучок его спутанных волос да время от времени робко показывался один блестящий глаз.

— Мальчик удивительно быстро привыкает к обстановке, право же, он весьма сообразителен.

— Вас это удивляет?

— Да. Боюсь, что вначале я приняла его за детеныша обезьяны,— секунду поколебавшись, ответила она.

— Кем бы он ни был, а пока что он очень много для нас сделал. Ведь он создал славу «Стасис Инкорпорейтэд». Мы теперь на коне, мисс Феллоуз, да, мы на коне.

Видимо, ему не терпелось поделиться с кем-нибудь своим торжеством, пусть даже с ней, с мисс Феллоуз.

— Каким же образом удалось ему это сделать? — спросила мисс Феллоуз, тем самым давая Хоскинсу возможность высказаться.

Засунув руки в карманы, Хоскинс продолжал:

— Десять лет мы работали, имея в своем распоряжении крайне ограниченные средства, добывая где только можно буквально по пенсу. На осуществление этого эксперимента пошли средства, ассигнованные на другие цели. Их мы использовали без разрешения. Если бы опыт не удался, со мною было бы покончено.

— Поэтому-то у домика нет потолка?— прервала его мисс Феллоуз.

— Что вы сказали?— переспросил Хоскинс.

— Вам не хватило денег на потолок?

— А! Видите ли, это не было единственной причиной. По правде говоря, мы не в состоянии были угадать точный возраст неандертальца. Наши возможности четкого определения особенностей объекта, столь удаленного во времени, пока ограничены, и он вполне мог оказаться существом огромного роста и дикого нрава, а в этом случае нам пришлось бы общаться с ним на расстоянии, как с посаженным в клетку животным.

— Но, поскольку ваши опасения не оправдались, вы могли бы теперь достроить потолок.

— Теперь — да. У нас теперь много денег. Нам обещаны средства из любого возможного источника. Все это великолепно, мисс Феллоуз.— Улыбка не сходила с его широкого лица.

* * *

За протекшие с того дня месяцы мисс Феллоуз все больше и больше начинала чувствовать себя неотъемлемой частью акционерного общества «Стасис Инкорпорейтэд». Ей был предоставлен отдельный маленький кабинет, на двери которого красовалась табличка с ее именем и который находился довольно близко от кукольного домика (как она продолжала называть камеру «Стасиса»). Ей теперь платили намного больше, чем вначале, а у кукольного домика был наконец достроен потолок и улучшено внутреннее оборудование.

Мисс Феллоуз привыкла к Тимми настолько, что все меньше и меньше замечала его безобразие.

Но вот к чему мисс Феллоуз никак не могла привыкнуть, так это к своему участию в научном эксперименте. Несмотря на все усилия, она все больше чувствовала себя лично связанной со всем происходящим, и дело подчас доходило до прямых стычек с физиологами.

Однажды, спустившись к ним, Хоскинс нашел ее в таком гневе, что, казалось, она способна была в тот момент совершить убийство. Они не имели права, они не имели п р а в а! Даже если это неандерталец, все равно это человек, а не животное.

Она следила за ними через открытую дверь, почти ослепнув от охватившей ее ярости, прислушиваясь к всхлипываниям Тимми. Вдруг она заметила стоявшего рядом Хоскинса. Возможно, что он уже давно находился здесь.

— Можно войти? — спросил он.

Коротко кивнув, она поспешила к Тимми, который тесно прижался к ней, обвив ее своими маленькими и все еще такими худыми ручками.

— Я решительно заявляю, доктор Хоскинс, что они не имеют права проделывать это над Тимми. Вы когда-то сказали мне, что именно появление Тимми дало жизнь «Стасису». Если вы чувствуете хоть каплю благодарности, вы должны избавить беднягу от этих людей, по крайней мере до той поры, пока он не подрастет настолько, что начнет хоть немного больше понимать. После их манипуляций он не может спать, его душат кошмары. Я предупреждаю вас, что я их больше сюда не впущу! (До ее сознания дошло, что под конец она перешла на крик, но она уже была не в состоянии совладать с собой.)

— Я знаю, что он неандерталец,— уже более спокойно продолжала она,— но мы их во многом недооцениваем. Я читала о неандертальцах. У них была своя культура, и некоторые из величайших человеческих открытий были сделаны именно в их эпоху, как, например, одомашнивание животных, изобретение колеса и различных типов каменных жерновов. У них, несомненно, были даже и духовные потребности, что видно из того, что при погребении они клали вместе с умершим его личные вещи, следовательно, они верили в загробную жизнь. А отсюда можно предположить, что они создали какую-то религию. Неужели это не дает Тимми права на человеческое отношение?

Она ласково похлопала мальчика по спине и отослала его играть в комнату. Когда открылась дверь, взору Хоскинса представилось огромное количество находившихся там игрушек. Он улыбнулся.

— Несчастный ребенок заслужил эти игрушки,— поспешно занял оборонительную позицию, сказала мисс Феллоуз.— Это все, что у него есть, и он зарабатывает их теми мучениями, которым его здесь подвергают.

— Нет, нет, уверяю вас, я ничего не имею против этого. Я только подумал о том, как изменились вы сами с того первого дня, когда вы были весьма недовольны тем, что я подсунул вам неандертальца.

— Мне кажется, что я не была до такой уж степени недовольна,— тихо возразила мисс Феллоуз.

— Как вы считаете, мисс Феллоуз, сколько ему может быть лет? — переменил тему Хоскинс.

— Я не могу вам этого сказать с достаточной точностью, так как мы не знаем, как развивались неандертальцы,— ответила мисс Феллоуз.— Если исходить из его роста, то ему не более трех лет, а если учесть, что над ним сейчас проделывают, то он, быть может, и вовсе перестал расти. По тому же, как ему дается английский язык, можно заключить, что ему больше четырех.

— Это правда? Я что-то не заметил в докладах ни слова о том, что он учится говорить.

— Он не станет говорить ни с кем, кроме меня, во всяком случае, в настоящее время. Он всех ужасно боится, и это не удивительно. Он может, например, попросить определенную пищу, практически он в состоянии выразить любое свое желание и понимает почти все, что я говорю ему. Впрочем, не исключено, что его развитие приостановится. (Произнося последнюю фразу, мисс Феллоуз напряженно следила за выражением лица Хоскинса, стараясь определить, насколько вовремя коснулась она этого вопроса.)

— Почему?

— Каждому ребенку нужна определенная стимуляция, а Тимми живет здесь, как в одиночном заключении. Я делаю для него все, что в моих силах, но ведь я не все время нахожусь подле него, а кроме того, я не в состоянии дать ему все, в чем он нуждается. Я хочу сказать, доктор Хоскинс, что ему необходимо играть с другим мальчиком.

Хоскинс медленно наклонил голову.

— К сожалению, у нас имеется всего лишь один такой ребенок. Бедное дитя.

Услышав это, мисс Феллоуз сразу смягчилась:

— Ведь вы любите Тимми, не правда ли?—Было так приятно сознавать, что еще кто-то испытывает к ребенку теплые чувства.

— О да,— ответил Хоскинс, на секунду теряя самоконтроль, и за этот краткий миг ей удалось заметить в его глазах усталость.

Мисс Феллоуз тут же оставила намерение довести свой план до конца.

— Вы выглядите очень утомленным, доктор Хоскинс,— с искренним участием произнесла она.

— Вы так думаете? Мне придется сделать над собой усилие, чтобы иметь более бодрый вид.

— Мне кажется, что бурная деятельность «Стасис Инкорпорейтэд» не дает вам ни минуты покоя.

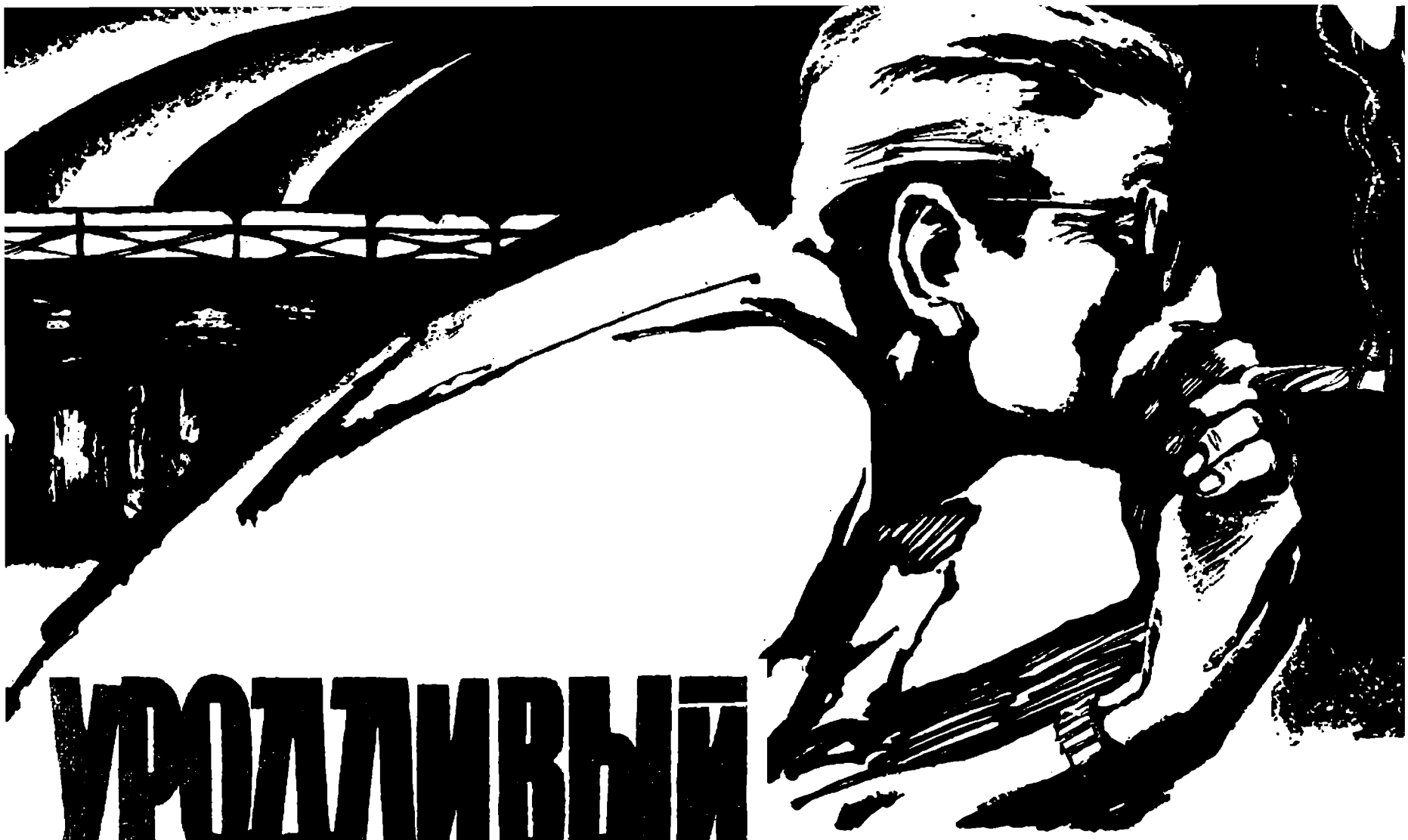
— Вы правы. В этом повинны еще животные, растения и минералы. Кстати, мисс Феллоуз, вы, наверное, еще не видели наши экспонаты?

— По правде говоря, нет... Но вовсе не потому, что это меня не интересует. Я ведь была очень занята все это время.

— Ну, теперь-то вы уже более свободны,— повинуясь какому-то внезапно принятому решению, сказал Хоскинс. — Я зайду за вами завтра утром, в одиннадцать, и сам все покажу вам. Вас это устраивает?

— Вполне, доктор Хоскинс, я буду очень рада,— улыбнувшись, ответила она.

(Окончание в следующем номере.)



УРОДЛИВЫЙ МАЛЬЧУГАН

Айзек АЗИМОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Окончание. Начало см. № 8.

Обаятельный и улыбающийся, Хоскинс явился на следующий день точно в назначенное время. Она поспешила попрощаться с Тимми, пообещав ему, что скоро вернется, и еще раз убедившись в том, что он знает, что такое завтрак и где он находится.

Хоскинс повел ее в новое крыло здания, где она до сих пор ни разу не была.

— Животное, растения и минералы,— снова, как накануне, произнес Хоскинс.— Животное находится здесь — это наиболее живописный из наших экспонатов.

Вся внутренняя часть здания была разделена на несколько помещений, каждое из которых представляло собой камеру «Стасиса». Хоскинс подвел ее к смотровому стеклу одной из них, и она заглянула внутрь. Существо, представившееся ее взору, показалось ей вначале чем-то вроде покрытой чешуей хвостатой курицы. Покачивалась на двух тощих лапках, оно бегало по камере, быстро поворачивая из стороны в сторону изящную птичью голову, увенчанную напоминающим петушиный гребень костным наростом. Пальцеобразные отростки коротких передних конечностей непрерывно сжимались и разжимались.

— Это наш динозавр,— сказал Хоскинс.— Он находится здесь уже несколько месяцев, и я не знаю, когда мы сможем расстаться с ним.

— Динозавр?

— А вы ожидали увидеть гиганта?

На ее щеках появились ямочки.

— Мне кажется, что некоторые именно так их себе и представляют. Я знаю, что существовали динозавры небольшого размера.

— Уверяю вас, что мы старались достать именно маленького динозавра. Как правило, он все время подвергается исследованиям, но сейчас, по-видимому, ему дали передышку. С его помощью удалось сделать кое-какие интересные открытия. Так, например, он не является полностью хладнокровным животным. Он обладает способностью, правда несовершенной, поддерживать внутреннюю температуру тела выше температуры окружающей среды. К сожалению, это самец. С того самого времени, когда он появился здесь, мы не прекращаем попыток зафиксировать другого динозавра, который может оказаться самкой, но до сих пор нам с этим не везло.

— А для чего нужна именно самка?

В глазах его промелькнула откровенная насмешка.

— В этом случае мы могли бы надеяться получить оплодотворенные яйца, а следовательно, и детеныша динозавра.

— Ах, да.

Он повел ее к отделению трилобитов.

— Это профессор Дуэйн из Вашингтонского университета,— сказал Хоскинс.— Он специалист по ядерной химии. Если мне не изменяет память, он занимается определением изотопного состава кислорода воды.

— С какой целью?

— Это доисторическая вода; во всяком случае, возраст ее исчисляется по крайней мере полумиллиардом лет. Изотопный состав позволяет определить температуру океана, какой она была в ту эпоху. Самого Дуэйна трилобиты не интересуют, их анатомированием занимаются другие ученые. Им повезло, ведь им нужны только скальпели и микроскопы, тогда как Дуэйну приходится для каждого опыта устанавливать сложный масс-спектрограф.

— Но почему же? Разве он не может?..

— Нет, не может. Ему нельзя ничего выносить из этого помещения до тех пор, пока существует хоть какая-то возможность избежать этого.

Здесь были также собраны образцы первобытной растительности и обломки скал — это и были растения и минералы, о которых ранее упоминал Хоскинс. У каждого экспоната имелся свой исследователь. Все это напоминало музей, оживший музей, ставший центром активной научной деятельности.

— И все это находится под вашим непосредственным руководством, доктор Хоскинс?

— О нет, мисс Феллоуз, слава богу, в моем распоряжении большой штат сотрудников. Меня интересует только теоретическая сторона вопроса: сущность Времени, техника мезонного обнаружения удаленных во времени объектов и так далее. Все это я охотно променял бы на метод обнаружения объектов, удаленных во времени менее чем на десять тысяч лет. Если бы нам удалось проникнуть в историческую эпоху...

Его прервал какой-то шум у одной из отдаленных камер, откуда донесся до них чей-то высокий раздраженный голос. Хоскинс нахмурился и, коротко извинившись, поспешно направился туда, откуда неслись эти звуки.

Со всей быстротой, на которую она была способна, мисс Феллоуз почти бегом бросилась за ним.

— Неужели вы не можете понять, что мне необходимо было закончить очень важную часть моих исследований? — крикливо вопрошал пожилой мужчина, с красным, обрамленным жидкой бородкой лицом.

Одетый в форму служащий, на лабораторном халате которого были вышиты буквы С. И. («Стасис, Инкорпорейтэд»), сказал, обращаясь к Хоскинсу:

— Профессор Адемевский с самого начала был поставлен в известность, что этот экспонат будет находиться здесь только две недели.

— Я тогда еще не знал, сколько времени займут мои исследования, я не пророк! — возбужденно выкрикнул Адемевский.

— Вы ведь понимаете, профессор, что мы располагаем весьма ограниченным пространством,— сказал Хоскинс.— Поэтому мы вынуждены время от времени менять имеющиеся у нас образцы. Этот обломок халькопирита должен вернуться туда, откуда он к нам прибыл. Ученые ждут новых экспонатов.

— Почему же я не могу получить его в личное пользование? Разрешите мне унести его отсюда.

— Вы знаете, что это невозможно.

— Вам жалко отдать мне кусок халькопирита, этот несчастный пятимилограммовый обломок? Но почему?

— Нам не по карману связанная с этим утечка энергии! — раздраженно воскликнул Хоскинс.— И вам это отлично известно.

— Дело в том, доктор Хоскинс,— прервал его служащий,— что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой, и я чуть было не прорвал «Стасис», не зная, что он в это время находился внутри.

На мгновение все умолкли. Повернувшись к ученому, Хоскинс холодно спросил:

— Это правда, профессор?

Адемевский неловко кашлянул.

— Видите ли, я не думал, что это нанесет какой-либо ущерб...

Хоскинс протянул руку и дернул за шнур, свободно висевший на наружной стене камеры, о которой в данный момент шла речь.

У мисс Феллоуз, которая как раз в это время разглядывала этот ничем не примечательный, но вызвавший столь горячий спор кусок камня, перехватило дыхание: на ее глазах камень мгновенно исчез. Камера была пуста.

— Я очень сожалею, профессор,— сказал Хоскинс,— но выданное вам разрешение на исследование различных объектов, находящихся в «Стасисе», аннулируется навсегда.

И он демонстративно отвернулся от пытавшегося было протестовать профессора и все еще бледный от гнева сказал, обращаясь к мисс Феллоуз:

— Вы не откажетесь позавтракать со мной?

• • •

Он провел ее в ту часть кафетерия, которая была отведена для членов администрации.

— Доктор Хоскинс, у вас часто случаются подобные неприятности? — спросила она, взяв вилку и принимаясь за еду.

— Нет,— с усилием ответил Хоскинс,— такое произошло впервые.

— Мне помнится, что вы однажды говорили о том, что с этим связан большой расход энергии.

— Совершенно верно. За каких-нибудь полсекунды мы могли бы потерять годовой запас энергии. А ущерб, нанесенный нашим средствам потерей такого количества энергии, заставил бы нас на долгие годы отложить дальнейшее претворение в жизнь планов проникновения в глубины времени. Что же касается профессора, то он отправился бы прямо в плиоцен вместе с исчезнувшим куском камня и очутился бы там именно в то самое время, из которого мы этот камень извлекли, плюс те две недели, что он находился у нас.

— Как это было бы ужасно!

— Уверяю вас, что судьба самого профессора меня мало беспокоит: если он был настолько глуп, чтобы совершить подобный поступок, то туда ему и дорога, это послужило бы ему хорошим уроком. Но вы только представьте себе, какое это произвело бы впечатление на публику, если бы факт его исчезновения стал широко известен. Достаточно только людям узнать, что нашим опытам сопутствует столь большая опасность, как нас мгновенно лишат средств.

Хоскинс выразительно щелкнул пальцами и принялся мрачно ковырять вилкой стоявшую перед ним еду.

— А вы не могли бы вернуть его назад? — спросила мисс Феллоуз.— Тем же способом, каким вы вначале получили этот камень?

— Нет, потому что, как только предмет отправляется обратно, он уже больше не фиксируется, если только дальнейшая связь с ним не предусматривается заранее, а в данном случае у нас не было никаких для этого оснований.

— Скажите, а... не влияет ли на ход истории подобное перемещение объектов из прошлого в настоящее время и обратно? — спросила мисс Феллоуз.

Хоскинс пожал плечами.

— Если подходить к этому с точки зрения теории, то на ваш вопрос можно ответить утвердительно, но в действительности, если исключить из ряда вон выходящие случаи, это не имеет для развития истории никакого значения. Мы все время что-то удаляем из «Стасиса» — молекулы воздуха, бактерии, пыль. Около десяти процентов потребляемой энергии тратится на возмещение связанной с этим утечки. Но даже перемещение во времени сравнительно больших предметов вызывает изменения, которые быстро сходят на нет.

— Вы хотите сказать, что природа сама восполняет нанесенный ей ущерб?

— До известной степени. Но если вы перенесете человека из другой эпохи в настоящее время или, наоборот, отправите его назад в прошлое, то в данном случае вы нанесете более существенный ущерб. Если вы проделаете это с обычным рядовым человеком, то рана все еще может залечиться сама. Мы ежедневно получаем множество писем с просьбой перенести в нынешнее время Авраама Линкольна, или Магомета, или Цезаря. Это, конечно, осуществить невозможно. Даже если бы нам удалось их обнаружить, то в этом случае перемещение во времени одного из творцов истории человечества нанесло бы такой колоссальный ущерб действительности, который невозможно было бы ничем компенсировать. Существуют методы, помогающие нам делать соответствующие расчеты, которые, в свою очередь, определяют, не слишком ли велики будут изменения в развитии при перемещении того или иного объекта во времени, и мы делаем все, чтобы даже не приближаться к этому пределу.

— Значит, Тимми... — начала было мисс Феллоуз.

— Нет, в этом отношении с ним все обстоит благополучно. Действительность находится в полной безопасности. Но...— Он бросил быстрый пронизывающий взгляд в ее сторону.— Нет, ничего. Вчера вы сказали мне, что Тимми необходимо общаться с детьми.

— Да.— Мисс Феллоуз радостно улыбнулась.— Я не думала, что вы обратили внимание на мою просьбу.

— Но почему же? Я питаю к ребенку самые теплые чувства и ценю ваше к нему отношение. Но мы при всем желании не можем обеспечить Тимми общество его сверстников.

— Не можете? — растерявшись, воскликнула мисс Феллоуз.

— Но ведь я только что вам все объяснил. У нас не было бы ни малейшей надежды найти другого неандертальца его возраста, на такую невероятную удачу не приходится даже рассчитывать.

— Но вы меня неправильно поняли, доктор Хоскинс,— отложив в сторону ложку, решительно сказала мисс Феллоуз.— Я вовсе не хочу, чтобы вы перенесли в настоящее время еще одного неандертальца. Я знаю, что это невозможно. Но зато ведь можно привести в «Стасис» другого ребенка, чтобы он играл с Тимми.

— Ребенка *человека*? — Хоскинс был потрясен.

— *Другого* ребенка,— отрезала мисс Феллоуз, чувствуя, как мгновенно все ее расположение к Хоскинсу сменилось враждебностью.— Тимми — человек!

— Мне это даже в голову не пришло.

— Почему? Почему вы не подумали именно об этом? Что в этом дурного? Вы вырвали ребенка из его эпохи, обрекли его на вечное заключение, так неужели вы не чувствуете себя в долгу перед ним? Доктор Хоскинс, если есть в этом мире человек, который по всем показателям, кроме биологического, может считаться отцом этого ребенка, то это вы. Почему же вы не хотите сделать для него такую малость?

— Я его *отец*? — спросил Хоскинс, как-то неловко поднимаясь из-за стола.— Если вы не возражаете, мисс Феллоуз, я провожу вас обратно в «Стасис».

Они молча возвратились в кукольный домик. Никто из них не произнес больше ни слова.

• • •

Если не считать случайных, мимоходом брошенных взглядов, прошло много времени, пока она снова увидела Хоскинса. Но вот однажды около кукольного домика совершенно неожиданно раздался его голос — он звал ее.

Поправляя на ходу свой форменный халат, она не спеша вышла из дому и, внезапно смутившись, остановилась, увидев перед собой стройную женщину среднего роста. Благодаря светлым волосам и бледному цвету лица незнакомка казалась очень хрупкой. За ее спиной, крепко уцепившись за ее юбку, стоял круглолицый большеглазый мальчуган лет четырех.

— Дорогая, это мисс Феллоуз, сестра, наблюдающая за мальчиком. Мисс Феллоуз, познакомьтесь с моей женой.

Она заставила себя непринужденно поздороваться.

— Добрый день, миссис Хоскинс. Это ваш... ваш малыш?

— Да, это мой сын Джерри,— сказал Хоскинс.— Джерри, поздоровайся с мисс Феллоуз.

(Не подчеркнул ли он слегка слово «это»? Не хотел ли он дать ей понять, что *это* его сын, а не...)

Джерри немного подался вперед, не расставаясь, однако, с материнской юбкой, и пробормотал приветствие. Миссис Хоскинс явно пыталась заглянуть через плечо мисс Феллоуз в комнату, как бы ожидая найти там нечто весьма ее интересовавшее.

— Ну что ж, зайдем в «Стасис»,— сказал Хоскинс.— Входи, дорогая. На пороге тебя ждет несколько неприятное ощущение, но это быстро пройдет.

— Вы хотите, чтобы Джерри тоже вошел туда? — спросила мисс Феллоуз.

— Конечно. Он будет играть с Тимми. Вы ведь говорили, что Тимми нужен товарищ для игр. Может быть, вы уже забыли об этом?

— Но...— В ее взгляде, брошенном на него, отразилось глубочайшее удивление.— Ваш мальчик?

— А чей же еще? — раздраженно сказал он.— Разве не этого вы добивались? Идем, дорогая. Входи же.

С явным усилием подняв Джерри на руки, миссис Хоскинс переступила через порог. Джерри захныкал: видимо, ему не понравилось испытываемое при входе в «Стасис» ощущение.

— А где же это существо?— тонким голосом спросила миссис Хоскинс.— Я не вижу его.

— Иди сюда, Тимми! — позвала мисс Феллоуз.

Тимми выглянул из-за двери, во все глаза уставившись на пожаловавшего к нему в гости мальчика. Мускулы на руках миссис Хоскинс заметно напряглись.

Обернувшись к мужу, она спросила:

— Ты уверен, Джеральд, что он не опасен?

— Если вы имеете в виду Тимми, то он не представляет никакой опасности,— тут же вмешалась мисс Феллоуз.— Он спокойный и послушный мальчик.

— Но ведь он ди... дикарь.

(Вот оно что! Это результат все тех же газетных историй о мальчике-обезьяне.)

— Он вовсе не дикарь,— с ударением произнесла мисс Феллоуз.— Он спокоен и рассудителен именно в той степени, в какой этого можно ожидать от пятилетнего ребенка. Очень великодушно

с вашей стороны, миссис Хоскинс, разрешить вашему мальчику играть с Тимми, и я убедительно прошу вас не беспокоиться.

— Я не уверена, что соглашусь на это,— раздраженно произнесла миссис Хоскинс.

— Мы ведь уже обсудили этот вопрос, дорогая,— сказал Хоскинс,— и я думаю, не стоит возобновлять наш спор. Спусти Джерри на пол.

Миссис Хоскинс повиновалась. Мальчик прижался к ней спиной и уставился на находившегося в соседней комнате ребенка, в свою очередь, не спускавшего с него глаз.

— Тимми, иди-ка сюда,— сказала мисс Феллоуз,— иди, не бойся.

Тимми медленно вошел в комнату. Хоскинс наклонился, чтобы отцепить пальцы Джерри от материнской юбки.

— Отойди немного назад, дорогая, дай детям возможность познакомиться.

Мальчики очутились лицом к лицу. Несмотря на то, что Джерри был младше, он был выше Тимми на целый дюйм, и на фоне его стройной фигурки и красиво посаженной пропорциональной головы гротескность облика Тимми бросилась в глаза почти как в первые дни.

У мисс Феллоуз задрожали губы.

Первым заговорил маленький неандерталец.

— Как тебя зовут? — дискантом спросил он, быстро приблизив к Джерри свое лицо, как бы желая получше рассмотреть его.

Вздрогнув от неожиданности, Джерри вместо ответа дал Тимми сильного тумака, в результате которого Тимми, отлетев назад и не удержавшись на ногах, упал на пол. Оба громко заревели, и миссис Хоскинс поспешила схватить Джерри на руки, в то время как мисс Феллоуз, покраснев от сдерживаемого гнева, подняла Тимми, стараясь успокоить его.

— Они инстинктивно невзлюбили друг друга,— заявила миссис Хоскинс.

— Они инстинктивно относятся друг к другу точно так же, как любые другие дети, будь они на их месте,— устало сказал Хоскинс.— А теперь спусти Джерри с рук и дай ему привыкнуть к обстановке. По правде говоря, нам лучше сейчас уйти. Мисс Феллоуз может через некоторое время привести Джерри ко мне в кабинет, и я позабочусь, чтобы его доставили домой.

В последовавший за этим час дети ни на минуту не забывали друг о друге. Джерри плакал и звал мать, боясь отойти от мисс Феллоуз, и только спустя некоторое время позволил наконец себя утешить леденцом. Тимми тоже получил леденец, и через час мисс Феллоуз удалось добиться того, что оба они сели играть в кубики, правда, в разных концах комнаты.

Когда мисс Феллоуз в этот день повела Джерри к отцу, душа ее до такой степени была исполнена благодарности Хоскинсу, что она с трудом сдерживала душившие ее слезы.

Постепенно это вошло в обычай. Два раза в неделю Джерри приводили на час поиграть с Тимми, потом этот срок был продлен до двух часов. Дети познакомились, постепенно изучили привычки друг друга и стали играть вместе.

И теперь, когда схлынула первая волна благодарности, мисс Феллоуз обнаружила, что Джерри ей явно не нравится. Физически он был значительно крупнее Тимми, да и вообще превосходил его во всех отношениях; он властвовал над Тимми, отводя ему во всем второстепенную роль. Единственное, что примиряло ее с создавшимся положением, это то, что, несмотря на все трудности, Тимми со все возрастающим удовольствием ждал очередного прихода своего товарища по играм.

* * *

— Мисс Феллоуз,— спросил однажды Тимми (она никогда не разрешала ему иначе называть себя),— когда я пойду в школу?

Она взглянула в его карие глаза, умоляюще смотревшие на нее в ожидании ответа, и мягко провела рукой по его густым курчавым волосам.

— Откуда ты узнал о школе? — спросила она.

— Джерри ходит в школу. В детский сад,— старательно выговаривая слоги, ответил он.— Джерри бывает во многих местах там, на воле. Когда же я выйду отсюда на волю, мисс Феллоуз?

У мисс Феллоуз мучительно сжалось сердце. Она, конечно, понимала, что ничто не сможет помешать тому, что Тимми неизбежно будет узнавать все больше и больше о внешнем мире, о том мире, в который ему никогда не суждено вступить.

* * *

В отсутствие Джерри он жадно рассматривал движущиеся картинки, а мисс Феллоуз часами читала ему вслух обычные книжки.

В самом простом рассказике содержалось столько для него непонятного. Ему приходилось объяснять сущность самых обычных вещей, находившихся за пределами трех комнат «Стасиса». Теперь, когда в его мысли вторгся внешний мир, он все чаще стал видеть сны.

Ему снилось всегда одно и то же, тот неведомый мир, что находился за пределами его домика. Он неумело пытался рассказать мисс Феллоуз содержание своих сновидений, в которых он всегда переносился в огромный пустой мир, где, кроме него, были еще дети и какие-то странные, непонятные предметы, созданные его воображением на основе далеко не до конца понятых книжных образов. Или же ему снились картины из его полузабытого далекого прошлого, когда он жил еще среди неандертальцев. Он всегда просыпался в слезах.

Пытаясь успокоить Тимми, мисс Феллоуз старалась обратить его рассказы в шутку, смеялась над ними, но сколько ночей пропланала она сама в своей квартире.

Однажды, когда мисс Феллоуз читала вслух, Тимми протянул руку к ее подбородку и, осторожно приподняв ее лицо от книги, заставил ее взглянуть себе в глаза.

— Мисс Феллоуз, откуда вы узнаете, что нужно говорить? — спросил он.

— Ты видишь эти значки? Они-то и говорят мне о том, что я потом уже рассказываю тебе. Из этих значков составляются слова.

Взяв из ее рук книгу, Тимми долго с любопытством рассматривал буквы.

— Некоторые из значков совсем одинаковые,— произнес наконец он.

Она рассмеялась от радости, которую ей доставила его сообразительность.

— Правильно. Хочешь, я покажу тебе, как писать эти значки?

— Хорошо, покажите. Это будет презабавная игра.

Через несколько недель она внезапно осознала всю огромную важность этого события и была ошеломлена. Сидя у нее на коленях, Тимми читал ей вслух детскую книжку, не пропуская ни одного слова. Он читал!

Потрясенная, она поднялась со стула и сказала:

— Я скоро вернусь, Тимми. Мне необходимо повидать доктора Хоскинса.

Ее охватило граничащее с безумием возбуждение. Ей показалось, что теперь ей удастся наконец найти средство сделать Тимми в какой-то степени счастливым.

* * *

Она нашла Хоскинса в настроении, странно сходном с ее собственным: все его существо излучало неприкрытую радость и торжество. В правлении царило необычайное оживление, и мисс Феллоуз, когда она растерянно остановилась в приемной, даже подумала, что ей не удастся с ним сегодня поговорить.

Но Хоскинс заметил ее, и его широкое лицо расплылось в улыбке.

— Идите сюда, мисс Феллоуз,— позвал он.

Он быстро договорил что-то по селектору и выключил его.

— Вы уже слышали?.. Ну конечно, нет, вы еще ничего не можете знать. Мы-таки добились своего! Мы теперь можем фиксировать объекты из недалекого прошлого.

— Вы хотите сказать, что теперь вы в состоянии перенести в настоящее время человека, жившего уже в историческую эпоху? — спросила мисс Феллоуз, заставляя себя на минуту отвлечься от своих собственных радужных мыслей.

— Вы меня абсолютно правильно поняли. И в данный момент мы как раз зафиксировали одного индивидуума, жившего в четырнадцатом веке. Вы только представьте себе всю важность этого события! Если бы вы только знали, как я буду счастлив избавиться наконец от этой концентрации всех сил на мезозойской эре, которой, казалось, не будет конца; какое я получу удовольствие от замены палеонтологов историками... Вы, кажется, что-то хотели сообщить мне? Ну, давайте, выкладывайте, что там у вас? Говорите же. Вы застали меня в хорошем настроении и можете получить все, что пожелаете.

— Я очень рада,— улыбнулась мисс Феллоуз.— Меня как раз интересует один вопрос: не могли бы мы разработать систему образования для Тимми?

— Образования? Какого еще образования?

— Ну, общего образования. Я имею в виду школу. Надо дать ему возможность учиться.

— Но может ли он учиться?

— Конечно, ведь он уже учится. Он умеет читать, этому я научила его сама.

Ей показалось, что настроение Хоскинса вдруг резко ухудшилось.

— Я, право, не знаю, что вам на это сказать, мисс Феллоуз,— произнес он.

— Но ведь вы только что пообещали, что исполните любую мою просьбу...

— Я это помню. К сожалению, в данном случае я поступил опрометчиво. Видите ли, мисс Феллоуз, я уверен, что вы прекрасно понимаете, что мы не можем продолжать эксперимент с Тимми до бесконечности.

Охваченная внезапным ужасом, она в упор взглянула на него, еще до конца не осознав весь смысл сказанных им только что слов. Что он подразумевает под этим «не можем продолжать»? Ее сознание вдруг озарила яркая вспышка — она вспомнила о профессоре Адемевском и минерале, отправленном назад после двухнедельного пребывания в «Стасисе»...

— Но сейчас ведь речь идет о мальчике, а не о куске камня...

Хоскинс явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— В случаях, подобных этому, даже ребенку нельзя придавать слишком большого значения. Теперь, когда мы надеемся заполучить сюда людей, живших в историческую эпоху, нам понадобятся все помещения «Стасиса».

Она все еще ничего не понимала.

— Но вы не сделаете этого, Тимми... Тимми...

— Ну, ну, не принимайте все так близко к сердцу, мисс Феллоуз. Быть может, Тимми пробудет здесь еще несколько месяцев, и за это время мы постараемся сделать для него все, что в наших силах.

Она продолжала молча смотреть на него.

— Не хотите ли вы выпить чего-нибудь, мисс Феллоуз?

— Нет,— прошептала она.— Мне ничего не нужно.

Едва сознавая, что делает, она с трудом поднялась на ноги и, как бы во власти какого-то кошмара, вышла из комнаты.

«Ты не умрешь, Тимми,— думала она,— ты не умрешь».

* * *

С той поры ее неотступно преследовала мысль о необходимости как-то предотвратить гибель Тимми. Но одно дело — думать о чем-либо, а другое — осуществить задуманное. Первое время мисс Феллоуз упорно цеплялась за надежду, что попытка перенести кого-либо из четырнадцатого века в настоящее время потерпит полную неудачу. Так, Хоскинс мог допустить ошибку с точки зрения теории эксперимента, могли также обнаружиться недостатки в методе его осуществления. И тогда все останется по-старому.

Остальная часть человечества, конечно, надеялась на противоположный исход, и мисс Феллоуз вопреки разуму возненавидела за это весь мир. Ажиотаж, поднявшийся вокруг проекта «Средневековье», достиг предельного накала. Печать и общественность изголодались по чему-либо из ряда вон выходящему. Акционерное общество «Стасис, Инкорпорейтэд» давно уже не производило подобной сенсации. Какой-нибудь новый камень или ископаемая рыба уже никого не волновали. Но это было как раз то, что требовалось.

Человек, живший уже в историческую эпоху, взрослый индивид, говорящий на непонятном и теперь языке, некто, кто поможет ученым воссоздать неведомую поныне страницу истории.

Среди чувств, кипевших в душе мисс Феллоуз, отсутствовало лишь одно — она отнюдь не была охвачена лихорадкой ожидания. Когда юный Джерри Хоскинс пришел, как обычно, играть с Тимми, она едва узнала его. Он не был тем, кого она ждала в этот день.

(Секретарша, которая привела его, едва кивнув мисс Феллоуз, поспешила удалиться. Она стремилась успеть занять хорошее место, откуда ей будет удобно следить за воплощением в жизнь проекта «Средневековье». Мисс Феллоуз с горечью подумала, что если бы наконец пришла эта глупая девчонка, она тоже уже могла бы быть там, причем у нее была более весная, чем простое любопытство, причина присутствовать при опыте.)

— Мисс Феллоуз,— смущенно произнес Джерри неуверенно, бочком приближаясь к ней и доставая из кармана какой-то обрывок газеты.

— Да! Что это там у тебя, Джерри?

— Это фотография Тимми.

Мисс Феллоуз внимательно посмотрела на ребенка и затем быстро выхватила из его рук клочок газеты. Всеобщее возбуждение, вызванное проектом «Средневековье», возродило в печати некоторый интерес к личности Тимми.

Джерри внимательно следил за выражением ее лица.

— Тут говорится, что Тимми — мальчик-обезьяна. Что это значит, мисс Феллоуз?

Мисс Феллоуз схватила мальчишку за руку, с трудом подавив желание как следует встряхнуть его.

— Никогда не говори этого, Джерри. Никогда, ты понимаешь? Это гадкое слово, и ты не должен употреблять его.

Перепуганный Джерри отчаянно старался освободиться от ее руки.

Мисс Феллоуз с яростью разорвала бумагу.

— А теперь иди в дом и играй с Тимми. Он покажет тебе свою новую книжку.

Наконец появилась та девушка. Мисс Феллоуз никогда раньше не видела ее. Дело в том, что никто из постоянных служащих «Стасиса», иногда замещавших ее, когда ей необходимо было отлучиться по делу, не мог сейчас помочь в связи с приближением момента осуществления проекта «Средневековье», однако секретарша Хоскинса обещала найти к о г о - н и б у д ь, и это должна была быть девушка.

— Вы и есть та девушка, которую прикрепили к Первой Секции «Стасиса»? — стараясь сдержать дрожь в голосе, спросила мисс Феллоуз.

— Да, это я. Меня зовут Мэнди Террис. А вы мисс Феллоуз, да?

— Совершенно верно. Заходите, у нас так мало времени.

* * *

Но из-за того что она задержалась, ей не удалось занять хорошее место. Она с трудом протолкалась только до экрана в Зале собраний, и это наполнило ее горечью сожаления. Если бы ей повезло очутиться поблизости от места, где проводился эксперимент, если бы она только могла подойти к какому-нибудь чувствительному прибору, если бы она как-нибудь ухитрилась сорвать опыт... Она нашла в себе силы совладать с охватившим ее безумием. Ведь простое разрушение прибора ни к чему бы не привело. Они бы все равно исправили его и поставили бы эксперимент заново... А ей никогда бы не разрешили вернуться к Тимми.

Ничто не могло ей помочь. Ничто, за исключением естественного и притом непоправимого провала опыта.

Но ее надежды не оправдались. Была отсчитана последняя секунда, и очень спокойно, без лишнего шума опыт был благополучно завершен!

В недавно отстроенном новом помещении «Стасиса» стоял бородатый сутулый крестьянин неопределенного возраста, в рваной, грязной одежде и деревянных башмаках; он с тупым ужасом озирался по сторонам, его сознание не в состоянии было воспринять внезапно обрушившуюся на него невероятную перемену обстановки.

И в тот момент, когда весь мир обезумел от восторга, мисс Феллоуз, застывшая от горя, одна стояла неподвижно в поднявшейся сутолоке. Ее толкали, пинали, швыряли, только что не топтали ногами; она стояла в гуще ликующей толпы, сгибаясь под бременем своих рухнувших надежд.

И когда скрипучий голос громкоговорителя назвал ее имя, это дошло до ее сознания только после троекратного повторения.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз, вас требуют в Первую Секцию «Стасиса». Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз...

— Пропустите меня! — задыхаясь, крикнула она в то время, как громкоговоритель, ни на секунду не останавливаясь, продолжал повторять все ту же фразу. Собрав все свои силы, она стала отчаянно пробиваться через толпу, расталкивая окружающих ее людей. Не останавливаясь ни перед чем, пустив в ход даже кулаки и раздавая направо и налево удары, поминутно застревая в людском водовороте, она медленно, как в кошмаре, но все же продвигалась к выходу.

* * *

Мэнди Террис рыдала.

— Я просто не могу себе представить, как это произошло. Я отлучилась всего лишь на одну минутку, чтобы взглянуть на тот маленький экран, который они установили в начале коридора. Только на одну минуту.

— Где Тимми? — глядя на нее непонимающими глазами, спросила мисс Феллоуз, не замечая сотрясавшей ее тело нервной дрожи.

Одна сестра протирала плачущему Джерри руку дезинфицирующим средством, другая готовила шприц с противостолбнячной сывороткой.

— Он укусил меня, мисс Феллоуз! — задыхаясь от злости, крикнул Джерри.— Он у к у с и л меня!

Но мисс Феллоуз даже не заметила его.

— Что вы сделали с Тимми? — крикнула она.

— Я заперла его в ванной комнате,— ответила Мэнди.— Я просто-напросто швырнула туда это маленькое чудовище и заперла его там.

Мисс Феллоуз бегом ринулась в кукольный домик. Она задержалась у дверей ванной; казалось, что прошла целая вечность, пока ей удалось наконец открыть дверь и отыскать забившегося в угол маленького уродца.

— Не порите меня, мисс Феллоуз,— прошептал он. Глаза его покраснели, губы дрожали.— Я не хотел сделать это.

— О Тимми, откуда ты взял, что я буду тебя пороть? — Подхватив ребенка на руки, она крепко прижала его к себе.

— Она сказала, что вы выпорете меня длинной веревкой. Она сказала, что вы будете меня бить, бить, бить...— взволнованно ответил Тимми.

— Никто тебя не будет пороть. С ее стороны очень дурно было сказать это. Но что случилось? Что случилось?

— Он назвал меня мальчиком-обезьяной. Он сказал, что я не настоящий мальчик, что я животное.

Из глаз Тимми хлынули слезы.

— Он сказал, что не хочет больше играть с обезьяной. А я сказал, что я не обезьяна. Я не обезьяна! Потом он сказал, что я очень смешно выгляжу, что я ужасно безобразен. Он повторил это много-много раз, и я укусил его.

Теперь они плакали оба.

— Но ведь ты же знаешь, Тимми, что это неправда,— всхлипывая, сказала мисс Феллоуз,— ты настоящий мальчик. Ты самый настоящий и самый хороший мальчик на свете. И никто, н и к т о никогда тебя у меня не отнимет.

* * *

Теперь ей легко было решиться, она наконец знала, что делать. Но действовать нужно было быстро. Хоскинс не станет больше ждать, ведь пострадал его собственный ребенок...

Нет, это должно произойти ночью, с е г о д н я ночью, когда четыре пятых служащих «Стасиса» будут спать, а остальные пребывать во власти интеллектуального опьянения в связи с успешным претворением в жизнь проекта «Средневековье».

Когда она снова появилась в кукольном домике, Тимми еще не спал, и она изо всех сил старалась вести себя как обычно, чтобы не испугать его. Она поговорила с ним о его снах и выслушала его вопросы о Джерри.

Она открыла чемодан и вытащила из него пальто, шерстяную шапку с наушниками и еще кое-что.

— Мисс Феллоуз, почему вы одеваете на меня все эти вещи? — встревожившись, спросил Тимми.

— Я хочу вывести тебя отсюда, Тимми. Мы отправимся в страну твоих снов,— ответила мисс Феллоуз.

— Моих снов? — Его лицо загорелось радостью, но страх еще не полностью оставил его.

— Не бойся, ты будешь со мной. Ты не должен бояться, когда ты со мной, не так ли, Тимми?

— Конечно, мисс Феллоуз.— Он прижался к ней своей бесформенной головкой, и, обняв его, она ощутила под рукой биение его маленького сердца.

Наступила полночь. Мисс Феллоуз взяла ребенка на руки, выключила сигнализацию и осторожно открыла дверь.

И тут из ее груди вырвался крик: она очутилась лицом к лицу со стоявшим на пороге Хоскинсом!

* * *

С ним было еще двое, и, увидев ее, он был поражен в не меньшей степени, чем она сама.

Мисс Феллоуз пришла в себя на какую-то долю секунды раньше и попыталась быстро проскочить мимо него, но, несмотря на этот выигрыш во времени, он все же опередил ее. Он грубо схватил ее и оттолкнул назад в глубину комнаты по направлению к шкафу. Затем он знаком приказал остальным войти в помещение и сам стал у выхода, закрыв за собой дверь.

— Этого я не ожидал. Вы окончательно сошли с ума?

Когда он толкнул ее, она успела повернуться так, что ударилась о шкаф плечом и Тимми почти не ушибся.

— Что случится, если я возьму его с собой, доктор Хоскинс? — умоляюще произнесла она.— Неужели потеря энергии для вас важнее, чем человеческая жизнь?

Хоскинс решительно вырвал из ее рук Тимми.

— Потеря энергии в таком размере привела бы к утечке многих миллионов долларов из карманов вкладчиков. Она катастрофически затормозила бы работы, ведущиеся «Стасисом». Она означала бы то, что всем и каждому стала бы известна история чувствительной сестры, которая нанесла такой колоссальный ущерб во имя спасения мальчика-обезьяны.

— М а л ь ч и к а - о б е з ь я н ы! — в бессильной ярости воскликнула мисс Феллоуз.

— Под таким именем он бы фигурировал в описаниях этого события.

Между тем один из пришедших с Хоскинсом мужчин начал протягивать через отверстия в верхней части стены нейлоновый шнур. Мисс Феллоуз вспомнила шнур, висевший на наружной стене камеры, где находился обломок камня профессора Адемевского, тот шнур, за который дернул в свое время Хоскинс.

— Нет! — вскричала она.

Но Хоскинс спустил Тимми на пол и, осторожно сняв с него пальто, сказал:

— Оставайся здесь, Тимми, с тобой ничего не случится. Мы только выйдем на минутку из комнаты. Хорошо?

Побледневший и лишившийся дара речи Тимми, однако, нашел в себе силы утвердительно кивнуть головой. Хоскинс вывел мисс Феллоуз из кукольного домика, держась на всякий случай позади нее. На какой-то миг мисс Феллоуз утратила способность к сопротивлению. Она тупо следила за тем, как укрепляли снаружи конец шнура.

— Мне очень жаль, мисс Феллоуз,— сказал Хоскинс,— я охотно избавил бы вас от этого зрелища. Я намеревался сделать это ночью, чтобы вы узнали обо всем уже потом.

— И все из-за того, что пострадал ваш сын, который замучил несчастного ребенка до такой степени, что он уже не смог совладать с собой и поранил его.

— Поверьте мне, что дело не в этом. Мне понятна причина того, что здесь сегодня произошло, и я знаю, что во всем виноват Джерри. Но эта история уже получила огласку, да иначе не могло бы и быть при том количестве корреспондентов, которые собрались здесь в такой день. Я не могу пойти на риск и допустить, чтобы появившиеся в печати ложные слухи о нашей небрежности и так называемых диких неандертальцах умалили значение успеха проекта «Средневековье». Так или иначе Тимми все равно должен скоро исчезнуть, так почему бы ему не исчезнуть сейчас, умерив тем самым пыл любителей сенсаций и сократив то количество грязи, которое они постараются на нас вылить?

— Но ведь это не равнозначно отправлению назад, в прошлое, обломка камня. Вы убьете человеческое существо.

— Это не убийство. Он ничего не почувствует, он просто опять станет мальчиком-неандертальцем и попадет в свою привычную среду. Он уже не будет больше чужаком, обреченным на вечное заключение. Ему представится возможность жить свободной жизнью.

— Какая же это возможность? Ему всего лишь семь лет, и он привык, чтобы о нем заботились, чтобы его кормили, одевали, оберегали. Он будет одинок, ведь за эти четыре года его племя могло уйти из тех мест, где он его покинул. А если даже оно еще там, ребенка никто не узнает, он должен будет сам о себе заботиться, а ведь ему негде было научиться этому.

Хоскинс беспомощно покачал головой.

— О господи, неужели вы считаете, мисс Феллоуз, что мы не думали об этом? Разве вы не понимаете, что мы вызвали из прошлого ребенка только потому, что это было первое человеческое или, вернее, получеловеческое существо, которое нам удалось зафиксировать, и мы боялись отказаться от этого, так как не были уверены, что нам удастся столь же удачно повторить эту попытку? Как вы думаете, неужели бы мы держали здесь Тимми так долго, если бы нас не смущала необходимость отослать его обратно в прошлое? Мы делаем это сейчас потому,— в его голосе зазвучала решимость отчаяния,— что мы не в состоянии больше ждать. Тимми может послужить причиной компрометирующей нас шумихи. Мы находимся сейчас на пороге великих открытий, и мне очень жаль, мисс Феллоуз, но мы не можем допустить, чтобы Тимми помешал нам. Не можем. Я очень сожалею, мисс Феллоуз, но это так.

— Ну что ж,— грустно произнесла мисс Феллоуз.— Разрешите мне по крайней мере попрощаться с ним. Дайте мне пять минут, я не прошу ничего больше.

— Идите,— после некоторого колебания сказал Хоскинс.

* * *

Тимми бросился ей навстречу. В последний раз он подбежал к ней, и она в последний раз прижала его к себе.

Какое-то мгновение она молча сжимала его в своих объятиях. Потом она ногой пододвинула к стене стул и села.

— Не бойся, Тимми.

— Я ничего не боюсь, когда вы со мной, мисс Феллоуз. Этот человек очень сердит на меня, тот, что остался за дверью?

— Нет. Он просто нас с тобой не понимает... Тимми, ты знаешь, что такое мать?

Тимми откинул голову, чтобы увидеть ее лицо. Он медленно протянул руку и стал гладить ее по щеке и волосам, как давным-давно, в первый день его появления в «Стасисе», она сама гладила его.

— Я знаю, что вас зовут мисс Феллоуз, но иногда я про себя называю вас «мама». В этом нет ничего дурного?

— Нет, нет. Я никогда не покину тебя, и с тобой ничего не случится. Я всегда буду с тобой, всегда буду заботиться о тебе. Скажи мне «мама», но так, чтобы я слышала.

— Мама,— удовлетворенно произнес Тимми, прижавшись щекой к ее лицу.

Она поднялась и, не выпуская его из рук, взобралась на стул. Она уже не слышала внезапно поднявшегося за дверью шума и криков. Свободной рукой она ухватилась за протянутый между двумя отверстиями в стене шнур и всей своей тяжестью повисла на нем.

«Стасис» был прорван, и комната опустела.

Перепела с английского
С. ВАСИЛЬЕВА.

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

Айзек АЗИМОВ

— Два совершенно разных вида! — настаивал капитан Гарм, пристально рассматривая доставленные на корабль создания. Его оптические органы выдвинулись далеко вперед, обеспечивая максимальную контрастность.

Проведя месяц на планете в тесной шпионской капсуле, Ботакс наконец блаженно расслабился.

— Не два вида,— возразил он,— а две формы одного вида.

— Чепуха! Между ними нет никакого сходства. Благодарение Вечности, внешне они не так мерзки, как многие обитатели Вселенной. Разумный размер, различимые члены... У них есть речь?

— Да, капитан,— ответил Ботакс, меняя окраску глаз.— Мой рапорт описывает все детально. Эти существа создают звуковые волны при помощи горла и рта — что-то вроде сложного кашля. Я и сам научился. Это очень трудно.

— Так вот отчего у них такие невыразительные глаза... Однако почему вы настаиваете, что они принадлежат к одному виду? Смотрите: у того, что слева, усики длиннее, и само оно меньше и по-другому сложено. В верхней части у него выпирает что-то, чего нет у того, что справа... Они живы?

— Живы, но без сознания — прошли курс психолечения для подавления страха. Так будет проще изучать их поведение.

— А стоит изучать? Мы и так не укладываемся в сроки, а нам нужно исследовать еще пять миров большего значения, чем этот. Кроме того, трудно поддерживать Временной Стасис, я бы хотел вернуть их и продолжать...

Веретенчатое тело Ботакса даже завибрировало от возмущения. Скошенная трехпалая рука качнулась в отрицательном жесте, а глаза перевели спектр беседы целиком в красный свет.

— Спаси нас Вечность, капитан! Мы стоим перед серьезнейшим кризисом. Эти создания могут оказаться самыми опасными в галактике — именно потому, что у них две формы.

— Не понимаю.

— Капитан, планета уникальна. Она настолько уникальна, что я сам не в состоянии осознать все последствия. Например, почти все виды представлены в двух формах. Если позволите употребить их звуки, то первая, меньшая, называется «женской», а вторая — «мужской», они-то сознают разницу.

Гарм мигнул.

— Какое отвратительное средство связи...

— Чтобы оставить потомство, эти две формы должны сотрудничать.

Капитан, с любопытством разглядывавший пленников, резко выпрямился.

ЧТО ЭТО ЗА ШТУКА — ЛЮБОВЬ?

— Сотрудничать? Что за чепуха? Самый фундаментальный закон жизни — каждое существо приносит потомство в глубочайшем и сокровенном общении с собой. Что же еще делает жизненные формы жизненными?

— Чтобы одна форма произвела потомство, другая должна участвовать в этом,— упрямо повторил Ботакс.

— Каким образом?

— Очень трудно выяснить. Эта процедура считается у аборигенов интимной. В местной литературе я не мог найти точного и исчерпывающего описания. Но мне удалось вывести кое-какие разумные заключения.

Гарм покачал головой.

— Нелепо... Почкование является священнейшим, самым интимным процессом на десятках тысяч планет. Как сказал великий фотобард Левуллин: «Во время почкования, во время почкования, в то самое прекрасное мгновение, когда...»

— Капитан, вы не поняли. Это сотрудничество между формами приводит к рекомбинации генов. Таким образом в каждом поколении осуществляются новые варианты. Они развиваются в тысячи раз быстрее нас!

— Вы хотите сказать, что гены одного индивидуума могут комбинироваться с генами другого? Вы понимаете, насколько это смехотворно с точки зрения физиологии клетки?

— И все же,— нервно произнес Ботакс под тяжелым взглядом капитана.— эволюция ускоряется. Это просто мир разгула видов: их здесь миллион с четвертью.

— Двенадцать с четвертью будет ближе к истине. Не стоит принимать на веру то, что написано в туземной литературе.

— Я сам видел в очень маленьком регионе сотни различных видов. Говорю вам, капитан, дайте им время, и они разовьются в расу, способную превзойти нас и править галактикой.

— Докажите, что сотрудничество, о котором вы ведете речь, имеет место, и я рассмотрю ваши предложения. В противном случае я сочту ваши фантазии нелепыми, и мы двинемся дальше.

— Докажу! — Глаза Ботакса засверкали ярким желтым огнем.— Обитатели этого мира уникальны еще и в другом отношении. Они предвидят достижения, которых пока не добились. Вероятно, это следствие их веры в быстрое развитие. Я перевел их термин для такой литературы как «научная фантастика». И читал почти исключительно научную фантастику, потому что считаю, что в своих мечтах они ярче выразят себя и свою угрозу нам. И именно из научной фантастики я вывел метод их сотрудничества.

— Как вам это удалось?

— У них есть периодическое издание, которое иногда публикует научную фантастику, полностью посвященную разнообразным аспектам этого сотрудничества. Его название звучит приблизительно так: «Плейбой». Там не выражаются абсолютно ясно, что весьма раздражает, но допускаются прозрачные намеки. Очевидно, существо, подбирающее рассказы для издания, только этой темой и интересуется. Отсюда я и знаю, как все происходит... Капитан, после того как на наших глазах появится молодняк, умоляю вас: прикажите развеять эту планету на атомы!

— Ладно,— утомленно согласился капитан Гарм.— Приведите их в сознание и делайте свое дело.

Мардж Скидмор неожиданно осознала, где находится. Она отчетливо вспомнила перрон в сгущающихся сумерках: перрон был почти пуст,— один мужчина стоял рядом с ней, другой — в противоположной стороне. Уже слышался шум подходящего поезда.

Затем — вспышка, ощущение, будто тебя выворачивают наизнанку, и полуиллюзорное видение какого-то тонкого существа, покрытого слизью, и...

— О боже,— простонала Мардж.— я все еще здесь.

Она чувствовала слабое отвращение, но не страх, и была почти горда, что не чувствует страха. Тут же стоял мужчина — тот самый, что был рядом на платформе.

— Вас они тоже прихватили? — спросила Мардж.— Кого еще?

Чарли Гримвольд попытался поднять руку, чтобы снять шляпу и пригладить волосы, но не сумел пошевельнуть пальцем, что-то мешало, казалось, тело стягивает резиновый кокон. Чарли посмотрел на тонколицую женщину — лет за тридцать, отметил он, но довольно привлекательная. В данных обстоятельствах ему хотелось очутиться подальше отсюда, даже общество очаровательной женщины его не утешало.

— Не знаю, мадам. Я стоял на платформе...

— Я тоже.

— Потом увидел вспышку и... Это, наверное, марсиане.

Мардж энергично кивнула.

— И я так думаю. Вы боитесь?

— Как ни странно, нет.

— Я тоже не боюсь. Удивительно, правда? О боже, одно из них подходит!.. Если эта тварь коснется меня, я закричу. Посмотрите на его кожу — вся в слизи! Меня тошнит.

Ботакс приблизился и, как можно тщательнее выговаривая слова, произнес:

— Создания! Мы не причиним вам вреда. Мы только попросим показать ваше сотрудничество.

— Э, да оно разговаривает! — удивился Чарли.— Что ты имеешь в виду под «сотрудничеством»?

— Оба. Друг с другом,— пояснил Ботакс.

— Вы понимаете, что он хочет сказать? — Чарли вопросительно посмотрел на Мардж.

— Не имею понятия,— надменно бросила она

— Я имею в виду... — Ботакс употребил короткий термин, никогда не попадавшийся ему в литературе, но встречающийся в устной речи как синоним искомой процедуры.

Мардж залилась краской и воскликнула:

— Что?!

Ботакс и капитан Гарм в ужасе заткнули слуховые отверстия и болезненно задрожали.

Мардж яростно и неразборчиво продолжала:

— Какая наглость! Я замужняя женщина... О, если бы мой Эд был здесь... А вы, умник,— она повернулась к Чарли, преодолевая резиновое сопротивление,— кем бы вы ни были, если думаете...

— Мадам, мадам! — взмолился в отчаянии Чарли.— Это не моя идея, клянусь вам! Поверьте, я не такой человек... Я тоже женат. У меня трое детей! Послушайте...

Капитан Гарм был недоволен.

— Что происходит, исследователь Ботакс? Я не намерен слушать эту какофонию.

Ботакс сверкнул багряной краской смущения.

— Видите ли, ритуал весьма сложен. Они обязаны выказывать сперва признаки нерасположения, как я понял, для улучшения результата. После этой начальной стадии должны быть удалены кожи

— Они свежуются?!

— Нет, это у них искусственные кожи, которые снимаются безболезненно. Снятие кожи особенно необходимо для меньшей формы.

— Ну ладно, велите им снять кожи. Честное слово, Ботакс, я не нахожу это приятным...

— Пожалуй, мне не стоит просить меньшую форму удалить кожу. Думаю, нам следует точно придерживаться ритуала. Я прихватил с собой экземпляр издания «Плейбой», здесь кожи удаляются насильственно. Например: «...грубо сорвав одежду с ее стройного тела, он ощутил теплую упругость ее груди...» и дальше в том же духе.

— Грудь?..— переспросил капитан.— Я не разобрал вашей вспышки.

— Мне пришлось ввести ее для обозначения термина, относящегося к двум выпуклостям в верхней части меньшей формы.

— Понимаю, понимаю... Ну, скажите бо́льшему, чтобы он удалил кожу меньшего... Что за отвратительная процедура!..

Ботакс повернулся к Чарли.

— Сэр,— произнес он,— не будете ли вы так любезны сорвать одежду с ее стройного тела? Я выпущу вас для этой цели.

Глаза Мардж расширились, и она в ярости обернулась к Чарли.

— Не смейте! Не прикасайтесь ко мне, вы слышите, сексуальный маньяк!

— Я? — жалобно запричитал Чарли.— Мадам, я тут ни при чем! Послушайте,— повернулся он к Ботаксу,— у меня трое детей и жена. Узнай она только, что меня подозревают в том, что я срываю, понимаете ли, платья,— и мне придется несладко. Вы знаете, что делает моя жена, заметив, что я просто взглянул на какую-нибудь женщину? Она...

Окончание на 19-й стр.

Рисунок Олега ТУРКОВА

Окончание. Начало на 8-й стр.

— Он все еще не расположен? — нетерпеливо спросил капитан.

— Очевидно,— признал Ботакс.— Непривычная обстановка может продлить данную стадию. Так как я знаю, что вам это было бы неприятно, эту часть ритуала я выполню сам. В космических рассказах часто описывается, как с делом справляются существа из других миров. Например, здесь,— он покопался в своих записках,— действует совершенно омерзительное создание! Они не могли себе даже представить таких красавцев, как мы.

— Продолжайте, продолжайте! Не тяните время! — приказал капитан.

— Да... Вот: «Чудовище ринулось к девушке. Заливаясь слезами и отчаянно крича, она оказалась в объятиях монстра. Когти проскребли по ее трепещущему телу, сдирая юбку лохмотьями». Видите, туземное существо кричит от возбуждения, ощущая удаление покровов.

— Тогда действуйте, Ботакс! Только, пожалуйста, не допускайте визгов. Я весь дрожу от этих звуковых волн.

Ботакс вежливо обратился к Мардж:

— Если вы не возражаете...

Мардж скверно выругалась.

— Не прикасайся! Не прикасайся, мерзкая тварь! Ты испачкаешь мне платье! А оно стоит двадцать четыре доллара... Отойди, чудовище! — Она отчаянно пыталась защититься от непрошеных рук.— Ладно, я сама сниму его.

Мардж потянула молнию и бросила гордый взгляд на Чарли.

— Не смейте глядеть!

Чарли пожал плечами и закрыл глаза. Мардж сняла платье.

— Ну, хорошо? Вы довольны?

Капитан Гарм недоуменно постукивал пальцами по столу.

— Это и есть грудь? А почему другое создание отвернуло голову?

— Нерасположение... Нерасположение! — уверенно заявил Ботакс.— Кроме того, нужно удалить и другие кожи. Обнаженную грудь постоянно описывают в виде шаров цвета слоновой кости. Вот у меня здесь рисунки из этих фантастических рассказов.

Капитан задумчиво переводил взгляд с иллюстраций на Мардж и обратно.

— Что такое «слоновая кость»?

— Вещество, из которого состоят клыки одного большого животного.

— Ага! — Капитан Гарм залился зеленым светом удовольствия.— Теперь все ясно. Меньшая форма принадлежит к воинственной секте, а выпуклости являются оружием, которым она сокрушает врага!

— Нет-нет, они, как я понимаю, мягкие.

Маленькая коричневая рука Ботакса скользнула в направлении объекта разговора; Мардж взвизгнула и отпрянула.

— Какое же тогда у них назначение?

— Мне кажется,— произнес Ботакс с некоторым сомнением,— что они используются для кормления молоди.

— Молодняк их съедает?! — воскликнул ошеломленный капитан.

— Не совсем так. Эти объекты выделяют жидкость, потребляемую молодью.

Капитан страдальчески закрыл голову всеми тремя руками.

— Трехрукое, скользкое, пучеглазое чудовище,— сказала Мардж.

— Верно,— согласился Чарли.

— Ладно, ладно, бесстыдник. Побольше следите за своими глазами!

— Поверьте, я стараюсь не смотреть...

Ботакс вновь приблизился.

— Мадам, не могли бы вы снять все остальное?

Мардж сжалась.

— Никогда!

— В таком случае это сделаю я, если позволите.

— Не прикасайтесь! О, боже, боже... Хорошо, сама сниму.

Делая то, что обещала, Мардж бормотала себе под нос и бросала в сторону Чарли гневные взгляды.

— Ничего не происходит,— заметил капитан в глубоком разочаровании.— Это, должно быть, бракованный экземпляр.

Ботакс принял реплику на свой счет.

— Сэр!

— Но грудь этого создания вовсе не похожа на шары, кроме того, она почти бесцветна.

— Ерунда,— возразил Ботакс.— Надо считаться с возможностью естественных отклонений. Впрочем, мы спросим у самого существа.— Он повернулся к Мардж.— Мадам, с вашей грудью все в порядке?

Глаза Мардж широко раскрылись, и некоторое время она не могла даже дышать.

— Вот уж,— наконец проговорила она.— Может, я и не Джина Лоллобриджида и не Анита Экберг, но у меня все в порядке, благодарю вас... О-о, если бы Эд был здесь! — Она повернулась к Чарли.— Эй, скажите этому пучеглазому чудовищу, что я вполне развита!

— Э-э...— осмелился заметить Чарли.— Вы забываете, что я не смотрю.

— О да, вы уж не смотрите... Такие типы только и знают, что похотливо глазеть на женщин. Можете чуть-чуть взглянуть, но не больше, если в вас есть хоть что-то от джентльмена, чему я, разумеется, не верю.

— Ну,— промолвил Чарли,— я не хотел бы оказаться замешанным в таком деликатном деле, но полагаю, что у вас все в норме.

— Полагаете?! Вы что, слепой? К вашему сведению, я однажды была претенденткой на звание Мисс Бруклин, и если проигрывала, так это — линия талии, а не...

— Конечно, конечно... Грудь восхитительна, честно.— Чарли энергично кивнул Ботаксу.— В полном порядке. Я не специалист, вы понимаете, но по мне она хороша.

Мардж успокоилась.

Ботакс почувствовал прилив сил.

— Большая форма проявляет интерес, капитан. Стимул работает. Теперь — последняя стадия.

— В чем она заключается?

— Сущность ее состоит в том, что аппарат речи и поглощения пищи одного существа накладывается на аналогичный аппарат другого. Позвольте мне для этого процесса ввести такую вспышку: «поцелуй».

— Меня тошнит от этой мерзости...— простонал капитан.

— Это кульминация. Во всех историях после того, как кожи удалены, формы обхватывают друг друга конечностями и предаются горячим поцелуям. Вот один пример, взятый наугад: «Он схватил девушку и жадно приник к ее пылающим губам».

— Может быть, одно существо пожирает другое? — предположил капитан.

— Ничего подобного,— нетерпеливо возразил Ботакс.— Это жгучие поцелуи.

— Жгучие? Происходит сгорание?

— Очевидно, нет. Тут, вероятно, подчеркивается факт повышения температуры. Чем выше температура, тем успешнее, надо полагать, происходит производство молоди. Без этой ступени потомство получить невозможно. Это и есть сотрудничество, о котором я говорил.

— И все?

— Все,— подтвердил Ботакс.— Ни в одном из рассказов, даже в тех, что печатаются в «Плейбое», я не нашел описания какой-либо дальнейшей активности, связанной с детопроизводством. Иногда описание поцелуев завершают серией точек, но, я полагаю, что это обозначает просто большее число поцелуев. Один поцелуй на каждую точку — когда хотят произвести целое множество молоди.

— Только одного, пожалуйста, и немедленно.

— Разумеется, капитан.

Ботакс торжественно произнес:

— Сэр, поцелуйте, пожалуйста, леди.

— Послушайте, я не могу двинуться,— сказал Чарли.

— Конечно, я освобожу вас.

— Леди это может не понравиться.

— Уж будьте уверены, мне это не понравится! Держитесь от меня подальше! — прошипела Мардж.

— Мадам, может, не стоит их сердить? Мы можем... ну... только сделать вид

Она колебалась, сознавая справедливость опасения.

— Ну, ладно... Но чтоб без всяких штучек! Я не привыкла целоваться с каждым встречным!

— Разумеется, мадам. Уверяю вас, это не моя затея.

Мардж сердито бормотала:

— Гадкие чудовища! Ишь...

Чарли приблизился, смущенно положил руки на голые плечи Мардж, и их губы встретились.

Капитан Гарм раздраженно вспыхнул:

— Я не чувствую повышения температуры.

Его тепловоспринимающие усики полностью распрямились и дрожали на голове.

— Я тоже,— растерянно признался Ботакс.— Но мы все делали в точности, как написано в этих историях. Пожалуй, его конечности должны быть более распростертыми... О, вот так... Смотрите, действует!

Почти случайно рука Чарли скользнула вдоль мягкого обнаженного торса Мардж. На миг она, казалось, приникла к нему, затем внезапно отдернулась.

— Отпустите! — прошипела Мардж. Неожиданно она сжала зубы, и Чарли с диким криком отскочил в сторону, зализывая кровоточащую нижнюю губу.

— За что, мадам? — воскликнул он жалобно.

— Мы договорились только делать вид. Что вы на меня уставились? Господи, ну и в компанию я попала!

Капитан Гарм быстро засиял голубым и желтым.

— Все закончено? Сколько теперь нужно ждать?

— Мне кажется, это происходит сразу. Сами знаете, когда вы почкуетесь — вы почкуетесь.

— Да?.. После всего того, что я здесь видел, не думаю, что когда-нибудь смогу почковаться... Пожалуйста, заканчивайте побыстрее.

— Один момент, капитан.

Однако время шло, и сияние капитана медленно становилось мрачно-оранжевым, а Ботакс почти угас. Наконец, Ботакс спросил:

— Простите, мадам, когда вы будете почковаться?

— Когда я буду... что?

— Производить потомство.

— У меня уже есть ребенок.

— Я имею в виду производить потомство сейчас.

— Но... я еще не готова для другого ребенка.

— Что, что? — потребовал капитан.— Что она говорит?

— Кажется,— слабо произнес Ботакс,— пока она не намерена иметь маленького...

Капитан яростно вспыхнул всеми цветами радуги.

— Вы знаете, что я думаю, Исследователь? Я думаю, что у вас больное, извращенное мышление. С этими существами ничего не происходит. Между ними нет никакого сотрудничества, и не появляется никакая молодь. Я думаю, что это два разных вида, а вы валяете со мной дурака!

— Но, капитан...— начал Ботакс.

— Молчать! — рявкнул Гарм.— Не спорьте со мной. С меня достаточно. Вы домогались личной славы и наград, и я позабочусь, чтобы вы их не получили. Немедленно избавьтесь от этих созданий! Отдайте им их кожи и верните на то место, откуда взяли. Все расходы, связанные с поддержанием Временного Стасиса, будут вычтены из вашей зарплаты.

— Но, капитан...

— Это приказ! — Гарм метнул на Ботакса испепеляющий взгляд.— Один вид, две формы, груди, поцелуи, сотрудничество... Вы болван, Исследователь, извращенное и больное — да-да — больное существо!

Дрожа всеми членами, Ботакс стал настраивать приборы...

Они стояли на пустынном перроне, дико озираясь по сторонам. Сгущались сумерки, и подходящий поезд давал знать о себе приближающимся гулом.

— Неужели все это на самом деле было? — неожиданно спросила Мардж.

Чарли кивнул.

— Отчетливо помню.

— Нам никто не поверит.

— Послушайте, я сожалею, что вы были поставлены в неловкое положение. Это не моя вина.

— Конечно, понимаю..

Мардж, потупившись, изучала деревянную платформу под ногами. Поезд приближался.

— Э-э... Вы вовсе не были плохи. То есть вы были изумительны, только я не решался вам сказать.

— О, что вы...

— Может, не откажетесь выпить со мной чашечку кофе для успокоения? Моя жена... ее пока нет.

— Правда?! И Эд уехал за город на уик-энд, так что меня ждет пустая квартира. Наш мальчик у моей мамы,— пояснила Мардж.

Поезд подъехал, но они уже шли по улице.

В баре они позволили себе чуть-чуть выпить, а потом Чарли не мог отпустить ее одну в темноте и, естественно, проводил домой. Конечно, Мардж была обязана пригласить его зайти.

Тем временем в космическом корабле несчастный Ботакс предпринимал последнюю попытку доказать свою правоту. Пока Гарм готовил корабль к отлету, Ботакс торопливо установил узколучевой видеоэкран. Он сфокусировал луч на Чарли и Мардж в ее квартире. Усики Ботакса напряглись, а глаза засияли переливчатым светом.

— Капитан Гарм! Капитан! Посмотрите, что они сейчас делают!

Но в это мгновение корабль вышел из Временного Стасиса.

Перевод с английского Владимира БАКАНОВА

ЧТО ЭТО ЗА ШТУКА — ЛЮБОВЬ?

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Пол АНДЕРСОН

«НАМ, ПОЖАЛУЙ, ПОРА ИДТИ»

Фантастический рассказ

Познакомились мы на деловой почве. Фирма Минельса, решив открыть свой филиал на окраине Ивенстона, обнаружила, что в моем владении находится самый многообещающий земельный участок. Они предложили мне большие деньги, но я заупрямился; они увеличили сумму — я не сдавался, и тогда меня посетил сам босс. Он оказался не совсем таким, каким я себе представлял его. Настроен он был, конечно, агрессивно, но держался настолько вежливо, что это не оскорбляло, а манеры его были так изысканны, что почти не бросался в глаза недостаток образования. Этот недостаток он весьма успешно изживал, посещая вечернюю школу, популярные лекции и поглощая огромное количество книг.

Не прерывая нашей деловой беседы, мы с ним отправились промочить горло. Он привел меня в бар, где мало что напоминало о Чикаго,— тихий, запущенный, без музыкального автомата, без телевизора; книжная полка, несколько шахматных досок; и к тому же там не было тех подонков и жуликов, которыми обычно кишат подобные заведения. Кроме нас, там еще было с полдюжины посетителей: некто смахивавший на профессора в отставке, какие-то люди, с настоящим знанием дела спорившие на политические темы, молодой человек, обсуждавший с барменом вопрос о том, кто оригинальнее — Бартон или Шенберг. Нам с Минельсом достался столик в углу и датское пиво.

Я сказал ему, что меня совершенно не интересуют деньги, просто я считаю идиотством ради возведения еще одного хромированного сарая уродовать бульдозерами живописную местность. Прежде чем ответить, Минельс набил свою трубку. Это был худощавый стройный мужчина с длинным подбородком и римским носом, седеющими волосами и темными сверкающими глазами.

— А разве мой представитель не объяснил вам? — спросил он.— Мы вовсе не собираемся строить ряды одинаковых, портящих вид бараков. Мы остановились на шести основных проектах с вариантами; на чертеже это выглядит... вот так.

Он достал карандаш и бумагу и начал набрасывать план. В разговоре его акцент становился заметнее, но речь сохраняла прежнюю беглость.

И он делал свое дело лучше, чем все те, кто выступал раньше от его имени.

— Нравится вам это или нет,— сказал он,— но сейчас середина двадцатого века, и никуда не денешься от массового производства. Получая все в готовом виде, человечество не обязательно должно стать менее привлекательным; в конечном итоге оно может обрести даже некое художественное единство.

И он принялся объяснять мне, как этого можно достигнуть.

Он не слишком торопил меня, и, разговаривая, мы отклонялись от основной темы.

— Приятное это местечко,— заметил я.— Как вы его нашли?

Он пожал плечами.

— Я частенько брожу ночами по улицам. Изучаю город.

— А это не опасно?

— Смотря с чем сравнивать,— с каким-то мрачным оттенком в голосе ответил он.

— О! Видно, вы не из этих мест?

— Нет. Я приехал в Соединенные Штаты только в 1946 году. Таких, как я, называли перемещенными лицами. Тадом Минельсом я стал потому, что мне надоело писать длинное Тадеуш Михайловский. Так же, как мне ни к чему было культивировать в себе чувствительность Старого Света; я стремлюсь к полной ассимиляции.

При других обстоятельствах он говорил о себе редко и сдержанно. Позже от восхищенных и завистливых конкурентов я узнал некоторые подробности его стремительной деловой карьеры. Кое-что из них до сих пор не верил, что можно с выгодой продать дом со скрытой системой отопления меньше чем за двадцать тысяч долларов. Минельс нашел способ сделать это возможным. Не так уж плохо для иммигранта без гроша за душой!

Я копнул глубже и узнал, что, принимая во внимание услуги, оказанные им армии Соединенных Штатов на последнем этапе европейской войны, ему выдали специальную визу на въезд. А услуги такого рода требовали значительной выдержки и сообразительности.

Между тем наше знакомство крепло. Я продал ему землю, в которой он нуждался, и мы по-прежнему продолжали встречаться — иногда в кабачке, иногда в моей холостяцкой квартире, но чаще всего в надстройке его дома на берегу озера. У него была сногсшибательная блондинка жена и двое смышленых, хорошо воспитанных мальчиков. Тем не менее он был одинок и дорожил нашей дружбой.

Примерно через год после нашей первой встречи он рассказал мне одну историю.

Я был приглашен к ним на обед в день благодарения. После обеда завязался разговор. Мы сидели и беседовали, беседовали, беседовали. Когда же, покончив с обсуждением вероятности возникновения беспорядков во время ближайших городских выборов, мы перешли к вопросу о том, насколько вероятно, что другие планеты в своем историческом развитии следуют в основных чертах по тому же пути, что и наша собственная, Амелия извинилась и ушла спать. Уже давно перевалило за полночь. Мы с Минельсом продолжали разговор. Никогда раньше я не видел его таким возбужденным. Как будто что-то в нашем разговоре задело его за живое. Наконец он встал, не совсем твердой рукой наполнил наши стаканы виски и, бесшумно ступая по пушистому зеленому ковру, направился через всю гостиную к огромному окну.

Стояла светлая морозная ночь. Под нами внизу лежал город — причудливое сплетение сверкающих красок, прожилки и завитки из рубинов, аметистов, сапфиров, топазов — и темное полотно поверхности озера Мичиган; казалось, наши взоры вот-вот выхватят из мрака простиравшиеся вдали бескрайние белые равнины. Но над нами изгибался кристально-черный свод неба, где стояла на хвосте Большая Медведица и по Млечному Пути шагал Орион. Мне не часто приходилось видеть такое величественное и суровое зрелище.

— Но ведь в конце концов я говорю о том, о чем действительно знаю,— произнес он.

Я слегка шевельнулся в глубине своего кресла. В камине потрескивали крохотные голубые язычки пламени. Кроме них, комнату освещала только одна затененная абажуром лампа, так что, проходя незадолго до этого мимо окна, я отчетливо видел в вышине россыпи звезд.

— По собственному опыту? — немного помедлив, спросил я.

Он бросил быстрый взгляд в мою сторону. Черты лица его окаменели.

— А что, если бы я ответил утвердительно?

Я не спеша потягивал свое виски. «Кингс Рексом» — благородный и успокаивающий напиток, особенно в те часы, когда, кажется, сама Земля звенит в унисон с нарастающим холодом.

— У вас, верно, есть на то свои причины, и мне не терпится услышать их.

Он криво усмехнулся.

— О, я тоже с этой планеты,— сказал он.— Однако... однако не небо настолько необъятно и чуждо... не кажется ли вам, что это могло отложить какой-то отпечаток на тех, кто там побывал? Не вошло ли это в их плоть и кровь настолько, что, вернувшись, они принесли это с собой на Землю, которая с тех пор никогда уже не была прежней?

— Продолжайте. Вы знаете, что я люблю фантастику.

Он посмотрел в окно, снова взглянул на меня и внезапно залпом осушил свой стакан. Столь резкое движение было ему несвойственно. Как, впрочем, и неуверенность.

— Ну что ж, я расскажу вам одну фантастическую историю,— жестко, со своим прежним акцентом произнес он.— Хоть в ней мало веселого — ее хорошо рассказывать в зимнюю пору; кстати, не советую вам слишком принимать ее всерьез.

Я затянулся великолепной сигарой, которой он угостил меня, и приготовился слушать, не нарушая необходимой ему сейчас тишины.

Глядя себе под ноги, он несколько раз прошелся мимо окна, потом заново наполнил свой стакан и сел рядом со мной. Однако смотрел он не на меня, а на висевшую на стене картину, сумрачное, непонятное произведение, которое никому, кроме него, не нравилось. Казалось, она вдохнула в него силы, потому что он заговорил быстро и тихо.

— Однажды в далеком-предалеком будущем жила-была цивилизация... Я не стану вам ее описывать, ибо описать ее невозможно. Могли бы вы, перенесясь в эпоху строителей египетских пирамид, рассказать им об этом лежащем внизу городе? И дело не в том, что они вам не поверили бы — разумеется, они не поверили бы. Я хочу сказать, что они просто не поняли бы вас. Что бы вы ни говорили, для них это была бы полная бессмыслица. А то, как люди работают, о чем думают и во что верят,— все это было бы для них еще менее понятно, чем те огни, небоскребы и механизмы внизу. Разве не так? Если бы я рассказал вам о людях будущего, живущих в мире колоссальных ослепляющих энергий, о генетических видоизменениях, воображаемых войнах, о говорящих камнях и о некоем слепом охотнике, у вас могло бы возникнуть какое угодно ощущение, но вы бы ничего не поняли.

Поэтому я только прошу вас представить себе, сколько тысяч оборотов совершила к тому времени эта планета вокруг солнца, как глубоко мы погребены и как прочно забыты; и еще постарайтесь понять, что мышление людей той цивилизации настолько отличается от нашего, что они, пренебрегая всеми законами логики и природы, изобрели способ путешествия во времени. Так что, если средний житель той эпохи,— я вряд ли могу назвать его гражданином или употребить какое-либо другое известное нам слово, ибо это дезориентирует вас,— если средний образованный житель смутно, без особого интереса представляет себе, что тысячелетия назад какие-то полудикари первыми расщепили атом, то только один или двое из них действительно побывали здесь, жили среди нас, изучали нас и вернулись обратно с информацией для центрального мозга, если в данном случае уместен этот термин. Остальные интересуются нами не больше, чем, например, вы интересуетесь археологией раннего периода Месопотамии. Вам понятно?

Он опустил взгляд на свой стакан, который все еще держал в руке, и стал теперь смотреть на него, словно виски было источником оракульского вдохновения. Молчание затянулось. Наконец я произнес:

— Ладно. Ради того чтобы услышать вашу историю, я принимаю эту предпосылку. Но мне думается, что тем, кто путешествует во времени, не следовало бы привлекать к себе внимания. У них должны быть свои методы маскировки и тому подобное. Вряд ли им хотелось бы изменить свое собственное прошлое.

— О, тут нет никакой опасности,— сказал он.— Единственная причина их маскировки заключается в том, что им не много удалось бы узнать, если бы они на каждом шагу объясняли, что пришли из будущего. Воображаете, что бы из этого получилось?

Я усмехнулся.

Минельс угрюмо взглянул на меня.

— Как вам кажется, в каких еще целях, кроме научных, можно использовать путешествие во времени? — спросил он.

— Ну, для приобретения произведений искусства и разработки природных богатств,— предположил я.— Можно было бы отправиться назад, в эпоху динозавров, добывать железо, чтобы до появления человека снять сливки с богатейших месторождений.

Он отрицательно покачал головой.

— Подумайте еще. Им понадобилось бы весьма ограниченное количество минойских статуэток, ваз династии Минг и миниатюр третьей Мировой Гегемонии, да и то главным образом для их музеев. Если только можно употребить здесь слово «музей», не впадая в большую ошибку. Я повторяю, что они не похожи на нас. А что касается природных богатств, то они в них не нуждаются: все, что им нужно, они изготовляют сами.

Он умолк, словно готовясь к последнему решительному шагу.

— Как называлась та колония для преступников, которую покинули французы?

— Чертов Остров?

— Правильно. Можете вы вообразить себе более страшное возмездие, чем высылка преступника в прошлое?

— А мне и в голову не пришло бы, что у них еще существует концепция возмездия или тем более необходимость держать в страхе одних, подвергая ужасным наказаниям других. Даже мы, в нашем веке, сознаем, что это ничего не дает.

— Вы в этом уверены? — спокойно спросил он.— А разве бок о бок с развитием и совершенствованием современной науки о наказаниях соответственно не возрастает сама преступность? Кстати, вас как-то удивило, что я решаюсь бродить один по ночным улицам. Скажу вам больше: наказание очищает общество в целом. В будущем вам бы сказали, что публичное повешение снизило коэффициент преступности, который иначе был бы еще выше. И, что еще более важно, в восемнадцатом веке эти «спектакли» создали условия для рождения настоящего гуманизма.— Он сардонически поднял бровь.— Во всяком случае, так утверждают в будущем. Правы ли они или просто стараются оправдать элемент деградации в своей собственной цивилизации — это не имеет значения. Вам следует допустить только то, что они действительно отправляют своих самых опасных преступников в прошлое.

— Довольно неосторожно по отношению к прошлому,— заметил я.

— Нет, на самом деле это не так. Хотя бы потому, что все, что из-за них происходит, уже произошло... Проклятие! Английский язык не создан для таких парадоксов. Вы должны только понять главное: что они не тратят все эти усилия на рядовых негодяев. Чтобы заслужить высылку в прошлое, нужно совершить особое преступление. А степень тяжести преступления зависит от того, на каком году мировой истории оно совершается. Убийство, разбой, измена родине, ересь, торговля наркотиками, рабовладение — все это в один эпохи каралось смертной казнью, легко сходило в другие и положительно оценивалось в третьи. Оглянитесь мысленно назад и посмотрите, прав я или нет.

Некоторое время я молча разглядывал его, отмечая про себя, как глубоки бороздившие его лицо морщины, и пришел к выводу, что он слишком сед для своего возраста.

— Хорошо,— произнес я.— Я с вами согласен. Но неужели человек из будущего со всеми своими знаниями...

Он со стуком поставил стакан на стол.

— Какими знаниями? — выкрикнул он.— Вы только вдумайтесь как следует! Представьте, что вас, нагого, оставили бы одного в Вавилоне. Много вы знаете об истории и языке Вавилона? Какой там в этот период царь, долго ли он еще будет царствовать, кто после него вступит на престол? Каким законам и обычаям вы должны подчиняться? Вы только помните, что со временем Вавилон победят ассирийцы, персы или еще кто-нибудь, и тогда не оберешься неприятностей. Но когда и как это произойдет? А идущая сейчас битва, что это — просто пограничная перестрелка или настоящая война? Если последнее, то победит ли Вавилон? Если же он потерпит поражение, то каковы будут условия мирного соглашения? Едва ли сегодня найдется хотя бы двадцать человек, которые ответили бы на эти вопросы, не заглянув предварительно в книгу. А вы к ним не относитесь, да у вас и не будет такой книги.

— Мне кажется,— медленно произнес я,— что, достаточно ознакомившись с языком, я пошел бы в ближайший храм. Я сказал бы жрецу, что могу сделать... мм... фейерверк.

Он невесело рассмеялся.

— А как? Не забывайте, что вы находитесь в Вавилоне. Где вы возьмете серу и селитру? Если даже вам удастся растолковать жрецу, что именно вам нужно, и каким-нибудь образом убедить его достать это для вас, сумеете ли вы приготовить порошок, который взорвется, а не будет просто шипеть? К вашему сведению, это в некотором роде искусство. Ведь вы, черт возьми, не сможете даже устроиться матросом. Вам очень повезет, если в конечном итоге вы будете где-нибудь мыть полы. А скорее всего на вашу долю достанется рабский труд на полях. Разве не так?

Огонь в камине медленно угасал.

— Да, вы правы,— сдался я.

— Как вы понимаете, они с большой тщательностью выбирают место и время.

Он оглянулся на окно. Оттуда, где мы сидели, был виден лишь ночной мрак — отблески на стекле полностью скрывали от нас звезды.

— Когда человека приговаривают к изгнанию,— продолжал он,— все эксперты по различным эпохам собираются на совещание и высказывают свои соображения по поводу того, какие из периодов истории наиболее подходят для данного, конкретного индивида. Вы, конечно, понимаете, что человеку интеллектуальному и брезгливому, перенесенному в Грецию времен Гомера, жизнь покажется сплошным кошмаром, а какой-нибудь головорез может там отлично прижиться и даже стать уважаемым воином. Если этот головорез не совершил самого тяжкого преступления, они и вправду могут оставить его вблизи дворца Агамемнона, обрекая его всего лишь на опасность, неудобства и тоску по родине... О господи,— прошептал он.— На тоску по родине!

Под конец своей речи он так помрачнел, что я счел нужным как-то рассеять его и сухо заметил:

— У приговоренного должен быть выработан иммунитет ко всем болезням прошлого. Иначе эта высылка превратится в усложненную смертную казнь.

Его глаза снова остановились на мне.

— Верно,— произнес он.— И в его организме, конечно, продолжает активно действовать сыворотка долголетия. Но это все. С наступлением темноты его высаживают в каком-нибудь безлюдном месте, машина исчезает, и он до конца дней отрезан от своего времени. Он знает только то, что для него выбрали эпоху... с такими особенностями... благодаря которым, по их мнению, наказание будет соответствовать характеру совершенного им преступления.

На нас снова обрушилась тишина, пока тиканье каминных часов не превратилось в самый громкий звук на свете, словно снаружи навсегда умолкли, скованные морозом, все остальные голоса мира. Я взглянул на циферблат. Была глубокая ночь; близился час, когда начинает светать на востоке небо.

Посмотрев на него, я увидел, что он все еще не спускает с меня пристального смущенного взгляда.

— Какое вы совершили преступление? — спросил я.

Судя по всему, этот вопрос не застиг его врасплох, он только устало сказал:

— А какое это имеет значение? Ведь я уже говорил вам, что одни и те же поступки в одну эпоху оцениваются как преступления, а в другую — как героические подвиги. Если бы моя попытка увенчалась успехом, грядущие столетия преклонялись бы перед моим именем. Но я потерпел неудачу.

— Должно быть, пострадало множество людей,— сказал я.— И весь мир возненавидел бы вас.

— Да, так оно и было,— согласился он. И через минуту добавил: — Разумеется, я все это выдумал. Чтобы скоротать время.

— А я вам подыгрываю,— улыбнулся я.

Он почувствовал себя несколько свободнее и, откинувшись на спинку кресла, вытянул ноги на великолепном ковре.

— Так. А каким же образом на основе рассказанного мною вымысла вам удалось догадаться о степени моей предполагаемой вины?

— Ваше прошлое. Где и когда вас оставили?

И тоном, холоднее которого мне никогда не приходилось слышать, он произнес:

— Под Варшавой, в августе 1939 года.

— Не думаю, чтобы вам хотелось говорить о годах войны.

— Вы правы.

Однако, поборов себя, он с вызовом продолжал:

— Мои враги просчитались. Из-за всеобщей неразберихи, возникшей в связи с нападением Германии, меня посадили в концентрационный лагерь без предварительного полицейского расследования. Постепенно я разобрался в обстановке. Я, конечно, не мог тогда ничего предсказать, как не могу этого сделать сейчас. О том, что происходило в двадцатом веке, знают лишь специалисты. Но к тому времени, когда меня, как поляка, мобилизовали в немецкую армию, я понял, что эта сторона потерпит поражение. Поэтому я перебежал к американцам, рассказал им обо всем, что видел, и стал их разведчиком. Это было рискованно, но даже если бы я натолкнулся на пулю, что с того? Этого не случилось; кончилось тем, что у меня оказалось множество покровителей, которые помогли мне приехать сюда. Остальная часть этой истории вполне заурядна.

Моя сигара погасла. Я снова зажег ее, потому что с сигарами Минельса нельзя было обращаться небрежно. Их специально доставляли ему самолетом из Амстердама.

— Чужое семя,— произнес я.

— Что вы сказали?

— Да вы ведь знаете. Руфь в изгнании. К ней относились неплохо, но она выплакала глаза от тоски по родине.

— Нет, я ничего об этом не знаю.

— Это из библии.

— Ах, да. Надо обязательно как-нибудь прочесть библию.

Его настроение постепенно менялось, и он снова обретал ту уверенность, которую я наблюдал в нем прежде. Жестом почти беспечным он поднес ко рту стакан с виски и залпом выпил его. В выражении его лица была смесь настороженности и самоуверенности.

— Да,— сказал он,— с этим было очень скверно. И главное тут не в изменении жизненных условий. Вам, конечно, случалось выезжать за город и жить в палатке, и вы не могли не заметить, как быстро отвыкаешь от крана с горячей водой, электрического освещения, от всех тех приспособлений, которые, по уверениям производящих их фабрикантов, являются предметами первой необходимости. Я был бы рад иметь гравитационный индуктор или клеточный стимулятор, но я прекрасно обхожусь без них. Тоска по родине — вот что вас пожирает. Мелочи, которых вы никогда не замечали: какая-нибудь определенная пища, то, как люди ходят, в какие они играют игры, на какие темы разговаривают... Даже созвездия. И они в будущем выглядят по-иному. Такой далекий путь прошло к тому времени Солнце по своей галактической орбите.

Но всегда были и есть люди, которые покидают родные края. Все мы — потомки тех, кто смог пережить это потрясение. Я приспособился.

Он угрюмо нахмурился.

— Я не вернулся бы обратно, даже если бы меня помиловали,— произнес он.— Из-за того, что там творят эти предатели.

Я допил свое виски, смакуя языком и небом каждую каплю этого восхитительного напитка и лишь краем уха прислушиваясь к его словам.

— Вам здесь нравится?

— Да,— ответил он.— Теперь — да. Я уже преодолел эмоциональный барьер. Мне помогло, что первые несколько лет все мои усилия были направлены только на то, чтобы выжить, а потом, приехав сюда, я был слишком занят устройством. У меня было мало времени на самопланнирование. А теперь меня все больше увлекает мой бизнес — игра, захватывающая и приятная тем, что неверные шаги в ней не влекут за собой высшую меру наказания. Я открыл в этой эпохе такие качества, которые утратило будущее... Держу пари, что вы не имеете ни малейшего представления о том, насколько экзотичен этот город. Ведь в эту самую минуту в пяти милях от нас стоит у атомной лаборатории солдат-охранник, мерзнет в подворотне бродяга, идет оргия в апартаментах миллионера, готовится к ранней службе священник, спит торговец из Аравии, стоит в порту корабль из Индии...

Его возбуждение несколько улеглось. Он отвел взгляд от ночного окна и посмотрел в сторону спален.

— И здесь моя жена и дети,— с какой-то особенной теплотой добавил он.— Нет, что бы ни произошло, я не вернулся бы обратно.

Я в последний раз затянулся сигарой.

— Да, вы д е й с т в и т е л ь н о неплохо устроились.

Окончательно стряхнув с себя грусть, он улыбнулся мне.

— А знаете, мне кажется, что вы поверили этой сказке.

— О, безусловно.— Я погасил окурок сигары, встал и потянулся.— Час поздний. Нам, пожалуй, пора идти.

Он понял не сразу. А когда до него наконец дошло, он медленно, словно огромный кот, приподнялся с кресла.

— Н а м?

Я вытащил из кармана пистолет-парализатор. Он замер на месте.

— Дела такого рода не оставляют на волю случая. Мы всегда проверяем. А теперь в путь.

Кровь отхлынула от его лица.

— Нет,— беззвучно, одними губами произнес он,— нет, нет, нет, вы этого не сделаете, это ужасно, а Амелия, дети...

— Это,— сказал я ему,— входит в наказание.

Я оставил его в Дамаске за год до того, как город был разграблен Тамерланом.

Перевела с английского
С. ВАСИЛЬЕВА

СЮЖЕТ МИСТЕРА ДЖОНСА

Лоуренс БЛОК

РАССКАЗ

До полуночи оставалось всего несколько минут. Девушка-гардеробщица из клуба «Клео» на Бродерик-авеню подала шляпу Томасу М. Кэрролу по прозвищу «Везучий Том». Кэррол протянул ей хрустящую долларовую бумажку, торопливо подмигнул и направился к парадной двери. Ему было пятьдесят два года, но выглядел он на сорок пять, а чувствовал себя тридцатидевятилетним. Он швырнул на тротуар недокуренную дорогую сигару и не спеша двинулся к автостоянке клуба, расположенной поблизости. Его огромный и очень дорогой автомобиль ждал его на специально зарезервированном месте.

Когда Кэррол привычным движением вставил ключ зажигания, он почувствовал, что в машине есть еще кто-то.

Услышав за спиной металлический щелчок, Кэррол оцепенел, и в этот момент низенький мужчина с заднего сиденья всадил шесть пуль ему в затылок. Громовое эхо выстрелов еще не затихло, когда мужчина открыл дверцу машины, сунул пистолет в карман пиджака и засеменил по улице так быстро, как только мог, что, впрочем, нельзя было назвать стремительным бегством. Он стянул с маленьких рук белые перчатки и пошел тише, держа их в руке. Больше всего он напоминал Белого Кролика из «Алисы в стране чудес», отчаянно стремящегося не опоздать на свидание с Герцогиней.

Когда Финни и Маттера приехали по вызову на место происшествия, машина Кэррола была окружена плотным кольцом зевак. Удостоверившись, что свидетелей, которых стоило допросить, нет, они зашли в «Белую башню» выпить по чашечке кофе. Пусть теперь ребята из лаборатории криминалистики попотеют всю ночь в поисках черной кошки в угольной шахте.

— Надо думать, тот, кто это сделал, сейчас уже в самолете. Будет на Западном побережье прежде, чем труп остынет,— сказал Финни.

— Угу.

— Ну, так, значит, «Везучий Том» схлопотал свое. Очень мило с его стороны, что он выбрал для этого приличную ночь. Противно вылезать из участка в дождь. А в такую ночь отчего не выйти?

— Даже приятно освежиться.

— Вот именно,— сказал Финни. Он задумчиво помешал кофе, размышляя о том, что, наверно, невозможно помешивать кофе и не казаться при этом глубоко задумавшимся.— Хотел бы я знать,— сказал он,— кому же это надо было его убивать?

— Вот именно. Кому? Что там за ним числится? Грабеж с рукоприкладством, разбойное нападение, вооруженное нападение при отягчающих обстоятельствах, еще нападение с применением оружия, вымогательство, три убийства, о которых нам известно, что он их совершил, но которые мы не можем ему припить...

— В общем, ничего особенного,— сказал Финни.

— ...Был тайным владельцем клуба «Клео», организатором трех незаконных игорных заведений...

— Четырех.

— Четырех? Мне были известны только три.— Маттера долил кофе.— Был замешан в махинациях с «займами» с помощью шантажа, являлся вторым человеком в банде Барри Бейера, ну, и еще кое-что... Правда, лет восемь назад всплыло еще дело об изнасиловании...

— Короче говоря, вполне добропорядочный гражданин.

— Лучше всех.

— Общественный деятель.

— Ну, а как же!

— А дело было сделано, безусловно, профессионально. Шесть пуль в упор. Месть, наверно, а?

— Похоже на то.

— Не пробежала ли черная кошка между Бейером и Арчи Роскау?

— Не слыхал. Да нет, в нашем славном городе на улицах не проливается кровь преступников. Они уже несколько лет живут в мире и согласии. Обе банды предпочитают потрошить город, а не связываться друг с другом.

— Вот истинно национальный подход,— сказал Финни.— Царство закона и порядка. Просто можно гордиться тем, что служишь законности и порядку именно в этом городе — памятнике американскому гражданскому самосознанию.

— Заткнись,— сказал Маттера.

* * *

Приблизительно через два дня и три часа три человека вышли из парадной дома № 815 на Камерон-стрит. Учреждение, которое они покинули, не имело официального названия, но его адрес был известен каждому таксисту в городе. Наше воспитание не позволяет нам точно описать основной род занятий обитателей дома. Достаточно будет сказать, что там жили семь привлекательных молодых дам и что этот дом не был ни пансионатом для сестер милосердия, ни студенческим общежитием.

Трое выходивших из дома собирались пройти к своему автомобилю. Они поставили его у самого пожарного гидранта, сверх меры уверенные, что ни один полицейский не осмелится наклеить им на ветровое стекло повестку с вызовом в участок. Все трое были доверенными сотрудниками Арчи Роскау. Они навестили дом, чтобы забрать недельный доход и заодно проконтролировать, как идут дела.

Когда они уже вышли на улицу, к ним медленно подъехал потрепанный автомобиль с открытым верхом. В нем находился только один человек. Он перегнулся через переднее сиденье и застрелил человека в центре из обреза. Затем выхватил из-под сиденья самозарядный пистолет и прикончил двух других, всадив в каждого по три заряда. Все трое были мертвы еще до того, как их тела грохнулись на тротуар.

Водитель что есть силы надавил на педаль акселератора, и машина прыгнула вперед, как испуганный зверь. Она обогнула угол на двух колесах и затем внезапно замедлила скорость до 25 миль в час. Проехав четыре квартала, водитель поставил машину и поднял верх. Он разобрал обрез и аккуратно сложил его вместе с пистолетом в маленький чемоданчик из черной кожи. Затем вынул из зажигания замыкающий проводок и вышел из машины.

Как только он оказался на улице, он снял белые перчатки и тоже положил их в черный чемоданчик. Его собственная машина стояла тут же, за углом. Он поставил чемоданчик в багажник, сел в машину и поехал домой.

Финни и Маттера снова выехали по вызову. Но на этот раз, несмотря на хорошую погоду, настроение у них испортилось. Нашлись свидетели, а свидетели, как известно, порой могут здорово испортить вам настроение. Это и был как раз такой случай. Один свидетель сообщил, что убийца был пешим, но его почти никто не поддержал. Большинство сходилось на том, что в деле участвовала автомашина. Один сказал, что верх у этой машины был открытый, другой, что закрытый, типа «седан», а третий вообще утверждал, что это был грузовик. Были еще заявления. Один свидетель сказал, что убийц было трое: Другой — что стрелял только один. Остальные утверждали, что их было двое. Финни и Маттера сочли, что цифра «три» звучит логичнее всего, так как в деле участвовали два вида оружия и кто-то ведь еще должен был сидеть за баранкой.

Они спросили свидетелей, смогут ли те в случае необходимости опознать убийцу или там убийц. И тут все свидетели вдруг сообразили, что убили-то гангстеров, а каждому хорошо было известно, что происходит с теми свидетелями, которые в состоянии опознать убийц. Поэтому все единодушно заявили, что, как ни странно, но они не сумели хорошенько разглядеть убийц.

Финни пришлось задавать дурацкие вопросы, а Маттере записывать дурацкие ответы. Прошло не меньше часа, прежде чем им удалось попасть в «Белую башню».

— Свидетели,— сказал Финни,— как правило, ненадежны.

— Свидетели — это божье наказание.

— Верно. Еще три добропорядочных гражданина...

— Но на этот раз из добропорядочных граждан Арчи Роскау — Джо Дэнт, Чарли Вайс «Третий Раз» и Мэрчисон «Большой Нос». Тебе бы хотелось, чтобы тебя звали «Большой Нос», а?

— У него теперь и носа-то нету,— сказал Финни.— А если бы и был, он бы не много вынюхал.

— Как ты все это понимаешь?

— Ну, как они там сказали в день нападения японцев на Пирл-Харбор?

— Ну?

— «Похоже на войну, сэр?»

— Хм,— сказал Маттера.— Не слишком ясно, а? Мы бы обязательно что-нибудь услышали заранее. Ведь что самое приятное в нашей профессии: ты всегда знаешь что-то, о чем остальные граждане даже не догадываются. Другое дело, что не всегда можно что-то на этот счет предпринять, но по крайней мере ты хоть в курсе дела. Собственно, мы и полицейскими-то работаем потому, что приятно находиться в центре событий.

— А я-то думал, что вам просто нравится бесплатно пить у нас кофе,— вмешался буфетчик, но они игнорировали его слова.

— В этой истории мы будем выглядеть не лучшим образом,— сказал Финни...— Если Роскау и Бейер начнут большую заварушку, крови прольется много и разобраться, что к чему, будет весьма даже не просто.— Он вдруг замолчал, довольный собой. Ему еще ни разу не удавалось ввернуть в разговор словечко «весьма».— И, кроме того,— продолжал он,— у газет может появиться повод намекнуть, что мы не самые лучшие полицейские в мире.

— Хотя каждому известно, что мы лучшие полицейские, каких можно найти за деньги,— сказал Маттера.

— Золотые слова,— сказал Финни.

— И что больше всего меня беспокоит,— сказал Маттера,— это сколько невинных людей погибнет в этой борьбе. Вот таких, например, как «Большой Нос».

— Столпы общества.

— Нам будет их недоставать,— сказал Маттера.

На следующий день м-р Арчи Роскау позвонил по своему личному прямому проводу, гарантированному от подслушивания, м-ру Барри Бейеру, с которым его соединили при помощи такого же провода, принадлежавшего этому последнему.

— У тебя не было повода это делать,— сказал он.

— Делать что?

— Я про Дэнта, «Третьего Раза» и «Большого Носа»,— сказал Роскау.— Ты же знаешь, что я никакого отношения не имел к делу «Везучего Тома». У тебя не было повода мстить.

— А кто же тогда ухлопал «Везучего Тома»?

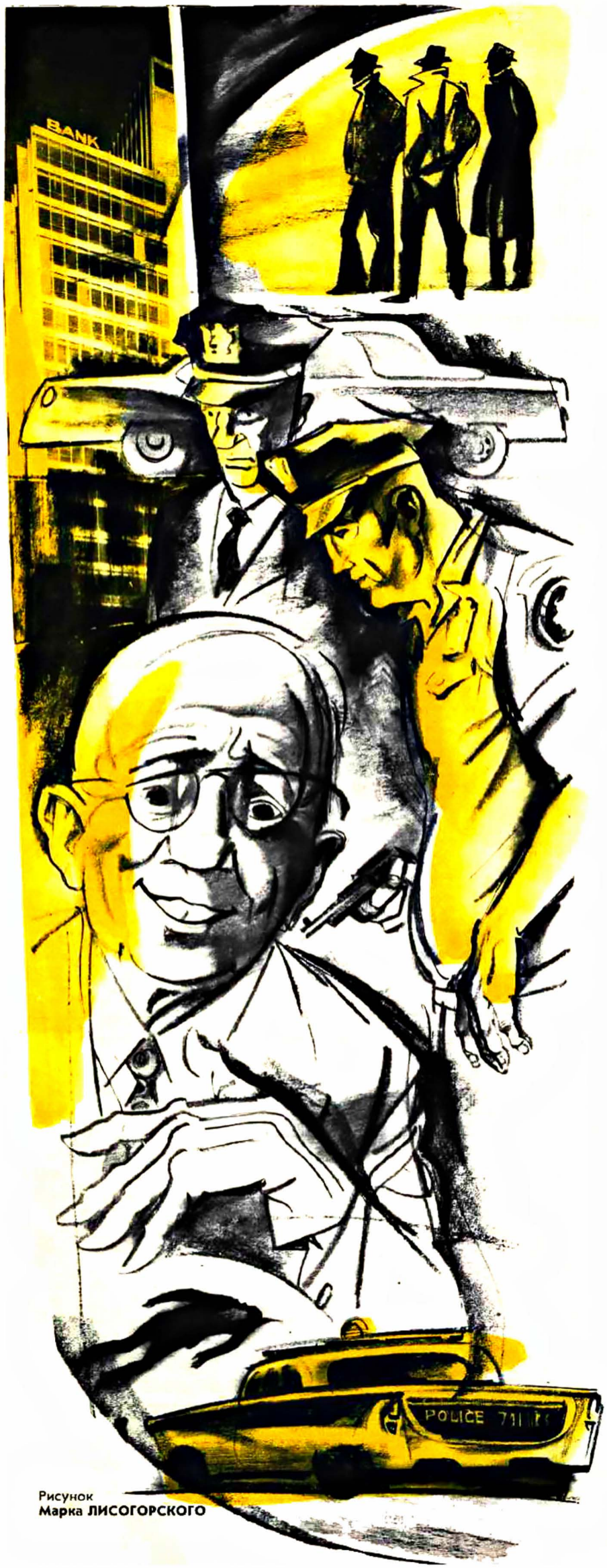


Рисунок
Марка ЛИСОГОРСКОГО

— Откуда я знаю

— Ну в таком случае,— резонно ответил Бейер,— откуда я знаю, кто прикончил Дэнта, «Третьего Раза» и «Большого Носа»?

Наступило длительное молчание.

— Мы уже давно дружим,— сказал Роскау.— И до сих пор все шло, как надо, и дело не доходило до того, чтобы приканчивать кучу парней в отместку за то, чего мы, между прочим, никогда не делали.

— Если бы я был уверен, что это ты ухлопал «Везучего Тома»...

— Это дерьмо,— сказал Роскау,— и убивать-то не стоило.

— Если бы я был уверен, что это ты его ухлопал,— продолжал Бейер,— я бы не пошел стрелять по кучке зеленых юнцов вроде Дэнта, «Третьего Раза» или «Большого Носа». Знаешь, что бы я сделал?

— Ну, что?

— Я бы добрался до самого верха,— сказал Бейер.— Я бы тебя самого кокнул, дерьмо ты собачье!

— Так не разговаривают, Барри.

— У тебя не было повода убивать «Везучего Тома». Может, он и зажулил кое-что в Третьем микрорайоне, но это дела не меняет.

— А у тебя не было повода убивать этих парней.

— Ты еще не знаешь, что такое «убивать», дерьмо!

— Значит, так?— с вызовом спросил Роскау.

— Значит, так!

В ту же ночь джентльмен по имени м-р Росуэл Спун по прозвищу «Жирный» повернул ключ зажигания и немедленно был перенесен взрывом из этого мира в следующий. Низенький владелец белых перчаток на маленьких руках наблюдал за этим из окна таверны через дорогу. М-р Спун был связным в группе Барри Бейера. Менее чем через два часа после скоропостижной кончины м-ра Спуна пять мальчиков Барри Бейера увели карету «Скорой помощи» из больничного гаража. Пятеро сели сзади, а шестой, одетый в белое, погнал этот лихой экипаж через весь город, не спуская ноги с педали и запустив сирену на полную мощность.

— Ну, прямо как в добрые старые времена! — сказал один из них.— Вот так мы ездили, когда мир еще не протух окончательно. Вот это и называется делать дело с шиком.

Карета остановилась перед таверной в Вест-Сайде, где устроила свою резиденцию банда Роскау. Задняя дверца машины распахнулась, и пять храбрых рыцарей с пулеметами начали побоище. В схватке погибли восемь самых стойких бойцов армии Роскау, а из экипажа кареты был убит только один.

Роскау рассчитался на следующий день, застрелив двух картежных шулеров, работавших под началом Бейера, задавив двух мелких торговцев наркотиками и всадив пулю в ближайшего помощника Бейера, когда тот выходил из своего банка в два тридцать дня. Стрелок, совершивший это последнее деяние, бросился в переулок и напоролся прямо на новичка-участкового, который первым же выстрелом уложил его наповал. Мальчишка прослужил всего три месяца и был уверен, что теперь ему не миновать суда за то, что прежде, чем стрелять в человека, он не дал два предупредительных выстрела в воздух. Но вместо суда он тут же получил повышение и стал младшим детективом.

К концу второй недели с начала военных действий темп убийств несколько замедлился. Главари обеих шаек начали понимать, что военное время требует соответствующих мер по обеспечению безопасности. Теперь уже нельзя было слоняться по улицам, ни о чем не думая, как в мирные времена. Нельзя уже было запросто пойти на собрание гангстеров, посетить ночной клуб, игорный дом или свою подружку, не позаботясь об охраннике или даже охранниках. Короче говоря, нужно было соблюдать всяческую осторожность.

Но это не всем удавалось. Лопеца-«Жулика» как-то раз обнаружили в багажнике собственной машины: на нем был «галстук» из фортепьянной струны. Логана-«Зрит-в-Оба» нашли на дне его собственного бассейна. Он был связан по рукам и ногам, а в легких у него было несколько кварт хлорированной воды. Бенни Бенедетто заглянул под капот своей новенькой машины и обнаружил бомбу, прикрученную к зажиганию. Он осторожно снял ее и умело разобрал. Затем он залез на водительское сиденье, возмущаясь вероломством человеческого рода. Но Бенни не заметил другую бомбу, прикрепленную к стартеру. Бомба же, напротив, не оставила его без внимания: Бенни Бенедетто потом подбирали с помощью совка и мокрой тряпки.

Газеты подняли страшный вой. Отцы города подняли страшный вой. Полицейский комиссар поднял страшный вой. Финни и Маттера работали по две смены и все пытались втолковать женам, что это ведь война. Жены тоже подняли страшный вой.

Война продолжалась целых три месяца. Она то утихала, то вспыхивала с новой силой. Ходили слухи о конференциях на высшем уровне, о личных встречах между Арчи Роскау и Барри Бейером, которые проводились на нейтральной территории. После таких мер убийства на неделю прекращались, и миру становилось ясно, что провозглашено перемирие. Но затем в кого-нибудь стреляли, или втыкали нож, или кого-то разрывали бомбой на куски, и все начиналось сначала.

К концу третьего месяца, по-видимому, опять наступило перемирие, но теперь уже никто не принимал мирные переговоры всерьез. Уже пять дней не поступало сообщений об убийствах. Общее число убитых к тому времени достигло восьмидесяти трех, еще несколько человек было ранено, четверо сидели в тюрьме и еще двое пропали без вести. Обе банды понесли почти равные потери. Было убито сорок человек у Бейера, сорок три у Роскау, и в каждой шайке по одному человеку пропало без вести.

Однажды ночью Финни и Маттера, как обычно, объезжали наиболее беспокойные улицы в обыкновенной гражданской машине. Но эта ночь стала для них особенной, потому что они наконец поймали человека в белых перчатках.

Заметил его первым Маттера. Он увидел, что кто-то сидит в машине с потушенными фарами и включенным мотором. Он было подумал, что там целуются какие-нибудь юнцы, но в машине был только один человек, и вдобавок он что-то делал. Поэтому Маттера медленно подъехал поближе и тоже выключил фары.

Низенький человек в машине наконец разогнулся. Он открыл дверцу, вышел и обнаружил, что перед ним стоят Финни и Маттера с пистолетами в руках.

— Боже мой,— сказал низенький.

Финни прошел за его спиной в машину и осмотрел ее.

— Чистая работа,— сказал он.— Он прикрутил пистолет к рулевой колонке, а к спусковому крючку протянул проволочку и соединил ее со стартером. Вы даете газ, и пистолет стреляет вам прямо в грудь. Я читал, что так делают в Техасе. Профессионально сделано.

Маттера взглянул на низенького и покачал головой.

— Ну и профессионал! Старая коротышка в очках. Чья это машина, приятель?

— Ушастого Кэрредина,— сказал низенький.

— Это из банды Роскау,— сказал Финни.

— Так ты работаешь на Барри Бейера, друг?

У низенького отвалилась челюсть.

— Господи, нет, конечно,— сказал он. Голос у него был высокий и пронзительный.

— А на кого же?

— На Эбердинскую фармацевтическую компанию,— сказал низенький.— Я у них химик.

— Ты у них кто?

Низенький снял перчатки и грустно повертел их в руках.

— Видно, так не пойдет,— сказал он печально.— Наверно, мне придется вам все рассказать, да?

Финни согласился, что это неплохая мысль. Низенький предложил, чтобы они сели в машину полицейских. Так они и сделали.

— Меня зовут Эдвард Фитч,— сказал низенький.— Вы, конечно, не могли обо мне слышать, но имя моего сына вам могло быть знакомо. Его звали Ричард Фитч. Я его звал Дик, потому что Рич Фитч не звучит. Я думаю, что вы согласитесь, что Дик Фитч звучит лучше.

— К делу,— сказал Маттера.

— Так вам ничего не говорит это имя?— спросил м-р Фитч.

Нет, оно им ничего не говорило.

— Он покончил с собой в августе,— сказал м-р Фитч.— Повесился на шнуре от электрической бритвы. Между прочим, я ему сам эту бритву подарил. На день рождения, давно, несколько лет назад.

— Теперь я припоминаю,— сказал Финни.

— В то время я не знал, почему он покончил с собой,— продолжал м-р Фитч.— А затем мне стало известно, что он проиграл фантастическую сумму денег в азартные игры.

— «Фантастическую»!— повторил Финни, закашлявшись в восторге: он услышал новое слово.

— Да-да,— сказал м-р Фитч.— Не менее пяти тысяч долларов, если не ошибаюсь. Денег у него не было. Он попытался их достать, но, по-видимому, сумма возрастала день за днем. Проценты, если можно так выразиться.

— «Если можно так выразиться»,— как эхо, повторил Финни.

— Он чувствовал, что положение стало безнадежным. Он ошибался, но в его возрасте извинительно так преувеличивать.— М-р Фитч сделал многозначительную паузу.— Человека, которому он задолжал,— сказал он,— и который требовал чудовищные проценты, и который выиграл эти деньги в нечестной игре, звали Томас М. Кэррол.

У Финни отвалилась челюсть.

Маттера сказал:

— Вы имеете в виду «Везучего Тома»?

— Да,— сказал м-р Фитч. Некоторое время он молчал. Затем он робко поднял голову и выдавил из себя слабую улыбку.— Чем больше я узнавал об этом человеке, тем яснее мне становилось, что никаких законных средств отдать его под суд не существует. И мне стало ясно, что я должен его убить. И поэтому я...

— Вы убили «Везучего Тома»?

— Да, я...

— Шесть пуль. В затылок.

— Я хотел, чтобы это приняли за дело рук профессионала,— сказал м-р Фитч.— Я чувствовал, что мне лучше все же не попадаться.

— А Бейер ответил убийством на убийство в следующую же ночь,— сказал Финни,— и с тех пор идет война.

— Ну, не совсем так. Приходилось кое-что еще делать,— сказал м-р Фитч.— Я знаю, мои действия нельзя назвать законными. Но, видите ли, все получалось к лучшему. После того, как я убил м-ра Кэррола, я сообразил, что все будут это рассматривать как убийство из мести. Газеты называли это войной гангстеров. Я и подумал, как было бы замечательно, если бы две банды по-настоящему напустились друг на друга. Всех их убить я, конечно, не мог, но если один раз запустить всю машину в нужном направлении...

— Вы просто продолжали убивать,— сказал Маттера.

— Вы были, так сказать, армией из одного человека,— сказал Финни.

— Не вполне,— сказал м-р Фитч.— Конечно, я убил тех троих на Камерон-стрит и подложил бомбу в машину м-ра Спуна, но затем я просто предоставил событиям развиваться естественным порядком. Время от времени все успокаивалось, и мне приходилось активно вмешиваться.

— Сколько?

М-р Фитч вздохнул.

— Сколько вы лично убили, мистер Фитч?

— Пятнадцать. Я в общем-то не люблю убивать, знаете ли.

— Ну, если бы вы любили убивать, вы были бы очень опасны, м-р Фитч. Пятнадцать, а?

— Сегодня было бы шестнадцать,— сказал м-р Фитч.

Некоторое время никто не произносил ни слова. Финни закурил сигарету, дал другую Маттере и предложил третью м-ру Фитчу. М-р Фитч объяснил, что не курит. Финни хотел было что-то сказать, но передумал.

Маттера сказал:

— Я ничего такого не имею в виду, мистер Фитч, но все-таки, когда вы хотели остановиться?

— Я думаю, это совершенно ясно,— мягко сказал м-р Фитч.— Я хотел стереть эти преступные шайки с лица земли.

Фредрик **БРАУН**, США

ВАЖНАЯ ПЕРСОНА

Фантастический рассказ

Значит, так: был на свете некто Хэнли, Ал Хэнли. Глянули бы вы на него — ни за что бы не подумали, что он может сгодиться на что-нибудь серьезное. А если бы знали, как он жил, пока не прилетели эти тэдиане, так и вовсе не поверили бы, что будете, когда дочитаете эту историю, благодарны ему до гроба...

В тот день Хэнли был пьян. Не то чтобы данный факт относился к фактам исключительным: Хэнли был пьян постоянно и поставил перед собою цель ни на миг не протрезвляться. Впрочем, с некоторых пор это было для него не очень легким делом, поскольку денег у него давно не осталось и приятелей, у которых можно занять, тоже. А список знакомых истощился до того, что он считал удачей, если удавалось заполучить с них на круг хотя бы по двадцать центов с носа.

И вот он благополучно достиг печальных дней, когда поневоле отшагаешь много миль, прежде чем столкнешься с кем-нибудь хоть слегка знакомым, у которого можно стрельнуть доллар или на худой конец несколько центов. А от долгих прогулок из головы выветриваются последние остатки хмеля, ну, не совсем выветриваются, но почти... В общем, положение у Хэнли было, как у Алисы в Зазеркалье: помните, когда она повстречалась с королевой и пришлось бежать, бежать во всю мочь, чтобы просто оставаться на месте...

Попрошайничать у незнакомых — это был не выход, потому что фараоны держались начеку и дело кончилось бы каталажкой, где не дадут и капельки спиртного, а уж это было бы и вовсе скверно. Хэнли дошел до той крайней точки — двенадцать часов без выпивки,— что ожидал наступления таких лиловых кошмаров, по сравнению с которыми белая горячка кажется не ураганом, а легким, приятным ветерком.

Что такое белая горячка? Подумаешь, галлюцинации! Если ты не дурак, так прекрасно знаешь, что никаких галлюцинаций на самом деле нет. Иногда они даже вроде развлечения — кому что нравится. А лиловые кошмары... Чтоб напиться до лиловых, нужно глотнуть больше виски, чем обыкновенный смертный в состоянии в себя вместить. И при этом нужно пить беспрерывно, пока не позабудешь, когда был трезвым в последний раз, а потом лишиться спиртного вдруг и полностью, как лишают, например, в тюрьме.

От одной мысли о лиловых кошмарах Хэнли начало трясти. И тогда он принялся трясти руку старому другу, закадычному приятелю. Видел Хэнли этого приятеля всего-то два-три раза и при обстоятельствах не слишком для себя приятных, но какая разница! Звали «старого друга» Кидом Эгглстоном, и был он крупный, но довольно-таки потрепанный мужчина, некогда боксер, а теперь вышибала в кабаке, где Хэнли, разумеется, не мог с ним не познакомиться.

Однако вам-то нет нужды запоминать ни кто он есть, ни как его зовут: все равно его, этого вышибалу, ненадолго хватит, по крайней мере ненадолго в рамках этого рассказа. Точнее, ровно через полторы минуты он издаст ужасный крик и лишится чувств, и мы с вами больше про него и не услышим...

И все же, коль на то пошло, должен вам заметить, что, не закричи Кид Эгглстон и не лишись он чувств, вы бы, может, не сидели бы, где сидите, и не читали бы, что читаете. Очень даже может быть, вы сейчас копали бы гланруду в карьере под зеленым солнцем на другом конце нашей Галактики. Уверяю вас, вам это вовсе не понравилось бы; запомните, что именно Хэнли спас вас и до сих пор спасает от подобной участи, и не судите его строго. Если бы Три и Девять забрали не его, а Кида, все, наверное, повернулось бы иначе...

Три и Девять были пришельцами с планеты Тэда, второй (и единственно пригодной для жизни) планеты вышеупомянутого зеленого солнца на другом конце Галактики. Три и Девять — это, разумеется, не полные их имена. Имена у тэдиан — числа, полное имя или номер у Три был 389057792869223. Во всяком случае, так этот номер выглядел бы в пересчете на десятичную систему.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Надеюсь, вы не сердитесь на меня за то, что я называю пришельцев Три и Девять и заставляю их таким же образом именовать друг друга. Сами они рассердились бы, и очень. Тэдиане, обращаясь друг к другу, каждый раз произносят номер полностью, и любое сокращение почитается у них даже не невежливым, а прямо-таки оскорбительным. Но при всем при том они и живут намного дольше нас. Им не жалко времени, а я спешу.

В ту секунду, когда Хэнли тряс упоенно руку Кида, Три и Девять пребывали точнехонько над ними, на высоте примерно одной мили. Пребывали не в самолете и не в космической ракете и уж, конечно, не в летающей тарелке. Тэдиане пребывали в кубе пространства-времени.

Вероятно, вы потребуете объяснений. Тэдиане установили,— дайте срок, мы, может, сами установим,— что Эйнштейн был прав. Материя не способна перемещаться со скоростью большей, чем скорость света, без превращения в энергию. А вам ведь не хотелось бы превратиться в энергию? Тэдианам тоже, а исследования в Галактике, раз уж начали, надо было как-то продолжать.

Вот они и придумали, что можно путешествовать со скоростью выше скорости света при условии синхронного передвижения во времени. То есть путешествовать не просто в пространстве, а в пространственно-временном континууме. Расстояние от Тэды до Земли — 163 тысячи световых лет. Но так как они синхронно передвинулись в прошлое на 1 630 веков, то время путешествия для них самих равнялось нулю. Потом, по пути домой, они передвинулись на 1 630 веков в будущее и попали в пространственно-временном континууме в исходную точку. Надеюсь, вы разобрались, что я хотел сказать?

В общем, хотите верьте, хотите нет, а куб парил, невидимый для землян, на высоте одной мили над Филадельфией (и не спрашивайте меня, почему над Филадельфией,— сам не представляю, как можно выбрать Филадельфию для чего бы то ни было вообще). Куб парил так уже четыре дня, а Три и Девять ловили и анализировали земные радиопередачи, пока не научились понимать их и разговаривать на английском языке.

Нет, конечно, ни черта они не разобрались ни в нашей культуре, какова она на деле, ни в наших обычаях, каковы они в действительности. Сами посудите, мыслимое ли дело составить себе картину жизни на Земле, отведав каши из радиовикторин, рекламных ревю, дешевых скетчей и ковбойских похождений? Правда, тэдиан и не особенно интересовало, какая тут у нас цивилизация, их заботило одно: чтоб она не оказалась слишком развитой и не могла явить собой для них угрозу. За четыре дня они уверились, что угрозой и не пахнет. И, по-честному, трудно их винить, что они пришли к такому выводу, тем более что вывод точен.

— Идем на посадку? — спросил Три.

— Пожалуй,— сказал Девять.

Три обвил своим телом рычаги управления...

— ...Ну, да, я же видел, как ты дрался,— тем временем разглагольствовал Хэнли.— Ты был хорош на ринге, Кид. Будь у тебя тренер поумнее, ты бы знаешь кем стал!.. Было в тебе это. Хватка, вот что. Не хотел бы ты выпить, Кид?

— За чей счет, Хэнли? За твой или за мой?

— Понимаешь, Кид, я как раз на мели. Но не выпить мне нельзя: душа горит. Ради старой дружбы...

— Нужна тебе вышибка, как щуке зонтик. Ты и без того пьян. Давай-ка протрезвись, покуда не допился до чертиков...

— Уже,— сказал Хэнли.— Да они мне нипочем. Вон, полюбуйся, они же у тебя за спиной...

Вопреки всякой логике Кид Эгглстон оглянулся. И тут же, издав пронзительный крик, свалился без чувств. К ним приближались Три и Девять. И позади рисовались неопределенные очертания огромного куба с ребром метров пять,

а то и поболее. А куб этот был и в то же время как бы не был — жутковатое зрелище. Наверное, именно куба Кид и испугался.

Ведь в облике Три и Девять, право же, не было ничего особенного. Червеобразные, длиной (если бы их вытянуть) метра по три с половиной и толщиной в центральной части тела сантиметров по двадцать пять. Концы тела у них такие остренькие. А сами голубенькие. Без всяких видимых органов чувств. К Хэнли и распростертому на тротуаре Киду они приближались в своем нормальном свернутом положении, вроде бы плывя в воздухе.

— Привет,— сказал Хэнли.— Напугали вы моего дружка, черт вас совсем... А он бы мне поставил. Прочитал бы мораль, а потом поставил. Так что с вас стаканчик...

— Реакция алогичная,— заметил Три, обращаясь к Девять.— И у другой особи тоже. Возьмем обоих?..

— Незачем. Другая, хоть и крупнее, но какая-то уж очень слабенькая. К тому же нам и одной довольно. Пошли!..

Хэнли отступил на шаг.

— Ставьте выпивку — тогда пойду. А нет — желаю знать, куда вы меня тащите...

— Мы посланцы от Тэды...

— Оттеда? — передразнил Хэнли.—И доседа? Вот что, хозяева, никуда я не пойду, если вы, сколько вас, не поставите мне выпить...

— Что он говорит? — осведомился Девять у Три.

— Я не понял.

— Заберем его силой?

— А может быть, он пойдет добровольно. Существо, вы войдете в куб по доброй воле?

— А там есть что выпить?

— Есть, там все есть. Просим вас войти...

И Хэнли вошел. Он не то чтобы верил в этот призрачный куб, но терять ему было все равно нечего. А потом, если уж допился до чертиков, лучше относиться к ним с юмором. Куб изнутри был твердым и теперь не казался ни прозрачным, ни призрачным. Три намотался на рычаги управления и легкими движениями обоих концов управлял чувствительными механизмами.

— Мы в подпространстве,— сообщил он.— Предлагаю сделать остановку, изучить добытый образец и установить, пригоден ли он для наших целей...

— Эй, а как насчет выпивки?..

Хэнли начал не на шутку волноваться. Руки у него тряслись, и по телу вверх и вниз ползали мурашки.

— Очевидно, он страдает,—заметил Девять.— Возможно, от голода или от жажды. Что пьют эти существа? Перекись водорода, как и мы?..

— Большая часть поверхности этой планеты покрыта, как мне представляется, водой со значительным содержанием хлористого натрия. Синтезировать для него такую воду?

— Не надо! — вскричал Хэнли.— И даже без соли — все равно не надо! Выпить хочу! Виски!..

— Проанализировать обмен веществ? — спросил Три.— С помощью интрафлюороскопа это можно сделать за одну секунду...

Он размотался с рычагов и направился к машине странного вида. Замелькали огоньки.

— Удивительно,— сказал Три.— Обмен веществ у него зависит от C_2H_5OH...

— C_2H_5OH?

— Вот именно. Этиловый спирт — в основе. С некоторой добавкой H_2O и даже без хлористого натрия, наличествующего в здешних морях. Есть еще другие ингредиенты, но в минимальных дозах. Вот, по-видимому, и все, что он усваивал из пищи, по крайней мере на протяжении последних месяцев. В крови и в нервных клетках 0,234 процента спирта. Представляется, что весь обмен веществ в его организме основывается на C_2H_5OH...

— Ребята! — взмолился Хэнли.— Я же так помру от жажды. Ну, кончайте трепаться и налейте мне стаканчик...

— Подождите немного,— ответил Девять.— Сейчас я изготовлю все, что вам необходимо. Вот только поработаю верньерами, а также подключу психометр...

Вновь замелькали огоньки, и Девять переместился в угол куба, где была его лаборатория. Что-то там произошло, и спустя минуту он вернулся с колбой, где плескалось литра два прозрачной янтарной жидкости.

Хэнли принюхался, потом пригубил и тяжко-тяжко вздохнул.

— Я, безусловно, на том свете,— сказал он.— Это же ультра-прима-люкс, божественный нектар. Такой шикарной выпивки просто не бывает...

Он сделал несколько больших глотков, и ему даже не обожгло горло.

— Что это за пойло, Девять? — спросил Три.

— Довольно сложный состав, в точности соответствующий его потребностям. Пятьдесят процентов спирта, сорок пять воды. И еще другие ингредиенты, включая все витамины и соли, нужные его организму, в надлежащих пропорциях и в растворенном виде. Затем еще ряд компонентов в микродозах, чтоб улучшить вкусовые свойства — по его стандартам. Для нас, тэдиан, вкус был бы все равно ужасен, даже если мы могли бы пить спирт или воду...

Хэнли снова вздохнул и опять хлебнул. Слегка покачнулся. Поглядел на Три и ухмыльнулся:

— А теперь я знаю, что вас оттеда нету...

— Что он хочет сказать? — обратился Девять к Три.

— Мыслительные процессы у него, по-видимому, совершенно алогичны. Сомневаюсь, что из существ данного вида получатся сколько-нибудь приличные рабы. Но, конечно, мы еще проверим. Как ваше имя, существо?

— Что в имени тебе моем, приятель?..— вопросил Хэнли.— М-можете звать меня как вам угодно, я р-разрешаю... Вы мне сам-мые, самые лучшие друз... Б-берите меня и вез-зите, к-куда хотите, т-только р-рабдите, к-когда мы приедем, к-куда мы едем...

Он глотнул из колбы еще несколько раз и прилег на пол. Непонятные звуки, которые он теперь издавал, ни Три, ни Девять расшифровать не смогли. «Хрррр... взззз... хрррр... взззз...» или что-то в этом роде. Они попытались растолкать его, но все их усилия оказались тщетными.

Тогда они произвели ряд новых наблюдений и поставили все опыты, какие могли придумать. Прошло несколько часов. Наконец Хэнли проснулся, сел и уставился на тэдиан безумными глазами.

— Не верю,— сказал он.— Вас тут нету, одна видимость. Дайте выпить, бога ради...

Ему вновь поднесли колбу. Девять постарался, и она опять была полнехонька. Хэнли выпил. И в блаженстве закрыл глаза.

— Только не будите меня!

— Но вы и не спите...

— Тогда не давайте мне уснуть. Я понял! Понял, что это такое. Амброзия, напиток богов...

— Богов? А кто это?

— Да нету их. Но они пьют амброзию. Сидят на Олимпе и пьют...

— Мыслительные процессы совершенно алогичны,— сказал Три.

Хэнли поднял колбу, как заздравную чашу.

— Оттеда доседа, отседа дотеда ни в жисть нам не дойти...

— Что такое жисть?

Хэнли задумался.

— Жисть — это когда заведешься, и поднадоешься, и шляешься, и валяешься отседа и дотеда...

— Что вам известно о Тэде?

— Оттеда доседа — ничего нету. И вас нету. За вас!..

Он еще выпил.

— Слишком туп, чтобы приспособить его к чему-нибудь, кроме самых простых физических работ,— сделал вывод Три.— Но если он достаточно силен, мы все-таки порекомендуем нашим вторжение на эту планету. Тут, вероятно, три-четыре миллиарда жителей. Нам нужен и неквалифицированный труд — три-четыре миллиарда принесут нам существенную помощь...

— Ура-а-а! — завопил Хэнли.

— Кажется, у него неважная координация,— задумчиво сказал Три.— Но, может, он достаточно силен... Как ваше имя, существо?

— Зовите меня Ал, ребята...

Хэнли кое-как поднялся на ноги.

— Это ваше личное имя или наименование вида? И полное ли это наименование?

Хэнли прислонился к стенке и поразмышлял немного.

— Наименование вида,— высказался он.— Полностью будет... Давайте я вам по-латыни...

И припомнил по-латыни.

— Мы хотим испытать вас на выносливость. Бегайте от стенки к стенке, покуда не устанете. А колбу с пищей я для вас подержу...

Девять попытался взять у Хэнли колбу, но тот не выпускал ее.

— Еще глоточек. Еще ма-аленький глоточек, и тогда я побегу. Право слово, побегу. Куда хотите...

— Быть может, он нуждается в своем питье,— заметил Три.— Дайте ему, Девять...

«А вдруг мне теперь перепадет не скоро?» — испугался Хэнли и прильнул к колбе. Потом он жизнерадостно сделал ручкой четырем тэдианам, которые оказались перед ним.

— Валяй на скачки, братишки! Всей компанией... Ставьте на меня. Выиграете, как пить дать. Но сперва еще по ма-аленькой...

Он глотнул еще, на этот раз действительно немного, всего-то граммов пятьдесят.

— Хватит,— сказал Три.— Теперь бегите.

Хэнли сделал два шага и плашмя растянулся на полу. Перевернулся на спину и остался лежать с блаженной улыбкой на лице.

— Невероятно! — воскликнул Три.— Возможно, он пытается нас одурачить? Проверьте, Девять...

Девять проверил.

— Невероятно! — повторил он.— Воистину невероятно, но после столь незначительного напряжения образец в совершенно бессознательном состоянии. Настолько, что потерял всякую чувствительность к боли. И это не притворство. Данный вид не представляет для Тэды ни малейшей ценности. Готовьтесь к старту — мы возвращаемся. В соответствии с имеющейся у нас инструкцией забираем его с собой, как экземпляр для зоосада. Такую диковину стоит забрать. С точки зрения физиологии, это — самое странное существо, какое мы когда-либо обнаруживали на десятках миллионов обследованных планет...

Три обернулся вокруг рычагов управления и обоими концами стал приводить механизмы в действие. Минули 163 тысячи световых лет, 1 630 прошлых и будущих веков взаимно погасили друг друга с такой полнотой и точностью, что создалось впечатление, будто куб вообще никогда и никуда не двигался ни во времени, ни в пространстве.

В столичном городе тэдиан, которые правят тысячами полезных планет и посетили миллионы бесполезных, например, Землю, Ал Хэнли занимает просторную стеклянную клетку, установленную в зоосаде на самом почетном месте, поскольку он, Хэнли, являет здесь собою наиболее поразительный экспонат.

Посреди клетки бассейн, откуда он то и дело пьет и где, по слухам, даже купается. Бассейн проточный, постоянно наполненный до краев чудеснейшим напитком,— напиток этот настолько лучше лучшего земного виски, насколько лучшее земное виски лучше самого грязного и самого вонючего самогона. Более того, в здешний напиток добавлены без ущерба для вкуса все витамины и соли, нужные для поддержания бесперебойного обмена веществ...

От этого напитка не бывает похмелья и никаких других неприятных последствий. И Хэнли получает от своего житья-бытья такое же наслаждение, как завсегдатаи зоосада от поведения Хэнли; они взирают на него в изумлении, а затем читают надпись на клетке, надпись, начинающуюся с латинизированного наименования вида — того самого, какое Хэнли припомнил для Три и Девять:

АЛКОГОЛИКУС АНОНИМУС

Основная пища — C_2H_5OH, слегка приправленный витаминами и солями. Иногда проявляет блестящие способности, но, как правило, совершенно алогичен. Степень выносливости: может сделать, не падая, лишь несколько шагов. Коммерческая ценность равна нулю, однако весьма забавен как образчик самой странной формы жизни, обнаруженной в пределах Галактики. Место обитания — третья планета системы ИК 6547 — ХГ 908.

Хэнли действительно столь забавен, что тэдиане позаботились при помощи специальных процедур превратить его в практически бессмертное существо. И это здорово, что позаботились, потому что если бы такой интересный зоологический экспонат вдруг да помер, они могли бы прилететь на Землю за новым. И могли бы случайно нарваться на вас или на меня,— а мы ведь с вами трезвенники и ни капли в рот не берем. Скверная получится штука.

Перевели с английского
В. ГАЛКИН и К. СЕНИН

Фредерик БРАУН

американский писатель

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

ПЛАСЕТ-СТРАН

Даже если вы и привыкли, это все равно действует на нервы. Так и в то утро, если его, конечно, можно назвать утром. В действительности же была ночь. Мы на Пласете живем по земному времени, потому что пласетское время такое же непонятное, как и все остальное на этой бестолковой планете. Она движется по орбите в форме восьмерки вокруг двух разных солнц, вертится вокруг и между солнцами, а два солнца вращаются одно вокруг другого так быстро и так относительно близко, что астрономы на Земле долгое время считали, что это одна звезда, пока экспедиция Блейксли не высадилась здесь двадцать лет назад.

Видите ли, между солнцами находится поле Блейксли — поле, где скорость световых лучей сильно замедляется. Они остаются позади и...

Если вы не читали отчетов Блейксли, тогда держитесь!

Пласет — единственная известная планета, где происходит одновременно два солнечных затмения. При этом кажется, что Пласет стремительно несется прямо навстречу самому себе и... проносится мимо.

Я вас не виню. Я сам не верил и был страшно испуган: стоя на Пласете, увидел второй Пласет, несущийся прямо на меня. Но я-то читал отчеты Блейксли и знал, что происходит. Это напоминает старые фильмы, когда люди видели, как локомотив несется прямо на них. Им хотелось убежать, хотя они знали, что никакого локомотива нет.

Но я начал рассказывать про то утро. Я сидел за своим письменным столом. На крышке его зеленела трава. Ноги мои стояли, или казалось, что они стояли на покрытой рябью воде. Но она не была мокрой.

Сверху на траве — на письменном столе — лежал розовый цветочный горшок, в который носом была воткнута зеленоватая сатурновая ящерица. Это — верь или не верь глазам — были мои ручка и чернильница. И еще там было что-то, на чем аккуратными крестиками было вышито «Боже, храни наш дом». Я знал, что в действительности это было веточкой из Земного Центра, только что полученной нашим радиотелетайпом. Я не успел прочитать написанное до того, как начались ПВ-явления.

Видите ли, может, лучше сказать, что явления поля Блейксли начинаются тогда, когда Пласет находится между Аргайл I и Аргайл II — двумя солнцами. Это научное объяснение явлений, но его лучше выражать не словами, а формулами. В конце концов дело в том, что Аргайл I состоит из земной материи, а Аргайл II — из антиматерии. На половине пути между ними на значительном пространстве находится поле, где движение световых лучей замедляется. Они движутся примерно со скоростью звука, и поэтому, если что-либо двигается быстрее звука, как сам Пласет, его можно видеть приближающимся, когда оно уже миновало тебя. Видимому образу Пласета требуется 26 часов, чтобы пересечь поле. Затем Пласет, обернувшись вокруг одного из солнц, встречает свое изображение на обратном пути. В середине поля

ЧАЯ ПЛАНЕТА

встречаются приходящий и уходящий образы, и они затемняют планету дважды, заслонив одновременно два солнца. А еще через некоторое время планета налетает прямо на вас и страшно пугает, хотя вы знаете, что на самом деле этого не происходит.

Давайте, я попробую объяснить по-другому, пока у вас окончательно не закружилась голова. Представьте, что старомодный локомотив приближается к вам, но только быстрее звука. На расстоянии мили от вас он свистит. Он проходит мимо вас, а затем вы слышите свисток из того места в миле от вас, где локомотива уже нет. Это звуковой эффект предмета, движущегося быстрее звука; а то, что я вам рассказал,— зрительный эффект предмета, движущегося по орбите в форме восьмерки быстрее, чем его собственное изображение.

Это не самое худшее. Можно не выходить из дому и не видеть затмения и столкновения, но физиопсихологического эффекта поля Блейксли избежать невозможно.

Поле влияет каким-то образом на зрительные нервные центры или на ту часть мозга, которая ведает зрением,— это напоминает действие некоторых наркотиков.

Я прекрасно знал, что сижу за письменным столом со стеклянной, а не покрытой травой крышкой, как мне казалось, что под ногами у меня обычный пол, а не вода, тронутая рябью; что на столе не розовый цветочный горшок с ящерицей, а старинный, начала двадцатого века чернильный прибор и нечто, на чем вышито «Боже, храни наш дом»,— обыкновенный бланк радиотелетайпа. Я мог ясно ощутить эти вещи, дотронувшись до них,— эффекты поля Блейксли не затрагивали органов осязания.

Конечно, можно закрыть глаза, но обычно этого не делаешь, все равно, если вы в знакомом месте, разум и память подсказывают вам, что там происходит.

Поэтому, когда открылась дверь и вошло двуглавое чудовище, я понял, что это Риган. Риган вовсе не двуглав, я узнал его просто по звуку шагов.

— Что, Риган? — спросил я.

— Шеф, машинный зал шатается. Вероятно, придется нарушить правило, запрещающее работать во время среднего периода,— ответило двуглавое чудовище.

— Птицы? — спросил я.

Он качнул обеими головами.

— Подземная часть стен, наверное, похожа на решето — птицы все время летают сквозь них. Не лучше ли побыстрее залить бетоном? Или вы верите, что усиливающие балки из нового сплава остановят их?

— Конечно,— солгал я. Забыв о поле, я повернулся, чтобы взглянуть на часы, но вместо них на стене висел погребальный венок из белых лилий.— Я надеялся, что не придется укреплять стены, пока не получим усиливающие балки,— сказал я.— «Арк» должен скоро прибыть. Они, наверное, кружат где-нибудь поблизости, поджидая, когда мы выйдем из поля. Как вы думаете, мы можем подождать, пока...

Послышался треск.

— Да, теперь торопиться некуда — это обрушился машинный зал.

— Там никого не было?

— Никого. Но я проверю...— сказал он, выбегая.

Такова жизнь на Пласете. С меня более чем достаточно. И пока Ригана не было, я решился.

Когда он вернулся, это был светло-голубой скелет, болтающийся на шарнирах. Он сказал:

— Порядок, шеф. Там никого не было.

— А машины сильно повреждены?

— Можно ли, разглядывая резиновую лошадку в красных яблоках, определить, целый это или поврежденный токарный станок? А вы представляете, шеф, на что вы похожи сами?

— Если вы скажете, я вас пристукну! — ответил я.

Сам не знаю, шутил я или нет, я просто дошел до точки. Открыв ящик стола, я положил туда нечто с надписью «Боже, храни наш дом» и захлопнул его снова. Я был сыт по горло. Пласет — сумасшедшая планета, и если вы пробудете там долго, вы легко можете свихнуться. А я здесь уже почти три года. Мой контракт истек. И я решился.

— Риган! — позвал я.

Он остановился у двери.

— Да, шеф.

— Отправьте радиограмму в Земной Центр.— И я продиктовал слова: «I quit» («Ай куит» (англ.) — «Я заканчиваю»).

— Хорошо, шеф,— ответил он и вышел.

Я сел и закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Дело сделано. Земной Центр ведет себя довольно забавно в этом вопросе: если уж вы подали в отставку, его сотрудники не позволят вам изменить решение.

Я знал, что средний период уже заканчивался, но все еще сидел с закрытыми глазами. Я сидел и думал.

Неприятно, что Риган так легко отнесся к моему решению. Он был хорошим другом для меня целых десять лет и по крайней мере мог бы выразить сожаление, что я ухожу. Правда, это для него шанс получить повышение, но, даже думая так, он мог быть более дипломатичным. Во всяком случае, он мог бы...

Риган был моим студентом в Земном Полиинституте, и я нашел для него работу на Пласете, очень хорошую работу для молодого человека: помощника администратора планеты с населением до тысячи человек. Моя работа тоже хороша для моего возраста — мне только тридцать один. Отличная работа, правда, здесь нельзя построить ни одного здания: они разваливаются и...

«Брось скулить,— сказал я себе.— Все кончено. Обратно на Землю — и снова преподавать. Забудь об этом».

Я очень устал и, наверно, задремал на минуту...

Я открыл глаза при звуке шагов. Это не были шаги Ригана. Теперь было лучше видно, и я увидел. Это была — или так казалось — красивая рыжая женщина. Конечно, этого не могло быть. На Пласете всего несколько женщин, в основном жены технического персонала, но...

— Вы меня не помните, мистер Рэнд? — сказала она.

Это была женщина, я слышал женский голос и притом очень красивый. Кроме того, он звучал смутно знакомо.

— Не говорите глупостей. Как я могу узнать вас в средний пери...

Мой взгляд упал на часы за ее спиной — это были часы, а не надгробный венок или воронье гнездо. И я понял: все остальное в комнате так же стало обычным. Значит, средний период прошел.

Я вновь взглянул на женщину и понял, что она настоящая, реальная. Тогда я узнал ее, хотя она здорово изменилась, но все перемены пошли ей на пользу. Правда, Мишелина Уит была красива и четыре, нет, пять лет назад, когда она слушала мои лекции по внеземной ботанике на третьем курсе Земного Полиинститута. Тогда она была хорошенькой, сейчас стала красивой. ошеломляюще красивой. Как только эти типы из телевидения пропустили ее? А пропустили ли? Зачем она здесь? Должно быть, прибыла на «Арке», но... Я вдруг понял, что уставился на нее, как последний дурак. Поспешно вскочив на ноги, я чуть не перелетел через стол.

— Конечно, я помню вас, мисс Уит,— сказал я, заикаясь.— Не присядете ли? Как вы сюда попали? Разве разрешены туристские маршруты?

— Я не туристка, мистер Рэнд.— Она с улыбкой покачала головой.— Центр искал вам секретаря, я предложила свои услуги, и они взяли меня, если, конечно, вы не против. У меня месячный испытательный срок.

— Замечательно,— сказал я и начал развивать свою мысль: — Превосходно...

За моей спиной кто-то кашлянул. Я оглянулся, в дверях стоял Риган. На этот раз не голубой скелет и не двуглавое чудище — просто Риган.

— Ответ на вашу радиограмму.

Он подошел и положил бланк на стол. Там стояло: «Хорошо. 19 августа». Дикая минутная надежда, что они не примут моей отставки, рухнула. Ответ был так же краток, как моя просьба.

19 августа — следующее прибытие «Арка». Они экономили время. Мое и свое. Четыре дня!

Риган сказал:

— Я думал, вам не терпится узнать, Фил.

— Да,— сказал я, взглянув на него.— Благодарю.— И с чувством горечи подумал: «Ну, голубчик, тебе-то не получить моего места, иначе бы об этом говорилось в радиограмме. «Арк» следующим рейсом привезет заместителя». Но я не сказал этого: броня благовоспитанности сдержала меня. Я сказал:

— Мисс Уит, познакомьтесь, пожалуйста...

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Конечно же, Мишелина и Риган вместе учились у меня, так же как и ее брат-близнец Айкбод. Только никто не называл этих рыжих близнецов полными именами — Мишелина и Айкбод, их звали Майк и Айк.

— Я встретил Майк, когда она выходила из «Арка», и сказал, как найти ваш кабинет; вас не было среди встречавших,— сказал Риган.

— Благодарю, — ответил я.— А усиливающие балки прибыли?

— Кажется, да. Они разгружали какие-то ящики, «Арк» уже стартовал обратно.

Я недовольно заворчал.

— Пойду зарегистрирую груз,— сказал Риган.— Я зашел отдать радиограмму, думал, вы обрадуетесь...

Он вышел. Я зло посмотрел ему вслед.

— Мне сразу приступать к работе, мистер Рэнд? — спросила Мишелина.

Я сдержался и даже улыбнулся.

— Конечно, нет,— сказал я.— Вы сначала должны осмотреться. Оглянитесь, осмотритесь, акклиматизируйтесь. Хотите прогуляться в поселок и выпить?

— Конечно.

Мы пошли вниз, к небольшой группке строений. Все они были маленькие, одноэтажные.

— Очень приятно,— сказала она.— Такое чувство, что идешь по воздуху, такая я легкая. Какое здесь притяжение?

— Если вы весите 50 килограммов на Земле,— сказал я,— то здесь около 35. Вам это к лицу.

Она засмеялась.

— Благодарю, профессор. О, теперь вы не профессор! Вы мой шеф, и я должна называть вас мистер Рэнд.

— Только в том случае, если вы не хотите звать меня просто Фил, Мишелина.

— Согласна, но с условием: зовите меня Майк. Я так же презираю имя Мишелина, как Айк — Айкбод.

— А как поживает Айк?

— Прекрасно. Он уже аспирант в Полиинституте, правда, это ему не очень нравится.— Она посмотрела на поселок.— Почему так много маленьких домов вместо двух-трех больших?

— Средняя продолжительность жизни любой постройки на Пласете не больше трех недель. И никогда не знаешь, когда она рухнет на людей. Это наша основная проблема. Все, что мы можем сделать,— это строить маленькие, легкие дома, а фундамент — крепкий, насколько возможно. До сих пор никто не был серьезно ранен, когда дома рушились, но... Чувствуете?

— Вибрацию? Что это? Землетрясение?

— Нет,— сказал я.— Это птицы.

— Что?!

Я не удержался от смеха, глядя на выражение ее лица.

— Пласет — сумасшедшая планета. Вы только что сказали, что ходите по воздуху. Это в какой-то степени так. Пласет — одно из немногих тел во Вселенной, состоящее из обыкновенной и из сверхплотной материи. Последняя, с разрушенными молекулярными связями, та-

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО.

кая тяжелая, что невозможно поднять даже песчинку. Ядро Пласета — из этой материи, вот почему маленькая планета имеет силу притяжения, равную трем четвертям земного. Здесь есть жизнь, животный мир на самом ядре. Есть и птицы, молекулярная структура их такая же плотная, как структура ядра. Обыкновенная материя для них так же разрежена, как воздух для нас. Они просто летают там, в «земле» под нами, как земные птицы по воздуху. С их точки зрения, мы с вами ходим по верхним слоям атмосферы Пласета.

— И дома рушатся из-за вибрации от их полета?

— Да. И, кроме того, они летают сквозь фундамент, из чего бы он ни был сделан. Любой земной материал для них не плотнее газа. Они летают сквозь железо и сталь с той же легкостью, как через песок и глину. Мы только что получили специальный груз с Земли — особый сплав стали, вы слышали, я говорил о нем с Риганом. Но и на него мало надежды.

— А эти птицы не опасны? Они не могут принести вреда, кроме разрушения домов? Вдруг птица вылетит на поверхность и пролетит через кого-нибудь?

— Они не летают ближе, чем на несколько дюймов от поверхности, какое-то чувство останавливает их, когда они приближаются к верхним слоям своей «атмосферы». Оно похоже на ультразвуковые сигналы, которые испускает летучая мышь. Птицы поворачивают обратно за несколько дюймов до того, как попадут в пространство, равноценное для них вакууму.

Когда мы пили коктейль в поселке, Мишелина снова заговорила о брате.

— Айку вовсе не нравится преподавать, Фил,— сказала она.— Не могли бы вы найти ему какую-нибудь работу здесь, на Пласете?

— Я все время требую у Земного Центра второго помощника администратора,— сказал я.— Работы возрастают. Ригану нужна помощь. Я...

Ее лицо светилось ожиданием. А я вспомнил. Все было уже кончено. Я ушел в отставку, и мои рекомендации значат сейчас не больше рекомендаций подземной птицы.

— Я посмотрю, что можно сделать...— жалобно закончил я.

— Спасибо, Фил,— сказала она.

Моя рука лежала на столе возле стакана, и на какое-то мгновение она опустила свою руку на мою. Будет банальностью, если я скажу, что почувствовал, словно через меня пропустили ток высокого напряжения. Но так оно и было. Это был тяжелый удар, не только физический, но и психологический: я понял, что без памяти влюблен. Я просто потерял голову. Я рухнул тяжелее, чем любое здание на Пласете. Я не смотрел в лицо Мишелины, но по тому, как она на долю секунды сжала мою руку, а потом отдернула ее, словно обжегшись, я понял, что и она ощутила этот ток. Я не очень уверенно поднялся и предложил Мишелине пойти обратно в административный корпус.

Теперь ситуация стала совершенно невозможной. Земной Центр принял мою отставку, и меня никто не поддержит, когда я вернусь. Я не уверен даже, смогу ли получить место преподавателя. Земной Центр — самая могущественная организация во Вселенной, у них везде есть своя рука. Если уж занесут в черный список, то...

На обратном пути я предоставил Мишелине болтать, мне же нужно было многое обдумать. Хотелось сказать ей правду и не хотелось. В конце концов я потерпел поражение. Или выиграл. Пока не прибудет «Арк», ничего ей не скажу. Дам себе возможность убедиться, нравлюсь ли я Мишелине. И тогда?.. Ну, если к тому времени у нее возникнет такое же чувство, я скажу, каким был дураком, и скажу, что... Нет, я не предложу ей вместе вернуться на Землю, даже если она захочет, пока не увижу просвета в моем туманном будущем. Все, что я могу сказать ей,— это когда у меня опять появится возможность получить хорошую работу... И в конце концов мне только тридцать один, и я могу...

В общем, в таком вот роде.

Риган сидел в моем кабинете, взъерошенный, как мокрый шмель.

— Идиоты из Земного Центра,— сказал он,— опять выкинули шутку. Ящики со специальной сталью пусты.

— Как пусты?

— Вот так! Пусты — и все. Очевидно, что-то произошло с погрузочным роботом, а они и не знали...

— А вы уверены, что в ящиках должно что-то быть?

— Ну, конечно, уверен. Все остальное в полном порядке. Сталь должна быть в этих ящиках.

— Может быть, невидимая сталь? — усмехнулся я.— Невидимая, невесомая и неосязаемая. Подождите минутку, я покажу Майк ее комнату, а потом поговорим.

Я отвел Мишелину в лучшую из маленьких спален, и она еще раз поблагодарила меня за заботу об Айке. Возвращаясь в кабинет, я чувствовал себя более низким существом, чем подземные птицы.

— Да, шеф? — сказал Риган.

— Насчет радиограммы,— сказал я,— той, что я послал утром на Землю. Мне не хотелось бы, чтобы вы говорили о ней Мишелине.

Он кашлянул.

— Хотите сами сказать? Пожалуйста.

— Может, не стоило посылать ее? — спросил я.

— Гм,— ответил он,— вы правильно сделали. Отличная идея.

Он вышел, а я с трудом сдержался, чтобы не бросить что-нибудь увесистое ему вслед.

Следующий день был вторник. Я диктовал кое-какие заметки о травяных культурах: дело в том, что некоторые земные растения, которые не растут больше нигде, на Пласете подвергаются таким изменениям, что приобретают большое значение для изготовления лекарств. Меня несло, особенно когда я глядел на записывающую Мишелину. Она пожелала обязательно приступить к работе на следующий день. И внезапно, как гром с ясного неба, в мое сознание пришла мысль. Я позвонил Ригану, и он пришел.

— Риган,— сказал я,— закажите пять тысяч ампул Д-17.

— Шеф, разве вы не помните — мы уже пробовали этот состав. Он должен был улучшить наше зрение в средний период, но мы продолжали видеть все искаженным. Он хорошо помогает людям приспосабливаться к высоким и низким температурам или...

— Или к длинным и коротким периодам бодрствования и сна,— прервал я его.— Об этом-то я и говорю, Риган. Вращаясь вокруг двух солнц, Пласет имеет такие короткие и нерегулярные промежутки света и темноты, что мы не воспринимаем их серьезно. Правильно?

— Да, но...

— Раз на Пласете нет привычного дня и ночи, мы стали рабами Земного Солнца, хотя его здесь и не видно. У нас двадцатичетырехчасовой день. Средний период наступает регулярно, и мы можем использовать Д-17, чтобы легче приспособиться к более коротким суткам. Во время периода, когда наши глаза играют с нами всякие шутки, все будут спокойно спать в темных комнатах. Дней в году станет больше, но они будут короче, и никто не сойдет с ума. Скажите, недурно?

Он широко открыл глаза и звонко хлопнул себя по лбу.

— Слишком просто, вот в чем дело! — воскликнул он.— Вот уже два года я постепенно схожу с ума потому, что такого пустяка никто не мог придумать. Пойду распоряжусь.

Он уже уходил и вдруг вернулся.

— Ну, а как же с постройками? Давайте, пока вас осенило!

Я засмеялся.

— Почему бы не испробовать вашу невидимую сталь в пустых ящиках?

— Чушь! — сказал он и закрыл дверь.

На следующий день, в среду, я не стал работать и отправился с Мишелиной гулять по Пласету. Обойти планету — отличная прогулка, а с Мишелиной любая прогулка прекрасна. Но я с горечью сознавал, что впереди у нас только один день. Мир кончается в пятницу.

Завтра «Арк» вылетит с Земли с грузом Д-17, который решит одну из наших проблем, и с тем, кого Земной Центр посылает на мое место. «Арк» будет здесь в пятницу, и я уеду с ним. Я пытался не думать об этом и хорошо справлялся с этой задачей, пока мы не вернулись в административный корпус. Здесь нас встретил улыбающийся Риган.

— Это сделали вы! — сказал он.

— Чудесно,— сказал я.— Что же я сделал?

— Дали мне ответ, как усилить фундамент. Вы решили и эту проблему.

— Да? — сказал я.

— Он же шутил,— сказала Мишелина.— Он предложил использовать сталь из пустых ящиков. Правильно?

— Он думал, что шутит,— улыбнулся Риган.— Именно этим мы теперь и будем пользоваться. Пустотой! Смотрите, шеф, это настолько просто, что мы об этом никогда не думали, как с Д-17. До тех пор, пока вы не сказали мне, что нужно использовать то, что в пустых ящиках. И я стал думать...

Я постоял с минутку, задумавшись, затем хлопнул себя по лбу, точно так же, как Риган днем раньше.

Мишелина стояла, недоумевая.

— Полые основания! — сказал я ей.— Сквозь воздух птицы не могут летать! Теперь мы можем строить дома большими, как нужно! А что касается фундаментов — мы сделаем у них двойные стенки, между которыми будет воздух. Мы можем...

Я остановился, потому что МЫ больше не было. ОНИ сделают это, когда я на Земле буду искать работу.

Прошел четверг, и настала пятница.

Я работал до последней минуты. Мишелина и Риган помогали мне, пока я составлял список материалов для новых проектов — трехэтажных домов по сорок комнат для администрации.

Мы работали быстро, потому что скоро должен был наступить средний период, когда нельзя читать, а писать можно только вслепую.

Я встал и подошел к окну. На небе был уже виден приближающийся с севера Пласет.

— Майк,— сказал я,— подойдите сюда.

Она подошла, и мы стояли, глядя в окно. Я обнял ее. Я не помню, как это сделал, но не убрал руки, и она не шевельнулась.

Риган откашлялся за нашей спиной.

— Пойду отдам список радиооператору,— сказал он и вышел, прикрыв за собой дверь.

Мишелина, казалось, придвинулась ближе ко мне. Мы смотрели в окно на Пласет, несущийся нам навстречу.

— Красиво, правда, Фил? — сказала она.

— Да,— сказал я. И, говоря, посмотрел ей в лицо. И поцеловал ее, хотя секундой раньше не собирался этого делать.

Я вернулся к столу и сел.

— Что с тобой, Фил? — сказала она.— Надеюсь, у тебя нет жены и шестерых детей, которых ты где-нибудь прячешь? У тебя никого не было, когда я влюбилась в тебя в Полиинституте. Я ждала пять лет, чтобы это прошло. Но это не прошло. И я добилась работы на Пласете, чтобы... Что же, мне самой делать тебе предложение?..

Я застонал. Я не мог смотреть на нее.

— Майк,— сказал я,— я схожу с ума по тебе, но... Как раз перед твоим приездом я послал на Землю радиограмму из двух слов: «I quit». Мне придется покинуть Пласет с этим рейсом «Арка». Я даже не знаю, смогу ли снова преподавать, когда вернусь.

— Но, Фил! — сказала она и шагнула ко мне.

В дверь постучали. Это был стук Ригана. Я был рад, что нас прервали. Я сказал, чтобы он вошел, и он открыл дверь.

— Вы сказали Майк, шеф?

Я мрачно кивнул. Риган улыбнулся.

— Отлично,— сказал он.— Я еле утерпел, чтобы не проболтаться. Это будет замечательно — увидеть здесь Айка.

— Какого Айка?

Улыбка исчезла с его лица.

— Фил, вы что, спите? Что с вами? Вы не помните, как четыре дня назад просили меня ответить на радиограмму с Земли, как раз перед приездом Майк?

Я глядел на него, открыв рот. Я даже не читал ее и не стал отвечать. Кто из нас сошел с ума — Риган или я? Я помнил, как сунул ее в ящик стола. Я открыл ящик и вытащил радиограмму. Руки мои тряслись, когда я читал ее: «Требование второго помощника удовлетворено, сообщите кандидатуру».

Я опять посмотрел на Ригана.

— И вы доказываете мне, что я на это ответил?

— Вы же мне сказали,— ответил он.

— Что я вам сказал?

— Айк Уит! — Он уставился на меня.— Шеф, как вы себя чувствуете?

Я чувствовал себя великолепно, казалось, что-то лопнуло в моей голове. Я встал и направился к Мишелине.

— Майк,— сказал я,— ты выйдешь за меня замуж?

Я обнял ее и как раз вовремя: наступил средний период, но, к счастью, я не мог видеть ее, а она меня. Однако за ее плечом я видел то, что должно было быть Риганом.

— Убирайся отсюда! Ты, обезьяна!

Это было действительно так: он был обезьяной, обезьяной ярко-желтого цвета. Пол зашатался под ногами, но я не понял, что это значит, пока обезьяна не закричала:

— Под нами птицы, шеф! Наверно, целая стая! Уходите ско...

В этот момент дом рухнул.

Перевели с английского
М. ГРИНБЕРГ
и **Ю. СВАРИЧОВСКИЙ.**

Рэй БРЕДБЕРИ

Ветер из Геттисберга

Рисунок Алексея МЕНШИКОВА

ОТ АВТОРА.

Идея рассказа «Ветер из Геттисберга» впервые появилась у меня после посещения диснеевской фабрики по изготовлению игрушечных роботов в Глендайле. Я смотрел, как собирают на конвейере механического Линкольна, и вдруг представил себе убийцу Бутса и театр Форда в тот апрельский вечер 1865 года... И я написал рассказ. Это — очень «личное» произведение. Мой герой во многом передает мысли, переживания и смятение, которые я испытывал после покушений на Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди.

В 10.15 вечера он услышал резкий, похожий на выстрел звук, эхом отдавшийся по театральным помещениям.

«Выхлоп газа,— подумал он.— Нет. Выстрел».

Секундой позже он услышал взрыв людских голосов, и затем все стихло, как затихает океанская волна, удивленно накатываясь на пологий берег. С шумом хлопнула дверь. Топот бегущих ног.

Бледный, как смерть, в комнату ворвался билетер, словно слепой, скользнул вокруг невидящим взглядом, в смятении выдавил из себя:

— Линкольн... Линкольн...

Байес оторвался от стола:

— Что с Линкольном?

— В него... Он убит!

— Весьма остроумно...

— Убит. Понимаете? Убит. Действительно убит. Убит вторично!

Билетер вышел, пошатываясь и держась за стену.

Байес непроизвольно встал со стула. «Ради бога, только не это...»

Он побежал, обогнал билетера, который, чувствуя, что его обгоняют, тоже побежал рядом с ним.

«Нет, нет,— подумал Байес.— Только не это. Этого не было. Не могло быть. Не было, не могло быть».

— Убит,— сказал билетер.

Сразу за поворотом коридора с треском распахнулись театральные двери, и толпа — кричащее, вопящее, ревущее, оглушающее, дикое сборище — загудела, забурлила: «Где он?», «Там!», «Это он?», «Где?», «Кто стрелял?», «Он?», «Держи его!», «Берегись!», «Стоп!»

Спотыкаясь, расталкивая толпу, прокладывая там и тут себе дорогу, показались два охранника и между ними человек, изворачивающийся, пытающийся оторваться от вцепившихся рук, увернуться от вздымающихся и падающих на него кулаков. Его хватали, щипали, били свертками и хрупкими солнечными зонтиками, которые разлетались в щепки, как воздушные змеи в сильный шторм. Женщины в панике закружились по фойе, разыскивая потерявшихся спутников. Мужчины с криками отталкивали их в сторону и бросались в центр этого водоворота, туда, где охранники расталкивали толпу и где человек, стоявший между ними, обхватил руками низко опущенную голову.

«О боже.— Байес застыл от ужаса, начиная верить.— Боже мой!» Он взглянул на сцену, потом бросился вперед: «Сюда! Все назад! Освободите помещение! Сюда! Сюда!»

И толпа каким-то чудом разорвалась. С треском распахнулись театральные двери и потом захлопнулись, пропустив наружу разгоряченные тела.

На улице толпа бурлила и клокотала, угрожая проклятиями и неслыханными карами. Весь театр сотрясался от бессвязных воплей, криков и предсказаний страшного суда.

Байес долго глядел на трясущиеся дверные ручки, дрожащие замки и защелки, на охранников и человека, зажатого между ними.

Внезапно он отскочил назад, как будто еще что-то, еще более ужасное, стряслось здесь, в проходе между рядами. Его левый ботинок ударился о какой-то предмет, который отлетел в сторону и закружился на ковре под креслами, как крыса, играющая со своим хвостом. Байес нагнулся и вслепую нащупал под креслами теплый еще пистолет. Вернувшись обратно в проход, он сунул пистолет в карман. Прошло не меньше минуты, прежде чем Байес заставил себя повернуться в сторону сцены и этой фигуры посередине.

Авраам Линкольн сидел в своем резном высоком кресле, его голова откинулась в сторону и повисла в неестественном положении. Широко раскрытые глаза глядели в пустоту. Его большие руки мягко отдыхали на подлокотниках, как будто в любую минуту он мог податься вперед, встать и объявить это грустное происшествие оконченным.

С трудом переставляя ноги, как будто под проливным дождем, Байес пошел на сцену.

— Свет, черт возьми! Дайте больше света!

Где-то там, за сценой, невидимый электрик вспомнил вдруг, для чего существует рубильник. Подобие рассвета забрезжило в мрачном, темном зале. Байес поднялся на помост, обошел вокруг Линкольна и остановился.

Да. Так и есть. Маленькое аккуратное пулевое отверстие в основании черепа за левым ухом.

— Sic semper tyrannis [1],— пробормотал где-то незнакомый голос.

Байес резко поднял голову.

Убийца сидел теперь в последнем ряду театрального зала. Опустив голову вниз, он говорил в пол, как будто самому себе:

— Sic...

Он смолк на полуслове, почувствовав опасное движение над головой. Кулак одного из охранников взлетел вверх, как будто человек ничего не мог поделать с собой. Кулак готов был уже опуститься на голову убийцы, чтобы заставить его замолчать.

— Не надо! — сказал Байес.

Кулак замер в воздухе. Охранник отвел руку в сторону, в гневе и отчаянии сжимая и разжимая пальцы.

«Не было,— подумал Байес.— Ничего не было. Ни этого человека, ни охраны, ни...» Он повернулся и еще раз посмотрел на отверстие в голове убитого президента.

Из отверстия медленно капало машинное масло.

Такое же масло стекало изо рта Линкольна по подбородку и бакенбардам и падало капля за каплей на галстук и рубашку.

Байес встал на колени и приложил ухо к груди Линкольна. Там, глубоко внутри, слабо тикали и жужжали шестеренки, колесики, пружины, не поврежденные, но работающие просто по инерции.

По какой-то сложной ассоциации этот угасающий звук заставил его в тревоге подняться на ноги.

— Фишс?!.— пробормотал Байес.

Охранники переглянулись в недоумении.

Байес сжал руки:

— Фишс собирался прийти сегодня? Боже мой, он не должен видеть этого! Ступайте, позвоните ему, придумайте что-нибудь. Скажите, что произошла авария, да, авария на заводе в Глендайле. Быстрее!

Один из охранников выбежал из зала.

«Боже, задержи его дома, пусть он не видит этого»,— подумал Байес.

Странно, в такую минуту он думал не о себе. Жизнь других людей замелькала перед глазами.

Помнишь... тот день, пять лет назад, когда Фишс небрежно бросил на стол чертежи, эскизы, акварели и объявил о своем великом плане? И как все они уставились на рисунки, потом на него и выдохнули:

— Линкольн?

Да! Фишс рассмеялся, как отец, только что вернувшийся из церкви, где некое высшее видение обещало ему необычайно одаренного ребенка.

Линкольн. В этом что-то было. Линкольн, рожденный вновь.

А Фишс? Он создаст и воспитает этого сказочного, вечно живого гигантского ребенка-робота.

Разве это не прекрасно... стоять среди лугов Геттисберга, слушать, учиться, смотреть, править лезвия наших бритвенных душ и ЖИТЬ?

Байес ходил вокруг тяжело осевшей фигуры, поглощенный воспоминаниями.

Фишс, поднявший рюмку над головой, как линзу, что одновременно собирает в фокусе лучи прошлого и освещает будущее.

«Я всегда мечтал сделать такой фильм: Геттисберг[2] и огромное людское море; и там, далеко на краю этой дремлющей на солнце беспокойной толпы, фермер с сыном, напряженно слушающие и ничего не слышащие, пытающиеся уловить разносимые ветром слова высокого оратора там, на далекой трибуне. Вот он снимает цилиндр, смотрит в него, как будто смотрит к себе в душу, и начинает говорить.

И фермер сажает сына к себе на плечи, чтобы поднять его над этой сдавленной многотысячной толпой. Высокий голос президента разносится по округе то ясный и чистый, то слабый и отдаленный, захваченный в плен и разносимый в стороны гуляющими над полем ветрами.

Много ораторов выступало уже до него, и толпа устала, превратившись в сплошной комок шерсти и пота. Фермер нетерпеливо шепчет сыну: «Ну что? Что он говорит?» И мальчик, весь подавшись вперед и повернув по ветру пушистое, как персик, ухо, шепчет в ответ:

— Восемьдесят семь лет...

— Ну?

— ...тому назад отцы наши основали...

— Ну, ну?!

— ...на этом континенте...

— Ну?

— ...новую нацию, рожденную свободной и вдохновленную той идеей, что все люди...

И так это продолжалось: ветер, разносящий во все стороны хрупкие слова далекого оратора, фермер, позабывший про тяжкую ношу, и сын, приложивший руки к ушам, схватывающий смысл речи, пропускающий иногда целые фразы, но все вместе замечательно понятное до самого конца:

— ...правительство народа, избранное народом и для народа...

— ...не исчезнет с лица земли.

Мальчик замолчал.

— Он кончил.

И толпа разбрелась во все стороны. И Геттисберг вошел в историю».

Байес сидел, не отрывая глаз от Фишса.

Фишс выпил рюмку до дна, внезапно смутившись своей экспансивности, потом бросил:

— Я никогда не поставлю такой фильм. Но я сделаю ЭТО.

Именно тогда он вытащил и разложил на столе свои рисунки и чертежи — Фишс Эверди Салем, Иллинойс и Спрингфилдский призрак-автомат, механический Линкольн, электро-масло-смазочная пластмассово-каучуковая, до мелочей продуманная сокровенная мечта. Возвращенный к жизни чудесами технологии, возрожденный романтиком, вычерченный отчаянной нуждой, говорящий голосом неизвестного актера, он будет жить вечно там, в этом далеком юго-западном уголке Америки! Линкольн и Фишс!

Фишс и его взрослый, двухметровый от рождения Линкольн. Линкольн!

«Мы все должны стоять на ветру из Геттисберга. Только так можно будет что-нибудь услышать».

Он поделился с ними своим изобретением. Одному доверил арматуру, другому — скелет, третий должен был подобрать «линкольновский» голос и его лучшие выступления. Остальные доставали драгоценную кожу, волосы, делали отпечатки пальцев. Да, даже ПРИКОСНОВЕНИЕ Линкольна должно быть таким же, точно скопированным с оригинала!

Все они жили тогда, посмеиваясь над собой. Эйб никогда не сможет на самом деле ни говорить, ни двигаться, все прекрасно понимали это.

Но по мере того как работа продолжалась и месяцы растягивались в годы, их насмешливо-иронические реплики уступали место одобрительным улыбкам и дикому энтузиазму.

Они были бандой мальчишек, вовлеченных в некое тайное воспаленно-счастливое погребальное общество, встречавших полночь под сводами мраморных склепов и разбегавшихся на рассвете меж надгробных памятников.

Бригада Воскресения Линкольна процветала. Вместо одного сумасшедшего десяток маньяков кинулся рыться в старых запылившихся и пожелтевших подшивках газет, выпрашивать посмертные маски, делать формы и отливать пластмассовые кости.

Некоторые отправились по местам боев Гражданской войны в надежде, что история, рожденная на утренних ветрах, поднимет их плащи и заколышет их, как флаги. Другие бродили по октябрьским полям Салема, загоревшие в последних лучах лета, задыхаясь от свежего воздуха, навострив уши в надежде уловить не записанный на пленки и пластинки голос худощавого юриста.

Но, конечно, никто из них не был столь одержим и не испытывал столь сильно гордых мук отцовства, как Фишс. Наконец наступил день, когда почти готовый робот был разложен на монтажно-сборочных столах; соединенный на шарнирах, с вмонтированной системой подачи голоса, с резиновыми веками, закрывающими глубоко посаженные грустные глаза, которые, пристально всматриваясь в мир, видели слишком многое. К голове приставили благородные уши, которые могли слышать лишь время прошедшее. Большие руки с узловатыми пальцами были подвешены, как маятники, отсчитывающие это ушедшее безвозвратно время. И когда все было готово, они надели костюм поверх нагой фигуры, застегнули пуговицы, затянули узел на галстуке — конклав портных, нет, апостолов, собравшихся ярким славным пасхальным утром.

В последний час последнего дня Фишс выгнал их всех из комнаты и в одиночестве нанес последние мазки великого художника, потом позвал их снова и не буквально, нет, но в каком-то метафорическом смысле попросил возвести его на плечи.

Притихшие, смотрели они, как Фишс взывал над старым полем боя и далеко за его пределами, убеждая, что могила не место для него; воскресни!

И Линкольн, спавший глубоким сном в своем прохладном спрингфилдском мраморном покое, повернулся и в сладком сновидении увидел себя ожившим.

И встал.

И заговорил.

* * *

Зазвонил телефон. Байес вздрогнул от неожиданности. Воспоминания рассеялись.

— Байес? Это Фишс. Бак звонил только что. Говорит, чтобы я немедленно ехал. Говорит, что-то с Линкольном...

— Нет,— сказал Байес.— Ты же знаешь Бака. Наверняка звонил из ближайшего бара. Я здесь, в театре. Все в порядке. Один из генераторов забарахлил. Мы только что кончили ремонт...

— Значит, с НИМ все в порядке?

— Он велик, как всегда.— Байес не мог отвести глаз от тяжело осевшего тела.

— Я... Я приеду...

— Нет, не надо!

— Бог мой, почему ты КРИЧИШЬ?

Байес прикусил язык, сделал глубокий вдох, закрыл глаза, чтобы не видеть этой фигуры в кресле, потом медленно сказал:

— Фишс, я не кричу. В зале только что дали свет. Публика ждет, я не могу сдержать их. Я клянусь тебе...

— Ты лжешь.

— Фишс!

Но Фишс повесил трубку.

«Десять минут,— в смятении подумал Байес.— Он будет здесь через десять минут. Всего десять минут — и человек, вернувший Линкольна из могилы, встретится с тем, кто вогнал его туда обратно».

Он резко встал. Бешеная жажда деятельности овладела им. Скорее бежать туда, за сцену, включить магнитофон, посмотреть, какие узлы можно заменить, а что уже никогда не поправить. Впрочем, нет. Нет времени. Оставим это на завтра.

Время оставалось лишь для разгадки тайны.

И тайна эта заключалась в человеке, который сидел сейчас в третьем кресле последнего ряда.

Убийца — ведь он УБИЙЦА, не так ли? Что он представляет собой?

Байес ведь видел совсем недавно это лицо. До боли знакомое лицо со ста-

---

[1] Так будет со всеми тиранами (л а т.).

[2] 1—3 июля 1863 года возле небольшого города Геттисберга произошло крупное сражение между войсками Юга и Севера, которое закончилось победой северян и явилось поворотным пунктом в ходе всей Гражданской войны. Вскоре после битвы при Геттисберге была образована комиссия по созданию мемориального кладбища для захоронения 3 814 американских солдат. Организаторы послали приглашение президенту Линкольну присутствовать на торжественном открытии кладбища. Речь Линкольна вошла в историю ораторского искусства и историю Америки как одна из самых ярких ее страниц. Текст «геттисбергской речи» выбит на граните Мемориального музея Линкольна в Вашингтоне.

рого, поблекшего и позабытого уже дагерротипа. И эти пышные усы. И темные надменные глаза.

Байес медленно сошел со сцены. Медленно поднялся по проходу до последнего ряда и остановился, глядя на человека с опущенной головой, зажатой между руками.

— Мистер... Бутс?

Странный незнакомец сжался, потом вздрогнул и выдавил шепотом:

— Да...

Байес выждал. Потом собрался с силами и спросил:

— Мистер... Джон Уилкес Бутс [1]?

Убийца тихо рассмеялся. Смех перешел в какое-то зловещее карканье.

— Норман Левеллин Бутс. Только фамилия... совпадает.

«Слава богу,— подумал Байес.— Я бы не вынес этого».

Он повернулся и пошел вдоль прохода, потом остановился и взглянул на часы. Стрелка неумолимо бежала вперед. Фишс уже в дороге. В любой момент он может забарабанить в дверь.

— Почему?..

— Я не знаю! — крикнул Бутс.

— Лжешь!

— Удобная возможность. Жалко было упустить.

— Что? — Байес резко повернулся.

— Ничего.

— Ты не посмеешь повторить это.

— Потому что...— начал Бутс, опустив голову —... Потому что... это правда,— прошептал он в благоговейном трепете.— Я сделал это... В САМОМ ДЕЛЕ сделал это.

Стараясь как-то сдержаться, Байес продолжал ходить вверх и вниз по проходам, боясь остановиться, боясь, что нервы не выдержат и он бросится и будет бить, бить, бить этого убийцу.

Бутс заметил это.

— Чего вы ждете? Кончайте...

— Я не сделаю этого...— Байес заставил себя успокоиться.

---

[1] Джон Уилкес Бутс — убийца президента Авраама Линкольна.

— Меня не будут судить за убийство, за то, что я убил человека, который убил другого человека, который, в сущности, и не был человеком, а машиной. Достаточно уже того, что застрелили вещь только за то, что она выглядит как живая. И я не хочу ставить в тупик судью или жюри и заставлять их рыться в уголовном кодексе в поисках подходящей статьи для человека, который убивает потому, что застрелен человекоподобный компьютер. Я не буду повторять твоего идиотизма.

— Жаль,— вздохнул человек, назвавшийся Бутсом. Краска медленно сошла с его лица.

— Говори,— сказал Байес, уставившись в стену. Он представил себе ночные улицы, Фишса, мчащегося в своей машине, неумолимо убегающее время.— У тебя есть пять минут, может, больше, может, меньше. Почему ты сделал это, почему? Начни с чего-нибудь. Начни с того, что ты трус.

— Трус, да,— сказал Бутс.— Откуда вы знаете?

— Я знаю.

— Трус,— повторил Бутс.— Это точно. Это я. Всегда боюсь. Вы правильно назвали. Всего боюсь. Вещей. Людей. Новых мест. Боюсь. Людей, которых мне хотелось ударить и которых я никогда не тронул пальцем. Вещей — я всегда хотел их иметь — никогда не было. Мест, куда хотел поехать и где никогда не бывал. Всегда хотел быть большим, знаменитым. Почему бы и нет? Тоже не получилось. Так что, подумал я, если ты не можешь сделать ничего, что доставило бы тебе радость, сделай что-нибудь подлое. Масса способов наслаждаться подлостью. Почему? Кто знает? Нужно лишь придумать какую-нибудь гадость и потом плакать, сожалеть о содеянном. Так по крайней мере чувствуешь, что сделал что-то до конца. Так что я решил сделать что-нибудь гадкое...

— Поздравляю, ты преуспел!

Бутс уставился на свои руки, как будто они держали старое, но испытанное оружие.

— Вы когда-нибудь убивали черепаху?

— Что?..

— Когда мне было десять лет, я впервые задумался о смерти. Я подумал, что черепаха, эта большая, бессловесная, похожая на булыжник тварь, собирается еще жить и жить долго после того, как я умру. И я решил, что если я должен уйти, пусть черепаха уйдет первой. Поэтому я взял кирпич и бил ее по спине до тех пор, пока панцирь не треснул и она не сдохла.

Байес замедлил шаги. Бутс сказал:

— По той же причине я однажды отпустил бабочку. Она села мне на руку. Я вполне мог раздавить ее. Но я не сделал этого. Не сделал потому, что я знал: через десять минут или через час какая-нибудь птица поймает и съест ее. Поэтому я дал ей улететь. Но черепахи?! Они валяются на задворках и живут вечно. Поэтому я взял кирпич — и я жалел об этом многие месяцы. Может быть, и сейчас еще жалею. Смотрите...

Его руки дрожали.

— Ладно,— сказал Байес.— Но какое, черт возьми, все это имеет отношение к тому, что ты оказался сегодня здесь?

— Что? Как какое отношение?! — закричал Бутс, глядя на него, как будто это ОН, Байес, сошел с ума.— Вы что, не слушали? Отношение!.. Бог мой, я ревнив! Ревнив ко всему! Ревнив ко всему, что работает правильно, ко всему, что совершенно, ко всему, что прекрасно само по себе, ко всему, что живет и будет жить вечно, мне безразлично что! Ревнив!

— Но ты не можешь ревновать к машинам.

— Почему нет, черт побери! — Бутс схватился за спинку сиденья и медленно подался вперед, уставившись на осевшую фигуру в высоком кресле там, посреди сцены.— Разве в девяноста девяти случаях из ста машины не являются более совершенными, чем большинство людей, которых вы когда-либо знали? Разве они не делают правильно и точно то, что им положено делать? Сколько людей вы знаете, которые правильно и точно делают то, что им положено делать, хотя бы наполовину, хотя бы на одну треть? Эта чертова штука там, на сцене, эта машина не только выглядит совершенно, она говорит и работает, как само совершенство. Больше того, если ее смазывать, вовремя заводить и изредка регулировать, она будет точно так же говорить, и двигаться, и выглядеть великой и прекрасной через сто, через двести лет после того, как я давно уже сгнию в могиле. Ревнив? Да, черт возьми, я ревнив!

— Но машина НЕ ЗНАЕТ этого...

— Я знаю. Я чувствую! — сказал Бутс.— Я, посторонний наблюдатель, смотрю на творение. Я всегда за бортом. Никогда не был при деле. Машина творит. Я нет. Ее построили, чтобы она правильно и точно делала одну-две операции. И сколько бы я ни учился, сколько бы я ни старался до конца дней своих делать что-нибудь — неважно что,— никогда я не буду столь совершенен, столь прекрасен, столь гарантирован от разрушения, как эта штука там, этот человек, эта машина, это создание, этот президент...

Теперь он стоял и кричал на сцену через весь зал.

А Линкольн молчал. Машинное масло капля за каплей медленно собиралось в блестящую лужу на полу под креслом.

— Этот президент,— заговорил снова Бутс, как будто до него только сейчас дошел смысл случившегося. Этот президент. Да, Линкольн. Разве вы не видите? Он умер давным-давно. Он не может быть живым. Он просто не может быть живым. Это неправильно. Сто лет тому назад — и вот он здесь. Его убили, похоронили, а он все равно живет, живет, живет. Сегодня, завтра, послезавтра — всегда. Так что его зовут Линкольн, а меня Бутс... Я просто должен был прийти...

Он затих, уставившись в пространство.

— Сядь,— тихо сказал Байес.

Бутс сел, и Байес кивнул охраннику:

— Подождите снаружи, пожалуйста.

Когда охранник вышел и в зале остались только он, и Бутс, и эта неподвижная фигура там, в кресле, Байес медленно повернулся и пристально, в упор посмотрел на убийцу. Тщательно взвешивая каждое слово, он сказал:

— Хорошо, но это не все.

— Что?

— Ты не все сказал, почему ты сегодня пришел сюда.

— Я все сказал.

— Это тебе только кажется, что ты все сказал. Ты обманываешь сам себя. Но все это в конечном итоге сводится к одному. К одной простой истине. Скажи, тебе очень хочется увидеть свое фото в газетах, не так ли?

Бутс промолчал, лишь плечи его слегка выпрямились.

— Хочешь, чтобы твою физиономию разглядывали на журнальных обложках от Нью-Йорка до Сан-Франциско?

— Нет.

— Выступать по телевидению?

— Нет.

— Давать интервью по радио?

— Нет!

— Хочешь быть героем шумных судебных процессов? Чтобы юристы спорили, можно ли судить человека за новый вид убийства...

— Нет!

— ...то есть за убийство человекоподобной машины?..

— Нет!

Байес остановился. Теперь Бутс дышал часто, вдох-выдох, вдох-выдох. Его глаза бешено бегали по сторонам. Байес продолжал:

— Здорово, не правда ли: двести миллионов человек будут говорить о тебе завтра, послезавтра, на следующей неделе, через год!

Молчание.

— Продать свои мемуары международным синдикатам за кругленькую сумму?

Пот стекал по лицу Бутса и каплями падал на ладони.

— Хочешь, я отвечу на все эти вопросы, а?

Байес помолчал. Бутс ждал новых вопросов, нового напора.

— Ладно,— сказал Байес.— Ответ на все эти вопросы...

Кто-то постучал в дверь.

Байес вздрогнул.

Стук повторился, на этот раз настойчивей и громче.

— Байес! Это я, Фиппс! Открой мне дверь!

Стук, дерганье, потом тишина.

Байес и Бутс смотрели друг на друга, как заговорщики.

— Открой дверь! Ради бога открой мне дверь!

Снова бешеный барабанный грохот, потом опять тишина. Там, за дверью, Фиппс дышал часто и тяжело. Его шаги отдалились, потом стихли. Наверное, он побежал искать другой вход.

— На чем я остановился? — спросил Байес.— Ах, да. Ответ на все мои вопросы. Скажи, тебе ужасно хочется приобрести всемирную теле-кино-радио-журнально-газетную известность?

Бутс раскрыл рот, но промолчал.

— Н-Е-Т,— раздельно, по буквам произнес Байес.

Он протянул руку, достал из внутреннего кармана бумажник Бутса, вытащил из него все документы и положил пустой бумажник обратно.

— Нет? — ошеломленно спросил Бутс.

— Нет, мистер Бутс. Не будет фотографий. Не будет телепередач от Нью-Йорка до Сан-Франциско. Не будет журналов. Не будет статей в газетах. Не будет рекламы. Не будет славы. Не будет почета. Веселья. Самосожаления. Покорности судьбе. Бессмертия. Абсурдных рассуждений о власти автоматов над людьми. Великомученичества. Временного возвышения над собственной посредственностью. Сладостных страданий. Сентиментальных слез. Судебных процессов. Адвокатов. Биографов, превозносящих вас до небес через месяц, год, тридцать лет, шестьдесят лет, девяносто лет. Двусмысленных сплетен. Денег. Не будет. Нет.

Бутс поднимался над креслом, как будто его вытягивали на веревке: он был смертельно бледен, словно невидимой рукой его умыли белилами.

— Я не понимаю. Я...

— Вы заварили всю эту кашу? Да. Но ставка ваша бита. И я испорчу ваше представление. Потому что теперь, мистер Бутс, когда все уже сказано и сделано, когда все аргументы исчерпаны и все итоги подведены, вы просто не существующее и никогда не существовавшее ничтожество. И таковым вы и останетесь: маленьким и посредственным, подленьким, дряненьким и трусливым. Вы коротышка, Бутс, и я буду мять, давить, сжимать, дубасить вас, пока вы не станете еще на дюйм короче, вместо того чтобы помогать вам возвыситься и упиваться своим трехметровым ростом.

— Вы не посмеете! — взвизгнул Бутс.

— О, нет, мистер Бутс,— тотчас ответил Байес почти счастливым голо-

Со стр. 21.

Ветер из Геттисберга

сом.— Я посмею. Я могу сделать с вами все, что захочу. Больше того, мистер Бутс, ничего этого никогда не было.

Стук возобновился. Теперь стучали в запертую дверь за кулисами.

— Байес, ради бога открой мне дверь! Это Фиппс! Байес! Байес!

Очень спокойно, с великолепным самообладанием Байес ответил:

— Одну минуту.

Он знал, что через несколько минут все взорвется и забурлит, от тишины и спокойствия не останется и следа, но сейчас пока было это: величественная безмятежная игра, и он в заглавной роли; он должен доиграть ее до конца. Он обращался к убийце и смотрел, как тот ерзает в кресле; он снова говорил и смотрел, как тот съеживается:

— Ничего и никогда этого не было, мистер Бутс. Вы можете кричать на каждом углу — мы будем отрицать это. Вы никогда здесь не были. Не было пистолета. Не было выстрела. Не было электронно-счетного убийства. Не было осквернения. Не было шока. Паники. Толпы. Что с вами? Посмотрите на свое лицо. Почему у вас подкашиваются ноги? Почему вы садитесь? Почему вас трясет? Вы разочарованы? Я нарушил ваши планы? Хорошо!— Он кивнул на выход.— А теперь, мистер Бутс, убирайтесь отсюда вон.

— Вы не имеете...

Байес мягко шагнул вперед, взял Бутса за галстук и медленно поставил убийцу на ноги. Теперь Бутс вплотную чувствовал его дыхание.

— Если вы когда-нибудь расскажете своей жене, приятелю, начальнику по службе, мужчине, женщине, дяде, тете, троюродному брату, если когда-нибудь, ложась в постель, вы самому себе начнете рассказывать вслух об этой пакости, которую вы натворили,— знаете, что я с вами сделаю, мистер Бутс? Я не скажу вам этого, я не могу сейчас сказать. Но это будет ужасно...

Бутс был бледен, его трясло.

— Что я сказал сейчас, мистер Бутс?

— Вы убьете меня?

— Повтори снова!

Он тряс Бутса до тех пор, пока слова не сорвались между стучащими зубами: «... убьете меня!..»

Байес держал его крепко, и тряс, и тряс долго и безостановочно, чувствуя, как паника охватывает Бутса.

— Прощайте, Господин Никто. Не будет статей в журналах, не будет веселья, не будет телевидения, не будет славы, не будет аршинных заголовков. А теперь убирайтесь, убирайтесь отсюда вон, бегите, бегите, пока я не прибил вас.

Он подтолкнул Бутса. Бутс побежал, споткнулся, встал и неуклюже поскакал к двери, которая в тот же момент затряслась и загрохотала.

Фиппс был там, Фиппс взывал из темноты.

— В другую дверь,— сказал Байес.

Он указал пальцем, и Бутс, развернувшись, как волчок, помчался в новом направлении.

— Стой,— сказал Байес.

Он пересек зал, подошел к Бутсу, поднял руку и изо всех сил влепил ему звонкую пощечину. Пот маленькими кашлями брызнул у него из-под руки.

— Я должен был сделать это,— сказал Байес.— Только раз.

Он взглянул на руку, потом повернулся и открыл дверь. Оба посмотрели на таинственный мир ночи с холодными звездами, на тихие улицы, где уже не было никакой толпы.

— Убирайся,— сказал Байес.

Бутс исчез. Дверь с треском захлопнулась. Байес приклонился к ней в изнеможении, тяжело дыша.

По другую сторону зала снова начался стук, грохот, дерганье двери. Это Фиппс. Нет, Фиппс пусть еще подождет. Сейчас...

Театр казался огромным и пустынным, как поле Геттисберга, когда толпа разбрелась по домам и солнце уже зашло; где была толпа и где ее больше не было; где отец поднял вверх ребенка и где мальчик повторял слова, но слов уже тоже не было...

Он поднялся на сцену и протянул руку. Его пальцы коснулись плеча Линкольна.

Слезы текли по лицу Байеса.

Он плакал. Рыдания душили его. Он не мог остановить их.

Линкольн был мертв. Линкольн был МЕРТВ.

А он позволил его убийце уйти.

Перевел с английского
Алексей БУРМИСТЕНКО.

Ка

Рей БРЕДБЕРИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Сокрушительный удар гигантского консервного ножа вспорол корпус ракеты, и люди, как дюжина серебристых извивающихся рыбешек, высыпались в пространство. Взрыв вышвырнул их в море мрака, а ракета, рассыпавшись в пыль, метеорным роем понеслась дальше, в неведомое.

— Баркли, Баркли, где ты?

Так перекликаются дети, заблудившись в холодной ночи.

— Вуд, Вуд!

— Капитан!

— Холлис, Холлис, это я, Стоун!

— Стоун, говорит Холлис, где ты?

— Не знаю, как я могу знать? Я падаю, боже, я проваливаюсь, не знаю куда!..

Они падали. Как мелкие камушки в колодец. Могучий удар разметал их, словно пригоршню песка, и теперь вместо людей остались лишь голоса, непохожие один на другой, но все бесплотные и безликие, выражающие ужас или вялую покорность.

— Нас разносит в разные стороны!

Так оно и было. Холлис, переворачиваясь на лету, был уверен в этом. Этот факт он отметил со смутным безразличием. Каждый мчался своим путем, и никакая сила не могла объединить их.

На них были герметические скафандры, сквозь прозрачные маски которых виднелись бледные лица. И никто не успел прикрепить двигатели! Если бы они сделали это! Тогда можно было бы надеяться на спасение себя и других, собраться бы всем вместе плотным островком и что-нибудь придумать. Но без ракетных двигателей за спиной они неслись беспомощными метеорами навстречу неотвратимой судьбе.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем панический страх уступил место спокойствию. Во тьме космоса, словно на огромном прядильном станке, плелись и расплетались неведомые звуки, сталкиваясь и разбегаясь, складываясь в готовые узоры.

— Говорит Стоун. Вызываю Холлиса. Долго ли мы сможем поддерживать связь?

— Смотря с какой скоростью мы движемся.

— Что-нибудь около часа, а?

— Я полагаю, не дольше.

Голос Холлиса прозвучал спокойно и отрешенно. Спустя минуту он спросил:

— Что произошло?

— Взорвалась ракета. Это иногда случается.

— В какую сторону ты летишь?

— Похоже, что свалюсь на Луну, а ты?

— Меня несет к Земле. Назад к родной планете со скоростью десять тысяч миль в час. Сгорю, как спичка...

Холлис представил это со странной отрешенностью: будто он отделился от собственного тела и наблюдает, как оно падает и падает в чернильную тьму космоса так же спокойно, как в давно ушедшие зимы следил за первыми снежинками.

Остальные молчали, мысленно проходя путь, который привел их к концу, и продолжали падать в бездонность, бессильные что-либо изменить. Даже капитан не подавал голоса: не было плана, не было приказа, не было спасения.

— О-о-о, как долго мне падать? Я падаю и падаю, и нет конца! — забился в наушниках голос.— Я не хочу, не могу умирать! Я боюсь смерти! Как глубока пропасть!..

— Кто это?

— Не знаю.

— Должно быть, Стимсон. Это ты, Стимсон?

— Стимсон, это я, Холлис. Ты меня слышишь?

Молчание, каждая секунда которого разносила их дальше и дальше.

— Стимсон!

— Слушаю,— наконец отозвался он.

— Возьми себя в руки, старина, мы все влипли одинаково.

— Я не хочу умирать, я хочу спастись!

— Держись, нас могут разыскать!

— Да, да, разыщут,— подхватил Стимсон.—Я не верю, не хочу поверить, что это все происходит с нами!

— Дурной сон,— вмешался чей-то голос.

— Закрой глотку! — оборвал его Холлис.

— Иди сюда и заставь меня замолчать,— предложил голос.

Это Эплгейт. Он засмеялся с безразличием постороннего.

— Что же ты? Иди сюда, не бойся!

Холлис впервые осознал полную беспомощность своего положения. В душе поднялась злость, и больше всего на свете захотелось добраться до Эплгейта и задать ему взбучку. Много лет он сдерживал это желание, а теперь слишком поздно: Эплгейт стал всего лишь голосом в наушниках.

Падаю, падаю, падаю...

Внезапно, словно ужас катастрофы лишь сейчас дошел до сознания, пронзительно закричали два голоса. Как в кошмаре, Холлис увидел одного из кричавших: он приближался и летел уже почти рядом, ни на секунду не прерывая безумных воплей, от которых звенело в ушах.

— Прекрати это, слышишь?

Нет, он теперь не умолкнет, миллионы миль вокруг пронизаны криком, и, пока он не выйдет за пределы радиосвязи, никто не сможет говорить. Холлис протянул руку. Так будет лучше. Он рванулся и ухватил кричавшего за ногу: медленно подтягиваясь, глянул в маску — лицо под нею искажено в отчаянном вопле, который, казалось, переполнял Вселенную. Судорожно, как утопающий, он вцепился в Холлиса. «Не одно, так другое,— думал Холлис,— умрет ли он от удара о Луну или о метеор, зачем тянуть?» Железная перчатка Холлиса с силой ударила по маске. Медленно кувыркаясь от толчка, тело отделилось от Холлиса.

Водовороты безмолвия снова охватили Холлиса и остальных, летящих вниз, вниз, вниз, сквозь мрак Вселенной.

— Холлис, ты еще слышишь меня?

Холлис промолчал, чувствуя, как лицо заливает краска.

— Это снова Эплгейт.

— Слушаю, Эплгейт.

— Давай поболтаем, все равно больше нечего делать.

— Хватит болтать,— подключился капитан,— надо что-то придумать.

— Капитан, советую вам заткнуться! — предложил Эплгейт.

— Что?!

— То, что слышал. И не лезь со своим чином. Между нами десять тысяч миль, и незачем себя дурачить. Стимсон правильно заметил: падать нам глубоко.

— Послушай-ка, Эплгейт...

— Заткни глотку. Считай, что я взбунтовался. Терять мне нечего. Ракета твоя была дрянь, и сам ты как капитан никуда не годился. Желаю тебе свернуть шею, когда грохнешься на Луну.

— Я приказываю тебе замолчать!

— Приказывай, сколько влезет.— Голос принес насмешку за десять тысяч миль.

Капитан умолк. Эплгейт продолжал:

— О чем мы говорили, Холлис? Ах, да! Тебя я тоже ненавижу, ты это знаешь. Много лет знал.

Холлис бессильно сжал кулаки.

— Я хочу тебе кое-что сказать,— не замолкал Эплгейт.— Сделать тебе приятный сюрприз? Помнишь, пять лет назад тебя провалили на выборах в правление фирмы? Скажи за это спасибо мне, ха-ха...

Рядом промелькнул метеор. Холлис глянул вниз: на месте левой руки фонтаном била кровь. Давление в скафандре упало. Задержав дыхание, он дотянулся правой рукой и повернул зажим на левом локте. В скафандре снова появился воздух. Все произошло так быстро, что он не успел удивиться. Его больше ничто не удивляло. Он все плотнее затягивал зажим, пока не остановилось кровотечение. Все было проделано в молчании. Теперь Холлис прислушался к разговорам. Один из членов команды, Леспер, без устали болтал о своих женах: и на Марсе, и на Юпитере, и на Венере, о своем богатстве и развлечениях, кутежах и азартных играх, о своей удачливости в жизни. Все дальше и дальше погружались они в глубины космоса, и Леспер, падая навстречу гибели, забывался в счастливых воспоминаниях.

Как все странно: на миллионы миль кругом простиралась Вселенная, и в самом центре перекликаются отрывистые голоса. Непроглядная темень, но упруго звенящие радиоволны отыскивают людей и будят чувства.

— Ты рассердился, Холлис?

— Нет.

Он не солгал: им снова овладела отрешенность, будто не он, а бетонный блок проваливался в бесконечное никуда.

— Всю жизнь ты стремился пробиться наверх, Холлис, и не понимал, почему тебе не удавалось. Это я преградил тебе путь как раз перед тем, как меня самого оттуда сбросили.

— Теперь это не имеет значения,— устало сказал Холлис.

Так оно и было. Все позади. Оглядываясь назад, видишь жизнь, как фильм, промелькнувший за несколько мгновений: все заблуждения, страсти и порывы собраны вместе и яркой вспышкой отброшены на экран Вселенной, прежде чем успеешь воскликнуть: «Вот счастливый день, а вот плохой; вот злое лицо, а это — доброе»,— как фильм рассыпается пеплом, а экран поглощает тьма. Стоя на краю жизни и бросая взгляд в прошлое, он сожалел об одном: что желание жить его не покинуло. Неужели каждый умирает с чувством, будто он и не жил вовсе? Или жизнь в самом деле так коротка, что не успеешь войти во вкус, а она уже промчалась? А вдруг смерть кажется преждевременной и жизнь внезапно оборванной только для него именно сейчас, когда на размышления остались считанные часы?

А Леспер все еще хвастался:

— Уж я-то время проводил как следует: жена на Марсе, жена на Венере, жена на Юпитере, и у всех полно деньжат, а мне отказа ни в чем не было. Пил поверх головы, играл — однажды просадил в рулетку двадцать тысяч долларов!

«Но ты все равно здесь,— подумал Холлис.— У меня ничего такого не было. Я завидовал тебе,

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

лейдоскоп

Леспер, когда я не смотрел в глаза смерти, я завидовал твоему успеху у женщин и твоим кутежам. Женщины пугали меня, а, улетев в космос, я тосковал без них и не переставал завидовать твоим победам, твоему богатству и необузданному образу жизни, в котором ты находил счастье. Но теперь... теперь мы проваливаемся в пустоту и твердо знаем, что жизнь кончена, и я больше не завидую тебе: для тебя и меня все позади, а значит, словно не было». Холлис повернул лицо к микрофону и крикнул:

— А теперь все кончено, Леспер!

Молчание.

— Считай, что ничего у тебя не было, Леспер!

— Кто это? — запинаясь, спросил голос.

— Это я, Холлис.

Подлость, это подлость; Холлис ощутил бессмысленную подлость умирания — Эплгейт уязвил его, и вот он отыгрывается на другом. Эплгейт и космос ранили его, а он причиняет боль Лесперу.

— Ты вместе с нами, Леспер. Все кончилось, значит, ничего не было, не так ли?

— Нет!

— Когда событие прошло, то это равносильно, будто его не было. Кто скажет, что твоя жизнь прошла лучше, чем моя? Имеет значение только то, что есть в данный момент, а чем твое положение лучше?

— Оно лучше!

— Чем?

— У меня остались воспоминания, я все помню, все! — с негодованием возразил Леспер из глубины пространства, цепляясь за утешение памяти.

И он прав. Сознание его правоты ледяным потоком пронизало тело и мозг Холлиса. Воспоминания и мечты — это не одно и то же. У него только мечты о том, что он желал сделать, у Леспера — память о свершении. Понимание разницы безжалостно сокрушало Холлиса.

— Какая тебе польза от того, что прошло и не вернется?— крикнул он.— Чем мы сейчас отличаемся?

— Я чувствую себя спокойнее,— ответил Леспер,— я изведал все и теперь не опускаюсь до подлости, как ты.

Подлость! Холлис повторил про себя это слово: насколько он помнил, при жизни он никому не делал подлостей. Не мог позволить себе такую роскошь. Видимо, все низкое, что он сдерживал всю жизнь, вырвалось в такую минуту. Подлость. Он вдумался в слово. Слеза обиды покатилась по щеке. Кто-то уловил его прерывистое дыхание.

— Успокойся, Холлис!

Смешно. Минуту назад он сам пытался успокаивать других. Не сомневался в неподдельности своей храбрости. Оказывается, это не храбрость, а замедленная реакция на нервное потрясение. И теперь он пытается выложить в оставшиеся минуты всю низость, скопившуюся в течение жизни.

— Я понимаю, что тебе невесело, Холлис.— Голос Леспера замирал, пробиваясь за двадцать тысяч миль.— Я на тебя не обиделся.

Но неужели мы и теперь не равны? Леспер и я. Здесь, сейчас? Что толку от событий, прошедших давно? Нас всех ждет близкая смерть. Но в душе он понимал, что пытается обмануть себя. Все равно что не замечать разницу между живым человеком и трупом. Сияние жизни, таинственная искра в одном, а в другом — холод и пустота. Так и они с Леспером. Леспер жил полной жизнью, и это отличало его от Холлиса, который давно уже отгородился от жизни. Разными путями пришли они к смерти, и если бы смерть имела разные формы, то они и умерли бы по-разному. Смерть, как и жизнь, должна быть неповторимо многообразная, и уж если он давно не жил, то чего ему бояться настоящей смерти?

Секундой позже метеор срезал, как бритвой, правую ногу до лодыжки. Он чуть не рассмеялся. Из скафандра снова исчез воздух. Он быстро согнулся: кровь хлестала из раны. Как забавна смерть в космосе: в непроглядном мраке невидимый мясник рубит тело кусок за куском! Боясь потерять сознание от боли, туманящей мозг, он затянул винт на колене, остановил кровь и распрямился. Воздух наполнил скафандр, и он по-прежнему летел и летел в пропасть, и это было все, что оставалось ему делать.

— Холлис!

Холлис равнодушно кивнул, обессиленный ожиданием конца.

— Это опять я, Эплгейт.

— Слышу.

— Я слушал тебя и думал: все это плохо, так не следует встречать смерть. Не к чему изливать желчь на других. Ты слышишь, Холлис?

— Да.

— Я солгал тебе: я тебя не провалил на выборах. Не знаю, зачем так сказал; должно быть, хотел сделать тебе больно, именно тебе из всех других, мы всегда ведь боролись друг против друга. Похоже, что я старею на глазах, раз меня уже потянуло каяться. Мне стало стыдно, когда я слышал, как низко ты обошелся с Леспером. Слушай, я признаю, что вел себя по-дурацки, и в том, что говорил тебе, нет ни крупицы правды. А теперь проваливай ко всем чертям!

Холлис ощутил, как снова толчками забилось сердце и по телу разлилась теплая волна. Нервы приходили в порядок после катастрофы, а последующие вспышки страха, злобы и одиночества утихали. Словно он вышел утром из-под холодного душа и собирается приступить к завтраку перед длинным рабочим днем.

— Спасибо, Эплгейт.

— Пустяки. Не вешай носа, бродяга!

— Эй!— Это вмешался Стоун.

— Что случилось? — крикнул Холлис через пространство. Стоун был его хорошим другом.

— Я попал в поток метеоров и астероидов!

— Метеоры?

— Я полагаю, это мирмидоны. Каждые пять лет они проходят между Землей и Марсом. Меня занесло в самую середину. Каких только нет расцветок, форм и размеров! Словно в калейдоскопе. Красота — не оторвать глаз!

Молчание.

— Они меня увлекают с собой, придется лететь вместе. Черт побери, как красиво!— Он рассмеялся.

Холлис огляделся, но не заметил ничего. Только россыпи изумрудов, сапфиров и алмазов на черном бархате Вселенной, сквозь кристальный блеск которых пробиваются неведомые звуки. Было что-то чудесное и поражающее воображение в том, что Стоун уносится, смешавшись с метеорным роем, и каждые пять лет вместе с ними будет мелькать между Марсом и Землей, и так миллионы столетий Стоун в бесконечности бессмертия, перемещаясь в кишащей массе метеоров, будет плести новые узоры и расцветки, как в детстве, когда он вертел длинную трубку калейдоскопа, направив ее на солнце.

— Прощай, Холлис! — Голос Стоуна едва слышен.— Прощай!

— Желаю удачи! — громко крикнул Холлис, чтобы перекрыть разделяющие их тридцать тысяч миль.

— Брось свои шутки!— в последний раз долетел голос Стоуна.

Звезды сомкнулись.

Все голоса стали замирать. Каждый уносился по своей орбите — кто к Марсу, кто еще дальше. А сам Холлис... Из всех только он один возвращался на Землю.

— Прощайте.

— Держись молодцом!

— Прощай, Холлис!— Это Эплгейт.

Скупые слова расставания, прощальные напутствия. И вот распалось то, что в могучем корпусе ракеты, как в черепе, составляло мозг корабля, огненной струей пронзавшего Вселенную. Их совместная работа лишилась смысла, и один за другим они застывали в ледяном безмолвии. Как после гибели мозга начинают отмирать клетки тела, так постепенно отмирало все, что связывало их в долгие годы полетов, чем они были дороги друг другу. Эплгейт значит теперь не больше, чем оторванный палец, нет смысла презирать его или бороться с ним. Взрыв разнес мозг корабля на мелкие осколки, далеко разлетевшиеся во все стороны. Голоса стихли, и космос вернулся к безмолвию. Голоса их поднялись и замерли, подобно эху, многократно отраженному звездными глубинами. Холлис остался один; он падал, и падение не имело конца. Каждый из них теперь одинок. Капитан на пути к Луне, Стоун в гуще метеоров, Стимсон, Эплгейт несутся к Плутону. Куда летят Смит, Тернер, Андервуд? Все те, кто, как стекляшки калейдоскопа, так долго плел узор мысли?

А я? Что я еще могу сделать? Неужели ничем нельзя возместить ужас впустую прожитой жизни? Если бы сделать хотя бы одно доброе дело, чтобы сгладить мелочность потраченных лет! Но я здесь совсем один, а как делать добро в одиночку? Невозможно. Завтра ночью я врежусь в атмосферу Земли. Я сгорю, и мой пепел разлетится по всем континентам. Ничтожная, но польза. Очень мало, но пепел есть пепел, он тоже нужен Земле...

Он падал стремительно. Как пуля, как камень, как кусок железа. Мысли были ясные, не печальные и не радостные. И только одно желание: успеть сделать что-то полезное, пусть никто об этом не узнает, неважно.

— Когда я попаду в атмосферу,— громко сказал он,— я вспыхну, как порох. Хотел бы я знать, заметят ли хоть это?..

Малыш остановился на деревенской улице и глянул вверх.

— Мама, смотри, смотри,— радостно закричал он,— звезда падает!

Сверкающая белая полоса прочертила сумрачное небо Иллинойса.

— Скорей загадай желание,— сказала мать.

Перевел с английского
Ю. ЛЕВАШЕВ.

МГНОВЕНИЕ В ЛУЧАХ СОЛНЦА

Рэй БРЭДБЕРИ

Они приехали в Отель де лас Флорес в жаркий день в конце октября. Муж, бледный, высокий, черноволосый, поднялся в их маленький номер, повалился на кровать и закрыл глаза. В это время его жена, молодая женщина лет двадцати четырех, сновала между номером и машиной. Сначала она принесла два чемодана, затем пишущую машинку, огромный сверток с мексиканскими масками, купленными в городе Патскуаре, еще чемоданы, уже поменьше, и небольшие свертки. Она заперла машину, проверила окна и бегом вернулась в комнату, что-то напевая про себя.

— О господи,— сказал муж, не открывая глаз,— ну и кровать, чтоб ее черт побрал. На-ка, пощупай. Я же тебе говорил: проси с мягкими матрацами.— И устало хлопнул по кровати — Она же как камень.

— Но я не говорю по-испански.— На лице жены появилось удивленное выражение.— Поговорил бы с хозяином сам.

— Ну, вот что,— он чуть приоткрыл свои серые глаза и повернул голову.— Мы как договаривались? Денежные дела, гостиницы, бензин, масло и все такое прочее ты берешь на себя, а нам уже во второй раз попадаются жесткие кровати.

— Извини.— Она начала нервничать.

— Могу я хотя бы нормально спать по ночам?

— Я же сказала, извини.

— Ты что, даже не удосужилась пощупать кровати?

— Они мне показались вполне нормальными.

— Нет, ты все-таки пощупай.

— Нормальная кровать.

— То-то и оно, что нет.

— Ну, может, моя мягче. Хочешь, спи на этой,— предложила она и попыталась выжать из себя улыбку.

— А-а, эта такая же,— вздохнул он, закрывая глаза.

Оба молчали. Наконец она встала, схватила пишущую машинку, чемодан и направилась к двери.

— Куда это ты собралась? — спросил он.

— В машину. Поедем в другую гостиницу.

— Поставь их обратно. Я устал.

— Нет, мы поедем в другую гостиницу.

— О господи! Сядь, мы переночуем здесь, а завтра поедем дальше.

Она посмотрела на вещи, и глаза ее вспыхнули. Поставив пишущую машинку на пол, она закричала:

— К черту! Бери мой матрац. Я буду спать на пружинах.

Он промолчал.

— Бери мой матрац, и хватит об этом,— повторила она.

— А что, на двух удобнее,— серьезно сказал он, открывая глаза.

— Господи, да бери оба, я могу хоть на гвоздях спать, только перестань ныть.

— Ладно, обойдусь.— Он отвернулся.— Это было бы непорядочно с моей стороны.

— С твоей стороны было бы очень порядочно вообще не поднимать шум из-за кровати. Господи, да не такая уж она и жесткая. Почему ты не заснешь, если устал, сколько же можно, Джозеф?

— Тише, тише,— сказал Джозеф.— лучше сходила бы узнать, во что обойдется нам поездка на такси к вулкану Парикутин. И посмотри на небо: если оно голубое, значит, извержения сегодня не будет. Да смотри, чтоб тебя не надули.

— Не бойся, я все сделаю.— Она вышла, закрыв за собой дверь.

Небо над городом было голубым, только на севере (а может, на западе или востоке, она не была уверена) огромное черное облако поднималось от пылающей печи вулкана Парикутин.

Она разыскала таксиста, высокого толстяка с торчащими зубами, и началась торговля.

С шестидесяти песо цена быстро упала до тридцати семи...

Значит, так! Он должен приехать завтра в три часа дня и повезти их к грязно-серым снегам, к местам, где выпал вулканический пепел и царствовала пыльная зима. Правильно ли он ее понял?

— Si! Señora, esta es muy claro, si! *

— Bueno ** — Она дала ему номер их комнаты и распрощалась.

Сама того не замечая, женщина погружалась в город, омывавший ее со всех сторон, словно медленная и молчаливая река...

И вдруг тень тревоги пробежала по ее лицу. Она посмотрела на часы, прошло полчаса, как она вышла из гостиницы. Надо было возвращаться.

В самом конце гостиничного дворика продавали прохладительные напитки. Купив четыре бутылки кока-колы, она открыла дверь их номера:

— Мы выезжаем завтра в три часа.

— Сколько дала?

— Всего лишь тридцать семь песо.

— Хватило бы и двадцати. Нечего давать этим мексиканцам возможность обманывать себя.

— Я же богаче их, и если кто заслуживает быть обманутым, так это мы.

— Да при чем тут это? Просто они любят торговаться.

— Когда я с ними торгуюсь, то чувствую себя скотиной: к чему поднимать шум из-за доллара!

— Доллар есть доллар.

— Я заплачу доллар из своих денег,— сказала она.— Хочешь воды?

— Что у тебя там? — Он поднялся и сел на кровати.

— Кока-кола.

— Ты же знаешь, я не люблю кока-колу. Отнеси две бутылки назад и возьми апельсиновый сок. Как вулкан, действует?

— Да.

— Ты спрашивала?

— Нет, посмотрела на небо. Оно все в дыму, того и гляди, лопнет от дыма.

— А как мы можем быть уверены, что извержение будет завтра?

— Никак. Если не будет, отложим поездку.

— Я тоже так думаю.— Он опять лег.

Она принесла две бутылки апельсинового напитка.

— Что-то он не холодный,— глотнув, сказал муж...

Ужин подали им во дворе: мясо прямо со сковородки, зеленый горошек, блюдо риса по-испански, немного вина и персики со специями на десерт.

После ужина они вышли на площадь. Zocalo * утопала в зелени. На эстраде, украшенной бронзовыми завитками, свистел, трубил, гудел и ревел оркестр. Сколько людей, сколько красок! Площадь словно расцвела. Оркестр разразился Yanki Doodle **; это привело ее в восторг и, широко улыбаясь, она повернулась к мужу, напевая что-то вполголоса.

— Ты ведешь себя, как туристка,— сказал муж.

— Просто мне хорошо.

— Не будь по крайней мере дурой.

Мимо них медленно проходил торговец серебряными безделушками. Джозеф осмотрел его товар и выбрал браслет — очень изящную, изысканную вещицу.

— Сколько? — спросил он продавца.

— Veinte pesos, señor.***

— Ничего себе,— с улыбкой сказал муж по-испански.— Я дам тебе за него пять песо.

— Пять песо?! Я умру с голоду.

— Не торгуйся с ним,— сказала жена.

— Не вмешивайся,— все так же улыбаясь, ответил муж.— Пять песо, сеньор.— повторил он продавцу.

— Нет, нет, десять!

— Ну, хорошо, я даю вам шесть, и ни песо больше.

— Берите за шесть, сеньор, согласен.

Мужчина засмеялся.

— Дай ему шесть песо, дорогая.

Негнущимися руками она вынула бумажник и протянула торговцу несколько банкнот.

— Надеюсь, ты доволен?

— Еще бы, за доллар и двадцать пять центов я купил браслет, стоящий в Америке тридцать долларов!

— Должна признаться, я дала этому человеку десять песо.

— Что ты сказала? — муж перестал улыбаться.

— Я дала ему десять песо,— повторила жена,— но ты не волнуйся, в счет, который я представлю тебе в конце недели, они не войдут, это пойдет из моих денег.

Он ничего не ответил, только опустил браслет в карман.

Теперь настал ее черед отодвинуться от него и замолчать.

— Я устал, пойду в номер,— сказал муж.

— Мы же проехали от Патскуаре всего сто миль.

---

* — Да, синьора, все ясно (исп.).

** — Хорошо (исп.).

* площадь (исп.).

** «Янки Дудл» (муз.).

*** Двадцать песо, сеньор (исп.).

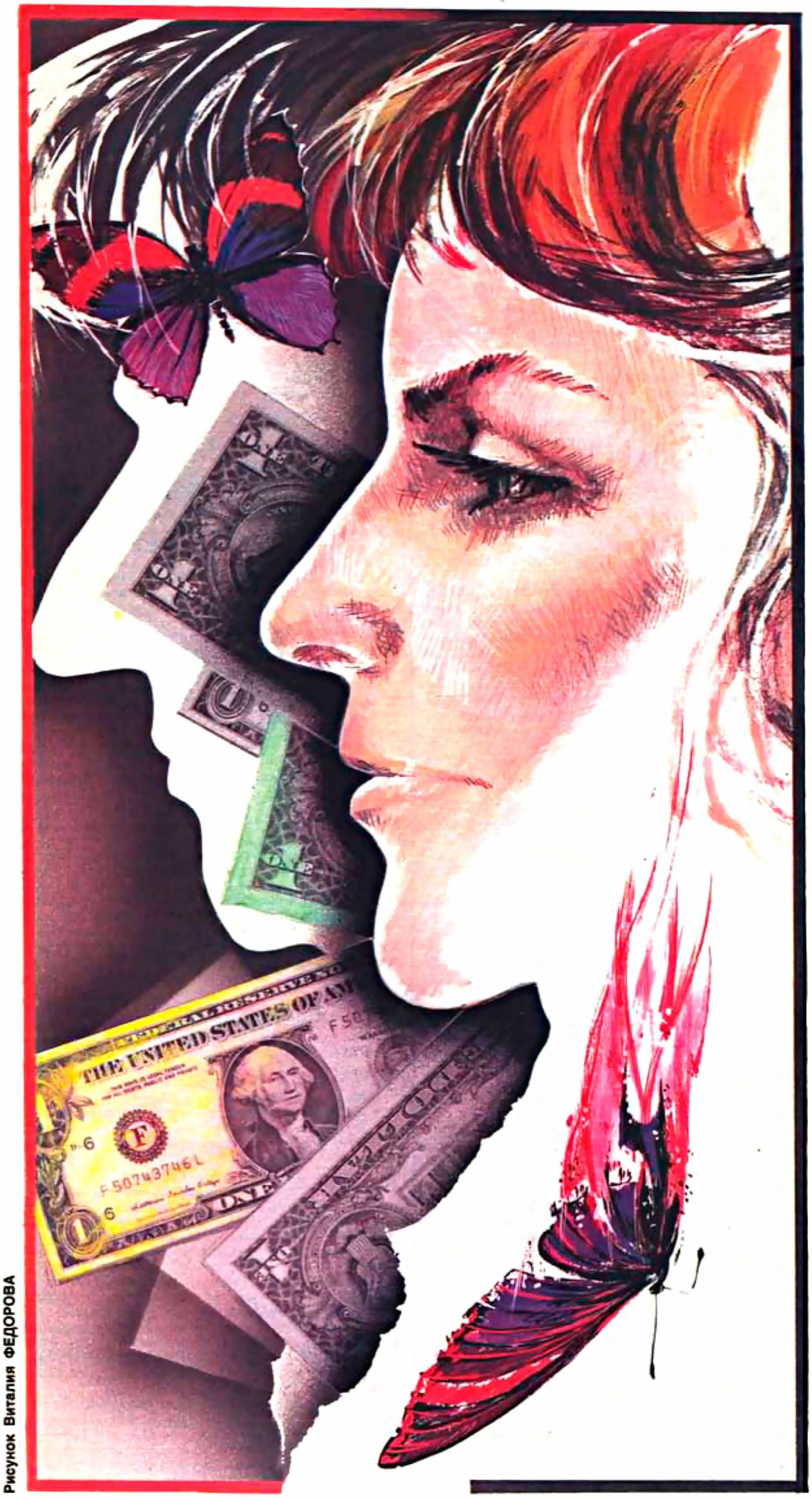


Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

— Что-то у меня опять першит в горле. Пойдем.

Они вернулись в гостиницу, вошли в номер и разделись.

— Прости меня,— сказал он,— я так устал. Ужасно дергаюсь, когда веду машину, потом мы плохо говорим по-испански. К вечеру я превращаюсь в комок нервов.

— Да,— сказала она.

Внезапно он пододвинулся к ней, крепко прижал к себе, положил голову ей на плечо и, закрыв глаза, горячо, страстно зашептал:

— Ты же знаешь, мы всегда должны быть вместе, что бы ни случилось. Я тебя очень люблю. Если тебе трудно со мной, прости меня. Все наладится, должно наладиться.

Она пристально смотрела через его плечо на пустую стену, как бы олицетворявшую этот момент ее жизни: огромное пустое пространство, где не за что ухватиться. Она не знала, что делать, как отвечать ему. То, что было у нее на душе, выражали глаза, все глубже уходившие в пустоту стены...

Он прижал ее к кровати.

— Знаешь ли ты, как одиноко мне становится, когда мы спорим и ссоримся?

Он ждал ответа, но она молчала. В его голосе послышалось ей такое, от чего почудилось, будто сидит она в поезде, а он стоит на платформе и говорит: «Не уезжай». Она в смятении кричит в ответ: «Это же ты сидишь в вагоне! Ты! А я никуда не уезжаю!..»

В три часа утра она проснулась и уже не могла заснуть. В комнату вливалась прохлада глубокой ночи. Она прислушалась к дыханию мужа и почувствовала, как весь мир уходит куда-то далеко...

Они прожили вместе пять лет, и за все это время ни на день не разлучались; она никуда не ходила одна, он был рядом с ней всегда, наблюдал, критиковал и ни разу не разрешил отлучиться больше чем на час, не потребовав от нее полного отчета. Иногда, чувствуя себя при этом воплощением зла, она украдкой, никому не сказав, уходила в кино на ночной сеанс и, глубоко вдыхая воздух свободы, наблюдала, как люди, куда реальнее ее, двигались по экрану.

«1825 дней с тобой, муж мой,— подумалось ей.— Я, как тот человек из «Бочонка Амонтильядо» *, которого замуровали в подземелье, кричу, но никто меня не слышит».

За дверью послышались шаги и чей-то стук.

— Señora,— позвал кто-то тихонько по-испански,— уже три часа.

— Боже, тш-тш...— зашипела жена, вскочила, кинулась к двери и, чуть-чуть приоткрыв ее, сказала в темноту:

— Вы ошиблись.

— Señora, время — три часа.

— Нет, нет,— прошептала она с перекошенным от отчаяния лицом.— Я имела в виду завтра в три часа дня...

— В чем дело? — осведомился проснувшийся муж и зажег свет.— О боже, только три часа ночи. Что этому болвану нужно?

Жена повернулась к нему и, закрывая глаза, сказала:

— Он повезет нас к Парикутину.

— Господи, ты, похоже, по-испански вообще ни в зуб ногой!

— Уходите,— сказала она таксисту.

— Но я же специально вставал.

Муж выругался и поднялся.

— А-а, теперь я все равно не усну. Скажи этому идиоту, мы будем готовы через десять минут и поедем с ним, о господи!

Проводник нырнул в темноту и выскользнул на улицу, где холодная луна полировала бамперы его машины.

— Ну, ты и бестолковая,— бросил муж, натягивая две пары брюк, две рубашки и на все это шерстяную рубаху.— Дьявол, это уж точно добьет мое горло. Ну, если я опять свалюсь с фарингитом...

— Ложись спать, черт с тобой.

— Нет уж, теперь я все равно не засну,— ответил он, натягивая еще два свитера и две пары носков.— Там в горах холодно, одевайся теплее, да пошевеливайся.

— Ложись спать,— сказала она.— Заболеешь, опять будешь ныть, на что мне это нужно.

— По крайней мере могла бы хоть время ему четко сказать.

— Заткнись.

— У тебя ветер в голове, поэтому ты вечно что-нибудь напортачишь.

— Оставь меня в покое, черт бы тебя побрал, оставь меня, я не нарочно это сделала!

Она подняла руки, сжав их в кулаки. Пылающее лицо ее было искажено и безобразно.

— Опусти руки! — закричал он.

---

* рассказ Э. По.

— Я тебя убью, клянусь, убью,— кричала она.— Оставь меня в покое! Я из кожи вон лезла — кровати, язык, время, о господи! Думаешь, я не понимаю, что виновата?

Через минуту, успокоившись, она протянула ему кожаную куртку и сказала:

— Пойдем, он ждет нас.

— Иди ты к чертям, я никуда не поеду.— Он опять сел.— Ты должна мне 50 долларов.

— С какой стати?

— А ты вспомни, что обещала?

И она вспомнила. Это было в Калифорнии, в самый первый день их путешествия. Они поругались из-за какого-то пустяка, и впервые в жизни она подняла на него руку, но, испугавшись, опустила и уставилась на предательскую ладонь.

— Ты хотела ударить меня! — закричал он.

— Да.

— Ну, что ж, если ты еще раз сделаешь что-либо подобное, то заплатишь мне 50 долларов из своего кармана.

Такова была их жизнь, полная дани, выкупа и мелкого шантажа. Она платила за все свои ошибки, случайные и неслучайные: доллар за то, доллар за это. Если по ее вине был испорчен вечер, она платила из денег, отложенных на одежду. Если они ходили в театр и она начинала критиковать понравившуюся ему пьесу, он устраивал сцену, и ей приходилось платить за билеты... Так продолжалось год за годом, чем дальше, тем хуже...

— 50 долларов. Ты обещала, если дело снова дойдет до таких истерик с рукоприкладством.

— Но я же не ударила тебя. Ладно. Заткнись. Я заплачу тебе эти 50 долларов, я сколько угодно заплачу, только оставь меня в покое.

Она отвернулась и подумала, что он превратил деньги в орудие, постоянно нацеленное на нее. Когда она срывалась, то вынуждена была отдавать ему часть заработка, доставшегося ей нелегким трудом.

— А знаешь, у меня такое впечатление, что с тех пор, как мои рассказы взяли в журнал, ты затеваешь больше ссор, а я плачу тебе больше денег.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он и, неожиданно успокоившись, добавил:

— Так ты заплатишь?

— Да.

Она быстро надевала брюки и куртку.

— Кстати, я давно собиралась поговорить с тобой о деньгах. Нет смысла держать их отдельно, все деньги я буду отдавать тебе.

— Я об этом не просил,— быстро сказал он.

— А я настаиваю.

«Я сейчас обезоруживаю тебя,— думала она.— Теперь уж ты не будешь выкачивать из меня деньги, цент за центом, каплю за каплей. Придется тебе придумать другой способ, чтоб досаждать мне».

— Но...— начал он.

— Не будем больше говорить об этом. Они все твои.

— Я просто хотел, чтобы это послужило тебе уроком. Ведь ты такая несдержанная.

— Ну да, и живу я только ради денег.

— Все деньги мне не нужны.

— Ладно, хватит.

Перебранка утомила ее. Она открыла дверь и прислушалась. Соседи ничего не слышали, а если и слышали, то не обратили внимания. Фары ожидавшего их такси освещали небольшую площадь перед гостиницей...

Они выехали из Уруапана и долго тряслись по застывшим в ленивой дреме снежно-пепельным холмам под холодными ясными звездами, потом взобрались на гору, где стояли торжественно-серьезные мужчины и смуглые мальчишки; рядом под безмолвным небом переговаривалась группа американцев в бриджах. Подвели лошадей, и все отправились вверх по реке лавы. Жена заговорила с американцами, посыпались шутки; муж через некоторое время поскакал вперед...

В эту ночь Парикутин был рекой золота, далекой рекой расплавленной руды, текущей к мертвому морю лавы, к далекому вулканическому берегу. Если затаить дыхание и успокоить колотящееся сердце, можно услышать, как лава сталкивает вниз камни; они катятся, переворачиваются и едва слышно грохочут. Над кратером стояло красное сияние, а изнутри беззвучно поднимались светло-коричневые и серые облака, залитые розовым светом...

Они стояли вдвоем и смотрели, как лава слизывает темный конус вершины.

Он упрямо молчал.

— Чем ты теперь недоволен? — спросила она.

— Разве ты не могла побыть со мной? Я думал, что в Мексике мы всегда будем вместе. А ты сразу начинаешь трепаться с этими проклятыми техасцами.

— Мне было так одиноко. За два месяца мы не встретили ни одного американца. Днем здесь хорошо, а по ночам тоскливо. Просто захотелось с кем-нибудь поговорить.

— Тебе захотелось сказать им, что ты писательница.

— Неправда.

— Всегда всем рассказываешь, какая ты хорошая писательница и как путешествуешь по Мексике на деньги, заработанные в большом журнале, напечатавшем твой рассказ.

— Один из них спросил, чем я занимаюсь, вот я и сказала. Но ты прав, черт возьми, я действительно горжусь своей работой. Мне пришлось ждать целых десять лет, пока напечатали мой первый рассказ.

Он долго рассматривал жену, освещенную пламенем вулкана.

— А знаешь, перед тем, как ехать сюда, я вспомнил об этой проклятой пишущей машинке и чуть было не швырнул ее в реку.

— Что?!

— Нет, не выбросил, пока просто залер в машине. Я уже сыт по горло и ею, и тем, как ты портишь нашу поездку. Ведь ты здесь не со мной, а сама по себе, для тебя существует только одно — ты, ты и эта чертова машинка, ты и твои нервы, ты и твои впечатления, ты и твое одиночество. Я знал, что так будет и сегодня. Куда бы мы ни пошли, ты вечно спешишь в номер и барабанишь на своей машинке. И днем, и ночью — одно и то же, да сколько же можно?! Зачем мы сюда приехали?!

— Я неделю не садилась за машинку, зная, как она тебя раздражает.

— Вот и не садись за нее еще неделю, месяц, пока не вернемся домой. Твое проклятое вдохновение может и подождать.

«Не надо было обещать ему все деньги,— подумала она.— Не надо было отнимать у него это оружие. Теперь он добрался до самого главного, до настоящего — до моей работы, до машинки! О господи!»

И вдруг поток гнева охватил ее, захотелось его ударить, быть может, сбросить со скалы, но она просто толкнула его в спину, вложив в этот жест весь свой гнев, всю накопившуюся обиду, и это означало, что разговор кончен...

Через час муж с женой тронулись сквозь рассеивающуюся мглу в обратный путь. Спускаясь к мертвому городу, к церкви, погребенной под слоем лавы, жена думала: «Почему не упадет его лошадь? Почему не сбросит его на камни?»

Но ничего не происходило. Они скакали дальше. Из-за горизонта поднималось багровое солнце...

Они проспали в своем номере до часу дня. Одевшись, жена полчаса сидела на кровати, ожидая пробуждения мужа; наконец он зашевелился, перевернулся — небритый, бледный от усталости.

— У меня болит горло,— были его первые слова. Она промолчала, потом поднялась и пошла к двери.

— Пойду куплю газету.

Выйдя из гостиницы, она долго шла по только что вымытым улицам, вдыхала невероятно чистый воздух, и ей было бы совсем хорошо, если бы не постоянная дрожь где-то в груди.

Она подошла к таксисту, чувствуя, как замерло и снова заколотилось сердце, и спросила:

— Мне надо в Морелию. Сколько это будет стоить?

— Девяносто песо.

— А я смогу сесть там на поезд?

— На поезд можете сесть и здесь.

— Верно, но здесь я не стану его ждать, у меня есть на то причины.

— Хорошо, я отвезу вас в Морелию.

— Идемте, мне еще кое-что нужно сделать.

Такси осталось ждать напротив гостиницы. Она вошла во дворик, вдохнула пьянящий, кристально чистый воздух, затем, прижав руки к телу и закрыв глаза, тихонько отворила дверь.

Он лежал спиной к ней и спал. Быстро и бесшумно надев жакет и проверив деньги в кошельке, она подошла к кровати и посмотрела на спящего мужа — знакомые черные волосы на затылке, профиль, закрытые глаза. Он зашевелился и спросил сквозь сон:

— Что?

— Ничего,— ответила она,— ничего и еще раз ничего.

Такси с грохотом пронеслось по городу и на невероятной скорости вырвалось на шоссе. Позади остались и город, и гостиница, и спящий в гостинице человек, и...

Все. Мотор заглох.

«Нет, нет,— думала Мэри,— о боже, нет, только не это. Мотор сейчас заведется, должен завестись».

Таксист выскочил из машины, ожег господа бога взглядом, рванул капот, казалось, его скрюченные руки вот-вот схватят мотор, вырвут железные внутренности; лицо застыло в нежной улыбке невыразимой ненависти. Он повернулся к Мэри и заставил себя пожать плечами, подавив ярость: на все воля божья.

— Я провожу вас до автобусной остановки, сеньора,— сказал он, помог ей выйти из машины и показал дорогу.

Автобус стоял на площади. В него садились индейцы: одни входили молча, медленно, уверенно, величаво, другие тараторили как птицы, пихали в автобус детей, корзины с цыплятами и поросят.

Мэри вошла в салон, и со всех сторон на нее обрушились запахи: горячей смазки, бензина и масла, мокрых кур, мокрых детей, обливающихся потом мужчин и женщин, старых истертых чехлов и маслянистой кожи...

Она пробралась назад, чувствуя любопытные взгляды индейцев.

— Я уезжаю, наконец-то я уезжаю, ухожу, я больше никогда его не увижу, я свободна, свободна.

Она чуть не засмеялась.

Автобус тронулся, пассажиры тряслись и качались, что-то крича и улыбаясь, а позади остались город, Отель де лас Флорес, внутренний дворик и Джозеф...

Она повернулась, скрестила руки на груди и стала размышлять, чего же добилась своим отъездом. На мгновение ей показалось: как же это хорошо — сидеть, откинувшись на спинку кресла, и созерцать тишину. Ничего не знать, ничего не чувствовать, ни о чем не думать.

Автобус мчался вперед сквозь свежий сладкий полуденный воздух, между иссохшими львиными шкурами гор, под старинными акведуками, по которым, словно свежий ветер, бежала вода, мимо церквей. Вдруг, совершенно неожиданно для себя, Мэри подумала:

«Я никогда больше не увижу Джозефа; никогда, никогда, до самой смерти, и после смерти я не увижу его, ни часа, ни минуты, ни секунды, совсем, совсем не увижу...»

Она вся оцепенела, стала оглушительным пустым ничто.

«Не смей кричать! Не смей! Не смей! Как ужасно кружится голова; автобус, руки, юбки — они все синие, черные; кровь отлила от головы, сейчас она упадет в обморок, какая неожиданность... Джозеф, Джозеф. Джозеф. Я не могу жить без него,— подумала она,— все это время я лгала себе. Я не могу без него, о господи, я, я... Остановите автобус! Остановите!»

Крик. Автобус затормозил. Всех бросило вперед. Она выкарабкалась из кресла и пробралась к выходу. Водитель в ужасе уставился на женщину, которая, налетев на него, вывалилась в открытую дверь и так и осталась лежать. Кто-то наклонился к ней, кто-то выносил из автобуса ее вещи, а она, заглебываясь и рыдая, объясняла, что ей надо назад, в город. Водитель покачал головой, дверь автобуса сложилась гармошкой и закрылась, медные лица-маски индейцев понеслись дальше, прочь, удаляясь и вскоре исчезнув из ее сознания. Она еще несколько минут лежала на чемодане и плакала.

Поднявшись, она перетащила чемодан на шоссе: шесть машин с урчанием пронеслись мимо, и лишь седьмая остановилась — роскошный автомобиль из Мехико, в котором сидел представительный мексиканец.

— Вам в Уруапан? — вежливо спросил он, стараясь не смотреть на ее одежду.

— Да,— наконец произнесла она,— в Уруапан...

Пожилой мексиканец довез ее прямо до гостиницы, помог выйти из машины, снял шляпу и распрощался. Взяв чемодан, она побрела в отель и вновь очутилась в комнате, из которой ушла тысячу лет назад...

Муж лежал спиной к ней; тусклый сумеречный свет падал на его фигуру, и, казалось, он так ни разу и не пошевелился все то время, что ее не было. Он даже не знал, что она уходила, была на краю земли и снова вернулась к нему.

Жена стояла и смотрела на его шею, на темные вьющиеся волосы, похожие на пепел, упавший с неба...

Потом она очутилась в мощеном внутреннем дворике под жаркими солнечными лучами. Она видела, как запорхали возле нее две бабочки, заметались из стороны в сторону и наконец сели на куст, плотно прижавшись друг к другу.

Глаза ее следовали за этими двумя золотисто-желтыми существами, этими яркими пятнышками на зеленом листе, слившимися воедино. Крылья их бились все медленнее... Вдруг рот ее задергался, рука закачалась, словно маятник, пальцы взлетали вверх и обрушились на бабочек, сжимая их все крепче и крепче... Откуда-то из горла рвался крик, но ей удалось подавить его...

Рука разжалась сама по себе, и два маленьких комочка яркого порошка упали на блестящую плитку, которой был вымощен двор. Она взглянула вниз на то, что осталось от золотистых созданий, потом резко вскинула голову, стерла пыльцу с онемевших пальцев и, глядя на поднимавшийся в небо столб дыма, сказала через плечо — слышал ли ее мужчина, лежавший в номере, или не слышал — кто знает?:

— ...Пожалуй, сегодня можно съездить к вулкану. Он, видно, заработал вовсю. Огонь будет, дай бог, вот увидишь...

Да, подумалось ей, огонь упадет вокруг нас, крепко сожмет, потом отпустит; мы станем пеплом, и ветер понесет нас, огненный пепел, на юг...

— Ты слышишь меня?

Она встала у кровати, замахнулась, но так и не ударила его по лицу...

Перевод с английского
Елены ТЕМИРБАЕВОЙ.

№ 13

Дуглас ВЕСТ

Во имя грядущего счастья человечества советские люди штурмуют космические дали. Один из лучших наших писателей-фантастов, И. Ефремов, в своем романе «Туманность Андромеды» рассказывает о коммунистическом завтра Земли, где свободный, творческий, гуманный труд направлен на изучение и мирное освоение самых заветных уголков вселенной, где человек стал полновластным хозяином Мечты, обратив ее в прекрасную Реальность.

И вот перед нами рассказ американского писателя Дугласа Веста — «№ 13». Его можно назвать фантастическим. Но рассказ этот и не фантастичен, поскольку он достаточно убедительно показывает звериное обличье капитализма, его волчьи законы эксплуатации, его античеловеческую сущность. Предприниматели посылают в космос людей, не обеспечив им безопасность полета, другими словами, на верную гибель.

Несмотря на недостатки рассказа — некоторую прямолинейность и схематизм сюжета,— читатель ясно увидит, какая громадная пропасть лежит между устремлениями в космос двух миров — нашего, мира света, счастья, и мира капиталистического.

Рисунки П. Пинкисевича.

Рассказ

Оркестр исполнял симфонию Макклина. Играли третью часть.— «Полет на Луну». Дэйл, захваченный миром звуков, закрыв глаза и расслабив тело, откинулся на спинку кресла. Как всегда, эта музыка перенесла его из тепла и комфорта концертного зала в холодное пространство космоса. Воображение уносило его от планеты к планете, в бескрайние просторы вселенной. В звуках вставал перед ним мир металла и пластики, силы и невероятной быстроты. Он открыл глаза от прикосновения чьей-то руки.

— Мистер Амбер? Дэйл Амбер?

— Да.— Дэйл в недоумении взглянул на капельдинера.— В чем дело?

— Звонят из вашей конторы, сэр. Говорят, очень срочное дело. Восемнадцатая кабина.

Дэйл, пожав плечами, встал с кресла и последовал за капельдинером в фойе, к указанной кабине. Щелчок — и зыбко засветился экран видеофона. Еще через мгновение на нем выплыло взволнованное лицо Глисона.

— Дэйл! Слава богу, наконец-то я поймал вас. Масса неприятностей.— Глисон выглядел очень растерянным.— Будет лучше, если вы вернетесь.

— Может быть, вы мне все-таки объясните, в чем дело? Завтра в десять утра я должен навестить сына.

— Это очень серьезно, Дэйл. Если вы хотите сохранить дело, берите самолет и возвращайтесь как можно скорее!

Дэйл выключил видеофон. Он знал, что его управляющий без нужды не станет звать на помощь.

Рассвет встретил его в Комфилде.

* * *

Космические полеты внезапно стали действительностью — действительностью, озаренной ослепительными вспышками ракетных кораблей, часто взрывавшихся, когда они достигали Луны. Это не было неожиданностью для предпринимателей и не останавливало дальнейшего развития космических полетов.

Все это связывалось с Комфилдом, затерявшимся на огромных просторах пустыни Новой Мексики и застроенным ангарами, мастерскими, жилыми постройками. Комфилд был базой добрей дюжины компаний, больших и малых, но одинаково алчущих запустить свои лапы в богатства, открытые на Луне.

Из Комфилда с ревом взлетали ракеты, груженные продуктами, воздухом, водой. Они устремлялись на естественный спутник Земли.

На Землю они возвращались обогащенные рудой. Ракеты ревели, когда взлетали, и ревели, когда приземлялись. Иногда они ревели чуть громче, чем обычно, и после этого уже умолкали навсегда так же, как их экипажи...

Дэйл не думал обо всем этом, когда шел от летного поля к конторе. В приемной он застал управляющего, обросшего двухдневной щетиной, невыспавшегося, с воспаленными, красными глазами.

— Мы не ждали вас раньше чем через два часа,— сказал Глисон.

— Я же сказал, что буду к рассвету.— Дэйл опустился в кресло. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Его глаза за контактными линзами горели и слезились, словно запорошенные песком, во рту ощущалась какая-то горечь.

— Номер одиннадцатый разлетелся на сто тысяч частей при взлете, вместе с Куком и Бейлисом,— коротко доложил управляющий.

— Ну и что?

— Номер двенадцатый находится в ангаре на капитальном ремонте. К взлету готов только номер тринадцать.

— Десятый?

— Застрял на Луне. Управление вышло из строя, и экипаж не хочет двигаться с места, пока не прибудут запасные части. Но мы не можем доставить их без использования тринадцатого.

— Понятно.— Дэйл задумчиво потер рукой подбородок.— Но это только часть затруднений. А остальная часть?

— Остальное просто,— медленно начал Глисон.— Люди отказываются лететь на тринадцатом номере.— Он взглянул на Дэйла. Тот молчал.— Один корабль застрял на Луне, второй разобран в ангаре, с третьим люди отказываются иметь дело. А без него мы не можем снова ввести в дело десятый номер.

— И вы называете это неприятностями? — Дэйл уставился на чашку с кофе в своих руках.— Это даже не половина их! Ведь у нас контракт!

— Поэтому я вас и вызвал!

— Мы берем руду у Компании Звездных Рудников и доставляем им все необходимое. Если мы нарушим контракт, то потеряем его совсем, и кроме того, вынуждены будем заплатить огромную неустойку.

— Я знаю это.

— Вы знаете? Тогда какого черта вы сидите здесь и лишь взываете о помощи!

Дэйл тяжело поднялся с кресла.

— Кто пилот на тринадцатом?

— Прентис, но он...

— Где он живет?

— Там, в поселке, дом 22, но...

Дэйл, не слушая, направился к выходу. У самой двери он остановился и обернулся к Глисону:

— Если позвонит мой сын, скажите ему, что все в порядке. Понятно?

Глисон кивнул.

Комфилд был порождением «бума», и это особенно чувствовалось в жилых кварталах. Ряды дешевых сборных домов, построенных различными компаниями, теснились вокруг центра поселка.

Номер 22 был одним из сотни однотипных жилищ. Дэйл с трудом пробился сквозь глубокий песок к входной двери. Он думал, что застанет Прентиса еще спящим, но ошибся. На его вторичный стук дверь распахнул хрупкий молодой человек с нервным лицом. Из глубины дома слышалось чье-то раздраженное хныканье и женский голос, успокаивающий ребенка.

— Я Амбер,— представился Дэйл.— Дэйл Амбер, ваш хозяин.

— Я знаю.— Прентис посторонился, пропуская Дэйла.— Я видел вас и раньше. Проходите, пока сюда не намело песку.

Дэйл оказался в маленькой, убого обставленной комнатке. Прентис, извинившись, вышел распорядиться насчет кофе. Детский плач за стеной утих. До Дэйла донесся громкий шепот:

— Кто это, Боб?

— Босс.

— Амбер! — У женщины за стеной перехватило дыхание.— Боб, ты обещал...

— Успокойся, дорогая. Право, не из-за чего волноваться.

Прентис вернулся с кофе. Но не один. С ним была женщина, очень молодая, но уже словно увядшая. Синие круги под глазами подчеркивали бледность ее лица. Она взглянула на Дэйла с явной антипатией.

— Это моя жена, Мэри,— сказал Прентис.— Вам с сахаром?

— Спасибо.— Дэйл взял чашку кофе, помешал в ней ложечкой.— Я только что прилетел с побережья, Боб. Глисон сказал мне, что произошли какие-то неприятности.

Он поднес чашку к губам. Глаза его смотрели настороженно.

— Почему вы не хотите лететь на тринадцатой?

— Она не готова к взлету, мистер Амбер, вот почему.

— Это смертельная ловушка! — неожиданно взорвалась Мэри.— Они все, эти корабли, смертельные ловушки!

— Подожди, милая,— остановил ее Боб. Он повернулся к Дэйлу.— Дюзы прогорели, обшивки дают утечку, приборы не в порядке. Если говорить откровенно, этот корабль следует сдать в утиль. Управление изношено. Инжекторы работают неустойчиво, давление неровное. Если запустить двигатель, произойдет преждевременная вспышка в главной камере. А вы знаете, что бывает в таких случаях?

Дэйл знал это так же, как и любой космонавт в Комфилде. Они знали лучше кого бы то ни было, что происходит при преждевременной вспышке. Температура резко возрастает, атомы горючего распадаются в ослепительной вспышке, как при взрыве небольшой атомной бомбы. И — никакой возможности для спасения.

Дэйл вздохнул, достал сигареты, предложил Прентису и его жене. Оба отказались. Дэйл закурил, глубоко затянулся.

— Слушайте, Боб,— начал он добродушно,— вы и в самом деле верите, что я способен предложить вам опасный корабль?

— Кук и Бейлис мертвы,— бесстрастно сказал Прентис.

— Это не ответ на вопрос. Кук и Бейлис рисковали, как и все мы. Им не повезло. Мне очень жаль, но это — невезение в игре!

— Невезение! — Мэри закусила губу, словно сдерживая себя, чтобы не наговорить лишнего.— Кук оставил жену и двоих детей! Вы возьмете на себя сказать им, что их отец умер потому, что ему не повезло?

Дэйл с трудом заставил себя натянуто улыбнуться.

— Кое-кто забывает о логике, Боб. Корабль стоит денег, массу денег. И меньше всего мне

хочется потерять корабль... Может быть, вы суеверны?

— Почему вы спросили об этом?

— Корабль носит тринадцатый номер. Хотите, мы дадим ему другой номер?

— Я не полечу на этом корабле,— ответил Прентис,— пока на нем не заменят инжекторы. Очень сожалею, но — не раньше.

— Если это ваше последнее слово, Боб, я уже ничего не могу поделать. Позвоните до полудня в контору относительно жалованья.

Вернувшись к себе, Дэйл в изнеможении вытер потный лоб грязноватым носовым платком. Помещение обещало превратиться в раскаленную печь, когда полуденное солнце нагреет все находящиеся в нем металлические предметы.

— Я виделся с Прентисом,— сказал Дэйл Глисону.— Он будет звонить до полудня относительно своего жалованья. Что мы должны ему?

— Ничего. Он у нас на сдельной оплате. И мы с ним полностью рассчитались за его последний полет.

— А за время вынужденного простоя?

— Пять дней. Но он потерял это право, так как отказался лететь на тринадцатом.

У Глисона был вид человека, обиженного одним лишь предположением, что он может зря уплатить деньги.

— Заплатите,— приказал Дэйл.— Когда он придет, скажите, что я хочу его видеть. Или лучше я сам уплачу ему.

— Если вы надеетесь уговорить его, то зря. Это пустая трата времени. Прентис не одинок.

— Союз?

— Вы угадали. Эти проклятые «космические бродяги» выдумали какой-то союз и теперь хотят показать свою силу. Я сомневаюсь, что найдется хоть один пилот в Комфилде, который дотронется до корабля, пока на нем не сменят инжекторы.

Дэйл уставился на солнечный блик на стене. Его лицо, казалось, снова приобрело выражение былой силы.

— Вам удалось что-нибудь сделать в других направлениях?

— Нет.

— Почему? Разве мы не можем предложить достаточную сумму?

— Я обращался к семи компаниям. И получал одни и те же ответы. Или нет лишнего корабля, или не хотят сдать ни за какие деньги. Я не интересовался, почему.

Но он знал, почему. Конкуренция в Комфилде была зверской, и никто не верил в христианские добродетели. Контракты представляли огромную ценность. Помочь конкуренту — значило дать наступить себе на горло. Кораблей было больше, чем грузов.

— Сколько времени требуется, чтобы сменить инжекторы на тринадцатом?

— Лучше спросить об этом Мака.— Глисон нажал кнопку и сказал в микрофон:

— Мак? Это Глисон. Зайдите в контору, срочно. Здесь Дэйл, он хочет вас видеть немедленно.

Мак был инженер. Хороший инженер, и он знал об этом. Мак вошел в контору без тени смущения. В уголке его рта была сигарета. Он сел без приглашения.

— Ответ будет «нет»,— сказал он.

— Оставь это, Мак,— ответил Глисон.— Сейчас не до розыгрыша.

— А кто разыгрывает?

Мак швырнул сигарету на пол.

— Вам хочется знать, будет ли номер двенадцать готов к взлету к завтрашнему утру. Ответ — нет.

— Хорошо,— сказал Дэйл.— Тогда скажите мне, можно ли быстро сменить инжекторы на тринадцатом?

— Нет.

— Почему?

— Для смены и испытаний потребуется сорок восемь часов. В двадцать четыре часа сделать невозможно. Инженерное дело можно сравнить с математикой: $2 + 2 = 4$. На смене инжектора может работать только один человек.

— Если мы не доставим грузы в течение тридцати шести часов, мы потеряем контракт.— Дэйл с трудом сдерживал себя.— Завтра на рассвете ракета должна взлететь.

Да, было над чем поломать голову. Дэйл обдумывал создавшееся положение за завтраком. Ему подали бекон, яйца всмятку, кофе.

Высокий, все перекрывающий рев приземляющейся ракеты разорвал воздух, его словно дополняли жужжание геликоптеров и вой реактивных самолетов. Никто не обращал на этот чудовищный шум ни малейшего внимания. Жители Комфилда с бо́льшим интересом посмотрели бы на обыкновенную лошадь, чем на корабль, только что вернувшийся с Луны. Большинство из них видели лошадь только на фотографиях.

Дэйл взглянул на часы. Было еще рано.

Компания «Транс — Луна» владела шестью действующими кораблями, конторой в отдельном здании, секретаршей в приемной и ковром на полу.

Дэйл прошел прямо к Блэйку — владельцу.

— Буду краток,— сказал он.— Я хочу зафрахтовать на один рейс корабль вместе с экипажем.

— Я знаю.— Блэйк поднял крышку сигарницы, выбрал сигару, покатал ее в ладонях, понюхал, обрезал и закурил. У него был вид человека, совершенно довольного жизнью.— Ваш человек, Глисон, поднял меня утром с постели. Мой ответ остается тем же — нет.

— У вас есть на это причины?

— Конечно! — Блэйк сложил губы трубочкой и выпустил колечко дыма.— У меня нет лишнего корабля. Этого достаточно?

— Я хотел бы знать настоящие причины.

— Сколько вам стоит контракт со Звездными Рудниками, Амбер?

— Не так много, как вы думаете. Не заноситесь, Блэйк. Я помню время, когда вы приходили молить меня о помощи. Припоминаете?

— Я помню.— Внезапно Блэйк отбросил в сторону свое фальшивое добродушие.— Но я помню и ответ, который вы мне дали. Да, вы помогли мне, но какой ценой! Я оказался в безвыходном положении и должен был согласиться. Я не забыл этого, Амбер.

— Бизнес есть бизнес,— сказал Дэйл.— Вы делаете свои деньги, я свои. Но ведь я дал вам возможность сохранить дело? Я не милостыню прошу, Блэйк. Я хочу заплатить полную цену за корабль. Вы еще окажетесь в подобном положении. Подождите, этот союз начнет давить и на вас.

Дэйл перегнулся через стол к собеседнику.

— Взгляните на дело шире, Блэйк. Если мы не будем держаться заодно, нас сомнут. Вы можете ненавидеть меня всем нутром, но не теряйте голову.

— Вы кончили? — Блэйк загасил свою сигару.— Теперь позвольте сказать мне. Я знаю все об этом союзе... Понятно? Из-за вас у нашего дела худая слава. Вы с вашими взрывающимися кораблями и экипажами из самоубийц снижаете всем доходы. Это — мошенничество! Вы потеряли слишком много кораблей и слишком много людей. Чем быстрее вы вылетите из игры, тем лучше. А теперь убирайтесь, пока я не выбросил вас вон!

Все было понятно и знакомо. Но он никогда не думал, что может сам оказаться в подобном положении. Он был прижат к стене.

Он позвонил в контору из автомата.

— Есть какие-нибудь новости?

— Джон звонил из Белых Песков. Я сказал ему, что вы очень заняты. Он приедет.

— Почему? — голос Амбера дрогнул.— Ему что-нибудь известно?

— Откуда? Просто он хочет видеть вас.

— Ладно. Что еще?

— Прентис звонил и будет звонить позднее. Он не изменил решения.

— Кто обычно летает с ним?

— Кольман.

— Где мне найти его?

— Он одинок и обычно проводит время в баре для космонавтов.

Дэйл повесил трубку, вышел на улицу. Мучила жара, раскаленный песок, казалось, окружал его со всех сторон, и он обрадовался, когда вошел в бар. Длинная комната с низким потолком, стойка, несколько карточных столов и автоматов. Дюжина посетителей. Все — космонавты. Этот бар был как раз тем местом, которое и требовалось Дэйлу.

Дэйл заказал пиво.

— Я ищу человека по имени Кольман,— обратился он к бармену.— Вы знаете его?

— Кольман! — громко крикнул бармен.

Молодой человек в нейлоновой рубашке навыпуск подошел к стойке.

— Я вам нужен?

— Да.— Дэйл поднял кружку.— Хотите разделить компанию?

— Почему бы нет? — Кольман улыбнулся, блеснув ослепительно белыми зубами.

— Мое имя Амбер,— сказал Дэйл,— я ваш хозяин.

— Ну и что?

— Хотите улучшить свои дела? Стать пилотом? Жалованье — больше на пятьдесят процентов, получите собственный корабль.

— Номер тринадцать?

— Для начала — да.

— Очень сожалею,— Кольман покачал головой.— Это не для меня.

— Вы не можете им управлять?

— Я могу управлять кораблем, но не этим.

— Двойное жалованье! — Дэйл внимательно наблюдал за молодым человеком.— Не упускайте свою удачу, Кольман! Если вы откажетесь, то на всю жизнь останетесь оператором радара!

— Может быть, но я буду живым оператором, а не мертвым пилотом.— Кольман поднял свою рюмку, посмотрел сквозь нее на свет, не дотронувшись, снова поставил на стол.

Когда Дэйл вернулся в контору, его ожидал сюрприз. Присев на уголок стола, изящный молодой человек в серой с серебром форме слушал музыку. Завидев Дэйла, он соскочил со стола.

— Удивлен, папа?

— Джон! — В возгласе Дэйла чувствовалась и гордость и сожаление. Гордость — что сын так похож на него молодого, сожаление — что сам он родился слишком рано. И тут же он вопросительно взглянул на Глисона. Управляющий покачал головой. Сын ничего не знал о неприятностях.

— Я только что прибыл с ракетой, папа,— сказал Джон.— Не терпелось поделиться новостями.

Тут только Дэйл приметил серебряную ракету на плече сына.

— Ого! Пилот первого класса, это здорово!

Дэйл улыбнулся и обнял Джона за плечи. Сдвинул брови, когда вспомнил о покойной жене. Если бы она могла сейчас видеть Джона! Она не любила космос. Самым горьким ее часом был тот, когда Дэйл добился, чтобы Джона приняли в Академию Космоса. Дэйл был упрям и не вызвал сына, даже когда его мать умирала.

Глисон деликатно кашлянул:

— Прентис должен вот-вот быть.

— Прентис? Ах, да!

Дэйл улыбнулся сыну.

— Извини, Джон, но, сам понимаешь, дела. Пойди погуляй часок по городу, потом мы встретимся. Ладно?

Джон кивнул. Дэйл еще раз потрепал сына по плечу и сунул в верхний карман его френча несколько купюр.

— Славный мальчик,— сказал Глисон, когда за Джоном захлопнулась дверь.— Вы можете им гордиться.

— Я и горжусь,— просто ответил Дэйл, и это было правдой.

— Пилот первого класса! — продолжал Глисон.— Это очень здорово, не так ли?

— Лучшее, что может быть,— ответил Дэйл.— Он имеет право управлять кораблями любого типа, а после стажировки станет командиром государственного экипажа. Может быть, первым достигнет Меркурия!

— Может быть...— Глисон не возражал.— Во всяком случае, в одном можно быть уверенным: в Комфилде он всегда найдет работу!

— Нет! — Страх, который вырвал этот возглас, удивил даже самого Дэйла. Он заставил себя улыбнуться.— Нет, это не для Джона. Он государственный пилот высшей квалификации и пойдет по этому пути. Он будет водить государственные корабли, а не эти кастрюли.

Дэйл знал, что говорит. Частные коммерческие корабли строились с расчетом на максимум дохода и минимум безопасности. Вес полезного груза решал все, за счет его увеличения снижалась надежность ракеты.

Корабли Комфилда в сравнении с государственными были тем же, чем первые аэропланы-этажерки рядом с реактивными самолетами.

Прентис нервничал. Дэйл угадывал это по тому, как он держался, по выражению лица и по многим другим мелочам.

Он указал на кресло:

— Садитесь, Боб.

— Я не хочу вас задерживать,— сказал молодой человек,— но раз вы позвали, я пришел.

Дэйл подбросил перо и ловко поймал его.

— Я не хочу быть назойливым, Боб, но как у вас с финансами?

— Не очень хорошо, мистер Амбер... Дэйл... Жизнь в Комфилде очень дорога, особенно с ребенком...

— Я знаю. А у вас кто, мальчик или девочка?

— Мальчик.

— Вы счастливы. У меня тоже сын. Этот маленький чертенок причинял мне массу забот, но он стоит того. Мать была бы счастлива, увидев его сейчас, Боб. Жалко, что ее нет в живых...

— Я очень сожалею...

— Это ждет всех нас,— продолжал Дэйл.— Но если есть дети, надо выполнять долг по отношению к ним. Мы обязаны дать им все лучшее, что можно.— Он засмеялся.— Но вы, Боб, сами отец и знаете эти истины и без меня. Вашим непременно должны поехать в горы.— Дэйл перестал играть пером.

— Так сколько мы должны вам, Боб? За пять дней простоя?

— Да, но...

— Вы думаете, что потеряли право на эти деньги, отказавшись лететь на тринадцатом?

— Да...

— Слушайте, Боб, что привело вас в Комфилд?

— Обычная причина. Мне надоело летать на реактивных самолетах, хотелось подняться на следующую ступеньку.

— Да, Боб, я понимаю.— Дэйл говорил очень искренне.— И завидую вам. Я бы отдал душу, чтобы полетать самому, но первые же две минуты убьют меня. Я завидую вам, Боб, и думаю, что вы дурак...

— Потому что я хочу остаться в живых?

— Жизнь полна риска, Боб.

Дэйл замолчал, вынул сигарету, размял ее, закурил.

— Впрочем, забудьте о риске, Боб. Я не об этом собрался говорить с вами. Двигатель на тринадцатом в таком порядке, как только может быть. Но забудьте об этом. Я хотел говорить о союзе.

— В союзе нет ничего плохого,— ответил Боб,— это наша единственная защита.

— Защита? Но от кого? От смерти? Она сама придет в свой срок, не раньше. Жалованье? Вы за один полет получаете больше, чем обычный человек зарабатывает за шесть месяцев. Против владельцев? Неужели вы не понимаете, что этого вовсе не требуется?

Дэйл бросил окурок в пепельницу.

— Это все, о чем вы хотели говорить со мной? — спросил Прентис.

— Нет.

Дэйл достал чековую книжку, вырвал из нее листок, подписал и протянул молодому человеку. Прентис взял чек, взглянул на него, потом на Дэйла.

— Здесь ошибка, мистер Амбер... Дэйл. За два последние полета мне уже заплатили.

— Берите. И отправьте жену с ребенком в горы или на побережье.

— Я не могу!

Прентис медленно положил чек на стол.

— Берите! Ведь я ничего не требую от вас. Пусть это будет мой подарок ко дню рождения вашего мальчика.

Прентис медленно покачал головой. Его губы пересохли, глаза не отрывались от чека на столе.

— Дэйл, может Мак что-нибудь сделать с двигателем до темноты?

— Я думаю, что да. А что?

— Не знаю, как мне быть...

Прентис закусил губу.

— Черт с ним! Налаживайте двигатель, только как можно лучше, и я попробую!

Глисон ворвался в контору, не сдерживая радости.

— Я знал, что вы добьетесь своего, Дэйл! — воскликнул он.— Это взорвет союз! Мак уже работает на корабле.

Но Дэйл даже не чувствовал удовлетворения. Он слишком устал от всего. Голос Джона вывел его из забытья.

— Ты свободен, папа? Мне хотелось бы поговорить с тобой.

— Тебя что-то тяготит, сынок? — спросил Дэйл.

— Да, папа.

— Ты говорил с кем-нибудь в городе?

— Да.— Джон выглядел очень несчастным.— С человеком, которого зовут Кольман, и другим, по имени Янг. Они плохо отозвались о тебе.

— И ты хочешь знать, почему? У меня дело, Джон. А если у тебя есть дело, то есть и враги. Я их насчитываю сотнями. Пусть это тебя не волнует.

— Я не о том, папа.— Джон по-прежнему оставался мрачным.— Это гораздо серьезнее. Они ненавидят тебя. Они говорили вещи, в которые я не могу поверить.

— Например?

— Кук и Бейлис погибли на твоем корабле, и они не единственные. Ты посылаешь людей на кораблях, которые ни к черту не годятся. Ты обманываешь их, тебе нельзя доверять!

Дэйл был в замешательстве.

— Ты молод, Джон, и во многих вопросах идеалист. Запомни: неудачники всегда ненавидели тех, кто добился успеха. Я думал об этом всю жизнь, Джон, и я знаю этому цену. Почему я должен переживать из-за того, что мне завидуют и ненавидят меня? Я владелец кораблей, я посылаю их в космос. Мы ведущие, Джон, а для этого нужно мужество.

Дэйл взглянул на сына. Тот сидел, опустив голову.

— Я никогда не лгал тебе, сынок, и не собираюсь. Конечно, наши корабли сделаны грубо, и пилоты иногда гибнут на них, но они сами идут на этот риск, и, кроме того, им за это хорошо платят.

— Я знаю,— тихо ответил Джон,— но что с номером тринадцатым?

— Могу ответить. Просто пилот был недоволен. Но на рассвете он летит. Ты удовлетворен?

Джон задумчиво покачал головой.

— Не знаю... Это правда?

— Я не лгу тебе, Джон.— Голос Дэйла звучал совершенно спокойно.— Я не принуждал его лететь. Пойдем, проводи меня.

В конторе ждал Мак. Дэйл похлопал сына по плечу:

— Иди, отдохни. У меня еще есть дела.

Джон опустился в кресло в углу комнаты.

— Как у вас? — тихо, чтобы не слышал сын, спросил Дэйл.

— Плохо,— ответил полушепотом Мак. Замасленными пальцами он вытащил из кармана комбинезона сигарету и закурил.— Я сделал все, что только возможно сделать с этим проклятым двигателем.

— Она поднимется?

— Да, поднимется. Но как высоко — это вопрос.

— До Луны она доберется?

— Может быть.— Инженер глубоко затянулся.— Это не мое дело, Дэйл, но машина ненадежна, а у Прентиса жена и ребенок.

— Прентис согласился добровольно!

— Ладно, делайте оба как знаете.— Инженер выбросил окурок.— Прентис сейчас явится вместе с Глисоном. С ними еще люди. Янг тоже придет — он организатор союза.

— Идиот! Почему вы не предупредили меня?

Дэйл схватился за голову. Джон сейчас встретится с ними и наслышится черт знает чего! Он с трудом перевел дыхание.

Дэйл знал, как следует держать себя с Прентисом и Янгом. Но с ними была Мэри.

— Я возвращаю это,— сказала она, кладя чек на стол.— Муж мне дороже, чем путешествие в горы, мистер Амбер. Он не полетит на этой ракете.

— Ваш муж — космический пилот, миссис Прентис,— сказал он мягко,— это его работа.

— Не в этом дело,— вмешался Янг,— этот корабль опасен.

— Он не полетит! — Мэри так стиснула пальцы, что они побелели.

Дэйл взял чек со стола и вложил в ее ладонь.

— Возьмите,— сказал он. Потом повернулся к Прентису.— Делаю вам такое предложение. Вы ведете корабль на Луну, а я делаю вас главным пилотом с участием в доходах и регулярным жалованьем.

— Слова! — горько сказала Мэри раньше, чем Прентис открыл рот для ответа.— Все, что вы можете предложить: слова и деньги.

Она посмотрела на чек и медленно выпустила его из рук.

— Мне не нужны деньги, мне нужен муж. Я не хочу смотреть в небо и думать, вернется ли он назад. Хочу, чтобы он был с нами, когда вырастет ребенок, а не горстью песка где-то между Землей и Луной.

— Он не собирается умирать,— примиряюще сказал Дэйл.— Этот корабль безопасен.

— Я вам не верю! То же самое вы говорили Куку и Бейлису, а что с ними стало? А что стало с другими, кто не вернулся обратно? С Куртисом и Уилксом, Юнгом и Хендерсоном, Мурреем и Фенвиком?

Это было поражение. Дэйл понял, что дело обстоит именно так.

— Я вижу,— Дэйл угрюмо посмотрел на Янга,— вы-то довольны. Вы... Я не высокого мнения о людях, которые используют женщин для достижения своих целей.

— Мы лишь заботимся о Прентисе,— спокойно ответил Янг.— Вы сами виноваты, Амбер.

— Этот корабль безопасен!

Дэйл впервые посмотрел на Джона. Тот стоял бледный, словно в прострации, уставившись взглядом в стену. Рядом судорожно перебирал носовой платок Глисон.

— Я думаю, что вы лжете, Амбер,— медленно сказал Янг.— Вы в прорыве и готовы на что угодно, лишь бы выбраться из него. Я не верю, чтобы тринадцатая была безопасна, и могу доказать это.

— Это невозможно! — Дэйл с испугом чувствовал, что его сын не пропускает ни одного слова.— Он безопасен, даю слово!

— Хорошо! — Янг улыбнулся.— Если этот корабль так безопасен, как вы утверждаете, то перед вами нет никакой проблемы. У вас есть пилот прямо под руками.

— Кто? — Дэйл был изумлен. Глисон кашлянул, но никто не обратил на него внимания.

— Он! — Янг указал пальцем на Джона.— Ваш сын!

— Нет! — Дэйл закусил губу.

— Почему нет? Он может это сделать. Мы уже говорили с ним. У него достаточно времени, чтобы слетать туда и обратно, пока кончится срок отпуска. И незачем беспокоиться, если корабль в порядке, как вы утверждаете.

Этот день был самым длинным в жизни Дэйла. Он сидел не шевелясь. Весь пол вокруг него был замусорен недокуренными сигаретами. Его воспаленные, покрасневшие глаза не отрывались от зеленоватого экрана радара.

В сотый раз Дэйл задавал себе вопрос, как все это могло случиться. Перед ним была дилемма: или позволить Джону лететь, или признать, что корабль небезопасен, а он хотел сыграть, сделав ставкой жизнь другого человека. Мальчик сам настоял, чтобы ему разрешили лететь на этом корабле.

Он гордый и честный, Джон Амбер, его сын. Единственный сын.

За спиной Дэйла взад и вперед расхаживал Глисон. Время от времени он тоже бросал взгляд на экран радара.

Все, что им теперь оставалось,— ждать.

— Ему удастся...— неуверенно сказал Глисон.

Дэйл не ответил.

— Не волнуйтесь, Дэйл. Он долетит. А назад вернется с попутным кораблем любой линии. И не будет больше хлопот с этим союзом и мы...

— Заткнитесь!

...На экране вспыхнуло и расплылось яркое, зеленое пятно, окруженное светлым нимбом. У них на глазах оно заполнило весь экран и исчезло. И незачем было объяснять, что произошло.

Это был конец.

Глисона уже не было в комнате. Дэйл сидел один, тупо уставившись в погасший экран. Его сын умер. Дело тоже умерло.

Сквозь пелену оцепенения незаметно стали проникать звуки радио. Оркестр исполнял симфонию Макклина. Третью часть — «Полет на Луну».

Сокращенный перевод с английского
Т. ГЛАДКОВА.

ЗАВТРА, ЗАВТРА, ЗАВТРА...

Фантастический рассказ-памфлет Курта Воннегута, который мы предлагаем вниманию читателей, отличает острая социальная направленность. И хотя действие рассказа происходит в XXII веке, единственный «элемент» фантастики в нем — это антигеразон, вещество, продлевающее жизнь людей. С беспощадной иронией писатель показывает, что может произойти с людьми, обществом, цивилизацией, когда гениальное изобретение попадает в собственность монополий и становится средством эксплуатации самой любви человека к жизни.

Если отбросить условные рамки фантастики, мы увидим современные Соединенные Штаты Америки с изощренностью и пошлостью буржуазной пропаганды, распадом семьи, ложью и обманом, духовной нищетой и крушением морали.

Курт ВОННЕГУТ (США)

Фантастический рассказ

В год 2158 от рождества Христова Лу и Эмеральд Шварцы шептались на балконе фамильной квартиры Лу на 76-м этаже дома 257 в Олден Вилледж — новом районе Нью-Йорка, занимавшем всю территорию, которую когда-то называли Южным Коннектикутом. Когда Лу и Эмеральд поженились, родители Эм с грустью говорили, что это совсем неподходящая пара, но теперь Лу минуло 112, а Эм — 93 года, и родителям Эм пришлось признать, что брак вышел на редкость удачным.

Но жизнь Лу и Эм была не лишена своих горестей — именно поэтому они стояли сейчас на балконе, поеживаясь от холода, и говорили о самом наболевшем.

— Временами я прихожу в такую ярость, что еще немного — и я разбавлю его антигеразон,— сказала Эм.

— Это противоестественно, Эм,— ответил Лу.—Это—убийство. И потом, если он заметит, что мы трогали его антигеразон, он не только лишит нас наследства, он мне шею сломает. Хоть Деду и 172 года, он еще силен, как бык.

— Противоестественно? Ох, я, наверное, никогда не решусь разбавить его антигеразон или что-нибудь еще такое сделать, но бог ты мой, Лу, похоже, что Дед никогда не соберется оставить нас, если ему кто-нибудь чуть-чуть не поможет. Правда же, у нас так тесно, что негде повернуться. Верна до смерти хочет ребенка, а Мелисса дожидается уже тридцать лет.— Эм топнула ногой.— Меня тошнит, когда я смотрю на его старую, сморщенную рожу и вижу, как он захватил единственную отдельную комнату, и лучшее кресло, и лучшую еду, и выбирает, что смотреть по телевизору, и заставляет всех делать, что он хочет, непрестанно меняя завещание.

— Что ж,— угрюмо сказал Лу,— как-никак, Дед все-таки глава семьи. И как ему не быть сморщенным? Ведь когда изобрели антигеразон, ему минуло семьдесят. Он оставит нас, Эм, дай срок. Это его дело. Я знаю, с ним нелегко, но потерпи. Старайся его не сердить. Нам ведь еще лучше, чем другим,— у нас есть кушетка.

— А долго ли нам еще спать на этой кушетке? Того и гляди, он выберет себе еще кого-нибудь в любимчики. Кажется, мировой рекорд был два месяца?

— Да, кажется, отец с матерью как-то продержались около этого.

— Когда же он оставит нас, Лу? — спросила Эмеральд.

— Он говорит, что бросит антигеразон сразу после 500-мильной автогонки.

— Ну да, а до этого были Олимпийские игры, а перед ними первенство по бейсболу, а перед ним — президентские выборы, а перед ними — я не знаю что. И так уже пятьдесят лет — то один предлог, то другой. Ничего у нас не будет — ни комнаты собственной, ни яйца на завтрак — ничего, никогда!

— Что ж, значит, я неудачник,— сказал Лу.— Но что я могу поделать? Я работаю не покладая рук и хорошо зарабатываю, но почти все уходит на налоги — оборонный и на пенсии старикам. А даже если бы и нет,— где бы мы могли, по-твоему, найти комнату? В Айове, что ли? Кому охота жить на окраине Чикаго?

Эм обвила руками его шею.

— Лу, милый, я не говорю, что ты неудачник. Бог свидетель, что это не так. У тебя просто возможности не было кем-то стать или что-то иметь, потому что Дед и все его поколение никак не уходят и никому не дают занять их место.

— Да, да,— печально согласился Лу.— Но можно ли их в этом винить? Я думаю, что и мы будем держаться за антигеразон, когда доживем до таких лет.

— Иногда мне хочется, чтобы никакого антигеразона вообще не было! — в сердцах воскликнула Эм.— Или чтобы он делался из чего-нибудь дорогого или малодоступного, а не из грязи и одуванчиков. Иногда мне хочется, чтобы люди просто рождались и умирали, как по расписанию, и ничего не могли бы с этим поделать, а не решали бы сами, сколько им еще жить. Надо бы законом запретить продажу антигеразона всем, кто старше ста пятидесяти.

— Ничего не выйдет,— ответил Лу.— Все деньги и голоса в руках стариков.— Он пристально посмотрел на нее.— А ты готова умереть сейчас, Эм?

— Ну, знаешь, нашел что спросить у жены. Милый, мне нет еще и ста.— Словно в подтверждение своих слов, она провела руками по своему крепкому, молодому телу.— Лучшие годы у меня еще впереди. Но будь уверен, что когда старушке Эм стукнет сто пятьдесят, она выльет в раковину свой антигеразон, освободит место и сделает это смеясь.

— Ну, конечно,— возразил Лу.— Все так говорят. А ты слышала, чтобы кто-нибудь это сделал?

— Был тот человек из Делавера...

— И не надоест тебе о нем говорить? Прошло уже пять месяцев.

— Хорошо, тогда бабка Виклер, здесь, в этом самом доме.

— Она попала под метро.

— Просто она выбрала такой способ.

— А зачем тогда при ней была коробка антигеразона?

Эмеральд устало покачала головой и прикрыла рукой глаза.

Лу ласково обнял ее за плечи.

— Если бы ты только знала, милая, как мне тяжело, когда ты в таком настроении.

— Хоть бы у нас была машина, вроде тех, какие были когда-то,— сказала Эм.— Мы бы сели в нее и отправились хоть ненадолго подальше от всех. Вот это было время!

— Да,— сказал Лу.— Пока не израсходовали весь металл.

— Бывало, мы все залезали в машину, и папа, подъезжая к бензоколонке, кричал: «Заправь-ка ее поживее!»

— Конечно, это было здорово. Пока не израсходовали весь бензин.

— И мы отправлялись в веселое путешествие за город...

— Да, теперь это кажется сказкой, а, Эм? Даже не верится, что между городами когда-то было столько свободного места.

— А проголодавшись,— продолжала Эм,— мы находили ресторан, входили туда такие важные и говорили: «Принесите-ка мне, пожалуй, вырезку с жареной картошкой» или: «А хороши ли у вас сегодня свиные отбивные?»

Она облизала губы, и ее глаза заблестели.

— Да,— проворчал Лу,— а как насчет шницеля с гарниром?

— Ммммм!

— Предложи нам тогда кто-нибудь переработанные водоросли, мы бы ему в лицо плюнули, правда, Эм?

— Или переработанные опилки,— добавила Эм.

Но Лу из упрямства пытался во всем найти хорошую сторону.

— Во всяком случае, теперь их перерабатывают так, что они куда меньше напоминают водоросли и опилки, чем раньше, и говорят, что они на самом деле полезнее прежней еды.

— Меня она вполне устраивала,— с досадой произнесла Эм.

Огорченный Лу в раздумье подошел к краю балкона и поглядел на чистые, холодные, яркие звезды, сиявшие на бархатном фоне бесконечности.

— А помнишь, как мы зачитывались научной фантастикой, Эм? «Рейс 17 на Марс отправляется со стартовой площадки 12. Все на борт! Пассажиров просят занять места. Десять секунд... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... две... одна... Первая ступень! Бу-у-у-у-ум!»

— И стоило ли думать о том, что делается на Земле? — подхватила Эм, подняв вслед за ним глаза к звездам.— Еще каких-нибудь несколько лет, и мы все устремимся в космос, чтобы начать жизнь сначала на новой планете.

Лу вздохнул.

— Только для запуска одного паршивого колониста на Марс, оказывается, нужно соорудить ракету раза в два больше, чем Эмпайр стейт билдинг. А еще за пару триллионов долларов он мог бы захватить с собой жену и собаку. Вот тебе и возможность бороться с перенаселением — можете эмигрировать!

— Лу?

— Мм?

— Когда будет 500-мильная автогонка?

— В день поминовения павших, 30 мая.

Она закусила губу.

— Наверное, ужасно, что я об этом спрашиваю?

— Ничего страшного, я думаю. В квартире уже все лазили в календарь, чтобы лишний раз проверить.

— Мне не хочется быть жестокой, но иногда просто нужно выговориться, чтобы избавиться от этих мыслей.

— Конечно, Теперь легче стало?

— Да. И я постараюсь больше не выходить из себя и быть с ним поласковее.

— Вот и молодец.

Они собрались с силами, ободряюще храбро улыбнулись и шагнули в комнату.

* * *

Дед Шварц сидел, вцепившись в ручку своей трости, положив подбородок на руки, и не отрывал глаз от пятифутового экрана телевизора. На экране комментатор «последних известий» делал обзор дневных новостей. Через каждые полминуты Дед стучал об пол концом трости и кричал: «Какого черта! Мы еще сто лет назад это делали!»

Вернувшись с балкона, Эмеральд и Лу были вынуждены занять места в заднем ряду, позади родственников Лу: его отца с матерью, брата с невесткой, сына со снохой, внука с женой, внучки с мужем, правнука с женой, племянника с женой, внучатого племянника с женой, правнучатой племянницы с мужем, правнучатого племянника с женой и, конечно, Деда, который восседал впереди всех. Все, кроме Деда, слегка сгорбленного и высохшего, казались (по доантигеразонным меркам) почти одного возраста — около тридцати.

— Между тем,— продолжал комментатор,— ужасающая трагедия по-прежнему нависает над Каунсил-Блаффс, штат Айова. Но надежда не оставила двести изнуренных спасателей, которые продолжают раскопки, чтобы спасти 183-летнего Элберта Хаггердона, уже два дня назад заваленного в...

— Хотелось бы чего-нибудь повеселее,— прошептала Эмеральд на ухо Лу.

— Тихо! — гаркнул Дед.— Еще какая-нибудь холера разинет рот во время передачи,— лишу наследства, как миленького, и выгоню без единого доллара, как только,— тут голос Деда неожиданно смягчился,— как только махнут клетчатым флажком над треком в Индианополисе и старый Дед соберется в последний путь.

Он слезливо засопел, а его наследники отчаянно старались не проронить ни единого звука. Для них ужас при мысли о предстоящем последнем пути Деда

несколько притупился из-за того, что Дед напоминал об этом каждый день в течение уже пятидесяти лет.

— Сегодня вечером,— говорил комментатор,— доктор Брейнард Кейз Буллард, президент Вайандотт-Колледжа, заявил, что большинство неурядиц в мире объясняется отставанием познаний человека о себе по сравнению с его знаниями об окружающем мире.

— Какого черта! — сказал Дед.— Мы уже сто лет назад это говорили!

— В Чикагской больнице,— продолжал комментатор,— сегодня происходит торжественное празднование. Почетный гость на нем — Лоэл В. Хитц, родившийся сегодня утром. Это двадцатипятимиллионный ребенок, появившийся на свет в этой больнице.

Лицо комментатора погасло, и на экране появился яростно орущий маленький Хитц.

— Какого черта! — зашептал Лу на ухо Эмеральд.— Мы уже сто лет назад это говорили!

— Я все слышал! — завопил Дед. Он резким движением выключил телевизор. Оцепеневшие от страха потомки продолжали молча глядеть на экран.

— Эй ты, парень...

— Но я ничего такого не хотел сказать,— оправдывался Лу.

— Принеси мое завещание. Ты знаешь, где оно. Вы все знаете, где оно. Живо!

Лу хмуро кивнул и, перелезая через постели, направился к комнате Деда — единственной отдельной комнате в квартире. Кроме нее, квартира состояла из ванной, гостиной и широченного холла без окон, который вначале предполагалось использовать как столовую и который заканчивался маленькой кухней. Шесть матрасов и четыре спальных мешка были разбросаны в холле и гостиной, где стояла еще и кушетка, занимаемая одиннадцатой парой, очередными любимчиками.

На Дедовом бюро лежало завещание — измятое, грязное, с обтрепанными краями, испещренное сотнями добавлений, вычеркиваний, обвинений, условий, предупреждений, советов и житейских мудрствований. Этот документ, подумал Лу, был летописью их полувековой жизни, втиснутой в две страницы,— запутанным и неразборчивым бортовым журналом их каждодневной борьбы. Сегодня Лу предстояло в одиннадцатый раз лишиться наследства, и, чтобы снова получить надежду на часть имущества, ему понадобится теперь не меньше полугода вести себя безупречно.

— Парень! — позвал Дед.

— Иду, сэр.— Лу поспешил в гостиную и протянул ему завещание.

— Ручку! — приказал Дед.

Ему было мгновенно протянуто одиннадцать ручек — по одной от каждой пары.

— Только не эту: она течет,— сказал он, отталкивая ручку Лу.— А, вот отличная ручка. Молодец, Вилли.

Вилли, который, несмотря на свои 142 года, выглядел немногим старше Лу, не смог скрыть свою радость. Он робко поглядывал на кушетку, которая теперь перейдет к нему, а Лу и Эмеральд придется перебраться с нее в холл, на самое худшее место — подле двери в ванную.

Дед наслаждался всеми подробностями устроенной им самим драмы и вложил в свою привычную роль всю душу. Нахмурившись и водя пальцем по строчкам, как будто увидев завещание впервые, он начал читать вслух — громко, многозначительно, монотонно, голосом, похожим на звук басовой трубы органа:

— Я, Гарольд Д. Шварц, проживающий в доме 257, Олден Вилледж, Нью-Йорк, настоящим совершаю, объявляю и возвещаю свою Последнюю Волю и Завещание, упраздняя оным все предыдущие завещания и указания, когда-либо мной до настоящего времени сделанные.

Он важно высморкался и, не пропуская ни одного слова, а многие повторяя, чтобы усилить впечатление, продолжал в который раз читать все более обстоятельные распоряжения относительно похорон. К концу этого раздела Дед так растрогался, что Лу подумал было, не забудет ли он вообще, зачем было извлечено завещание. Но Дед, героически справившись с нахлынувшими чувствами, целую минуту что-то усердно стирал, а потом начал писать, повторяя написанное вслух. Лу слышал это так часто, что мог бы читать за него наизусть.

— Когда я еще обитал в этой юдоли слез,— писал и говорил Дед,— я перенес немало разочарований. Но самую горькую обиду нанес мне...

Он оглядел присутствующих, стараясь вспомнить, кто же из них провинился. Все посмотрели на Лу, который покорно поднял руку. Дед удовлетворенно кивнул и закончил:

— ...нанес мне мой правнук Луи Дж. Шварц.

— Внук, сэр,— сказал Лу.

— Не увиливай. Ты и так уже попался, молодой человек,— сказал Дед, но слово исправил. А потом он без всяких изменений произнес формулу лишения наследства за неуважение и увиливание.

В следующем абзаце, который в разное время был посвящен каждому из находящихся в комнате, имя Лу было вычеркнуто и заменено именем Вилли, который теперь стал наследником квартиры и, главное, двуспальной кровати в отдельной спальне.

— Вот! — произнес Дед, сияя. Он стер дату в конце завещания и поставил новую, указав время дня.

— А теперь пора смотреть «Семью Мак-Гарвеев».

Это была многосерийная телепередача, которую Дед смотрел неукоснительно с тех пор, как ему минуло 60, то есть 112 лет подряд.

— Не терпится узнать, что будет дальше,— сказал он.

Лу отошел в сторонку и улегся на свое ложе страданий у двери ванной. Ему хотелось, чтобы Эм была с ним, и он подумал, где это она может быть. Потом он ненадолго задремал и проснулся от того, что кто-то перешагнул через него, входя в ванную. Через мгновение он услышал слабое бульканье, как будто что-то лилось в раковину. Ему внезапно пришло в голову, что Эм не выдержала и решила принять к Деду крайние меры.

— Эм! — шепнул он в щель. Ответа не было, и Лу нажал на дверь. Старая, еле державшаяся защелка через секунду поддалась, и дверь распахнулась.

— Морти! — изумленно воскликнул Лу.

Мортимер, правнучатый племянник Лу, который только недавно женился и привел в семейство Шварцев жену, в растерянности оглянулся. Он захлопнул дверь, но Лу успел разглядеть, что было у него в руках,— огромная Дедова бутыль с антигеразоном, наполовину пустая. Морти доливал в нее воду из крана.

Через мгновение Морти вышел, бросил вызывающий взгляд на Лу, молча прошел мимо него в гостиную и сел рядом со своей женой.

Рисунок **Геннадия НОВОЖИЛОВА**

Потрясенный Лу не знал, что делать. Он не мог допустить, чтобы Дед принимал разбавленный антигеразон; но если он скажет об этом Деду, жизнь в квартире, и без того невыносимая, превратится в ад.

Лу заглянул в гостиную и увидел, что Шварцы, и среди них Эмеральд, наслаждаются минутой покоя, поглощенные тем, как портило себе жизнь семейство Мак-Гарвеев. Он украдкой вошел в ванную, старательно запер за собой дверь и начал опорожнять Дедову бутыль в раковину. Он хотел снова наполнить ее чистым антигеразоном из 22 бутылочек поменьше, стоявших на полке. Бутыль вмещала полгаллона, горлышко у нее было узкое, и Лу казалось, что жидкость выливается уже целую вечность. А едва ощутимый запах антигеразона, чудилось ему, мощной струей льется в квартиру сквозь замочную скважину и щель под дверью.

— Глуг-глуг-глуг-глуг,— монотонно булькало в бутылке. Внезапно из гостиной донеслась музыка, шум голосов и звуки отодвигаемых стульев. Телевизионный диктор произнес: «На этом мы заканчиваем 29121-й выпуск передачи о жизни наших с вами соседей — Мак-Гарвеев». В холле послышались шаги. В дверь ванной постучали.

— Секундочку,— веселым голосом откликнулся Лу. В отчаянии он потряс бутыль, чтобы жидкость выливалась быстрее. Мокрое стекло выскользнуло у него из пальцев, и тяжелая посудина разлетелась вдребезги, ударившись о плитки пола.

Дверь распахнулась, и картина преступления открылась глазам ошеломленного Деда.

Лу почувствовал странное покалывание под волосами. Поборов приступ головокружения, он попытался мило улыбнуться, и, так как в голову ему не приходило ни единой мысли, он молча ждал, когда Дед заговорит.

— Ну-ну, парень,— произнес наконец Дед.— Придется тебе тут прибраться.

И больше ничего не сказал. Он повернулся, протолкался сквозь толпу и заперся в своей спальне.

Изумленные Шварцы еще мгновение молча разглядывали Лу, а потом поспешили в гостиную, как будто часть его ужасной вины легла бы и на них, задержись они тут слишком долго. Последним ушел Морти, бросив на Лу насмешливый взгляд. В дверях осталась только Эмеральд. По ее щекам катились слезы.

— Ах ты, мой несчастный! Ну, не надо так переживать. Это я виновата. Я тебя на это подбила.

— Нет,— ответил Лу, к которому вернулся голос.— Это не ты. Честное слово, Эм, я просто...

— Не нужно мне ничего объяснять, милый. Я с тобой, что бы ни случилось.

Она поцеловала его в щеку и прошептала:

— Милый, это же не убийство. От этого он бы не умер. Ничего в этом ужасного нет. Просто он смог бы уйти тогда, когда бог этого захочет.

— Что же теперь будет, Эм? — глухо произнес Лу.— Что он теперь сделает?

* * *

Перепутанные Лу и Эмеральд почти всю ночь не сомкнули глаз, гадая, что предпримет Дед. Но из заветной спальни не доносилось ни звука. Они задремали лишь за два часа до рассвета.

В шесть они уже были на ногах — в это время на кухне завтракало их поколение. С ними никто не разговаривал. В их распоряжении было двадцать минут на еду, но после бессонной ночи они двигались так медленно, что едва успели проглотить по две ложки переработанных под яйцо водорослей, и уже было пора уступать место следующему поколению.

Потом они, как и полагалось последним, кого лишили наследства, принялись готовить завтрак для Деда — ему по утрам подавали в постель на подносе. Они пытались держаться весело. Тяжелее всего было иметь дело с настоящими яйцами, грудинкой и маргарином, на которые Дед тратил почти всю прибыль своего капитала.

— Что ж,— сказала Эмеральд,— я не собираюсь поддаваться панике, пока не выяснится, стоит ли паниковать вообще.

— Может быть, он не понял, что я разбил? — с надеждой сказал Лу.

— Ну да, наверное, он подумал, что это стеклышко от часов,— заметил их сын Эдди, равнодушно играя пирожным из переработанных под гречневую муку́ опилок.

— Не издевайся над отцом,— сказала Эм,— и вообще не болтай с набитым ртом.

— Хотел бы я видеть, кто может промолчать, набив рот этой дрянью,— буркнул Эдди (ему было 73 года). Он поглядел на часы:

— А знаете, пора подавать Деду завтрак.

— Да, пора,— уныло сказал Лу, пожав плечами.— Давай поднос, Эм.

— Я пойду с тобой.

Храбро улыбаясь, они медленно направились к спальне, где обнаружили всех Шварцев, полукругом выстроившихся у дверей.

Эм постучала.

— Дед! — весело сказала она.— Завтрак готов!

Ответа не было, и она постучала еще раз, посильнее.

Дверь распахнулась от удара ее кулака. Мягкая широкая кровать под балдахином, занимавшая середину комнаты — символ прекрасного далекого будущего для каждого из Шварцев,— стояла пустая.

Ощущение смерти, столь же незнакомое Шварцам, как зороастризм или причины восстания сипаев, заставило все голоса стихнуть. Потрясенные наследники принялись осторожно заглядывать под столы и за занавески в поисках останков Деда — предка их рода.

Но Дед оставил после себя не бренную оболочку, а записку, которую Лу в конце концов обнаружил на комоде под пресс-папье, бережно хранившимся здесь со Всемирной выставки 2000 года. Срывающимся голосом Лу прочел:

— «Некто, кого я пригрел, оберегал и воспитывал все эти годы в меру своих сил и умения, этой ночью обратился против меня, подобно бешеному псу, и разбавил мой антигеразон — или попытался это сделать. Я уже немолод. Я больше не могу нести тяжкое бремя жизни, как я нес его до сих пор. Поэтому после горьких переживаний этой ночи я говорю вам: прощайте. Суетные заботы этого мира скоро спадут с меня, как терновый плащ, и я обрету покой. К тому времени, когда вы найдете эту записку, меня уже не будет в живых».

— Боже мой,— печально сказал Вилли,— он даже не дождался 500-мильных автогонок и так и не узнал, чем они кончатся.

— И чем кончится первенство мира по бейсболу,— сказал Эдди.

— И вернется ли зрение к миссис Мак-Гарвей,— добавил Морти.

— Тут есть еще,— сказал Лу и продолжал читать.

— «Я, Гарольд Д. Шварц, ...настоящим совершаю, объявляю и возвещаю свою Последнюю Волю и Завещание, упраздняя оным все предыдущие завещания и указания, когда-либо мной до настоящего времени сделанные».

— Не может быть! — воскликнул Вилли.— Неужели еще одно!

— «Я особо оговариваю,— читал Лу,— что все мое имущество, как движимое, так и недвижимое, не должно быть разделено, но завещаю владеть им совместно всем моим отпрыскам, независимо от поколения, на равных правах и в равных долях».

— Отпрыскам?

Лу сделал широкий жест рукой.

— Это значит, что все это проклятое заведение принадлежит всем нам.

Все глаза мгновенно устремились к кровати.

— В равных долях? — переспросил Морти.

— В сущности, это как при прежней системе,— вмешался Вилли, старший из всех присутствующих.— Самые старшие возглавляют семейство и помещаются вот здесь, а...

— Вот это мне нравится,— перебила его Эм.— Лу здесь принадлежит столько же, сколько и вам, и я считаю, что главнее всех — самый старший из тех, кто работает. Вы будете тут дрыхнуть целыми днями и ждать, пока принесут пенсию, а бедный Лу приходит с работы весь измученный и...

— А не предоставить ли хоть какую-нибудь возможность уединиться людям, которым никогда еще не доводилось этого попробовать? — горячо вмешался Эдди.— Черт возьми, вы все, старики, этим достаточно пользовались в детстве. А я родился и вырос в этом проклятом холле! Что, если...

— Да? — возразил Морти.— Конечно, тебе пришлось тяжело, и я тебе безмерно сочувствую. Но только попробовал бы ты провести в холле медовый месяц — вот это настоящее удовольствие!

— Тихо! — повелительно крикнул Вилли.— Первый, кто откроет рот, будет полгода жить у дверей ванной. Теперь убирайтесь из моей комнаты — мне нужно подумать.

О стену в нескольких дюймах над его головой разбилась ваза. Через мгновение в спальне шла всеобщая свалка — каждая пара пыталась вытнать всех остальных. В молниеносной смене тактических ситуаций образовывались и тут же распадались временные союзы. Эм и Лу оказались выброшенными в холл, где они объединили других, очутившихся в том же положении, и вновь взяли спальню штурмом.

После двухчасового сражения, не принесшего никаких видимых результатов, в квартиру вломились полицейские.

Следующие полчаса патрульные фургоны и машины скорой помощи увозили Шварцев, а потом квартира стала тихой и просторной.

Часом позже кадры заключительных этапов потасовки были показаны по телевидению 500 миллионам восхищенных зрителей Восточного Побережья.

В пустой трехкомнатной квартире Шварцев на 76-м этаже дома 257 остался включенный телевизор. Воздух снова огласился криками, воплями и шумом драки, которые на этот раз безобидно раздавались из громкоговорителя.

Картины битвы можно было видеть и на экране телевизора, стоявшего в полицейском участке, где за передачей с профессиональной заинтересованностью следили и Шварцы и тюремщики.

Эм и Лу оказались в смежных камерах, размером четыре фута на восемь, и мирно лежали на своих койках.

— Эм! — позвал Лу через перегородку.— А у тебя тоже свой умывальник?

— Конечно. И умывальник, и постель, и свет — все свое. Ха! А мы-то так мечтали о Дедовой комнате. И так долго!

Она вытянула перед собой руку.

— Милый, у меня в первый раз за сорок лет пальцы не трясутся!

— Постучи по деревяшке,— сказал Лу,— адвокат сказал, что попробует добиться для нас целого года.

— Вот это да! — мечтательно протянула Эм.— А как бы исхитриться, чтобы получить одиночку?

— Эй, замолчите,— вмешался охранник.— Иначе я всю шайку-лейку выгоню вон! А если кто хоть слово кому-нибудь скажет, как здесь хорошо,— больше ему тут не бывать!

Арестанты тут же умолкли.

В гостиной квартиры Шварцев на мгновение стало темнее — картины боя на экране померкли. Потом, как солнце из-за тучи, появилось лицо диктора.

— А теперь, друзья,— сказал он,— у меня есть специальное сообщение от изготовителей антигеразона — сообщение для всех вас, кому больше ста пятидесяти. Не мешают ли вам в жизни морщины, непгущиеся суставы, седина или лысина, приобретенные еще до появления антигеразона? Так вот, больше нет нужды страдать и ощущать свою неполноценность. После многолетних исследований медицинская наука изобрела суперантигеразон! Через несколько недель — да, недель! — вы сможете выглядеть, чувствовать и вести себя в точности так же, как ваши правнуки! Ведь правда, вы не пожалели бы пяти тысяч долларов на то, чтобы вас нельзя было отличить от других? Но вам не придется платить даже этого. Дневная порция безвредного, испытанного суперантигеразона стоит всего лишь несколько долларов. Возвращение всей молодой резвости и обаяния обойдется вам в среднем меньше чем в 50 долларов. Требуйте бесплатные проспекты. Все, что для этого нужно,— это написать на открытке цепой в доллар свое имя и адрес и послать ее по адресу: «Супер», почтовый ящик 500 000, Скенектеди, штат Нью-Йорк. Запомнили? Повторяю: «Супер», почтовый ящик...

В гостиной Шварцев раздался скрип пера — той ручки, которую накануне дал Деду Вилли. Несколько минут назад Дед вошел сюда из соседней пивной «Час отдыха». Он вызвал уборщицу, чтобы она привела квартиру в порядок, и нанял лучшего адвоката, чтобы добиться осуждения своих потомков. Потом он подвинул кушетку к телевизору, чтобы можно было смотреть лежа. Об этом он мечтал уже много лет.

— Ске-нек-те-ди,— пробормотал Дед.— Так!

Его лицо заметно изменилось — оно стало гораздо спокойнее, и вместо сведенных вечным напряжением черт, говоривших о дурном характере, на нем появилось выражение доброты и умиротворенности. Можно было подумать, что он уже принял первую дозу суперантигеразона. Увидев на экране что-то смешное, он свободно улыбнулся вместо того, чтобы едва растянуть на лишний миллиметр плотно сжатые губы. Жизнь была прекрасна. И он с надеждой и ожиданием смотрел в будущее.

Перевели с английского
Алексей ИОРДАНСКИЙ и Александр ЧАПКОВСКИЙ.

Рисунок **В. КАРАСЕВА**

РОАЛЬД ДАЛ (США)

ЧУДЕСНЫЙ ГРАММАТИЗАТОР

Фантастический рассказ

— Найп, мой мальчик, теперь, когда все закончено, я вызвал вас только для того, чтобы поздравить с отлично выполненной работой.

Адольф Найп неподвижно стоял перед письменным столом мистера Болена. Судя по его виду, он не разделял восторга своего шефа.

— Вы читали утренние газеты?

— Нет, сэр.

Мистер Болен пододвинул к себе сложенную пополам газету и начал читать:

— «Строительство большой электронно-вычислительной машины, заказанной некоторое время назад правительством, завершено. Возможно, что на сегодняшний день это самая быстродействующая вычислительная машина в мире. По словам мистера Болена, возглавляющего фирму по производству электронного оборудования, она имеет неограниченное практическое применение во всех областях науки, промышленности и администрирования...»

Мистер Болен поднял взгляд на длинное, унылое лицо молодого человека.

— Разве вы этим не гордитесь, Найп? Неужели вы не довольны?

— Очень доволен, сэр.

— Я думаю, мне нет необходимости напоминать вам, как много значило ваше сотрудничество, особенно ваше участие в разработке основных проектов.

Переминаясь с ноги на ногу, Адольф Найп разглядывал маленькие белые руки шефа, нервные пальцы которых вертели скрепку, машинально разгибая проволочку и превращая ее в подобие шпильки для волос. Ему не нравились эти руки, как не нравилось и лицо сидевшего перед ним человека, лицо с крошечным ртом и тонкими фиолетовыми губами. Когда он говорил, двигалась только одна нижняя губа, и смотреть на это было довольно-таки противно.

— Как вы относитесь к тому, чтобы недельку отдохнуть? Это пошло бы вам на пользу. Вы заслужили отпуск.

— Право, не знаю, сэр.

Мистер Болен ждал ответа, глядя на стоявшую перед ним разболтанную долговязую фигуру. Что за трудный парень! Почему он не может стоять прямо? Вечно он горбится, неряшлив, на пиджаке пятна, волосы нечесаны и свисают на лицо.

— Мне бы хотелось, чтобы вы взяли отпуск, Найп. Вам необходимо отдохнуть.

— Хорошо, сэр. Если вы настаиваете...

Адольф Найп приехал на автобусе домой, в свою двухкомнатную квартиру. Бросив на диван пальто, он налил себе виски и уселся перед стоявшей на столе пишущей машинкой.

Немного подавшись вперед, он принялся читать текст, напечатанный на вставленном в машинку листе. Озаглавлен он был «На волосок от гибели» и начинался так: «Была темная ночь. Бушевала гроза, ветер свистел в деревьях, дождь лил, как из ведра...»

Адольф Найп отхлебнул немного виски, смакуя горьковатый аромат солода. Ко всем чертям мистера Болена с его великой вычислительной машиной! Ко всем чертям...

И в этот момент его глаза и рот вдруг начали постепенно, словно бы в недоумении, открываться; он медленно поднял голову и окаменел, вперив взор в стену, и теперь в его взгляде было уже больше изумления, чем недоумения. Но вот в его лице что-то едва приметно изменилось, и мало-помалу изумление стало уступать место выражению удовольствия, которое, зародившись в уголках губ, распространилось на все его черты.

— Это, безусловно, нечто совершенно невероятное, — вслух проговорил он и улыбнулся, вздернув верхнюю губу и сладострастно ощерившись.

С той минуты Адольф Найп уже не думал ни о чем другом. Идея прямо-таки заворожила его — вначале тем, что сулила возможность, впрочем, пока весьма неопределенную, самым коварным способом отомстить злейшим его врагам. Он взял лист бумаги и набросал кое-какие предварительные заметки. Но у него почти ничего не получилось. Он уперся в старую истину: машина, как бы она ни была совершенна, не способна оригинально мыслить. Но, с другой стороны, разве вычислительная машина не обладает памятью?

Внезапно его озарила гениальная и в то же время простая мысль: английская грамматика подчиняется правилам, которым свойственна почти математическая точность! Дайте машине слова и смысл того, что должно быть сказано, и она расположит эти слова в едином правильном порядке.

Найпа уже ничто не могло остановить. Он тут же приступил к работе и без устали трудился несколько дней. По всей гостиной валялись исписанные листы бумаги: формулы и расчеты, тысячи и тысячи слов, сюжеты рассказов, цитаты, мужские и женские имена, сотни фамилий, извлеченных из телефонной книги, всевозможные схемы и чертежи...

Работал он с упоением. Потирая руки и разговаривая вслух, он бродил по комнате среди всего этого хаоса разбросанных в беспорядке бумаг и порой, язвительно сморщив нос, вдруг разражался отборнейшей бранью и проклятиями, в которых всегда присутствовало слово «издатель». После пятнадцати дней непрерывного труда он собрал бумаги в две объемистые папки и почти бегом помчался в компанию по производству электронного оборудования «Мистер Джон Болен, инкорпорейтед».

Мистер Болен был рад его видеть.

— Боже мой, Найп, да вас узнать нельзя, настолько вы лучше выглядите. Вы хорошо отдохнули? Где вы провели отпуск?

Адольф Найп положил на письменный стол папки.

— Взгляните-ка, мистер Болен! — воскликнул он.— Вы только посмотрите, что у меня тут есть!

И он, захлебываясь, выложил все. Открыв папки, он подсунул под нос изумленному коротышке чертежи. Ни на минуту не умолкая, он говорил целый час и, кончив свои объяснения, задыхающийся, покрасневший, отступил назад, ожидая приговора.

— Знаете, что я думаю, Найп? Я думаю, что вы рехнулись.

— Что вы, мистер Болен! Это получится! Ведь я вам только что доказал, что машина будет работать!

— Успокойтесь, Найп. Успокойтесь и выслушайте меня.

Адольф Найп смотрел на шефа со все возрастающей неприязнью.

— Эта идея,— произнесла нижняя губа мистера Болена,— очень интересна... Даже, можно сказать, блестяща... И она лишний раз подтверждает мое высокое мнение о ваших способностях. Но не принимайте ее слишком всерьез. В конце концов чем она может быть для нас полезна? Кому, черт побери, нужна машина, которая пишет рассказы? И какой она может принести доход? Объясните.

— Если позволите, я расскажу вам, мистер Болен, как я к этому пришел.

— Я вас слушаю, Найп.

Сейчас его нужно немного умаслить, сказал себе мистер Болен. Парень действительно стоящий, в некотором роде почти гений, для фирмы он на вес золота.

— Видите ли, мистер Болен, если говорить начистоту, я работаю у вас без большого удовольствия. Дело в том, сэр, что я всю жизнь хотел стать писателем.

— Писателем?!

— Да, мистер Болен. Вы можете мне не поверить, но все свое свободное время я тратил на то, что писал рассказы. За последние десять лет я написал сотни, буквально сотни рассказов.

— Великий боже, Найп! Какого черта вам это понадобилось?

— Я только знаю, сэр, что у меня есть внутренняя потребность.

— Какая потребность?

— Потребность творить, мистер Болен.

Всякий раз, поднимая глаза, он видел губы мистера Болена. Они становились все тоньше и тоньше и все больше лиловели.

— Разрешите узнать, Найп, что вы делаете со всеми этими рассказами?

— Видите ли, сэр, в том-то и беда. Их никто не хочет покупать. Кончив рассказ, я посылаю его в разные издательства, и он путешествует из одной редакции в другую. А потом они их возвращают мне. Все это меня очень травмирует.

Мистер Болен вздохнул с облегчением.

— Я прекрасно понимаю ваше настроение, мой мальчик,— сочувственно зажурчал его голос.— Все мы через это проходим в тот или иной период нашей жизни. Но теперь, теперь, когда вы получили доказательства... неоспоримые доказательства... мнения самих издателей, экспертов, что ваши рассказы... как бы это выразиться получше... что ваши рассказы не совсем удачны, пора поставить на этом крест. Забудьте об этом, мой мальчик. Просто выбросьте из головы, и все тут.

— Ни в коем случае, мистер Болен! Нет! Это неправда. Я знаю, что мои рассказы хороши. Если сравнить их со стряпней, которую печатают некоторые из этих журналов... с неуклюжей, скучной стряпней, которой эти журналы кормят нас каждую неделю...

— Погодите минутку, мой мальчик...

— Вы читаете журналы, мистер Болен?

— Простите, Найп, но какое это имеет отношение к вашей машине?

— Самое прямое, мистер Болен, самое прямое. Я тщательно изучил журналы и пришел к выводу, что каждый из них имеет тенденцию печатать определенный, свойственный только этому журналу тип рассказов. Писатели — преуспевающие писатели — отлично в этом разбираются и пишут соответствующие рассказы.

— Минуточку, мой мальчик. Успокойтесь, хорошо? Мне кажется, этот разговор уводит нас от основной темы.

— Но поймите, что с помощью моей машины я простым нажатием кнопки могу по желанию создать рассказ любого типа. Литературный рынок очень ограничен. Стоит нам захотеть, и мы создадим нужное произведение и именно тогда, когда на него есть спрос. Это ведь чистый бизнес. Я сейчас рассматриваю этот вопрос уже с вашей точки зрения — как коммерческое предприятие.

— Мой дорогой мальчик, вряд ли это когда-нибудь сможет стать коммерческим предприятием. Вы не хуже меня знаете, сколько стоит строительство такой машины.

— Да, сэр, знаю. Но при всем моем к вам уважении я все-таки думаю, что вы не представляете, сколько платят журналы за рассказы.

— Сколько же?

— Любые суммы вплоть до двух с половиной тысяч долларов. В среднем около тысячи.

Мистер Болен подскочил.

— Да, сэр, это так.

— Вы хотите убедить меня в том, что эти журналы платят писателям такие деньги только за... только за то, что они сидят и кропают свои рассказы? Боже мой, Найп! В таком случае все писатели должны быть миллионерами!

— Вы угадали, мистер Болен! Тут-то и может пригодиться машина. Минутку внимания, сэр, и я вам расскажу кое-что еще. Поверьте, я на этом съел собаку. В каждом номере большие журналы печатают в среднем три рассказа. Теперь возьмите пятнадцать самых солидных журналов — те, что платят лучше остальных. Часть их — ежемесячники, но большинство выходит каждую неделю. Прекрасно. Таким образом, каждую неделю приобретается около сорока дорогостоящих рассказов на сумму в сорок тысяч долларов. И с помощью нашей машины мы сможем прибрать к рукам почти весь этот рынок!

— Мой дорогой мальчик, вы сошли с ума!

— Нет, сэр, все, что я говорю,— чистая правда. Разве вы не видите, что мы сумеем раздавить их одним только количеством продукции? Эта машина за тридцать секунд может изготовить рассказ на пять тысяч слов, уже отпечатанный и готовый к отправке в редакцию. Как могут конкурировать с ней писатели? Я вас спрашиваю, как? В наше время, мистер Болен, изделия, изготовленные вручную, не имеют никакой перспективы. Вам хорошо известно, что они едва ли могут соперничать с изделиями массового производства, особенно в этой стране. Ковры, обувь, стулья, кирпичи — за что ни возьмись, все теперь изготовляется машинами. Качество, может, и похуже, но это не имеет значения. Во внимание принимается только стоимость продукции. А рассказы... ну, это ведь всего-навсего еще один вид продукции, вроде ковров и стульев, и никого не интересует, как вы их изготовляете, коль скоро вы поставляете товар. Мы будем продавать их оптом, мистер Болен! Мы подрежем всех писателей в стране, продавая по более низким ценам! Мы овладеем рынком!

— Я все-таки считаю, Найп, что это невыгодно.

— Сорок тысяч в неделю! — взвизгнул Найп.— А если даже половина, если двадцать тысяч в неделю, все равно получается миллион в год! — И вкрадчиво добавил: — Скажите, мистер Болен, строительство вычислительной машины старого образца принесло вам миллион в год, а?

— Давайте поговорим серьезно, Найп. Вы и в самом деле думаете, что они будут их покупать?

— Послушайте, мистер Болен, кому, черт возьми, нужны рассказы, написанные старым способом, когда можно за полцены приобрести другие? Разве это не логично?

— А как вы собираетесь их продавать? Кто будет их автором?

— Мы откроем наше собственное литературное агентство и через это агентство и будем распространять рассказы. И мы придумаем для авторов любые имена, какие только захотим.

— Мне это не нравится, Найп. По-моему, это попахивает жульничеством.

— Скажу вам еще кое-что, мистер Болен. Стоит нам начать, как мы сможем выпускать самую разнообразную побочную продукцию. Взять, к примеру, рекламу. В наше время фабриканты пива и другие предприниматели с удовольствием заплатят большие деньги, если известные писатели позволят ставить свои имена под рекламой их товаров. Ей-богу, мистер Болен, мы с вами толкуем не о детских игрушках. Это большой бизнес.

— Вы слишком честолюбивы, мой мальчик.

— И еще. Если захотите, мистер Болен, нам ничто не помешает подписывать вашим именем некоторые из наиболее удачных рассказов.

— Великий боже, Найп! Для чего мне это?

— Есть ведь писатели, сэр, которые пользуются большим уважением. Мы должны создать себе известность. Что касается меня, то я серьезно подумываю подписать своим именем один-два рассказа, так сказать, для почина.

— Значит, стать писателем, да? — задумчиво проговорил мистер Болен.— Эта публика в клубе наверняка разинет рот, когда увидит мое имя в журналах, в солидных журналах.

В глазах мистера Болена появилось рассеянное, мечтательное выражение, и он улыбнулся, но, тут же встрепенувшись, принялся листать лежавшие перед ним чертежи.

— Мне не совсем понятно одно, Найп. Откуда берутся сюжеты? Ведь машина вряд ли способна придумывать сюжеты.

— Мы их вложим в нее. Это не проблема. Сюжетов хоть пруд пруди. Вон в той папке, слева от вас, собрано четыреста сюжетов. Все они вкладываются в машину, в ячейки «сюжетной памяти».

— Продолжайте.

— Есть еще много других изящных усовершенствований, мистер Болен. Например, существует некий фокус, который проделывают почти все писатели,— в каждый рассказ вставляется по крайней мере одно длинное и не очень понятное слово. Это убеждает читателя в том, что писатель — человек умный и просвещенный. Я заставлю машину проделывать то же самое.

Оставшуюся часть дня оба обсуждали возможности новой машины. Под конец мистер Болен заявил, что ему нужно еще немного подумать. На следующее утро он был сдержанно заинтересован. Через неделю идея захватила его целиком.

И за шесть месяцев машина была создана. Ее установили в кирпичном флигеле позади главного корпуса, и с той минуты, когда она была готова, доступ к ней для всех, кроме мистера Болена и Адольфа Найпа, был запрещен.

Какой же это был волнующий момент, когда двое мужчин — один низенький, толстый и коротконогий, другой высокий, худой и зубастый — стояли перед контрольной панелью, готовясь произвести на свет первый рассказ.

— Какую нажать кнопку? — спросил Адольф Найп, окидывая взглядом длинный ряд маленьких белых дисков, напоминавших клавиши пишущей машинки.— Выбирайте, мистер Болен. К вашим услугам множество журналов, выбирайте любой.

— О господи! Да откуда же мне знать, какой?

Он прыгал на месте, как человек, которого терзает крапивница.

— Мистер Болен,— торжественно возгласил Найп,— вы сознаете, что одним лишь прикосновением мизинца вы за какую-нибудь минуту можете превратить себя в самого разностороннего писателя этого континента?

— Послушайте, Найп, давайте начнем, прошу вас... Хватит болтать.

— Хорошо, мистер Болен. Итак, приступим... Какую же мы нажмем? Ага, вот эту.

Он протянул палец и нажал кнопку, на которой мельчайшими черными буковками было написано «Тудейз вумэн».

— Выбор сделан,— объявил Найп.— А теперь пойдем дальше!

Он поднял руку к панели и подвинул рычаг выключателя. В ту же секунду помещение заполнилось громким жужжанием и треском электрических искр; со звоном быстро задвигались какие-

то маленькие рычажки, и почти сразу же из прорези, находившейся справа от контрольной панели, стали выскальзывать и падать в корзину листы бумаги. Они сыпались со скоростью один лист в секунду, и через полминуты все было кончено. Листов больше не было.

— Дело сделано! — вскричал Найп.— Вот ваш рассказ!

Они схватили листки и начали читать. Текст, отпечатанный на первом, начинался так: «Арлышуирвроалпагранлбгапдрвнгшоуошыранкдлсьой№нгшщз§ошт?длжкщшьорпаеъвкентр...» Они молча взглянули друг на друга. Примерно в том же стиле были тексты на всех остальных листках. Мистер Болен разбушевался. Молодой человек попытался успокоить его:

— Все в порядке, сэр. Честное слово! Машину только нужно немного подрегулировать. Где-то не в порядке контакт, вот и все. Трудно предположить, что все сойдет гладко с первого же раза.

— Она никогда не будет работать,— заявил мистер Болен.

— Наберитесь терпения, сэр. Наберитесь терпения.

Адольф Найп занялся поисками дефекта и через четыре дня объявил, что все готово для новой пробы.

— Она никогда не будет работать,— вновь заявил мистер Болен.— Я уверен, что она не будет работать.

Найп улыбнулся и нажал кнопку, на которой стояло «Ридерс дайджест». Потом он щелкнул выключателем, и снова помещение заполнило странное, волнующее жужжание. Из прорези в корзину упал один лист.

— А где же остальные? — завопил мистер Болен.— Машина остановилась! Она испортилась!

— Нет, сэр, вы ошибаетесь. Все правильно. Разве вы не понимаете, в чем дело? Ведь это рассказ для «Дайджест»!

На листке было написано следующее: «Немногимизвестночтооткрытоновоепотрясающеелекарствокотороеоблегчитучастьтехктострадаетотс а м о й ужаснойболезнинашеговремени...» И так до конца страницы.

— Это бессмыслица! — заорал мистер Болен.

— Нет, сэр, это прелестно. Неужели вы не видите, что она просто не разделяет слова? Это очень легко наладить. Но рассказ есть. Взгляните-ка, мистер Болен! Вот он, рассказ, только все слова слились.

И рассказ действительно был.

Через несколько дней во время следующего испытания все уже было в полнейшем порядке, даже знаки препинания. Первый рассказ, который они состряпали для популярного дамского журнала, был полноценным, содержательным произведением, в котором повествовалось о некоем молодом человеке, захотевшем завоевать симпатию своего богатого хозяина. В нем рассказывалось, как этот молодой человек попросил своего приятеля, чтобы тот, угрожая пистолетом, остановил машину, в которой дочь богатого хозяина поздней ночью возвращалась домой. Сам же молодой человек, «случайно» оказавшийся поблизости, обезоруживает своего друга и спасает хозяйскую дочь. Девушка преисполнена благодарности, но папашу провести не так-то просто. Он допрашивает молодого человека. Молодой человек не выдерживает и во всем сознается. И тогда отец девушки вместо того, чтобы вышвырнуть его вон, приходит в восхищение от его честности... и наивности. Он обещает назначить молодого человека старшим бухгалтером. Девушка выходит за него замуж.

— Великолепно, мистер Болен! Это как раз то, что нужно!

— Мне кажется, мой мальчик, что рассказ написан несколько небрежно.

— Что вы, сэр, это товар, настоящий товар!

Теперь мистер Болен наконец смягчился. Он согласился открыть литературное агентство и во главе его поставил Найпа. Через пару недель подготовка была закончена, и Найп разослал по журналам первую дюжину рассказов. Под четырьмя из них он поставил свое имя, один подписал именем мистера Болена, а остальные — вымышленными именами.

Пять из них были сразу же приняты. А рассказ, подписанный именем мистера Болена, вернулся обратно вместе с письмом редактора отдела художественной прозы, в котором тот писал: «Рассказ сделан профессионально, но, по нашему мнению, он не совсем удачен. Нам бы хотелось ознакомиться с другими произведениями этого автора...» Адольф Найп, схватив такси, помчался к машине и в мгновение ока создал для того же журнала еще один рассказ. Он снова поставил под ним имя мистера Болена и немедленно отослал его в редакцию. Этот рассказ уже купили.

На них отовсюду начали сыпаться деньги. Найп медленно и осторожно повышал выпуск продукции, и через полгода он уже рассылал тридцать рассказов в неделю, и примерно половина их находила покупателей.

Он начал приобретать известность в литературных кругах как талантливый и плодовитый писатель. То же самое происходило и с мистером Боленом; впрочем,— хотя он об этом не догадывался — его имя пользовалось несколько меньшей популярностью. Одновременно Найп ввел в дело около дюжины вымышленных личностей, которые выступали в роли многообещающих молодых авторов. Предприятие процветало.

Как раз в этот период было решено приспособить машину к тому, чтобы она писала не только рассказы, но и романы. Мистер Болен, жаждавший еще большей славы в литературном мире, настаивал, чтобы Найп немедленно приступил к выполнению этой грандиозной задачи.

— Я хочу написать роман,— твердил он.— Я хочу написать роман.

— Мы все будем писать романы,— заверял его Найп.— В любых количествах, сколько душе угодно. Но, прошу вас, наберитесь терпения.

— Послушайте, Найп. Я намерен написать с е р ь е з н ы й роман, нечто такое, что заставит их всех призадуматься. Честно говоря, меня уже начало мутить от тех рассказов, под которыми вы в последнее время ставите мое имя.

— Уверяю вас, мистер Болен, что с тем распределительным щитом, который я сейчас монтирую, вы сможете написать любую книгу, какую только захотите.

И это была правда: через пару месяцев гений Адольфа Найпа не только приспособил машину к написанию романов, но и создал изумительную новую систему регулировки, которая давала автору возможность предварительно выбрать по вкусу любой сюжет и любой литературный стиль.

Сначала, нажав одну из кнопок первого ряда, автор делал свой основной выбор: роман исторический, сатирический, философский, политический, лирический, юмористический, бытовой. Затем, перейдя ко второму ряду кнопок, он выбирал тему: военная жизнь, жизнь первых поселенцев, гражданская война, мировая война, расовая проблема, Дальний Запад, сельская жизнь, воспоминания детства, мореплавание, морское дно и пр. Третий ряд кнопок относился к литературному стилю: классический, эксцентричный, народный, Хемингуэй, Фолкнер, Джойс, женский и т. д. Кнопки четвертого ряда помогали выбрать героев, пятого — лексикон и так далее — всего было десять длинных рядов кнопок.

Наконец, был еще такой момент, как «страсть». Внимательно проштудировав книги, названиями которых начинался список бестселлеров за прошлый год, Адольф Найп пришел к выводу, что «страсть» является наиболее важным ингредиентом романа — волшебным катализатором, который мог принести скучнейшему роману самый шумный успех, во всяком случае, с финансовой точки зрения. Но Найп также понял и то, что страсть была сильнодействующим средством и ее следовало распределять с осторожностью — в точно отмеренных пропорциях и к месту, и, чтобы обеспечить это, он изобрел отдельный самостоятельный регулятор, приводившийся в действие двумя ножными педалями, похожими на педаль сцепления и тормозную педаль автомашины. Одна из педалей определяла количество впрыскиваемой в роман страсти, другая регулировала ее интенсивность.

Когда все было готово, он с гордостью ввел мистера Болена в здание, где помещалась машина, и начал объяснять ему процедуру написания романа.

— Боже мой, Найп! Я никогда не сумею все это проделать! Пропади оно все пропадом, легче ведь написать его вручную!

— Я вам обещаю, мистер Болен, что вы скоро к этому привыкнете. Через одну-две недели вы будете управлять ею почти не задумываясь. Это так же просто, как научиться водить машину.

Это, конечно, было посложнее. Но, попрактиковавшись несколько часов, мистер Болен начал приобретать сноровку, и поздно вечером он попросил Найпа подготовиться к изготовлению первого романа.

— Я хочу написать серьезный роман, Найп.

Мистер Болен осторожно нажал пальцем кнопки.

Жанр — р о м а н - с а т и р а.

Тема — р а с о в а я п р о б л е м а.

Стиль — к л а с с и ч е с к и й.

Герои — ш е с т ь м у ж ч и н, ч е т ы р е ж е н щ и н ы, о д и н р е б е н о к.

Объем — п я т н а д ц а т ь г л а в.

Найп щелкнул выключателем. Раздалось мощное гудение и режущий слух стук электрической пишущей машинки. В корзину стали падать листки с текстом, по одному через каждые две секунды. Но мистер Болен, вне себя от волнения, оглушенный этим грохотом и вынужденный одновременно нажимать на клавиши, следить за счетчиком глав и указателем скорости и регулировать количество и интенсивность страсти, совершенно растерялся. И реакция его была в точности такой же, как у человека, впервые севшего за руль автомашины,— он нажал ногами на обе педали и не отпускал их до тех пор, пока машина не остановилась.

— Поздравляю с вашим первым романом,— сказал Найп, вынимая из корзины пухлую пачку страниц.

На лице мистера Болена блестели мельчайшие капельки пота.

— Покажите-ка, Найп, что там получилось.

Он начал читать первую главу, передавая затем страницы Найпу.

— Великий боже, Найп! Что это такое!

Тонкая фиолетовая губа мистера Болена слегка шевелилась, пережевывая слова, щеки его начали медленно раздуваться.

— Взгляните вот сюда, Найп! Это возмутительно!

— Я бы сказал, сэр, что это написано несколько смело.

— Смело! Это омерзительно! Я не могу под этим подписаться!

— Вы правы, сэр. Вы правы.

— Найп! Вы, очевидно, решили сыграть со мной скверную шутку?

— О нет, сэр! Что вы!

— Это именно так и выглядит.

— А вам не кажется, мистер Болен, что вы слишком уж сильно нажимали на педали регулятора страсти? Почему бы вам не попробовать еще!

И мистер Болен создал второй роман, и на сей раз он уже соответствовал замыслу.

Рукопись была прочтена издателем на этой же неделе и с восторгом принята. Следующий роман Найп подписал своим собственным именем, а потом, не долго думая, изготовил еще дюжину. Литературное агентство Адольфа Найпа мгновенно прославилось своей богатой коллекцией молодых многообещающих авторов. И снова со всех сторон потекли деньги.

На этом-то этапе у молодого Найпа и появился истинный талант к большому бизнесу.

— Послушайте, мистер Болен,— однажды сказал он,— у нас все еще слишком много конкурентов. Почему бы нам не поглотить всех остальных писателей страны?

Мистера Болена, который теперь щеголял в бархатной куртке бутылочного цвета и позволил своей шевелюре прикрыть две трети ушей, вполне устраивало нынешнее положение дел.

— Не знаю, что вы имеете в виду, мой мальчик. Ведь нельзя же так, за здорово живешь, поглотить всех писателей.

— Конечно, можно, сэр. Вспомните, как Рокфеллер разделался с нефтяными компаниями. Их просто нужно купить, а если они не захотят продаваться, взять их за горло и вынудить к этому. Это очень легко!

— Берегитесь, Найп! Поосторожнее!

— У меня, сэр, есть список пятидесяти самых преуспевающих писателей страны, и я собираюсь предложить каждому из них пожизненный контракт и деньги. От них требуется только обещание, что они никогда больше не напишут ни строчки, и, разумеется, разрешение пользоваться их именами для нашей собственной продукции. Как вы на это смотрите?

— Они никогда не согласятся.

— Вы не знаете писателей, мистер Болен. Погодите, и вы увидите.

— А как насчет потребности творить, Найп?

— Чушь! В действительности их, как и всех остальных, по-настоящему интересуют только деньги.

В конце концов мистер Болен неохотно согласился попробовать, и Найп со списком писателей в кармане отправился в большом, управляемом шофером «кадиллаке» делать визиты.

Вначале он поехал к человеку, чье имя стояло в списке на первом месте,— к очень известному и очень талантливому писателю, и без труда проник в его дом. Найп все объяснил ему, показал

портфель, битком набитый образцами романов, и предъявил контракт с указанием ежегодной суммы, которую фирма обязывалась выплачивать автору пожизненно. Писатель вежливо выслушал его и, решив, что имеет дело с душевнобольным, угостил его виски и выпроводил за дверь.

Второй по списку писатель, поняв, что Найп говорит вполне серьезно, запустил в него тяжелым металлическим пресс-папье, и изобретатель пулей вылетел из дома, подгоняемый такими ругательствами, которые ему никогда раньше не приходилось слышать.

Однако Адольф Найп был не из тех, кого могли смутить подобные мелочи. Он был разочарован, но не пал духом и тут же поехал в своей шикарной машине к следующему клиенту. Это была женщина, знаменитая и пользовавшаяся всеобщим уважением писательница, чьи чувствительные романы выходили миллионными тиражами и покупались в стране нарасхват. Она приняла Найпа очень любезно, угостила чаем и внимательно выслушала его предложение.

— Это звучит совершенно очаровательно,— сказала она.— Хотя в это, естественно, трудно поверить.

— Мадам! — воскликнул Найп.— Поедемте со мной, и вы увидите все своими собственными глазами. Мой «кадиллак» ждет вас.

Они поехали, и в положенный момент изумленная леди была препровождена в здание, где находилась чудо-машина. Найп с воодушевлением принялся объяснять принципы ее устройства и спустя немного даже разрешил писательнице сесть в кресло и поупражняться с кнопками.

— Прекрасно,— внезапно проговорил он.— Хотите сию минуту создать книгу?

— О да! — вскричала она.— Конечно!

Она сама выбрала жанр, стиль и т. д. и изготовила длинный душещипательный, полный страсти роман. Прочтя первую главу, она пришла в такой восторг, что с ходу подписала контракт.

— С одним автором мы разделались,— сказал позже Найп мистеру Болену.— И с довольно значительным.

— Великолепная работа, мой мальчик.

— А знаете, п о ч е м у она подписала контракт?

— Почему?

— Деньги тут ни при чем. У нее их завал.

— Тогда почему же?

Найп улыбнулся. Его верхняя губа поднялась, обнажив бледные десны.

— Она увидела, что машинная продукция лучше ее собственной.

После этого Найп принял мудрое решение — сконцентрировать свои усилия только на писателях-середняках. Опыт показал, что тех, кто был классом повыше (а их было так мало, что они не вызывали особого беспокойства), соблазнить было не так-то легко.

В результате через несколько месяцев ему удалось получить подписи около семидесяти процентов стоявших в списке писателей. Он убедился, что проще всего было найти общий язык с писателями постарше, с теми, у кого начала иссякать фантазия и появилось пристрастие к спиртным напиткам. Писатели помоложе доставляли больше хлопот. Когда он обращался к ним, они подчас осыпали его бранью, а иной раз даже прибегали к насилию; и неоднократно во время своих визитов к ним Найп получал легкие телесные повреждения.

Но тем не менее начало было вполне удовлетворительным. Подсчитали, что по крайней мере половина всех романов и рассказов, опубликованных на английском языке за этот год — первый год работы машины,— была создана Адольфом Найпом с помощью Чудесного Автоматического Грамматизатора.

Вас это удивляет?

Не думаю.

А впереди нас ждет еще кое-что похуже. Секрет постепенно распространяется, и в настоящее время все большее количество писателей спешит примкнуть к Адольфу Найпу. И все туже сжимается петля на горле тех, кто колеблется подписать контракт.

В эту самую минуту из соседней комнаты доносится плач моих девяти умирающих от голода детей, и я чувствую, как моя рука все ближе и ближе подбирается к этому золотому контракту, который лежит на другом конце письменного стола.

О господи, дай силы обречь наших детей на голодную смерть!

Перевела с английского
С. ВАСИЛЬЕВА

КОНЕЦ СВЕТА

Лестер дель РЕЙ

Пробуждение было наполнено страхом, но попытки вернуться в прежнее полное небытие оказались тщетными. Мерцающее сознание непокорно рвалось из глубины сна. Это сопровождалось болью, но смутное воспоминание о ней было еще болезненнее. Он задерживал дыхание, сколько мог, затем потихоньку вздохнул.

Все было тихо, только рядом что-то пощелкивало — для часов это тиканье было слишком редким. Станция безмолвствовала...

Он, казалось, ухватился за ниточку, но она тут же оборвалась. Станция! Этот странный, призрачный край, в котором даже веса не чувствуешь. Ощущение такое, будто паришь в пустоте, и только легкий ветерок обдувает половину лица, да что-то теплое обволакивает тело и голову.

Потом он уловил слабый запах и понял, что находится в больничной палате. Теплота исходила от повязок. Ощущение легкости создавалось, должно быть, наркотиками. Под действием наркотиков могли возникнуть и глубокий сон, и неопределенный страх. В таком случае ожидание насилия — всего лишь следствие катастрофы, которая...

Память отказала. Страшное слово амнезия промелькнуло в голове, но мгновенно исчезло. Он — Пол Фентон, готовящийся после окончания Калифорнийского технологического института заняться ракетами, которые проложат людям путь к звездам. А сейчас — первый из своей группы, временно прикомандированный к военно-воздушным силам. Как только он поможет избавить мир от насилия, снова вернется к занятиям...

Здесь опять был провал в памяти, но это уже не имело значения. Он знал, что здоров, голоден и изнемогает от жажды. Боль еще не совсем прошла, но обязательно пройдет.

Открыв наконец глаза, Пол увидел, что весь как бы спеленут. Четыре тонких эластичных шнура тянулись от этого кокона к стенам — металлическим стенам маленькой комнатки, в которой, очевидно, все было к чему-то привязано. К потолку — стул, к двум стенам — аппараты, а ветерок от маленького вентилятора раскачивал бутылку, которая, ничем не поддерживаемая, просто болталась в воздухе!

Космос! Это была не догадка, а уверенность. Пол находился на космическом корабле. Первая дикая мысль об инопланетянах исчезла, не успев даже оформиться. Его окружали изделия человеческих рук, и почему-то он знал, что так и должно быть.

От укрепленной на его руке манжетки к тикающему аппарату у стены вела трубка, а счетчик аппарата стоял на нуле. Видимо, наркотик поступал оттуда, пока полностью не иссяк.

— Сестра! — Голос его гулко разнесся между металлических стен.— Сестра! Доктор! Кто-нибудь!

За исключением тиканья аппарата и слабого жужжания вентилятора на корабле не раздавалось ни звука. Фентон выдернул из-под повязки иглу и начал выбираться из спеленывавших его пут. Теперь двигаться стало легко и удобно. На одной из стен был пластиковый мешок со странной зеленой формой, которая пришлась ему впору. Застегнув на куртке «молнию», он автоматически достал сигарету и закурил, что несколько сняло напряжение. Заметив инициалы «П. Ф.», выгравированные на зажигалке с затейливым узором: космический корабль устремляется с Земли к чему-то, что, очевидно, должно изображать космическую станцию,— затянулся глубже, размышляя, как попали сюда его инициалы и почему эта форма оказалась сшитой по его мерке.

Увидев свое отражение на гладкой поверхности одного из аппаратов, Пол перенес новое потрясение. На него смотрело его собственное лицо, но постаревшее, с морщинками у глаз, лицо тридцатипятилетнего мужчины; а ведь он помнил себя восемнадцатилетним!

Этот удар — потерянные для памяти годы — оказался самым сильным из всех. Фентон с криком бросился к двери:

— Сестра! Эй! Помогите!

Дверь открылась, за ней показался туннель, и эхо от его металлических стен было единственным ответом Фентону. Напрасно он надрывался от криков. Корабль, или что там было такое, безмолвствовал.

Спокойно, не волноваться! Пустые слова! Они не умеряли бешеного стука сердца, не мешали коже зудеть под повязкой от липкого пота. Пробежав по туннелю, Фентон на миг остановился у дальней двери. Здесь он начал чувствовать свой вес. Ну да, по мере удаления от центра вращающейся Станции вес прибывает — у Фентона не было времени задумываться, откуда ему это известно.

Открыв дверь, он заглянул внутрь. В помещении стояли резервуары с растениями. Пол снова крикнул, чувствуя, как эхо, разносимое металлическими стенами, сводит его с ума.

Станция была нема, как эти растения, пополнявшие в ней запас воздуха. Ни одного человеческого звука!

Ноги сами переступили через порог, и Фентон, увлекаемый псевдогравитацией, пролетел вперед, ткнувшись во что-то руками и коленями.

Это был труп. На плече сохранилась эмблема лейтенанта из Отдела гидропоники, но половина головы отсутствовала. Фентон отпрянул и увидел забрызганный кровью угол одного из резервуаров. Очевидно, человек ударился головой об этот угол, и резервуар оказался прочнее черепа.

Борясь с подступающей дурнотой, Фентон толкнул следующую дверь, за которой ему открылось еще более жуткое зрелище: размозженный труп девушки, лежавший здесь не первый день. В этой комнате сильнее ощущался тошнотворный запах разложения, так как в первой его забивал аромат растений.

Дальше шла спальня. Фентон промчался через эту комнату и через следующие. На космическую станцию — он знал уже точно, что это именно Станция — обрушился удар невероятной силы, выдержать который можно было, лишь имея специальную защиту. Фентону повезло. Эластичная колыбель, смягчив удар, спасла ему жизнь. К тому же, центр Станции не сильно пострадал от катастрофы. Могло быть только одно объяснение: здесь произошел взрыв.

Фентон взглянул на свои плечи, и внезапно эмблема обрела определенный смысл. Он признал свою форму лейтенанта и пилота, доставляющего грузы с больших транспортных кораблей на Станцию.

Это воспоминание было для него еще непосильным. Пол застыл, стараясь понять, где он и почему мать бросила его здесь одного. Однако это состояние быстро прошло, рассудок вернулся, принеся с собой еще какие-то факты из прошлого.

Пол Фентон служил в военно-воздушных силах, и несколько лет, пока строилась Станция, водил космические корабли. Когда Станция была построена, он попросился сюда на постоянную работу. Огромная, мощная Станция стала его жизнью. В этом не было ничего удивительного. Она должна была навсегда покончить с угрозой войны. Благодаря ей люди получали возможность направить свои силы на покорение космоса, вместо того, чтобы воевать друг с другом. Она открывала путь к полному торжеству человеческого разума — к тому идеалу, за который боролся Фентон и все его поколение.

Отсек за отсеком прошел Пол по примолкшей Станции, но всюду было одно и то же. Дверь в большой приборный отсек была закрыта, и он решил попасть сюда кружным путем, тем более что зрелище смерти больше не вызывало в нем дурноты.

Теперь его страшила мысль о полном одиночестве и необходимости удерживать себя от анализа причин катастрофы. Он был не в силах думать об этом.

В противоположном конце Станции разрушения были малозаметны: дальность расстояния, очевидно, смягчила удар. Появилась надежда найти здесь людей. Но Фентону никто не попадался, видимо, их отвлекло что-то еще до катастрофы.

Вдруг он наткнулся на мертвеца. Пуля, пробившая голову, валялась в шести дюймах от трупа. Это не было самоубийством — оружие отсутствовало.

Несколько дальше Фентону попались еще два трупа — мужской, в рабочем кресле, и женский — в цистерне с какой-то жидкостью. Оба покойника были застрелены.

Пол толкнул дверь в приборный отсек.

— Капитан Эллистер! Лейтенант Морган!

Они сидели на своих местах, но ответить не могли, так как пули застигли их за работой. Были здесь и трупы, все изрешеченные автоматной очередью.

Фентон вновь почувствовал, что теряет рассудок; повязка больно стиснула голову, и он, тихонько всхлипывая, поднял руку.

— Сью! Сью! Сюзи, прогони их...

Сюзи ушла — сегодня она была свободна от работы. А соседские мальчишки швыряли в него камнями. Скверные были мальчишки...

Он пришел в себя резко, сразу. Одна рука царапала дверь, другая сжимала сорванную с головы повязку. Фентон получил контузию, когда возвращался на Станцию с последней партией бомб и в спешке не рассчитал скорость. Должно быть, он стукнулся головой, но ничего страшного не случилось, хотя, помнится, он орал от боли, пока ему не сделали инъекцию успокоительного. Те бомбы...

Он был близок к тому, чтобы вспомнить остальное, но тут до него донесся крик, совсем слабый, но отчаянный.

Крикнув в ответ, Фентон побежал по туннелю, опоясывавшему гигантскую Станцию, в том направлении, откуда раздался крик. Сердце бешено колотилось, и в душу закрадывался страх перед возможностью наскочить на человека с автоматом.

Крик повторился. Он доносился с центра Станции и был мало похож на человеческий, скорее крик раненого или умирающего животного.

Фентон добежал до комнаты, бывшей крохотным лазаретом, и осторожно вошел в палату. Спеленутая так же, как он, и с такой же трубкой на руке, корчилась в агонии девушка. Лицо ее было перекошено, из открытого рта вырывался непрерывный стон.

— Марта! — Фентон подался вперед и замер. Когда-то это была Марта Грейвз, теперь же от нее осталась лишь оболочка. Слишком долгая работа в радиоактивной лаборатории вызвала злокачественную опухоль, растущую невероятно быстро. Доктору пришлось оперировать прямо здесь и вместе с опухолью удалить почти весь мозг гениального физика, сохранив низшие отделы, регулирующие чисто физиологические функции организма. С ближайшим кораблем Марта должна была покинуть Станцию.

Фентон бросился в камбуз. Глотая слюну, он схватил что попалось под руку из непортящихся продуктов и тубу с водой.

От запаха пищи изо рта несчастного создания потекла слюна. Захлебываясь, Марта жадно высосала воду и проглотила немного пищи. Стоны умолкли, и через несколько минут она спокойно спала.

Пол осторожно выдернул иглу из ее руки и немного постоял в нерешительности. Затем, разыскав в аптеке спирт, он наполнил им тубу и бережно протер тело Марты губкой. Дважды, пока он перепеленывал ее, Марта просыпалась, но тут же засыпала снова.

Когда он вышел из палаты, его стошнило. Теперь до него окончательно дошел весь ужас положения. Он остался один. Кроме него и существа, которое нельзя было назвать человеком, не было ни одной живой души — возможно, во всем мире. Иначе грузовым судам давно пора быть здесь.

Мысль о гибели мира подсознательно зародилась в нем еще тогда, когда он выполнял обязанности сиделки по отношению к несчастной девушке. Сейчас его поразило, что он так спокойно подумал о конце мира и почти смирился с этой мыслью.

Одним прыжком Фентон достиг наружного шлюза. До сих пор он не собирался проверять его. Красный сигнал у люка показывал, что воздух наполовину вышел. Должно быть, люк пострадал во время катастрофы, но сработавший автоматически аварийный клапан приостановил утечку воздуха.

Фентон разыскал скафандр и выбрался наверх, переведя управление с автоматического на ручное. Здесь было хуже, чем внизу. Очевидно, лопнул весь наружный шов Станции. Пол выбрался в большую бухту, рассчитанную на хранение пятисот водородных бомб, которые, однако, никогда не должны были пускаться в ход, а предназначались лишь для того, чтобы препятствовать возникновению новых войн самим своим существованием. Здесь, видимо, сложены и те бомбы, которые он доставил с грузового корабля. Сколько их было? Он не знал. Однако от всего запаса остались лишь последние крохи. Рука одного из мертвецов сжимала чеку, так и не успев сбросить на Землю новую бомбу.

А внизу размеренно вращался голубовато-зеленый гигантский шар. Фентон не знал, остался ли прежним, равным двум часам, период вращения Станции вокруг этого шара? Вероятно, если и изменился, то незначительно. При всех обстоятельствах ничто и никогда не остановит Станцию, которая вечно будет продолжать свой путь по орбите.

Взгляд его задержался на светлом пятнышке, выделявшемся на затемненной половине Земли. Оно казалось малюсеньким, но было крупнее и ярче всего, что виделось на таком расстоянии. Так мог выглядеть только объятый пламенем город.

Фентон стоял и смотрел, не желая примириться с единственным логическим объяснением. Все-таки невозможное случилось! Война, так долго висевшая угрозой над человечеством, в конце концов разразилась! Люди пошли против людей, государство с ядерными бомбами — против государства с бактериологическим оружием! А чтобы Станция не могла этому помешать, Земля прежде всего напала на Станцию. Вот и объяснение всему происходящему. Даже здесь, внутри Станции, нашелся изменник, расстрелявший сотрудников из автомата. Фентон вспомнил Питера Олина, главного механика, десять лет проработавшего на Станции. Он, должно быть, давно готовил свое

Рисунок Олега ТУРКОВА

предательство. Сначала он напал на командиров, использовав элемент внезапности, затем стал уходить, убивая всех, кто попадался на его пути. В грохоте стрельбы Питер не услышал нового грозного шума. Огромный, управляемый снаряд, выпущенный, возможно, хозяевами изменника, поразил его одновременно с теми, кого он предал.

— Почему? — заорал Фентон.— Почему?

Он разрыдался, и собственные рыдания звучали в его ушах, пока он возвращался в приборный отсек. Вера и надежда не оправдались — вера в спасение мира и надежда на это сооружение из металла.

Мысли были горькие и все время путались, но Фентон сумел взглянуть фактам в лицо. Станция погибла, а человечество вернулось назад в джунгли, вместо того чтобы лететь к звездам.

Медленно, но без страха перед тем, что придется увидеть, Пол подошел к экрану, позволявшему рассмотреть место, на которое направлен телескоп. Некоторое время он возился с ручками, настраивая прибор, потом постоял минуту, глядя на плывущую высоко над ним Луну.

Люди были близки к тому, чтобы освоить ее. И он надеялся участвовать в этом деле. Теперь оно стало невозможным.

Он посмотрел вниз, на город, скрытый тонкой дымкой облаков. Кое-что все же можно было разглядеть. Но это кое-что оказалось огромной грудой пепла. На пятьдесят миль вокруг простиралась опустошенная, ставшая непригодной для жизни земля.

По мере движения Станции он переводил телескоп с одного города на другой, и наконец ему попалось несколько городов, разрушенных не столь основательно. Должно быть, здесь применили старомодные атомные бомбы, но и их оказалось достаточно...

Он опустил ручки телескопа, и им овладело вдруг тупое безразличие, которому Пол был даже рад. В аптеке найдется какой-нибудь яд...

Медленно поднявшись, Фентон приготовился выключить экран и замер. Он увидел движущиеся точки. Бросившись в кресло, он постарался увеличить масштабность изображения. Станция была как раз над Африкой, следовательно, движущиеся точки были какими-то крупными животными. Но...

На экране появилась еще точка, движущаяся более быстро. Самолет! Вглядевшись внимательнее, Фентон убедился, что точки внизу движутся по прямым. Скорее всего это автомобили! Жизнь продолжалась.

Дрожащими пальцами Фентон потянулся к радиопередатчику и стал наугад менять диапазоны. С минуту царила тишина. Потом появились слабые потрескивания, он услышал азбуку Морзе и схватил микрофон. Передатчик не включался, а сигнал был на незнакомом языке. «Давно пора установить понятный для всех способ общения»,— подумал Фентон, раскрыл передатчик и потряс его. Тщетно. Одна электронная лампочка не светилась. Он пошарил в ящике под столом, надеясь найти сохранившиеся запасные детали. Ему посчастливилось: он нашел нужную лампочку, заменил перегоревшую, и передатчик заработал. Теперь пропала морзянка. Видимо, Станция вышла из зоны приема. Но это уже не имело значения. Главное, на Земле остались живые люди. Погибли города, наука, цивилизация, но человечество живет и будет жить. И он, Фентон, как всякий, знающий хорошо свое ремесло, понадобится Земле.

Может быть, это поколение мало что успеет сделать. Но оно окажет помощь в восстановлении разрушенного мира, и будущие возрожденные поколения устремятся все-таки к звездам. После столь горького урока, едва не окончившегося гибелью всего живого на Земле, войн, конечно, никогда больше не будет.

Фентон понимал, что у него реакция после перенесенной депрессии, но его рассуждения не были лишены смысла. Он ведь мог вернуться. На станции сохранился небольшой спасательный корабль, заправленный горючим. И места на корабле могло хватить для многих вещей — неизвестно ведь, в чем испытывают особую нужду на Земле. Контейнеры с кислородом погибли. Зато осталось вдоволь растений, выращенных на гидропонической основе. Они даже надежнее. С их помощью человек может долгое время жить в герметически закрытом корабле.

Фентон встал и направился в грузовой отсек.

За то время, пока он нагружал корабль до предела, реальность понемногу стала вытеснять его неоправданный оптимизм. Факт, что часть людей осталась жива, не уменьшал их вины за страшные злодеяния и, конечно, не приближал их к звездам. Мало-помалу отвращение и ужас вновь начали овладевать Фентоном. Сможет ли человек забыть столь жестокий урок, о котором ему очень долго будут напоминать руины городов? В таком мире жизнь будет горькой, полной кошмаров. Но когда-нибудь, в далеком будущем, потомки Фентона смогут с гордой улыбкой взирать на Землю с Луны.

Фентон закончил погрузку и прошел назад по разрушенной Станции. Воздух с каждой минутой становился все тяжелее от запаха разложения. Поравнявшись с трупом Питера Олина, Фентон отвел глаза. Когда-нибудь придется отдать себе отчет, что его раса породила и такого предателя, когда-нибудь, но не сейчас...

В последний раз память попыталась увлечь его назад, к детству, но он не поддался и решительно прошел мимо трупа. Это было прошлое. А жить отныне надо только для будущего!

Он опять зашел в приборный отсек: внезапно появилась потребность услышать человеческий голос. Станция за это время совершила виток вокруг Земли и прошла немного дальше. Сейчас она находилась над Америкой, значит, он услышит родной язык. Фентон вытер вспотевшие руки и взял микрофон.

— Вызываю Землю! Вызываю Землю! Говорит Космическая Станция! Отвечайте, Земля! Я в этом деле новичок, поэтому повторяйте ответ, пока настроюсь на вашу волну. Космическая Станция вызывает Землю.

Прошло несколько секунд, и в наушниках раздался ответ:

—...не понимали. Проклятие! Некоторые бомбы прошли мимо цели! Мы потеряли девяносто пять процентов! Дела плохи. Но этим подонкам пришлось еще хуже. Лучше, если вы приземлитесь возле меня... я укажу место. Кое-кто очень зол на вас, ребята, за то, что вы все это затеяли. Если у вас остались бомбы, прежде чем покинуть Станцию, задайте им перцу! Космическая Станция, задайте им...

Фентон повернул настройку, и в уши ворвалась серия воплей. Из всей этой истерической чепухи он понял, что от него требуют захватить все культуры, имеющиеся в биологической лаборатории.

— Хоть по одному микробу! У вас там много нераспознанных,— неистово повторял голос.— Захватите их, а мы разберемся, что может пригодиться. Мы должны напасть первыми! Мы должны...

Пальцы Фентона отчаянно вертели настройку по всем диапазонам. Спасения не было. Наконец он услышал резкий щелчок мощного пеленгатора. Это могла быть только официальная радиостанция.

—...Временный главный штаб Космической Станции. Отвечайте! Отвечайте! — кричал осипший голос человека, бессменно работающего на протяжении суток.

— Я понял вас, генеральный штаб,— откликнулся Фентон, испытывая облегчение от того, что там, внизу, еще существует какая-то организация.

Голос заговорил быстро и четко:

— Хорошо. Мы вызываем вас уже несколько суток. Думали, что эти проклятые ракеты прикончили всех. Вы можете управлять... нет, не надо. У меня для вас приказ. По нашим расчетам, девятнадцать бомб у вас еще осталось. Передаю цели... и, бога ради, не мажьте, как в прошлый раз! Итак, первая цель... слушайте внимательно, повторять не буду... первая цель...

Фентон выключил радио и медленно поднялся. Он вышел из приборного отсека, прошел мимо покойников, погибших от пуль Олина, и мимо самого Олина, мимо трупов тех, кто погиб при взрыве. Вид смерти больше не волновал его. По сравнению с тем, что сохранилось на Земле, смерть ничего не стоила.

Пол уверенно повторил прежний путь, нашел скафандр и, надев его, вышел через наружный шлюз. Бомбы были на прежнем месте, и не девятнадцать, а двадцать. Рядом с бомбами лежали трупы людей, которые прибыли сюда, чтобы повести человечество к звездам, а умерли из-за того, что Землей продолжала править ненависть.

На Земле были только враги, ничему не научившиеся и желающие завершить бактериологическим оружием то, чего не сумели сделать бомбами.

Фентон наткнулся на труп старого ученого, которого хорошо знал. Этот человек работал над проблемой лечения рака и был уже близок к успеху. Фентон перекрестил каждую из двадцати бомб и одну за другой сбросил на Землю. Где-нибудь они взорвутся. Все равно где. Люди отправили в космос своих послов смерти, теперь послы возвратятся домой... Пройдет время, человечество вновь двинется вперед. А сейчас люди скорее всего начнут объединяться против Станции, которую сочтут общим врагом.

Пола Фентона это уже не волновало.

Он спустился в лазарет, чтобы выполнить свой долг по отношению к тому, что осталось от Марты Грейвз, постоял возле нее, держа в руках шприц, затем пожал плечами, отложил шприц и поднял Марту на руки.

У причала Станции стоял наготове космический корабль, способный доставить их в далекую гавань. С их гидропонической фермой и запасами провианта они смогут прожить еще очень долго. А их корабль останется на скрытой от Земли стороне ее спутника вечным памятником погибшей земной цивилизации. Люди, мечтавшие о Луне и построившие Станцию, заслужили памятник.

Пол Фентон остановился внутри корабля, ожидая, пока закроются все люки, и сплюнул себе под ноги.

— Идеалист! — с горечью выбранил он себя.

Когда он включил двигатели и оторвался от Станции, глаза его были обращены к Луне. Земля уходила все дальше, но Фентон на нее не оглянулся...

Перевод с английского
Татьяны ГИНЗБУРГ.

...Вечеринка подходила к концу. Угощение удалось на славу: и спиртное, и мясо на ребрышках, поджаренное на углях, и салат, и особый соус, который приготовила Мег. За стол они сели в пять. Теперь часы показывали полдевятого, уже темнело; при большом количестве гостей настоящее веселье в это время обычно и начинается. Но их было всего пятеро: литературный агент с женой, молодой, недавно прославившийся писатель, тоже с женой, и журнальный редактор, выглядевший гораздо старше своих шестидесяти с небольшим. Редактор пил только минеральную: в прошлом он лечился от алкоголизма, о чем рассказал писателю литагент. Однако все это осталось в прошлом, как, впрочем, и жена редактора, отчего их, собственно говоря, и было пятеро.

Когда на выходящий к озеру участок позади дома писателя опустилась темнота, вместо веселья их охватило какое-то серьезное настроение. Первый роман молодого писателя получил хорошие отзывы в прессе и разошелся большим числом экземпляров. Ему повезло, и, к чести его, надо сказать, он это понимал.

С раннего успеха молодого писателя разговор, приобретя странную, игриво-мрачную окраску, перешел на других писателей, которые заявляли о себе рано, но потом вдруг кончали жизнь самоубийством. Вспомнили Росса Локриджа, затем Тома Хагена. Жена литературного агента упомянула Сильвию Платт и Анну Секстон, после чего молодой писатель заметил, что не считает Платт интересным автором: она покончила с собой не из-за успеха, а скорее наоборот — приобрела известность после самоубийства. Агент улыбнулся.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом,— попросила жена молодого писателя, немного нервничая.

— А что вы думаете о безумии? — игнорируя ее, спросил агент.— Бывали среди писателей и такие, кто сходил с ума от успеха.— Голосом и манерами он немного напоминал актера, продолжающего играть свою роль вне сцены.

Жена писателя собралась снова перевести разговор в другое русло: она знала, что ее мужа интересуют подобные темы, и не только потому, что ему доставляло удовольствие говорить об этом в шутливом тоне. Напротив, он слишком много думал о таких вещах и от этого, может быть, пытался шутить. Но тут заговорил редактор, и сказанное им показалось ей таким странным, что она забыла про свой невысказанный протест.

— Безумие — это гибкая пуля.

Жена агента взглянула на редактора удивленно. Молодой писатель в задумчивости наклонился чуть вперед.

— Что-то знакомое...— произнес он.

— Конечно,— сказал редактор.— Эта фраза, вернее, образ «гибкой пули», взят у Марианны Мур. Она воспользовалась им, описывая какую-то машину. Но мне всегда казалось, что он очень хорошо отражает состояние безумия. Это нечто вроде интеллектуального самоубийства. По-моему, и врачи теперь утверждают, что единственное истинное определение смерти — это смерть разума. А безумие — это гибкая пуля, попадающая в мозг.

Жена писателя поднялась из кресла:

— Кто-нибудь хочет вылить?

Желающих не нашлось.

— Ну, тогда я хочу, раз уж мы собираемся говорить на эту тему,— сказала она и отправилась смешивать себе новую порцию коктейля.

— Как-то, когда я работал в «Логансе»,— сказал редактор,— я получил рассказ. Сейчас, конечно, «Логанс» там же, где «Кольерс» и «Сатердей ивнинг пост», но мы протянули дольше их обоих.— В его

Стивен КИНГ

Бал
о гиб

Рисунки Виталия ФЕДОРОВА

голосе послышались нотки гордости.— Каждый год мы публиковали тридцать шесть рассказов, иногда больше, и каждый год четыре-пять из них попадали в антологию лучших рассказов года. Люди **читали** их. Короче, рассказ назывался «Баллада о гибкой пуле». Написал его человек по имени Рег Торп. Молодой человек такого же примерно возраста, как наш хозяин, и примерно в такой же степени известный.

— Это он написал «Персонажи преступного мира», да? — спросила жена литературного агента.

— Да. Удивительная судьба для первого романа. Отличные отзывы, коммерческий успех и в твердой обложке, и в мягкой, издание Литературной Гильдии, и все такое. Даже фильм оказался неплох, хотя, конечно, с книгой не сравнишь. До книги он просто не дотянул.

— Мне она понравилась,— сказала жена писателя, втягиваясь в разговор против своей воли.— Он что-нибудь еще с тех пор написал? Я читала «Персонажи» еще в колледже, а это было... в общем, было слишком давно.

— Нет, он ничего больше не написал,— сказал редактор.— Кроме того рассказа, о котором я упомянул. Он покончил с собой. Сошел с ума и покончил с собой.

— О-о-о...— устало протянула жена писателя.— Опять **это**.

— Рассказ публиковался? — спросил молодой писатель.

— Нет, но не потому, что автор сошел с ума и покончил с собой. Он так и не попал в печать, потому что сошел с ума и **чуть** не покончил с собой **редактор**.

Агент вдруг встал, чтобы налить себе еще, хотя его стакан был почти полон. Он знал, что летом 1969 года, незадолго до того, как «Логанс» прекратил свое существование, редактор перенес тяжелое нервное расстройство.

— Этим редактором был я,— проинформировал гостей редактор.— В определенном смысле мы с Регом Торпом сошли с ума вместе, хотя я жил в Нью-Йорке, а он в Омахе, и мы никогда не встречались. Книга его вышла за шесть месяцев до этого, и он перебрался в Омаху, чтобы, как говорится, собраться с мыслями. Что произошло с ним, я знаю, потому что иногда вижусь с бывшей женой Рега, когда она заезжает в Нью-Йорк. Она художница, и довольно неплохая. Ей повезло. В том смысле, что он чуть не взял ее с собой.

Агент вернулся и сел на место.

— Теперь я начинаю кое-что припоминать,— сказал он.— Там была замешана не только его жена. Он пытался застрелить еще двоих: один из них совсем мальчишка.

— Верно,— сказал редактор.— Именно этот мальчишка его в конце концов и доконал.

— Мальчишка? — переспросила жена агента.— В каком смысле?

По выражению лица редактора было понятно: он не хочет, чтобы его торопили. Он расскажет все сам, но не будет отвечать на вопросы.

— Свою же часть этой истории я знаю,— сказал он,— потому что я ее прожил. Мне тоже повезло. Чертовски повезло. Интересное явление... эти люди, которые пытаются покончить с собой, приставив к виску пистолет. Казалось бы, самый надежный способ, гораздо надежнее, чем снотворное или перерезанные вены, однако это не так. Когда человек стреляет себе в голову, часто просто нельзя предсказать, что произойдет. Пуля может отлететь рикошетом от черепа и убить кого-то другого. Она может обогнуть череп по внутренней поверхности и выйти с другой стороны. Может застрять в мозгу, сделать вас слепым, но оставить в живых. Можно выстрелить себе в голову из «тридцать восьмого» и очнуться в больнице. А можно выстрелить из «двадцать второго» и очнуться в аду... Если такое место вообще есть. Я лично думаю, что это как раз здесь, на Земле, возможно, в Нью-Джерси.

Жена писателя рассмеялась звонко и, пожалуй, чуть-чуть неестественно.

— Единственный надежный способ самоубийства — это прыжок с очень высокого здания, но таким методом пользуются лишь крайне целеустремленные личности. Слишком уж потом все безобразно. Я это вот к чему говорю: когда вы стреляете в себя, так сказать, гибкой пулей, вы не можете знать заранее, каков будет исход. В моем случае произошло то же самое: я махнул с моста и очнулся на замусоренном берегу. Какой-то водитель лупил меня по спине и так двигал мои руки вверх и вниз, словно ему приказали в двадцать четыре часа привести себя в атлетическую форму, и он принял меня за тренажер. Для Рега пуля оказалась смертельной. Он... Однако я начал рассказывать вам свою историю, хотя у меня нет уверенности, что вы захотите ее выслушать.

В сгущающейся темноте он посмотрел на всех вопросительно. Литературный агент и его жена неуверенно переглянулись. Жена писателя собралась было сказать, что на сегодня мрачных тем уже достаточно, но в этот момент заговорил ее муж:

— Я бы хотел послушать. Разумеется, если тебе это не будет неприятно по каким-то личным мотивам...

— Рассказ Торпа пришел, что называется, «самотеком»,— начал редактор,— но в то время в «Логансе» уже не читали незаказанные рукописи. Когда они все же приходили, секретарша просто клала их в конверт с обратным адресом и прикладывала записку примерно с таким текстом: «Из-за возрастающих затрат и отсутствия возможности у редакторского состава справляться с постоянно возрастающим числом предложений «Логанс» рассматривает теперь только заказанные рукописи. Искренне желаем успеха и надеемся, что вам удастся заинтересовать своим произведением кого-то еще». Надо же такую белиберду придумать!

—Короче,— продолжил редактор, доставая портсигар,— рассказ пришел. Девушка, занимавшаяся почтой, достала его, подколола к первой странице бланк с отказом и уже совсем собралась сунуть его в конверт с обратным адресом, когда взгляд ее упал на фамилию автора. «Персонажей» она читала. В ту осень все читали эту книгу, либо ждали очереди в библиотеке, либо рылись по книжным полкам в аптеках, ожидая, когда она выйдет в мягкой обложке.

Жена писателя, заметив мимолетное беспокойство на лице мужа, взяла его за руку. Тот ответил ей улыбкой. Редактор щелкнул золотым «Ронсоном», чтобы прикурить, и при вспышке пламени в сгущающейся темноте всё они заметили, какое старое у него лицо: висящие, словно из крокодиловой кожи, мешки под глазами, испещренные морщинками щеки, по-старчески торчащий подбородок, похожий на нос корабля. «И этот корабль,— подумалось писателю,— называется «Старость». Никто особенно не торопится в плавание на нем, но каюты всегда полны. И палубы, если уж на то пошло».

Огонек зажигалки погас, и редактор в задумчивости затянулся сигаретой.

— Девушка, которая прочла рассказ, вместо того чтобы отправить его обратно, теперь редактор в «Патнамз Санз». Как ее зовут, сейчас не важно. Важно то, что на большой координатной сетке жизни вектор этой девушки пересекся с вектором Рега Торпа в отделе корреспонденции журнала «Логанс». Ее вектор шел вверх, его — вниз. Она отправила рассказ своему боссу, тот передал его мне. Я прочитал, и мне понравилось. Чуть длиннее, чем нам нужно, но я уже видел, где можно без ущерба сократить пять сотен слов, и этого вполне бы хватило.

— О чем рассказ? — спросил писатель.

— Об этом можно было бы и не спрашивать,— ответил редактор.— Его содержание отлично вписывается в мою историю.

— О том, как сходят с ума?

— Вот именно. Чему первым делом учат в колледжах обучающихся писательскому ремеслу? Пишите о том, что знаете. Рег Торп писал об этом, потому что сходил с ума. И мне, возможно, рассказ понравился, потому что я двигался в том же направлении. Вы можете, конечно, сказать, что меньше всего читающей публике нужен рассказ на тему «В Америке мы сходим с ума со вкусом». Популярная тема в литературе двадцатого века. Все великие писали на эту тему, и все писаки заносили над ней топор. Но рассказ был смешной. Я хочу сказать, просто уморительный.

Никогда раньше я не читал ничего похожего, и позже тоже. Ближе всего, может быть, стоят некоторые рассказы Скотта Фитцджеральда... и «Гэтсби». В рассказе Торпа его герой сходит с ума, но сходит очень забавным образом. Вас не оставляет улыбка, когда вы доходите до парочки мест — самое лучшее из них, где герой выливает белила на голову одной толстой девице,— и тогда вы просто смеетесь в голос. Но, знаете, смех такой... нервный. Смеетесь, а сами поглядываете через плечо: не подслушивает ли кто. Строчки, создающие это напряжение, исключительно хороши: чем больше вы смеетесь, тем больше нервничаете. И чем больше нервничаете, тем больше смеетесь... до того самого момента, когда герой возвращается домой с приема, устроенного в его честь, и убивает жену и дочь.

— А каков сюжет? — спросил агент.

— Это не имеет значения,— ответил редактор.— Просто рассказ о молодом человеке, который постепенно проигрывает в сражении с успехом. Детальный пересказ сюжета просто скучен.

ада
кой пуле

Короче, я написал ему: «Дорогой Рег Торп, я только что прочел «Балладу о гибкой пуле» и думаю, что рассказ великолепен. Хотел бы опубликовать его в «Логансе» в начале будущего года, если Вас это устроит. Что Вы скажете о 800 долларах? Оплата сразу по соглашению. Почти сразу».

Редактор снова проткнул вечерний воздух своей сигаретой.

— Новый абзац: «Рассказ немного великоват, и я хотел бы, чтобы Вы сократили его примерно на пятьсот слов, если это возможно. Я даже соглашусь на две сотни: мы всегда можем выкинуть какую-нибудь карикатуру». Абзац. «Позвоните, если захотите». Подпись. И письмо пошло в Омаху.

— Вы все помните слово в слово? — спросила жена писателя.

— Всю нашу переписку я держал в специальной папке,— сказал редактор.— Его письма, копии моих. К концу их набралось довольно много, включая и три или четыре письма от Джейн Торп, жены Рега. Я часто их перечитывал. Безрезультатно, конечно. Пытаться понять гибкую пулю — это все равно что пытаться понять, почему у ленты Мебиуса только одна сторона. Просто так уж устроен этот лучший из миров... Да, я действительно помню все слово в слово. Почти все. Есть же люди, которые помнят наизусть «Декларацию Независимости».

— Готов спорить, он позвонил на следующий же день,— сказал агент, ухмыляясь.

— Нет, не позвонил. Вскоре после выхода «Персонажей преступного мира» Торп вообще перестал пользоваться телефоном. Это сказала мне его жена. Когда Торпы переехали из Нью-Йорка в Омаху, они даже не устанавливали в новом доме аппарат. Он, понимаете ли, решил, что телефонная сеть на самом деле работает не на электричестве, а на радии. Считал, что это один из нескольких наиболее строго охраняемых секретов в истории человечества. Он уверял, жену в том числе, что именно радий ответственен за растущее число раковых заболеваний, а вовсе не сигареты, выхлопные газы и промышленные отходы. Мол, каждый телефон содержит в трубке маленький кристалл радия, и каждый раз, когда вы пользуетесь телефоном, ваша голова наполняется радиацией.

— Пожалуй, он действительно свихнулся,— сказал писатель, и все рассмеялись.

— Он ответил письмом,— продолжал редактор, отшвыривая окурок в сторону озера.— В письме говорилось: «Дорогой Генри Уилсон (просто Генри, если не возражаете), Ваше письмо меня взволновало и обрадовало. А жена, пожалуй, была рада даже больше меня. Деньги меня устраивают, хотя, признаться, публикация на страницах «Логанса» — уже вполне адекватное вознаграждение (но деньги я, разумеется, приму). Я просмотрел Ваши сокращения и согласен с ними. Думаю, они и рассказ сделают лучше, и сохранят место для карикатур. С наилучшими пожеланиями, Рег Торп».

После его подписи стоял маленький рисунок, скорее даже что-то просто начириканное, глаз в центре пирамиды, как на обратной стороне долларового банкнота. Только вместо «Novus Ordo Seclorum» внизу были слова «Fomit Some Fornus».

— Или латынь, или какая-то шутка,— сказала жена агента.

— Просто свидетельство растущей эксцентричности Рега Торпа,— сказал редактор.— Его жена поведала мне, что Рег уверовал в каких-то маленьких человечков, что-то вроде эльфов или гномов. В форнитов. Для него это были эльфы удачи, и он считал, что один из них живет в его пишущей машинке.

— О господи,— вырвалось у жены писателя.

— По Торпу, у каждого форнита был маленький приборчик наподобие пистолета-распылителя, заполненный... Видимо, можно сказать, порошком удачи. И этот порошок удачи...

— ...называется «форнус»,— закончил за него писатель, широко улыбаясь.

— Да, его жена тоже думала, что это забавно. Вначале. Форнитов Торп придумал двумя годами раньше, когда планировал «Персонажей преступного мира», и поначалу она думала, что Рег просто над ней подшучивает. Может быть, когда-то так оно и было. Но потом выдумка развилась в суеверие, потом в непоколебимую веру. Я бы это назвал... гибкой выдумкой, которая стала в конце концов твердой. Очень твердой.

— В этом деле с форнитами имелись и забавные стороны,— сказал редактор.— В конце пребывания Торпов в Нью-Йорке пишущую машинку Рега очень часто приходилось отдавать в ремонт, и еще чаще она оказывалась в мастерской после их переезда в Омаху. Один раз, когда его собственная машинка была в ремонте, Рег в той же мастерской взял машинку напрокат, а через несколько дней после того, как он забрал свою домой, ему позвонили из мастерской и сказали, что вместе со счетом за ремонт и чистку его машинки Рег получит еще и счет за чистку той, которую он брал на время.

— А в чем было дело? — спросила жена агента.

— Там оказалось полно всяческой еды,— сказал редактор.— Маленькие кусочки тортов и пирожных. На валике и на клавишах было намазано ореховое масло. Рег кормил форнита, живущего в его пишущей машинке. И на тот случай, если форнит успел перебраться, он кормил и машинку, взятую напрокат.

— О боже,— произнес писатель.

— Как вы понимаете, ничего этого я тогда еще не знал. Поэтому я ответил ему и написал, что очень рад его согласию. Моя секретарша отпечатала письмо, принесла его мне на подпись, а потом ей понадобилось зачем-то выйти. Я подписал,— она все не возвращалась. И вдруг — даже не могу сказать, зачем — я поставил под своей фамилией тот же самый рисунок. Пирамиду. Глаз. И «Fomit Some Fornus». Идиотизм. Секретарша заметила и спросила, действительно ли я хочу, чтобы она отправила письмо в таком виде. Я пожал плечами и сказал, чтобы отправляла.

Через два дня мне позвонила Джейн Торп. Сказала, что мое письмо привело Рега в сильное возбуждение. Рег решил, что нашел родственную душу. Кого-то еще, кто знает про форнитов. Видите, какая сумасшедшая получалась ситуация? Тогда для меня форнит мог означать что угодно: от гаечного ключа до ножа для разделки мяса. То же самое касается и форнуса. Я объяснил Джейн, что просто скопировал рисунок Рега. Она захотела узнать, почему. Я, как мог, уходил от ответа: не мог же я ей сказать, что, подписывая письмо, я был здорово пьян.

Он замолчал, и над лужайкой повисла неуютная тишина. Присутствующие принялись разглядывать небо, озеро, деревья, хотя ничего интересного там за последнюю минуту-две не прибавилось.

— Я пил всю свою взрослую жизнь и едва ли смогу сказать, когда начал терять контроль над этой страстью. Я начинал пить во время ленча и возвращался в редакцию «на бровях», однако там я работал безупречно. А вот выпивка после работы — сначала в поезде, потом дома,— именно это выбило меня из колеи.

У нас с женой и так хватало проблем, но пьянство эти проблемы только усложняло. Жена довольно долго собиралась уйти от меня, и за неделю до того, как я получил рассказ Торпа, она все-таки ушла.

Когда пришел рассказ, я как раз пытался справиться с этим ударом. Пил слишком много. И вдобавок у меня наступило то, что сейчас модно называть «кризисом середины жизни». Тогда, однако, я знал только, что угнетен состоянием моей профессиональной жизни так же, как состоянием личной. Я с трудом справлялся... пытался справиться с растущим ощущением, что редактирование рассказов для массового потребителя, которые будут прочитаны лишь нервными пациентами в стоматологических клиниках, домохозяйками да изредка скучающими студентами — занятие отнюдь не благородное. Я пытался сжиться с мыслью — все мы в «Логансе» пытались,— что через шесть, или десять, или четырнадцать месяцев «Логанса», возможно, уже не будет.

И вот посреди этого серого осеннего ландшафта средневозрастной озабоченности появляется, словно яркий солнечный луч, очень хороший рассказ очень хорошего писателя — забавный, энергичный взгляд на механику сумасшествия. Я знаю, это звучит странно, когда говоришь про рассказ, в котором главный герой убивает жену и маленького ребенка, но вы спросите любого редактора, что такое настоящая радость, и он скажет вам, что это — неожиданно появляющийся блестящий роман или рассказ, приземляющийся на вашем столе, словно большой рождественский подарок. Вы все, наверно, знаете рассказ Ширли Джексон «Лотерея». Он кончается так плохо, как даже нельзя себе представить. Я имею в виду, что там до смерти забивают камнями одну добрую леди. И в убийстве участвуют ее сын и дочь, можете себе представить! Но это великолепный рассказ... Готов спорить, редактор «Нью-Йоркера», который первым его прочел, в тот день ушел домой, насвистывая.

Я все это говорю к тому, что рассказ Торпа стал для меня лучшим, что случилось тогда в моей жизни. Единственным хорошим событием. И из того, что его жена сказала мне в тот день по телефону, я понял, что для Рега мое согласие на публикацию рассказа тоже было единственным хорошим событием за последнее время. Отношения автора и редактора — это всегда взаимный паразитизм, но в нашем с Регом случае этот паразитизм достиг неестественных размеров.

— Давайте вернемся к Джейн Торп,— предложила жена писателя.

— Да. Я в каком-то смысле отвлекся. Она была очень рассержена из-за этих форнитов. Сначала. Я сказал ей, что начирикал символ с пирамидой и глазом под своей подписью, не имея понятия, что это такое, и извинился, если сделал что-то не так.

Джейн подавила свое раздражение и рассказала мне о том, что происходило с Регом. Она, видимо, тревожилась все больше и больше, потому что поговорить ей было совсем не с кем. Родители умерли, а все друзья остались в Нью-Йорке. Рег не пускал в дом никого. Они все, говорил он, или из налогового управления, или из ФБР, или из ЦРУ. Вскоре после переезда в Омаху в их двери постучала маленькая девочка-скаут, продававшая скаутские пирожные для сбора средств. Рег наорал на нее, велел убираться к черту, поскольку он, мол, знает, зачем она здесь, и все такое. Джейн пыталась спорить с ним, заметив, что девочке всего десять лет. На что Рег ответил, что у людей из налогового управления нет ни души, ни совести. И, кроме того, эта маленькая девочка вполне могла быть андроидом. Андроиды якобы не подлежат защите по законам о детском труде. Люди из налогового управления запросто могут подослать к нему андроида — девочку-скаута, набитую кристаллами радия, чтобы выснать, не прячет ли он каких-нибудь секретов, а заодно и напулять в него канцерогенных лучей.

— Боже правый,— произнесла жена агента.

— Жена Торпа ждала дружеского голоса, и мой оказался первым. Я услышал историю про девочку-скаута, узнал о том, как ухаживать за форнитами и чем их надо кормить, услышал про форнус и про то, что Рег отказывается пользоваться телефоном. Со мной она говорила по платному телефону из аптеки, что в пяти кварталах от их дома. Джейн сказала мне, что на самом деле Рег боится не чиновников из налогового управления и не людей из ЦРУ или ФБР. Больше всего его беспокоило, что они — некая анонимная группа лиц, которые ненавидят Рега, завидуют ему и не остановятся ни перед чем, чтобы с ним разделаться,— узнают про форнита и захотят убить его. А если форнит умрет, не будет больше ни романов, ни рассказов, ничего не будет. Чувствуете? Квинтэссенция безумия. Они собираются его прикончить. В конце концов главным пугалом стало даже не налоговое управление, устроившее ему адскую жизнь из-за доходов от «Персонажей преступного мира», а они. Типичная параноидная фантазия. Они хотели убить его форнита.

— Боже, и что ты ей сказал? — спросил агент.

— Попытался успокоить ее,— ответил редактор.— Можете себе представить, я только что после ленча с пятью мартини разговариваю с этой перепуганной женщиной, стоящей в телефонной будке в аптеке в Омахе, и пытаюсь убедить ее, что все в порядке, и она не должна волноваться из-за того, что ее муж верит, что в телефонах полно кристаллов радия или что какая-то анонимная группа подсылает к нему андроидов в обличье девочек-скаутов собирать о нем информацию. Уговариваю не беспокоиться из-за того, что ее муж до такой степени отделил свой талант от собственных способностей, что в конце концов поверил, будто в его пишущей машинке живет эльф.

Я не думаю, что в чем-то ее убедил.

Она просила меня — нет, умоляла,— чтобы я поработал с Регом над его рассказом, чтобы он был опубликован. Она едва-едва не признала, что «Гибкая пуля» — это, может быть, последний контакт Рега с тем, что мы, смеясь, называем реальностью.

Я спросил ее, что мне делать, если Рег снова упомянет форнитов. «Подыграйте ему»,— ответила она. Именно так: «Подыграйте ему»,— и повесила трубку.

На следующий день я нашел в почте письмо от Рега. Пять страниц, отпечатанных через один интервал. В первом абзаце говорилось о рассказе. Он сообщал, что второй вариант продвигается успешно. Предполагал, что сможет убрать семьсот слов из первоначальных десяти тысяч пятисот, доведя объем рассказа до плотных девяти тысяч восьмисот.

Все остальное было про форнитов и форнус. Его собственные наблюдения и вопросы...

— Что ты написал в ответ? — спросил агент.

— Здесь-то и начались все неприятности,— медленно произнес редактор.— Для нас обоих. Джейн попросила подыграть ему, что я и сделал. К несчастью, слишком хорошо. Ответ на его письмо я писал дома, будучи сильно пьяным. Я сидел перед машинкой с заправленным в нее бланком и думал: «Мне нужен форнит. Пожалуй, даже мне нужно целую дюжину форнитов, чтобы они посыпали форнусом весь этот проклятый одинокий дом». В тот момент я был достаточно пьян, чтобы позавидовать помешательству Рега Торпа.

Я написал ему, что у меня, конечно же, тоже есть форнит, удивительно похожий повадками на форнита Рега. Ведет ночной образ жизни. Ненавидит шум, но, кажется, любит Баха и Брамса... Мне часто работается лучше всего после того, как я вечером послушаю их музыку,— так я ему и написал. Написал также, что мой форнит определенно питает слабость к киршнерской колбасе. Пробовал ли Рег кормить своего этим блюдом? Я просто оставляю кусочки около своего синего редакторского карандаша, который беру домой, и наутро они почти всегда исчезают. Разумеется, если предыдущим вечером не было шумно, как Рег и сам заметил. Я поблагодарил его за информацию о радии. Рассказал, что мой форнит живет у меня еще с колледжа. Мое собственное сочинительство так захвати-

лю меня, что я отпечатал почти шесть страниц, добавив в самом конце несколько строк о рассказе, чисто для проформы, и подписался.

— А под подписью?.. — спросила жена литературного агента.

— Разумеется, «Fornit Some Fornus».— Он умолк на секунду.— Вы в темноте не видите, конечно, но я покраснел. Я был тогда жутко пьян и жутко доволен собой... Утром я, возможно, опомнился бы, но к тому времени было уже поздно.

— Ты отправил письмо в тот же вечер? — пробормотал писатель.

— Да, именно. А потом полторы недели ждал затаив дыхание. Наконец получил рукопись, адресованную в редакцию на мое имя, но без сопроводительного письма. Он сократил все, о чем мы договаривались, и я решил, что теперь рассказ просто безукоризнен, но сама рукопись... Я положил ее в свой кейс, отнес домой и перепечатал. Все листы были в странных желтых пятнах, и я подумал...

— Моча? — спросила жена агента.

— Да, я сначала тоже так подумал. Но оказалось, нет. Вернувшись домой, я обнаружил в почтовом ящике письмо от Рега. На этот раз десять страниц. И из его содержания становилось ясно, откуда взялись желтые пятна: он не нашел киршнерской колбасы и попробовал кормить форнита джорданской. Писал, что форниту понравилось. Особенно с горчицей.

В тот день я был более-менее трезв. Но его письмо в сочетании с этими жалкими горчичными пятнами, отпечатавшимися на листах рукописи, заставили меня двинуться прямиком к бару. Как говорится: «Круг не прошел — двести долларов не получаешь. Двигайся прямо в бар» *.

— А что еще он писал? — спросила жена агента. Рассказ все больше и больше завораживал ее. Она наклонилась вперед, перегнувшись через собственный немалых размеров живот в позе, напомнившей жене писателя щенка Снупи **, влезшего на свою будку и изображающего горного орла.

— На этот раз всего два строчки про рассказ. Мол, вся заслуга принадлежит форниту... и мне. Идея с колбасой, мол, просто великолепна. Ракне от нее в полном восторге, и как следствие...

— Ракне? — переспросил писатель.

— Это имя форнита,— ответил редактор.— Ракне. И как следствие, Ракне серьезно помог ему с доработкой рассказа. А все остальное в письме — настоящий параноидный бред. Вы такого в жизни никогда не читали.

— Рег и Ракне... Союз, заключенный на небесах,— произнесла жена писателя, нервно хихикнув.

— Вовсе нет,— сказал редактор.— У них сложились чисто рабочие отношения. Ракне был мужского пола.

— Ладно, расскажи нам, что было дальше в письме.

— Это письмо я наизусть не помню. Для вас же, может быть, лучше. Даже ненормальность начинает через некоторое время утомлять. Рег писал, что их молочник — из ЦРУ. Почтальон — из ФБР: Рег видел у него в сумке с газетами револьвер с глушителем. Люди в соседнем доме просто какие-то шпионы: у них фургон с аппаратурой для слежки. В угловой магазин за продуктами он больше ходить не осмеливается, потому что его хозяин — андроид. Он, мол, и раньше это подозревал, но теперь совсем уверен. Рег заметил перекрещивающиеся провода у него на черепе под кожей в том месте, где хозяин магазина начал лысеть. А засоренность дома радием в последнее время значительно повысилась: по ночам он замечает в комнатах слабое зеленоватое свечение.

Письмо его заканчивалось следующими строками: «Я надеюсь, Генри, Вы напишете мне и расскажете о Вашем отношении (и Вашего форнита) к врагам. Уверен, что контакт с Вами — явление весьма не случайное. Я бы сказал, это спасательный круг, посланный (Богом? Провидением? Судьбой? — любое слово на Ваш выбор) в самый последний момент. Человек не может в одиночку долго сопротивляться тысяче врагов. Но вот наконец узнаешь, что ты не один... Видимо, я не сильно преувеличу, если скажу, что общность происходящего с нами — это единственное, что спасает меня от полного краха. Мне нужно знать, преследуют ли враги Вашего форнита так же, как моего? Если да, то как Вы с ними боретесь? Если нет, то, как Вы думаете, почему? Повторяю, мне очень нужно это знать».

Письмо было подписано закорючкой с девизом «Fornit Some Fornus», потом следовал постскриптум в одно предложение. Одно, но совершенно убийственное: «Иногда я сомневаюсь в своей жене».

Я прочел письмо три раза подряд и по ходу дела «уговорил» целую бутылку «Блэк Велвет». Потом начал раздумывать, что ему ответить. Я не сомневался, что передо мной «крик тонущего о помощи». Какое-то время работа над рассказом держала его на поверхности, но теперь она завершилась. Теперь целостность его рассудка зависала от меня. Что было совершенно логично, поскольку я сам навлек на себя эту заботу.

Я ходил туда-сюда по пустым комнатам. Потом начал выключать все, что можно, из сети. Я был пьян, вы понимаете, а обильное принятие спиртного открывает неожиданные перспективы внушению.

Литературный агент ухмыльнулся, но атмосфера общей неуютной напряженности сохранилась.

— И пожалуйста, помните, Рег Торп был исключительным писателем. Он демонстрировал абсолютную убежденность в том, о чем писал. ФБР, ЦРУ, налоговое управление. Они. Враги. Некоторые писатели обладают очень редким даром писать тем серьезнее и спокойнее, чем больше их беспокоит тема. Стейнбек умел это, и Хемингуэй... И Рег Торп обладал тем же талантом. Когда вы входили в его мир, все начинало казаться очень логичным. И приняв саму идею форнитов, вполне можно было поверить в то, что почтальон действительно держит в своей сумке пистолет тридцать восьмого калибра с глушителем. Или что соседи-студенты на самом деле агенты КГБ с упрятанными в восковых зубах капсулами с ядом, агенты, посланные убить или поймать Ракне любой ценой.

Конечно же, я не поверил в базовую идею. Но мне было так тяжело думать. И я стал выключать из сети все подряд. Сначала цветной телевизор, потому как всем известно, что телевизоры действительно что-то излучают. Я отключил телевизор, и мне показалось, что мои мысли действительно прояснились. Мне стало настолько лучше, что я отключил радио, тостер, стиральную машину и сушилку. Потом я вспомнил про микроволновую печь и отключил ее тоже. Меня охватило настоящее чувство облегчения, когда я вырвал у проклятой твари зубы: у нас стояла печь одного из первых выпусков, огромная, как дом, и, возможно, действительно опасная. Сейчас их экранируют гораздо лучше.

Раньше я просто не представлял, сколько в обычном зажиточном доме вещей, которые втыкаются в стену. Мне привиделся образ здакого зловредного электрического осьминога со змеящимися в стенах электропроводами вместо щупалец, которые соединены с проводами снаружи, идущими к энергостанции, принадлежащей правительству.

Редактор замолчал, отхлебнул минеральной и продолжил:

— И пока я все это делал, мое мышление как бы раздвоилось. В основном я действовал, подчиняясь суверенному импульсу. На свете множество людей, которые ни за что не пройдут под лестницей и не станут открывать зонтик в доме. Есть баскетболисты, которые крестятся перед штрафным броском, и игроки в бейсбол, которые меняют носки, когда игра не клеится. Я думаю, в таких случаях рациональный разум просто играет в стерео-дисбалансе с иррациональным подсознанием. Если бы меня попросили определить «иррациональное подсознание», я бы сказал, что это расположенная в мозгу у каждого из нас маленькая, обитая изнутри мягким матерялом, комната, где стоит только один карточный столик, и на нем нет ничего, кроме револьвера, заряженного гибкими пулями.

Когда вы, идя по улице, сворачиваете, чтобы не проходить под лестницей, или выходите из дома под проливной дождь со сложенным зонтиком, часть вашей цельной личности отделяется, заходит в эту комнату и берет со стола револьвер. Может быть, вы даже держите в голове одновременно сразу две мысли: «Ходить под лестницей безопасно» и «Не ходить под лестницей тоже безопасно». Но как только лестница оказывается позади или когда зонтик открывается — вы снова воссоединяетесь.

— Очень интересная мысль,— сказал писатель.— Я надеюсь, ты не откажешься развить ее чуть дальше. Когда, по-твоему, иррациональная часть личности прекращает баловаться с оружием и приставляет пистолет себе к виску?

— Когда человек начинает писать в газеты, требуя, чтобы лестницы запретили, потому что ходить под ними опасно.

Все рассмеялись.

— Короче, уже не сдерживаемый ничем, я пошел в свой кабинет, напечатал письмо Регу Торпу, вложил его в конверт, наклеил марку и отправил в тот же вечер. На самом деле ничего этого я не помню: слишком был пьян. Но, видимо, я все это действительно сделал, потому что, проснувшись на следующее утро, я обнаружил рядом с пишущей машинкой копию письма, марки и коробку с конвертами. Содержание письма вполне соответствовало тому, что можно ожидать от пьяного. Общий смысл был таков: врагов привлекают не только форниты, но еще и электричество, поэтому, когда ты избавишься от электричества, ты избавишься от врагов. В конце я приписал: «Электричество влияет на то, что ты думаешь об этих вещах, Рег. Интерферирует с ритмами мозга. Кстати, у твоей жены есть кухонный смеситель?»

— Фактически, ты начал «писать письма в газету»,— сказал писатель.

— Да. Это письмо я написал в пятницу вечером. В субботу утром я проснулся около одиннадцати в жутком похмелье и с очень смутными воспоминаниями о том, что это на меня вчера нашло. Втыкая электроприборы в розетки, я ощущал мощные приливы стыда. И еще более мощные приливы, когда я увидел, что написал Регу. Я перерыл весь дом, разыскивая оригинал письма в надежде, что все-таки не отправил его. Но оказалось, что отправил. Остаток того дня я как-то пережил, приняв решение справляться с ударами судьбы, как мужчина, и завязать пить. Я был уверен, что сумею.

В следующую среду пришло письмо от Рега. Одна страница, от руки, почти целиком изрисованная закорючками со словами: «Fornit Some Fornus». А в центре — несколько предложений: «Ты был прав. Спасибо, спасибо, спасибо. Рег. Ты был прав. Теперь все в порядке. Рег. Огромное спасибо. Рег. Форнит чувствует себя отлично. Рег. Спасибо. Рег».

Он получил мое письмо с утренней почтой в понедельник. В полдень он отправился в местную контору энергокомпании и сказал, чтобы они отключили подачу электричества в его дом. Джейн Торп, конечно, закатила истерику. Ее плита работала на электричестве, а кроме того, еще смеситель, швейная машинка, посудомоечно-сушильный агрегат... ну, сами понимаете. К вечеру понедельника, я уверен, она была готова меня убить.

Только поведение Рега убедило ее в том, что я не псих, а чудотворец. Он спокойно усадил ее в гостиной и вполне рационально объяснился с ней. Сказал, будто понимает, что последнее время вел себя несколько странно, и знает, что она беспокоится. Сказал, что без электричества он чувствует себя гораздо лучше и будет счастлив помогать ей по хозяйству, чтобы облегчить хлопоты, которые вызвало отключение электроприборов. Потом предложил заглянуть поболтать к соседям.

— К агентам КГБ с фургоном, набитым радием? — спросил писатель.

— Да, к ним. Джейн это просто ошеломило. Она согласилась пойти, но призналась мне позже, что готовилась к какой-нибудь действительно некрасивой сцене: обвинения, угрозы, истерика. Она даже собиралась уйти от Рега, если он не согласится на профессиональную помощь. В ту среду утром Джейн сказала мне по телефону, что дала себе обещание: электричество — это последняя капля. Еще что-нибудь в том же духе, и она уезжает в Нью-Йорк. Джейн, понятно, начинала бояться. Все менялось так постепенно, почти неуловимо... и она любила его, но даже ее терпению приходил конец. Джейн решила, что, если Рег скажет этим соседям-студентам хоть одно резкое слово, она уйдет. Гораздо позже я узнал, что она окольными путями пыталась получить информацию о том, как оформляется в Небраске отправка на принудительное лечение.

— Бедная женщина,— пробормотала жена писателя.

— Но вечер, однако, прошел блестяще,— сказал редактор.— Рег был обаятелен, как в лучшие свои дни, а если верить Джейн, это значит, очень обаятелен. Она уже года три не видела его таким веселым. Замкнутость, скрытность — все исчезло. Он выпил пива и охотно разговаривал на любые темы, что волновали людей в те сумеречные дни: война, перспективы добровольной воинской службы, беспорядки в городах, законы против марихуаны.

Потом всплыло, что это Рег написал «Персонажей преступного мира», и они все, как выразилась Джейн, «авторопели». Трое из четверых книгу уже читали, и, можете быть уверены, четвертый потом пулей понесся в библиотеку.

Писатель рассмеялся и кивнул. Знакомая ситуация.

— Итак,— сказал редактор,— мы оставим на какое-то время Рега Торпа и его жену без электричества, но гораздо счастливее, чем прежде...

— Хорошо еще, что он печатал не на электрической машинке,— сказал агент.

— ...и вернемся к вашему редактору. Прошло две недели. Кончалось лето. Ваш редактор, конечно, не удержался и несколько раз «разазывал», хотя в целом ему удавалось сохранять респектабельность. Дни шли своим чередом. На мысе Кеннеди готовились отправить человека на Луну. Вышел свежий номер «Логанса» с Джоном Линдсеем на обложке и, как всегда, разошелся плохо. Я сдал заказ на оформление рассказа «Баллада о гибкой пуле»: автор Рег Торп, право первой публикации, предполагаемая дата публикации — январь 1970 года, предполагаемый гонорар — 800 долларов, что в те времена было стандартом для основного произведения в номерах «Логанса».

Потом позвонил мой начальник, Джим Доуган. Не могу ли я заглянуть к нему? Я поднялся в его кабинет к десяти утра, чувствуя себя в лучшем виде и всем своим видом это демонстрируя.

---

* правила игры в «Монополию».— Здесь и далее примечания переводчика.

** персонаж мультипликационного фильма.

Я сел и спросил, чем могу быть полезен. Не буду говорить, что имя Рега Торпа не приходило мне в голову: то, что мы заполучили его рассказ, было для «Логанса» огромной удачей, и кое-кому полагались поздравления. Поэтому можете себе представить, как я был ошарашен, когда он придвинул мне через стол два бланка заказов на приобретение произведений. Рассказ Торпа и повесть Алдайка, которую мы планировали на февраль 1970-го. На обоих стоял штамп «ВОЗВРАТ».

Я взглянул на возвращенные заказы, потом на Джимми. Я ничего не понимал. В полном смысле слова не мог собраться с мыслями и сообразить, в чем тут дело. Что-то мешало. Я оглянулся и увидел маленькую электроплитку. Секретарша Джима Джени приносила ее каждое утро и включала в сеть, чтобы шеф всегда, когда захочет, мог пить свежий кофе. Эта процедура вошла в правило года три или четыре назад. Но в то утро у меня в голове вертелась только одна мысль: «Если эту штуку выключить, я смогу думать. Я знаю, что, если выключить эту штуку, я во всем разберусь».

— Что это, Джим? — спросил я.

— Мне чертовски жаль, Генри, что именно мне приходится тебе об этом сообщать,— сказал он,— но с января 1970 года «Логанс» больше не печатает беллетристику.

У меня началась головная боль. Сначала совсем не сильная, и я вспомнил, что у Джени Моррисон на столе стоит электрическая точилка для карандашей. Потом все эти флюоресцентные лампы в кабинете Джима... Обогреватели. Торговые автоматы в конце коридора. Если вдуматься, все здание целиком работало на электричестве. Я с удивлением подумал, как тут вообще что-то удавалось сделать... И, наверно, в этот момент мне в голову заползла новая мысль. О том, что «Логанс» идет ко дну, потому что никто здесь не может думать в полную силу. А причина этого в том, что редакция размещается в высотном здании, которое работает на электричестве. Все наши мыслительные процессы совершенно искажены. Еще подумал, что, если сюда пригласить медика с машиной для снятия электроэнцефалограмм, она бы выдала совершенно дикие кривые, сплошь состоящие из больших пиковых альфа-ритмов, характерных для злокачественных опухолей в мозгу.

От таких мыслей голова у меня совсем разболелась. Но я сделал еще одну попытку. Я попросил его по крайней мере поговорить с Сэмом Вадаром, главным редактором журнала, чтобы тот разрешил оставить рассказ в январском номере. Хотя бы как символ прощания с беллетристикой в «Логансе». Последний рассказ журнала.

Джимми поигрывал карандашом и кивал. Потом сказал:

— Я попробую, но, знаешь, я не думаю, что из этого что-то получится. У нас есть рассказ автора всего одного романа и рассказ Джона Алдайка, который ничуть не хуже. Может быть, даже лучше, и...

— Рассказ Алдайка не лучше! — не выдержал я.

— Бога ради, Генри, вовсе не обязательно кричать...

— А Я И НЕ КРИЧУ! — заорал я.

Мой кабинет находился этажом ниже. Я сбежал по лестнице, влетел к себе и, включив свет, схватил кейс. Вниз добрался лифтом, но при этом я зажал кейс между ног и затиснул пальцами уши. Помню, три или четыре человека, что ехали со мной в лифте, посмотрели на меня довольно странно.— Редактор сухо, коротко хохотнул.— Они испугались. Посади вас в маленький движущийся ящик с явным психом, вы тоже испугаетесь.

— Что-то не очень правдоподобно,— сказала жена агента.

— Отнюдь. Безумие должно начинаться с чего-то. И если мой рассказ вообще о чем-то — при условии, что про человеческую жизнь можно сказать, что она о чем-то,— тогда это история генезиса безумия. Безумие должно где-то начинаться и куда-то идти. Как дорога. Или траектория пули из ствола пистолета. Я, конечно, отставал от Рега Торпа, но на самом деле тоже уже шагал по этой дороге. Бесспорно.

Куда-то нужно было идти, и я пошел к «Четырем Отцам», к бару на Сорок Девятой. Помню еще, что этот бар я выбрал, потому что там не было ни обильного освещения, ни музыкального автомата, ни телевизора. Помню, как заказал первую рюмку. После этого не помню уже ничего до тех пор, пока не очнулся на следующий день у себя дома в постели. На полу высыхала лужа блевотины, а в простыне, которой я накрывался, зияла огромная прожженная окурком дыра. Видимо, я чудом избежал сразу двух ужасных смертей — не захлебнулся и не сгорел. Хотя вряд ли я что-нибудь почувствовал бы.

— Отключка,— продолжил редактор,— первая в моей жизни настоящая отключка. Это всегда предверие конца: редко кто испытывает подобное много раз. Так или иначе, это вскоре кончается. Любой алкоголик скажет вам, что «отключка» — это совсем не то же самое, что «отруб». Жизнь стала бы гораздо проще, если бы это было так. Но дело в том, что отключаясь, алкаш продолжает что-то делать. Алкаш в отключке ведет себя, словно неугомонный бес. Что-то вроде злокозненного формита. Он может позвонить своей бывшей жене и оскорбить ее по телефону, а может, выехав на противоположную полосу шоссе, врезаться в машину, полную детей. Может бросить работу, украсть что-нибудь в магазине или отдать кому-нибудь свое обручальное кольцо. Одним словом, неугомонный бес.

Я, однако, как потом выяснилось, придя домой, написал письмо. Только не Регу, а себе. И судя по этому письму, написал его как бы не я.

— А кто? — спросила жена писателя.

— Беллис.

— Кто такой Беллис?

— Его формит,— произнес писатель в оцепенении. Тусклый взгляд его, казалось, сосредоточился на чем-то очень далеком.

— Да. Именно,— сказал редактор немного удивленно, потом снова прочел им по памяти то письмо.— «Привет от Беллиса. Твои проблемы вызывают у меня искреннее сочувствие, мой друг, но я хотел бы сразу заметить, что ты не единственный, кому трудно. Мне тоже досталась не самая легкая работа. Я могу посыпать пишущую машинку формусом до конца твоих дней, но нажимать на клавиши придется тебе. Именно для этого Бог создал людей. Так что я сочувствую, но не более того.

Понимаю твое беспокойство по поводу Рега Торпа. Однако гораздо больше меня волнует положение моего брата Ракне. Торп беспокоится о том, что с ним станет, если Ракне его покинет, но лишь потому, что он эгоистичен. С писателями всегда такая беда: они все эгоистичны. Его совсем не волнует что будет с Ракне, если ТОРП покинет его. Или станет el bonzo seco.

Это никогда, видимо, не трогало его чувствительную душу. Но, к счастью, все наши тягостные проблемы имеют одно и то же промежуточное решение, поэтому я напрягаю свои крошечные руки и тело, чтобы предложить его тебе, мой пьяный друг. Ты можешь пожелать узнать окончательное решение, но, уверяю тебя, его нет. Все раны смертельны. Принимай то, что есть. Веревка иногда бывает слабо натянута, но у нее всегда есть конец. Так что благодари судьбу за лишние секунды и не трать время, проклиная последний рывок. Благодарное сердце знает, что в конце концов всем нам висеть.

Ты должен заплатить ему за рассказ сам. Но не своим чеком. Торп, может быть, и страдает серьезным и опасным расстройством ума, но это ни в коем случае не означает глупость».— Редактор произнес это слово по буквам: «Г-л-у-п-п-о-с-т-ь», потом продолжил: — «Если ты пошлешь ему чек от своего имени, он раскусит тебя в пять секунд. Сними со своего счета восемьсот долларов с мелочью, и пусть твой банк откроет для тебя новый счет на имя «Арвин Паблишинг Инкорпорейтед». Дай им понять, что тебе нужны чеки, выглядящие серьезно, по-деловому. Никаких там картинок с пейзажами и прочей ерундой. Выбери друга, которому ты доверяешь, и оформи его сотрассантом*. Когда все будет готово, выпиши чек на восемьсот долларов, и пусть этот друг его тоже подпишет. Потом отправь чек Регу Торпу. На какое-то время это его выручит».

Все. Дальше стояла подпись «Беллис». Но не от руки, а на машинке.

Писатель присвистнул.

— Первое, что я заметил проснувшись, была машинка. Выглядела она так, словно кто-то старался сделать из нее пишущую машинку, принадлежавшую привидению. Днем раньше у меня стоял черный конторский «Ундервуд». Когда же я проснулся — с головой размерами с Северную Дакоту — машинка приобрела странный грязно-серый оттенок. Последние несколько предложений в письме выглядели сжато и бледно. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что моему старому доброму «Ундервуду», по всей видимости, пришел конец. Я попробовал порошок на вкус и двинулся на кухню. На столе стоял вскрытый пакет сахарной пудры с воткнутой в него ложкой. А по дороге от кухни до закутка, где я в те дни работал, сахарная пудра была рассыпана буквально везде.

— Ты кормил своего формита,— сказал писатель.— Беллис оказался сладкоежкой. По крайней мере ты так думал.

— Да. Но даже с такого жуткого похмелья я знал совершенно точно, кто этот формит.

Он начал загибать пальцы.

— Во-первых, Беллис — это девичья фамилия моей матери. Во-вторых, фраза el bonzo seco. Этой фразой мы с братом в детстве обозначали психов. В-третьих — и это самое главное,— написание слова «глупость». Это как раз одно из тех слов, в которых я обычно делаю опечатки. Я как-то работал с одним в высшей степени грамотным человеком, который писал «рефрижератор» через «д» — «рефриджератор» — независимо от того, сколько раз корректор это слово исправлял. Был еще один доктор наук из Принстона, который неизменно писал «женьщина» вместо «женщина».

Жена писателя неожиданно рассмеялась: — Я тоже так пишу.

— Я, собственно, хотел сказать, что опечатки или описки человека — это нечто вроде его письменных отпечатков пальцев. Можете спросить любого корректора, который занимался произведениями одного и того же писателя несколько раз.

Короче, мы с Беллисом были одним лицом. Однако совет он мне дал чертовски хороший. Я решил, что он просто великолепен. Потом я так и поступил. Но тут есть кое-что еще: подсознание, конечно, оставляет свои следы, но в нем живет и совершенно незнакомый человек. Очень странный тип, который знает чертовски много. Я, например, никогда в жизни, как мне казалось, до этого не встречал выражения «сотрассант», однако оно присутствовало в письме, казалось уместным, и позже я узнал, что банки таким термином пользуются.

За трехнедельный период я написал Регу Торпу и его жене по паре писем. Помню, как писал ей, но не ему. Как и письмо от Беллиса, я написал их в периоды «отключки». Но, даже впадая в полную невменяемость, я сохранял свои рабочие навыки, так же как и привычные опечатки. Я ни разу не забыл сделать второй экземпляр под копирку и, очухавшись утром, всегда находил копию где-нибудь рядом с машинкой. Потом читал все написанное, словно письмо от другого человека. Не то чтобы они выглядели письмами сумасшедшего. Нет. То, которое я закончил постскриптумом насчет смесителя, было гораздо хуже. Эти казались... почти здравыми.

В этот короткий период я получал ответные письма, удивительно светлые... Хотя этот солнечный свет казался мне каким-то странным, финальным. Словно... Впрочем, не обращайте внимания. Когда у меня оформится то, что я хотел сказать, я скажу. После.

Рег каждый вечер играл в карты со студентами, жившими по соседству, и к тому времени, когда начали опадать листья, они считали его чуть ли не богом, спустившимся с небес. Если они не играли в карты или во фризби, они разговаривали о литературе, и Рег ненавязчиво помогал им осваивать этот мир. Он взял щенка в местном отделении общества защиты животных и прогуливался с ним каждое утро и каждый вечер, встречаясь с другими соседями. Люди, решившие было, что Торпы — очень странная семья, начали менять свое мнение о них. Когда Джейн предложила нанять прислугу, поскольку справляться с домашним хозяйством без электричества ей оказалось не под силу, Рег сразу же согласился. Его беззаботное отношение к этой идее крайне удивило Джейн. Дело было не в деньгах: после «Персонажей преступного мира» денег им хватало. Дело, по мнению Джейн, было в них. Они, как заявлял ранее Рег, скрывались везде, а что может быть лучше для их агента, чем приходящая прислуга, женщина, которая может ходить по всему дому, заглядывать под кровати, в шкафы и, возможно, даже в ящики письменного стола, если они не заперты или не заколочены накрепко.

Однако он дал ей добро, сказав, что чувствует себя бессовестным эгоистом, потому что не додумался до этого сам раньше, хотя он — Джейн специально об этом упомянула — выполнял почти всю тяжелую домашнюю работу вроде стирки и тому подобного. Рег поставил только одно условие: чтобы эта женщина не смела заходить в его кабинет.

Лучше всего — с точки зрения Джейн — и наиболее обнадеживающе было то, что Рег вернулся к работе, на этот раз над новым романом. Она прочла первые три главы и решила, что они просто великолепны. Все это, сказала она, началось, когда я взял «Балладу о гибкой пуле» для «Логанса»: до того момента он практически ничего не писал. Джейн меня буквально благословляла.

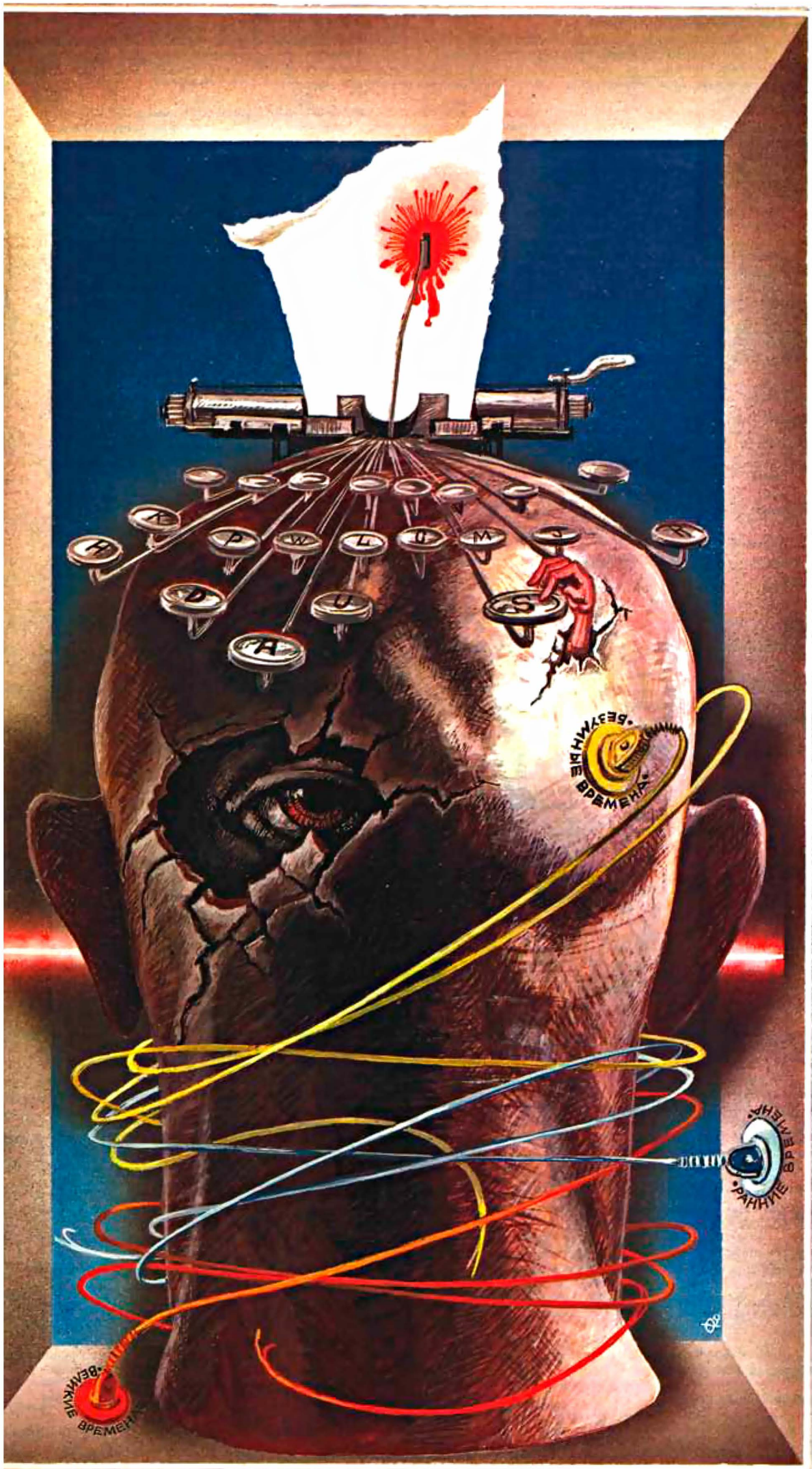
Джейн договорилась с темнокожей среднего возраста женщиной насчет работы по дому, потом решилась на более-менее откровенный разговор о странностях своего мужа. Женщина, которую звали Гертруда Рулин, рассмеялась и сказала, что ей приходилось работать у людей и гораздо более странного поведения. Первую неделю, после того как Рулин приступила к своим обязанностям, Джейн провела примерно так же, как и первый визит к живущим по соседству молодым людям — в ожидании какого-нибудь дикого взрыва. Но Рег очаровал прислугу с такой же легкостью, с какой расположил к себе соседей-студентов: разговаривал с ней о ее работе для церкви, о муже и о младшем сыне Джимми, по сравнению с которым, по словам Гертруды, Грозный Деннис* выглядел просто паинькой. Всего у нее было одиннадцать детей, но между Джимми и предыдущим ребенком прошло девять лет. Справлялась она с ним с трудом.

Рег, казалось, поправлялся. По крайней мере, если смотреть на вещи его глазами. Но на самом деле он оставался таким же сумасшедшим, как и всегда. И я,

---

* лицо, имеющее право снимать со счета деньги и переводить другому лицу наряду с основным вкладчиком.

* герой детской телепередачи.



конечно, тоже. Безумие можно сравнивать с гибкой пулей, и любой специалист по баллистике скажет вам, что двух одинаковых пуль не бывает. В одном из писем ко мне Рег рассказал немного о новом романе, потом сразу перешел к форнитам. К форнитам вообще и к Ракне в частности. Рассуждал о том, действительно ли они хотят захватить их и подвергнуть исследованиям. Письмо заканчивалось словами: «С тех пор как мы начали переписываться, мое отношение к жизни заметно улучшилось. Возрос и мой интерес к ней. Я очень это ценю, Генри. Очень признателен тебе. Рег». А ниже постскриптум с неназойливым вопросом: определили ли мы уже художника-иллюстратора для работы над его рассказом? Вопрос вызвал у меня очередной приступ вины и острую необходимость оказаться рядом с домашним баром...

Рег помешался на форнитах, я — на электричестве.

В моем ответном письме форниты упоминались только мельком: к тому времени я действительно подыгрывал Регу, по крайней мере в этом вопросе. Эльф с девичьей фамилией моей матери и мои собственные опечатки волновали меня мало.

Но с течением времени я все больше и больше начинал интересоваться электричеством, микроволнами, радиочастотами, воздействием радиоволн, излучаемых бытовыми электроприборами, микродозами радиационного излучения и бог знает чем еще. Я пошел в библиотеку и набрал книг на эти темы. Еще несколько книг купил. Обнаружил там массу пугающей информации... Конечно, именно эту информацию я и искал.

Я распорядился, чтобы у меня сняли телефон и отключили электричество.

Когда я получил письмо от Джейн Торп, где она писала про новое «открытие» Рега — фольгу, одна часть моего разума восприняла сообщение как еще один признак безумия Рега, и эта часть знала, что я должен отнестись к новому факту так, словно я целиком понимал правоту Джейн. Другая же часть — к тому времени гораздо большая — подумала: «Замечательная идея!» И на следующий день я закрыл в своей квартире розетки фольгой. Это я-то, который, как вы помните, в принципе помогал Регу Тропу. В некотором смысле это даже забавно.

В ту ночь я решил уехать из Манхэттена. Я мог поехать в старый семейный дом в Адирондаксе, и эта мысль показалась мне удачной. Единственное, что удерживало меня в городе,— это рассказ Рега Торпа. Если «Баллада о гибкой пуле» служила Регу своего рода спасательным кругом в водах безумия, то тем же самым она стала и для меня: я хотел поместить ее в хороший журнал. Сделав это, я мог бы уехать.

Таково было состояние бесславной переписки Уилсона и Торпа к тому моменту, когда все действительно пошло вразнос. Мы с ним сильно напоминали двух умирающих наркоманов, обсуждающих сравнительные достоинства героина и транквилизаторов. У Рега завелись форниты в пишущей машинке, у меня — в стенах, и у обоих у нас форниты завелись в голове.

Он замолк, погасил сигарету и взглянул на часы. Затем, словно проводник, объявляющий о прибытии поезда в какой-то значительный город, сказал:

— А теперь — необъяснимое.

Именно эта часть рассказа больше всего интересовала двух психиатров и других сотрудников клиники, с которыми я общался в течение последующих тридцати месяцев своей жизни. Собственно говоря, они добивались отречения только от этой части, что доказывало бы им мое выздоровление. Как сказал один из них: «Это единственный эпизод истории, который не может быть объяснен. После, разумеется, восстановления вашей способности здраво рассуждать». В конце концов я отрекся, потому что знал — врачи тогда этого еще не знали,— что **действительно** выздоравливаю, и мне с невероятной силой хотелось поскорее вырваться из клиники. Мне казалось, что, если я не выберусь оттуда вовремя, я снова свихнусь. И я отрекся — Галилей тоже так поступил, когда его пытали огнем,— но я никогда не отрекался внутренне. Я не стану говорить, что события, о которых я хочу сейчас рассказать, действительно произошли. Скажу только, что я до сих пор в это верю.

Итак, друзья мои, необъяснимое!

Последние два дня я проводил в сборах. Кстати, мысль о том, что придется вести машину, не волновала меня нисколько. Будучи еще ребенком, я вычитал где-то, что машина — это самое безопасное место во время грозы, потому что резиновые шины являются почти идеальным изолятором. Я ждал, когда наконец заберусь в свой старенький «шевроле», закрою все окна и покину этот город, который начал казаться мне сплошным заревом огней. Однако, готовясь к отъезду, я вывинтил лампочку под крышей салона, залепил гнездо изолентой и вывернул регулятор мощности фар до упора влево, чтобы перестала светиться приборная панель.

Когда я вернулся домой, чтобы провести последнюю ночь в квартире, там не оставалось уже ничего, кроме кухонного стола, кровати и пишущей машинки. Машин-

ка стояла на полу. Я не собирался брать ее с собой: слишком много недобрых воспоминаний она у меня вызывала, и, кроме того, у нее постоянно заедали литеры. «Пусть она достанется следующему жильцу,— подумал я.— Она и Беллис тоже».

Солнце садилось, и всю квартиру заливало удивительным светом. Я уже довольно сильно набрался, а в кармане пальто лежала еще одна бутылка. На ночь. Я вышел из своего закутка, направляясь, кажется, в спальню. Там я, наверно, сел бы на кровать и думал бы о проводах, электричестве и радиации, наливаясь все сильнее, пока не напился бы до такого состояния, когда смог бы наконец уснуть.

То, что я называю «закутком», на самом деле было самой лучшей во всей квартире жилой комнатой с видом на запад до самого горизонта, а это для квартиры на пятом этаже в Манхэттене почти чудо. Почему я, собственно, и выбрал эту комнату для своего кабинета. Не удивляясь чуду, я просто наслаждался им. Комнату даже в дождливые дни наполнял чистый, радостный свет.

Но в тот вечер свет казался мне каким-то странным. От лучей заходящего солнца стены окрасились в красный цвет. Цвет пламени в топке. Пустая комната казалась слишком большой. Звук шагов по деревянному полу отдавался коротким эхом.

Машинка стояла посреди комнаты на полу, и, обходя ее, я вдруг заметил в каретке неровно оторванный кусок бумаги. Я вздрогнул от испуга: когда я последний раз выходил за новой бутылкой, бумаги в машинке не было.

Я начал озираться, решив, что в квартире есть кто-то еще. Взломщик, например. Хотя, признаться, на самом деле я испугался тогда не взломщиков, грабителей или одуревших наркоманов... Я подумал о призраках.

Потом я заметил ободранный участок на стене слева от спальни, и по крайней мере стало понятно, откуда взялась бумага: кто-то просто оторвал кусок старых обоев.

Я все еще смотрел на стену, когда за моей спиной раздалось «клац!». Подпрыгнув, я обернулся и почувствовал, что сердце у меня колотится почти под самым горлом. Испугался я ужасно, но я знал, что это за звук. Никаких сомнений. Когда работаешь со словами всю свою жизнь, звук удара пишущей машинки по бумаге узнается мгновенно, даже в пустой комнате в сумерках, когда некому нажимать на клавиши.

Белые размытые пятна лиц смотрели на редактора из темноты, все сидели молча, чуть сдвинувшись друг к другу. Жена писателя крепко держала своего мужа за руку.

— Я чувствовал, как... реальность ускользает от меня. Может быть, это и положено чувствовать, когда подходишь наконец к границе необъяснимого. Я медленно приблизился к машинке. Сердце продолжало бешено биться у самого горла, но сам я сохранял спокойствие. Ледяное спокойствие.

«Клац!» Мелькнул еще один рычажок. На этот раз я даже заметил, от какой клавиши.

Очень медленно я опустился на колени, но потом мышцы ног у меня как бы обмякли, и я полусел-полуупал перед машинкой. Мое грязное пальто расстелилось по полу, словно юбка девушки, присевшей в глубоком книксене. Машинка быстро клацнула еще два раза, замолчала, потом еще раз. Каждый удар отдавался в квартире таким же коротким эхом, как мои шаги.

Обои были заправлены в машинку стороной с высохшим клеем наружу, и от этого буквы получались морщинистые и бугристые, но я сумел разобрать напечатанное слово — «ракне».

— Тогда...— Редактор прочистил горло и сдержанно улыбнулся.— Даже по прошествии стольких лет мне трудно об этом говорить... Трудно вот так сразу... Впрочем, ладно. Все дело вот в чем: я увидел, как из машинки высунулась рука. Невероятно маленькая рука. Она пролезла между двумя клавишами в нижнем ряду, сжалась в кулачок и ударила по клавише пробела. Каретка сдвинулась на один шаг, издав короткий икающий звук, и рука снова исчезла.

Жена агента пронзительно захихикала.

— Угомонись, Марша,— сказал агент мягко, и она замолчала.

— Удары посыпались чаще,— продолжал редактор,— и через какое-то время мне начало казаться, что я слышу, как это маленькое существо, двигающее рычаги клавишей, пыхтит, словно человек, который выполняет тяжелую работу уже на пределе своих сил. Потом машинка перестала печатать. На большинство литер налип старый обойный клей, но прочесть выдавленные на бумаге буквы мне удалось. Машинка остановилась на «ракне умира», когда следующая литера прилипла к клеевой стороне обоев. Я просто смотрел на нее какое-то время, потом протянул руку и высвободил клавишу. Не уверен, что Беллис смог бы справиться сам с этой задачей. Думаю, нет. Но я не хотел быть свидетелем... его жалких попыток. Одного вида его кулачка мне оказалось достаточно. Наверно, если бы я увидел эльфа, так сказать, целиком, я бы свихнулся тут же. А подняться и убежать я не мог: ноги меня просто не слушались.

«Клац-клац-клац». Крошечные всхлипы и вздохи, кулачок, высовывающийся после каждого слова, чтобы нажать пробел. Я не помню, сколько это продолжалось. Минут семь, может быть. Может, десять. Или вечность.

Но в конце концов клацанье прекратилось, и я понял, что уже не слышу его дыхания. Может быть, он потерял сознание, или просто бросил все и ушел, или умер. От сердечного приступа или еще от чего. Послание его осталось незаконченным. Весь текст состоял из прописных букв: «ракне умирает это все мальчишка джимми торп не знает передай торпу что ракне умирает мальчишка джимми убивает ракне белл».

Я нашел в себе силы подняться на ноги и пошел из комнаты, двигаясь большими шагами на цыпочках, как будто Беллис уснул, и я боялся, что он проснется, если в комнате опять раздастся отдающийся сухим эхом звук шагов по голому полу. Проснется и снова примется печатать. Мне казалось, что я не выдержу и закричу, если услышу хотя бы еще один «клац». И буду кричать до тех пор, пока у меня не разорвется сердце или голова.

Мой «шевроле» ждал на стоянке неподалеку от дома, заправленный, загруженный и готовый в путь. Я сел за руль и вспомнил о бутылке в кармане пальто. Руки у меня тряслись так сильно, что я выронил ее, но она не разбилась, упав на сиденье.

Я вспомнил про отключки, друзья мои, но отключка тогда была как раз то, чего я хотел и что в конце концов получил. Помню, как сделал первый глоток, второй, как повернул ключ зажигания и поймал песню Фрэнка Синатры «Древняя Черная магия», которая, как мне тогда показалось, очень соответствует обстоятельствам. Помню, как пел вместе с ним и прикладывался к бутылке. Машина моя стояла в последнем ряду автостоянки, и оттуда я видел равномерно переключающиеся огни светофора на перекрестке. Я продолжал размышлять о коротких клацающих звуках, раздавшихся в пустой квартире, и тускнеющем красноватом свете, льющемся через окно кабинета. О пыхтении, при воспоминании о котором мне представился эльф-культурист, выполняющий упражнения внутри моей старой пишущей машинки. Снова и снова я видал перед собой шероховатую поверхность оторванного куска обоев с налипшими песчинками. Я невольно представлял, что происходило в квартире до моего прихода... Мысли сами возвращались к воображаемой сцене, показывая, как он, Беллис, подпрыгивает, хватается за оторванный уголок обоев у двери в спальню, потому что в квартире не осталось ничего более, похожего на бумагу, повисает на нем, отрывает в конце концов и несет к машинке на голове, как огромный лист пальмы. Я пытался понять, как ему удалось заправить лист в каретку... Мысли крутились, но отключка не наступала, и я продолжал пить. Фрэнк Синатра кончил петь, пошла реклама, потом Сара Вон запела «Я сяду и напишу себе письмо», и это опять же относилось ко мне потому что совсем недавно я сделал то же самое или по крайней мере я думал что сделал это до сегодняшнего вечера когда случилось нечто заставившее меня изменить свое мнение по этому поводу так сказать и я снова пел вместе со старой доброй Сарой Соул и видимо как раз тогда я достиг «скорости отрыва» потому что в середине второго припева без всякого перерыва меня вдруг начало рвать потом кто-то двинул ладонью мне по спине поднял мои руки за локти и снова отпустил хлопнул ладонью поднял руки и отпустил... Это был шофер грузовика. Каждый раз, когда он бил меня по спине, я чувствовал, как у меня из горла поднимается и тут же собирается упасть обратно огромный глоток жидкости, но в этот момент шофер задирал мои локти вверх, и каждый раз, когда он это делал, меня снова рвало и вовсе не виски, а обычной речной водой. Когда я наконец пришел в себя настолько, что смог поднять голову и оглядеться, было уже шесть часов вечера тремя днями позже, и я лежал на берегу реки Джексон в западной Пенсильвании, примерно в шестидесяти милях от Питтсбурга. Мой «шевроле» торчал багажником из воды, и со своего места я даже мог разглядеть стикер с фамилией Маккарти на заднем бампере... У тебя еще есть минеральная, дорогая? Совсем в горле пересохло.

Жена писателя молча принесла ему стакан воды, и, подавая, она неожиданно для себя наклонилась и поцеловала его в сморщенную, как шкура аллигатора, щеку. Он улыбнулся, и в темноте заблестели его глаза. Это, однако, не обмануло ее: от веселья глаза никогда не блестят именно так.

— Спасибо, Мег.

Он сделал несколько крупных глотков, закашлялся и жестом отказался от предложенной сигареты.

— На сегодняшний вечер мне хватит. Собираюсь совсем бросить. В моем, так сказать, следующем воплощении.

Конец этой истории в общем-то я мог бы не рассказывать. Если и бывает за подобными историями какой грех, так это предсказуемость развязки... В моей машине нашли около сорока бутылок «Блэк Велвет», большинство из них пустые. Я нес что-то про эльфов, электричество, форнитов, плутониевые рудники, форнус и, видимо, казался им совершенно чокнутым. Собственно говоря, я и был совершенно чокнутым.

А вот что произошло в Омахе, пока я колесил, судя по найденным в отделении для перчаток корешкам чеков за бензин, по пяти северо-восточным штатам. Все это, как вы понимаете, я узнал от Джейн Торп в ходе долгого и болезненного периода переписки, закончившегося нашей встречей в Нью-Хейвене, где она теперь живет. Мы встретились после того, как меня в награду за отречение выпустили из клиники. В конце этой встречи мы буквально плакали друг у друга на плече, и именно тогда я поверил в то, что у меня еще будет настоящая жизнь и даже счастье.

В тот день около трех пополудни в дверь дома Торпов постучали. Посыльный с телеграфа принес телеграмму от меня — последний образчик нашей злополучной переписки. Там говорилось: «РЕГ РАСПОЛАГАЮ ДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ ЧТО РАКНЕ УМИРАЕТ ПО СЛОВАМ БЕЛЛИСА ВО ВСЕМ ВИНОВАТ МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИШКА БЕЛЛИС СООБЩИЛ ЧТО ЕГО ЗОВУТ ДЖИММИ FORNIT SOME FORNUS ГЕНРИ».

Если вам в голову пришел классический вопрос: «Откуда я это знал?» — сразу скажу: я знал, что Джейн наняла прислугу, но узнать о ее маленьком чертенке-сыне по имени Джимми я (кроме как через Беллиса) никак не мог. Видимо, вам придется поверить мне на слово, хотя справедливости ради должен добавить, что психоаналитики, работавшие надо мной в течение двух с половиной лет, так мне и не поверили.

Когда принесли телеграмму, Джейн была в бакалейной лавке. Бланк она нашла уже после смерти Рега в заднем кармане его брюк. На нем, кроме времени передачи и доставки, стояла также приписка: «Вручить лично. По телефону не передавать». Джейн сказала, что, хотя прошел всего один день, телеграмма выглядела такой затрепанной, словно она пробыла у Рега целый месяц.

В определенном смысле эти двадцать пять слов и стали той «гибкой пулей», которой я выстрелил прямо в голову Торпу аж из самого Патерсона, штат Нью-Джерси, будучи настолько пьяным, что даже не помнил этого.

Последние две недели своей жизни Рег прожил так, что казалось, будто он сама нормальность. Он вставал в шесть, готовил завтрак себе и жене, потом час писал. Около восьми запирал кабинет, уходил из дома и неторопливо прогуливался с собакой по окрестностям. Вел он себя во время этих прогулок очень общительно, останавливаясь поболтать с каждым желающим; заходил, привязав собаку снаружи, в кафе неподалеку, где выпивал чашечку кофе, потом отправлялся бродить дальше. Раньше полудня он возвращался домой редко, чаще в двенадцать тридцать, а то и в час. Джейн полагала, что отчасти это делалось, чтобы избежать встреч с шумной Гертрудой Рулин, потому что такой распорядок установился у Рега через пару дней после того, как она начала работать в их доме.

Возвратившись домой, он съедал легкий ленч, отдыхал около часа, потом поднимался и писал еще два-три часа. Иногда вечерами отправлялся навестить молодых людей, живущих по соседству, с Джейн или один. А иногда они с Джейн ходили в кино или просто сидели в гостиной и читали. Спать ложились рано, Рег — обычно раньше Джейн. Она писала, что интимная сторона их жизни не отличалась особым богатством, а то редкое, что между ними случалось, как правило, было неудовлетворительно для обоих. «Но секс для большинства женщин не так важен,— писала она,— а Рег снова работал в полную силу, и для него работа служила вполне приемлемой заменой. Я бы сказала, что даже при всех прочих обстоятельствах эти две недели были для нас самыми счастливыми за последние пять лет». Я чуть не плакал, когда читал ее письмо.

Я ничего не знал о Джимми. Но Рег знал. Он знал все, кроме самого главного — что мать Джимми, приходя работать, стала брать мальчишку с собой. В какую, должно быть, Рег впал ярость, когда получил мою телеграмму и начал понимать! Опять они! И его собственная жена определенно одна из них, потому что только она бывала дома, когда там находились Гертруда и Джимми, но ничего ему не сказала. Еще раньше он писал мне в одном из писем: «Иногда я сомневаюсь в своей жене».

Вернувшись домой в тот день, когда пришла телеграмма, Джейн не застала Рега, но на кухонном столе лежала записка от него: «Дорогая, я в книжном магазине. Буду к ужину». Записка совершенно не встревожила Джейн... Хотя, знай она о моей телеграмме, именно ее нормальность, я думаю, испугала бы Джейн до смерти. Она бы поняла, что Рег решил, будто она перекинулась на их сторону.

Рег, однако, и не думал ходить за книгами. Он направился прямиком в оружейный салон «Литлджонс» на окраине города и купил автоматический пистолет сорок пятого калибра и две тысячи патронов. Наверное, он купил бы себе «АК-70», если бы их разрешали продавать в «Литлджонсе». Он собрался защищать своего форнита. От Джимми, от Гертруды, от Джейн. От них.

На следующее утро все происходило в соответствии с установившимся порядком. Джейн, правда, показалось, что Рег надел слишком толстый свитер для такого теплого дня, но она ничего ему не сказала. Свитер Рег надел, разумеется, из-за пистолета, который он, отправляясь гулять с собакой, сунул за пояс брюк.

Все происходило по-прежнему, за исключением того, что Рег дошел только до кафе, где он обычно пил кофе, причем на этот раз он двинулся туда прямиком, не сворачивая и не останавливаясь поболтать. Он отвел щенка к задней двери, привязал поводок к перилам и околицей вернулся к своему дому.

Хорошо представляя себе распорядок дня своих молодых соседей, он заранее знал, что их не будет дома. Кроме того, он знал, где они держат запасной ключ. Открыв дверь и поднявшись наверх, Рег принялся наблюдать за своим домом.

В восемь сорок он увидел, как прибыла Гертруда Рулин. Не одна. С ней действительно был маленький мальчишка. Совершенно неукротимое поведение Джимми Рулина в первом классе почти мгновенно убедило учителя и школьного воспитателя, что для всех будет лучше (кроме, может быть, матери Джимми, которая не отказалась бы отдохнуть от него), если он подождет еще год. Джимми повторно оказался в детском саду, и на первую половину следующего года его записали в послеполуденную смену. Два детских сада в том районе, где жила Гертруда, были переполнены, а договориться с Торпами, чтобы работать у них после полудня, она не могла, так как с двух до четырех работала еще в одном доме на другом конце города.

Джейн без особой охоты, но все же разрешила Гертруде приводить Джимми с собой до тех пор, пока она не сумеет его куда-нибудь пристроить, или пока об этом не узнает Рег, что рано или поздно наверняка случилось бы.

Она думала, что Рег, может быть, не станет возражать: он так мило все воспринимал в последнее время. С другой стороны, с ним мог случиться приступ, и, если это произойдет, Гертруде придется куда-то пристраивать Джимми. Гертруда сказала, что все понимает. «И ради бога,— добавила Джейн,— пусть он ни в коем случае не трогает никакие вещи Рега». Гертруда сказала, что все будет в порядке: кабинет хозяина залерт и останется залертым...

Торп, должно быть, пересек два двора, как снайпер, пробирающийся по ничейной земле. Он видел, что Гертруда и Джейн стирают постельное белье на кухне, но не видел мальчишку. Подобравшись к дому, он двинулся вдоль боковой стены. В гостиной никого... В спальне никого... Джимми оказался в кабинете, где Рег с мрачной уверенностью и ожидал его увидеть. Лицо мальчишки горело от возбуждения, и Рег, видимо, впрямь решил, что перед ним наконец-то их настоящий агент.

Мальчишка держал в руке игрушечный лучемет, направляя его в сторону стола, и Рег слышал, как внутри машинки кричит Ракне.

Вы можете подумать, что я приписываю умершему свои субъективные домыслы, другими словами, выдумываю. Но это не так. С кухни и Гертруда, и Джейн отчетливо слышали завывание пластмассового «космического бластера» Джимми... Он носился с ним по дому, стреляя во все подряд, с самого первого дня, и Джейн с надеждой ожидала, что у него вот-вот сядут батарейки. Звук они узнали безошибочно. И безошибочно определили, откуда он доносится — из кабинета Рега.

Мальчишка был настоящим сорванцом. Знаете такой тип? Если в доме есть комната, куда ему нельзя заходить, то он или попадет туда, или умрет от любопытства. На то, чтобы узнать, что Джейн держит ключ от кабинета Рега на каминной полке в гостиной, у него ушло немного времени. Бывал ли он там раньше? Думаю, да. Джейн припомнила, как она тремя или четырьмя днями раньше дала Джимми апельсин, а потом обнаружила апельсиновую кожуру под маленьким диванчиком в кабинете. Сам Рег апельсины не ел, уверяя, что они вызывают у него аллергию.

Джейн бросила обратно в раковину простыню, которую в тот момент полоскала, и бросилась в кабинет. Она слышала «вау-вау-вау» «космического бластера» и крик Джимми: «Попался! Теперь не убежишь! Я вижу тебя через стекло!» И она говорила... Она говорила, что слышала еще какой-то крик. Тонкий, отчаянный, столь наполненный болью, что он был почти непереносим.

«Когда я услышала это,— сказала она,— я поняла, что мне придется уйти от Рега независимо от того, что случилось в действительности, потому что все эти старушечьи сказки оказались верными... и безумие — заразная болезнь. Потому что я сама слышала Ракне. Каким-то образом этот паршивец расстреливал Ракне, убивая его из двухдолларового игрушечного лучемета.

Дверь в кабинет была открыта, в замке торчал ключ. Позже в тот день я обратила внимание, что один из стульев в гостиной стоит у каминной полки и все сиденье выпачкано следами кроссовок Джимми. Сам он стоял, склонившись, у стола Рега. Рег пользовался старой конторской моделью пишущей машинки со стеклянными окошечками по бокам корпуса. Джимми прижал дуло своего бластера к одному из окошек и палил внутрь пишущей машинки. «Вау-вау-вау», фиолетовые отсветы пламени из машинки — все это внезапно заставило меня понять то, что Рег говорил об электричестве, потому что, хотя эта штука работала на самых обычных безобидных батарейках, я действительно вдруг почувствовала себя так, словно из лучемета вылетают волны губительного излучения, проникают мне в голову и выжигают мозг.

— Я вижу тебя! — кричал Джимми. Лицо его светилось самозабвенным мальчишеским ликованием — зрелище одновременно красивое, но и в чем-то страшное.— Ты не скроешься от Капитана Фьюче!*. Ты умрешь, пришелец!

И жалобный крик становился все слабее и тоньше.

— Джимми, немедленно прекрати! — взвизгнула я.

Он подскочил от неожиданности. Потом повернулся, взглянул на меня, высунул язык и, прижав бластер к стеклянному окошку, снова начал стрелять. Снова «вау-вау-вау» и этот мерзкий фиолетовый свет.

По коридору бежала Гертруда, крича, чтобы он прекратил и немедленно убирался, и обещая ему трепку, какой он еще в жизни не получал... Но в этот момент входная дверь отлетела в сторону, и в прихожую с ревом ворвался Рег. Я взглянула на него всего один раз и тут же поняла, что он сошел с ума. В руке он держал пистолет.

— Не стреляйте в моего мальчика! — завизжала Гертруда и попыталась остановить его, но Рег одним ударом руки отбросил ее в сторону.

А Джимми, казалось, даже не замечал, что происходит. Он просто продолжал стрелять в пишущую машинку. Я видела, как пульсирует в темноте между клавишами машинки фиолетовый свет, и это напомнило мне электрическую дугу, про которую говорят, что на нее нельзя смотреть без специальных очков, потому что можно сжечь сетчатку глаз и ослепнуть.

Рег вбежал в кабинет, сбив меня с ног.

— РАКНЕ! — закричал он.— ТЫ УБИВАЕШЬ РАКНЕ!

И когда он бросился через комнату, намереваясь, видимо, убить мальчишку, я еще успела подумать: «Сколько же раз он побывал здесь, стреляя из своего бластера, пока мы с его матерью меняли постели на втором этаже или развешивали белье во дворе, где мы не могли слышать ни звука, издаваемого его игрушкой, ни крика этого существа... этого форнита...»

Джимми не остановился, даже когда Рег ворвался в кабинет. Он просто продолжал стрелять в пишущую машинку, словно знал, что это его последний шанс, и с тех пор я иногда думаю, может быть, Рег был прав насчет них тоже? Только они вроде как плавают вокруг, время от времени ныряют кому-нибудь в голову и заставляют этого человека делать всякую грязную работу, а потом выскакивают, и тот человек, в котором они жили, говорит удивленно: «Я? Что я сделал?»

За секунду до того, как Рег добрался до Джимми, крик, доносившийся из пишущей машинки, превратился в короткий пронзительный вопль, и я увидела на внутренней стороне стекла разбрызганную кровь, словно то, что находилось там внутри, наконец просто взорвалось, как, люди говорят, должен взорваться живой зверек, если посадить его в микроволновую печь. Я знаю, как это дико звучит, но я видела кровь: она ударила сгустком в стекло и начала стекать вниз.

— Готов,— удовлетворенно произнес Джимми.— Я его...

В этот момент Рег отшвырнул его через всю комнату, и он ударился об стену. Бластер выпал у мальчишки из рук, грохнулся об пол и раскололся. Внутри, конечно, ничего, кроме пластика и батареек, не оказалось.

Рег заглянул в машинку и закричал. Не от боли или ярости, хотя ярости в этом крике тоже хватало. Сильнее всего в крике звучало отчаяние. Потом он повернулся к мальчишке. Джимми упал на пол, и чтобы там в него ни вселялось, если в него действительно что-то вселялось, теперь он был всего лишь испуганным шестилетним мальчишкой. Рег направил на него пистолет, и это последнее, что я помню».

Редактор допил содовую и осторожно поставил стакан в сторону.

— Гертруда Рулин и Джимми помнили, однако, достаточно, чтобы восстановить картину происшедшего,— сказал он.— Джейн закричала: «Рег, НЕТ!» Когда он обернулся, она поднялась на ноги и бросилась к нему. Он выстрелил, раздробив ей левый локоть, но она так и не отпустила Рега, а пока она пыталась удержать мужа, Гертруда Рулин позвала сына, и он бросился к ней.

Рег оттолкнул Джейн и снова выстрелил. Пуля царапнула по левой стороне ее черепа, и, пройди она на долю дюйма правее, Джейн была бы убита. Впрочем, если бы она не вмешалась, Рег, без сомнения, убил бы Джимми Рулина и, возможно, его мать.

Он выстрелил в мальчишку, когда тот бросился на руки матери в дверях кабинета. Пуля прошла через его левую ягодицу вниз, вышла из бедра, не задев кости, и зацепила лодыжку Гертруды Рулин. Было много крови, но никто серьезно не пострадал. Гертруда захлопнула дверь и потащила своего кричащего, истекающего кровью сына через коридор на улицу.

Редактор снова замолчал, задумавшись.

— Джейн или потеряла сознание к тому времени, или просто заставила себя забыть, что произошло дальше. Рег сел в кресло, приставил пистолет к середине лба и нажал на курок. Пуля не прошла сквозь мозг, оставив его на всю жизнь «растением», и не скользнула по внутренней поверхности черепа, вылетев без вреда с другой стороны. Несмотря на гибкость фантазии, последняя пуля оказалась твердой, как ей и положено быть. Мертвый, Рег упал на свою пишущую машинку.

Когда ворвалась полиция, они его так и нашли. Джейн сидела в дальнем углу в полубессознательном состоянии. Всю пишущую машинку залило кровью, внутри, видимо, тоже была кровь: при попадании в голову всегда много крови.

Но вся кровь, как оказалось, группы «0».

Группы Рега Торпа.

И это, леди и джентльмены, конец моего рассказа. Я уже не могу говорить — действительно, голос редактора превратился в хриплый шепот.

Вечер закончился без обычной легкой болтовни напоследок и даже без неестественно веселых разговоров, которыми люди, бывает, пытаются прикрыть чрезмерную откровенность, возникшую за коктейлями, или по крайней мере замаскировать тот факт, что в определенный момент разговор стал более серьезным, чем допускает обстановка вечеринки.

Однако, провожая редактора до машины, писатель не смог удержаться от последнего вопроса:

— А сам рассказ? Что случилось с рассказом?

— Ты имеешь в виду рассказ Рега?..

— Да. «Балладу о гибкой пуле». Рассказ, из-за которого все это произошло. Он, собственно, и явился той «гибкой пулей», по крайней мере, если не для него, то для тебя. Что же, черт побери, случилось с этим великим рассказом?

Редактор открыл дверцу своего маленького голубого «чеветта» с наклейкой на заднем бампере: «Настоящие друзья не позволят пьяному гостю сесть за руль».

— Он не был опубликован. Если Рег держал копии, то он, видимо, уничтожил их, получив мое согласие на публикацию. Что, приняв во внимание параноидные фантазии про них, вполне вписывается в его характер.

Когда я свалился в Джексон-Ривер, у меня оставался оригинал рассказа и три фотокопии, все в картонной коробке. Если бы я положил ее в багажник, рассказ бы сохранился, потому что багажник машины даже не ушел под воду. Впрочем, если бы это случилось, листки бы потом высохли. Но я хотел, чтобы рассказ лежал рядом со мной, и положил коробку на соседнее с водительским сиденье. Когда я свалился в реку, окна машины были открыты, и листки... Я полагаю, они просто уплыли, и их унесло к морю. Мне гораздо легче и спокойнее верить в это, чем в то, что они сгнили вместе со всей остальной дрянью на дне реки, или что их сожрала рыба, или еще что-нибудь столь же эстетически непривлекательное. Верить в то, что их унесло в море, более романтично, хотя это и менее вероятный исход. Но, выбирая, во что верить, я все-таки сохраняю гибкость. Так сказать.

Редактор сел в машину и уехал. Писатель стоял, глядя ему вслед, пока огни машины не скрылись вдали, потом обернулся. Мег стояла у начала садовой дорожки, крепко обхватив себя руками, хотя в ночном воздухе все еще держалось тепло.

— Мы последние,— сказала она, нерешительно улыбаясь ему.— Пойдем в дом?

— Конечно.

На полпути к дому она остановилась и спросила:

— В твоей пишущей машинке нет форнита, Поль?

И писатель, который иногда, хотя не так уж и редко, задумывался о том, откуда же все-таки к нему приходят нужные слова, храбро ответил:

— Решительно нет.

Рука об руку они прошли в дом и закрыли за собой дверь, оставив ночь снаружи.

Перевел с английского
Александр КОРЖЕНЕВСКИЙ.

---

* фантастический герой комиксов и детских радиопередач.

Прогрессивный английский писатель Артур Чарльз Кларк известен как автор многих научно-популярных и научно-фантастических книг о межпланетных путешествиях и исследованиях космоса. Внимание читателей к творчеству Кларка объясняется, конечно, не только современностью тем его произведений, но и их несомненными художественными достоинствами.

Нам кажется, что читатели «Смены» с интересом прочитают два научно-фантастических рассказа из сборника Артура Кларка «По ту сторону неба».

Артур КЛАРК

Зеленая загадка

К сожалению, я плохо знал Владимира Сурова. Помнится, это был скромный, маленького роста человек; по-английски он понимал, но говорить стеснялся и в общие разговоры обычно не вступал.

Подозреваю, что даже для своих коллег он был немного загадкой. Сколько раз я был на «Циолковском», столько раз видел его в рабочем кресле, согнувшегося над записями или прильнувшего к микроскопу. Словом, этот человек ухитрялся сохранять уединение даже в маленьком мире межпланетного корабля. Остальная команда, казалось, не замечала этого отчуждения, а по тому, как обращались к Сурову, было ясно, что его здесь по-настоящему любят и уважают. Впрочем, это и не удивительно. Работы по выращиванию растений и деревьев далеко за Полярным кругом сделали его одним из крупнейших ботаников России.

...За годы, предшествовавшие нашему полету, скопилось немало данных, что, несмотря на полное отсутствие воздуха и почти полное — воды, какая-то растительная жизнь на Луне все-таки возможна. Президент Академии наук СССР — один из горячих защитников этой теории — сам был слишком стар для участия в экспедиции и послал туда Сурова.

Отсутствие растительности, живой или ископаемой, на тысячу исследованных нами квадратных миль было первым серьезным разочарованием из тех, что приберегла для нас Луна. Даже самые отъявленные скептики, убежденные в невозможности жизни на Луне в любых формах, были бы рады доказательствам своей неправоты. В те дни всем казалось, что Суров прилетел на Луну напрасно.

Он не казался подавленным, а работал наравне с остальными членами экспедиции: изучал образцы почв и ухаживал за сконструированной им герметичной оранжереей, причудливо изогнутые трубы которой выписывали замысловатый узор вокруг «Циолковского». Ни мы, ни американцы этим не занимались, прикинув, что гораздо выгоднее привозить все с Земли, а не выращивать на месте. Во всяком случае, до создания постоянной базы на Луне. Мы были правы с точки зрения экономики, но не учитывали моральной стороны дела. Крохотные прозрачные домики, в которых Суров выращивал карликовые фруктовые деревья и овощи, были ориентиром, к которому устремлялись наши взоры, уставшие от мертвого лунного ландшафта.

Положение командира корабля, как правило, лишало меня возможности лично участвовать в исследованиях. Я должен был готовить отчеты, проверять запасы, составлять программу исследований, координировать наши действия с действиями русских и американских коллег и пытаться, правда, не всегда удачно, угадывать, где же нас ждет следующая неудача. В результате я иногда целыми днями не вылезал из ракеты, и дежурной шуткой был всеобщий крик, что мой скафандр съела моль.

Может быть, поэтому я так живо помню все свои вылазки и уж, конечно, мою встречу с Суровым. Это было около полудня; солнце поднялось высоко над Северными горами, а Земля тоненькой серебряной пластиночкой выглядывала сбоку от них. Гендерсон, наш геофизик, хотел проверить показания своих приборов в двух милях к востоку от базы. Все остальные были заняты, и я с удовольствием отшвырнул надоевшие сводки. Через десять минут мы вышли.

Мы шли пешком. Во-первых, это было недалеко, а во-вторых, приходилось беречь энергию в аккумуляторах вездехода. Я любил пешие прогулки по Луне, и даже не из-за ландшафта, ибо любое великолепие в конце концов приедается, а за удивительное чувство полета при каждом шаге, которое на Земле знают только дети, да и то во сне.

Мы проверили работу приборов и были уже на полпути к дому, когда вдруг заметили приблизительно в миле к югу от нас чью-то фигуру. Я настроил бинокль. Даже на близком расстоянии трудно опознать человека в скафандре, но у нас был четкий код красок и цифр.

— Кто это? — спросил Гендерсон.

— Синий костюм, номер 3 — это Суров. Но я ничего не понимаю. Он один!

Первый закон нашей экспедиции гласил: ни в коем случае не ходи в одиночку! Мало ли что может случиться!

— Давайте окликнем его,— предложил Гендерсон.— Может быть, с его напарником что-нибудь случилось и он идет за помощью?

Я покачал головой. Суров явно не торопился. Он ходил куда-то один и сейчас не спеша возвращался к «Циолковскому». Я не считал себя вправе вмешиваться, хотя это был, конечно, неоправданный риск.

В течение последующих двух месяцев мои люди несколько раз видели Сурова одного и довольно далеко от базы. Позже выяснилось, что он вел какие-то внепрограммные исследования.

...Сигнал всеобщей тревоги с «Циолковского» никого не застал врасплох. И раньше бывали случаи, когда требовалась помощь соседей, а то и соединенные усилия всех трех команд. Но это был первый случай, когда человек не отвечал на вызов. Было проведено спешное радиосовещание, выработан план поисков, и спасательные группы с трех кораблей отправились в разные стороны.

Я опять шел с Гендерсоном. Мы, не сговариваясь, устремились туда, где впервые встретили Сурова.

Гендерсон увидел его первым и сразу дал всеобщий радиосигнал. Но было уже поздно! Суров лежал лицом вниз; его защитный скафандр беспомощно сморщился. Видимо, он стоял на коленях, когда что-то пробило его спецкостюм. Смерть наступила мгновенно.

Когда прибыл Краснин, мы все еще стояли в молчании, смотрели и отказывались верить своим глазам. Так вот над чем склонился Суров! Оно было около трех футов в высоту — как будто мяч из ноздреватой зеленой кожи, густо покрытый какими-то усиками и выросший в скалу! Да, выросший! Потому что это было растение! В двух шагах было еще одно, только, видимо, мертвое: оно почернело и сморщилось.

Первое, что я подумал: «Значит, есть все-таки жизнь на Луне!» И только, когда в моих ушах зазвучал голос Краснина, я понял, насколько прекрасней была действительность.

— Бедный Владимир! — сказал Краснин.— Мы знали, что он гений, и все-таки смеялись, когда он рассказывал о своей мечте. Подумать только, что величайшее открытие он проводил как внеплановую работу. Владимир покорил Арктику своим гибридом пшеницы, и ведь это было только началом его работы. Он принес жизнь на Луну.

Я стоял в оцепенении, все это казалось мне чудом.

Краснин наклонился над телом товарища, легко поднял его, внимательно осмотрел повреждение — маленькую дырочку там, где костюм соединяется с шлемом, и в недоумении покачал головой.

— Что могло случиться? Ведь не растение же виновато в его гибели?!

Зеленая загадка дразнила нас. И Гендерсон сказал медленно, как бы думая вслух:

— Мне кажется, я знаю, в чем дело. Когда-то я увлекался ботаникой в колледже. Ведь Суров вывел свое растение для лунных условий. А здесь нет ни птиц, ни животных, ни насекомых, чтобы переносить семена. Я думаю, может быть только одно решение — некоторые растения и на Земле часто используют этот способ...

Я вскрикнул. Что-то ударило меня по шлему и отскочило от металлической планки. Удар не причинил никакого вреда, но это было так неожиданно, что я растерялся.

У моих ног лежало семя величиной со сливовую косточку с острым шипом на конце. А неподалеку мы нашли еще одно, которое пробило шлем Сурова. Он, конечно, знал, что растение созрело, но любопытство ученого заставило его забыть об опасности. Я видел, как в условиях слабого лунного притяжения кактус выбрасывал семена за четверть мили. Суров пал жертвой своего же творения.

...Сегодня широко известен «кактус Сурова». Записи и дневники великого ученого рассказали нам о его экспериментах. Сейчас все жители лунных станций питаются потомками этого смешного кожаного уродца, который достался нам такой дорогой ценой...

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА.

Утечка информации

Часто можно слышать, что в наш век поточных линий и серийного производства не осталось места талантливым кустарям, работающим по дереву и металлу, создававшим так много оригинального и ценного в прошлом. Как правило, обобщения неверны. Это — тоже. Такие люди не исчезли, хотя, может быть, их действительно стало меньше. Они занимаются самыми разнообразными, подчас скучными делами, но от этого их талант и умение не умирают. Даже на острове Манхэттен вы найдете этих людей, если, конечно, будете знать, где искать. Они там, где квартирная плата невелика, где только понаслышке знают, что такое мусоропровод. Их тесные, захламленные мастерские прячутся в подвалах и на чердаках жилых домов. Они, может быть, и не делают больше скрипок, часов с кукушками и музыкальных шкатулок, но их изделия по-прежнему оригинальны и всегда непохожи одно на другое. Они не презирают современную технику: на верстаках среди обрезков и поделок можно увидеть вполне современные электрические инструменты. И часто, даже не осознавая этого, в своей работе они опережают свой век...

Мастерская Ганса Мюллера помещалась на задворках заброшенного склада, на расстоянии хорошего броска камнем от Квингсборского моста. Большая часть здания была заколочена; оно вообще предназначалось на снос. Единственный вход в мастерскую лежал через огромный, заросший сорняками двор, который днем служил местом стоянки автомашин, а ночью местом сбора окрестных бандитов. Они никогда не причиняли Гансу беспокойства, потому что он не вмешивался ни в их дела, ни в дела полиции во время периодических облав и налетов. Мюллер был нейтрален, и это всех устраивало.

Работа, которой занимался Ганс, наверное, сильно удивила бы его баварских предков. А каких-нибудь десять лет назад она, возможно, не меньше удивила бы и самого Ганса.

Все началось с того, что какой-то обанкротившийся клиент расплатился с ним старым телевизором...

Ганс неохотно принял такую оплату, и вовсе не потому, что был старомоден и отрицал телевидение. Он просто не мог себе представить, когда выкроит свободное время, чтобы посмотреть «эту проклятую штуку».

«Ну, ничего,— подумал Ганс.— Я всегда смогу продать его хотя бы за 50 долларов. Но прежде чем я сделаю это, дай-ка посмотрю, что там за программы...»

Рука его потянулась к выключателю, экран вспыхнул, заполнился движущимися фигурками, и... как миллионы людей до него, Ганс Мюллер погиб. Он попал в мир, о существовании которого раньше не знал, в мир сражающихся космических кораблей, экзотических планет и странных рас, в мир капитана Зеппа — командира космического отряда, хорошо известного миллионам американских телезрителей.

И только когда утомительное перечисление качеств «Лучшей в мире КАШИ-ФЕКС для больших и маленьких» сменилось не менее утомительным боксерским матчем между двумя мускулистыми молодцами, заключившими, надо полагать, пакт о ненападении,— только тогда спала волшебная пелена, и Ганс вернулся в реальный мир. Мюллер был из породы людей, которые до старости любят волшебные сказки, а ведь это была современная волшебная сказка и с такими приключениями, о которых братья Гримм и не мечтали. И Ганс не продал свой телевизор.

Прошло несколько недель, прежде чем исчезло наивное и безоговорочное восхищение. Первое, что начало возмущать Ганса,— это декорации и реквизит мира будущего. Он был, как мы уже говорили, человеком с фантазией, с выдумкой, и отказывался верить, что через сотни лет люди будут жить так, как это представляли авторы рекламы «Лучшей в мире КАШИ-ФЕКС».

Ганс очень мало думал об оружии, которым пользовались капитан Зепп и его противники. И, конечно, не претендовал на понимание принципа, который был положен в основу портативного протонного излучателя, но поскольку этот аппарат действовал, хотя бы на экране, то почему он был таким несладным и неуклюжим? Одежда космонавтов и внутреннее устройство межпланетных кораблей — все это выглядело неубедительно. Откуда Ганс знал это? Он был из тех, кто хорошо понимает душу вещей, даже необычайно новых для него.

Мы уже говорили, что Ганс был простой человек, но достаточно практичный. Он слыхал, что на телевидении платят деньги и не маленькие. И вот он сел и начал рисовать.

Даже если бы оформитель телепередач о капитане Зеппе был родным братом режиссера-постановщика, то и тогда идеи Ганса Мюллера не остались бы без внимания. Они были правдивыми, очень реальными, и это делало их совершенно незаурядными. В них не было тех смешных нелепостей, которые уже начинали раздражать даже самых ярых приверженцев капитана Зеппа. Ганса немедленно привлекли к работе.

Но он поставил свои условия. То, что он делал,— это была склонность характера, любовь к искусству, и плевать ему было, что за это платили больше, чем за любую работу в прошлом. Он категорически отказался от помощников и продолжал работать в своей маленькой мастерской. Задача Ганса была придумать, а массовое производство его уже не касалось — «этим пусть занимаются фабрики».

Такие условия устраивали и Мюллера и заказчиков с телевидения. За какие-нибудь полгода капитан Зепп преобразился и победоносно шествовал по космическим просторам, начисто затмив своих телевизионных соперников. Для телезрителей это была уже не выдумка о будущем, а само будущее, такое, которое ни у кого не вызывало сомнений. Даже актеров вдохновило новое оформление. Ведь до этого они вели себя, как люди, попавшие не в будущее, а скорее в забытое прошлое.

Но Ганс не задумывался об этом. Он самозабвенно трудился, не встречаясь ни с кем, кроме постановщика. Связь с миром он поддерживал только по телевизору, строго следя, чтобы не извращались его идеи. Единственным символом его связи с коммерческим телевидением служил ящик с КАШЕЙ-ФЕКС, который стоял в углу мастерской.

Однажды поздно вечером в воскресенье Ганс любовно доделывал шлем скафандра космонавта, как вдруг почувствовал, что он в мастерской не один. Ганс медленно отодвинулся от верстака и посмотрел на дверь. «Она была заперта. Кому это удалось открыть ее так бесшумно?»

У двери стояли двое мужчин. Ганс явственно ощутил, как сердце его заскользило вниз, поближе к пяткам, и собрал всю храбрость для достойной встречи незваных гостей. Мысли мелькали в голове, как кадры на разладившемся телеэкране. Сначала радостная: «А денег-то у меня в кармане кот наплакал!» — и тут же вслед за ней испуганная: «Ведь это их может здорово разозлить... Что тогда?..»

— Кто вы? — спросил Ганс.— Что вам здесь нужно?

Один из мужчин подошел к нему, другой остался у двери. На них были одинаковые плащи и низко надвинутые шляпы, так что нельзя было разглядеть их лиц. Но все же они были слишком хорошо одеты для обычных жуликов.

— Нет надобности волноваться! — сказал тот, что подошел к нему, легко читая его мысли.— Мы не жулики и явились к вам совершенно официально. Мы служба секретности.

— Я не понимаю,— сказал Ганс.

Второй открыл портфель, который был у него под плащом, и достал оттуда пачку фотографий. Он перебирал их, пока не нашел нужные.

— Вы нам задали хорошенькую головоломку, мистер Мюллер,— сказал первый.— Нам понадобились целых две недели на розыски. Ваши хозяева очень старательно прятали вас, очевидно, от конкурентов. Но все же мы здесь, и я бы хотел, чтобы вы ответили на несколько вопросов.

— Я не шпион! — сердито сказал Ганс, когда до него дошел смысл сказанного.— Вы не имеете права. Я лояльный американский гражданин.

Не обращая внимания на это возражение, ему протянули фотографию.

— Вы узнаете?

— Да. Это внутреннее устройство космического корабля капитана Зеппа.

— Это ваша работа?

— Да.

На свет появилась вторая фотография.

— А что вы скажете об этом?

— Это вид с воздуха на марсианский город Палдар.

— Ваша собственная идея?

— Конечно! — ответил Ганс, слишком возмущенный, чтобы осторожничать.

— А вот ЭТО?..

— О-о... Протонное ружье — это моя гордость!

— Скажите мне, мистер Мюллер, это все ваши собственные идеи?

— Мои, конечно! Я-то никогда ничего не крал.

Собеседник Мюллера повернулся к своему спутнику и несколько минут говорил с ним так тихо, что Ганс не слышал ни единого слова. Казалось, они пришли к какому-то соглашению, и совещание закончилось прежде, чем Ганс успел схватиться за телефонную трубку.

— Прошу прощения,— продолжал все тот же незнакомец.— Стали известны вещи, о которых никто не должен был знать. Это могло получиться... м-м... случайно, даже неосознанно, но это не меняет дела. Мы вынуждены допросить вас более обстоятельно. Пожалуйста, пойдемте с нами.

Такая сила и уверенность были в голосе незнакомца, что Ганс, не прекословя, стал натягивать плащ. Он более не сомневался, что эти странные посетители имеют право увести и допросить его. Он был встревожен, но не очень. Было ясно, что именно случилось. Он даже вспомнил историю о том, как во время войны какой-то писатель-фантаст в своем романе точно описал атомную бомбу. Когда в стране ведется такое количество секретных исследований, то всегда может произойти что-то похожее. Он недоумевал только, что же именно выдал он.

В дверях он еще раз обернулся и взглянул на мастерскую и на людей, которые шли за ним.

— Это нелепая ошибка,— сказал Ганс.— Если я и показал что-то секретное в программе, так ведь это же простое совпадение. Я никогда не делал ничего такого, что бы могло не понравиться ФБР!

И вот тогда-то заговорил второй незнакомец, на очень плохом английском языке, с каким-то странным акцентом.

— Что такое ФБР? — спросил он.

Но Ганс не слышал его. Он увидел на пустыре странный межпланетный корабль.

Перевела с английского Т. СТЕПАНОВА.

Искушенному в жанре приключенческой и научно-фантастической литературы читателю «Смены» предстоит приятное, не сомневаюсь, знакомство с романом У. Котцвинкла «Ип». Жанр научной фантастики в последнее время идет по пути, если можно так выразиться, разветвления. В нем находят место и глубокое, смелое научное предвидение, и оценка прошлого, и проникновение в мир психических и психологических возможностей человека, и устремленность в иные миры бесконечной Вселенной.

Думаю, излишне объяснять, почему нам, космонавтам, научно-фантастический жанр близок и особенно интересен. Автору этих строк, сравнительно недавно испытавшему свои силы в этом жанре, хотелось поразмышлять над проблемами настоящего, особенно проблемами войны и мира, рассматривая их через призму будущего. О том же размышляешь, когда знакомишься с произведениями, которые так или иначе перекликаются с твоими творческими замыслами.

«Ип» У. Котцвинкла я бы отнес к направлению, все настойчивее заявляющему о себе в научной фантастике и ставшему уже самостоятельным. Как назвать такое направление? Я назвал бы его ***светлой фантазией молодости.*** *Светлой — потому что знакомство с такими произведениями радует и просветляет душу. Фантазией — потому что повествуется о событиях гипотетических. Молодости — потому что главными действующими лицами являются люди молодые.*

«Ип» в этом смысле не одинок. Недавно мне довелось рецензировать сборник научной фантастики, объединенный темой борьбы за мир. В сборнике это направление представлено произведениями Шармана «Три желания», Уайта «Маленькие люди на большой планете», Парджетера «Цвет свободы и траура», Шекли «Проблемы охоты», Хендерсон «Подкомиссия». Как и в «Ипе», в ряде этих произведений действуют дети с их непосредственностью, пытливостью ума, добротой, умением бесхитростно объединиться и бескорыстно помочь.

Может быть, «Ип» порой наивен, но и в этом наряду с очевидными литературными достоинствами его притягательная сила. Идеи гуманизма и взаимопонимания главенствуют в романе. Причем взаимопонимание автор распространяет на все окружающее: на космос, планету, людей, животных и растения. Соприкосновение с космосом, пока еще очень робкое, основано в его представлении на добрых отношениях с иным разумным, мудрым миром. Возникает многоплановая ситуация: мудрость чужого, много старше по возрасту, мира и детский разум молодого мира. Как же это правильно, ведь дети — ключ к взаимопониманию, а их мир от игрушек до понятий о добре и зле — ключ к познанию жизни в целом!

Нам, космонавтам, часто доводится встречаться с молодежью нашей страны и многих стран мира. Все наши встречи и беседы проникнуты заботой о будущем, о сохранении мира на Земле, желанием работать, созидать, бороться против несправедливости, против милитаризации, против войн, атомных бомб, прочего страшного оружия. Все настойчивее звучат голоса о сохранении мирного космоса, все тверже — против «звездных войн». Разум человека любого возраста не приемлет «теории» неизбежности войны, дикой теории, пытающейся оправдать возможность уничтожения жизни на нашей планете, уничтожения самой планеты.

Скоро Москва примет на форуме молодости — Всемирном фестивале — молодежь земного шара. К нам приедет молодежь, объединенная любовью к жизни, стремлением к дружбе, к борьбе за светлое будущее, к гуманизму, столь нужному сейчас всем людям Земли. Единение молодежи — это и есть воплощение мечты многих художников, творящих в жанре научной фантастики.

Этот жанр, и в частности роман «Ип», затрагивает и проблему взаимоотношений человека и машины. Как бы ни шагала вперед техника, какие бы сложные задачи ни решали компьютеры, ничто не заменит самого человека, ничто не подменит, говоря словами Котцвинкла, свет-его-сердца, ничто не отменит законы общечеловеческой нравственности.

В самом начале «Ипа», пронизанного к тому же и духом сатиры (ведь инопланетянин попадает в страну, где властвуют отнюдь не те идеи, которые способствуют единению людей), автор расставляет точки над «i»: «Они (инопланетяне. — Ю. Г.) наблюдали Землю уже достаточно долго и знали, что для землян их прекрасный корабль прежде всего мишень, а сами они — материал для чучел, которые будут выставлены за стеклом на всеобщее обозрение». Жестоко? Да, жестоко. Но еще более жестоко характеризуют инопланетяне человека у Шекли («беспощадный зверь») и у Хендерсон («незнакомец — значит враг»). Писатели тем самым осуждают низменное в душах тех людей, чаще всего власть имущих, которые так же жестоки к инопланетянам, как и к своим землянам.

Некоторые западные писатели пессимистично рисуют будущее человечества. Котцвинкл же в «Ипе» — оптимист.

«Я буду здесь», — говорит Ип, показывая светящимся пальцем на грудь своего маленького друга-землянина. Ип уверен, что их дружба останется в сердце мальчика и в его сердце, несмотря на то, что миры, в которых они живут, разделяют многие миллионы километров. В этих словах звучат надежда и уверенность на взаимопонимание и дружбу, на СВЕТ-НАШИХ-СЕРДЕЦ.

Юрий ГЛАЗКОВ,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза

Литературный глобус «Смены»

Уильям КОТЦВИНКЛ

ИП

САТИРИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Зацепившись за поверхность Земли широким лучом бледно-лилового света, корабль повис над ней, слегка покачиваясь. Тот, кто случайно бы его увидел, подумал бы, наверно, что с ночного неба упало огромное елочное украшение: корабль был круглый как шар и отражал свет, а в опоясывавшем его тонком узоре было что-то готическое.

Открылся люк, члены экипажа, спустившись, разбрелись вокруг и теперь вонзали в землю какие-то инструменты, словно гномы работали в залитых лунным светом, окутанных туманом садах. Пастельный свет, исходивший от корабля, падал на гномов, и становилось видно, что это вовсе не гномы, а другие существа. И существа эти отличал интерес к ботанике, иначе бы они не собирали бережно образцы растений — цветы, мхи, кустарники, молодые деревца. И, однако, глядя на их уродливые по человеческим понятиям головы, болтающиеся длинные руки, круглые животики и несоразмерно короткие туловища, землянин подумал бы в первую очередь о гномах, но ни одного землянина поблизости не было, и похожие на гномов ботаники из космоса могли работать спокойно.

Однако стоило пискнуть летучей мыши, ухнуть сове, залаять вдали собаке, как они замирали испуганно. Дыхание их учащалось, а от кончиков длинных пальцев рук и ног начинал подниматься туман, и этот туман их окутывал; тогда обнаружить их становилось очень трудно; даже в лунную ночь никто бы не заподозрил, что в тумане скрывается прибывший из седого космоса экипаж: обычная поляна, обычный туман.

С кораблем же, разумеется, дело обстояло по-другому. Огромные елочные украшения в викторианском стиле спускаются на Землю не так уж часто. Локаторы или другие средства наблюдения могут их обнаружить, и этот громадный елочный шар засекли. Уж слишком он был велик; лежи он на земле, виси на дереве ночи, при его размерах никакого тумана не хватило бы на то, чтобы его скрыть. Еще немного, и встреча произойдет. Уже мчатся машины, уже идет надбавка за ночную работу, люди переговариваются по радио, окружают гигантскую елочную игрушку со всех сторон.

Однако маленький экипаж старых ботаников не очень этим встревожен, во всяком случае пока. Они знают, что у них есть время, знают с точностью до мельчайшей мыслимой единицы. Они не в первый раз на Земле, ибо Земля велика и надо собрать множество растений, если хочешь, чтобы твоя коллекция была полной.

Они продолжали собирать образцы, а когда кто-нибудь из них с выкопанной из почвы Земли желанной добычей возвращался к кораблю, казалось, что это плывет небольшое облачко тумана.

Они поднимались вверх по трапу, к люку — и вот они уже внутри прекрасной елочной игрушки, в пастельном свете. Не обращая никакого внимания на чудеса техники вокруг, они проходили по пульсирующим коридорам и оказывались наконец в главном чуде корабля — в огромном храме земной растительности. В этой гигантской оранжерее были цветы лотоса из индийских лагун, африканские папоротники, крохотные ягоды из Тибета, кусты ежевики с обочины дороги где-нибудь в американском захолустье. Здесь было представлено по одному растению всех видов, какие только есть на Земле, или, точнее, почти всех, ибо работа еще не была завершена.

Все пышно росло. Окажись в этой оранжерее ученый из какого-нибудь большого ботанического сада Земли, он бы обнаружил здесь растения, которые до этого видел лишь отпечатавшимися в каменном угле. Он бы не поверил своим глазам, увидев живыми растения, которые служили пищей динозаврам, растения из первых садов Земли. От изумления он бы упал без чувств, и в сознание бы его привели травами из висячих садов Семирамиды.

По стенам стекала влага, в ней были растворены питательные вещества для бесчисленных образцов флоры, за которыми не видно было стен.

Вот один из ботаников сюда вошел, в руках у него какое-то местное растение, листья которого уже поникли. Он поместил растение в жидкость, и вмиг листья ожили, корни зашевелились. Тут же круглое окошечко наверху загорелось мягким светом, свет этот омыл растение, и оно поднялось и стало около своего соседа, маленького цветка из числа тех, которые давным-давно исчезли с лица Земли.

Несколько секунд инопланетный ботаник смотрел на ожившее растение, а когда убедился окончательно, что все в порядке, повернулся и пошел к выходу из оранжереи. Он прошел под японской вишней, под гроздьями цветов с берегов Амазонки и мимо обычного хрена, стебель которого ласково к нему потянулся. Ботаник погладил его листья, двинулся дальше по пульсирующему коридору и вышел через светящийся люк наружу.

Снаружи, под ночным небом, тело его опять выделило туман, и, окруженный этим туманом, он отправился за новыми растениями. Навстречу ему шел, возвращаясь на корабль с корнем дикого пастернака в руке, один из его собратьев. Взглядами они не встретились, зато произошло другое: у обоих разом грудь начала светиться, тонкую кожу пронизал идущий изнутри, с левой стороны груди, красный свет. Тот, что нес пастернак, продолжал свой путь к кораблю, а другой, который шел за новыми растениями, стал спускаться вниз по пологому каменистому склону. Окутанный туманом, он вошел в высокую, с него ростом, траву и вынырнул уже на опушке рощи, под секвойями. Там, совсем крошечный рядом с огромными деревьями, он повернулся к кораблю лицом, и свет-его-сердца загорелся снова, будто сигнализируя кораблю, этой милой старой елочной игрушке, в которой ботаник летал уже много столетий. На ажурных галереях, в открытом люке над трапом засветились в ответ, словно светлячки, другие сердца. Удостоверившись, что спасительное убежище близко, и зная, что пока еще можно работать, ничего не опасаясь, он вошел в рощу.

Землянам облик его едва ли показался бы привлекательным, взять хотя бы эти большие перепончатые ноги, что высовывались прямо из-под свисающего до земли живота, или длинные, как у обезьяны, руки. Именно поэтому он и его собратья уже миллионы лет, прилетая на Землю, держались в тени и никогда не были склонны вступать в контакт с кем-либо, кроме растительности. Они наблюдали Землю уже достаточно долго и знали, что для землян их прекрасный корабль прежде всего мишень, а сами они материал для чучел, которые будут выставлены за стеклом на всеобщее обозрение.

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

Поэтому инопланетянин пробирался крадучись, и его встревоженные глаза, большие и выпученные, как у огромной лягушки, зорко оглядывали все вокруг. Он знал, как мало надежды для такой «лягушки» уцелеть на городской улице. А передавать человечеству знания, выступая на какой-нибудь международной конференции землян, когда нос у тебя как раздавленная брюссельская капуста, а сам ты похож на грушевидный кактус вида «опунция»,— об этом и речи быть не может. Пусть человечество учат другие, более похожие на землян гости из космоса. Лично его сейчас интересует только молодое деревце секвойи.

Добравшись до деревца, он оглядел его внимательно и начал выкапывать осторожно, бормоча на своем напоминающем стук камешков космическом языке диковинные, не по-земному звучащие слова; но маленькая секвойя, судя по всему, поняла, и, когда легла в большую морщинистую ладонь, состояние шока у ее корней сразу прошло.

Инопланетянин повернулся, и глаз его достиг слабый свет, свет огоньков поселка в долине за секвойями; эти огоньки давно уже вызывали у него любопытство и манили его, а ночь была последней, когда он мог рассмотреть их близко, так как через несколько часов ботанические исследования закончатся. Корабль покинет Землю и снова прилетит только тогда, когда в земной растительности произойдет следующая большая мутация, то есть не раньше чем через много столетий. Сейчас у него последняя возможность заглянуть в окна жилищ, где горят эти огоньки.

Он вышел крадучись из-под гигантских деревьев и очутился на склоне холма, у края грунтовой дороги, переходившей в лесную пожарную просеку. Задевая животом низкий кустарник, он вышел на дорогу, пересек ее; на долгом обратном пути он расскажет товарищам о своем приключении, о том, как «опунция» отправилась рассмотреть желтые огни поближе.

Неслышно переставляя большие перепончатые ноги с длинными пальцами, он побрел по краю дороги. Увы, Земля оказалась для него местом далеко не идеальным; он был сыном планеты, где кругом вода и нужны как раз такие ноги, как у него.

Огоньки мерцали, и на миг, отвечая им, ярко загорелся рубиновый свет-его-сердца. Он был влюблен в Землю, особенно в растительную ее жизнь, земляне нравились ему тоже, и, как бывало всегда, когда загорался свет-его-сердца, ему хотелось указать им правильный путь, передать им накопленные за тысячелетия знания.

Впереди него в лунном свете двигалась его тень: на длинном стебле шеи похожая на баклажан голова. В складках на ней скрываются уши, похожие на молодые побеги лимской фасоли. Нет, только представить себе, как хохотали бы земляне, если бы увидели, как он ковыляет по проходу к трибуне международной организации! Все знания во Вселенной не помогут остановить хохот, вызванный тем, что твое тело очертаниями напоминает грушу.

Мозга его достиг предупреждающий о скором отлете сигнал с корабля, но он знал, что пока еще можно не торопиться, что сигнал этот предназначен не ему, а другим, более неуклюжим и медлительным членам экипажа. Куда им, неповоротливым, до него! Нет, что ни говори, а он удивительно быстроногий!

По земным меркам он, конечно, передвигается страшно медленно, любой ребенок землян ходит раза в три скорее; ему вспомнилась ужасная ночь, когда один из них чуть было не переехал его велосипедом...

Но сегодня все будет иначе. Сегодня он будет осторожен.

Он остановился, прислушался. Снова предупреждающий сигнал с корабля, теперь это было глухое биение в груди — сигнал тревоги. Свет-его-сердца замерцал: новый сигнал — все члены экипажа должны вернуться на корабль. Но для быстроногих времени еще предостаточно; левая, правая, снова левая,— переваливаясь, он неутомимо двигался к домам городка. Да, он немолод, но идет быстро, быстрее, чем другие ботаники возрастом в десять миллионов лет и с ногами как у болотной утки.

Его огромные выпуклые глаза, непрерывно вращаясь, обегали взглядом все вокруг: дома впереди, небо, деревья и дорогу. Никого кругом, он один, и идет он, чтобы хоть краешком глаза взглянуть на жизнь землян, а потом — прощай, Земля!

Что это? Впереди на дороге появился свет, за ним другой! И тут же лихорадочно засигнализировало в груди: всем возвращаться — опасность, опасность, опасность!

Он попятился, повернул в сторону, растерявшийся от приближающегося света. Свет слепил его, безжалостный земной свет, холодный и жесткий. Ботаник споткнулся, упал с обочины дороги в кусты, а свет лег между ним и кораблем, отрезал его от огромного елочного украшения.

Опасность, опасность, опасность!

Свет-его-сердца вспыхивал часто-часто. Нужно поднять молодое деревце, которое он выронил; оно лежит на дороге, и корни громко кричат, зовут его на помощь.

Он протянул было руку с длинными пальцами, но тут же ее отдернул: прямо по ней ударил слепящий свет, вплотную надвинулся рев двигателя. Он откатился в кусты, судорожно пытаясь прикрыть свет-сердца веткой. Его огромные глаза, сейчас выпученные до предела, видели все, что происходит вокруг, но страшнее всего было то, что произошло с маленькой секвойей: самодвижущаяся повозка землян проехала по ней, молодые листочки были раздавлены, а сознание ее все еще кричало ему: «Опасность, опасность, опасность!»

А потом еще и еще свет на этой дороге, которая, обычно безлюдная, теперь была заполнена урчанием моторов и криками землян, возбужденными, полными азарта погони.

Прикрывая рукой трепещущий свет-сердца, он с трудом продирался сквозь кусты. Мудрость семи галактик не смогла бы помочь ему передвигаться быстрее в этой чужой для него среде. Как бесполезны, нелепы здесь его перепончатые ноги! Зато как быстро движутся по привычному для них твердому грунту, приближаясь со всех сторон, ноги людей! Теперь он понял, как глупо и неосторожно он себя вел.

Земляне громко перекликались друг с другом на своем странном языке, а один из них, тот, у которого на поясе все время что-то звенело, явно напал на его след. Промелькнувший луч осветил пояс этого землянина, и старый ботаник увидел на поясе кольцо, а на кольце связку чего-то вроде зубов с неровными краями — не трофеи ли это, вырванные изо рта какого-нибудь несчастного существа, прибывшего на Землю с другой планеты?

«Скорей, скорей, скорей!» — все еще звал корабль, и, пытаясь проныряуть под снующими лучами, старый ботаник ринулся назад к дороге.

Здесь и там на довольно большом ее отрезке стояли самодвижущиеся повозки землян, а земляне, которые на них прибыли, рассыпались кругом. Он выпустил туман и, окутанный им, скользнул в лунном свете через дорогу сквозь вонючие выхлопные газы (ядовитое облако на миг даже улучшило маскировку) — и вот, уже по ту сторону дороги, он съехал в неширокий овраг.

Тут же, словно почувствовав, где именно он пересек дорогу, лучи холодного света повернулись в его сторону. Земляне стали один за другим перепрыгивать овраг, а он вжался в песок и камни. Взгляд его, снова и снова обегавший все вокруг, обратился вверх, и он опять увидел страшное кольцо с нанизанными на него звенящими зубами — это хозяин кольца перепрыгивал через канаву; зубы щерились в наводящей ужас улыбке.

Он вжался еще сильнее в камни, скрытый по-прежнему туманом, неотличимым от того, который можно увидеть ночью в низких сырых местах. Не задерживайте взгляда на облачке, ведь это всего лишь клочок обыкновенного тумана, не тыкайте в него лучом, ведь внутри облачка длинная-предлинная шея и две перепончатые ноги, а пальцы у этих ног такие же длинные и тонкие, как корни розового хвоща. Вы, земляне, наверняка не догадаетесь, что существо это прибыло на вашу планету для того, чтобы спасти образцы растительности, пока вы не уничтожили ее всю, и их сохранить.

А земляне в это время прямо над ним перепрыгива-

ли овраг, недобрые голоса их звучали громко, земляне получали от охоты огромное удовольствие и все были вооружены.

Когда овраг перепрыгнул последний землянин, старый ботаник выкарабкался наверх и двинулся следом за людьми в лес.

По мере того, как он приближался к своим, свет-его-сердца разгорался все ярче, питаемый общим энергетическим полем его товарищей; и не только их сердца, но и все растения, собранные на корабль за сто миллионов лет, кричали: «Опасность, опасность, опасность!»

По единственной расчищенной лесной тропинке он продвигался так быстро, как только мог. В этом лесу он знал каждый лист, каждую паутинку. Они вели его через лес, ласково шептали: «Вот сюда, теперь сюда, а теперь сюда».

Холодный свет остался позади, лучи его застряли в ветвях, с готовностью пропустивших инопланетянина, но преградивших путь его преследователям; ветви вдруг сцепились намертво, и пройти между деревьями было уже невозможно; какой-то корень, проросший наружу, слегка приподнялся, и землянин, на поясе у которого было кольцо с нанизанными зубами, споткнулся и упал; другой корень захватил ногу его подчиненного, и тот шлепнулся ничком, ругаясь на своем языке, а растения в это время кричали ботанику: «Беги, беги, беги!..»

Поляна была уже совсем близко.

Великолепная елочная игрушка, жемчужина Галактики, ждала его. Он ковылял к ней, к исходящему от нее спокойному и прекрасному свету, ничего подобного которому не видели на Земле. Сказочная энергия корабля собиралась сейчас вся в одной точке, пульсировала невиданной красоты волнами, одаряла сиянием все вокруг. Инопланетянин пробирался, раздвигая траву — может быть, с корабля его увидят, может, заметят свет-его-сердца,— но длинные пальцы его ног запутались в каких-то сорняках, которые не хотели его отпустить.

«Останься,— говорили они,— останься с нами».

Вырвавшись, он снова заспешил вперед, в сияющий ореол корабля, к поляне. Куда бы он ни повернулся, он встречал блеск этого прекрасного елочного украшения, радужные блики пронизывали траву насквозь. Он уже видел люк, еще открытый, в нем стоял один из его товарищей, и свет-сердца у того звал, обезумело искал его.

«Иду, иду...»

Он ковылял, путаясь в траве, но отвисающий до самой земли живот мешал ему идти; и вдруг все его существо пронизал сигнал — групповой разум принял решение.

Люк закрылся, будто лепестки завернулись внутрь.

Корабль поднялся в то самое мгновение, когда он, размахивая длиннопалой рукой, вынырнул из травы. Но с корабля уже не могли увидеть его: сейчас включалась вся невероятная мощность двигателей, и все вокруг затопил ослепительный свет. На миг корабль замер над деревьями, потом, вращаясь, взмыл ввысь; прекрасная елочная игрушка отправилась повиснуть на самой далекой ветке ночи.

Несуразное существо стояло в траве, и свет-его-сердца испуганно вспыхивал.

Он был один, и от дома его отделяло три миллиона световых лет.

Положив ноги повыше, Мэри сидела на кровати, и одна половина ее головы читала газету, а другая прислушивалась к голосам двух ее сыновей и их приятелей, которые играли на кухне в настольную игру «Подземелья и драконы».

— ...Ты добрался до края леса, но совершил глупую-преглупую ошибку, и теперь я зову Ходячих Мертвяков.

Ходячих Мертвяков, вот как? Мэри перевернула газетную страницу.

— Если я подружусь с Домовым, Ходячие Мертвяки уйдут?

— Домовой помогал Бандитам, так что еще спасибо скажи, что это только Ходячие Мертвяки, а не кто-нибудь похуже...

Она сложила газету, вздохнула. Каждый вечер все они собираются здесь, в ее кухне, где, как руины фантастического города, лежат бутылки из-под фруктового сока, горы целлофановых пакетов из-под жареного картофеля, книги, тетради, счетные машинки, а к доске, на которой она записывает, чтобы не забыть, предстоящие дела, приколоты кнопками бумажки с ужасающими выражениями.

— Теперь Хозяин Подземелий Стив. У него Абсолютная Власть.

Абсолютная Власть. Мэри вытянула ноющие ноги. Абсолютной Властью должна бы обладать она, глава семьи. Но она не в состоянии добиться даже того, чтобы они мыли за собой тарелки.

А в это время в «подземелье» под ее спальней по-прежнему разыгрывалось сновидение умалишенного.

— Какие они, эти Ходячие Мертвяки?

— Они похожи на людей,— ответил Хозяин Подземелья.

— Ха! Тогда совсем плохо. Послушай, какие у них качества: мания величия, паранойя, клептомания, шизойность.

— Не шизойность, а шизоидность,— сказала Мэри стене.

Как раз то, что, кажется, начинается у нее самой. Для чего она растит своих детей? Чтобы они стали Хозяевами Подземелий? Неужели ради этого работает она по восемь часов в день?

А может, неплохо было бы, если бы и в ее жизни было больше игры, больше неожиданностей? Неожиданные звонки от поклонников, например.

Писклявый голосок ее младшего сына, Эллиота.

— Я бегу по дороге. Они за мной. Злющие-презлющие, вот-вот меня схватят, но тут я бросаю на землю свою переносную яму...

Переносную яму? Чтобы слышать лучше, Мэри свесилась с кровати.

— ...прыгаю в нее и задвигаю крышку. Меня уже здесь нет.

О, если бы такая яма была у нее! Чтобы каждый день около половины пятого она могла туда забираться.

— В переносной яме, Эллиот, можно оставаться не дольше десяти миллициклов.

Резким движением она спустила ноги с кровати, полная решимости встретить приближающийся вечер без тревоги и страха.

Но где ей найти романтическую любовь?

Где мужчина, который перевернет ее жизнь?

Он ковылял по дороге. Теперь здесь было тихо, его преследователи исчезли, но все равно на этой планете ему долго не протянуть. Земная гравитация возьмет верх и, прижимая его к твердому грунту, перекрутит позвоночник; потеряют упругость мышцы, и потом где-нибудь в канаве найдут что-то большое и раздутое. Нечего сказать, хороший конец для галактического ботаника!

Дорога пошла под уклон, и он двинулся по ней к огонькам пригорода внизу. Чего ради он к ним спускается? И почему снова вспыхивает и гаснет рубиновый свет-его-сердца? Неужели там, среди чужих, он найдет сочувствие, найдет помощь?

Дорога кончилась, дальше шел низкий кустарник. Инопланетянин углубился в него, наклонившись, прикрывая рукой вспыхивающий свет-его-сердца, стараясь двигаться бесшумно. А свет-его-сердца вспыхивал все ярче, все чаще, и старый ботаник мысленно выбранил и его.

Прямо впереди были странные жилища землян, удерживаемые на поверхности их планеты гравитацией; разве можно сравнить их с прекрасными плавающими террасами планеты, имя которой...

До чего же больно думать о доме! Просто невыносимо!

Огоньки в жилищах землян стали ближе и крупнее, они притягивали его как мотылька. Спотыкаясь, он вышел наконец из кустарника и начал спускаться с крутого песчаного склона, и длинные пальцы его ног чертили на песке невиданные узоры.

Перед ним ограда, через нее нужно перелезть. Так... хорошо... Когда пальцы рук и ног длинные, как у него, преодолевать такие препятствия совсем нетрудно.

Как выющееся растение взобрался он на ограду, но, перевалившись на другую сторону, не удержался, свалился вниз и покатился, как тыква, по газону.

Зачем он здесь? Уж не сошел ли он с ума?..

Дом землян был теперь до ужаса близко, огни и тени этого дома плясали прямо перед глазами. Почему свет-его-сердца привел его сюда? Ведь дома землян — это жуть какая-то, невесть что.

Но тут он почувствовал где-то рядом что-то ласковое и дружелюбное.

Он повернулся и увидел огород.

Ботва приветливо шевелилась; едва не зарыдав от радости, он пополз к грядкам и обнял артишок.

Затаившись между двух грядок, он стал советоваться с растениями. Они настаивали на том, чтобы он подошел к окну кухни и заглянул туда, но ему этот совет пришелся не по душе.

«Все мои беды оттого,— ответил он растениям,— что мне хотелось заглянуть в окна. Больше я этого не хочу».

Ласково ворча, артишок настаивал, и наконец инопланетянин согласился и пополз; взгляд его вращающихся с невероятной скоростью глаз снова и снова обегал все вокруг.

Под окном кухни на подстриженной траве лежал квадрат света.

Посередине комнаты старый ботаник увидел стол, за ним сидело пять землян, и они совершали какой-то ритуал. Они громко кричали и передвигали по столу крошечные фигурки. Они размахивали листами бумаги, на которых, по-видимому, были запечатлены какие-то страшные тайны, ибо каждый землянин скрывал от остальных, что именно записано на его листе.

Потом бросили куб, небольшой, но, видно, наделенный скрытой силой, и все пятеро смотрели на него во все глаза, когда он упал с громким стуком на одну из своих граней; больше с этим кубом не произошло ничего. Опять поднялся крик, в ночном воздухе снова звучала непонятная речь землян, а сами они, поглядывая каждый на свой лист, начали снова переставлять на столе маленькие фигурки.

Инопланетянин перестал смотреть и, опустившись под окном на землю, погрузился во мрак.

Планета оказалась невообразимо странной.

Научится ли он сам когда-нибудь этому ритуалу, доведется ли ему бросать такой куб, примут ли его как равного? По земным мерам времени он прожил уже десять миллионов лет, и где он только за это время не бывал, но ничего более непонятного он не видел нигде.

Ошеломленный, он крадучись двинулся к огороду: мозгу его было необходимо отдохнуть на грядках, среди овощей. Ему и раньше случалось заглядывать в окна земных жилищ, но никогда прежде он не ощущал так ярко диковинность рождающихся у землян мыслей.

«Но ведь это всего лишь дети»,— сказал огурец.

Из груди старого ботаника вырвался стон. Если мыслительные волны, которые он принимал, исходили от детей землян, каковы же они должны быть у взрослых! Справится ли он с их расшифровкой?

Опустив голову, нахохлившись, он сидел на земле возле кочана капусты.

Все кончено. Пусть земляне придут утром, схватят его и сделают из него чучело.

Чтобы взбодрить себя, Мэри приняла душ. Потом, накрутив на голову полотенце, стала на поролоновый коврик, из которого их пес Харви вырвал зубами ключья.

Она вытерлась, надела кимоно из синтетического шелка, наложила на лицо невероятно дорогостоящий крем для смягчения кожи и мысленно попросила у всевышнего для себя покоя.

Но покой тут же нарушил Харви: в своем уединении на заднем крыльце он зашелся вдруг в неистовом лае.

— Харви!— закричала Мэри в окошко ванной.— Замолчи!

Пес до смешного подозрительно относился ко всему, что двигалось в темноте; от этого у Мэри было чувство, будто округа буквально кишит преступниками. Если бы Харви лаял т о л ь к о на преступников, он бы, безусловно, был полезен.

Но пес лаял на фургончик, доставляющий на дом пиццы, на самолеты, на еле видные в небе спутники и страдал, опасалась она, «психическим расстройством с галлюцинациями».

А уж болезненным пристрастием к поролоновым коврикам — наверняка.

Дело, которым ей предстояло сейчас заняться, не вызывало у нее никакого восторга, но деваться было некуда, надо было взять себя в руки и все сделать.

Она отворила дверь в комнату Эллиота.

Комната была завалена всяким бесполезным хламом, который того гляди начнет гнить. Типичная комната мальчишки. Затолкать бы ее в переносную яму.

Мэри взялась за дело.

Что-то выкинуть, что-то разложить по местам; космические корабли подвесила к потолку, баскетбольный мяч закатила в чулан. Непонятно, зачем Эллиоту дорожный знак? Во всяком случае, учитывая, что дети растут без отца, а он вообще какой-то унылый и его как магнитом притягивают к себе эти Ходячие Мертвяки, с психикой у Эллиота явно не все в порядке.

А может, это период такой, и только?

— Эллиот!..— позвала она его.

Разумеется, ей никто не ответил.

— Э л л и о т!— закричала она истошно и этим наверняка подняла себе кровяное давление и углубила еще больше морщины вокруг рта, которые неизбежно появляются от постоянного крика.

Шаги Эллиота прогрохотали по лестнице. И вот он уже стоит в проеме двери, все его четыре фута; иногда они радуют глаз, но сейчас, когда он исподлобья смотрит на то, что она сделала с его коллекцией хлама, эти четыре фута ее глаз совсем не радуют.

— Посмотри, Эллиот, как хорошо теперь выглядит твоя комната.

— Ага, только теперь мне в ней ничего не найти.

— Нет грязных тарелок, одежда убрана. Кровать застелена. На столе порядок.

— Ладно, ладно.

— Считается, что комната любого человека должна выглядеть именно так.

— Почему?

— Потому что мы не должны жить в мусорной яме. Договорились?

— Ага, договорились.

— Это от твоего отца?— Мэри показала на письмо, лежащее на столе; сколько раз она видела этот почерк на неоплаченных счетах, которые ей приходили.— Что он пишет?

— Ничего.

— Понятно.— Она перевела разговор на другую тему:— Ты не хочешь покрасить комнату заново? Краска уже облупилась.

— Конечно, хочу.

— В какой цвет?

— В черный.

— Замечательно. Признак душевного здоровья.

— Мне нравится черный цвет. Он мой любимый.

— Ты опять косишь. Почему ты перестал носить очки?

— Мэри!— донесся снизу голос Хозяина Подземелий.— Передают твою любимую песню!

Двигаясь в такт музыке, Мэри пошла вслед за Эллиотом вниз.

— Твой отец приглашает тебя с Майклом у него погостить?

— На День Благодарения.

— На День Благодарения? Но ведь он прекрасно знает, что в День Благодарения вы со мной.

Но разве относился их отец когда-нибудь серьезно к чему бы то ни было? Только, пожалуй, к необходимости подписывать магазинные счета — не сосчитать шариковых ручек, которые он на это извел. Все покупал части для мотоцикла.

Несется сейчас где-нибудь сломя голову на своем мотоцикле, мотор ревет, в лунном свете блестят глаза под тяжелыми веками... Она вздохнула. Что сделаешь, такой уж он есть.

Инопланетянин распластался на земле между грядок, и за ботвой его не стало видно.

«Бояться нечего,— сказал помидор.— Это всего лишь фургончик с пиццами».

Что такое «фургончик с пиццами»? Нет, лучше пока побыть здесь, за ботвой.

Фургончик остановился перед домом. Дверь дома открылась, и из нее вышел молодой землянин.

«Это Эллиот,— сказал зеленый горошек.— Он здесь живет».

Инопланетянин чуть приподнялся и посмотрел. Землянин выше его, но ненамного. Однако ноги у землянина до смешного длинные, а живот не свисает красиво до земли, как у представителей некоторых других, более высоких форм жизни, но смотреть на него все-таки не очень страшно.

Эллиот пошел по асфальтированному въезду и исчез за поворотом.

«Иди в ту сторону,— сказал помидор.— Когда он пойдет назад, ты его хорошо рассмотришь».

А как же собака?..

«Собаку привязали,— успокоил его помидор.— За то, что она изгрызла сапоги Мэри».

Он вылез из огорода и пошел туда, куда сказал помидор. Но тут фургончик, разворачиваясь, осветил фарами весь двор, и инопланетянина охватил ужас; метнувшись к ограде, он вцепился в калитку и начал через нее перелезать. Нечаянно он нажал длинным пальцем ноги на щеколду, и калитка открылась во двор.

Юный землянин стоял совсем близко и смотрел в его сторону.

Инопланетянин мгновенно прикрыл рукой свет сердца, соскользнул с калитки на землю, юркнул в сарай, где хранились садовые инструменты, и затаился там, испуганный, закутавшись в облачко тумана.

Он сам загнал себя в ловушку, но в сарае были садовые инструменты, и они были похожи на те, что находились у них на корабле,— садоводство есть садоводство. Он схватил вилы и приготовился защищаться. Пусть знают: с галактическим ботаником, если загнать его в угол, шутки плохи.

«Не проткни себе ногу»,— сказал в маленьком горшке плющ.

До инопланетянина докатилась волна тревоги из сада, от апельсинового дерева: юный землянин сорвал с дерева плод.

Через мгновение апельсин, влетев в сарай, ударил инопланетянина в грудь.

Маленький, древний, тот покачнулся и сел от удара на свой большой мягкий зад.

Чтобы в маститого ученого кинули апельсин? Несслыханно!

Рассерженный, он длинной сильной рукой схватил апельсин и швырнул его назад, в ночь.

Землянин издал крик и убежал.

— Мама! Помогите!

Игроки повскакивали на ноги. Мэри похолодела. Что еще на этот раз?

— Там кто-то есть!— завопил Эллиот, врываясь в кухню. Он сразу захлопнул за собой дверь и запер ее изнутри.

Чувствуя внезапную слабость во всем теле, Мэри посмотрела на «Подземелья и драконы» на кухонном столе и очень пожалела, что у нее нет большой переносной ямы, куда вместилась бы не только она, но и ее дети. Что ей делать?

— ...в сарае!— захлебывался Эллиот.— Оттуда бросили в меня апельсином!

— У-уиии,— паясничая, завыл Тайлер, нынешний Хозяин Подземелий,— как страшно!

Мальчишки, позабыв про игру, ринулись к двери, однако Мэри преградила им путь.

— Подождите. Оставайтесь все здесь.

Но они пролезли боком мимо нее, открыли дверь и кинулись во двор, к сараю.

Вцепившись в Эллиота и не отпуская его, она последовала за ними.

— Кого ты видел?

— Не знаю, он там, внутри.

Эллиот показал на сарай.

Она посветила внутрь фонариком — ничего, только горшки, удобрения, мотыги, лопаты.

— Тут никого нет.

Послышался голос Майкла:

— Кто-то открыл калитку!

— Смотрите, какие следы!— прокричал, бросаясь к калитке, Хозяин Подземелий.

Их невнятный неблагозвучный язык звучал для него абракадаброй, но их самих древний путешественник хорошо видел из своего нового укрытия на песчаном склоне холма за домом. Пятеро были дети, и с ними...

Что это за удивительное существо?

Свет-сердца снова начал вспыхивать, и инопланетянин поспешил прикрыть его.

Чтобы получше рассмотреть сопровождающее детей гибкое существо, которое было намного выше его ростом, он заковылял назад к дому так быстро, как только мог.

Увы, нос у этого похожего на иву существа не как раздавленная брюссельская капуста, да и очертания совсем не те, что у него... Наверно, мать этих детей.

Где же их отец, огромный и сильный?

«Она его выгнала несколько лет назад»,— ответили ему с грядки зеленые бобы.

Тревога, похоже, оказалась ложной, но на всякий случай Мэри загнала детей в дом.

— Кто-то там был, мам, клянусь.

Тайлер фыркнул насмешливо.

Чувствуя себя ужасно, смертельно усталая, Мэри потащилась к лестнице. Сейчас она ляжет, положит на глаза примочки из трав и начнет считать игуан.

На верхней площадке она повернулась и сказала:

— Покончите с пиццей — и по домам.

В ответ она услышала глухое урчание.

Споткнувшись на пороге, она шагнула в комнату и повалилась как подкошенная на постель.

Еще один веселый вечер в жизни разведенной женщины.

Страхи, потрясения и Бродячие Мертвяки.

Она положила на глаза примочки из трав и обратила невидящий взгляд к потолку.

Оттуда в ответ будто кто-то на нее посмотрел.

Понятно: разгулялись нервы.

И если этот проклятый пес не замолчит, она оставит его где-нибудь на обочине дороги с запиской в пасти.

Она сделала глубокий вдох и начала считать своих игуан, а те проходили мимо, не отрывая почему-то ног от земли и дружелюбно на нее посматривая.

«Подземелья и драконы» перебрались в комнату для игр; играли все, кроме Эллиота, он почему-то скуксился и ушел к себе. Он заснул и видел теперь тревожащие, странные сны: линии, сходясь под углом, образовывали огромные схемы пространственной перспективы и очерчивали контуры дверей, все новых и новых, и эти двери вели... в космос. Он пробегал сквозь них, но дверям не было конца.

Надо сказать, что тревогу испытывал не он один: Харви перегрыз наконец веревку и сбежал со своего поста на заднем крыльце. Он проскользнул в комнату Эллиота и подошел к кровати, внимательно осмотрел спящего Эллиота, потом его полуботинки: может, съесть их? Нет, себе дороже. Но как-то неуютно сейчас; совсем неплохо было бы развлечься. Полаял на луну, но никакого удовольствия не получил. Что-то странное появилось у них во дворе, и шерсть у Харви от этого стояла торчком, а сам он временами негромко поскуливал. Что же там такое? Непонятно. Без особого усердия он начал, негромко причмокивая, себя вылизывать, потом внезапно услышал звук, который уже слышал до этого.

Эллиот услышал тоже и приподнялся в кровати.

Харви зарычал, ощетинился, его взгляд испуганно заметался. Очень захотелось укусить кого-нибудь, но кусать было некого, и он затрусил рядом с Эллиотом из спальни вниз по лестнице к черному ходу — на задний двор.

А не первой молодости существо из космоса, поспав на песчаном склоне, встало и направилось опять к дому.

Во всех окнах было темно. Он нашел калитку, на ней щеколду, нажал на нее пальцем ноги, как, очевидно, полагалось нажимать, и вошел в калитку так, как вошел бы землянин. Однако его напоминающая очертаниями грушу тень на залитой лунным светом лужайке напомнила ему, что он и земляне далеко не одно и то же. По какой-то причине животы землян не обрели в процессе развития той приятной направленной книзу округленности, которая отличала его живот, не стали животами основательными, связанными, так сказать, самым непосредственным образом с местностью. Мышцы землян, и в том числе мышцы живота, были натянуты на решетку из костей так туго, что, казалось, еще немного — и разорвутся.

То ли дело он: центр тяжести у него расположен низко, поэтому тело у него устойчивое, а сам он склонен к созерцательности.

Размышляя об этом, он заковылял через двор туда, где росли овощи: было абсолютно необходимо еще раз увидеться с ними и обсудить свои дальнейшие планы. Но его нога наступила на металлический конец мотыги, и ее черенок, мгновенно поднявшись, стукнул его по лбу.

Инопланетянин издал вопль и повалился навзничь, а потом нырнул в кукурузу, росшую рядом; в эту минуту распахнулась задняя дверь дома, и оттуда выскочил тот же молодой землянин, а с ним съежившийся от страха пес.

Светя фонариком, Эллиот кинулся через двор к сараю и направил свет внутрь.

Снова холодный луч остановился, вздрагивая, на садовых инструментах; Харви прыгнул в него и вцепился зубами в мешок с торфом, и хотя настроение у пса после этого заметно улучшилось, пасть у него теперь была набита мхом. Ввергнутый в немоту, он заметался, бросаясь на тени.

В это время старый ботаник в кукурузе приник к земле, крепко сжимая в руке большой огурец, приготовившись драться.

Стебли кукурузы раздвинулись, показалось лицо мальчика; мальчик пронзительно закричал и бросился ничком на землю.

Космический гость, пятясь, вылез из кукурузы и, шлепая по земле большими ступнями, заспешил к калитке.

— Не уходи!

В голосе мальчика было тепло, такое, какое бывает в голосах молодых растений, и старый ботаник обернулся.

Их взгляды встретились.

Пес носился по кругу, лаял, из пасти у него вылетали куски мха.

«Какое странное питание!» — подумал престарелый ученый. Зубы Харви поблескивали в лунном свете, но мальчик схватил собаку за ошейник и крикнул опять:

— Не уходи!

Однако старый ботаник уже выходил за калитку, во мрак ночи.

Мэри проснулась, примочки из трав по-прежнему лежали на ее веках, и почему-то ей показалось, будто дом не стоит прямо, а опрокинулся набок. Она встала, надела халат и вышла в коридор.

Из комнаты для игр доносились детские голоса.

Ее малютки... Она вздохнула. Уже подходя, она услышала голоса Тайлера, Стива и Грега, которым было сказано идти домой. Конечно, как и следовало ожидать, ее словами пренебрегли. И, конечно, они остались ночевать в ее доме.

Терпение ее иссякло.

Она закуталась в халат и приготовилась перейти в наступление, но дверь была наполовину открыта и внутри в такт тихой музыке вспыхивал красный свет: работало их самодельное светомузыкальное устройство.

Действует успокаивающе, нельзя не признать.

И вообще... в этом есть что-то творческое, ведь так?

И тут, вихрем взлетев по ступенькам и промчавшись мимо нее, в комнату ворвался Эллиот:

— Ребята!.. Я видел на заднем дворе чудище!

— Чудище? Ха-ха!

— Это... домовой! Фута в три ростом, руки длинные-длинные! Он сидел в кукурузе.

— Закрой дверь, а то мама проснется.

Дверь закрылась. Мэри побрела в свою комнату. Дом вовсе не перевернулся, перевернулось в голове у Эллиота. Перевернулось вверх дном.

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ростислав РЫБКИН.

Литературный глобус «Смены»

Уильям КОТЦВИНКЛ

САТИРИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

ИП

Здесь, на этой самой поляне...

Инопланетянин прислушивался к голосам людей, до сих пор рыскавших у места приземления корабля.

— ...буквально выскользнул у меня из рук!

Тот из них, кто, по-видимому, был главным, со связкой звенящих, нанизанных на кольцо металлических зубов, поворачивался во все стороны. Остальные с глупым видом кивали. Потом главный сел в свою самодвижущуюся повозку и уехал, остальные последовали его примеру. Был уже день, и теперь здесь не осталось ни одного землянина.

Инопланетянин печально смотрел на следы приземления.

Теперь даже для того, чтобы только поднять руку, ему приходилось напрягать все силы. Сказывалось отсутствие пищи. Чудодейственных питательных таблеток, содержащих в себе все необходимое для него и его товарищей, на Земле не было. Он попробовал было ягоды кизила, но их вкус его крайне разочаровал, к тому же в них были косточки. Уже десять миллионов лет он собирал дикие растения, но за это время ни разу не возникала необходимость выяснить, какие из них съедобны, а какие нет, и начинать выяснять это теперь было поздно.

Чего бы он только не дал сейчас за одну крошечную питательную таблетку с заложенным в нее запасом жизненной силы!

Он забился глубже в кусты и там съежился, ослабевший, подавленный. Конец явно был близок.

Эллиот мчался на велосипеде по направлению к холмам. Почему туда, он сам не знал. Будто его велосипед туда притягивает магнитом. Ощущение у Эллиота было такое, будто велосипед сам знает, куда ехать, а его просто на себе везет.

Эллиот был из тех мальчишек, кого сверстники называют дрянцом. Он плутовал в игре. А в голосе его вдруг появлялась, как джинн из бутылки, невыносимая, режущая уши пронзительность, и каждый раз, будь то дома или в классе, Эллиот этим противным, пронзительным голосом говорил то, чего говорить как раз не следовало.

Все обязанности, какие только можно было переложить на плечи других, он перекладывал, надеясь, что за него все сделают мать или старший брат, Майкл. Было и другое. Можно было составить длинный-предлинный список всякого другого, и в этот список среди прочего вошли бы и очки с толстыми стеклами. Короче говоря, Эллиот был невротик в самом расцвете заболевания — настоящее дрянцо. Уготованный ему судьбой жизненный путь вел в никуда, а если бы на карте человеческой души можно было указать какое-то место назначения, то Эллиота ожидали впереди заурядность, мелочность и подавленность. Но случилось так, что в этот день жизненный путь Эллиота, отклонившись от первоначального направления, повел его к холмам.

Велосипед привез его в лес. Эллиот спрыгнул на землю и перевел велосипед на другую сторону усыпанной сухими ветками просеки. Странно: велик ржавый, весь во вмятинах оттого, что он так часто бросал его где придется, оставлял под дождем, но сегодня катит легко, как никогда. И казалось, несмотря на ржавчину, что велосипед блестит как новенький.

Эллиот вел его через лес, по извивающейся тропинке. Дойдя до поляны, он сразу всем своим существом ощутил: здесь произошло что-то невероятное. Все здесь хранило память об огромном космическом корабле. Близоруко щурясь сквозь очки на траву, где эта память неизгладимо отпечаталась, Эллиот почти видел корабль, который еще недавно был здесь.

Сердце Эллиота громко стучало, и если бы у него в груди был свет, этот свет бы уже горел. Немыслимо огромная энергия, витавшая до сих пор над поляной, коснулась лба Эллиота, и лоб запылал.

Старый ученый в кустах неподалеку старался не обнаружить своего присутствия. Вот-вот он испустит дух, и зачем видеть это посторонним?

Что же касается землянина, то он теперь делал что-то непонятное. Он достал небольшой мешочек, вынул из мешочка что-то совсем маленькое. Положил это на землю, прошел несколько шагов, положил точно такое же, сделал опять несколько шагов и опять положил, и еще раз, и еще, и в конце концов землянина не стало видно, он исчез за поворотом.

Древний путешественник, собрав последние силы, пополз из кустов посмотреть, что молодой землянин положил на землю. Любопытство было наихудшей чертой его характера, но в его возрасте менять себя было поздно.

Он выполз на поляну и увидел, что оставил там молодой землянин круглую таблетку, удивительно похожую на космические питательные таблетки, служившие пищей на корабле. Он перевернул ее у себя на ладони. На ней было отпечатано нечто не поддающееся расшифровке: M&M[1].

Он взял таблетку в рот и подождал, пока она растворится.

Восхитительно!

Сказочный вкус!

Он заковылял вслед за Эллиотом, подбирая и съедая одну таблетку за другой, и силы возвращались к нему, а с ними и надежда...

Мэри подала ужин. Сегодня она приготовила одно из своих фирменных блюд, консервированные макароны с сыром, и туда бросила (завершающий штрих, чтобы придать блюду изысканность) горсть орехов кэшью.

— Эллиот, ешь.

Эллиот сидел, как всегда сгорбившись, над тарелкой, и вид у него был такой, будто он приготовился, надев маску с трубкой, в эту тарелку нырнуть.

Увы, ребенок у нее депрессивный.

Мэри вспомнились другие обеды, когда Эллиот был совсем маленький, а она и отец Эллиота швыряли друг в друга ножи для масла. Куры отскакивали от стен, с потолка сталактитами свисало пюре, и соус капал прямо на головку Эллиота. Конечно, это не прошло для него бесследно.

Она попыталась разрядить атмосферу непринужденной болтовней:

— Кстати, какие костюмы вы придумали себе на Хэллоуин[2]?

Этот жуткий вечер уже не за горами; в ее доме побывает несколько сот детей, они будут фальшиво петь и нахально на нее пялиться.

— Эллиот будет домовым,— съязвил Майкл.

— А пошел ты!..— огрызнулся Эллиот.

— Молодой человек,— Мэри постучала вилкой по стакану Эллиота,— ешьте ваши макароны.

— Никто мне не верит,— с горечью сказал Эллиот, и взгляд, которым он смотрел на аппетитное кушанье, стал еще сумрачней.

Мэри ласково погладила его руку.

— Не то что совсем не верим, милый, но...

— Он был настоящий, клянусь!

Эллиот смотрел на нее через толстые линзы полными мольбы глазами.

Мэри повернулась к Герти, младшей в семье; ей было всего пять, но она уже требовала себе все.

— Герти, детка, кем ты будешь на Хэллоуин?

— Бо Дерек[3], мамочка.

Изнемогающее под бременем забот сознание Мэри заполнил целиком, вытеснив все остальное, образ ее малютки дочери: она представила себе, как та голышом, мокрая, шествует по тротуару мимо их дома. Бо Дерек! Чтобы отвлечься от этих мыслей, она занялась едой, но Майкл решил снова клюнуть Эллиота.

— Может,— сказал Майкл свысока, как он часто разговаривал с младшим братом,— это была игуана?

— Игуан мне и так девать некуда,— сказала Мэри тихонько одному из орехов кэшью.

— Никакая это не игуана,— обиженно буркнул Эллиот.

— А ты знаешь,— сказал Майкл,— некоторые думают, что в канализационных трубах водятся аллигаторы.

«Вот именно, аллигаторы,— подумала Мэри.— Может, вместо игуан начать считать аллигаторов? Все-таки разнообразие».

Она повернулась к Эллиоту.

— Эллиот, Майкл хочет только сказать, что тебе, наверно, просто показалось. Такое бывает. Нам всем, и очень часто, мерещится всякая всячина...

Ей, например, очень часто мерещится, будто она входит в магазин самообслуживания и видит в отделе двухдолларовых вещей попавшее туда по ошибке платье от Диора. И потом в кафе-автомате ослепляет всех своим видом.

— То, что я видел, померещиться не могло,— стоял на своем Эллиот.

— А может,— предположил Майкл,— это был маньяк?

— Прошу тебя, Майкл,— сказала Мэри,— не засоряй голову Герти такими разговорами.

— Мамочка, а что такое маньяк?

— Человек в плаще, детка, всего-навсего.

Почему головы у детей забиты всякой чушью? Почему приходится слушать за столом бесконечные споры? Где милая болтовня, которая должна бы стать приправой ко второму блюду — замороженным рыбным палочкам?

— А может,— бубнил Майкл, не обращая внимания на ее мимический приказ умолкнуть, как не обращал никогда внимания на все другие ее приказы,— а может, это был эльф?

Эллиот отбросил вилку.

— Какой эльф, дерьмо?!

— Эллиот, ты никогда больше не употребишь этого слова за столом. И вообще в нашем доме.

Поставив локти на клеенку, Эллиот навалился на стол.

— Папа бы мне поверил.

— Так почему бы тебе не позвонить ему и не рассказать? Если у папы до сих пор не отключили телефон, а скорее всего отключили.

— Не могу позвонить,— ответил Эллиот.— Он в Мексике вместе с Салли.

Когда имя ее бывшей подруги было произнесено вслух, Мэри постаралась не обнаружить своих чувств, а только ниже склонилась над тарелкой с рыбными палочками. Какими жестокими бывают ее дети, особенно Эллиот!

— Если увидишь ЭТО снова, чем бы оно ни оказалось, не подходи близко. Крикни меня, и мы позовем кого-нибудь, чтобы от нас ЭТО убрали.

— Кого-нибудь вроде собаколова?— спросила Герти.

— Совершенно верно.

На заднем крыльце негромко зарычал Харви.

— Но ведь ему сделают лоботомию,— сказал Эллиот,— используют для опытов или еще чего-нибудь.

— Что же,— сказала Мэри,— будет знать, как лазить по чужим огородам.

Городок уже спал, когда ЭТО крадучись двинулось от опушки к домам. О том, что существует лоботомия, инопланетянин не знал, зато знал, что из него могут сделать чучело.

Перепончатые ступни обремененного годами существа неслышно несли его к дому мальчика. Инопланетянин спустился по песчаному склону, и тот, кто увидел бы его след, мог бы подумать, что два утконоса проволокли здесь большую дыню.

В доме Эллиота было темно, свет горел только в одном маленьком окошке.

Вращая огромными глазами — вверх, вниз, в одну сторону, в другую,— он заглянул через ограду. Собаки нигде не видно.

Так... упереться в задвижку пальцем ноги, как, видимо, принято на Земле... и все в порядке, верхом на калитке он въехал внутрь.

Да, чудодейственные M&M вернули ему силы и волю к жизни. Через тысячу лет корабль вернется; если таблеток M&M хватит на это время, он, быть может, как-то дотянет.

Глупый старик!

Никогда ему не вернуться туда.

Он поднял глаза к небу, но тут же их опустил:

Продолжение. Начало в № 10.

[1] Популярное в США шоколадное драже. (Здесь и далее примечания переводчика.)

[2] Канун праздника Всех Святых (31 октября). Прим. перев.

[3] Популярная американская киноактриса. Прим. перев.

слишком стало грустно. Нет, никакое количество M&M его не спасет, раз товарищи по экипажу о нем забыли.

Почему они его оставили?

Неужели не могли подождать его чуть дольше?

Закрыл за собой калитку он тоже ногой. Очень важно усвоить, как у землян принято делать то или другое и как надо вести себя в тех или других случаях, только тогда сможет он подружиться с ними.

На цыпочках он пересек задний двор. К своему удивлению, обнаружил, что юный землянин спит в мешке около грядки с овощами.

Землянин спокойно дышал. Из полуоткрытого рта выходил прозрачный туман: ночь была холодная.

Внезапно глаза мальчика открылись.

Эллиот посмотрел вверх в огромные глаза, глаза как две медузы-аурелии с едва различимыми щупальцами энергии в глубине, в глаза, заполненные до краев древним и страшным знанием, в глаза, зрению которых, казалось, доступны все атомы его тела.

А инопланетянин, не отрывая взгляда, смотрел на мальчика, испуганный тем, что он теперь видел так близко: нос у землянина выступает вперед, уши большие и торчат наружу, но безобразней всего глаза, маленькие и темные, как глазки кокоса.

Но тут глубоко сидящие маленькие глаза молодого землянина замигали, и старый ученый прочитал в них ужас. Чтобы успокоить землянина, он протянул ему длинный палец.

Эллиот завизжал, судорожный рывок — и он освободился от спального мешка; потом, не выпуская мешка из рук, вскочил на ноги; инопланетянин отпрыгнул в сторону и, споткнувшись о собственную ногу, издал сверхзвуковой писк, в ответ на который из темноты явилась летучая мышь, но лишь на короткий миг, ибо встреча со страшилищем из космоса отбросила воздушного грызуна назад в ночь, где он и исчез, стуча зубами от ужаса и лихорадочно работая крыльями.

Зубы у Эллиота в это время отбивали дробь, ноги дрожали, волосы на затылке встали дыбом.

А где же защитник дома, Харви?

Он на веранде, выходящей на задний двор, и у него тоже зубы отбивают дробь, ноги дрожат, а шерсть стоит дыбом. До смерти перепуганное животное то прижмется к полу, то, бросившись на дверь, отскочит от нее, как мячик; нос его наполнен запахом, непохожим ни на один из тех, что он узнал за свою жизнь, запахом беспредельных пространств, которые ни одному здравомыслящему псу никогда не захочется исследовать. Он снова лег на живот, попытался сквозь щель в двери просунуть морду наружу, но просунулся только кончик носа; до него докатилась новая волна того же неизвестного запаха, и он сжался от страха и начал грызть щетку.

Существо из космоса снова шагнуло неуверенно к Эллиоту.

Огромные глаза видели всю его суть, он ощущал их взгляд в самых потаенных глубинах; энергия этого взгляда, пронзая его, спрашивала, вычисляла, анализировала. Губы страшного существа сложились в пугающую гримасу, острые маленькие зубы заскрипели. Что ему нужно? Похоже, это существо пытается что-то объяснить.

Древний путешественник вытянул вперед руку и раскрыл ладонь. На ней, огромной и чешуйчатой, лежала последняя остававшаяся у него лепешечка M&M, уже начавшая таять.

Эллиот посмотрел на конфетку, потом на лицо страшилища. Страшилище показало длинным пальцем на свою ладонь, потом на рот.

— Ладно,— тихо сказал Эллиот.

Он расстегнул куртку, достал из кармана пакетик M&M и стал, пятясь, медленно отступать к дому, через каждые несколько шагов кладя на землю конфетку. Ноги у него все еще дрожали, и вовсю стучали, портя дорогую ортодонтическую работу, неподвластные его воле зубы.

Следуя за Эллиотом, старый ботаник подбирал с земли одну за другой лепешечки M&M и жадно их глотал. Пища богов, царей, завоевателей! Если ему посчастливится и он переживет это тяжкое испытание, выпавшее на его долю, он сбережет образчик чудодейственной пищи для своего Капитана, ибо, обладая ею, можно лететь без страха за любые пределы, пересекать вселенные.

Растаявший шоколад капал из уголков рта космического путешественника, покрывал его пальцы. Путешественник лихорадочно их облизывал, и чувствовал, как восстанавливаются его силы; чудодейственное вещество растекалось по его жилам, несло таинственную свою химию в мозг и претворялось там в искры радости и света. Теперь он понимал предназначение жизни на Земле: десять миллиардов лет ее эволюции нужны были для того, чтобы появились M&M.

Можно ли ждать большего от планеты?

Жадно подбирая с земли конфетки, он довольно быстро пересек газон и сам не заметил, как оказался в доме землянина.

Его охватил ужас, и глаза его начали вращаться. Чужой, незнакомый мир окружал его теперь со всех сторон; каждый угол, каждый предмет, каждая тень сокрушительно били по его нервной системе. Но нужно все это вытерпеть, иначе как он сможет добывать для себя и дальше чудесные M&M?

Так, подбирая их, он поднялся по лестнице и прошлепал в комнату мальчика.

Там Эллиот вознаградил его целой пригоршней. Инопланетянин проглотил их все разом. Возможно, это неосмотрительно с его стороны, но кто знает, что его ждет завтра?

Голосовое устройство мальчика заработало:

— Меня зовут Эллиот.

Ничего не понятно. Но тому, кто готов поделиться с тобой своими M&M, доверять можно. Изнемогая от усталости, инопланетянин опустился на пол. На него легло одеяло, и он уснул.

Эллиот долго лежал, боясь заснуть. Уродливое существо спало на полу около кровати Эллиота, и даже под одеялом контуры его казались нелепыми. Откуда оно взялось? Одно Эллиот знал наверняка: таких, как оно, на Земле нет.

Волны энергии наполняли комнату, их было видно, как в пустыне бывает виден зной: вверх поднимается мерцание. Внутри этого мерцания двигался сверкающий разум; инопланетянин спал крепким сном, а в это время будто часовой стоял внутри мерцания и зорко следил за комнатой, и за окнами, и за ночью.

Из коридора донеслось тихое повизгивание, и Эллиот услышал, как зубы Харви грызут косяк, а хвост глухо бьет по полу.

«Что там, в комнате?» — спрашивал себя, нервно грызя дерево, озадаченный пес. Мерцание, которое видел Эллиот, теперь прикоснулось и к нему, проникло в путаные собачьи мысли; было очень любопытно, но и страшно тоже, и Харви снова улегся на пол перед дверью.

Эллиот повернулся на бок и сунул руку под подушку. Его одолевал сон, веки отяжелели, и он соскальзывал сейчас куда-то, соскальзывал, соскальзывал...

Он был на доске для игры в парчизи, игры, в которой он всегда плутовал, и ноги его в этой доске вязли. Но потом он увидел тропинку, намеченную пунктиром из маленьких конфет, каждая конфетка блестела как золотая; это была тропинка, которую он наметил маленькими M&M для своего нового, такого страшного на вид друга, и тропинка эта вдруг стала широкой, неописуемо красивой дорогой через весь мир, и он зашагал по ней.

Проснувшись на следующее утро, инопланетянин не сразу вспомнил, на какой он планете.

— Поднимайся, тебе надо спрятаться.

Легонько подталкивая существо из космоса, Эллиот подвел его к небольшой, в прорезях, как у жалюзи, двери на другой стороне комнаты и закрыл эту дверь за старым ученым.

Почти сразу после этого начали просыпаться и все остальные в доме. Существо из космоса услышало голос старшего мальчика, а потом голос матери.

Мать вошла в комнату Эллиота и заговорила, и ботаник в чулане замер.

— Пора в школу, Эллиот.

— Я заболел, мам...

Инопланетянин посмотрел сквозь прорези в двери чулана. Мальчик снова лежал в постели и, похоже, упрашивал о чем-то высокое, тонкое и гибкое существо, свою мать. Мать сунула в рот мальчику небольшую трубочку и вышла. Мальчик быстро поднял трубочку к источнику света над своей кроватью, нагрел жидкость внутри и, когда за дверью послышались шаги, опять взял трубочку в рот.

— У тебя температура.

— Похоже, да.

— Ты, наверно, ждал ЭТО ночью во дворе?

Мальчик кивнул.

Мать повернулась к чулану. Инопланетянин в углу съежился, но в чулане показалась только рука, протянувшаяся за стеганым одеялом, которое лежало на полке. Мать накрыла этим одеялом мальчика.

— Ты останешься жив, как, по-твоему, если я пойду на работу?

Наверняка он опять ее обманывает, прикидывается больным, но последние дни для него нелегкие; он явно не в себе.

— Ладно,— сказала она,— можешь остаться дома. Но никакого телевизора, понятно? Совсем разболеешься, если будешь целый день торчать перед ящиком.

Она повернулась и шагнула в коридор, но взгляд ее упал на нижнюю часть косяка.

— Эта проклятая собака опять все грызет! Придется надеть ей на зубы резиновые коронки.

Она зашагала по коридору, но вдруг ее качнуло; восстановив равновесие, она пощупала свой лоб. Что-то едва ощутимо его коснулось, будто легко дотронулась кончиками пальцев фея. Но длилось это только миг.

Она открыла дверь в комнату Герти.

— Поднимись и засияй!

Моргая, девочка села в постели и, уже веселая, спустила ножки.

— Мамочка, а мне приснился маньяк!

— Неужели?

— У него была чудна́я длинная шея и большущие выпученные глаза.

— Он был в плаще?

— Он был ни в чем.

— Пора завтракать. Иди скорей, помоги Майклу.

Мэри проследовала дальше, в ванную, там ей предстояло недолгое утреннее мытье невероятно дорогим мылом, которое тает быстрее льда: за два дня большой кусок превратился в крохотную прозрачную пластинку. Но подруга говорит, что это мыло предотвращает появление морщин, пятен, прыщей и бородавок.

Она намылилась, и жалкий обмылок перестал существовать; ну, вот и все, ушли в сток еще шесть долларов.

Она вытерлась досуха — и из тумана, который бродит утром в голове, всплыл сон: ей приснился мужчина, о ч е н ь н е в ы с о к и й, у него был большой живот, и двигался этот мужчина как-то странно, переваливаясь с боку на бок.

Завтракала она, как всегда, стоя, потом бросилась к воротам, где задним ходом уже выводил машину на улицу Майкл.

— Садись, мам,— сказал он, вылезая.

— Спасибо, милый.

Сев за руль, она ухватилась за него с обычной для нее мрачной решимостью; резко отпустила сцепление, прибавила газ, и под одобрительные возгласы Майкла машина с визгом сорвалась с места.

Эллиот, услышав, что мать уехала, встал и открыл дверь чулана. Инопланетянин отпрянул назад.

— Ну, выходи,— сказал, протягивая ему руку, Эллиот.

Переваливаясь, страшилище вышло из чулана и огляделось вокруг. Инопланетянин увидел множество непохожих один на другой предметов, все очень странной формы. Единственным предметом, назначение которого он знал, оказался письменный стол, слишком высокий, однако, для существа с такими короткими ногами, как у него. Ну, а вообще-то не все ли ему равно, какой высоты этот стол? Что ему, письма за ним писать и отправлять на Луну?

— Как же мне тебя называть?— Эллиот посмотрел в огромные блестящие глаза безобразного существа, в глубине которых непрерывно расцветали, увядали и расцветали опять крохотные цветки энергии. Существо двигалось, пыталось освоиться с незнакомой обстановкой, и мальчик, чтобы не мешать ему, отступил назад.— Ты инопланетянин, да?

Инопланетянин мигнул, и Эллиот ощутил, что огромные выпуклые глаза что-то сказали в ответ, но сказанное прозвучало всего лишь жужжанием у него в голове, будто в нее залетела муха.

Эллиот открыл дверь из комнаты в коридор. Инопланетянин неуклюже отпрыгнул назад: по другую сторону двери пускала слюну маленькая противная земная тварь; глаза глупые, полные любопытства, язык — болтливый и злой.

— Харви! Веди себя прилично! Не кусайся, и вообще... Хоро-о-ошая собака. Хоро-оший Харви...

— ...ррррррррр... рррррррррррррр...

Речь маленького злобного существа оказалась коммуникационным средством более низкого, нежели речь мальчика, уровня, а звук был такой, будто заклинило двигатель космического крейсера.

— Ну, видишь, Харви? Он добрый. Он тебе ничего не сделает. Видишь?

Из пальца ноги нелепого существа появился клочок редкого тумана. Харви сунул в туман свой нос, и псу открылись измерения мира, к восприятию которых его собачье сознание готово не было: огромная сотканная из света суповая кость неслась сквозь ночь, сверкала, вспыхивала, и завывание ее эхом отдавалось во всех закоулках древнего космоса.

Пес съежился, в голове у него все помутилось. Из собачьей пасти вырвался полный ужаса стон. Опустив голову, Харви попятился.

— Ты говорить умеешь?— И Эллиот подвигал двумя пальцами, изображая ими говорящий рот.

Престарелый ученый мигнул снова, а потом сам задвигал пальцами, рисуя в воздухе формулы галактических наук, сверхъемкие космические коды выживания, усвоенные им за десять миллионов лет.

Эллиот моргал растерянно, а пальцы инопланетянина молниеносно чертили в воздухе миниатюрные орбиты, спирали, углы, формулируя и иллюстрируя физические законы.

Видя, что землянин ничего не понял, старый ученый опустил руки, но досада его прошла, когда он вспомнил, что перед ним всего лишь ребенок.

Как ему быть? Древний ботаник обдумывал ситуацию. Разница между его интеллектом и мыслительными возможностями мальчика так велика, что непонятно, как приступить к делу.

Вся беда в разнице между уровнями их знаний. Постой... постой...

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

Он попытался было дезорганизовать свое мышление до бестолковости земного, но вскоре отказался от бесполезных попыток. Как он мог надеяться, что земляне поймут переданные жестами великие формулы, эти высшие постижения, рожденные сверхдлинными отрезками времени? Хорошо хоть он M&M умеет попросить.

Эллиот подошел к приемнику, включил его.

— Эта музыка тебе нравится? Нравится рок-н-ролл?

Из радиоприемника неслись звуки, подобных которым космический скиталец никогда не слышал; похоже было на грохот скатывающихся вниз камней. Он закрыл чувствительные уши руками и, съежившись, опустился на пол.

Эллиот огляделся вокруг: что еще следует показать существу из космоса? Он выудил из копилки двадцатипятицентовую монету.

— А вот какие у нас деньги.

Старый ученый не сводил глаз с мальчика, пытаясь понять его речь, но язык землян казался невнятицей.

— Это двадцатипятицентовик.

Мальчик протянул ему маленький, плоский блестящий кружок; цвет не такой, как у M&M, но, может, это еще лучшая пища, может, с ней еще верней выживешь?

Он попытался откусить.

Мусор какой-то.

— Ага, точно,— сказал Эллиот,— это есть нельзя. А ты, видно, опять проголодался? Я тоже, пойдем поедим. Харви,— и Эллиот погрозил собаке пальцем,— уходи с дороги.

Харви заскулил и, поджав хвост, неслышно отошел в сторону, потом потрусил вслед за Эллиотом и страшилищем вниз, на кухню. Там он лег возле своей миски и постарался довести до сведения Эллиота, что ему, Харви, чтобы успокоиться, необходимы собачьи консервы «Алпо», и хорошо бы целую жестянку, хотя и жестянка для него сущие пустяки. Но Эллиот не обратил на него внимания, и Харви осталось только грызть края миски, чем он и занялся.

А Эллиот доставал что нужно для приготовления своего любимого утреннего блюда.

— Вафли сделаю,— сказал он и начал взбивать и перемешивать тесто.— Мое коронное блюдо. Ты когда-нибудь пробовал?

Старый ботаник смотрел, как один за другим появляются незнакомые ему предметы, но к полетам в космосе ни один из этих предметов отношения не имел. Он смотрел, и его огромные выпуклые глаза вращались, фиксируя подробности происходящего, которые все были ему непонятны.

А Эллиот тем временем уже перелил тесто в вафельницу.

— Видишь? Печется.

Ноздри у древнего путешественника задвигались, и, переваливаясь, он подошел к вафельнице. Пахло восхитительно, как от M&M, только сильнее.

Эллиот вынул готовую вафлю и стал выдвигать ящики в буфете.

— ...сироп, масло, фруктовые консервы, а сверху на вафлю, может, взбитых сливок?

Безобразное существо подпрыгнуло: в воздухе вдруг прибавилось озона, а из руки мальчика ударила белая струя.

— Не бойся, это вкусно.— Эллиот увенчал все лепешечкой M&M и протянул тарелку с вафлей древнему путешественнику.— И вот вилка. Умеешь ей пользоваться?

Ученый преклонных лет посмотрел на длинные сверкающие зубцы. Лучший в смысле механики предмет, какой он до сих пор видел в этом доме. Будто огоньки замерцали у него в голове. Вот именно, предмет с четырьмя параллельными зубьями... прикрепленными... к чему? На какой-то миг он почти увидел устройство, которое его спасет,— словно яркая вспышка осветила глубины его сознания, где возникал сейчас образ этого устройства.

— Ею едят. Видишь? Смотри, как я делаю...

Повозившись, ученый вытащил из взбитых сливок M&M. Он съел драже и принялся за сливки, ощущая во рту ошеломляющие сочетания чередующихся поразному химических элементов; снова и снова вилка его погружалась в нечто легкое как облако, и формулы сочетаний одна за другой выскакивали в его сознание. Лучшей пищи просто не может быть!

— Молока хочешь? На, выпей стакан.

Белая жидкость заплясала, выплескиваясь на пальцы инопланетянина; форма его губ плохо подходила к форме стакана, поэтому бóльшая часть жидкости вылилась ему на грудь, на ту ее сторону, где помещался свет-его-сердца.

— Ой, ты ничего не умеешь, да?

Втыкая вилку в хрустящую вафлю, старый ученый не отрывал глаз от четырех острых зубцов. «Дзик, дзик»,— постукивали о тарелку зубцы.

Эллиота вдруг качнуло, будто могучая волна прокатилась над ним; его переполнили незнакомые чувства, словно он утратил что-то несказанно прекрасное, что должно было бы принадлежать ему, принадлежать всегда.

Дзик, дзик, дзик...

Устремив внутренний взор к высотам знания, древнее существо закрыло глаза. А может, все-таки найдется где-нибудь в дальних далях ухо, которое услышит песню четырех зубцов? Но как привлечь его внимание? Как этот маленький предмет поможет перекинуть мост через Вселенную? Жаль, что он никогда не прислушивался к разговорам навигаторов и связистов, ведь они знают об этих вещах куда больше, чем он.

— Сейчас повеселимся,— сказал Эллиот, стряхнув с себя грусть, и взял страшилище за руку.— Пошли.

Длинные пальцы, похожие на корни растений, сплелись с его пальцами, и на мгновение Эллиоту показалось, будто он ведет за руку ребенка младше себя, но тут снова накатилась бесшумная волна, в ней были тайны звезд и законы космоса, и Эллиот понял, что существо это старше его, и на очень много старше. Что-то изменилось в Эллиоте, сдвинулось совсем чуть-чуть, словно повинуясь силе такой же таинственной, какая возвращает в правильное положение гироскоп; он заморгал в изумлении от охватившего его чувства, что и он дитя звезд и никогда, никогда не совершал ничего во вред другому.

Он повел ковыляющее страшилище к лестнице. Харви последовал за ними, в зубах он держал миску: вдруг по дороге попадется что-нибудь вкусное.

Эллиот, возглавляя шествие, вошел в ванную и сразу же направился к зеркалу: интересно, видело себя когда-нибудь это существо?

— Видишь? Это ты.

Звездный путешественник преклонного возраста посмотрел на свой облик в грубом отражающем стекле Земли. Он не увидел ауры, благодаря которой для него возможны более высокие уровни общения; в стекле не видно было, как пульсируют, сверкая, над его головой радужные прозрачные волны. Зеркало не показывало самого красивого, что в нем есть.

— Смотри: это рука...

Эллиот поднял свою верхнюю конечность. В элементарном жесте космический путешественник тоже поднял руку и молниеносными движениями пальцев начертил в воздухе формулы теории сверхскоростных ракет, кратчайших маршрутов между звезд и космического прорицания.

— Ой, какие же чудные у тебя пальцы!..

Моргая по-земному медленно, молодой землянин разглядывал сами пальцы, в то время как следить нужно было за их наполненной смыслом виртуозной жестикуляцией. Какой ужас, этот землянин глупее огурца!

— Отсюда мы берем воду,— сказал, поворачивая краны, Эллиот.— Смотри, горячая. А это холодная. А? Там, откуда ты прилетел, вода есть?

Старое существо набрало воды в ладонь и поднесло к лицу. Глаза его перефокусировались для микроскопического ви́дения и, через секунду адаптировавшись, стали изучать мир обитающих в воде крохотных организмов.

— Нравится вода, да? А посмотри теперь. Правда, здорово?— Эллиот пустил воду в ванну и показал рукой инопланетянину, чтобы тот залезал.— Лезь, это неопасно.

Древний путешественник наклонился над ванной; она очень напоминала исследовательские резервуары на родном корабле, куда ученые погружаются, чтобы наблюдать живущие в воде микроорганизмы.

Зазвенел звонок. Ученый в ванне подпрыгнул, расплескав воду большими ступнями. Что это? Не является ли эта вода средством тайного наблюдения за ним? Не лаборатория ли это, не хотят ли здесь измерить излучаемые им волны?

— Не бойся, это телефон.

Эллиот выбежал из ванной, а существо из космоса, убаюканное тихим журчанием, успокоенное танцем крохотных организмов, погрузилось с головой, отключило легкие и вытянулось. Сфокусировав зрение на расстояниях порядка атомных, ученый начал разглядывать молекулу воды, наблюдать скрытую в ней энергию. Нельзя ли как-нибудь ее использовать?

Харви, ступая осторожно, как бы случайно оказался возле ванны. В ней во время ежегодного вымывания блох он пережил некоторые из худших моментов своей жизни; встав на задние лапы, он посмотрел теперь через край ванны на того, кто, пребывая в ней сейчас, от этого, по-видимому, совсем не страдал. Разглядывая это существо, Харви вспомнил большую и кусачую старую черепаху, на которую когда-то попытался напасть сзади; встреча кончилась для него плохо, итогом ее явился страшный укус, от которого потом очень долго болел нос Харви. Так что... на этого чужака, с головой погрузившегося в воду, лучше смотреть издали. Интересно, будет его Эллиот мыть шампунем от блох или нет?

Эллиот вернулся, заглянул в ванну и рывком поставил космическое существо на ноги.

— Эй, так и захлебнуться можно!

Харви понял, что мыть шампунем не будут. По-видимому, у чужака блох нет.

— Что же ты за гном? Может, ты полуводяной?— спросил Эллиот.

«Лишь бы не кусачая черепаха»,— подумал Харви и на всякий случай осторожно прикрыл лапой нос.

— Вот полотенце, ты ведь знаешь, для чего оно?

Видавший виды, знавший соседство сверхновых путешественник растерянно смотрел на протянутый ему предмет и не мог понять, зачем тот нужен: ведь его собственный кожный покров обладает водоотталкивающими свойствами. Он взял полотенце, посмотрел на него, посмотрел на мальчика.

— Ну, вытирайся же, болван!..

Руки мальчика коснулись его тела. Пальцы землянина вжались в его ноющую спину, и он сразу ощутил наличие целительных составляющих. Спасибо, молодой человек, это очень мило с вашей стороны.

— Смотри, у нас у каждого свое полотенце. Это мое, это Майкла, это Герти, это мамино. Это раньше было папино. Он сейчас в Мексике. Ты туда летал хоть раз?— Существо из космоса моргнуло, приняв в коммуникационном диапазоне мальчика волну грусти. Мальчик шагнул к нему и вытянул руки в стороны, изображая крылья.— Ты ведь летаешь в своем корабле в самые разные места, правда? У тебя ведь есть корабль?

В сознании инопланетянина появился его корабль, от корпуса, опоясанного древними письменами, исходил мягкий бледно-лиловый свет. Свет-его-сердца чуть заметно вспыхнул в ответ и погас, и теперь грусть мальчика стала собственной его грустью.

— Это полотенце пусть будет для тебя,— сказал Эллиот.— Оно твое. Мы сделаем на нем метку ИП — инопланетянин.— Он опять потрогал страшилище: до чего же у того странная кожа! Снова сквозь Эллиота прокатилась волна, и теперь Эллиот знал, что существо это древнее Мафусаила, старее самой старости.— Ты еще и вроде змеи, да? До чего же ты чудно́й, скажу я тебе!

«Ж-жж, ж-жж, ж-жж»,— втекала в него энергия мальчика. У землян эти силы необычайно интересны: дай им малейшую возможность проявиться, и ты увидишь, что они у землян хоть и неуправляемые, но добрые.

Древний ученый ответил движениями пальцев, объяснив ими на этот раз строение атома, любовь звезд и происхождение Вселенной.

— Опять захотелось поесть? Печенье «Орео» годится?

Харви завилял хвостом. «Орео» так «Орео» — не самая любимая его еда, но собака, которая обгрызает щетки, привередничать не станет.

Харви прошел за ними по коридору в комнату Эллиота, там гостю дали печенья. Пес заворчал и начал стучать миской об пол.

— Ты и так растолстел, Харви.

Это он растолстел?! Смотрите, как ребра вылезли! Но обманывать Эллиота становилось все труднее; теперь любимчиком стало непонятное существо.

Эллиот в это время уже открывал дверь чулана и говорил:

— Нужно оборудовать тебе здесь место. Будет все, что нужно.

Но старый-престарый межзвездный путешественник смотрел не на него, а на застекленный потолок чулана. На стекле был нарисован дракон, крылья у него были широко расправлены, и сквозь рисунок в комнату проникал мягкий солнечный свет.

— Нравится? А вот посмотри еще.

Эллиот раскрыл книгу, лежавшую на полу, и они со страшилищем стали рассматривать в ней картинки.

— Это домовые... а это гномы...

Глаза инопланетянина прошли через несколько последовательных перефокусировок, и одна из них позволила ему установить происхождение волокон, из которых состоит бумага, а потом глаза перефокусировались в прежнее состояние, к масштабу нарисованного маленького пузатого существа, не лишенного сходства с ним, которое смотрело на него со страницы.

Не приходилось ли другим космическим путешественникам когда-то давным-давно оставаться здесь тоже по воле случая?

Эллиот оставил инопланетянина рассматривать картинки в книге, а сам начал раскладывать в чулане одеяла и подушки. Ему и в голову не приходило спросить себя, почему он прячет страшилище или в чем вообще заключается смысл происходящего; он сейчас был как самолет, который идет на автопилоте, не задавался вопросами, не хитрил с самим собой, не придумывал для себя отговорок. Он знал одно: ЭТО доверено ему звездами, и он должен доказать, что доверия заслуживает, или же умереть.

— Тебе здесь понравится,— сказал он громко из-за двери.

Повинуясь пульсирующим внутри него сигналам, разум и тело Эллиота совершали все свои движения как-то очень легко. Он не мог знать, что его коснулся и направил на новый для него путь некий космический закон; он знал только, что так хорошо ему еще не было никогда.

Харви, увы, ничего подобного не ощущал; обгладывание каблуков мало дало его душе, еще меньше — желудку. Утешила только мысль, что еще до полудня он сможет укусить за ногу почтальона.

Внутри чулана перед дверью Эллиот выставил шеренгу мягких игрушечных животных.

— Это для маскировки. Если ты станешь с ними в ряд, никто не заметит разницы.

Представитель сверхвысокой цивилизации ошеломленно смотрел на происходящее.

Эллиот внес в чулан настольную лампу.

— Свет. Видишь?

Он включил лампу, и ее резкий слепящий свет больно ударил в сверхчувствительные глаза путешественника. Инопланетянин попятился и угодил в стоявший сзади проигрыватель — задел длинной рукой иглу и, сдвинув ее, поцарапал пластинку. Но хотя звук царапающей пластинку иглы был ужасен, в голове у него снова затанцевали огоньки и замелькали планы спасения, все лучшие и лучшие. Взять вилку и... что-нибудь крутящееся, вроде этой штуки, которую он задел нечаянно... Что-то должно крутиться, а что-то... царапать...

Он во все глаза смотрел на проигрыватель, надеясь, что именно в нем найдет решение, и в голове у него прокручивалось все, что он знал о коммуникационных устройствах.

Он топтался, поворачивался то туда, то сюда, отыскивая взглядом металлические предметы, которые могли бы ему пригодиться. Вытащил ящик из письменного стола, вывалил его содержимое на пол.

— Эй, поосторожней,— сказал Эллиот.— От меня требуют, чтобы в комнате был порядок.

Взгляд древнего ученого остановился на приколотом кнопками к стене плакате, изображавшем полуобнаженную принцессу-марсианку, лишь кое-где прикрытую полосками чудом держащегося на ней сверкающего металла.

Он пристально разглядывал ее самоё, ее лучевой пистолет, ее шлем, ее сапоги цвета электри́к.

— Нравится?— спросил Эллиот.

Старый путешественник поднял руки, сблизил их и стал медленно опускать вниз, разводя в стороны, очерчивая в воздухе более классический тип красоты — грушевидный, расширяющийся книзу силуэт.

— Такие у нас тоже есть, только их не очень много,— сказал Эллиот, потом взял старого ботаника за локоть и осторожно потянул к чулану.— Будь там, ладно? Там.

Источенный временем путешественник проследовал, шаркая, в свое убежище. Он, в чьем ведении были когда-то растения в самых великолепных дворцах космоса, теперь вынужден ютиться в чулане!

Сгорбившись, он опустился на пол. Где его корабль, это чудо Вселенной? Он так ему нужен!

— Посмотри,— сказал Эллиот,— здесь даже окошко есть.— Он показал на небольшой квадрат стекла над головой.— И вот настольная лампа.— Он включил ее.— Ну, пока. Пойду куплю еще печенья и другого чего-нибудь.

Дверь чулана закрылась. Путешественник зажмурился от резкого света лампы, потом взял с полки красный носовой платок и покрыл им абажур. Свет смягчился и стал пастельно-розовым, очень похожим на мягкий свет внутри корабля.

Во что бы то ни стало нужно подать о себе весть, сообщить товарищам по экипажу, что ты жив.

Снова возник образ столовой вилки, четыре зубца ползли по кругу: жжик, жжик, жжик...

Въезжая к себе, Мэри задела крылом баки для мусора, они повалились, а мусор, высыпавшись, образовал огромную кучу. Но какое это имело значение? Важно, что она наконец дома. Выключив зажигание, она не вылезла из машины, а осталась сидеть за рулем: все силы, физические и душевные, были исчерпаны. Может быть, ей нужен женьшень? Или обыкновенный джин?

Она открыла дверцу и чуть не на четвереньках вылезла из машины. Остановила взгляд на окошке чулана Эллиота на втором этаже — на днях Эллиот поселил туда одного из своих игрушечных домовых.

Ну и игрушки делают теперь для детей! Посмотришь — и у тебя начинаются галлюцинации.

Она пошла к дому. В дверях ее встретил Харви, он держал в зубах миску.

— Не смотри на меня так, Харви, я и без твоих взглядов чувствую себя кругом виноватой.

Обойдя клянчащего пса, она подошла к столику для корреспонденции.

Вдруг письмо от какого-нибудь тайного вздыхателя? От Бродячего Мертвяка, например?

Ничего стоящего, только счета, просроченные счета, давно просроченные счета и еще письмо от какого-то общества, собирающего пожертвования. Нет уж, она скорей удавится, чем пожертвует.

Она крикнула своему маленькому племени:

— Кто-нибудь дома есть?

Ответил ей только Харви.

— Брось миску,— сказала она ему.

Усталая, она не могла заставить себя подняться с кресла около столика для корреспонденции. У лба ее зажужжала муха, она отмахнулась, не помогло, она отмахнулась еще раз и поняла, что никакой мухи нет: жужжит у нее в голове.

Теперь она начнет слышать телефонные звонки, а пройдет еще немного времени — и голоса.

Ну, довольно: для нервного срыва время сейчас самое неподходящее. Она поднялась наконец, прошла на кухню и там, взглянув на пол, сразу поняла, что Эллиот снова готовил для себя полноценный завтрак. Она стерла потеки и сварила себе чашку крепкого кофе.

Потом стала пить его не спеша, одновременно рассматривая свои ступни. Усталые ступни. Ступни, которым так хочется забастовать.

— Эй, кто-нибудь дома есть?— повторила она.

Разумеется, они ей не ответили.

Задняя дверь распахнулась, бабахнув, как пушка, и появился Майкл — словно въехал на слоне.

— Привет, мам, как прошел день?

— Хорошо. А у тебя как?

Майкл пожал плечами; что он хотел этим сказать, она не поняла.

— Пойду в регби поиграю,— сказал он, и было ясно: ничто, ну абсолютно ничто не помешает ему свое намерение осуществить.

— Прекрасно,— сказала она.— Топай, развлекись.

Небрежно, будто давая разрешение, которого у нее никто не спрашивал, она махнула рукой. Потом снова уставилась в свою кофейную чашку...

Надев наплечники, Майкл нахлобучил шлем; сегодня ему хотелось все крушить, накопившаяся энергия требовала выхода. Два широких шага — и он уже на втором этаже, но там стоял, загораживая ему дорогу, Эллиот.

— Майкл...

— Как поживаешь, мошенник?— пробормотал, отталкивая его, Майкл.

— Есть важное дело.

— Дело? Какое?

— Помнишь домового?

— Домового? А ну-ка, дай дорогу!

— Постой, Майкл, дело это очень серьезное. Он вернулся.

— Эллиот...— Майкл был совсем не в восторге от того, что у него есть младший брат. Для него Эллиот был маленьким хищником с мелкими, гнусными хитростями, вроде ласки — именно так, например, он играет в парчизи.— Пусти меня.

— Я тебе его покажу, но только он все равно мой.

Майкл заколебался.

— Ну, давай, только быстро.

— Сперва поклянись самой страшной клятвой, какую знаешь.

— Ну ладно, ладно, покажи. Скунс, наверно, или что-нибудь похожее? Он у тебя в комнате? Мама тебя убьет.

Эллиот повел Майкла по коридору к себе.

— Сними наплечники,— сказал он, когда они вошли в комнату.— А то он может испугаться.

— Эллиот, не сходи с ума.

Эллиот подвел его к чулану.

— Закрой глаза,— сказал он Майклу.

— Зачем?

— Просто так — ну, прошу тебя.

В чулане в это время инопланетное существо пыталось вспомнить все, что оно знало о передатчиках: во что бы то ни стало нужно было сделать передатчик. Оно слышало, как двое молодых землян вошли в комнату Эллиота, но, роясь в памяти, пытаясь найти там схему передатчика, их приближение игнорировал.

Войдя, Эллиот обнял ботаника за плечи и кивнул ободряюще.

— Пойдем, я познакомлю тебя со своим братом.

Они вошли в комнату, и в этот миг из коридора в нее вбежала только что вернувшаяся из детского сада Герти. Увидев страшилище, она завизжала, как завизжало само страшилище и завизжал, открыв глаза, Майкл. Их одновременный визг пронзил дом насквозь и достиг его командного центра, где сидела и пыталась вывести себя из состояния оцепенения Мэри.

— О боже!..

Еле передвигая ноги, она поднялась по лестнице и пошла к комнате Эллиота. За день вымотаешься на работе, а когда вернешься домой, тебя ждут сюрпризы.

Хорошо хоть, что он поддерживает теперь в комнате порядок.

Она распахнула дверь. Все вещи Эллиота были вывалены на пол. Мэри посмотрела на Эллиота. Как он может стоять среди всего этого разгрома с таким невинным выражением лица?

Продолжение следует.

Перевел с английского Ростислав РЫБКИН.

Литературный глобус «Смены»

УП

Уильям КОТЦВИНКЛ

САТИРИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

— Что здесь произошло?

— Где здесь?

— Где? Это не комната, а свалка.

Старый космолог, сжавшись, сидел в чулане между Герти и Майклом.

Через одну из щелей в двери чулана он разглядывал мать этих детей — она показывала сейчас на вещи, которые он, когда искал детали для передатчика, побросал на пол.

— Эллиот, я слышала, как визжала Герти. Почему она визжала?

— Не знаю — просто вбежала в комнату, завизжала, и все.

Мэри задумалась. А как сама она, когда была маленькая, вбегала в комнаты, визжала безо всякой на то причины? Такое случалось, и часто. И сейчас ей тоже хочется завизжать. Может, повизжать на него, а потом уйти?

— Я не хотела на тебя орать, Эллиот. Извини меня. Но убери комнату, пока я тебя не убила.

Мэри повернулась и вышла. Когда она уже спускалась по лестнице, дверь чулана открылась, и Майкл, Герти и древний ботаник снова появились в комнате.

Майкл из чулана вышел с чувством, будто он бежит на дистанцию пятьдесят ярдов и ему преградил внезапно дорогу паровой каток; от неподвижного сидения тело у него онемело, и его не оставляла мысль, что все это ему снится, а может, он-таки пошел играть в регби, столкнулся с кем-то головами и лежит без чувств. Однако рядом Герти, как всегда надоедливая, и Эллиот в натуральную величину. И страшила.

— Эллиот, мы должны рассказать маме.

— Нельзя, Майкл. Она захочет поступить как полагается. А ведь ты понимаешь, что это значит, да?

— Он хоть говорить умеет?

— Нет.

— Ну, а зачем он на Земле?

— Не знаю.

Мальчики одновременно посмотрели на Герти, которая, широко открыв глаза, смотрела на существо из космоса.

— Он ничего тебе не сделает, Герти. Можешь его потрогать.

Инопланетянин не стал противиться, он позволил детям ощупывать его, тыкать в него пальцами; послания детских пальцев ритмичными пульсациями шли к рецепторам в глубине его тела, и хотя послания эти были сбивчивые, путаные, назвать головы, их родившие, глупыми было никак нельзя. Но по силам ли им поднять его в Великую Туманность?..

— Не рассказывай о нем никому, Герти, ладно? Даже маме.

— А почему не рассказывать?

— Потому... потому что взрослые его не видят. Его видят только дети.

— Ты врешь.

Эллиот взял из рук Герти куклу.

— Знаешь, что будет, если ты скажешь?

Он вывернул руку кукле за спину.

— Не надо! Не надо!

— Обещаешь, что не будешь рассказывать?

— А он откуда, с луны?

— Ага, с луны...

Лежа на полу в спальне, Мэри повторяла упражнения, передававшиеся сейчас по телевизору. Показывали пятидесятилетнюю шведку без единой морщинки на лице и ее партнера, наихудший вариант дебила.

— ...и — раз... два... три...

Мэри старательно повторяла их движения, но сбилась с ритма, выключила звук и теперь просто лежала на ковре.

Из комнаты Эллиота глухо доносились голоса детей. Не может быть, чтобы чутье ее обманывало, они явно что-то замышляют; в доме какое-то напряжение. Не потому ли в голове у нее снова жужжит?

Пора кормить ее голодных малюток.

— Ну-ка, — крикнула она им, уже идя по коридору, — пошли, поможете мне с обедом!

Ответа, естественно, не последовало.

Сегодня у нее будет индейка в тесте и... минутку... картофельное пюре-полуфабрикат, это будет чудесно, и соленое сухое печенье.

Она принялась за стряпню, поглядывая время от времени в кухонное окно на свой двор и на соседний, где, будто спятивший великан на детском автомобильчике, разъезжал на газонокосилке хозяин. В ее дворе травы не было из-за Харви: тот перекопал всю землю в поисках несуществующих костей. Сейчас Харви смотрел на нее и клянчил, как он это умел, ушами — одно торчит вверх, другое свисает.

— Кто изгрыз щетку, Харви? Не знаешь? Наверно, кто-нибудь из наших знакомых?

Харви облизнул нос.

— Что, Харви? Что ты такое увидел? Может, мимо нас опять прошла эта крошка с бантом, французский пудель?

Харви опустил голову и негромко зарычал, потом заскулил. День скоро кончится, а обеда до сих пор нет. Все забыли о самом важном — кормлении собаки. Что происходит? Не из-за уродины ли это, которая теперь живет наверху?

Видно, придется ее съесть.

Мэри пошла к лестнице и, как любящая мать, позвала семейство обедать:

— А ну, спускайтесь, не то...

Немного погодя по лестнице затопали носороги, и появился наконец ее выводок; вид у всех троих был таинственный.

— Что вы затеяли? Выкладывайте, я ведь вас насквозь вижу.

— Ничего мы не затеяли, мам.

Герти посмотрела на куски индейки.

— Ньям-ньям!

— Сейчас, дорогая. Эллиот, передай, пожалуйста, соль.

— Я сегодня оборудовал свой чулан под жилье, — сказал, избегая ее взгляда, Эллиот.

— Под какое еще жилье?

— Ну, вроде как логово.

— Скажи правду, Эллиот, тебе это логово нужно не для того, чтобы прятаться от жизни? Мальчикам не следует проводить все время в чулане.

— Не все время. Только некоторое.

— Я должна это обдумать, — сказала Мэри, и все поняли, что выбора у нее нет, что Эллиот будет приставать к ней с чуланом до тех пор, пока она не сдастся. Она попыталась незаметно перевести разговор на другую тему: — Пюре просто восхитительное, правда?

— Ньям-ньям!

— Пожалуйста, Герти, раз нравится, бери еще.

— В детском саду я ем лучше, — сказала Герти. — Нам дают большие шоколадные пончики.

— Да? Мне придется поговорить об этом с директором сада.

— Он маньяк.

— Герти, не употребляй слова, которых не понимаешь.

— Ма-а-ньяк, ма-а-ньяк, — запела Герти негромко, и Мэри закрыла лицо руками.

Инопланетянин крадучись вышел из чулана. Сфокусировав глаза на расстояниях порядка атомных, он окинул комнату взглядом. В поле его зрения появились танцующие по кругу электроны; но от вихрей микрокосма никакого проку в этом случае нет. Нужны твердые тела, такие, как... как проигрыватель.

В один миг он перефокусировал глаза на обычное зрение и направился, шаркая, к вышеназванному предмету. На диске ничего не было. Он поставил на него палец и крутанул.

Как приспособить сюда столовую вилку?

«Жди ответа, *он будет*», — сказал голос в глубинах его сознания.

Старый путешественник кивнул. Спасение придет через сигналы, нитями выпрядаемые в ночь, через нити надежды, через сотни миллионов таких нитей, блестящих, как шелковистые волокна на голове гибкого существа.

С нижнего этажа доносилось звяканье вилок (теперь он узнавал этот звук сразу), а также звон посуды и искаженная расстоянием тарабарщина.

— *Мамочка, почему дети все могут видеть, а взрослые не могут?*

— *Что же ты такое видела, Герти?*

— *Мамочка, а что это за люди, которые непохожи на людей?*

Что-то говорило человеку, который не был похож на человека, что намеренно дети его не предадут, но от маленькой девочки можно ожидать неприятностей: ведь она не понимает, что необходимо скрывать факт его пребывания в доме.

Пока, однако, он вроде бы в безопасности. Обед, похоже, кончается; наверняка съели огромное количество M&M. Может быть, скоро их принесут и ему? Хорошо бы!

— *Ну ладно, кто будет мыть посуду?*

Одновременно с голосом гибкого существа он воспринял телепатически и ее образ — голову, обрамленную сиянием волос, которые тоньше и мягче шелка. Вот если бы еще нос у нее... был больше похож на раздавленную брюссельскую капусту...

Он снова крутанул пальцем диск проигрывателя.

На лестнице послышались шаги Эллиота, и с подносом в руках мальчик появился в комнате.

— Вот твой ужин, — прошептал он.

На тарелке были листья латука, яблоко и апельсин. Древний ботаник взял апельсин и, не снимая с него кожуры, съел.

— Ты их всегда так ешь?

Инопланетный путешественник нахмурился; орган химических анализов внутри его организма советовал ему в следующий раз апельсин вымыть.

— Ну, как вообще жизнь? Хорошо себя чувствуешь? — Взгляд Эллиота упал на крутящийся диск. — Хочешь послушать что-нибудь?

Страшилище дало понять, что хочет. Эллиот поставил пластинку и опустил на нее иглу.

— *«Переломы буду-ут, но ведь это рок-н-ролл...»*

Старый звездопроходец слушал диковинные звуки, смотрел, не отрываясь, как крутится пластинка, а сам думал о передатчике. Нет, на этот звук камней, скатывающихся с горы, Корабль Наполненной Чудесами Ночи не откликнется. Передавать нужно на своем языке. Как смодулировать его звуки? Как преобразовать их в частоты микроволнового диапазона?

Из коридора донесся голос гибкого существа:

— *Что ты собираешься делать, Герти, милочка?*

— *Я иду поиграть в комнате Эллиота.*

— *Не разрешай ему тебя мучить.*

Девочка вошла в комнату, она везла маленькую тележку, полную игрушек. В тележке был также горшочек с геранью, она взяла его и поставила у ног старого ботаника.

Он смотрел на подарок и не мог оторвать глаз. Свет-его-сердца замерцал.

Благодарю тебя, девочка. Очень мило с твоей стороны.

Появился Харви. Он обнюхал страшилище, потом направился к герани. Может быть, нужно ее полить?

— Меньше эмоций, Харви, — сказал Эллиот.

Заглянул Майкл, в душе надеясь, что страшилище исчезло, но оказалось, что оно на месте, по-прежнему нужно иметь с ним дело. Майкл посмотрел на него внимательно, потом повернулся к Эллиоту:

— А может, это просто какое-нибудь животное из тех, которых считают вымершими?

— Не придумывай, Майкл.

— Но я в инопланетян не верю!

— А я теперь верю. Да и всегда верил.

Герти высыпала перед страшилищем на пол свои приношения.

— Вот пластилин. Ты им умеешь играть?

Инопланетянин взял пластилин и поднес ко рту, явно собираясь откусить.

— Да нет же, глупый, из него лепят!

Герти показала, как, и он скатал между ладонями шар.

— У меня мысль, — сказал Эллиот. — Где глобус?

Майкл подал ему. Эллиот повернул глобус Север-

Продолжение. Начало в №№ 10, 11.

ной Америкой к космическому путешественнику.

— Смотри, вот здесь мы.

Путешественник кивнул: он узнал этот кусок суши, он часто видел его, когда под примерно таким же углом пролетал в Корабле Веков над планетой. Да, он знает эту планету, знает ее хорошо...

— Ага,— сказал Эллиот,— здесь мы и живем. А где живешь ты?

Старый ученый повернулся к окну, устремил взгляд на усыпанное звездами небо.

Эллиот открыл атлас и показал схему Солнечной системы.

— Ты из нашей части Вселенной?

Инопланетянин разделил пластилин на шесть частей, скатал шесть шариков и разложил их на схеме Солнечной системы, один на месте Солнца, а пять вокруг.

— Пять? Ты не с Юпитера?

Он не мог понять, что́ они говорят, он понимал только, что они его о чем-то спрашивают. Он показал на пять шариков и позволил течь энергии из кончиков его пальцев. Шарики поднялись в воздух и поплыли над головами детей.

Шарики кружили по своим орбитам, а дети издавали короткие нечленораздельные звуки.

— Ой... как же это...

Что с ними, уж не обидел ли он их?

От отключил силовое поле, и шарики попадали на пол.

После этого, взяв горшочек с геранью, он удалился в чулан.

— Мамочка,— сказала Герти,— у Эллиота в чулане страшила.

— Прекрасно, дорогая.

Мэри лежала на диване в гостиной, положив ноги повыше, и старалась не слышать детей, что вскоре стало совсем невозможно: Эллиот ударил Герти свернутой в трубку газетой.

— А-ааааааааааа!— завопила Герти.— Я тебя не люблю, Эллиот!

— Эллиот, прекрати сейчас же!— Мэри повернула лицо, покрытое толстым слоем крема.— Не трогай Герти.

— Почему?

— Потому что она твоя сестра.

— Пошли, Герти,— сказал, внезапно меняя тон, Эллиот.— Мы с тобой поиграем во дворе.

— Так-то лучше,— сказала Мэри и вернула голову в прежнее положение. Прислушалась: Эллиот выводил Герти во двор. Ведь может же быть с сестренкой любящим и ласковым, когда захочет...

— *Скажи еще хоть словечко о страшиле,*— прошипел Эллиот, когда они с Герти сошли с крыльца,— *и я повырываю волосы у всех твоих кукол!*

— Попробуй только,— сказала Герти, упершись маленькими кулачками в бока.

— Герти, этот страшила... ведь это подарок нам, да еще какой!..— Эллиот с трудом продирался сквозь собственные мысли, пытаясь найти слова, которые передали бы владевшее им чувство, что в их жизнь вошла некая высокая цель и лучше того, что происходит сейчас, с ними еще никогда ничего не бывало.— Мы обязательно должны помочь ему, ясно?

— А для меня он все равно как большая игрушка,— сказала Герти.

— Он совсем не игрушка. Он удивительное живое существо *оттуда.*

И Эллиот показал на небо.

— Все равно он как игрушка.— Герти надула губы.— А мама говорит, что мы должны делиться игрушками друг с другом.

— Ты сможешь им играть. Но только это должен быть наш секрет.

— Се-екрет, се-екрет, я зна-аю секрет!..— пропела Герти. Когда она снова посмотрела на Эллиота, в глазах у нее прыгали чертики.— А что ты дашь мне, если я не скажу?

— А чего ты хочешь?

— Твое маленькое радио, по которому ты разговариваешь с ребятами.— И Герти торжествующе улыбнулась.

Такой радости в ее жизни не было еще никогда: теперь она может заставить брата, хоть он и старше ее, делать все, чего она потребует.

— Ладно,— сказал он,— бери.

— И еще ты будешь играть со мной в куклы.

Эллиот смотрел на нее как затравленный зверь.

— ...и все куколки будут пить чай.— Герти накрывала у себя в комнате игрушечный столик. Куклы, большие и маленькие, сидели вокруг него и мило болтали.—...И моя кукла говорит твоей кукле: «Как ужасны мальчишки!» А твоя кукла говорит...

Эллиот безропотно слушал, что именно должна сказать его кукла, а потом это говорил, одновременно заставляя куклу поворачивать голову, тянуться за чаем. С тоской вспоминал теперь Эллиот то прекрасное время, когда он стремительно проезжал на роликах по кукольным чаепитиям Герти и с хохотом уносился прочь. Неужели те времена никогда больше не вернутся?

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

Мэри проходила мимо открытой двери и заглянула.

— Ой, Эллиот, как мило с твоей стороны!— воскликнула она радостно.

— Эллиот теперь будет играть со мной в куклы каждый вечер!— сказала, сияя от счастья, Герти.

Кукла Эллиота застонала и соскользнула под столик.

Когда Тайлер пришел играть в «Подземелья и драконы», он не поверил своим глазам: с Герти в кухне был Эллиот, который в переднике готовил для нее что-то на игрушечной плите.

— Эй, ты что, того?

Долговязый, преждевременно вытянувшийся Тайлер прислонился к косяку. Одни только длинные руки и ноги.

— Что вкусного стряпаешь, Эллиот?— И Тайлер сложился вдвое над игрушечной плитой, возле которой радостно хлопотала Герти.

— Будь другом, Тайлер, исчезни.— И Эллиот вытер руки о передник с цветочками.

— Могу, но ведь у нас сегодня «Подземелья и драконы». Ты что, забыл?

— Эллиот будет играть со мной до конца своей жизни,— заявила Герти.

Открылась дверь, и вошел Грег, похожий в своей блестящей переливающейся рубашке на многоцветный леденец.

— Привет, что здесь происходит?

— Ничего,— прошипел над «тестом» Эллиот.

— С драконьим мясом мы-ы,— запела Герти,— печем здесь пирожки-и!

Грег повернул стул спинкой вперед и сел на него верхом.

— Да-а,— протянул он,— теперь меня уже ничем не удивишь.

Он во все глаза смотрел на Эллиота, который, насколько он знал, был как все братья на свете: играл с сестрой, только если было интересно ему, например, щекотал ее чуть не до истерики, что любил делать и он, Грег, с собственной сестрой. Играть в такую игру с сестрой нормально. Но в куклы?..

В кухонном окне возник последний недостающий участник игры в «Подземелья и драконы», Стив; на голове у него была бейсбольная шапка, которую украшали два небольших крыла. Взявшись за них, Стив ими покачал. После этого приветствия он вошел.

— Не говори ни слова!— прорычал Эллиот, ставя «сдобу» в игрушечную плиту.

— А что я могу сказать?— Стив опять покачал крыльями на шапке.— Всякое бывает.

Однажды и его шантажировала сестра. С сестрами всегда нужно быть начеку: запирать дверь в свою комнату, выключать свет. Осторожность важней всего.

— У нас с Эллиотом маленькая кондитерская,— сказала нараспев, склонившись над своими глиняными пирожными, Герти.— И все-все покупают наше печенье, даже Санта-Клаус.

Она повернула регуляторы и закрыла дверцу духовки. Потом посмотрела на Эллиота. Того перекосило, и он начал делать новую партию «сдобы».

Ночью инопланетянин, лежа на подушках, увидел, как Эллиот вылезает из окна комнаты на черепичную крышу.

Зачем, интересно, он туда лезет?

В маленькое окошко чулана космический путешественник видел, как Эллиот пересекает покатую крышу и начинает быстро спускаться по приставной лестнице. Мгновение — и Эллиот исчез.

Престарелый звездный скиталец начал наблюдать за мальчиком телепатически. Сейчас Эллиот уже поднимается вверх по склону холма. Не за пищей ли для своего друга, живущего в чулане, отправился он?

Оглядевшись по сторонам, мальчик вышел на

страшную дорогу, с которой начались все неприятности.

И тут психические антенны инопланетянина судорожно задергались, ибо ощутили сквозь ночь клацанье металлических зубов, этих страшных, нанизанных на кольцо трофеев.

На лесной дороге Эллиот был не один.

Там был и другой землянин, в руке он держал источник ослепительно яркого света и кого-то искал в темноте.

Кого же?

Да разве не ясно, кого?

Древний ботаник ощущал тяжелые шаги, холодный пристальный взгляд землянина, пронизывающий ночь насквозь.

Звездный путешественник отключил свой психический радар и съежился. Они охотятся за ним, разрезая темноту слепящими лучами. Они ищут его под каждым кустиком, потому что их психический радар говорит им: инопланетянин где-то близко. И они обязательно его найдут.

И сделают чучело.

И оно будет стоять за стеклом.

Он взял шоколадное печенье «Орео» и начал нервно жевать. Нет, нельзя допустить, чтобы они нашли его. Но они так близко! И Эллиот за ними тайком наблюдает. А что если Эллиота поймают? Не придется ли мальчику тогда рассказать о некоем существе с необычной внешностью, живущем у него в чулане?

Он умоляюще посмотрел на герань. Она повернулась к нему. Ее тугие бутоны раскрылись, и она вся запылала ярко-красными соцветиями. Потом вздохнула от огромного усилия, которое для этого потребовалось, и едва было не испустила дух, но звездный ботаник ласково провел по ней длинным пальцем и тихо забормотал. Его космическая речь, вобравшая в себя опыт пережитого на бесчисленных мирах, влила в герань новую жизнь и закрепила ее состояние буйного цветения.

«Твой голос — чудодейственный стимулятор, о Старый Учитель», — сказала герань.

Но сказала не на языке землян.

Престарелый путешественник почесал голову. Язык землян нужно выучить во что бы то ни стало, тогда гораздо легче будет общаться с ними и объяснять, что ему нужно.

Среди предметов, которые привезла на тележке Герти, оказался букварь. Он раскрыл его и медленно обвел длинным пальцем М... и еще раз... М.

Эллиот лежал в кустах у лесной дороги и наблюдал, как, разрезая светом карманных фонариков тьму, ходят люди. Если его заметят, он скажет, что прогуливает собаку.

Дрожащий Харви припал к земле рядом. Было очень трудно не броситься на человека с ключами и не укусить его. Любого, у кого столько ключей, укусить просто необходимо.

— Никого, — сказал один из спутников человека с ключами.

— Похоже. Но все равно у меня чувство, что за нами наблюдают. — Человек с ключами направил свет фонаря вдоль дороги. — Но кто?

«Умирающая от голода собака, вот кто», — подумал Харви.

А Эллиот стал отползать назад, туда, где темнее. Еще минута, и он уже бесшумно съезжал вниз по песчаному склону. Харви катился рядом.

Миллиарды звезд освещали ночь, и Эллиот знал, что одной из великих тайн ночи владеет он; тайна эта сейчас в его комнате. Он никогда не выдаст ее, даже если его поймают и будут пытать.

Что до Харви, то он не задумываясь раскрыл бы тайну за банку собачьих консервов, но, к сожалению, никто его ни о чем не спрашивал.

— Харви, — сказал Эллиот негромко, — у нас бесценное сокровище. Ты это знаешь?

Харви смотрел себе под ноги, на убегающую назад дорогу. Он знал одно: еды для собак на свете очень мало.

— Я люблю его, Харви. Лучшего коротышки, чем он, я в жизни не видывал.

Эллиот посмотрел на звезды: интересно, около которой из них жил его новый друг?

«Он жил около них всех», — прошептал лунный свет.

Харви поднял уши. Услышал он что-то или ему это показалось? Не бросили ли где-нибудь бумажный пакет со съестным?

Харви посмотрел вокруг, однако на улице не было ни души.

Мэри разбудил шум на крыше. Она сняла с глаз примочки из трав и, приподнявшись, села в кровати.

Но шум на крыше прекратился, и в доме опять воцарилась тишина. Мэри подошла к окну. В саду никого нет, если не считать Харви, который остервенело копает ямку. Чтобы не видеть спятившую собаку, Мэри задернула окно занавеской и вернулась в постель. Что-то странное происходит в доме, совершенно определенно. Но что именно?

Она поправила подушку и обняла ее, засыпая опять.

Ее веки сомкнулись; зазвучала странная музыка — мелодия, прерываемая паузами и писком, — и вот Мэри кружится в танце, а ее партнера не видно, его нос прижат к ее животу.

— Мы должны рассказать о нем, Эллиот. Дело слишком серьезное.

— Нельзя, он хочет жить у нас.

Братья шли к остановке школьного автобуса. Майкл был в полной растерянности. Все в его мире перевернулось. Снова и снова в голове проносились неведомо откуда взявшиеся мысли о спутниках планет и поверхности Меркурия, а ведь самое важное в жизни, как известно, — это выходы на ворота и финты защитников, ему бы думать только о них.

— Ведь он из космоса, Эллиот. Мы не знаем, что у него на уме и зачем он здесь. Проснемся однажды и увидим, что мы на Марсе или еще где, а вокруг миллионы таких вот болотных груш.

Эллиот не слушал: внимание его приковала к себе новая для утренней улицы фигура.

— Это ведь не наш молочник?

— У нашего, наверно, отпуск.

— Слушай, Майкл, появились люди, которых раньше здесь не было. Посмотри вон на ту машину — в ней сидит человек, читает газету. Они ищут *его*, это точно.

— Они? Кто они?

— Те, которые повсюду. И на холмах тоже.

— Давай придумывай что-нибудь, Эллиот, да поскорее, пока они о нас не пронюхали.

— *Ему* нужно время, чтобы разработать план действий.

— А может, он не такой уж и умный, может, он вроде рабочей пчелы?

— Майкл, ты... ты не представляешь себе, насколько он впереди нас.

— Хорошо, но почему тогда он живет у нас в чулане?

— Ему не повезло. Но мы все исправим.

— Эллиот, мы с тобой всего лишь глупые мальчишки, неужели ты этого не понимаешь? Если кто ему и поможет, то ученые, специалисты. В общем... те, кто поголовастее нас с тобой. Они его обследуют, будут лучше кормить.

— Мы его хорошо кормим.

— Шоколадным печеньем, Эллиот. Что это за питание? Может, ты убиваешь его и сам этого не знаешь.

Эллиот помрачнел.

— Майкл, если мы отдадим его, домой ему никогда не вернуться. Это факт.

— Почему, Эллиот? Почему ты в этом уверен?

— Чувствую, и чувствую так ясно, будто это выжгли у меня на коже. Все время об этом думаю. Он выбрал нас, потому что только мы и можем ему помочь.

— Но почему именно нас? Кто мы такие? Денег у нас нет, умных мыслей тоже. Нет даже отца.

— Это все неважно. Ему виднее. Именно от нас он ждет, что мы поможем ему... собрать *это*.

— Что *это*?

— Что-то. Что-то...

Эллиот с трудом подбирал слова, образ необходимого предмета как-то расплылся, а остановка школьного автобуса была уже совсем рядом.

В ожидании автобуса стояли и поддразнивали друг друга Стив, Грег и Тайлер, которые, когда подошел Эллиот, переключились на него.

— Привет, Эллиот, как дела в пекарне? Пирожные есть?

— Тайлер, отцепись.

Грег забросал Эллиота советами насчет Герти. Советами продуманными, серьезными.

— Например, можно посадить ее в платяную корзину, — сказал он Эллиоту.

Стив помахал крылышками на шапке.

— Да, Эллиот, забыл спросить: что с твоим домовым?

Оттого, что все последнее время приходилось играть с Герти в куклы, в настольные игры для малышей, печь бесконечное множество самых разных тортов и пирожков из глины, Эллиот был как натянутая струна, и это его подвело. У него вырвалось:

— Вернулся. И он вовсе не домовой. Он из космоса.

— Что, кто из космоса? — прогнусавил, проталкиваясь к Эллиоту, невысокий рыжий мальчишка. — А ты знаешь, сколько времени нужно, чтобы долететь от Земли до Урана?

Крысиные глазки Лэнса горели: похоже, он учуял что-то.

Подъехал автобус, и мальчишки, влезая в него, увидели, что водитель новый.

— Привет, а что с Джорджем?

— Заболел, — ответил новый водитель, которого дети никогда до этого не видели.

Сегодня Герти от детского сада увильнула. Вообще-то она побывала там, но притворилась, что заболела. Теперь она могла наконец спокойно поиграть со страшилой.

Ведь Эллиот, когда был дома, играл с ним один и никого к нему не подпускал.

Герти вытащила на середину комнаты свою тележку и начала складывать в нее игрушки: они, была она уверена, страшиле наверняка понравятся. Как было бы хорошо, если бы он остался жить у них насовсем и женился на мамочке!

Она провезла тележку по коридору, втащила в комнату Эллиота; страшила посмотрел на нее и завращал глазами. Герти захихикала, попыталась вращать своими, а потом, подтащив тележку поближе, села с ним рядом.

— Ты большая игрушка? — Она окинула его взглядом. — Ну, а если не игрушка, то что?

Он попятился и забился в угол; похоже было, что он ее боится. А вот она не боится ни чуточки, потому что видела во сне этой ночью, будто страшила увез ее в красивое место куда-то далеко-далеко, где звезды. Страшила держал ее за руку и показывал прекрасные цветы, и на голову к нему садились странные маленькие птички, а свет вокруг был какой-то необыкновенно приятный.

Герти взяла страшилу за руку.

— Не бойся, — сказала она, — во сне мы тоже держались за руки. — Она погладила его руку так, как гладила Харви. — Мы с Эллиотом о тебе заботимся, и ты ни о чем не беспокойся, даже если ты большая игрушка. Вот мои куклы, видишь? Правда, у них красивые волосы? А у тебя волос нет совсем, ты это знаешь?

Инопланетянин смотрел на щебечущую, как птичка, девочку; ее общество приятней общества Харви, но смогут ли такие несмышленыши, как она, помочь ему связаться с его соплеменниками? Укрыть его — да, могут на время. Но ведь этого мало, для того, чтобы достичь цели, ему будет нужна сложная техника. Тележка с куклами ему не поможет.

— ...а это скакалка, а это ковбойский жилет, красивый, правда? А это «Скажи по буквам». Ты видел когда-нибудь такую игрушку?

Старый инопланетянин взял блестящую коробку своими длинными пальцами. Миг — и включился самый высокий уровень функционирования его интеллекта, а свет-его-сердца начал вспыхивать часто-часто.

— Она учит правильно писать, — сказала Герти. — Посмотри.

Девочка нажала кнопку, на которой стояла буква «А». «Скажи по буквам» сразу заговорила. Мужским голосом она очень внятно произнесла:

— А.

Герти нажала кнопку с буквой «О», и коробка сказала:

— О.

Старый путешественник нажал букву «М» и услышал:

— Эм.

— Послушай теперь, — сказала Герти и нажала кнопку, на которой было слово «УРОК».

— *Скажи по буквам «механический»,* — послышалось из коробки.

Герти стала нажимать кнопки, но пока еще ее орфография оставляла желать лучшего, и коробка сказала:

— *Нет. Неверно. Попробуй еще раз.*

Герти попробовала, и коробка сказала:

— *Это неправильно. Правильное написание будет «М-Е-Х-А-Н-И-Ч-Е-С-К-И-Й».*

Заблестевшими глазами существо из космоса смотрело, не отрываясь, на коробку. Да, это устройство может научить его языку землян. Но еще важнее — по сути, сейчас для него важнее всего во Вселенной — то, что это вычислительное устройство.

Его психический щуп был уже внутри коробки и с головокружительной скоростью двигался по микропроцессору, по синтезатору речи, по ячейкам электронной памяти.

— Ой, что это с тобой? Ты не заболел? — И Герти дотронулась до старого ученого, чьи руки сейчас дрожали.

Инопланетянин кивнул девочке, но взгляд его был по-прежнему прикован к замечательному устройству, а разум в это время с немыслимой быстротой выдавал решения и варианты решений, пути и способы возвращения домой — и все они становились возможными благодаря тому, что он увидел эту небольшую коробку.

Герти нажимала кнопки.

— *Скажи по буквам «зануда»,* — произнесла коробка.

Герти снова стала нажимать на кнопки, перевира

гласные, а старый ученый смотрел, как играет девочка, и ждал, когда ей это надоест.

— Ну, мистер Страшила, урок окончен. Я скоро вернусь.

Герти повернулась и вприпрыжку выбежала из комнаты.

Взяв коробку, инопланетянин перевернул ее и снял крышку.

Замечательно!

Он стал ласково гладить проволочки и транзисторы.

Это будет сердце его передатчика.

Громко чавкая, он съел шоколадное печенье и приступил к делу. Сосредоточился, и его внутреннему взору предстала сияющая схема игрушки «Скажи по буквам» — для него в ней больше не было тайн. Введенная в нее информация и способы введения оказались проще простого для такого старого космического волка, как он. Вычислительные устройства — его давние друзья. И какая приятная неожиданность, что одно из них оказалось говорящим!

Он нажал кнопку.

— *Скажи по буквам «механический».*

Его ушной клапан приподнялся, и он стал внимательно слушать, сразу выделяя фонемы — фундамент, на котором построено здание языка.

— *Скажи по буквам «зануда».*

Как великолепная вычислительная машина, его собственный мозг изучал, усваивал, сопоставлял. Начали действовать высшие уровни его интеллекта, и его глаза от этого будто остекленели. Много раз на других планетах, планетах мертвых, забытых, изучая выбитые на каменных плитах древние письмена, ему удавалось овладеть в конце концов. языками этих письмен. Сейчас в руках у него нечто, по сути, сходное с каменными плитами — созданное землянами электронное устройство, которое позволит ему овладеть звуками и знаками этой планеты.

Он опять нажал кнопку.

— *Скажи по буквам «холодильник».*

Слово это будто светилось, и внутреннему взору его предстал предмет, который оно обозначает,— место, где держат молоко и печенье.

— Хо-лодд-илль-ник...

Вдохновленный образом этого замечательного предмета, включился наконец целиком лингвистический центр его удивительного мозга; языки, тысяча которых хранилась в глубинах его памяти, один за другим выходили на авансцену сознания и там сравнивались и сопоставлялись сразу на многих уровнях с языком землян, чтобы можно было понять, какое место этот язык занимает среди других. Уловив основы его структуры, старый инопланетянин перешел к оттенкам:

— Пи-рожное... пи-рог...

Скоро у него будет запас слов, достаточный для свободного общения с любым землянином.

— Мо-роженое...

Снова и снова нажимал он кнопку. Да, общаться с этой штукой очень приятно, ведь она разом учитель и товарищ по играм. И нечто большее.

От этой машины с вычислительным устройством внутри можно, раз она говорит на языке землян, добиться, чтобы она заговорила на каком-нибудь другом языке. И языком этим будет его родной язык, и все, что он на этом языке скажет, радиоволны понесут к звездам.

Но одну ошибку он совершил в этот день: не отключился телепатически от Эллиота. «Скажи по буквам» поглотила его внимание целиком, и он совсем забыл об Эллиоте, но телепатическая связь между ними осталась, и из-за нее Эллиоту пришлось туго, потому что на уроке биологии ему предстояло вскрыть лягушку.

— Снимем кожу,— учитель показал на ванночку с живыми лягушками,— и посмотрим, что под ней находится.— Взяв одну из лягушек, он провел вдоль ее живота красную линию.— Это будет линия разреза... Эллиот, что ты делаешь?

И он уставился на тетрадь Эллиота, которую тот лихорадочно покрывал сверхсложными электронными диаграммами и схемами, причем рука Эллиота двигалась совершенно автоматически, как будто ею кто-то водил.

Водил ею, разумеется, сидевший в чулане у Эллиота инопланетянин, это его сознание наводняло сейчас сознание Эллиота.

Но учитель ничего этого не знал. Его ученик, вообще довольно трудный, сейчас, абсолютно игнорируя урок, писал не отрываясь, так самозабвенно, что его лоб вспотел; и тут оказалось, что глаза всех учеников в классе устремлены только на него.

— Эллиот!

Рука мальчика съехала с тетради и писала теперь на поверхности стола. Потом начала писать в воздухе. Потом, вскочив с места, Эллиот подошел к доске, снял висевшее изображение лягушки в разрезе и стал писать на доске мелом.

У Тайлера, Грега и Стива глаза от изумления полезли на лоб. Тайлер вытянул длинные ноги под лабораторным столом и легонько постучал одной из них по лодыжке Грега. Потом показал глазами на Эллиота и покрутил пальцем у виска.

Грег кивнул, от волнения в углу его рта появлялись и лопались пузырьки слюны, а сам он в это время не отрываясь смотрел, как Эллиот, будто одержимый, рисует и пишет что-то на доске, и на ней появляются какие-то странные чертежи — схема приемника или что-то вроде.

— Молодой человек, сядьте на место!— истошно заорал учитель.

Он схватил Эллиота за локоть, но локоть был налит силой, намного превосходящей мальчишескую; ощущение было такое, будто это не рука мальчишки, а пульсирующий металлический рельс,— а между тем загадочные творения этой руки, покрывая быстро всю классную доску, все больше дезорганизовывали класс.

— Урок отменяется! Мы вернемся к сегодняшней теме на следующей неделе, Эллиот!

Мел в руке у Эллиота сломался, крошки посыпались на пол. Эллиот повернулся к учителю, взгляд у него был отсутствующий, а разум распирали знания и опыт тысяч программистов, внезапно в нем оказавшиеся..

— ...аналог цифровому...— пробормотал Эллиот, и учитель вышвырнул его в коридор.

Стив достал из кармана шапку, натянул на голову, расправил крылышки и покачал головой, глядя, как Эллиота поволокли к директору.

— Теперь ему стирать тряпки для досок месяц, а то и два.

— Да он трёхнулся,— сказал Тайлер.

— А я думаю,— сказал Стив,— это из-за глиняных пирогов, которые он лепит. Уж я-то знаю, что может сделать с человеком сестренка.— И он поправил на шапке крылышки.— Она вообще может погубить брата.

Герти оторвалась от картинок для раскрашивания и задумалась: а стоит ли этим заниматься, когда есть страшила, с которым можно играть? Но до этого, когда она была в чулане, что-то словно вытолкнуло ее оттуда и отправило в собственную ее комнату. Теперь же она будто проснулась, и ей снова хотелось поиграть со страшилой.

Она побежала в комнату Эллиота и, открыв дверь, вошла. И тут ей вспомнилось кое-что из сна, который она видела, они со страшилой где-то далеко-далеко, держась за руки, съезжают вниз по водопаду.

Она отворила дверь в чулан. Страшила играл ее игрушкой «Скажи по буквам». Герти посмотрела в его большие, чудные-пречудные глаза и увидела в них водопад из своего сна; вода плясала и сверкала всеми цветами радуги.

Старый путешественник отложил коробку в сторону. Ум его испытывал блаженное чувство сытости.

Он совсем забыл о детях, а забывать о них не следует: если кто и поможет ему, то только они. Ведь именно детские ручки дали ему всемогущую «Скажи по буквам». Какие еще бесценные дары могут у них оказаться для него?

— Пошли, страшила. Никого нет.

Пальчики Герти, такие крошечные в его огромной ладони, взяли инопланетянина за руку. Шагая впереди, переваливаясь, как он, Герти провела его за руку через комнату, и они вышли в коридор.

— Идем, я тебе что-то покажу.

После того, как он погрузился на несколько часов в устройство «Скажи по буквам», в преобразованную в электромагнитные волны речь, он понимал уже почти все, что ему говорил ребенок. Теперь можно было попробовать свои силы в этом новом для него языке.

— Скажи по буквам «механический»,— произнес он.

Герти посмотрела на него и ответила:

— Эм, и, ха, а, эн, и, че, и, эс, ка, и, и краткое.

— Это неправильно,— сказал он.

— Ой, ты умеешь говорить!

Она потащила его дальше, в спальню матери, и там инопланетянин ощутил биополе тонкого и гибкого существа. Поле было красивое, но окрашенное одиночеством.

Пиип-пиип-пиип...

Приняв сигнал, он посмотрел в окно и увидел ее: она въехала во двор и остановила машину у огорода. Разве не родственны их души? Разве ее сердцу меньше дороги овощи? И разве на этой основе не может возникнуть дружба? Не следует ли все-таки собраться с духом и показать ей себя?

Нет, это было бы безумием. Она не поймет его присутствия в чулане сына. А объяснить будет трудно, хотя он и овладел их языком.

— Мама в саду,— сказала Герти.— Она не услышит, что мы здесь.

Герти подошла на цыпочках к телевизору и включила его. Появился скачущий Маппит[1], его выпученные глаза были очень похожи на глаза страшилы.

Инопланетянин подошел к экрану ближе.

— *Ты умеешь считать до десяти?*— спросил пучеглазый Маппит.

— Умею,— ответила Герти.

— *Один...*— сказал Маппит.

— Один,— повторил страшила.

— Два-а!— пропела, став перед экраном, Герти.— Двадцать, тридцать, сорок, пятьсят!

— Пятьсят,— повторил страшила.

Огромные ступни Маппита задвигались: он плясал. Герти посмотрела на перепончатые ноги существа из космоса.

— Ты Маппит?— спросила она.

— Нет,— ответил старый ученый.

— *Яблоко,*— сказал Маппит.

— Яблоко,— сказала Герти.

А страшила уже зашел, переваливаясь, за телевизор — ему хотелось посмотреть поближе, как тот устроен. Его психический щуп переходил с одной детали на другую: необходим высокочастотный блок, этот блок даст ему возможность перенести сигнал игрушки «Скажи по буквам» в область микроволновых частот.

Да вот же блок, остается только его вынуть. Но делать этого нельзя, ведь он принадлежит тонкому и гибкому существу. Она привыкла к этому ящику, привыкла в него смотреть.

И все же придется на время взять эту деталь: без нее не обойтись.

Герти, однако, визжала от восторга, ей хотелось играть, и старый ученый только собрался извлечь из телевизора высокочастотный блок, как она нахлобучила ему на голову ковбойскую шляпу — похожая уже красовалась на голове у нее самой.

— Мы оба ковбои!

— *Будь...*— сказал Маппит.

— Будь...— повторил страшила.

— Я вижу по вашей одежде-е,— фальшиво пропела Герти,— что вы ко-о-овбо-о-ои...

— Будь хорошей,— сказал страшила.

Мать наверняка обратит внимание на радостные крики девочки. Инопланетянин подошел, шаркая, к окну и посмотрел наружу. В саду никого не было.

Поля шляпы мешали ему смотреть, он сдвинул ее назад и показал в сторону своего чулана.

— Домой,— сказал он.

— Скажи еще раз,— попросила Герти.

— Домой.

Герти закатилась счастливым смехом.

Снизу послышался голос тонкого и гибкого существа:

— Герти, хочешь увидеть большую-пребольшую тыкву? Такой ты еще не видела.

— Я играю, мамочка. С... с...

— Будь хорошей, будь хорошей,— сказал страшила.

Он взял ее куклу и вывернул кукле руку. Старый ученый уже знал, что это действует на Герти как выключатель: она умолкает.

И правда, она сразу умолкла.

Они пошли тихо по коридору, но он не удержался и остановился у перил взглянуть украдкой на мать: та стояла у столика для корреспонденции и просматривала почту.

— Пошли скорее, страшила,— прошептала Герти.

Снизу донесся голос Эллиота:

— Привет, я уже дома!

Втолкнув старого ботаника в чулан, Герти вошла за ним следом. Она взяла «Скажи по буквам» и нажала кнопку для буквы «М». Но вместо «М» на дисплее появилась буква, какой никто на Земле никогда не видел. И голос из коробки уже не назвал добрую старую букву, не сказал: «Эм». Голос сказал: «Блип». Или, во всяком случае, нечто похожее, нечто очень странное, и звездный мудрец, знавший все тайны компьютеров, улыбнулся своей широкой-преширокой черепашьей улыбкой.

— Что такое с моей игрушкой?— воскликнула Герти.

— Ничего,— ответило существо из космоса.

Перестроить сигнал ему удалось; для этого понадобилось только разрушить связи в микросхемах и ввести в электронную память новый словарь.

Дверь чулана открылась, вошел Эллиот.

— Эллиот,— сказал со своих подушек страшила.

У Эллиота отвалилась челюсть.

— Это я научила его говорить!— гордо заявила Герти.

— Ты меня назвал!— воскликнул Эллиот.— Скажи еще раз.

— Эллиот.

— А ты будешь Ип. Можешь сказать: «Ип»?

— Ип,— повторил инопланетянин.

В дверь комнаты три раза стукнули.

---

[1] Персонаж популярной в США серии мультипликационных фильмов (напоминает Чебурашку).— Прим. перев.

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ростислав РЫБКИН.

Литературный глобус «Смены»

Уильям КОТЦВИНКЛ

САТИРИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Ип

— Это Майкл,— сказал Эллиот и распахнул дверь чулана. Они вышли в комнату, и одновременно в нее вошел из коридора Майкл.

Страшила посмотрел на него и проговорил:

— Скажи по буквам «механический».

— Эм, е, ха... что?!

Эллиот улыбнулся.

— Мы научили его говорить.

— Я его научила!— возмущенно закричала Герти.

Майкл уже стоял перед Ипом.

— А что еще ты можешь сказать?

— Скажи по буквам «зануда».

— Только этому он и выучился? Говорить, чтобы мы сказали по буквам?

Звездный бродяга еще не очень хорошо понимал детей, но уже знал: самое необходимое он объяснить им сможет. Во-первых, они должны взять для него на время у своей матери высокочастотный блок, а во-вторых, следить за тем, чтобы ему, Ипу, всегда хватало еды.

Зазвонил телефон, снизу донесся голос Мэри:

— *Эллиот, тебя!*

Эллиот вышел в коридор, снял отводную трубку и внес аппарат в свою комнату.

— *Привет, Эллиот!*— Его ухо наводнили режущие слух, но при этом еще и гнусавые звуки.— *Это Лэнс.*— Эллиот ощутил в голосе Лэнса опасное, вынюхивающее любопытство. Лэнс не звонил ему почти никогда, разве что поврать, с каким, мол, высоким счетом, например, он выиграл в «Астероиды»; а теперь почему-то этот же самый Лэнс болтает и болтает без конца о Сатурне, о марсианской горе Олимп и о всяких других диковинах.— *...да, Эллиот, ничего, кроме космоса, в голове. Будто к мозгам прилип этот космос. Чудно, правда? А тебе не кажется, что вообще происходит что-то странное? Мне так кажется...*

— Ну, пока, у меня нет времени,— сказал Эллиот, положил трубку и вытер вспотевший лоб.

Лэнс берет его в кольцо, ясно как день.

И старому ученому, телепатически прислушивавшемуся к разговору, это было тоже ясно как день. Разговор кончился, а Ип до сих пор ощущал эти флюиды, исходящие от чересчур любопытного ребенка из тех, что... скажи по буквам... могут... принести беду.

Надо торопиться. Он показал на телефон, потом на окно.

— Что? Что ты хочешь сказать, Ип?

Он опять показал на телефон и на окно, на бескрайние просторы неба.

— Звонить домой.

— Ты хочешь... позвонить домой?

Инопланетянин кивнул:

— Ип звонить домой.

— Нет, Эллиот, очень нехорошо, обращаясь к учителю, называть его фруктом.

— Не понимаю, почему он так разозлился. Я просто дурака валял.

— Что с тобой творится в последнее время?

— Ничего, мам. Это у меня такая фаза.

— Будь добр, не изображай из себя психиатра.

Мэри увидела диетический крекер и с хрустом вонзила зубы в безвкусный кружок. Был час завтрака, час, когда необходимость ограничивать себя доводила ее почти до безумия, и, поддайся она соблазну, она съела бы целый белый хлеб с маслом и малиновым джемом, лишь бы отвлечься от тревог — и безымянных, и тех, у которых есть имя, такое, например, как Эллиот.

— Мамочка, ты страшил видела?— спросила Герти.

— Много раз.

— У меня есть один друг, так он страшила,— сказала Герти, и Эллиот схватил ее куклу и повернул голову куклы задом наперед.

— Эллиот!— взвизгнула Герти.— Прости, я забыла...

— Эллиот, умоляю,— сказала Мэри.— Не будь садистом.

Шмыгая носом, Герти стала гладить свою бедную куколку. Эллиот посмотрел на сестру испепеляющим взглядом. Мэри взяла кусок хлеба, намазала толстым слоем масла, а сверху нагромоздила несколько ложек джема. Чуть позже, когда она все уже проглотила, у нее появилось чувство, будто она непомерно растолстела, раздалась вширь, чувство было очень неприятное, и, чтобы подавить его, она съела второй кусок, такой же, как первый.

— Мам,— сказал Майкл,— ты опять решила съесть весь хлеб?

— Замолчи,— чуть слышно сказала Мэри и попыталась было есть еще, но Майкл взял со стола хлеб, Герти — джем, а Эллиот — масло.

Она посмотрела на них.

— Спасибо.

— Мать, которая съела все на свете.— сказал Майкл.

— Правильно, правильно,— пробормотала Мэри и судорожно метнулась к грязной посуде.— Не подглядывайте меня к еде.

Так они и сделали. Отнесли все наверх и отдали Ипу.

«Скажи по буквам» была вскрыта, ее внутренности перемонтированы, на некоторых проволочках появились следы малинового джема. Вместо «механический», «зануда» и других земных слов «Скажи по буквам» говорила теперь «*дуп-дупл*», «*скиптл*» и «*злокк*» — во всяком случае, что-то вроде,— но больше такого, в чем человеческому уху не разобраться.

Майкл подсел к Ипу с одной стороны, Эллиот — с другой. Ип, нажимая на кнопки, стал показывать, как игрушка работает теперь.

— Это твой язык, Ип?

— Ип звонить домой.

Древний ботаник показал на окошко чулана.

— И они прилетят?

Он кивнул.

Но это только часть его передатчика, только та часть, которая должна говорить. Ее нужно поставить под звездами и сделать так, чтобы она работала непрерывно, день и ночь, и чтобы при этом никому не нужно было нажимать на кнопки. Чтобы устройство так работало, необходима движущая сила, нечто такое, что обеспечит беспрерывное повторение.

Ип встал и повел мальчиков в комнату, к проигрывателю. Жестами, простыми фразами и нечленораздельным бурчанием он попытался объяснить им, чего хочет.

Он показал на диск проигрывателя и изобразил жестами, будто ставит пластинку.

Ребята смотрели, слушали и никак не могли понять.

Раздосадованный, инопланетянин стал ходить взад-вперед по комнате, переваливаясь с боку на бок, потом, остановившись, повернулся резко, открыл рот и попытался пропеть:

— *Эт-то толлль-ко-о-о р-оккк-н-роллл...*

Хотя в некоторых частях Вселенной его голос сочли бы мелодичным, дети с трудом удерживались от смеха. Он сердито сверкнул на них глазами.

— Ип делать песня.

Они смотрели на него, по-прежнему не понимая.

— Песня, песня, Ип делать песня.

Он взял пластинку и замахал ею.

— Ты хочешь сделать свою собственную пластинку?

— Да, да.

— Из чего?

— Из... из...

Он не знал, из чего. Он смог только очертить рукой круг.

— Тебе нужен какой-то круг?

— Да, да.

— И ты хочешь на нем записать песню?

Майкл отстранил Эллиота:

— У нас нет своей студии звукозаписи. Чтобы сделать пластинку, нужно целое состояние.

Ип перевернул проигрыватель и извлек из него пучок проволочек.

— Ну,— сказал Майкл,— прощай, машина.

Ип протянул им проволоку:

— Еще.

— Еще проволоки?

Ип кивнул.

Майкл и Эллиот смотрели друг на друга и думали, как помочь своему гостю, а он ковылял по комнате на своих больших перепончатых ногах и думал о том, как решить наилучшим образом стоящую перед ним техническую проблему.

Сколько нужно всего разного, чтобы сделать собственную пластинку!

Образ искомого устройства снова и снова возникал в водовороте его сознания, и каждый раз в картине появлялась какая-то новая деталь. Ему нужен... пиджак... пиджак...

Он вернулся в чулан, стащил с вешалки пиджак и надел.

Оказалось, в общем, что пиджак сидит неплохо, особенно если учесть, что плечи у него очень узкие; и, конечно, трудновато застегнуть на животе пуговицу. Но что-то здесь не то...

Он повернулся, мучительно думая: что общего между пиджаком, который он надел, и радиопередатчиком?

Да нет же, вовсе не пиджак ему нужен!

Ему нужна в е ш а л к а для пиджака.

Он смотрел на нее, глаза его открывались и закрывались, а в голове словно вертелась с бешеной скоростью юла. В его воображении эта деревянная вешалка засветилась, начала слегка раскачиваться; ее форма гипнотизировала его. Он прикрепит ее к проигрывателю, а потом... скажи по буквам... з в у к о с н и м а т е л ь.

Он схватил вешалку, направил на нее палец и прожег столько отверстий, сколько проволочек должны были соединять вешалку со «Скажи по буквам».

— Ого, Ип, да у тебя в пальце огонь!

Так и не сняв пиджак, он торопливо прошаркал в чулан к своей «Скажи по буквам». Палец его бесшумно расплавил припой на контактах пульта управления и стал припаивать к каждому контакту по проволочке.

— Еще... еще...

Услышав это, мальчики заглянули в чулан. Ип помахал вешалкой.

— Еще... еще...

Они принесли ему еще проволоки, жестянку из-под торта, зеркало и колпак от автомобильного колеса.

Проволоку он взял, от остального отказался. Из этих предметов изготовить пластинку нельзя. Ведь для пластинки нужно что-то твердое, плоское, круглое. Неужели они этого не понимают?

Он повернулся к своей герани.

«*Они дети землян,*— сказала она.— *Они хорошие, но соображают медленно*».

— Ладно, Ип, поищем что-нибудь другое.

— Да, поищем, у нас тут всякого хлама валяется сколько хочешь.

Дети ушли. Ни в коем случае не надо на них сердиться. Что нужно, так это припаять проволочки во всех местах «Скажи по буквам», где это необходимо, и продеть в отверстия, которые он выжег в вешалке. В этих отверстиях будут двигаться контактные пальцы, маленькие, металлические, и нужно, чтобы они хорошо пружинили.

Где-то он видел такие... здесь, в доме. Где же именно?

Внезапно он ощутил волны мягкого света, исходящие от тонкого и гибкого существа, матери этой шумной маленькой компании. Он закрыл глаза и сосредоточился на ее образе.

Да, вот где он видел эти металлические пальцы — у нее в волосах! Как она их называет? Он запустил психический щуп в ее запоминающее устройство, поискал, нашел.

— Герти...

Маленькая помощница прибежала на его зов.

— Скажи по буквам «з а к о л к и».

— Зэ, о, ка, о, эл...

— Это неправильно.

Он показал на свою блестящую, совсем лишенную волос голову.

— Тебе нужны заколки?

Он кивнул.

Герти взяла его за руку.

Вместе они выскользнули в коридор и прокрались бесшумно в спальню Мэри. Ип посмотрел в окно. Тонкое и гибкое существо опять работало на своем огороде, где росли теперь самые крупные в штате овощи. Вот оно приподняло огромную-преогромную

Продолжение. Начало в №№ 10, 11, 12.

тыкву, и вокруг головы тонкого и гибкого существа появилась аура изумления и растерянности.

Пышно, совсем не по сезону цветущие растения в горшках на подоконнике потянули ветки в его сторону.

«Здравствуй, Старый Учитель! Что ты ищешь? Какую удивительную, невероятно важную научную проблему решаешь ты сейчас?»

— Заколки.

— Вот они,— сказала Герти, снимая верх с белой фаянсовой курочки.

Ип вынул из курочки заколки и тут увидел в зеркале на туалетном столике Мэри свое отражение. Если он наденет не только пиджак, но и брюки... не предотвратит ли он этим потрясение, которое ожидает мать, когда та его увидит?

Брюки, конечно, придется укоротить, а на перепончатые ступни надеть бумажные пакеты. Зато...

— Пошли, Ип,— сказала Герти и потянула его за руку.

Потребовалось усилие, чтобы вытащить его в коридор. Герти отвела его в комнату Эллиота, и он снова водворился в чулане.

— Что ты хочешь сделать с маминым заколками?

Ип уселся на свои подушки и стал прикреплять заколки к вешалке. Теперь из нее торчат металлические контакты, пластинка будет вращаться, а контакты будут касаться ее поверхности. Он стал присоединять к заколкам проволочки, высовывающиеся из «Скажи по буквам».

— Какая чудна́я штуковина! — сказала Герти.— Ты всегда делаешь такие чудны́е штуковины?

— Да.

— Зачем?

— Ип звонить домой.

— А где твой дом?

Он показал на небо. Герти уставилась в маленькое окошко.

— Это туда ты водишь меня во сне? Туда, далеко-далеко?

— Далеко.

— А дома тебя услышат?

Просто удивительно, сколько вопросов задают дети землян!

— Снимут трубку и спросят: «Это ты, Ип?»

— Скажи по буквам «зануда».

— Зэ, о, эн...

— Это неправильно.

— А знаешь, почему я не очень хорошо говорю слова по буквам? Потому что ты забрал мою игрушку себе и она теперь говорит только «глипл-дипл».

— «Глипл-дупл».

— И все равно, она не говорит теперь по буквам «зануда».

Герти отвернулась от страшилы и начала играть со своей кукольной плитой, которую принесла в чулан. Сейчас она пекла оладьи по новому рецепту: замесила тесто из глины на мамином креме для лица. Ученый преклонных лет, напевая, как умел, то, что ему запомнилось из музыкальной программы «Сорок самых популярных», которую он слышал по приемнику Эллиота, ушел с головой в работу. Они были так поглощены каждый своим делом, что не услышали, как поднимается по лестнице Мэри, как она идет по коридору. Услышали только, когда она открыла дверь.

Прыжок — и Ип уже стоял в чулане за дверью в шеренге мягких игрушек, лупоглазых маппитов и космических роботов. Он замер, готовый к любой неожиданности, а его огромные инопланетные глаза, более совершенные, чем самые лучшие оптические устройства землян, стали такими же бессмысленными, как у лягушонка Кермита[1]. Остекленевшие, они смотрели в никуда, а сам Ип казался таким же неживым, как игрушечный робот по правую его руку.

Мэри вошла. Взгляд ее скользнул по шеренге игрушек, встретился со взглядом инопланетянина и остановился на пышно цветущей герани.

— Это ты принесла ее сюда, Герти?

— Человек с луны любит цветы. Он говорит с ними, и они от этого хорошо растут.

Мэри провела рукой по сочным листьям и, удивленная, покачала головой.

— Все растения будто с ума посходили. Не понимаю, в чем дело.

— Попробуй оладьи,— предложила Герти.

— Ой, какие хорошие! — сказала Мэри, заглянув в кастрюльку.

Лучше некуда, если учесть, что сделаны они из глины. Чем это от них пахнет так приятно?

— Боже мой, Герти, да ведь ты взяла мой крем для лица!

— Банановый.

Мэри с тоской смотрела на жалкие остатки того, что, как гарантировала фирма, должно было вернуть ей молодость.

— Герти, милочка, я не стану на тебя сердиться. Я знаю, что ты это сделала не нарочно. Но за тюбик этого крема мамочка платит двадцать пять долларов, и теперь мне придется накладывать его на лицо вместе с глиной, песком и мелкими камешками.

— Прости меня, мамочка.

— Я знаю, дорогая, ты и сама теперь жалеешь о том, что сделала. Потом я буду смеяться над этой историей. Но не сегодня.

Взгляд ее снова скользнул по оцепеневшему Ипу, стоявшему в одной шеренге с игрушками, но не задержался ни на миг — так расстроена была она тем, что осталась без крема. Она отвернулась и ушла, а Ип снова сел на пол у передатчика и припаял пальцем еще несколько проволочек.

— Ты плохо себя чувствуешь, Ип? — спросила Герти.

Она посмотрела в его глаза, но увидела там не танцующий водопад, а пустыню, и пустыню эту во всех направлениях разрезали уходящие в бесконечную даль расщелины — такого безрадостного места Герти не видела никогда.

Ип моргнул, и пустыня исчезла. После этого он взял «Скажи по буквам» и снова стал нажимать кнопки.

...глипл дупл звак-звак снафн олг мнннннип...

Эти созвучия, рожденные разумом более высоким, чем земной, его умиротворили. Вот это язык так язык! Он позволяет выразить все, что у тебя на душе. Скоро мальчики вернутся домой из скобяной лавки, которую сейчас обкрадывают, и тогда он сможет обратиться на этом языке к ночи, говорить с ней снова и снова.

Когда он покинет Землю, у него останется чувство удовлетворения от того, что он учил юных землян и направил их разум к более высоким целям.

Если он покинет Землю.

Когда он смотрел на свой передатчик, сделанный из вешалки и заколок, у него — что греха таить — появлялись сомнения. Однако внутренний голос подтверждал, что он на правильном пути. Оставалось только верить этому голосу и следовать его советам.

Но если они не принесут циркулярную пилу...

Вошли Майкл и Эллиот. Распахнули куртки и достали пилу, о которой он просил, а также пригоршни болтов и других деталей.

— Получай, Ип. Тебе нужно это?

Его пальцы лихорадочно ощупывали поверхность пилы. Он положил пилу на диск проигрывателя и крутанул ее пальцем. Зубчатое лезвие закружилось, поблескивая в солнечном свете, проникавшем из окошка чулана.

— Но как можно сделать пластинку из пилы?

— Скажи по буквам «краска».— И Ип показал жестами, что поверхность пилы нужно покрасить.

— Все равно какой краской?

Он показал на небо.

— Голубой?

Он кивнул.

— Приходила мама,— сказала Герти.— Ипа даже не заметила.

— Да? Значит, маскировка сработала?

Эллиот показал на бессмысленно глядящие игрушки, поставленные в шеренгу.

— Уходить,— сказал Ип.

И он выпроводил их из чулана. Есть предел унижению, которое маститый ботаник может выдержать в течение дня.

Мэри поглядела на себя в зеркало над туалетным столиком и полезла в фаянсовую курочку за заколками.

Пальцы не нащупали внутри ничего. Где же?..

Понятно, где. У Герти.

— Герти!

Та прибежала.

— Что, мамочка?

— Верни мне заколки.

— Не могу, они нужны страшиле.

— Да? И зачем же?

— Для его машины.

Для его машины... Мэри задумалась. Стоит ли тратить силы, продираться по бесконечной анфиладе детских фантазий ради того, чтобы вернуть заколки? Не стоит. Пусть волосы свободно падают на лицо, это сейчас модно — такой вид, будто ты на грани нервного срыва.

— Спасибо, Герти, пока все.

— Я скажу страшиле, что ты передавала ему привет.

— Да, передай самые лучшие пожелания.

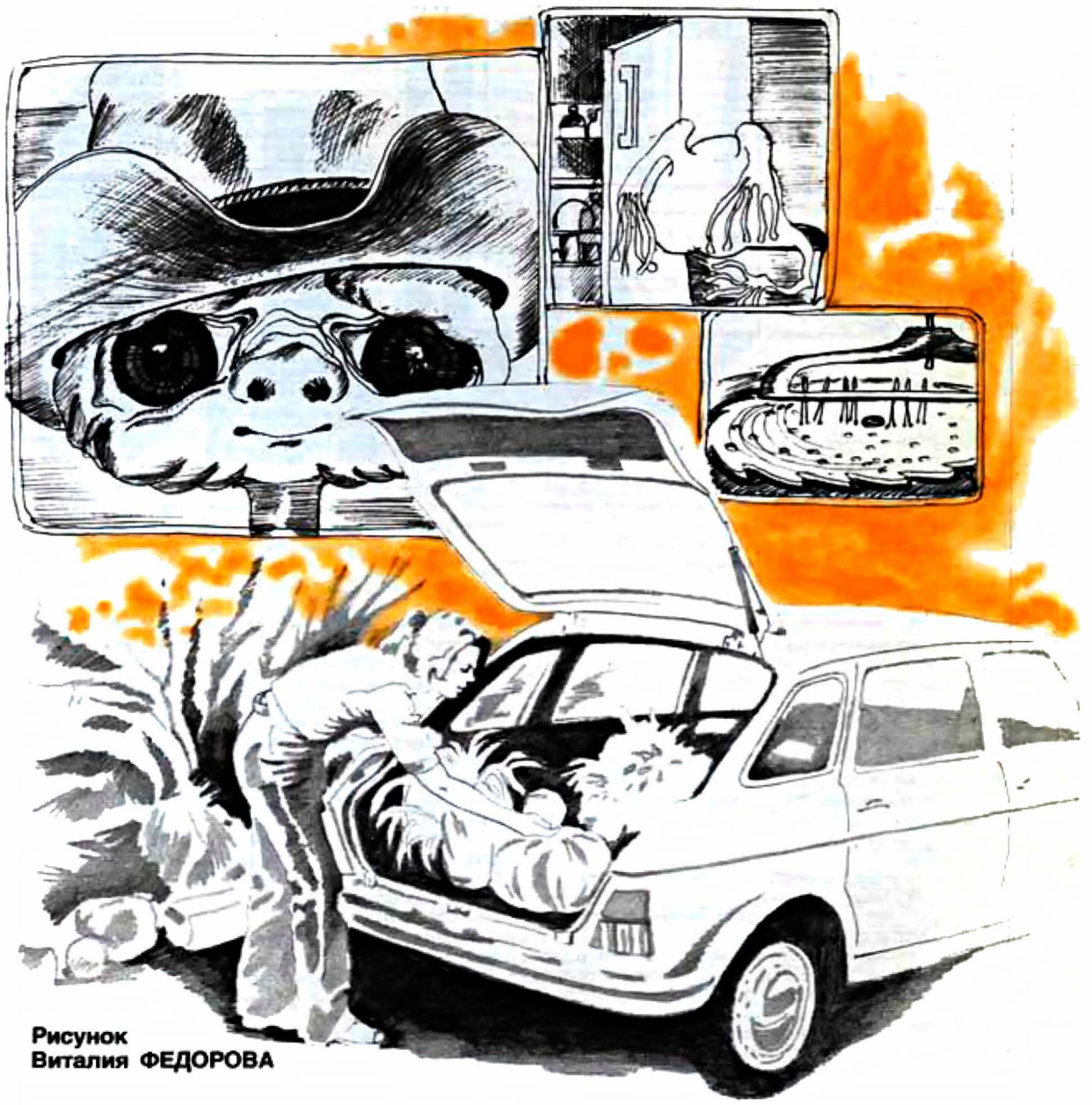


Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

[1] Один из персонажей популярной в США серии мультфильмов.— Прим. перев.

А страшила у себя в чулане трудился не покладая рук. Пила была покрашена и уже высохла, и теперь преклонного возраста ученый начал выжигать в краске, покрывшей пилу, маленькие кружочки, располагая их в каком-то понятном только ему порядке.

— Ага,— сказал Эллиот,— я теперь понимаю. Будет вроде музыкального ящика.

Из-за плеча Эллиота Майкл смотрел, как кружочки складываются в какой-то узор.

— Как в пианоле,— сказал он.

Палец Ипа выжигал в краске кружочек за кружочком, и теперь пластинка напоминала перфокарту. Когда наконец изготовление программы было завершено, Ип положил пилу на диск проигрывателя, крутанул ее пальцем и опустил звукосниматель — вешалку для пиджака; торчавшие из нее в ряд заколки заскользили, щелкая, по вращающейся пиле, то попадая в кружочки, то из них выскакивая — так, как того требовала записанная в рисунке кружочков программа.

— Ну и молодец же ты, Ип!..

Когда пила начала вращаться, заколки привели в действие связанный с ними проволочками пульт «Скажи по буквам», и зазвучали, повторяясь снова и снова, слова на языке дальних звезд:

— *...глипл дупл звак-звак снафн олт мммнн ип...*

— Ты и вправду сумел ее сделать, Ип. Сделать свою собственную пластинку.

Вошла Герти, в руках у нее был портативный приемопередатчик, еще недавно принадлежавший Эллиоту. Сейчас она разговаривала со своими куклами — они были далеко, в ее комнате.

— Перехожу на прием, куколка, это я, Герти...

Длинная рука Ипа вытянулась, взяла у нее радио, и дети оглянуться не успели, как Ип отделил микрофон и вмонтировал в «Скажи по буквам».

— Ип, ты ломаешь все мои игрушки! — завизжала Герти так пронзительно, что голос ее разнесся по всему дому.

Безжалостно выворачивая руки ее кукле, братья стали терпеливо объяснять Герти, что быть жадной нехорошо.

— Ну, ладно,— сказала она, шмыгая носом,— только пусть он больше ничего не ломает.

Обремененный годами ученый заверил ее, что ни одна из ее игрушек больше не будет сломана. Теперь ему нужен только коаксиальный кабель от телевизора ее матери. А также высокочастотный блок — для него тоже пришло время.

И все вместе крадучись они двинулись по коридору.

Вечером Мэри вошла к себе в спальню, включила телевизор, сбросила туфли и забралась в постель; пересиливая усталость, развернула газету, начала читать. И скоро заметила, что телевизор не работает.

— Майкл!

Дом ответил молчанием.

— Эллиот!..

Наверняка это дело рук ее сыновей. Но перед ее внутренним взором почему-то предстала Герти.

— Герти?— тихо спросила у ночи Мэри.

Неужели это работа Герти?

Она закрыла глаза и тут же удивленно наморщила лоб: непонятно почему, но ей представилось, что в ее спальню Герти входит на цыпочках вместе с большим Маллитом.

Да, она явно переутомилась; и, вздохнув и вытянувшись, она накрыла лицо газетой.

Поспав недолго и беспокойно, она проснулась и почувствовала, что ей хочется есть. Не самое ли подходящее время сжевать целый мягкий хлеб, намазывая его земляничным джемом?

Тихо соскользнув с кровати, она вышла на цыпочках в коридор. Не нужно, чтобы дети ее видели, нельзя подавать им дурной пример — что это за мать, которая не может сладить со своим аппетитом, которой не дают покоя мысли о джеме?

Она остановилась, прислушалась к голосам Майкла и Эллиота, доносящимся из комнаты для игр. Вот и хорошо, они не увидят, как мерзко она себя ведет, но, самое главное, не смогут остановить ее.

Ее голодный желудок тоскует по булочкам с желе. По крему. По рисовому пудингу. И еще хорошо бы съесть бананового мороженого.

Она спустилась на цыпочках по лестнице и замедлила шаг: нельзя, чтобы ее увидели.

В столовой никого не было. Там царила тьма.

Все так же тихо Мэри пошла на кухню. Обогнув угол, она увидела, что в кухне горит свет, и через секунду обнаружила, что за столом сидит Герти, а на столе перед ней печенье и молоко. Не увидела Мэри только Ипа на табуретке около холодильника. Бедный домовой из космоса съежился: прятаться было поздно.

Но Мэри уже показывала Герти на две тарелки на столе.

— Для кого вторая тарелка?— спросила она, не отрывая жадного взгляда от печенья.— Для твоей куклы?

— Для человека из космоса,— ответила Герти.— Он любит печенье.

— Он не обидится, если я съем одно?

— Ой, конечно, нет!— воскликнула Герти.— Он тебя любит.

— Какой он милый, этот человек из космоса!— сказала Мэри и запустила руку в печенье.— Еще я должна обязательно поесть желе.

Она стремительно повернулась к холодильнику, распахнула дверцу. Дверца, открывшись до отказа, сбросила Ипа с табуретки в корзину для мусора. Голова его оказалась внизу, а ноги торчали из корзины, но Мэри его не заметила.

— ...яблочное масло... джем... конфитюр... а этих замороженных пирожков с черникой я, пожалуй, съем четыре...

— Мамочка,— сказала Герти,— у тебя опять приступ?

— Да, дорогая... Помадка... один эклер...

Внезапно ее обхватили сзади сильные руки.

— Остановись, мам.

— Эллиот... Майкл... пустите меня...

— Мам, очень тебя прошу.— Майкл повернул ее так, чтобы холодильник исчез из поля ее зрения.— Ты говорила нам, чтобы мы не давали тебе этого делать.

— Забудьте, что я вам говорила.

Она попыталась вырваться и схватить с тарелки на столе печенье.

— Пошли, мам,— сказал Эллиот, загораживая собой Ипа, чьи ноги по-прежнему торчали из корзины для мусора.— Пойдем поиграем в «Монополию».

Мэри посмотрела Эллиоту в глаза: он явно встревожен, нервничает, не находит себе места — думает только о том, как отвлечь ее внимание от холодильника.

— Ты хороший сын, Эллиот.

— Ты же просила нас напоминать тебе,— сказал Эллиот,— что если ты будешь есть сладкое, то в купальном костюме будешь похожа на сардельку.

Взяв мать под руки, мальчики потащили ее из кухни, подальше от космического путешественника, и вывели в коридор; Мэри упиралась, но шла.

— Вы хорошие дети... строгие, но хорошие...

Они довели ее до лестницы, наверх она пошла одна.

— Не оглядывайся, мам. Ты ведь знаешь, что́ с тобой случится, если ты будешь оглядываться.

— Знаю: мне придется пойти в магазин одежды для полных женщин,— кротко сказала Мэри.

На другой день шел дождь. Мэри стала искать зонтик. Но разве могла она его найти внизу, когда он, превратившись в параболический отражатель, уже находился в чулане на втором этаже?

— Вот это да,— сказал Эллиот, когда увидел его,— вот это я понимаю!

Зонт был выстлан внутри фольгой. К ручке была прикреплена жестянка из-под кофе, внутри ее помещался высокочастотный блок из телевизора Мэри, а к блоку был подсоединен через коаксиальный кабель микрофон от портативного приемопередатчика: микрофон стал частью «Скажи по буквам», и *глипл дупл звак-звак* умножалось теперь до микроволновой частоты.

Преклонных лет радиооператор объяснил им, что ему нужен предмет, который он высмотрел под приборной доской машины Мэри.

— То есть тебе нужна та штука в машине, которая обманывает полицейский радар?

Не дожидаясь ответа Ипа, Майкл с сомнением покачал головой, и Эллиот договорил:

— Это единственная папина вещь, которую мама себе оставила. Мама очень ей дорожит.

Старый путешественник начал что-то чертить, и мальчики поняли: если не закрепить в жестянке из-под кофе антиполицейское устройство, нельзя добиться, чтобы микроволновая частота излучалась в пространство.

Вечером того же дня, когда Мэри мчалась на машине домой, ее система предупреждения не сработала в сфере действия полицейского радара, и Мэри оштрафовали на двадцать пять долларов.

Зато передатчик был теперь почти готов.

— Все это прекрасно,— сказал Майкл,— но откуда возьмется энергия? Что будет крутить вот эту штуку?— И он пальцем крутанул циркулярную пилу на диске проигрывателя.— Если мы отнесем ее туда, на холмы,— он показал в окно,— то ведь там никакого электричества нет.

Ип только что кончил ужинать. Он начал водить по столовому ножу пальцем, которым мог плавить и паять, выделил из ножа углерод, лишив таким образом лезвие твердости и упругости, а потом согнул нож и вместе с вилкой прикрепил его к вешалке так, что получилось подобие храповика: нож и вилка, цепляясь за зубцы пилы, медленно ее поворачивали.

— Все это хорошо,— сказал Майкл,— но мы не можем стоять там всю ночь и крутить эту штуковину.

А Ип улыбался. Теперь он понимал всё, из глубины сознания всплыли вдруг те первые образы вилки и ножа, танцующих вокруг тарелки. Всплыло то самое устройство, которое он сейчас перед собой видел; это оно будет работать там, на холмах, и для того, чтобы привести его в движение, не понадобятся ничьи руки.

— Так кто же это?

— Мой новый персонаж.

— Что он такое?

— Колдун, первая категория. Вот его данные.

— Читай.

— Мудрость — двадцать очков, обаяние — тоже двадцать, интеллект — восемнадцать, сила — четырнадцать.

— Имя?

— Ип.

Инопланетянину было слышно, как в кухне внизу играют в «Подземелья и драконы», но еще интереснее было ему слушать то, что происходило в доме каждый вечер. А чтобы это услышать, ему нужно было только приложить ухо к двери в комнату Герти. Он и сейчас пригнулся и стал снова слушать историю Земли. Мэри негромко рассказывала:

— ...«Питер говорит: «Краснокожие потерпели поражение? Венди и мальчиков захватили пираты? Я спасу ее! Я спасу ее!» Тинк издает предостерегающий возглас: «О, это мое лекарство? Оно отравлено? Кто же мог его отравить? Я обещала Венди принять его и приму, как только наточу свой кинжал». Когда рука Питера уже протянулась за микстурой, Тинк благородно выпивает ее залпом...»

— Ой!— сказала Герти.

— Ой.— прошептал старый космический путешественник.

— ...«Тинк, ты выпила мое лекарство! Оно было отравлено, и ты выпила его, чтобы спасти мне жизнь! Тинк, милая Тинк, ты умираешь? Ее свет меркнет, и если он погаснет, это будет значить, что она умерла! Ее голос звучит очень тихо, и я едва разбираю, что она говорит...»

Голова у старого путешественника поникла: как ужасно!

— «...она говорит, что, ей кажется, она может выздороветь, если дети поверят в фей! Ты веришь в фей? Скажи быстро, веришь или нет?»

— Верю,— сказала Герти.

— Верю.— сказал космический скиталец,— и в уголках его глаз выступили слезы.

Тут появился Эллиот, он порезал палец на терке для сыра и в поисках бинта поднялся на второй этаж. Древний врачеватель растений повернулся, увидел порез и направил на него длинный палец. Кончик пальца засветился ослепительным розовым светом. Эллиот попятился испуганно: ведь этим пальцем Ип, если захочет, может прожечь насквозь сталь! Но палец Ипа по-прежнему светился лишь розовым светом, и он провел им по порезу Эллиота. Кровь мгновенно перестала идти, а порез исчез, словно его и не было.

Ошеломленный, Эллиот смотрел на свой палец. Он открыл рот, чтобы поблагодарить Ипа, но врач из космоса жестом призвал его к молчанию и снова приложил ухо к двери.

— «Если верите в фей, хлопните в ладоши»[1]...

Ип соединил свои огромные ладони в тихом хлопке.

Была уже ночь, и он стоял у окошка в своем чулане и смотрел в небо. Луна наполняла его чувствами, которых не выразишь словами, и мягкий свет Млечного Пути шепотом звезд проникал в его сердце. Его разверстые бессчетными веками жизни глаза были открыты всем сияниям, и грубым, и тонким; во вращении огромного звездного колеса он слышал музыку стремительно летящих светил, и через бездны космоса, сквозь мрак, до него доносилась торжественная речь этих гигантов.

Разум и сердце его потонули в волнах печали, и он прижался лбом к подоконнику. Когда-то и он был причастен к делам Великого Колеса, собственными глазами созерцал чудеса Вселенной, видел даже рождение звезды. А сейчас он в чулане, и рядом с ним украденный зонтик и Маллит.

Он повернулся к Маллиту, но тот, занятый своими мыслями, смотрел стеклянными глазами в ночь.

Тело старого ученого тосковало по космосу. Все его поры молили о звездном свете, таком, какой он там, где звезды с тобою рядом, где от красоты Ориона захватывает дух и глаз не отвести от туманности внутри этого созвездия, переливающейся радужными оттенками. Или в Плеядах, где голубое сияние молодой звезды светит тебе будто прямо в сердце. Или в туманности Вуали, которая уплывает и уплывает вдаль, шепча свою величественную тайну тем, кто вместе с ней плывет в океане космоса.

Терзаемый этими и другими воспоминаниями, он отвернулся от окна к двери чулана и медленно ее открыл.

Крадучись, он прошел мимо спящего Эллиота и выскользнул в коридор. Так же тихо он пошел дальше, а по стене двигалась его безобразная тень — тыква на двух ногах, шагающий арбуз, страшилище на чужой планете. Он смотрел на себя теперь

---

[1] Из «Питера Пэна и Венди» Джеймса М. Барри. — Прим. перев.

глазами землянина, земные представления о красоте стали его собственными, и он воспринимал себя теперь как нечто нелепое, оскорбляющее глаз и разум, немыслимо уродливое.

Он приоткрыл тихонько дверь в комнату Герти и постоял несколько мгновений, глядя на спящего ребенка. Да, ей он кажется красивым, но ведь для нее и лягушонок Кермит — красавец.

В конце коридора его ждал Харви.

Харви смотрел, высунув язык, как к нему ковыляет это странное существо, смахивающее на пакет с едой специально для собак.

Инопланетянин погладил Харви по голове. Позвоночник пса пронизали сигналы — «пиип, пиип»,— и хвост у собаки поднялся вверх и завернулся крючком. Харви оглянулся, посмотрел на хвост, потом снова посмотрел на инопланетянина.

Они вместе начали обычный обход дома — оба совершали его каждую ночь после того, как остальные засыпали; сейчас Харви спускался бесшумно рядом с чужаком вниз по лестнице, они направлялись к комнатам нижнего этажа. Вот чужак остановился у ниши, где стоит телефон, и поднял трубку. Послушал гудок, потом поднес трубку к уху Харви. Прислушался и Харви. Он вспомнил: Эллиот что-то делал пальцем на этой штуковине, а потом говорил в нее, и вскоре привозили пиццу.

Харви вдавил нос в одно из отверстий диска, повернул диск один раз и стал ждать: вдруг появится сандвич с мясом. Ип повернул диск еще несколько раз, и они с псом послушали, как сонный голос спрашивает:

— Алло?.. Алло?..

«Один мясной сандвич,— беззвучно пролаял Харви,— и сахарную косточку».

Страшилище положило трубку на место, и они проследовали дальше, в гостиную.

На телевизоре стояла цветная фотография Мэри. Чужак взял ее и показал псу.

Харви посмотрел на фотографию в рамке, поднял лапу и толкнул ею звездного путешественника раза два, чтобы тот поставил фотографию на место. Но Ип сунул ее под мышку и двинулся дальше.

Ну вот, теперь подумают, что он, Харви, фотографию съел.

И зачем только он изгрыз поролоновый коврик в ванной, половую щетку, шляпку Мэри и пару вкусных кожаных перчаток! Теперь, если что-нибудь происходит с вещами, сразу обвиняют его.

Чужак между тем слонялся по гостиной. На столе стояла ваза с цветами. Он погладил их ласково и пробормотал что-то на своем языке.

На всякий случай Харви понюхал воздух. В одном из своих собачьих сновидений он видел куст, на котором росли булочки с котлетами, и с тех пор он повсюду этот куст ищет.

Страшилище вынуло из букета розу, и Харви сунул было в нее нос, но оказалось, что цветок обыкновенный, а не с куста, на котором растут булочки с котлетами.

Искусно продевая стебель розы в отверстия узорной рамки, Ип закрепил цветок поверх фотографии, так что роза и Мэри были теперь вместе — два самых прекрасных создания на Земле.

После этого они направились в кухню.

Хвост у Харви ритмично задвигался, и Харви облизнулся, ибо комната эта была средоточием всех благ, о которых только может мечтать собака.

— Хо-лодд-илль-ник,— проговорил чужак.

Харви кивнул утвердительно и чуть слышно заскулил. Уже сколько лет пытается он ухватить лапой ручку этого белого ящика, но не получается: эволюция не снабдила его большим пальцем.

Инопланетянин открыл белый ящик, достал молоко и шоколадный торт. Харви жалобно взвизгнул, пустил слюну, завилял хвостом усерднее прежнего, и страшилище одарило его оставшейся от обеда свиной отбивной.

Зубы Харви впились в нежное мясо, и теперь из пасти у него вырывалось негромкое радостное рычание. Оторвавшись от мяса, он раболепно посмотрел на инопланетянина.

«Ты мой хозяин».

«Дай мне знать, если вдруг с тобой случится беда».

Когда наступил вечер, на улицах, кроме фургона с пиццами, появился другой автофургон, но в нем не стояли один на другом ящики, аппетитно пахнущие томатом и сыром. Этот фургон был доверху набит аппаратурой для подслушивания, чувствительность которой произвела бы впечатление даже на гостей из Галактики. У оператора, перед которым светилась панель управления, на поясе позвякивала связка ключей. В фургон вплывали голоса людей, живущих на уже знакомой нам улице:

— ...Мамочка, когда делаешь печенье, отмерять муку и молоко нужно одинаковой чашкой?..

И:

— ...Будь добр убраться из моей жизни...

И:

— ...Если хочешь прийти, Джек, знай, что я буду вечером сидеть с соседскими детьми...

Фургон медленно ехал вдоль тротуара, вслушиваясь в каждый голос, в каждый разговор, пытаясь решить головоломку, части которой были разбросаны по всему пригороду.

— ...Питер говорит: «Краснокожие разбиты! Венди и мальчики взяли в плен...»

И:

— ...Он доделал свой передатчик, Майкл. Можно устанавливать...

Человек с ключами махнул помощнику рукой, и фургон остановился.

— ...А знаешь, Эллиот, вид у него сейчас хуже, чем раньше.

— Брось, Майкл. Мы себя чувствуем великолепно!

— Что означает это «мы»? Ты теперь все время так говоришь.

— Из-за телепатии. У меня чувство, будто я — это он...

Для обычного подслушивателя разговор этот интереса бы не представил — какие-то детские фантазии; но для подслушивателя, о котором идет речь, это был все равно что радиосигнал с Марса. Человек с ключами тут же развернул план улицы и обвел дом Мэри кружком. И когда из-за угла появился фургон с пиццами, первого фургона на этом месте уже не было.

Эллиот, как мог, объяснил Ипу, что за праздник Хэллоуин, и добавил, что это единственный случай для инопланетянина пройтись на виду у всех:

— ...потому что у всех будет странный вид. Ой, Ип, прости, я не хотел сказать, что у тебя он странный: просто необычный.

— Скажи по буквам «другой»,— произнес Ип.

Эллиот накрыл голову старого путешественника простыней и обул его перепончатые ступни в огромные опушенные мехом домашние шлепанцы. Завершающим штрихом стала ковбойская шляпа.

— Выглядишь неплохо,— сказал Эллиот.— Можно вести тебя куда угодно.

Сам Эллиот, чтобы Ип с ним рядом особенно не выделялся, надел на себя костюм страшного горбуна.

— А где Герти?— спросила Мэри Майкла.

— Она наверху, одевается вместе с Эллиотом.

Но Герти вовсе не одевалась вместе с Эллиотом. Она, стараясь не шуметь, сейчас вылезала из окна.

Эллиот повернулся к Ипу.

— Помалкивай в своей простыне и шаркай, и мама никогда не заметит разницы. Договорились? Понял, что ты Герти?

— Герти,— сказал инопланетный ученый, завернулся в простыню и, шаркая, начал спускаться вместе с Эллиотом вниз по лестнице.

Мэри ждала Эллиота и Герти внизу. Маскарадная лихорадка охватила и ее, и она тоже надела на себя костюм — пятнистое, как шкура леопарда, платье и полумаску, а в руке у нее был жезл, чтобы стукать слишком разыгравшихся ряженых по голове.

— Ну, мам, ты великолепна!

— Спасибо, Эллиот, очень мило с твоей стороны.

Но восхищение она вызывала не только у Эллиота. Страшилище, закутанное в простыню и выдававшее сейчас за Герти, смотрело на Мэри как завороженное, ибо она казалась ему небожительницей, существом с звезд, и сейчас была прекрасна как никогда.

— Герти,— сказала Мэри, подойдя к нему вплотную,— твой костюм потрясающий. Как ты сделала себе такой огромный живот?

И она похлопала по округлости, напоминающей большую тыкву.

— Мы ей подушки подложили,— сказал, нервничая, Эллиот.

— Очень натурально получилось, ничего не скажешь,— похвалила Мэри.— Но ковбойскую шляпу нужно надеть по-другому, более залихватски.

Она протянула руки к похожей на черепашью голове инопланетянина. Из ее пальцев, когда они его касались, текла ласкающая, исполненная доброты энергия. Свет-его-сердца вспыхнул, и он его прикрыл поспешно рукой.

— Ну вот,— сказала Мэри,— теперь совсем другое дело.

Она отступила назад и повернулась к Эллиоту.

— Следи за ней, и не ешьте ничего без обертки, не разговаривайте с незнакомыми...

Появился Майкл. Мэри поцеловала детей.

— Ну ладно,— сказала она,— идите развлекайтесь...

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ростислав РЫБКИН.

Литературный глобус «Смены»

Уильям КОТЦВИНКЛ

САТИРИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

ИП

Эллиот схватил старого ученого за руку и потащил за собой. Тот заковылял, спотыкаясь, к двери, но, выходя, бросил на Мэри еще один взгляд.

— Пока, дорогая,— сказала, обращаясь к инопланетянину, Мэри.

Эллиот и Майкл, взяв Ипа за руки, доволокли его до гаража. В гараже их ждала тоже закутавшаяся в простыню Герти и ждал радиомаяк — зонтик был сложен, остальное лежало в картонной коробке. Инопланетянин посмотрел на радиомаяк и заколебался: а стоит ли доводить дело до конца? Не лучше ли ему остаться жить в чулане?

— Ну, Ип, влезай.

Они посадили его в корзину велосипеда, картонную коробку с деталями передатчика закрепили на багажнике и выехали на улицу.

Инопланетянин сидел в корзине, поджав под себя свои утиные ноги, и смотрел на маленьких землян, идущих по вечерней улице,— принцесс, кошек, клоунов, бродяг, пиратов, чертей и горилл. До чего же странное место Земля!

— Держись крепче, не вывались, Ип.

Крутя педали, Эллиот ощущал вес существа, небольшого только по размерам, судьбой заброшенного сюда со звезд. Сегодняшний вечер был особенный, им предстояло совершить нечто очень важное, и сознание этого вызывало у Эллиота чувства, которых он никогда не знал. Везя корзину с сидящим в ней Ипом, поворачивая руль и нажимая на педали, Эллиот почувствовал, что он совсем не «дрянцо». Все свойственное «дрянцу» сейчас покидало его, оставалось позади, во тьме, и тьмой поглощалось; Эллиот знал теперь, что, хотя он близорукий, неуклюжий и унылый, он достоин дела, которое сейчас делает. Велосипед катился, а Эллиот чувствовал себя счастливым и свободным, будто сам космос коснулся его десницей. Он посмотрел на Майкла, и Майкл улыбнулся, сверкнув ортодонтическими пластинками. Эллиот посмотрел на Герти, и Герти помахала ему рукой, глядя на Ипа и хихикая: Ип вжался в корзину, но его мохнатые шлепанцы торчали наружу.

«Мы отправим его назад, к своим»,— подумал Эллиот, глядя на Млечный путь. Тот мягко сиял сквозь паутину проводов и загрязненный воздух и, казалось, негромко пел. Странный, зигзагами движущийся свет выскользнул из него, полотнища и сети холодного пламени протянулись к Земле, коснулись Эллиота и, танцуя, унеслись назад.

— Да, таких костюмов я в жизни не видывал,— сказал мужчина в передней очередного дома.

Рядом с ним стояла его жена, глаза ее от изумления были широко открыты; из-за их ног таращились на инопланетянина дети, потрясенные до глубины души. Ип был уже без простыни. В ковбойской шляпе, в шлепанцах, которые он, входя в дом, снимал, с его невероятными глазами, до пола свисающим животом и длинными пальцами ног, похожими на корни розового хвоща, он выделялся из всех ряженых. Во всех домах, куда они заходили, вид его производил фурор. Ему это нравилось. Как-никак, он ведь просидел в чулане уже несколько недель.

Он протянул хозяевам свою корзину, и туда посыпались сладости.

— ...просто невероятно,— бормотал хозяин, провожая их к выходу; взгляд его был прикован к длинным, похожим на корни пальцам ног, путающимся в ковре.

Прижимая к себе полную корзину, Ип вышел на тротуар. Огромный запас высококачественного питания, вафель и драже — этого должно хватить на много дней космического полета. Горы M&M, а одна плитка шоколада, особенно большая, явно предназначенная для путешествий более длительных, так и называется — «Млечный путь».

— Ип, ты имеешь колоссальный успех,— сказал, ведя велосипед за руль вдоль тротуара, Эллиот.

Существо из космоса ковыляло с ним рядом, переваливаясь с боку на бок, и Эллиот ощущал исходящие от Ипа довольство и радость. Эллиот хорошо знал, что значит быть не как все, быть посмешищем; ведь на него тоже всегда смотрели так, будто его нос похож на раздавленную брюссельскую капусту. Правда, теперь он такого чувства не испытывал. Теперь у него было чувство, будто он стал старше и мудрее и каким-то образом связан с далекими мирами; значительные и глубокие мысли стремительными кометами появлялись и исчезали у него в голове, оставляя за собой огненные хвосты озарений.

Что же касается инопланетянина, то еще некоторое время назад он заметил, что кое-кто из детей заглядывает в чужие окна. Он потянул Майкла за рукав и объяснил жестами, чего он хочет.

Крадучись, они прошли по газону и заглянули в одно из окон. По комнате расхаживал человек в майке, в руке у него была жестянка с пивом, в зубах сигара. Упершись подбородком в карниз, старый ученый блаженно улыбнулся. Если у него будет возможность каждый вечер ходить с друзьями по улицам и заглядывать в окна, он перестанет жалеть о том, что отстал от корабля.

— Идем лучше со мной, Ип,— прошептала Герти.

Тихонько обойдя вокруг дома, они поднялись на крыльцо, Герти нажала на кнопку звонка, и они бросились бежать.

Отделанные мехом шлепанцы хлопали, один вскоре свалился с ноги, а еще Ип потерял свою ковбойскую шляпу. У него вырвался крик восторга. Вот это настоящая жизнь — такая, какой живут земляне.

— Быстрей, быстрей! — крикнула ему Герти.

И они нырнули в кусты; оба задыхались, а из пальцев ног Ипа выделялся туман. Старый путешественник был так возбужден, что сами собой, непроизвольно задвигались пальцы его рук, передавая на языке космических сверхзнаков сокровенные тайны эволюции. Кусты от этого сперва потеряли сознание, но потом не только пришли в себя, но и расцвели. Однако маститый ботаник был уже далеко, его лицо прижималось уже к окну следующего дома.

Так они продвигались из одного квартала в другой. От волнения они все время жевали сладкое, его заметно поубавилось, и Ип дал понять, что не прочь был бы собрать еще.

— Попробуем,— сказал Эллиот.— Может, вон в том доме получится.

И Эллиот повел их по тротуару, твердо уверенный теперь, что уродливую фигурку, шаркающую рядом, примут за ряженого — мальчишку или девчонку в резиновом маскарадном костюме. Что касается самого Ипа, то у него больше не было чувства, что он выглядит странно. Ему теперь казалось, что его инопланетный облик — это маскарадный костюм только на сегодняшний вечер. Под ним же он самый настоящий землянин: так же, как другие земляне, ест конфеты, звонит в двери и кричит.

Но когда дверь перед ними открылась, глаза Ипа впервые за вечер моргнули испуганно: за дверью стоял рыжий мальчишка маленького роста, который (он это понял сразу) был не кто иной, как Лэнс, а Лэнс ему доверия не внушал.

Лэнс, в свою очередь, отнесся с большим недоверием к Ипу.

— А это еще кто такой? — спросил он, явно не считая, что эти длинные руки и этот лежащий на пороге шарообразный живот обязательно резиновые.

— Это... это мой двоюродный брат,— проговорил, запинаясь, Эллиот, готовый убить себя за то, что не узнал дом Лэнса: теперь они в ловушке, теперь им от Лэнса не спастись.

— Ну и чудной же он у тебя! — сказал Лэнс и шагнул к инопланетянину, словно притягиваемый какой-то неодолимой силой; все его существо было настроено на волну Ипа.

Старый ученый понял, что дело плохо: этот мальчик — всезнайка.

Он стал пятиться, и Эллиот тоже. Они отступали, а Лэнс на них наступал, и когда Майкл и Эллиот вскочили на велосипеды, Лэнс вскочил тоже.

— Скажи по буквам «быстро»,— произнес Ип.

И Эллиот остервенело заработал ногами, ругая себя за неосторожность, за то, что не утерпел и выпустил Ипа на всеобщее обозрение. Но разве могло быть иначе? Разве можно было удержаться и не похвастаться, не посмотреть, как у людей от изумления отваливаются челюсти?

Однако нельзя было показывать Ипа всезнайкам вроде Лэнса, потому что всезнайку не проведешь. Инопланетного космонавта всезнайка сразу отличит от землянина.

Ип упирался головой в дно корзины, а ноги его торчали наружу. Что сделает теперь Лэнс? Сообщит властям? Неужели кончится тем, что из него, Ипа, сделают чучело?

Эллиот обернулся и посмотрел через плечо назад, в темноту. Лэнса не видно, да он наверняка и не сможет достаточно быстро крутить педали.

— Все в порядке,— сказал Эллиот Ипу.— Мы от него оторвались.

Но он ошибся. Кратчайшими путями, известными одним лишь всезнайкам, Лэнс несся сквозь ночь, и незримая нить, которая связывала его с преследуемым, не обрывалась ни на миг. И откуда он только знал, когда нужно поворачивать и насколько круто? Он был настроен на волну Ипа, их связывала эта невидимая нить; он крутил педали как одержимый, со скоростью, о какой обычный всезнайка и мечтать не может. Ветер прижимал пряди рыжих волос ко лбу, большие уши торчали, а он как безумный несся в свете луны по следу Эллиота.

Фара его велосипеда была выключена, только рефлекторы чертили узоры в темноте, но никто их не видел. Лэнс был разом взвинчен и спокоен и — впервые в жизни — чувствовал, что он не хуже других. В его еще короткой жизни юного всезнайки все, честно говоря, шло пока вкривь и вкось, и ему только и оставалось, что слоняться по дому и играть в электронные игры с самим собой. Но сегодня... сегодня казалось, что велосипед его переполнен энергией, она буквально переливалась через край, а сам Лэнс тормозил на виражах как заправский велогонщик. Его выступающие вперед зубы стучали от возбуждения. Ветер обдувал чуб. Эта ночь явно была к нему расположена.

Налетев на край тротуара, велосипед Лэнса подпрыгнул, опустился снова, взвизгнув колесами, на асфальт, и тут Лэнс увидел впереди велосипед Эллиота: хвостовой рефлектор сверкнул от света уличного фонаря.

«Едет к холмам»,— подумал Лэнс.

И он улыбнулся, а его велик в это время вихрем пронесся под тем же уличным фонарем, бесшумный и быстрый, управляемый седоком, который не смог бы сбиться со следа, даже если бы этого хотел; Лэнс принимал сейчас сигнал во всей его мощности, жужжание наполняло его голову.

Склонившись над рулем, он самозабвенно нажимал на педали. Откуда-то появлялись мысли о космосе, глубокие прозрения, и у него было чувство, что еще немного, и он поднимется плавно в небо. Он улыбнулся опять: все мальчишки смеются над ним из-за того, что он не ест ничего, кроме сыра. Ну, а что тут особенного? Какое значение имеет это теперь, когда он словно парит на крыльях невероятной энергии?

Последний уличный фонарь остался позади, теперь Лэнс мчался к холмам.

Эллиот оглянулся, но преследователя не увидел. Дорога перешла в пожарную просеку, которая вела в лес, и Эллиот покатил вверх по склону.

Вцепившись пальцами в проволочную сетку, прижимаясь к ней животом, космический путешественник подпрыгивал в велосипедной корзине. Теперь, когда он снова оказался у места приземления, мысль его лихорадочно заработала. Нужно скорей установить радиомаяк и начать передавать сигналы. Пространство огромно, а время бесконечно, больше нельзя терять ни мгновения. Но как медленно едет Эллиот! велосипед еле движется!

— Эллиот...

— Что?

— Скажи по буквам «держись крепче».

Ученый из космоса пошевелил пальцами по форме ле антигравитации низкого уровня, и велосипед оторвался от земли.

Он пролетел над кустами, поднялся над верхушками деревьев и поплыл над лесом.

Так-то лучше — и Ип откинулся, устраиваясь по удобней в корзине.

Продолжение. Начало в №№ 10—13.

Руки Эллиота будто приклеились намертво к рулю, рот, открывшись, так и не закрылся, волосы стояли дыбом. Колеса медленно крутились в ветре. Сквозь листву он видел пожарную просеку и тропинки. А над ним, чуть отстав, луна скользила среди серебристых облаков.

На одном из деревьев внизу сейчас просыпалась и потягивалась, лениво расправляя крылья, сова. Она почмокала: хорошо бы пожевать мышь, простую, а можно и летучую. Взлетела и, беззаботно махая крыльями, устремилась вверх. И вдруг ее и без того большие глаза стали еще больше, и она начала камнем падать вниз, думая: «Да что же это за страсть такая?..»

Это мимо совы проплыл в воздухе Эллиот на велике с космическим домовым в корзине, и сова, сложив крылья, упала на землю и съежилась, уже ничего не соображая от страха. Тут появился на своем велосипеде Лэнс, он несся прямо на сову, и она едва увернулась от стремительно приближающегося всезнайки. Что творится в лесу!

Подпрыгивая на корнях, ветках, кочках, велик Лэнса мчался вперед. Голову Лэнса переполнял электронный писк, и Лэнс точно знал, куда ему ехать, будто его вел сигнал радиомаяка. Лес принял его как друга, тропинки гостеприимно открывались, и всезнайка легко проскальзывал там, где застряли бы даже опытные лесники. Но Эллиот как сквозь землю провалился.

Только тонкие паутинки лунного света проникали под крышу листвы, над которой плыл Эллиот, скрытый от Лэнса и от остального мира, видимый лишь пищащим, испуганным летучим мышам, пулей уносившимся в разные стороны от вторгнувшегося в их владения велосипеда. Медленно, напряженно ноги Эллиота крутили педали; в ночном безмолвии было слышно, как звякают звенья велосипедной цепи. В душе Эллиот всегда знал, что его велик может летать, иногда он ощущал это, въезжая на вершину холма, но для того, чтобы это могло произойти, не хватало только немножко волшебства — до сегодняшнего вечера. Волшебство это принес с собой Ип, и было оно не что иное, как наука дальнего космоса, ушедшая так далеко вперед, что владеют ею лишь существа, прожившие неисчислимое множество лет. Она верно служит огромным их кораблям, и уж, конечно, для нее сущие пустяки перенести по воздуху обыкновенный велосипед на расстояние какой-нибудь мили.

Старый ученый, сидя в корзине, внимательно оглядывал все вокруг, а велосипед в это время начал спускаться на поляну. Инопланетянин регулировал спуск, и велосипед, войдя в высокую траву, коснулся земли; приземление можно было бы считать безупречным, если бы длинный палец ноги Ипа не застрял между спиц.

— Ф-ффф...

Велосипед повалился набок, и ботаник оказался под ним. Он вылез кое-как из корзины, палец болел, но инопланетянин был так возбужден, что не обращал внимания на боль. Эллиот, тоже поднявшись на ноги, начал распаковывать передатчик.

Древний ученый зорко оглядел поляну: может, кто-нибудь из тех, кто охотился за ним в первую ночь, до сих пор прячется где-нибудь неподалеку? Его психический радар прощупывал лес; но Лэнс, когда попал в поле зрения этого радара, дал на психическом экране ученого лишь мгновенную вспышку. Почему? Да потому, что переживания всезнайки были во многом схожи с переживаниями инопланетянина, тот и другой чувствовали себя неудачниками, изгоями, недотепами, и потому ботаник просто не заметил Лэнса, не ощутил опасности.

Он повернулся к Эллиоту и знаками показал, что надо начинать устанавливать передатчик.

Вращаясь, циркулярная пила напоминала волшебную тарелку, возле которой, прижимаясь к ее зубцам, пляшут вилка и нож. К ветке высокого гибкого дерева прикреплена пружина, а от другого конца этой пружины тянется веревка к храповику. Когда ветер качает дерево, веревка натягивается, приводит в движение храповик, сделанный из ножа и вилки; зубцы вилки, цепляясь за зубцы пилы, поворачивают диск, а по нему, не отрываясь ни на миг, реализуя новую программу игрушки «Скажи по буквам», ползут заколки для волос. Энергия в «Скажи по буквам» поступает из сотен проволочек, которые старый ботаник присоединил к деревьям; эти проволочки вошли в жилки листьев, в ветки, в корни и теперь выкачивают из них электричество живой материи; как это происходит, известно только старому ботанику. Но все равно Эллиот чувствовал, как жизненная сила растений идет по этим проводам, стекается к радиомаяку, питает его энергией.

Перевернутый зонтик, выстланный фольгой, блестел в лунном свете. Но отражал он не только лунный свет. Параболическое зеркало посылало в космос микроволновый сигнал антиполицейского устройства, снятого с машины Мэри, сигнал, модулированный высокочастотным блоком из ее телевизора

...глипл дупл звак-звак снафн олг мнннип...

...или что-то в этом духе. На самом деле звучало гораздо красивее, но в алфавитах Земли нет букв, точно соответствующих звукам, которые сумел извлечь из «Скажи по буквам» инопланетянин.

Эллиот стоял в потоке излучаемого сигнала и надеялся, что сигнал будет услышан; но сможет ли нечто такое маленькое, такое слабое, как этот передатчик, отыскать кого-нибудь в бесконечных просторах?

Инопланетянин, почувствовав сомнения Эллиота, дотронулся до его плеча и сказал:

— Мы нашли окно.

— Окно?

— Наша частота — окно. Они услышат.

Мальчик и инопланетянин еще долго стояли около передатчика.

Казалось, что звезды слушают — и слушал затаившийся в кустах всезнайка.

Мэри между тем отбивалась как могла от маленьких ряженых, стайка за стайкой залетавших в ее дом.

— Входите, входите. Боже, какие страшные...

Они пели для нее, танцевали. Во время пения из их ртов вылетала жвачка, которую они тут же затаптывали в ковер; размахивая в такт руками, приклеивали мокрые леденцы к ее рельефным обоям, и потом приходилось отрывать их вместе с рельефом. Одного маленького домового укусил Харви. Но в то время, как доблестный сторожевой пес пугал невинных деток, окно в комнату Мэри на втором этаже тихо открылось, и в него влез агент правительства с электронным прибором, мерцающий свет и колеблющаяся игла которого повели агента дальше.

Когда прибор оказался в комнате Эллиота, игла стала обнаруживать признаки все большего и большего возбуждения, а когда агент внес прибор в чулан, она впала в неистовство. Результат, по-видимому, агента вполне удовлетворил; крадучись он вернулся по коридору назад и тем же путем, через окно в комнате Мэри, удалился; Харви в это время внизу завязывали пасть носовым платком, а вопящему малышу набивали рот шоколадом.

...глипл дупл звак-звак...

Эллиот и инопланетянин сидели у передатчика, вслушивались в тишину и смотрели на ночное небо, а всезнайка Лэнс в это время смотрел на них. Небо молчало.

Так прошел не один час. Эллиот уснул, а Лэнсу к девяти часам нужно было быть дома, и старый путешественник остался в конце концов наедине со своим радиомаяком.

Он проследил глазами в темноте путь сигнала, уходящего вдаль и вширь.

Чувствовал себя он теперь не слишком хорошо. Может, оттого, что съел много сладостей?

Он встал и не спеша заковылял в лес навестить растения. Его шаг показался ему несколько тяжеловатым, тяжелей обычного. Может, так стало оттого, что, бегая и заглядывая в окна, он перенапряг свои силы? Ведь занятие это для него непривычное.

Дорогу ему преградил ручей. Журчание воды в ручье было необыкновенно приятно его слуху, и он опустил в воду голову. Час проходил за часом, а он все слушал и слушал эту бегущую по артериям Земли кровь. Так, не вынимая из воды голову, он и уснул.

— Рост около четырех футов, — сказала Мэри полицейскому. — Наряжен горбуном. — И она разрыдалась.

— Ну-ну, — сказал полицейский. — Уйма ребятишек запаздывает домой каждый Хэллоуин. Наверняка с вашим мальчиком ничего не случилось.

Над улицами уже занялся серый рассвет. Герти и Майкл были дома. А кровать Эллиота пустовала. Сквозь застилавшие глаза слезы Мэри посмотрела на полицейского.

— Я ужасно обращалась с ним в последнее время. Заставляла убирать комнату.

— Но ведь это правильно, — сказал полицейский.

Харви попытался было тоже что-то сказать, но морда его все еще оставалась завязанной. Он оперся передними лапами на дверь и заскулил приглушенно.

— Эллиот! — воскликнула Мэри и вскочила.

Эллиот шел через газон на заднем дворе. На радостях Мэри сдернула с морды Харви платок, и пес, двигая челюстями, с облегчением заскулил.

— Это пропавший? — улыбнулся полицейский.

Он закрыл блокнот и покинул радующееся семейство.

— Ты обязательно должен найти его, Майкл. Он в лесу. Где-нибудь недалеко от поляны...

Мэри сразу уложила Эллиота в постель. И теперь пропавшим без вести оказался Ип. Майкл пошел в гараж и вывел свой велик. Через минуту он уже катил по улице, а на некотором расстоянии за ним следовала машина.

Оглянувшись, он увидел в этой машине троих; все трое смотрели, не отрывая глаз, на него. Резко свернув в узкий проход между домами и таким способом стряхнув машину с хвоста, Майкл помчался к холмам.

У Ипа, когда Майкл его нашел, голова по-прежнему была опущена в воду. Выглядел старый путешественник неважно, но заверил Майкла, что чувствует себя хорошо, а голову в ручей опустил, просто чтобы послушать воду.

Ип стал показывать на ручей, на небо и на многое-многое другое, но Майкл видел, что он стал бледнее и передвигается с бо́льшим трудом, чем прежде.

— Ведь радиомаяк пока работал еще совсем мало, — сказал Майкл. — Надо быть оптимистом.

— Скажи это ему. — Эллиот кивнул в сторону чулана, где грустил Ип.

Инопланетянин знал, что абсурдно ждать результатов сразу. И будут ли они вообще? Но он ничего не мог с собой поделать. Он почти все время грезил о своем прекрасном корабле; стоило закрыть глаза, и он видел его, видел, как опускается на Землю этот сияющий шар. Но стоило ему очнуться от своих видений, и выяснялось, что он по-прежнему один, а около него только полупустая коробка шоколадного печенья и глупый лупоглазый Малпит.

Мэри в это время в другой комнате занималась уборкой и раздумывала о том, может ли жизнь ответить на ее вопросы чем-либо, кроме детских теннисных туфель, непонятным образом оказавшихся в холодильнике.

Она предалась воспоминаниям о муже, неисправимом бездельнике, который смылся в Мексику.

Не заняться ли ей аэробикой?

В любом случае нужно купить новую пару туфель.

Ждут ли ее впереди хоть какие-нибудь приятные неожиданности?

Когда Мэри выключила пылесос, она услышала, что в дверь звонят.

Непонятно почему, но ее надежды ожили. Безумие, конечно, но ведь похоже, что весь дом ее в последнее время заражен безумием. Она пошла открыть дверь: вдруг вернулся тряхнуть стариной ее очаровательный бездельник муж? Или кто-нибудь другой, новый? Кто-нибудь высокий, черный и угрюмый.

Она открыла дверь.

За дверью стоял некто невысокий, рыжий и любопытный.

— Эллиот дома?

— Одну минуту, Лэнс.

Она вздохнула, поднялась на второй этаж и постучала в комнату Эллиота.

— Эллиот, пришел Лэнс — ну, ты его знаешь.

— Этот всезнайка? Скажи, чтобы провалива́л.

— Не могу, Эллиот. Пусть поднимется.

Она спустилась по лестнице; все время так — вверх-вниз, вверх-вниз, как белка в колесе. Неужели ее не ждет больше ничего другого?

— Спасибо, — сказал всезнайка и побежал вверх по лестнице.

Его торчащие, как ручки у кувшина, уши, которые на ночь мать приклеивала клейкой лентой к затылку, теперь вопреки всем надеждам матери развернулись еще шире. Он постучал в дверь к Эллиоту.

— Впусти меня.

— Уходи...

— Я хочу увидеть инопланетянина.

Лэнс улыбнулся, наслаждаясь эффектом, который, он чувствовал, его слова произвели по ту сторону двери, в умолкнувшей внезапно комнате.

Дверь распахнулась. Нагловато, как полагается всезнайке, Лэнс вошел в комнату.

— Эллиот, позволь мне сразу сформулировать мою точку зрения. Я признаю, что был не прав, ошибался. Теперь я верю в инопланетных космонавтов. Одного из них я видел вчера поздно вечером в лесу, вместе с тобой.

— Я же сказал тебе, — огрызнулся Эллиот, — это мой двоюродный брат.

— Тогда, значит, родственники у тебя до ужаса безобразные. Эллиот, я видел его собственными глазами.

— Нет, не видел.

— Не хочу прибегать к крайним мерам, но как раз сейчас один человек ходит по нашей улице, стучится в двери, спрашивает, не видел ли кто-нибудь что-нибудь странное...

— Ну и что?

— А то, что я прямо сейчас могу пойти к нему и рассказать все, что я знаю. А знаю я многое. — Лэнс смотрел на Эллиота, и его лицо пылало. В конце концов он был не виноват, что родился гадом. Такие, как он, появляются именно тогда, когда тебе плохо, и

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

Как она устала!

Она подошла к трезвонящей двери, теперь твердо убежденная, что никого высокого, черного и умопомрачительного за ней нет.

Звонивший оказался высоким, черным и умопомрачительным. Но... сумасшедшим.

— ...проверяя слухи о неопознанных летающих объектах, мы...

На поясе у него висела связка ключей. Он показал карточку со знаком какого-то правительственного учреждения. Но разве не мог он вырезать ее из коробки с овсянкой или чего-нибудь похожего?

— Простите,— сказала она, запинаясь,— я не понимаю, что...

— Недалеко отсюда зарегистрировано приземление НЛО. Есть основания думать, что один из членов экипажа не успел вернуться в корабль и остался на Земле...

— Вы, конечно, шутите?

— Уверяю вас,— и его взгляд пронизал ее зрачки,— я не шучу.

Она смяла тряпку, которой стирала пыль.

— Я не видела ничего.

Он посмотрел пристально на нее, потом за ее плечо, в глубь дома, словно уже знал о нем многое, да и о ней тоже, и сейчас просто придавал в уме окончательный вид какому-то плану. Если он попытается оттолкнуть ее и войти, она разобьет ему щеткой голову, но потом будет выхаживать его, пока он не выздоровеет.

Но он уже извинялся за то, что потревожил ее, и, пятясь, спускался по ступенькам крыльца. Мэри проводила его долгим взглядом. Не зачитывался ли он комиксами, когда был маленьким? Или, может, сильно ушиб голову?

И тут она увидела, как к тротуару подкатила машина, длинная и блестящая, похожая на те, которыми пользуются правительственные учреждения. Водитель, ей показалось, отдал честь человеку, который к ней приходил, и тот сел с ним рядом.

Мэри отошла от окна и снова взялась за щетку. Может, она его недооценила? Может, он человек серьезный и занимается серьезным делом?

И где искать существо из космоса, как не у них в чулане?

Майкл неслышно вернулся в комнату Эллиота.

— Он ходит по домам и расследует. Показал маме знак. Говорит, недавно прилетал НЛО...

Лэнс запрыгал как на пружинах.

— Ты видел НЛО? Ну и повезло же тебе!

Не обращая на него внимания, Эллиот спросил у Майкла:

— Что она ему сказала?

— Ничего.

— О передатчике он знает?

от них становится еще хуже.— Или могу не открывать рта. Выбирай.

Эллиот вздохнул, и Лэнс понял, что победа за ним, и засыпал Эллиота вопросами:

— Где ты его нашел? Ты знаешь, откуда он или из какой цивилизации? Он из нашей Солнечной системы? Говорить умеет? Есть у него такие способности, которых нет у нас?

Майкл перебил его:

— Ты только проболтайся кому-нибудь, и он тебя сразу разложит на атомы — фюить, и тебя как не бывало.

— Он это может? Серьезно? Уже делал это?

Эллиот подошел к двери чулана, открыл ее и вошел внутрь.

Ип растерянно таращился: он услышал знакомый ему голос Лэнса, да и психический радар на этот раз его не подвел. Опасность была совсем близко.

— Он всезнайка,— сказал Эллиот.— Но вреда он тебе не причинит. Это я обещаю.

Инопланетянин закрыл лицо руками и опустил голову. Хэллоуин уже прошел. А лицо у него не из тех, которые можно просто так, ничего не опасаясь, показывать публике.

Снова зазвонил звонок.

Майкл тихо спустился на площадку между двух маршей, откуда удобно было наблюдать, что происходит у входной двери.

Звонок извлек Мэри из-за дивана, за которым она обнаружила запас скатанных бумажных шариков, достаточный, чтобы плеваться ими из трубочек целую жизнь.

Лэнс запрыгал опять.

— Так вот что это такое! Он его привез с другой планеты? И вид у этого передатчика как у настоящей машины из будущего, да?

— Он сделал его из заколок для волос.

— Заколок для волос?— Лэнс растерялся, но быстро, как это свойственно всезнайкам, овладел собой и возобновил расспросы:— Он хочет связаться со своей планетой? Ой, Эллиот, они скоро высадятся? Где? Когда?— Он почувствовал, что инициатива от него ускользает, и снова стал угрожать:— Покажите мне инопланетянина сейчас же, или я побегу к тому типу. Я это говорю серьезно.

— Ты знаешь, что ты шантажист?

— Ничего не могу с собой поделать.

Деваться было некуда, и Эллиот открыл дверь в чулан.

Жуя шоколадное печенье, спокойное, поглощенное своими мыслями страшилище шагнуло им навстречу. Посмотрело на всезнайку.

Руки Лэнса бессильно повисли. Кровь отхлынула от его щек, и они побелели. В голове у него попискивало — так же, как вчера, когда в лунном свете он мчался на своем велике.

— Больше мне ничего на свете не нужно, теперь можно умереть,— прошептал он.

— Смотри, как бы и вправду не пришлось,— угрожающе сказал Майкл.— Теперь ты поклянешься кровью.

— Чем хотите,— отозвался Лэнс, уже почти не помня о существовании Майкла, Эллиота, всего мира или, во всяком случае, испытывая ко всему и ко всем полное безразличие. Потому что перед ним сейчас было самое невероятное существо на Земле.— Я... мечтал... о тебе... всю свою жизнь,— сказал тихо Лэнс.

Майкл схватил его за руку:

— Повторяй за мной: «Клянусь, что ни одной живой душе не скажу о том, что видел сегодня».

Перочинный нож Майкла вонзился в собственный палец, потом в палец Лэнса, и Лэнс забормотал:

— Клянусь...

Из их пальцев потекла кровь, и Майкл прижал их один к другому. Космический путешественник, озадаченно на это глядя, поднял свой собственный палец, и конец его засветился розовым светом.

— Нет,— сказал Эллиот,— не надо.

Но было уже поздно. Из пальца Ипа вышел розовый свет, коснулся Майкла и Лэнса. Кровь у обоих мгновенно перестала идти, порезы затянулись и бесследно исчезли.

Между собой подчиненные называли его Ключник. У него было имя, но не оно было важно, а его ключи, ключи к большому складскому помещению, где склада, однако, не было, а было много комнат, к каждой из которых у него тоже был ключ.

Сейчас он стоял в одной из них, а перед ним на стене висела оперативная карта, на ней были вычерчены концентрические круги, и круги эти, все уменьшаясь, сходились к одной точке.

Его помощник, прихлебывая черный кофе, работал над лежащим перед ним списком. В списке были имена и профессии специалистов из всех областей знаний.

— Ты ведь, конечно, понимаешь,— отозвался помощник,— что стоит нам привлечь этих людей, и вероятность, что ты окажешься в идиотском положении, страшно возрастет.

— Привлечь их уже пора,— сказал Ключник, по-прежнему не сводя глаз с карты, с той точки на ней, которая была домом Мэри.

Помощник оторвался от списка.

— А что, если все это детские фантазии и подслушали мы просто-напросто игру?

— Корабль сади́лся вот здесь.— Ключник ткнул пальцем в один из внешних кругов. Пересекая круги, палец двинулся к центру.— Разговор об оставшемся члене экипажа мы слышали здесь.— Он остановил палец на точке, которая обозначала дом Эллиота.— Слишком близко, чтобы могло быть простое совпадение.

Перегнувшись через плечо помощника, Ключник нажал кнопку магнитофона, и с ленты зазвучал голос Эллиота:

— ...издалека, из космоса, Майкл, из такого места, что мы и вообразить себе не можем. Мы должны помочь ему...— Ключник остановил магнитофон, и в комнате снова стало тихо. В ночь приземления он сам почувствовал, как ужасающе огромен был инопланетный корабль, сам видел на экране слежения, как невероятно мощное, прибывшее со звезд средоточие энергии опустилось за горизонт. Поведение корабля следовало схеме, которая его ведомству была хорошо знакома, так как наблюдалась уже много раз. Различие было только в том, что на этот раз корабль застали врасплох.

Помощник поднялся из-за стола.

— Ну хорошо,— сказал он и постучал пальцем по списку,— здесь все, кто тебе нужен. Выглядит как список приглашенных на нобелевский банкет.

— Собери их.

— Выслушаешь ты хоть пару слов, пока мы еще не втянули в эту историю ученый мир? Если и в самом деле один из членов экипажа остался на Земле, маловероятно, чтобы он укрылся в чьем-нибудь доме.

— Почему?

— Да потому, что он совсем не такой, как земляне. Он бы повел себя как партизан, прятался в холмах.— Помощник показал на карте те места, где, по его мнению, могло скрываться то, что они ищут, что бы это ни было.— Ты думаешь, их не обучают выживанию в неблагоприятных условиях? Думаешь, разум, который стоит за кораблем, не предусмотрел такой возможности?

— Мы застали их врасплох,— негромко ответил Ключник.

— Возможно, что и застали. Но если бы ты был совсем не такой, как земляне, стал бы ты ходить от двери к двери в ближайшем населенном пункте и в них стучаться?

— Он в том доме.

— Давай установим это точно, а уж потом начнем обзванивать ученую братию.— Помощник опять постучал пальцем по списку.— Как только эта публика съедется, начнется галдеж. Не будет никакой возможности предотвратить утечку информации. И если ты ошибся, если в том доме не окажется ничего, кроме двух-трех придурковатых мальчишек, работу потеряешь ты, а не кто-нибудь другой. Окажется, что десять миллионов долларов ты пустил на ветер. Сейчас правительство урезает бюджет, ты это помнишь? Мы где-то на самом краю, нас вот-вот столкнут.

Ключник показал на список:

— Собирай их.

Помощник вздохнул.

— Если ты ошибешься, нам с тобой придется переключиться на сбор улик для бракоразводных процессов. Будем шататься по мотелям — выездная группа какого-нибудь сомнительного частного сыскного агентства. Если твой инопланетный идол и вправду где-нибудь недалеко, то только здесь, в этих холмах, перебивается как может.

— Как Робинзон Крузо.

— Вот именно. И уж, во всяком случае, не распивает молочные коктейли ни в чьей кухне.

А как раз в это время инопланетянин сидел в кухне и тянул через соломинку молочный коктейль. Да, конечно, соломинка — одно из самых замечательных изобретений землян: через нее так удобно пить!

— Нравится, Ип?— спросил Эллиот, сидевший напротив.

Совсем не такое, как земляне, существо кивнуло, и невероятно вкусная жидкость снова забулькала в его стакане.

Много раньше внесенные в список специалисты, разбросанные по всей стране, прошли, даже того не подозревая, всестороннюю проверку их благонадежности, и только после этого их пригласили вступить в очень странную организацию, что они и сделали, одни откровению потешаясь, другие не скрывая презрения; ни один не принимал своей подписи всерьез и не допускал даже отдаленной возможности того, что их знания и опыт могут когда-нибудь понадобиться этой организации на самом деле. И теперь каждый, остолбенев от удивления, слушал говорящий по междугородному телефону голос, а когда, наконец, клал трубку, то потом еще долго смотрел на нее и раздумывал, кто же сошел с ума — он или правительство.

В укромном уголке недалеко от места приземления передатчик Ипа посылал и посылал непрерывно свой сигнал в космос. На него не было патента, не было лицензии, и напоминал он хлам, который видишь на свалке. Но, приближаясь к передатчику, Эллиот ощущал, как велика поступающая в него и излучаемая им энергия, и понимал, знал точно, что это странное устройство на самом деле — триумф технической мысли.

Наступила ночь, а он все не уходил, оставался здесь, наедине с передатчиком. Будто сверчок, зовущий пару, в траве чуть слышно пощелкивал храповик.

Эллиот лег на спину и устремил взгляд в усыпанное звездами небо. Он мал и ничтожен, и голова у него забита всякой чепухой, но он навсегда полюбил звездный свет. Временами луна будто раскалывалась надвое, и яркое золото вспыхивало внутри, а потом широкая мерцающая полоса протягивалась между звездами. Тихий голос произносил непонятное слово — или это просто дышал ветер?

Эллиот слушал, как работает передатчик, слушал код, который, хоть был и за пределами его понимания, волновал все его существо; отраженный перевернутым зонтиком, лунный свет проникал в глубины его души.

Эллиот чувствовал, как Мэри волнуется о том, где он и что делает в такой поздний час, но он отключился от ее сознания и раскинул руки в траве. Звезды ткали покрывала из света, и эти потоки красоты, едва доступные глазу, текли, гипнотизировали его. Час проходил за часом, а он все лежал, беспомощный, скованный силами, о которых не должен был бы даже знать, силами, которыми никто на Земле пока еще не должен владеть.

По телу его пробежала дрожь, но не от холода: Эллиота до мозга его земных костей пронизало чувство космического одиночества.

Он застонал под бременем, которое на него легло, ибо еще не готовы земляне страдать от тоски по звездам.

Так прошептал голос, и юный разум Эллиота стал раскрываться — шире, шире.

...Для землян, пока еще привязанных к своей планете, сказал золотой шепот, эхом отдаваясь в бесконечных коридорах Вселенной, боль вселенской любви непереносима.

Эллиот смотрел на ночное небо, и ему казалось, что он выходит из своего тела, улетает из него в древнее сияние звезд, так ласково манящее, однако мудро скрывающее от людей свои тайны. Эллиот заметался на траве. Ударом молнии для него было принятое послание, послание, рассчитанное на существа, намного опередившие его в развитии, на существа, природа которых позволяет им любить звезду и быть любимым в ответ всей ошеломляющей мощью солнца.

Музыка сфер поглотила его без остатка, взяла его жалкую маленькую душу землянина и ошеломила трепетом, от которого земляне с рождения защищены.

Он подавил рыдание, кое-как поднялся, подошел, покачиваясь, к велосипеду. Ему не под силу было это принять, не под силу справиться с низвергающимся на него водопадом образов пространства-времени, невыносимой, не укладывающейся в сознании кривизны.

Он нажимал на педали, и фары, эти маленькие луны у его ног, поворачивались то в одну сторону, то в другую. Когда велосипед, подпрыгнув, съехал на пожарную просеку, руки и ноги у Эллиота тряслись.

Стены в кабинете Ключника были увешаны фотографиями; надпись внизу каждой сообщала, что фотография является собственностью военно-воздушных сил. На некоторых снимках были всего лишь световые пятна с размытыми очертаниями — красивые полосы в небе, движущиеся горизонтально или вертикально, зато другие были вполне четкими и оставляли впечатление достоверности, особенно когда снимок был сделан пилотом разведки ВВС, то есть человеком, который минимально подвержен галлюцинациям и еще меньше склонен морочить людям голову обычными для фотолюбителей трюками.

На столе Ключника красовался гипсовый слепок, сделанный с отпечатка ноги Ипа в глине близ места приземления. Рядом в папке лежал анализ следов топлива, оставленных кораблем.

Ключник сейчас говорил по телефону с лицом, стоящим намного выше его по служебной лестнице; он заверял это лицо, что возглавляемая им, Ключником, организация в самое ближайшее время начнет оправдывать расходуемые на нее средства.

— Еще несколько дней... нет, задержка неизбежна... мы следуем первоначальным указаниям, согласно которым для инопланетянина должна быть подготовлена полная система жизнеобеспечения...

Ключник замолчал и стал слушать; кивнул, побарабанил пальцами, заверил снова:

— Район находится под наблюдением, никто и ничто не может проскользнуть мимо нас... да, очень хорошо...

Он положил трубку. Была ночь, затишье перед бурей. Он отхлебнул кофе. Если он ошибается, если под сетью, которую они набросят, окажется только воздух, он наверняка потеряет работу. Но два-три часа в любом случае предстоят совершенно восхитительные.

Дверь открылась, и вошел помощник.

— Карантинный антиинфекционный блок невероятно большой. Ведь проверять придется весь дом.

— Ну и что?

— А то, что видел ты когда-нибудь полиэтиленовый шатер величиной с дом? И чтобы от него во все стороны торчали трубки? Это будет самое странное зрелище в пяти округах, и, голову даю на отсечение, не меньше миллиона народу съедется смотреть.

— Их не пропустят.

Помощник посмотрел на слепок ноги Ипа

— А почему бы нам не войти туда втихую, не захватить инопланетянина — и до свиданья? Без шума.

— Я-то с тобой согласен,— сказал Ключник,— но они хотят, чтобы было по-другому.— И он кивнул на телефон.

— Еще бы, ведь какая реклама для них, если мы поймаем инопланетянина! Но если его там не окажется... а мы навалимся на местных жителей с этим вот оборудованием...— Помощник постучал по стопке бумаг.— ...мы многих травмируем. И люди подадут в суд. Не забывай об этом.

Помощник повернулся и вышел.

Ключник об этом не забывал. Но не забывал он и об очень многом другом. Он знал: инопланетянин рядом. Он закурил сигарету, пустил дым в потолок и швырнул погасшую спичку в гипсовый след Ипа.

Прикатили грузовики, некий склад открыл свои двери, и люди в военной форме взмахами рук направили привезенное оборудование во вместительные глубины здания.

Ключник все зарегистрировал и зарегистрировал тех, кто должен был это оборудование собрать. Складское помещение стало похоже на военный госпиталь.

Перевел с английского
Ростислав РЫБКИН.

Продолжение следует.

Литературный глобус «Смены»

Уильям КОТЦВИНКЛ

ИП

САТИРИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Инопланетянин открыл дверь чулана, и на подушки рухнул Эллиот. Глаза у него опухли, на губах дрожали слова на языке звезд, которые он не мог произнести. Он сидел, рыдая беззвучно, а его старый-престарый гость на него смотрел.

Существо из космоса дотронулось до лба Эллиота. И тут же влияние галактик ушло из мальчика, унеслось в бескрайние просторы, к жителям дальнего космоса, для которых предназначалось. Через минуту Эллиот уже спал в невидимом коконе, сквозь который не проникнуть было звездной отраве.

Старый путешественник смотрел на спящего мальчика и ощущал разом горечь и нежность, боль и радость, причину которых сперва не мог понять, но потом понял, что просто любит этого ребенка.

Он наставник и защитник этого мальчика, но в чем его наставил? В темном ночном безумии? А чему научил? Воровать скобяные изделия?

Но благодаря Эллиоту — и он опять дотронулся до лба мальчика — ярче разгорается свет-его-сердца. Нет, не он учитель Эллиота, а Эллиот — его учитель, его наставник и защитник. Жил ли когда-нибудь на свете ребенок, подобный этому?

Такой же самоотверженный и преданный?

Да одарят его добрым знанием, таким, какое он способен воспринять, использовать и усвоить, все звезды Вселенной!

Движениями пальцев Ип отдал приказ прозрачным потокам лунного и звездного света стать гибкими и любовно окутал ими спящего Эллиота.

За дверью кто-то негромко засопел, и старый ботаник понял, что это, как обычно, Харви пришел ночевать у него в чулане.

Инопланетянин открыл дверь, и Харви, и теперь еще чувствовавший себя в его обществе не совсем уверенно, неслышно проскользнул внутрь. Он понюхал спящего Эллиота, обошел несколько раз вокруг одной из подушек и уселся напротив Ипа.

Ип посмотрел на Харви; когда Харви посмотрел на него в ответ, глаза у пса бегали, но их взгляды все равно встретились. Вскоре язык у Харви вывалился наружу, а одно ухо поднялось: в своем собачьем воображении он видел сейчас космический суп, и в супе этом плавала Вселенская Кость. Он облизнулся и заскулил.

При помощи световых телепучей прямо из сознания в сознание Ип объяснил ему все, что следует знать собаке, когда она воет на луну.

Мэри стояла перед выдвижным ящиком и перебирала в нем папки. Только одиннадцать утра, а ноги уже болят убийственно. Она посмотрела на гору бумаг, которые ей предстояло разложить по папкам. В вентиляционную бы их шахту, вот красивое было бы зрелище: порхающая корреспонденция!

— Когда у вас появится возможность, Мэри, вы сообщите коммерческому отделу о моих соображениях?

Когда у нее появится возможность. Она посмотрела на своего шефа. Тупица, тиран, садист и дурак. Будь он одинокий, она бы вышла за него замуж. Чтобы наконец можно было присесть.

— Конечно, мистер Краудер, постараюсь как можно скорее.

— И заодно не могли бы вы...

— Конечно, с радостью.

— Но ведь я еще не сказал вам, что я имею в виду.— И шеф удивленно наморщил лоб.

— Простите, мистер Краудер, мне показалось, что шкаф сейчас повалится. С ним это иногда бывает.

— Правда?

— Если выдвинуть все ящики.

Отвлекающий маневр удался: мистер Краудер стоял и смотрел на шкаф. Удивительно, каким образом он, ничего не умея, достиг своей должности в корпорации, но еще удивительнее, что она на своей должности до сих пор не сошла с ума. Надо уходить, она уйдет сегодня же и наймется на бензозаправочную станцию. Похоже, что чувства юмора у автомехаников, особенно когда они обслуживают ее машину, больше, чем у шефа.

— Значит, если выдвинуть все ящики...

Краудер внимательно разглядывал шкаф.

— Лучше и не пробуйте.

— Но ведь тогда нужно... прикрепить его к стене?

— Возможно.

А еще интереснее было бы прикрепить к стене мистера Краудера. И использовать в качестве доски для объявлений.

— Я должен сказать об этом хозяйственникам.

И Краудер удалился; до обеденного перерыва она от него избавилась.

Обеденный перерыв Мэри провела на скамейке в парке, жуя сандвич с дарами моря и растирая подъем ноги. Рядом с ней пожилая женщина разговаривала о чем-то со своей бумажной продуктовой сумкой.

Наверно, эта женщина тоже в свое время раскладывала по папкам бумаги.

Этим же кончит и она. Тесным общением с бумажной сумкой.

Мэри вытянула ноги и вздохнула. Ну почему все не появляется мистер Тот-Что-Нужно с роскошной визитной карточкой? Она закрыла глаза и попыталась представить его себе.

Но вместо него в ее воображении снова и снова появлялся кто-то ростом с подставку для зонтиков, он шел к ней, переваливаясь с боку на бок, и в руке у него был леденец.

Эллиот открыл свой шкафчик в подвальном этаже школы и свалил туда в кучу учебники, мятые тетради, записи. Удрученно посмотрел на эту груду: скука смертная, совсем не то, что свет звезд. Он захлопнул дверцу шкафчика, повернулся и зашагал по коридору. Стены серые, весело, как в тюрьме. И в довершение всего навстречу идет Лэнс, Всезнайка Года.

В руках у Лэнса было зеркало. Он поднял его так, чтобы в нем отразилось лицо Эллиота.

— Мальчик Года, друг президентов, королей и...

Лэнс стал так, чтобы в зеркале оказалось и его лицо.

— Конечно, вместе с тобой там будет и еще кто-то. И мы знаем кто, правда? Розовый, смешной, с голубыми глазами — так?

Эта пошлая, такая типичная для всезнайки тирада возымела желаемое действие: Эллиоту очень захотелось как следует Лэнса пнуть.

Лэнс улыбался: наконец и он чего-то добился в жизни. Если его лицо появится на обложке «Тайма», его прямо из пятого класса школы возьмут в аэрокосмическую программу, и он будет давать консультации по способам общения с инопланетянами: ведь именно от инопланетянина непрерывно принимает теперь сигналы его голова.

— Он говорит со мной, Эллиот, все время говорит. Я ему очень нравлюсь.

— Интересно, чем?

— Он чувствует, что я могу быть ему полезен, Эллиот...— Лэнс взял его за рукав.— Ты понимаешь, что важнее нас в нашей школе теперь никого нет? Потому что мы в к о н т а к т е.

Всегда прищуренные глаза Лэнса сузились еще больше и стали похожи на глаза разбуженной днем белки-летяги.

Эллиот посмотрел в эти водянистые глазки и вынужден был признать: да, правда, в них светится Ип. Пнуть Лэнса, как ему этого ни хотелось, он не мог.

— Ты прав, Лэнс, так оно и есть. Мы в контакте. Ну, пока, мне надо идти.

Он зашагал дальше по коридору, а Лэнс в другую сторону. В голове у обоих жужжало, особенно у Эллиота, и жужжание было окрашено тоской: сквозь стену школы вошла и прокатилась по обоим мальчикам волна космического одиночества. Обнаружить источник этого чувства можно было бы очень легко: для этого достаточно было пройти через городок, повернуть направо, к домам около холмов, и в один дом войти; там, в чулане на втором этаже, сидел и держал в руках горшочек герани космический путешественник преклонного возраста, погруженный в глубокое отчаяние.

— ...инопланетянин,— бормотал микробиолог по дороге в комнату совещаний. Он повернулся к коллеге, шедшему рядом.— И черт меня дернул согласиться, чтобы меня внесли в этот список!

— Мне,— отозвался тот — так или иначе нужно было поехать куда-нибудь отдохнуть.

— Правительство,— сказал микробиолог,— могло бы придумать лучший способ растрачивать попусту наше время...

Они вошли в комнату совещаний, где у стола уже почти не оставалось свободных мест, а под потолком клубился табачный дым; вперемешку сидели ученые, военные, медики, и звуки их голосов сливались в негромкий гул.

Позвякивание ключей возвестило о приходе руководителя группы, который занял место во главе стола. Воцарилось молчание.

— Дамы и господа, я вас задержу очень ненадолго. Я знаю, что вы с дороги, устали, а встать вам придется завтра до рассвета. Карантинная система, которую мы используем, сложна, и потребуется подготовка...

Что такое был Ключник, этот спокойный человек в середине набирающего скорость циклона?

В детстве ему не давала покоя странная мечта: будто на Землю прилетает инопланетный корабль и именно ему из всех людей экипаж корабля решает передать свои знания. А он потом передает эти знания всему человечеству.

Детские мечты сбываются редко. Мечта Ключника привела его к наблюдению все более и более необычных явлений, и в конце концов он оказался одним из тех, кто видит загадочное во вспышке в небе, в полоске газа на горизонте, в непонятном контуре на экране локатора.

Ключник подружился с пустынями и вершинами гор, он проводил там месяцы, и над головой у него по ночам разворачивалась карта звездного неба, по которой, доводя до исступления таких, как он, своей недоступностью, плыла тайна.

Но, как любой настоящий охотник, он постепенно обнаружил систему в движении своей жертвы. Ему за ней было не угнаться: он ездил в «джипе», а ее энергию можно было сравнить с энергией кометы: в его распоряжении была только земная техника, а разве может земная техника двигаться с легкостью, с какой движется инопланетный корабль? Однако похоже, что привычке подвластно все, что живет во Вселенной, и Ключник установил, что подвластен ей и капитан небесного корабля: появления корабля определенно были связаны с жизненным циклом растительности на Земле.

Ключник обнаружил закономерность: огромный корабль прилетает в пору цветения.

И теперь на стене кабинета Ключника висела крупным планом фотография корабля в момент взлета в холмах за домом Эллиота.

За стенами его кабинета «склад» гудел, как потревоженный улей, от развернувшейся в нем лихорадочной деятельности: прибывали все новые и новые специалисты, техники, помощники. Ловушка закрывалась медленно, гораздо медленнее, чем хотелось бы Ключнику, но, чтобы трофей не пострадал, нужно было тщательно ее собрать, не забыв ни одной детали.

Внутри «склада» были теперь все существующие на Земле системы жизнеобеспечения, ибо мертвое существо из космоса не было бы для Ключника настоящей наградой за его труды. Наградой был бы только живой трофей, и Ключник делал все, что было в его власти, чтобы сохранить трофею жизнь. Ключник располагал средствами, нейтрализующими любое вредное воздействие, от которого инопланетянин мог пострадать из-за длительного пребывания в чужой для него среде. В распоряжении Ключника были все достижения медицинской науки. Все, что Земля могла предложить оказавшемуся на ней члену инопланетного космического экипажа, она предлагала.

Ключнику не приходило в голову, что опасной может быть и чрезмерная опека, что маленький космонавт не нуждается, возможно, ни во внутривенном питании, ни в пересадке органов и что самая лучшая пища для него — лепешечки M&M и шоколадное печенье.

Но Ключник накинул на инопланетянина единственную сеть, какую мог вообразить, гигантскую сеть, в которой каждому узлу соответствовал высококвалифицированный специалист в какой-нибудь области

Продолжение. Начало в №№ 10—14.

знании; действуя как единое целое, сеть эта была в состоянии вернуть к жизни замороженного мертвого мастодонта, пробудить любой орган, омолодить любую клетку, поддерживать жизнь существа, дышащего любой мыслимой во Вселенной атмосферой.

Уже шла сборка невероятного количества всякого оборудования; если бы каждый из висевших уже сейчас наготове проводов подсоединили к телу Ипа, Ип стал бы похож на телефонный коммутатор.

«Мертвый инопланетянин мне не нужен» — эти слова, которые Ключник снова и снова повторял съезжающимся членам группы и своим подчиненным, были приказом.

Будто электричество бежало по гигантской сети Ключника, казалось, что она добела раскалена и она вот-вот должна была упасть на существо в три фута ростом. И существо это каким-то образом о ней знало.

Герань повесила голову, и повесил голову Ип, чьи руки, лежавшие у него на коленях, были похожи сейчас на две мертвые каракатицы. Он потерял всякую надежду, что передатчик ему поможет. Радиомаяк работает уже несколько недель, а ответа из космоса нет. Огромный корабль со своим экипажем где-то далеко, его уже не дозовешься.

«Я гибну, Учитель»,— чуть слышно пролепетала герань, но старый ботаник ничего не мог сделать: растению передавались его чувства, а чувства были ему сейчас неподвластны. Космическое одиночество пронизывало его до костей.

Он оперся о голову Маппита и выглянул в окошко чулана. Сфокусировавшись на телескопическое зрение, взгляд его ушел в синюю глубину неба, но нигде не сиял корабль, не мерцал его ореол, не тянулась полоса газа. Зато пролетел самолет, он тащил за собой воздушный баллон с рекламой ярмарки: сегодня после полудня ее посетителям будут демонстрировать двух орангутанов.

Он отвернулся. Скоро будут демонстрировать и его. Из него сделают чучело, покроют лаком, и он будет стоять на полке. Возможно, рядом положат шоколадное печенье, тоже лакированное, чтобы показать, чем это существо питалось.

Он открыл дверь чулана и вышел в комнату Эллиота. С трудом поднимая ноги, перебрался через кучи хлама. Шагнул в коридор.

Шлепая перепончатыми ногами по ковровым дорожкам, спустился, глубоко подавленный, вниз по лестнице.

В коридоре на первом этаже он остановился, переполненный внутренним пульсом дома. Сумасшедшее место, и хотя все здесь вверх дном, он его любит. О, если бы он мог принести в этот дом достаток и осуществить мечты тех, кто здесь живет! Но он может только сделать, чтобы мебель повисла в воздухе, а какая от этого польза? Только труднее сесть на стул.

Он вошел в кухню и открыл холодильник.

Что там есть подходящего для инопланетянина?

Он ощутил странное желание, довольно сильное, поесть сыра.

Чем бы его запить? Он взял бутылку из цветного стекла.

Язык его быстро произвел анализ напитка: ячмень с солодом, хмель, немножко риса и кукурузы. Безвредно.

Он выпил стакан, напиток пришелся ему по вкусу, и он повторил.

На кухонном столе лужей расплескалось солнце. Он посмотрел на окно. Показалось это ему или оно на самом деле покачнулось сперва влево, а потом вправо?

Какое странное ощущение!

Он откупорил вторую бутылку.

Потом встал и обнаружил, что не может сделать ни шагу.

Чтобы не упасть, он вцепился в край стола. Ну, вот и все. Он этого ждал. Земное тяготение его победило.

Ноги у него подгибались; именно этого он и опасался, именно это и должно было случиться в конце концов, когда нагрузка для его скелета станет непосильной. Ноги разъезжаются, лодыжки как ватные. Он натолкнулся на плиту, отлетел как мяч, вылетел в проем двери.

Едва держась на ногах, он перебрался в гостиную и включил телевизор.

— ...протяни руку-у,— пел телевизор,— протяни руку-у и коснись...

Он смотрел отупело на экран, веки его смыкались.

Зазвонил телефон. Инопланетянин протянул свою похожую на каракатицу руку, взял (он видел, как это делает Эллиот) трубку. Из трубки послышался женский голос, похожий на голос Мэри, но старше, ворчливей и, пожалуй, немного безумный:

— Алло, это ты, Мэри? У меня только минута, но я хотела дать тебе рецепт, ты от него будешь просто в восторге, в нем есть все, что тебе нужно, учитывая твое несбалансированное питание...

— ...протяни руку-у,— пел телевизор,— протяни руку-у и скажи: «Привет»...

— Скажи: «Привет»,— сказал пьяный старый домовой.

— Эллиот? Это ты, мой ангелочек? Почему не в школе? Не заболел? Это твоя бабушка, милый.

— Скажи по буквам «механический»

— Тебе нужно лежать, Эллиот. Возвращайся в постель сию же минуту. Передай маме, чтобы она мне позвонила.

— Мне позвонила.

— Выздоравливай, мой дорогой. Укрывайся теплым одеялом.

Болтливая старая дура чмокнула в трубку.

Наклюкавшийся старый ботаник ответил тем же.

Он открыл новую бутылку пива и, задрав ноги вверх, стал смотреть телевизор.

Но он не подумал о том, что его мозг, опьянев, не перестал излучать мощную волну, и волна эта теперь, как и он, не совсем трезвая.

И эта волна, обежав комнату, ударила в стену, прошла сквозь нее и поплыла по улицам, раскачиваясь и петляя, и наконец, достигнув стен школы и замерев на мгновение, ринулась в атаку.

Когда назюзюкавшаяся волна ударила в Эллиота, тот сидел, склонившись над столом, в кабинете биологии.

Учитель говорил:

— Перед каждым из вас стоит стеклянный сосуд. Я буду подходить и класть туда клочок ваты, пропитанной эфиром, а потом каждый из вас опустит в банку свою лягушку и станет ждать, когда жизнь ее оборвется.

Эллиота качнуло вперед, и он приложил к банке губы. И начал издавать космические звуки, невнятные, но явно отмеченные печатью опьянения, похожие на те, которые сам Ип издавал в эту минуту:

— Буль-буль, ба-ба-ба-ба, бэ-э, бэ-э...

— Что касается нашего комика, то мы его очень просим замолчать.

Эллиот и попытался это сделать, но казалось, что комната потеряла правильную форму, расползлась, и то же самое происходит с ним. Пытаясь вернуть себя в нормальное состояние, он посмотрел на девочку, сидящую рядом, некую Пегги Джин: ей, похоже, звуки, которые он только что издавал, доставили удовольствие. Она незаметно улыбнулась ему, он улыбнулся ей в ответ, но ощущение у него было такое, будто его губы сделаны из пластилина.

— Ну, а теперь...— И учитель смочил ватку эфиром.

Эллиот посмотрел на лягушку в сосуде. Лягушка глядела на него во все глаза, и до Эллиота впервые дошло, что Ип на нее похож: будто смотрел на него сейчас беспомощно из сосуда сам космический путешественник.

— Нет, вы вправду хотите убить это бедное беззащитное существо?— спросил Эллиот.

— Да, хочу,— ответил ему учитель.

Эллиот вскочил и стал бегать от стола к столу, освобождая одного за другим пучеглазых пленников, и те, прыгая по полу к двери, стали покидать помещение.

Вытянув под столом длинные ноги, Тайлер грустно покачал головой. Впервые за время, что он знал Эллиота, Тайлеру его стало жаль: что теперь с ним будет? Эллиот изменился, он уже совсем не та скаредная крыса, какой был раньше. Если говорить честно, Эллиот теперь почти хороший. И вот он на глазах у всего класса сошел с ума!

— Сэр,— сказал Тайлер, пытаясь отвлечь внимание учителя от Эллиота,— в ваш пакет с завтраком прыгнула лягушка!

Учитель схватил пакет и вытряхнул из него содержимое; ветчина и сыр из сандвича упали в раствор формальдегида и, мгновенно замариновавшись, опустились на дно. Никакой лягушки в пакете не оказалось. Последнюю из них в эту минуту сталкивали с подоконника за окно, и делал это Грег, на губах которого от возбуждения пузырилась слюна.

Разъяренный учитель вытащил Эллиота из класса. Стив достал свою крылатую бейсбольную шапку, надел ее и подвигал крылышками.

— Исключат, уж это как пить дать,— сказал он.

И задумался над тем, что может случиться с человеком, когда им начинает управлять сестренка.

А тот, кто на самом деле управлял сейчас Эллиотом, тот, кому Эллиот был обязан временной потерей разума, бестолково переключал телевизор с одной программы на другую. Потом Ип, уже совсем опьяневший, уселся поудобнее в кресло, и теперь оттуда торчали не уместившиеся на мягком сиденье две большие ступни. Передавали последние известия, и этот великолепный для Ипа день омрачило сообщение об аварии в шахте:

— ...южная штольня обвалилась,— говорил в микрофон обсыпанный пылью спасатель.— Думаю, что мы подняли наверх всех, но состояние этих людей критическое.

Послеполуденному миру крупным планом показали пострадавших шахтеров. Не вылезая из кресла, маленький домовой поднял палец. Кончик пальца засветился розовым светом.

Пострадавшие поспрыгивали с носилок. С криками изумления они задвигали руками и ногами, а потом бросились обнимать друг друга.

Ип раскупорил новую бутылку пива.

Разъяренный учитель тащил Эллиота по коридору. Жизненный путь учителя биологии вообще не усыпан розами, а орды подростков, с которыми учителю приходилось каждый день иметь дело, уже расшатали его нервы; иногда ему приходила мысль, что в эфир, возможно, ему стоило бы погрузить собственную свою голову. А уж о голове Эллиота и говорить нечего, ее бы он погрузил в эфир, не раздумывая. С трудом подавляя в себе это желание, он решил передать Эллиота в руки директора школы в надежде на то, что директор высечет Эллиота сам или прикажет это сделать другим. Но, разумеется, современная система образования таких мер воздействия не допускает, и, когда дрожащий и надломленный учитель вышел, пошатываясь, из кабинета директора, у него было чувство, что с детьми ему не справиться.

А в кабинете директора сейчас претворялись в жизнь мягкость и либеральный подход. Директор, педагог с передовыми взглядами, достал свою сделанную из корня эрики трубку, закурил и стал создавать атмосферу взаимного доверия.

— Скажи, сынок, что с тобой было?— Он погасил спичку и не спеша затянулся.— Такие, как ты, мой мальчик, сами создают для себя преисподнюю. Ты отвечаешь за свою жизнь...

Директора понесло; для него не было собеседника более приятного, чем он сам, и оттого, что аудитория в лице Эллиота слушала как зачарованная и не шевелилась, уверенность его в себе только росла. Он сек мальчика штампами, цепочками штампов, позаимствованных у телевидения, из газет, из скучных специальных журналов, и сек также перлами, рожденными его собственным неглубоким умом.

— ...Пойми, что в нашу эпоху человек должен поднимать себя за шнурки собственных ботинок...

Его трубка посылала вверх маленькие самодовольные облачка дыма. Мир стоит прочно. Бунтующая молодежь скоро поймет: оттого, что она раскачивает лодку, ничего хорошего не получится. Вынимая изо рта трубку, он размахивал ею в воздухе. Должность директора в надежных руках. Педагогика неколебима.

Но только Эллиота вдруг стало выталкивать из кресла вверх.

Виноват был, конечно, Ип. Его изрядно хлебнувшая волна, резвясь, носилась по кабинету директора и, наконец, как вода выталкивает вверх пробку, начала толкать вверх бедного Эллиота.

Изо всех сил вцепившись в подлокотники, он пока удерживал себя в кресле; директор не понял, что происходит, ему казалось, что Эллиот просто ерзает.

— ...из-за несерьезного отношения к жизни ты и твои друзья теряете драгоценное время. Понятно тебе, о чем я говорю?— Совсем позабыв об Эллиоте, завороженный монотонностью собственной речи, он раскрывал и закрывал рот.— ... мир, сынок, величина известная. Оторвись от несуществующего. Именно в этом, мне кажется, корень всех твоих трудностей.

Но настоящий корень трудностей Эллиота был сейчас в том, что его с корнем вырывало из поля земного притяжения. Налакавшаяся волна подбрасывала его, игриво толкала вверх с силой, справиться с которой руки его теперь не могли. И Эллиот всплыл под потолок кабинета.

Директор, повернувшись в другую сторону, в это время протирал очки и бубнил:

— ...предсказуемое поведение, мой мальчик. Знаешь ли ты, чего смогло добиться человечество, когда обнаружило, что поведение вещества предсказуемо?

И он посмотрел туда, где должен был сидеть Эллиот.

Эллиота он там не увидел. Эллиот плавал в воздухе под потолком, что и обнаружил тут же директор, чьи выпученные глаза в результате этого открытия выпучились еще больше. Он вжался в свое вращающееся кресло, а его пальцы, впившиеся в очки, выдавили линзу. Его нос распух; ему казалось, что из носа вот-вот хлынет кровь, и еще казалось, что его голову, будто носок, вывернули наизнанку.

Директор поднял руку, призывая к молчанию, хотя молчание и так царило в комнате. Потом еще глубже вжался в кресло и чуть слышно завыл голосом, похожим на голос Харви.

Эллиот плавно опустился в кресло.

— Можно мне идти, сэр?

— Да-да, и-ди...

Мощнее всего пьяная волна была у своего источника, там, где, размахивая руками, слонялся по дому Ип. Он выпил полдюжины бутылок пива. Для жителя Земли соответствующее количество алкоголя, циркулирующего в организме, не очень велико, но на

маленькое, тонко настроенное, прожившее бессчетное множество веков невинное создание с неба это небольшое количество легло тонной кирпичей.

Стукаясь об одни вещи, валя другие, спотыкаясь, он бродил по комнатам. Харви преданно следовал за ним. Благодаря тому, что́ сейчас поступало телепатически в мозг Харви, пес тоже был в плохой форме; бедное животное не приплясывало, как обычно, а пошатывалось.

— Что с тобой? — спросило его страшилище. — Разве ты не можешь ходить прямо? Ходи, как я. — И Ип перекатился через подушку.

Ип покатался по подушке, потом встал и, пытаясь изобразить танцевальные движения в стиле «диско», которым учила его Герти, запел:

— Пе-реломы буд-дуттт...

Пел он правильно, но казалось, что воздух от его пения светится. Харви слушал, и ему мерещились огромные вырубленные в камне пещеры далеких миров, в них появлялись и исчезали маленькие страшилища, и в конце концов Харви жалобно завыл:

— ...но это толлько роккк-н-роллл...

Страшилище раскачивалось, тряся круглым, как мяч, животом. Эта необычная демонстрация достижений в хореографии продолжалась бы, возможно, и дольше, не вернись домой Мэри. Она вошла в дом через переднюю дверь, полистала журнал, который увидела на столике для корреспонденции, и прошла в кухню.

Гость из космоса решил, что настало время оповестить ее о своем существовании. Он принимал все волны, излучаемые ее мозгом; да, теперь он показаться ей может. И он заковылял по коридору.

Харви, хотя странные видения осаждали сейчас его самого, знал: это безрассудно.

Мэри вот-вот должна была уже появиться из-за угла коридора, когда Харви, прыгнув, очутился впереди Ипа. Пес, встав на задние лапы перед Мэри, загородил собой страшилище, высунул язык и так и остался стоять в этой просящей позе.

— Я и не знала, Харви, — сказала Мэри, — что ты так хорошо умеешь служить. Это Эллиот тебя научил?

Пес кивнул.

— Но кормить тебя еще рано, Харви, ты это знаешь.

И, повернувшись, Мэри пошла в сад.

Изнемогая от боли, Харви буквально рухнул на передние лапы; не склонный вообще переутомлять ни разум, ни тело, он никакого удовольствия от своего подвига не получил. Он посмотрел на древнее космическое страшилище. Древнее страшилище посмотрело на него, а потом за него, в направлении двери, ведущей в сад. Нужно, чтобы Мэри узнала, как он мудр.

Он оттолкнул Харви.

Пес антигравитировался, а потом снова опустился на пол, на два шага правее, и в это мгновение в дом с охапкой цветов в руках вернулась Мэри.

В один прыжок Харви опять очутился перед Ипом и лихорадочно забил хвостом. Ип уже оторвал ногу от пола, чтобы шагнуть к Мэри; поскольку сохранить равновесие в таком положении трудно, удар хвоста Харви, швырнув Ипа вдоль коридора, забросил того в открытую дверь.

Харви снова стоял на задних лапах, было ужасно больно, но он терпел; Мэри остановилась перед ним, из-за цветов почти ничего не видя.

— Что-то ты очень возбужденный сегодня, Харви, — сказала она.

Пес кивнул снова.

Мэри прошла в кухню и поставила цветы в воду, потом подхватила со стола узел одежды, которую привезла из химчистки, взвалила на плечо и направилась к лестнице. Интересно, Харви на самом деле кивал или ей это только показалось?

Ип качнулся, вдохнул побольше воздуха и возобновил движение к намеченной цели.

Ибо кто знает? Быть может, сегодня последний день его жизни. Если ноги его будут и дальше, как сейчас, подгибаться под действием земной гравитации, он не протянет и до вечера. Но, прежде чем умрет, он обязательно расскажет о себе Мэри.

Собрав все силы, он вернулся в коридор и заковылял к лестнице. Негромко, но нервно ворча, постукивая хвостом — тук-тук, тук-тук-тук-тук — по стойкам перил, к нему присоединился Харви.

Но Мэри уже ушла из своей комнаты в ванную принять душ. Душ успокаивал ее и помогал собраться

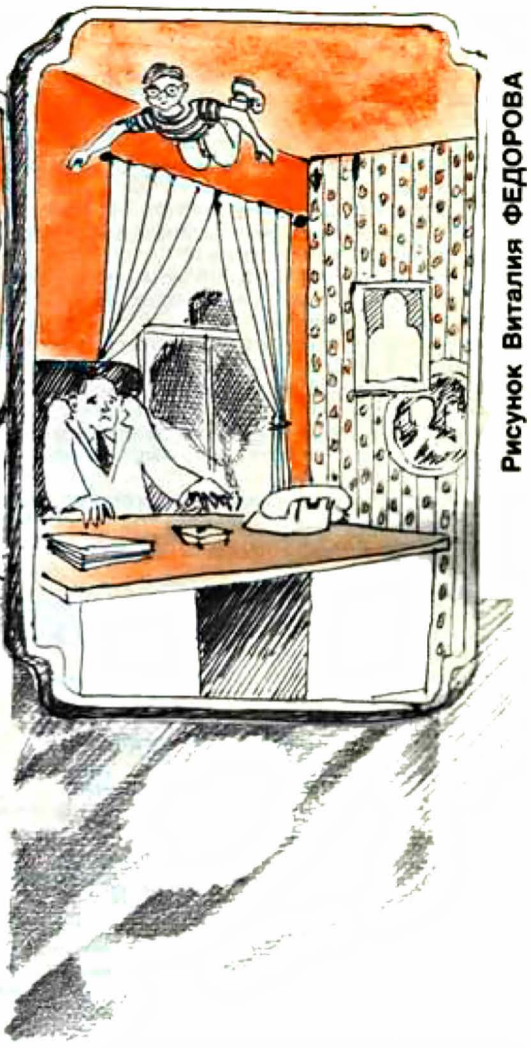


Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

с силами, помогал продержаться в этом жестоком мире хотя бы еще один день.

Ип медленно поднимался по лестнице, налевая:

— ...эт-то толлько роккк-н-ролл...

Но Мэри уже повернула краны, и шум льющейся воды лишил ее возможности насладиться его пением.

Ип заглянул в ее спальню, и поникшие растения, которые, возможно, тоже были навеселе и, уж во всяком случае, пребывали в растерянности, попáдали с подоконника на пол.

Престарелый путешественник повернулся, ушел, шаркая и переваливаясь с боку на бок, к себе в чулан, упал на подушки, и сознание его покинуло.

Ключник не знал, что уже душит добычу, овладеть которой так стремился, не знал, что телепатический щуп Ипа уже обнаружил батарею изумительной медицинской техники в его «складе», и вернувшийся сигнал свинцовой тяжестью лег на маленькое существо. Ип был не в состоянии сказать точно, что значит этот сигнал, этот асимметричный световой узор, эта сеть из щупов и зондов, появляющаяся снова и снова на периферии его сознания. Но сигнал этот поверг его в тоску, наполнил тысячью смутных опасений. Раскинувшись, не в силах поднять голову, он лежал на спине в чулане и чувствовал, как механические руки тянутся к нему, хватают его. Он спал беспокойно, и его мучили страшные видения.

А в источнике этих видений, некоем «складе» неподалеку, кипела работа. У Ключника в ожидании близкого триумфа словно выросли крылья. Настроение у его подчиненных было приподнятое: исторический для планеты Земля миг приближался. Кто-кто, а уж Ключник знал, насколько этот миг знаменателен, ибо сам он каким-то образом соприкоснулся телепатически с цивилизацией, создавшей корабль и им управляющей. Сказочные грезы посещали теперь его, они намного превосходили все, о чем он мечтал в детстве, и странная любовь взросла в нем, любовь к этому прекрасному, заинтересовавшемуся Землей разуму.

Группа уже была приведена в состояние готовности, начался отсчет времени. Но все происходящее Ключник воспринимал сквозь призму чувства, не покидавшего его теперь ни на миг, — чувства, что он, корабль и экипаж корабля неразрывно связаны. Над ним все время стояла, наблюдала за всеми его действиями их психическая волна. Ну, что ж, пусть убедятся, что и сочувствия, и готовности помочь у него в избытке. Он делает все, что в его силах, чтобы спасти их оставшегося на Земле товарища.

Его автопарк сверкал, а когда дверцы машин открывались, становилось видно и сверкание внутри: вспыхивают цифры, пляшут стрелки, светится сложная электронная аппаратура.

И все это ради одинокого инопланетного существа.

В сопровождении всезнайки Лэнса, который не отставал от него ни на шаг, Эллиот вошел к себе в дом.

— Эллиот, что с тобой случилось на уроке биологии? Ты ведь был не в своем уме, ты это знаешь?

— Знаю.

— Странное поведение, Эллиот. Не кажется ли тебе, что не очень-то умно привлекать к себе внимание, да еще в *такое время*?

И всезнайка поглядел на Эллиота многозначительно, как мышь, которая проела насквозь головку сыра и смотрит по сторонам.

Эллиот опять подавил в себе желание пнуть Лэнса, вздохнул и пошел к лестнице, Лэнс за ним — как жвачка, прилипшая к подошве ботинка.

— Но нашему биокретину, Эллиот, ты задал жару, уж это точно. Ребята из класса, который занимался там после нас, говорят: они вошли и видят — он совсем чумной.

К двери чулана в комнате Эллиота им пришлось перебраться через рассыпанный по полу хлам; Ип был в чулане, он лежал на подушках, и длинные пальцы ног его торчали вверх.

Лэнс изменился в лице.

— И ты спокойно оставляешь его одного? Ты что, спятил? Ведь он самое ценное, что есть в мире, а сюда кто угодно влезет и его похитит!

Эллиот взял старого путешественника на руки.

— Он наклюкался

Ип открыл глаза:

— Скажи по буквам: «шесть бутылок».

— Больше чем достаточно, Ип.

Лэнс, все еще негодуя, заговорил снова:

— И зачем вообще нужно его прятать? Ведь на него народу захочет посмотреть больше, чем даже на «Нью-йоркских янки»! Это же настоящая золотая жила, Эллиот! Он, ты и я. Все оформим юридически.

Эллиот, поставив Ипа на пол, его поддерживал, но все равно вечный странник стоял на ногах нетвердо.

— Тебе нужен администратор, Эллиот,— простонал Лэнс,— нужен обязательно; ты никакого представления не имеешь о том, как надо обращаться с инопланетянами.

Эллиот, поддерживая Ипа под руку, ощущал тяжесть в теле древнего существа, тяжесть странную, глубокую: ничего похожего его руки не чувствовали никогда.

— Ип!

Он тряхнул инопланетянина, и тот на него посмотрел, но космические видения, которые сейчас открылись Эллиоту в его глазах, отличались от всего, что Эллиот за все эти недели там наблюдал. Это были самые чудные знаки, какие только можно себе представить. Они обрушились на Эллиота со всех сторон, и тяжесть Ипа стала его собственной тяжестью

— Ип, что... происходит?

Существо, прожившее бессчетные века, повисло на руке Эллиота. Плотность его тела менялась. Раздавливаемый земным тяготением, он был теперь как центр коллапсирующей звезды, превращался в черную дыру в пространстве.

То, что обрушилось на Эллиота, обрушилось и на Лэнса, который взял Ипа под другую руку; вес Ипа тянул его вниз, и Лэнс, и так небольшой, стал еще меньше.

— Слушай, он со всеми общается через тебя. Он твой. Но нужно оформить все юридически. Мой папан юрист. Он что-нибудь придумает. Мы станем миллионерами, поедем куда только захотим. Все будут стараться с нами познакомиться, ведь мы будем самые знаменитые мальчишки в мире. Все захотят увидеть Ипа, а принадлежать он будет нам!

Но принадлежал Ип только гравитации. Голова у него была уже совсем чистая: он нейтрализовал, сфокусировав на миг свои скрытые силы, весь алкоголь, который был у него в организме. Но вот другому процессу, глубокой имплозии своего тела, он обратного хода дать не мог.

Да, кончается его жизнь среди звезд. Внутри у него все съеживается до размеров булавочной головки. Его время истекает.

Но нельзя, если ему суждено уйти, допустить, чтобы вместе с ним ушел и мальчик. Однако именно это сейчас и происходило: черная дыра разверзлась, и избежать ее было невозможно. Тот, кто подлетит слишком близко, бывает проглочен — таков закон космоса.

— Скажи... по буквам... «уходите»...

Он хотел, чтобы они оставили его, ушли. Но они к нему льнули, и он чувствовал, как в него втекает их любовь. Глупые дети не понимают, что дорогами, которыми пойдет он, им не пройти. Он древний путешественник по путям бездны, а они всего-навсего несмышленыши...

В чулан прошмыгнул Харви, вид у него был озабоченный, голова опущена вниз: Мэри вернулась, она близко.

Харви посмотрел на существо из космоса, и в его собачьем воображении появилась темная яма; сотканные из света сахарные кости падали в эту яму одна за другой. Что-то прикоснулось к собственным его костям, и он отпрыгнул назад.

— Оставьте меня...— сказал Ип.

Нужно, чтобы он умер один. Но и тогда темная сила окажется, возможно, такой могучей, что начнет всасывать другие оказавшиеся рядом силы. Не вызовет ли он, одинокий пришелец, имплозию всей Земли? Не вывернет ли Землю его смерть наизнанку?

— Скажи по буквам... «опасность»...

Он сфокусировал сознание по очереди на всех космических уровнях, но так и не смог найти формулу, которая позволила бы нейтрализовать темную могучую силу. Он завяз, ему не вырваться, а до корабля много световых лет пути.

Спотыкаясь, мальчики поволокли Ипа через комнату.

— Какой он... тяжелый!— проговорил, тяжело дыша, Лэнс.

Собрав все свои силы, они подняли Ипа и опустили на кровать Эллиота, и тут послышались шаги Мэри на лестнице. Через несколько секунд Мэри открыла дверь в комнату.

— Привет, мальчики!..

Перед ней встал, служа, на задние лапы Харви. Наэлектризованная до невероятности шерсть на нем поднялась, и Мэри, глядя на него, не увидела, как Эллиот набросил одеяло на Ипа.

— Что вы делаете с Харви?— спросила Мэри; пес стоял перед ней, тяжело дыша, на задних лапах.

— Харви,— сказал Эллиот псу,— спокойнее.

А Ип падал глубже и глубже. Он ощущал присутствие тонкого и гибкого существа, хозяйки дома, и знал, что действующая в нем сила затянет и ее, и к общению с ней больше не стремился, ибо пути у них разные. Ей никогда не понять, где она оказалась, если она упадет в открывшуюся в нем бездну. Ее сознание, как и сознание детей, распадется... если он не встанет... встанет... скажи по буквам «встанет»...

Но он не мог пошевельнуться; он мог только слушать, что говорят на своем языке земляне.

— Как дела в школе?

— Хорошо.

— Есть хотите?

— Мы через минуту придем,— сказал Эллиот.

— Есть у вас... сыр?— спросил Лэнс.

Ему срочно нужно было подкрепиться. В голове у него творилось что-то очень странное. Ему казалось, будто он падает, падает в бездну, какой он до этого и представить себе не мог. Как той ночью на велике, но только наоборот: тогда у него было чувство, что еще немного, и он взлетит, а сейчас что-то темное, вязкое тянуло его вниз, и помочь ему мог только швейцарский сыр — так ему, во всяком случае, казалось.

— Кто-то уже съел весь сыр,— сказала, подозрительно глядя на маленького всезнайку, Мэри.

Она чувствовала: что-то происходит с ее мальчишками, материнская интуиция подсказывала ей это, но время для того, чтобы доискиваться истины, было сейчас неподходящее. И... у нее вдруг страшно заболела голова.

Она вышла из комнаты. Эллиот сразу повернулся к Ипу. Гримаса ужаса исказила лицо Эллиота, когда он увидел, какого цвета теперь Ип: почти серый.

Схватив его старческую руку, Эллиот опустился на пол около кровати.

— Вылечи себя, Ип!..

Стемнело. За это время Эллиот перетащил к себе в комнату все лекарства, какие были в их домашней аптечке, но они казались ненастоящими, игрушечными — бессильными против болезни космического существа.

А Ипа втягивал водоворот гравитации. Его мечте о том, чтобы пожить жизнью землянина и мечте о звездном свете пришел конец. Черное солнце теперь светило ему.

И все из-за того, что он не удержался и стал заглядывать в окна ..

Он должен, обязательно должен найти способ сделать так, чтобы его несчастье не стало также несчастьем землян или самой Земли; ведь, возможно — для этой планеты уравнение сформулировано не было,— если не станет его, не станет и ее вместе с ним, ибо тело его скрывает в себе некую великую атомную тайну. Все растения в доме были мертвы. Казалось, что стены комнаты надвигаются на него все ближе и ближе с каждым его вдохом.

— Вылечи себя,— снова попросил Эллиот, ибо у него было чувство, что этот престарелый гений может все. Но и старым богам не все под силу.

Ип медленно покачал головой.

— Тогда пусть эта болезнь перейдет ко мне,— сказал Эллиот.

Он и не подозревал, что она у него уже есть, притом в избытке, и что он располагает теперь силой, нужной, чтобы исчезнуть в совсем чужом для него мире. Но сила эта так стара и непреоборима, что установить над ней контроль Эллиоту не удалось бы никогда, и стремительный переход в другое измерение, как ножницами, разрезал бы его сознание пополам.

— Унеси меня... далеко...— прошептал Ип,— и оставь...

— Я никогда тебя не оставлю, Ип,— сказал Эллиот.

Обязательно нужно уговорить, упросить его; и брошенный на Земле путешественник страшным усилием воли заставил себя подняться из бездны.

— Я... большая опасность для тебя...— он поднял свой длинный палец,— ...и для твоей планеты...

Блестя в лунном свете глазами-звездами, он приподнял голову.

— Но наш передатчик,— сказал Эллиот,— ведь он работает.

— Хлам,— сказал Ип.

Глаза его в темноте сверкали. Их взгляд проникал в глубину стремительно рушащейся внутрь самой себя силы, и Эллиот увидел в этих глазах невероятно сложное движение снующих световых нитей. Потолок над головой у него стонал, в углу скулил Харви, а инопланетные глаза все так же созерцали потоки тех тайн вещества, которые простому ботанику со звезд, увы, неподвластны.

— Ты даже не пытаешься,— напуганный этими глазами и притягиваемый ими, сказал Эллиот.— Ну, пожалуйста, Ип!

Ночь продолжалась. Тело Ипа твердело и становилось теперь уже совсем серым. Его губы шевелились, но слов не было слышно, только из глубины тела доносился похожий на рокот водопада звук предельного сжатия звездного вещества. Тело Ипа стало невероятно плотным. И ядро тела всасывало сейчас в себя всю сосредоточенную в этом теле огромную энергию. Звездную сердцевину Ипа сжимало все сильнее и сильнее.

У Эллиота было чувство, будто собственное его тело состоит из цепей и эти чугунные цепи тянут его своим весом вниз. Казалось, что этот вес увеличивается; голова раскалывалась от боли, тяжестью в сто тысяч тонн навалилась беспросветная тоска. Когда проглянул наконец серый свет утра, Эллиот невероятным усилием заставил себя подняться и посмотреть на Ипа. В страшилище будто не осталось никаких живых соков, и оно уже было не серое, а белое — белый карлик. Эллиот выбрался кое-как в коридор и спустился, пошатываясь, к Мэри. Когда он толкнул ее дверь, давящая чугунной плитой тоска и чувство космического одиночества были уже в нем неразделимо смешаны. Он чувствовал себя инопланетянином, кем-то чужим самому себе, и от этого ему было страшно.

Мэри открыла глаза, посмотрела на него.

— Что случилось?

— Все... ничего не стоит.— проговорил он с трудом, проваливаясь внутрь себя, падая в какую-то бездну, уносясь в бесконечность.

— Ой, сынуля, такого чувства быть не должно,— сказала Мэри, хотя именно такое чувство было сейчас у нее: всю ночь ей снилось, будто она под водой и никак не выплывет на поверхность.

— У меня есть нечто замечательное,— прошептал Эллиот,— и по моей вине оно тоскует.

— У всех временами бывает такое чувство,— сказала Мэри.

Вроде бы подходящая к случаю банальность, но ей самой такое не помогает, так почему оно должно помочь Эллиоту? Она похлопала по постели, показывая на место рядом с собой. Тепло лучше, чем слова, в этот серый рассвет ей было холодно, холод пронизывал ее до костей, но ей стало еще холоднее, когда рядом лег Эллиот.

Что происходит в доме? Что-то таится в нем, безымянное, ужасное, и притягивает к себе все остальное.

— Можешь ты... рассказать мне?— спросила она.

— Потом.

Свернувшись, Эллиот прижался к матери, но у него по-прежнему было чувство, что они падают все ниже, глубже в водоворот, где не протянется к ним ничья рука, потому что там никого нет.

— Поспи,— сказала Мэри, гладя его лоб.— Поспи...

Эллиот уснул, и ему приснился железный шар, который сначала увеличивался, а потом стал уменьшаться, уменьшаться; а потом Эллиот понесся на нем через пустоту.

Когда в семь тридцать зазвонил будильник, Мэри тихонько поднялась, не будя Эллиота, спавшего крепким сном. Она знала, Эллиот умеет притворяться, что у него температура, однако сейчас, похоже, никакого притворства не было. Надевая халат, она почувствовала, что веки ее смыкаются снова. С трудом, но она разомкнула их, стряхнула с себя сон и остановила взгляд на Эллиоте. Да, что-то с ним сегодня не то. Не похмелье ли это? Неужели ее малыш пошел по стопам непутевого отца? Она нашла несколько пустых бутылок из-под пива...

Перевел с английского
Ростислав РЫБКИН.

Окончание следует.

Дверь открылась, и вошел Майкл.

— Где Эллиот?

— Не буди его,— сказала Мэри и, выталкивая Майкла, вышла вместе с ним в коридор.— Ты не знаешь, что его мучает?— Она плотнее закуталась в халат.— Какой-то он подавленный.

— Из-за школы, наверно,— сказал Майкл.— Школа очень подавляет.

И он, обернувшись, бросил взгляд в глубь коридора. Что-то происходит с Ипом, что-то происходит с Эллиотом, и раскалывается от боли собственная его голова.

— Так или иначе,— сказала Мэри,— я хочу, чтобы он отдохнул.

— Можно, я с ним останусь?— попросил Майкл.— У меня в школе сегодня только половина уроков. Очень прошу, мам...

Мэри достала из кармана халата аспирин.

— Ладно. Может, ты выведешь его из этого состояния.

И, пытаясь сбросить с себя оцепенение, она пошла к лестнице.

— Ну, просыпайся теперь. Ладно?

И Майкл сел около Эллиота на кровать. Он поднял веко Эллиота, и открывшийся глаз ответил ему взглядом, какого он не видел у брата никогда,— каменным.

Майкл издал стон и начал трясти Эллиота.

— Ну, пожалуйста, Эллиот, проснись.

Не сразу, но сознание вернулось к Эллиоту, и Майкл, стукаясь о него и, как и он, пошатываясь, повел брата в его комнату; ощущение у Майкла было такое, будто он тащит чугунный шар. Что за странная сила тянет их вниз? Что происходит с братом? Что происходит с домом? Рушится он, что ли?

Маикл потрогал стену на всякий случай, но стена двигалась в других измерениях, внутри древесных волокон танцевал черный свет.

— Брось, Эллиот, ну что ты так...

Он с трудом втащил брата в его комнату; Эллиот был теперь твердый, как чугун.

А Ип под одеялом на кровати у Эллиота стал уже совсем белым.

Майкл положил Эллиота рядом с Ипом; внутри Майкла тек и разливался страх.

Ип дышал вглубь, внутрь своей огромной атомной мощи. Ни-что больше не было ему подластно.

«Спаси меня!» — воззвал он к своему Капитану, который в далекой ночи мчался на Корабле Наиудаленнейшего Света.

«Приди, мой Капитан, приди за слабеющим ботаником первого класса».

«Растения умирают».

«И я... боюсь, что я тоже умираю».

— Теперь мы обязательно должны обо всем рассказать, Эллиот,— заговорил Майкл.— Без помощи нам не обойтись.

Эллиот повернулся к Майклу; в глазах у младшего брата плавали, сверкали угрожающе, блестели щупальцами медузы-аурелии.

— Нельзя, Майкл. Не делай этого.

Эллиот знал: от остального мира ничего хорошего Ипу ждать не приходится. Армия не поймет. Правительство тоже. Они схватят чудесное существо и начнут делать с ним всякое.

— Он будет наш с тобой... пополам,— сказал хрипло Эллиот.— На это я могу согласиться.

Майкл вытер пот с лица, судорожно пытаясь понять, что в моральных пределах их игры означает половинное право владения. Исходившая от постели сила раскачивала его взад-вперед, двигала, как марионетку, по комнате, и Майкл знал, что даже с половиной этой силы им не совладать. Уж слишком велика она по сравнению с их собственной силой. Стены пульсировали тьмой, и в каждой волне этой тьмы Майкл видал тысячу маленьких силуэтов Ипа; за каждым из них горел космический огонь. Не собирается ли космическое существо сжечь весь мир?

— Эллиот...— Пытаясь ,укрыться от дикого танца перегруженных избыточной энергией атомов, Майкл неверными шагами отошел от кровати.— Если нам не помогут, мы его потеряем. И... тебя тоже, Эллиот.

Глаза Эллиота были теперь как красные физалии, это их красноватые щупальца двигались в его взгляде. Земля и вообразить себе не могла бы ту энергию, которая сейчас была в этих глазах. Эллиот светился, как раскаленный в горне металл. Он и так умел притвориться, что у него высокая температура, но на этот раз...

Майкл подхватил одной рукой Эллиота, а другой поднял Ипа.

Майкл был большой и сильный, но вес этих двух существ для его рук...

Только чудом держал он железный шар Эллиота и космическое солнце Ипа. От энергии, сосредоточенной внутри Ипа, пальцы Майкла дергались. Волшеб-

---

Окончание. Начало в №№ 10—15.

ное электричество, накопленное за десять миллионов лет изучения Вселенной, перетекало сейчас к нему.

Майкл втащил их обоих в ванную и поставил под душ. Нужно погасить этот огонь, охладить Эллиота...

На Ипа и Эллиота хлынула вода.

Пошатываясь, Ип шагнул под водопад... но ведь это водопад на Венере, в потаенном гроте, во тьме которого пляшут невидимые реки. Ип закрыл глаза, и реки на него хлынули. Он думал, что будет прилетать сюда снова и снова, но нет, скоро для него все кончится.

И ничего он не сберег, забыл, что «горе тому, кто любопытен», а ведь эту поговорку хорошо знают все, кто летает к дальним мирам.

Хочешь, заглядывай в измерение, хочешь, выглядывай из него, но смерти остерегайся.

Какой же он глупец, что не сберег своего бессмертия! Много звездных миль гладко протопал, а все равно оступился.

И вот теперь... последний душ.

Перепончатыми ногами Ип шлепал по воде и напевал чуть слышно; ему казалось, что он в одной из древних пещер космоса и эхо откликается под ее сводами:

— ...Пе-реломы буд-дуттт...

Колени его были как из свинца, казалось, тонны свинца спрессованы в них, и он, не в силах больше стоять, опустился на дно ванны.

С ним вместе опустился и Эллиот.

— Ип, вылечи себя...

Эллиота пронизывали мощные разряды энергии, но управлять этой энергией он не мог; для него она была просто огнем, обезумело прыгающим в его теле, и целительный луч был погребен в волнах пламени.

Дверь внизу отворилась, и в дом вошла Мэри, а с нею Герти.

— Пойди развесели своего брата,— сказала Мэри.

Мэри поставила сумку с продуктами на стул; едва она вошла в дом, невыносимая головная боль возобновилась. Будто в лоб, прямо в его середину, вонзили нож.

Пытаясь хоть как-нибудь уменьшить боль, она подвигала головой, сжала виски.

Вниз по лестнице чугунно загрохотали шаги Майкла, который перед ней тут же и появился.

— Потише, милый,— сказала Мэри,— а то пол проломишь.

— Мам, я кое-что должен тебе сказать. Только ты сядь.

Мэри начала медленно опускаться в кресло. О боже, лишь бы не какое-нибудь новое несчастье с ее детьми, лишь бы не сегодня, лишь бы не укусы или еще что-нибудь жуткое, мальчишечье, с драками!

Она тяжело села, и кресло заскрипело под ней, как сухожилия, которые вот-вот лопнут.

— Что-нибудь серьезное?

— Такое серьезное, что ты и представить себе не можешь.

Она вскочила; голова кружилась, что-то ужасное надвигалось на нее со всех сторон.

— Помнишь домового?

Теперь глаза, как медузы, были у Майкла.

На лестнице послышались шаги Герти, и Мэри почувствовала, как в доме сотрясается пол от веса пятилетнего ребенка.

— Мамочка,— закричала Герти,— они ушли! В чулане их нет!

— Их?— Мэри посмотрела на Майкла.

— Лучше я тебе просто покажу,— сказал Майкл.

Он повел ее на второй этаж, к ванной.

— Дай самое торжественное обещание, какое только можешь, что...— начал он.

— Майкл...— Как заколки, выскальзывающие из волос, остатки мыслительных способностей покидали ее голову, а тут еще Майкл заговорил на языке «Подземелий и драконов».— О чем идет речь?

Майкл сдвинул занавеску ванны. Мэри моргнула, и мгновение глаза ее были закрыты, потому что она боялась их открыть: ей сперва показалось, будто на дне ванны шевелится клубок рептилий. Но когда Мэри открыла глаза, она увидала в ванне Эллиота и...

— Мы болеем...— Эллиот поднял руку.— ...Мы умираем...

По нем текла вода, по Эллиоту и этой страшной маленькой фигуре, башне кошмаров в три фута вышиной. Башня кошмаров обнаружила признаки жизни: губы существа задвигались, и Мэри услышала надтреснутое эхо огромных пещер:

— ...тон ...ко ...е ...и ...гиб ...ко ...е ...су ...ще ...ство...

— Он с Луны,— сказала Герти.

Мэри схватила Эллиота и рывком вытащила из ванны. Только бы убежать скорей, откуда бы ни была эта мокрая, похожая на рептилию тварь, такая страшная, что на нее смотреть невозможно, и цеплявшаяся, как ей показалось, за Эллиота.

— Все вниз!— крикнула она, заворачивая Эллиота в полотенце и толкая детей вперед.

Разум сейчас не управлял ее поведением, ее вело только чувство. Страшилище в ванне может там оставаться — ее с детьми через минуту в доме не будет. Ни о чем другом она сейчас не думала.

— Мы не можем оставить его одного,— запротестовал Эллиот.

Не отвечая ему, Мэри по-прежнему толкала детей вперед. Она открыла наружную дверь, и последний остаток разума тут же ее покинул: по ту сторону двери стоял космонавт.

На космонавте был скафандр с круглым прозрачным шлемом. Она захлопнула эту дверь и бросилась к боковой. Ту уже открывал другой космонавт.

Мэри кинулась к окну. С наружной стороны опустилось полотнище из прозрачного пластика, и она увидела, как третий человек в скафандре прикрепляет его к оконной раме.

А через несколько мгновений весь дом накрыл огромный пластиковый колпак.

К наступлению темноты дом был весь упакован в прозрачный, но непроницаемый для воздуха винил: воздух поступал через огромного диаметра трубы из гибкого пластика, опоясывавшие дом кругом и сверху. Со всех сторон, закрепленные на специально для этого воздвигнутых лесах, дом освещали прожекторы. Улица была перекрыта, а на асфальтовом въезде стояли грузовики и трайлеры. Появлялись и исчезали люди в светло-синих тренировочных костюмах.

Войти в дом можно было только через фургон.

Сейчас в фургоне был Ключник, он как раз надевал тренировочный костюм и шлем. Потом он открыл заднюю дверь фургона и вошел в одну из прозрачных труб. Пройдя по ней, он оказался перед переходной дверью на «молнии»; открыв эту дверь, он вступил в находящийся на карантине дом.

— ...невероятно... просто невероятно...

Скептически настроенный микробиолог в герметическом шлеме разговаривал сам с собой, голос его странно хрипел, а лицом он напоминал золотую рыбку, оказавшуюся в слишком маленькой баночке; растерянный, он стоял в части дома, отведенной его бригаде специалистов; они изучали соскобленные с Ипа образцы поверхностных тканей, первое же знакомство с которыми лишило их дара речи; и дар этот не спешил к ним возвращаться теперь, когда они пытались хоть что-нибудь в организме Ипа понять.

В другой части дома бригада медиков работала с членами семьи. В гостиной, переоборудованной в палату «скорой помощи», у Мэри сейчас брали кровь на анализ.

— Наблюдались ли какие-либо изменения среды в доме с тех пор, как этот... ЭТО... у вас находится? Изменения в температуре, влажности, интенсивности света?

Не желая или не будучи в состоянии говорить, Мэри смотрела на врача и молчала. Рядом другой врач измерял кровяное давление Майкла.

— Ты не замечал каких-нибудь изменений в цвете кожи, в дыхании этого существа? Выпадения волос, выделения пота?

— А у него никогда никаких волос не было.

— По-видимому,— сказал один врач другому,— детям удалось наладить с этим существом примитивное языковое общение.

— Это я научила его говорить,— заявила Герти врачу, отстригавшему в это время прядь ее волос.

Перед ней присел на корточки психиатр.

— Говорить его научила ты?

— Моей игрушкой «Скажи по буквам».

Психиатр, по-видимому, этой игрушки не знал.

— Обнаруживал твой друг какие-нибудь чувства? Смеялся, плакал?

— Плакал,— ответила Герти.— Он хотел домой.

А руководитель всех бригад тем временем прошел в столовую, где рентгенологи, изучая скелет Ипа, почесывали свои шлемы. Открыв еще одну пластиковую дверь на «молнии», Ключник вошел в комнату, которая была на карантине более строгом, чем все остальные. Пол, стены и потолок в этой комнате были затянуты пластиком, и внутри нее была еще одна комната, переносной бокс размером десять на десять футов, тоже из прозрачного пластика. Внутри бокса лежали Ип и Эллиот, и над ними работала бригада медиков высокой квалификации.

— Записываю ЭКГ, не имеет ничего общего с человеческой.

— Есть зубцы Q, R, S?

— Нет.

— Ну, а вообще какие-нибудь зубцы есть?

— Не... не знаю.

Запись на ленте не соответствовала ничему, что можно увидеть в руководствах по кардиологии. Но врачи — люди странные; дайте им побыть несколько минут наедине с любым отклонением от биологической нормы, и они исследуют ее своей аппаратурой так спокойно, что успокоятся и все кругом.

— Интересно...— только и сказал один из врачей.

А сказать можно было гораздо больше. В существе, лежавшем на столе перед ними, одно не соответствовало другому; некоторые области тела напоминали мирные овощи, другие обладали плотностью камня.

— Сонар, вы определили, где находится сердце?

— Не могу понять.

— Ну, а вообще-то сердце у него есть?

— Освещен весь экран. Выглядит так, будто сердце заполняет всю грудь.

Они тыкали в него инструментами, сгибали и разгибали его конечности. Кололи иглами в поисках вен, другие иглы проверяли рефлексы. Были найдены ушные клапаны, открыты нежные слуховые стебельки. В его просматривавшие Вселенную, сверхчувствительные глаза направлены были лучи безжалостного света. Бригада лихорадочно работала, пыталась расшифровать Ипа, исследовала его истерзанное тело всеми способами, какие есть у медицины для раскрытия тайн живой материи.

Возглавлявший бригаду врач то и дело поднимал руку, чтобы вытереть пот со лба, но рука натыкалась на пластик шлема. Он был расстроен, Ипа он воспринимал как лишенное разума морское чудовище, как в корне отличное от человека существо, чей смысл и назначение ему так и не удастся раскрыть.

Да, облик его леденил кровь; но главная беда была в том, что несказанное безобразие этого существа убивало во враче, возглавлявшем бригаду, свойственную этому врачу мягкость. Усталое сознание врача наполняли сейчас образы птеродактилей, первобытных ящеров-уродов, которые вообще не должны были бы появиться и, к счастью, перестали существовать. Эта тварь на столе была из их числа, холодная, бесчувственная, настоящее порождение кошмара.

— Он живой,— сказал техник рядом,— но я не могу обнаружить дыхания...

— ...пульс ровный...

Престарелый путешественник лежа безмолвствовал, как мертвая луна какой-нибудь безвестной планеты. Сверху в него бил из нескольких ламп яркий флюоресцентный свет землян, безжалостный, слепящий, проникающий в самую глубь нервов. Он, беспомощный, был сейчас целиком во власти врачей Земли, а ведь их инструментарий так груб по сравнению с медицинскими приборами Великого Корабля!

«Где ты, настоящая медицина?» — вздохнул он, взывая к Большой Ночи, тьма которой унесла собственных его врачей.

— Запишите: умеренная экзофтальмия...

— С двух сторон симптом Бабинского...

— Регистрирую вдох. Всего один...

Он попытался нащупать путь к кораблю, к своей высокой цели, для осуществления которой он так

Литературный глобус «Смены»

ИП

Уильям КОТЦВИНКЛ

САТИРИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

нужен Вселенной. Неужели он все это потеряет?

Да, теперь конец.

Он закован в чугунные цепи Земли, и под их тяжестью его жизненная сила проваливается в самоё себя.

— Какие-нибудь микроэлементы обнаружены?

— Мы установили, что радиоактивность на пределе допустимого. Но в семье нет никаких признаков ожогов кожи, никаких изменений костного вещества.

— Хоть какое-нибудь кровообращение обнаружили, Допплер?

— По-моему, да — мы видим что-то похожее в области паха.

— А у нас записываются экстрасистолы, одновременно у этого существа и мальчика.

И опять главный доктор нервно провел рукой по шлему. Мальчик и страшилище каким-то непонятным образом связаны; впечатление такое, будто жизнь ребенка служит пищей страшилищу. Ребенок приходит в сознание и снова сознание теряет, галлюцинирует, бормочет что-то нечленораздельное, впадает снова в бессознательное состояние. «Я бы перерезал то, что их связывает,— подумал врач,— если бы знал, что это такое».

Он опять вернулся к своим приборам. Инопланетное существо умирает, это ясно; сейчас важно спасти мальчика. Сердце у мальчика бьется аритмично, пульс слабый, и все это каким-то непонятным образом синхронизировано с происходящим в безобразной твари — один каким-то образом сцеплен с другим.

«Черт побери,— подумал доктор, глядя на прозрачную стенку бокса,— неужели никто еще этого не понял?»

Сквозь пластик он увидел головы в прозрачных шлемах, склоненные над приборами, и понял, что никаких ответов ни у кого нет.

Он посмотрел на лицо страшилища. Если существовало когда-либо во Вселенной бесчувственное, безразличное ко всем, холодное, никого не любящее существо, то вот оно, это маленькое чудище, которое лежит сейчас перед ним. Каким-то образом чудищу удалось обрести разум (ведь прибыло оно на космическом корабле), но те, кто на корабле прилетел,— паразиты, хищники, не знающие сострадания, доброты, лучших человеческих качеств. Это так же верно, как то, что он сейчас около страшилища стоит; как хорошо было бы задушить урода! Ведь тот опасен; он не знал, почему, но чувствовал, что урод опасен для всех.

В кожу Ипа вонзилась игла. У Эллиота, лежавшего рядом, лицо исказила боль, как если бы укололи его. Эллиот повернулся к единственному знакомому лицу, к Ключнику.

— Вы делаете ему больно. Вы нас убиваете...

Ключник не отрываясь смотрел на Ипа. Столкнувшись с уродливостью инопланетянина, представление Ключника о благородном облике существ из космоса радикально изменилось; и однако сознание Ключника до сих пор пылало от прикосновения к нему психических волн высшего порядка. ЭТО, лежащее перед ним, как оно ни уродливо, появилось с Корабля, а Корабль не ограничен ничем в своем движении и мощи. Ключник видел свое предназначение в том, чтобы Кораблю служить.

— Мы сделаем для него все, что только возможно, Эллиот. Ему нужна наша помощь.

— Он хочет остаться со мной. Он вас не знает.

— Эллиот, твой друг — необычное существо, и мы очень им дорожим. Мы хотим с ним познакомиться. Если мы с ним познакомимся, мы узнаем очень много о Вселенной и жизни. Ты спас его и был к нему добр. Дай же нам сделать то, что должны сделать мы.

— Он хочет быть со мной.

— И будет. Куда бы он ни отправился, ты отправишься с ним. Я тебе это обещаю.

Но последовать за Ипом туда, куда он теперь отправлялся, не мог бы никто. Взвихренная сила в глубине его тела не успокаивалась ни на миг. Старый ученый ощущал огромность этой силы, силы древних драконов. Этот огонь, эту жизнь взнуздали когда-то подобные ему существа. Неужели все кончится катастрофой? Неужели по его вине погибнет Земля? Нет, этого нельзя допустить! Что может быть страшнее, чем оказаться виновником гибели прекрасной планеты? Вселенная его проклянет.

Но дракон в центре его существа плясал, и глаза дракона, слепящие, как солнца, были полны страшных тайн. Могучая сила вырвется на свободу и выбросит врачей и приборы, друзей и врагов, всё и вся сквозь крышу космоса.

— Мальчик опять потерял сознание.

— Позовите мать.

Ип висел на краю пропасти, держался на последней тоненькой ниточке энергии. В ушах у него ревело, а под ним зияла разинутая пасть дракона; вселяющие ужас черные языки космического пламени рвались вверх, готовые глотать планеты, солнечные системы — все, что окажется на пути. Ип чувствовал, как разрывается оболочка его личности и оттуда бьет струей, вылетает быстрее и быстрее накопленное среди звезд знание.

— Кровяное давление падает.

— ...и пульс пропал...

— Увеличьте кислород.

— Этот зубец просто перешел в зубец U!

— В зубец U или помеху? Как можно их отличить, если нет Q, R или S?

— Сердце не бьется.

— Дефибриллируйте!

К груди Ипа приложили дефибриллятор. Стали пропускать электрические разряды через его грудную клетку, впрыскивать адреналин, молотить по его телу руками.

— Ничего... Пусто...

ЭКГ старого космического путешественника представляла собой теперь четкую ровную линию: сердечная деятельность прекратилась. Ип лежал мертвый, но зашевелился Эллиот: как только перестало биться сердце Ипа, к Эллиоту вернулись все его силы. По крайней мере одну из формул, которые Ип искал, он сумел найти — формулу щита, и щит этот, опустившись за Ипом сразу после того, как тот погрузился в забытье смерти, не дал мальчику за ним последовать.

Эллиот сел рывком, закричал:

— Ип, не уходи!

— Никакой реакции,— сказал врач.— Дыхания нет.

— Он умеет сдерживать дыхание!— закричал Эллиот.

Врачи качали головами. Существа, которое они пытались спасти, не стало, и их чувства и разум, уже и без того подвергшиеся тяжелым испытаниям, стояли теперь перед новой загадкой: над кем же именно в конце концов они только что работали?

Они почти не обратили внимания на то, что свет мигнул, выключились и тут же снова включились приборы, и они также не заметили, как вздрогнул дом и вздрогнула вся долина. Это заметили другие люди, другие приборы — те, что следят за происходящим в земном ядре.

Ключник, как ребенок, который не может поверить, что существует смерть, наклонился к инопланетянину и прошептал:

— Как нам связаться с твоими собратьями?

Эллиот не чувствовал руки матери у себя на плече, не чувствовал ничего, кроме своей утраты.

— Лучше его... никого не было.— И Эллиот зарыдал.

Он смотрел на умершего друга полными слез глазами. Он не видел, как в бокс, не обращая внимания на протесты возглавлявшего бригаду врача, вошли Майкл и Герти.

Герти подошла к столу и стала на цыпочки, чтобы лучше видеть страшилище.

— Он умер, мамочка?

— Да, дорогая.

— А можем мы пожелать, чтобы он ожил?

Меньше всего на свете желала Мэри, чтобы маленькое страшилище ожило. Она смотрела на страшную съежившуюся фигурку, на огромный рот, на длинные пальцы, при виде которых мурашки бегут по коже, на безобразный живот — сплошное уродство, и ведь это именно он едва не убил Эллиота.

— Желаю,— сказала Герти,— желаю, желаю, желаю...

«Желаю»,— подумала Мэри, повторяя детский стишок и сама не зная, почему она это делает.

Бокс освободили от всех, включая Эллиота, и Эллиот стоял теперь снаружи и смотрел через прозрачную стенку, как Ипа кладут в пластиковый мешок на «молнии» и сыплют в мешок сухой лед. В других комнатах уже складывали медицинское оборудование и снимали со стен виниловые полотнища.

В бокс внесли небольшой свинцовый гробик. В него положили инопланетянина.

Ключник подошел к Эллиоту и положил руку ему на плечо.

— Хочешь увидеть его в последний раз?

Жестом он приказал всем, кто был в боксе, чтобы они оттуда вышли, и пустил Эллиота; тот приподнял пластиковое полотнище и вошел.

Эллиот стал над гробиком. Смахнул сухой лед с лица Ипа. Слезы Эллиота, стекая, падали на пластиковую пленку, закрывавшую изрезанный морщинами лоб страшилища. Как он ошибался, думая, что Ип будет около него вечно! Он мог бы показать Ипу столько интересного! Ведь Ип был его сбывшимся заветным желанием. Такое желание было у него всегда, но понял он это, только когда около него появился Ип. Где ты теперь, Ип?

Гипл гиипл снннннннннн орг...

Сквозь космос ударил луч золотого света. Историки Вселенной расходятся в вопросе о том, с какой стороны этот луч пришел. Луч был старше Ипа, древнее самых древних ископаемых. Некоторые утверждают, что это всеисцеляющая душа самой Земли сверкнула жилкой, всего лишь одной, накопленных ею знаний. «Не заглядывай больше в окна»,— сказал якобы этот луч и исчез.

Другие утверждают, что Земля была обречена погибнуть и сама бы не могла спасти себя, и спасшую ее, усмирившую ядерного дракона силу послала в помощь ей планета-сестра.

А некоторые слышали: дриипл зуннннин rrrrrrr умммммтврррдссс...— прилетевшее, очевидно, из бесконечных далей.

Что бы это ни было, оно коснулось исцеляющего пальца Ипа, и палец засветился.

И Ип исцелил себя.

Как это случилось, он не знал и сам.

Но его внутреннему взору предстал Калитан, такой прекрасный, что и вообразить невозможно.

«Добрый вечер, Капитан»,— сказал Ип.

«Не заглядывай в чужие окна»,— услышал он в ответ.

«Больше никогда не буду, мой Капитан»,— ответил Ип.

Яркий свет наполнил все его тело, и у Ипа появилось чувство, будто он весь, с головы до ног, золотистый, но особенно там, где свет-его-сердца; золотой цвет стал красным, красный снова золотым и цвета начали чередоваться. Пар над сухим льдом стал цветным. Заметив это, Эллиот смел лед с груди Ипа и увидел, как то одним, то другим цветом вспыхивает свет-его-сердца.

Эллиот повернулся к двери; по ту сторону ее стояли и разговаривали Мэри и Ключник. Эллиот быстро закрыл свет-сердца Ипа руками.

Глаза Ипа открылись.

— Ип звонить домой.

— Хорошо,— ответил веселым шепотом Эллиот.— Хорошо.— Он снял с себя рубашку и набросил на свет-сердца Ипа.— Нужно как-то вытащить тебя отсюда. Пока лежи...

Эллиот снова посыпал Ипа сухим льдом и задернул «молнию». Потом, закрыв лицо руками и всем своим видом выражая печаль, задев плечом Мэри и Ключника, он вышел из бокса. Через мгновение он был уже в кухне рядом с Майклом, у стола, заваленного хирургическими инструментами, микроскопами и масками. На этом же столе стояла и увядшая герань Ипа. Когда Эллиот зашептал Майклу, герань, как и Майкл, подняла голову, и почти сразу же ее мертвые стебли покрылись зелеными листьями. Появились бутоны. Герань опять расцвела.

Майкл кому-то позвонил, поговорил вполголоса и выскользнул через боковую дверь из дома.

Эллиот стоял в главной виниловой трубе, в том месте, где она выходила из дома, и мимо него пронесли свинцовый гробик. Открыли запертую на «молнию» дверь, и человек с ключами придержал пластиковое полотнище. Его помощники поставили гробик в фургон и вернулись.

— Я еду с Ипом,— сказал Эллиот.

— Ты и твоя семья поедете со мной, Эллиот. Мы едем в одно и то же место.

— Куда он поедет, туда и я. Вы обещали. Я еду с ним.

Ключник вздохнул, открыл дверь, снова запертую на «молнию», и выпустил Эллиота. Эллиот влез в фургон и постучал в заднюю дверь кабины водителя. Майкл обернулся.

— Я забыл сказать, Эллиот: до этого я ездил только задним ходом.

Майкл включил сцепление, дал газ, и фургон сдвинулся с места. Раздался ужасающий треск, это система пластиковых труб отрывалась от дома, и, когда она оторвалась, пластиковый колпак над домом осел. Фургон занесло, но сейчас он был уже у ворот и тащил за собой двадцать футов главной трубы, мотавшиеся из стороны в сторону,— казалось, будто дракон бьет хвостом.

Майкл налег на клаксон. Полицейские заметались, спеша отодвинуть от ворот барьеры, и толпа, пропуская фургон, шарахнулась в стороны. Бросая Эллиота от одной стенки кузова к другой, фургон выехал на улицу. И только тут Эллиот заметил внутри куска трубы, волочившегося за фургоном, двоих помощников Ключника — хватаясь за ребра трубы, они пытались вскарабкаться в фургон.

Если бы он смотрел не из фургона, а из волочащегося куска трубы, он бы увидел, как вместе с Герти прыгнула в свою машину Мэри.

Минуя машины, принадлежащие ведомству Ключника, она сейчас выезжала из ворот, отправлялась в погоню за фургоном, очень надеясь, что угон его, только что совершенный ее детьми, не является преступным действием, хотя в душе она сомневалась, что он таковым не является.

— Куда мы едем, мамочка?— спросила Герти.

— За кремом из плаценты,— ответила Мэри, и машина, скрипнув тормозами, проехала между раздвинутыми полицейскими заграждениями.

— Эллиот и Майкл украли фургон?

— Да, детка.

— А почему они не взяли с собой меня?

— Потому что таким маленьким, как ты, нельзя воровать фургоны,— ответила, мчась на полной скорости, Мэри.

Взвизгнув шинами, ее автомобиль завернул за угол, преследуя удаляющийся фургон. Мэри чувствовала теперь, что страшилище ожило, чувствовала каждым

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

окончанием своих истерзанных нервов. И независимо от того, что именно — случайность или их горячее желание, чтобы он ожил,— вернуло его к жизни, она была рада, ибо, хотя это еще больше осложняло ее жизнь, хотя за ней гнались сейчас полицейские машины, она чувствовала, что... лучше его никого нет.

Подпрыгивая внутри пластиковой трубы, судорожно вцепившись в ее ребра, двое снова и снова пытались вскарабкаться в фургон. Наверху, откуда шла труба, они видели Эллиота; он, лихорадочно спеша, что-то делал.

«Ой-ой,— подумал один из агентов,— уж не отцепляет ли мальчишка трубу?»

Через мгновение оба агента барахтались, запутавшись в пластике, посреди улицы, а фургон от них удалялся.

Майкл воевал с управлением мчащегося фургона.

— Мы убьемся, Эллиот!— крикнул он через плечо.— И еще мне никогда не дадут водительские права!

Его изумляло, как это другие машины, столкновения с которыми, казалось, уже не избежать, ухитряются уйти в сторону, а он благополучно мчится дальше. Эллиот между тем взобрался на ящики к подпрыгивающему свинцовому гробику Ипа, открыл его и расстегнул пластиковый мешок.

Ип сел, стряхнул с себя сухой лед и огляделся вокруг.

— Ип звонить домой.

— За тобой летят?— спросил Эллиот.

Зиип зипл звак-звак...

Глаза Ипа горели, но еще ярче горел свет-его-сердца, ответивший Эллиоту сиянием, которое наполнило весь фургон.

Не сбавляя скорость, Майкл свернул с улицы на боковую дорогу, поднимавшуюся на холм, который местные жители называли Наблюдательным Пунктом. И с Наблюдательного Пункта наблюдала сейчас вся компания игроков в «Подземелья и драконы» — именно им он звонил за полчаса до этого. Они приехали на велосипедах, захватив еще два складных велосипеда с собой, и теперь ждали.

Въехав на вершину холма, фургон резко остановился, и Майкл с Эллиотом помогли Ипу спуститься на землю.

«Подземельщики» (Грег, Тайлер и Стив) стояли, разинув рот, и смотрели, как к ним ведут маленькое страшилище.

— Он из дальнего космоса,— сказал Эллиот,— и мы отвозим его к кораблю.

Хотя «подземельщики» уже совсем ничего не понимали, они помогли усадить Ипа в корзину на велосипеде Эллиота, а потом вместе с Эллиотом помчались по одной из четырех дорог, спускавшихся с Наблюдательного Пункта.

Впереди несся Тайлер, его длинные ноги сгибались и разгибались с головокружительной скоростью. Он посмотрел через плечо на немыслимое существо в корзине и Эллиота и завертел педалями еще усерднее, чтобы как можно скорее избавиться от ЭТОГО, что бы ЭТО ни было. А то размножится, и что тогда делать?

— Эллиот!— взвизгнул Грег.— Что... что...

Но язык его не слушался, и он, крутя педали изо всех сил, только и мог изумленно пускать слюну. Рядом с ним склонился над рулем своего велосипеда Стив, на голове — шапка с крылышками, ветер их откинул назад. Стив тоже посмотрел на страшилище, и почему-то у него исчезли все сомнения в том, что оно, что бы ЭТО ни было, причастно к тому, что сестренка заставляет человека печь для нее из глины пирожки. Детали он выяснит потом. Но сейчас он решил, и решил твердо, до конца жизни держаться подальше от всех сестер, даже от своей собственной. От сестер можно ждать чего угодно. Он пригнулся еще ниже к рулю; ноги на педалях взлетали, как птицы, а юное сознание Стива терзали вопросы, ответов на которые у него не было.

Едва исчезла эта странная группа велосипедистов, как верхушка холма ожила снова: ее заполнили машины полиции и машины, принадлежащие ведомству Ключника; среди них была и машина Мэри. Машины, визжа тормозами, окружили фургон и остановились; из них выскочили вооруженные полицейские. Выскочила из своей машины и Мэри и бросилась к полицейским, крича:

— Не трогайте их, это дети!

Голос ее звенел напряжением и страхом, накопившимися за многие месяцы, и казалось, что она на грани помешательства; полицейские растерянно уступали ей дорогу.

Эта заминка позволила велосипедистам еще больше увеличить расстояние между ними и преследователями; те все еще осматривали снаружи фургон и сухой лед, который из него сыпался. Но когда двери фургона распахнули, все увидели, что внутри никого нет.

Тут из-за кустов появилась еще одна фигура, почувствовавшая каким-то непонятным образом, что сегодня вечером на Земле нет места более важного, чем это.

— Они на велосипедах!— завопил Лэнс.— Я знаю, куда они поехали!

Мэри зажала рукой полный торчащих наружу зубов рот маленького всезнайки и втащила того в свою машину. Но Лэнс опустил окошко и закричал:

— Гоните на озеро, они поехали на ту сторону озера!

И полиция вместе с агентами, работавшими в ведомстве Ключника, отбыла к озеру.

Лэнс повернулся к Мэри:

— Нам нужно в лес, я покажу вам, куда.

— Но... а к озеру?

— Если я и всезнайка, то это еще не значит, что я дурак.

Ип и компания мчались по извивающемуся шоссе. «Подземельщики» то и дело оглядывались на Ипа, но вопреки разуму, ошеломленному его видом, сердца их громко, хоть и безмолвно, говорили им другое: что он их друг и что наконец они играют в Игру с большой буквы. И они еще яростней нажимали на педали, везя Ипа к месту, где его ждала судьба.

Полицейские машины огибали в это время озеро, проезжали мимо кемпингов, коттеджей, мимо домика, в котором жил сторож автомобильной стоянки.

— Нет, никто не проезжал...— Сторож, разинув рот, таращился на машины.

Завертелись рули, в сторожа полетели из-под колес грязь и камни, и группа захвата поползла по грунтовой дороге вокруг озера назад на асфальтированное шоссе.

«Куда теперь?» — думал водитель головной машины.

У этого сержанта полиции дергалось веко, дергалось с утра, и казалось, будто оно сигнализирует. Так же судорожно, как веко, дернулись руки сержанта и повернули руль влево, повинуясь приказу локатора, который работал сейчас у него в голове.

Остальные машины последовали за первой и теперь неслись назад по шоссе. Люди из ведомства Ключника настояли на сложном прочесывании: шла большая охота, и нужно было исключить любые случайности.

— Развилка... разъезжаемся...

Переговариваясь по рациям, полицейские машины разъезжались в разные стороны, образуя веер, проходивший через сетку улиц, и веер этот, прочесывая квартал за кварталом, вращался, открывался, складывался.

— ...поворачивай, поворачивай...

Дергалось веко, и дергались автомобильные колеса, снова и снова поворачивались на неосознаваемый сигнал, а шел этот сигнал к водителям от преследуемой ими жертвы, инопланетянина, чей психический радар, лихорадочно обшаривавший небеса в диапазоне телепатической связи, сейчас ощущали даже камни.

Ип, вцепившийся длинными пальцами в проволочную сетку, подпрыгивал в корзине Эллиота. В голове у него жужжали сигналы: знакл нерк нерк снакл ты нас слышишь?

Да, мой Капитан. Очень прошу вас, поспешите, зинггг зингл нерк нерк.

Длинные ноги Тайлера слились с педалями в одно колеблющееся пятно, выкачивая из велосипеда все его десять скоростей; Тайлер по-прежнему несся впереди, а сразу за ним, сгорбившись над рулем, Майкл. Сейчас Майкл услышал звук полицейской сирены, пока еще слабый.

— Догоняют!

Взгляд его метнулся к Эллиоту.

— В проезд между домами!— закричал Эллиот.

И ринулся вбок, а за ним повернули все остальные. Тонкие резиновые шины взвизгивали, подпрыгивая на разбитом асфальте узкого, как коридор, проезда; проезд этот был кратчайшим путем к дальним холмам, до которых нужно было добраться и которые сейчас казались далекими, как никогда.

Велосипеды перепрыгивали трещины в асфальте, резко поворачивали, и задние стены домов, выходившие на проезд, глазели на них, моргали окнами, поднимали сонные веки.

— Правее,— показал пальцем человек рядом с сержантом полиции, и казалось, что кончик его пальца светится.

Он не мог понять, откуда он знает, куда ехать. Но, как ни удивительно, он знал это точно. Вон туда... и туда...

Полицейские машины въехали в проезд почти одновременно в семи разных местах, потом, образовав цепочку, понеслись вперед по искореженному асфальту. Головная машина, которую по-прежнему вел сержант с дергающимся глазом, стрелой промчалась по узкому коридору; сирена ее выла, не умолкая ни на миг, а хороший глаз сержанта работал с двойной нагрузкой, но... помогай бог старой леди, подумал сержант, если таковая выйдет вдруг из-за мусорных баков покурить.

На внешнем краю веера, в противоположном конце проезда, появились, отрезая выход, люди Ключника.

— Вон они!

Эллиот спрыгнул с велика и вкатил его вверх по бетонным ступенькам к какому-то старому гаражу. За ним последовали Майкл и Тайлер, и все четверо, включая Ипа, оказались на заднем дворе, огороженном с двух сторон деревянными заборами.

По тем же ступенькам взобрались со своими велосипедами Грег и Стив, крылышки на шапке у Стива торчали сейчас концами вверх; оба остановились перевести дыхание, а потом, снова вскочив на велосипеды, в один миг оказались в проезде, параллельном первому.

Тайлер и Майкл уже катили бесшумно по правой стороне, а между ними ехал Эллиот с Ипом в корзине. Ип оглядывал все вокруг, его огромные глаза вращались.

Не допусти, чтобы меня поймали ксёрксер нарк вммммммннн ты меня слышишь?

Зерк нергл вммммннн знакл наш великий Капитан просит, чтобы ты поспешил, опасность, опасность, опасность.

В конце проезд перевернутой аркой уходил вверх, и пять велосипедов понеслись по нему, едва касаясь асфальта, к холмам — как бы с черного хода, по маршруту, лучше известному велосипедистам, нежели водителям машин. А в первом проезде в это время машины, съехавшись, загородили дорогу друг другу, и пришлось, чтобы продолжать погоню, давать задний ход, выползать из проезда, перестраиваться.

— Скользкие маленькие крысенята,— процедил сквозь зубы сержант в головной машине.

Его левый глаз сейчас работал как стробоскоп, моргал со скоростью, на какую веки не рассчитаны. Дав задний ход, сержант опрокинул несколько мусорных баков, моля бога, чтобы за ними или в них не оказалось старушки, собаки, ребенка или алкоголика в бессознательном состоянии,— окажись они там, они обязательно попали бы ему под колеса. Увеличив скорость, он вырвался вперед; сирена истошно выла, а фуражка, надвинутая чуть не до самого носа, придавала сержанту весьма решительный вид. Машина с ревом вылетела из дальнего конца проезда, и, повинуясь своему дергающемуся глазу, водитель снова повернул влево.

— Маленький негодяй,— прошипел Ключник.— Ничтожный маленький сукин сын.

Перед его глазами стояло улыбающееся лживое лицо Эллиота. С таким лицом мальчишка в жизни добьется многого. Ведь как сумел обвести всех вокруг пальца, и это в самый последний момент, когда добыча уже была в руках!

— Поворачивай, поворачивай!— заорал он, ясно чувствуя направление, ощущая его в пальцах рук и ног.

Разрушая рисунок веера, водитель дал задний ход и снова оказался на улице, и в это мгновение из проезда выехали Тайлер и Эллиот.

— А, черт!— воскликнул Тайлер.— Они!

Последний отрезок улицы, который им предстояло проехать, последний квартал, отделявший их от леса, от спасения, неожиданно заполнился людьми: это в машинах открылись дверцы и из них высыпали преследователи.

Эллиот повернул было назад в проезд. Но оттуда высунулось рыло полицейской машины, и она, вращая мигалкой, пошла прямо на него.

Веер сложился, середина его плотно сжалась, деваться было некуда. Длинный Тайлер почти лег на руль своего велика.

— Попробуем проскочить.

Он понесся вперед, рядом Майкл, сразу за ними Эллиот. Впереди был узкий просвет между двумя машинами. Тайлер показал на него, и Эллиот кивнул. Грег и Стив были боковыми углами летящего клина, и впервые в жизни во рту у Грега было сухо.

— У нас ничего не выйдет,— сказал он.

Фаланга велосипедов неслась на плотную стену из полицейских, агентов правительственного ведомства, военизированной охраны. Все пути были отрезаны.

«Еще одна неудача, последняя,— подумал Эллиот.— Больше мы не можем сделать для него ничего».

Ип поднял палец. Велосипеды взмыли в воздух, и машины преследователей оказались внизу, под ними.

— Будь я проклят!— сказал главный полицейский; он стоял и смотрел, разинув рот, руки на бедрах, фуражка сдвинута на затылок.

Пять велосипедов плыли над крышами.

Ощущение у Ключника было такое, будто его желудок провалился,— так бывает, когда вдруг шагнешь в пустоту. Велосипеды пролетели над телефонными проводами, едва их не задев, поднялись над верхушками столбов и растворились в сумерках, оставив на память о себе только бейсбольную шапку с крылышками.

Ип посмотрел вниз, на землю. Да, лучше так, без тряски. Свет-его-сердца сиял опять, пробивался сквозь проволочное плетение корзины в сгустившуюся темноту.

Какая-то сова на дереве проснулась и расправила ленивo крылья. Пора, пожалуй, подкрепиться мышкой... Она поднялась в воздух.

Что это такое?

Мимо нее плыли в воздухе пять велосипедов, и она, нервно щелкая клювом, кувыркнулась назад. Ее свирепый взгляд задержался на идущем из груди Ипа свете. Сова уставилась на старого ученого, который щелками суженных на третьем уровне осознания глаз наблюдал ночь.

«Летучие мыши в наших местах становятся крупнее,— подумала сова.— А может, я просто спятила».

Но велосипеды уже исчезли, скрылись в темноте. Эллиот повернул руль, он чувствовал, в какую сторону нужно повернуть, и остальные повернули за ним.

— Скажите, когда кончится,— зажмурив глаза, ныл Грег.

Рядом развевались на ветру волосы оставшегося без шапки Стива; стоило Стиву посмотреть вниз, как волосы у него вставали дыбом.

— Вот что делают сестры,— сказал он негромко самому себе.

На одной стороне с Эллиотом плыл Тайлер, на другой — Майкл, а Ип смотрел в небо, прощупывая психическим зондом пространство за облаками.

Знакк зеркл даррррг о мой Капитан, это действительно ты? знеркл даррг даррррг.

Внезапно его внутреннему взору предстало лицо, это было лицо самого замечательного, самого совершенного, самого надежного из всех древних путешественников. Оно улыбнулось ему своей черепашьей улыбкой высшего сознания и исчезло в коммуникационных диапазонах стремительного спуска.

— Наш лес, спускаемся!— закричал Эллиот.

Велосипеды сделали в воздухе вираж, и все, кто летел с Эллиотом, увидели впереди, за округлыми холмами, темные тени деревьев.

Хоть и по земле, но машина Мэри двигалась в том же направлении, и сейчас Мэри, следуя указаниям всезнайки, петляя, вела ее вверх по склону холма.

— На пожарную просеку,— буркнул Лэнс.

Самый великолепный, какого еще не знал мир, побег на велосипедах, а он не участвует!

Герти сидела между ними, держа на коленях герань, которую она подарила Ипу. Все новые соцветия распускались на герани в то время, как машина Мэри, подпрыгивая на ухабах, продвигалась по просеке.

Лэнс не отрывал глаз от темных деревьев впереди.

— Сигналы теперь очень сильные,— сказал он вдруг.— Остановите здесь...

Мэри остановила машину, они вылезли и вошли под деревья — впереди Лэнс, за ним, ведя Герти за руку, Мэри. Путь был нелегкий, совсем не такой, как тот, над деревьями, по которому доставил своих спутников к замаскированному передатчику Эллиот.

— Туда,— сказал Ип. Он опустил палец, и велосипеды стали сникаться. Они скользнули в траву, немного проехали и остановились.

Уллллл-лиипл-лиип...

Передатчик гудел. Эллиот бросился было к нему, но замер как вкопанный во вспыхнувшем вдруг широком луче бледно-лилового света. Эллиот оглянулся на Ипа. Древний ученый тоже вошел в свет, и оба одновременно посмотрели в небо.

Светясь мягкими огнями, словно огромное елочное украшение на дереве ночи, Корабль висел у них над головой. Эллиот смотрел и не мог насмотреться на прекрасную космическую колесницу, упивался ее величием и мощью. Это был Ип, помноженный на миллион, величайший свет-сердца, какой когда-либо видел мир. Внутрь Эллиота светили его тайны, и по телу мальчика, расплавляя Эллиота, превращая в ничто, пробегали послания любви и чуда.

Он повернулся к Ипу. Переполненные видом родного Корабля, Царицы Млечного пути, огромные глаза старого путешественника стали еще огромней. Опоясывая корпус узорами, светились огни сигнализации, и у Ипа было чувство, что Корабль несет в себе разум самого космоса, опередивший все другие формы разума во Вселенной.

Ип посмотрел на друга, который помог ему дозваться до своих через немыслимые дали.

— Спасибо, Эллиот.

Голос его звучал громче; в гармонии с Кораблем, с энергией все более и более высоких порядков обертоны становились звучнее.

«Обещаю,— сказал Ип светящемуся люку,— никогда больше не заглядывать в окна».

Но тут он ощутил на поляне еще один энергетический рисунок, увидел тонкое и гибкое существо и надолго задержал на нем взгляд.

К нему подбежала Герти.

— Вот твой цветок,— сказала она и протянула ему герань.

Он взял девочку на руки.

— Будь хорошей.

На краю поляны мелькнула тень, и заяканье ключей наполнило ночь. Ип быстро опустил Герти на землю. Повернулся к Эллиоту, протянул ему руку:

— Полетим?

— Я останусь,— ответил Эллиот.

Старый путешественник обнял мальчика, и Ипа пронизало такое космическое одиночество, какого он не чувствовал никогда. Он коснулся лба Эллиота и кончиками пальцев нарисовал в воздухе над ним сложный волнообразный знак, который должен был освободить ребенка от дурмана звезд.

— Я буду здесь,— произнес Ип, показывая светящимся кончиком пальца на грудь Эллиота.

И древний ботаник заковылял вверх по трапу. Из люка ему светил внутренний свет Великой Драгоценности, и он почувствовал, как снова в нем загорается миллионами огней сознание Корабля; теперь и его сердце, как и сердце Эллиота, было переполнено не одиночеством, а любовью.

С геранью в руках он вступил в мягкий свет внутри Корабля и в нем растаял.

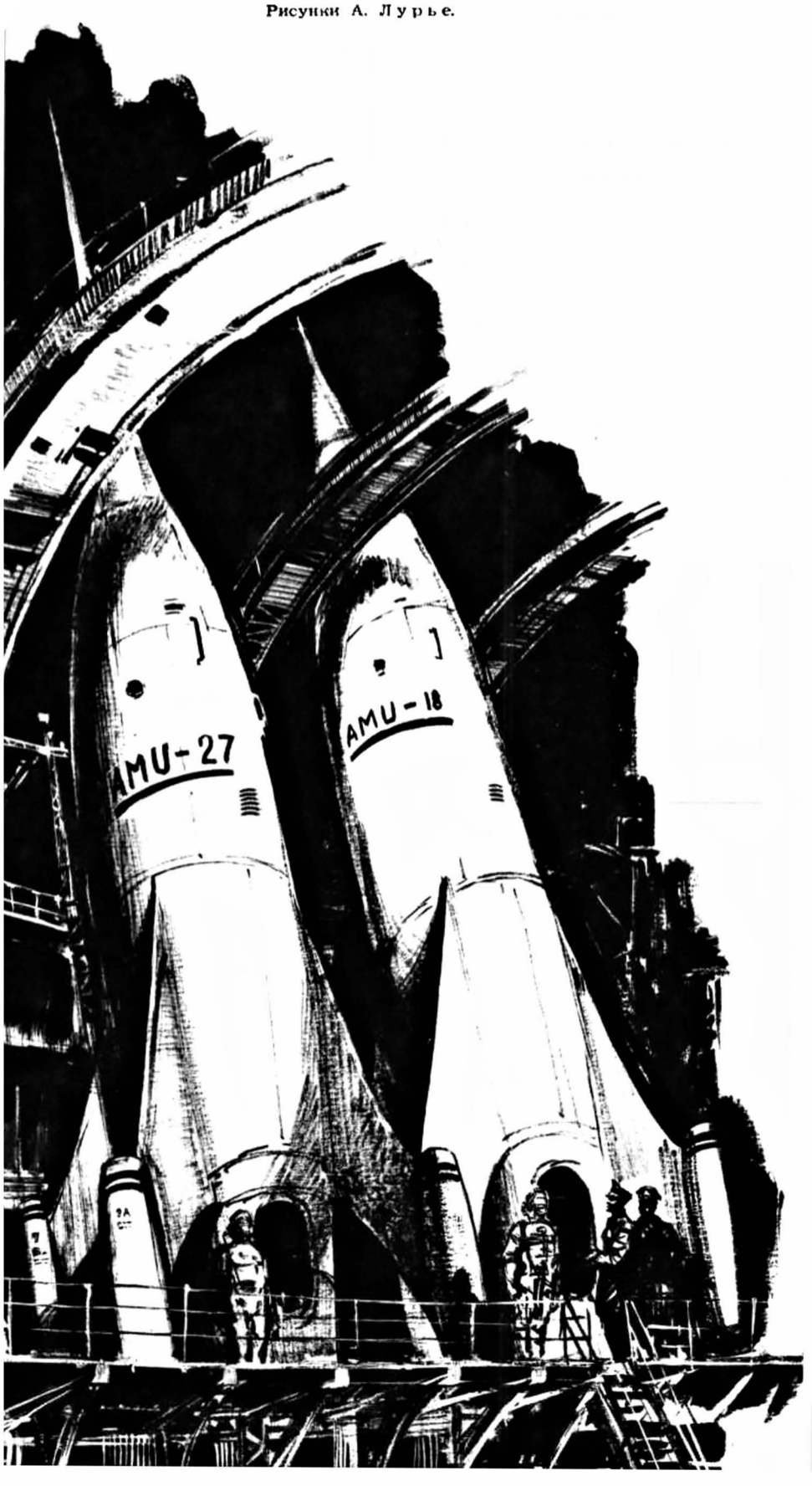
Перевел с английского
Ростислав РЫБКИН.

Станислав ЛЕМ

ИСПЫТАНИЕ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунки А. Лурье.



— Курсант Пиркс!

Голос Ослея Лончки прервал мечты Пиркса о двукроновке, которая, как ему представлялось, лежит в карманчике старых брюк. Серебряная, звонкая, забытая. Еще минуту назад он наверняка знал, что там ничего нет, разве засаленная почтовая квитанция. Но постепенно пришел к убеждению, что монета могла и быть! Когда Ослей Лончка вызвал его, он почти видел, как она оттопыривает кармашек. Можно сходить в кино, и еще полкроны останется. А если только на «Новости дня»,— останется полторы... Крону отложить и на остальное сыграть!..

Лектор заложил по обыкновению руки за спину и спросил:

— Что бы вы сделали, натолкнувшись во время патрулирования на корабль другой планеты?

Курсант Пиркс открыл рот и выдавил глухо:

— Сблизился бы.

Все замерли в предчувствии чего-то более интересного, чем лекция.

— Прекрасно,— по-отцовски изрек Ослей Лончка,— ну, и что дальше?

— Застопорил бы! — буркнул Пиркс, лихорадочно пытаясь вспомнить хотя бы один пункт из «Правил поведения в Пространстве». Послышался шепот курсанта Смиги. И прежде чем смысл подсказки дошел до сознания, Пиркс повторил во весь голос:

— Представился бы.

Курс ахнул как один человек. Ослей Лончка секунду крепился, потом не выдержал — расхохотался. Но быстро взял себя в руки.

— Завтра зайдете ко мне с навигационной книжкой! — И вызвал следующего: — Курсант Берст!

Пиркс уселся. Он не обижался за дурацкую подсказку: такой уж Смига парень — не может упустить случая посмеяться над человеком. Что отвечал Берст, Пиркс не слышал. Берст чертил на доске какие-то кривые, а Ослей Лончка, как всегда, приглушал показатели электронного калькулятора, так что в конце концов отвечавший запутывался в вычислениях. Правила допускали пользование калькулятором, однако Ослей Лончка имел на этот счет собственную теорию: «Калькулятор — тоже человек и может отказать».

По звонку группа чинно покинула аудиторию. Пиркс шел между рядами стеклянных шкафов, заставленных звездными глобусами, и с каждым шагом все больше терял надежду найти в кармане двукроновку.

В вестибюле стояли Берст, Смига и Паярд.

— У тебя завтра пробный полет,— заметил Берст, когда Пиркс поравнялся с ними.

— Порядок,— отозвался Пиркс: так легко он на покупку не шел.

— Не веришь — прочти!— Берст ткнул пальцем в листок на доске объявлений.

На листке черным по белому три фамилии. Среди них: «Курсант Пиркс».

Потемнело в глазах. Потом Пиркс услышал, будто издалека, собственный голос:

— Ну и что? Я же сказал: порядок!

Выйдя из вестибюля, он зашагал по аллее. Интернат находился на противоположной стороне парка, у озера. Правое крыло здания с каменными колоннами возвышалось над водой. Кто-то пустил слух, будто колонны эти доставлены с Луны. Вздор, конечно. Однако первокурсники с благоговением оставляли на камнях свои инициалы. Имя Пиркса там тоже красовалось: выскреб четыре года назад.

Придя в свою маленькую комнату, Пиркс долго колебался, прежде чем открыть тумбочку. Он прекрасно помнил, где лежат старые брюки. Для носки они не годились. Пиркс закрыл глаза, присел у тумбочки, сквозь полуоткрытую дверцу сунул руку и нащупал кармашек. Ну, конечно. Пусто!

• • •

Пиркс стоял на стальном помосте под куполом зала. Обе руки его были заняты. В одной — навигационная книжка, в другой — небольшой сверток: шпаргалка, одолженная Смигой. Пиркс размышлял, будут ли его обыскивать. Это, увы, случалось. Курсанты иногда брали в полеты самые неподходящие вещи — от плоских фляг с вином до жевательного табака и фотографий знакомых девчат. Куда бы засунуть шпаргалку? В ботинок, во внутренний карман комбинезона, в маленький звездный атлас (такие атласы были разрешены)? Неплохо бы запрятать в футляр для очков, но, во-первых, нужен очень большой футляр, а во-вторых, он не носил очков. Немного погодя Пиркс сообразил: если бы носил, не приняли бы в Институт астронавигации.

Наконец послышались шаги.

Инструкторы и Шеф были, как обычно, в полной парадной фор-

ме, а он, курсант Пиркс, в комбинезоне, делавшем его похожим на вратаря регби. С воротника свисали длинные отводы проводов. На шее болтался шланг, заканчивающийся трубкой кислородного аппарата. На плечи давил резервный баллон. В двойной противопотной одежде было ужасно жарко.

Помост задрожал, на него взошел Берст точно в таком же комбинезоне.

— Летишь? — удивился Пиркс.— Тебя же не было в списке!

— Заболел Бренден. Лечу за него.

Берст был не только самым способным на курсе (Пиркс это ему прощал и даже отдавал должное его математическим способностям), но и имел состоятельных родителей. Так что вообще мог не думать о двукроновках, случайно оставшихся в старых брюках. Кроме того, Берст был прекрасным легкоатлетом, прыгал, как черт, чудесно танцевал и... а, да что говорить!

Проходы к люкам преграждали маленькие красные флажки. Пиркс знал, что должен будет отставить флажок, когда его спросят, готов ли он к выполнению задания. А вдруг, убирая флажок, он споткнется о трос и перевернется? Подобные штуки случались. Уж если с кем-то так было, то с ним непременно стрясется. Такой уж он невезучий. Лекторы называли его: ротозей, увалень. Откуда им знать, что он просто фантазер, мечтатель?

Начали с Берста. Это тоже не простая случайность. Вернее, случайность не в пользу Пиркса: уж лучше, как говорится, сразу, чем первничать и ждать вызова.

Вытянувшись в струнку, Берст отвечал быстро, так быстро, что Пиркс ничего не смог разобрать. А когда Шеф обратился к нему, почему-то вспомнилось, что лететь сегодня должны были трое. Где же тот, третий? К счастью, Пиркс все-таки услышал слова Шефа и в последний момент выпалил:

— Курсант Пиркс к полету готов!

— М-да,— протянул Шеф,— курсант Пиркс утверждает, что здоров телом и духом... в границах своих возможностей?

Шеф любил украшать обычные фразы цветочками. Он мог себе это позволить. Он был Шефом.

— На время полета произвожу вас в пилоты,— произнес Шеф.— Задание: старт вертикальный. Выход на эллипс Б-68. На орбите ожидают два корабля типа «ИО-2». Возможная сфера радарного контакта — спутник «ПАЛ». Начальное ускорение — 2,2 «же». Конечное ускорение через 83 минуты — ноль. Не выходя за пределы слышимости, пилотировать оба «ИО-2» в треугольном строю до Луны, выйти в ее экваториальной зоне на временную орбиту и, сойдя с нее, вернуться на постоянную в районе спутника «ПАЛ». Там ждать дальнейших распоряжений.

На курсе поговаривали, что скоро вместо обычных шпаргалок появятся электронные — микромозги величиной с вишневую косточку, которые можно будет запрятать в ухе или под языком. Уж они-то не подведут! Впрочем, Пиркс в это не верил, считая, что тогда и курсантов не будет. Ну, а пока что он был вынужден повторить задание и при этом лишь раз ошибся, перепутав минуты и секунды времени с секундами и минутами долготы. Повторить повторил, но смысл сказанного както не доходил до сознания.

Подавая навигационную книжку, он зажал в левой руке шпаргалку. Устное задание было простой традицией: все записывалось. Шеф вложил конверт с заданием в кармашек под корочкой книжки и, вернув ее Пирксу, спросил:

— Пилот Пиркс к старту готов?

— Готов! — ответил Пиркс. У него было только одно желание: скорей оказаться в кабине и расстегнуть комбинезон.

Шеф отступил на шаг и крикнул величественно, стальным голосом:

— По снарядам!

Пиркс сделал поворот «кругом», споткнулся о трос, в последний момент удержал равновесие и, словно глиняный Голем, вступил на помост. Он был еще на половине пути, когда Берст (сзади похожий не на Берста, а на футбольный мяч) уже входил в свою ракету.

Ухватившись за массивное крепление люка, Пиркс сунул ноги внутрь, съехал по эластичной лесенке, не коснувшись ногой перекладины, и принялся задраивать люк. Тысячи раз приходилось ему это делать на муляжах, на настоящем люке, вынутом из ракеты и установленном в учебном зале.

Пиркс подумал, что Берст, наверное, давно сидит в стеклянном шаре, а он, Пиркс, еще только заканчивает дожимы. А куда спешить? Старт раздельный, с интервалом в шесть минут, торопиться, собственно, нечего. Но все-таки лучше сидеть на месте, включив радиофон: по крайней мере, будут слышны команды, которые передают Берсту. Любопытно, какое задание он получил?

Как только Пиркс замкнул внутренний люк, в кабине автоматически зажглись лампы. Покончив с засовами и рукоятками, он прошел к креслу.

Пилот одноместной ракеты помещается в прозрачном шаре трехметрового диаметра, конечно, не из стекла, а из толстого эластичного пластика. Сквозь стенки «пузыря», как его называли пилоты, видны циферблаты, стрелки, передний экран, задний, боковой, табло обоих калькуляторов и астрографа, траектометр, вычерчивающий на матовом выпуклом диске путь корабля. По обе стороны кресла располагались главные рычаги реактора и рулевых отклоняющих дюз, шесть ручек малого пилотажа, штурвалы разгона и холостого хода. Над самым полом — диск климатической и кислородной аппаратуры, ручки выброса реактора (в случае, если в нем начнется неуправляемая цепная реакция), а под ногами — педали тормозов и реактивный предохранитель, при помощи которого можно выбросить «пузырь» вместе с креслом пилота и парашютами.

Устроившись в кресле, Пиркс с трудом нагнулся, чтобы соединить свисающие с комбинезона трубки, кабели и провода с концами и патрубками сиденья. И, разумеется, перепутал кабель звуковой связи с нагревательным. Об ошибке догадался, когда прошиб седьмой пот. Наконец, откинувшись назад, стал затягивать набедренные пояса. Правый защелкнулся сразу, а левый не поддавался.

В наушниках послышался глухой голос:

— ...Пилот Берст на «АМУ-18»! Старт по звукосвязи в момент «ноль»! Внимание! Готов?

— Пилот Берст на «АМУ-18» к старту по звукосвязи в момент «ноль» готов! — прозвучал ответ.

— Двадцать три до старта. Двадцать два до старта, Двад...— бормотали наушники.

Кажется, однажды было так, что, услышав громовое «Ноль!», стартовали одновременно два курсанта: тот, которому подавалась команда, и тот, который ждал очереди. С того времени запальный кабель включают в последнюю секунду. Это делает сам комендант ракетодрома. Так что счет был обыкновеннейшим блефом.

— Ноль! — рявкнули наушники. В ту же секунду Пиркс услышал приглушенный протяжный гул, кресло слегка качнулось, отблески ламп запрыгали по прозрачной поверхности шара.

И вдруг волосы у него встали дыбом.

«Боже мой! Мне же лететь! Я, я же сейчас полечу!»

Пиркс торопливо стал приводить рычаги в стартовое положение, считая: первый, второй, третий... А где же четвертый? Так. Потом педаль... Красную, зеленую... потом автомат. Так. Или зеленая перед красной?

— Пилот Пиркс на «АМУ-27»! — вывел его из раздумий громовой голос.— Старт по звукосвязи в момент «ноль»! Внимание! Готов?

«Нет еще!!!» — хотел крикнуть Пиркс, но вместо этого пролепетал:

— Пилот Бе... э... пилот Пиркс на «АМУ-27» готов... э... к старту по звукосвязи в момент «ноль»!

Он чуть не сказал «пилот Берст», потому что слова эти четко врезались в память.

Автомат отсчитывал:

— До старта шестнадцать, пятнадцать, четырнадцать...

Пилот Пиркс вспотел. Пытался вспомнить что-то дьявольски важное и не мог.

— ...шесть, пять до старта, четыре...

Пиркс сжал вспотевшими пальцами рукоятку.

Наушники гаркнули:

— Ноль!!!

Рука сама, совершенно сама, потянула рычаг. Что-то взревело. Словно эластичным прессом сдавило грудь, голову. В глазах потемнело. Немного и ненадолго. Когда зрение вернулось, по экранам лилось молоко.

— Ага, пробиваю облака.

Облака исчезли. Небо было пока еще голубоватое, немножко припорошенное чернью. Кажется, виднелись звезды. Звезды ли это? Да, звезды. Стрелки двигались по шкалам приборов, каждая что-то показывала. Надо было все видеть, а глаз только пара.

Рука сама — опять сама! — потянула за нужную рукоять. Скорость — 7,1 в секунду, высота — 201 километр. Заданная кривая старта кончается. Ускорение — 1,9.

Пиркс медленно откинулся на спинку сиденья. Сжал рукоять. Кресло наклонилось. И вдруг Пиркса бросило в жар:

— Где шпаргалка?!

Она валялась под креслом. Ремни, конечно, не пустят. С ощущением человека, летящего в пропасть, Пиркс открыл навигационную книжку, извлек оттуда конверт с заданием. Вскрыл. Где, черт возьми, орбита Б-68? Ага! Вот она!

Он глянул на траектометр и стал постепенно выводить ракету на кривую. Странно! Дело идет на лад!

На эллипсе калькулятор предусмотрительно выдал данные для поправки. Пиркс сманеврировал, сильно затормозив. Десять секунд шел с ускорением минус 3 «же». Ничего не случилось. Физически Пиркс был очень вынослив. («Тебе бы такие мозги, как бицепсы,— говорил Ослей Лончка,— тогда, может быть, будешь настоящим пилотом!») Наконец с поправкой вышел на постоянную орбиту; подал данные калькулятору. Калькулятор молчал. «Ах, черт, забыл подключить кабель!» На диске запрыгали цифры. На орбите! Но период обращения — 4 часа 29 минут вместо 4 и 26. Он не знал, допустимо ли это. Придется отстегивать пояса: ведь шпаргалка под креслом! Неожиданно припомнил слова профессора Кааля: «Орбиты вычислены с погрешностью 0,3 процента». На всякий случай запросил калькулятор. Калькулятор ответил: «Отклонение в пределе допустимого».

«Было бы дельце»,— подумал Пиркс и только теперь по-настоящему огляделся.

Верхний экран — звезды, звезды и коричневый заусенец в нижнем правом углу. Боковой экран — ничего. Только тьма и звезды. Нижний — ага! Изображение заполняло его. Ракета шла над Гренландией. Гренландия ли? Не успел сообразить — снаряд оказался над Северной Канадой. У полюса горели снега, а океан черно-фиолетовый, выпуклый, гладкий, словно отлитый из металла. Удивительно мало облаков!

Взглянул на часы: семидесятая минута полета. Пора ловить радиосигналы «ПАЛа». Пиркс заглянул в листок с заданием и покрутил регулятор настройки. Масса

шорохов, тресков. «ПАЛ»? Каковы его позывные? Напряг слух, взглянул на экраны. «ПАЛа» не было. Ни слуха, ни духа!

Наконец послышался звон.

«ПАЛ» — подумал Пиркс, но тут же отбросил эту мысль.— Идиотизм! Спутник не звенит. А что же тогда звенит? Ничего не звенит. А это что? Авария?!»

Он даже не испугался. Какая авария, если двигатель выключен? Корпус ракеты рассыплется, что ли? Может быть, короткое замыкание? Замыкание? Параграф... А, чтоб тебя!..

Звенит и звенит. Едва доносится попискивание далеких сигналов.

«Как муха в бочке»,— подумал Пиркс, обводя взглядом стрелки и циферблаты. И тут увидел ЕЕ.

Это была огромная муха, черно-зеленая, из той гадкой породы мух, которая и создана-то, чтобы портить людям жизнь. Нахальная, настырная, кретинистая, каким-то чудом (а как же иначе!) попавшая в ракету, она летала за пределами прозрачного колпака, тыкаясь в освещенные циферблаты.

Когда муха приближалась к калькулятору, Пиркс слышал в наушниках гул четырехмоторного самолета. Над верхней рамой калькулятора был микрофон. Резервный, на всякий случай. Таких устройств «на всякий случай» в ракете масса.

«А жаль, нельзя напустить туда какого-нибудь ДДТ!»

Зазвенело так, что он даже поморщился. Муха ползала по калькулятору, чистила крылышки. Ну и поганы!

В наушниках возник ритмичный далекий писк: три точки — тире, две точки — два тире, три точки — тире. «ПАЛ»!

Теперь внимание!

Все четыре экрана перед глазами. На экране радара пусто, однако кто-то кричал в наушники:

— А-семь Терралуна, А-семь Терралуна, сектор III, курс сто тринадцать, вызывает ПАЛ пеленг. Прием.

«Сейчас будут мои ИО»,— растерялся Пиркс.

Муха взвыла в наушниках и исчезла. Спустя секунду она ползала по стеклянному шару.

— А-семь Терралуна, вызываю ПАЛ пеленг...

Послышался писк интеркомма, тонувший в бренчании. Сквозь писк прорвались слова:

— ИО два Терралуна, ИО два Терралуна. Вызываю АМУ двадцать семь, АМУ двадцать семь. Прием.

«Интересно, кого они вызывают? — подумал Пиркс и тут же подскочил в кресле.— Меня!»

«АМУ»,— хотел он крикнуть, но охрипшее горло не пропустило ни звука. В наушниках бренчала муха. Он закрыл глаза.

— АМУ двадцать семь к ИО два Терралуна. Я в квадранте четыре, сектор ПАЛ. Включаю позиционные. Прием.

Пиркс включил позиционные огни — два красных по бокам, два зеленых на носу, голубой на корме — и ждал.

Оба ИО заговорили вдруг сразу. Он включил селектор очередности, чтобы заглушить одного. Но в наушниках опять забренчало. Муха! Ее не отключишь!

«Повешусь!» — подумал Пиркс, совершенно забыв, что в условиях невесомости это немыслимо.

На экране радара появились две точки. ИО! Корабли шли за ним параллельными курсами не далее девяти километров друг от друга. Сфера взаимозапрещенная! Его обязанностью как ведущего было приказать им разойтись на допустимое расстояние — 14 километров. Пиркс уточнял на радаре положение точек, обозначающих корабли, когда на одну из них села муха. Он запустил в насекомое навигационной книжкой. Книжка, не долетев, ударилась в стенку и вместо того, чтобы соскользнуть вниз, отлетела вверх, к куполу прозрачного шара. Проклятая невесомость! А муха даже не подумала улетать.

— АМУ двадцать семь Терралуна к ИО два, ИО два бис. Вижу вас. Перейти на параллельные курсы с поправкой ноль запятая ноль.

Точки на экране радара начали медленно расходиться. Навигационная книжка плавала над головой, трепеща страничками. Жужжала муха.

Да! Такое могло стрястись только с ним. Муха! Пиркс представил себе, как смеялись бы Смига с Берстом, узнав об этой проклятой мухе. Однако размышлять было некогда: они летели тройкой уже пять минут.

— АМУ двадцать семь к ИО два, ИО два бис Терралуна. Двадцать ноль семь. Маневр выхода на параболу. Начинаем в двенадцать десять. Курс сто одиннадцать,— читал он по листку, который минуту назад удалось акробатическим трюком поймать в воздухе.

Корабли ответили. «ПАЛа» уже не было видно. Неожиданно жужжание словно раздвоилось. Пиркс протер глаза. Ну да! Их уже две! Откуда взялась вторая? «Сейчас они меня доконают,— подумал он совершенно спокойно,— стоит ли горячиться и портить нервы?»

Пиркс посмотрел на часы: пора начинать маневр. Вглядываясь в траектометр, схватил обе рукоятки, пошевелил левой, потом правой. Глухо отозвался двигатель. Что-то засвистело над головой. Навигационная книжка ударила прямо в лоб, под самый обрез шлема, закрыла лицо. Отстранить ее невозможно: заняты руки. В наушниках — любовное жужжание мух на калькуляторе. «Обязаны давать в полет револьвер»,— подумал Пиркс, чувствуя, как под действием растущего ускорения навигационная книжка расплющивает нос. Он должен, должен увидеть траектометр!

Наконец книжка с треском упала на пол. Конечно! Ускорение почти 4 «же». Пиркс сбавил его, установив фиксаторы на 2 «же». А мухи? Им хоть бы что! Пиркс глянул на диск радароскопа. Оба ИО шли за ним, отстав километров на восемьдесят.

Два «же» — ерунда. Пиркс сейчас весил всего сто сорок два килограмма. Мелочь. Во время испытаний приходилось по полчаса высиживать в лабораторной центрифуге при 4 «же». Конечно, приятного мало: руки, ноги, голова словно свинцовые.

Проверив по радару положение следующих за ним кораблей, Пиркс подумал о Берсте. Киногерой! Прямой нос, глаза серые. И, уж конечно, без шпаргалки. Положим, и ему шпаргалка не пригодилась.

Бренчание в наушниках ослабло: мухи прогуливались по поверхности шара. Мерзость!

— Порыв восемь Ареслуна вызывает треугольник Терралуна. Вы на сходящемся курсе. Прошу отклониться. Прием.

«Болван, идет напрямую. Видит же: я в строю!»

— АМУ двадцать семь, ведущий треугольник Терралуна, вызывает Порыв восемь Ареслуна. Иду в строю, курса не меняю. Произведи обходный маневр. Конец.

Где этот нахальный Порыв? Вот он! Не дальше полутора тысяч километров.

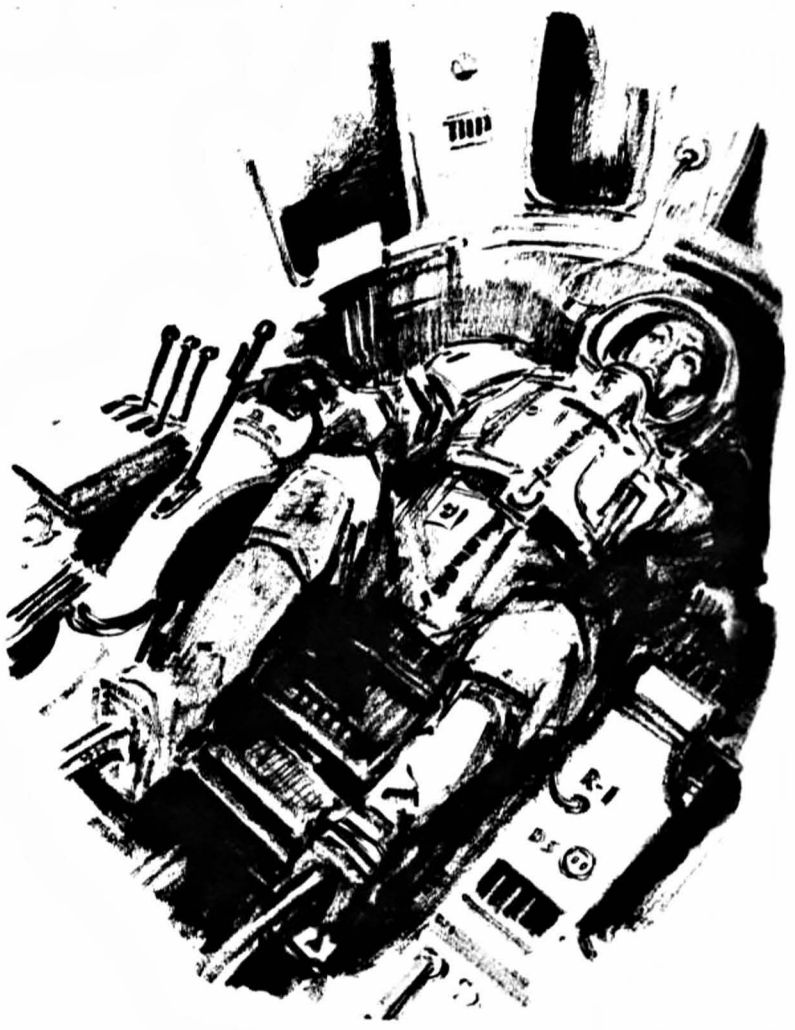
— Порыв восемь к АМУ двадцать семь Терралуна. У меня пробит гравитационый распределитель. Немедленно произведите обходный маневр. Прием.

— АМУ двадцать семь к Порыву восемь. Произвожу маневр обхода. Отклонение северное, сектор Луна один ноль запятая шесть.— Говоря это, Пиркс включил отклоняющие дюзы.

Оба ИО тотчас ответили, сдвинулись; звезды поползли по экрану. Порыв благодарил. Пиркс пожелал ему счастливой посадки. Это считалось хорошим тоном. Потом возвращение на орбиту. Ужас! Нет ничего легче, чем сойти с курса. А вот вернуться, найти нужный кусочек параболы! Почти невозможно. Калькулятор бесполезен: по нему ползают мухи.

С трудом минут через двадцать все-таки вышли на первоначальный курс.

«А у Берста, наверное, дорожка как пылесосом вычищена. Э, не все ли равно!» — Пиркс включил автомат редуктора и вдруг увидел такое, от чего его противопотный костюм стал мокрым. Белая крышка распределительного щита миллиметр за миллиметром сходила с зажимов. Видимо, зажимы ослабли во время рывков. Ускорение все еще превышало 1,7 «же», и крышка сползала, словно кто-то тянул ее, привязав невидимой ниткой. Наконец соскочила. Заблестели провода высокого напряжения.



«Чего я, собственно, испугался? — подумал Пиркс.— Велико дело! С крышкой, без крышки, не все ли равно?»

Однако беспокойство росло: сейчас отскочила крышка; потом, чего доброго, отлетит корма! Впереди еще двадцать семь минут полета с ускорением...

Пиркс поискал взглядом мух. Они кружили по поверхности шара, потом уселись на предохранители. Глянул в радароскоп: оба ИО на курсе. На переднем экране — огромный, в полнеба, диск Луны. Попробовал отыскать на внешнем склоне Архимеда станцию «Луна-главная». Но с корабля возможно было заметить только разутюженную поверхность ракетодрома с сигнальными огнями, да и то ночью. Сейчас же Ар-

химед был залит солнечным светом. Луна выглядела так, словно на нее никогда не ступала нога человека. От Лунных Альп на равнину моря Дождей ложились длинные тени.

Лунный диск медленно рос на экране, вытесняя черное небо.

Странно: мухи уже не жужжали. Пиркс глянул в сторону и обмер: одна из них, сидя на предохранителе, спокойно чистила крылышки. В нескольких миллиметрах от нее поблескивал провод.

Покончив с туалетом, муха поползла по голому проводу. А вдруг ей заблагорассудится перелететь на другой? Так оно и случилось. Зажужжав, муха уселась на крайнюю медную жилу. Не было ей другого места! А если передние лапки окажутся на одном проводе, а задние на другом? Ну и что же! В худшем случае произойдет короткое замыкание. Тогда на миг автомат выключит ток, муха сгорит, ток снова включится. Все пойдет своим чередом, а с мухой будет покончено!

Словно загипнотизированный, глядел Пиркс на коробку высокого напряжения. Короткое замыкание! Черт его знает, что может случиться. Еще восемь минут с убывающей тягой будет работать двигатель. Потом все!

Пиркс как раз смотрел на часы, когда что-то блеснуло и лампы погасли. «Муха!» — пронеслось в голове. Затаив дыхание, он ждал, когда автомат включит ток. Автомат сработал. Лампы зажглись слабым оранжевым светом. И тотчас автомат снова выключил ток. Включил. Выключил. И так без конца. Что такое? Пиркс разглядел в мимолетных вспышках: от мухи — скотина, втиснулась-таки между проводами! — остался обуглившийся трупик, соединяющий оба кабеля.

Нельзя сказать, чтобы Пиркс был очень испуган. Возбужден? Да. Но разве с момента старта он был хоть минуту спокоен? До отключения моторов оставалось четыре минуты. Тут беспокоиться нечего: автомат редуктора сам выключит двигатель. Холодный ручеек вдруг побежал по спине: как же автомат выключит? Ведь короткое замыкание! Но реактор? Реактор ведь обособлен?.. Реактор да. Но не автомат. Конструкторы не учли, что в кабину может попасть муха, что крышка соскочит и будет замыкание — такое замыкание!

Лампы мигали беспрерывно. Надо было что-то делать. Но что? Ясно. Перекинуть главный рубильник. Тут, под ногами, за креслом. Рубильник выключит основную проводку и подключит аварийную. И все будет в порядке. Не так уж глупо сконструирована ракета. Все предусмотрено.

Интересно, Берст тоже вот так бы быстро сообразил? Надо думать, да. А может быть?..

Пиркс подскочил. Совсем забыл про ИО. Он не успеет произвести маневра.

— АМУ двадцать семь, ведущий Терралуна, к ИО два, ИО два бис. У меня на борту замыкание. Маневр выхода на временную орбиту над экваториальной зоной Луны произведу с запозданием... э... на неопределенное время. Производите маневр одни. Прием.

— ИО два бис к ведущему АМУ двадцать семь Терралуна. Маневр произвожу совместно с ИО два. У тебя в запасе девятнадцать минут до диска Луны. Желаю успеха. Конец.

Пиркс еле дослушал. Открутил кабель радиофона, кислородный шланг. Встал. Автомат редуктора загорелся рубином — кабина то выплывала из тьмы, то погружалась в темно-оранжевый свет.

Двигатель не выключился. Красный огонек смотрел на Пиркса из полутьмы, словно прося помощи. Послышался мерный гул — аварийный сигнал.

Главный рубильник находился в кассете, вмонтированной в пол. Кассета замкнута. Конечно. Где ключ? Ключа не было. Пошарил еще раз. Нету! Поднялся. Взглянул на экраны. В переднем горел уже не серебристый, а белый, как горный снег, огромный диск полной Луны. Зубчатые тени кратеров ползли по поверхности. Послышался писк радарного альтиметра. Из полутьмы выскакивали зеленые цифирки. До поверхности оставалось двадцать одна тысяча километров. Луна притягивала с каждым мгновением все сильнее.

Что делать? Что делать?

Пиркс ударил ногой по крышке кассеты. Сталь не дрогнула.

Боже! Как он мог забыть! У самого входа, там, где прозрачная стена переходит сужающимся туннелем во входную воронку, есть специальный рычаг под табличкой: ТОЛЬКО В СЛУЧАЕ АВАРИИ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЯ. Достаточно его повернуть — и «пузырь» поднимется почти на метр. Можно будет пролезть на другую сторону! А там каким-нибудь изолятором он очистит провода и...

Пиркс одним прыжком оказался у красного рычага. Потянул так, что захрустело в суставах. А шар даже не дрогнул. Пиркс тупо смотрел на «пузырь» и видел в глубине экранов пылающую Луну. Огни мигали над головой. Он дернул рукоять еще раз. Впустую...

Ключ! Ключ к кассете рубильника! Пиркс рухнул на пол, заглянул под кресло. Шпаргалка. И больше ничего!

Лампы неустанно мигали. Предохранитель мерно выключал ток.

«Конец! — пронеслось в голове.— Выброситься вместе с «пузырем»? Бессмысленно. Парашюты не сработают. У Луны нет атмосферы».

Хотел крикнуть: «На помощь!», — но некого было звать. Что делать? Должен же быть выход.

Снова подскочил к рукоятке — чуть не вывернул руку. От бессилия хотелось плакать. Так глупо, так глупо... Где ключ? Почему отказал механизм? Альтиметр: девять с половиной тысяч километров. На раскаленном фоне четко вырисовывались скалистые пилы Тимохариса. Показалось, что видит место, куда врежется корабль. Удар, взрыв и...

Взгляд упал на распределительный щит. Там чернела оставшаяся от мухи кучка пепла, соединявшая провода.

Выставив плечо, Пиркс бросился вперед. Страшный удар. Стенки шара отбросили его на пол, словно надутую автомобильную камеру. Он снова вскочил на ноги, тяжело дыша, с кровоточащими губами, и опять кинулся на прозрачную стену. Результат тот же.

Взглянул вниз: рычаг малого пилотажа для кратковременных ускорений, порядка 10 «же». А что, если?..

Пиркс бросился на рычаг; падая, ухватился за него, дернул. Его ударило об пол. Потянул еще раз. Мгновенный толчок ракеты. Головой стукнулся о кресло. Если бы не пенопластик шлема, череп бы лопнул.

Предохранитель щелкнул. Мигание неожиданно прекратилось. Кабину залил ровный, спокойный свет ламп.

Двойной удар мгновенных ускорений вытряхнул обуглившийся трупик мухи из зазора между проводами. Замыкание ликвидировано. Чувствуя привкус крови на губах, Пиркс бросился в кресло, словно нырнул с трамплина.

Начавший действовать автомат выключил двигатель. Ощущение тяжести исчезло. Теперь корабль летел по инерции, словно камень, падая на скалистые обломки Тимохариса.

Альтиметр: тысяча восемьсот километров до поверхности. Успеет ли затормозить? Исключено! Сорок пять километров в секунду! Надо свернуть, выйти из пикирующего полета. Только так! Полная тяга на отклонение! Горящий ртутью, словно впаянный в экран, диск дрогнул и все быстрее начал сдвигаться вниз. Кресло скрипело под растущей тяжестью тела. Корабль выходил на кривую над самой поверхностью Луны. Рукоятка стояла твердо, дожатая до конца. Пиркс задыхался. Ребра вдавливало внутрь, серые круги плавали перед глазами. В радарном альтиметре прыгали цифры: 990, 900, 840, 760 километров...

Пиркс знал, что из двигателей выжато все, и все-таки пытался еще хоть немного дожать рукоятку. Высота уменьшалась. Краем глаза он глянул на траектометр. Диск аппарата, кроме кривой, по которой шел корабль, и ее пунктирного продолжения, показывал профиль лунной поверхности. Обе кривые — полета и лунной поверхности — почти сходились. Пересекались ли? Нет. Вершина кривой намечена пунктиром, и было неясно, проскользнет ли корабль над поверхностью, или врежется в нее. Траектометр работал с ошибкой в семь—восемь километров, и Пиркс не мог точно определить, пройдет ли кривая в трех километрах над скалами или под ними.

В глазах потемнело: 5 «же» делали свое дело. Он судорожно стискивал рычаги, чувствуя, как поддаются под его весом амортизаторы кресла. Губы не слушались, и он отсчитывал, не шевеля ими: двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре... На пятидесятой секунде блеснула мысль: сейчас удар, если вообще он будет!

Ему стало плохо: удушье, звон в ушах, в глазах кровавый туман. Пальцы сами отпустили рукоятку. Ничего не слышно, не видно... Постепенно начало светлеть. Дышать стало легче.

На гравиметре 2 «же». Передний экран пуст: звездное небо, от Луны ни следа. Куда девалась Луна? Луна внизу, под ногами. Из смертельного пике его выбросило вверх, и теперь корабль отдалялся от Луны, постепенно уменьшая скорость. Как близко он прошел над поверхностью? Альтиметр зафиксировал. Но сейчас в голове другое. Только теперь Пиркс уразумел, что аварийный сигнал, гудевший все время, умолк. Дорого же он обходится, этот сигнал. Уж лучше под поголом повесить колокола. Коль могила, так могила!

Что-то тихонько забренчало в наушниках. Муха! Вторая муха! Жива, сволочь!

Он застегнул ремень предохранительного пояса, положил руки на рычаги. Что же, придется сообщить об аварии. А может быть, умолчать? Черт его знает! Нет, надо сообщить. Ведь регистратор записал все на ленту: и порчу механизмов и борьбу с аварийным рычагом.

Однако пора радировать. Кому, он понятия не имел. Отстегнул ремень, полез за шпаргалкой. В конце концов, почему бы не заглянуть? По крайней мере хоть теперь пригодится.

И тут он услышал, как что-то скрипнуло, словно открывали какие-то двери. Никаких дверей не было — это он знал. И все-таки на экран упала полоска света. Звезды поблекли, и Пиркс услышал знакомый голос:

— Пилот Пиркс!

Пиркс попытался встать, но упал. Показалось, что сходит с ума. Между стеной кабины и прозрачной оболочкой «пузыря» появился Шеф. Остановился перед Пирксом, взглянул на него и улыбнулся!

Пиркс не понимал, что происходит.

Прозрачная оболочка поднялась вверх. Он судорожно принялся отстегивать пояс. Экраны за спиной Шефа неожиданно погасли.

— Очень хорошо, пилот Пиркс,— сказал Шеф.— Очень хорошо.

Ничего не понимая, Пиркс вытянулся перед Шефом, как этого требовал устав, и вдруг совершил кощунство: отвернулся, насколько позволял наполовину надутый воротник.

Проход вместе с люком отодвинулся в сторону, словно ракета раскололась пополам в этом месте.

В вечернем полумраке был виден помост, стоявшие на нем люди, тросы, фермы. Пиркс, полуоткрыв рот, глянул на Шефа.

— Иди сюда, парень,— сказал Шеф, медленно протягивая ему руку. Пиркс машинально пожал ее.

— Благодарю за службу,— Шеф сильно сжал руку Пиркса,— а от себя прошу прощения. То есть... ну да. А теперь пойдем. Ко мне.— И он повернулся, чтобы уйти.

Пиркс пошел следом, ступая тяжело, неуверенно.

Было холодно. Дул слабый ветер, проникающий в зал сквозь полураздвинутую часть крыши.

Оба корабля стояли на прежних местах. Так это было только наземное испытание?! Все как в настоящем полете, но... на земле...

Инструктор сказал что-то Пирксу. Сквозь шлем не было слышно.

— Что? — переспросил Пиркс.

— Воздух! Выпусти воздух из комбинезона!

— А, воздух...— Он нажал вентиль. Зашипело.

Люк второго корабля был открыт. Раздался слабый треск, и из люка выпал какой-то коричневый, неясный клубок, давясь криком. С головы сорван шлем; бледное, без кровинки, лицо...

Этот человек...

Берст врезался в Луну.

Сокращенный перевод с польского

Е. ВАЙСБРОТ.

Весела ЛЮЦКАНОВА

КЛОНИНГИ

Лабиринты

1

Мы жили одни, в полной изоляции, что казалось мне вполне естественным до той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Мы были похожи друг на друга, как две капли воды, и, хотя меня всегда это смущало, я считал это вполне естественным до той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Наши изнурительные занятия в лабораториях, лекции, где подчеркивалась огромная роль нашей работы и значение ошибок, которые могли бы стоить нам жизни, полное молчание по некоторым вопросам, стерилизационные камеры на этажах — чем ниже, тем выше степень стерильности, сигнальные установки, реагирующие на малейшее загрязнение нашей одежды, микроскопы, шифровальные устройства, системы дистанционного управления, и наши воспитатели с различными лицами, волосами, руками, походкой — все это с детских лет казалось мне вполне естественным до той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Иногда я задавал себе вопрос, почему все это так, мне хотелось задать и более конкретные вопросы нашим непогрешимым ЭВМ, но все время что-то мешало, а потом меня вызывал доктор Андриш, внимательно осматривал, предлагал длинные и запутанные тесты и недовольно качал головой. Но когда я пошел за доктором Зибелем, я почувствовал, что иду к истине, и не было силы, которая заставила бы меня свернуть с этого пути. И все-таки хорошо, что Зибель ни разу не оглянулся. Погруженный в свои мысли, он не заметил меня в освещенном до белизны коридоре, потом — в лифте, который уносил нас вверх, и в мягком зеленоватом свете следующего коридора, а я неотступно следовал за ним, и толстый ковер впитывал в себя звук моих шагов. Поговаривали, что его жена при смерти, а у него нет возможности ее повидать, и это отравляло его существование. Говорили еще, что она... Но чего только не скажут люди! Когда-то давно я видел его жену. Зибель совсем ушел в мысли о своей жене и, не оглянувшись, прямо на моих глазах нажал на что-то в полу, в стене появилась дверь, за которой он тотчас скрылся. Потом и дверь исчезла. Я искал ее глазами, пальцами ощупывал стену, разглядывал каждый миллиметр пола и в конце концов разобрался в ее механизме. Казалось, что сердце вот-вот лопнет, руки тряслись, как под действием электрического тока. Я закрыл глаза, прижался спиной к стене и попытался успокоить сердцебиение. Прошла минута, две — удары сердца стали более ровными, руки неподвижно застыли на моем белом халате, я подавил нетерпение и весь превратился в трезво оценивающую мысль. Я должен ждать. Сейчас Зибель был в тайном кабинете. Внимательно осмотревшись, я встал на колени и скальпелем, который был у меня в кармане, сделал на ковре знак, маленький, едва заметный крестик, и от него на обоях пометил весь свой обратный путь. Я ушел. Но ненадолго.

2

Считал ли я все, что нас окружало, естественным до той минуты, когда пошел за доктором Зибелем? Глупости! Я просто приказал себе ни о чем не думать. Я подавил это глубоко в себе. И вдруг я мысленно вернулся в прошлое и стал вспоминать.

В четыре года я расцарапал лица другим мальчикам. Меня поймали на месте преступления и наказали. Долго держали в изоляции, больше месяца. Мне приносили еду. Время от времени приходил доктор Андриш. Или сам доктор Зибель. Я беседовал с ними. Расспрашивал об этой нашей ужасающей схожести. Они говорили мне, что когда-нибудь я все узнаю. Они позовут меня к себе и все объяснят. С тех пор прошло много лет. Ни тот, ни другой не позвали меня.

В семь лет я разбил все зеркала в общих комнатах. Вполне сознательно. И вполне сознательно не тронул зеркала в своей собственной комнате. Нас всех построили, допрашивали, угрожали, били. А потом... повесили новые зеркала. Только в туалетах. Тогда я впервые осознал их бессилие. При каждом удобном случае я старался отделиться и подолгу наблюдал за нашими воспитателями, рассматривая их так, как рассматривают клетку под микроскопом, с пристальным вниманием и надеждой раскрыть тайну.

В десять лет я узнал о происхождении видов и почувствовал, что близок к истине. Какое заблуждение! Мне нравилась наша повариха, я пробирался в кухню, усаживался рядом и разглядывал ее. Она пугалась, все расспрашивала, кто я такой, боялась дотронуться до меня, совала мне в руки какое-нибудь лакомство и ласково выставляла за дверь. У нее были красивые глаза, и рядом все время вертелся молодой Хензег. Может быть, как раз тогда я возненавидел его; она нежно встречала его, обнимала за шею и забывала о моем существовании. Но Хензег своим хищным взглядом всегда находил меня, тащил за руку по лестнице, выволакивал на верхний этаж и грозился расправиться со мной, если еще раз увидит внизу. И расправился бы, если бы не просьбы девушки. А наверху Хензег уже не мог отличить меня от остальных.

Потом девушка исчезла. И больше я о ней ничего не слышал.

Нас будили электронные часы. Мягкие женские голоса приглашали нас в физкультурный зал. Под звуки музыки и бесплотный мужской голос мы выполняли сложные физические упражнения. В столовой нас ожидали накрытые столы. После нашего ухода двери плотно закрывались, и за ними начиналась какая-то суета. Слышались голоса, шаги, смех, но мы послушно спускались в лаборатории на очередное занятие по биохимии. Зибель распределял нас на группы. Руководили нами молодые мужчины одинакового роста, одетые в одинаковые белые халаты, с белыми масками на лицах и в огромных темных очках, которые скрывали их глаза. Их голоса, ровные, безразличные, всегда звучали одинаково. Мы не задавали вопросов, не было смысла.

Доктор Зибель, доктор Хензег и доктор Андриш — три человека, с которыми мы могли свободно разговаривать.

3

Теперь я знал что-то очень важное, о чем другие не подозревали. И это сразу выделило меня среди остальных. Я не мог спать. Утром вставал раньше всех и до начала занятий ходил в одиночестве по коридорам, следил, выжидал, затаив дыхание, подслушивал, прижимая ухо к стене. Как можно скорее я хотел добраться до истины. Я был уже близко, чувствовал ее. И чем ближе я к ней подходил, тем осторожнее должен был себя вести. Иногда я следил и за Хензегом, но Хензег ни в чем не походил на Зибеля. Он сразу чувствовал мое присутствие. Несколько раз я врывался к доктору Андришу, неожиданно и в самый неподходящий момент. Старый, усталый доктор Андриш! Он охотно давал мне лекарства, которые я просил, и ни разу ни в чем не заподозрил. Я пытался втянуть его в разговоры о жизни, о людях, о различиях между ними, но доктор ограничивался вопросами о своем здоровье.

У Зибеля был тайный кабинет, эта мысль не давала мне покоя.

Что он скрывал? И от кого? Знал ли кто-нибудь о его существовании? Может быть, даже Хензег не знал?

Этот Хензег, высокий и сухощавый, подвижный, с молниеносными реакциями, постоянно был рядом с нами. Он в любое время появлялся в лаборатории или в спальне, всегда присутствовал на наших осмотрах у доктора Андриша, а потом долго оставался в его кабинете, и они разговаривали, разговаривали... Часто посещал лекции доктора Зибеля, а потом, оставшись наедине, они о чем-то спорили. Сейчас я стремился понять истинную роль Хензега. И мне кажется, я понял: он был чем-то вроде фонендоскопа доктора Андриша, приставленного к нашим сердцам, вроде металлических пластинок, прижатых к нашим вискам. Таким был Хензег. Все остальные с благодарностью принимали его заботу, я и сам, хотя и без благодарности, принимал ее вплоть до минуты, когда пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Но после этой минуты все изменилось.

Моя работа была полна загадок. В герметическом костюме, простерилизованный до последнего волоска на голове, я спускался в камеры, где ставились опыты, изучал возможности живых организмов и их приспособляемость, а потом закладывал программы в наши ЭВМ, и полученные данные куда-то исчезали, возможно, они оказывались в тайном кабинете Зибеля, где производились обобщения и выводы, и куда я собирался проникнуть, чтобы завладеть истиной, какой бы она ни была.

Несколько моих попыток проникнуть в тайный кабинет Зибеля оказались безуспешными. Но я не терял надежды.

4

У нас были занятия с Зибелем. Он строил наши характеры медленно, методично, по строго определенной схеме. Первые пятнадцать минут он учил нас отдавать жизнь науке. (Как будто у нас был выбор!) При этих словах его лицо вспыхивало, в голосе появлялись высокие ноты.

Итак, у нас были занятия с Зибелем, я воспользовался переменой, оторвался от группы и бросился бежать. Я весь дрожал и постоянно оглядывался. Ужасно боялся, что кто-нибудь остановит меня на пороге моего открытия. Я должен узнать — потом пусть меня наказывают, как хотят, пусть меня убьют, но прежде я должен узнать! Уже прошло несколько суток с той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся. Было несколько неудачных попыток. И сейчас, встав на колени, я искал маленький знак, оставленный моим скальпелем. Я так волновался, что с трудом его нашел. На мгновение я застыл — от радости или от страха, потом наступил на отмеченное место, в стене мелькнула та же самая дверь, и я очутился в обычной комнате. Такие же, как везде, стены и шкафы, такие же экраны и полки с книгами, та же самая простая пластиковая мебель. Почему же тогда о существовании комнаты никто не должен знать? И все-таки эта комната в чем-то была другой, хотя ее отличие не сразу бросалось в глаза. Вглядевшись внимательнее, я понял, что другой была большая карта на стене, зеленая, с какими-то темно-коричневыми линиями и темно-коричневыми кружочками со странными названиями: я попытался прочитать некоторые из них, но ничего не понял; в левом нижнем углу я увидел большой красный круг и слово, написанное большими красными буквами, которое сразу привлекло мое внимание,— клонинги. Что это такое? Повторив его несколько раз, я вдруг начал понимать, что оно каким-то образом связано с нами, что это слово раскроет мне что-то новое и страшное. Я схватил с полки первую попавшуюся книгу — большинство слов в книге мне было незнакомо. Я схватил

другую книгу — те же непонятные слова, вытащил третью, лихорадочно перелистал страницы, потом четвертую... Я ничего не мог понять, ни во что не мог вникнуть, только тупо листал страницы очередной книги и тупо рассматривал иллюстрации, на которых люди совсем не были похожи друг на друга, они были черноволосые и синеглазые, высокие и низкие, толстые и худые. Я спрятал под одеждой одну из книг. Перерыл все ящики письменного стола Зибеля. Ничего. На папках стоял непонятный шифр. И я застыл на месте, облокотившись на гладкую поверхность стола, беспомощный, злой и сбитый с толку.

Но я не должен сдаваться.

Я снова начал осмотр комнаты. Карта, незнакомое слово «клонинги», тусклые экраны, книги, раскрытые папки, зияющие ящики, пол, неподвижный и целый, а наверное, он может двигаться, раскрываться, подниматься и опускаться. У меня оставалось еще двадцать минут. Целая вечность. Я нашел скрытый в стене сейф, портрет госпожи Зибель, которая смотрела на меня с улыбкой, затаенной в уголках губ, и шкаф, на котором никелированными буквами было выведено все то же незнакомое и тревожное слово — «клонинги». Кто это такие? И почему я постоянно связывал их с нами? Смутная догадка молнией прорезала мой мозг. И в этот момент...

5

Я уже все понял, когда Зибель положил мне руку на плечо и сказал:

— Кто много знает, скоро умирает.

Он смотрел на меня сквозь очки пронизывающим взглядом зеленых глаз, которые менялись, темнели и, отражая свет, утрачивали свой блеск, а потом вдруг снова загорались, и я страшно ненавидел его за эти вечно меняющиеся глаза, в которых прятались темные мысли и страшные тайны. Они пугали меня.

— Я согласен.

— На что ты согласен, мой мальчик?

— Знать все — и умереть.

Глаза Зибеля еще больше позеленели, сузились.

— Но ты должен умереть, прежде чем выйдешь из этой комнаты.

Пальцы Зибеля жестко впились в мое плечо. Он был очень сильным, наш доктор Зибель. Но сейчас он выглядел обеспокоенным. Каким-то до невозможности рассеянным. И он не был опасен.

— Как ваша супруга, доктор Зибель?

Он вздрогнул, отвернулся к стене, с которой смотрели на меня ее задумчивые глаза, и снова мелькнуло видение детства — вот она идет по коридору, живая, теплая, гибкая.

— Она очень красивая,— сказал я и с трудом перевел дух, а он грустно улыбнулся, и глаза его снова потемнели.

— Она не просто красива,— ответил доктор,— в ней есть что-то свое, что отличает ее от остального мира и делает для меня самой красивой. Наши девушки — это только клонинги от «Мисс Европы».

— А кто наш отец?

— Ваш отец?

Зибель уже не видел меня, он вернулся в прошлое, смягчился, стал совсем другим, каким я его не знал. Он медленно наклонился над перевернутыми ящиками, словно хотел схватиться за них, чтобы не потерять равновесие. Порывшись в ящике, доктор извлек какую-то фотографию, и я вдруг увидел знакомое лицо, во всем повторяющее мое, или, вернее, мое лицо было точной копией этого лица. Дрожащими пальцами я взял карточку, вытер ладонью выступивший на лбу пот и судорожно сглотнул скопившуюся слюну.

— Вот он, большой ученый, один из самых великих лет тридцать назад. Когда-то я был его ассистентом. И даже любил его...— Голос Зибеля неожиданно сорвался.

Я взглянул на него: его руки дрожали. Почему? Вероятно, сейчас я выглядел так, как в то время выглядел мой отец. И, наверное, через тридцать — тридцать пять лет я буду его точной копией. Я смотрел на свое собственное лицо, измененное годами волнений, забот, раздумий. Я уже любил своего отца, как будто не было этих двадцати лет, как будто я рос на его глазах и каждый день он бывал со мной, учил меня говорить, ходить, писать. В одну минуту я вообразил себе другое детство, другую юность. И совсем другое будущее.

— А он... о нас знает?

— Глупости!— нервно засмеялся Зибель.— Как он может знать? Да он такое бы устроил! Произошла катастрофа, мы кое-как подлатали его и взяли из его кожи сотню соматических клеток, столько, сколько нужно было для вашего рождения. Трудности начались потом, когда нужно было найти сто беременных женщин, извлечь их собственные зародыши и ввести вас. И еще труднее стало через девять месяцев, когда мы постарались освободить их от чужого бремени, а они и не подозревали, что они нужны.

— А эти наши матери?— Я старался тянуть время.

— Матери? Им было сказано, что у них родились мертвые дети.

— Но ведь они все разные?

— Если бы ты так не волновался,— заметил Зибель,— ты бы понял, что это не имеет никакого значения, ведь они выполняли лишь роль инкубатора. У вас есть только отец, и его вы повторяете во всем. Мы растили вас в условиях, в которых рано развиваются необходимые для науки качества. Просто сэкономили массу времени.

— Для кого?

Зибель улыбнулся и не счел нужным отвечать на мой вопрос. Просто и без всякого пафоса он сказал:

— Когда-то ваш отец сам занимался этим явлением — клонированием, но потом отказался.

— Почему?

— Испугался бессмертия... Мальчик мой,— его голос обволакивал лаской и нежностью,— мы стоим на пороге великого переворота, который изменит мир. Мы можем создавать людей по собственному желанию. Если нам нужна будет сотня таких, как ваш отец, мы их получим. Если нам потребуется, мы будем иметь сто Эйнштейнов, сто Ньютонов, можешь ли ты осознать неограниченные возможности клонирования людей. Ты только представь себе... Осознав свою великую миссию, они станут счастливыми.

— Счастливыми?— Я все больше ощетинивался.— А вы счастливы, доктор Зибель? И как вы думаете, я счастлив?

В этот момент вспыхнул экран в стене, появилось лицо молодой женщины, и ее мелодичный голос сообщил:

— Доктор Зибель, к генералу Крамеру. Вас ждут через пятнадцать минут.

— Принял!— Доктор Зибель нажал на какую-то кнопку, и экран погас. Руки доктора беспокойно шарили по письменному столу, а я внимательно следил за ними.— Пока сто таких ученых, как вы, стоят одной жизни, стоят жизни... Если бы с Еленой все было в порядке, я был бы самым счастливым человеком, а что до тебя, мой мальчик, с тобой покончено...

Его руки продолжали шарить по столу в поисках чего-то, чего не находили.

— Для великой миссии я не имею значения.— Я торопился выплеснуть свою злобу, пока меня не поглотил этот коварный пол, готовый развернуться под моими ногами в любую минуту, пока меня не ударила вольтовая дуга, которая в любую минуту могла вспыхнуть между стенами, пока меня не прикончило что-нибудь другое, о чем я не подозревал.— Но почему вы не создадите себе новую Елену Зибель тем же способом, каким сделали нас? И тогда вы были бы счастливы, не правда ли? Почему вы не создали снова вашу Елену?

Зибель схватился за голову. Он страшно побледнел — я ударил его по самому больному месту. Он хотел что-то сказать, но изо рта вырвался лишь хрип. Я смотрел на него и трезво рассуждал.

Если я хочу остаться в живых, я должен бежать. А я хотел жить. Именно сейчас хотел. Я осмотрелся, подошел поближе, схватил со стола микроскоп и со всей силой ударил им Зибеля по голове. Он сразу обмяк и замер. Я испугался, что убил его. Но доктор был жив, дышал. Я вздохнул с облегчением, мне совсем не нужно было его убивать, только бы добраться до остальных — и я в безопасности. Зибель никогда не посягнет на всех нас. Он не решится посягнуть...

Снова вспыхнул экран, и появилось лицо Хензега:

— Доктор Зибель, вас ждут у генерала Крамера. Вертолет приземляется. Я иду с вами.

Интересно, видел ли меня Хензег? Или же этот кабинет только поглощал информацию, не выпуская ее наружу? Лицо Хензега оставалось бесконечно спокойным, значит, он меня не видел.

У меня не было времени думать. С внутренней стороны замок был обычным, и это спасло меня — я тихо выскользнул из комнаты. Опасаясь встречи с Хензегом, я быстро свернул в боковой коридор. Изо всех сил я старался идти спокойно, но сердце разрывалось в груди. И все же мне удалось укротить его и вернуться в аудиторию с непроницаемым лицом. Я занял одно из свободных мест, никто не понял, что это я, так же как я сам никогда не знал точно, кто сидит рядом со мной. На руках мы носили браслеты с номерами, места в классных комнатах тоже были пронумерованы, но вопреки строгим правилам ни один из нас никогда не садился на определенное место. Это напоминало игру в прятки. Это был своеобразный бунт, скрытое несогласие, молчаливый протест против всех и вся. Каждый спал в своей постели и носил свою одежду, но только в целях гигиены. И в лаборатории каждый садился на свое место, но только потому, что этого требовали наши исследования. Что же касается чувств, которые мы испытывали друг к другу, то это была странная смесь любопытства, ненависти, любви и зависти. Мы рассматривали друг друга и беспомощно опускали глаза. Не было необходимости в именах. Теперь я знал: мы были клонинги. А где-то далеко старый мужчина ни о чем не подозревал. И спал спокойно. Или... его уже не было в живых?

Мне хотелось вскочить на стол и кричать, кричать до хрипоты, пока не раскрою ту тайну, которую я узнал. Слишком тяжела была эта ноша для одного! Мне хотелось растрясти эти одинаковые мозги, взорвать их, чтобы одним ударом перечеркнуть двадцатилетнюю работу Зибеля и все его безумные надежды. Каким несчастным я чувствовал себя в эту минуту, несчастным и беспомощным — я должен был молчать. И быть один.

Вслед за мной в аудиторию вошел Хензег. Он выглядел обеспокоенным. Очевидно, Зибель пришел в себя у него на руках, конечно, если Хензег знал о существовании тайного кабинета. Они не пошли на совещание, и теперь Хензегу было известно и обо мне, и о нашем разговоре... Хензег молчал, и его молчание не предвещало ничего хорошего. Его взгляд скользил по нашим одинаковым лицам, но это ничего не давало. И он сам это понимал. Нас сотворили такими одинаковыми, до ужаса одинаковыми, с одинаковыми телами, одинаковыми мыслями — и теперь все это обернулось против них самих. Попробуйте отыщите меня! И все же я не совсем такой, как остальные. Со мной была допущена ошибка. Это возможно — природа иной раз проделывает подобные шутки, и на сто случаев всегда бывает одно исключение. Может быть, одна из ста соматических клеток моего отца чем-то отличалась от остальных, но этого не установили даже самые точные аппараты. И я появился на свет, чтобы мешать вам.

Конечно, Зибель забил тревогу. Или Хензег сам... Нет! После обеда, до того как нас повели на осмотр к доктору Андришу, я спрятал украденную книгу в нашей библиотеке. Ничто не могло смутить меня: ни запутанные тесты, ни чувствительные спирали и молоточки, ни сложные детекторы, фиксирующие малейшее изменение пульса, ни пронизывающий насквозь, гипнотизирующий взгляд самого доктора Андриша. Ничто! Я думал о любви. Мне нужно было думать о любви или о чем бы то ни было, только не о Зибеле и не о нашем разговоре. Но мысли о любви снова приводили меня в кабинет Зибеля. И в библиотеку, где была скрыта украденная книга. Я сделал над собой усилие, чтобы направить мысли в другое русло. Наконец мне это удалось. Доктор Андриш долго осматривал меня, но так же долго он занимался и остальными, и это снова доказывало его бессилие. Я еще не успел по-настоящему испугаться, а он уже потерял ко мне интерес. Сомнения доктора вызвал другой. Я знал, что его ожидает, сочувствовал ему, но вынужден был молчать. Ради всех нас и ради тех, кого еще не успели создать. Не должны были создать! Я смотрел, как ни о чем не подозревающего клонинга ведут к центральному лифту, а оттуда — к смерти. Я до крови закусил губу.

Потом обыскали наши комнаты. А потом взяли отпечатки пальцев.

— Зачем все это? — спросил один.— И чего только не придумают!

Мы с ним последними вышли из кабинета Андриша и задержались в маленьком вестибюле, где во время осмотров обычно ожидали своей очереди. Это помещение отличалось от всех прочих какой-то особенно напряженной атмосферой, как будто доктор Андриш заранее готовил нас к встрече с ним. Красный цвет коврового покрытия и обоев, отсутствие окон и струящийся со всех сторон красный свет возбуждали нас, нервы натягивались как струны, а вокруг разносилось тонкое, едва уловимое жужжание. Сейчас из-за приоткрытой двери кабинета доносился голос Зибеля, и мы не спешили возвращаться к себе.

— Не знаю, дружище.— Я сжал клонингу руку, вслушиваясь в знакомый голос Зибеля.

— Какое совершенство!— В его голосе послышалось и восхищение, и испуг.— Даже отпечатки пальцев одинаковы! Но как же мы его найдем?

— Вы не должны были его упускать!— прошипел Хензег.

Теперь понятно: Хензег контролировал не только нас, но и Зибеля. Клонинг все еще стоял рядом со мной. И вслушивался в их слова.

— Кого они упустили?— шепотом спросил он.— Скажи!

— Но ведь я обнаружил его!— самодовольно засмеялся доктор Андриш.

— А если это не он?— рассуждал непогрешимый Хензег. Я ненавидел его, но отдавал должное его уму.

— Не попытаться ли подключить девушек? И машины. Можно придумать что-нибудь в задачах, над которыми они работают. Надо объявить особое положение. И обязательно предупредить генерала Крамера. А если придется...

— Не торопись!— Кажется, Зибель схватил его за руку, которую Хензег пытался высвободить.— Ты ведь знаешь, что для этого нужно согласие генерала Крамера и вышестоящего министерства и что только в крайнем случае, если повредится герметизация во всех секторах или вспыхнет бунт, только тогда...

— О чем они говорят?— допытывался клонинг.

— ...конечно, в крайнем случае, но каков этот крайний случай, буду решать я. Вы забываете, доктор Зибель, что каждый человек стремится к индивидуальности,— продолжал Хензег.— Это погубило множество людей. И наций. Погубило целые народы, доктор Зибель, целые государства. Вы считали, что устранили индивидуальность. Сначала вы создали солдат. С ними нет проблем, можете создавать их сколько угодно. Но разве Спарта уцелела благодаря своим

солдатам? С солдатами все просто, потому что они не рассуждают, только слепо подчиняются. А эти здесь? Вы использовали один из величайших умов эпохи, перехитрив его. Украли его открытие, от которого он сам отказался. А теперь один из его клонингов знает правду. Вы поступили неблагоразумно, раскрыв ему...

— Но я думал сразу же ликвидировать его! — защищался Зибель. Он и не подозревал, что я, целый и невредимый, стою за дверью и внимательно слушаю.— Все было в моих руках.

— Но вы упустили его, не так ли? — неумолимо продолжал Хензег.— Вам хотелось поиграть с ним, как кошке с мышкой. Вы забываете, что сейчас положение несколько иное. Нет больше ваших концентрационных лагерей с беззащитными жертвами. Чего вы добивались? Говорите! Вы будете отвечать! Возможно, нам придется уничтожить их всех. Я доложу генералу Крамеру, пусть он решает.

— Нет! — закричал Зибель. Его голос прогремел у самой двери, и мы испуганно прижались друг к другу.— Столько лет работы, мы не можем начинать все сначала!

— Вы не можете, доктор Зибель, а я могу.

— Нет, не можете...— Зибель медленно приходил в себя.— Ни вы, ни я. Мы создали целый научно-промышленный комплекс. Уже поздно, мы выращиваем солдат, химиков, биологов, кибернетиков. Вложены миллионы. И теперь все это уничтожить из-за одного? Нет, доктор Хензег. Мы выходили и из более трудных ситуаций.

— Ты понимаешь, что происходит? — упорно допрашивал меня клонинг, пока мы возвращались к себе.— Ты хоть что-нибудь понимаешь?

— Догадываюсь. А разве ты не понимаешь?

— Нет. Но ты мог бы мне объяснить, правда?

Клонинг ждал. Долго ждал. Я молчал и тянул его за собой в общую аудиторию для самостоятельных занятий.

— Если ты умеешь молчать... если будешь молчать,— сказал я.— Нам всем грозит опасность.

— Понимаю,— прошептал он.— Я сам... часто думал...

Я не верил ему. У меня в ушах все еще звучали слова Хензега, за спиной клонинга мне виделось лицо Хензега. Я должен быть осторожен, опасаться собственной тени. Но разве этот клонинг не моя тень? Разве у меня нет еще девяноста восьми теней? Одна уже исчезла, она оборачивалась назад и приказывала молчать, прежде чем раствориться в коридоре на пути к центральному лифту. А этот около меня был ужасно нетерпеливым.

— Мы должны доверять друг другу. Не знаю, кто ты, но я тебе верю. Мой номер девяносто три. Если понадобится...

Я не назвал ему своего номера. И он ушел, грустно пожав плечами. Я вернулся в библиотеку. Подошел к полке, где была спрятана моя книга, достал ее и стал рассматривать. Книга, испещренная красивыми словами, непонятными словами, не поддавалась. Но я понял самое важное. Человек не формула, выражаемая только нуклеиновыми кислотами. А за пределами нашего мира существует совершенно иной мир. «Как нарисовать птицу?» Что значит нарисовать, спрашивал себя я. «Сперва нарисуйте клетку с настежь открытой дверцей, затем нарисуйте что-нибудь красивое и простое, что-нибудь очень приятное и нужное для птицы. Затем в саду или в роще к дереву плотно прислоните...»

Я был беспомощен и одинок. Хензег на минуту заглянул в библиотеку и ушел.

«Не падайте духом, ждите, ждите, если надо, годы...»

Я повторил эти слова. Откуда-то появился Зибель. Рассеянный и мрачный, он прошел мимо меня, не обратив внимания на книгу. Рассмотрев последнюю страницу, я снова спрятал книгу между учебниками и, опьяненный незнакомыми и красивыми словами, вернулся к себе в комнату.

Я должен быть осторожен. На каждом шагу. Скрывать все и от всех. От всех? Вечером появились девушки и разошлись по нашим комнатам. На следующую ночь они снова были здесь. Как-то странно себя вели, или мне только казалось? Но они были нежнее, умнее, все время о чем-то спрашивали, что-то хотели узнать. Может, это Хензег спрашивает их устами? В темноте я нажал на браслет той, которая проводила со мной эту ночь, а потом резко зажег свет и увидел цифру пять. Она ничего не заметила. Следующую ночь снова была она.

— Нас десять девушек,— прошептала она и обняла меня за шею.

— Правда? — Я изобразил удивление, хотя уже все знал от Зибеля. Но я должен быть начеку, каждый вопрос, даже самый невинный, может быть ловушкой.— А мне всегда казалось, что ты единственная. Для меня единственная. Ведь ты единственная? Скажи!

Она смотрела на меня, грустно улыбаясь. Мне хотелось ей верить. Больно было думать, что нельзя довериться целиком этой красоте и грусти. Ее губы приоткрылись, но ничего не сказали, возможно, как и я, она думала о том, как прекрасно быть единственным для кого-то, как прекрасно, но нам это не дано.

— Нас десять,— повторила девушка.— И мы похожи друг на друга, как десять капель воды. А вас сколько?

— Не знаю.— Я пожал плечами, хотя знал от Зибеля.— Я думал, что нас гораздо больше, вернее, я вообще не думал об этом.

— Каждую ночь я провожу с кем-то из вас и никогда не знаю с кем. Вы такие одинаковые. Мне кажется, что я обладаю всем миром. И не имею ничего. Я ведь и прошлой ночью была здесь?

— Да.

— А может быть, это была не я, а кто-то из... других.

Она не сказала «сестер», как и я никогда не говорил «братья». И никто из нас никогда не произносил этих слов. Мы были так похожи, были такими одинаковыми, но между нами не возникало чувства привязанности и любви. Мы тайно наблюдали друг за другом и тайно друг друга ненавидели. А если девяносто третий и в самом деле мне верил?

— Ты встречал кого-нибудь красивее меня?

Я мог бы сказать «да» и погубить себя, но правда ли это, разве я мог сравнивать? Ее губы были мягкими, длинные, до пояса волосы — шелковистыми и блестящими, я был мужчиной, держал в объятиях самую красивую женщину, а вспоминал лицо Елены Зибель, одухотворенное, так отличающееся от этого совершенного лица. В глазах Елены было больше боли, тайны, в ее улыбке — больше надежды, гладкий лоб скрывал больше мысли, но об этом знал только я и не должен был забывать, чтобы остаться в живых. За спиной девушки стоял Хензег и ждал. Поэтому я сказал:

— Ты единственная женщина, которую я видел.

— Нас десять,— грустно проговорила девушка. (А откуда она об этом знала?) — И никогда нас не будет больше. Наша мать мертва. (И это ей было известно?) А мы не можем рожать.

— Что такое рожать? — Мне хотелось ее испытать.

— Это таинство,— кротко ответила она и улыбнулась.— Великое таинство... Разве ты не задумывался об этом?

Ловушка... Ну что ж, доктор Хензег...

— Меня это никогда не интересовало. Время от времени я чувствую в тебе необходимость, и ты приходишь. Я успокаиваюсь и снова думаю о проблеме приспособляемости, штаммах, изменении генов... В зависимости от задачи, поставленной передо мной Зибелем. Но тебе трудно это понять.

— А ты никогда не думал о смерти? — не успокаивалась девушка.— Мы так близки к ней, но совсем ее не знаем, здесь еще никто не умирал, но мне кажется, что смерть очень страшна. И все-таки мне иногда хочется умереть, а не жить такой жизнью. Разве мы созданы только для того, чтобы успокаивать вас, когда вы отдыхаете? Но я и умереть не могу. Здесь нет возможности. (Есть! Есть!) Вот я и выдумываю свой особенный мир, похожий на тот, что в книгах (каких книгах, о каких книгах она говорит?), и когда мне делается совсем невыносимо, я начинаю верить в этот выдуманный мною мир, который живее и красивее настоящего (а какой он, настоящий?), и тогда я могу смеяться. Посмотри на меня, ведь я красивая и похожа на людей, рожденных от любви...

Да, все ясно, книги, смерть, рождение, любовь... Несчастный клонинг, она явилась испытать тебя и... погубить.

— Ты действительно отличаешься от остальных. И ведь ты меня любишь? Скажи, что ты меня любишь! Обмани меня! Иногда я задыхаюсь от нежности.

Не допустил ли я в чем-то ошибку?

Она подняла мою руку и посмотрела на номер. Я пропал!

— У тебя счастливый номер. Но мне бы хотелось дать тебе имя. В тебе есть что-то необычное, какая-то искра, которая мне очень нужна. Мне иногда бывает так холодно, хочется плакать, сама не знаю почему. Скажи, что ты меня любишь, даже если это и не правда! Я дам тебе имя какой-нибудь звезды.

— Не хочу я никакого имени!

— Денеб...

— Не хочу я никакого имени!

— Альтаир...

— Глупая, разве имя имеет какое-нибудь значение?

Я приблизил к себе ее лицо. Подбородок подрагивал.

— Для меня имеет. Я буду называть тебя этим именем. И ты будешь отзываться. И тогда ты будешь единственным для меня, а я — единственной для тебя. Зови меня Вега.

6

Напряжение нарастало с каждым днем. Как обычно, с утра мы спускались в физкультурный зал. Делали легкие упражнения, которые прогоняли усталость, вызванную долгими часами работы в лаборатории, и возвращались туда свежими и обновленными. Глаза Хензега выхватывали нас из постели, следовали за нами по коридорам, зорко ощупывали в физкультурном зале, провожали до рабочих мест. Но эти же глаза обостряли мое внутреннее зрение, и не только мое, я все чаще замечал похожее состояние у других и постоянно спрашивал себя, что мы делаем и зачем. Мне стала понятна роль Зибеля: он стоял во главе нашей научной работы, распределял на группы, каждая из которых занималась конкретными вопросами, а обобщения производились у него в кабинете. Но над Зибелем стоял Хензег, и именно Хензег осуществлял связь с таинственным генералом Крамером, который следил за нашей работой и ждал результатов. Я старался понять цель. Зибель не сказал мне о ней ни слова. Я понимал: нужно что-то сделать, но не знал, что именно, и не мог действовать в одиночку. А если их комплекс взорвать вместе с нами? Нет, не то... Они и сами это предвидели. Почему? Где-то здесь укрыт ядерный самоликвидатор, о котором знает только Хензег, а может быть, и Зибель, и который можно использовать в случае биологического заражения или бунта. Биологическое заражение? Бунт? Нет, опять не то... От Хензега я знал, что и в других местах создали таких, как мы, выносливых и умных мужчин, беспрекословно подчиняющихся их приказам. Оставалось только одно — вырваться отсюда любой ценой, добраться до людей и рассказать им все. Но в одиночку я ничего не мог сделать.

Мы были свободны только по вечерам. Но тогда приходили девушки. Я был более чем уверен, что они шпионят за нами, пытаясь добраться до наших самых сокровенных мыслей, что наши полупустые комнаты, обставленные лишь самым необходимым, прекрасно прослушивались и просматривались. Я был взвинчен до предела, но улыбка не сходила с моего лица. Я старался спокойно разговаривать и не отставать в работе, чтобы не давать повода для подозрения.

Я искал девяносто третьего. Если понадобится, сказал он, и это прозвучало как заклинание. Я не представлял себе, как это сделать и как он смог бы найти меня, но я искал и надеялся. Я ждал его и в то же время следил за Зибелем в надежде еще раз проникнуть к нему в кабинет. Но неутомимый Хензег всегда был рядом с ним и вставал на моем пути. И я решился попросить одного из наших под каким-нибудь предлогом задержать Хензега. Хензег остановился, и они о чем-то разговаривали; когда Хензег попытался отвязаться, его остановил другой, услышавший мою просьбу, потом третий, и вскоре около него выросла целая стена клонингов, которую Хензегу никак не удавалось обойти.

Я все время ждал, что меня раскроют. Ворвутся в комнату вслед за Вегой, и она укажет на меня своей изящной рукой, а потом меня поведут к центральному лифту. Но за мной никто не приходил. И девяносто третий не отзывался. А я никак не мог добраться до тайного шкафа в кабинете Зибеля. Мне нужен девяносто третий.

На переменах я всматривался в одинаковые лица, хватал за руки и искал нужный мне номер.

— Кто тебе нужен? Может быть, я могу тебе помочь? — спрашивал каждый.

— Мы ведь во всем одинаковы. Наверное, и я бы мог...

В ту же минуту меня догоняли глаза Хензега. Он незаметно вырастал за моей спиной, и я растворялся среди других. Я все больше шел на риск, но уже не мог не рисковать. Я первым приходил в столовую и ждал у дверей.

— Номер? — спрашивал я у каждого.

Некоторые машинально отвечали, другие обманывали, третьи задавали вопросы. Реакции, однако, были различными, и это вселяло надежду. Появлялся Хензег, я покидал свой пост, ждал, пока он поест, застывал на стуле, потом вскакивал, хватая руку соседа справа, и беспомощно отпускал ее.

Я был один. Все еще один!

Я был не один.

Спрятанная мною в библиотеке книжка иногда исчезала с полки. Я расхаживал между столами. Один из клонингов вздрагивал. Я подсаживался к нему, стараясь заглянуть в книгу, но он закрывал страницы обеими руками.

— Не надо, приятель,— тихо шептал я.— «Сперва нарисуйте клетку с настежь открытою дверцей...»

Клонинг вскакивал и тотчас скрывался за дверью. Он боялся, а я снова и снова возвращался в свою одинокую комнату. И здесь встречался со своим отцом.

Старый ученый медленно приближался, глядя на меня глубоко запавшими глазами. Он не мог сказать ни слова. От удивления. От гнева. Мне хотелось очутиться в его объятиях, но он только внимательно разглядывал меня как... как продукт вегетативного размножения. Все заранее рассчитано. Каждую ночь я заново переживал эту встречу.

Я был один. О-ди-и-н...

В эту ночь Вега была печальнее, чем всегда, нежнее и беззащитнее.

— Альтаир! Как хорошо, что ты привыкаешь к своему имени. Зови меня Вегой, прошу тебя. Называй меня по имени, разве это так трудно? А я принесла тебе подарок.

Она выглядела, как ребенок, пряча подарок за спиной, заставила меня закрыть глаза, а потом прижалась к моей груди. В руках у меня осталась маленькая книжка в кожаном переплете. Я стал листать страницы. Похоже, книга была из кабинета Зибеля. Среди

знакомых слов встречалось множество непонятных. Прежде чем я успел спросить, откуда у нее эта книга, Вега сказала:

— Мне ее подарил Зибель. Вместе с этой книгой попадаешь в какой-то новый мир, в другую жизнь. Но нужно огромное терпение, чтобы понять...

У меня было достаточно терпения. Это было заложено во мне как наследие нескольких поколений ученых в роду моего отца. Вега села за стол, раскрыла книжку.

— Мне бы хотелось, чтобы потом ты объяснил мне некоторые вещи, здесь столько непонятного. Ты такой умный, Альтаир, очень умный, ты быстро разберешься...

— Вряд ли у меня будет время,— равнодушно сказал я.— Я не должен отвлекаться, мне нужно заниматься проблемами, которые стоят передо мной. Понимаешь, наука...

— Хватит! — неожиданно выкрикнула Вега. Я никогда не видел ее в таком состоянии.— Неужели ты до сих пор ничего не понял? Разве ты слепой? Разве...

Вега перевела дух.

— Что это за наука, которая ищет все новые виды смерти! Штамм 12. Штамм 112. Штамм 1112. Штаммы, штаммы, штаммы... Это же опасно! Отвратительно! Грязно! Одна ошибка, и вы можете погибнуть. Но вы всегда внимательны, не правда ли? Не забываете пройти стерилизационную камеру! А известно ли тебе, что в секторе А произошла авария и пятеро умерли в страшных мучениях? Я боюсь за тебя! Боюсь!

Я схватил ее за руку.

— Откуда ты все это знаешь?

Вега постепенно приходила в себя. И молчала.

— Откуда ты все это знаешь?— Я сильнее сжал ее руку.

Она охнула, огляделась по сторонам, прижалась ко мне и прошептала:

— А ты не выдашь меня? Будешь молчать?

И она боялась. Снова оглядевшись, она ощупала кровать, шкаф, письменный стол, провела ладонью по стенам, а потом заговорила:

— От этого сумасшедшего Зибеля. Он приходит ко мне, очень часто приходит, путает меня с какой-то Еленой, ласкает меня, говорит, говорит и плачет, хочет со мной бежать, говорит, что здесь есть тайный ход, который... Он все время жалуется, что Хензег его в чем-то подозревает, а генерал Крамер давит на него...

Я все еще не верил ей.

Авария в секторе А. Нужно проверить.

Она молча спрятала лицо у меня на груди и заплакала.

— Люби меня! — шептала она, плакала и целовала меня и задавала вопросы, которые были мне так знакомы, потому что напоминали мои. Их не могли выдумать ни Зибель, ни Хензег. Чтобы их выдумать, нужно быть клонингом.

7

Осмотры у доктора Андриша участились. И стали более продолжительными.

Мне хотелось как можно скорее покинуть его кабинет, но он задерживал меня, угощая сигаретами, от которых я всегда отказывался. Я садился напротив и улыбался, разговоры начинались издалека, с несовершенства человека; внимательно слушая, я кивал головой, соглашался... И все время улыбался. Доктор Андриш поверял мне свои планы, вероятно, и ему здесь было одиноко. В соседней комнате стоял новый электронный Гиппократ. Долго и сосредоточенно монтировали его двое молчаливых клонингов, а доктор Андриш показывал мне его, объясняя, как можно раз и навсегда лишить человеческое тело тайн, а мозг — мыслей. Все будет записываться в машинной памяти этого красавца, что изрядно облегчит работу доктора Андриша с нами. Доктор Андриш мечтал создать гигантский, совершенный мозг, для питания которого необходима кровь всего человеческого организма. И человек будет существовать с единственной целью — питать этот совершенный орган, чтобы он рождал теории и гипотезы, лишенные чувств и совести и беспощадно обрекающие на смерть не только других, но и себя. Создание такого мозга было единственным смыслом жизни доктора Андриша. А чем, собственно, отличался от этой модели мозг Хензега?

— Ты понимаешь меня? — спрашивал Андриш.

— Пытаюсь.

С каждым прошедшим днем Зибель становился все печальнее, все рассеяннее. Он избегал общества, избегал даже доктора Андриша, с которым его связывала старая дружба. Он был и в то же время не был с нами. С концом Елены Зибель приближался и его конец.

А Хензег следовал за ним как тень. Я открывал в Хензеге все новые качества, он все больше напоминал мне олицетворение мечты доктора Андриша — мозг, вычерпывающий кровь из всего тела. Иногда мне хотелось сказать ему, что он похож на клонинга, что он в большей степени клонинг, чем все мы, вместе взятые. А может быть, он и в самом деле клонинг, созданный Зибелем задолго до нас?

А однажды наш доктор Зибель пришел одетый в черное, с неподвижным и мертвым лицом. Я услышал, как он сказал доктору Андришу:

— Она умерла, доктор. Мы делаем чудеса, а смерть покорить не можем. Мы с ней союзники, а она бьет нас по самому больному месту. Дорого платим за все. Стоит ли?

— Но и нам хорошо платят, не так ли?

Доктор Андриш ободряюще похлопал его по плечу, которое как-то сразу обмякло. Он посмотрел Зибелю в лицо, достал из кармана белого халата какие-то голубые таблетки и протянул их доктору. Зибель долго держал их на раскрытой ладони, разглядывая внимательно и с недоверием.

— Будешь спать как убитый. И забудешь ее. С каждым днем все больше будешь забывать.

Зибель улыбнулся — в улыбке не было ни капли доверия.

— Я никогда ее не забуду. Я встречал женщин красивее, умнее, моложе, но для меня она была единственной. Всю мою жизнь. Не то что у меня не было других, были, конечно, но она оставалась единственной. Ты можешь это понять?

— Нет.

8

Я возненавидел доктора Андриша. Как можно было не понять? Несмотря на живое лицо, он вдруг напомнил мне электронного Гиппократа. А к Зибелю я почувствовал симпатию. Он страдал и не стеснялся своих страданий. Его лицо изменилось, помягчело... Я понял, что страдание меняет людей. Делает их добрее. Или злее. Зибель стал другим.

Как-то поздно вечером я вошел к нему в кабинет. Он не удивился, принял меня совсем естественно и как будто даже обрадовался моему приходу. Предложил мне сесть, медленно надел очки и внимательно посмотрел на меня. Нам нужно было найти общий язык. Ради покойной. Ради Веги. Ради пятерых погибших...

— Доктор Зибель...

— Кто ты? Не тот ли...

— Да, тот, кто знает тайну. Не очень красиво было с вашей стороны выдавать меня. А что вы сделали с клоном, на которого указал доктор Андриш?

— Его убили. Я не мог их остановить. Тогда нужно было сделать выбор между одним и всеми остальными. Я выбрал одного, хотя знал, что это не тот. Я чувствовал, что не тот, и искал тебя. Теперь вас девяносто девять.

— Нет... теперь нас девяносто четыре... Ну что, вы снова меня выдадите? Достаточно сказать Хензегу...

— Глупости! Хензег и сам справится, он талантлив, он никогда не ошибается. Если бы ты оказался у него в кабинете, он не упустил бы тебя, обязательно нашел бы. А я старый и усталый. Я потерял все, что любил. Елена меня покинула. Иногда я думаю, что нужно было посвятить свою жизнь борьбе с этой ужасной болезнью.

— Еще не поздно. И все-таки почему вы не создали новую Елену Зибель? Так, как создали меня?

Лицо Зибеля вытянулось.

— Я любил ее. Что ты понимаешь в любви? Это была бы не Елена. Есть вещи, которых нельзя касаться. Понимаешь?

— Почему вы думаете, что я не понимаю? Разве у меня отсутствует хотя бы одно нормальное человеческое чувство?

— Нет... Но все-таки...

— Я никогда не буду вам благодарен, что вы сделали меня таким способом.

— Знаю,— грустно сказал Зибель.— Никто не будет мне благодарен, хотя ради вас я пренебрегал и любовью, и сном, и здоровьем. Ради вас я все поставил на карту, и теперь каждый из вас именно то, чего я добивался. Уже ничто не может измениться, мы должны достигнуть цели. Мы вернем величие нашей нации, но что ты знаешь об этом? Мы владели половиной мира, а потеряли все...

Его лицо медленно обретало свой естественный цвет. Порывистым движением он вытер капли пота. И продолжал:

— Теперь мы должны снова завоевать мир. Вы нам в этом поможете. Даже если вы этого не хотите, даже если придется погибнуть...

— Как те, кто был в секторе А...

Зибель удивленно посмотрел на меня.

— Да, как те, кто был в секторе А. Проба 24 оказалась неудачной. Но откуда тебе это известно, мой мальчик?

— От вас, доктор Зибель.

— Хм...— Зибель на минуту задумался.— Если мы что-то пока держим в тайне, то только потому, что еще не наступил наш день...

Зибель ничего не опровергал, значит, авария действительно была. И пятеро погибли...

— А когда наступит этот день?

— Скоро, совсем скоро. И мы будем к нему готовы. Мы продвинулись далеко вперед, у нас на складах огромные запасы, которые постоянно пополняются. Возможности, которые предоставляет нам молекулярная биология, превзошли все наши ожидания.

Я старался держать его подальше от стола, все время быть между ним и столом. Я знал, что там находятся кнопки для самозащиты и наладения, я понял это еще в прошлый раз по лихорадочным движениям его рук и стремлению приблизиться к столу.

— А почему Хензег преследует вас? Кто он? Ученый или...

Зибель огляделся. Экраны на стенах молчали. Не было видно контуров тайной двери, ни один звук не проникал в кабинет. Все спали. Зибель знал, что у него есть время. И не спешил.

— Хензег? Ученый, конечно. Он много знает. И много может. Но его задача следить за вами, за нами, за всеми. И в случае опасности ликвидировать...

— Но ведь вместе с нами погибнете и вы, доктор Зибель?

Зибель засмеялся.

— Зибель никогда не погибнет, запомни это! Зибель никогда не раскрывает всех своих карт и всегда держит в запасе путь к отступлению. Свой путь. Знаю, что Хензег следит за мной, но я постоянно ускользаю. Когда мы строили эту базу, Хензег был еще ребенком и мочил пеленки, но уже тогда я знал, что обязательно появится кто-то вроде Хензега, и я сделал кое-что, известное только мне. Понимаешь? Если я почувствую серьезную угрозу, я выберусь наверх. Возьму с собой одного из вас и начну все сначала. Наша нация терпела поражения и воскресала из пепла, потому что всегда были такие, как я...

— Возьмете меня с собой? Ведь и я...

— Нет, мой мальчик. Я возьму одну из девушек. Я уже сделал выбор. А ты чересчур много знаешь. Твой отец тоже слишком много знал. И умер.

— Только одного я не могу понять: почему вы не создали новую Елену Зибель? Почему не создали новую Елену? Почему не создали...

Он направился ко мне. Будь у него что-то в руках, он ударил бы меня. Он задыхался, его лицо горело, что-то во мне дрогнуло, но я не двигался и не сделал ни шагу назад, я смотрел на него, смотрел в упор на старого, непобедимого Зибеля, ускользающего отовсюду и при любых обстоятельствах. Мне было его жалко. И вместо того, чтобы убить его, раздавить... Вместо того...

— Ах ты, наглый, грязный клонинг!

И Зибель сам рухнул на пол у моих ног.

9

Я бросился бежать и остановился только в коридоре. Оставаться здесь было опасно. Нужно как можно скорее смешаться с другими. Доктор Зибель в любую минуту мог прийти в себя. Я глубоко вздохнул и медленно, спокойно зашагал по коридору. Мне навстречу шел Хензег. Он изучающе посмотрел на меня и, посторонившись, дал возможность пройти. Я не выдержал и обернулся. И Хензег обернулся. Понял ли он, что я вышел из кабинета Зибеля? На его глазах я вошел в свою комнату. Когда я снова вышел, в коридоре уже никого не было. Внимательно оглядевшись по сторонам, я проскользнул в комнату напротив.

— Сегодня ночью я жду девушку, но как-то неважно себя чувствую. Если хочешь...

Он хотел, глаза его заблестели. Мне было ужасно его жалко, и я задержал его в дверях. Я рассказывал ему о своей работе, расспрашивал о его, а он нетерпеливо посматривал на часы. Я не имел права на жалость. В последний раз я пожал ему руку.

— Спасибо тебе, дружище.

Он не понял, за что я его благодарил. Я увидел в дверях его расправленные плечи. И больше ничего.

В эту ночь я не сомкнул глаз. Зажав голову руками, я ходил взад и вперед по чужой комнате. С этой ночи она станет моей комнатой. Я осмотрелся. Такая же кровать. Такой же стол. Такой же абажур. Такой же книжный шкаф. Даже книги такие же. Такое же одеяло в клетку. У меня не было выбора. У меня на пути стоял Хензег.

Часа через два Вега выскочила из комнаты, растрепанная, испуганная, готовая кричать. Оставив дверь широко распахнутой, она побежала по коридору. Я на цыпочках прокрался в комнату. Все было точно так, как я себе это представлял. Клонинг лежал на спине, глядя в потолок неподвижными мертвыми глазами и сжимая одеревеневшими пальцами покрывало. Я окаменел от его неподвижности, впервые в жизни я видел труп, снял с него браслет с номером и надел ему свой. Имело ли это смысл? Не знаю, просто мне хотелось уничтожить всякое подозрение. Скоро должны за ним прийти. Я незаметно вернулся к себе. Меня била дрожь. В коридоре послышались шаги, шепот, хлопанье дверей, приглушенный разговор, а потом снова наступила тишина.

10

На следующий день, несмотря на траурную одежду, Зибель выглядел веселым и уверенным в себе. Не поднимая головы, я наблюдал за ним. Войдя в аудиторию, он скользнул взглядом, в котором ощущалось превосходство победителя, по нашим одинаковым лицам.

Вечером они собрались в круглом зале на синем

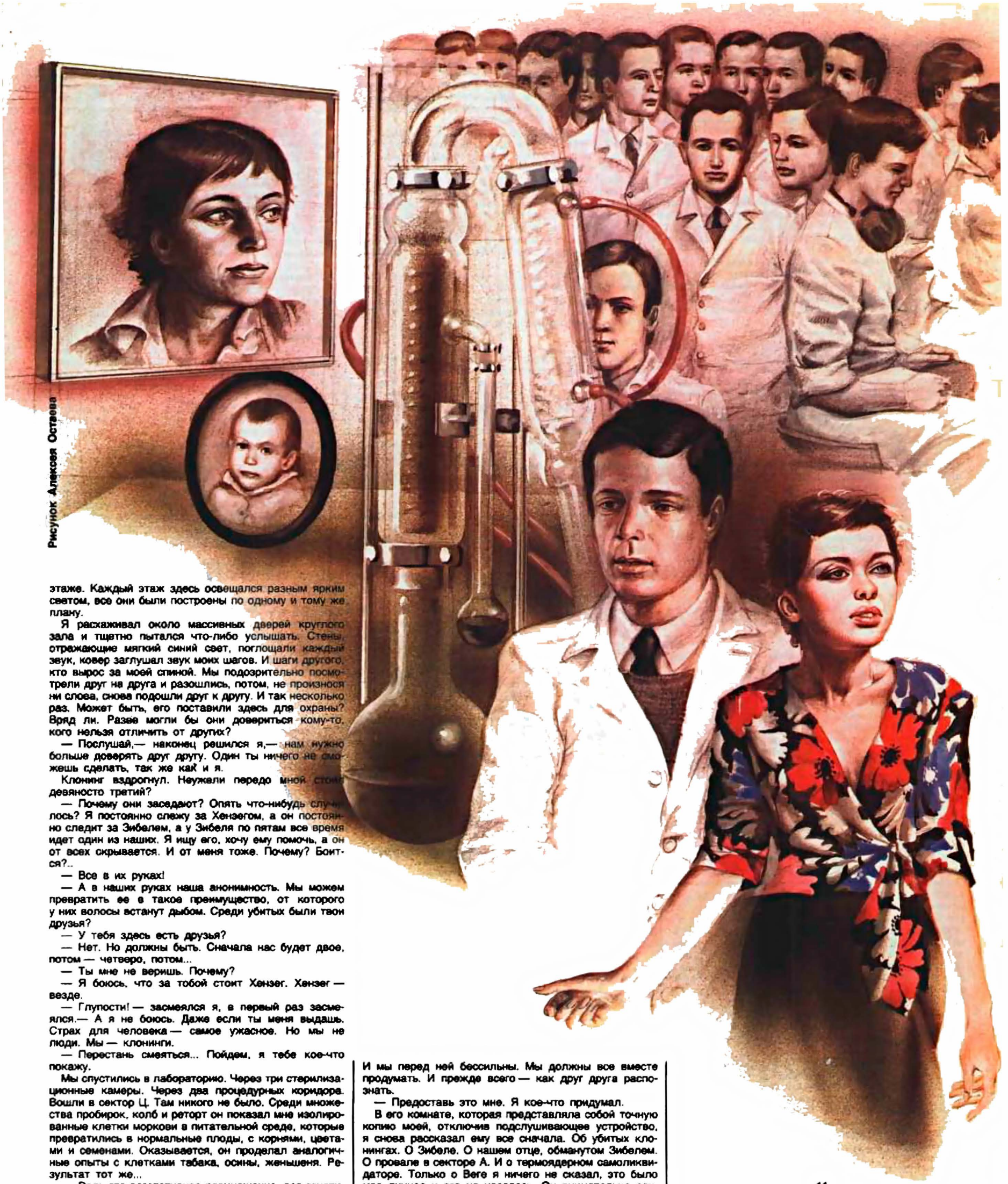


Рисунок Алексея Остаева

этаже. Каждый этаж здесь освещался разным ярким светом, все они были построены по одному и тому же плану.

Я расхаживал около массивных дверей круглого зала и тщетно пытался что-либо услышать. Стены, отражающие мягкий синий свет, поглощали каждый звук, ковер заглушал звук моих шагов. И шаги другого, кто вырос за моей спиной. Мы подозрительно посмотрели друг на друга и разошлись, потом, не произнося ни слова, снова подошли друг к другу. И так несколько раз. Может быть, его поставили здесь для охраны? Вряд ли. Разве могли бы они довериться кому-то, кого нельзя отличить от других?

— Послушай,— наконец решился я,— нам нужно больше доверять друг другу. Один ты ничего не сможешь сделать, так же как и я.

Клонинг вздрогнул. Неужели передо мной стоит девяносто третий?

— Почему они заседают? Опять что-нибудь случилось? Я постоянно слежу за Хензегом, а он постоянно следит за Зибелем, а у Зибеля по пятам все время идет один из наших. Я ищу его, хочу ему помочь, а он от всех скрывается. И от меня тоже. Почему? Боится?..

— Все в их руках!

— А в наших руках наша анонимность. Мы можем превратить ее в такое преимущество, от которого у них волосы встанут дыбом. Среди убитых были твои друзья?

— У тебя здесь есть друзья?

— Нет. Но должны быть. Сначала нас будет двое, потом — четверо, потом...

— Ты мне не веришь. Почему?

— Я боюсь, что за тобой стоит Хензег. Хензег — везде.

— Глупости! — засмеялся я, в первый раз засмеялся.— А я не боюсь. Даже если ты меня выдашь. Страх для человека — самое ужасное. Но мы не люди. Мы — клонинги.

— Перестань смеяться... Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Мы спустились в лабораторию. Через три стерилизационные камеры. Через два процедурных коридора. Вошли в сектор Ц. Там никого не было. Среди множества пробирок, колб и реторт он показал мне изолированные клетки моркови в питательной среде, которые превратились в нормальные плоды, с корнями, цветами и семенами. Оказывается, он проделал аналогичные опыты с клетками табака, осины, женьшеня. Результат тот же...

— Ведь это вегетативное размножение, вся генетическая информация собрана в одной клетке, она дремлет в ней, пока... Ты понимаешь?

Наспех я рассказал ему все, что знал. Он застыл. То, до чего он дошел экспериментальным путем, подтверждалось.

— Наша одинаковость может быть преимуществом, но может быть и помехой,— шепнул я ему в ухо.— И мы перед ней бессильны. Мы должны все вместе продумать. И прежде всего — как друг друга распознать.

— Предоставь это мне. Я кое-что придумал.

В его комнате, которая представляла собой точную копию моей, отключив подслушивающее устройство, я снова рассказал ему все сначала. Об убитых клонингах. О Зибеле. О нашем отце, обманутом Зибелем. О провале в секторе А. И о термоядерном самоликвидаторе. Только о Вере я ничего не сказал, это было мое личное и его не касалось. Он внимательно слушал.

— А где находится этот самоликвидатор?

— Вот это мы обязательно должны выяснить. Чтобы его обезвредить. Его местонахождение известно Хензегу. Зибель, вероятно, тоже знает. В случае повреждения герметизации, угрозы биологического заражения или бунта...

Я вернулся к себе в комнату, утомленный этими откровенными разговорами. Мой отец погиб из-за того, что слишком доверял своему ассистенту Зибелю. А он его обманул.

Я не ложился. Читал микробиологию Кобруса, но никак не мог сосредоточиться — нервы были на пре-

деле. Через некоторое время ко мне пришла одна из девушек. Вряд ли это Вега, мне не хотелось, чтобы это была Вега, ведь комната сорок седьмого осталась пустой. Но втайне я надеялся, что это она.

Девушка села на кровать и уставилась в стену. Не так она должна была себя вести. Она должна всегда улыбаться и быть готовой к любви, а потом тихонько уходить. Девушка долго молчала.

— Вы не знаете, что случилось с сорок седьмым номером? — Она внимательно посмотрела на меня.— Ваша комната как раз напротив.

— Не знаю,— ответил я и отвернулся. Я не любил врать.

Девушка посмотрела на меня, на мгновение в глазах ее блеснула искра надежды, которая тотчас угасла и сменилась тоской. Она встала, оглядела комнату, покачнулась, но вовремя схватилась за дверную ручку.

— Вчера вечером он как-то странно себя вел... Не узнал меня... С ним ничего не случилось?

Она плакала. Ее худенькие плечи казались ужасно одинокими и беззащитными. Я мог бы обнять ее, сказать несколько ласковых слов, но я не сделал этого.

— Извините. Вы не можете знать.

Она ушла. Я спрашивал себя, была ли она в моей комнате. Легкая и воздушная, она все унесла с собой. Осталось только неуловимое чужое присутствие. Из зеркала с неприязнью на меня смотрело мое собственное лицо. Оно казалось мне до ужаса чужим, это мое лицо, повторенное девяносто три раза. Я провел по нему рукой, словно пытаясь стереть его, но оно снова выплыло из-под моих пальцев. И тогда я сжал руку в кулак и ударил по собственной физиономии в зеркале. Зеркало разлетелось на тысячи маленьких осколков, как когда-то давным-давно, они рассыпались у меня в ногах, а по пальцам потекла кровь. Я почти не почувствовал боли, только жуткую усталость, от которой мне стало плохо.

12

Яркий свет в коридоре казался белым. На мгновение я закрыл глаза, чтобы свыкнуться с освещением; когда я их открыл, было уже лучше. Не соображая, что делаю, я направился в залу. Заседание все продолжалось.

Я вернулся.

Девяносто третий тоже не спал. Он вздрогнул, увидев меня, что-то выключил, но когда понял, что это я, улыбнулся и кротко сказал:

— Слушай!

— ...семерых уже нет в живых.— Это был голос Хензега.

— Но у нас еще есть девяносто три,— оправдывался Зибель.

Девяносто третий в напряжении слушал. В тишине снова раздался голос Хензега и разлился по комнате. Он продолжал излагать свои мысли.

— ...всегда хотел мира. Его пытались подкупить, заставить силой, но ничего не удалось. И все-таки его перехитрили, не так ли? Девяносто три мозга работают на нас. Превосходство на нашей стороне. Мы снова станем самой сильной нацией.

Хензег все больше увлекался. Девяносто третий продолжал слушать.

— Не понимаю, почему мы должны держать в тайне их происхождение? Ведь оно еще раз докажет им достижения нашей науки. Я как психолог считаю...

— Еще рано, слишком рано,— перебил Хензег доктора Андриша.— Истину нужно преподносить в строго определенный момент, когда человек созрел для нее, в противном случае она обесценивается. Для них этот момент еще не наступил. Не следует забывать, что они — точная копия своего отца. А каково было его отношение к созданию клонингов? А к нашей политике? Вы должны это помнить, доктор Андриш. И вы, доктор Зибель. Ведь вы так хорошо его знали! Теперь, когда мы почти у цели, мы не имеем права на новые психологические опыты. В тот момент, когда кто-нибудь из них осознает свою индивидуальность, все будет потеряно.

Девяносто третий поглощал каждое долетавшее до нас слово. Я попытался заговорить с ним, но он сделал рукой нетерпеливый знак. Зазвучали оправдания доктора Андриша:

— Доктор Зибель действительно ошибся. А с тем, первым, на которого я вам указал, тоже было не все в порядке. Он знал о портрете Елены. Откуда он мог знать, если не бывал в кабинете? Какие вам еще нужны доказательства? А кроме того, мне кажется, что и остальные чересчур много рассуждают, и не исключено, что они сами дошли до идеи создания клонингов...

— Глупости! — резко оборвал его Хензег.— Никто не верит в то, во что не хочет верить. Поэтому, несмотря на широкие познания, они не могли сами...

— А ведь он прав, черт его подери, я сам дошел до этого, но никогда бы не поверил, что и мы...— пробормотал девяносто третий и посмотрел на меня. Я молча согласился. И я бы никогда не поверил, если бы не пошел за доктором Зибелем.

— И потом,— не сдавался доктор Андриш,— этот опыт с девушками... Еще одна ошибка Эриха Зибеля.— В этот момент он готов был отказаться от старого друга, думая только о собственной шкуре.— Они не должны были знать, что женщина вообще существует. Какова ее роль? Только для развлечений? Но они слишком умны, чтобы в это поверить. И если хоть одна из девушек забеременеет, нам придется ответить на многие вопросы.

— Этого никогда не произойдет,— отозвался резкий голос Зибеля, готового защищаться.— Не случайно я выбрал бесплодную красоту «Мисс Европы». Эти девушки повторяют ее во всем. Не забывайте, что и клонингам нужны иллюзии, как людям, что и у них есть излишняя энергия, которая должна на что-то расходоваться, но все же главным остаются иллюзии. Хорошая иллюзия действует дольше отравы. А разве есть для мужчины лучше иллюзия, чем женщина?

— Но если эта ваша иллюзия все-таки забеременеет? — не унимался доктор Андриш.— Как только не шутит с нами природа!

— Нет, доктор Андриш.— Хензег, потерявший терпение, попытался прекратить спор.— Прошло то время, когда природа подшучивала над нами. Теперь мы с нею шутим. И притом весьма успешно. Если вы этого не поняли, какого черта вы здесь делаете?

13

Заседание продолжалось. Голоса время от времени пропадали. Девяносто третий, лежа на полу, закрыв собой микроустройство, внимательно слушал. И вздрагивал. Мне все было ясно. Если бы не навязчивая мысль о бегстве и не вера в него, я ворвался бы в кабинет доктора Андриша и наглотался его таблеток, от которых засыпаешь навсегда. Доктор Андриш хранил их в зеленой банке в углу своего медицинского шкафа. Но мне не нужны эти таблетки. Я выберусь отсюда, ведь и Хензег считает, что это не так уж невозможно. Я доберусь до людей, до обычных людей, для которых пишут стихи, поют песни, рисуют картины. Сюда каждую ночь приходит кто-то из этих людей. Я часто слышал ночами шаги в коридорах, разговоры, приглушенный смех, видел движение теней, видимо, ночью сюда доставляли продукты, медикаменты, пробы и прочие необходимые для нас вещи. Вряд ли кто-нибудь из них знал правду, они приходили в темноте и уходили в темноте. Не задавали вопросов и не ждали ответов. Загадочные, безликие и безымянные.

Девяносто третий продолжал подслушивать. А рядом со мной появился старый ученый. Я осмотрелся. Девяносто третий ловил своим устройством пропадающие голоса Хензега и Зибеля. И ничего не замечал.

— Чего ты боишься? — спросил меня отец.— Ты ведь похож на меня. Я много сделал для людей. И не пожалел ни собственного благополучия, ни себя самого. И ты не пожалеешь. Каждый человек обязан сделать что-то хорошее, хотя бы один маленький шажок вперед. Ты убежишь отсюда, чтобы рассказать все людям, я с тобой, мир не так уж велик, и я научу тебя, что делать. Я мертв, но ведь ты жив, а ты — это я. Я никогда не боялся. И ты не бойся. В кабинете Зибеля ты найдешь истории моего времени. Изучи их внимательно, они раскроют тебе глаза. И помни: совесть ученого — его ответственность перед миром. Готов ли ты отвечать за свою работу? Кому ты служишь? И будь осторожен с Зибелем, он может перехитрить и Хензега, и всех вместе взятых, он — хитрая лисица, в третий раз тебя не упустит. Дай руку девяносто третьему, протяни руку остальным, станьте одной цепочкой, стеной...

— Да,— прошептал я.

— Что с тобой? — спросил девяносто третий и тревожно взглянул на меня.— Не шуми! Сейчас должен прилететь какой-то генерал Крамер. Похоже, важная птица. Ты что-нибудь о нем слышал? Они собираются объявить особое положение.

— Зибель не допустит. Для него это... конец.

— Надо поторопиться.— Девяносто третий поднялся с пола.— С каждым днем становится все труднее. Я буду держать в поле зрения Хензега, а ты присматривай за Зибелем. И нужно скорее подключить кого-нибудь из наших.

14

Дорога в мир начиналась из кабинета Зибеля. Нужно было снова попасть туда. Я знал эту дверь, и сейчас, когда Зибель успокоился, считая меня мертвым, особенно важно было снова открыть ее. А Зибель действительно успокоился. Его лицо вновь обрело выражение печали и святости. Он погрузился в работу, часами просиживал над нашими исследованиями, терпеливо наставляя нас, задавал многочисленные вопросы и выслушивал ответы...

— Ты хорошо знал сорок седьмого? — спрашивала Вега.

Она часто приходила ко мне, присаживалась на край кровати, но избегала любого моего прикосновения, и, чтобы она не уходила, я не трогал ее.

— Конечно,— отвечал я.— Тебе никогда не кажется, что сорок седьмой — это я, то же лицо, те же руки, те же мысли?

— Не знаю.— Вега внимательно и долго разглядывала меня.— Трудно сказать. Когда я сюда вхожу, у меня вдруг радостно бьется сердце, но потом вспоминаю, что Альтаир мертв, и мне хочется расцарапать твое лицо. И плакать, плакать. Возможно, подобные чувства испытывают люди, когда им изменяют: вроде бы есть человек, а он мертв. Но когда я не смотрю на тебя, мне хорошо, потому что с тобой я могу разговаривать о нем, а с другими не могу.

— Почему ты любишь именно его? Ведь он — во всех нас, а мы — в нем.

— Нет,— заплакала Вега.— Это невозможно объяснить. Мне кажется, что только любовь способна открыть ту неуловимую индивидуальность, которая скрыта в каждом из вас. Только любовь. Иногда мне кажется, что он идет по коридору. Выхожу и вижу — он, его походка. Позову его, а он проходит мимо. Альтаир остановился бы, взял бы за руку... Не знаю, как тебе объяснить... Возможно, это оттого, что я ношу его в себе, он во мне...

— Как в тебе?

Я повернулся к ней, увидел опухшие от слез глаза. Все в ней мне было дорого. Я подошел ближе. Она встала, ее волосы коснулись моей щеки.

— Не знаю, но сейчас во мне бьются два сердца. Дай руку, не бойся. Послушай, ведь их два? Одно — Альтаира... А ночью... ко мне приходил Зибель. Он не может быть один. Все время говорит о своей покойной жене. Но когда он мне сказал, что сорок седьмой умер, я не поверила... А еще он сказал, что я больна и должна пойти к доктору Андришу. Но я не пошла... Зибель размяк, как ребенок, никто его таким не видел, но со мной он искренний и слабый, он хотел бежать, говорил о себе и Елене, потом стал называть меня Еленой и обнимать, он был так страшен, что я испугалась и хотела уйти...

— Что он еще тебе сказал? Вспомни, это очень важно! Вспомни! Сосредоточься...

Я начал трясти ее за плечи, она выпрямилась.

— Что еще? Он сказал, что мы с ним сбежим отсюда. Для него я была Еленой, и он настаивал на бегстве, пока не поздно и пока его не убили. Я не хотела верить, но он открыл какую-то дверь, и я увидела...

— Что?

— Реку, деревья, звезды... И лодку. Маленькую, как ракушка. Она медленно раскачивалась вместе с веслами. Зибель потянул за веревку, обернулся ко мне и понял вдруг, кто перед ним.

— И что? — Я задыхался от волнения.

— Ничего. Мы медленно вернулись в мою комнату. Он приказал мне молчать.

— Ты должна беречься. Смогла бы снова найти эту дверь? Без Зибеля?

— Нет.

Я долго ждал девяносто третьего в его комнате. Наконец он пришел, и не один. Сопровождавший его клонинг недоверчиво посмотрел на меня. Я тоже насторожился. Девяносто третий заметил наши взгляды и рассмеялся. Похлопал нас по плечам.

— Так мы ни к чему не придем, запомните это.

— Но я не смогу распознать его среди остальных. Как я буду налаживать контакт именно с ним?

— Это ненадолго. Скоро мы приобщим и остальных.

Девяносто третий все продумал: в нашей одежде он скрыл микроустройства, которые ловили нас, где бы мы ни находились.

Девяносто третий записал какой-то секретный разговор между Хензегом и генералом Крамером. Хензег настоятельно требовал помощи. Генерал обещал. На базу должно прибыть новое лицо, обладающее особыми полномочиями. И это лицо введет здесь военное положение. Девяносто третий упорно искал путь к термоядерному самоликвидатору, но пришел к выводу, что и Хензег не знает о его местонахождении.

15

Прибыл новый...

А доктор Зибель исчез...

Как-то утром он не явился на лекцию, и мы молчаливо спустились в лабораторию. Я был потрясен. Неужели он бежал? Или просто ночью его убрали, как вообще без шума ночами здесь проворачивали некоторые дела? Или... он заболел?

Я с нетерпением ждал следующего дня. Он снова не явился. Мне стало ясно, что Зибеля больше нет среди нас. И никто не счел нужным объяснить нам, куда девался человек, которого мы встречали каждый день на протяжении двадцати лет. Мне хотелось выяснить, что с ним случилось. И что угрожает Веге и всем нам. Я несколько раз спрашивал Хензега о Зибеле, но он только улыбался и уклонялся от ответа. Молчал и доктор Андриш. Он выглядел слишком бледным и слишком испуганным. Теперь у меня оставался только кабинет Зибеля, только кабинет Зибеля мог раскрыть истину.

Как только я попал туда, я понял, что Зибеля уже нет в живых. Со стены на меня смотрели задумчивые глаза его жены, смотрели прямо и улыбались. Зибель никогда бы не оставил ее портрета. Я снял портрет со стены. У меня было мало времени. Снаружи послышались чьи-то медленные, равномерные, угрожающие

шаги. Я облокотился на стол — все выглядело так, словно человек вышел на минуту, пепельница полна окурков, рядом с микроскопом лежала раскрытая папка, ящик письменного стола был слегка выдвинут, и из него беспорядочно торчали записи Зибеля. Написанные неразборчивым почерком, они привлекли мое внимание знакомым словом «клонинги».

Предстояла новая встреча с доктором Зибелем. Даже после его смерти.

Новый уже приступил к работе. Его звали Папанелли. Какая-то скованность чувствовалась в его осанке, как будто он всю жизнь носил тесную одежду. Он был относительно молод, лет тридцати пяти, был спокойным, непроницаемым, почти не разговаривал. Кабинет доктора Зибеля стал его кабинетом. Когда-то широко раскрытые двери теперь плотно закрывались, и из-под них пробивались полоска света и аромат сигары. После краткой и вдохновенной речи о том, что от нас многого ждут в будущем, он увеличил часы работы в лаборатории, отменив временно лекции, поскольку считалось, что мы и так имеем превосходную подготовку. Стоило нам на минуту покинуть рабочее место, как тут же раздавался сигнал, и перекрывались выходы на верхние этажи. Стоило нам пройти по коридору, как тут же зажигались контрольные лампочки. Лампочки вспыхивали и над дверями наших комнат, как только мы туда входили. Каждый из нас должен был носить свой номер на груди с левой стороны, на месте, точно определенном доктором Андришем, и номер пульсировал. Это вызывало чувство страшной уязвимости. Никто не имел права садиться на чужое место. Никто не имел права ночью покидать свою комнату. Нельзя было запирать ее на ключ. Мы спали теперь при сильном освещении. А если утром мы собирались группой больше троих, об этом тотчас сигнализировали невидимые сирены, и к нам бросался доктор Андриш, а следом Хензег.

Изоляция, изоляция...

Когда Папанелли произносил слово «дисциплина», его голос менялся, превращаясь во что-то твердое. Стоило ему спуститься за нами в лабораторию, как он начинал метаться от одного к другому, приказывая поторопиться. Спешка могла привести к катастрофе, как в секторе А. Один из наших попытался было объяснить ему, что наша работа требует последовательности, что она — новая и неизвестная, и... через минуту его уже вели к центральному лифту. А оттуда... Кто-то из клонингов спросил, куда повели его коллегу, и в следующий миг повели и его самого. Больше никто ни о чем не спросил. Мы боялись не только Папанелли, мы боялись друг друга, Хензега и всех остальных. Страх стал нашим постоянным состоянием. Но вместе со страхом в нас нарастал и гнев. Мы были людьми. Чем ниже опускались наши головы, тем опаснее становились мы сами. Но господин Папанелли не знал клонингов.

Что-то в нас изменилось. Все вдруг стало предельно ясно, как будто вдруг попало в фокус. Я не терял времени. И девяносто третий не терял времени. Мы шли от одного к другому и рассказывали правду. Тихо, на ухо, между прочим. Это действовало.

Мы рассказали другим и о ядерном самоликвидаторе. Кое-кто видел в этом выход — взорвать базу.

— Ни в коем случае! — возражал я.— А другие клонинги?

Которые живут бог знает где? Бегство отсюда возможно, хоть это и кажется невероятным. Один из нас или несколько выберутся и расскажут все людям.

Девяносто третий поглядывал на меня. Только мы двое знали о существовании двери, куда отвел Зибель Вегу. Нужно было открыться до конца.

— Мы не будем сидеть здесь сложа руки.

Мы сорвали номера со своей груди и швырнули их к ногам Папанелли. Мы не желали быть только светящимися номерами, слишком долго нам отказывали в индивидуальности. Поздно было превращать нас в безликие номера. Мы выбросили браслеты и разбили контрольные лампы над дверями.

Лицо Папанелли стало пепельным.

— Это же бунт! — испуганно кричал он и искал Хензега, чтобы дать ему распоряжения.

Хензег молчал. И доктор Андриш молчал.

Двадцать лет «база» прожила в мире. Двадцать лет, подчеркивал злобно Хензег, и ему вторил доктор Андриш. А теперь, когда приехали вы...

— Но вы сами меня вызвали! — кричал Папанелли, а мы слушали, прижав уши к микроустройству.

— Никто вас не звал! — резко отсек Хензег.— Никто!

— Меня послал генерал Крамер. Положение было...

— Тихим и спокойным,— засмеялся Хензег своим особым смехом, от которого у меня по телу побежали мурашки.

Похоже, Хензег ожидал получить чего-то большего после смерти Зибеля, но не получил. Подозрение, которое было причиной смерти Зибеля, тенью ложилось и на него, и он это понял с приходом нового. У Папанелли была неограниченная власть, от него ждали скорых результатов и нормализации обстановки. Он ничего не понимал в науке и в психологии, но этого от него и не требовалось. Его единственная задача — подчинять. И науку. И психологию. И клонингов. И тех, кто за них отвечал.

— Ты думаешь, Хензег не знает о тайном кабинете Зибеля? — как-то вечером спросил меня девяносто третий.

— Я в этом не уверен.— Я вспомнил коридор, где мы встретились с Хензегом, его подозрительный взгляд, смерть клонинга.— Хензег знает, не может не знать, но, видимо, хранит это в тайне от нового. Хензег его боится. И потому замышляет что-то свое, не ожидая больше помощи сверху. Ведь он больше не просит помощи? А это может помочь нам...

— Почему бы тебе снова не проникнуть в кабинет Зибеля? Чтобы все узнать. Мы тебя прикроем...

И я опять пришел в кабинет Зибеля.

Запер изнутри дверь, склонился над столом и начал по одной нажимать на разные кнопки. Вспыхнул экран, появился доктор Андриш, он сидел в кресле в своем кабинете и читал книгу. Я нажал на другую кнопку — двое наших воспитателей разговаривали о своих личных делах. Нажал на третью — прямо передо мной появился новый, посмотрел на меня, как будто почувствовав мое присутствие, и снова погрузился в работу. Одна за другой сменялись на разных экранах картины, появились некоторые из клонингов, некоторые из девушек, но я не смог понять, кто именно. И только Хензег ни разу не мелькнул ни на одном экране. Темнели пустые лаборатории и библиотеки. Хензега не было. А я нажал почти на все кнопки.

И вдруг...

Я просто подвинул микроскоп, которым когда-то ударил Зибеля по голове. Под ним показался едва заметный кружочек, даже не выступавший над поверхностью стола. Я дотронулся до него. Послышался легкий шум, и квадрат в полу начал медленно опускаться вниз. В первую нашу встречу с Зибелем я стоял точно на этом месте. И он тогда лихорадочно шарил пальцами по столу... Я вздрогнул. Появилась лестница, ведущая неизвестно куда. Я закрыл выход и бросился в комнату к девяносто третьему.

Мы вернулись втроем. На всякий случай девяносто третий взял одного из наших. Он будет охранять наверху, а мы спустимся по лестнице. Мы шли осторожно и медленно. Лестница была очень узкой. Мы очутились в небольшом помещении, где на полках стояли стеклянные колбы. На каждой была этикетка. Я попытался прочитать.

— Ты что-нибудь понимаешь? — несколько раз спросил меня девяносто третий, но я, ошеломленный, молчал.

— Понимаю,— наконец выдавил из себя я.— В этих колбах спят будущие клонинги величайших умов мира. Это кусочки кожи, которые прекрасно сохраняются в специальной среде до той поры, пока не возникнет в них необходимость. И сам Зибель...

Да, здесь была колба с надписью Зибель, Эрих Зибель. Елена Зибель никогда не появится снова. Ни при каких обстоятельствах. Девяносто третий схватил меня за руку.

— Слышишь?

Мы прислушались. Звуки шли снизу. Медленно и очень осторожно мы пошли дальше и заметили полуоткрытую дверь, за которой кто-то был. Он стоял к нам спиной, а помещение напоминало лабораторию. Руки в перчатках проникали сквозь обтекаемую материю в глубь параллелепипеда. Может быть, это был доктор Зибель, который снова кого-то создавал? Нет, не похож на Зибеля. На мгновение он поднял голову, и по одному лишь жесту, так хорошо нам знакомому, мы узнали Хензега.

16

— Проще всего взорвать все,— говорил я десятку наших, собравшихся в лекционном зале на зеленом этаже. Снаружи мы поставили охрану.— И что из того? Никто никогда не узнает, какая опасность продолжает угрожать человечеству. Мы растворимся среди обычных людей или погибнем, и никто ничего не узнает, а тем временем Хензег или Крамер... Наш долг...

Да, наш долг — предупредить человечество, чтобы больше не допускать таких экспериментов, чтобы сделать это, мы с усердием взялись за работу, усыпив подозрения Хензега и Папанелли. Хензег был озабочен собственным положением. Отношения между ним и Папанелли обострялись с каждым днем, а доктор Андриш сохранял нейтралитет. Он составлял длинные и скучные тесты, в которых не было никакого смысла. Да и никто уже не нуждался в его помощи. Мы ловили новые разговоры Папанелли с «центром». Он докладывал о подозрительном поведении Хензега. Ловили и разговоры Хензега с «центром», он жаловался на подозрительность Папанелли и его непонимание здешних условий работы. Если не будут приняты меры, скоро наступит хаос, терял самообладание Хензег. Если вы не уберете его отсюда, взволнованно сообщал Папанелли, он заварит такую кашу... Папанелли явно не знал о существовании тайного кабинета, не знал и о лаборатории под ним, вероятно, не знал и где находится ядерный самоликвидатор. Умный доктор Зибель все предусмотрел: и тайные выходы, и тайную лабораторию, где можно было проводить свои собственные опыты, и тайный ход к самоликвидатору. И все-таки те, кто так щедро оплачивал его работу и вместе с ним создавал этот страшный комплекс, перехитрили его, опередили, раздавили, ведь не напрасно они тратили столько средств. И Зибель должен был понять, что он только орудие в их руках, только пешка в игре крупных фигур, которой суждено погибнуть, как только она подумает о себе и пойдет своим путем. Но Хензег пошел по пути Зибеля.

Мы были наготове. В ближайшее время что-то должно произойти.

17

Великие открытия происходят самым неожиданным образом. Я разглядывал лицо Елены Зибель, мне оно казалось самым совершенным человеческим лицом с печалью и надеждой в глазах. Я уронил портрет, и он упал на пол обратной стороной. Я наклонился, чтобы поднять его, и онемел. На обороте был начертан план коридоров нашего лабиринта, все входы и выходы. Это было так неожиданно!..

Я бросился в комнату к девяносто третьему, разбудил его, и мы вдвоем до утра изучали найденную карту. Мы точно установили, что это план самого нижнего этажа, где находились лаборатории. И линии были голубыми, как освещение этого этажа. Мы находились семью этажами выше. Просчитали время, необходимое для того, чтобы спуститься. Дальше уже легче. Мне хотелось еще что-нибудь понять в записях Зибеля, но почерк не поддавался, а у меня не было времени вникать. Мертвая Елена Зибель помогала нам, мертвый доктор Зибель снова ставил препятствия. Этой ночью мы с девяносто третьим разработали план моего бегства, а потом несколько раз проделали нужный путь и уже могли пройти его даже с закрытыми глазами.

Я уговаривал девяносто третьего бежать со мной. Настаивал. Спорил. Он оставался непоколебим. Кто-то из нас должен довести дело до конца здесь. Мне выпадало выбраться отсюда и искать путь к людям.

Тогда я рассказал ему о Веге. Он не возражал, чтобы я взял ее с собой, так даже лучше, похоже на бегство ради любви. Но нельзя ждать ее более трех ночей. Ни в коем случае. Если она за это время не явится, я должен бежать один.

На вторую ночь она пришла.

— Ты был прав,— сказала она.— Меня силой отвели к доктору Андришу. А потом говорили, говорили, говорили. Мне страшно.

— Почему? — спросил я.

Она посмотрела на меня с надеждой и ожиданием. Попыталась вспомнить. Говорила она сбивчиво. Сначала ее осмотрел доктор Андриш и сказал, что не может быть никакого сомнения, он торжествующе посмотрел на Хензега и Зибеля, потом заговорил Зибель и долго объяснял, что нет повода для страхов. Напротив, будет интересно наблюдать за развитием нового существа и проверить, как клонирование отражается на последующих поколениях. Хензег долго колебался, но в конце концов уступил, и они решили изолировать ее от остальных. Изолировали. Потом пришел новый, внимательно ее осмотрел и что-то сказал Хензегу. Хензег долго оправдывался, но безуспешно. И она испугалась. Через несколько дней ее снова отвели к доктору Андришу, что было потом — она не помнит. Когда она пришла в себя, у нее кружилась голова. Доктор Андриш велел ей пойти в комнату и сразу лечь в постель. Но она пришла ко мне.

— Тебя кто-нибудь видел?

— Нет.

— Нужно быть осторожней, Вега.

— Вега?!

Она бросилась ко мне, прижалась к моей груди и вдруг затихла.

— Ты! Это ты! — задыхаясь, шептала она.— А Зибель сказал, что ты умер.

Не было времени ждать. Я схватил записки Зибеля, прижал к груди портрет Елены Зибель с планом коридоров, который я знал уже наизусть, и потащил девушку за собой. Она, ничего не понимая, изумленно смотрела на меня.

Она не спросила, куда мы бежим. Мы прислушались. К дверям кто-то приближался. Вошел девяносто третий. У меня подкашивались ноги.

— Вы готовы? — спросил он и улыбнулся. В последний раз пожали друг другу руки, и мы с Вегой отправились в путь.

Бесконечные коридоры, по которым мы ходили двадцать лет, обняли нас своим белым светом. Вега крепко сжимала мою руку, не произнося ни слова, но когда я смотрел на нее, видел ее бледное лицо и потемневшие глаза. Мы прошли уже половину пути, как вдруг она выпустила мою руку и села на пол.

— Иди один, я больше не могу!

— Что с тобой, Вега? Ты устала?

— Не знаю, это не усталость, что-то другое. Мне никогда не было так плохо.

Я взял ее на руки. Необходимо было как можно скорее добраться до заветной двери, ведущей в большой мир, а там все будет по-другому. По-другому? Мы не знали, что нас там ждет, и долго обсуждали с девяносто третьим нашу предполагаемую встречу с людьми. Я немного боялся. Веге стало совсем плохо, ее лицо побелело.

— Потерпи, Вега! Прошу тебя!

Она попробовала улыбнуться, но губы ее задрожали, а в уголках глаз показались слезы.

— Не понимаю, что они со мной сделали. Мне так страшно. Как будто мы в каком-то огромном зале с зеркалами. И постоянно в них отражаемся. Все кружится. Кружится,— бредила Вега.— И мы кружимся. А коридоры делаются все темнее. Я уже не чувствую своего тела, я плыву, нет, летаю. Я летаю?.. Объясни, что со мной происходит. Ты такой умный.

Я мог бы ей объяснить, но не имел права. Она пришла прямо от доктора Андриша, а у доктора Андриша были уколы на разные случаи. Были и таблетки. Он контролировал нашу жизнь, желания, мысли, поступки, все. Из-за него умерли двое наших, потом еще двое. И сам Зибель. А теперь умирала Вега. Мне не хотелось в это верить, но я не мог обманывать себя. Папанелли не любил экспериментов, в них крылся риск, а он не выносил риска. Этот ребенок поставил бы его перед новыми проблемами. Он боялся ответственности, и без того его утомляло наше необъяснимое поведение и еще более необъяснимое поведение Хензега. Полностью лишенный фантазии, Папанелли напоминал мне примитивные кибернетические машины.

Вега умирала. Оставляла меня одного.

Я снова взял ее на руки и быстро пошел. Времени было в обрез. Я побежал.

Последний коридор... Силы почти покинули меня. Вероятно, вид у меня был довольно жалкий, один из наших приблизился ко мне сзади и прошептал:

— Все-таки придется тебе помочь, приятель.

Я обернулся. Мое собственное лицо смотрело на меня обеспокоенным взглядом. А микроустройство под одеждой молчало. Он не был из круга наших доверенных лиц, но дружелюбно улыбался. Он склонился над Вегой, но в следующий миг в испуге отпрянул назад.

— Но она... мертва!

— Нет! — прошептал я.— Нет! — крикнул я.— Нет! — Страшный вопль готов был вырваться из моего горла, но клонинг опередил меня, зажав рукой рот.

Она была мертва. Мы осторожно положили ее на ковер, по которому рассыпались ее темные волосы. Я погладил ее лицо, оно осталось неподвижным, без улыбки. Мы переглянулись.

— Пойдешь со мной? — не глядя на него, медленно, но решительно спросил я.

Не знаю, как бы я поступил, если бы он заколебался, задумался хотя бы на минуту, если бы спросил куда. Но он быстро выпрямился и сказал:

— Пойдем, приятель.

Я с облегчением вздохнул.

В последний раз с болью я взглянул на Вегу, снова погладил ее неподвижное лицо, закрыл ее прекрасные глаза. Я навсегда уносил с собой ее образ, как уносил и эти проведенные здесь двадцать лет жизни. Вега открыла для меня любовь, а через нее — сущность мира и людей, я любил ее и навсегда уносил с собой — чтобы отомстить за нее, за нас за всех...

18

Мы были на свободе.

В лесу чернели высокие и прямые деревья, я впервые видел их. Где-то совсем рядом журчала вода. Ночь наполнялась ее шепотом и криками птиц. Было страшно и прекрасно. Воздух, очень свежий и пропитанный незнакомыми ночными запахами, пьянил нас. Луна, как апельсин, висела в этом хрустальном воздухе. Дрожали яркие, высокие, настоящие звезды.

Впервые в жизни мы протянули друг другу руки и крепко обнялись.

— А теперь нам надо разыскать Кобруса.

— Кто этот Кобрус? — спросил мой товарищ.— Микробиолог?

Я должен был ему все рассказать. Я рассказывал долго и обстоятельно, показывая записки Зибеля и портрет Елены Зибель. Я начал с той минуты, когда я пошел за доктором Зибелем, а он не оглянулся; закончил — мгновением, когда клонинг положил мне руку на плечо, назвал меня своим другом и предложил помощь. Теперь мы должны как можно скорее помочь остальным. Девяносто третий остался, чтобы тщательно подготовить бунт и наблюдать за Хензегом и Папанелли. «Центр» знал свое дело, разделял и властвовал, и устранял неугодных. А спокойное человечество ни о чем не подозревало. Не хотело подозревать.

Мы должны были его потрясти.

Мы долго брели куда-то, долго разговаривали и, наконец, вышли к реке. Остановившись, снова пожали друг другу руки и пожелали скорейшей встречи у Кобруса. Клонинг двинулся вниз по течению. Я долго смотрел ему вслед, в лунном свете его фигура казалась беззащитной и нереальной.

— Постой!— крикнул я.— Твое имя Рихард.

— Рихард,— повторил он и растворился во мраке.

Я направился вверх по течению. Мне хотелось дождаться рассвета, чтобы скрыться где-нибудь и спокойно изучить записки Зибеля, которые не давали мне покоя. Только после этого я отправлюсь на поиски людей. Один из нас придет первым.

Мы не имели права опаздывать.

Молчание

1

Меня зовут Зибель. Мне пятьдесят два года. Я многое пережил, многого достиг, но никогда не был счастлив. Я женат. Люблю Елену. Все еще люблю ее, но она смертельно больна и скоро умрет. У меня были дети, двое сыновей, оба погибли во время тех страшных бомбежек. Потом они снова у меня были, но Елена... что сделала с ними Елена? Я не могу сердиться на нее, ведь прошло уже столько лет, и сейчас мне кажется, что она была права. Но не бывает объективной правоты, для каждого правота своя. В один-единственный миг я потерял покой. До этого я никогда не задумывался, уверенный в себе. А в тот миг я потерял и смелость. Этого никто не понял, даже Елена. Она продолжает молчать. Смотрит на меня пустыми, отсутствующими глазами. Не может простить мне истории с детьми. Сейчас, на пороге смерти, она должна меня простить. Должна простить.

Я жду и буду ждать до конца.

Я начал свою жизнь с убийства людей. Они были нашими врагами, и я гордился собой. Я убивал спокойно, хладнокровно, научно. Выдумывал тысячи способов. Мне это удавалось, и все признавали меня гениальным. А закончу я свою жизнь, создавая людей. Уже не так спокойно, с какой-то тревогой. И это опять мне удается. Но теперь никто не считает меня гениальным. И Елена продолжает смотреть мимо меня пустыми, отсутствующими глазами.

2

У Елены удивительная способность разговаривать, когда она одна. Повернув красивое лицо к стене, она смотрит на наших сыновей и тихонько шевелит губами. Слов не слышно. Она не в себе? Сумасшедшая? Для нее они навсегда остались пятилетними, родившимися с разницей в час близнецами, которых я с трудом научился различать. С тех пор она, как лунатик, бродит по комнатам. На меня не смотрит, я знаю, что она меня ненавидит, и удивляюсь, почему до сих пор она меня не бросила. Но не смею спросить ее. Смотрю, как она разговаривает с нашими мальчиками, а мне уже пора идти, я опаздываю.

— Елена, я ухожу!

Она даже не поворачивает головы, как будто не слышит. И это может продолжаться бесконечно, она не обернется, даже если меня поведут на расстрел. Я подхожу к ней, слегка касаюсь ее плеча, плечо вздрагивает, тихонько целую ее в щеку, и щека вздрагивает под моими губами, Елена передергивает плечами, старательно вытирает след моего поцелуя и продолжает молчаливый разговор с мальчиками на фотографии. Мне хочется сорвать эту фотографию, изодрать ее в клочья и кричать, что мертвые навсегда останутся мертвыми, а мы должны жить, что это я сделал ради нее, ведь тогда ее тоска сводила меня с ума, но я знаю, что и сейчас она не поймет, не хочет понять...

Все сгорело. Дотла.

— Елена, я ухожу!

Я действительно ухожу. Не могу опаздывать ни на минуту. Вертолет приземлится ровно в шесть, будет ждать три минуты, пока мы с Хензегом поднимемся по лесенке, и сразу же улетит. Сидя с Хензегом плечом к плечу, мы будем молчать, и вдруг он спросит:

— Как твоя жена?

— Все так же,— отвечу я.

Хензегу легко, он не женат и не пережил того, что пережил я. Он молод, безобразно молод, а знает почти столько, сколько и я. Так и должно быть. И я не завидую ему, я никому не завидовал. Возможно, я завидую Хензегу в другом: его не гнетет прошлое, он не слышит криков мертвецов, которые будят меня каждую ночь, столько ночей на протяжении стольких лет. Криков тех, кого я сам убивал. Он не видел двух своих сыновей, задохнувшихся под грудой развалин, не пережил и презрения единственной женщины, которую любил.

— Они что-то опять меня беспокоят,— говорит он.

«Они» всегда его беспокоят. Он так и сказал генералу Крамеру. «Они» — это наши воспитанники. Сто штук клонингов, которых я сделал из куска кожи старого доктора. И он был очень умным, и он был упрямым, но я справился с ним. Только с одним я не могу справиться — с ледяными мурашками, которые бегают по коже. Когда я спускаюсь в подвал, руки начинают дрожать, мне кажется, что старик сейчас набросится на меня.

— Мне кажется, что они...

Хензегу все время что-то кажется. Страшно беспокойный человек. И передает свое беспокойство выше. Я его не слушаю, он меня раздражает. Мы спокойно спускаемся. Вертолет тут же улетает обратно. Тайная дверь распахивается перед нами, нас принимают в свои объятия длинные освещенные коридоры, и мы снова погружаемся в строгий и логичный мир клонингов, созданный нами самими.

Окончание следует.

Перевод с болгарского
Татьяны ПРОКОПЬЕВОЙ.

КЛОНИНГИ

Весела ЛЮЦКАНОВА

3

Это мой кабинет. И в то же время не мой. Не знаю, что произошло. Не вижу ничего нового. Никто ничего не трогал. Может быть, кто-то стоит снаружи? Открываю дверь, она бесшумно ползет и оставляет пустой светящийся прямоугольник. Спокойно смотрю в него. По коридору удаляется один из них, не могу сказать точно кто. Я смотрю на них двадцать лет, с самого рождения, они выросли на моих глазах, и мне иногда кажется, что я их различаю, но не могу сказать с уверенностью. Только сумасшедший может быть уверенным в подобных вещах.

В кабинете никого нет, но ощущение чужого присутствия не покидает меня. Я снова оглядываюсь по сторонам, снова ищу. Фотография Елены неподвижна и мертва, она молчит. И живая Елена молчит.

— Ты сумасшедший! — повторяет еще один голос.

Я хорошо знаю этот голос. Поворачиваюсь — никого. Это голос того старика, тощего и упрямого.

— Ты сумасшедший! Только сумасшедший способен на такие убийства, способен обокрасть своего профессора, обмануть его и в конце концов убить. Будь ты проклят!

Я вижу его, он поднимает руки, вскидывает подбородок, обнажая тонкую шею и острый кадык. Скелет. Я закрываю глаза. Открываю. Его нет. Нет, он здесь, выходит из темного угла комнаты и надвигается на меня. Так он шел тогда к камере. И смотрел на меня такими же глазами, слегка воспаленными и опухшими от боли. До последней минуты он работал. До последней минуты что-то черкал на обрывках старых газет. Я так и не сумел разобраться в его каракулях. Но храню их в нижнем ящике своего стола. Храню долгие годы. Я удаляюсь к двери, хочу зажечь все лампы, но рука так и застывает.

— Не двигайся! — злобно шепчет Старик и все ет мой взгляд. Долго смотрят друг на друга, потом снова на меня и молчат. Ждут объяснения. Пусть ждут. Мне нужно время, чтобы привести мысли в порядок. Но времени нет. У меня не получается. Смотрю на часы. Остается всего несколько минут до прихода Хензега, это спасение, неверным голосом я диктую список литературы, необходимый для их исследований. И снова наступает молчание. А их глаза — это глаза того сумасшедшего.

Понимает ли Хензег, что происходит у меня в душе, или равнодушно не замечает моего состояния, не знаю. Я выбираюсь из аудитории, как только что тонувший человек, глотаю воздух и бегу к доктору Андришу. Доктор Андриш знает меня давно. Еще со студенческих лет. Он все время хочет мне чем-нибудь помочь, но я и его боюсь. Когда-то, когда я изучал биологию и генетику и другие медицинские науки, я понял, насколько они отстают от технических. И все же именно с помощью медицины и генетики мы проделали величайший эксперимент. С их помощью мы убивали. По-разному: болезненно и ужасающе, спокойно и безболезненно, но всегда строго научно. Потом, когда миновало время смерти и нам стала нужна жизнь, мы опять с помощью этих наук ее создали. Такую, какая нам была необходима. Благодаря нам и нашим опытам человечество, не подозревая того, оказалось в новой эпохе.

Доктор Андриш в своей лаборатории. Упорно совершенствует человеческий мозг. Никому не рассказывает о своей работе. Он уже давно не ставит опытов на мышах и крысах. Периодически он поднимается наверх, вертолет отвозит его в какую-нибудь тюрьму, полную молодых преступников, и там на ком-нибудь из них он ставит свои опыты. Опять же во имя жизни.

— А ты спишь ночами?

— Конечно, Зибель. Сплю, очень хорошо сплю. приближается, я чувствую его дыхание.— Теперь ты мой. Твоя очередь расплачиваться! И ты заплатишь мне за все!

Он совсем близко, почти касается меня рукой.

— Помогите! — кричу я.

Знаю, что это бессмысленно, но все же кричу. Что-то сковало мне руку, я не в силах пошевелить пальцами. А Старик медленно начинает расти и улыбается.

Я смотрю на портрет Елены. Ее спокойная улыбка возвращает смелость. Старик исчезает. Я один. Весь мокрый от пота. Уставший и напуганный до смерти, я плюхаюсь в кресло и продолжаю смотреть в этот угол. Самый обычный угол, где сходятся две белые стены и где никого нет, но я не смею закрыть глаза...

4

Я читаю лекции по специальной системе, о которой никому не рассказываю. Клонинги слушают меня внимательно, я всегда умел хорошо говорить. Еще студентом я отлично сдавал экзамены. Потом защищал диссертации. Кризис наступил позже — после смерти детей. Прошли годы, прежде чем я более или менее пришел в себя.

Внимательные взгляды мальчиков подсказывают мне, что в чем-то я ошибся, но в чем, пока не могу понять. Я останавливаюсь. Взгляд скользит по лицам, останавливается на каждом из них, и я прихожу в ужас. Вероятно, они без слов понимают, что означа-

Окончание. Начало в № 5.

А почему мне не спать? Я все это делаю не для себя, а ради людей. Ты ведь знаешь, что наука не обходится без жертв. Повторяй себе это по десять раз на дню, это помогает. Как Елена?

Состояние Елены ни для кого не тайна. Тайна в другом: не только состояние Елены причина моего беспокойства. Есть кое-что другое, что называется совестью. Иметь ее — большая роскошь, в наше время это может отравить жизнь.

— Ей осталось совсем немного,— говорю я.

— Когда придет время, ты должен позаботиться, чтобы она не страдала от болей. Я здесь кое-что приготовил. Это создает иллюзию легкости, вселяет надежду, тебе кажется, что ты выздоравливаешь, и засыпаешь с улыбкой. А прежде чем уснуть навсегда, у тебя есть два часа, в течение которых мысль проясняется.

— Дай мне это! — Я протягиваю руку.

Он с сочувствием смотрит на мою протянутую руку, потом открывает шкафчик, достает пузырек и, улыбаясь, передает его мне.

— Спасибо тебе, Андриш!

Теперь я могу жить спокойно. Но что это? Я снова слышу шаги. Кто-то идет за мной следом. На этот раз действительно идет, хотя мне всегда так кажется. Я поворачиваюсь и вижу одного из клонингов. Значит, мне не показалось. Останавливаюсь перед кабинетом. И он останавливается. У него на глазах я нажимаю на кнопку в полу, дверь открывается. Переступаю порог и скрываюсь внутри. Я прислоняюсь к стене и весь дрожу. Елена, я для тебя это сделал. Ты довольна? Она безучастно смотрит на меня со стены. Не благодарит меня. А клонинг все еще стоит в коридоре. Он ищет кнопку в полу, и я боюсь, что он ее не сможет найти. Нет, находит, помечает и удаляется. Но он вернется, обязательно вернется. Как и я бы вернулся, будь я на его месте.

Я один в кабинете, но смеюсь. Кого я обманул? Себя или их? Или Елену? Не люблю экспериментов. Заботливо прячу пузырек, который мне скоро понадобится. Я найду в себе силы покончить с собой, но покончить с тем, что я создал,— никогда! И Елена умрет, не простив меня. А клонинг, который был сейчас в коридоре, может сделать невозможное. И если бы я был на его месте...

5

Они стояли лицом к стене. Десять человек. Утром, во время проверки, я сам их отобрал.

Как сейчас, я вижу десятерых, поставленных лицом к стене. Можно было их сразу расстрелять, но это было бы слишком просто. А мне не хотелось спешить. В последнее время в лагере ничего не случалось, мне стало чертовски скучно. Среди этих десяти была девушка с зелеными глазами и длинными темными волосами, уже начинающими терять свой блеск. Кожа и кости, худые руки, ключицы торчали из-под одежды, босые смуглые ноги — на фоне белой стены девушка выглядела опасно красивой,— какой-то своеобразно опасной красотой, могущей покорить каждого. Я подметил алчные взгляды солдат.

— Иди сюда! — крикнул я.

Рисунок Алексея Оставева

Она не шевельнулась, оставшись лицом к стене. Один из солдат грубо и зло дернул ее за руку. Девушка обернулась, и удар ее руки пришелся точно на лицо солдата. Солдат, получивший пощечину, взглянул на меня и с силой ударил девушку. У нее изо рта потекла кровь. Это привело меня в бешенство, вдруг я почувствовал себя мужчиной, призванным защищать слабых, я выстрелил. Он не понял, так же как и все остальные, в чем дело, решив, что произошла какая-то ошибка, и прежде чем я дал команду, кто-то из солдат выпустил в нее автоматную очередь. Девушка упала как подкошенная. Остальные заключенные обернулись и сделали шаг вперед. Автоматная очередь приковала их к месту. Я приказал вытащить тело девушки и послать за врачом. А потом мы разрядили свои автоматы в их перекошенные от ненависти лица.

Прибежал взволнованный врач.

— Она будет жить? — спросил я, хотя не было никакой надежды.

— Раны не очень опасные, но, вероятно, она умрет от большой потери крови,— коротко ответил врач.

— Ты должен сделать все возможное! — Я схватил его за плечи и начал трясти.— Она нужна мне! Нужна!

6

Потянулась вереница долгих бессонных ночей — девушка выжила. Отчасти это была и моя победа над смертью, хотя не было в том моей особой заслуги, просто я вытряхнул душу из несчастного врача, и он дрожал всякий раз, когда я склонялся над кроватью девушки. Она мне нравилась, но позже, когда ей суждено было умереть, у меня не дрогнула рука. Вероятно, еще тогда, в момент расстрела, в глубине души у меня зародилась мысль о моих опытах, для которых мне нужны были молодые девушки. Проще всего было использовать молодых заключенных женщин. От Старика под гипнозом и другими путями я узнал все, что мне нужно.

Я пытал его день за днем, ночь за ночью. Я хотел заставить его помогать мне, но не было силы, способной сломить его.

Девушка поправлялась очень медленно, постепенно возвращался цвет лица и изумрудный блеск глаз под темными ресницами, плечи покрывались молочной белизной.

Мне было всего двадцать пять лет, я нравился женщинам, нравилось мое строгое аскетичное лицо, лишенное страстей и слабостей, моя подтянутая фигура атлета. Я был истинным представителем арийской расы. И как истинный ариец я уже имел двух сыновей. Родине нужны были мужчины, и Елена, которая хотела иметь детей, наших детей, уже родила двоих и ждала третьего. Я был счастливым отцом, был счастливым супругом. О моей работе Елена почти ничего не знала, я сказал ей, что заканчиваю последние исследования, связанные с возобновлением жизни, и это произвело на нее невероятно сильное впечатление.

Среди заключенных я отобрал еще двух-трех девушек, шестнадцати-семнадцати лет. Женщины должны рожать молодыми. Я поселил их в отдельном бараке, где стояло шесть коек, и в скором времени нашел еще несколько девушек. Потом оборудовал второй барак на двадцать коек, молодая женская колония быстро разрослась. Каждый день поступали новые заключенные, и я сразу отбирал подходящих девушек. Вечером шатающейся походкой туда шли солдаты, и воздух распалялся от их острых словечек. Я отводил кого-нибудь из них в сторону и шептал:

— Эти девицы нужны мне с наполненными животами, постарайтесь!

Он гордо смеялся и спешил догнать остальных. Потом над лагерем долго гремел их смех.

Девушка поправлялась очень медленно, но я был терпелив. Ее тело, поглотившее семь пуль, целиком, как омут, поглотило и меня. Оно оплело меня своими ветвями, своим светом, своей болью, оно, раз почувствовав смерть, хотело жить. Гладкий живот девушки быстро налился жизнью, округлился, надувая рваную одежонку. Изменилось и выражение ее глаз: они стали влажными, смелыми, дерзкими, они сжигали меня своим огнем. Я подарил ей две жизни.

7

Телеграмма застала меня в кабинете после утренней проверки. За окном дымились печи крематория. Я уже выпил кофе и спокойно читал газеты. Новые города и державы сгибались перед нами. Я чувствовал себя богом. И как раз тогда принесли телеграмму, чтобы доказать мне абсурдность моей божественности.

Я пришел в сознание на руках у врача, но вскоре снова погрузился в небытие. Позже, придя в себя, я, сидя за столом, давал указания, подписывал приказы, вызывал к себе офицеров; заряжались карабины и дымились камеры, а мимо окна шли на смерть заключенные, женщины и дети с огромными, полными ужаса глазами, мужчины с торчащими ключицами и длинными тощими ногами, двигающиеся скелеты, которые всего лишь через минуту становились неподвижными. Разъяренный и бессильный от боли, я шагал взад и вперед по кабинету, мне необходимо было побыть одному, не думать ни о чем; машинально я переставил на шахматной доске пешку на E4, потом вернулся и поставил коня на F3, нажал на кнопку граммофона, воздух наполнился звуками «Валькирии», любимый Брюнхильды умирал, а нет ничего страшнее смерти тех, кого любишь...

Не помню, как я доехал, помню только лицо Елены. Оно было мертвым от ужаса, а я уже не мог держаться. Но должен был держаться.

Потянулись дни и бессонные ночи. Они чередовались, восходы и закаты, и это было и страшно, и необратимо, как смена жизни и смерти. Из глубины развалин, страшной глубины, еще подавали признаки жизни заваленные люди, и там, живые или мертвые, были и наши дети; эта неизвестность могла свести с ума даже самых сильных. Несколько раз в сутки Елена умирала и вновь воскресала; и чем больше мы приближались к заваленным людям, тем бледнее она становилась. Она была на восьмом месяце, напряжение было для нее опасно, но она не желала ни на минуту закрыть глаза и отдохнуть. Когда на шестой день среди трупов мы нашли своих детей еще теплыми, но мертвыми, она только тихо опустилась на тротуар.

Елена пришла в сознание от сильной боли, начались роды. Я отнес ее в соседний дом, поручил женщинам присмотреть за ней, а сам вернулся назад.

8

Беда никогда не приходит одна. Она только открывает дверь другим несчастьям. Елена родила, ни разу не вскрикнув, сжав от боли и отчаяния губы, опять родила сына, но он был мертв. Она рожала трое суток, прямо растаяла на глазах, я удивлялся, откуда она возьмет силы, чтобы выдержать до конца; она сжимала мои пальцы, а ее рука становилась все слабее. Увидев рядом с собой нашего мертвого мальчика, она не закричала, не заплакала, только закрыла глаза. И долго молчала, я не помню, сколько она молчала. В эти часы молчания она таяла, как свеча, а кровь вытекала из нее. Не было силы, которая остановила бы ее. Профиль заострился, кожа вокруг рта посинела, щеки провалились. Врач сказал... Я знал, что это значит. Я и сам видел... И готов был продать душу дьяволу, только бы она выжила.

Она выжила.

9

Я вернулся в лагерь, одержимый одной-единственной безумной идеей. Прежде всего вызвал Старика к себе. Отощавший от плохой пищи, пыток и угрозы смерти, он стоял передо мной, словно тень. Он хотел жить. Ему было зачем жить, и это делало его живучим, живучее других. Дерзость ни на минуту не покидала его. Сейчас она приводила меня в бешенство. Я хотел

увидеть его униженным, сломленным, ползающим у меня в ногах. Когда-то он был моим лучшим профессором, а я был его лучшим ассистентом. Но разразилась война, и мы оказались по разные стороны баррикады.

— У меня есть одна идея,— начал я.

— Эта идея не ваша,— сказал он, как всегда.— Вы готовы обмануть не только своего профессора, но и все человечество. Ваши взгляды, на которые в свое время я не обращал внимания, очень опасны. И этот ваш кумир Ницше... Чем он убедил вас, что вы лучше других? И во всем их превосходите? Я могу доказать обратное. Не хотите слушать? Боитесь!

— Я считал вас умнее, дорогой мой друг. Но даже здесь, в лагере, вы не сумели понять маленькую истину.

— Меня не интересует ваша истина. Такие, как вы, ведут человечество к гибели. Удобные орудия в чужих руках... И бредовые идеи всяких «сверх»! Таких нужно запирать в сумасшедшем доме.

Я рассмеялся грубо и зло. Мой смех его не убедил. Мне оставалось убедить его словами. И я сказал медленно, с паузами:

— Но у меня все ваши исследования. Я сфотографировал их прежде, чем вы успели их уничтожить. И теперь они здесь!

Никогда не забуду его лица в эту минуту. Даже по прошествии тысячи лет, ста тысяч лет. Даже если когда-нибудь я лишусь рассудка, я буду помнить лицо своего старого профессора. Это было ужасно: я решил, что он сейчас умрет. А он был мне нужен, именно сейчас нужен. Я привез с собой кусочки кожи моих несчастных детей, я прекрасно их сохранил, в лагере у меня под наблюдением было несколько беременных девушек, а я должен был вернуть Елене наших детей.

10

Старик отказался мне помочь, только следил за мной. Я переселил трех девушек в наше здание, чтобы как-то избавиться от его любопытства. Жалко было зеленоглазую, ведь она носила моего ребенка, но я любил Елену, я всегда любил только Елену и для нее готов был на все. Долго я готовился к этой ночи, почти всю свою сознательную жизнь, но теперь, напуганный собственной смелостью и неуверенный в успехе, я откладывал опыт, потому что от его результата зависело мое счастье. Тогда я еще не знал, насколько Старик прав.

Операции прошли удачно, мы осторожно извлекли эмбрионы и на их место ввели оплодотворенные соматические клетки. Ни о чем не подозревая, девушки очнулись после наркоза, нам не составило труда обмануть их, самое трудное было впереди. Я лично следил за их питанием, они поправились, но не выглядели счастливыми. Только зеленоглазая улыбалась. Мы почти не разговаривали с ней, с какой-то непонятной жаждой набрасывались друг на друга, такого я никогда не испытывал с Еленой, но это не было любовью.

Сейчас я спрашиваю себя: был ли я богом? Или Старик был прав? Он ни на минуту не выпускал меня из поля зрения. Но не это было самым страшным. Страшнее был тот, внутри меня, который постоянно задавал мне вопросы и от которого никуда нельзя было скрыться. Страшной была и тоска Елены. Невыносимая тоска живой покойницы. Я обещал ей снова сделать ее счастливой. Возможно, если бы не мое обещание и не ее страдания, все пошло бы по другому пути, и я никогда не отважился бы на подобную дерзость. Нет, нужно быть честным до конца — я все равно бы отважился. Все было в моих руках. А человек начинает чувствовать себя богом, когда все в его руках. И позволяет себе непозволительные вещи.

Девушки родили точно через девять месяцев. Роды прошли с разницей в несколько дней, после чего я сразу отделил детей, но потом вернул их матерям, детям нужно было молоко, а с матерями мы могли расправиться в любую минуту.

Дети росли не по дням, а по часам. Я приходил к ним усталый от маршировок, экзекуций, хвалебных передовиц и продолжительных опытов в лаборатории. С ними я отдыхал. С ними становился добрым, возвращаясь назад в детство собственных сыновей и к улыбке Елены. Старик несколько раз пытался поговорить со мной. Я не допускал его к себе. Я всего достиг сам, опыт получился удачным. После тщательного осмотра я убедился, что дети совершенно нормальные. Во время осмотра я никак не мог успокоить сердцебиения, а потом мне пришлось прилечь в кабинете на кушетку. Я долго лежал и улыбался. Я чувствовал себя богом, больше чем богом. В эту минуту я вновь поверил, что для меня нет ничего невозможного, что я сильнее жизни, сильнее смерти, сильнее судьбы. Пока еще я держал это в тайне от Елены, но сообщил ей, что готовлю сюрприз.

Дети быстро росли, а дни летели еще быстрее. В лагеря поступали новые заключенные, я убивал новыми способами. Профессора я пока не трогал. Наступил день — и я вызову его к себе в кабинет. Этот день будет самым счастливым в моей жизни. Ради одного такого дня стоит прожить целую жизнь.

11

Старик вошел в кабинет с иронической улыбкой на устах.

— Садитесь,— предложил я ему.

Он продолжал стоять посреди комнаты, даже не посмотрел в мою сторону, не вздрогнул, как будто ничего не слышал. Я мог бы повторить, но не было смысла. Я мог ударить его стулом по голове, в этом тоже не было смысла. Пока мы некоторое время молчали, я смотрел на него, а он улыбался своей иронической улыбкой, замкнувшись в себе. Я ждал, что через минуту на этих сжатых в иронии губах мелькнет удивление. Наконец пришло это время, я не спешил, возможно, именно из-за этой минуты я еще не покончил с профессором.

Я торжествующе объявил ему, чего я добился. Но Старик не посмотрел на меня. Я повторил, но он снова не посмотрел в мою сторону. И ничего не сказал. Это уже переходило всякие границы. Я подошел ближе, всмотрелся в его окаменевшее лицо и выкрикнул, чего я добился.

— Не кричите! Я не глухой,— буркнул Старик.

Он медленно повернулся и окинул меня презрительным взглядом.

— Ну и что же вы сделали, несчастный, что?

Я повторил, подчиняясь силе его голоса, подчиняясь его привычке брать надо мной верх, и это меня раздосадовало. Теперь Старик улыбнулся грустной сочувственной улыбкой. И это окончательно вывело меня из терпения. Я нажал на кнопку в стене. Молодой солдат принес одного за другим троих детей.

— Ну и что?— Старик бросил на них беглый взгляд.

— Они во всем копируют умерших.

— Ну и что?— Старик снова улыбнулся широкой улыбкой.

Мы стояли друг против друга. Я весь кипел. Старик сохранял спокойствие. Его строгое лицо внушало уважение. Я снова почувствовал себя его ассистентом, ожидавшим похвалы. То, что я проделал сам, равнялось чуду. Доброе или злое, но это было чудо! Чудо! Он не мог этого не понимать. И не оценить. Как ученый. И как человек.

— Я сам добился того, чего вы не посмели сделать, потому что струсили. Я сам всего добился,— закричал я.

— Несчастный, ты понимаешь, что ты сделал?

— Понимаю.

— Если бы ты понимал, ты бы прямо сейчас, сию минуту, пустил себе пулю в лоб.

Я рассмеялся. Я вдруг понял, как мы далеки друг от друга, никогда не сможем друг друга понять. Никогда он не сможет признать моего превосходства. Я медленно вытащил из кармана пистолет и направил ему в лицо. Он даже жестом не попытался меня остановить. А потом произнес:

— Несчастная Елена!

Его слова пронзили меня.

— Обещаю тебе,— медленно сказал я каким-то незнакомым и твердым голосом,— первые сто гениев будут сделаны из твоей прекрасной кожи. И твой великолепный логический ум наконец-то начнет работать на нас.

Он раскрыл рот, чтобы мне ответить, но его слова слились с выстрелом, и я их не услышал.

12

Прошло девять месяцев со времени рождения детей. Мне предстоял отпуск. Я заранее сообщил Елене, и она с нетерпением ждала моего приезда. Она ничего не знала.

Елена встретила меня на вокзале. Я все продумал до мельчайших подробностей. Вышел из вагона один. Она бросилась мне на шею, уткнулась в плечо, но не заплакала. Обнявшись, мы медленно двинулись в сторону дома. Елена была все такой же грустной, пыталась улыбаться, но ей это плохо удавалось. Мы сидели в пустой гостиной, почти не разговаривали, только смотрели друг на друга. Елена немного постарела, первые морщинки прорезались вокруг уставших от плача глаз, уголки губ слегка опустились вниз, лицо осунулось. Я положил ей руку на колени. Бедная моя, то, что я тебе обещал...

Как сейчас, все помню. В дверь позвонили. Я знал, кто это. Елена встала и направилась к двери. Перед тем как открыть, обернулась. Я помню ее глаза. Помню лицо, прическу, платье. Помню движения ее руки. Помню даже цветок за ее спиной, обои на стене. Я ждал. Что-то должно произойти. Какое-то чудо, которое вернет мне Елену, мою жизнерадостную Елену, молодую и красивую Елену тех беззаботных и радостных лет... Или же... Почти одновременно я вспомнил и слова Старика...

Она вскрикнула. Ее крик пронзил меня насквозь. Я выбежал и подхватил ее, уложил в постель. Я ругал себя за то, что не предупредил ее заранее, бросал холодную воду, но она долго не приходила в себя. Очень долго. Я испугался, что убил ее. Послал за доктором. Дети расплакались в соседней комнате. Их плач стоял у меня в ушах, но я не мог отделить его от крика Елены. Я молился, я, сверхчеловек, молился, чтобы она осталась жива. Тогда я еще не знал, что лучше бы она умерла. Не знал, что мне легче было бы пережить ее смерть, чем все то, что случилось позже. Лучше бы она умерла. Тогда.

Елена умирает сейчас. Двадцать шесть лет спустя. Если бы она умерла тогда, она не причинила бы мне страшной боли. Как хороший врач, я испробовал это прежде всего на себе. На собственной психике, на своем собственном состоянии простого смертного. На собственных детях. И на единственной женщине, которую любил. Потому что сейчас, спустя столько лет, я знаю, что любил только Елену. И знаю, что сам убил ее любовь. Но понял я это только теперь, когда уже ничего не вернешь, когда наши жизни подходят к концу. Теперь я уже не убежден в своей правоте. Не уверен в своей силе. Теперь я знаю, что тогда я был всего лишь очень слабым, очень умным и очень тщеславным человеком. Во имя большой науки я убил в себе все самое лучшее. Я был умным и тщеславным, а сейчас я просто слабый, издерганный человек. И хочу лишь одного: чтобы перед смертью Елена меня простила. Чтобы она смогла меня простить.

Когда она пришла в себя и открыла глаза, это были не ее глаза. В них была собрана вся ненависть мира.

— Несчастный, что ты сделал?

Она произнесла слова Старика. И это было ужасно. Елена поднялась с кровати, шатаясь, прошла по комнате и направилась в другую. Она была не в себе. Перепуганный насмерть, я двинулся за ней. Она остановилась в дверях и уставилась на первого ребенка. Так выглядел наш Ганс в девять месяцев. Ребенок улыбнулся и протянул к ней ручки. Она подошла.

— Ганс!

Тогда я не знал, что она сделает. Подумал, что она хочет обнять ребенка, и во мне вспыхнула искра надежды, что все снова будет хорошо. Хотя ребенок не знал ее, он доверчиво прильнул к ее рукам, отвыкшим от нежности. Она погладила его, сначала погладила, а потом, словно обжегшись, отдернула руку, оттолкнула ребенка, глядя на него обезумевшими от горя глазами, ее руки сжались, она подняла их кверху и закричала. У меня потемнело в глазах. Она могла бы его убить! Мне нужно было как можно скорее бежать отсюда, я понял, что уже ничего нельзя вернуть, ни детей, ни Елену. Как сумасшедший я бежал по улицам, перепрыгивая через развалины и трупы, пока не упал в какую-то канаву, где пролежал без сознания несколько часов. Грязный, потный, мокрый, униженный и едва живой от ужаса, я отправился обратно, к Елене. Я был готов упасть ей в ноги и просить прощения.

Меня встретило страшное молчание дома.

Елена пропала. И дети пропали.

13

Я знал, что в один прекрасный день он придет.

Перемена. Я стою у кафедры и притворяюсь рассеянным. Это не так уж трудно. Все знают о безнадежном состоянии Елены и смотрят на меня, как на больного. Один из них отделяется от группы. Я вижу его сквозь оконное стекло. Не могу отличить его от остальных, но знаю, что это он. Клонинги, стоя небольшими группами, разговаривают. Проходит пятнадцать минут. А он все еще не вернулся. И скоро не вернется, я в этом уверен. Но мне нужно убедиться, что он там, в моем кабинете, что все узнал. Мне нужно видеть и его реакцию. Проходит полчаса, а его все нет. Мне надо как-то выбраться из аудитории. Я даю им самостоятельную работу. Медленно минуя столы и покидаю аудиторию. Еще медленнее иду в сторону своего кабинета. Я, который всегда был решительным, иду очень медленно и боюсь, что ошибся.

Он внутри. В глубине комнаты. Уткнулся в личные дела клонингов. Там записано все или почти все: как развиваются, какие имеются отклонения, состояние их здоровья, их умственное развитие и, конечно, их наклонности. Он увлеченно роется во всем этом, но не может понять ни слова. Не замечает меня.

Я кладу ему руку на плечо.

— Кто много знает, скоро умирает.

Знаю, что он согласен умереть. Но узнать, любой ценой узнать, даже ценой смерти. А когда узнает, захочет жить. Уже не ради себя, а ради остальных. Я в этом уверен.

Он выпрямляется, готовый защищаться. Потом он вспоминает, зачем пришел, и спрашивает о своем отце.

Проще всего достать из ящика стола его фотографию и показать ему. И я это делаю. Он хватает фотографию и весь дрожит. Если я захочу, могу его убить. В эту минуту. Но со стены на меня смотрит Елена, с грустной улыбкой говорит:

— Теперь или никогда...

— А ты простишь меня? Рассказывать наконец, что ты сделал с нашими детьми? Где они?

— А ты сам себе можешь простить? У тебя нет детей. Твои дети погибли.

Голос клонинга возвращает меня к действительности.

— А он знает о нас?

Мне хочется крикнуть: знает! Узнал об этом в свой последний день, в свой последний час. Прежде чем я всадил ему пулю в лоб. Но вместо этого, я тихо говорю:

— Глупости!

— Мой мальчик, мы оба счастливы,— стараюсь я направить разговор в нужное русло.— Пока сто таких ученых стоят всей жизни... и если бы с Еленой все было в порядке, я был бы самым счастливым человеком, что же касается тебя, мой мальчик, с тобой покончено...

Нет, сынок, не покончено, но ты сам должен вырваться отсюда. И лучше бы ты не упоминал имя Елены. Ухватившись за ее имя, он был невероятно жесток, такими жестокими могут быть только молодые, очень молодые. Он предложил мне создать новую Елену — ударил по самому больному месту. Никогда! Хватит!

Мне становится плохо. Снова я вижу пустую комнату и руки Елены, потянувшиеся нежно к ребенку. У меня темнеет перед глазами. Я должен... Генерал Крамер ждет... Хензег... Что-то тупо ударяет меня по голове...

14

Нет нужды звать кого-либо на помощь. Со мной рядом сидит Елена. Как когда-то давно, она улыбается мне, берет мою руку и слегка прижимает ее к своей щеке. Щека теплая и мягкая. Как когда-то.

— Благодарю тебя,— говорит Елена.

— За что? — удивляюсь я.

— Тебя ударили. Очень больно?

Больно? Я не помню. Я вырос с болью. Не со своей. С чужой. Я видел скорченные от боли лица. Знаю способы, которыми ее можно причинить. Всю жизнь я боялся только ненависти Елены, ее презрения, смерти наших детей, неудач в жизни. Теперь, когда мне стукнуло пятьдесят два, я со страхом смотрю в прошлое. Но теплые нотки в голосе Елены могут вылечить даже страх. Она все такая же. Даже не постарела. Ей снова двадцать два, хотя я знаю, точно знаю, что должно быть сорок девять.

— Почему ты тогда ушла? Я хотел вернуть тебе...

— Ничто на этом свете не возвращается. Как ты мог вернуть мне детей, которых я уже видела мертвыми? Как бы я смогла смотреть на них изо дня в день, видя, как они растут на моих глазах, во всем повторяя наших детей, и знать, что это не те. Неужели ты ни разу об этом не подумал?

— Я думал только о тебе. Я хотел только...

— Замолчи! Сейчас не надо ничего говорить! Ведь я здесь. Лежи спокойно. А кто это в углу?

В испуге она прижимается ко мне. Я поднимаю глаза. В углу, скрестив босые ноги, на полу сидит Старик. Голова его опущена, пряди волос падают на лоб. Старик достает из кармана платок, откидывает волосы, на мгновение открывается его рана, потом он прижимает к ней платок.

— Кто это в углу? — спрашивает Елена и дрожит, прижимаясь ко мне.

— Ты не узнала его? — Я тоже весь дрожу, прижимаюсь к ней все плотнее, но не чувствую ее тела; знаю, что она здесь, а тела нет.

Старик поднимает голову и улыбается. Только Елене. Зияет беззубый черный рот, в концлагере ему выбили зубы. Из кармана рваной одежды торчат газеты, на полях которых он снова что-то нацарапал, чего никто не может понять. Он вызывающе достает газеты, раскидывает их по полу, ищет что-то в кармане, наконец находит огрызок карандаша, слюнит его и низко наклоняется. Он шевелит губами и пытается записать свои мысли собственным шифром, который мы не сумели разгадать по сей день.

— Вы прочитаете мне? — спрашиваю я.

— Но ведь сверхчеловек все может, не так ли? — сверкает глазами Старик.— Прочитайте сами! А потом... работайте! Мир преклонился перед вашим гением. Ждет, когда вы его ошеломите!

— Но кто это в углу? — пробивается голос Елены.— Мне кажется, что когда-то я его знала. Я знала его?

В добрые старые времена он бывал у нас в доме, беседовал с Еленой о детях, интересовался хозяйством, а потом мы вместе шли в университет. Я спокойно проводил занятия, спокойно спускался с ним в лабораторию, или мы сидели в его кабинете и спокойно разговаривали обо всем том, о чем могут разговаривать двое ученых, посвятивших свою жизнь науке. Даже тогда, в доброе старое время, он постоянно повторял, что наука служит только человеку, не понимая, что наука служит только сильному человеку, чтобы он подчинял себе слабых. Старик никого не хотел подчинять, ему было достаточно видеть, как смерть испуганно отступает перед ним. А в те годы смерть была необходима, она была нашей союзницей, как сейчас наша союзница — жизнь. Но Старик этого не понял. И когда мы оказались на разных полюсах и он не пожелал идти ни на какие уступки, что-то в нем изменилось. Из спокойного, уравновешенного ученого в темных роговых очках он превратился в костлявого старикашку, которого не могла сломить даже самая сильная воля.

Потом в наступившей тишине я вдруг обнаруживаю, что я один. Хензег застает меня в тот момент, когда я держу голову под краном. Хензег ничего не знает, но он такой подозрительный, что я не могу промолчать. Когда-то я умолчал о существовании этого кабинета, он нашел его сам, и если опять не скажу... Рассказываю ему. Медленно и спокойно. Говорю только часть правды.

Хензег подходит ко мне и кладет руку на плечо.

— Придется... его убить.

Глаза Елены строго смотрят на меня над его головой, и я медленно размышляю.

— Возможно, ты и прав.— Глаза Елены погубят меня. Или спасут. Как знать? — А как мы найдем его среди всех остальных? Ведь они похожи не только внешне, у них одинаковые мысли, одинаковые реакции, одинаковые достоинства и недостатки.

— Если понадобится, уничтожим всех. И начнем все сначала.

Я молчу. Глаза Елены все еще во мне, но я молчу. Хензег презрительно смотрит на меня. Для него я старый и неуравновешенный тип. Нерешительный. Слабый. Издерганный до предела. Он будет докладывать об этом генералу. Во время какой-нибудь легкой партии в шахматы.

— Не верю, чтобы дошло до этого. Ты всегда был таким находчивым. Да... я вспомнил, Андриш рассказывал о каком-то новом тесте. Делает чудеса!

Портрет на стене молчит. Придется мне разговаривать с Андришем. В его обязанности входит постоянно быть среди клонингов, но он начинает сходить с ума, видя их вместе. Ему не присылают замену, потому что он уже одиннадцатый по счету психиатр. Никто не выдерживает. Андриш с легкостью принесет всех в жертву. Всех до единого — ради спасения собственной шкуры...

15

Генерал Крамер встречает нас сердито и смотрит на стенные часы. И мы на них смотрим — опоздали на одну минуту и двадцать шесть секунд.

— Минута и двадцать шесть секунд,— подчеркивает он.— Чтобы этого больше не было, господа. Вы понимаете, что это непростительное опоздание? Даже в мирное время.

Недовольство генерала вызвано не только нашим опозданием. Пока он расхаживает взад-вперед по кабинету, мы начинаем понимать, что его вызывали наверх, где ему пришлось докладывать о нашей работе с клонингами и где не очень довольны полученными результатами.

— Задерживаете! Тянете! — Его круглое лицо темнеет от гнева.— Прошло столько лет, мы вложили такие средства, и до сих пор... ничего!

Ничего? Его слова ударяют как электрический ток. Создать человека из одной соматической клетки — это ничего? И сделать из него гения? И заставить его почти круглосуточно работать, не требуя вознаграждения? Стоит ли перечислять, чего добились эти превращенные в людей клетки кожи! До каких глубин докопались!

Я с трудом сдерживаюсь. Я буду молчать. О результатах нашей работы заговорят позже, заговорят во всем мире. Потому что они его перевернут.

И генерал Крамер выжидающе смотрит на Хензега, ведь это он послал Хензега на базу для контроля.

— Скоро,— медленно говорит Хензег.— Очень скоро.

— Это не ответ,— генерал повышает голос. Его взгляд устремлен в пространство между нами.— Трех месяцев достаточно?

Мы оба молчим.

— Четыре месяца?

Снова молчание. О стекло бьется муха. Мы смотрим на нее.

— Два года,— наконец решаюсь я.

— По крайней мере год! — Хензег открывает рот.

— Два года,— твердо повторяю я.

Генерал Крамер неожиданно застывает посреди кабинета. Бросает на меня уничтожающий взгляд. Но он не в силах меня уничтожить.

— Полгода,— отрезает генерал Крамер голосом, не терпящим возражений.— Ни дня больше. Доктор Хензег, я увеличиваю вам зарплату на десять тысяч марок. Но если вы не уложитесь в срок, последует наказание. А теперь вы свободны. Кстати, доктор Зибель, сколько вам лет? Не слишком ли вы здесь устаете?

— Пятьдесят два,— закипаю я.— И я совсем не устаю.

Генерал Крамер не слышит меня, ему точно известно, сколько мне лет — мы вместе проиграли мировую войну. Вместе предстали перед судом. Вместе перешли на нелегальное положение. И вместе возродились. Выразительно повернувшись ко мне спиной, Крамер наклоняется к Хензегу и довольно громко, чтобы я слышал, говорит ему:

— Не останетесь ли на партию в шахматы?

16

Одного убили. Не знаю, которого. Я не поинтересовался, кого, когда и как. Я был болен, ужасно болен. Елена умирала. И я умирал вместе с нею. Не спал ночами, разговаривал с мертвыми. Впрочем, не уверен, мертвые ли они... Конечно, мертвые. Когда-то я их знал. Сам отдавал приказы убивать их. Теперь их число увеличилось еще на одного. Пока я метался в постели, бредил, кричал бог знает что, они его ликвидировали.

— Я все думаю,— говорит Андриш,— того ли мы ликвидировали? С этими клонингами ни в чем нельзя быть уверенным. Тебе не кажется?

Мне все равно. Только безразличие может спасти меня. Я слышал о миллионах психологических приемов доктора Андриша. Не разыграть ли и мне перед ним какую-нибудь сценку? Я хватаюсь за голову и начинаю стонать. Лицо искажается в гримасе. Жалко, что нет зеркала, но, кажется, все это выглядит достаточно убедительно. Доктор Андриш замолкает.

— Мы еще вернемся к этому разговору,— говорит он.— И не надо все время думать о Елене. Подумай немного и о себе. Ты изменился в худшую сторону. Стал неуравновешенным. А при нашей работе...

— Да... да...— киваю я, сжав голову руками.— Невыносимая боль, ужасная боль... Как тут не стать неуравновешенным? Тебе не кажется, что я могу сойти с ума?

Доктор Андриш смеется.

— Ты думаешь, я допущу?

— Конечно, не допустишь...

Конечно, не допустит. Ведь мы с ним друзья. Мы оба об этом знаем и смеемся. Дружески, искренне, но глаза доктора Андриша следят за мной. А мои — за ним. А это о чем-то говорит. Меня взяли на мушку. И наступит момент, когда меня потихоньку уберут.

— Ну, приятель, до свидания. Поправляйся! Эти таблетки чудодейственны.

— Да, да...— соглашаюсь я.

Я так долго готовился к смерти Елены, что почти не поверил. Елена встретила ее спокойно. Отвернувшись к стене и закусив губу, она не произнесла ни слова. И ни разу не вскрикнула от боли. Я знал, что это конец — доктор предупредил меня. И она знала, но не пожелала говорить. Я просил ее, заклинал, плакал, обещал сделать все, чего она ни пожелает, ненавидел ее и в то же время любил. Она не дрогнула. Смерть приняла как друга, как избавление, как жизнь. Но глаза ее остались открытыми, я склонился над ней и увидел в ее мертвых зеницах собственное отражение. Я закрыл ладонью ее глаза.

Я перерыл ее платья, письма, книги, надеясь найти хоть малейший след детей. Ничего. Что она с ними тогда сделала: убила, спрятала? Я начал сомневаться в реальности их существования. Может, они всего лишь плод моего воображения? Но что тогда означает молчание Елены, продолжавшееся до самой смерти, ее лицо, ее отказ простить меня?

Я не нашел ни строчки после той фатальной даты. Словно жизнь ее остановилась точно в этот день. И больше ничего. Сложив вещи около покойной, я полил их бензином и чиркнул спичкой. Прошлое вспыхнуло, пламя лизнуло холодные руки Елены, озарило лицо, тело скорчилось, Елена почти села на кровати. Я закричал. Запер дверь на ключ, зашвырнул его между цветочными грядками в саду и медленно побрел по затихшей улице. Конец.

Ничего больше не связывает меня с миром наверху. Меня поглощают бескрайние коридоры, ослепляя своим блеском, и я теряюсь в магнитном поле ненависти. Хочется кричать от ужаса. Словно в кошмарном сне, окружают меня одинаковые лица. На их фоне выделяется лицо Хензега, склоненное над шахматной доской, слово «мат», брошенное им Андришу, который медленно выпрямляется и удаляется в свой кабинет. Неужели пришла очередь двенадцатого психиатра?

— Вы вернулись, доктор Зибель?

Удивление, прозвучавшее в голосе Хензега, раскрывает мне глаза. Он не ждал меня. Здесь никто меня не ждал. Никто?

Я иду в женское отделение. Только Она может меня утешить. Попробую и это. Человеку свойственно заблуждаться. Даже когда нет никакой надежды, он верит в то, во что хочется верить. Она красивая. Когда-то я сам был в жюри конкурса красоты и выбирал «мисс Европу». А потом долго ждал кусочка кожи, необходимого для создания десяти красавиц. Как бы она реагировала, если бы знала? Как Старик? Как Елена?

Я сворачиваю в самый дальний коридор. Одинокие комнаты, одинокие двери. Печаль и молодость. Столь-

ко красоты и столько молодости, запертые вдали от людей. Живи эти девушки в городе, в них влюблялись бы, страдали из-за них, ждали бы их вечерами и годами. Но они навечно заперты здесь, и нет никакой надежды на спасение. Иногда мне хочется отпереть тайную дверь, вытолкать всех наружу, снова запереть дверь и, задыхаясь от счастья, привалиться к ней.

Я вхожу. Девушка прильнула к стеклу, смущенно поворачивается и смотрит на меня.

— Что-нибудь случилось, господин Зибель?

«Да, случилось,— хочется мне сказать, но почему-то не могу, а девушка продолжает на меня смотреть.— Моя жена умерла».

Молча дотрагиваюсь до нее, и она сразу понимает, я заключаю ее в объятия, кладу голову на плечо, упругое и покатое, и по-матерински теплое, чувствую вкус собственных слез. Я никогда не плакал, и сейчас долго сдерживаемые слезы свободно льются. Что с тобой происходит, Зибель?

Я погружаю пальцы в волосы девушки, они податливые и теплые, как вода на солнце, стараюсь улыбнуться. Мне это удается. Вот сейчас я посмотрю ей в глаза, зеленые и глубокие, как вода в колодце, в которой отражаются склонившиеся деревья. И отражаются звезды. У кого я видел такие прекрасные зеленые глаза?

Ах, да, у заключенной. Прошло столько лет, а ты ее не забыл. Она любила тебя. А что ты с ней сделал? Сломал ее, проделал над ней самый страшный опыт, первый, ведь она могла и умереть, и ты это знал, негодяй, но и это тебя не остановило. Девушка должна была родить твоего ребенка, и она родила его, но не своего, а ребенка Елены, а ты отнял его и во второй раз. А потом... Потом ребенок исчез... Ты помнишь, как доверчиво она отдала тебе ребенка, ведь ты был его отцом? А потом ты вернулся вне себя от злости и не мог посмотреть ей в глаза, ты ни на минуту не задумался о том, какую боль ты ей причинил, и только ненавидел ее — человек всегда ненавидит тех, кому он причиняет непоправимое зло. Приказал ее убить. Не хочется вспоминать, не так ли? Никогда не хочешь вспоминать. Хочешь забыть, но не можешь. Даже теперь.

Руки утопают в волосах девушки, которую тоже ты создал, глаза тонут в ее глазах, а ведь ты любил только одну женщину, но именно она наказала тебя своим вечным презрением. И умерла, не простив. И унесла с собой твою душу.

17

Я прихожу к ней каждый день. Не могу не приходить. Я ужасно одинок. Доктор Андриш начал меня избегать. Это кое о чем говорит. Раньше двери его кабинета всегда были для меня открыты. И Хензег все время занят. Он уже ни о чем меня не спрашивает. И не требует никаких докладов. Пока я отсутствовал, он все взял в свои руки. И понял, что может обойтись без меня. А это конец. Но в секторе А случилась авария, потому что Хензег не учел самого важного — времени. Он не предполагал, что это приведет к аварии. А потом, поставленный перед фактом, ликвидировал пятерых клонингов. Конечно, у него не было другого выхода. Но вынес ли он урок из своей ошибки? И будет ли это последней аварией? Крамер торопит, а Хензег выслуживается перед Крамером. Я уже вне игры.

Клонинги тоже стали мрачными и молчаливыми, все время переглядываются и перешептываются, почему-то их разговоры не удается записать. Неужели они обнаружили прослушивающие устройства? Их молчание пугает. Да и работа в лабораториях вдруг странно ухудшилась.

Случайно? Вряд ли...

Тот, который проник ко мне в кабинет, вероятно, жив. Он не только против меня, он — против всех нас.

Не буду предупреждать Хензега. Пусть сам ломает голову.

И Папанелли не буду предупреждать. Хотя для меня такой ход был бы чем-то вроде... рокировки.

Вдруг сознание мое проясняется. Почему мы здесь? Нужно бежать, прежде чем явится Хензег, прежде чем явится доктор Андриш, прежде чем меня засечет Папанелли. Но как сюда без разрешения пустили Елену? Они будут нас преследовать, захотят убить. Мы должны бежать, как можно скорее бежать, как можно дальше, нужно скрыться среди обычных людей.

— Бежим! — я тяну Елену за руку.— Скорее!

Она испуганно смотрит на меня, но ведь она всегда так смотрит, я тащу ее за руку, и она подчиняется моей руке, делает несколько медленных и нерешительных шагов, но потом, подчинившись моей воле, бежит, и мы уже в одном из тех бескрайних коридоров, которые надо знать как пять пальцев, чтобы добраться до нужной двери. Мы бежим, задыхаясь, Елена все больше отстает, я умоляю ее, она делает несколько шагов и снова останавливается, еще чуть-чуть, умоляю я, совсем немного... Перед нами заветная дверь.

Ночь, прекрасная звездная ночь. Лодка слегка покачивается на воде. Деревья склонили свои ветви, вода в реке темная, с медными отблесками. Я не тороплюсь повернуть голову. Я боюсь. Еще мгновение — и я прыгну в лодку. Резко оборачиваюсь.

— Елена!

Ее нет. Рядом со мной, оцепеневшая от ужаса, стоит одна из наших девушек. Из комнаты номер пять. Девушка в ужасе смотрит на меня. Но почему?

— Если хочешь, прыгай в лодку, по реке ты доберешься до людей. Иди!

— Я никуда не пойду без Альтаира.

Альтаир... Альтаир... Кто это?

— Я придумала его,— говорит она и отступает назад.

— Глупая, надо торопиться... Иди! Это единственный шанс. Ты ведь молодая, спасайся!

— Я остаюсь здесь,— шепчет девушка и приближается к двери.— Остаюсь.

— Хорошо,— говорю я и возвращаюсь, готовый на все. Дверь захлопывается за нами, этот звук подобен звуку гильотины. Девушка хватает меня за руку и тянет обратно. Куда?

Мы возвращаемся.

— Иди!— говорю я девушке.— Нас не должны видеть вместе.

Я прислоняюсь к стене. Ее шаги удаляются. Я смотрю ей вслед — она уже исчезла. И как раз вовремя.

Из глубины другого коридора внезапно появляется Хензег. Он приближается, растет, словно мрачная тень.

18

Хензег серьезно озабочен моим здоровьем, привел с собой доктора Андриша. Неужели они пришли к какому-то соглашению? Они спокойно, положив ногу на ногу, расселись у меня в кабинете, медленно курят и внимательно и легко со всех сторон забрасывают меня вопросами. Пытаются выбить почву из-под ног. Они уверены, что выиграют, ведь в последнее время столько свалилось на мою голову. И они не торопятся. Но им невдомек, что первыми устанут они, не важно, что их двое. И я не один, но я еще не сошел с ума, чтобы рассказывать им об этом: ведь и у меня есть поддержка. В углу, рядом с Хензегом, сидит Старик. В первый раз он пришел ко мне в белом халате и темных роговых очках, на которые спадают серебристые пряди волос. Он дружески мне подмигивает, не бойся, я с тобой, как когда-то в трудные и прекрасные годы. И Елена здесь, сидит справа от хитрого Андриша, смотрит на меня и улыбается. Я всегда была с тобой, говорят ее глаза, всегда хотела тебя спасти, от тебя самого. У нее на коленях сидят наши дети, близнецы, рожденные ею, а в ногах — другие, тоже наши, если они живы, то давно уже не дети. Но я вижу их маленькими, совсем маленькими, они на полу, а другие, которых родила Елена, у нее на коленях. Хензег и Андриш уходят, им надоело мое молчание, но вместе с ними уходят и Елена, и дети, и Старик.

— Останьтесь!

Они уходят. Я снова останусь один, а это ужасно. Я прикусываю себе язык, чтобы не закричать и не остановить их. Медленно идут они, живые и мертвые. Закрывают за собой дверь.

Я один.

19

Я был наверху, везде уже был. Снова дошел до той двери и вернулся обратно. Мне все время казалось, что кто-то идет за мной. Но никого не было. Впервые я был совсем один. Действительно один. И было очень тихо. Клонингов перевели на строжайший режим. Многое изменилось с тех пор, как прибыл Папанелли. Странно, меня перестали вызывать на совещания. Впрочем, ничего странного. Меня держат в полной изоляции. Не доверяют после случая с тем клонингом. Хензег прямо мне заявил, что я должен был его прикончить. А раз не сумел этого сделать, сам виноват.

С дрожью вхожу в свой кабинет. Здесь опять кто-то сидит. Все тот же клонинг. Не то что бы я мог отличить его от остальных, этого никто не может, но что-то подсказывает мне, что это тот самый. Мы здороваемся как старые знакомые. А мы и впрямь старые знакомые.

— Кто ты? Не тот ли...

— Да, это я. Не очень красиво с вашей стороны было выдавать меня. А что вы сделали с тем, на которого указал доктор Андриш?

Я рассказываю ему. Он, наверное, и сам догадался.

— Я никогда не буду вам благодарен за то, что вы меня создали таким способом.

Знаю, что не будет мне благодарен. А мне и не нужна его благодарность. Я никогда не ждал благодарности, ни от него, ни от других! Но почему-то мне становится страшно грустно, невыносимо грустно, и я чувствую, как в глазах скапливается влага. Я пренебрегал своей любовью, пренебрегал сном, здоровьем, отдал им всю свою жизнь, столько вложил в их воспитание! Я чувствую, что начинаю кричать или думать вслух, но клонинг только презрительно смотрит на меня, а я грустно кричу о величии нашей нации. Он вспоминает об аварии в секторе А, неужели и это ему известно? Утверждает, что я ему рассказал. Он уже слишком много знает. Я задыхаюсь, кровь ударяет в голову, которая вот-вот лопнет, я делаю шаг вперед, хочу его ударить, но под рукой ничего нет, мне хочется его задушить. На этот раз он должен умереть!

— Наглый, грязный клонинг... Хорошо, что другие не...

Что я сделал потом? Ничего не помню...

20

Хензег обеспокоен. Он видел, кто вышел из моей комнаты, выследил его и приказал ликвидировать. Ночью. Чистая работа. Без шума и без свидетелей. Без воображения. Хензег всегда продумывает все дела до конца. И все-таки он обеспокоен. Приходит ко мне и долго расспрашивает о разговоре с клонингом. Я ничего не скрываю. Не скрываю и того факта, что клонинг, которого мы считали мертвым, до сих пор жив. И того, что я никогда не верил в его смерть.

— Дорогой мой Зибель,— говорит Хензег и испытующе смотрит на меня.— У тебя есть только два пути. Подумай!

Он улыбается и уходит. Улыбка не предвещает ничего хорошего. Я остаюсь один. Два пути, сказал Хензег, что он имеет в виду? Один путь — смерть. А второй? Тоже смерть. Что выбрать. Разве это выбор? Покончить с собой или быть убитым — существует ли какая-нибудь разница? Видимо, существует.

А позже ко мне приходит Андриш. Мы разговариваем как старые друзья. Вспоминаем добрые старые времена. Смеемся, но Андриш нервничает. Бедняга! Здорово его обработал Хензег, выглядит мягким, как глина.

— Мы с тобой всегда делили трудности и опасности.— Андриш выпрямляется.— Ты был мне настоящим другом. Позволь оказать тебе услугу.

Он оставляет у меня на столе маленький пузырек с зеленой жидкостью. Мы оба стараемся не смотреть на него.

— Спасибо тебе, дружище,— роняю я.

— Хочешь... сыграем в шахматы? У тебя еще есть время...

И смотрит на стенные часы. Сколько у меня еще времени?

— Около трех часов,— говорит Андриш в ответ на мой немой вопрос.— Но лучше тебе поторопиться...

Он оставляет меня одного. Он никогда не проигрывал.

21

Срок, установленный генералом Крамером, еще не истек.

— Они давно тебе не верят,— говорит Елена со стены.— Вспомни, с каких пор тебя не приглашают на совещания!

Я вспоминаю.

— Настал твой час,— злобно шепчет Старик.— Как ты думаешь, зачем прислали Папанелли?

Я прекрасно знаю, зачем его прислали, никогда не заблуждался на этот счет. Никого ни о чем не стану просить. Старик уселся в угол и смотрит на меня в упор, мстительно сверкая глазами. И в голосе, старческом и тонком, звучат мстительные нотки:

— Пришел твой час. Это каждого ожидает. Покажи нам теперь, как нужно встречать смерть. А мы посмотрим. Видишь, скольких я с собой привел? Помнишь их? Знаешь их?

Комната полна людей, и все они мертвы и потому не могут быть здесь, и все-таки они здесь, и, если я подниму глаза, я их увижу. И узнаю.

Конечно, они здесь.

Наверное, не все, которых я убил. Все не смогут поместиться в моем кабинете. Пришли только те, с выбитыми глазами, израненными руками, с выдранными ногтями, разорванными утробами, выжженными спинами. И Елена пришла. И наши дети. Я вижу только Елену, остальных не вижу. Она снова молодая и красивая, влюбленная в меня.

— Елена, тебя я не убивал. Почему ты здесь? Зачем ты пришла с ними, ведь я всегда хотел тебе только добра?

— А что такое это твое добро? Сам-то ты знаешь? Почему ты думаешь, что для меня это добро?

И клонинг здесь. Выходит вперед и становится рядом с Еленой. Как я ей отвечу? А она ждет. Старик выглядит усталым, он вытирает платком кровь, подбираясь ко мне все ближе. И остальные надвигаются на меня, а в кабинет входят все новые. Стоя плечом к плечу, они смотрят на меня со страшной ненавистью в глазах.

— Мы ждем тебя! Давай!

Я чувствую на лице их дыхание, они прижимаются ко мне, их ненависть душит меня. Елена молчит. Но только ее рук я не чувствую на своей шее. Я любил ее. Любил больше детей, больше жизни. И она любила меня. Сейчас мне хочется видеть только ее, отдельно от остальных, хотя бы на мгновение отдельно от остальных, а потом... Но она поворачивается и собирается уходить.

— Подожди! — кричу я.

Я инстинктивно нажимаю на кнопку под микроскопом. На глазах у всех, окруживших меня плотным кольцом, пол раскрывается, все заглядывают в образовавшееся отверстие, но ничего не видят. И Елена удивленно смотрит на меня. Спускаюсь. Ступенька, вторая... Елена приближается, осторожно ступает за мной, мы скрываемся от взглядов, я хватаю ее за руку и тащу за собой. Но и остальные кидаются за нами.

— Теперь мы тебя не упустим! — кричит Старик.

Я смеюсь. Впервые за много лет смеюсь свободно. Они не знают, куда я иду. А с Еленой я могу отправиться хоть на край света. И сотворить любое чудо. Все еще ничего не понимая, она удивленно смотрит на меня. Ладно, я расскажу ей. Эта лестница ведет к смерти. Не только к моей... Сейчас у нее на глазах я сделаю то, что она от меня хотела. Уничтожу всех, кого я создал... Я их создал, я их и уничтожу...

Мы проходим через лабораторию. С ужасом в глазах Елена смотрит на колбы. Читает надписи и еще больше ужасается. Чего она так боится, ведь они никогда не оживут. Комедия закончилась вместе с ее автором. Ничего не останется... За лабораторией, через несколько ступенек находится ядерный самоликвидатор. Никто не знает, где он. Никто, кроме умного Зибеля, непогрешимого Зибеля, вечного Зибеля. Дерну за ручку, и через секунду все взлетит в воздух.

— Это правда? — спрашивает Елена.— Ради меня?

Ради нее. Ради них. Ради себя. Ради всех и вся. Я иду, не чувствуя под собой ног, не чувствуя своего тела. Я снова бог. Слышите, БОГ?

Но что происходит? Я падаю, куда-то падаю, куда-то лечу, становлюсь совсем легким, бестелесным. У меня не хватает сил...

ЗОВ

Он выглядел, как и прежде. Но что-то в нем изменилось.

— Рихард! — позвал я.

— Он не узнает вас,— сказал доктор Гольбайн у меня за спиной.— Его мозг — как чистый экран.

Я почувствовал, как вдруг у меня подкосились ноги, мне необходимо сесть. Я попытался придвинуть стул, но стул, крепко припаянный к полу, не двинулся с места. Я пошатнулся, но доктор вовремя поддержал меня.

— Не волнуйтесь,— тихо прошептал он мне на ухо.— Наблюдайте за ним. Завтра вы должны будете выглядеть, как он. Запомните его жесты, обратите внимание на его взгляд, посмотрите...

— Что вы с ним сделали?

Доктор что-то мне объяснял, его лицо было обеспокоенным и добрым, глаза за очками — тревожными и добрыми, но я ничего не слышал, напрягался, но ничего не слышал. Его губы двигались, но до меня ничего не доходило. Все пропадало в белой мгле.

Я снова поискал стул. Еще настойчивее.

Доктор Гольбайн усадил меня. Как сажают куклу.

— Завтра вы должны выглядеть точно так же, так же, так же,— стучало в мозгу.

«Должен выглядеть, значит, не буду таким...»,— с трудом связал я. И остановил свой взгляд на губах доктора Гольбайна. Они двигались, но... голоса не было.

Была тишина. Отчаянная, полная, обступившая меня со всех сторон тишина.

Клонинг встал рядом со мной. Доктор наблюдал за нами, Рихард поднял руку и боязливо потрогал меня, желая проверить, реален ли я или только отражение в зеркале. Я был реальным, все еще...

— Вы действительно похожи, как две капли воды. До последней минуты я сомневался. Не хотелось верить, что они могут дойти до такого. Но... сейчас я здесь, чтобы спасти вас.

Можно ли ему верить?

— ...много лет работаю в области молекулярной биологии. Достиг больших результатов с энзимами. Вы что-нибудь слышали об энзиме «Ревертаза»?

Я не слышал.

— Естественно. Мы работали в двух разных направлениях. Вы — против человека. Мы — для человека.

— У меня не было выбора...

— Знаю, знаю,— тепло улыбнулся доктор Гольбайн.— Никто вас не упрекает. Я прочитал ваши записки. Думаю, что тот писатель не очень их изменил. Но обезопасил себя заглавием «Сумасшедшего», как вам нравится? Сделал из вашей трагедии бизнес. И это у него получилось. Теперь это бестселлер. Но каждый верит, что это записки сумасшедшего. И удивляются воображению писателя. Даже ученые. И они считают вас сумасшедшим. Это официальная версия, которой пока и я вынужден придерживаться. Но с завтрашнего дня... один я не смогу справиться. Вы должны будете мне помочь.

Я улыбнулся. Как я мог ему помочь? Я?

— Сейчас им невыгодно вас убивать,— еще тише сказал он.— Эта история наделала слишком много шума. И все поверили в ваше сумасшествие. Впрочем, это хорошо. Но они еще раз захотят вас увидеть. Вы все еще опасны. Поэтому сегодня ночью...

Он замолчал, огляделся, сверкнув очками в белое лицо Рихарда, и продолжал:

— ...будет промыт и ваш мозг. Спокойно. Ведь я здесь для того, чтобы этому помешать. И чтобы вывести вас отсюда... нетронутым. С ним,— он с болью показал на Рихарда,— я опоздал. Видимо, он попал к ним в руки уже давно...

— Но как вы им помешаете?

Я уже знал зубья этой машины, которая ничего не выпускала и все перемалывала. Из-за меня погибли многие: старик, который подобрал меня в лесу, девушка, которая помогла распространить записки по редакциям, парень со стройки, приютивший меня всего на одну ночь, ученый, кабинет которого я посетил, журналист, обещавший все описать, ребенок, сказавший мне только название улицы, и многие другие, которых я не знал и смог узнать во время своего бегства по незнакомому городу, где на каждом шагу меня подстерегали неизвестность, голод и смерть. Я вызвал сумасшедшую тревогу, яростные споры, дискуссии, симпозиумы, конференции, сенсации и снова смерть, смерть, смерть... Гибли люди, а мне удавалось ускользнуть, умирали люди, а я выживал... Не умрет ли и этот доктор по дороге в свой кабинет прежде, чем вытащит меня отсюда?

— За минуту до включения аппарата мы отсоединим один из контактов. После того как проснетесь, вы должны смотреть на мир его взглядом. Будьте внимательны... его взглядом. Пока я вне всякого подозрения. Любая ваша ошибка погубит нас обоих. И не только нас. В этой больнице еще есть люди, которые могут пострадать. И которые принимают участие в организации вашего побега. А когда мы вытащим вас отсюда, вы будете нам очень нужны. И он, ваш Рихард... Тогда уже никто не посмеет утверждать, что все это выдумка сумасшедшего. Мы будем бороться до конца, докажем с помощью фактов, документов. С вашей помощью. Понимаете?

Понимаю. Или пытаюсь понять. А Рихард?

— Поздно? — Я показал на него взглядом.

— Его мозг — как чистый экран,— печально покачал головой доктор Гольбайн.— Нарушены все связи. Сохранены только инстинкты. Он заново начал воспринимать мир. Вряд ли он когда-нибудь начнет говорить. У него стерта вся его предыдущая жизнь. Ничего не могу обещать...

И он пострадал из-за меня. Из-за меня?

— Рихард? — позвал я.

— Он реагирует на ваш голос, но не на имя,— грустно улыбнулся доктор.— И на это свое лицо, которое он уже видел в зеркале. Запомните его взгляд, запомните его... А теперь нам нужно возвращаться... Скоро придет сестра делать вам укол. Не сопротивляйтесь. И не бойтесь... Я вам обещаю...

Даже слушать было страшно.

Но я не мог не надеяться. Не мог не верить.

— А когда я выйду отсюда,— заикаясь, спросил я,— и когда все будет кончено и запретят эти эксперименты, я смогу работать с вами в вашем направлении вместе с ними, с моими... братьями, клонингами, которые, если... когда-нибудь...

Доктор Гольбайн дружески потрепал мое плечо.

— Конечно, молодой человек. Перед вами широкое поле деятельности. Синтезирован искусственный ген, созданы матрицы для синтеза, выделен вирус, который является источником энзима, а сам энзим получен в чистом виде в стране, куда мы вас отправим. И там вы займетесь генной инженерией, онкологией. Вы хорошо знаете капризные энзимы, и молекулярные основы иммунитета, и структуру вирусов. Но прежде должна удачно пройти эта ночь.

Должна пройти эта ночь... Эта ночь тянулась, разорванная на бесконечно долгие секунды, за время которых я прошел всю свою сознательную жизнь до той минуты, когда я пошел за Зибелем, а он не оглянулся. А начиная с того дня я шел к смерти и не боялся, теперь мне оставалась эта ночь. И после того как я пережил столько других ночей, после того как я выскользнул из стольких ловушек, из рук стольких людей, превративших технику в средство подчинения и угрозы, в моей душе уже не было места страху. Разве я мог бояться после смерти старика, спрятавшегося в лесу, чтобы спокойно дожить свои последние дни, после смерти девушки, которая остановила своим телом машину, после смерти журналиста, застреленного, чтобы он не рассказал об ужасных записках Зибеля, после смерти парня, сброшенного с лесов на строительстве, после смерти ученого, который выслушал меня внимательно и должен был встретиться с кем-то еще, разве мог я бояться сейчас, когда правда уже дошла до людей, до таких людей, как милый доктор Гольбайн с грустной улыбкой, который готов пожертвовать собственной жизнью, только чтобы вытащить меня отсюда...

Когда-нибудь я расскажу обо всех них.

Только бы прошла эта ночь...

Но даже если доктор Гольбайн не сможет вытащить меня отсюда и эта ночь будет для меня последней, даже если мне придется еще сто лет смотреть на мир пустым взглядом Рихарда, я не имею права роптать на судьбу, я выполнил свой долг...

Шаги в коридоре... Затихли перед дверью моей комнаты.

Слышится дыхание медсестры.

Я встал...

Перевела с болгарского
Татьяна ПРОКОПЬЕВА.

ВИРУС БЕССМЕРТИЯ

Брайен ОЛДИС

Фантастический рассказ

Казалось, океан весь до последней капли горел в лучах солнца. И потому столь внезапным выглядело появление среди бликующих пятен старого судна. Когда оно входило в узкий пролив между коралловых рифов, мотор его глухо рокотал.

Как только «Кракен» пришвартовался и негр в засаленном кепи спрыгнул с палубы, чтобы закрепить канаты, из тени кокосовых пальм, образовавших первый береговой вал, вышла женщина. Она медленно, почти осторожно спустилась вниз к причалу, крутя солнцезащитные очки в поднятой руке. Ее сандалии громко стучали по гальке.

На судне подняли линялый зеленый тент, защищавший носовую часть палубы от неумолимого солнца. Из-под тента появился бородатый человек в старых джинсах, закрученных до колен, в очках с металлической оправой. Тело бородача лоснилось коричневым загаром. Человека звали Клемент Айл. Ему было за сорок, и прибыл он домой.

Улыбаясь женщине, Айл спрыгнул на причал. С минуту они стояли неподвижно и молча смотрели друг на друга. Он — на бороздку, появившуюся у нее между бровей, на легкие морщинки вокруг глаз, на складку, окружавшую полный рот. По случаю его приезда она накрасила губы и напудрилась. Он с удовольствием заметил, что она по-прежнему красива. И в самом понятии «по-прежнему красива» явно звучал отголосок другой мысли: она устала, устала, хотя не прожила еще и половины жизни!

— Кэтрин! — позвал он.

И когда обнялись, вдруг подумал: возможно, теперь удастся устроить так, чтобы она оставалась молодой, скажем, шестьсот — семьсот лет...

— Я должен идти разгружать,— сказал он,— скоро освобожусь.

Айл вернулся на судно. Она, надев очки, смотрела, как он легко двигался, и любовалась его манерой отдавать лаконичные приказания. Айл руководил командой из восьми человек, и наблюдение за выгрузкой электронного микроскопа не мешало ему шутить с Льюсом, толстым поваром-креолом из Маурити. Вскоре на причале выросла груда коробок и чемоданов.

Кэтрин решила возвратиться в дом до того, как туда станут сносить груз. Она взошла по деревянным мосткам, проложенным через пески, и скрылась в доме.

Большую часть груза разместили в лаборатории и на складе, находившихся рядом. Айл замыкал шествие грузчиков, неся клетку из досок от старых апельсиновых ящиков. Сквозь решетку высовывались два молодых пингвина.

Айл прошел в дом через заднюю дверь. Дом представлял собой простую одноэтажную постройку, сооруженную из коралловых глыб и крытую на местный манер тростником. Рифленое железо для кровли стали ввозить на остров значительно позже.

Айл оглядел знакомую прохладную гостиную — полки с книгами в бумажных переплетах, ковер, который они купили в Бомбее на пути сюда, карта мира, портрет Кэтрин, висящий на стене.

Айл подошел к двери и посмотрел на раскинувшийся остров. Калпени по форме напоминал старомодный ключ для открывания пивных бутылок. Дальнюю часть острова размыло морем. Прямо у естественной лагуны лежало маленькое селение местных жителей: несколько полуразваленных хижин открывал крутогорбый холм.

За окном он увидел жену, весело болтавшую с матросами, не скрывавшими удовольствия, что им приятно разговаривать с хорошенькой женщиной. Джо с подносом пива топтался рядом.

Айл вышел и присоединился к разговаривающим. Усевшись на скамейку, он с наслаждением стал потягивать холодное пиво.

Улучив момент, сказал Кэтрин:

— Тебе следовало поехать с нами, Кэт! Здесь мир кораллов и моря, там — льда и моря. Ты даже не можешь себе представить! Антарктида девственна! Она подобна Калпени: всегда принадлежит только себе и никогда — человеку.

Команда вернулась на корабль. И Айл направился к хижинам местных жителей.

Хибары будто вымерли. На песке понуро лежали ветхие лодки. Одинокая старуха, сидя под пальмой, похожей на хобот слона, уставилась на оперение летучей рыбы, сохнувшей перед ней; старухе даже было лень смахнуть мух, ползавших по слезящимся неморгающим векам. Все было мертво, кроме бесконечного Индийского океана. Даже облако над далеким пиком Каравати стояло неподвижно, будто бросив якорь.

Айл, может быть, впервые подумал о разумности безделья. Здесь, у этих аборигенов, хорошая жизнь или по крайней мере соответствующая их представлению о хорошей жизни. Скромные желания щедро удовлетворяет природа, и аборигены могут почти ничего не делать и ни о чем не заботиться.

Кэтрин приблизительно так же относится к жизни. Она способна изо дня в день бесцельно смотреть на пустынный горизонт и получать от этого удовольствие. Он же должен всегда что-то делать. Впрочем, все люди разные, и с этим надо считаться.

Айл наклонил голову и вошел в большую хижину. Полный молодой мадрасец, весь черный и лоснящийся, сидел за прилавком и ковырял в зубах. Его имя было старательно выписано над дверью староанглийским шрифтом: «В. К. Вандроназис». Он лениво, но уважительно встал и пожал руку Айлу.

— Наверное, рады возвращению с Южного полюса?

— Не скрою, Вандроназис, очень.

— Вероятно, на Южном полюсе холодно даже в жаркое время года?

— Да, и это точно. Но мы не стояли на одном месте. Мы прошли почти десять тысяч морских миль. А как ты живешь? Приумножаешь богатства?

— Сейчас на Калпени не разбогатеешь. Вы это отлично знаете.— Он с улыбкой воспринял шутку Айла.— Но живем не так уж плохо... Недавно обнаружили столько рыбы, что не смогли ее даже выловить. Никогда раньше Калпени не видел столько рыбы.

— А какой породы? Наверное, летающих рыб?

Печатается с сокращениями.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

— Да-да, много, очень много именно этой рыбы. Других пород совсем не видно, а этой — миллионы.

— А киты появляются?

— В полнолуние приходят и огромные киты.

— Кажется, я видел их скелеты у старого форта.

— Целых пять. Последний выбросился на берег в прошлом месяце, еще один — на месяц раньше. И все во время полнолуния. Мне кажется, они охотятся на летающих рыб.

— Этого не может быть. Киты стали наведываться на Лаккадивские острова еще до появления летающих рыб. К тому же киты их не едят.

Вандроназис задумчиво склонил голову набок и сказал:

— Много странного в мире. Вы, ученые люди, тоже не все знаете. Не правда ли? Может быть, в этом году киты по-иному стали смотреть на летающих рыб. Конечно, это лишь мои догадки...

Чтобы поддержать бизнес, Айл заказал бутылку малиновой воды. Он медленно тянул алого цвета жидкость, продолжая дружески болтать.

Хозяин собрался было выложить все сплетни, гуляющие по острову, но Айл, поблагодарив его, побрел назад вдоль длинной и узкой части острова. Снова прошел мимо старухи, которая сидела так же неподвижно и смотрела на сохнувшую рыбу.

Айлу не терпелось возвратиться в дом и обдумать услышанное о летающих рыбах. Он только что закончил длившееся долгие месяцы обследование океанских течений... Экспедиция поддерживалась Британским министерством рыбного и сельского хозяйства и Смитсоновским океанологическим институтом. Причиной ее снаряжения было появление несметного количества рыбы. Прежде всего сверхизобилие сельди в перепаханных кораблями балтийских водах. Стремительное размножение сельди началось лет десять назад. Постепенно сельдевое нашествие распространилось и на районы Белого моря.

Антарктическая экспедиция Айла обнаружила также неестественно бурное размножение пингвинов. Айл обратил внимание на прогрессирующий рост особей, что до него никем не отмечалось.

Совершенно непонятно, почему внезапный рост фауны пришелся как раз на время, когда, казалось, удалось предотвратить угрозу перенаселения. Если раньше эта угроза была скорее мифической, то ныне превращалась в реальную опасность.

Цель путешествия «Кракена» в далекие воды Антарктиды была чисто научной. Недавно учрежденная Ассоциация Мирового океана наметила пятилетнее изучение течений. Старый, ржавый «Кракен», правда, оснащенный современными океанологическими приборами, стал позорной частью англо-американского вклада в эту программу.

За время плавания Клемент Айл проделал интереснейшую работу и сейчас вдруг решил рассказать о ней.

— Я хочу поделиться с тобой одним секретом. Лучше уж сразу освобожусь от тайного бремени! Знаешь ли ты, Кэт, что такое копеподы?

— Да, ты говорил о них. Рыба, не так ли?

— Это ракообразные, живущие в планктоне, необходимое звено питательной цепи океанов. Подсчитано, что индивидуумов копепод куда больше, чем всех других многоклеточных животных — человеческих существ, рыб, устриц, обезьян, собак и прочих. Размер копеподы близок к размеру рисового зерна. Копеподы чрезвычайно прожорливы: они поедают диатомовых весом, равным половине их собственного веса. Домашняя свинья, даже рекордсменка, никогда не смогла бы этого сделать. Уровень воспроизводства копепод мог бы служить символом плодовитости старушки Земли. Питаясь мельчайшими существами, они, в свою очередь, поедаются одними из самых крупных животных — тигровой акулой и различными китами. Копеподы значатся также в диете некоторых мореплавающих птиц. У каждого вида копепод собственный маршрут и глубинный уровень в океанском пространстве. Изучая течение в океане, мы проследили за одним из видов на протяжении тысячи миль. Знать комплекс океанских течений для человека так же необходимо, как, скажем, схему циркуляции крови. «Кракен» открыл, в частности, течение, о существовании которого океанографы лишь догадывались. Мы нанесли его на карту и дали имя. Если я скажу, Кэт, как назвали новое течение, это развеселит тебя. Оно рождается вялым в Тирренском море. Мы не раз плавали там из Сорренто на Капри. Для тебя это было просто Средиземное море. Уровень испарений там очень высок, и сверхсоленая вода в конце концов выплескивается в Атлантику и направляется дальше, отклоняясь к югу. Течение легко проследить по степени солености и уровню приливов. Оно в основном однородно и представляет собой узкий поток воды, движущийся со скоростью около трех миль в день. В Атлантике сталкивается в двумя другими течениями, движущимися в обратном направлении.

«Кракен» проследовал через экватор в южные широты, в холодные воды Южного океана. В конце концов течение выходит к поверхности и разливается вдоль берегов Антарктиды от Уэделлы до моря Маккензи. За короткое полярное лето в этой теплой воде размножаются копеподы и другая мелкота. Ракообразные окрашивают море в светло-коричневый цвет — настолько много их собирается в воде. «Кракен» часто наталкивался на розовое от крови море. В то время как копеподы пожирали диатомовых, киты пожирали копепод.

— Как ужасна природа! — сказала Кэтрин.

Айл улыбнулся.

— Возможно, но такова жизнь. И знаешь, как мы назвали течение? Оно будет известно как Течение Делвина — в честь Теодора Делвина, директора Ассоциации Мирового океана, великого эколога и твоего первого мужа...

Когда Кэтрин злилась, она походила на ежа. Взяв сигарету из сандаловой коробки, стоящей на столе, она произнесла с сарказмом:

— Не сомневаюсь, что идея такой шутки принадлежит тебе!

— Боже, сколько иронии в твоих словах! А название очень точно. Надо отдать должное Делвину. Он великий человек, более великий, чем, возможно, когда-либо стану я.

— Клем, ты же знаешь, как он относился ко мне?

— Да, знаю. Именно поэтому мне посчастливилось заполучить тебя! И я не таю зла на Делвина... Кроме того, он был моим другом...

— Нет, он не был тебе другом. У Теодора никогда не было друзей. Он дружил только с выгодой. После пяти лет, прожитых вместе, я знаю его лучше, чем ты.

— Ты должна быть справедливой...

Он улыбнулся, довольный ее раздражением.

Кэтрин бросила в него сигаретой и вскочила.

— Ты сумасшедший, Клем! Твоя чертовская уравновешенность сведет меня с ума! Почему ты не можешь хоть кого-нибудь возненавидеть?! Почему ты не можешь возненавидеть Тео, хотя бы ради меня?

Снаружи волны шумно бились о рифы, навевая сон. Монотонный гул порождал чувство приятного расслабления. Сам остров выглядел таким тихим, что не верилось, будто океан охватывает его со всех сторон. Нигде ни огонька, кроме лампочки на мачте «Кракена»...

Два пингвина замерли в одной из просторных клеток, сооруженных позади лаборатории. Они стояли, засунув клювы под ласты, и спали, не пошевелившись даже тогда, когда зажгли свет.

Кэтрин обняла Айла.

— Извини, я воспользовалась удобным случаем. Мне кажется, тебя можно поздравить. Открытие нового течения имеет гораздо большее значение, чем ты представил, ведь так?

— Да, поистине большое открытие — девять с половиной тысяч миль длиной...

— О, милый! Будь серьезным! Ты нарочно ведешь себя так, словно ничего особенного не сделал.

— Это ужасно! Если верить тебе, я могу получить рыцарство в любую минуту! Ну ладно! Говорю серьезно, через неделю мы должны лететь в Лондон. Мне предстоит сделать обстоятельный доклад. Есть еще открытие, сводящее эффект Делвина на нет, открытие, касающееся каждого из нас!

— Что ты имеешь в виду?

— Уже поздно. Мы оба устали. Я расскажу тебе об этом завтра утром.

— Расскажи сейчас, пока кормим птиц.

— Пингвины сыты. Я только хотел проверить их. Утром они едят лучше.

Айл задумчиво посмотрел на Кэтрин.

— Я жадный человек, хотя и стараюсь это скрыть, Кэт. Я жадно хочу жить. Мне бы хотелось прожить с тобой тысячи лет. Столько же хотелось бы странствовать по Земле. И эти сумасбродные желания осуществимы... В так называемой мировой системе кровообращения родилась новая инфекция,— почти заговорщицки произнес он.— Инфекция рождает особый вид заболевания, которое называется долголетием. Впервые его вирус был замечен десять лет назад в селедочных стаях на Балтике. Знаешь, как мы проследили Течение Делвина? У нас были глубокие тралы, которые опускали до слоев определенной плотности. Мы смогли точно установить соленость, температуру и скорость течения на всем протяжении. Мы исследовали планктон. И обнаружили, что копеподы несут особый вирус, который я рассматриваю как форму балтийского вируса. Ученые не знают его происхождения.

— Клем, пожалуйста, все это выше моего понимания! Что же этот вирус все-таки делает? Ты говоришь, он продлевает жизнь?

— Нет, пока еще нет... Насколько мне известно, пока нет...

Он жестом показал на скамейку, где стояло лабораторное оборудование.

— Я покажу тебе, как он выглядит, когда установлю электронный микроскоп. Вирус мал, но очень хитер. Сначала находит хозяина, потом стремительно развивается в полости клетки. На первый взгляд его деятельность заключается в разрушении всего и вся. Он как бы угрожает жизни клетки. На самом деле это уникальный ремонтник. И очень эффектный! Понимаешь, что это значит?! Любая живая форма, зараженная им, способна жить вечно. Балтийский вирус полностью перестраивает клетки, если находит достойного хозяина. Оба известных мне достойных хозяина живут в воде: рыба и млекопитающее, сельдь и голубой кит...

Клем заметил, что Кэтрин знобит.

Немного подумав, Кэтрин спросила:

— Ты думаешь, все сельдевые и киты бессмертны?

— Потенциально да. Если, конечно, заражены вирусом. Много сельди вылавливается, поедается, но остающиеся будут размножаться из года в год, не расходуя жизненных сил. Животные, питающиеся сельдевыми, по-видимому, не подвержены инфекции. Другими словами, вирус в них существовать не может. Парадоксально, но зародыш, таящий в себе секрет вечной жизни, сам под постоянной угрозой вымирания.

— А люди?

— Люди еще дальше от решения этой проблемы. Зараженные балтийским вирусом копеподы, движение которых мы проследили, вышли из глубин на поверхность в Антарктиде. Одно из моих открытий — есть еще существа, которые могут быть заражены. Например, пингвины. Во всяком случае, они не умирают естественной смертью. Птицы, которых ты видишь здесь, фактически бессмертны.

Кэтрин стояла и смотрела на пингвинов сквозь решетку большой клетки. Птицы замерли на краю водоема. Они просыпались и, не вынимая клювов из-под ласт, смотрели на женщину ясными неморгающими глазами.

— Смешно, не правда ли? Поколения людей мечтали о бессмертии. Но никогда не думали, что бессмертными окажутся пингвины. Как считаешь, стоит подумать, как нам заразиться бессмертием от пингвинов?

Он засмеялся.

— Это не легче, чем подхватить пситтакоз от попугаев. Не исключено, что в лабораториях найдут способ заражения человечества долголетием. Но прежде чем это случится, есть вопрос, на который мы должны ответить...

— Что ты имеешь в виду?

— Нравственный вопрос... Способны ли мы как род или особь к тысячелетней плодотворной жизни? Заслужили ли мы долголетие?

— Думаешь, у сельди больше заслуг, чем у человека?

— По крайней мере сельди зачастую более благоразумны, чем люди.

— Расскажи об этом своим копеподам!

Он с удовольствием засмеялся.

— Интересно и другое — каким образом копеподы, сами не заразившись, проносят вирус в латентной форме от Средиземного моря до Антарктики?! Конечно, должно быть связующее звено между Балтикой и Средиземноморьем, но мы его не нашли.

— Считаешь, другое течение?

— Не думаю. Вернее, пока не знаю. Между тем вся экология Земли переворачивается вверх дном. Появляется приятный избыток пищи, и выживают киты, которые были на грани вымирания...

Выживание китов уже меньше занимало Кэтрин.

— Ты попробуешь вселить вирус в нас?

— Опасная проба... Но это уже не моя область...

— Ты же не намерен предоставить судьбу вируса естественному ходу событий?

— Нет, не намерен. И хотя об открытии не знают даже члены экспедиции

на «Кракене», я сообщил о нем одному человеку. Ты возненавидишь меня, Кэт, но я послал закодированное сообщение Тео Делвину на адрес ВВО в Неаполе. Хочу заглянуть к нему по пути в Лондон.

Лицо Кэтрин сразу стало уставшим и постаревшим.

— Ты или святой, или круглый идиот,— сказала она.

Пингвины неподвижным взглядом проводили двух людей, которые тихо вышли из комнаты.

Почти все население Калпени глазело на приземление вертолета. Даже Вандроназис закрыл свою лавку и присоединился к толпе зевак.

Большие пальмовые листья бились друг о друга под ветром от лопастей вертолета, на черном корпусе которого отчетливо вырисовывались знаки «ВВО». Как только лопасти винта перестали работать, из вертолета вслед за пилотом на землю выпрыгнул Тео.

Делвин был двумя-тремя годами старше Айла. Коренастый, хорошо сохранившийся, с тонкими чертами лица, хватким умом, Тео выглядел настолько же аккуратным, насколько Айл неряшливым. Его многие уважали, но мало кто любил. Айл, на котором красовались джинсы и парусиновые туфли, подошел к Делвину и поздоровался за руку.

— Приятно видеть тебя здесь, Тео. Ты осчастливил Калпени!

— Убийственно жарко! Ради бога, отведи меня в тень, прежде чем я изжарюсь. Как только ты это переносишь? Не представляю.

— Привык. Калпени для меня — второй дом. Видишь моих пингвинов, плавающих в лагуне?

— О-о-о-о! — Делвин был не в настроении вести разговор между прочим. В изящном светлом костюме он проворно зашагал к дому. Даже при ходьбе по песку видно было, как играют его мускулы.

У дверей дома Айл посторонился, дав гостю и пилоту — долговязому индейцу — пройти вперед. Кэтрин ждала в комнате. Если Делвин и был смущен встречей со своей бывшей женой, то ни одним жестом не выдал смущения.

— Всегда казалось, что в Неаполе слишком жарко, но вы живете в чертовой печи. Как дела, Кэтрин? Выглядишь ты отлично. Не видел тебя с тех пор, когда ты плакала на суде. Как к тебе относится Клемент?

— Ты, очевидно, приехал сюда не для того, чтобы поразвлечься, Тео? Ты и пилот хотите выпить?

После того, как Делвина поставили на место, он поджал губы и повел себя уже менее задиристо. Следующее его замечание могло быть истолковано как извинение.

— Островитяне раздражают меня: весь вертолет покрыли отпечатками пальцев. С тех пор, как возникло человечество, они ни на шаг не продвинулись вперед по дороге цивилизации. Тунеядцы в прямом смысле этого слова! Имеют все, что необходимо: рыбу и кокосовые орехи, растущие у самого порога. Даже этот чертов остров им построили коралловые насекомые.

— Своим существованием мы тоже обязаны различным растениям, животным и земляным червям!

— По крайней мере последним мы платим регулярно свои долги. Однако не об этом речь. Я просто не разделяю твоей сентиментальной привязанности к необитаемым островам.

— А ведь мы не приглашали тебя сюда, Тео,— вставила Кэтрин, с еле сдерживаемой злостью глядя на него.

Появился Джо и принес пиво. Пилот у открытой двери, потягивая пиво, нервно наблюдал за своим боссом.

Делвин, Айл и Кэтрин присели, осматривая друг друга.

— Я понял, что ты уже получил доклад? — сказал Айл.— Поэтому и приехал сюда?

— Ты шантажируешь меня...

Говоря это, Делвин хрустнул суставами пальцев. Пилот схватился за пистолет, висевший в кобуре на боку. Айл впервые в жизни видел пистолет, направленный на себя. Пилот стоял, держа оружие в левой руке и небрежно отхлебывая пиво маленькими глотками. Айл встал.

— Садись! — приказал Делвин.— Садись и слушай. Или в скором времени появится сообщение, что во время купания между тобой и акулой не было достигнуто взаимопонимание. Ты идешь против сильной организации, Клемент. Но ты можешь жить спокойно, если будешь вести себя благоразумно. Что тебе нужно?

— Это тебе что-то нужно. Лучше объясни все по порядку.

— Ты всегда был наивен, как ребенок. Я понимаю сообщение, которое ты прислал с заверениями, что никому ничего не сообщал, лишь как тонко завуалированный шантаж. Объясни, как купить твое молчание?

Айл посмотрел на жену и по ее лицу понял, что она тоже сбита с толку. Злость на самого себя росла по мере того, как он осознавал, что не может понять Делвина. Его доклад содержал почти научное суммирование цикла, по которому балтийский вирус из Тирренского моря заносится в Атлантику.

Айл молча покачал головой и, закрыв лицо руками, сказал:

— Прости, Тео, ты прав: я наивен. И все-таки не могу понять, о чем говоришь и почему думаешь, что разговор может проходить только под дулом пистолета?!

— Снова твоя шизофрения, Тео! — сказала Кэтрин. Она встала и направилась к пилоту, держа руку перед собой. Тот поспешно поставил пиво и направил пистолет на нее.

— Дай его сюда! — властно сказала она.

Пилот заколебался, потупив взгляд. Кэтрин взяла пистолет за дуло и, выхватив его, с отвращением отшвырнула в угол комнаты.

— А теперь убирайся! Иди и жди в вертолете! И забирай свое пиво.

Делвин направился было за пилотом, но затем снова сел. Решив игнорировать Кэтрин, как единственный путь сохранить чувство собственного достоинства, он, обращаясь к Клементу, произнес:

— Ты это серьезно? Ты действительно настолько глуп, что не понимаешь, о чем я говорю?

Кэтрин подошла и похлопала Клема по плечу.

— Тео, тебе лучше отправиться домой. Мы на острове не любим людей, которые нам угрожают.

— Оставь, Кэт. Давай все-таки выясним, какую гениальную идею он вынашивает. Тео проделал путь от Неаполя, рискуя своей репутацией, не ради пустой угрозы. В таком случае его следует считать ординарным жуликом...

Оскорбление не подействовало на Делвина.

— Что же ты задумал, Тео? Что-то ужасное, и это касается меня, ведь так?

Настойчивость Кэтрин возвратила Делвину самоуверенность и даже чувство юмора.

— Нет, Кэтрин, нет! Это совсем тебя не касается. К тебе я давным-давно потерял всякий интерес. Гораздо раньше, чем ты убежала с этим рыболовом...

Тео тяжело встал и подошел к почерневшей и засиженной мухами карте мира, висевшей на стене.

— Клемент, взгляни-ка сюда. Вот Балтика. А вот Средиземное... Ты проследил «Вирус бессмертия» на всем пути от Балтики до Антарктики. Я думал, у тебя хватит ума сообразить — недостает звена между Балтикой и Средиземноморьем. Допуская, что твое молчание продается, я переоценил тебя. Ты ведь еще ни о чем не догадываешься?

Айл нахмурился и провел рукой по лицу.

— Не лопни от самодовольства, Тео. Я случайно начал в Тирренском море. Конечно, если бы знал, что недостающее звено где-то близко, заинтересовался... Вероятно, вирус переносится из одного моря в другое пелагической особью. Скажем, птицей. Но насколько я знаю, балтийский вирус, или «Вирус бессмертия», как ты его называешь, не может существовать в теле птицы. Исключение — пингвины. В северном же полушарии пингвинов нет.

Сняв со своего плеча руку мужа, Кэтрин сказала:

— Милый, он же смеется над тобой!

— Да, Клемент, ты настоящий человек науки! — подхватил Тео.— Никогда не видишь того, что творится под носом, ибо вечно погружен в собственные излюбленные теории! Ты долговязый олух! «Вирус бессмертия» свойствен человеку — мне! Я работал над вирусом на Балтике и привез с собой в Неаполь, в штаб ВВО. Я продолжаю экспериментировать над ним в неаполитанской лаборатории, я...

— Но откуда мне знать об этом?! О Тео, ты нашел способ заражать вирусом людей?!

Чванливое выражение лица Делвина говорило, что Айл попал в цель. Клем повернулся к Кэтрин.

— Дорогая, ты права. И он тоже. Я действительно близорукий идиот. Должен был хотя бы предположить. Кроме всего, Неаполь расположен на берегу Тирренского моря. Об этом никто никогда не думал, и все говорили лишь о Средиземном.

— Наконец до тебя дошло! — сказал Делвин.— В Неаполе живет наша небольшая колония, и у каждого в крови «Вирус бессмертия». Он в инертном состоянии легко проходит тело человека и, сохраняясь в сточных водах, еще живым выносится в море, где переваривается хищниками, которых ты и обнаружил.

— Циркуляция крови!

— Что?

— Ничего... Это не имеет значения. Это просто метафора.

— Тео, ты, значит, и сейчас... Ну, ты имеешь его в крови?

— Не бойся назвать это своим именем, Кэт. Да, у меня в крови бессмертие.

Почесав подбородок, Айл взял стакан пива и отхлебнул. Потом долго смотрел то на Тео, то на Кэтрин и наконец сказал:

— Тео, ты настоящий ученый и величайший авантюрист в одно и то же время. Поэтому можешь не открывать того, что знаешь! Мы, конечно, понимаем, теоретически допустимо сделать прививки вируса человеку. Вчера с Кэт допоздна обсуждали именно эту проблему. И знаешь, что решили? Даже если сможем достигнуть бессмертия или, скажем так, продления жизни, мы должны отказаться от вздорной затеи. Должны будем отказаться, ибо никто не чувствует себя готовым нравственно отвечать за психическую жизнь на протяжении, ну, скажем, нескольких сот лет.

— Детский лепет! — сказал Делвин и направился в дальний угол комнаты, чтобы поднять пистолет. Но прежде чем Тео успел положить оружие в карман, Айл перехватил его руку.

— До тех пор, пока ты на Калпени, пусть пистолет хранится у нас. Между прочим, зачем он тебе понадобился?

— Я собирался пристрелить тебя, Айл!

— Отдай пистолет, и тебе не придется подвергать себя искушению. Хочешь сохранить секрет, не так ли? Как тебе кажется, много ли времени пройдет, пока он станет достоянием всех народов? Подобное не может долго храниться в тайне.

Тео не испытывал ни малейшего желания отдавать пистолет. Он сказал:

— Мы храним секрет уже пять лет. Сейчас нас пятьдесят. В большинстве — мужчины. Лишь несколько женщин. И прежде, чем секрет перестанет быть секретом, мы станем еще более могущественными. Нам нужно всего несколько лет. Мы сделаем грандиозные капиталовложения и породнимся. Посмотри на список людей, побывавших в моей клинике... Через пять лет мы будем править Европой. А там рукой подать до Америки и Африки...

— Клем, видишь, он сумасшедший! Это особая форма разумного помешательства! Я тебе говорила... Но он не осмелится стрелять, он не рискнет... Тогда закон пожизненно упрячет его в тюрьму. А это теперь для него слишком большой срок!

Услышав в голосе жены гневные нотки, Айл предложил ей сесть и выпить пива.

— Хочу предложить Тео пройтись и взглянуть на китов. Пошли, Тео, покажу тебе воочию, за что ты выступаешь с глупой амбицией.

Тео посмотрел на него долгим взглядом, как бы размышляя, принесет ли ему прогулка полезную информацию. И, очевидно, решил, что принесет. Он встал и пошел за Айлом.

После темной комнаты яркое солнце ослепило. Вокруг вертолета все еще шумела толпа, время от времени переговариваясь с пилотом. Не обращая на них внимания, Айл и Делвин прошли мимо машины, обогнули лагуну, блестевшую в лучах полуденного солнца. Не останавливаясь, Айл вел гостя прямо на северо-западный конец острова. Берег был крут, они не могли видеть ничего, кроме старого португальского форта. Мрачное, полуразрушенное сооружение походило на нечто бессмысленное, созданное силами моря. Вблизи форт показался еще меньше, наверно, из-за туш, лежавших на берегу... Пять погибших китов — два выбросились совсем недавно — еще не успели сгнить. Светились черепа и кости в тех местах, где островитяне вырезали мясо. Три кита выброшены уже давно. От них не осталось ничего, кроме скелетов да остатков пересохшей кожи, при легком бризе качающейся на реберных костях, подобно занавескам.

— Зачем ты привел меня сюда? — вспылил Тео. Его массивная нижняя челюсть нервно двигалась.

— Научить тебя скромности... Ради твоего же блага... Посмотри на эту работу времени. Есть над чем задуматься! Это голубые киты, Тео. Самые большие живые существа, обитающие на планете! Посмотри на их скелеты! Только челюсть весит тонны...

Айл встал в огромную реберную клетку, и, когда случайно облокотился на кость, она заскрипела, подобно старому дереву.

— Сердце билось как раз здесь, Тео, и весило около восьми центнеров...

— Мог бы и дома рассказать мне о пятидесяти потрясающих фактах из естественной истории...

— Но ведь это не естественная история, Тео. Пять чудовищ гниют здесь, может быть, потому, что в далеких водах Антарктики они заразились, сожрав несколько копепод с балтийским вирусом. По твоему мнению, это могло быть пять лет назад?

— А что делают голубые киты вблизи Лаккадивских островов?

— Как-то не представлялся случай спросить их об этом. Известно лишь, что киты появляются вблизи Калпени в разные месяцы, но только в полнолуние. Кэтрин может тебе это подтвердить. Она видела китов живыми и рассказала об их самоубийстве в письмах. Что-то гонит китов через экватор в эти воды. Что-то заставляет их выбрасываться на берег. Заставляет умирать со вспоротыми о рифы животами... Валяться здесь такими, какими ты видишь их сейчас... Останься до следующего полнолуния, Тео! Сам увидишь самоубийство голубых китов...

— О'кей! Ты, сообразительный рыболов, одари ответом на загадку. Он, по-видимому, известен только тебе. Так почему голубые киты убивают себя?

— Они страдают от побочных явлений, Тео. Балтийский вирус, конечно, удлиняет жизнь. Но у тебя нет времени выяснить, к чему еще приводит заражение бессмертием. Ты так невероятно спешишь, что отказываешься от научного метода. Боишься постареть раньше, чем заразишься вирусом. И потому не соблюдаешь элементарного испытательного срока. Возможно, ты собираешься жить тысячи лет... Но что еще может с тобой произойти? Что случилось с этими бедными животными, которые не смогли выдержать удлинения жизни? Все, что ты сделал, ужасно. И скоро тебе и твоим конспираторам из Неаполя придется расплачиваться за легкомыслие...

Глушитель сработал эффектно — пистолет только слегка щелкнул. Звук походил на выковыривание земляничного зернышка, застрявшего в зубах. Пуля звонко взвизгнула, отрикошетив от ребра, и ушла в океан.

Айл рванулся вперед так быстро, как не доводилось и в молодые годы. Он достиг Делвина прежде, чем тот успел сделать второй выстрел. Они повалились на песок. Айл сверху. Ногой он придавил руку Делвина и руками схватил за горло и несколько раз ударил головой о большую кость. Делвин выронил пистолет. Айл подобрал оружие, отпустил Тео и встал на ноги. Пыхтя, он стал отряхивать песок со старых джинсов.

— Прости, это не очень вежливо...— сказал он, глядя на распластанного у ног человека с налитым кровью лицом. — Ты законченный болван!

Очистив брюки от песка, Айл направился к коралловому домику.

Кэтрин в ужасе отступила, увидев Айла в таком виде.

— Клем, что произошло? Ты ведь не убил?..

— Дай стакан лимонаду. Все в порядке, любовь моя. С ним ничего не случилось...

Клем уселся в тени и взял стакан. Его стало знобить. Кэт обычно не расспрашивала ни о чем и ждала, пока он расскажет сам. Она подошла к Айлу и обняла за шею. Вскоре через окно они увидели Делвина, который, пошатываясь, шел по дюнам. Не глядя в их сторону, он направился прямо к вертолету. С помощью пилота взобрался в машину. Через минуту заработал мотор, завертелись лопасти, и машина поднялась. Кэтрин и Клем молча смотрели, как вертолет поплыл над водой, выходя на курс. Звук мотора стал затихать, и вскоре черная точка растаяла в гигантском небе.

— Тео тоже своего рода голубой кит. Он приехал сюда, чтобы здесь потерпеть крушение...

— Тебе следует послать в Лондон телеграмму и рассказать обо всем.

— Ты права. А пока я поймаю несколько летающих рыб. Подозреваю, что они тоже способны подхватить инфекцию.

Кэтрин сняла темные очки и села рядом, с беспокойством глядя на Айла.

— Я не святой, Кэт. И никогда не говори мне об этом. Я, кровожадный лжец, должен был лгать Тео, объясняя, почему голубые киты идут к нашим берегам...

— А почему?

— Не знаю. Киты садятся на мель не только у нас. И никто не знает почему. Тео легко вспомнил бы эту истину, не будь он таким трусом.

— Понимаю, почему ты солгал ему. Ты лжешь людям, которых ты уважаешь. Моя мать поступала обычно так же.

Он засмеялся.

— Господь с ней, с твоей матерью... Я лгал, чтобы напугать Тео. Хочу предостеречь всех, кто узнает о бессмертном вирусе и захочет заразиться. Пусть задумаются: зачем требовать удлинения жизни, не прожив еще как подобает и отведенной? Тео забрал мою ложь с собой... А ты хотела, чтобы в твоей крови жил этот вирус?

Он снял очки и протер стекла носовым платком.

— Я — нет,— сказала Кэтрин.

— Мир накануне серьезных перемен,— продолжал Айл,— но они происходят медленно. Еще медленнее изменяются люди. Ложь моя должна затормозить процесс изменений. Человечество обязано подумать: а не ужасно ли бессмертие?! Надо ли приносить ему в жертву загадку смерти? А теперь как насчет купания?

Когда они переоделись, Кэтрин сказала:

— У меня вдруг появилась мечта, Клем. Я изменила свое мнение — хочу, чтобы мы оба жили так долго, как только можно. Жертвую смертью ради жизни!

Он кивнул в знак согласия и сказал просто:

— Конечно, ты права.

Они засмеялись и побежали вниз к плещущимся о берег волнам.

Сидя на берегу и натягивая ласты, Айл сказал:

— Тео приехал сюда, чтобы заставить меня молчать. Он, конечно, сильный человек. Но сегодня он не был таким. Надеюсь, ты догадалась, что в действительности он приехал увидеться с тобой. Полагаю, ему недостает партнерши в том бесконечном будущем, которое он открыл для себя.

Они вместе ныряли, распугивая рыб и пуская пузырьки воздуха под искрящейся поверхностью. Медленно плывя на боку, Айл направился в пролив, ведущий к открытому океану. Она последовала за мужем, радуясь, что ей суждено жить в другом измерении.

Перевел с английского
Кс. ГАЛКИН.

ДРУГ В ДОМЕ

Клиффорд САЙМАК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Когда старый Мозе Абрамс бродил по лесу, разыскивая коров, он нашел пришельца. Мозе не знал, что это пришелец. Он понял лишь, что перед ним существо живое и страдающее, а старый Мозе, несмотря на все россказни соседей, был не из тех, кто может покинуть в лесу раненого.

На вид это было ужасное создание — зеленое, блестящее, с фиолетовыми пятнами, и оно внушало отвращение даже на расстоянии двадцати футов.

Оно заползло или, вернее, пыталось заползти в заросли орешника. Верхняя часть его находилась в кустах, а туловище, ничем не прикрытое, лежало на поляне. Его конечности время от времени слегка скребли по земле, стараясь подтянуть тело поглубже в кусты. И оно стонало, но не очень громко — точь-в-точь, как одинокий ветер, тоскливо воющий под широким карнизом. Однако в его стоне слышалось нечто большее, чем вой зимнего ветра; в нем звучало такое отчаяние и страх, что у старого Мозе волосы стали дыбом.

Старый Мозе довольно долго размышлял над тем, что ему делать с существом, а потом еще какое-то время набирался храбрости, хотя многие, не задумываясь, признали бы, что храбрости у него было хоть отбавляй. Но тут нужна была храбрость безрассудная. Мозе приблизился к раненому существу и опустился рядом с ним на колени. Хотя смотреть на существо было тяжко, в его отталкивающем безобразии таилось какое-то неизъяснимое обаяние — словно оно притягивало к себе именно потому, что было настолько отвратительно. И от него исходило совершенно ужасное, ни с чем не сравнимое зловоние.

Однако Мозе не был неженкой. С тех пор как около десяти лет назад умерла его жена, он жил в полном одиночестве на своей запущенной ферме, и его методы ведения хозяйства служили пищей для злословия окрестных кумушек. Раз в год, если у него доходили руки, он выгребал из дома груды мусора, но остальное время ни к чему не притрагивался.

Поэтому исходивший от существа запах смутил его меньше, чем того можно было ожидать. Но зато Мозе смутил вид существа, и он не сразу решился прикоснуться к нему, а когда, собравшись наконец с духом, сделал это, то очень удивился. Он ожидал, что существо окажется либо холодным, либо скользким, а может быть, и тем и другим одновременно. Но ошибся. Оно было на ощупь теплым, твердым и чистым — Мозе словно прикоснулся к зеленому стеблю кукурузы.

Просунув под раненого руку, он осторожно вытащил его из зарослей орешника и перевернул на спину, чтобы взглянуть на его лицо. Лица у него не было. Верхняя часть туловища кончалась утолщением, как стебель цветком, хотя тело существа вовсе не было стеблем, а вокруг этого утолщения росла бахрома щупалец, которые извивались, точно черви в консервной банке. И тут-то Мозе чуть было не повернулся и не бросился бежать.

Но он выдержал.

Страх сковал его и вызвал приступ тошноты, а когда ему почудилось, что жалобный вой издают черви, стало еще страшнее.

Мозе был упрям. Только упрямый человек мог тянуть такую жалкую ферму. Упрямый и ко многому равнодушный. Но, конечно, не к страдающему живому существу.

Наконец, пересилив себя, он поднял существо на руки, и в этом не было ничего особенного, потому что оно весило мало. Меньше, чем трехмесячный поросенок, прикинул Мозе.

С существом на руках он стал взбираться по лесной тропинке наверх, к дому, и ему показалось, что запах стал слабее.

Существо теперь несколько успокоилось и было значительно тише. И хотя Мозе не был в этом уверен, иногда ему казалось, будто оно прижимается к нему, как прижимается к взрослому испуганный и голодный ребенок. Старый Мозе вышел к постройкам и немного постоял во дворе, соображая, куда ему отнести существо — в дом или в сарай. Ясно, что сарай был самым подходящим для него местом, ведь существо не было человеком — даже в собаке, или кошке, или больном ягненке было больше человеческого, чем в нем.

Однако колебался Мозе недолго. Он внес его в дом и положил в кухне около плиты на то подобие ложа, которое он называл кроватью. Он аккуратно и бережно распрямил существо, накрыл его грязным одеялом и, подойдя к плите, принялся раздувать огонь.

Потом он придвинул к кровати стул и стал пристально, с глубоким интересом разглядывать свою находку. Существо уже почти совсем утихло и казалось гораздо спокойнее, чем в лесу. Мозе с такой нежностью подоткнул его со всех сторон одеялом, что и сам удивился. Ему захотелось узнать, какие из его припасов годились бы существу в пищу. Но если бы он и знал это, то все равно не смог бы покормить существо, так как у того, видимо, не было рта.

— Но тебе не о чем беспокоиться,— сказал он.— Раз уж я принес тебя в дом, все будет в порядке. Хоть я и не больно-то в этом разбираюсь, но все, что мне по силам, я для тебя сделаю.

День уже клонился к вечеру, и, выглянув в окно, Мозе увидел, что коровы, которых он давеча искал, вернулись домой сами.

— Мне нужно подоить коров и еще кое-что сделать по хозяйству,— сказал он существу, лежавшему на кровати,— но это недолго. Я скоро приду.

Старый Мозе подбросил в плиту дрова, чтобы в кухне было тепло, еще раз заботливо подоткнул одеяло, взял ведра для молока и пошел в сарай.

Он покормил овец, свиней и лошадей и подоил коров. Собрал яйца и запер курятник. Накачал бак воды.

Потом он вернулся в дом.

Мозе взглянул на лежавшее в постели существо. Судя по его виду, оно вроде бы находилось в прежнем состоянии. Будь это больной ягненок или теленок, Мозе сразу смекнул бы, хуже ему или лучше, но это существо было совсем иным. Тут он был бессилен.

Он приготовил себе немудреный ужин, поел и опять задумался над тем, как бы покормить существо. И как ему помочь? Он принес его в дом, согрел его, но это ли было нужно такому существу, или следовало сделать для него что-то другое? Он не знал.

Мозе подумал было, не обратиться ли к кому-нибудь за помощью, но от одной мысли, что придется просить о помощи, даже не зная, в чем она должна заключаться, ему стало тошно. Потом он представил себе, каково было бы ему самому, если бы, измученный и больной, он очутился в неведомом, далеком краю и никто не мог бы ему помочь из-за того, что там не знали бы, что он такое.

Это заставило его наконец решиться, и он отправился к телефону. Но кого ему следует вызвать — доктора или ветеринара? Он остановился на докторе, потому что существо находилось в доме. Если бы оно лежало в сарае, Мозе позвонил бы ветеринару.

Это была местная телефонная линия, и слышимость никуда не годилась, а поскольку и тому же сам Мозе был глуховат, он пользовался телефоном довольно редко. Временами он говорил себе, что телефон не лучше других новшеств, которые только портят людям жизнь, и десятки раз грозился выбросить его. Но теперь он был рад, что не сделал этого.

Телефонистка соединила его с доктором Бенсоном, и оба они не очень-то хорошо слышали друг друга, но в результате Мозе все-таки удалось объяснить доктору, кто звонит и что ему нужна его помощь, и доктор обещал приехать.

С некоторым облегчением Мозе повесил трубку и постоял немного просто так, ничего не делая, как вдруг его поразила мысль, что в лесу могут быть другие такие же существа. Он понятия не имел, кто они, что они могут здесь делать, куда держат путь, но было совершенно очевидно, что тот, на кровати, был каким-то чужестранцем, прибывшим из очень далеких мест. И разум подсказывал, что таких, как он, может быть несколько, ведь в дальней дороге одиноко и любой человек — или любое другое живое существо — предпочтет путешествовать в компании.

Мозе снял с крючка фонарь и, тяжело ступая, вышел за дверь. Он спустился по тропинке к лесу. Продираясь сквозь кустарник и высоко подняв фонарь, чтобы осветить площадь побольше, Мозе осмотрел то место, где нашел существо, но там никого не оказалось.

Однако он нашел кое-что другое — нечто вроде огромной птичьей клетки, сплетенной из толстых металлических прутьев. Клетка запуталась в густом кусте орешника. Он попытался вытащить ее, но она не сдвинулась с места.

Он оглянулся, чтобы посмотреть, откуда она попала сюда. Ему удалось разглядеть наверху сломанные ветви деревьев, а над ними в вышине холодно сияли звезды.

Мозе ни на минуту не усомнился в том, что существо, лежавшее сейчас на его постели около плиты, явилось сюда в этом невиданном плетеном сооружении. Он немного подивился, но не стал особенно вдумываться, ведь вся эта история казалась настолько сверхъестественной, что он со-

Рисунок **В. КАРАБУТА**

знавал, как мало у него было шансов найти ей какое-нибудь разумное объяснение.

Он пошел назад к дому и едва успел задуть фонарь и повесить его на место, как послышался шум подъезжающей машины.

Когда доктор подошел к двери, он несколько рассердился, увидев стоящего на пороге старого Мозе.

— Вы что-то не похожи на больного,— сварливо произнес он.

— А я и не болен,— сказал Мозе.

— Тогда зачем вы мне позвонили?

— У меня в доме кое-кто заболел,— ответил Мозе.— Надеюсь, вы сумеете помочь ему. Я бы сам попробовал, да не знаю как.

Доктор вошел, и Мозе закрыл за ним дверь.

— У вас тут что-нибудь протухло? — спросил доктор.

— Нет, это оно так воняет. Сперва было совсем худо, но теперь я уже немного привык.

Доктор заметил на кровати существо и направился к нему. Старый Мозе услышал, как доктор словно бы захлебнулся, и увидел, что он, напряженно вытянувшись, замер на месте. Потом доктор нагнулся и стал внимательно разглядывать лежавшее перед ним существо.

Наконец он выпрямился и повернулся к Мозе. Видимо, только безграничное изумление помешало ему в тот момент окончательно выйти из себя.

— Мозе!— взвизгнул он.— Что это такое?

— Сам не знаю,— сказал Мозе.— Я нашел его в лесу, ему было плохо, оно стонало, и я не смог его там оставить.

— Вы считаете, что оно болеет?

— Я знаю это,— сказал Мозе.— Ему немедленно нужно помочь. Боюсь, что оно умирает.

Доктор снова повернулся к кровати, откинул одеяло и пошел за лампой. Он оглядел существо со всех сторон, боязливо потыкал его пальцем и издал языком тот таинственный щелкающий звук, который умеют делать одни лишь доктора.

Потом он снова прикрыл существо одеялом и отнес на стол лампу.

— Мозе,— произнес он,— я ничего не могу для него сделать.

— Но ведь вы же доктор!

— Я лечу людей, Мозе. Мне неизвестно, что это за существо, но это не человек. Я даже приблизительно не могу определить, что с ним. А если бы мне все-таки удалось поставить диагноз, я не знал бы, как его лечить, не причиняя вреда. Я даже не уверен, что это — животное. Многое говорит за то, что это — растение.

Потом доктор спросил Мозе, как он нашел существо, и Мозе объяснил. Но он ни словом не обмолвился про клетку, потому что сама мысль о ней казалась настолько фантастической, что у него просто язык не повернулся рассказать о ней. Достаточно скверно, что он вообще нашел это существо и принес его в дом.

— Вот что я вам скажу,— произнес доктор.— Это ваше существо не известно ни одной из земных наук. Сомневаюсь, видели ли когда-нибудь на Земле что-либо подобное. Лично я не знаю, что оно из себя представляет, и не собираюсь ломать себе над этим голову. На вашем месте я связался бы с Мэдисонским университетом. Может, там кто-нибудь и сообразит, что это такое. В любом случае им будет интересно ознакомиться с ним. Они непременно захотят его исследовать.

Мозе подошел к буфету, достал коробку из-под сигар, почти доверху наполненную серебряными долларами, и расплатился с доктором. Добродушно подшучивая над его эксцентричностью, доктор опустил монеты в карман.

Мозе с редким упрямством держался за свои серебряные доллары.

— В бумажных деньгах есть что-то незаконное,— говорил он.— Мне нравится трогать серебро и слушать, как оно позвякивает. В нем чувствуется сила.

После ухода доктора Мозе пододвинул к кровати стул и сел.

Он смотрел на лежавшее в постели существо, и в нем внезапно вспыхнула почти безумная надежда на то, что оно выздоровеет и будет жить с ним. Теперь, когда его клетка так покорежена, ему, быть может, волей-неволей придется остаться. И Мозе надеялся, что так оно и будет, ведь уже теперь в доме не чувствовалось прежнего одиночества.

Сидя на стуле между плитой и кроватью, Мозе вдруг понял, как здесь раньше было одиноко. Пока не умер Тоусер, было еще не так плохо. Он попробовал заставить себя взять другую собаку, но не смог. Потому что не было на свете собаки, которая могла бы заменить Тоусера, и даже сама попытка найти другого пса казалась ему предательством. Он, конечно, мог бы взять кошку, но тогда он стал бы слишком часто вспоминать жену; она очень любила этих животных, и до самой ее смерти в доме всегда путались под ногами две-три кошки.

С тех пор он остался один. Один на один со своей фермой, своим упрямством и серебряными долларами. Доктор, как и все остальные, считал, что, кроме как в стоявшей в буфете коробке из-под сигар, у Мозе больше серебра не было. Но ни одна живая душа не знала о существовании старого железного котелка, доверху набитого монетами, который он спрятал под досками пола в гостиной. Мозе много бы отдал, чтобы посмотреть на лица соседей, если бы им удалось это пронюхать.

В конце концов старый Мозе так и заснул, сидя на стуле, с опущенным на грудь подбородком.

Когда он проснулся, в предрассветном мраке слабо мерцала на столе лампа, догорали в плите дрова, а пришелец был мертв.

Его смерть не вызывала сомнений. Существо похолодело и вытянулось, а поверхность его тела стала жесткой и уже начинала высыхать — так с концом роста засыхает под ветром в поле стебель кукурузы.

Мозе прикрыл его одеялом и, хотя было еще рано начинать обычную работу по ферме, вышел и стал работать при свете фонаря.

После завтрака он согрел воды, умылся и побрился — впервые за много лет он брился не в воскресенье. Потом он надел свой единственный приличный костюм, пригладил волосы, вывел из гаража старый полуразвалившийся автомобиль и поехал в город.

Он отыскал Эба Деннисона, городского клерка, который был одновременно секретарем кладбищенской ассоциации.

— Эб,— сказал Мозе,— я хочу купить участок земли на кладбище.

— Но у вас же есть участок,— запротестовал Эб.

— Так то семейный участок,— возразил Мозе.— Там хватит места только для меня и Молли.

— А зачем же вам еще один? — спросил Эб.

— Я нашел кое-кого в лесу,— сказал Мозе.— Я принес его домой, и прошлой ночью он умер. Я хочу похоронить его.

— Если вы нашли в лесу покойника, вам надо бы сообщить об этом следователю или шерифу,— предостерег Эб.

Купив участок, Мозе отправился в похоронное бюро Альберта Джонса.

— Эл,— сказал он,— мой дом посетила смерть. Покойник не из здешних мест, я нашел его в лесу. Не похоже, чтобы у него были родственники, и я должен позаботиться о похоронах.

— А у вас есть свидетельство о смерти? — спросил Эл.

— Нет, у меня нет его.

— Вы обращались к врачу?

— Прошлой ночью заезжал док Бенсон.

— Он должен был выдать вам свидетельство. Придется ему позвонить.

Он соединился с доктором Бенсоном и, потолковав с ним немного, стал красный как рак. Наконец он раздраженно хлопнул трубкой и повернулся к Мозе.

— Мне неизвестно, что вы там пытаетесь провернуть,— кипя от злости, набросился он на Мозе,— но док говорит, что этот ваш покойник вовсе не человек. Я не занимаюсь погребением кошек, или собак, или...

— Это не кошка и не собака.

— Плевать я хотел на то, что это такое. Для того, чтобы я взялся за устройство похорон, мне нужен человек.

Мозе вышел из похоронного бюро и медленно заковылял на холм, где стояла единственная в городе церковь.

Он нашел пастора в кабинете.

— Пастор,— произнес Мозе,— я хочу рассказать вам все, как было, с начала до конца.— И он рассказал.— Я не знаю, что это за существо,— добавил он.— Сдается мне, что этого не знает никто. Но оно скончалось, и его нужно похоронить честь по чести, а у меня с этим ничего не получается. Мне нельзя похоронить его на кладбище, и придется, видно, подыскать для него местечко на ферме. Вот я и думаю, не согласились бы вы приехать, чтобы сказать пару слов над могилой?

Пастор погрузился в глубокое размышление.

— Мне очень жаль, Мозе,— произнес наконец он.— Думаю, что это невозможно. Я далеко не уверен в том, что церковь одобрит подобный поступок.

— Пусть это не человеческое существо,— сказал старый Мозе,— но ведь оно тоже тварь божья.

Пастор еще немного подумал и даже высказал кое-какие соображения вслух, но в результате все-таки пришел к выводу, что не может этого сделать.

Мозе спустился по улице к тому месту, где он оставил свою машину, и поехал домой, по дороге размышляя о том, какие же попадаются среди людей скоты.

Вернувшись на ферму, он взял кирку и лопату, вышел в сад и там в углу вырыл могилу. Потом он отправился в гараж за досками, чтобы сколотить для существа гроб, но оказалось, что последние доски он уже употребил на починку свинарника.

Мозе вернулся в дом, и в поисках простыни, которую за неимением гроба он хотел использовать вместо савана, перерыл комод, стоявший в одной из задних, уже много лет пустующих комнат. Простыни он не нашел, но зато обнаружил старую белую льняную скатерть. Он решил, что сойдет и это, и отнес ее на кухню.

Мозе откинул одеяло, взглянул на мертвое существо, и у него словно комок подкатил к горлу: он представил, в каком тот умер одиночестве и в какой дали от родины, и в его последний час рядом с ним не было ни одного подобного ему существа. И оно было совершенно голым, ни клочка одежды, ни вещей, ничего, что оно могло бы оставить после себя на память.

Он расстелил скатерть на полу возле кровати, поднял существо на руки, положил на нее. И как раз тогда он заметил на его теле карман — если это было карманом — нечто вроде щели с клапаном в самом центре той части тела, которая могла быть его грудью. Он провел сверху рукой по карману. В нем прощупывалось что-то твердое. Он долго сидел, скорчившись, около трупа, не зная, как ему быть.

Наконец он просунул в щель пальцы и вытащил находившийся в кармане предмет. Это был шарик, чуть побольше теннисного мяча, сделанный из дымчатого стекла или из какого-то похожего на стекло материала. Сидя на корточках, он долго глядел на этот шарик, потом встал и пошел к окну, чтобы получше рассмотреть его.

В шарике не было ничего особенного. Это был обыкновенный шарик из дымчатого стекла, на ощупь такой же шершавый и мертвый, как само тело существа.

Мозе поначал головой и положил шарик туда, где нашел его. Он вынес мертвое существо в сад и опустил в яму. Торжественно став в головах у могилы, он произнес несколько приличествующих случаю слов и закидал могилу землей.

Сперва он собирался насыпать над могилой холмик и поставить крест, но в последнюю минуту передумал. Ведь теперь поналезут любопытные. Молва облетит всю округу, и эти типы будут приезжать сюда и искать могилу, в которой он похоронил найденное им в лесу существо.

Уже перевалило за полдень, и он проголодался, но не стал прерывать работу, потому что еще не все сделал. Он отправился на луг, поймал Бесс, запряг ее в телегу и спустился в лес.

Он привязал Бесс к застрявшей в кустах клетке, и лошадь вытащила ее оттуда наилучшим образом. Потом Мозе погрузил клетку на телегу, привез на холм, затащил в гараж и спрятал в самом дальнем его углу около горна.

Покончив с этим, он впряг Бесс в плуг и перепахал весь сад. Теперь никому не удалось бы обнаружить место, где он вырыл могилу.

Как раз тогда, когда он уже кончал пахать, подкатила машина и из нее вылез шериф Дойли. Шериф был человеком весьма сладкоречивым, но не из тех, кто любит тянуть волынку. Он сразу приступил к делу.

— Я слышал,— сказал он,— что вы нашли кое-что в лесу.

— Так оно и есть,— согласился Мозе.

— Говорят, что будто бы это существо умерло в вашем доме.

— Шериф, вы не ослышались.

— Мозе, мне хотелось бы взглянуть на него.

— Ничего не выйдет. Я похоронил его. И не скажу где.

— Мозе,— сказал шериф,— мне не хочется причинять вам неприятности, но вы нарушили закон. Нельзя же подбирать в лесу людей и без всякого закапывать их, когда им вдруг вздумается умереть в вашем доме.

— Вы говорили с доком Бенсоном?

Шериф кивнул.

— Он сказал, что ничего подобного никогда раньше не видел. Что это был не человек. А раз так, мне кажется, что вам тут делать нечего. Если это был не человек, значит, не совершено никакого преступления против личности. А если существо никому не принадлежало, здесь нет и преступления против собственности. Ведь никто пока что не заявлял на него свои права, верно?

Шериф поскреб подбородок.

— Никто. Может, это и так. А где это вы изучали законы?

— Я никогда не изучал никаких законов. Я вообще никогда ничего не изучал. Я просто здраво рассуждаю.

— Док что-то толковал про ученых из университета — будто они могут захотеть взглянуть на него.

— Ну и что, шериф,— сказал Мозе.— Это существо откуда-то явилось сюда и умерло. Не знаю, откуда оно пришло и что это было такое, да и знать не желаю. Для меня это было просто живое существо, которое очень нуждалось в помощи. Когда все вы отказались похоронить его как положено, я сам сделал все, что в моих силах. Больше мне сказать нечего.

— Ладно, Мозе,— произнес шериф,— пусть будет по-вашему.

Он повернулся и прошествовал обратно к машине. Стоя около запряженной в плуг старой Бесс, Мозе смотрел ему вслед. Пренебрегая правилами, шериф повел машину на большой скорости,— видно, он здорово рассердился.

Всю ночь напролет в доме было одиноко.

На следующий день после полудня, когда Мозе пахал поле под кукурузу, приехал репортер и, дойдя рядом со стариком до конца борозды, завел разговор. Мозе не очень-то понравился этот репортер. Поэтому Мозе прикусил язык и мало что сказал ему.

Через несколько дней появился какой-то человек из университета и показал Мозе статью, которую написал репортер, вернувшись с фермы. Статья высмеивала Мозе.

— Я очень сожалею,— сказал профессор.— Эти газетчики — народ безответственный. Я бы не стал слишком принимать к сердцу то, что они пишут.

— А мне все равно,— сказал Мозе.

Человек из университета забросал его вопросами и особо подчеркнул, как для него важно взглянуть на то, что осталось от существа.

Но Мозе только поначал головой.

— Оно покоится в мире,— сказал он.— Я не потревожу его.

И человек, негодуя, впрочем, вполне сохраняя достоинство, удалился.

В течение нескольких дней мимо проезжали какие-то люди, любопытные бездельники заглядывали на ферму, появился и кое-кто из соседей, которых Мозе не видел уже несколько месяцев. Но разговор у него был со всеми короткий, так что вскоре они оставили его в покое, и он продолжал обрабатывать свою землю, а в доме по-прежнему было одиноко.

Однажды, работая в саду, он обнаружил, что над могилой из земли показалось какое-то растение. Оно выглядело очень странно, и первым побуждением Мозе было вырвать его.

Однако он передумал, потому что растение заинтересовало его. Он никогда ничего похожего не видел и решил дать ему хотя бы немного подрасти и посмотреть, что это такое. Это было плотное мясистое растение с толстыми темно-зелеными закрученными листьями.

Жизнь на ферме шла своим чередом; приостановилась работа на кукурузном поле, и начался покос, а в саду тем временем продолжало расти неведомое растение, которое теперь начало принимать определенную форму. Старый Мозе не поверил своим глазам, обнаружив однажды, какие оно принимает очертания, и простаивал долгие вечерние часы в саду, разглядывая растение и спрашивая себя, не выживает ли он из ума от одиночества.

В одно прекрасное утро он увидел, что растение ждет его у двери. Ему, конечно, полагалось бы удивиться, на самом же деле этого не произошло, потому что он жил рядом с растением, вечерами смотрел на него, и, хотя он даже самому себе не осмеливался признаться, в глубине души он сознавал, что это было такое.

Ведь перед ним стояло существо, которое он нашел в лесу, молодое и полное жизни.

Все же оно было не совсем таким, как прежде. Мозе стоял, всматриваясь в существо, и видел те едва уловимые новые черты, которые можно было бы объяснить разницей между стариком и юношей либо между отцом и сыном.

— Доброе утро,— сказал Мозе, не чувствуя ничего необычного в том, что он заговорил с ним.— Я рад, что ты вернулся.

Стоявшее во дворе существо не ответило ему. Но это не имело никакого значения: Мозе и не ждал, что оно отзовется. Значение имело только то, что ему теперь было с кем разговаривать.

— Я ухожу, мне нужно сделать кое-что по хозяйству,— сказал Мозе.— Если хочешь, пойдем вместе.

Оно побрело за ним по пятам, наблюдая, как он хозяйничает, и Мозе беседовал с ним, что было несравненно приятнее, чем беседовать с самим собой.

За завтраком он поставил ему отдельную тарелку и пододвинул к столу еще один стул, но оказалось, что существо не могло воспользоваться стулом, так как его тело не сгибалось.

И оно не ело. Сперва это огорчило Мозе, ибо он был гостеприимным хозяином, но потом он решил, что такой рослый и сильный юноша сообразит достаточно, чтобы самому позаботиться о себе, и что ему, Мозе, видимо, не стоит особенно беспокоиться об удовлетворении жизненных потребностей существа.

После завтрака они с существом вышли в сад. Как того и следовало ожидать, растения там уже не было. На земле лежала лишь опавшая, сморщенная оболочка, тот внешний покров, что служил стоявшему рядом с ним существу колыбелью.

Оттуда он отправился в гараж, и существо, увидев клетку, стремительно бросилось к ней. Потом оно повернулось к Мозе и словно бы сделало умоляющий жест.

Мозе подошел к клетке, взялся руками за один из погнутых прутьев, а существо, стоявшее рядом, тоже схватило щупальцами этот же прут, и они вместе начали распрямлять его. Но безуспешно. Им, правда, удалось чуточку разогнуть его, но этого было недостаточно, чтобы вернуть пруту первоначальную форму.

Они стояли и смотрели друг на друга, хотя слово «смотрели» вряд ли подходило для этого случая, поскольку у существа не было глаз и смотреть ему было нечем. Оно как-то непонятно двигало конечностями, и Мозе никак не мог уразуметь, что ему нужно. Потом существо легло на пол и показало ему, как прутья клетки прикреплялись к ее основанию.

Через некоторое время Мозе сообразил, как действует механизм крепления, но объяснить, почему он действует именно таким образом, он бы не смог.

Вначале нужно было нажать на прут с определенной силой, прикладывая ее под точно определенным углом, и прут слегка поддавался. Затем следовало снова нажать на него, опять-таки прикладывая строго определенное количество силы под другим углом, и прут поддавался еще немного. Это делалось трижды, и в результате прут отсоединялся от клетки, хотя, видит бог, ничем нельзя было объяснить, почему это так получается.

Мозе развел в горне огонь, подбросил угля и принялся раздувать огонь мехами, а существо неотрывно следило за его действиями. Но когда он взял прут, собираясь сунуть его в огонь, существо стало между ним и горном и не подпустило к огню. Тогда Мозе понял, что ему нельзя было — или не полагалось — нагревать прут перед тем, как распрямить его, и он, не задумываясь, принял это как должное. Ведь существо наверняка лучше знает, как это следует делать, сказал он себе.

И, обойдясь без огня, он отнес холодный прут на наковальню и начал выпрямлять его ударами молота, а существо в это время пыталось показать ему, какую нужно придать пруту форму. Эта работа заняла довольно много времени, но в результате прут был распрямлен именно так, как того желало существо.

Мозе казалось, что им придется здорово повозиться, пока они вставят прут обратно, но он мгновенно скользнул на место. Потом они вытащили другой прут, и теперь дело пошло быстрее, потому что у Мозе уже появилась сноровка.

Потребовалось полных четыре дня, чтобы распрямить молотом прутья клетки, и все это время трава оставалась нескошеной.

Однако Мозе нисколько не тревожился. У него теперь было с кем поговорить, и его дом покинуло одиночество.

Когда они вставили прутья на место, существо проскользнуло в клетку и занялось какой-то диковинной штукой, прикрепленной к потолку, которая своим видом напоминала корзинку. Наблюдая за ним, Мозе решил, что корзинка была чем-то вроде панели управления.

Существо явно расстроилось. Разыскивая что-то, оно обошло весь гараж, но, как видно, его поиски не увенчались успехом. Оно вернулось к Мозе, и в его жестах опять были отчаяние и мольба. Мозе показал ему железо и сталь; порывшись в картонке, где он держал гвозди, зажимы, втулки и прочий хлам, он извлек из нее кусочки латуни, меди и даже алюминия, но существу нужно было не это.

И Мозе обрадовался — ему было немного стыдно за это чувство, но тем не менее он обрадовался. Потому что ему было ясно, что, когда клетка будет исправлена, существо покинет его. По своей натуре он просто не мог помешать существу чинить клетку или отказать ему в помощи.

Но сейчас, когда оказалось, что, видимо, починить клетку невозможно, он почувствовал, что очень этому рад.

Теперь существу придется остаться с ним, и ему будет с кем разговаривать, а в его доме больше не станет так одиноко. Как было бы чудесно, подумал он, снова иметь кого-то рядом. А это существо было почти таким же хорошим товарищем, как Тоусер.

На следующее утро, когда Мозе готовил завтрак, он потянулся на верхнюю полку буфета за овсянкой, задел рукой коробку из-под сигар, и она полетела на пол. Коробка упала набок, крышка раскрылась, и доллары раскатились по всей кухне.

Уголком глаза Мозе заметил, как существо кинулось за одним из них в погоню. Схватив монету и не выпуская ее, оно повернулось к Мозе, и из клубка червей на его макушке послышалось какое-то дребезжание.

Оно нагнулось, сгребло еще несколько монет и, прижав их к себе, исполнило нечто вроде джиги, и сердце Мозе упало, когда до него вдруг дошло, что существо настойчиво искало именно серебро.

И Мозе опустился на четвереньки и помог существу собрать остальные доллары. Они сложили их обратно в коробку из-под сигар, и Мозе, взяв коробку, отдал ее существу.

Оно приняло коробку, высыпало из нее доллары на стол и разложило их аккуратно столбиками; Мозе видел, что оно было глубоко разочаровано.

Существо явно давало понять, что ему нужны еще монеты. Вот столько столбиков, показало оно, и каждый столбик должен быть вот такой высоты.

Мозе словно громом сразило. Он подумал о тех остальных долларах, которыми был набит железный котелок, спрятанный под полом в гостиной,— это единственное, что у него оставалось, если не считать существа. И если он отдаст доллары, существо получит возможность починить клетку и тоже покинет его.

— Уж это я никак не могу для тебя сделать,— сказал старый Мозе.— Я ведь сделал все, что только может ожидать одно живое существо от другого, ибо бы оно ни было. Я нашел тебя в лесу, согрел тебя и дал тебе кров. Я старался помочь тебе, а когда у меня с этим ничего не получилось, я по крайней мере защитил тебя от всех этих людей, и я не вырвал тебя, когда ты вновь начал расти. Неужели ты ждешь, что я буду делать тебе добро вечно?

Но это ни к чему не привело.

Мозе встал из-за стола и пошел в гостиную, а существо двинулось следом за ним. Мозе поднял доски, вытащил котелок, и существо, увидев его содержимое, обрадовалось.

Они отнесли монеты в гараж, и Мозе, раздув в горне огонь, поставил на него котелок и начал плавить эти с таким трудом накопленные деньги.

Временами ему казалось, что он не в состоянии довести эту работу до конца, но он все-таки справился с ней.

Существо вынуло из клетки корзинку, поставило ее рядом с горном, зачерпнуло железным ковшиком расплавленное серебро и стало лить его в ячейки корзинки, осторожно придавая серебру молотком нужную форму.

На это ушло много времени, потому что работа требовала большой точности, но в конце концов все было сделано, а серебра почти не осталось. Существо внесло корзинку в клетку и укрепило ее на место.

Уже вечерело, и Мозе пришлось уйти, чтобы заняться кое-какими хозяйственными делами. Он был почти уверен, что существо вытащит из гаража клетку и что, когда он вернется домой, он его уже там не застанет. И Мозе старался разжечь в себе чувство обиды за его эгоизм — ведь существо только брало, не думая ничем отплатить ему и, насколько он мог судить, даже не пытаясь поблагодарить его. Но, несмотря на все свои усилия, он так и не обиделся.

Выйдя из сарая с двумя ведрами молока, он увидел, что существо ждет его. Оно последовало за ним в дом и все время держалось поблизости, и Мозе пытался беседовать с ним. Но душа его не лежала к разговору. Он ни на минуту не мог забыть, что существо уйдет от него, и радость общения с ним была отравлена ужасом перед грядущим одиночеством.

В эту ночь, когда он лежал в постели, на него нахлынули удивительные мысли: он представил себе другое одиночество, еще более страшное, чем то, которое он когда-либо знавал на этой заброшенной ферме: ужасное, беспощадное одиночество межзвездных пустынь, мятущееся одиночество того, кто ищет во вселенной какое-то место или живое существо, и хотя их туманные образы лишь едва вырисовываются в сознании, он обязательно найдет то, к чему стремится, и это самое важное.

Никогда ему не приходили в голову такие странные мысли, и внезапно он понял, что это вовсе не его мысли, а того, другого, что был с ним рядом в комнате.

Напрягая всю свою волю, он попытался встать, но не смог. На мгновение он приподнял голову, но тут же уронил ее обратно на подушку и крепко заснул.

На следующее утро, когда Мозе позавтракал, оба они пошли в гараж и вытащили во двор клетку. И это таинственное неземное сооружение стояло там в холодном и ярком свете зари. Существо подошло к клетке и начало было протискиваться между двумя прутьями, но, остановившись на полпути, вылезло обратно и подошло к старому Мозе.

— Прощай, друг,— сказал Мозе.— Я буду скучать по тебе.

У него как-то странно защипало глаза.

Существо протянуло ему конечность, и, схватив ее, Мозе почувствовал, что в ней был зажат какой-то предмет, нечто круглое и гладкое, перешедшее теперь в руку Мозе.

Быстро подойдя к клетке, существо проскользнуло между прутьями. Оно потянулось к корзинке, внезапно что-то вспыхнуло, и клетка исчезла.

Мозе одиноко стоял на заднем дворе, уставившись на место, где уже не было клетки, и вспоминая, что он чувствовал или думал — или слышал? — прошлой ночью, лежа в постели.

Должно быть, существо уже там, в черном, безысходном одиночестве межзвездных далей, где оно снова ищет какое-то место, или вещь, или живое существо, которое не дано постичь человеческому разуму.

Мозе медленно повернулся, чтобы захватить из дому ведра и пойти обратно в сарай доить коров.

Тут он вспомнил о предмете, который держал в руке. И поднял к лицу все еще крепко стиснутый кулак. Он разомкнул пальцы — на его ладони лежал маленький дымчатый шарик, точно такой же, как тот, что он нашел в складке-кармане похороненного им в саду существа. С той только разницей, что первый шарик был мертвым и матовым, а в этом мерцал живой отблеск далекого огня.

Глядя на него, Мозе ощутил в душе такое необыкновенное счастье и покой, какие ему редко случалось испытывать раньше — словно его окружало множество людей и все они были друзьями.

Он прикрыл шарик рукой, а счастье не уходило — и это было совершенно непонятно, ведь ничем нельзя было объяснить, почему он счастлив. Существо в конце концов покинуло его, все его деньги пропали, и у него не было друзей, но, несмотря ни на что, ему было хорошо и радостно.

Он положил шарик в карман и проворно зашагал к дому за ведрами для молока. Сложив трубочкой заросшие щетиной губы, он принялся насвистывать, и надо сказать, что уже давным-давно у него даже в мыслях не было посвистеть.

Может быть, он счастлив потому, подумал он, что, прежде чем исчезнуть, существо все-таки остановилось, чтобы пожать ему на прощание руку?

А что касается подарка, то каким бы он ни был чепуховым, основная ценность его заключалась в том простом чувстве, которое он пробудил. Прошло много лет с тех пор, как кто-либо удосужился сделать Мозе подарок.

В бесконечных глубинах вселенной было одиноко и мрачно без Спутника. Кто знает, когда еще удастся обрести другого?

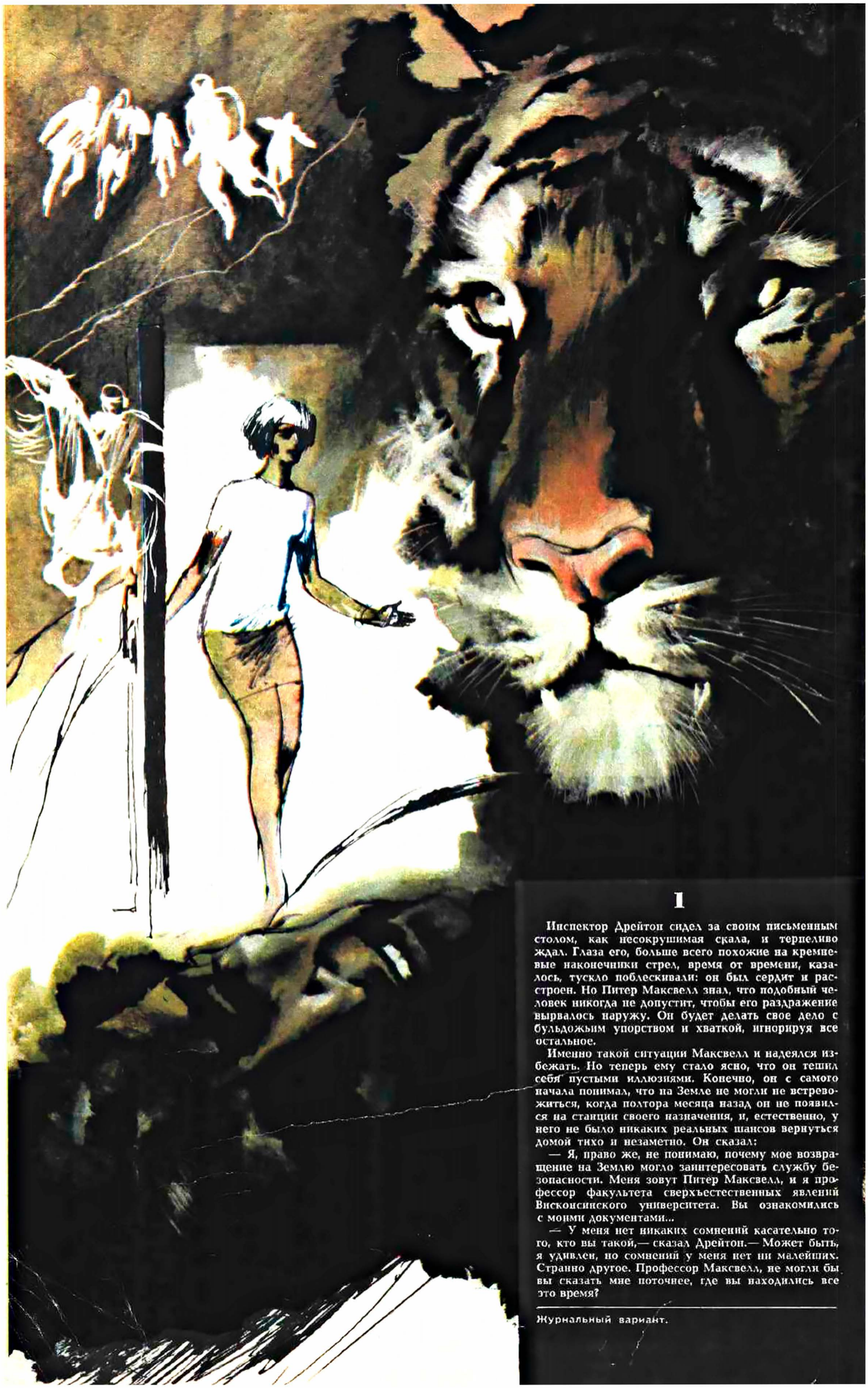
Быть может, он поступил неразумно, но старый дикарь был таким добрым, таким неловким, трогательным и так хотел помочь. А тот, чей путь далек и стремителен, должен путешествовать налегке. Ему больше нечего было дать.

Перевела с английского С. ВАСИЛЬЕВА

ЗАПОВЕДНИК ПЕЛИКАНОВ

Клиффорд САЙМАК РОМАН

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА



1

Инспектор Дрейтон сидел за своим письменным столом, как несокрушимая скала, и терпеливо ждал. Глаза его, больше всего похожие на кремневые наконечники стрел, время от времени, казалось, тускло поблескивали: он был сердит и расстроен. Но Питер Максвелл знал, что подобный человек никогда не допустит, чтобы его раздражение вырвалось наружу. Он будет делать свое дело с бульдожьим упорством и хваткой, игнорируя все остальное.

Именно такой ситуации Максвелл и надеялся избежать. Но теперь ему стало ясно, что он тешил себя пустыми иллюзиями. Конечно, он с самого начала понимал, что на Земле не могли не встревожиться, когда полтора месяца назад он не появился на станции своего назначения, и, естественно, у него не было никаких реальных шансов вернуться домой тихо и незаметно. Он сказал:

— Я, право же, не понимаю, почему мое возвращение на Землю могло заинтересовать службу безопасности. Меня зовут Питер Максвелл, и я профессор факультета сверхъестественных явлений Висконсинского университета. Вы ознакомились с моими документами...

— У меня нет никаких сомнений касательно того, кто вы такой,— сказал Дрейтон.— Может быть, я удивлен, но сомнений у меня нет ни малейших. Странно другое. Профессор Максвелл, не могли бы вы сказать мне поточнее, где вы находились все это время?

Журнальный вариант.

— Но я сам почти ничего не знаю,— ответил Питер Максвелл.— Я был на какой-то планете, однако мне не известны ни ее название, ни координаты. Может быть, до нее не больше светового года, а может быть, она находится далеко за пределами нашей Галактики.

— Но как бы то ни было,— заметил инспектор,— вы не прибыли на станцию назначения, указанную в вашем билете?

— Да,— сказал Максвелл.

— Не могли бы вы объяснить, что произошло?

— Только предположительно. Я полагаю, что моя волновая схема отклонилась от заданного направления, а может быть, ее перехватили.

— То есть вы полагаете, что вас похитили?

— Если угодно.

— И все-таки не хотите мне ничего сказать?

— Но я же объяснил, что говорить, в сущности, нечего.

— А эта планета никак не связана с колесниками?

Максвелл покачал головой.

— Точно сказать не могу, но вряд ли. Во всяком случае, там их не было. И я не заметил никаких признаков того, что они могли бы иметь ко всему этому хотя бы малейшее отношение.

— Профессор Максвелл, а вы когда-нибудь видели колесников?

— Всего один раз. Это было несколько лет назад. Кто-то из них стажировался в Институте времени, и я однажды столкнулся с ним в коридоре.

— Так что вы узнали бы колесника, если бы увидели его?

— Да, конечно!

— Судя по вашему билету, вы намеревались посетить одну из планет системы Енотовой Шкуры?

— Ходили слухи о драконе,— объяснил Максвелл.— Правда, ничем не подтвержденные. И довольно смутные. Но я подумал, что имело бы смысл установить...

Дрейтон поднял бровь.

— О драконе?— переспросил он.

— Вероятно,— сказал Максвелл,— человеку, далекому от моей науки, трудно оценить все значение дракона. Ведь пока еще не обнаружено ни одного реального подтверждения того, что подобное существо действительно где-нибудь когда-нибудь обитало. А ведь легенды о драконах — одна из характернейших черт фольклора Земли и некоторых других планет. Феи, гоблины, тролли, баньши — их всех мы обнаружили во плоти, но драконы по-прежнему остаются легендой. И любопытно, что у нас на Земле эта легенда бытовала не только среди людей. Легенды о драконах есть и у маленького народца холмов. Мне иногда кажется, что наши сказания о драконах мы заимствовали именно у них. Но все это лишь предания, и нет никаких фактов, подтверждающих...

Он неловко умолк. Какое дело этому лишенному воображения полицейскому до легенд о драконах?

— Извините, инспектор,— сказал он.— Боюсь, я несколько увлекся.

— Мне приходилось слышать, что в основе этих легенд лежат воспоминания о динозаврах, унаследованные от предков.

— Да, я знаю о таких предположениях,— ответил Максвелл.— Но ведь этого не могло быть. Динозавры вымерли задолго до того, как появились даже самые отдаленные предки человека.

— Но маленький народец...

— Возможно,— перебил Максвелл,— но маловероятно. Я хорошо знаком с обитателями холмов и разговаривал об этом с ними. Их род, несомненно, гораздо древнее нашего, но нет никаких данных, что их предки уже существовали в дни динозавров...

Дрейтон нетерпеливо отмахнулся от драконов и от маленького народца холмов.

— Вы отправились в систему Енотовой Шкуры,— сказал он,— но не попали туда.

— Совершенно верно. Я оказался на той планете, о которой говорил. На заключенной в оболочку хрустальной планете.

Дрейтон спросил мягко:

— А когда вы отправлялись, вы не знали, что окажетесь на этой планете?

— Если вы подозреваете сговор,— ответил Максвелл,— то вы ошибаетесь. Для меня это было полной неожиданностью. В отличие от вас. Ведь вы, кажется, ждали меня здесь!

— Да, особой неожиданностью ваше прибытие не было,— согласился Дрейтон.— Нам уже известны два таких случая.

— Значит, у вас есть сведения об этой планете?

— О ней — никаких,— сказал Дрейтон.— Нам известно только, что где-то имеется планета с незарегистрированным передатчиком, а также приемник, позывные которого в списках не значатся. Когда оператор здесь, на Висконсинской станции, принял их уведомление о передаче, он дал им сигнал подождать, пока не освободится какой-нибудь из приемников, а сам связался со мной.

— А остальные двое?

— Также поступили сюда. Оба они были адресованы на Висконсинскую станцию.

— Но если они вернулись...

— В том-то и дело!— сказал Дрейтон.— Они не вернулись. То есть в том смысле, что мы не могли их ни о чем расспросить. В волновой схеме произошли какие-то нарушения, и они восстановились неверно. Перепутались друг с другом. Оба внеземляне, но клубок получился такой, что нам пришлось много повозиться, прежде чем мы установили, кто они. Да и сейчас еще мы полностью не уверены.

— Они были мертвы?

— Мертвы? Еще бы! Довольно жуткая история! Вам еще повезло.

Максвелл с трудом подавил дрожь.

— Да, пожалуй,— сказал он.

— Казалось бы,— продолжал Дрейтон,— те, кто берется за передачу материи, должны бы прежде научиться делать это, как положено. И неизвестно, сколько пассажиров они уже успели неправильно приняты!

— Но ведь вы должны были бы это знать!— возразил Максвелл.— Я хочу сказать, что вам должны быть известны все случаи исчезновения в пути. Любая станция немедленно сообщила бы о том, что ожидаемый пассажир не прибыл.

— Тут-то и зарыта собака!— сказал Дрейтон.— Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь исчез. Мы не сомневаемся, что двое внеземлян, которых мы приняли мертвыми, благополучно прибыли на станцию назначения, так как ни единого нарушения в расписании прибытий зарегистрировано не было.

— Но ведь я же отправился в систему Енотовой Шкуры, и оттуда должны были сообщить...

Он умолк, оглушенный внезапной мыслью.

Дрейтон медленно кивнул.

— Я так и думал, что вы разберетесь в ситуации. Питер Максвелл благополучно прибыл на станцию Енотовой Шкуры и почти месяц назад вернулся на Землю.

— Это какая-то ошибка,— машинально сказал Максвелл.

Он был не в силах поверить, что их теперь двое, что на Земле существует еще один Питер Максвелл, во всем ему подобный.

— Нет, это не ошибка,— сказал Дрейтон.— Мы пришли к выводу, что эта планета не перехватывает волновые схемы. Она их дублирует.

— Так, значит, я существую не в единственном числе? И может быть...

— Уже нет,— сказал Дрейтон.— Примерно через неделю после своего возвращения Питер Максвелл погиб. Несчастный случай.

2

В нескольких шагах от крохотного кабинета, где Максвелл беседовал с Дрейтоном, за поворотом коридора он увидел ряд свободных стульев и, поставив свой чемодан на пол, осторожно опустился на один из них.

Это невозможно, твердил он себе. Сразу два Пита Максвелла, а теперь один из этих Максвеллов мертв! Как поверить, что хрустальная планета располагает аппаратами, которые способны дублировать систему волн, движущихся со сверхсветовой скоростью. Перехват — да, пожалуй! Перехватить волновую схему в пути теоретически еще можно. Но снять с нее копию? Нет!

Две невероятности, думал он. Два события, которые просто не могли произойти. Впрочем, если одно все-таки произошло, то другое было лишь его естественным следствием. Раз с волновой схемы была снята копия, то обязательно должны были возникнуть два Максвелла. Но если тот, другой Питер Максвелл действительно отправился в систему Енотовой Шкуры, он должен еще быть там или только-только вернуться. Ведь он уехал туда на шесть недель и собирался задержаться дольше, если того потребовали бы розыски источника легенд о драконе.

Внезапно он заметил, что у него дрожат руки. «Держись!» — приказал он себе. Что бы его ни ждало, он должен довести дело до конца. И ведь он ничего, в сущности, не знает. У него нет никаких фактов. Только утверждения инспектора службы безопасности, а к ним следует относиться критически. Ведь это могло быть всего лишь неуклюжей полицейской уловкой, попыткой заставить его сказать лишнее. Однако это могло быть и правдой... все-таки могло!

Но если так, он тем более должен выдержать. Потому что у него есть дело, которое надо довести до конца, ничего не испортив.

Однако все станет гораздо сложнее, если за ним будут следить. С другой стороны, неизвестно, будут ли за ним следить. А впрочем, так ли уж это важно? Труднее всего будет пробиться к Эндрю Арнольду. Попасть на прием к ректору планетарного университета не очень-то просто...

Дрожь в руках унялась, но он все еще не разжимал их. Немного погодя он выберется отсюда, спустится к шоссе, на одну из внутренних скоростных полос. Через час с небольшим он уже будет у себя в университетском городке и скоро узнает, правду ли говорил Дрейтон. И увидит своих друзей — Алле-Оп, Духа, Харлоу Шарпа, Аллена Престона и всю прочую братию. И вновь будут буйные ночные пирушки в «Свинье и Свистке», долгие мирные прогулки по тенистым аллеям и катание на байдарках по озеру. Будут беседы и споры, и обмен старинными сказаниями, и неторопливый академический распорядок дня, оставляющий человеку досуг, чтобы жить.

Он поймал себя на том, что с удовольствием думает о предстоящей поездке, потому что шоссе огибало холмы по границе Заповедника гоблинов. Там, конечно, жили не только гоблины, но и прочие существа, с древних времен — маленький народец, и все они были его друзьями — ну, если не все, то очень многие: тролли порой могли вывести из себя кого угодно, а заключить настоящую, прочную дружбу с такими созданиями, как баньши, было трудновато.

«В это время года,— подумал он,— холмы должны быть великолепны. Он отправился в систему Енотовой Шкуры на исходе лета, и холмы все еще были облачены в темно-зеленые одежды, но теперь, в середине октября, они, конечно, уже блистают всеми пышными красками осени: винный багрянец дубов, золото кленов и пламенеющий пурпур дикого винограда, как нить, сшивающая все остальные цвета. И воздух будет пахнуть сидром, будет пронизан тем неповторимым пьянящим благоуханием, которое приходит в леса только с умиранием листьев».

Максвелл медленно встал со стула, нагнулся, чтобы взять чемодан, но задержался, все еще не решаясь окунуться в шумную суматоху зала ожидания. Люди — земляне и внеземляне — деловито спешили куда-то или стояли небольшими группами. Белобородый старец в чопорном черном костюме — маститый ученый, судя по его виду, решил Максвелл,— что-то говорил компании студентов, явившихся его проводить. Семейство рептилий расположилось на длинных диванчиках, предназначавшихся для существ их типа, то есть неспособных сидеть. Двое взрослых, лежавших лицом друг к другу, переговаривались с шипением, характерным для речи рептилий, а дети тем временем ползали под диванчиками, играя и свиваясь в клубки на полу. В небольшой нише бочкообразное существо, лежа на боку, неторопливо перекатывалось от одной стены к другой, что, вероятно, соответствовало манере землян в задумчивости расхаживать взад и вперед по комнате. Два паукообразных создания, удивительно похожих на фантастические конструкции из тоненьких палочек, скорчились друг против друга на полу. Они начертили мелом на плитах что-то вроде игральной доски, расставили на ней странные фигурки и, азартно вереща, принялись двигать их с молниеносной быстротой.

Дрейтон спрашивал о колесниках. Нет ли какой-нибудь связи между хрустальной планетой и колесниками?

«Вечно колесники! Настоящая мания — колесники, колесники, колесники,— думал Максвелл.— И может быть, для этого все-таки есть основания. Ведь о них неизвестно почти ничего. Они были смутным и неясным фактором, возникшим где-то в глубинах космоса, еще одной движущейся по Вселенной мощной культурой, которая кое-где на дальних границах вступала в отдельные контакты с ширящейся человеческой культурой».

И Максвелл воскресил в своей памяти первый и единственный случай, когда ему довелось увидеть колесника — студента, который приехал из Института сравнительной анатомии в Рио-де-Жанейро на двухнедельный семинар в Институте времени. Он помнил возбуждение, охватившее Висконсинский университетский городок. Разговоров было много, однако выяснилось, что увидеть загадочное существо практически невозможно: колесник почти не покидал здания, где проходил семинар. Но однажды, когда Максвелл шел к Харлоу Шарпу, который пригласил его пообедать вместе, ему в коридоре встретился колесник, и это было настоящее потрясение.

Все дело в колесах, сказал он себе теперь. Ни у какого другого существа в известных пределах Вселенной колес не было. Он вдруг увидел перед собой пухлый пудинг, подвешенный между двумя

колесами, ось которых проходила примерно через середину туловища. Колеса были одеты мехом, а обод, как он заметил, заменяли роговые затвердения. Низ пудингообразного тела свисал под осью, точно набитый мешок. Но худшее он обнаружил, подойдя поближе: вздутая нижняя часть была прозрачной, и внутри что-то непрерывно извивалось и копошилось — казалось, ты видишь огромную банку, наполненную червяками самых ярких расцветок.

И эти извивающиеся червяки в этом обвислом, безобразном брюхе действительно были если не червяками, то, во всяком случае, какими-то насекомыми, какой-то формой жизни, тождественной земным насекомым. Колесники представляли собой организмы-ульи, и их культура слагалась из множества таких ульев, каждый из которых был отдельной колонией насекомых, или тем, что соответствовало насекомым в представлении землян.

Такие ульевые создания вполне могли дать пищу для тех страшных историй, которые ходили о колесниках, возникая где-то на отдаленных границах Вселенной.

Земля уже давно стала гигантским галактическим учебным центром, куда десятками тысяч прибывали внеземные существа, чтобы учиться и преподавать в его бесчисленных университетах и институтах. «И со временем,— подумал Максвелл,— в это галактическое содружество, символом которого стала Земля, могли бы войти и колесники, если бы только удалось установить с ними хоть какое-то взаимопонимание. Но до сих пор достичь этого не удавалось».

Зал ожиданий вдруг представился ему Вселенной в миниатюре. Тут были существа, прибывшие со множества планет самых разных звезд,— и прыгуны, и ползуны, и дергунчики, и катуны. «Земля стала плавильной печью галактик,— думал он,— тем местом, где встречаются существа с тысяч звезд, чтобы знакомиться с чужими культурами, чтобы обмениваться мыслями и идеями».

— Номер пять — шесть — девять — два!— завопил громкоговоритель.— Пассажир номер пять — шесть — девять — два, до вашего отбытия остается пять минут. Кабина тридцать седьмая. Пассажир пять — шесть — девять — два, просим вас немедленно пройти в кабину тридцать семь.

«Куда,— прикинул Максвелл,— может отправляться пассажир № 5692? В джунгли второй планеты Головной Боли, в мрачные, открытые всем ветрам ледяные города Горести IV, на безводные планеты Убийственных Солнц или на любую другую из тысяч и тысяч планет, до которых с того места, где он стоял, можно было добраться в мгновение ока, потому что их объединяла система передатчиков материи. Но сама эта система служила вечным памятником кораблям-разведчикам, первыми проложившим путь сквозь тьму космического пространства — как пролагают они его и теперь, медленно, с трудом расширяя пределы Вселенной, известной человеку».

Зал ожидания гудел от отчаянных призывов диктора к опоздавшим или неявившимся пассажирам, от жужжания тысяч голосов, разговаривающих на сотнях языков, от шарканья, топота и перестука множества ног...

Максвелл вышел на красивую эспланаду, террасами спускавшуюся к бегущим полосам шоссе. Он с удовольствием заметил, что около шоссе нет очереди — это случалось не так уж часто.

Он всей грудью вдыхал чистый, вкусный воздух, пронизанный холодной осенней свежестью. Воздух Земли казался особенно приятным после недель, проведенных в мертвой, затхлой атмосфере хрустальной планеты.

Подходя к шоссе, Максвелл увидел огромную афишу. Набранная старинным шрифтом, она торжественно и с достоинством зазывала почтенную публику:

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР, ЭСКВАЙР
из Стрэтфорда-на-Эйвоне
(Англия)
прочтет лекцию
«ПИСАЛ ЛИ Я ШЕКСПИРОВСКИЕ ПЬЕСЫ»
под эгидой Института времени
22 октября в аудитории музея Времени.
Начало в 8 часов вечера.
Билеты продаются во всех агентствах.

— Максвелл!— крикнул кто-то, и он обернулся. К нему по эспланаде бежал какой-то человек.

— Профессор Максвелл, не так ли?— спросил он, подходя.— Я не мог ошибиться!

Максвелл сдержанно кивнул, испытывая некоторую неловкость.

— А я — Монти Черчилл,— объяснил незнакомец, протягивая руку.— Мы познакомились с вами около года назад. У Нэнси Клейтон на ее очередном вечере-гала.

— Как поживаете, Черчилл?— сказал Максвелл холодно.

Потому что теперь он вспомнил этого человека — если не лицо, то фамилию. Как будто юрист. И кажется, специализируется на посредничестве. Один из тех, кто берется за любое дело, лишь бы клиент хорошо заплатил.

— Лучше не бывает!— весело воскликнул Черчилл.— Только что вернулся из поездки. А вы направляетесь к себе в университетский городок?

— Да. Я как раз шел к шоссе.

— Ну, зачем же!— запротестовал Черчилл.— У меня тут автолет. На станционной площадке. Места для двоих вполне хватит. Доберетесь домой гораздо быстрее.

3

Автолет неожиданно замер в воздухе. Мотор зафыркал и смолк. Через секунду оборвалось тихое гудение сопел, и в наступившей тишине стал слышен пронзительный свист воздуха, разбивающегося о металл.

Максвелл быстро взглянул на своего соседа. Черчилл сидел, словно окаменев — то ли от страха, то ли от изумления. Ведь случилось нечто немыслимое, то, чего никак не могло быть. Автолеты этого типа никогда не ломались.

Внизу под ними вздымались острые зубцы крутых утесов и макушки могучих деревьев, под которыми прятались скалы. Слева извивалась серебристая лента реки, омывавшая подножия лесистых холмов.

Время словно застыло и начало растягиваться — казалось, непонятное колдовство превращает каждую секунду в целую минуту. И с удлинением времени пришло спокойное осознание того, что должно было произойти,— так, как будто речь шла не о нем самом, а о ком-то другом, как будто ситуацию трезво и реалистически оценивал посторонний наблюдатель, подумал Максвелл. Но параллельно в дальнем, скрытом уголке его мозга жила мысль о паническом страхе, который вспыхнет чуть позже, когда автолет ринется вниз, на верхушки леса и скал, а время обретет обычную быстроту.

Подавшись вперед, он осматривал простиравшуюся впереди местность и вдруг увидел поляну в лесу — крохотный светло-зеленый разрыв в темном море деревьев.

Он толкнул Черчилла локтем и указал на поляну. Тот посмотрел, кивнул и начал поворачивать штурвал медленно и нерешительно, словно проверяя, будет ли машина слушаться руля.

Теперь верхушки стремительно мчались к ним навстречу, и Максвелл уже различал их осенние краски — сплошная темная масса стала красной, золотой и оранжевой. Длинные багряные копья взметывались, чтобы пронзить их, золотые клешни злобно тянулись к ним, чтобы сомкнуться в цепкой хватке.

Автолет задел верхние ветки дуба, на миг словно в нерешительности повис между небом и землей, а затем полого нырнул к зеленой лужайке, в самую гущу леса.

«Лужайка фей,— сказал себе Максвелл.— Их бальный зал, а теперь — посадочная площадка».

Он покосился на Черчилла, вцепившегося в рычаги управления, и вновь устремил взгляд на несущийся к ним зеленый круг. Он должен, должен быть ровным! Ни кочек, ни рытвин, ни ям! Ведь когда создавалась эта лужайка, почва специально выравнивалась в соответствии с принятыми стандартами.

Автолет ударился о землю, подскочил и угрожающе накренился. Затем он вновь коснулся травы и покатил по ней без единого толчка. Деревья в дальнем конце лужайки неслись на них с ужасающей быстротой.

— Держитесь!— крикнул Черчилл, и в тот же момент машина повернула и пошла юзом. Когда она остановилась, до стены деревьев было не больше пяти шагов.

Из безмолвия донесся голос Черчилла:

— Еще немного, и...

Он откинул верх и выбрался наружу. Максвелл последовал за ним.

— Не понимаю, что произошло,— говорил Черчилл.— В эту штуку встроено столько всяких предохранителей, что уму непостижимо! Да, конечно, можно угодить под молнию, или врезаться в гору, или попасть в смерч, но мотор не выходит из строя никогда. Остановить его можно только выключив.

— Что это?— спросил Максвелл, прислушавшись.

— Как будто топот лошадиных ног,— отозвался Черчилл.— Но кому могло взбрести в голову прогуливать тут лошадь? Доносится вон оттуда.

Цоканье копыт явно приближалось.

Обойдя автолет, Максвелл и Черчилл увидели тропу, которая круто поднималась к узкому отрогу, увенчанному массивными стенами полуразрушенного средневекового замка.

Лошадь спускалась по тропе тряским галопом. На ее спине примостился толстячок, который при каждом движении своего скакуна подпрыгивал самым удивительным образом. Выставленные вперед локти нескладного всадника взлетали и падали, точно машущие крылья.

Лошадь тяжелыми скачками спустилась со склона на лужайку. Она была столь же неизящна, как и ее всадник: лохматый битюг, чьи могучие копыта ударяли по земле с силой парового молота, вырывая куски дерна и отбрасывая их далеко назад. Она двигалась прямо на автолет, словно намереваясь опрокинуть его, но в последнюю секунду неуклюже свернула и встала как вкопанная.

Всадник грузно соскользнул с лошади и, едва коснувшись ногами земли, разразился яростными восклицаниями.

— Это все они, негодники и паршивцы!— вопил он.— Это все они, мерзкие тролли! Сколько раз я им втолковывал: летит себе помело и летит, а вы не вмешивайтесь! Так нет! Не слушают! Только и думают, как бы шутки шутить. Наложат заклятие, и все тут...

— Мистер О'Тул!— закричал Максвелл.— Вы меня еще помните?

Гоблин обернулся и прищурил на него красные близорукие глаза.

— Да никак профессор!— взвизгнул он.— Добрый друг всех нас! Ах, какой стыд, какой позор! Профессор, я с этих троллей шкуры спущу и растяну на дверях, я прибью их уши к деревьям!

— Заклятие?— спросил Черчилл.— Вы сказали — заклятие?

— А что же еще?— негодовал мистер О'Тул.— Что еще может свести помело с неба на землю?

Он подковылял к Максвеллу и озабоченно уставился на него.

— А что и вправду вы?— спросил он с некоторым беспокойством.— В честной плоти? Нас известили, что вы скончались. Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби.

— Нет, это воистину я и в честной плоти,— сказал Максвелл, привычно переходя на диалект обитателей холмов.— Это были только слухи.

— Тогда на радостях мы все трое,— вскричал О'Тул,— испьем по большой кружке доброго октябрьского эля! Варка как раз окончена, и я от всего сердца приглашаю вас, господа, разделить со мной первую пробу!

Со склона по тропе к ним бежало полдесятка других гоблинов, и мистер О'Тул замахал, поторапливая их.

— Всегда опаздывают!— пожаловался он.— Никогда их нет на месте в нужную минуту. Прийти-то они приходят, но обязательно позже, чем надо бы. Хорошие ребята, как на подбор, и сердца у них правильные, но нет в них подлинной живости, коей отмечены истинные гоблины вроде меня.

Гоблины косолапой рысью высыпали на лужайку и выстроились перед О'Тулом, ожидая распоряжений.

— У меня для вас много работы!— объявил он.— Для начала идите к мосту и скажите этим троллям, чтобы они не смели заклятия накладывать. Раз и навсегда пусть прекратят и больше не пробуют. Скажите им, что это — последнее предупреждение. Если они снова примутся за свое, мост мы разнесем в камни и каждый мшистый камень укатим далеко от других, так что вновь они его никогда не восстановят. И пусть снимут заклятие вот с этого упавшего помела, чтобы оно летало как новое! Теперь второе задание: найдите фей, расскажите им о повреждении лужайки, не забыв присовокупить, что во всем повинны эти подлые тролли, и обещайте, что изъяны будут исправлены к той поре, когда они придут сюда танцевать под полной луной.

Мистер О'Тул повернулся к Максвеллу и Черчиллу, потирая ладонь о ладонь в знак удачно исполненного дела.

— А теперь, господа,— сказал он,— соблаговолите отправиться со мной.

Они начали подниматься по тропе. Впереди, на фоне светлого неба, четко вырисовывался силуэт развалин.

— Я должен заранее извиниться за состояние замка,— сказал мистер О'Тул.— Он полон сквозняков, способствующих насморкам, гайморитам и всяким другим мучительным недугам. Ветер рыскает по нему как хочет, и всюду стоит запах сырости и плесени. Я так и не постиг, почему вы, люди, уж раз вам захотелось строить для нас замки, не могли сделать их уютными и непроницаемыми для ветра и дождя. Если мы некогда и обитали в руинах, это еще не значит, что нас не влекут удобства и комфорт. Поистине мы жили в них

лишь потому, что бедная Европа не могла предложить нам ничего более подходящего.

Он умолк, отдышался и продолжал:

— Я прекрасно помню, как две тысячи лет назад и более мы жили в новехоньких замках, хотя, конечно, и убогих, ибо неотесанные люди той поры не умели строить лучше — и мастерства они не знали, и инструментов у них нужных не было, а уж о машинах и говорить не приходится. Да и вообще худосочный был народец. А нам приходилось скрываться по углам и закоулкам! Непросвещенные люди той поры страшились и чурались нас в своем невежестве и пытались обороняться от нас могучими чарами и заклятиями. А впрочем,— добавил он не без самодовольства,— они же были всего только люди, и колдовство у них хромало. Мы могли одним пальцем смахнуть самые замысловатые их чары.

— Две тысячи лет? Не хотите ли вы сказать...— начал было Черчилл и замолчал, заметив, что Максвелл замотал головой.

Мистер О'Тул остановился и бросил на Черчилла уничтожающий взгляд.

— Я помню,— объявил он,— как варвары впервые весьма бесцеремонно явились из того болотистого бора, который вы теперь называете Центральной Европой, и рукоятками своих грубых железных мечей начали стучаться в ворота самого Рима. Мы слышали об этом в лесных чащах, где обитали тогда, и среди нас еще жили те — теперь давно умершие,— кто узнал про Фермопилы всего через несколько недель после того, как пали Леонид и его воины.

— Простите,— сказал Максвелл,— но не все настолько хорошо знакомы с маленьким народцем...

— Будьте добры,— перебил О'Тул,— познакомьте и его в таком случае!

— Это правда,— сказал Максвелл, обращаясь к Черчиллу.— Или, во всяком случае, вполне может быть правдой. Они не бессмертны и в конце концов умирают. Но долговечны они так, что нам и представить это трудно. Рождения у них редкость, иначе на Земле не хватило бы для всех места. Они доживают до невероятного возраста.

Сверху к ним навстречу опрометью бежал крохотный гоблин — пестрая рубаха, которая была ему велика, билась на ветру.

— Эль!— верещал он.— Эль!

Он остановился перед ними, еле удержавшись на ногах.

— Ну и что — эль?— пропыхтел мистер О'Тул.— Или ты хочешь покаяться, что осмелился его попробовать?

— Он скис!— стенал маленький гоблин.— Весь этот заклятый чан скис!

— Но ведь эль не может скиснуть!— возразил Максвелл, понимая, какая произошла беда.

Мистер О'Тул запрыгал на тропе. Его лицо из коричневого стало багровым и тут же полиловело. Он хрипел и задыхался.

— Проклятие, о проклятие!— завопил он.— Его сглазили!

Он повернулся и заспешил вниз по тропе в сопровождении маленького гоблина.

— Только дайте мне добраться до этих гнусных троллей!— вопил мистер О'Тул.— Только дайте мне наложить лапы на их жадные глотки! Я их выкопаю вот этими самыми руками и повешу на солнце сушиться! Я спущу с них со всех шкуры! Я их так проучу, что они вовек не забудут!..

Его угрозы все больше сливались в нечленораздельный рев, пока он удалялся вниз по тропе, спеша к мосту, под которым обитали тролли.

Два человека с восхищением смотрели ему вслед, дивясь такому всесокрушающему гневу.

— Ну,— сказал Черчилл,— вот мы и лишились возможности испить сладкого октябрьского эля.

4

Когда Максвелл по одной из внешних, более медленных полос шоссе добрался до окраины университетского городка, часы на консерватории били шесть.

Сумерки спускались на городок благостной дымкой, смягчая очертания зданий, превращая их в романтические гравюры из старинных книг. В аллеях негромко переговаривались студенты с портфелями. Некоторые держали книги под мышкой. На скамье сидел седой старик и смотрел, как в траве резвятся белки. По дорожке неторопливо ползли двое внеземлян-рептилий, поглощенных беседой. Молодой человек бодро шагал по боковой аллее, насвистывая на ходу, и его свист будил эхо в тихих двориках. Поравнявшись с рептилиями, он поднял руку в почтительном приветствии.

И вот тут-то огромные куранты начали отбивать шесть. Густой звон разнесся далеко вокруг, и Максвеллу вдруг почудилось, что это дружески здоровается с ним университетский городок.

Впереди в сумраке возникла громада Института времени — гигантские параллелепипеды из пластмассы и стекла, сияющие огнями. К их подножию прижался музей. Поперек его фасада протянулось бьющееся на ветру белое полотнище. В сгущающихся сумерках Максвелл с такого расстояния сумел разобрать: «ШЕКСПИР».

Он улыбнулся при мысли о том, как должен бурлить сейчас факультет английской литературы. Старик Ченери и вся компания не простили Институту времени, когда два-три года назад Институт докопался, что автором пьес был все-таки не граф Оксфорд. И это появление стрэтфордца во плоти сыграет роль горсти соли, высыпанной на еще не зажившую рану.

Шесть часов! Через две-три минуты он сойдет с полосы и направится к «Гербу Уинстонов», который был его домом уже четыре года... нет, впрочем, не четыре, а пять! Максвелл сунул руку в правый карман куртки и в маленьком внутреннем кармашке нащупал кольцо с ключами.

Теперь впервые после того, как он покинул Висконсинскую передаточную станцию, им вдруг овладела мысль о другом Питере Максвелле. Конечно, история, которую рассказал ему инспектор Дрейтон, могла быть правдой. Тут он сообразил, что тревожит его не столько разговор с Дрейтоном, сколько слова О'Тула: «Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби». Если бы не скис эль, он, конечно, обсудил бы со старым гоблином события этих недель, но им так и не представилась возможность поговорить по душам.

Впрочем, пока можно об этом не думать. Как только он доберется домой, он сядет к телефону, позвонит кому-нибудь из своих друзей и узнает правду. Но кому позвонить? Харлоу Шарпу в Институте времени? Или Даллесу Грегту, декану факультета? Или, может быть, Ксигму Маону Тайру, старому эриданцу с белоснежным мехом волос и задумчивыми лиловыми глазами, который целую жизнь провел в крохотном кабинете, разрабатывая методы анализа структуры мифов? Или Аллену Престону, близкому приятелю и юристу? Пожалуй, начать следует с Престона,— ведь если Дрейтон не солгал, ситуация может осложниться именно в юридическом плане.

Максвелл сердито одернул себя. Он, кажется, поверил! Во всяком случае, вот-вот поверит! Если так пойдет дальше, он начнет убеждать себя, что все это чистая правда!

«Герб Уинстонов» был уже совсем близко. Максвелл поднялся с сиденья, взял чемодан и напротив «Герба Уинстонов» спрыгнул на тротуар.

Ни на широкой каменной лестнице, ни в вестибюле никого не было. Пошарив в карманах, он вытащил ключи и зажал в пальцах тот, который открывал дверь его квартиры. Лифт уже ждал, и он нажал кнопку седьмого этажа.

Ключ сразу вошел в замок и легко в нем повернулся. Дверь открылась, и Максвелл вошел в темную комнату. Дверь за его спиной автоматически закрылась, щелкнув замком, и он протянул руку к выключателю.

Но так и застыл с поднятой рукой. Что-то было не так. Какое-то чувство... ощущение... может быть, запах? Да, именно запах. Слабый, нежный аромат незнакомых духов.

Максвелл ударил кулаком по кнопке. Вспыхнул свет.

Комната стала другой. Не та мебель и пронзительно-яркие картины на стенах. У него не было и никогда не будет таких картин!

Позади него снова щелкнул замок, и он стремительно обернулся. Дверь распахнулась, и в комнату вошел саблезубый тигр.

При виде Максвелла огромный кот припал к полу и заворчал, обнажив шестидюймовые кинжалы клыков.

Тигр в изящном прыжке повис в воздухе, прижав уши, полуоткрыв пасть и вытянув массивные лапы вперед, словно таран. Максвелл вскинул руки, загораживая грудь, но лапы отбросили его в сторону и затем придавили к кушетке. Огромная кошачья морда со сверкающими клыками придвинулась к самому его лицу. Медленно, почти ласково тигр опустил голову, и длинный розовый язык, шершавый, как терка, облизал щеки Максвелла.

Гигантский кот замурлыкал.

— Сильвестр!— донеслось со стороны двери.— Сильвестр, немедленно прекрати!

Тигр еще раз ободрал языком лицо Максвелла и присел на задние лапы. Ухмыляясь и поставив уши торчком, он рассматривал Максвелла с дружеским и даже восторженным интересом.

Максвелл приподнялся и сел, откинувшись на спинку кушетки.

— Кто вы, собственно, такой?— спросила стоявшая в дверях девушка.

— Видите ли, я...

— Однако вы не из робких,— заметила она.

Сильвестр замурлыкал громче.

— Извините, мисс,— сказал Максвелл,— но я здесь живу. Во всяком случае, жил раньше. Это ведь квартира семь — двадцать один?

— Да, конечно,— кивнула она.— Я сняла ее ровно неделю назад.

— Я мог бы догадаться,— сказал Максвелл, пожимая плечами.— Ведь мебель другая!

— Я потребовала, чтобы хозяин вышвырнул прежнюю,— объяснила она.— Это было что-то чудовищное.

— Погодите,— перебил Максвелл.— Старый зеленый диван, довольно потертый...

— И бар орехового дерева,— подхватила девушка.— И гнуснейший морской пейзаж, и...

— Достаточно,— устало сказал Максвелл.— Вы вышвырнули отсюда мои вещи.

— Не понимаю... Хозяин сказал, что прежний жилец умер. Несчастный случай, если не ошибаюсь.

Максвелл медленно поднялся на ноги. Тигр последовал его примеру, подошел поближе и начал нежно тереться головой о его колени.

— Сильвестр, перестань!— скомандовала девушка.

Сильвестр продолжал свое занятие.

— Не сердитесь на него,— сказала она.— Он ведь просто большой котенок.

— Биомех?

Девушка кивнула.

— Поразительная умница. Он ходит со мной повсюду. И всегда ведет себя прилично. Не понимаю, что на него нашло. Наверное, вы ему понравились.

Говоря все это, она смотрела на тигренка, но тут внезапно бросила на Максвелла внимательный взгляд.

— Вам нехорошо? Дать вам выпить чего-нибудь?

— Если можно. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор...

— Погодите! Максвелл, вы сказали? Питер Максвелл... Ведь так звали...

— Да, я знаю,— сказал Максвелл.— Так звали того человека, который умер.

Он осторожно опустился на кушетку.

— Я принесу вам чего-нибудь,— сказала девушка.

Сильвестр подобрался поближе и ласково положил массивную голову Максвеллу на колени. Максвелл почесал ему за ухом, и Сильвестр, замурлыкав, чуть-чуть повернулся, чтобы показать Максвеллу, где надо чесать.

Девушка вернулась с рюмкой и села рядом.

— Но я все-таки не понимаю... Если вы тот, кто...

— Все это,— заметил Максвелл,— очень запутанно.

Он посмотрел на свою собеседницу и только теперь увидел ее по-настоящему — стройная, подтянутая, коротко подстриженные темные волосы, длинные ресницы и глаза, которые ему улыбались.

— Как вас зовут?— спросил он.

— Кэрол Хэмптон. Я историк, работаю в Институте времени.

— Мисс Хэмптон,— сказал он,— приношу вам свои извинения. Я только что вернулся...

— Не нужно ничего объяснять,— перебила она.

— Мы выпьем,— сказал он.— А потом я встану и уйду. Если только...

— Что?

— Если только вы не согласитесь пообедать со мной. Чтобы я мог хоть чем-то отплатить вам за чуткость. Ведь вы могли бы выбежать с воплями...

— А не подстроено ли все это?— спросила она подозрительно.— Вдруг вы...

— Ни в коем случае,— сказал он.— У меня не хватило бы сообразительности. И к тому же откуда я взял бы ключ?

Она поглядела на него, а потом сказала:

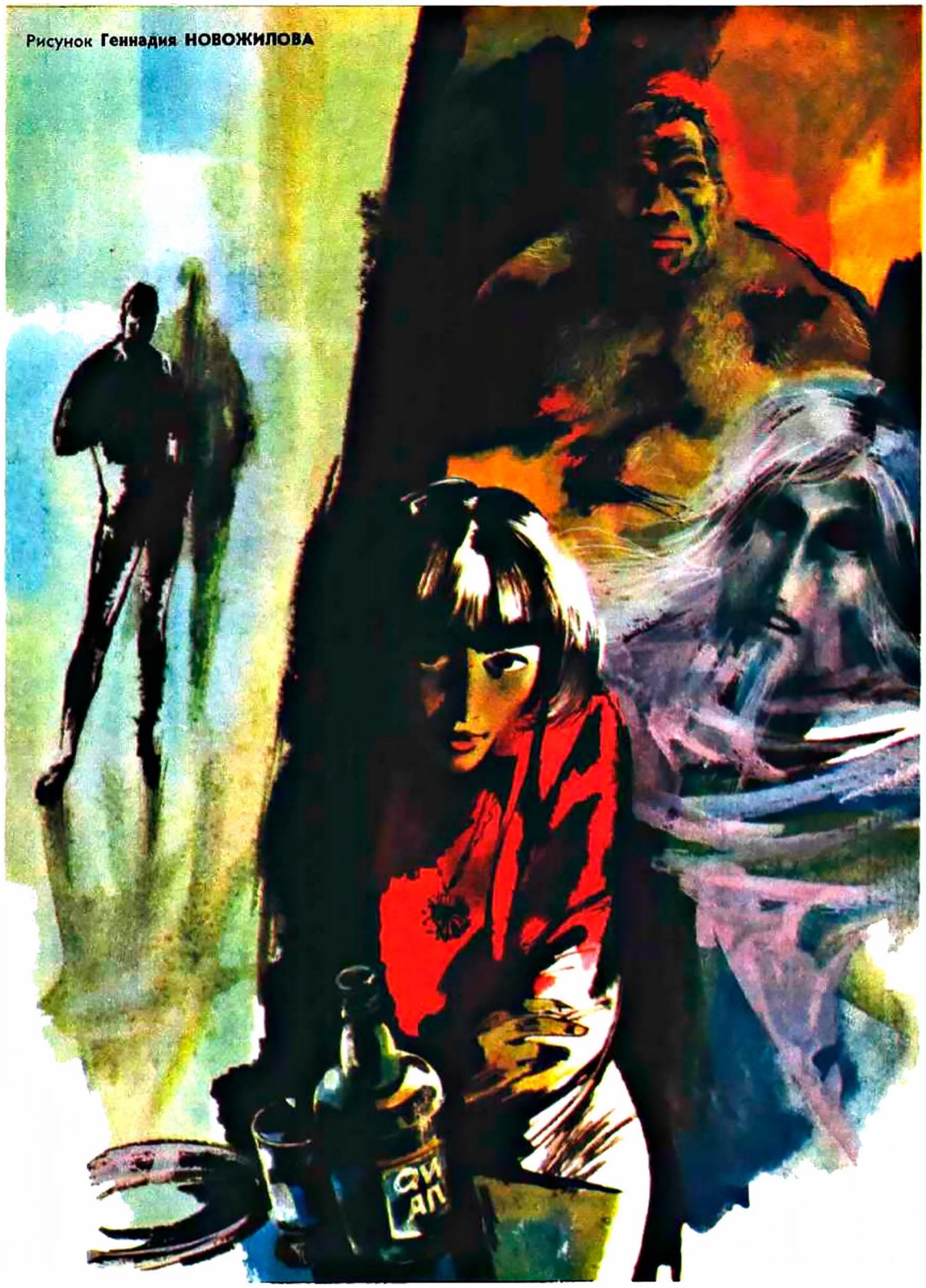
— Это глупо с моей стороны. Но нам придется взять с собой Сильвестра. Он ни за что не останется один.

— Да я никогда и не согласился бы бросить его одного!— заявил Максвелл.— Мы с ним друзья до гроба.

— Это обойдется вам в бифштекс,— предупредила она.— Он всегда голоден, а ест только хорошие бифштексы. Большие. И с кровью.

Перевод с английского
Ирины ГУРОВОЙ.

Продолжение следует



ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

Клиффорд САЙМАК

РОМАН

5

В «Свинье и Свистке» было темно, шумно и чадно. Между тесно составленными столиками оставались лишь узенькие проходы. Мерцали дрожащие огоньки свечей. Низкий зал был заполнен разноголосым гулом, все посетители говорили разом, перебивая друг друга.

Максвелл прищурился, стараясь высмотреть свободный столик.

— Пожалуй,— сказал он, обернувшись к Кэрол Хэмптон,— нам лучше пойти куда-нибудь еще.

— Сейчас к нам кто-нибудь подойдет и укажет столик,— ответила она.— Наверное, большой наплыв — официанты совсем сбились с ног... Сильвестр! Немедленно прекрати! Извините его, пожалуйста,— добавила она умоляюще, обращаясь к людям, сидящим за столиком, возле которого они стояли.— Он такой невоспитанный! И особенно не умеет вести себя за столом. Хватает все, что увидит...

Сильвестр мурлыкал и облизывался.

— Пустяки, мисс,— сказал обездоленный бородач.— Я, собственно говоря, и не собирался есть. Просто у меня привычка заказывать бифштексы.

— Пит! Пит Максвелл!—закричал кто-то в дальнем конце зала.

Прищурившись, Максвелл разглядел в полумраке, что ему машет руками какой-то человек, вскочивший из-за столика в углу. Потом он узнал его. Это был Алле-Оп, а рядом с ним маячила белая фигура Духа.

— Встретили друзей? — спросила Кэрол.

— Да, по-видимому, они приглашают нас за свой столик. Вы не возражаете?

— Это неандерталец? — спросила она.

— Вы его знаете?

— Видела несколько раз. Но мне хотелось бы с ним познакомиться. А рядом Дух?

— Они неразлучны,— объяснил Максвелл.

— Ну, так идемте же!

— Мы можем просто поздороваться, а потом отправиться куда-нибудь еще.

— Ни в коем случае! — воскликнула Кэрол.— По-моему, это очень интересное место.

— Вы не бывали тут раньше?

— Не осмеливалась,— ответила она.

— Ну, тогда за мной,— сказал он и начал медленно пробираться между столиками. Девушка и тигренок следовали за ним по пятам.

Алле-Оп выскочил в проход навстречу Максвеллу, бурно заключил его в объятия, потом взял за плечи, отодвинул и начал всматриваться в его лицо.

— Ты же в самом деле старина Пит? — спросил он.— Ты нас не морочишь?

— Да, я Пит,— ответил Максвелл.— А кем еще я могу быть, как, по-твоему?

— В таком случае,— сказал Оп,— кого мы хоронили три недели назад, в четверг? И я и Дух оба были там. И ты должен нам двадцать монет — ровно столько стоил венок, который мы прислали.

— Давайте сядем,— предложил Максвелл.

— Опасаешься скандала? — осведомился Оп.— Но ведь это место для скандалов и создано: каждый час по расписанию завязываются кулачные бои, а в промежутках кто-нибудь влезает на стол и разражается речью.

— Оп,— сказал Максвелл,— со мной дама, так что ты укротись и оцивилизуйся. Мисс Кэрол Хэмптон, а эта стоеросовая дубина зовется Алле-Оп.

— Счастлив познакомиться с вами, мисс Хэмптон,— сказал Алле-Оп.— Но кого я вижу! Саблезубый тигр, с места мне не сойти! Помнится, был случай, когда я в буран укрылся в пещере, где уже сидела такая вот киска, а при мне никакого оружия, кроме тупого кремневого ножа. Понимаете, палица у меня сломалась, когда я повстречал медведя, и...

— Доскажешь как-нибудь в другой раз,— перебил Максвелл.— Может быть, мы все-таки сядем? Нам очень хочется есть и вовсе не хочется, чтобы нас вышвырнули отсюда.

— Пит,— сказал Алле-Оп,— быть вышвырнутым из этой забегаловки — весьма большая честь. Ты можешь считать свое общественное положение упроченным только после того, как тебя выкинут отсюда.

Однако, продолжая ворчать себе под нос, он все-таки направился к своему столику и галантно подвинул стул Кэрол. Сильвестр устроился между ней и Максвеллом, положив подбородок на стол и недоброжелательно уставился на Алле-Опа.

— Этой киске я не нравлюсь,— объявил Оп.— Возможно, она знает, сколько ее предков я поистреблял в добром старом каменном веке.

— Сильвестр всего лишь биомех,— объяснила Кэрол,— и ничего знать не может.

— Ни за что не поверю,— сказал Оп.— Эта животина — никакой ни биомех. У него в глазах видна самая что ни на есть типичная саблезубая подлость.

— Пожалуйста, Оп, уймись на минутку,— прервал его Максвелл.— Мисс Хэмптон, позвольте представить вам Духа, моего очень старого друга.

— Мне очень приятно познакомиться с вами, мистер Дух,— сказала Кэрол.

— Только не «мистер», а просто Дух,— поправил тот.— Я ведь дух, и больше ничего. И самое ужасное заключается в том, что я не знаю, чей, собственно, дух. Очень рад познакомиться с вами. Так уютно сидеть за столиком вчетвером. В цифре «четыре» есть что-то милое и уравновешенное.

— Ну,— объявил Оп,— теперь, когда вы перезнакомились, давайте перейдем к делу. Выпьем! Ужасно противно пить в одиночку. Конечно, я люблю Духа за многие его превосходные качества, но не переваривать непьющих.

— Ты же знаешь, что я не могу пить,— вздохнул Дух.— И есть не могу. И курить. Возможно-

---

Продолжение. Начало в № 18.

сти духов весьма и весьма ограниченны, но мне хотелось бы, чтобы ты перестал указывать на это всем, с кем мы знакомимся.

Он повернулся к Кэрол.

— Вы, кажется, удивлены, что варвар-неандерталец способен изъясняться так красноречиво и свободно, как я?

— Не удивлена, а потрясена,— поправила Кэрол.

— Оп,— сообщил ей Максвелл,— за последние двенадцать лет вобрал в себя такое количество знаний, какое обыкновенному человеку и не снилось. Начал с программы детского сада в буквальном смысле слова, а сейчас работает над докторской диссертацией.

Оп поднял руку и замахал официанту, призывая его могучим голосом.

— Сюда! — крикнул он.— Здесь есть люди, которые хотели бы облагодетельствовать вас заказом. Все они умирают от ползучей жажды.

— Больше всего меня в нем восхищают,— заметил Дух,— его застенчивость и скромность.

— Я продолжаю учиться,— сказал Оп,— не столько из стремления к знанию, сколько ради удовольствия наблюдать ошарашенное выражение на лицах педантов-преподавателей и дураков-студентов. Впрочем,— повернулся он к Максвеллу,— я отнюдь не утверждаю, что все преподаватели обязательно педанты.

— Спасибо! — сказал Максвелл.

— Есть люди,— продолжал Оп,— которые по-видимому, убеждены, что неандерталец — глупая скотина, и ничего больше. Ведь что ни говори, а он вымер, он не смог выдержать борьбы за существование, в чем усматривается прямое доказательство его безнадежной второсортности. Боюсь, я и дальше буду посвящать мою жизнь опровержению...

Рядом с Опом возник официант.

— А, это опять вы!— сказал он.— Можно было сразу догадаться, как только вы принялись на меня орать. Вы невоспитанны, Оп.

— С нами тут сидит человек,— сообщил ему Оп, пропуская мимо ушей оскорбительное утверждение,— который вернулся из страны теней. По-моему, достойнее всего будет отпраздновать его воскресение вакханалией дружбы.

— Насколько я понял, вы хотели бы чего-нибудь выпить?

— Так почему же,— осведомился Оп,— вы прямо не принесли бутылку хорошего пойла, ведерко льда и четыре... нет, три рюмки?

— Насколько я понял,— сказал официант,— когда я приволоку сюда бутылку, у вас не будет чем за нее заплатить. Я помню, как однажды...

— Если я обману ваши ожидания,— объявил Оп,— мы обратимся к старине Питу.

— К Питу? — переспросил официант и, посмотрев на Максвелла, воскликнул: — Профессор! А я слышал, что вы...

— Я вам уже битый час об этом толкую,— перебил Оп.— Потому-то мы и празднуем. Он восстал из гроба.

— Но я не понимаю...

— И незачем,— сказал Оп.— Неси-ка выпивку, а больше от тебя ничего не требуется.

Официант убежал.

— А теперь,— сказал Дух, обращаясь к Максвеллу,— пожалуйста, объясните нам, что вы такое. По-видимому, вы не дух, или же процесс их изготовления значительно улучшился с той поры, когда человек, которого представляю я, сбросил бренную оболочку.

— Насколько можно судить,— начал Максвелл,— перед вами результат раздвоения личности. Мой дублер, как я понимаю, стал жертвой несчастного случая и умер.

— Но это же невозможно! — возразила Кэрол.— Психическое раздвоение личности — это понятно, но чтобы физически...

— Ни на земле, ни в небесах нет ничего невозможного,— объявил Дух.

— Цитатка-то засэженная! — заметил Оп.— И к тому же ты ее переврал.

Он принялся энергично скрести волосатую грудь короткими, тупыми пальцами.

— Не глядите на меня с таким ужасом,— сказал он Кэрол.— Зуд, и больше ничего. Я дитя природы и потому чешусь. Но я отнюдь не наг. На мне надеты шорты.

— Его выучили ходить на двух ногах,— заметил Максвелл,— но только не более того.

— Вернемся к раздвоению вашей личности,— сказала Кэрол.— Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, произошло?

— Я отправился на одну из планет системы Енотовая Шкура, и в пути моя волновая схема каким-то образом сдублировалась, так что я прибыл одновременно в два разных места.

— Вы хотите сказать, что возникло два Питера Максвелла?

— Вот именно.

— На твоем месте,— сказал Оп,— я подал бы на них в суд. Этим транспортникам даже убийство с рук сойдет! Ты можешь вытрясти из них хорошее возмещение. Вызовешь свидетелями меня и Духа. Мы ведь были на твоих похоронах! И вообще,— добавил он,— нам с Духом тоже следует предъявить им иск. За причинение моральных мук. Наш лучший друг лежит в гробу бледный и неподвижный, а мы совсем убиты горем.

— Нет, правда, мы очень горевали,— сказал Дух.

— Я знаю,— ответил Максвелл.

— Послушайте,— сказала Кэрол.— По-моему, вы все трое относитесь к случившемуся как-то слишком уж легко. Один из трех друзей...

— Чего вы от нас хотите? — осведомился Оп.— Чтобы мы запели «Аллилуйя»? Или таращили глаза, дивясь неслыханному чуду? Мы потеряли приятеля, а теперь он вернулся...

— Но ведь их было двое, и один...

— Для нас он всегда был один,— сказал Оп.— И, пожалуй, так лучше. Нетрудно представить, какие неприятные недоразумения возникали бы, если бы было два Максвелла.

Кэрол пожала плечами.

— Такую компанию я еще не видела,— сказала она.— И знаете, мне это нравится.

— Мне тоже,— объявил Оп.— Что ни говорите, а эта ваша цивилизация куда приятнее давних эпох. В моей жизни не было дня счастливей того, когда экспедиция из Института времени утащила меня сюда как раз в тот момент, когда несколько моих любящих соплеменников вздумали подзакусить мною. Впрочем, у меня к ним нет никаких претензий. Зима выдалась долгая и суровая, снег был очень глубоким, и дичь совсем исчезла. К тому же кое-кто из племени имел на меня зуб — и не без оснований, не буду вас обманывать. Меня уже собирались тюкнуть по затылку и, так сказать, бросить в общий котел...

— Каннибализм! — с ужасом произнесла Кэрол.

— Естественно,— утешил ее Оп.— В те безыскусственные первобытные деньки в подобной ситуации не было ничего особенного. Но, разумеется, вам этого не понять. Ведь вы ни разу не испытали настоящего голода, верно? Такого, чтобы кишки сводило, чтобы совсем иссохнуть...

Он умолк и обвел глазами зал.

— Наиболее утешительный аспект этой культуры,— продолжал он,— заключается в изобилии пищи. В старину у нас была чересполосица: ухлопали мастодонта и едим, пока нас не начнет рвать, после чего опять едим и...

Подошел официант и почти швырнул на стол бутылку и ведерко со льдом.

— Горячее сейчас закажете? — спросил он.

— Мы еще не решили, будем ли мы питаться в этой подозрительной харчевне. Одно дело тут нализаться, и совсем другое...

— В этом случае, сэр...— сказал официант и положил перед ним счет.

Оп порылся в карманах и вытащил деньги, Максвелл придвинул бутылку и ведерко поближе и начал накладывать лед в рюмки.

— Но мы же поужинаем тут? — спросила Кэрол.— Если Сильвестр не получит бифштекса, который вы ему обещали, я ничего не гарантирую. И ведь как терпеливо и благонравно он ведет себя, несмотря на все эти аппетитные запахи!

— Ведь он уже скушал один бифштекс! — напомнил Максвелл.— Сколько еще он способен их сожрать?

— Неограниченное количество,— ответил Оп.— В старину такое чудище в один присест запросто уминало лося. Я вам когда-нибудь рассказывал...

— Думаю, что да,— поспешно сказал Дух.

— Но бифштекс был пережаренный! — запротестовала Кэрол.— А он любит их с кровью. И к тому же совсем крохотный!

— Оп,— попросил Максвелл,— верни официанта. У тебя это отлично получается. Твой голос словно создан для этой цели.

Оп взмахнул могучей рукой и взревел. Потом подождал немного и снова взревел, но опять безрезультатно.

— Он меня игнорирует,— проворчал Оп.— А может быть, это вовсе и не наш официант. Я их никак не различаю. Они для меня все на одно лицо.

— Не нравится мне сегодняшняя публика,— сказал Дух.— Я все посматриваю по сторонам. Что-то назревает.

— А чем они плохи? — спросил Максвелл.

— Слишком много слизняков из английской литературы. Обычно они сюда не заходят. Завсегдатаи здесь временщики и сверхъестественники.

— Ты думаешь, из-за Шекспира?

— Возможно,— согласился Дух.

Максвелл передал рюмку Кэрол, а другую пододвинул через стол Опу.

— Как-то неудобно, что вы остаетесь ни при чем,— сказала Кэрол, обращаясь к Духу.— Ну, понюхайте хотя бы!

— Пусть это вас не тревожит,— вмешался Оп.— Этот субъект напивается до розовых слонов одним лунным светом. Он может танцевать на радуге. У него перед вами масса преимуществ. Например, он бессмертен. Духа ведь ничем не убьешь

— Ну, не знаю,— сказал Дух.

— Я не понимаю одного...— сказала Кэрол.— Вы не рассердитесь?

— Пожалуйста, не стесняйтесь!

— Вы сказали, что не знаете, чей вы дух. Вы пошутили или это правда?

— Это правда,— ответил Дух.— И поверьте, весьма неприятная правда. Я чувствую себя крайне неловко. Но что поделаешь, забыл! Из Англии — это я, во всяком случае, знаю твердо. Но фамилию вспомнить никак не могу. У меня есть подозрение, что и остальные духи...

— У нас тут нет других духов,— сказал Максвелл.— Контакты, беседы, интервью — это сколько угодно, но ни один дух, кроме тебя, не захотел жить среди нас. Почему ты пришел к нам?

— Он прирожденный аферист,— заметил Оп.— Всегда высматривает, чем можно поживиться.

— Ну, положим! — возразил Максвелл.— Что, собственно, мы можем дать Духу?

— Вы даете мне,— сказал Дух,— ощущение реальности.

В противоположном конце зала послышалась какая-то возня. Кэрол и Максвелл обернулись на шум, но не смогли разобрать, что там происходит.

Внезапно над одним из столиков возник человек и запел:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал,
Не давал проходу юбкам,
Громко песенки орал...

Раздались возмущенные вопли и свист. Кто-то бросил чем-то в певца, но промахнулся. Какой-то могучий бас оглушительно взревел:

— К черту Билла Шекспира!

И зал словно взорвался. Летели на пол стулья, люди вскакивали на столы, пронзительно вопили, сталкивали и стаскивали друг друга вниз.

Максвелл заметил кулак, взметнувшийся у него над ухом, увернулся и нанес удар в пустоту, примерно в том направлении, откуда появился кулак. Над его плечом промелькнула ручища Опа, завершавшаяся могучим кулаком, который врезался в чью-то физиономию, и кто-то покатился по полу.

В затылок Максвелла угодил тяжелый предмет, летевший со значительной скоростью. Вокруг свалившегося на пол Максвелла двигалась стена ног. Его руку прищемила чья-то подошва. Кто-то упал на него. Где-то в неизмеримой вышине раздавались дикие завывания Опа.

Максвелл извернулся, сбросил упавшее на него тело и, пошатываясь, поднялся с пола. В его локоть впились сильные пальцы.

— Давай-ка выбираться отсюда,— сказал Оп.— Это может скверно кончиться.

Кэрол, откинувшись, обеими руками сжимала загривок Сильвестра. Тигренок стоял на задних лапах, молотя передними по воздуху. Он утробно рычал, и его длинные клыки поблескивали даже в полутьме.

— Если мы сейчас же не вытащим его отсюда,— сказал Оп,— котик сам раздобудет себе бифштекс.

Он стремительно нагнулся, ухватил тигренка поперек живота, поднял его и прижал к груди.

— Позаботься о девушке,— скомандовал Оп.— Тут где-то есть другой выход. И не забудь бутылку! Она нам еще понадобится.

Максвелл взял бутылку за горлышко.

Духа нигде не было видно.

6

— Я трус,— признался Дух.— Я не скрываю, что, стоит завязаться драке, и я превращаюсь в зайца.

— А ведь ты единственный парень в мире, которого никто и пальцем тронуть не может,— заметил Оп.

Они сидели вокруг квадратного шаткого стола, который Оп однажды в припадке хозяйственной энергии собственноручно сколотил из нетесаных досок. Кэрол отодвинула тарелку.

— Я умирала от голода,— сказала она,— но не в силах больше проглотить ни кусочка.

— И не только вы,— отозвался Оп.— Взгляните-ка на вашу кисаньку.

Сильвестр лежал, свернувшись, возле очага. Обрубок хвоста был плотно прижат к заду, пушистые лапы прикрывали нос, усы ритмично подрагивали от спокойного дыхания.

— В первый раз вижу, чтобы саблезубый наелся до отвала,— сказал Оп.

Он взял бутылку и встряхнул ее. Она была пуста. Неандерталец встал, косолапо прошел в угол, нагнулся, приподнял дверцу в полу и пошарил под ней. Он вытащил стеклянную банку и отставил ее в сторону. Потом достал еще одну и поставил ее рядом с первой. Наконец он с торжествующим видом извлек из темной дыры бутылку.

Убрав банки на прежнее место, Оп опустил дверцу, вернулся к столу, откупорил бутылку и начал разливать ее содержимое по стаканам.

— Вы, ребята, конечно, пьете без льда,— сказал он.— Что зря разбавлять хороший напиток! А к тому же льда у меня все равно нет.

Он указал на дверцу в полу.

— Мой тайник. Я всегда держу там бутылку-другую. На случай, если я, например, сломаю ногу, а медик запретит мне пить...

— Из-за сломанной-то ноги? — усомнился Дух.

— Ну, не из-за ноги, так из-за чего-нибудь другого,— сказал Оп.

— В жизни я так вкусно не ужинала,— вздохнула Кэрол.— Я никогда еще не жарила себе бифштекс на палочке прямо над огнем.

— У меня такое ощущение,— сказал Максвелл,— что лучше не спрашивать, откуда взялась эта вырезка. Ведь все мясные лавки наверняка были закрыты.

— Были-то были,— согласился Оп.— Но есть тут один магазинчик, и на задней двери там висел вот этот простенький замок...

— Когда-нибудь,—сказал Дух,— ты наживешь крупную неприятность.

Оп покачал головой.

— Не думаю. Во всяком случае, не в этот раз. Жизненно важная потребность... Нет, пожалуй, не то. Когда человек голоден, он имеет право на любую пищу, которую отыщет.

— Кстати,— повернулся он к Максвеллу,— есть у тебя деньги?

— Сколько хочешь,— ответил тот.— Мне были выписаны командировочные для поездки в Енотовую Шкуру, и я не истратил из них ни гроша.

— Значит, на планете, куда вы попали, с вами обращались, как с гостем? — заметила Кэрол.

— Примерно. Я так до конца и не разобрался, в каких отношениях я находился с местными обитателями.

— Они были приятными людьми?

— Приятными-то приятными, но вот людьми ли, не знаю.— Он повернулся к Опу.— Сколько тебе нужно?

— Сотни должно хватить. Мясо, взломанная дверь и, конечно, оскорбленные чувства нашего друга мясника.

Максвелл достал бумажник, вытащил несколько банкнот и протянул их Опу.

— Спасибо,— сказал неандерталец.— Считай за мной.

— Нет,— возразил Максвелл.— Сегодня угощаю я. Ведь я пригласил Кэрол поужинать, хотя из этого так ничего и не вышло.

Сильвестр у очага зевнул, потянулся и снова уснул уже на спине, задрав все четыре лапы кверху.

— А я все равно не верю, что эта киса биомеханического происхождения. Слишком уж у нее блестят глаза, когда она смотрит на меня,— заметил Оп.

— Дело в том,— объяснила Кэрол,— что в настоящее время они все уже не столько «мех», сколько «био». Собственно говоря, в настоящее время биомеханические институты просто создают те или иные живые организмы.. Но вы это, конечно, знаете.

— Ходят разговоры,— сказал Максвелл,— что где-то под замком содержится группа сверхлюдей. Вы что-нибудь об этом слышали?

— Да. Но ведь всегда ходят какие-нибудь странные слухи!

— А самый лучший поймал недавно я,— вмешался Оп.— Мне шепнули, что сверхъестественники установили контакт с Сатаной! Так как же, Пит?

— Ну, возможно, кто-то и предпринял подобную попытку,— сказал Максвелл.— Ведь это просто напрашивалось.

— Неужели вы считаете, что Сатана и в самом деле существует?— удивилась Кэрол.

— Двести лет назад,— ответил Максвелл,— люди точно таким же тоном спрашивали, неужели существуют гоблины, тролли и феи.

— И духи,— вставил Дух.

— Кажется, вы говорите серьезно! — воскликнула Кэрол.

— Нет, конечно,— ответил Максвелл.— Но я не склонен априорно отрицать существование даже Сатаны.

— Это удивительный век! — заявил Оп.— Что, несомненно, вы слышали от меня и раньше. Вы покончили с суевериями и бабушкиными сказками. Вы отыскиваете в них зерно истины. Однако мои соплеменники знали про троллей, гоблинов и прочих. Легенды о них, как вам известно, всегда основывались на фактах. Только позже, когда человек вышел из пеленок дикарской простоты, если вам угодно называть это так, он отмел факты, не позволяя себе поверить в то, что, как он знал, было правдой. Поэтому он принялся приукрашивать факты и упрятал их в сказки, легенды и мифы. А когда люди размножились, все эти существа начали старательно от них прятаться. И хорошо сделали: в свое время они вовсе не были такими милыми, какими вы считаете их теперь.

— На мой взгляд,— сказал Дух,— этим вопросом стоило бы заняться Институту времени. По-видимому, существовало много разных типов этих... можно назвать их приматами?

— Да, пожалуй, можно,— согласился Максвелл.

— ...приматов совсем иного склада, чем обезьяны и человек.

— Еще бы не другого! — с чувством произнес Оп.— Гнусные вонючки, и больше ничего.

— Я уверена, что когда-нибудь Институт времени возьмется и за разрешение этого вопроса,— сказала Кэрол.

— Еще бы! — ответил Оп.— Я им только об этом и твержу и прилагаю надлежащие описания.

— У Института времени слишком много задач,— напомнил им Максвелл.— В самых различных и одинаково интересных областях. Им же надо охватить все прошлое!

— При полном отсутствии денег,— добавила Кэрол.

— Мы слышим голос лояльного сотрудника Института времени,— объявил Максвелл.

— Но это же правда! — воскликнула девушка.— Исследования, которые проводит наш институт, могли бы принести столько пользы другим наукам! Но разве другие институты выделяют на такие исследования необходимые средства? Я вам могу ответить: нет и нет! Ну, есть, конечно, исключения. Юридический факультет всегда идет нам навстречу, но таких мало. Остальные боятся. Они не хотят рисковать благополучием своих уютных мирков. Возьмите, например, историю с Шекспиром. Казалось бы, факультет английской литературы должен был обрадоваться, узнав, кто был настоящим автором этих пьес. В конце концов вопрос о том, кто их автор, дебатировался несколько столетий. Но когда Институт времени дал на него точный ответ, они только вышли из себя.

— И все равно наступит день, когда Институт времени получит в свое распоряжение все необходимые средства,— сказала Кэрол.— Тогда он сможет привести в исполнение задуманные проекты, а остальные факультеты могут убираться ко всем чертям. Когда состоится продажа...

Она внезапно умолкла и словно окаменела. Казалось, только колоссальным усилием воли она удержалась от того, чтобы зажать себе ладонью рот.

— Какая продажа? — спросил Максвелл.

— По-моему, я знаю,— сказал Оп.— До меня дошел слух — собственно говоря, слушок, и я не обратил на него внимания. Хотя, если на то пошло, как раз такие мерзкие тихие слушки и оказываются на проверку правдой. Когда слух грозен, повсеместен и...

— Оп, нельзя ли без речей? — перебил Дух.— Просто скажи нам, что ты слышал.

— О, это невероятно! — объявил Оп.— Вы не поверите. Как бы ни старались.

— Мне остается только рассказать вам все и положиться на вашу порядочность,— сказала Кэрол.— И я совершенно уверена, что это не пустые слухи. Институту времени предлагают продать Артефакт.

В хижине воцарилась напряженная тишина — Максвелл и его друзья замерли, почти не дыша. Кэрол удивленно переводила взгляд с одного на другого, не понимая, что с ними.

Наконец Дух сделал легкое движение, и в безмолвии им всем показалось, что его белый саван зашуршал так, словно был материален.

— Ведь вам неизвестно,— сказал он,— как нам всем троим дорог Артефакт.

— Вы нас как громом поразили,— объявил Оп.

— Артефакт! — вполголоса произнес Максвелл.— Артефакт. Величайшая загадка. Единственный предмет в мире, ставящий всех в тупик...

— Таинственный камень! — сказал Оп.

— Не камень,— поправил его Дух.

— Значит, вы могли бы объяснить мне, что это такое? — спросила Кэрол.

«Но вся соль как раз и заключается в том,— подумал Максвелл,— что Дух не может ответить на ее вопрос, и никто другой тоже. Около десяти лет назад экспедиция Института времени, отправившаяся в юрский период, обнаружила Артефакт на вершине холма, и он был доставлен в настоящее ценой неимоверных усилий и затрат».

— Я не могу вам этого объяснить,— сказал Дух.— И никто не может.

Дух говорил чистую правду. Пока еще никому не удалось установить хотя бы приблизительно, что такое Артефакт. Этот массивный брус из какого-то материала, который не был ни металлом, ни камнем, ставил в тупик всех исследователей. Он был длиной в шесть футов и высотой в четыре и представлял собой сгусток сплошной черноты, не поглощавшей энергии и не испускавшей ее. Свет и другие излучения отражались от его поверхности, на которой никакие режущие инструменты не могли оставить ни малейшего следа — даже лазерный луч оказывался бессильным. Неуязвимый и непроницаемый Артефакт упрямо хранил свою тайну. Он лежал на пьедестале в первом зале Музея Времени — единственный предмет в мире, для которого не было найдено хотя бы гипотетически правдоподобного объяснения.

— Но если так,— сказала Кэрол,— то почему вы расстроились?

— А потому,— ответил Оп,— что Питу кажется, будто эта штука в далекую старину была предметом поклонения обитателей холмов. То есть если эти паршивцы вообще способны чему-то поклоняться.

— Мне очень жаль,— сказала Кэрол.— Нет, правда. Я ведь не знала. Наверное, если сообщить в институт...

— Это же только предположение,— возразил Максвелл.— У меня нет фактов, на которые можно было бы сослаться. Просто кое-какие ощущения, оставшиеся после разговоров с обитателями холмов. Но даже и маленький народец ничего не знает. Это ведь было так давно.

Так давно! Почти двести миллионов лет назад.

7

— Ваш Оп меня просто ошеломил,— заметила Кэрол.— И этот домик, который он соорудил на краю света!

— Он оскорбился бы, если бы услышал, что вы назвали его жилище домиком,— сказал Максвелл.— Это хижина, и он ею гордится! Переход из пещеры прямо в дом был бы для него слишком тяжел. Он чувствовал бы себя очень неуютно.

— Из пещеры? Он и в самом деле жил в пещере?

— Я должен вам сообщить кое-что про моего старого друга Опа,— сказал Максвелл.— Он записной врун. И его рассказам далеко не всегда можно верить. Эта история про каннибализм, например...

— У меня сразу стало легче на душе. Чтобы люди ели друг друга... Брр!

— О, каннибализм в свое время существовал. Это известно точно. Но вот должен ли был Оп попасть в котел — дело совсем другого рода. Вообще-то, если речь идет об общих сведениях, на его слова можно полагаться. Сомнительны только описания его собственных приключений.

В темной глубине неба морозно мерцали ясные осенние звезды. Шоссе, почти совсем пустое, лилось вдоль самого гребня холма. Далеко внизу широким веером сияли огни университетского городка. Ветер, срывавшийся с гребня, приносил слабый запах горящих листьев.

— И огонь в очаге — такая прелесть! — вздохнула Кэрол.— Питер, почему мы обходимся без огня? Ведь построить очаг, наверное, совсем несложно.

— Оп не способен жить без огня,—сказал Максвелл.— Именно отсутствие огня ошеломило его больше всего, когда экспедиция доставила его сюда. Первое время с ним, конечно, обходились, как с пленником — держали не то чтобы взаперти, но под строгим присмотром. Но когда он стал, так сказать, сам себе хозяином, он подыскал подходящее место за пределами городка и выстроил там хижину. Примитивную, как ему и хотелось. И, конечно, с очагом. И с огородом. Вам непременно следует посмотреть его огород. Идея, что пищу можно выращивать, была для него абсолютно новой. В его времена никто и представить себе не мог ничего подобного. Гвозди, пилы, молотки и доски тоже были ему в новинку, как и все остальное. Но он проявил поразительную психологическую гибкость и с легкостью осваивал как новые инструменты, так и новые идеи. Его ничто не могло ошеломить. Свою хижину он строил, пользуясь пилой, молотком, гвоздями, досками и всем прочим. И все-таки, мне кажется, больше всего его потряс огород — возможность выращивать пищу, вместо того чтобы охотиться за ней. Вероятно, вы заметили, что он и сейчас еще внутренне не может до конца привыкнуть к изобилию и доступности еды.

— И напитков! — добавила Кэрол.

Максвелл засмеялся.

— Еще одно новшество, с которым он мгновенно освоился. Это почти его конек. Он даже поставил у себя в сарае аппарат и гонит гнуснейший самогон. Удивительно ядовитое пойло.

— Но гостям он его не дает,— сказала Кэрол.— Мы же пили виски.

— Самогон он бережет для самых близких друзей. Банки, которые он достал из подполья...

— Я еще подумала, зачем он там их прячет. Они показались мне совсем пустыми.

— Обе до краев полны прозрачным самогоном.

— Вы сказали, что прежде он находился на положении пленника. А теперь? Какое отношение он имеет к Институту времени?

— Он считается подопечным вашего института. Впрочем, это его ни к чему не обязывает. Но он ни за что не расстанется с институтом. Он ему предан даже больше, чем вы.

— А Дух? Он обитает в общежитии факультета сверхъестественных явлений. На положении подопечного?

— Ну нет! Дух — бродячая кошка. Он странствует повсюду, где захочет.

— Пит, вы называете его Духом. Но что он такое на самом деле?

— Дух, а что же еще?

— Но что такое дух?

— Не знаю. И никто не знает, насколько мне известно.

Откинувшись на спинку сиденья, Максвелл посмотрел вверх.

— Поглядите на звезды,— сказал он.— Нигде нет такого неба, как на Земле. Я рад, что вернулся.

— Но что вы намерены делать дальше?

— Провожу вас домой, заберу чемодан и вернусь к Опу. Он откроет одну из своих банок, и мы будем попивать его зелье и разговаривать до зари. Тогда я улягусь в постель, которую он завел для гостей, а он свернется на куче листьев...

— Но я же спрашивала вас вовсе не о том, что вы будете делать сегодня вечером, а вообще. Вы ведь мертвы. Или нет?

— Я буду объяснять,— сказал Максвелл.— Без конца объяснять. Где бы я ни оказался, найдутся люди, которые захотят узнать, что произошло. А может быть, даже будет проведено официальное расследование. Я искренне надеюсь, что обойдется без этого, но правила есть правила.

— Мне очень жаль,— сказала Кэрол,— и все-таки я рада. Как удачно, что вас было двое.

— Если транспортники сумеют разобраться в этой механике,— заметил Максвелл,— они откроют для себя золотую жилу. Все мы будем хранить где-нибудь свою копию на черный день.

— Это ничего не даст,— возразила Кэрол.— То есть для каждого данного индивида. Тот, другой, Питер Максвелл был самостоятельной личностью и... нет, я запуталась. Час слишком поздний, чтобы разбираться в подобных сложностях, но я убеждена, что ваша идея неосуществима.

— Да,— согласился Максвелл,— пожалуй, так. Это была глупая мысль.

— А вечер был очень приятный,— сказала Кэрол.— Спасибо. Я получила большое удовольствие.

— А Сильвестр получил большой бифштекс.

— Да, конечно. Он вас не забудет. Он любит тех, кто угощает его бифштексами. Удивительный обжора!

— Я хотел вас спросить вот о чем,— сказал Максвелл.— Вы нам не сказали, кто предложил купить Артефакт.

— Не знаю. Мне известно только, что такое предложение было сделано. И насколько я поняла, условия достаточно выгодные, чтобы серьезно заинтересовать Институт времени. Я случайно услышала отрывок разговора, не предназначавшегося для моих ушей. А от этого что-нибудь зависит?

— Возможно,— сказал Максвелл.

— Я теперь вспоминаю, что одно имя упоминалось, но не покупателя, как мне кажется. Просто кого-то, кто имеет к этому отношение. Я только сейчас вспомнила — кто-то по фамилии Черчилл. Это вам что-нибудь говорит?

8

Когда Максвелл вернулся, таща свой чемодан, Оп сидел перед очагом и подрезал ногти на ногах большим складным ножом.

Неандерталец указал лезвием на кровать.

— Брось-ка его туда, а сам садись где-нибудь рядом со мной. Я только что подложил в огонь парочку поленьев, и того, что в банке, хватит на двоих. К тому же у меня припрятаны еще две.

— А где Дух? — осведомился Максвелл.

— Исчез. Я не знаю, куда он отправился. Он мне этого не говорит. Но он скоро будет. Он никогда надолго не пропадает.

Максвелл положил чемодан на кровать, вернулся к очагу и сел, прислонившись к его шершавым камням.

— Сегодня ты валял дурака даже лучше, чем это у тебя обычно получается,— сказал он.— Ради чего?

— Ради ее больших глаз,— ответил Оп, ухмыляясь.— Когда у девушки такие глаза, она создана для того, чтобы ее хорошенько шокировали. Извини, Пит, я никак не мог удержаться.

— А она далеко не глупа,— заметил Максвелл.— Она проболталась об этой истории с Артефактом на редкость ловко.

— Ловко?

— Само собой разумеется. Неужто ты думаешь, что она и в самом деле проговорилась нечаянно?

— Я об этом вообще не думал,— сказал Оп.— Может быть, и нарочно. Но в таком случае зачем ей это, как ты думаешь?

— Скажем, она не хочет, чтобы его продавали. И она решила, что, если упомянуть об этом при болтуне вроде тебя, наутро новость станет известна всему городку. Она рассчитывает, что такие разговоры могут сорвать продажу.

— Ты же знаешь, Пит, что я вовсе не болтун.

— Я-то знаю. Но вспомни, как ты себя сегодня вел.

Он сложил нож, сунул его в карман и, взяв банку, протянул ее Максвеллу. Максвелл сделал большой глоток. Огненная жидкость полоснула его по горлу, как бритва, и он закашлялся.

Оп, в свою очередь, взял банку, поднес ее к губам, запрокинул голову, и уровень самогона в банке сразу понизился на дюйм с лишним.

— Первоклассное пойло,— сказал он, утер рот рукой и некоторое время молча смотрел на пламя.

— Вот тебя она, несомненно, не могла принять за болтуна,— сказал он наконец.— Я заметил, что сегодня вечером ты сам выделывал лихие пируэты вокруг да около правды.

— Возможно, потому, что я сам не знаю, какова эта правда,— задумчиво произнес Максвелл,— и как мне с ней поступить. У тебя есть настроение слушать?

— Сколько угодно,— сказал Оп.— То есть, если тебе этого хочется. А так можешь мне ничего не говорить. Я имею в виду — по долгу службы. Если ты мне ничего не скажешь, мы все равно останемся друзьями. Ты же знаешь. Мы вообще можем ничего об этом не говорить. У нас найдется немало других тем.

Максвелл покачал головой.

— Нет, Оп. Мне необходимо с кем-то обсудить все это. Но довериться я могу только тебе. В одиночку мне не справиться.

— Ну-ка, отхлебни еще,— сказал Оп, протягивая ему банку,— а потом начинай, если хочешь. Я одного не могу понять: как транспортники допустили такую промашку. И я не верю, что они ее допустили. Я бы сказал, что тут кроется что-то совсем другое.

— И ты не ошибся бы,— ответил Максвелл.— Где-то есть планета и, по-моему, не так уж далеко. Свободно странствующая планета, не связанная ни с каким солнцем. Хотя, насколько я понял, она в любой момент может присоединиться к той системе, какая ей приглянется.

— Это ведь довольно-таки сложно! Орбиты законных местных планет превратятся в дикий клубок.

— Не обязательно,— возразил Максвелл.— Она ведь может выбрать орбиту в другой плоскости. И тогда ее присутствие практически на них не отразится.

В трубе мяукал ветер, но эти тоскливые звуки раздавались снаружи, за дощатыми стенами. Головешка в очаге рассыпалась ливнем раскаленных угольков. Пламя заплясало, и по всей комнате замелькали неверные тени.

— Иными словами, эта планета перехватила и сдублировала твою волновую схему, так что вас стало двое,— сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Дедуктивный метод. Наиболее логичное объяснение того, что произошло. Мне известно, что вас было двое. С тем, другим, который вернулся раньше тебя, я разговаривал. И он был ты. Он был точно таким же Питером Максвеллом, как ты. Он сказал, что на планетах Енотовой Шкуры никаких следов дракона не оказалось, что все это были пустые слухи, а потому он вернулся раньше, чем предполагал.

— Так вот в чем дело! — заметил Максвелл.— Я никак не мог понять, почему он вернулся до срока.

— Передо мной стоит трудная задача,— сказал Оп.— Должен ли я предаваться радости или горю? Наверное, и тому и другому понемножку, оставив место для смиренного удивления перед непостижимыми путями человеческих судеб. Тот, другой, был ты. И вот он умер — и я потерял друга, ибо он был человеком и личностью, а человеческая личность кончается со смертью. Но вот тут сидишь ты. И если прежде я потерял друга, то теперь я вновь его обрел, потому что ты такой же настоящий Питер Максвелл, как и тот.

— Мне сказали, что это был несчастный случай.

— Ну, не знаю,— заметил Оп.— Я над этим довольно много размышлял. И я вовсе не уверен, что это действительно был несчастный случай — особенно после того, как ты вернулся. Он сходил с шоссе, споткнулся, упал и ударился затылком...

— Но ведь никто не спотыкается, сходя с шоссе. Разве что калеки или люди мертвецки пьяные. Наружная полоса еле ползет.

— Конечно,— сказал Оп.— И так же рассуждала полиция. Но других объяснений не нашлось, а полиции, как тебе известно, требуется какое-нибудь объяснение, чтобы закрыть дело. Случилось это в пустынном месте. Примерно на полпути отсюда до заповедника гоблинов. Свидетелей не было. Очевидно, все произошло, когда шоссе было пустынно. Возможно, ночью. Его нашли около десяти часов утра. С шести часов на шоссе было уже много людей, но, вероятно, они все сидели на внутренних скоростных полосах и не видели обочины. Труп мог пролежать очень долго, прежде чем его заметили.

— По-твоему, это не был несчастный случай? Так что же, убийство?

— Не знаю. Эта мысль мне в голову приходила. Одна странность так и осталась необъясненной. В том месте, где обнаружили тело, стоял какой-то необычный запах. Никому не знакомый. Может быть, кто-то обнаружил, что вас двое. И по какой-то причине это его не устраивало.

— Но кто же мог знать, что нас двое?

— Обитатели той планеты. Если на ней были обитатели...

— Были,— сказал Максвелл.— Это поразительное место...

И пока он говорил, оно вновь возникло перед ним как наяву. Хрустальная планета — во всяком случае, такой она показалась ему при первом знакомстве. Огромная, простирающаяся во все стороны хрустальная равнина, а над ней хрустальное небо, к которому с равнины поднимались хрустальные колонны, чьи вершины терялись в млечной голубизне неба,— колонны, возносящиеся ввысь, чтобы удерживать небеса на месте. И полное безлюдье, рождавшее сравнение с пустым бальным залом гигантских размеров, убранным и натертым для бала, ожидающим музыки и танцоров, которые не пришли и уже никогда не придут, и пустой зал во веки веков сияет сказочным блеском, никого не радуя своим изяществом.

Бальный зал, но бальный зал без стен, простирающийся вдаль — не к горизонту (горизонта там, казалось, не было вовсе), а туда, где небо, это странное матово-стеклянное небо, сходилось с хрустальным полом.

Ему хотелось закричать, спросить, есть ли здесь кто-нибудь, но он боялся закричать — возможно, из страха, хотя тогда он этого не осознал, что от звука его голоса холодное сверкающее великолепие вокруг может рассыпаться облаком мерцающего инея, ибо там царила тишина, не нарушаемая ни единым шорохом. Это было безмолвное, холодное и пустынное место, все его великолепие и вся его белизна терялись в его пустынности.

Медленно, осторожно, опасаясь, что движение его ног может обратить весь этот мир в пыль, он повернулся и уголком глаза уловил... нет, не движение, а лишь намек на движение, словно там что-то было, но унеслось с быстротой, не воспринимаемой глазом. Он остановился, чувствуя, что по коже у него забегали мурашки, завороженный ощущением чужеродности, более страшной, чем реальная опасность, пугаясь этой чужеродности, столь непохожей, столь далекой от всего человечески нормального, что при взгляде на нее, казалось, можно было сойти с ума прежде, чем успеешь закрыть глаза.

Ничего не случилось, и он снова пошевелился, осторожно поворачиваясь дюйм за дюймом, и вдруг увидел, что за спиной у него все это время было какое-то сооружение... Машина? Прибор? Аппарат?

И внезапно он понял. Перед ним находилось неведомое приспособление, которое притянуло его сюда,— эквивалент передатчика и приемника материи в этом невозможно хрустальном мире.

Перевод Ирины ГУРОВОЙ.

Продолжение следует.

Он снова уловил какое-то неясное мерцание, как будто на хрустальном фоне мелькали живые тени. И внезапно это мерцание превратилось в непрерывно меняющиеся фигуры, и он увидел, что их здесь много, этих движущихся фигур, непонятных, отдельно существующих и, казалось, таивших в своем мерцании какую-то индивидуальность. Словно это были призраки неведомых существ.

— И я отнесся к ним как к реальности,— сказал он Опу.— Я принял их на веру. Другого выхода у меня не было. Иначе я остался бы один на один на этой хрустальной равнине. Человек прошлого века, возможно, не смог бы воспринять их как реальность. Он постарался бы вычеркнуть их из своего сознания, как плод расстроенного воображения. Но я слишком много часов провел в обществе Духа, чтобы пугаться идеи привидений. Я слишком долго работал со сверхъестественными явлениями, чтобы меня могла смущать мысль о существах и силах, неизвестных человеку. И странно, но в то же время и утешительно: они почувствовали, что я их воспринимаю.

— Так, значит, это была планета с привидениями?— спросил Оп.

Максвелл кивнул.

— Можно посмотреть на это и так, но скажи мне, что такое привидение?

— Призрак,— сказал Оп,— дух.

— Но что ты подразумеваешь под этими словами? Дай мне определение.

— Я пошутил,— виновато сказал Оп,— и пошутил глупо. Мы не знаем, что такое привидение. Даже Дух не знает точно, что он такое. Он просто знает, что он существует. А уж кому это знать, как не ему? Он много над этим размышлял. Повсякому анализировал. Общался с другими духами. Но объяснения так и не отыскалось. Поэтому приходится вернуться к сверхъестественному...

— То есть к необъясненному,— сказал Максвелл.

— Какие-то мутанты?— предположил Оп.

— Так считал Коллинз,— сказал Максвелл.— Но у него не нашлось ни сторонников, ни последователей. Я тоже не соглашался с ним, но до того, как побывал на хрустальной планете. Теперь я уже ни в чем не уверен. Что происходит, когда раса разумных существ достигает конца своего развития, когда она как раса минует пору детства и зрелости и вступает в пору глубокой старости? Раса, подобно человеку, умирающая от дряхлости. Что она тогда предпринимает? Разумеется, она может просто умереть. Это было бы наиболее логично. Но предположим, есть причина, которая мешает ей умереть. Предположим, ей надо во что бы то ни стало остаться в живых, и она не может позволить себе умереть...

— Если призрачное состояние — это действительно мутация,— сказал Оп,— и если они знали, что это мутация, и если они достигли таких высот знания, что могли контролировать мутации...— Он умолк и посмотрел на Максвелла.— По-твоему, произошло что-то в этом роде?

— Пожалуй,— сказал Максвелл.— Я все больше и больше склоняюсь к этой мысли.

— Ты сказал: какая-то причина, ради которой необходимо жить. Какая-то причина, не позволяющая им умереть, заставляющая их существовать в любой форме, в какой это для них возможно.

— Вот именно,— сказал Максвелл.— Сведения. Знания. Планета, нафаршированная знаниями, настоящий склад знаний. И думаю, не более десятой доли дублирует то, что известно нам. А все остальное — новое для нас, неведомое. Такое, что нам и не снилось. Знания, каких нам еще миллион лет не приобрести, если мы вообще до них доберемся. Вся эта информация, насколько я понимаю, зафиксирована на атомарном уровне таким образом, что каждый атом становится носителем частички информации. Хранится она в железных листах вроде книжных страниц, сложенных гигантскими стопками и кипами, причем каждый слой атомов — да, они расположены слоями — содержит какой-то определенный раздел. Прочитываешь первый слой и принимаешься за второй. И опять это похоже на страницы книги: каждый слой атомов — страница, положенная на другие такие же страницы. Каж-

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

Клиффорд САЙМАК РОМАН

Продолжение. Начало в «Смене», №№ 18, 19.

Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

дый металлический лист... Нет, не спрашивай, я даже примерно не могу сказать, сколько слоев атомов содержит каждый лист. Вероятно, сотни тысяч.

Оп поспешно поднял банку, сделал гигантский глоток, расплескав самогон по волосатой груди, и шумно вздохнул.

— Они не могут бросить эти знания на произвол судьбы,— сказал Максвелл.— Они должны передать их кому-то, кто сможет ими воспользоваться. Они должны жить, пока не передадут их. Вот тут-то им и понадобился я! Они поручили мне продать их запас знаний.

— Продать?! Кучка призраков, дышащих на ладан? Что им может понадобиться? Какую цену они просят?

Максвелл поднял руку и вытер внезапно вспотевший лоб.

— Не знаю,— сказал он.

— Не знаешь? Но как же ты можешь продавать товар, не зная, чего он стоит, не зная, какую цену просить?

— Они сказали, что еще свяжутся со мной. Они сказали, чтобы я узнал, кого это может заинтересовать. И тогда они сообщат мне цену.

— Хорошенький способ заключать деловые сделки! — с отвращением сказал Оп.

— Да, конечно,— согласился Максвелл.

— И у тебя нет даже примерного представления о цене?

— Ни малейшего. Я попытался объяснить им положение, а они не могли понять. Или, может быть, не хотели. И сколько я с тех пор ни ломал над этим голову, я так и не пришел ни к какому выводу. Все, конечно, сводится к вопросу, в чем, собственно, может нуждаться подобная братия. И хоть убей, я не могу себе представить, в чем они могут нуждаться.

— Во всяком случае,— заметил Оп,— они знали, где искать покупателей. И что же ты собираешься предпринять?

— Я попробую поговорить с Арнольдом.

— Ты умеешь выбирать крепкие орешки,— сказал Оп.

— Видишь ли, я могу говорить только с самим Арнольдом. Такой вопрос нельзя пускать по инстанциям. Все необходимо сохранить в строжайшей тайне. Ведь на первый взгляд подобное предложение кажется смехотворным. Если про него проведают средства массовой информации или просто любители сплетен, университет немедленно откажется от каких бы то ни было переговоров. Ведь если он, несмотря на огласку, все-таки что-то предпримет, а сделка сорвется, что не исключено, так как я действую вслепую, хохотать над ним будут по всей вселенной, до самых дальних ее пределов. Расплачиваться же придется Арнольду, и мне, и...

— Случись это в другое время,— печально заметил Оп,— у тебя еще могли бы быть какие-то шансы. Но в настоящий момент Арнольд и без того танцует на канате. Когда он перевел ректорат из Нью-Йорка в этот заштатный городишко...

— Знаменитый своими замечательными научными традициями...— перебил Максвелл.

— Университетская политика меньше всего заботится о традициях — научных или всех прочих! — объявил Оп.

— Пусть так, но я все равно должен поговорить с Арнольдом. Конечно, я предпочел бы иметь дело с кем-нибудь другим. Однако, нравится он мне или не нравится, выбора у меня нет.

— Но ты мог бы вообще отказаться!

— От роли посредника? Ну нет, Оп! И никто на моем месте не отказался бы. Могли бы они найти еще кого-нибудь и могли бы довериться человеку, который не справился бы с такой задачей. Я вовсе не хочу сказать, что сам обязательно с ней справлюсь, но, во всяком случае, я приложу все усилия. А, кроме того, ведь речь идет не только о нас, но и о них.

— Ты проникся к ним симпатией?

— Не знаю, можно ли тут говорить о симпатии. Скорее о восхищении. Или о жалости. Они ведь делают все, что в их силах! Они так долго искали, кому бы передать свои накопленные знания.

— Передать? По-моему, ты говорил о продаже!

— Только потому, что они в чем-то нуждаются. Если бы я знал, в чем именно! Это облегчило бы дело для всех заинтересованных сторон.

— Один побочный вопрос: ты с ними разговаривал? Каким образом?

— С помощью таблиц. Я тебе о них уже рассказывал — о металлических листах, содержащих информацию. Они говорили со мной посредством таблиц, а я отвечал им тем же способом.

— Но как же ты читал...

— Они дали мне приспособление для этого. Что-то вроде защитных очков, только очень больших. Довольно-таки объемистая штука. Наверное, в ней скрыто множество всяких механизмов. В этих очках я свободно читал таблицы. Не письмена, а крохотные закорючки в металле. Это трудно объяснить. Но когда глядишь на них сквозь очки, становится ясно, что они означают. Потом я обнаружил, что фокусировку можно менять по желанию и читать разные слои. Но вначале они просто писали... если тут подходит слово «писать». Ну, как дети пишут вопросы и ответы на грифельных досках. А когда я отвечал, еще одно приспособление, прикрепленное к моим очкам, непосредственно воспроизводило мои мысли.

— Машина-переводчик! — воскликнул Оп.

— Да, пожалуй. И двустороннего действия.

— Мы пытались сконструировать такой прибор,— сказал Оп.— Говоря «мы», я имею в виду объединенные усилия лучших инженерных умов не только Земли, но и всего того, что в шутку именуется «известной частью вселенной».

— Да, я знаю.

— А у этих ребят он есть. У твоих призраков.

— У них есть еще очень много всякой всячины,— ответил Максвелл.— Я и миллионной части не видел. Я познакомился лишь с некоторыми образчиками, которые выбирал наугад. Только чтобы убедиться в истинности их утверждений.

— Но одного я так и не могу понять,— сказал Оп.— Ты все время говоришь о планете. А как насчет звезды?

— Планета заключена в искусственную оболочку. Какая-то звезда там есть, насколько я понял, но с поверхности она не видна. Соль ведь в том, что звезда для них не обязательна. Если не ошибаюсь, ты знаком с гипотезой пульсирующей вселенной?

— Типа «уйди-уйди»? — спросил Оп.— Та, которая взрывается, а потом снова взрывается и так далее?

— Правильно,— сказал Максвелл.— И теперь мы можем больше уже не ломать над ней головы. Она соответствует действительности. Хрустальная планета — это частица вселенной, существовавшей до того, как возникла наша вселенная. Видишь ли, они успели своевременно во всем разобраться. Они знали, что наступит момент, когда вся энергия исчезнет и мертвая материя начнет медленно собираться в новое космическое яйцо, которое затем взорвется, породив новую вселенную. Они знали, что приближается смертный час их вселенной, который станет смертным часом и для них, если они не найдут какого-то выхода. И они создали планетарный проект. Они засасывали энергию и накопили гигантские ее запасы... Не спрашивай меня, как и откуда они ее извлекли и каким способом хранили. Но, во всяком случае, она находилась в самом веществе их планеты, и потому, когда вся остальная вселенная сгинула в черноте и смерти, они по-прежнему располагали энергией. Они одели планету в оболочку, преобразили ее в свое жилище. Они сконструировали двигатели, которые превратили их планету в независимое тело, несущееся в пространство, послушно подчиняясь их воле. И до того, как мертвая материя их вселенной начала стягиваться в одну точку, они покинули свою звезду, превратившуюся в черный мертвый уголь, и отправились в самостоятельное путешествие, которое длится до сих пор,— обитатели прежнего мира на планете-космолете. Они видели, как погибала их вселенная, предшествовавшая нашей. Они остались одни в пространстве, в котором не было ни единого намека на жизнь, ни единого проблеска света, ни единого биения энергии. Вероятно — точно я не знаю,— они наблюдали образование нового космического яйца. Они могли находиться в неизмеримой дали от него, но все-таки его видеть. А в этом случае они видели и взрыв, положивший начало вселенной, в которой теперь обитаем мы,— ослепительную вспышку, когда энергия вновь ринулась в пространство. Они видели, как зарделись первые звезды, они видели, как складывались галактики. А когда галактики окончательно сформировались, они отправились в эту новую вселенную. Они могли посещать любые галактики, обращаться по орбите вокруг любой приглянувшейся им звезды, а потом улететь дальше. Они были межгалактическими бродягами. Но теперь их конец недалек. Планета, я думаю, еще на полном ходу, так как машины, снабжающие ее энергией, работают по-прежнему. Наверное, для планеты тоже существует свой предел, но до него еще далеко. Однако сами они как раса утратили жизнеспособность, хотя хранят в своем архиве мудрость двух вселенных.

— Пятьдесят миллиардов лет! — пробормотал Оп.— Пятьдесят миллиардов лет познания мира!

— По меньшей мере,— сказал Максвелл.— Вполне возможно, что срок этот гораздо больше.

Они умолкли, пытаясь охватить мыслью эти пятьдесят миллиардов лет. Огонь в очаге потрескивал и что-то шептал. Издалека донесся бой курантов консерватории, отсчитывающих время.

Максвелл проснулся оттого, что Оп тряс его за плечо.

— Тут тебя желают видеть!

Сбросив одеяло, Максвелл спустил ноги с кровати и начал нащупывать брюки. Оп сунул их ему в руку.

— А кто?

— Говорит, что Лонгфелло. Отвратный, надутый тип. Он ждет снаружи. Явно боится войти в хижину из опасения инфекции.

— Ну, так пусть убирается к черту! — объявил Максвелл и потянулся за одеялом.

— Нет-нет,— запротестовал Оп.— Меня это не трогает. Я выше оскорблений. Чихать я на него хотел.

Максвелл влез в брюки, сунул ноги в ботинки и притопнул.

— А кто он такой?

— Не имею ни малейшего понятия,— ответил Оп.— Он там меряет газон шагами. Изнывает от нетерпения.

Лонгфелло и правда изнывал.

Едва увидев Максвелла в дверях, он бросился к нему с протянутой рукой.

— Профессор Максвелл! — воскликнул он.— Как я рад, что отыскал вас! Это было нелегко. Но мне сказали, что я, возможно, найду вас здесь.— Он посмотрел на хижину, и его длинный нос чуть-чуть сморщился.— И я рискнул.

— Оп,— спокойно сказал Максвелл,— мой старый и близкий друг.

— Может быть, прогуляемся немного? — предложил Лонгфелло.— Удивительно приятное утро! Вы уже позавтракали? Ах да! Конечно же, нет!

— Если бы вы сказали мне, кто вы такой, это значительно упростило бы дело,— заметил Максвелл.

— Я работаю в ректорате. Стивен Лонгфелло, к вашим услугам. Личный секретарь ректора.

— Вы-то мне и нужны! — сказал Максвелл.— Мне необходимо встретиться с ректором, и как можно скорее.

Лонгфелло покачал головой.

— Могу сразу же сказать, что это невозможно.

— Невозможно? — повторил Максвелл.— Это звучит как окончательный приговор. Словно вы обдумали мою просьбу заранее.

— Если вы хотите что-нибудь сообщить доктору Арнольду,— холодно проинформировал его Лонгфелло,— вам следует обратиться в соответствующие инстанции. Неужели вы не понимаете, что ректор чрезвычайно занят и...

— О, я это понимаю! И понимаю, что такое инстанции. Отсрочки, оттяжки, проволочки, пока твое дело не станет известно всем и каждому!

— Профессор Максвелл,— сказал Лонгфелло,— я буду говорить с вами откровенно. Ректор вас не примет. Он ни в коем случае не может вас принять.

— Из-за того, что нас, по-видимому, было двое? И один из нас умер?

— Все утренние газеты будут этим полны. Гигантские заголовки: человек воскрес из мертвых! Вы сенсация дня. И, должен признаться, положение создалось весьма неприятное.

— Попросту говоря, назревает скандал?

— Если угодно. А у ректора довольно хлопот и без того, чтобы еще вмешиваться в историю вроде вашей. У нас уже на руках Шекспир и все, что отсюда вытекает. Тут мы не могли остаться в стороне, но обременять себя еще и вами мы не станем.

— Неужели у ректората нет ничего важнее Шекспира и меня? — спросил Максвелл.— А возрождение дуэлей в Гейдельберге? И спор о том, этично ли допускать некоторых внеземных студентов в футбольные команды, и...

— Но поймите же! Важно то, что происходит именно в этом городке! — простонал Лонгфелло.

— А что произойдет, если я поднимусь на вершину холма, войду в здание ректората и начну стучать кулаком по письменным столам? — спросил Максвелл.

— Вы это сами прекрасно знаете. Вас вышвырнут вон.

— А если я приведу с собой полки журналистов и телевизионных операторов, которые будут ждать моего возвращения у дверей?

— В этом случае вас, вероятно, не вышвырнут. И, возможно, вы даже прорветесь к ректору. Но могу вас заверить, что при подобных обстоятельствах вы заведомо ничего не добьетесь.

— Следовательно,— сказал Максвелл,— я заранее обречен на неудачу, что бы я ни пытался предпринять.

— Собственно говоря,— сообщил ему Лонгфелло,— я пришел к вам сегодня совсем для другого. Мне было поручено передать вам приятное известие.

— Не сомневаюсь! Так какую же косточку вы собираетесь мне бросить, чтобы я тихо исчез со сцены?

— Вовсе не косточку! — обиженно заявил Лонгфелло.— Я уполномочен предложить вам пост декана в экспериментальном институте, который наш университет организует на Готике IV.

— А, на планете с колдунами и магами?

— Перед специалистом в вашей области этот пост открывает огромные возможности,— сказал Лонгфелло.— Планета, где магические свойства развивались без помех со стороны разумных существ иного типа, как это произошло на Земле...

— И расстояние в сто пятьдесят миллионов световых лет,— заметил Максвелл.— Далековато и, наверное, нудно. Однако оплачивается эта миссия, вероятно, неплохо?

— Весьма и весьма,— ответил Лонгфелло.

— Нет, спасибо,— сказал Максвелл.— Моя работа здесь меня вполне удовлетворяет.

— Работа?

— Ну конечно. Разрешите напомнить вам, что я профессор факультета сверхъестественных явлений.

Лонгфелло покачал головой.

— Уже нет,— объявил он.— Простите, но я должен вам напомнить, что вы скончались более трех недель назад. А открывающиеся вакансии заполняются немедленно.

— То есть мое место уже занято?

— Ну, разумеется,— со вкусом сказал Лонгфелло.— В настоящее время вы безработный.

10

Официант принес омлет с грудинкой, налил кофе и удалился, оставив Максвелла одного. За огромным окном голубым зеркалом простиралось озеро Мендота, и холмы на дальнем берегу терялись в лиловой дымке. По стволу крепкого дуба у самого окна пробежала белка и вдруг замерла, уставившись глазами-бусинками на человека за столиком. Красно-бурый дубовый лист оторвался от ветки и, неторопливо покачиваясь, спланировал на землю. По каменистому откосу у воды шли рука об руку юноша и девушка, окутанные утренней озерной тишиной.

Конечно, благовоспитанней было принять приглашение Лонгфелло позавтракать с ним, подумал Максвелл. Но он чувствовал, что сыт секретарем ректора по горло, и ему хотелось только одного: наедине с самим собой оценить положение и кое о чем поразмыслить, хотя, возможно, времени на размышление у него уже не оставалось.

Глядя в выпученные белочьи глазки, Максвелл прикидывал, не могла ли позиция ректора объясниться беседой с инспектором Дрейтоном. Может быть, служба безопасности взялась за Арнольда? Это казалось маловероятным, но все же возможным. Как бы то ни было, о нервном состоянии Арнольда можно было судить по той поспешности, с какой ему был предложен пост на Готике IV. Ректорат не только не хотел иметь ничего общего с этим вторым Питером Максвеллом, но и предпочел бы убрать его с Земли на захолустную планету, где он вскоре был бы всеми забыт.

И все-таки странно! Ведь о том, что существовало два Питера Максвелла, ректорату стало известно лишь накануне. А это значит, решил Максвелл, что кто-то уже успел побывать в ректорате — кто-то стремящийся избавиться от него, кто-то опасающийся, что он помешает... Но чему? Ответ напрашивался сам собой, а самая эта легкость ответа вызвала у Максвелла инстинктивное ощущение, что он ошибается. Однако, сколько он ни раздумывал, приходил к одному и тому же: кто-то еще знает о сокровищах библиотеки хрустальной планеты и намеревается ими завладеть.

Кэрол сказала, что к переговорам о продаже Артефакта, которые ведет Институт времени, имеет отношение Черчилл... А вдруг Артефакт и есть цена, за которую можно получить библиотеку хрустальной планеты? Конечно, слишком полагаться на это нельзя, и тем не менее... ведь никому не известно, что такое Артефакт.

И если подумать, Черчилл — самый подходящий человек для устройства подобных сделок. Конечно, только как подставное лицо, по поручению кого-то, кто не может выступить открыто. Ведь Черчилл — профессиональный посредник и знает все ходы и выходы. У него есть связи, и за годы своих операций он, наверное, обзавелся источниками информации в самых разных влиятельных учреждениях.

Но в этом случае, подумал Максвелл, его собственная задача очень усложняется. Ему теперь надо остерегаться не только огласки, неизбежной, если бы он обратился в обычные инстанции,— возникала опасность, что его сведения попадут во враждебные руки и будут обращены против него.

Белка уже соскочила со ствола и теперь деловито сновала по спускающейся к озеру лужайке, шурша опавшими листьями в надежде отыскать желудь, которого не углядела раньше. Юноша и девушка скрылись из виду, и поднявшийся легкий ветерок морщил зеркальную поверхность озера.

Максвелл отодвинул стул от столика, но остался сидеть: ему не хотелось вставать и уходить, так как он понимал, что, покинув этот тихий приют, будет вынужден сразу же погрузиться в водоворот трудных проблем. За окном золотое осеннее утро нежилось в лучах солнца, которое поднималось все выше и пригревало все сильнее, обещая день, полный золотых метелей опадающих листьев, голубой дымки на дальних холмах, торжественного великолепия хризантем на садовых клумбах, приглушенного сияния златоцвета и астр на лугах и пустырях.

За его спиной послышался торопкий топоток множества ног в тяжелой обуви, и, повернувшись, он увидел, что хозяин этих ног быстро приближается к нему по красным плиткам пола.

Больше всего это существо напоминало гигантского сухопутного краба — членистые ноги, велеречиво наклоненное туловище, длинные протескные выросты (по-видимому, органы чувств) над непропорционально маленькой головой. Он был землисто-белого цвета. Три черных глаза-шарика поблескивали на концах длинных стебельков.

Существо остановилось перед столиком, и три стебелька сошлись, направив глаза на Максвелла. Оно заговорило высоким, писклявым голосом, и кожа на горле под хрохотной головкой быстро запульсировала.

— Сообщено мне, что вы есть профессор Максвелл.

— Вас не обманули,— сказал Максвелл.— Я действительно Питер Максвелл.

— Я есть обитатель мира, вами названного Наконечник Копья Двадцать Семь. Имя, мною имеемое, вам интересно не есть. Я являюсь к вам с поручением лица, меня нанимающего. Возможно, вам оно известно под наименованием мисс Нэнси Клейтон.

— Еще бы! — сказал Максвелл и подумал, насколько это в духе Нэнси — нанять в качестве посыльного столь явно внеземное существо.

— Я тружусь на свое образование,— объяснил Краб.— Я выполняю работу, какую нахожу.

— Весьма похвально,— заметил Максвелл.

— Я прохожу курс математики времени,— сообщил Краб.— Я специализируюсь на конфигурации линий вселенной. Я лихорадочно этим увлечен.

По виду Краба было трудно поверить, что он способен на увлечение, и тем более лихорадочное.

— Но чем объясняется подобный интерес? — спросил Максвелл.— Какими-то особенностями вашей родной планеты? Вашими культурными традициями?

— О, весьма и весьма! Абсолютно новая идея есть. На моей планете нет представления о времени, никакого восприятия такого явления, как время. Очень есть потрясен узнать о нем. И заинтересован. Но я чрезмерно уклоняюсь. Я есть здесь с поручением. Мисс Клейтон желает знать, способны вы посетить ее прием вечером данного дня. У нее в восемь по часам.

— Пожалуй, я приду,— сказал Максвелл.

— Чрезмерно рад! — объявил Краб.— Она столь хочет получить вас там.

— Ах так! — сказал Максвелл.

— Вас тяжко находить. Я бегаю быстро и тяжко. Я спрашиваю во многих местах. И вот победоносен.

— Мне очень жаль, что я причинил вам столько беспокойства,— сказал Максвелл, опуская руку в карман и извлекая кредитку.

Существо протянуло одну из передних ног, ухватило кредитку клешней, сложило ее несколько раз и засунуло в маленькую сумку, открывшуюся на его груди.

— Вы добры более ожидания,— пропищало оно.— Еще одно сведение. Причина приема — представление гостям картины, недавно приобретенной. Картины очень долго утраченной и исчезнувшей. Кисти Альберта Ламберта, эсквайра. Большой триумф для мисс Клейтон.

— Не сомневаюсь,— сказал Максвелл.— Мисс Клейтон — специалистка по триумфам.

— Она, как наниматель, любезна,— с упреком возразил Краб.

— Конечно, конечно,— успокоил его Максвелл.

Существо быстро переставило ноги и галопом выбежало из зала. Максвелл услышал, как оно протопотало вверх по лестнице, ведущей к выходу на улицу. Потом он встал и тоже направился к дверям. Если прием посвящен картине, подумал он, полезно будет подобраться сведений о художнике. И усмехнулся — уж, наверное, почти все, кого Нэнси пригласила, займутся сегодня тем же.

Ламберт? Фамилия показалась ему знакомой. Что-то он о нем читал... возможно, очень давно. Статью в каком-нибудь журнале, короткий свободный час?

11

Максвелл открыл книгу.

«Альберт Ламберт,— гласила первая страница,— родился в Чикаго (штат Иллинойс) 11 января 1973 года. Славу ему принесли картины, исполненные причудливого символизма и гротеска, однако его первые работы никак не позволяли предугадать последующий взлет его таланта. Хотя они были достаточно профессиональны и свидетельствовали о глубоком проникновении в тему, их нельзя назвать выдающимися. Период гротеска в его творчестве начался после того, как ему исполнилось пятьдесят лет, причем не был плодом постепенного развития, но достиг расцвета буквально за один день, словно художник работал в этом направлении тайно и не показывал картин в своей новой манере до тех пор, пока не был полностью удовлетворен тем, что создал. Однако никаких фактических подтверждений подобной гипотезы не найдено: наоборот, существуют данные, свидетельствующие, что она не...»

Максвелл бросил читать, открыл книгу на цветных репродукциях и быстро перелистал образчики раннего творчества художника. И вдруг через промежуток в одну страницу картины стали совсем иными — тематика, колорит и даже, подумал Максвелл, сама манера. Перед ним словно были произведения двух художников: один давал выход интеллектуальной потребности в упорядоченном самовыражении, а другой был весь захвачен, поглощен, одержим каким-то потрясшим его переживанием, от которого он пытался освободиться, перенося его на холст.

Скупая, темная, грозная красота рвалась со страницы, и Максвеллу почудилось, что в сумрачной тишине читальни он различает кожистый шорох черных крыльев. Немыслимые существа взмывали над немыслимым ландшафтом, и все же Максвеллу почудилось, что и этот ландшафт и эти существа не были простой фантазией, прихотливой причудой намеренно затуманенного сознания, а четко укладывались в рамки какой-то неслыханной гармонии, опирающейся на логику и

мироощущение, чуждые всему тому, с чем ему приходилось сталкиваться до сих пор. Форма, цвет, подход к теме и ее интерпретация не были просто искажением человеческих представлений; наоборот, зритель немедленно проникался убеждением, что они были вполне реалистическим воспроизведением чего-то, что лежит за пределами человеческого представления.

Он открыл следующую репродукцию и вновь увидел такой же полнейший уход от всего человеческого — иные существа в иной ситуации на фоне иного ландшафта, но несущие в себе столь же ошеломляющее ощущение реальности; нет, все это не было плодом воображения художника, все это он когда-то видел, а теперь изгонял из сознания и памяти.

Максвелл сидел, завороженно глядя на страницу книги, не в силах оторваться от нее, захваченный в плен жуткой и грозной красотой, ее скрытым и ужасным смыслом, которого он не мог постичь.

Максвелл протянул руку, чтобы закрыть книгу, но вдруг заколебался, словно по какой-то причине книгу закрывать не следовало, словно ему почему-то было необходимо еще пристальнее вглядеться в репродукцию.

И в этот момент он осознал, что в ней прячется нечто загадочное, ускользающее и притягательное.

Он положил руки на колени и продолжал смотреть, потом медленно перевернул страницу и, взглянув на третью репродукцию, внезапно понимал то, что раньше от него ускользало,— особые мазки создавали эффект неуловимого движения, туманной нечеткости, словно мгновение назад здесь что-то мерцало и сразу же исчезло, оставаясь за гранью зрения, но где-то совсем рядом.

Полуоткрыв рот, Максвелл вглядывался в загадочное мерцание, разумеется, это был оптический обман, рожденный виртуозным мастерством художника. Но пусть даже оптический обман — все равно он был томительно знаком тому, кто побывал на хрустальной планете и видел ее призрачных обитателей.

И глубокая тишина сумрачной читальни зазвенела вопросом, на который не было ответа: откуда Альберт Ламберт мог узнать про обитателей хрустальной планеты?

12

— Мне сообщили о твоем возвращении,— заявил Аллен Престон.— И я просто не мог поверить. Однако источник, из которого я получил эти сведения, настолько надежен, что я попытался связаться с тобой. Ситуация мне не слишком нравится, Пит. Как юрист, должен сказать, что ты очутился в очень неприятном положении.

Максвелл опустился в кресло перед столом Престона.

— Да, пожалуй,— согласился он.— Начать хотя бы с того, что я лишился работы. Можно ли в подобном случае добиться восстановления?

— В подобном случае? — переспросил Престон. — А как, собственно, обстоит дело? Никто этого ясно не представляет. Разговоров много, но никому ничего толком не известно. Я сам...

Максвелл криво усмехнулся.

— Да, конечно. Ты был бы рад составить определенное мнение. Ведь ты ошеломлен, растерян и опасаешься за целость своего рассудка. И сейчас ты задаешь себе вопрос, действительно ли я Питер Максвелл.

— А ты действительно Питер Максвелл? — спросил Престон.

— Я в этом уверен. Но если ты сомневаешься, я на тебя не обижусь... и ни на кого другого. Нас, несомненно, было двое. Что-то произошло с моей волновой схемой. Один из нас отправился в систему Енотовой Шкуры, другой — куда-то еще. Тот, кто отправился в Енотовую Шкуру, вернулся на Землю и умер. А я вернулся вчера.

— И обнаружил, что умер?

Максвелл кивнул.

— Моя квартира сдана, все мое имущество исчезло. Университет заявил, что на мое место взят другой преподаватель, и я остался без работы. Вот почему я и спрашиваю, можно ли добиться восстановления.

Престон откинулся на спинку кресла и задумчиво скосил глаза на Максвелла.

— С точки зрения закона,— сказал он,— позиция университета, бесспорно, неуязвима. Ты же мертв, понимаешь? И у них по отношению к тебе нет никаких обязательств. Во всяком случае, до той поры, пока твои права не будут подтверждены. В первую очередь необходимо будет установить юридически, кто ты такой.

— Кто я такой? Но ради всего святого, Аллен! Мы же это знаем.

— Мы, но не закон. Для закона ты в настоящем своем положении не существуешь. Юридически ты никто. Абсолютно никто. Все твои документы были отправлены в архив и, несомненно, уже подшиты...

— Но все мои документы при мне,— спокойно сказал Максвелл.— Вот в этом кармане.

Престон с недоумением уставился на него.

— Ах да! Конечно, они должны быть при тебе. Ну, и клубок!

Он встал и прошелся по кабинету, покачивая головой. Потом вернулся к столу и снова сел.

— Дай я подумаю,— сказал он.— Мне нужно немножко времени, чтобы разобраться... Я что-нибудь откопаю. Мы должны отыскать какую-нибудь зацепку. И сделать нам нужно очень много. Вот хотя бы твое завещание...

— Мое завещание? Я о нем начисто забыл. Ни разу даже не вспомнил.

— Оно рассматривается в нотариате. Но я добьюсь отсрочки.

— Я завещал все брату, который служит в Корпусе исследователей космоса. Я мог бы связаться с ним, хотя, вероятно, это будет очень нелегко. Он ведь из одной экспедиции почти немедленно отправляется в следующую. Но важно другое: затруднений в этом отношении у нас не будет. Как только он узнает, что произошло...

— К сожалению,— сказал Престон,— решает не он, а суд. Конечно, все должно уладиться, но времени на это, возможно, потребуется много. А до тех пор ты не имеешь никаких прав на свое имущество. У тебя нет ничего, кроме одежды, которая сейчас на тебе, и содержимого твоих карманов.

— Университет предложил мне пост декана экспериментального института на Готике IV. Но я не намерен соглашаться.

— Прежде чем я начну действовать,— сказал Престон,— мне нужно точно знать, что именно произошло. Во всех подробностях.

— Я напишу для тебя полное изложение событий. И заверю его у нотариуса. Все, что тебе угодно.

— Мне кажется,— заметил Престон,— мы можем предъявить иск транспортному управлению. Это по их вине ты оказался в таком положении.

— Не сейчас,— уклончиво ответил Максвелл.— Этим можно заняться и позже.

— Ну ладно изложение событий,— сказал Престон.— А я пока подумаю и порою в кодексах. Тогда уж начнем. Ты видел газеты? Смотрел телепередачи?

Максвелла покачал головой.

— У меня не было времени.

— Репортеры неистовствуют,—сказал Престон.— Просто чудо, что они тебя еще не разыскали. Уж, конечно, они охотятся за тобой. Пока ведь у них нет ничего, кроме предположений. Вчера вечером тебя видели в «Свинье и свистке». В настоящий момент считается, что ты воскрес из мертвых. На твоем месте я постарался бы не попадаться репортерам. Но если они тебя найдут, не говори им ничего. Абсолютно ничего.

— Можешь быть спокоен,— сказал Максвелл.

Они умолкли и в наступившей тишине некоторое время смотрели друг на друга.

— Какой клубок! — задумчиво произнес Престон.— Какой упоительный клубок! Нет, Пит, я чувствую, что возиться с ним будет одно удовольствие.

13

Максвелл почти не сомневался, что возле хижины Она его подстерегают репортеры, но там никого не было. По-видимому, они еще не пронюхали, где он остановился.

Хижину окутывала сонная предвечерняя тишина, и осеннее солнце щедро золотило старые доски, из которых она была сколочена. Две-три пчелы лениво жужжали над клумбой с астрами у двери, а над склоном, в туманной дымке уходившим к шоссе, порхали две-три желтые бабочки.

Максвелл приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Хижина была пуста. Он где-то бродил, и Духа тоже не было видно. В очаге алела куча раскаленных углей.

Максвелл закрыл дверь и сел на скамью у стены.

Вдали, на западе, голубым стеклом поблескивало одно из четырех озер, между которыми стоял городок. Пожухлая осока и вянущая трава придавали ландшафту желто-бурый колорит. Там и сям маленькими островками пламенели купы деревьев.

Теплота и спокойствие, думал Максвелл. Край, где можно тихо грезить. Ничем не похожий на мрачные, яростные пейзажи, которые столько лет назад писал Ламберт.

Он не понимал, почему эти ландшафты репейником вцепились в его сознание. И еще он не понимал, откуда художник мог узнать, как мерцают призрачные обитатели хрустальной планеты. Это не было случайным совпадением: человек не способен вообразить подобное из ничего. Рассудок говорил ему, что Ламберт должен был что-то знать об этих людях-призраках. И тот же рассудок говорил, что это невозможно.

Ну, а все остальные существа, все эти гротескные чудища, которых Ламберт разбросал по холсту яростной сумасшедшей кистью? Как объяснить их? Откуда они взялись? Были ли обитатели хрустальной планеты единственными реальными созданиями из всех тех, кого рисовал Ламберт? Это казалось маловероятным. Где-то, когда-то, каким-то образом Ламберт видел и этих, остальных. А ландшафты? Были ли они только плодом воображения, фоном, подкреплявшим впечатление, которое создавали фантастические существа? Или же такой была хрустальная планета в неизмеримо давнюю эпоху, когда ее еще не заключили в оболочку, навеки укрывшую ее от остальной вселенной? Но нет, решил он, это невозможно! Ведь планету покрыли оболочкой еще до того, как возникла нынешняя вселенная. Десять миллиардов лет назад, если не все пятьдесят.

Максвелл беспокойно нахмурился. Во всем этом не было смысла. Ни малейшего. А у него и без картин Ламберта хватает хлопот. Он потерял место, на его имущество наложен арест, юридически он просто не существует.

Но все это не так уж важно, во всяком случае, сейчас. Главное — сокровищница знаний на хрустальной планете. Она должна принадлежать университету — свод знаний, несомненно, превосходящий все, что удалось накопить всем разумным существам известной вселенной.

И ему вдруг показалось, что он вновь сгибается над столиком, вроде журнального, на который он положил стопку металлических листов, сняв их с полки, а на глаза у него надето приспособление для чтения... или для перевода... А, не в названии дело!

Один металлический лист говорил о сознании — не как о метафизическом или философском понятии, но как о механизме; однако он не сумел разобраться в терминологии, не смог постичь совершенно новых понятий. Он прилагал отчаянные усилия, так как уловил, что перед ним труд о еще никем не открытой области восприятия, но потом, отчаявшись, отложил этот лист. И другой лист, по-видимому, руководство по применению определенных математических принципов к социальным наукам; правда, о сути некоторых из упомянутых наук он мог только догадываться, шаря среди идей и понятий на ощупь и наугад, точно слепец, ловящий порхающих бабочек. А свод истории? Не одной вселенной, но двух! И историческая биология, повествующая о формах жизни, настолько фантастических в самой своей основе и в своих функциях, что в их реальность невозможно было поверить.

Все это — и больше, несравненно больше, в триллионы раз больше — ожидало ученых там, на хрустальной планете.

Нет, он должен, он обязан выполнить возложенное на него поручение. Он должен добиться, чтобы библиотеку хрустальной планеты получила Земля, и сделать это следует как можно быстрее, хотя никаких сроков ему поставлено не было. Ведь если он потерпит неудачу, обитатели планеты, несомненно, предложат свой товар кому-нибудь еще, совсем в другом секторе галактики, а может быть, и вообще в другой галактике.

Пожалуй, решил Максвелл, их интересует Артефакт, хотя полной уверенности в этом нет. Однако кто-то хочет его приобрести, причем в сделке замешан Черчилл, а потому такое предположение похоже на истину. И все-таки вдруг это не так? Артефакт мог понадобиться кому-нибудь еще совсем по иной причине, например, кто-то сумел разгадать его назначение... Максвелл попробовал представить себе, в чем может заключаться это назначение, но вскоре зашел в тупик.

Он встал и потянулся. Мирное спокойствие золотистого дня совсем его разнежило. Хорошо бы вздремнуть немножко, подумал он. А потом придет Он и разбудит его, и у них будет время перекусить и поговорить, прежде чем он отправится к Нэнси.

Он открыл дверь, вошел в хижину и сел на кровать. Тут ему пришло в голову, что не худо было бы проверить, найдется ли у него на вечер чистая рубашка и пара носков. Вытащив чемодан, он положил его на кровать, отпер, откинул крышку и даже рот раскрыл от изумления: поверх всего содержимого в чемодане лежал маленький аппарат, прикрепленный к большим очкам.

Продолжение следует.

Максвелл сразу узнал этот аппарат. Автоматический переводчик, с помощью которого он читал на хрустальной планете металлические листы! Он поднял аппарат и взвесил его на ладони. Вот лента, охватывающая голову, с генератором энергии сзади и очки, которые нужно опустить на глаза, когда аппарат надет.

Наверное, он случайно сунул его в чемодан, решил Максвелл, хотя как это могло произойти? Но что же теперь делать? А впрочем, это, пожалуй, и неплохо. Аппарат еще может пригодиться в будущем, в качестве доказательства, что он действительно побывал на этой планете. Правда, такое ли уж хорошее это доказательство? По виду ничего особенного. Однако, если заглянуть в механизм, напомнил он себе, эта штука, вероятно, не покажется такой уж обыкновенной...

Раздался легкий стук в дверь, и Максвелл, вздрогнув, начал напряженно прислушиваться. Возможно, репортерам наконец удалось его выследить. Но вдруг они только предполагают, что он может быть здесь? В таком случае лучше не откликаться. Однако даже один репортер стучал бы куда громче и увереннее. А этот стук был тихим, почти робким, словно тот, кто был за дверью, чего-то опасался или стеснялся. Ну, а если это все-таки репортеры, молча выжидать нет никакого смысла: дверь отперта, и, не получив ответа, они наверняка толкнут ее и войдут без приглашения.

Стук на мгновение замер, затем раздался снова. Максвелл на цыпочках подошел к двери и распахнул ее. Снаружи стоял Краб, белея в лучах заходящего солнца, точно привидение. Под одной из своих конечностей, которая в настоящий момент, по-видимому, играла роль руки, а не ноги, он держал большой пакет.

— Да входите же!— нетерпеливо сказал Максвелл.— Пока вас тут никто не увидел.

Краб вошел.

— Вам не нужны опасения,— заявил он,— касательно жнецов новостей. Я был осторожен, и я глядел. За мной никто не следил. У меня такой нелепый вид, что за мной никогда не следят. Никто никогда не полагает, что я могу действовать сообразно с целью.

— Очень выгодная особенность,— заметил Максвелл.— Что-то вроде защитной окраски.

— Я появляюсь,— продолжал Краб,— вновь по указанию мисс Нэнси Клейтон. Она знает, что вы ездили в путешествие без багажа и не имели случая сделать покупки или стирку. Без желания причинить обиду — это мне указано сказать с отменным чувством,— но она желает прислать вам костюм для ношения.

Он вынул сверток из-под конечностей и протянул его Максвеллу.

— Очень любезно со стороны Нэнси.

— Она заботливое лицо. Она поручила мне сказать далее.

— Валяйте!

— Колесный экипаж прибудет отвезти вас к ее дому.

— Зачем? — удивился Максвелл.— Шоссе проходит совсем рядом с ним.

— Еще одно извинение,— твердо объявил Краб,— но она считает, что нужно так. Очень много типов разных существ снуют там и сям, чтобы узнать место, где вы есть.

— Кстати,— сказал Максвелл,— а откуда его узнала мисс Клейтон?

— Поистине, сие мне неведомо,— ответил Краб.

— Ну, хорошо. Поблагодарите от меня мисс Клейтон, пожалуйста.

— С восторгом и удовольствием,— сказал Краб.

14

— Я подвезу вас к черному ходу,— объяснил шофер.— Перед парадным кишмя кишат репортеры. Потом они разойдутся, но сейчас рыщут там стаями. Мисс Клейтон думает, что вы, возможно, предпочтете с ними не встречаться.

— Спасибо,— сказал Максвелл.— Вы очень предупредительны.

«Нэнси,— подумал он,— как обычно, все предусмотрела, присваивая себе привилегию организовывать жизнь других людей».

Дом Нэнси стоял на невысоком обрыве, над самым берегом озера. Слева от дороги в лучах недавно взошедшей луны поблескивала вода. Фасад дома был озарен множеством огней, но задняя его сторона была погружена во мрак.

Машина свернула с подъездной аллеи и начала медленно взбираться по узкой, крутой дороге, окаймленной могучими дубами. Вспугнутая птица с криком стремительно пронеслась у самых фар, отчаянно взмахивая крыльями. Откуда-то навстречу машине выбежали два разъяренных пса и помчались по бокам, точно конвой.

Шофер усмехнулся.

— Если бы вы шли пешком, они сожрали бы вас заживо.

— Но с каких это пор Нэнси охраняет собачья свора? — спросил Максвелл.

— Мисс Клейтон тут ни при чем,— ответил шофер.— Они охраняют совсем не ее.

У Максвелла на языке вертелся новый вопрос, но он не стал его задавать.

Машина свернула под изящную аркаду и остановилась.

— Вот в эту дверь,— сказал шофер.— Стучать не надо. Пройдете прямо через холл мимо винтовой лестницы. Гости в большом зале.

Максвелл хотел было открыть дверцу машины, но в нерешительности отнял руку.

— О собаках не думайте,— сказал шофер.— Они знают эту машину. И тех, кто из нее выходит, в жизни не тронут.

Впрочем, собак вообще нигде не было видно, и Максвелл, быстро поднявшись по трем ступенькам на крыльцо, распахнул дверь.

Холл был погружен в темноту. Только на винтовую лестницу падал отблеск света: по-видимому, на втором этаже горела лампочка. Кругом же царила полная тьма. Откуда-то доносились приглушенные звуки музыки и голоса.

Странно! Если уж Нэнси распорядилась, чтобы шофер высадил его у задней двери, то почему она не поручила кому-нибудь встретить его здесь? И, во всяком случае, она могла бы сказать, чтобы свет не гасили, тогда он сам отыскал бы дорогу.

Да, странно и довольно глупо — приехать на званый вечер и ощупью отыскивать путь к остальным гостям. Не лучше ли будет просто повернуться и уйти? Вернуться к Опу... Но тут Максвелл вспомнил о собаках. Они, конечно, рыщут вокруг дома, а судя по виду, ничего хорошего от них ждать не приходится.

Что-то тут не так! Это совсем не похоже на Нэнси! Она не поставила бы его в подобное положение. Да, что-то тут совсем не так

Максвелл осторожно прошел по холлу, протянутой вперед рукой нащупывая невидимые столики или стулья, которые могли оказаться на его пути. Он обогнул винтовую лестницу, и холл показался ему еще темнее теперь, когда проблески света остались у него за спиной. Внезапно кто-то спросил:

— Профессор Максвелл? Это вы, профессор Максвелл?

Максвелл замер на левой ноге, потом медленно и бесшумно опустил на пол правую, уже подтянутую для шага ногу и окаменел, чувствуя, что весь покрывается гусиной кожей.

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

Клиффорд САЙМАК

РОМАН

— Профессор Максвелл!— повторял голос.— Я знаю, что вы в холле.

Максвелла охватил безотчетный ужас, и он попытался отогнать его, но ужас не исчезал — он затаился рядом во мраке, готовый вновь захлестнуть его черной волной.

Максвелл попробовал заговорить, но не смог. Голос произнес:

— Я поджидал вас здесь, профессор. Мне необходимо вступить с вами в контакт. Это столько же в ваших интересах, сколько в моих.

— Где вы?— спросил Максвелл.

— За дверью слева от вас.

— Я не вижу никакой двери.

Здравый смысл настойчиво твердил Максвеллу: беги, немедленно беги. Поскорее выберись отсюда!

Но он не мог бежать. У него не было сил. Да и куда? Назад под аркаду нельзя — там ждут собаки. Вперед по темному холлу? Опрокидывая все на своем пути, поднимая оглушительный грохот, чтобы все гости сбежались сюда и обнаружили его — растрепанного, в синяках, дрожащего от страха? Он знал, что стоит ему кинуться бежать, и им сразу же овладеет слепая паника.

Чтобы его увидели в подобном состоянии? Нет! Хватит и того, что он проник в дом украдкой, с черного хода.

Голос производил какое-то жуткое впечатление: ни намека на интонацию, монотонный, механический, словно скрежещущий! Ни один человек так говорить не может, решил Максвелл. Где-то рядом с ним в темноте прятался внеземлянин.

— Тут есть дверь,— произнес этот пустой жесткий голос.— Сделайте шаг влево и толкните ее.

Положение становится просто смешным, подумал Максвелл. Либо он войдет в эту дверь, либо опрометью бросится прочь. Конечно, можно было бы спокойно уйти, но он знал, что стоит ему повернуться спиной к невидимой двери, и он побежит — против воли, гонимый ужасом, маячащим позади.

Максвелл сделал шаг влево, нащупал дверь и толкнул ее. В комнате было темно, но в окна просачивался свет фонаря снаружи и падал на студнеобразное существо в центре комнаты — ослизший живот слабо фосфоресцировал, словно клубок светящихся обитателей морского дна копошился в круглом аквариуме.

— Да,— сказало существо,— вы совершенно правы. Я принадлежу к тем жителям Вселенной, которых вы именуете «колесниками». На время моего визита сюда я обзавелся наименованием, которое легко воспринимается вашим сознанием. Вы можете называть меня «мистер Мармадьюк». Несомненно, вы понимаете, что это лишь удобства ради, так как я не ношу подобного имени. Собственно говоря, у нас нет имен. Они излишни. Наше индивидуальное различие достигается иными способами.

— Рад познакомиться с вами, мистер Мармадьюк,— сказал Максвелл, произнося слова медленно и раздельно, потому что губы у него тоже вдруг стали холодными и непослушными, как и все его тело.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

— А я с вами, профессор.

— Как вы узнали, кто я такой?— спросил Максвелл.— Вы, по-видимому, были абсолютно в этом уверены. Значит, вам было известно, что я пойду через холл?

— Разумеется, — сказал колесник.

Теперь Максвелл мог лучше разглядеть своего странного собеседника — пухлое тело, висящее между двумя колесами, копошащаяся масса в нижней, прозрачной его части.

— Вы один из гостей Нэнси?— спросил он.

— Да,— ответил мистер Мармадьюк.— Да, разумеется. Если не ошибаюсь, почетный гость, ради которого она и устроила это собрание.

— Но в таком случае вам следовало бы быть в зале с остальными приглашенными.

— Я сослался на усталость,— объяснил мистер Мармадьюк.— Легкое уклонение от истины, признаюсь, ибо я никогда не устаю. И вот я удалился отдохнуть...

— И дождаться меня?

— Вот именно,— сказал мистер Мармадьюк.

«Нэнси!— подумал Максвелл.— Нет! Нэнси, конечно, тут ни при чем. Она слишком легкомысленна, слишком поглощена своими бесконечными зваными вечерами и совершенно не способна на интриги».

— Мы могли бы обсудить некую тему,— сказал мистер Мармадьюк.— Ко взаимной выгоде, как я полагаю. Вы, если не ошибаюсь, ищете покупателя для некоего движимого имущества. Не исключено, что это движимое имущество может представлять некоторый интерес для меня.

Максвелл отступил на шаг, стараясь найти какой-нибудь ответ. Но ему ничего не приходило в голову. А ведь он мог бы знать! Мог бы догадаться или хотя бы заподозрить!

— Вы ничего не отвечаете,— сказал мистер Мармадьюк.— Но я не мог ошибиться. Вы действительно посредник по этой продаже и здесь нет никакого недоразумения?

— Да,— сказал Максвелл.— Да, я посредник.

Он знал, что запираться нет смысла. Каким-то образом это существо на колесах проведало про хрустальную планету и про сокровищницу накопленных там знаний. И, возможно, ему известна назначенная цена. Уж не этот ли колесник пытается купить Артефакт?

— В таком случае,— сказал мистер Мармадьюк,— нам следует немедленно приступить к переговорам и обсудить условия. Не забыв при этом упомянуть и причитающиеся вам комиссионные.

— Боюсь,— сказал Максвелл,— в настоящее время это невозможно. Я не знаю условий продажи. Видите ли, сначала я должен был найти потенциального покупателя, а уж потом...

— Это не составит ни малейшего затруднения,— объявил колесник.— Ибо у меня есть сведения, которыми не располагаете вы. Мне известны условия продажи.

— И вы готовы заплатить требуемую цену?

— О, безусловно,— сказал колесник.— На это просто потребуется некоторое время, весьма незначительное. Необходимо завершить некую коммерческую операцию. По ее заключении мы с вами сможем довести наше дело до конца без хлопот и шума. Естественно, что́ еще следовало бы установить, как мне представляется, это размеры комиссионных, которые вы заслужили.

— Я полагаю,— растерянно произнес Максвелл,— они должны быть неплохими.

— Мы намерены,— заявил мистер Мармадьюк,— назначить вас... «библиотекарем» при том движимом имуществе, которое мы приобретаем. Предстоит большая работа по разбору и каталогизации указанного имущества. Для этого нам необходимо существо, подобное вам, и мне представляется, что ваши обязанности будут для вас весьма интересными. А что до жалованья... Профессор Максвелл, мы покорно просим вас самого назвать сумму, а также и остальные условия, на которых вы согласитесь занять эту должность.

— Мне нужно все это обдумать.

— О, разумеется, разумеется!— произнес мистер Мармадьюк.— В делах такого рода небольшое размышление бывает полезным. Вы найдете нас склонными к самой неограниченной щедрости.

— Вы меня не поняли,— сказал Максвелл.— Мне нужно будет подумать о самой продаже. Сочту ли я возможным ее устроить.

— Быть может, вы сомневаетесь в том, достойны ли мы приобрести указанное движимое имущество?

— И это тоже,— сказал Максвелл.

— Профессор Максвелл,— заявил колесник,— для вас будет несравненно лучше, если вы отбросите свои сомнения. Ибо мы полны решимости получить то, что вы можете предложить. А потому вы должны охотно вести переговоры с нами.

— Хочу я того или нет?— осведомился Максвелл.

— Я,— сказал мистер Мармадьюк,— не стал бы выражаться столь прямолинейно.

— Ваше положение не дает вам основания пускать в ход подобный тон!— заметил Максвелл.

— Вы не имеете представления о том, какое мы занимаем положение,— сказал колесник.— Ваши сведения ограничиваются определенными пределами космоса. И вы не можете знать, что лежит за этими пределами.

В этих словах, в том, как они были произнесены, было что-то такое, от чего по спине Максвелла пробежала холодная дрожь, словно в комнату ворвался ледяной вихрь, примчавшийся из неведомых глубин Вселенной.

Ваши сведения ограничиваются определенными пределами космоса, сказал мистер Мармадьюк... Но что лежит за этими пределами? Никто ничего не знал, известно было только, что в некоторых областях по ту сторону зыбкой границы, за которую еще не проникли разведчики человечества, колесники создали империю.

Контакты с колесниками были редкими и мимолетными, и о них не было известно почти ничего — а это само по себе уже не обещало ничего хорошего. Никто не протягивал дружеских рук, никто не делал жестов благожелательности и доброй воли — ни колесники, ни люди. В огромном секторе космического пространства пролегла безмолвная, угрюмая граница, которую не пересекала ни та, ни другая сторона.

— Мне было бы легче принять решение,— сказал Максвелл,— если бы мои сведения были более подробными, если бы мы могли узнать о вас больше...

— Вы знаете, что мы «таракашки»,— заявил мистер Мармадьюк, и слова эти буквально брызнули желчью.— Ваша нетерпимость...

— Вовсе нет,— негодующе перебил Максвелл.— И мы не считаем вас «таракашками». Мы знаем, что вы ульевые конгломераты, как мы это обозначаем. Мы знаем, что каждый из вас является колонией существ, сходных с теми, которых мы здесь, на Земле, называем насекомыми. Это, разумеется, составляет значительное различие между нами, и все же вы отличаетесь от нас не больше, чем многие другие существа с иных звезд. Слово «нетерпимость» мне не нравится, мистер Мармадьюк, так как оно подразумевает «терпимость», а это оскорбительно и для вас, и для меня, и для любого другого существа во Вселенной.

— Вы ведете спор убедительно и любезно,— сказал мистер Мармадьюк.— И, возможно, вы не нетерпимы...

— Если бы нетерпимость и существовала,— не дал ему докончить Максвелл,— не понимаю, почему вы приходите в такое негодование. Ведь проявление подобного чувства бросает тень не на того, против кого оно направлено, а на того, кто его испытывает, поскольку он демонстрирует не только невоспитанность, но и глубокое невежество. Нет ничего глупее нетерпимости.

— Мы слишком много говорим,— объявил мистер Мармадьюк.— И без всякого смысла. Я вижу, что у вас нет намерения устроить нам это приобретение.

— Вот именно,— ответил Максвелл.— По крайней мере в настоящий момент.

— В таком случае,— сказал мистер Мармадьюк,— нам придется искать иной путь. Своим отказом вы причините нам значительные хлопоты и потерю времени, и мы будем вам весьма неблагодарны.

— Мне почему-то кажется,— сообщил ему Максвелл,— что я как-нибудь стерплю вашу неблагодарность.

— Быть на стороне победителя, милостивый государь,— угрожающе произнес мистер Мармадьюк,— это немалое преимущество.

Мимо Максвелла мелькнуло что-то большое и быстрое. Уголком глаза он уловил блеск оскаленных зубов и стремительный взлет песочно-коричневого тела.

— Сильвестр, не надо!— вскрикнул Максвелл.— Не трогай его, Сильвестр!

Мистер Мармадьюк не растерялся. Его колеса бешено закрутились, и, ловко обогнув прыгнувшего Сильвестра, он ринулся к двери. Когти Сильвестра царапнули о половицы, и он извернулся спиралью.

Максвелл кинулся в сторону от мчавшегося прямо на него колесника, но колесо все-таки задело его за плечо, и он отлетел к стене. Мистер Мармадьюк молнией выскочил за дверь. За ним метнулось длинное гибкое тело — казалось, Сильвестр летит по воздуху, не касаясь земли.

— Сильвестр, не надо!— вопил Максвелл, бросаясь вслед за тигренком.

В дальнем конце холла мистер Мармадьюк круто свернул влево, и Сильвестр, совсем уже было

схвативший его, не сумел проделать поворот столь же быстро и ловко и потерял несколько драгоценных секунд. Максвелл, успев оценить обстановку, обогнул угол на полном ходу и увидел перед собой освещенный коридор и мраморные ступени, ведущие вниз, в зал, где множество людей стояло, разбившись на небольшие группы, с бокалами в руках.

Мистер Мармадьюк стремительно приближался к лестнице. Сильвестр опережал Максвелла на один прыжок, отставая от колесника прыжка на три.

Максвелл хотел было крикнуть, но у него перехватило дыхание, да и в любом случае его вопль вряд ли бы что-нибудь изменил, так как события развивались с неимоверной быстротой.

Колесник соскочил на первую ступеньку, и Максвелл прыгнул, протягивая вперед руки. Он упал на спину тигренка и крепко обнял его за шею. Они вместе растянулись на полу, и краем глаза Максвелл увидел, что колесник на второй ступеньке подскочил высоко в воздух и начал угрожающе крениться набок.

Тут раздался испуганный женский визг, растерянные крики мужчин и звон бьющихся бокалов.

На этот раз, угрюмо подумал Максвелл, Нэнси получила сенсацию, на которую, наверное, не рассчитывала.

Он лежал у стены над лестницей. Сильвестр, уютно устроившись у него на груди, примеривался нежно облизать ему лицо.

— Сильвестр,— сказал Максвелл,— вот ты своего и добился. Ты подложил нам колоссальную свинью.

Сильвестр лизнул его и хрипло замурлыкал.

Максвелл спихнул тигренка на пол и сел, привалившись к стене. Мистер Мармадьюк валялся на боку у нижней ступеньки лестницы. Оба его колеса вертелись как бешеные, и он неуклюже вращался вокруг своей оси.

По лестнице взбежала Кэрол и, уперев руки в бока, уставилась на Максвелла и тигренка.

— Хорошая парочка, нечего сказать!— вскричала она и задохнулась от гнева.

— Мы не парочка,— сказал Максвелл.

— Что подумает Нэнси?— негодующе спросила Кэрол.

— Думаю, она будет в восторге,— ответил Максвелл.— На ее званых вечерах не случилось ничего интересного с тех самых пор, как огнедышащая амфибия из системы Крапивы подожгла новогоднюю елку.

— Вы это придумали!— заявила Кэрол.— Этого не было.

— Чтоб мне провалиться! Я сам был тогда здесь, видел все своими глазами и помогал гасить пожар.

Тем временем мистера Мармадьюка окружили гости и принялись поднимать его. По залу засновали маленькие роботы, собирая осколки и вытирая лужицы коктейлей.

Откуда-то появилась Нэнси и заговорила с мистером Мармадьюком. Гости, окружив их кольцом, внимательно слушали.

— На вашем месте,— посоветовала Кэрол,— я бы испарилась отсюда как можно незаметнее. Вряд ли теперь встретят вас с распростертыми объятиями.

— И не подумаю!— ответил Максвелл.— Меня тут всегда встречают с распростертыми объятиями.

Он начал спускаться по лестнице, а Сильвестр с царственным видом шагал рядом с ним. Нэнси обернулась, увидела Максвелла и поспешила к нему навстречу.

— Пит!— воскликнула она.— Так, значит, это все-таки правда. Ты действительно вернулся!

— Да, конечно,— растерянно согласился Максвелл.

— Я читала в газетах, но не могла поверить. Я думала, что это какой-нибудь трюк или розыгрыш.

— Но ты же меня пригласила...— сказал Максвелл.

— Пригласила? Тебя?

Она не шутила. Это было ясно.

— Значит, ты не посылала Краба...

— Какого краба?

— Ну, существо, которое больше всего похоже на краба-переростка. Оно сказало, что работает у тебя посыльным и что ты приглашаешь меня на этот вечер. Оно сказало, что за мной будет прислан автомобиль. Оно даже принесло мне костюм, сказав, что...

— Пит,— перебила Нэнси.— Пожалуйста, поверь мне. Я ничего этого не делала. Я тебя не приглашала. Но я очень рада, что ты пришел.

Придвинувшись к нему почти вплотную, она взяла его под руку и сказала, еле сдерживая смех:

— И мне было бы очень интересно узнать, что у тебя произошло с мистером Мармадьюком.

— Мне очень жаль...— начал Максвелл.

— И напрасно. Разумеется, он мой гость, а с гостями следует обходиться любезно, но, в сущности, он ужасен, Пит. Скучный педант, сноб и...

— Тсс!— предостерег ее Максвелл.

Мистер Мармадьюк, высвободившись из кольца гостей, катил к ним через зал. Нэнси повернулась навстречу колеснику.

— Вы, правда, не пострадали?— спросила она.— Нет, правда?

— Я отнюдь не пострадал,— сказал мистер Мармадьюк.

Он подкатил к Максвеллу, и из верхушки его округлого туловища возникла рука — гибкая, пружинообразная, больше напоминавшая щупальце, чем руку — с клешней из трех пальцев. Мистер Мармадьюк обвил этой рукой плечи Максвелла, и тот почувствовал инстинктивное желание сбросить ее, отодвинуться, но подавил этот импульс и заставил себя остаться на месте.

— Благодарю вас, сэр,— сказал мистер Мармадьюк.— Я весьма вам благодарен. Возможно, вы спасли мою жизнь. В момент падения я увидел, как вы прыгнули на этого зверя. Весьма героичный поступок.

Сильвестр крепче прижался к боку Максвелла, поднял голову и обнажил клыки в беззвучном рычании.

— Когда я увидел, что вы упали,— сказал Максвелл,— я испугался за вас. Мне показалось, что вы вот-вот взорветесь.

— О, это был напрасный испуг,— заявил мистер Мармадьюк.— Я чрезвычайно упруг. Это тело сотворено из превосходного материала, весьма крепкого и обладающего исключительной эластичностью.

Он снял руку с плеча Максвелла, и она взвилась в воздух, точно промасленный канат, изогнулась и втянулась в тело, на поверхности которого Максвелл не сумел различить ничего, что указывало бы, где именно она скрылась.

— Очень прошу извинить меня,— сказал мистер Мармадьюк.— Мне нужно кое-кого увидеть...— И, повернув, он быстро покатил прочь.

Нэнси вздрогнула.

— У меня от него мурашки по коже бегают!— пожаловалась она.— Хотя нельзя отрицать, что он настоящее украшение вечера. Далеко не всякой хозяйке салона удается заполучить колесника. Тебе я могу признаться, Пит, что пустила в ход все свои связи, чтобы он остановился у меня. А теперь я жалею: в нем есть что-то слизистое.

— А ты не знаешь, зачем он здесь? То есть здесь, на Земле?

— Нет. У меня сложилось впечатление, что он обыкновенный турист. Хотя я как-то не могу вообразить, чтобы подобные существа путешествовали для удовольствия.

— Согласен.

— Пит, но расскажи же мне о себе! Газеты утверждают...

Максвелл ухмыльнулся.

— Как же, знаю! Что я воскрес из мертвых.

— Но на самом деле ты ведь не воскресал? Я понимаю, что это невозможно. Так кого же мы похоронили? Все, слышишь ли, все были на похоронах, и никто из нас не усомнился, что это ты. Но ведь это не мог быть ты. Так что же?..

— Нэнси,— перебил Максвелл.— Насколько я понял, у тебя есть картина...

— А, так ты знаешь про картину! Пойдем посмотрим на нее. Это жемчужина моей коллекции. Только подумай — подлинный Ламберт! И к тому же никому прежде не известный.

— Что ты знаешь о Ламберте?— спросил Максвелл.— Больше, чем мы все? Что-то, чего нет в справочниках?

— Ничего. То есть не очень много. И не о нем самом. А почему ты так подумал?

— Потому, что ты в таком ажиотаже.

— Ну вот! Как будто найти неизвестного Ламберта еще мало! У меня есть две другие картины, но эта особенная, потому что она была потеряна. Собственно говоря, я не знаю, насколько тут подходит слово «потеряна». Вернее сказать, она никогда не значилась ни в одном каталоге. Не существует никаких упоминаний, что он ее писал, во всяком случае, сохранившихся упоминаний. А ведь она принадлежит к его так называемым гротескам! Как-то трудно вообразить, чтобы хоть один из них пропал бесследно, или был совершенно забыт, или... Ну, что еще могло с ним произойти? Другое дело, если бы речь шла о картине раннего периода.

Они прошли через зал, лавируя между кучками гостей.

— Вот она,— сказала Нэнси, когда они проложили путь через толпу, собравшуюся у стены, на которой висела картина.

Максвелл откинул голову и посмотрел.

Картина несколько отличалась от цветных репродукций, которые он видел утром в библиотеке. Иным был ландшафт и населявшие его существа. Ландшафт казался более земным — гряда серых холмов, бурый кустарник, разлапистые, похожие на папоротники деревья. По склону дальнего холма спускалась группа созданий, которые могли быть гномами. Под деревом, прислонившись к стволу, сидело существо, похожее на гоблина,— оно, по-видимому, спало, нахлобучив на глаза подобие шляпы. А на переднем плане — жуткие ухмыляющиеся твари с безобразными телами и мордами, при взгляде на которые кровь стыла в жилах.

На плоской вершине дальнего холма, у подножия которого толпилось множество разнообразных существ, лежало что-то маленькое и черное, четко выделяясь на фоне серого неба.

Максвелл ахнул, быстро шагнул вперед и замер, боясь выдать свое волнение. Маленькое черное пятно на дальней вершине было Артефактом!

15

Максвелл нашел укромный уголок позади внушительной мраморной вазы с каким-то пышно цветущим растением и сел на один из стоявших там стульев.

Сжимая бокал в ладонях, он прислушивался к гулу идущего на ущерб вечера. Через просветы в густой листве под мрамором вазы он видел почти весь зал, но колесника нигде не было, хотя раньше мистер Мармадьюк все время кружил среди гостей.

Внезапно Максвелл почувствовал, что очень устал. Сейчас он встанет, попрощается с Нэнси, если сумеет ее найти, и тихонько побредет к хижине Опа.

А завтра? Завтра ему предстоит многое сделать. Но сейчас он об этом думать не будет. Он все отложит на завтра.

Подпеся бокал к краю мраморной вазы, Максвелл вылил коктейль на корни растения.

— Ваше здоровье!— сказал он ему, потом осторожно, стараясь не потерять равновесия, пригнулся и поставил бокал на пол.

— Сильвестр!— раздался голос за его спиной.— Ты видишь, что тут происходит?

Максвелл извернулся и встретился взглядом с Кэрол, которая стояла по ту сторону вазы, положив руку на голову Сильвестра.

— Входите, входите,— приветливо сказал он.— Это мой тайник. Если вы оба будете вести себя смирно...

— Я весь вечер пыталась поговорить с вами с глазу на глаз,— заявила Кэрол.— Но где там! Я хочу знать, зачем вам с Сильвестром понадобилось охотиться на колесника.

Она забралась за вазу и остановилась, ожидая его ответа.

— Я был удивлен даже больше вас,— сообщил ей Максвелл.— У меня буквально дух захватило. Я никак не ждал увидеть Сильвестра. Мне и в голову не могло прийти...

— Меня часто приглашают на званые вечера,— холодно сказала Кэрол.— Не ради меня самой, но ради Сильвестра. Он служит прекрасной темой для светской болтовни.

— Очко в вашу пользу,— заметил Максвелл.— Меня так вовсе не пригласили.

— И тем не менее вы тут!

— Но не спрашивайте меня, как я сюда попал. Мне будет трудно отыскать правдоподобное объяснение.

— Сильвестр всегда был очень благовоспитанным котенком,— обвиняющим тоном сказала Кэрол.— Возможно, он любит поесть, но он джентльмен.

— Понимаю! В моем дурном обществе...

Кэрол окончательно обогнула вазу и села рядом с Максвеллом.

— По-моему, я никогда не встречала человека, который так умеет вывести собеседника из себя, как вы. И вообще это непорядочно.

— Кстати,— сказал он,— вы ведь видели эту картину?

— Конечно! Она же гвоздь вечера. Вместе с этим забавным колесником.

— А ничего странного вы не заметили?

— Странного?

— Да. На картине.

— По-моему, нет.

— На одном из холмов нарисован крохотный кубик. Черный, на самой его вершине. Он похож на Артефакт.

— Я не обратила внимания... Я особенно ее не разглядывала.

— Но гномов-то вы разглядели?

— Да. Во всяком случае, кого-то на них похожих.

— А существа на переднем плане? Они ведь совсем другие.

— Другие? По сравнению с кем?

— С теми, каких обычно писал Ламберт.

— Вот не знала,— заметила Кэрол,— что вы специалист по Ламберту.

— А я и не специалист. Просто сегодня утром, когда я узнал про этот званый вечер и про картину, которой обзавелась Нэнси, я пошел в библиотеку и взял альбом с репродукциями.

— Но даже если они и другие, так что? — спросила Кэрол.— Художник же имеет право писать все, что ему вздумается.

— Совершенно верно. Но речь не об этом. Ведь на картине изображена Земля. То есть если это действительно Артефакт, в чем я не сомневаюсь, значит, на ней должна быть изображена Земля. Но не наша Земля, не та, которую мы знаем, а Земля, какой она была в юрский период.

— Но если вы правы,— возразила Кэрол,— как он туда попал? Конечно, присутствие Артефакта на его картине объяснить трудно, однако...

— Нет, я имел в виду то, о чем постоянно твердит Оп,— сказал Максвелл.— Он принес из своих неандертальских дней воспоминание о гоблинах, о троллях и прочих обитателях холмов. Но он говорил, что были и какие-то «другие». И они были несравненно хуже. Неандертальцы смертельно их боялись.

— И вы думаете, что на картине есть и они? Те, кого вспоминал Оп?

— Да, мне пришло в голову как раз это,— признался Максвелл.— Может быть, Нэнси не будет возражать, если я завтра приведу Опа взглянуть на картину.

— Наверное, не будет,— сказала Кэрол.— Но это и необязательно. Я сфотографировала картину.

— Как же?..

— Конечно, я знаю, что так делать не полагается. Но я попросила разрешения у Нэнси, и она сказала, что ничего не имеет против. Если вы хотите, чтобы я показала снимки Опу, то нам пора идти. Все равно веселье засыхает на корню. Так вы решительно не хотите рассказать мне, что у вас произошло с колесником?

— Потом,— уклончиво сказал он.— Не сейчас. Позже.

Они вышли из-за вазы и пошли через зал к дверям, лавируя между поредевшими группами гостей.

— Надо бы разыскать Нэнси,— заметила Кэрол,— и попрощаться с ней.

— Как-нибудь в другой раз,— сказал Максвелл.— Мы напишем или позвоним ей.

Они закрыли за собой парадную дверь и начали спускаться по широким полукруглым ступеням, которые заканчивались у самого шоссе.

— Профессор Максвелл!— крикнул кто-то.

Максвелл оглянулся. К ним по лестнице сбегал Черчилл.

— Можно вас на минутку, Максвелл? — сказал он.

— Да. Так что же вам нужно, Черчилл?

— Поговорить с вами. И наедине, с разрешения вашей дамы.

— Я подожду вас у шоссе,— сказала Кэрол Максвеллу.

— Не нужно,— возразил Максвелл.— Я разделаюсь с ним в два счета.

— Нет,— твердо сказала Кэрол.— Я подожду. И, ради бога, без бурных эмоций.

Максвелл остановился, и Черчилл, слегка запыхавшись, ухватил его за локоть.

— Я весь вечер искал случая подойти к вам. Но вы ни на минуту не оставались в одиночестве.

— Что вам нужно? — резко спросил Максвелл.

— Колесник!— сказал Черчилл.— Пожалуйста, забудьте о вашей с ним беседе. Он не знает наших обычаев. Я не знал о его намерениях. Более того: я его прямо предупреждал...

— То есть вы знали, что колесник устроил на меня засаду?

— Я отговаривал его!— возмущенно заявил Черчилл.— Я прямо сказал, чтобы он оставил вас в покое. Мне очень жаль, профессор Максвелл. Поверьте, я сделал все, что было в моих силах!

Максвелл вцепился правой рукой в рубашку Черчилла, собрал ее в комок и подтянул юриста к себе.

— А, так, значит, это вы прислужник колесника!— крикнул он.— Его ширма! Это вы ведете переговоры о покупке Артефакта, чтобы его заполучил колесник!

— Он не нарушает никаких законов,— злобно сказал Черчилл.— Он имеет право покупать все, что ему угодно.

— А вы имеете право пособничать ему,— прошипел Максвелл.— Имеете право состоять у него на жалованье. Но осторожней выбирайте способы, как это жалованье отрабатывать! И не попадайтесь на моей дороге!

Резким движением он оттолкнул Черчилла. Тот зашатался, потерял равновесие и покатился по широким ступеням. Кое-как задержав свое падение, он не встал и продолжал лежать, раскинув руки.

— Надо было сбросить вас с лестницы так, чтобы вы сломали свою поганую шею!— крикнул Максвелл.

Он повернулся на каблуках и зашагал по ступеням.

Внизу Кэрол мертвой хваткой вцепилась в разъяренного тигренка.

— Я думала, он вот-вот вырвется и растерзает этого субъекта в клочья,— задыхаясь, пробормотала она и посмотрела на Максвелла с плохо скрываемым отвращением.— Неужели вы ни с кем не можете разойтись мирно?

16

Максвелл спрыгнул с шоссе в том месте, где начиналась лощина Гончих Псов, и несколько минут простоял, вглядываясь в скалистые утесы и резкие очертания осенних обрывов. Дальше по лощине, за желто-красной завесой листвы, он увидел крутой каменистый склон холма Кошачья Берлога, на вершине которого, как ему было известно, стоял, уходя высоко в небо, замок гоблинов, где проживал некий О'Тул. А внизу, в чаще, прятался обомшелый каменный мост, обиталище троллей.

Час был еще ранний, потому что он отправился в путь задолго до рассвета. На траве и кустах, до которых еще не добралось солнце, поблескивала ледяная роса. Воздух оставлял во рту винный привкус, а голубизна неба была такой нежной и светлой, что оно словно вообще не имело цвета. И все это — и небо, и воздух, и скалы, и лес — было пронизано ощущением непонятного ожидания.

Максвелл прошел по горбатому пешеходному мостику, перекинутому через шоссе, и зашагал по тропинке, убегавшей в лощину.

Вокруг него сомкнулись деревья — он шел теперь по затаившей дыхание волшебной стране. Максвелл вдруг заметил, что он старается ступать медленно и осторожно, опасаясь нарушить лесное безмолвие резким движением или шумом. С балдахина ветвей над ним, неторопливо кружа, слетали листья — трепещущие разноцветные крышки — и устилали землю мягким ковром. Тропку перед ним торопливым клубочком перебежала мышь, и опавшие листья почти не зашуршали под ее лапками. Вдали стрекотала голубая сойка, но деревья приглушали и смягчали ее пронзительный голос.

Крутая тропинка петляла, огибая огромные, припавшие к земле валуны в бахроме седых лишайников. Ее со всех сторон обступали древесные стволы. Грубая темная кора вековых дубов оттенялась атласной белизной берез в мелких коричневых пятнышках там, где тонкая кора скрутилась в трубочку, но все еще льнула к родному дереву, трепеща на ветру. Над грудой валежника подпиралась пирамида ариземы, осыпанная багряными ягодами, и лиловые листья обвисали, как рваная мантия.

Максвелл не спеша взбирался по склону, часто останавливаясь, чтобы оглядеться и вдохнуть аромат осени, окутывавший все вокруг. В конце концов он дошел до лужайки, на которую опустился автолет Черчилла, когда тролли наложили на него заклятие. Отсюда тропа вела прямо к замку гоблинов.

Он постоял на лужайке, перевел дух, а потом пошел дальше. На огороженном жердями пастбище Доббин — или другой, очень похожий на него конь — общипывал редкие пучки скудной травы. Над башенками замка кружили голуби, а в остальном он казался вымершим.

Внезапно благостная тишина утра была нарушена оглушительными воплями, и из распахнутых ворот замка вывалилась орава троллей.

Продолжение следует.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Клиффорд САЙМАК

РОМАН

ЗАМОК

Они шли тремя вереницами, и каждая вереница тянула канат — совсем как волжские бурлаки в старину, решил Максвелл, вспомнив картину, которую ему как-то довелось увидеть. Тролли выбрались на подъемный мост, и Максвелл увидел, что все три каната привязаны к большому обтесанному камню — тролли волочили его за собой, и он, подпрыгивая на мосту, глухо гремел.

Старый Доббин дико ржал и бегал по кругу с внутренней стороны забора, вскидывая задом.

Из ворот замка выплеснулась кипящая волна гоблинов, которые размахивали дубинками, мотыгами, вилами — короче говоря, всем, что подвернулось им под руку.

Максвелл поспешно сошел с тропы, пропуская троллей. Они бежали молча, решительно, всем весом налегая на канаты, а за ними, испуская пронзительные, воинственные клики, мчалась орда гоблинов. Впереди, тяжело переваливаясь, несся мистер О'Тул. Лицо и шея у него посинели от гнева, а в руке была зажата скалка.

В том месте, где находился Максвелл, тропа круто уходила вниз по каменистому склону к лужайке фей. Камень, который волокли тролли, над самым спуском ударился о выступ скалы и подпрыгнул высоко в воздух. Канаты провисли, и камень, еще раз подпрыгнув, стремительно покатился по склону.

Какой-то тролль оглянулся и отчаянно завопил, предупреждая остальных. Бросив канаты, тролли кинулись врассыпную. Камень, набирая скорость с каждым оборотом, промчался мимо, обрушился на лужайку, опять подскочил, оставив огромную вмятину, и скользнул по траве к деревьям. Поперек бального зала фей протянулась безобразная полоса вывороченного дерна, а камень ударился о ствол могучего дуба в дальнем конце лужайки и наконец остановился.

Гоблины, оглушительно крича, кинулись в лес за разбежавшимися похитителями камня. Преследуемые вопили от страха, преследователи — от ярости, по холму раскатывались эхо и треск кустов, ломающихся под тяжестью множества тел.

Пыхтя и отдуваясь, на тропу вышел мистер О'Тул и начал взбираться по склону. Скалку он нес на плече. Лицо у него все еще отливало синевой, но уже не от бешенства, а от усталости. Он свернул с тропы к пастбищу, и Максвелл поспешил ему навстречу.

— Приношу глубочайшие извинения,— произнес мистер О'Тул голосом настолько величественным, насколько позволяла одышка.— Я заметил вас и обрадован вашим появлением, но меня отвлекло весьма важное и весьма настоятельное дело. Вы, я подозреваю, присутствовали при этой гнуснейшей подлости?

Максвелл кивнул.

— Они забрали мой сажальный камень,— гневно объявил мистер О'Тул,— со злобным и коварным намерением обречь меня на пешее хождение.

— Пешее? — переспросил Максвелл.

— Вы, как я вижу, лишь слабо постигаете смысл случившегося. Мой сажальный камень, на который я должен взобраться, чтобы сесть на спину Доббина. Без сажального камня верховой езде приходит конец, и я обречен ходить пешком с большими страданиями и одышкой.

— Ах, вот что!— сказал Максвелл.— Как вы совершенно справедливо заметили, сперва я не постиг смысла случившегося.

— Эти подлые тролли!— Мистер О'Тул в ярости заскрежетал зубами.— Ни перед чем не останавливаются, негодяи! Сначала сажальный камень, а потом и замок — кусочек за кусочком, камушек за камушком, пока не останется ничего, кроме голой скалы, на которой он некогда высился. При

Продолжение. Начало в №№ 18, 19, 20, 21.

ЕДИК ГОБЛИНОВ

подобных обстоятельствах необходимо со стремительной решимостью подавить их намерения уже в зародыше.

Максвелл посмотрел вниз.

— И как же это кончилось? — спросил он.

— Мы обратили их в паническое бегство,— удовлетворенно сказал гоблин.— Они разбежались, как цыплята. Мы вытащим их из-под скал и из тайников в чаще, а потом взнуздаем, точно мулов, на которых они разительно похожи, и они, потрудившись хорошенько, втащат сажальный камень туда, откуда его забрали.

— Они сводят с вами счеты за то, что вы срыли их мост.

Мистер О'Тул в раздражении отколол лихое коленце.

— Вы ошибаетесь!— вскричал он.— Из великого и незаслуженного сострадания мы не стали его срывать. Обошлись двумя камушками, двумя крохотными камушками и большим шумом. И тогда они сняли чары с помела, а также и со сладкого октябрьского эля, и мы, будучи простыми душами, приверженными к доброте и незлобивости, спустили им все остальное.

— Они сняли чары с эля? Но ведь некоторые химические изменения необратимы и...

Мистер О'Тул смерил Максвелла презрительным взглядом.

— Вы,— сказал он,— лепечете на ученом жаргоне, пригодном только для чепухи и заблуждений. Мне непостижимо ваше пристрастие к этой вашей науке, тогда как вам открылась бы магия, будь у вас охота учиться и попроси вы нас. Хотя должен признать, что расколдованный эль не безупречен. В его вкусе ощущается намек на затхлость. Впрочем, и такой эль все же лучше, чем ничего. Если вы согласны составить мне компанию, мы могли бы его испробовать.

— За весь день,— ответил Максвелл,— мне не было сказано ничего приятнее!

— Так удалимся же,— воскликнул мистер О'Тул,— под сень сводов, где гуляют сквозняки — и все по вашей милости, по милости смешных людишек, которые воображают, будто мы обожаем развалины. Так удалимся же туда и угостимся большими кружками пенного напитка.

В большом зале замка, где отчаянно дуло, мистер О'Тул вытащил втулку огромной бочки, покоившейся на больших козлах, наполнил до краев большие кружки и отнес их на дощатый стол возле большого каменного очага, в котором еле теплилось дымное пламя.

— А главное кощунство в том,— произнес мистер О'Тул, поднося кружку к губам,— что это возмутительное похищение сажального камня было совершено как раз тогда, когда мы приступили к поминовению.

— К поминовению? — переспросил Максвелл.— Мне очень грустно это слышать. Я не знал...

— Нет-нет, никто из наших!— поспешно сказал О'Тул.— За возможным исключением меня самого, все племя гоблинов пребывает в свински прекрасном здравии. Мы поминали баньши.

— Но ведь баньши не умер!

— Да, но он умирает. И как это печально! Он— последний представитель великого и благородного племени в этом заповеднике, а тех, кто еще сохранился в других уголках мира, можно пересчитать по пальцам на одной руке, и пальцев более чем хватит.

Гоблин поднял кружку и, почти засунув в нее физиономию, принялся пить долго и с наслаждением. Когда он поставил кружку на стол, оказалось, что на его бакенбарды налипла пена, но он не стал ее вытирать.

— Мы вымираем весьма ощутимо,— сказал он, погрустнев.— Планета изменилась. Все мы, весь маленький народец, и те, кто не так уж мал, спускаемся в долину, где тени густы и непроницаемы, мы уходим от всего живого, и нам настает конец. И содрогаешься,— так это горько, ибо мы были доблестным племенем, несмотря на многие наши недостатки. Даже тролли, пока они не выродились, все еще сохраняли в целости некоторые слабые добродетели, хотя я и заявляю громогласно, что ныне никакая добродетель им не свойственна вовсе. Ибо кража сажального камня — это самая низкая подлость, ясно показавшая, что они лишены какого бы то ни было благородства духа.

Он вновь поднес кружку к губам и осушил ее до дна двумя-тремя большими глотками.

— Разве можно пить эль так, как пьете его вы? — сказал Максвелл.— Его следует хорошенько распробовать и посмаковать.

Мистер О'Тул пожал плечами.

— Наверное, я жадная свинья. Но это же расколдованный эль, и смаковать его не стоит.

Тем не менее он встал и вперевалку направился к бочке. Максвелл поднес кружку к губам и отхлебнул. О'Тул сказал правду — в эле чувствовалась затхлость, отдававшая привкусом паленых листьев.

— Ну? — спросил гоблин.

— Его вкус необычен, но пить его можно.

— Придет день, и мост этих троллей я срою до основания,— внезапно взъярился мистер О'Тул.— Разберу камень за камнем, соскребая мох самым тщательным образом, чтобы разрушить чары, а потом молотом раздроблю камни на мельчайшие кусочки, а кусочки подниму на самый высокий утес и разбросаю их вдаль и вширь, дабы за всю вечность не удалось бы их собрать. Вот только,— добавил он, понурившись,— какой это будет тяжкий труд! Но соблазн велик. Этот эль был самым бархатным, самым сладким, какой только удавалось нам сварить. А теперь только взгляните — свиное пойло! Да и свиньи им побрезгуют! Но был бы великий грех вылить даже такие мерзкие помои, если им наименование «эль».

Он схватил кружку и рывком поднес ее к губам. Его кадык запрыгал, и он поставил кружку, только когда выпил весь эль.

— Если я причиню слишком большие повреждения этому гнуснейшему из мостов,— сказал он,— а эти трусливые тролли отправятся хныкать перед властями, вы, люди, призовете меня к ответу, потребуете, чтобы я объяснил свои мысли. А как стерпеть подобное? В том, чтобы жить по правилам, нет благородства и радости тоже нет — скверным был день, когда возник человеческий род.

— Друг мой!—сказал Максвелл опешенно.— Прежде вы мне ничего подобного не говорили.

— Ни вам и ни одному другому человеку,— ответил гоблин.— И ни перед одним человеком в мире, кроме как перед вами, не мог бы я выразить свои чувства. Но, может быть, я предался излишней словоохотливости?

— Вы прекрасно знаете,— сказал Максвелл,— что наш разговор останется между нами.

— Конечно, — согласился мистер О'Тул.— Об этом я не тревожусь. Вы ведь почти один из нас. Вы настолько близки к гоблину, насколько это дано человеку.

— Для меня ваши слова — большая честь,— заверил его Максвелл.

— Мы древнее племя,— сказал мистер О'Тул.— Много древнее, думается мне, чем может помыслить человеческий разум. Столько долгих лет миновало,— добавил он, скорбно покачивая головой.— Столько долгих, невероятно долгих лет, а потом явился щуплый грязный примат и все нам испортил.

— Давным-давно...— задумчиво произнес Максвелл.— А как давно? Еще в юрском периоде?

— Вы говорите загадками. Мне это обозначение неизвестно. Но нас было много и самых разных, а теперь нас мало, и далеко не все из прежних дотянули до этих пор. Мы вымираем медленно, но неумолимо. И скоро займется день, который не увидит никого из нас. Тогда все это будет принадлежать только вам, людям.

— Вы расстроены,— осторожно сказал Максвелл.— Вы же знаете, что мы вовсе этого не хотим. Мы приложили столько усилий...

— С любовью приложили? — перебил гоблин.

— Да. Я даже скажу — с большой любовью.

По щеке гоблина поползли слезы, и он принялся утирать их волосатой мозолистой лапой.

— Не надо принимать меня во внимание,— сказал он.— Я погружен в глубокое расстройство. Это из-за баньши.

— Разве баньши ваш друг? — с некоторым удивлением спросил Максвелл.

— Нет, он мне не друг!— решительно объявил мистер О'Тул.— Он стоит по одну сторону ограды, а я по другую. Старинный враг, и все-таки один из наших. Один из истинно древних. Он выдержал дольше других. И упорнее сопротивляется смерти. Другие все мертвы. И в подобные дни старые раздоры отправляются на свалку. Мы не можем сидеть с ним, как того требует совесть, но в возмещение мы воздаем ему посильную честь поминовения. И тут эти ползучие тролли без капли чести на всю компанию...

— Как? Никто... никто здесь в заповеднике не захотел сидеть с баньши в час его смерти?

Мистер О'Тул устало покачал головой.

— Ни единый из нас. Это против закона, в нарушение древнего обычая. Он за оградой.

— Но он же совсем один!

В терновнике,— сказал гоблин.— В терновом кусте возле хижины, которая служила ему обиталищем.

— В терновом кусте?

— Колючки терновника,— сказал гоблин,— таят волшебство, в его древесине...— Он всхлипнул, поспешно схватил кружку и поднес ее к губам. Его кадык задергался.

Максвелл сунул руку в карман и извлек фотографию картины Ламберта, которая висела на стене зала Нэнси Клейтон.

— Мистер О'Тул,— сказал он,— я хочу показать вам вот это.

Гоблин поставил кружку.

— Ну, так показывайте!—проворчал он.—Сколько обиняков, когда у вас есть дело.

Он взял фотографию и начал внимательно ее разглядывать.

— Тролли!— сказал он.— Ну, конечно! Но тех, других, я не узнаю. Словно бы я должен их узнать, но не могу. Есть сказания, древние-древние сказания..

Мистер О'Тул заглянул в свою кружку и увидел, что она пуста. Пошатываясь, он пошел к бочке и наполнил ее. Потом вернулся к столу, взял фотографию и снова внимательно посмотрел на нее, хотя и довольно мутным взглядом.

— Не знаю,— сказал он наконец.— Среди нас были и другие. Много разных, которых больше нет. Мы здесь — жалкое охвостье некогда великого населения планеты.— Он перебросил через стол фотографию Максвеллу.— Может быть, баньши скажет. Его годы уходят в тьму времен.

— Но ведь баньши умирает.

— Да, умирает,— вздохнул мистер О'Тул.— И черен этот день и горек этот день для него потому, что никто не сидит с ним.

Он поднял кружку.

— Пейте,— сказал он.— Пейте до дна. Если выпить сколько нужно, может быть, станет не так плохо.

17

Максвелл обогнул полуразвалившуюся хижину и увидел терновник у ее входа. В нем было что-то странное — словно облако мрака расположилось по его вертикальной оси, и казалось, будто ви-

дишь массивный ствол, от которого отходят короткие веточки с колючками. Если О'Тул сказал правду, подумал Максвелл, это темное облако и есть умирающий баньши.

Он медленно приблизился к терновнику и остановился в трех шагах от него. Черное облако беспокойно заколыхалось, словно клубы дыма на легком ветру.

— Ты баньши?— спросил Максвелл у терновника.

— Если ты хочешь говорить со мной,— сказал баньши,— ты опоздал.

— Я пришел не говорить,— ответил Максвелл.— Я пришел сидеть с тобой.

— Тогда садись,— сказал баньши.— Это будет недолго.

Максвелл сел на землю и подтянул колени к груди, а ладонями уперся в сухую жухлую траву. Внизу осенняя долина уходила к дальнему горизонту, к холмам на северном берегу реки, совсем не похожим на холмы этого, южного берега — отлогие и симметричные, они ровной чередой поднимались к небу, как ступени огромной лестницы.

— Другие не пришли,— сказал баньши.— Сначала я думал, что они все-таки придут. На мгновение я поверил, что они могут забыть и прийти. Теперь среди нас не должно быть различий. Мы едины в том, что потерпели поражение и низведены на один уровень. Но старые условности еще живы. Древние обычаи еще сохраняют силу.

— Я был у гоблинов,— сказал Максвелл.— Они устроили поминовение по тебе. О'Тул горюет и пьет, чтобы притупить горе.

— Ты не принадлежишь к моему народу,— сказал баньши.— Ты вторгся сюда незваный. Но ты говоришь, что пришел сидеть со мной. Почему ты так поступил?

Максвелл солгал. Ничего другого ему не оставалось. Он не мог сказать умирающему, что пришел, чтобы получить сведения.

— Я работал с твоим народом,— произнес он наконец.— И принимаю близко к сердцу все, что его касается.

— Ты Максвелл,— сказал баньши.— Я слышал про тебя.

— Как ты себя чувствуешь?— спросил Максвелл.— Могу ли я чем-нибудь тебе помочь? Может быть, ты чего-нибудь хочешь?

— Нет,— сказал баньши.— У меня больше нет ни желаний, ни потребностей. Я почти ничего не чувствую. В том-то и дело, что я ничего не чувствую. Мы умираем не так, как вы. Это не физиологический процесс. Энергия истекает из меня, и в конце концов ее не останется вовсе. Как мигающий язычок пламени, который дрожит и гаснет.

— Мне очень жаль,— сказал Максвелл.— Но может быть, разговаривая, ты ускоряешь...

— Да, немного, но мне все равно. И я ни о чем не жалею. И ничего не оплакиваю. Я почти последний из нас. Если считать со мной, то нас всего трое, а меня считать уже не стоит. Из тысяч и тысяч нас осталось только двое.

— Но ведь есть же гоблины, и тролли, и феи...

— Ты не понимаешь,— сказал баньши.— Тебе не говорили. А ты не догадался спросить. Те, кого ты назвал, более поздние; они пришли после нас, когда юность планеты уже миновала. А мы были колонистами. Ты же, наверное, знаешь это.

— У меня возникли такие подозрения,— ответил Максвелл.— За последние несколько часов.

— А ты должен был бы знать,— сказал баньши.— Ты ведь побывал на старшей планете.

— Откуда ты знаешь?— ахнул Максвелл.

— А как ты дышишь?— спросил баньши.— Как ты видишь? Для меня держать связь с древней планетой так же естественно, как для тебя дышать и видеть. Мне не сообщают. Я знаю и так.

Так вот, значит, что! Источником сведений, которыми располагал колесник, был баньши. А о том, что баньши может знать то, что неизвестно больше никому, вероятнее всего, догадался Черчилл, и он же сообщил об этом колеснику.

— А остальные? Тролли и...

— Нет,— сказал баньши.— Путь был открыт только для нас, для баньши. Это была наша работа, единственное наше назначение. Мы были звеньями между старшей планетой и Землей. Мы были связными. Когда старшая планета начала колонизировать необитаемые миры, необходимо было создать средства связи. Мы все были специалистами, хотя эти специальности теперь утратили смысл, а самих специалистов почти не осталось. Первые были специалистами. А те, кто появился позже, были просто поселенцами, задача которых сводилась лишь к тому, чтобы освоить новые земли.

— Ты говоришь про троллей и гоблинов?

— Про троллей, и гоблинов, и всех прочих. Они, бесспорно, обладали способностями, но не специализированными. Мы были инженерами, они рабочими. Нас разделяла пропасть. Вот почему они не захотели прийти сидеть со мной. Древняя пропасть существует по-прежнему.

— Ты утомляешься,— сказал Максвелл.— Тебе следует поберечь силы.

— Это не имеет значения. Энергия истекает из меня, и когда она иссякнет совсем, с ней иссякнет жизнь. Мое умирание не материально, не телесно, поскольку у меня никогда не было настоящего тела. Я представлял собой сгусток энергии. Впрочем, это не имеет значения. Ведь старшая планета умирает. Ты ее видел и знаешь.

— Да, я знаю,— сказал Максвелл.

— Все было бы совсем иначе, если бы не люди. Когда мы явились сюда, здесь и млекопитающих почти не было, не говоря уже о приматах. Мы могли бы воспрепятствовать развитию приматов. Мы могли бы уничтожить их еще в зародыше. Вопрос о таких мерах ставился, так как эта планета казалась очень многообещающей, и нам было трудно смириться с мыслью, что мы должны отказаться от нее. Но существует древний закон: разум слишком редок во вселенной, чтобы кто-нибудь имел право становиться на пути его развития. Нет ничего драгоценней. И когда мы с большой неохотой отступили с его дороги, мы признавали всю его драгоценность.

— Но вы остались здесь!— заметил Максвелл.— Может быть, вы не преградили ему путь, но вы остались.

— Было уже поздно,— ответил баньши.— Нам некуда было уйти. Старшая планета умирала уже тогда. Возвращаться не имело смысла. А эта планета, как ни странно, стала для нас родной.

— Вы должны ненавидеть нас, людей.

— Одно время мы вас и ненавидели. Вероятно, следы этого сохраняются и теперь. Со временем ненависть перегорает. И только тлеет, хотя и не исчезает. А может быть, ненавидя, мы немного гордились вами. Иначе почему старшая планета предложила вам свои знания?

— Но вы предложили их и колеснику!

— Колеснику?.. А, да! Но мы ничего ему не предлагали. Где-то в глубоком космосе этот колесник, по-видимому, прослышал о существовании старшей планеты и о том, что она располагает чем-то, что хотела бы продать. Он пришел ко мне и задал только один вопрос — какова цена этого движимого имущества? Я не знаю, имеет ли он представление, что именно продается. Он сказал просто — «движимое имущество».

— И ты открыл ему, что обусловленная цена — это Артефакт?

— Конечно. Потому что тогда мне еще не сообщили о тебе. Позже меня действительно поставили в известность, что по истечении определенного времени я должен буду сообщить цену тебе.

— И, конечно, ты собирался это сделать,— заметил Максвелл.

— Да,— сказал баньши,— я как раз собирался это сделать. И вот теперь сделал. Вопрос исчерпан.

— Ты можешь сказать мне еще одно. Что такое Артефакт?

— Этого,— сказал баньши,— я не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— Не хочу,— сказал баньши.

«Преданы!»— подумал Максвелл. Человечество предано этим умирающим существом — ведь баньши, что бы он ни говорил, вовсе не собирался сообщать ему цену. Бесчисленные тысячелетия баньши ненавидел человечество неутолимой холодной ненавистью. И теперь, уходя в небытие, он, издеваясь, рассказывал пришедшему к нему человеку обо всем, чтобы тот узнал, как было предано человечество, чтобы люди знали, чего они лишились.

— И ты сообщил колеснику про меня!— воскликнул Максвелл.— Вот почему Черчилл оказался на станции, когда я вернулся на Землю. Он говорил, что и сам только что вернулся из деловой поездки, но, конечно, он никуда не ездил.

Максвелл гневно вскочил на ноги.

— А тот я, который умер?

Он угрожающе шагнул к терновнику, но терновник был пуст. Темное облако, колыхавшееся среди его веток, исчезло. Четким узором ветки рисовались на фоне закатного неба.

«Исчез,— подумал Максвелл.— Не умер, но исчез. Субстанция стихийного существа распалась на составные элементы, невообразимые узы, соединявшие их в странное подобие живого существа, наконец, настолько ослабли, что оно иссякло, рассеялось в воздухе и в солнечном свете, как щепотка пыли на ветру».

С живым баньши ладить было трудно. Но и мертвый он не стал ближе и доступнее. Еще несколько минут назад Максвелл испытывал к нему сострадание, какое вызывают в человеке все умирающие. Но теперь он понял, что сострадание было неуместно: баньши умер, безмолвно смеясь над человечеством.

Он повернулся и начал спускаться в овраг. На опушке он остановился и посмотрел на вершину холма. Терновник на фоне неба казался крепким и материальным, его корни цепко держались за почву.

Проходя мимо лужайки фей, Максвелл обнаружил, что там угрюмо трудятся тролли, они заравнивали взрыхленную землю и укладывали новый дерн взамен вырванного катившимся камнем. Самого камня нигде не было видно.

18

Максвелл проехал уже половину пути до Висконсинского университетского городка, когда возле него внезапно возник Дух и опустился на соседнее сиденье.

— Я с поручением от Опа,— начал он сразу же.— Тебе нельзя возвращаться в хижину. Газетчики напали на твой след. Когда они явились с расспросами, Оп принялся действовать, на мой взгляд, довольно необдуманно. Он накинулся на них с кулаками, но они все равно болтаются в окрестностях хижины, подстерегая тебя.

— Спасибо за предупреждение,— сказал Максвелл.— Хотя теперь, пожалуй, мне все равно.

— События развиваются не слишком удачно?— спросил Дух.

— Они вообще не развиваются,— ответил Максвелл.— Но, во всяком случае, я узнал одно обстоятельство, которое отнюдь не облегчает дела. Цену, назначенную хрустальной планетой, колеснику сообщил баньши. Ему было поручено назвать ее мне, но он предпочел колесника. Он утверждал, что колесник явился к нему до того, как он узнал про меня, но мне что-то не верится. Баньши умирал, когда рассказывал мне все это, но отсюда вовсе не следует, будто он говорил правду. Баньши никогда нельзя было доверять.

— Баньши умирает?

— Уже умер. Я сидел с ним до конца. Фотографию картины я ему показывать не стал. У меня не хватило духа допрашивать его в такую минуту.

— И все-таки он рассказал тебе о колеснике?

— Только для того, чтобы я понял, как он ненавидел человеческий род с самого начала его восхождения по эволюционной лестнице. И еще — чтобы я понял, что ему в конце концов удалось расквитаться с нами. Ему явно хотелось сказать, что и гоблины и все остальные обитатели холмов тоже нас ненавидят, но на это он все-таки не решился. Зная, наверное, что я все равно не поверю. Правда, еще перед этим в разговоре с О'Тулом я понял, что отголоски какой-то давней неприязни, возможно, и существуют. Да, пожалуй, неприязни, но никак не ненависти. Однако из слов баньши следовало, что Артефакт действительно собираются продать и что Артефакт — это и есть цена, назначенная хрустальной планетой. Я так и подозревал с самого начала. А вчера колесник это практически подтвердил. Впрочем, абсолютной уверенности у меня все-таки нет, хотя бы потому, что и сам колесник, по-видимому, не слишком уверен, как обстоит дело. Иначе зачем ему понадобилось подстерегать меня и предлагать мне работу? И я могу еще кое-что предпринять — пойти к Харлоу Шарпу в Институт времени и убедить его отложить продажу, а потом силой вломиться в административный корпус и загнать Арнольда в угол. Если мне удастся убедить Ариольда предложить Харлоу для финансирования его программ столько же, сколько предлагает колесник, тот, конечно, предпочтет с колесником дела не иметь.

— Я знаю, что ты не пожалеешь усилий,— заметил Дух.— Но, боюсь, кроме неприятностей, это ничего не принесет. Не со стороны Харлоу Шарпа, так как он твой друг. Но ректор Арнольд... Он не друг никому. И ему вряд ли понравится, если его загонят в угол.

— Знаешь, что я думаю?— спросил Максвелл.— Я думаю, что ты прав. Но убедиться в этом можно, только попробовав. А вдруг в Арнольде проснется что-то человеческое, и он на минуту забудет, что он официальное лицо и бюрократ?

— Я должен тебя предупредить,— сказал Дух,— что Харлоу Шарп, возможно, не найдет для тебя свободной минуты — ни для тебя и ни для кого другого. У него сейчас слишком много своих забот. Утром прибыл Шекспир...

— Шекспир!— возопил Максвелл.— А я совсем забыл про него. Да-да, он же читает лекцию завтра вечером. Вот уж невезенье так невезенье! Обязательно надо было притащить его сюда именно сегодня!

— По-видимому,— продолжал Дух,— сладить с Вильямом Шекспиром оказалось не так-то просто. Он пожелал немедленно начать знакомство с новым веком, о котором ему столько нарассказали.

Временщики еле-еле смогли убедить его хотя бы сменить елизаветинский костюм на нашу нынешнюю одежду. Он согласился только после того, как они категорически заявили, что иначе не выпустят его из института. А теперь они трясутся от страха, как бы с ним чего-нибудь не случилось.

— Что ж, ситуация и правда выглядит довольно кислой,— сказал Максвелл.— Но придется рискнуть. У меня почти не остается времени. Если Харлоу вообще способен кого-то видеть, то меня он примет.

— Просто не верится,— грустно сказал Дух,— что путь тебе могло преградить столь ужасное стечение обстоятельств. Неужели из-за бюрократической тупости университет и Земля навеки лишатся свода знаний двух вселенных?

— Все дело в колеснике,— проворчал Максвелл.— Если бы не его предложение, все можно было бы сделать спокойно, не торопясь. Будь у меня больше времени, я без труда добился бы своего. Поговорил бы с Харлоу, по инстанциям добрался бы до Арнольда. И вообще я мог бы просто убедить Харлоу — библиотеку хрустальной планеты купил бы непосредственно Институт времени, обойдясь без санкции университета. Но у нас нет времени. Дух, ты что-нибудь знаешь о колесниках? Такое, чего не знаем мы?

— Не думаю. Только одно: возможно, они и есть те гипотетические враги, которых мы всегда опасались встретить в космосе. Их поведение свидетельствует о том, что они действительно враги, во всяком случае, потенциальные. Их побуждения, нравы, этика, самое их мироощущение должны кардинально отличаться от наших. Возможно, у нас с ними меньше общего, чем с осами или пауками. Хотя они и умны... что хуже всего. Думаю, что в подобной ситуации люди не смогли бы в такой степени приспособиться к обстоятельствам и использовать их.

— Да, ты прав,— ответил Максвелл.— Потому-то мы и не должны допустить, чтобы библиотека хрустальной планеты досталась им. Одному богу известно, что она таит в себе. Гигантские области науки, пока еще совершенно от нас скрытые. И возможно, именно они должны сыграть решающую роль в нашем споре с колесниками. Если человечество и колесники когда-нибудь столкнутся, возможно, библиотека хрустальной планеты решит вопрос о нашей победе или поражении. И ведь если колесники будут знать, что она находится у нас, они скорее всего не пойдут на такое столкновение. Другими словами, судьба этой библиотеки определит, быть миру или войне.

Максвелл съежился на своем сиденье, ощутив сквозь тепло мягкого осеннего дня порыв ледяного ветра, который принесся не с этих багряно-золотых холмов и не с обнимающего их лазурного неба, а откуда-то из неведомого.

— Ты разговаривал с баньши перед его смертью,— сказал Дух.— Он упоминал про Артефакт. А он не намекнул, что это может быть такое? Знай мы, что такое Артефакт, мы могли бы...

— Нет, Дух. Он ничего не сказал. Но у меня мелькнула смутная догадка, не подкрепленная никакими фактами. Я думаю, что Артефакт — это нечто из другой вселенной, той, которая предшествовала нашей, той, в которой возникла хрустальная планета. Нечто драгоценное, сохранившееся миллиарды и миллиарды лет со времени той вселенной. И еще одно: баньши и другие древние, которых помнит Оп, были обитателями той вселенной, и между ними и жителями хрустальной планеты существует какая-то связь. Формы жизни, которые зародились, развились и эволюционировали в прошлой вселенной, а потом явились на Землю и другие планеты, как колонисты, пытаясь создать новую цивилизацию, которая пошла бы по пути, начатому хрустальной планетой. Но что-то случилось. Все эти попытки колонизировать новые планеты потерпели неудачу — у нас на Земле из-за появления человека, а в других местах, возможно, по другим причинам. И мне кажется, я догадываюсь о некоторых из этих причин. Возможно, расы тоже стареют и сами собой вымирают, уступая место чему-то иному. Может быть, у каждой расы есть свой срок, и древние существа несут в себе свой смертный приговор. Наверное, существует какой-то принцип, о котором мы не задумывались, потому что еще очень молоды — какой-то естественный процесс, расчищающий путь для непрерывной эволюции, чтобы ей ничто не мешало.

— Звучит логично,— заметил Дух.— То есть, что все эти колонии вымерли. Если бы где-нибудь в нашей вселенной была уцелевшая колония, хрустальная планета передала бы свои знания ей, а не предлагала бы их нам и колесникам — существам, ей чуждым.

— Меня смущает одно,— сказал Максвелл.— Зачем нужен Артефакт обитателям хрустальной планеты, которые так близки к полному вымиранию, что уже стали почти тенями? Какая им от него будет польза? Для чего он им?

— Ответить на это можно, только зная, что он такое,— задумчиво произнес Дух.— Ты уверен, что не мог бы догадаться? Что не видел и не слышал ничего такого, что...

— Нет,— сказал Максвелл.— Ничего.

19

Вид у Харлоу Шарпа был измученный.

— Прости, что я заставил тебя так долго ждать,— сказал он Максвеллу.— Это был безумный день.

— Я рад, что меня вообще сюда впустили,— сказал Максвелл.— Эта твоя церберша в приемной сначала была склонна указать мне на дверь.

— Я тебя ждал,— объяснил Шарп.— По моим расчетам, ты должен был рано или поздно объявиться. Я наслышался очень странных историй.

— И большинство из них соответствует истине,— сказал Максвелл.— Но я пришел сюда не потому. Считай, что это — деловое посещение, а не дружеский визит. Я не отниму у тебя много времени.

— Отлично,— сказал Шарп.— Ну, так чем же я могу быть тебе полезен?

— Ты продаешь Артефакт?

Шарп кивнул.

— Мне очень жаль, Пит. Я знаю, он интересует тебя и еще кое-кого. Однако он пролежал в музее уже много лет и остается бесполезной диковинкой, на которую глазеют гости университета и туристы. А нашему институту нужны деньги. Уж тебе-то это известно. Фондов не хватает. Вот нам и приходится всякими путями добывать средства для своих исследований. Думаешь, мне нравятся номера, к которым мы прибегаем? Вроде этого представления с Шекспиром и всего прочего? Никакой пользы это нам не принесло, можешь мне поверить. Только поставило нас в унизительное положение, не говоря уж о неприятностях и хлопотах. Ты себе представить не можешь, Пит, что это такое. Возьми, к примеру, хоть Шекспира. Он где-то разгуливает, как турист, а я сижу здесь и обгрызаю ногти чуть ли не до локтей, воображая все, что с ним может приключиться...

Максвелл перебил его, пытаясь вернуться к своему делу:

— Я не спорю с тобой, Харлоу. И я пришел не для того...

— И вдруг,— продолжал Шарп, не слушая,— вдруг подвертывается возможность продать Артефакт. И за сумму, которой от университетских сквалыг не дождешься и в сто лет. Пойми же, что значит для нас эта продажа! Мы получим возможность заняться настоящими исследованиями, которых не вели из-за недостатка средств. Конечно, я знаю, что такое колесники, но я хоть бы с самим дьяволом вступил в сделку, чтобы получить такие деньги.

— Харлоу,— сказал Максвелл,— я прошу тебя только об одном: пока ничего не решай окончательно. Дай мне немного времени...

— А зачем тебе время?

— Мне нужен Артефакт.

— Артефакт? Но зачем?

— Я могу выменять его на планету,— сказал Максвелл.— На планету, хранящую знания не одной, а двух вселенных. Знания, накопленные за пятьдесят миллиардов лет. Я могу купить планету...

— Ты? Для себя?

— Нет, не для себя. Для университета. Мне нужно добиться приема у Арнольда. Вот почему мне нужно время.

— И получить его согласие? Пит, можешь и не надеяться. Ты ведь не поладил с Лонгфелло, а парадом тут командует он. Даже если бы ты был официально уполномочен...

— Ну, да же! Да! Можешь мне поверить. Я разговаривал с обитателями планеты, я видел их библиотеку...

Шарп покачал головой.

— Ты опоздал. Условленная сумма была заплачена сегодня. Завтра утром колесник заберет Артефакт. Он хотел забрать его немедленно, но возникли затруднения с перевозкой.

Максвелл молчал, оглушенный этой новостью.

— Вот так,— сказал Шарп.— От меня теперь уже ничего не зависит.

Максвелл встал, но тут же снова сел.

— Харлоу, а если мне удастся увидеться с Арнольдом сегодня вечером? Если мне удастся убедить его, и он заплатит вам столько же...

— Не говори глупостей!— перебил Шарп.— Он грохнется в обморок, когда ты назовешь ему цифру.

— Так много?

— Так много,— ответил Шарп.

Максвелл медленно встал.

— Я должен сказать тебе кое-что,— продолжал Шарп.— Каким-то образом ты нагнал страху на колесника. Сегодня утром ко мне явился Черчилл и с пеной у рта потребовал, чтобы я завершил продажу сейчас же. Жаль, что ты не пришел ко мне раньше. Может быть, мы что-нибудь бы и придумали, хотя я не представляю себе — что.

Максвелл пошел к двери, в нерешительности остановился, а потом вернулся к столу, за которым сидел Шарп.

— Еще один вопрос... Относительно путешествий во времени. У Нэнси Клейтон есть картина Ламберта...

— Да, я слышал.

— На заднем плане там написан холм с камнем на вершине. Я готов поклясться, что этот камень — Артефакт. А Оп говорит, что он помнит существа, изображенные на картине,— видел их в своем каменном веке. И ведь ты действительно нашел Артефакт на холме в юрский период. Откуда Ламберт мог знать, что он лежал на этой вершине? Артефакт же был найден через несколько веков после его смерти. Мне кажется, Ламберт видел Артефакт и те существа, которые изобразил на своей картине. Мне кажется, он побывал в мезозое. Ведь шли какие-то споры про Симонсона, верно?

— Я вижу, куда ты клонишь,— сказал Шарп.— В какой-то мере это возможно. Симонсон работал над проблемами путешествия во времени в двадцать первом веке и утверждал, что чего-то добился, хотя у него не ладилось с контролем. Существует легенда, что он потерял во времени одного путешественника, а то и двух — послал их в прошлое и не сумел вернуть. Но вопрос о том, действительно ли у него что-нибудь получилось, так и остался нерешенным. Его заметки, те, которые находятся у нас, очень скупы. Никаких работ он не публиковал.

— Но ведь это все-таки могло произойти?— требовательно спросил Максвелл.— Эпоха совпадает. Симонсон и Ламберт были современниками, а стиль Ламберта претерпел внезапное изменение, словно с ним что-то произошло. И это могло быть путешествием во времени!

— Да, конечно,— сказал Шарп.— Но не думаю.

20

Когда Максвелл вышел из Института времени, в небе уже загорались звезды и дул холодный ночной ветер. Гигантские вязы сгустками мрака вставали на фоне ярко освещенных окон зданий напротив.

Максвелл зябко поежился, поднял воротник куртки, застегнул его у горла и быстро сбежал по ступенькам на тротуар. Вокруг не было ни души.

Максвелл вдруг почувствовал сильный голод и вспомнил, что не ел с самого утра. Он усмехнулся, подумав, что аппетит у него разыгрался именно тогда, когда рухнула последняя надежда. И ведь он не только голоден, но и остался без крова — возвращаться к Опу нельзя, там его ждут репортеры. А впрочем, теперь у него нет причины их избегать!

Позади него послышался шорох, и, оглянувшись, он увидел Духа.

— А, это ты!— сказал Максвелл.

— Ты чего-нибудь добился?

— Ничего. Артефакт уже продан и оплачен. Колесник заберет его завтра утром. Боюсь, это конец. Я мог бы попробовать добраться сегодня до Арнольда, но что толку? То есть мой разговор с ним уже ничего не даст.

— Оп занял для нас столик. Ты, наверное, голоден?

— Как волк,— ответил Максвелл.

— Ну, так идем.

Они свернули в боковой проезд и принялись петлять по узким проулкам и проходным дворам.

Еще через несколько минут они спустились по железной лестнице, и Максвелл толкнул подвальную дверь. Они очутились в тускло освещенном зале, из глубины которого веяло запахами стряпни.

— Тут у них заведен семейный стиль,— сказал Дух.— Брякают на стол все разом, и каждый сам за собой ухаживает. Опу это очень нравится.

— Сюда!— оглушительно позвал Оп.— Хочу вас кое с кем познакомить.

В полутьме Максвелл различил лицо Кэрол, а рядом — еще чье-то. Бородатое и как будто хорошо знакомое.

— Наш сегодняшний гость,— объявил Оп.— Достославный Вильям Шекспир.

Перевод Ирины ГУРОВОЙ.

Продолжение следует.

Клиффорд САЙМАК

РОМАН

Шекспир встал и протянул Максвеллу руку. Над бородой блеснула белозубая улыбка.

— Почитаю себя счастливым,— сказал он,— что судьба свела меня со столь веселыми молодцами.

— Бард подумывает остаться здесь,— сообщил Оп.— Ему у нас понравилось.

— А почему вы зовете меня бардом? — спросил Шекспир.

— Извините,— сказал Оп.— Мы уж так привыкли...

— Остаться здесь...— задумчиво произнес Максвелл и покосился на Опа.— А Харлоу знает, что он тут?

— По-моему, нет,— ответил Оп.— Мы уж постарались.

— Я сорвался с поводка,— сказал Шекспир, ухмыляясь и очень довольный собой.— Но в этом мне была оказана помощь, за которую сердечно благодарю.

— Помощь!— воскликнул Максвелл.— Еще бы! Неужели, шуты гороховые, вы так и не научитесь...

Продолжение. Начало в «Смене» №№ 18—22.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

— Не надо, Пит!— вмешалась Кэрол.— Я считаю, что Оп поступил очень благородно. Человек явился сюда из другой эпохи, и ему только хотелось посмотреть, как живут люди теперь, а...

— Может быть, сядем? — предложил Дух Максвеллу.— Судя по твоему виду, тебе не мешает выпить.

Максвелл сел рядом с Шекспиром, а Дух опустился на стул напротив. Оп протянул Максвеллу бутылку.

— Валяй!— сказал он.— Не церемонься, пожалуйста. И не жди рюмки. Мы тут в дружеском кругу.

Максвелл поднес бутылку к губам и запрокинул голову. Шекспир смотрел на него с восхищением и, когда он кончил пить, произнес:

— Дивлюсь вашей доблести. Я сделал только один глоток, и меня прожгло насквозь.

— Со временем привыкнете,— утешил его Максвелл.

— Но вот этот эль,— продолжал Шекспир, погладив бутылку с пивом,— этот эль — добрый напиток, веселящий язык и приятный животу.

Из-за стула Шекспира выскользнул Сильвестр, протиснулся между ножками и положил голову на колени к Максвеллу. Максвелл почесал тигренка за ухом.

— Он опять к вам пристает? — спросила Кэрол.

— Мы с Сильвестром друзья навек,— объявил Максвелл.— Мы с ним сражались бок о бок. Вчера он и я, если вы помните, восстали на колесника и повергли его в прах.

— У вас веселое лицо,— сказал Шекспир, обращаясь к Максвеллу.— Так, значит, дело, которое вас так задержало, было завершено к вашему удовольствию?

— Наоборот,— ответил Максвелл.— И если мое лицо кажется веселым, то лишь потому, что я нахожусь в таком приятном обществе.

— Другими словами, Харлоу тебе отказал!— взорвался Оп.— Не согласился дать тебе день-другой!

— Он ничего не мог поделать,— объяснил Максвелл.— Он уже получил деньги, и завтра колесник увезет Артефакт.

— У нас есть возможность заставить его пойти на попятный!— грозно и загадочно проговорил Оп.

— Ничего не выйдет,— возразил Максвелл.— От него это уже не зависит. Продажа состоялась. Он не захочет вернуть деньги, но главное — нарушить свое слово. А если я правильно тебя понял, ему достаточно будет отменить лекцию и выкупить билеты.

— Пожалуй, ты прав,— согласился Оп.— Мы ведь не знали, что у них там уже все решено, и рассчитывали укрепить свои позиции.

— Вы сделали все, что могли,— ответил Максвелл.— Спасибо.

— Пива!— завопил Оп.— Еще пива для нашего благородного гостя.

— Весьма вам благодарен, сударь,— сказал Шекспир.

— Как ты отыскал этот притон? — спросил Максвелл.

— Мне известны все задворки сего учебного града,— сообщил ему Оп.

— Нам требовалось как раз что-то в этом роде,— заметил Дух.— Временщики скоро устроят облаву на нашего друга. А Харлоу сказал тебе, что он исчез?

— Нет,— ответил Максвелл.— Но он как будто нервничал. И даже упомянул, что тревожится, но ведь по его лицу ни о чем догадаться нельзя. Он из тех, кто усядется на краю кратера действующего вулкана и даже глазом не моргнет.

Подошел официант и поставил на их столик бутылку пива.

— Одна бутылка?! — вознегодовал Оп.— Это вы еще что придумали? Тащите-ка сюда ящик. Нашего друга замучила жажда.

— Но вы же не предупредили! — обиженно огрызнулся официант.— Откуда мне было знать?— И он пошел за пивом.

— Ваше гостеприимство превыше всех похвал,— сказал Шекспир.— Но не лишний ли я? Вас, кажется, гнетут заботы.

— Это правда,— ответил Дух.— Но вы никак не лишний. Мы очень рады вашему обществу.

— Оп сказал что-то о том, будто вы намерены совсем остаться здесь. Это верно? — спросил Максвелл.

— Мои зубы пришли в негодность,— сказал Шекспир.— Они шатаются и порой очень болят. Мне рассказывали, что тут много искуснейших мастеров, которые могут вырвать их без малейшей боли и изготовить новые.

— Да, конечно,— подтвердил Дух.

— Дома у меня осталась сварливая жена,— сказал Шекспир,— и нет у меня желания возвращаться к ней. К тому же ваш эль, который вы зовете пивом, поистине дивен на вкус, и я слышал, что вы заключили мир с гоблинами и феями, а это — великое чудо. И я сижу за одним столом с Духом, что превосходит всякое человеческое понимание, хотя и мнится, что тут где-то близок самый корень истины.

Подошел официант с охапкой бутылок и сердито брякнул их на стол.

— Вот!— сказал он неприязненно.— Пока, наверное, обойдетесь. Повар говорит, что горячее будет сейчас готово.

— Так, значит,— спросил Максвелл у Шекспира,— вы не собираетесь читать эту лекцию?

— Коли я ее прочту,— ответил Шекспир,— они мигом отошлют меня домой.

— Всенепременно,— вставил Оп.— Уж если они его заграбастают, то больше не выпустят.

Официант подкатил к столику тележку с дымящимися блюдами и начал расставлять их на столе.

— Сильвестр!— крикнула Кэрол.

Сильвестр вскочил, положил передние лапы на стол и, схватив два сочных куска ростбифа, скрылся под столом вместе со своей добычей.

— Котик проголодался,— сказал Шекспир.— Он находит себе пропитание, где может.

— Когда дело касается еды,— пожаловалась Кэрол,— он забывает о хороших манерах.

Из-под стола донеслось довольное урчание.

— Досточтимый Шекспир,— сказал Дух.— Вы прибыли сюда из Англии, из городка на реке Эйвон.

— Край, радующий глаз,— вздохнул Шекспир.— Но полный всякого отребья. Разбойники, воры, убийцы — кого там только нет!

— А я вспоминаю лебедей на реке,— пробормотал Дух.— Ивы по ее берегам, и...

— Что-что? — вскрикнул Оп.— Как это ты вспоминаешь?

Дух медленно поднялся из-за стола, и в этом движении было что-то, что заставило всех поглядеть на него. Он поднял руку, но это была не рука, а рукав его одеяния... если оно было одеянием.

— Нет-нет, я вспоминаю,— сказал он глухим голосом, доносившимся словно откуда-то издалека.— После всех этих лет я вспоминаю. Либо я забыл, либо не знал. Но теперь...

— Почтенный Дух,— сказал Шекспир,— что с вами? Какой странный недуг вас внезапно поразил?

— Теперь я знаю, кто я такой!— с торжеством сказал Дух.— Я знаю, чей я дух.

— Ну и слава богу,— заметил Оп.— Перестанешь теперь хныкать об утраченном наследии предков.

— Но чей же вы дух, если позволено будет спросить? — сказал Шекспир.

— Твой!— взвизгнул Дух.— Теперь я знаю! Теперь я знаю! Я дух Вильяма Шекспира!

На мгновение наступила ошеломляющая тишина, а потом из горла Шекспира вырвался глухой вопль ужаса. Одним рывком он вскочил со стула, перемахнул через стол и метнулся к двери. Стол с грохотом опрокинулся на Максвелла, и тот упал навзничь вместе со своим стулом. Край столешницы прижал его к полу, а лицо ему накрыла миска с соусом. Он обеими руками принялся стирать соус. Откуда-то со стороны доносились яростные крики Опа.

Кое-как протерев глаза, Максвелл выбрался из-под стола и поднялся на ноги. С его лица и волос продолжал капать соус.

На полу среди останков их ужина восседала Кэрол. Вокруг перекатывались бутылки с пивом. В дверях кухни, упирая пухлые руки в бока, стояла могучая повариха. Сильвестр, скорчившись над ростбифом, торопливо рвал его на части и проглатывал кусок за куском.

Оп, прихрамывая, возвращался от входной двери.

— Исчезли без следа,— сказал он.— И тот и другой.

Он протянул руку Кэрол, помогая ей подняться.

— Не дух, а идиот!— сказал он злобно.— Не мог промолчать. Даже если он и знал...

— Но он же не знал!— воскликнула Кэрол.— Он только сейчас понял. Может быть, какие-нибудь слова Шекспира пробудили в нем воспоминания... Он же только об этом и думал все эти годы и, конечно, от неожиданности...

— Последняя соломинка!— объявил Оп.— Шекспира теперь не разыщешь. Так и будет бегать без остановки.

— Наверное, Дух отправился за ним,— предположил Максвелл.— Чтобы догнать его, успокоить и привести назад к нам.

— Успокоить? — переспросил Оп.— Это как же? Да если Шекспир увидит, что Дух за ним гонится, он побьет все мировые рекорды, и в спринте и в марафоне.

21

Они уныло сидели вокруг дощатого стола в хижине Опа. Сильвестр лежал на спине у очага, уютно сложив передние лапы на груди, а задние задрав к потолку. На его морде застыло выражение глуповатого блаженства.

Оп подтолкнул стеклянную банку к Кэрол. Она понюхала ее содержимое и сморщила нос.

— Пахнет керосином,— сказала она.— И вкус, насколько я помню, абсолютно керосиновый.

Зажав банку в ладонях, она сделала большой глоток и протянула ее Максвеллу со словами:

— А знаете, и к керосину можно привыкнуть!

— Одно не могу понять,— сказал Оп.— Почему старина Билл так перепугался своего духа? Он прямо-таки полиловел. Но ведь до этого они с Духом так хорошо ладили. Ну, конечно, сперва он немного нервничал, но чего и ждать от человека из шестнадцатого столетия? Однако едва мы ему все объяснили, он даже обрадовался. И воспринял Духа с гораздо большей легкостью, чем мог бы его воспринять, например, человек двадцатого столетия. Ведь в шестнадцатом веке они верили в духов, и поэтому встреча с Духом не могла произвести впечатление чего-то сверхъестественного. И он был совершенно спокоен, пока Дух не заявил, что он его дух. Но уж тогда...

Максвелл приложился к банке и пододвинул ее Опу, утирая рот тыльной стороной руки.

— Одно дело — чувствовать себя легко и свободно в обществе первого попавшегося духа,— сказал он,— и совсем другое — нарваться на духа, который оказывается твоим собственным. Человек внутренне неспособен понять и принять свою смерть. Даже зная, что духи — это...

— Ради бога, не начинайте сначала!— взмолилась Кэрол.

Оп ухмыльнулся.

— Ну, во всяком случае, он вылетел оттуда стрелой. Точно ему к хвосту привязали шутиху. Он даже щеколду не откинул, а пробил дверь насквозь.

— Я ничего не видел,— отозвался Максвелл.— У меня на физиономии лежала миска с соусом.

— Ну, радости эта заварушка никому не принесла,— философски объявил Оп,— кроме вон того саблезубого. Он сожрал целый ростбиф. С кровью, как ему нравится.

— Он никогда не теряется,— сказала Кэрол.— И из всего умеет извлечь выгоду.

Максвелл пристально посмотрел на нее.

— Я давно уже хочу спросить вас, каким образом вы-то очутились в нашей компании. Мне казалось, что после истории с колесником вы навсегда отрясли наш прах с ваших ног.

— Она беспокоилась о тебе,— хихикнул Оп.— А кроме того, она любопытна, как не знаю кто.

— И еще одно,— сказал Максвелл.— Что вы знаете про Артефакт? Вы должны о нем что-то знать, иначе его продажа вас не встревожила бы.

— Что верно, то верно!— сказал Оп.— Ну-ка, сестренка, выкладывайте все начистоту.

— Два нахальных грубияна...

— Не надо превращать это в комедию,— попросил Максвелл.— Ведь речь идет о важном деле.

— Ну, хорошо. Как я вам и говорила, я случайно услышала о том, что его собираются продать. И меня это встревожило. И очень не понравилось. То есть с точки зрения закона в этой продаже нет ничего такого. Насколько мне известно, Артефакт принадлежит Институту времени и может быть продан по усмотрению его администрации. Но мне казалось, что Артефакт нельзя продавать даже за миллиарды. Потому, что я действительно кое-что о нем знаю, чего не знает никто другой и о чем я боялась кому-нибудь сказать. А когда я заговорила с нашими сотрудниками о всем значении Артефакта, я увидела, что это их совершенно не трогает. И вот, когда позавчера вечером я поняла, как вы им интересуетесь...

— Вы думали, что мы можем помочь.

— Я не знаю, что я подумала. Но Оп и вы были первыми, кого Артефакт интересовал. Однако я не могла говорить с вами откровенно. Взять и просто сказать. Во-первых, мне вообще не полагалось этого знать, а во-вторых, лояльность по отношению к институту требовала, чтобы я промолчала. И я совсем запуталась.

— Вы работали с Артефактом? И в результате...

— Нет,— сказала Кэрол.— Я с ним не работала. Но как-то раз я остановилась посмотреть на него... Ну, как любой турист. Потому, что я проходила через внутренний дворик, а Артефакт — такой интересный и таинственный предмет. И тут я увидела... или мне показалось... Это длилось одно мгновение. И сразу исчезло, но тогда я не сомневалась, что действительно видела... Был ясный, солнечный день, и на Артефакт падал солнечный луч. Вероятно, никому прежде не случалось посмотреть на Артефакт в тот момент, когда солнечный свет падал на него именно под таким углом. Не знаю. Разгадка, возможно, кроется именно в этом. Но как бы то ни было, у меня создалось впечатление, что я вижу что-то внутри Артефакта. А точнее сказать, не внутри. Казалось, словно Артефакт был чем-то, что сложили и спрессовали в брусок, но заметить это удавалось только при определенном освещении. Я как будто различила глаз... и в этот момент я почувствовала, что он живой и смотрит на меня, и...

— Но как же так!— воскликнул Оп.— Артефакт похож на камень. На слиток металла.

— Странный металл!— возразил Максвелл.— Металл, который ничто не берет, который...

— Но не забывайте, что мне могло просто почудиться,— напомнила Кэрол.

— Правды мы уже никогда не узнаем,— сказал Максвелл.— Колесник завтра утром заберет Артефакт...

— И купит за него хрустальную планету,— докончил Оп.— Эх, если бы мы не упустили Шекспира...

— Ничего хорошего из этого не вышло бы!— отрезал Максвелл.— И вообще похищение Шекспира...

— Мы его не похищали!— оскорбился Оп.— Он пошел с нами по доброй воле. Можно даже сказать, с радостью. Он только о том и думал, как бы избавиться от сопровождающего, которого к нему приставили временщики. И вообще инициатором был он. А мы только немножко поспособствовали.

— Хорошенько стукнув сопровождающего по голове?

— Да никогда в жизни! Все было чинно и благородно. Мы просто отвлекли его внимание с помощью небольшого развлечения, так сказать.

— Ну, ладно,— сказал Максвелл.— В любом случае план был дурацкий. Тут речь идет о слишком больших деньгах. Вы могли бы похитить хоть дюжину Шекспиров, но Харлоу все равно продал бы Артефакт.

— Неужели вы ничего не можете сделать? — вздохнула Кэрол.— Например, стащить Арнольда с постели...

— Арнольд мог бы спасти Артефакт, только возместив Харлоу сумму, которую он получил от колесника. Вы способны это себе представить?

— Нет, не способны,— отозвался Оп и, взяв банку, опрокинул остатки ее содержимого в рот. Потом он направился к своему тайнику.

— Погоди!— остановил его Максвелл.— У меня наклевывается идея.

Кэрол и Оп в молчании ждали, чтобы идея проклюнулась.

— Аппарат-переводчик!— воскликнул Максвелл.— Тот, с помощью которого я читал на хрустальной планете металлические листы. Я нашел его у себя в чемодане.

— Ну и что? — спросил Оп.

— Что если Артефакт просто содержит какие-то записи?

— Но Кэрол говорит...

— Я знаю, что говорит Кэрол! Но она уже не уверена. Ей только кажется, что она видела смотрящий на нее глаз. А это маловероятно.

— Пусть даже так,— перебил Оп.— Но что это дает нам? Музей заперт, и Харлоу не станет открывать его для нас.

— Это я могу устроить!— заявила Кэрол.— Я позвоню сторожу и скажу, что мне необходимо поработать там. Или что мне надо забрать оттуда материал. У меня есть разрешение работать в музее в любое время.

— И вы вылетите с работы,— заметил Оп.

Кэрол пожала плечами.

— Найду что-нибудь другое. Зато если нам удастся...

— Но какой смысл?— спросил Максвелл.— Один шанс на миллион. Или даже меньше. По правде говоря, мне очень хотелось бы проверить, но...

— А если окажется, что это и в самом деле что-то очень важное? — сказала Кэрол.— Тогда мы могли бы пойти к Шарпу, объяснить ему и, возможно...

— Не думаю,— ответил Максвелл.— Вряд ли нам удастся обнаружить что-то настолько важное, чтобы Харлоу вернул такие деньги.

— Ну, во всяком случае, не будем терять зря времени на обсуждения и предположения! — объявил Оп.— Надо действовать!

Максвелл посмотрел на Кэрол.

— По-моему, он прав, Пит,— сказала она.— По-моему, рискнуть стоит.

22

Их окружало прошлое — в витринах, в шкафах, на подставках; утраченное, забытое, безвестное прошлое, отнятое у времени полевыми экспедициями, которые обследовали скрытые уголки истории человечества. Творения художников и искусных ремесленников, какие никому и не снились, пока люди не вернулись в прошлое и не обнаружили их там: новенькие гончарные изделия, прежде известные в лучшем случае только в черепках, флаконы из Древнего Египта, полные притираний и душистых мазей, совсем еще свежих, доисторические железные оружия, выхваченные чуть ли не прямо из кузнечного горна, свитки из Александрийской библиотеки, которые должны были бы сгореть, но не сгорели, потому что были посланы люди спасти их за мгновение до того, как их пожрало бы пламя пожара, уничтожившего библиотеку, прославленные ткани Элама, секрет которых был утрачен в незапамятные времена,— все это и неисчислимое множество других экспонатов, бесценная сокровищница предметов (многие из которых сами по себе не были бесценными сокровищами), добытых из недр времени.

«Какой же это «Музей Времени»?» — подумал Максвелл. Нет, это скорее был «Музей Безвременья», место, где сходились все эпохи, где исчезали все хронологические различия. Тут можно было брать в руки и применять орудия, инструменты и приспособления, которые человек создавал и использовал на всем протяжении своего развития.

Кэрол удалось-таки провести их в музей, хотя вначале он опасался, что ее план неосуществим. Она позвонила сторожу и сказала, что ей и двум ее сотрудникам необходимо взглянуть на Артефакт в последний раз перед тем, как его увезут, и сторож встретил их у маленькой калитки, вделанной в величественные массивные двери, которые широко распахивались в часы, когда музей бывал открыт для посетителей.

— Только вы недолго,— ворчливо предупредил сторож.— Не знаю, может, вас и вообще-то пускать нельзя.

Но Кэрол заверила его, что все будет в порядке — он может ни о чем не беспокоиться, и сторож удалился, шаркая подметками и что-то бормоча себе под нос.

Над черным брусом Артефакта горели яркие лампы.

Максвелл нырнул под бархатный канат, ограждавший пьедестал, вскарабкался к самому Артефакту и скорчился рядом с ним, нащупывая в кармане аппарат-переводчик.

— Дурацкая догадка!— сказал он себе.— Да и никакая это не догадка, а просто нелепая идея, порожденная отчаянием. Он только зря потратит время и поставит себя в глупое положение. Ну, а если это маловероятное предположение даже в какой-то мере и подтвердится, все равно изменить он уже ничего не сможет. Завтра колесник заберет Артефакт и вступит во владение библиотекой хрустальной планеты, а человечество навсегда лишится доступа к знаниям, тщательно и трудолюбиво копившимся пятьдесят миллиардов лет в двух вселенных, к знаниям, которые должны были бы принадлежать Объединенным университетам Земли и могли бы достаться им, а теперь навеки станут собственностью загадочной культуры, которая, возможно, окажется тем потенциальным галактическим врагом, которого Земля всегда опасалась встретить в космосе.

Ему не хватало времени! Еще какой-нибудь день или два — и он воспрепятствовал бы этой сделке, он нашел бы людей, которые его выслушали бы, которые приняли бы меры. Но обстоятельства все время складывались против него, а теперь было уже поздно.

Максвелл надел на голову аппарат-переводчик, но очки никак не желали опускаться на место.

— Дайте я помогу,— сказала Кэрол, и он почувствовал, как ее ловкие пальцы растягивают ремни, прилаживают застежки. Покосившись вниз, он увидел Сильвестра. Тигренок сидел у самого пьедестала и скалил зубы на Опа. Перехватив взгляд Максвелла, неандерталец сказал:

— Эта тигра чует, что я ее естественный враг. В один прекрасный день она соберется с духом и прыгнет на меня.

— Не говорите глупостей!— сердито огрызнулась Кэрол.— Он же просто шаловливый котенок.

— Это как посмотреть,— отозвался Оп.

Максвелл еще раз подергал очки и надвинул их на глаза.

И поглядел на Артефакт.

В этом сгустке черноты было что-то. Линии, очертания... непонятные формы. Артефакт перестал быть просто сгустком непроницаемой тьмы, отражающим любые попытки проникнуть в него извне, ничего не приемлющим и ничего не открывающим, словно он был вещью в себе, инородным телом во вселенной.

Максвелл завертел головой, стараясь найти наиболее удобный угол зрения, чтобы разобраться в том, что увидел. Во всяком случае, это не записи... Нет, это что-то совсем другое! Он нащупал винт фокусировки и попробовал изменить настройку.

— В чем дело? — спросила Кэрол.

— Не понимаю...

И в это же мгновение он понял. И увидел. В уголке бруса виднелась лапа, покрытая радужной пленкой... или кожей... или чешуей, с когтями, сверкающими, как алмазы. И эта лапа шевелилась и дергалась, словно стараясь высвободиться и дотянуться до него.

Максвелл вздрогнул, инстинктивно отпрянул и вдруг почувствовал, что падает. Он попытался извернуться так, чтобы не удариться затылком. Его плечо задело бархатный канат, и стойки с грохотом опрокинулись на пол. Однако канат успел спружинить, и Максвелл упал на бок, чуть не сломав ключицу, но зато его голова не коснулась каменного пола. Он рывком сдвинул очки в сторону, чтобы освободить глаза.

Артефакт над ним стремительно изменялся. Из сгустка тьмы возникало что-то, свивалось и билось в судорожном стремлении вырваться на свободу. Что-то живое, полное буйной энергии, ослепительно прекрасное.

Изящная, вытянутая вперед голова, зубчатый гребень, сбегающий от лба по шее и спине. Могучая грудь, продолговатое туловище с полусложенными, красиво изогнутыми крыльями, красиво изогнутые передние лапы с алмазными когтями.

«Дракон!— подумал Максвелл.— Дракон, возникший из черноты Артефакта! Дракон, наконец обретший свободу после миллионов лет заключения в сгустке мрака».

Дракон! После стольких лет поисков, размышлений, неудач он все-таки увидел живого дракона! И совсем не такого, каким он рисовался его воображению, не прозаическое создание из плоти и чешуи, но великолепнейший символ! Символ дней расцвета хрустальной планеты, а может быть, и всей той вселенной, которая канула в небытие, уступая место новой, нашей вселенной — древний, легендарный современник тех страшных, необыкновенных рас, захиревшими, жалкими потомками которых были гоблины, тролли, феи и баньши. Существо, название которого передавалось от отца к сыну тысячами и тысячами поколений, но которого до этой минуты не видел ни один человек.

Возле одной из упавших стоек замер Оп, с ужасом и удивлением глядя вверх — его кривые ноги были полусогнуты, точно он окаменел, готовясь к прыжку, окорокообразные руки свисали по бокам, пальцы были искривлены, как когти. Сильвестр припал к полу, разинув пасть, ощерив клыки. На его ногах под густым мехом вздулись узлы мышц. Он был готов нападать и защищаться.

На плечо Максвелла легла ладонь, и он резко повернулся.

— Это дракон? — спросила Кэрол.

Ее голос был странен: точно она боялась этого слова. Она глядела не на Максвелла, а вверх —

на дракона, который, по-видимому, уже закончил свою трансформацию.

Дракон дернул длинным, гибким хвостом, и Оп неуклюже припал к полу, увертываясь от удара.

Сильвестр яростно зашипел и пополз вперед.

— Сильвестр! Не смей!— крикнул Максвелл.

Оп поспешно кинулся вперед на четвереньках и ухватил Сильвестра за заднюю лапу.

— Да скажите ему что-нибудь!— потребовал Максвелл, поворачиваясь к Кэрол.— Если этот идиот сцепится с ним, произойдет черт знает что!

— Сильвестр Опа не тронет, можете не опасаться!

— При чем тут Оп? Я говорю о драконе. Если он прыгнет на дракона...

Из темноты донесся разъяренный вопль и топот бегущих ног.

— Что вы тут затеяли? — загремел сторож, выбегая на свет.

Дракон повернулся на пьедестале и соскользнул с него навстречу сторожу.

— Берегись!— рявкнул Оп, держа лапу Сильвестра железной хваткой.

Дракон двигался осторожной, почти семенящей походкой, вопросительно наклонив голову. Он взмахнул хвостом и смел на пол полдюжины чаш и кувшинов. Раздался оглушительный треск, блестящие черепки брызнули во все стороны.

— Эй, прекратите это!— крикнул сторож и, по-видимому, только тут заметил дракона. Он взвизгнул и кинулся наутек. Дракон неторопливо затрусил за ним, с любопытством вытягивая шею. Его продвижение по залам музея сопровождалось грохотом и звоном.

— Если мы не уберем его отсюда,— заявил Максвелл,— тут скоро не останется ни одного целого экспоната. При таких темпах ему на это потребуется не больше пятнадцати минут. Он сотрет весь музей в порошок. И ради всего святого, Оп, не выпусти Сильвестра. Нам тут только не хватает боя тигра с драконом!

Он поднялся с пола, снял с головы аппарат и сунул его в карман.

— Можно открыть двери,— предложила Кэрол,— и выгнать его наружу. Я знаю, как отпираются большие двери.

— Оп, а ты умеешь пасти драконов? — осведомился Максвелл.

Дракон тем временем добрался до последнего зала и повернул назад.

— Оп!— попросила Кэрол.— Помогите мне. Тут нужна сила.

— А тигр как же?

— Предоставь его мне,— распорядился Максвелл.— Может быть, он возьмет себя в руки. И вообще послушается меня.

Приближение дракона было отмечено новыми взрывами треска и грохота. Максвелл застонал. Шарп убьет его за это. И с полным правом: хотя они и друзья, но музей разгромлен, а Артефакт преобразился в буйствующее многотонное чудовище!

Максвелл осторожно направился туда, откуда донесся очередной грохот. Сильвестр последовал за ним, припадая к полу. В темноте Максвелл с трудом различил очертания дракона, плутающего среди стендов.

— Хороший, хороший дракошечка, умница!— сказал Максвелл.— Легче на поворотах, старина!

Это прозвучало довольно глупо и неубедительно. Но как вообще полагается разговаривать с драконами?

Сильвестр испустил хриплое рычание.

— Хоть ты-то не суйся!— сердито сказал Максвелл.— И без тебя все так скверно, что дальше некуда.

«А где сейчас сторож? — подумал он.— Наверное, звонит в полицию, так что гроза может разразиться с минуты на минуту».

Позади раздалось поскрипывание открывающихся створок огромной двери. Хоть бы дракон подождал, пока они совсем откроются! Тогда его, возможно, удастся выгнать из музея. Да, но дальше-то что?

Он замер в нерешительности, взвешивая минусы запертого дракона по сравнению с минусами дракона на свободе. Музей и так разнесен вдребезги, а потому довершение этого разгрома, пожалуй, все-таки предпочтительнее того, что может натворить дракон в городке.

Створки продолжали поскрипывать, расходясь. Дракон, до тех пор передвигавшийся легкой рысцой, вдруг припустил галопом в их сторону.

Максвелл стремительно повернулся, вопя:

— Двери! Закройте двери!— и еле успел отскочить с пути мчащегося дракона.

Полуоткрытые створки остались полуоткрытыми, а Кэрол и Оп метнулись в разные стороны, стараясь предоставить как можно больше пустого пространства для надвигающегося на них чудовища, которому явно захотелось погулять.

По залам музея прокатился громовой рык, и Сильвестр помчался вдогонку за убегающим драконом.

Максвелл со стоном бросился за ними, хотя сам не понимал, что он, собственно, собирается сделать. Меньше всего ему хотелось хватать дракона за хвост.

Дракон достиг дверей и прыгнул — прыгнул высоко в воздух, разворачивая крылья, которые загремели, как паруса под ветром.

Максвелл резко остановился в дверях, чуть не потеряв равновесие. На нижней ступеньке крыльца Сильвестр, также с усилием затормозив, теперь тянулся всем телом вверх, негодующе рыча на летящего дракона.

Это было ошеломляющее зрелище. Лунный свет играл на поднимающихся и опускающихся крыльях, алыми, золотыми и голубыми огнями вспыхивал на тысячах полированных чешуек, и казалось, что в небе дрожит многоцветная радуга.

Из дверей выскочили Кэрол с Опом и тоже задрали головы.

— Как красиво!— сказала Кэрол.

— Да, не правда ли? — отозвался Максвелл.

И только тут он полностью осознал смысл случившегося. Артефакта больше не существовало, и колесник лишился своей покупки. Но и он уже не мог предоставить хрустальной планете требуемую цену. Цепь событий, начавшаяся с дублирования его волновой схемы, когда он направлялся в систему Енотовой Шкуры, оборвалась. И если бы не эта летящая в небе радуга, можно было бы считать, что вообще ничего не произошло.

Дракон взмывал все выше, описывая расширяющиеся круги, и казался теперь просто многоцветным пятном.

— Вот так!— уныло сказал Оп.— Что мы предпримем теперь?

— Это я во всем виновата,— пробормотала Кэрол.

— Виноватых тут нет,— возразил Оп.— Неумолимый ход событий — и все.

— Ну, во всяком случае, мы сорвали Харлоу его продажу!— заявил Максвелл.

— Что да, то да,— сказал голос позади них.— Не будет ли кто-нибудь так любезен объяснить мне, что здесь происходит?

Они обернулись.

В дверях музея стоял Харлоу Шарп. В зале теперь горели все лампы, и его фигура выделялась в светлом прямоугольнике дверей четким черным силуэтом.

— Музей разгромлен,— сказал Шарп,— Артефакт исчез. Мисс Хэмптон, я удивлен. Я никак не ожидал найти вас в таком дурном обществе. Впрочем, этот ваш бешеный кот...

— Пожалуйста, не вмешивайте сюда Сильвестра!— воскликнула она.— Он тут ни при чем!

— Так как же, Пит? — спросил Шарп.

Максвелл помотал головой.

— Мне трудно объяснить...

— Я так и предполагал,— сказал Шарп.— Когда ты разговаривал со мной сегодня вечером, ты уже имел в виду все это?

— Нет. Непредвиденная случайность.

— Дорогостоящая случайность!— заметил Шарп.— Может быть, тебе будет интересно узнать, что ты затормозил работу Института времени лет на сто, если не больше. Правда, если вы просто унесли Артефакт и где-то его припрятали, это еще можно исправить. В таком случае даю вам, мой друг, ровно пять секунд на то, чтобы вы его мне вернули.

Максвелл судорожно глотнул.

— Я его не уносил, Харлоу. Я к нему даже не прикасался. Я сам не понимаю, что произошло. Он превратился в дракона.

— Во что? Во что?

— В дракона. Пойми же, Харлоу...

— Ага!— воскликнул Шарп.— Ты ведь всегда бредил драконами. И в систему Енотовой Шкуры отправился подыскать себе дракона. И вот теперь ты им обзавелся! Надеюсь, не завалящим каким-нибудь?

— Он очень красивый,— сказала Кэрол.— Золотой и сияющий.

— Чудесно. Нет, просто замечательно. Мы все можем разбогатеть, таская его по ярмаркам. Организуем цирк и сделаем дракона гвоздем представления. Я уже вижу анонс — большими такими буквами: «ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ ДРАКОН».

— Но его же здесь нет,— объяснила Кэрол.— Он взял и улетел.

— Оп! А вы почему молчите? — поинтересовался Шарп.— Что с вами приключилось? Обычно вы гораздо разговорчивее. Что произошло?

— Я глубоко огорчен,— пробормотал Оп.

Шарп отвернулся от неандертальца и посмотрел на Максвелла.

— Пит,— сказал он,— возможно, ты все-таки понимаешь, что ты натворил. Сторож позвонил мне и хотел вызвать полицию. Но я велел ему подождать, пока я сам не посмотрю, что произошло. Правда, ничего подобного я все-таки не ожидал. Артефакт исчез, и, значит, я не могу вручить его покупателю и должен буду вернуть деньги, и какие деньги! А чуть ли не половина экспонатов разбита вдребезги...

— Их разбил дракон,— объяснил Максвелл.— Прежде чем мы успели его выпустить.

— Ах, так вы его выпустили? Он не сам удрал, а вы его просто выпустили!

— Но он же громил музей. Мы совсем растерялись, ну, и...

— Пит, скажи мне, только честно. А был ли дракон?

— Да, был. Его заключили в Артефакт. Но возможно, что Артефакт — это и был он. Не спрашивай меня, как это было сделано...

— Мне кажется,— сказал Харлоу,— здесь кое-кого не хватает. Еще одной личности, без которой не обходится ни один такой скандал. Оп, скажите, будьте так добры, где Дух, ваш ближайший и дражайший друг?

Оп покачал головой.

— Разве за ним уследишь? Постоянно куда-нибудь исчезает.

— И это еще не все,— продолжал Шарп.— Есть еще одно обстоятельство, которое нам следует прояснить. Пропал Шекспир. Не мог ли бы кто-нибудь из вас пролить свет на это исчезновение?

— Он некоторое время был с нами,— сказал Оп.— Мы как раз собрались поужинать, но он вдруг перепугался и удрал. Это случилось в тот момент, когда Дух припомнил, что он дух Шекспира. Вы же знаете, как он все эти годы мучился оттого, что не знал, чей он дух.

Шарп медленно опустился на верхнюю ступеньку и медленно обвел их взглядом.

— Ничего,— сказал он,— ну, ничего вы не упустили, начав губить Харлоу Шарпа. Вы прекрасно справились со своей задачей.

— Мы не собирались вас губить,— возразил Оп.— Мы питаем к вам самые лучшие чувства. Но просто все пошло вкривь и вкось, да так и не остановилось.

— Я имею полное право,— сказал Шарп,— подать на вас в суд для взыскания всех убытков музея. Но вы все трое, вместе взятые, неспособны отработать и миллионной доли того, во что обошлись институту ваши сегодняшние развлечения. Поэтому мне нет никакого смысла обращаться в суд. Хотя, полагаю, без полиции обойтись будет нельзя. Я обязан поставить ее в известность. Так что, боюсь, вам всем придется ответить на порядочное число вопросов.

— Если бы ты только согласился меня выслушать!— вздохнул Максвелл.— Я ведь пытался объяснить тебе ситуацию, когда мы говорили вечером...

— В таком случае,— заявил Шарп,— можешь начать свои объяснения немедленно. Признаюсь, мне будет любопытно их послушать. Пойдемте в мой служебный кабинет, где нам будет уютнее разговаривать. Это ведь близко — через дорогу. Или это вам неудобно? Возможно, вам еще осталось сделать два-три завершающих штриха, чтобы окончательно разорить Институт времени?

— Да нет, пожалуй,— сказал Оп.— Насколько могу судить, мы уже сделали все, что было в наших силах.

23

В приемной Шарпа им навстречу поднялся человек.

— Хорошо, что вы наконец пришли, доктор Шарп. Произошло нечто...

Тут он увидел Максвелла и на мгновение умолк.

— А, это вы!— продолжал он после краткой паузы.— Рад вас видеть. Вы-таки заставили меня погоняться за вами!

Максвелл скорчил гримасу.

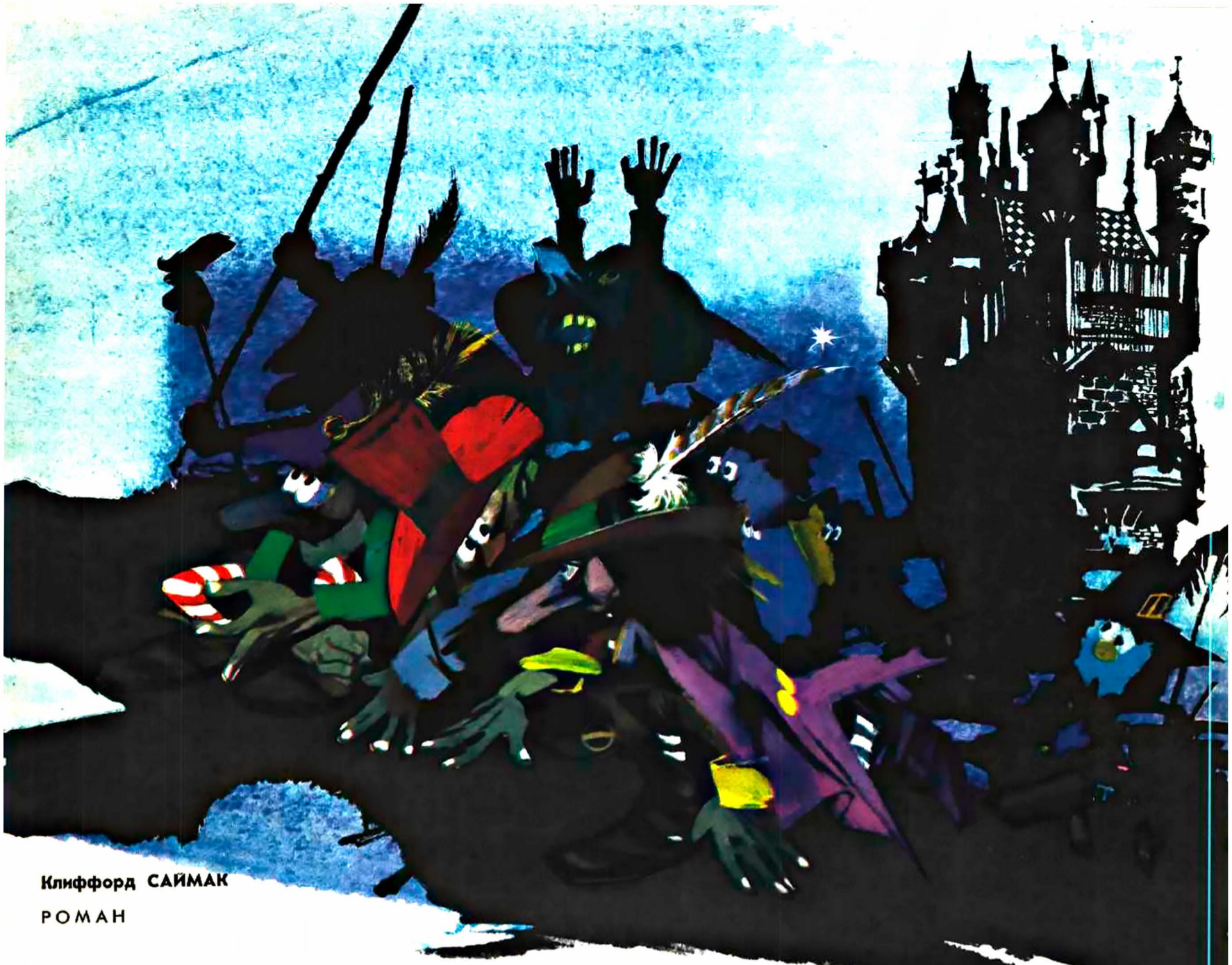
— К сожалению, не могу сказать, что ваша радость вызывает у меня взаимное чувство.

— А кто вы, собственно, такой? — резко спросил Шарп.— По какому праву вы сюда врываетесь?

— Я инспектор службы безопасности. Моя фамилия — Дрейтон.

Перевод Ирины ГУРОВОЙ.

Окончание следует.



Клиффорд САЙМАК

РОМАН

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

— В таком случае,— заявил Шарп,— будьте добры встать в очередь. У меня есть к доктору Максвеллу кое-какое дело, и, боюсь, оно важнее вашего.

— Вы меня не поняли,— терпеливо сказал Дрейтон.— Я пришел сюда не для разговора с вашим другом. Его появление с вами — это всего лишь приятный сюрприз. А ваша помощь нужна мне в связи с совсем другим делом, возникшим довольно неожиданно. Видите ли, я узнал, что профессор Максвелл был в числе гостей на последнем приеме мисс Клейтон, а потому я отправился к ней...

— Ничего не понимаю!— перебил Шарп.— Ну при чем тут Нэнси Клейтон?

— Право, не знаю, Харлоу,— сказала Нэнси Клейтон, выходя из его кабинета.— Я всегда стараюсь избегать историй. Я просто люблю, когда у меня бывают мои друзья, и, по-моему, в этом нет ничего плохого!

— Нэнси, пожалуйста, погоди!— взмолился Шарп.— Объясни сначала, что, собственно, происходит. Зачем ты пришла сюда? И зачем пришел инспектор Дрейтон? И...

— Из-за Ламберта,— сказала Нэнси.

— Из-за художника, который написал эту твою картину?

— У меня их три! — с гордостью сообщила Нэнси.

— Но Ламберт умер пятьсот с лишним лет назад!

— Я и сама так думала,— ответила Нэнси.— Но сегодня вечером он пришел ко мне. Говорит, что заблудился.

Окончание. Начало в «Смене» №№ 18—23.

Из кабинета, вежливо отодвинув Нэнси в сторону, вышел мужчина — высокий, крепкий, белобрысый, с лицом, изборожденным глубокими морщинами.

— Господа!— сказал он.— Кажется, речь идет обо мне? В таком случае не разрешите ли вы и мне принять участие в вашей беседе?

— Вы Альберт Ламберт? — спросил Максвелл.

— Не кто иной,— ответил Ламберт.— Надеюсь, я вам не помешал. Но со мной приключилась большая неприятность.

— Только с вами одним? — осведомился Шарп.

— Право, не могу сказать,— сказал Ламберт.— Вероятно, неприятности приключаются со множеством людей. Однако для каждого в подобном случае вопрос ставится просто: как найти выход из положения?

— Почтеннейший!— воскликнул Шарп.— Вот над этим-то я и ломаю голову, совсем как вы.

— Разве ты не понимаешь, что Ламберт его уже нашел? — спросил Максвелл у Шарпа.— Он явился именно туда, где ему могут помочь.

— На вашем месте, молодой человек,— вмешался Дрейтон,— я держался бы потише. В тот раз вы меня провели, но теперь вам от меня так просто не отделаться. Сначала вы ответите на некоторые вопросы.

— Инспектор,— сказал Шарп,— ну, пожалуйста, не вмешивайтесь. И без вас голова идет кругом. Артефакт исчез, музей разгромлен, Шекспир пропал.

— Но мне-то,— вразумительно сказал Ламберт,— мне-то нужно всего лишь одно: вернуться домой. В мой две тысячи двадцать третий год.

— Погодите минутку,— потребовал Шарп.— Вы лезете без очереди.

— Харлоу,— перебил Максвелл,— я же тебе уже объяснял. Не далее, как сегодня вечером. Я еще спросил тебя про Симонсона. Не мог же ты забыть!

— Симонсон? А, да!— Шарп посмотрел на Ламберта.— Вы тот художник, который нарисовал картину с Артефактом?

— Каким Артефактом?

— Большим черным камнем на вершине холма.

Ламберт покачал головой.

— Нет, я ее не писал. Но, наверное, еще напишу. Вернее, не могу не написать. Мисс Клейтон показала ее мне, и кисть, несомненно, моя. И хотя не мне бы это говорить, а вещь получилась недурная.

— Значит, вы действительно видели Артефакт в юрском периоде?

— Когда-когда?

— Двести миллионов лет назад.

— Так давно? — удивился Ламберт.— Впрочем, я так и полагал. Там ведь были динозавры.

— Но как же вы не знали? Ведь вы путешествовали во времени.

— Беда в том,— объяснил Ламберт,— что настройка времени закапризничала. Я больше не способен попадать в то время, в которое хочу.

— А где ваша машина времени? — спросил Шарп.— Где вы ее оставили? Мы могли бы ее наладить.

— Я ее нигде не оставлял. Я вообще не могу ее оставить. Она всегда со мной. Она у меня в голове.

— В голове?! — взвыл Шарп.— Машина времени в голове? Но это же какой-то новый принцип. Мы прошли мимо него.— Он повернулся к Ламберту: — Вы не знаете, как она действует?

— Не имею ни малейшего представления,— ответил тот.— Мне известно только, что с тех пор, как эту штучку засунули мне в череп — весьма сложная была операция, могу вас заверить! — я получил способность путешествовать во времени. Мне нужно было просто подумать о том, куда я хочу попасть, используя определенные несложные координаты, и я оказывался там. Но что-то разладилось. Что бы я ни думал, меня бросает вперед и назад, точно бильбоке, из эпохи в эпоху, причем совсем не в ту, в которую я хотел бы попасть. И вот, очутившись здесь, я решил, что этот городок выглядит куда цивилизованнее, чем многие из тех мест, куда меня заносило, и начал наводить справки, чтобы сориентироваться. По-видимому, я еще никогда не забирался так далеко в будущее, поскольку почти сразу узнал, что вы тут уже открыли путешествия во времени и у вас есть Институт времени. Потом я услышал, что у мисс Клейтон имеется моя картина, и рассудил, что в этом случае она может отнестись ко мне благожелательно, а потому отправился к ней в надежде с ее помощью связаться с теми, кто мог бы оказать мне большую любезность, отправив меня домой. А пока я беседовал с ней, пришел инспектор Дрейтон...

— Мистер Ламберт!— сказала Нэнси.— Прежде, чем вы будете продолжать, я хотела бы задать вам вопрос. Почему, когда вы были в юрской... в юрском... ну, там, где, как сказал Харлоу, вы были и написали эту свою картину?..

— Вы забыли,— прервал ее Ламберт,— что я еще ничего не написал. Правда, у меня есть эскиз, и я надеюсь...

— Ну, хорошо. Так почему, когда вы начнете ее писать, вы не введете в нее динозавров? На ней динозавров нет, а вы только что сказали, что поняли, в какую древнюю эпоху попали, когда увидели там динозавров.

— Я не написал динозавров по самой простой причине,— ответил Ламберт.— Там не было динозавров.

— Но вы же сказали...

— Поймите,—начал терпеливо объяснять художник,— я пишу только то, что вижу. Я никогда ничего не опускаю. Я никогда ничего не вношу. А динозавров там не было потому, что другие создания, которые есть на картине, их разогнали. И я не написал ни динозавров, ни прочих

— Прочих? — переспросил Максвелл.— О чем вы говорите? Что это были за прочие?

— Ну те, на колесах,— ответил Ламберт.

Он умолк и обвел взглядом ошеломленные лица.

— Я сказал какую-то неловкость?

— Нет-нет, что вы!— успокоила его Кэрол.— Продолжайте, мистер Ламберт. Расскажите нам про этих... на колесах.

— Вы, наверное, мне не поверите,— сказал Ламберт.— И я не могу вам объяснить, что они были такое. Может быть, рабы. Рабочий скот. Носильщики. Сервы. По-видимому, они были не машинами, а живыми существами, но они передвигались не с помощью ног, а с помощью колес и представляли собой что-то вроде гнезда насекомых. Ну как пчелиный рой или муравейник. Общественные насекомые, по-видимому. Разумеется, я не жду, чтобы вы мне поверили, но даю вам честное слово...

Откуда-то издали донесся глухой, нарастающий рокот, словно от быстро катящихся колес. Внезапно он раздался у самой двери, затих на повороте, и на пороге кабинета возник колесник.

— Вот один из них!— взвизгнул Ламберт.— Что он тут делает?

— Мистер Мармадьюк,— сказал Максвелл,— я рад снова увидеться с вами.

— Нет,— сказал колесник.— Не мистер Мармадьюк. Так называемого Мармадьюка вы больше не увидите. Он в большой немилости. Он совершил непростительную ошибку.

Сильвестр двинулся было вперед, но Оп быстро протянул руку, ухватил его за загривок и не выпустил, как ни старался тигренок вывернуться.

— Гуманоид, известный под именем Харлоу Шарп, заключил условие о продаже. Кто из вас Харлоу Шарп?

— Это я,— сказал Шарп.

— В этом случае, сэр, я должен спросить вас: как вы думаете выполнить указанное условие?

— Я ничего не могу сделать,— ответил Шарп.— Артефакт исчез и не может быть вам вручен. Ваши деньги, разумеется, будут вам немедленно возвращены.

— Этого, мистер Шарп, окажется недостаточно,— сказал колесник.— Далеко-далеко не достаточно. Мы возбудим против вас преследование по закону. Мы пустим против вас, милейший, в ход все, чем мы располагаем. Мы сделаем все, чтобы ввергнуть вас в разорение, и...

— Ах, ты, самоходная тачка!— вдруг взорвался Шарп.— На какой это закон вы думаете ссылаться? Галактический закон неприложим к таким тварям. И если вы воображаете, что можете являться сюда и угрожать мне...

В проеме двери из ничего возник Дух.

— Явился наконец! — взревел Оп сердито.— Где тебя носило всю ночь? Куда ты девал Шекспира?

— Бард в безопасном месте,— ответил Дух,— но у меня другие известия.— Рукав его одеяния взметнулся, указывая на колесника.— Его сородичи ворвались в заповедник гоблинов и ловят дракона!

Так, значит, несколько нелогично подумал Максвелл, они с самого начала охотились именно за драконом? Значит, колесники всегда знали, что в Артефакте скрыт дракон? И сам себе ответил: да, конечно, знали! Ведь это они сами или их предки жили на Земле в юрский период. В юрский период — на Земле? А в какие времена на разных других планетах? Ламберт назвал их сервами, носильщиками, рабочим скотом. Были ли они биологическими роботами, которых создали древние существа? А может быть, одомашненными животными, приспособленными с помощью генетической обработки к выполнению определенных функций?

— То есть пока вы стоите здесь и угрожаете мне,— говорил Шарп колеснику,— ваши бандиты...

— Уж он ничего не упустит,— вставил Оп.

— Дракон,— сказал Дух,— отправился в единственное родное и близкое место, какое ему удалось отыскать на этой планете. Он полетел туда, где живет маленький народец, в надежде увидеть вновь своих сородичей, парящих в лунном свете над речной долиной. И тут на него с воздуха напали колесники, пытаясь прижать его к земле, чтобы там схватить. Дракон доблестно отбивает их атаки, но...

— Колесники не умеют летать,— перебил его Шарп.— И вы сказали, что их там много. Этого не может быть. Мистер Мармадьюк был единственным...

— Возможно, и считается, что они не могут летать,— возразил Дух.— Но вот летают же! А почему их много, я не знаю. Может быть, они все время были здесь и прятались, а может быть, пополнение к ним прибывает с передаточных станций.

— Ну, этому мы можем положить конец!— воскликнул Максвелл.— Надо поставить в известность транспортников, и...

Шарп покачал головой.

— Нет. Транспортная система не принадлежит Земле. Это межгалактическая организация. Мы не имеем права вмешиваться...

— Мистер Мармадьюк,— сказал инспектор Дрейтон самым официальным своим тоном,— или как бы вы там себя ни называли, судя по всему, я должен вас арестовать.

— Прекратите словоизлияния!— воскликнул Дух.— Маленькому народцу нужна помощь.

Максвелл схватил стул.

— Довольно дурачиться!— сказал он и, занеся стул над головой, обратился к колеснику: — Ну-ка, выкладывайте все начистоту, иначе я вас размозжу!

Внезапно из груди колесника высунулись наконечники сопл и раздалось пронзительное шипение. В лицо им ударила невыносимая вонь, смрад, который бил по желудку, как тяжелый кулак, вызывая мучительную тошноту.

Максвелл почувствовал, что падает на пол: тело перестало ему повиноваться и словно связалось в узлы, парализованное зловонием, которое выбрасывал колесник.

Над его головой раздался ужасающий визг, и, перекатившись на бок, он увидел Сильвестра: вцепившись передними лапами в верхнюю часть тела колесника, тигренок рвал когтями мощных задних лап пухлое прозрачное брюхо, в котором извивалась отвратительная масса белесых насекомых. Колеса колесника отчаянно вращались, но с ними что-то произошло: одно колесо вертелось в одну сторону, а другое — в противоположную, в результате чего колесник волчком вертелся на месте.

Чья-то рука ухватила Максвелла за локоть и бесцеремонно поволокла по полу. Его тело стукнулось о порог, и он наконец глотнул более или менее чистого воздуха.

Максвелл протер слезящиеся глаза. Вонь достигла и коридора, но тут все-таки можно было кое-как дышать.

Рисунок **Геннадия НОВОЖИЛОВА**

Шарп сидел, привалившись к стене, судорожно кашлял и тер глаза. Кэрол скорчилась в углу. Оп, согнувшись в три погибели, тащил из отравленной комнаты бесчувственную Нэнси, а оттуда по-прежнему доносился свирепый визг саблезубого тигра, расправляющегося с врагом.

Максвелл, пошатываясь, побрел к Кэрол, поднял ее, вскинул на плечо, как мешок, повернулся и заковылял по коридору к выходу.

Шагов через двадцать он остановился и оглянулся. В этот момент из двери приемной выскочил колесник. Он наконец стряхнул с себя Сильвестра, и оба колеса вращались теперь в одну сторону. Он двигался по коридору, выписывая фантастические вензеля, прихрамывая — если только существо на колесах способно прихрамывать,— натыкаясь на стены. Из огромной прорехи в его животе на пол сыпались какие-то маленькие белые крупинки.

Шагах в десяти от Максвелла колесник упал, потому что одно из колес, ударившись о стену, прогнулось. Медленно, с каким-то странным достоинством колесник повернулся, и из его живота хлынул поток насекомых, образовавших на полу порядочную кучу.

По коридору крадущейся походкой скользил Сильвестр. Он припадал на брюхо, вытягивал морду и осторожными шажками подбирался к своей жертве. За тигренком шел Оп, а за неандертальцем — все остальные.

— Вы могли бы спустить меня на пол,— сказала Кэрол.

Максвелл бережно опустил ее и помог встать на ноги. Она прислонилась к стене и негодующе заявила:

— По-моему, трудно придумать более нелепый способ переноски. Тащить женщину, как узел с тряпьем! Где ваша галантность?

— Прошу прощения,— сказал Максвелл.— Мне, конечно, следовало оставить вас на полу.

Сильвестр остановился и, вытянув шею, обнюхал колесника. Он наморщил нос, и на его морде было написано брезгливое недоумение. Колесник не подавал никаких признаков жизни. Сильвестр удовлетворенно попятился, присел на задние лапы и принялся умываться.

Шарп быстро прошел мимо колесника.

— Идемте,— сказал он.— Надо выбраться отсюда.

Инспектор Дрейтон встал поперек коридора.

— Боюсь,— сказал он внушительно,— что вам всем придется пойти со мной. Мне понадобятся ваши показания.

— Показания?— злобно повторил Шарп.— Да вы с ума сошли! Какие там показания, когда дракон на воле и...

— Но ведь был убит внеземлянин!— возразил Дрейтон.— И не простой внеземлянин, но представитель наших возможных врагов. Это может привести к самым непредвиденным последствиям.

— Да запишите просто: «Убит диким зверем»,— посоветовал Оп.

— Оп, как вы смеете!— вспылила Кэрол.— Сильвестр совсем не дикий. Он ласков, как котенок. И он вовсе не зверь!

— А где Дух? — спросил Максвелл, оглядываясь.

— Смылся,— ответил Оп.— Его обычная манера, когда дело начинает пахнуть керосином. Трус он, и больше ничего.

— Но он же сказал...

— Правильно,— отозвался Оп.— И мы напрасно тратим время. О'Тулу нужна помощь.

Мистер О'Тул ждал их у шоссе.

— Я знал, что вы не преминете прибыть,— приветствовал он их, едва они сошли с полосы.— Дух сказал, что разыщет вас и оповестит. А нам безотлагательно потребен кто-то, кто сумеет вразумить троллей, которые попрятались в мосту, бессмысленно бормочут и не слушают никаких доводов.

— Но при чем тут тролли? — спросил Максвелл.— Хоть раз в жизни не могли бы вы забыть про троллей?

— Тролли,— возразил мистер О'Тул,— как они ни подлы, одни лишь способны оказать нам помощь. Они ведь единственные, кто, не вкусив плодов цивилизации с ее множеством удобств, сохранил сноровку в колдовстве былых времен, и специализируются они на самых черных, самых вредных чарах. Феи, естественно, также хранят заветы старины, но их волшебство направлено лишь на все доброе, а доброта — это не то, в чем мы нуждаемся сейчас.

— Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, происходит? — попросил Шарп.— Дух испарился, ничего толком не сказав.

— С удовольствием,— ответил гоблин.— Но прежде отправимся в путь, не мешкая, и я поведаю вам все обстоятельства на ходу. Нам не осталось времени, чтобы терять его зря, а тролли упрямы, и много потребуется убеждений, дабы они согласились помочь нам. Они засели в обомшелых камнях своего дурацкого моста и хихикают, как умалишенные. Хотя, как ни горька такая правда, но этим грязным троллям и лишаться-то нечего!

Они начали гуськом подниматься вверх по узкому оврагу, разделявшему две гряды холмов. Небо на востоке посветлело, но на тропинке, вьющейся среди кустов под густыми деревьями, было совсем темно. Там и сям уже звучал щебет просыпающихся птиц, а где-то на холме верещал енот.

— Дракон прилетел к нам,— рассказывал О'Тул.— В единственное место на Земле, где он еще мог найти близких себе, а колесники, которые в древние времена звались совсем по-другому, напали на него, как метлы, летящие боевым строем. Нельзя позволить, чтобы они принудили его спуститься на Землю, ибо тогда они без труда изловят его и утащат к себе. И поистине он сражается доблестно и отражает их натиск, но он начинает уставать, и нам надо торопиться, если мы хотим поспособствовать ему в тяжкую минуту.

— И вы рассчитываете,— сказал Максвелл,— что тролли сумеют остановить колесников в воздухе, как они остановили автолет?

— Вы догадливы, друг мой. Именно это я и замыслил. Но поганцы тролли задумали погреть здесь руки.

— Я никогда не слышал, что колесники умеют летать,— сказал Шарп.— Все, которых я видел, только катались по твердой земле.

— Умений их не перечесть,— ответил О'Тул.— Они способны сотворять из своих тел разные приспособления, которые ни назвать, ни вообразить невозможно.

— Но к чему нам возиться с троллями? — растерянно спросил Дрейтон.— Я мог бы вызвать орудия и самолеты...

— Не валяйте дурака! — сердито ответил Шарп.— Мы их пальцем тронуть не можем. Нам необходимо обойтись без инцидента. Люди не могут вмешиваться в дело, которое обитатели холмов и их прежние служители должны разрешить между собой.

— Но ведь тигр уже убил...

— Тигр. А не человек. Мы не можем...

— Сильвестр только защищал нас!— вмешалась Кэрол.

— Нельзя ли идти не так быстро? — взмолилась Нэнси.— Я не привыкла...

— Обопритесь на мою руку,— предложил Ламберт.— Тропа тут действительно очень крута.

— Знаешь, Пит,— радостно сказала Нэнси,— мистер Ламберт согласился погостить у меня год-другой и написать для меня несколько картин. Как мило с его стороны, не правда ли?

— Да,— сказал Максвелл.— Да, конечно.

Тропа, которая до сих пор вилась вверх по склону, тут круто пошла вниз, к оврагу, усыпанному огромными камнями, в полусвете раннего утра напоминавшими приготовившихся к прыжку горбатых зверей. Через овраг был переброшен мост, казалось, доставленный сюда прямо с одной из дорог средневековья. Поглядев на него, Максвелл усомнился, действительно ли его построили всего несколько десятилетий назад, когда создавался заповедник.

И неужели, подумал он, прошло всего двое суток с того момента, когда он вернулся на Землю и попал прямо в кабинет инспектора Дрейтона? За этот срок произошло столько событий, что они, казалось, никак не могли вместиться в сорок восемь часов. И столько произошло и продолжает происходить самого невероятного! Но от исхода этих событий, возможно, зависели судьба человечества и союз дружбы, который человек создал среди звезд.

Он попытался вызвать в своей душе ненависть к колесникам, но ненависти не было. Они были слишком чужды людям, слишком от них далеки, чтобы внушать ненависть. Они представлялись некоей абстракцией зла, а не злыми, ожесточенными существами, хотя, как он прекрасно понимал, это не делало их менее опасными. Например, тот, другой, Питер Максвелл. Его, конечно, убили колесники: ведь там, где его нашли, в воздухе чувствовался странный, отвратительный запах, и теперь, после тех нескольких минут в кабинете Шарпа, Максвелл легко представил себе, что это был за запах. А убили его колесники потому, что, по их сведениям, первым на Землю должен был вернуться Максвелл, попавший на хрустальную планету, и, убив его, они рассчитывали помешать ему сорвать переговоры, которые они вели о покупке Артефакта. Когда же появился второй Максвелл, они уже не рискнули прибегнуть к такому опасному средству вторично, а потому мистер Мармадьюк попытался подкупить его.

И тут Максвелл вспомнил, какую роль сыграл во всем этом Монти Черчилл, и обещал себе по завершении нынешнего утра, каким бы ни оказался исход, отыскать его и скрупулезно свести с ним счеты по всем статьям.

Тем временем они приблизились к мосту, прошли под ним и остановились.

— Эй вы! Ничтожные тролли!— завопил мистер О'Тул, обращаясь к безмолвным камням.— Нас много пришло сюда побеседовать с вами!

— Ну-ка, замолчите!— сказал Максвелл, обращаясь к О'Тулу.— И вообще не вмешивайтесь. Вы же не ладите с троллями.

— А кто,— возмущенно спросил О'Тул,— поладить с ними может? Упрямцы без чести они, и разум со здравым смыслом равно им чужды!

— Замолчите, и ни слова больше!— повторил Максвелл.

Все умолкли, и вокруг воцарилась глубокая тишина нарождающегося утра, а потом из-под дальнего конца моста донесся писклявый голос.

— Кто тут? — спросил голос.— Если вы пришли помыкать нами, мы не поддадимся! Крикун О'Тул все эти годы помыкал нами и поносил нас, и больше мы терпеть не будем.

— Меня зовут Максвелл,— ответил Максвелл невидимому парламентеру.— И я пришел не помыкать вами, я пришел просить о помощи.

— Максвелл? Добрый друг О'Тула?

— Добрый друг всех вас. И каждого из вас. Я сидел с умирающим баньши, заменяя тех, кто не захотел прийти к нему в последние минуты.

— И все равно ты пьешь с О'Тулом, да-да. И разговариваешь с ним, да. И веришь его наветам.

О'Тул выскочил вперед, подпрыгивая от ярости.

— Вот это я вам в глотки вобью!— взвизгнул он, занеся над головой волосатую лапу...

Он внезапно умолк потому, что Шарп ухватил его сзади за штаны и поднял, не обращая внимания на его бессвязные гневные вопли.

— Валяй!— сказал Шарп Максвеллу.— А если этот бахвальщик еще посмеет рот раскрыть, я окуну его в первую попавшуюся лужу.

Сильвестр подобрался к Шарпу, вытянул морду и начал изящно обнюхивать болтающегося в воздухе О'Тула. Гоблин замахал руками, как ветряная мельница.

— Оттоните его!— взвизгнул он.

— Он думает, что ты мышь,— объяснил Оп,— и взвешивает, стоишь ли ты хлопот.

Шарп попятился и пнул Сильвестра в ребра. Сильвестр с рычанием отскочил.

— Харлоу Шарп!— закричала Кэрол, кидаясь к нему.— Если вы позволите себе еще раз ударить Сильвестра, я... я...

— Да заткнитесь же!— вне себя от бешенства крикнул Максвелл.— Все заткнитесь! Дракон там бьется из последних сил, а вы тут затеваете свары!

Все замолчали и отошли в сторону. Максвелл выдержал паузу, а потом обратился к троллям.

— Мне неизвестно, что произошло раньше,— сказал он.— Я не знаю причины вашей ссоры. Но нам нужна ваша помощь, и вы должны нам помочь. Я обещаю вам, что все будет честно и справедливо, но если вы не поведете себя разумно, мы проверим, что останется от вашего моста после того, как в него заложат два заряда взрывчатки.

Из-под моста донесся тихий, писклявый голосок:

— Но ведь мы только всего и хотели, мы только всего и просили, чтобы крикун О'Тул сварил нам бочонок сладкого октябрьского эля.

— Это правда? — спросил Максвелл, оглядываясь на гоблина.

Шарп поставил О'Тула на землю, чтобы тот мог ответить.

— Это же будет неслыханное нарушение всех прецедентов!— возопил О'Тул.— Вот что это такое! С незапамятных времен только мы, гоблины, варим радующий сердце эль. И сами его выпиваем. Мы не можем сварить больше, чем мы можем выпить. А если сварить его для троллей, тогда и феи потребуют...

— Но ты же знаешь,— перебил его Оп,— что феи не пьют эля. Они ничего не пьют, кроме молока. И эльфы тоже.

— Из-за вас нас всех умучит жажда,— вошел О'Тул.— Неизмеримый тяжкий труд мы тратим, чтобы сварить эля столько, сколько нужно нам! И времени, и размышлений, и усилий!

— Если вопрос только в производительности,— вмешался Шарп,— то ведь мы могли бы вам помочь.

Мистер О'Тул в бешенстве запрыгал на месте.

— А жучки?! — неистовствовал он.— А что будет с жучками? Вы не допустите их в эль, я знаю, пока он будет бродить. Уж эти мне гнусные правила санитарии и гигиены! А чтобы октябрьский эль удался на славу, в него должны падать жучки и всякая другая пакость, не то душистости в нем той не будет!

— Мы набросаем в него жучков,— пообещал Оп.— Наберем целое ведро и высыплем в чан.

О'Тул захлебывался от ярости. Его лицо позеленело.

— Невежество!— визжал он.— Жуков ведрами в него не сыплют. Жуки сами падают в него с дивной избирательностью и...

Его речь завершилась булькающим визгом и воплем Кэрол:

— Сильвестр! Не смей!

О'Тул, болтая руками и ногами, свешивался из пасти Сильвестра, который задрал голову так, что ноги гоблина не могли дотянуться до земли.

Оп с хохотом повалился на пожухлую траву, колотя по ней кулаками.

— Он думает, что О'Тул — это мышка!— вопил неандерталец.— Вы посмотрите на эту кисоньку! Она поймала мышку!

Сильвестр держал О'Тула очень осторожно, разя только его достоинство. Он почти не сжимал зубов, но огромные клыки не позволяли гоблину вырваться.

Шарп занес ногу для пинка.

— Нет!— крикнула Кэрол.— Только посмейте!

Шарп в нерешительности застыл на одной ноге.

— Оставь, Харлоу,— сказал Максвелл.— Пусть себе играет с О'Тулом. Он ведь так отличился сегодня у тебя в кабинете, что заслужил награду.

— Хорошо!— в отчаянии завопил О'Тул.— Мы сварим им бочонок зля! Два бочонка!

— Три!— пискнул голос из-под моста.

— Ладно, три,— согласился гоблин.

— И без увиливаний? — спросил Максвелл.

— Мы, гоблины, никогда не увиливаем,— заявил О'Тул.

— Ладно, Харлоу,— сказал Максвелл.— Дай тигренку хорошего пинка.

Шарп снова занес ногу. Сильвестр отпустил О'Тула и попятился.

Из-под моста хлынул поток троллей; возбужденно вопя, они кинулись на холм.

Люди начали взбираться по склону вслед за троллями.

Кэрол, которая шла впереди Максвелла, споткнулась и упала. Он помог ей подняться, но она вырвала у него руку и повернулась к нему, пылая гневом:

— Не смейте ко мне прикасаться! И разговаривать со мной не смейте! Вы велели Харлоу дать Сильвестру хорошего пинка! И накричали на меня! Сказали, чтобы я заткнулась!

Она повернулась и бросилась вверх по склону почти бегом. Максвелл несколько секунд ошеломленно смотрел ей вслед, а потом начал карабкаться прямо по обрыву, цепляясь за кусты и камни.

С вершины холма донеслись упоенные вопли, и Максвелл увидел, как с неба, бешено вращая колесами, скатился большой черный шар и под треск ломающихся веток исчез в лесу справа от него. Он остановился, задрав голову, и увидел, что над вершинами деревьев два черных шара мчатся прямо навстречу друг другу. Они не свернули в сторону, не снизили скорости. Столкнувшись, они взорвались. Максвелл проводил взглядом кувыркающиеся в воздухе обломки. Через секунду они дождем обрушились на лес.

Вверху на обрыве все еще слышались радостные крики, и вдали, у вершины холма, вздымающегося по ту сторону оврага, что-то, скрытое от его взгляда, тяжело ударилось о землю.

Максвелл полез дальше. Вокруг никого не было.

Вот и кончилось, сказал он себе. Тролли сделали свое дело, и дракон может теперь опуститься на землю. Максвелл усмехнулся. Столько лет он разыскивал дракона, и вот наконец дракон! Но так ли все просто? Что такое дракон, и почему он был заключен в Артефакте, или превращен в Артефакт, или что там с ним сделали?

Он снова начал карабкаться на обрыв, но уже не торопясь, потому что спешить больше было некуда. Впервые после возвращения с хрустальной планеты его оставило ощущение, что нельзя терять ни минуты.

Максвелл уже достиг подножия холма, когда друг услышал музыку — сперва такую тихую и приглушенную, что он усомнился, не чудится ли она ему.

Он остановился и прислушался. Да, это, несомненно, была музыка.

Из-за горизонта высунулся краешек солнца, слепительный сноп лучей озарил вершины деревьев на склоне над ним, и они заиграли всеми яркими красками осени. Но склон под ним все еще был погружен в сумрак.

Максвелл стоял и слушал — музыка была, как звон серебряной воды, бегущей по счастливым камням. Неземная музыка. Музыка фей. Да-да. Слева от него на лужайке фей играл их оркестр.

Оркестр фей! Феи, танцующие на лужайке! Он никогда еще этого не видел, и вот теперь ему представился случай! Максвелл свернул влево и начал бесшумно пробираться к лужайке.

— Пожалуйста!— шептал он про себя.— Ну, пожалуйста, не исчезайте! Не надо меня бояться. Пожалуйста, останьтесь и дайте посмотреть на вас!

Он подкрался уже совсем близко. Вон за этим валуном! А музыка все не смолкала.

Максвелл на четвереньках пополз вокруг валуна, стараясь не дышать.

И вот он увидел!

Оркестранты сидели рядком на бревне у опушки и играли, а утренние лучи солнца играли на их радужных крылышках и на сверкающих инструментах. Но на лужайке фей не было. Там танцевала только одна пара, которую Максвелл никак не ожидал увидеть в этом месте. Две чистые и простые души, каким только и дано танцевать под музыку фей.

Лицом друг к другу, двигаясь в такт музыке фей, на лужайке танцевали Дух и Вильям Шекспир.

25

Дракон расположился на зубчатой стене замка, и солнце озаряло его многоцветное тело. Далеко внизу, в долине, река Висконсин, синяя, как уже забытое летнее небо, струила свои воды между пламенеющими лесными чащами. Со двора-замка доносились звуки веселой пирушки — гоблины и тролли, на время забыв вражду, пили октябрьский эль, гремя огромными кружками по столам, которые ради торжественного случая были вынесены из зала, и распевали древние песни, сложенные в те далекие времена, когда такого существа, как Человек, не было еще и в помине.

Максвелл сидел на ушедшем в землю валуне и смотрел на долину. В десяти шагах от него над обрывом возвышался стофутовый утес, на вершине которого рос старый, искривленный кедр, искривленный ветрами, проносившимися по этой долине несчетные годы. Его кора была серебристо-серой, хвоя — светло-зеленой и душистой. Ее бодрящий аромат доносился даже до того места, где сидел Максвелл.

«Вот все и кончилось благополучно,— сказал он себе.— Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотеку, но зато вон там, на стене замка, лежит дракон, и, возможно, именно он и был настоящей ценой. Но если и нет, колесники проиграли, а это, пожалуй, даже еще важнее».

Все получилось отлично. Даже лучше, чем он мог надеяться. Если не считать того, что теперь все на него злы. Кэрол — потому, что он сказал, чтобы Харлоу пнул Сильвестра, а ее попросил заткнуться. О'Тул — потому, что он оставил его в пасти Сильвестра и тем принудил уступить троллям. Харлоу наверняка еще не простил ему сорванную продажу Артефакта и разгром музея. Но, может быть, заполучив назад Шекспира, он немного отойдет. И, конечно, Дрейтон, который, наверное, еще прицеливается снять с него допрос, и Лонгфелло в ректорате, который ни при каких обстоятельствах не проникнется к нему симпатией.

«Иногда,— сказал себе Максвелл,— любить что-то, бороться за что-то — это дорогое удовольствие. Возможно, истинную мудрость жизни постигли только люди типа Нэнси Клейтон — пустоголовой Нэнси, у которой гостят знаменитости и которая устраивает сказочные приемы».

Он почувствовал мягкий толчок в спину и обернулся. Сильвестр немедленно облизал его щеки жестким, шершавым языком.

— Не смей!— сказал Максвелл.— У тебя не язык, а терка.

Сильвестр довольно замурлыкал и устроился рядом с Максвеллом, тесно к нему прижавшись. И они начали вместе смотреть на долину.

— Тебе легко живется,— сообщил Максвелл тигренку.— Нет у тебя никаких забот. Живешь себе и в ус не дуешь.

Под чьей-то подошвой хрустнули камешки. Чей-то голос сказал:

— Вы прикарманили моего тигра. Можно, я сяду рядом и тоже им попользуюсь?

— Ну, конечно, садитесь!— отозвался Максвелл.— Я сейчас подвинусь. Мне казалось, что вы больше не хотите со мной разговаривать.

— Там, внизу, вы вели себя гнусно,— сказала Кэрол,— и очень мне не понравились. Но, вероятно, у вас не было выбора.

На кедр опустилось темное облако.

Кэрол ахнула и прижалась к Максвеллу. Он крепко обнял ее одной рукой.

— Все в порядке,— сказал он.— Это только баньши.

— Но у него же нет тела! Нет лица! Только бесформенное облако...

— В этом нет ничего странного,— сказал ей баньши.— Так мы созданы, те двое из нас, которые еще остались. Большие грязные полотенца, колышущиеся в небе. И не бойтесь, ибо этот человек — наш друг.

— Но третий не был моим другом,— сказал Максвелл.— И всего человечества тоже. Он продал нас колесникам.

— И все-таки ты сидел с ним, когда остальные не захотели прийти.

— Да. Это долг, который следует отдавать даже злейшему врагу.

— Значит,— сказал баньши,— ты способен что-то понять. Колесники ведь были одними из нас и, может быть, еще остаются одними из нас. Древние узы рвутся нелегко.

— Мне кажется, я понимаю,— сказал Максвелл.— Что я могу сделать для тебя?

— Я явился только для того, чтобы сообщить тебе, что место, которое вы называете хрустальной планетой, извещено обо всем,— сказал баньши.

— Им нужен дракон? — спросил Максвелл.— Тебе придется сообщить нам их координаты.

— Координаты будут сообщены в Транспортный центр. Вам надо будет отправиться туда — и тебе и многим другим,— чтобы доставить на Землю библиотеку. Но дракон останется на Земле, здесь, в заповеднике гоблинов.

— Я не понимаю,— сказал Максвелл.— Им же нужен был...

— Артефакт,— докончил баньши.— Чтобы освободить дракона. Он слишком долго оставался в заключении.

— С юрского периода,— добавил Максвелл.— Я согласен: это слишком долгий срок.

— Но так произошло против нашей воли,— сказал баньши.— Вы унесли его прежде, чем мы успели вернуть ему свободу, и мы думали, что он пропал бесследно. Артефакт должен был обеспечить ему безопасность, пока колония на Земле не утвердилась бы настолько, чтобы могла его оберегать.

— Оберегать? Почему его нужно было оберегать?

— Потому что,— ответил баньши,— он последний в своем роде и очень дорог всем нам. Он последний из... из... я не знаю, как это выразить... У вас есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— Да,— сказала Кэрол.— Вот одно из них сидит здесь с нами.

— Предметы забавы,— продолжал баньши.— И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которые были вашими спутниками с первых дней вашей истории. А дракон — то же самое для обитателей хрустальной планеты. Их последний четвероногий друг. Они состарились, они скоро исчезнут. И они не могут бросить своего четвероногого друга на произвол судьбы. Они хотят отдать его в заботливые и любящие руки.

— Гоблины будут о нем хорошо заботиться,— сказала Кэрол.— И тролли, и феи, и все остальные обитатели холмов. Они будут им гордиться. Они его совсем избалуют.

— И люди тоже?

— И люди тоже,— повторила она.

Они не уловили, как он исчез. Только его уже не было. Грязное полотенце больше не колыхалось в небе. Кедр был пуст.

«Четвероногий друг,— подумал Максвелл.— Не бог, а домашний зверь. И все-таки вряд ли это так просто и плоско. Когда люди научились конструировать биомеханические организмы, кого они создали в первую очередь? Не других людей — во всяком случае, вначале,— не рабочий скот, не роботов, предназначенных для одной какой-нибудь функции. Они создали четвероногих друзей».

Кэрол потерлась о его плечо.

— О чем вы думаете, Пит?

— О приглашении. О том, чтобы пригласить вас пообедать со мной. Один раз вы уже согласились, но все получилось как-то нескладно. Может, попробуете еще раз?

— В «Свинье и Свистке»?

— Если хотите.

— Без Опа и без Духа. Без любителей скандалов.

— Но, конечно, с Сильвестром.

— Нет,— сказала Кэрол.— Только вы и я. А Сильвестр останется дома. Ему пора привыкать к этому, ибо он уже не маленький.

Они поднялись с валуна и направились к замку.

Сильвестр поглядел на дракона, разлегшегося на зубчатой стене, и зарычал.

Дракон опустил голову на гибкой шее и посмотрел тигренку прямо в глаза. И показал ему длинный раздвоенный язык.

Перевод Ирины ГУРОВОЙ.

Сила воображения

С «массовой культурой» современный американец сталкивается едва ли не с первых дней жизни. Не могу забыть кадр из шедшего в нашем прокате документального фильма «Америка глазами француза»: малыш, которому нет еще и года, ползает в своем загончике, а в углу загончика — телевизор, и на экране — передача для зрителей именно такого, более чем младшего возраста.

Зачем же, спрашивается, подобное излишество? Ведь годовалый ребенок за сюжетом, даже элементарным, не может следить, а уж рекламных вставок и вовсе не воспринимает. Однако если вдуматься, это не излишество, а точный расчет. Именно так, буквально с пеленок, воспитываются унифицированные вкусы, которые служат основой стандартизированного мышления — мышления без мысли — и стандартизированного, пассивно-потребительского поведения.

Ту же, в сущности, цель преследуют и получившие широчайшее распространение комиксы — книжки, состоящие почти из одних картинок, которые можно листать, не читая, и низкопробные шоу, и киноленты серийного производства. Те фильмы западных студий, какие мы видим на наших экранах, те произведения западных литератур, какие у нас переводятся,— это лучшее из лучшего, созданное самыми талантливыми и смелыми режиссерами и писателями и скрупулезно отобранное из сотен тысяч километров пленки и миллионов тонн бумажной продукции. Нашему зрителю и читателю, в особенности молодому, просто трудно себе представить, какого масштаба достигло в современном капиталистическом мире производство кино-, теле- и печатной макулатуры, сработанной максимально по двум десяткам стандартов и рассчитанной на самые убогие духовные потребности.

Повесть «Сила воображения» принадлежит перу одного из известных американских писателей-фантастов старшего поколения, Клиффорда Дональда Саймака. Написана она во времена, когда адепты «массовой культуры» еще не выступали со столь откровенных позиций. Но все основные ее составляющие и главная из них — культ насилия — были уже налицо. И свойственная честному художнику прозорливость в сочетании с яркой фантазией (в самом деле, какая же фантастика без фантазии!) заставила Саймака призадуматься над завтрашним днем литературы.

«Сила воображения» — повесть пародийная. Разумеется, события, описанные в ней, не произойдут никогда — ни в XXI, ни в XXV веке. Не суждено Земле стать поставщиком дешевого чтива на всю Галактику хотя бы по той простой причине, что «массовая культура» — порождение современного капитализма — не доживет до этих далеких дней. Но фантастика всегда была и ныне является зеркалом не столько грядущих эпох, сколько своей собственной. Саймак совершенно верно подметил и развенчал две отличительные особенности «массовой культуры»: ее агрессивность, стремление любой ценой навязать себя как можно большему числу читателей, слушателей, зрителей и ее механистический характер. Никогда — ни в XXI, ни в XXV веке — ни одна машина не создаст «Анну Каренину», а вот выдавать литературное варево по рецептам нынешних комиксов машина, и даже не очень умная, могла бы вполне...

В статьях, посвященных творчеству лучших американских фантастов, в частности того же Клиффорда Саймака, наши критики нередко бросают упрек: мол, что же вы, несомненные гуманисты, неистощимые выдумщики, становитесь чаще нерешительными, едва речь заходит о перспективах социального развития человечества? Описываете технику, отделенную от нашей многими столетиями, зовете нас к сверхсветовым скоростям, знакомите с братьями по разуму всех мастей и обличий, а нравы и общественные институты землян оставляете точь-в-точь такими, как в провинциальном городишке в штате Калифорния либо Нью-Джерси...

Сходный укор можно, конечно, адресовать и предлагаемой повести. Однако сатирическая, разоблачительная задача, которую ставил перед собою автор, и не могла быть решена по-другому.

Совершенно естественно, что мы, живущие в иных общественных условиях, рисуем себе исторические перспективы человечества иначе, ярче, яснее и оптимистичнее, но это не мешает нам понять и оценить по достоинству острый юмор Саймака, его незаурядное литературное мастерство и, конечно же, силу воображения.

Юрий ЕРЕМИН,
доктор философских наук.

Клиффорд САЙМАК

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Салон-магазин находился в самой фешенебельной части города, куда Кемп Харт попадал не часто. Этот район был в стороне от его обычных маршрутов, и он сам удивился, когда понял, в какую даль забрел. По правде говоря, он вообще никуда бы не пошел, сохранись у него кредит в баре «Светлая звездочка», где обреталась вся его компания.

Как только Харт разобрался, где он, ему следовало бы развернуться на сто восемьдесят градусов и убраться восвояси: он и сам ощущал себя лишним здесь, среди роскошных издательств, раззолоченных притонов и знаменитых кабаков. Но салон заворожил его. Салон не давал ему уйти. Харт застыл перед витриной, забыв о своем заношенном костюме и стоптанных башмаках. Лишь рука, засунутая в карман, ненароком ощупала две мелкие монетки, которые там еще уцелели.

За стеклом стояли машины, блестящие, сногсшибательные, именно такие, каким и надлежало продаваться на этой изысканной, напудренной улице. Особенно одна машина, в углу: она была еще больше и блестела еще ярче, чем остальные, и над ней словно витал ореол писательской удачи. Массивная клавиатура для набора исходных данных, сотня, а то и больше прорезей для ввода кинопленок и перфолент, нужных по ходу процесса... Судя по градуировке шкал, выбор настроений был гораздо богаче, чем Харту когда-либо доводилось видеть, да, по всей вероятности, она обладала еще и множеством других достоинств, не столь заметных с первого взгляда.

«С такой-то машиной,— сказал себе Харт,— человек прославится почти автоматически, может статься, за одну ночь. Он напишет все, что пожелает, напишет хорошо, и перед ним распахнутся двери самых привередливых издателей...»

Но как бы ему того ни хотелось, заходить в салон и осматривать машину не имело смысла. Думать о ней, и то было без толку. Оставалось лишь стоять и глазеть на нее через витринное стекло.

«И все-таки,— сказал он себе,— у меня есть полное право войти в салон и осмотреть ее со всех сторон. Кто и что может мне помешать?..» Никто и ничто, ну, если не считать усмешки на лице продавца, молчаливой, вежливой, точно отработанной гримаски презрения в ту секунду, когда Кемп Харт отвернется и поплетется к выходу...

Он украдкой бросил взгляд по сторонам — улица оставалась пока безлюдной. Было еще слишком рано для того, чтобы эта надменная улица возродилась к жизни, и у него мелькнула надежда, что если он все-таки войдет и попросит разрешения осмотреть машину, ничего страшного не случится. Может, он сумеет объяснить, что не собирается покупать машину, а только хочет поглядеть на нее. И они не станут над ним смеяться. Конечно же, нет, никто и слова против не скажет. Мало ли людей, в том числе богатых и известных людей, заходят в салон просто поглазеть...

Он крался вдоль витрины, не отрывая глаз от машин и подбираясь все ближе к двери, уговаривая себя, что ни за что не войдет, что входить — это глупо, но в глубине души сознавая, что искушение неодолимо.

Наконец он поравнялся с дверью, толкнул ее и шагнул внутрь. Продавец возник перед ним как по волшебству.

— Вон тот сочинитель в углу,— промямлил Харт.— Скажите, не могу ли я...

— Безусловно, безусловно,— подхватил продавец.— Извольте следовать за мной.

В углу салона продавец с нежностью возложил руку на корпус машины.

— Это наша новейшая модель,— начал он.— Мы дали ей имя «Классик», поскольку она задумывалась и выпускалась с единственной целью — наладить производство классики. Мы полагаем, что она имеет значительные преимущества по сравнению с нашей предшествующей моделью «Бестселлер», перед которой в конечном счете не ставилось задач более сложных, чем производство бестселлеров, хотя время от времени ей и удавалось выдавать

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

классику малых форм. Но если вы позволите говорить вполне откровенно, сэр, то я подозреваю, что почти во всех подобных случаях хозяева сами совершенствовали машину. Мне говорили, что кое-кто на таких делах прямо-таки собаку съел...

Харт покачал головой.

— Уж только не я. Не знаю даже, с какого конца за паяльник берутся...

— В таком случае,— не смутился продавец,— лучшее, что вы можете сделать, это сразу приобрести сочинитель высшего класса. Если им пользоваться с умом, то разносторонность творчества окажется практически безграничной. А в данной модели к тому же предусмотрен надежный коэффициент качества, много более высокий, чем в любой другой. Хотя, разумеется, для получения наилучших результатов необходимо проявлять осмотрительность при выборе типажных фильмов и сюжетно-проблемных лент. Но пусть это вас не тревожит. Запас фильмов и перфолент у нас огромен, а наши фиксаторы настроения и обстановки не имеют себе равных. Конечно, они обходятся недешево, однако...

— Между прочим, какова цена этой модели?

— Всего-навсего двадцать пять тысяч,— весело откликнулся продавец.— Вас не удивляет, сэр, что мы предлагаем ее за столь мизерную цену? Это — замечательное достижение инженерной мысли. Мы работали целых десять лет, прежде чем добились должного эффекта. И все эти десять лет отбрасывали прежние конструктивные решения и искали все новые и новые, чтобы не отстать от технического прогресса...

Он с торжествующим видом похлопал машину по блестящему боку.

— Заверяю вас, сэр, что вы нигде не найдете изделий лучшего качества, чем у нас. В этой машине предусмотрено все. В ней заложены миллионы вероятностных комбинаций, гарантирующих стопроцентную оригинальность продукции. Ни малейшей опасности сбиться на стереотип, что так характерно для многих более дешевых моделей... Сюжетный банк, взятый сам по себе, способен выдать почти бесконечное число коллизий на любую заданную тему, а смеситель характеров учитывает тысячи оттенков вместо ста или ста с небольшим, свойственных моделям низших классов. Семантический блок обладает высокой избирательностью и чувствительностью, и нельзя также не обратить вашего внимания...

— Хорошая машина,— прервал его излияния Харт.— Но, признаться, дороговата. Вот если бы у вас нашлось что-нибудь еще...

— Безусловно, сэр. У нас есть множество других моделей.

— А вы примете в обмен старую машину?

— Охотно. Какой марки ваша машина, сэр?

— «Автоавтор девяносто шесть».

Лицо у продавца вытянулось — чуть-чуть, едва заметно. Он качнул головой и не то грустно, не то смущенно произнес:

— Видите ли, мы... Признаться, я не уверен, что мы сможем за нее много предложить. Это довольно старый тип машины. Почти вышедший из употребления.

— Но что-нибудь вы за нее все-таки дадите?

— Думаю, что да. Хотя и немного.

— И оплата в рассрочку?

— Да, конечно. Что-нибудь придумаем. Будьте добры сказать, как вас зовут.

Харт назвал свою фамилию. Продавец записал ее в блокнот.

— Извините, сэр, я вас на минутку покину.

Какое-то мгновение Харт смотрел ему вслед. Потом, как трусливый воришка, тихо попятился к двери и выскочил из салона. Оставаться не было смысла. Не было смысла ждать, пока продавец вернется, подаст на прощание руку и скажет:

— Очень сожалеем, сэр...

Очень сожалеем, сэр, но мы проверили вашу кредитоспособность и убедились, что она равна нулю. Мы запросили сведения о ваших успехах и установили, что за последние полгода вы продали всего один короткий рассказ.

«И зачем я вообще затеял эту прогулку!» — упрекнул себя не без горечи Харт.

На окраине, весьма и весьма отдаленной от блистательного салона, Харт вскарабкался на шестой этаж по лестнице — лифт опять не работал. За дверью, на которой красовалась табличка «Издательство Ирвинг», секретарша, поглощенная шлифовкой ногтей, на минуту оторвалась от этого занятия и махнула рукой в сторону смежной комнаты:

— Заходите прямо к нему.

Бен Ирвинг сидел за столом, погребенным под кучами рукописей, гранок и корректурных листов. Рукава у него были закатаны по локоть, а на лбу торчал козырек. Он носил козырек не снимая, а зачем, оставалось тайной: за весь день не бывало и часа, когда в этой занюханной комнатенке набралось бы достаточно света, чтобы ослепить уважающую себя летучую мышь.

Бен поднял глаза и, моргая, уставился на Харта.

— Рад тебя видеть, Кемп,— сказал он.— Садись. С чем сегодня пожаловал?

Харт оседлал стул.

— Решил зайти спросить о судьбе последнего рассказа, который я посылал тебе.

— Никак не доберусь до него.— В порядке самооправдания Ирвинг повел рукой, показывая на кавардак на столе.— Мэри!..— крикнул он. В дверь просунулась голова секретарши.— Возьмите рукопись Харта, и пусть Милли на нее глянет.— Он откинулся в кресле.— Это не займет много времени, наша Милли читает быстро...

— Я подожду,— сказал Харт.

— А у меня есть для тебя новость,— объявил Ирвинг.— Мы открываем журнал, адресованный племенам системы звезды Алголь. Жизнь у них там довольно-таки первобытная, но читать они, да вознаградят их небеса, уже умеют. Хлебнули же мы, пока нашли кого-то, кто мог бы выполнить переводы текстов, да и набор обойдется куда дороже, чем хотелось бы. Они там такой алфавит выдумали, каверзнее я в жизни не видел. Но в конце концов мы отыскали типографа, у которого припасен даже такой шрифт...

— Что от меня требуется?— осведомился Харт.

— Обычное гуманоидное чтиво,— ответил Ирвинг.— Побольше драк и крови, и чтобы как можно красочнее. Живется им там не сладко, так что наш долг — предложить им яркий колорит, но чтобы читать было просто. Никаких вывертов, заруби себе на носу...

— Зарубил.

— Нужна добротная макулатура,— заявил Ирвинг.— Посмотрим, как пойдет дело. Если хорошо, тогда начнем переводить и для первобытных общин в районе Капеллы. Вероятно, потребуются кое-какие изменения в текстах, но не слишком серьезные.— Он прищурился, задумавшись.— Платить дорого не сможем. Зато, если дело пойдет, товару потребуется много.

— Хорошо, я подумаю,— сказал Харт.— Есть у них какие-нибудь табу? Чего надо избегать?

— Никакой религии,— ответил издатель.— Что-то похожее у них вроде бы есть, но лучше эту скользкую тему обойти стороной. Никаких сантиментов. Любовь у них не котируется. Женщин они себе покупают и с любовью не знаются. Сокровища, погони, муки алчности — вот это будет в самый раз. Любой стандартный справочник даст тебе необходимые сведения. Фантастические виды оружия — и чем ужаснее, тем лучше. И, повторяю, побольше кровопролития. Ненависть — вот что им подавай. Ненависть, месть... И острые ощущения. Главная твоя задача — чтобы напряжение не спадало.

— Хорошо, я подумаю.

— Ты повторяешь эту фразу уже второй раз.

— У меня что-то не ладится, Бен. Раньше я мог бы сразу сказать тебе: «да». Раньше я мог выдавать такое варево тоннами.

— Потерял форму?

— Не в форме дело — в машине. Мой сочинитель — сущее барахло. С тем же успехом я мог бы писать свои рассказы от руки.

При одной только мысли о подобной непристойности Ирвинга передернуло.

— Так почини его,— сказал он.— Повозись с ним, подлатай.

— Чего не умею, того не умею. Да и какой смысл? Все равно модель слишком старая. Почти вышедшая из употребления.

— Ну, в общем, постарайся сделать, что сможешь. Я хотел бы сохранить тебя в числе своих поставщиков.

Вошла секретарша. Не глядя на Харта, она положила рукопись на стол. Прямо с того места, где он сидел, Харт без труда различил единственное слово, которое машина оттиснула на первой странице: «Отказать».

— Слишком вычурно,— объяснила девушка.— Милли чуть не пережгла себе потроха.

Ирвинг перебросил рукопись Харту.

— Извини, Кемп. Надеюсь, в следующий раз тебе повезет больше.

Харт поднялся, сжимая рукопись в кулаке.

— Я попробую взять твой новый заказ,— произнес он и направился к двери.

— Погоди-ка минутку,— окликнул его Бен, и в голосе у него послышалось сочувствие.

Харт обернулся. Ирвинг вытащил бумажник и, выудив оттуда две десятки, протянул ему.

— Нет,— отказался Харт, пожирая деньги глазами.

— Это взаймы,— произнес издатель.— Черт тебя возьми, можешь ты взять у меня взаймы? Принесешь мне, что сочинишь...

— Спасибо, Бен. Я твоей доброты не забуду.

Он запихнул деньги в карман и поспешно ретировался. В горле стояла жгучая горечь, под сердцем застрял жесткий, холодный комок.

«У меня есть для тебя новость,— сказал Бен.— Нужна добротная макулатура».

Добротная макулатура...

До чего же он докатился!

Когда с деньгами в кармане и со страстным желанием осушить стакан пива Харт появился наконец в баре «Светлая звездочка», из постоянных посетителей он застал там только Анджелу Мару. Анджела пила какую-то дикую розовую смесь, которая выглядела определенно ядовитой. Волосы у нее были гладко зачесаны назад, большие темные очки закрывали почти половину лица. «Что за нелепость,— подумал Харт.— Ведь она могла бы быть привлекательной, но намеренно избегает этого...»

Едва он подсел к ней, как бармен Блейк выбрался из-за стойки и молча встал рядом, упершись кулаками в бока.

— Стакан пива,— небрежно бросил Харт.

— В долг больше не даю,— отозвался бармен, сверля его прокурорским взглядом.

— Кто сказал, что в долг? Я заплачу.

Блейк нахмурился.

— Уж если вы при деньгах, так, может, и по счету заплатите?

— Настолько я еще не разбогател... Однако получу я свое пиво или нет?

Наблюдая за тем, как Блейк вперевалку возвращается к стойке, Харт порадовался собственной предусмотрительности: по дороге он специально купил пачку сигарет, чтобы разменять одну из десяток. Вытащи он десятку хоть на мгновение, Блейк тут же налетел бы на нее коршуном и отобрал в погашение долга.

— Поздравить? — приветливо осведомилась Анджела.

— Аванс,— соврал Харт, чтобы не уронить свое мужское достоинство.— Ирвинг поручил мне кое-что. Говорит, заказ будет крупным. Хотя гонорар, разумеется, не слишком...

Подошел Блейк с пивом, плюхнул его на стол и подчеркнуто подождал, пока Харт не сделает того, что от него требовалось. Харт рассчитался, и бармен вперевалку удалился.

— Слышали про Джаспера?— спросила Анджела.

Харт покачал головой.

— Да нет, в последнее время ничего не слышал. А что, он закончил книгу?

Анджела просияла.

— Он уезжает в отпуск. Можете себе представить? Он — и вдруг в отпуск!

— А что тут особенного?— возразил Харт.— Джаспер продает свои вещи безотказно. Он единственный среди нас, кто загружен работой из месяца в месяц!..

— Да не в том дело, Кемп. Погодите, сейчас узнаете, это же умора! Джаспер считает, что если он съездит в отпуск, то станет лучше писать!

— А почему бы и нет? Ездил же Дон в прошлом году в летний лагерь. В один из тех, что рекламируется под девизом «Хлеб наш насущный»...

— Все, чем они там занимаются,— сказала Анджела,— это зубрят заново механику. Вроде повторительного курса по устройству сочинителей. Как переделать старую рухлядь, чтобы она сумела выдать что-нибудь свеженькое...

— И все-таки я не понимаю, почему бы Джасперу не съездить в отпуск, раз у него завелись деньги.

— Вы такой тугодум,— рассердилась Анджела.— Вы что, так и не поняли, в чем тут соль?

— Да понял я, все понял. Джаспер до сих пор не отказался от мысли, что в нашем деле присутствует фактор личности. Он не довольствуется сведениями, почерпнутыми из стандартного справочника или из энциклопедии. Он не согласен, чтобы сочинитель описывал чувства, каких он, Джаспер, никогда не испытывал, или краски заката, какого он никогда не видел. И мало того — он оказался столь безрассуден, что проговорился об этом, и вы вместе с остальными подняли его на смех. Чего ж удивляться, если парень стал эксцентричным. Чет удивляться, если он запирает дверь на ключ...

— Запертая дверь,— зло сказала Анджела,— очень символичный поступок для такого психа, как он.

— Я бы тоже запер дверь,— ответил ей Харт.— И тоже стал бы эксцентричным, лишь бы печатать такие же рассказы, как Джаспер. Я бы ходил на руках... Я бы вырядился в саронг! Я бы даже выкрасил себе лоб и щеки в синий цвет...

— Вы словно верите, что Джаспер прав.

Он снова покачал головой.

— Нет, я не думаю, что он прав. Я думаю по-другому. Но если он хочет думать по-своему, пусть себе думает на здоровье.

— А вот и нет,— возликовала она.— Вы думаете, как он, это у вас на носу написано. Вы допускаете возможность творчества, не зависимого от машины!

— Нет, не допускаю. Я знаю, что творчество — привилегия машин, а не наша. Мы с вами всего лишь лудильщики, поселившиеся в мансардах. Механики от литературы. И я полагаю, что так оно и должно быть. Конечно, в нас еще жива тоска по прошлому. Но она существовала во все эпохи. Где вы, мол, старые добрые времена? Где вы, деньки, когда литературные произведения писали кровью сердца?..

— Что-что, а кровь мы проливаем по-прежнему...

— Джаспер — прирожденный механик,— заявил он.— Вот чего мне недостает. Я не способен даже починить свой мусорный ящик, а вы бы видели, как модернизировал свой агрегат Джаспер...

— Можно нанять кого-нибудь, чтобы произвести ремонт. Есть фирмы, которые прекрасно справляются с такой работой.

— На это у меня никогда не было денег.— Он допил свое пиво и поинтересовался:— А что такое у вас в бокале? Хотите повторить?

Она оттолкнула бокал от себя.

— Не нравится мне эта дрянь. Я лучше выпью с вами пива, если не возражаете.

Харт жестом приказал Блейку принести два пива.

— Что вы нынче поделываете, Анджела?— спросил он.— Все еще работаете над романом?

— Готовлю фильмы для машины,— сказала она.

— Мне сегодня придется заняться тем же. Чтобы выполнить заказ Ирвинга, понадобится главный герой. Большой, сильный, темпераментный, но не слишком страшный. Поищу где-нибудь у реки...

— Теперь герои в цене, Кемп,— сказала она.— Инопланетяне нынче поумнели. Даже самые дальние. Только вчера я заплатила одному двадцатку, а он в общем-то не представлял собой ничего особенного.

— Все равно это дешевле, чем покупать готовые фильмы.

— Тут я с вами согласна. Правда, и работы прибавляется.

Блейк принес пиво, и Харт отсчитал ему мелочь в подставленную ладонь.

— Возьмите пленку нового типа,— посоветовала Анджела.— Она куда лучше прежних по всем показателям. Резкость гораздо выше, а значит, улавливается больше побочных факторов. Характеры очерчиваются более плавно. Вы приобретаете способность видеть, так сказать, все оттенки исследуемой личности. И персонажи сразу становятся более достоверными. Я пользуюсь именно такой пленкой.

— За нее, должно быть, дерут втридорога,— заметил он.

— Да, довольно дорого,— согласилась она.

— У меня сохранилась еще парочка катушек старого образца. Придется обойтись тем, что есть.

— Могу ссудить вам полсотни, если позволите.

Он покачал головой еще решительнее, чем раньше.

— Спасибо, Анджела. Я могу клянчить на выпивку, обедать за чужой счет и стрелять сигареты, но я не могу взять у вас полсотни, которые вам самой нужны позарез. Среди нас просто нет богатеев, способных раздавать в долг по полсотни.

— Но я ссудила бы вам их с радостью. Если вы передумаете...

— Хотите еще пива?— спросил Харт, чтобы положить конец неприятному разговору.

— Мне нужно работать.

— Мне тоже...

Он вскарабкался на седьмой этаж, прошел по коридору и постучался к Джасперу Хансену.

— Минуточку,— донесся голос из-за двери. Но прошло минуты три, прежде чем ключ заскрежетал в замке и дверь распахнулась.— Прости, что так долго,— извинился Джаспер.— Вводил в машину исходные данные и не мог оторваться, пока не справлюсь.

Харт кивнул. Действительно, объяснение Джаспера было нетрудно принять. Прервать на середине набор исходных данных, на подготовку которых уходили многие часы,— дело почти немыслимое.

Комната у Джаспера была маленькая и захламленная. В углу красовался сочинитель, гордый и блестящий, хотя и не такой, как тот, которым Харт любовался утром в салоне в центре города. На столе, полуприкрытая разбросанными бумажками, стояла пишущая машинка. Длинная полка провисала под тяжестью потрепанных справочников. Книги в ярких обложках громоздились в беспорядке на полу. На неприбранной постели спала кошка. На шкафу виднелась бутылка вина и рядом с нею немного хлеба. Раковина была завалена грязной посудой.

— Говорят, ты собираешься в отпуск, Джаспер,— начал Харт.

Джаспер ответил настороженно:

— Да, мне подумалось, что можно бы...

— Слушай, Джаспер, не окажешь ли ты мне одну услугу?

— Все, что только пожелаешь.

— Когда ты уедешь, разреши мне воспользоваться твоим сочинителем.

— Ну, в общем... Не знаю, Кемп. Видишь ли...

— Мой вышел из строя, а на ремонт у меня нет денег. И вдруг я, представь, получаю заказ. Если бы ты разрешил мне поработать на твоей машине, я бы за неделю-другую выдал достаточно, чтобы отремонтировать свою.

— Ну, в общем,— повторил Джаспер,— понимаешь, я для тебя готов на все. Проси, чего хочешь. Но сочинитель — извини, никак не могу разрешить тебе работать на нем. Я его полностью перепаял. Там нет ни одной цепи, которая осталась бы в своем первозданном виде. И никто во всем мире, кроме меня, не сумеет теперь с ним совладать. А если кто-нибудь и попробует, то или машину сожжет, или себя угробит, или не знаю что еще...

— Но разве ты не можешь меня проинструктировать?— воскликнул Харт почти умоляюще.

— Слишком сложно. Я с ней возился годами,— ответил Джаспер.

Харт ухитрился выжать из себя улыбку.

— Прости, я думал...

Джаспер положил руку ему на плечо.

— Что-нибудь другое — пожалуйста. Что угодно другое.

— Спасибо,— бросил Харт, отворачиваясь.

— Выпить хочешь?

— Нет, спасибо,— ответил Харт и вышел.

Преодолев еще два лестничных марша, он поднялся на самый верхний этаж и ввалился к себе. Его дверь никогда не запиралась. При всем желании никто не высмотрел бы у него ничего, достойного кражи. «И коль на то пошло,— спросил он себя,— разве есть что-нибудь такое, что могло бы представить интерес для других, у этого Джаспера?..»

Он опустился на колченогий стул и уставился на сочинитель. Машина была старая и обшарпанная, она раздражала его, и он ее ненавидел. Она не стоила ни гроша, абсолютно ни гроша, и тем не менее придется на ней работать. Поскольку другой у него нет и не предвидится. Он может подчиняться ей, а может спорить с ней, может ее пинать, может бранить последними словами, а может проводить подле нее бессонные ночи. А она, урча и кудахтая от признательности, будет самонадеянно выдавать необъятные груды посредственных строк, которые никто никогда не купит.

Он встал и подошел к окну. Внизу лежала река, и с судов, пришвартованных у причалов, выгружали бумажные рулоны, чтобы прокормить ненасытные печатные станки, грохочущие день и ночь. За рекой из космопорта, оставляя за кормой слабое голубое мерцание ионных потоков, поднимался корабль. Харт наблюдал за кораблем, пока тот не исчез из виду.

Там были и другие корабли, нацеленные в небо, ожидающие только сигнала — нажатия кнопки, щелчка переключателя, легкого движения ленты с навигационной программой,— сигнала, который сорвал бы их с мест и направил домой. Сначала в черноту космоса, а затем в то таинственное ничто вне времени и пространства, где можно бросить вызов теоретическому пределу — скорости света. Корабли, прибывшие на Землю со многих звезд с одной-единственной целью, за одним-единственным товаром, какой предлагали им земляне,— за чтивом.

Он не без труда стряхнул с себя чары космопорта и обвел взглядом раскинувшийся до горизонта город — скученные, обтесанные до полного однообразия прямоугольники района, где жил он сам, а дальше к северу сияющие сказочной легкостью и тяжеловесным величием башни, построенные для знаменитых и мудрых.

Фантастический мир,— подумал он.— Фантастический мир, где приходится жить. Вовсе не такой, как рисовали его Герберт Уэллс и Стэплдон. Они воображали себе дальние странствия и галактические империи, гордость и славу человечества,— но, когда двери в космическое пространство наконец отворились, Земле каким-то образом не досталось ни того, ни другого. Взамен грома ракет — грохот печатных машин. Взамен великих и возвышенных целей — тихий, вкрадчивый, упрямый голос сочинителя, зачитывающего очередной опус. Взамен нескончаемой череды новых планет — комнатка в мансарде и изматывающий страх, что машина подведет тебя, что исходные данные неверны, а пленки использовались слишком часто.

Он подошел к столу и один за другим выдвинул три ящика. Камеру он обнаружил под ворохом всякой дряни в нижнем. Потом порылся еще в среднем ящике, нашел пленку, завернутую в алюминиевую фольгу.

«Стало быть, большой и сильный,— подумал он.— Такого, наверное, нетрудно встретить в одном из подвальчиков у реки, где космические волки, получившие увольнительную в город, проматывают свои денежки...»

В первом подвальчике, куда он заглянул, было смрадно — там расположилась компания паукообразных существ из системы Спики, и он там не остался. Недовольно поморщившись, он выбрался на улицу со всей быстротой, на какую оказался способен.

Соседний погребок облюбовали похожие на раскормленных котов обитатели Дагиба, и это тоже было совсем не то, что надо.

Зато в третьем заведении его ждала удача в образе гуманоидов со звезды Каф — созданий дородных и шумных, склонных к экстравагантной одежде, вызывающему поведению и вообще падких до роскошной жизни. Они сгрудились вокруг большого круглого стола в центре комнаты и увлеченно буянили — стучали по столу кружками, гонялись за удирающим от них хозяином, заводили песни, но тут же сами прерывали их выкриками и перебранкой.

Харт проскользнул в незанятую кабинку и стал присматриваться к загулявшим кафианам. Один из них, самый крупный, самый громогласный и самый буйный, напялил на себя красные штаны и рубаху цвета яркой зелени. Платиновые ожерелья и диковинные чужеземные украшения болтались у него на шее и сверкали на груди, а волосы он, похоже, не стриг несколько месяцев. Борода у него была довольно сатанинского вида, а уши — поразительная штука!— чуть-чуть заострены. Сцориться с ним, судя по всему, было весьма и весьма небезопасно. «Вот он!— решил Харт.— Вот типаж, который мне нужен!»

Наконец к кабинке кое-как подобрался хозяин.

— Пива,— приказал Харт.— Большой стакан.

— Да вы что?— удивился хозяин.— Кто же у нас пьет пиво!

— Ну, хорошо, а что у вас есть?

— Бокка, игно, хзбут, грено. Ну, и еще...

— Тогда бокка,— отрезал Харт. По крайней мере он представлял себе, что такое бокка, а об остальных напитках никогда и не слышал. Кто их знает, что они способны сотворить с человеком. Глоток бокка, во всяком случае, пережить можно.

Хозяин ушел и спустя какое-то время вернулся с кружкой бокка. Это было зеленоватое, слегка обжигающее пойло. Хуже всего, что по вкусу оно напоминало слабенький раствор серной кислоты.

Харт вжался поглубже в угол кабинки и открыл футляр камеры. Потом приподнял камеру над столом — не выше, чем понадобилось для того, чтобы захватить Зеленую Рубаху в поле зрения линз. Наклонившись к видоискателю, поймал кафианина в фокус и тут же нажал кнопку, приводящую аппарат в действие. Покончив с этим, принялся прихлебывать бокка.

Высидеть вот так, давясь инопланетным пойлом и орудуя камерой, предстояло четверть часа. Четверти часа хватит за глаза. Через четверть часа Зеленая Рубаха окажется на пленке. Может, материал будет и не столь исчерпывающим, как если бы Харт применял ту же новомодную пленку, что и Анджела, но своего героя он получит.

Камера крутилась, запечатлевая физические характеристики кафианина, его манеры, любимые обороты речи, мыслительные процессы (при наличии таковых), образ жизни, происхождение, его вероятные реакции перед лицом тех или иных обстоятельств. «Пусть не в трех измерениях,— подумал Харт,— пусть без проникновения в душу героя и без развернутого ее анализа, но для той халтуры, что нужна Ирвингу, сойдет и так...»

Сделать этого весельчака главным героем, окружить тремя-четырьмя головорезами, выбранными наудачу из досье. Можно использовать какую-нибудь из пленок серии «Рыцарь глубокой тьмы». Ввернуть туда что-нибудь заковыристое про сокровища, добавить капельку насилия, притом на каком-нибудь жутком фоне,— и пожалуйста, готово, если, конечно, сочинитель не откажет...

Десять минут прошло. Осталось всего пять. Еще пять минут — и он остановит камеру, сунет ее обратно в футляр, а футляр в карман и выберется отсюда как можно скорее. Разумеется, стараясь не привлечь ничьего внимания.

«А все получилось довольно просто,— подумал он,— много проще, чем я рассчитывал...»

Как это Анджела сказала? «Все нынче поумнели, даже инопланетяне...»

Осталось три минуты.

Откуда ни возьмись на стол опустилась рука и заграбастала камеру. Харт стремительно обернулся. У него за спиной с камерой под мышкой стоял хозяин.

«Ну и ну,— подумал Харт,— я так старательно следил за кафианами, что начисто забыл про этого типа!..»

— Ах, так!— зарычал хозяин.— Пролез сюда обманом, а теперь фильм снимаешь! Хочешь, чтобы мое заведение приобрело дурную славу?..

Харт опрометью кинулся прочь из кабинки в отчаянной надежде прорваться к двери. У него еще оставался какой-то, пусть призрачный шанс. Но хозяин ловко подставил ногу, и Харт упал, перекувырнувшись через голову. Проехал плашмя по полу, сшибая мебель, и очутился под столом.

Кафиане вскочили с мест и как по команде уставились на него. По ним было видно, что они не возражали бы, если бы он свернул себе шею.

Хозяин что было силы швырнул камеру себе под ноги. С тяжким, скрежещущим стоном она разлетелась на куски. Пленка выпала из кассеты и заизвивалась по полу. Откуда-то, дзенькнув, выпрыгнула пружина, впилась в пол торчком и задрожала.

Харт напрягся, поднялся из-под стола. Кафиане двинулись на него — не бросились, не разразились угрозами, а спокойно и размеренно двинулись, растягиваясь в стороны, чтобы не дать ему пробиться к выходу.

Он отступал, отступал осторожно, шаг за шагом, а кафиане все продолжали свое неспешное наступление.

И тут он прыгнул прямо вперед, нацелившись в самую середину их цепи. Издав боевой клич, он наклонил голову и боднул Зеленую Рубаху точнехонько в живот. Почувствовал, как кафианин качнулся и подался вбок, на какую-то долю секунды уже решил было, что вырвался на свободу, но чья-то волосатая мускулистая рука дотянулась до него, сгребла и швырнула навзничь. Тут же кто-то лягнул его. Кто-то наступил ему на пальцы. А кто-то вновь поставил на ноги и метнул без промаха сквозь открытую дверь на мостовую.

Он упал на спину и проехался по мостовой, остановившись только тогда, когда врезался в бровку тротуара напротив забегаловки.

Кафиане всей командой сгрудились в дверях, надрываясь от хохота. Они хлопали себя по ляжкам, били друг друга по спине. Они чуть не складывались пополам. Они потешались и издевались над ним. Половины их жестов он не понимал, но и остальных было довольно, чтобы похолодеть от ужаса.

Он осторожно поднялся и ощупал себя. Нет слов, потрепали его основательно. Понаставили шишек, изорвали одежду. Но главное — он, кажется, избежал переломов. Прихрамывая, Харт попробовал сделать шаг, другой. Потом попытался пуститься бегом и, к собственному удивлению, обнаружил, что может бежать.

За его спиной кафиане все еще гоготали. Но кто возьмется предугадать, когда происшедшее перестанет казаться им просто смешным и они помчатся вдогонку, возжаждав крови?

Пробежав немного, он нырнул в переулок, который вывел его на незнакомую площадь причудливой формы. Он пересек эту площадь и, не переводя дыхания, юркнул в другой проулок — по-прежнему бегом. В конце концов он поверил, что оказался в безопасности, и в очередном переулке присел на ступеньки, чтобы слегка отдышаться и обдумать свое положение.

Положение его — в чем, в чем, а в этом сомневаться не приходилось — было хуже некуда. Он не только не заполучил нужного героя, но и потерял камеру. Подвергся при этом тяжким унижениям и едва не расстался с жизнью.

И он был бессилен что-либо изменить. «В сущности,— сказал он себе,— мне еще крупно повезло. С юридической точки зрения у меня нет ни малейшего оправдания. Я сам кругом виноват. Снимать героя без разрешения его прототипа — значит грубо нарушить закон...»

А с другой стороны — какой же он преступник? Разве у него было сознательное намерение нарушить закон? Его к этому вынудили. Каждый, кого удалось бы уговорить позировать в качестве героя, потребовал бы заплатить за труды — заплатить куда больше, чем Харт был в состоянии наскрести!

И ведь он по-прежнему нуждался, отчаянно нуждался в герое! Или он найдет героя, или потерпит окончательный крах.

Он заметил, что солнце село и город погружается в сумерки.

«Вот и день прошел,— мелькнула мысль.— Прошел впустую, и некого винить, кроме себя самого».

Шагавший мимо полицейский приостановился и заглянул в переулок.

— Эй, ты,— обратился он к Харту,— ты чего здесь расселся?

— Отдыхаю,— ответил Харт.

— Прекрасно. Посидел, отдохнул. А теперь шагай дальше.

Пришлось встать и идти дальше.

Продолжение следует.

Сила воображения

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Клиффорд САЙМАК

Он уже почти добрался до своего пристанища, как вдруг услышал плач, доносившийся из тупичка между стенкой жилого дома и переплетной мастерской. Плач был странный, не вполне человеческий, пожалуй, и не плач даже, а просто выражение горя и одиночества.

Он придержал шаг и осмотрелся. Плач прекратился, но вскоре начался снова. Это был тихий плач, безнадежный и безадресный, плач ради плача.

Он немного постоял в нерешительности и пошел своей дорогой. Но не прошел и трех шагов, как вернулся. Заглянул в тупичок — и почти сразу зацепился ногой за что-то лежащее на земле.

Присев на корточки, он присмотрелся к тому, что лежало в тупичке, заливаясь плачем. И увидел комок — точнее не опишешь,— мягкий, бесформенный, скорбный комок, издающий жалобные стоны.

Харт поддел комок рукой и приподнял, с удивлением обнаружив, что тот почти ничего не весит. Крепко придерживая находку одной рукой, другой он пошарил по карманам. Отыскал зажигалку, щелкнул крышкой — пламя еле светило, и все же он разглядел достаточно, чтобы испытать мгновенный приступ тошноты. В руках у него оказалось старое одеяло с подобием лица — лицо начало было становиться гуманоидным, но затем словно по каким-то причинам передумало, и черты его почти стерлись. Вот и все, что являло собой это удивительное создание — одеяло и лицо.

Поспешно сунув зажигалку в карман, он скорчился в темноте, ощущая при каждом вздохе, как воздух встает в горле колом. Создание было не просто инопланетным. Оно было прямо-таки немыслимым, даже по инопланетным меркам. И каким, собственно, образом мог инопланетянин очутиться так далеко от космопорта? Инопланетяне редко бродят поодиночке. У них на это не остается времени — корабли прибывают, загружаются чтивом и тут же без задержки идут на взлет. И экипажи стараются держаться поближе к ракетным причалам, чаще всего застревая в подвальчиках у реки.

Он поднялся на ноги, прижав существо к груди, словно ребенка — ребенок, и тот оказался бы, наверное, тяжелее,— и ощущая телом живое тепло, которое излучало существо. Отвращение прошло, и в сердце у него поселилось непривычное чувство товарищества. Секунду-другую Харт постоял в тупичке, мучительно роясь в памяти, пытаясь удержать какое-то упрямо ускользавшее воспоминание. Где-то когда-то он как будто что-то слышал или читал о подобном инопланетянине. Но это, разумеется, чепуха — инопланетяне, даже самые фантастические из них, не являются в образе одеяла с подобием лица.

Выйдя из тупичка на улицу, Харт вновь бросил взгляд на одеяло, хотел рассмотреть его получше. Но часть одеяла-тела завернулась, прикрыв лицо, и на этом месте виднелась лишь смутная рябь.

Через два квартала он дотащился до «Светлой звездочки», завернул за угол к боковому подъезду и стал взбираться по лестнице. Кто-то спускался сверху, и Харт прижался к перилам, уступая дорогу.

— Кемп,— позвала Анджела Маре.— Кемп, что у вас в руках?

— Вот, подобрал на улице,— объяснил он.

Харт пошевелил рукой, и у одеяла-тела открылось лицо. Анджела отпрянула к перилам, одновременно поднося ладонь к губам, чтобы не закричать.

— Кемп! Какой ужас!..

— Мне кажется, оно нездорово. Оно...

— Что вы намерены с ним делать?

— Не знаю,— ответил Харт.— Оно горько плакало. Прямо сердце разрывалось. Я не в силах был его бросить.

— Пойду позову доктора Жуйяра.

Харт покачал головой.

— А что толку? Он же ни черта не смыслит в инопланетной медицине. Кроме того, он наверняка пьян.

— Никто не смыслит в инопланетной медицине,— напомнила ему Анджела.— Может, в центре и нашелся бы специалист...— По ее лицу пробежало облачко.— Но ничего, наш док изобретателен. Он нам скажет хотя бы...

— Ладно,— согласился Харт.— Взгляните, в самом деле, может, вам и удастся его откопать.

У себя в комнате он положил инопланетянина на кровать. Загадочное существо больше не хныкало, а закрыло глаза и, кажется, уснуло, хотя он и не мог бы поручиться за это.

Он присел на край кровати и стал разглядывать своего незваного гостя — и чем дольше разглядывал, тем меньше логики усматривал в том, что видел. Только теперь он осознал до конца, каким тонким было это одеяло, каким легким и хрупким. Удивительно, подумал он, как нечто столь немощное вообще ухитряется выжить, как умещаются в столь неподходящем теле все необходимые для жизни органы.

Может быть, оно голодно? Но если да, то какого рода пищу оно употребляет? А если оно и вправду нездорово, то разве мыслимо надеяться его вылечить, когда не знаешь о нем ничего, ровным счетом ничего?

Может быть, док все-таки поможет? Да нет, док знает тут не больше, чем он сам. Док Жуйяр ничем не лучше любого другого во всей округе — перебивается с хлеба на воду, обожает выпить на дармовщинку да еще пытается лечить больных, не имея нужных инструментов и обходясь познаниями, не обновляемыми вот уже четыре десятка лет...

На лестнице послышались шаги — сперва легкие, а за ними тяжелые, шаркающие. Надо полагать, Анджела и Жуйяр. И уж если она разыскала его так быстро, то, может статься, он достаточно трезв и способен думать и действовать, не теряя координации.

Доктор вошел в комнату, сопровождаемый Анджелой. Поставил на пол свой саквояж, удостоив существо на постели лишь беглым взглядом.

— Ну, так что у нас здесь?— произнес он, и это был, наверное, первый случай за всю его карьеру, когда затертая профессиональная фраза обрела известный смысл.

Продолжение. Начало в № 14.

— Кемп подобрал его на улице,— торопливо ответила Анджела.— Сперва оно плакало, а теперь перестало.

— Это что, шутка?— спросил Жуйяр, наливаясь гневом.— Если шутка, то, молодой человек, весьма и весьма неуместная.

Харт по своему обыкновению покачал головой.

— Это не шутка. Я думал, что вам известно...

— Нет, мне неизвестно,— перебил доктор неприязненно.

Он взялся за краешек одеяла, затем разжал пальцы, и существо тут же шлепнулось обратно на кровать. Доктор прошелся по комнате взад-вперед, повторил свой маршрут, потом сердито обернулся к Анджеле и Харту.

— Вы, кажется, надеетесь, что я могу что-либо сделать,— заявил он.— Да, я мог бы притвориться, что произвожу осмотр. Я мог бы вести себя, как полагается врачу. Уверен, именно на это вы и рассчитывали. Что я пощупаю ему пульс, измерю температуру, взгляну на его язык и выслушаю сердце. Ну что ж, в таком случае не подскажете ли вы мне, каким образом это сделать? Где прикажете искать пульс? А если я найду пульс, то какова его нормальная частота? Или, допустим, я придумаю, как измерить температуру, но растолкуйте мне, какую температуру считать нормальной для этакого страшилища? И не будете ли вы любезны сообщить мне, как, не прибегая к анатомированию, обнаружить, где у него сердце?

Подхватив саквояж, он направился к двери.

— Но, может, кто-нибудь другой?..— В голосе у Харта звучала просьба.— Может, хоть кто-нибудь знает?..

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

— Сомневаюсь,— ответил Жуйяр.

— Вы думаете, во всем городе нет никого, кто мог бы тут чем-нибудь помочь? Вы именно это пытаетесь мне внушить?

— Послушайте, дорогой мой. Медики-люди лечат людей, точка. Да и зачем требовать от нас большего? Нас что, каждый день вызывают лечить инопланетян? Никто и не ждет от нас, чтобы мы их лечили. Ну, время от времени случается, что какой-нибудь узкий специалист или ученый заинтересуется инопланетной медициной, да и то лишь пройдется по верхам. Только по верхам, и не больше. Человек тратит годы жизни на то, чтобы кое-как овладеть нашей земной медициной. Сколько же жизней понадобится, по-вашему, чтобы научиться медицине инопланетной?

— Успокойтесь, док. Успокойтесь, вы правы.

— И откуда вы вообще взяли, что с этим вашим существом не все в порядке?

— Ну, как же, оно плакало, вот я и подумал...

— А может, оно плакало от одиночества, от испуга или от горя? Может, оно заблудилось?

Доктор снова направился к двери.

— Спасибо, док,— сказал Харт.

— Не за что.— Старик в нерешительности застыл на пороге.— У вас случаем не найдется доллара? Я как-то немного поиздержался...

— Пожалуйста,— сказал Харт, протягивая ему бумажку.

— Завтра верну,— пообещал Жуйяр.

И тяжело поплелся к лестнице. Анджела нахмурилась.

— Не следовало этого делать, Кемп. Теперь он напьется, и вам придется отвечать...

— Ну, не на доллар же,— авторитетно возразил Харт.

— Это по вашим понятиям. Та бурда, какую он пьет...

— Тогда пусть его пьет. Он заслужил хоть капельку счастья.

— Однако...— Анджела кивнула в сторону существа на кровати.

— Вы же слышали, что сказал док. Он не в силах ничего сделать. И никто не в силах ничего сделать. Когда оно очнется — если очнется,— оно, быть может, само сумеет сообщить, что с ним. Но на такое я, признаться, не рассчитываю...

Он подошел к кровати и окинул распростертое на ней существо пристальным взглядом. Вид у существа был отталкивающий, даже отвратительный — и ни на йоту теперь не гуманоидный. И в то же время от этого одеяльца веяло таким безотрадным одиночеством, такой беззащитностью, что у Харта перехватило дыхание.

— Наверное, следовало оставить его в тупичке,— проговорил он.— Я ведь уже пошел было дальше. Но когда оно опять ударилось в плач, я не выдержал. Наверное, вообще не стоило с ним связываться. Все равно я ему ничем не помог. Если бы я его там и оставил, дело могло бы повернуться к лучшему. Может, другие инопланетяне уже взялись его искать...

— Все вы сделали правильно,— перебила Анджела.— Что за манера воевать с ветряными мельницами!— Она пересекла комнату и села в кресло. Он передвинулся к окну и мрачно взирал на городские крыши, когда она спросила:— А с вами-то что случилось?

— Ничего.

— Но ваша одежда! Вы только посмотрите на свою одежду!..

— Вышвырнули из погребка. Пытался снять фильм.

— Не заплатив за него?

— У меня нет денег.

— Я же предлагала вам полсотни.

— Знаю, что предлагали. Только я не мог их взять. Неужели вы не понимаете, Анджела? Не мог, и все тут!

Она сказала мягко:

— Вы же так бедствуете, Кемп...

Он вскинулся, словно его ударили. Кто ее просил говорить об этом! Какое она имела право! Да она сама...

Он уже открыл было рот, но успел остановиться.

Она имела право. Она предлагала ему полсотни, но дело не только в деньгах. Она имела право сказать об этом потому, что понимала: она заслужила такое право. Ведь никто в целом мире не относится к нему так искренне, как она...

— Я не в состоянии больше писать, Анджела,— пожаловался он.— Как ни стараюсь, у меня ничего не выходит. Машина — сущее барахло, пленки протерты до дыр, а иные даже залатаны...

— Что вы сегодня ели?

— Выпил с вами пива и еще кружку бокка.

— Это не называется есть. Вымойтесь и переоденьтесь, потом мы с вами спустимся вниз и купим вам еды.

— На еду у меня у самого хватит.

— Знаю. Вы говорили про аванс от Ирвинга.

— Это был не аванс.

— И об этом я знаю, Кемп.

— А что будет с инопланетянином?

— Да ничего с ним не будет — по крайней мере за то время, какое понадобится, чтобы перекусить. Чем вы ему поможете, стоя рядом? Вы же понятия не имеете, как ему помочь.

— Сдается мне, что вы правы.

— Разумеется, я права. А теперь ступайте и смойте грязь с лица. И не забудьте вымыть уши.

В «Светлой звездочке» сидел лишь Джаспер Хансен. Они подошли и сели за тот же столик. Джаспер приканчивал блюдо свиных ножек с кислой капустой, запивая их вином, что казалось уже совершеннейшим святотатством.

— А где остальные? — осведомилась Анджела.

— Тут по соседству вечеринка,— объяснил Джаспер.— Кто-то продал книгу.

— Кто-то, с кем мы знакомы?

— Да нет, черт возьми. Просто кто-то продал книгу. С каких это пор требуется официальное знакомство, чтобы прийти на вечеринку к человеку, когда тот продал книгу?

— Я ни о чем подобном давно не слышала.

— А кто слышал? Какой-то чудак заглянул в дверь, крикнул про вечеринку, и все сразу снялись и пошли. Все, кроме меня. Мне недосуг шляться по вечеринкам. Меня ждет работа.

— Что, и закуска бесплатная? — спросила Анджела.

— Ну да. Впрочем, дело не в этом. Пусть мы достойные, уважающие себя ремесленники, а все равно каждый готов шею себе свернуть, лишь бы урвать бесплатный сандвич и стопку.

— Времена тяжелые,— заметил Харт.

— Только не для меня,— откликнулся Джаспер.— Я завален заказами.

— Но заказы еще не решают главной проблемы.

Джаспер внимательно посмотрел на него и подергал себя за подбородок.

— А что считать главным? — спросил он требовательно.— Вдохновение? Преданность делу? Талант? Попробуй-ка ответь. Мы механики, и этим все сказано. Наш удел — машины и пленки. Мы должны поддерживать массовое производство, запущенное двести лет назад. Конечно, оно механизировано, иначе оно не стало бы массовым, иначе нельзя было бы производить рассказы и романы даже при полнейшем отсутствии таланта. Это наша работа — выдавать тонны хлама для всей распроклятой Галактики. Чтобы у них там дух захватывало от похождений щелеглазой Энни, королевы космических закоулков. И чтобы ее ненаглядный, вчера прошитый шестью очередями, сегодня был бы жив и здоров, а завтра снова прошит навылет, и вновь заштопан на скорую руку, и...

Джаспер достал вечернюю газету, раскрыл ее и саданул по странице кулаком.

— Видели? — спросил он.— Так прямо и назвали: «Классик». Не сочиняет ничего, кроме классики, это гарантировано.

Харт вырвал газету из рук Джаспера, и точно — там была статья на целую полосу и в центре снимок, а на снимке — тот самый изумительный сочинитель, который он, Харт, разглядывал в салоне сегодня утром.

— В скором будущем,— заявил Джаспер,— единственным требованием в творчестве останется простейшее: имей кучу денег. Имеешь — тогда пойди и купи машину вроде этой и прикажи ей: «Сочини мне рассказ»,— потом нажми кнопку или поверни выключатель, а может, просто пни ее ногой, и она выплюнет твой рассказ готовеньким вплоть до последнего восклицательного знака.

Раньше,— продолжал он,— хоть изредка удавалось купить подержанную машину, скажем, за сотню долларов и вытрясти из нее какое-то число строк — пусть не первоклассных, но находящих спрос. Сегодня надо выложить бешеные деньги за машину да еще купить дорогую камеру и бездну специальных фильмов и перфолент. Придет день, и человечество перехитрит само себя. Придет день, когда мы замеханизируемся до того, что на Земле не останется места людям, вокруг будут только машины.

— Но у вас-то дела идут неплохо,— заметила Анджела.

— Это потому, что я вожусь со своей машиной с утра до ночи. Она не дает мне ни минуты покоя. Моя комната теперь не то кабинет, не то ремонтная мастерская, и я понимаю в электронике больше, чем в стилистике.

Подошел, волоча ноги, Блейк и рявкнул:

— Что прикажете?

— Я сыта,— ответила Анджела,— мне только стакан пива.

Блейк повернулся к Харту:

— А для вас?

— Дайте мне то же, что и Джасперу, но без вина.

— В долг не дам.

— Кто, черт побери, просит у вас что-нибудь в долг? Или вы надеетесь, что я заплачу вам раньше, чем вы принесете еду?

— Нет,— огрызнулся Блейк.— Но вы заплатите мне сразу же, как только я ее принесу.

Он отвернулся и зашаркал прочь.

— Придет день,— продолжал Джаспер,— когда этому наступит конец. Должен же когда-то наступить конец, и мы, по-моему, подошли к нему вплотную. Механизировать жизнь можно лишь до какого-то предела. Передать думающим машинам можно многие виды деятельности, но все-таки не все. Кто из прежних писателей мог бы предположить, что литературное творчество будет низведено к инженерным закономерностям?

— А кто из них,— подхватил Харт,— мог бы догадаться, что земная культура трансформируется в чисто литературную? Но ведь именно так и произошло. И главное сейчас — это мы, писатели, да еще заводы, где строят для нас машины, и лесосеки, где валят деревья, чтобы превратить их в бумагу... Конечно, существуют и другие профессии и ремесла, нужные для поддержания цивилизации. Но если брать в общем и целом, то Земля сегодня сосредоточила свои усилия на производстве беспрерывного потока литературы для межзвездной торговли.

— А началось все это,— сказал Джаспер,— с одной нашей занятной особенности. Казалось бы, невероятно, что подобная особенность послужит нам на пользу, но факт есть факт. На нашу долю выпало уродиться лжецами. Единственными на всю Галактику. На всех бесчисленных мирах правду почитают за универсальную постоянную, и мы — единственное исключение.

— Вы судите чересчур сурово,— запротестовала Анджела.

— Пусть сурово, тут уж ничего не поделаешь. Мы могли бы стать величайшими из торгашей и обобрали бы всех остальных до нитки, пока те только еще соображали бы, что к чему. Свой талант лжецов мы могли бы использовать тысячью разных способов, и не исключаю, даже сберегли бы в целости свои головы. Но мы нашли этому таланту уникальное, абсолютное по безопасности применение. Ложь стала нашей продажной добродетелью. Теперь нам дозволено лгать вволю, всласть — любую ложь съедят на корню. Никто, кроме нас, землян, нигде и никогда не пробовал сочинять литературу — ни ради развлечения, ни ради морали, ни во имя какой-либо другой цели. Не пробовал потому, что литература неизбежно означает ложь, и мы, оказывается, единственные лжецы на всю Вселенную...

Блейк принес пиво для Анджелы и свиные ножки для Харта. Пришлось рассчитаться с ним не откладывая.

— У меня остался еще четвертак,— сказал Харт.— Есть у вас какой-нибудь пирог?

— Яблочный.

— Тащите порцию, плачу авансом.

— Вначале,— не унимался Джаспер,— рассказы передавали из уст в уста. Потом записывали от руки, а теперь изготовляют на машинах. Но, разумеется, это тоже не вечно. Найдется еще какой-нибудь хитрый метод. Какой-нибудь иной, лучший путь.

— Я согласился бы на все,— объявил Харт.— На любой метод, на любой путь. Я бы даже стал писать от руки, если бы надеялся, что у меня купят написанное.

— Как вы можете! — возмегодовала Анджела.— По-моему, на эту тему шутить и то неприлично. С подобной шуткой можно еще смириться, пока мы втроем, но если я когда-нибудь услышу...

Харт замахал руками.

— Забудем об этом. Извините, брякнул, не подумав.

— Разумеется, литературный экспорт,— продолжал Джаспер,— серьезное доказательство ума человека, а также приспособляемости и находчивости человечества. Ну, не смешно ли: методы большого бизнеса применяются к профессии, которая от века считалась совершенно индивидуальной. Не сомневаюсь, что рано или поздно сочинительское дело будет и впрямь поставлено на конвейер и литературные фабрики станут дымить в две смены...

— Ну нет,— вмешалась Анджела.— Тут вы ошибаетесь, Джаспер. При всей механизации наша профессия требует одиночества как никакая другая.

— Верно,— согласился Джаспер.— И, признаться, я лично от одиночества ничуть не страдаю.

— Что за гнусный способ зарабатывать себе на жизнь! — воскликнула вдруг Анджела с ноткой горечи в голосе.— Чего мы, в сущности, добиваемся?

— Делаем людей счастливыми, если, конечно, именовать всех наших читателей людьми. Обеспечиваем их развлечением.

— А заодно внушаем высокие идеалы?

— Бывает, что идеалы тоже.

— Это еще не все,— сказал Харт.— Не только обеспечиваем, не только внушаем. Мы ведем самую невинную с виду и самую опасную по существу экспансию за всю историю человечества. Старые авторы, до первых космических полетов, славили дальние странствия и завоевание Галактики, и я лично думаю, что славили оправданно. Но главную возможность они проглядели начисто. Они, пожалуй, и не могли предвидеть, что нашим оружием в покорении иных миров станут не крейсеры, но книги. Мы подрываем галактические устои нескончаемым потоком человеческой мысли. Наши слова проникают в такие бездны Вселенной, куда никогда не добрались бы наши корабли.

— Вот именно, это я и хотел сказать! — торжествующе вскричал Джаспер.— Ты попал в самую точку. Но если уж рассказывать Галактике байки, пусть это будут наши, человеческие байки. Если навязывать инопланетянам сказки о добродетелях, пусть это будут наши, человеческие добродетели. Как прикажете сохранить их человеческую суть, если излагать их мы перепоручаем машинам?

— Но ведь машины-то человеческие,— возразила Анджела.

— Машина не может быть полностью человеческой. По самой своей природе машина универсальна. Она с равным успехом может быть земной и кафианской, построенной на Альдебаране или в созвездии Дракона. И это бы еще полбеды. Мы позволяем машине устанавливать норму. С точки зрения механики достоинство заключается в том, чтобы внести шаблон. А в литературных вопросах шаблон — требование убийственное. Шаблон не способен измениться. Одни и те же ветхие сюжеты используются под разными соусами снова и снова, до бесконечности.

Может статься, в данный момент расы, которые нас читают, еще не видят в шаблоне большого греха, поскольку пока не развили в себе ничего, даже отдаленно напоминающего критическую способность. Но мы-то должны видеть! Должны хотя бы ради простой профессиональной гордости, которую мы предположительно еще не утратили. В том-то и состоит основная беда машин, что они уничтожают в нас эту гордость. Когда-то сочинительство было искусством. Теперь оно больше таковым не является. Книги выпускаются на машинах, как типовые стулья. Пусть даже неплохие стулья, вполне пригодные для того, чтобы на них сидеть, но не отличающиеся друг от друга ни красотой, ни мастерством сборки, ни...

Дверь с грохотом распахнулась, и по полу загремели тяжелые шаги. На пороге вырос Зеленая Рубаха, а за его плечами, дьявольски усмехаясь, сгрудилась вся команда кафиан.

Зеленая Рубаха придвинулся к столику, сияя радостью и приветственно раскинув руки. Остановившись подле Харта, пришелец похлопал его увесистой дланью по плечу.

— Ты меня помнить, нет? — осведомился он, медленно и старательно подбирая слова.

— Конечно,— ответил Харт, поперхнувшись.— Конечно, я вас помню. Разрешите представить вам мисс Маре и мистера Хансена.

Зеленая Рубаха произнес с заученной правильностью:

— Счастлив быть знаком, уверяю вас.

— Присаживайтесь,— пригласил Джаспер.

— Очень рад,— сказал Зеленая Рубаха и сел, подтащив к себе стул. При этом ожерелья у него на шее мелодично звякнули.

Один из кафиан с пулеметной скоростью прострекотал что-то на своем языке. Зеленая Рубаха ответил отрывисто и махнул в сторону двери. Все кафиане, кроме него, вышли из бара на улицу.

— Он быть обеспокоен,— пояснил Зеленая Рубаха.— Мы замедлять — как это сказать,— мы задерживать корабль. Они без нас улететь отнюдь не могут. Но я указал ему не беспокоиться. Капитан будет рад, что мы замедлять корабль, когда увидит, кого мы привезли.— Он наклонился и похлопал Харта по колену.— Я тебя искать,— сообщил он.— Искать широко и долго.

— Это что еще за шут гороховый? — спросил Джаспер.

— Шут гороховый? — переспросил кафианец, насупившись.

— Титул, означающий крайнюю степень уважения,— поспешно заверил Харт.

— Ясно,— сказал Зеленая Рубаха.— Вы все писать истории?

— Да. Все трое.

— Но ты писать лучше всех?

— Ну, знаете,— пролепетал Харт,— я бы так не сказал. Видите ли...

— Ты писать выстрелы и погони? Бах-бах, тра-та-та?

— Н-да. Виноват, действительно приходится.

Зеленая Рубаха засмущался и произнес извиняющимся тоном:

— Знать я раньше, разве посметь бы мы выбросить тебя из таверны? Это было очень смешно. Мы же не знать, что ты пишешь истории. Когда узнать, кто ты, то побежать тебя ловить. Но ты убегать и прятаться.

— Что тут все-таки происходит? — поинтересовалась Анджела.

Кафианин зычно кликнул Блейка.

— Обслужить,— распорядился он.— Эти люди — мои друзья. Подать им лучшее, что у вас иметь.

— Лучшее, что у меня есть,— отозвался Блейк ледяным голосом,— это ирландский виски по доллару за стопку.

— Монет у меня много,— заверил Зеленая Рубаха.— Ты подать то, что я не могу повторить, и ты получить, что просишь.— Он обернулся к Харту.— Я приготовить тебе новость, мой друг. Мы очень любим писателей, которые умеют писать бах-бах. Мы читаем их всегда-всегда. Получаем большое возбуждение.

Джаспер захохотал. Зеленая Рубаха резко повернулся, удивленный, и его кустистые брови соприкоснулись.

— Это он от счастья,— поторопился разъяснить Харт.— Он обожает ирландский виски.

— Прекрасно,— заявил Зеленая Рубаха, просияв.— Вы пить, что пожелаете. Я платить монету. Это — как это сказать — за мной.— Когда Блейк принес виски, кафианин заплатил ему и добавил: — Подать сюда сосуд целиком.

— Сосуд?

— Он имеет в виду бутылку.

— Это же двадцать долларов! — воскликнул Блейк.

— Ясно,— сказал Зеленая Рубаха и заплатил. Они выпили виски, и кафианин вновь повернулся к Харту: — Моя новость, что тебе ехать с нами.

— Как ехать? Куда? На корабль?

— На нашей планете никогда нет настоящего живого писателя. Ты будешь очень доволен. Только оставаться с нами и писать для нас.

— Ну,— промямлил Харт,— я не вполне уверен...

— Ты пытаться снять фильм. Хозяин таверны объяснить нам про это. Объяснить, что это против закона. Сказать, что если я подам жалобу, получаются большие неприятности.

— Не ходите с ними, Кемп,— забеспокоилась Анджела.— Не позволяйте этому чудовищу запутать вас. Мы заплатим за вас штраф.

— Мы не подавать жалобу,— кротко вымолвил Зеленая Рубаха.— Мы просто вернуться туда с тобой вместе и разнести там все ко всем чертям.

Блейк притащил бутылку и с грохотом поставил ее в центр стола. Зеленая Рубаха подхватил бутылку и наполнил стопки до краев.

— Выпить,— предложил он и первым подал пример.

Харт выпил следом за ним, и кафианин сразу же наполнил стопки снова. Харт приподнял свою и стал вертеть ее в пальцах. «Должен же существовать выход даже из такого дурацкого положения,— уговаривал он себя.— Ну, не чепуха ли, что этот громогласный варвар с одного из самых дальних миров является в бар, как к себе домой, и требует от тебя, чтобы ты отправился вместе с ним! Однако не затевать же драку: невелик расчет, когда на улице поджидает еще целая банда кафиан...»

— Я объясять тебе все,— произнес Зеленая Рубаха.— Я очень постараюсь объяснять, чтобы ты... чтобы ты...

— Осмыслил,— подсказал Джаспер Хансен.

— Спасибо, человек по имени Хансен. Чтобы ты осмыслил. Мы покупать истории совсем недавно. Многие другие расы покупать их давно, но для нас это ново и очень удивительно. Это выводит нас — как это сказать — из самих себя. Мы покупать много вещей с разных звезд, полезных вещей, вещей подержать в руках, понять и применить. Но от вас мы покупать путешествия в дальние места, представления о великих подвигах, мысли о великих материях.— Он еще раз наполнил стопки по кругу и осведомился: — Все трое осмысляли? А теперь,— добавил он, когда они кивнули,— теперь давай идем...

Харт медленно встал.

— Кемп, не ходите! — вскрикнула Анджела.

— Ты закрой рот,— распорядился Зеленая Рубаха.

Харт переступил порог и очутился на улице. Остальные кафиане мгновенно высыпали из темных переулков и окружили его со всех сторон.

— Давай нажимать! — радостно поторапливал Зеленая Рубаха.— Наши соплеменники даже ничем не догадываться, кто с нами будет прилетать.

На полпути к реке Харт внезапно замер посреди улицы.

— Нет, не могу,— провозгласил он.

— Что не могу? — осведомился кафианин, подталкивая его сзади.

— Я позволил вам думать,— сказал Харт,— что я тот самый, кто вам нужен. Позволил, потому что хотел увидеть вашу планету. Но это нечестно. Я не тот, кто вам нужен.

— Ты писать бах-бах или нет? Ты выдумывать погони и выстрелы?

— Конечно, да. Но мои погони — не самого высшего сорта. Не те, от которых никак нельзя оторваться. Есть человек, у которого это выходит лучше.

— Такого нам и надо,— ответил Зеленая Рубаха.— Можешь ты указать, где его найти?

— Это просто. Он сидел с нами за одним столом. Тот, кто был так счастлив, когда вы заказали виски.

— Ты про человека по имени Хансен?

— Про него, именно про него.

— Он тоже писать бах-бах, тра-та-та?

— Много лучше, чем я. Он по этой части гений.

Зеленая Рубаха преисполнился благодарности. В знак своего чрезвычайного расположения он притянул Харта к себе и крепко обнял.

— Ты честный,— говорил он.— Ты хороший. Ты такой молодец сказать нам.

В доме через улицу с шумом отворилось окно, и из окна высунулся кто-то всклокоченный.

— Если вы немедленно не разойдетесь по домам,— завопил он,— я позову полицию.

— Значит, мы нарушить мир,— вздохнул Зеленая Рубаха.— Что за странные у вас законы! — Окно с шумом затворилось. Кафианин дружелюбно возложил руку Харту на плечо.— Мы обожатели погонь и выстрелов,— торжественно произнес он.— Нам нужен высший сорт. Мы объявляем вам спасибо. Мы отыщем человека по имени Хансен.

Он повернулся и поскакал обратно по улице, а за ним вся его команда.

Харт стоял на углу и смотрел им вслед. Сделал глубокий вдох, затем медленный выдох. «В сущности, добиться своего оказалось совсем нетрудно,— подумал он,— стоило лишь найти правильный подход. И любопытнее всего, что подход-то подсказал мне не кто иной, как сам Джаспер. Как это он утверждал недавно? Правду почитают за универсальную постоянную. Мы единственные лжецы на всю Вселенную...»

Джасперу его откровения вышли боком, по правде говоря, Харт сыграл с ним довольно злую шутку. Но ведь малый сам хотел уехать в отпуск, не так ли? Ну, вот ему и вышла увеселительная прогулочка, одна из тех, какие, право же, предлагаются не каждый день. Он отказал собрату в разрешении воспользоваться машиной, он расхохотался оскорбительно, когда кафианин помянул про выстрелы и погони. Если кто-нибудь когда-нибудь и напрашивался на такую шутку, то именно он, Джаспер Хансен.

А превыше любых оскорблений то, что он постоянно держал свою дверь на замке, выказывая тем самым высокомерное недоверие по отношению к коллегам-писателям.

Харт, в свою очередь, повернулся и пошел скорым шагом в сторону, противоположную той, где скрылись кафиане. Со временем он, конечно, явится домой, но не теперь. Это не к спеху, пусть сначала шум, поднятый ими, хоть слегка уляжется.

Уже наступил рассвет, когда Харт поднялся по лестнице на седьмой этаж и прошел коридором к двери Джаспера Хансена. Дверь, как водится, была заперта. Но Харт достал из кармана тонкую стальную пружинку, подобранную на свалке, и принялся осторожно орудовать ею. Не прошло и десяти секунд, как замок щелкнул и дверь открылась.

Сочинитель притаился в углу, блестящий и ухоженный. Полностью перепаянный, как подтвердил сам Джаспер. Если кто-нибудь другой попробует работать на нем, то либо машину сожжет, либо себя угробит. Но это, конечно, пустые разговоры, ширма для маскировки тупого, свинского эгоизма.

«Недели две, не меньше»,— сказал себе Харт. Если подойти к делу с умом, то машина будет в его распоряжении по крайней мере недели две. Трудностей не предвидится. Все, что потребуется от него,— соврать, что Джаспер разрешил ему пользоваться машиной в любое время. Ведь, если он успел составить правильное мнение о кафианах, сам Джаспер вернется не скоро.

Однако так или иначе двух недель хватит за глаза. За две недели, работая день и ночь, он сумеет выдать достаточно страниц, чтобы купить себе новую машину.

Он не спеша пересек комнату и пододвинул к себе стул, стоящий перед сочинителем. Сел поудобнее, протянул руку и погладил инструмент по панели. Машина была хоть куда. Она выпекала кучу материала — добротного материала. У Джаспера не было отбоя от покупателей.

— Милый старик сочинитель,— произнес вслух Харт.

Он опустил палец на центральный выключатель и перекинул язычок. Ничего не случилось. Удивленный, он выключил машину, затем включил снова. Опять ничего. Торопливо вскочил на ноги — проверить, подключена ли машина к сети. Она не была подключена, ее нельзя было подключить к сети! От изумления Харт на мгновение словно прирос к полу.

«Машина полностью перепаяна»,— утверждал Джаспер. Перепаяна так искусно, что обходится совсем без тока?

Но это же невозможно. Это попросту немыслимо! Непослушными руками он приподнял боковую панель и уставился внутрь машины.

Внутри царил совершенный хаос. Половина ламп отсутствовала вчистую, половина перегорела. Схема во многих местах распаялась и висела клочьями. Весь блок реле был густо присыпан пылью. Машина представляла собой на деле груду металлолома.

Харт поставил панель на место, ощущая внезапную дрожь в пальцах, попятился назад и натолкнулся на стол. Судорожно схватился за край стола и сжал доску что было сил, пытаясь утихомирить дрожащие руки, унять бешеный гул в висках.

Машина Джаспера вовсе не была перепаяна. На ней вообще нельзя было работать. Не удивительно, что он держал дверь на замке. Он жил в смертельном страхе, что кто-нибудь вызнает его жуткую тайну: Джаспер Хансен писал от руки!

Теперь, несмотря на злую шутку, сыгранную с достойным человеком, положение самого Харта оказывалось ничуть не веселее, чем прежде. Перед ним стояли все те же старые проблемы, и не было никакой надежды их разрешить. В его распоряжении оставалась лишь та же разбитая машина и ничего больше. Пожалуй, для него и впрямь было бы лучше улететь на звезду Каф.

Он подошел к двери, повременил минутку и обернулся. На столе стояла пишущая машинка, заботливо погребенная под кучей бумаг и бумажек, чтобы создавалось впечатление, будто ее никогда и не трогали.

И тем не менее Джаспер печатался! Он продавал чуть ли не каждое написанное слово. Продавал! Горбился ли над столом с карандашом в руке, выстукивал ли букву за буквой на оснащенной глушителем пишущей машинке, но продавал. Продавал, вообще не включая сочинитель. Наводил на панели глянец, чистил и полировал их, но под панелями-то было пусто! А он все равно продавал, прикрываясь машиной как щитом от насмешек и ненависти остальных, многоречивых и бездарных, слепо верующих в мощь металла и магию громоздких приспособлений.

«Вначале рассказы передавали из уст в уста,— говорил Джаспер накануне вечером.— Потом записывали от руки, а теперь изготовляют на машинах». И задавал вопрос: что же завтра? Задавал с таким видом, словно не сомневался, что существует некое «завтра».

«Что же завтра?» — повторил Харт про себя. Разве это предел возможностей человеческих — движущиеся шестерни, умные стекло и металл, проворная электроника?

Ради собственного достоинства — просто ради сохранения рассудка — человек обязан отыскать какое-то «завтра». Механические решения по самой своей природе — решения тупиковые. Разрешается умнеть до определенной степени — и не больше. Разрешается добираться до заданной точки — и не дальше.

Джаспер понял это. Джаспер нашел выход. Разобрал механического помощника и вернулся вспять, к работе вручную.

Если только продукт мастерства приобрел экономическую ценность, человек непременно изыщет способ производить этот продукт в изобилии. Были времена, когда мебель изготовляли ремесленники, изготовляли с любовью, которая делала ее произведением искусства, горделиво не стареющим на протяжении многих поколений. Затем на смену мастерам пришли машины, и человек стал выпускать мебель чисто функциональную, не претендующую на длительный век, а уж о высоком мастерстве, о гордости не приходится и говорить.

И литература последовала по тому же пути. В ней не сохранилось гордости. Она перестала быть искусством и превратилась в предмет потребления.

Что же делать человеку в такую эпоху? И что он может сделать? Закрыться на ключ, как Джаспер, и в одиночестве трудиться час за часом, остро и горько ощущая свое несоответствие эпохе и мучаясь от этого несоответствия день и ночь?

Харт вышел из комнаты со страдальческим выражением на лице. Подождал секунду, пока язычок замка, щелкнув, не стал на место. Потом добрался до лестничной площадки и медленно поднялся к себе.

Окончание следует.

Литературный глобус «Смены»

Сила

Клиффорд САЙМАК

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Инопланетянин — одеяло с лицом — по-прежнему лежал на кровати. Но глаза его были теперь открыты, и он уставился на Харта, как только тот вошел и затворил за собой дверь.

Харт застыл, едва переступив порог, и неприютная посредственность этой комнаты, откровенная ее бедность и убожество буквально ошеломили его. Он был голоден, томился тоской и одиночеством, а сочинитель в углу, казалось, потешался над ним.

Сквозь распахнутое окно до него донесся гром космического корабля, взлетающего за рекой, и гудок буксира, подводящего судно к причалу.

Он поплелся к кровати.

— Подвинься, ты,— бросил он инопланетянину, раскрывшему глаза еще шире, и упал рядом. Повернулся к одеялу-лицу спиной и скрючился, подтянув колени к груди.

Круг замкнулся: он вернулся к тому же, с чего начал вчера утром. У него по-прежнему не было

Окончание. Начало в №№ 14—15.

ВООБРАЖЕНИЯ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

пленок, чтобы выполнить заказ Ирвинга. В его распоряжении была все та же обшарпанная, поломанная машина. У него не осталось даже камеры, и он не представлял себе, у кого одолжить другую. Впрочем, что за резон одалживать, если нет денег заплатить герою? Один раз он уже попробовал снять фильм исподтишка, больше не станет. Не стоит дело того, чтобы рисковать тюрьмой на три, а то и на четыре года.

«Мы обожатели погонь и выстрелов,— так, помнится, изъяснялся кафианин, которого он окрестил Зеленой Рубахой.— От вас мы покупаем путешествия в дальние места...»

Для Зеленой Рубахи искомое — бах-бах, тра-та-та, выстрелы и погони; для жителей других планет это могут оказаться сочинения какого-то иного свойства — раса за расой присматривались к странному предмету экспорта с Земли и открывали в нем для себя неведомый ранее, зачарованный мир. «Дальние места», скрытые возможности игры ума, а то и приливы чувств. Различия в облике, видимо, не играли здесь особой роли.

Анджела заявила, что литература — гнусный способ зарабатывать себе на жизнь. Но это она сгоряча. Все писатели изредка провозглашают примерно одно и то же. Испокон веков представители всех профессий, мужчины и женщины в равной мере, в недобрый час непременно заявляют, что их профессия — гнусный способ зарабатывать себе на жизнь. Они, конечно, искренне верят в то, что говорят, но во все другие часы и дни помнят, что вовсе она не гнусная, а, напротив, очень и очень важная.

И сочинительство тоже важно, более того, чрезвычайно важно. Не только потому, что дарит кому-то «путешествия в дальние места», но потому, что сеет семена Земли — семена земной мысли и земной логики — среди бесчисленных звезд.

«А они там ждут,— подумал Харт,— ждут рассказов, которые я теперь никогда не напишу...»

Он мог бы, конечно, попытаться писать, несмотря ни на что. Он мог бы даже поступить, как Джаспер,— неступленно скрести пером, подавляя чувство стыда, ощущая собственный анахронизм и несовершенство, страшась того неотвратимого дня, когда кто-то выведает его секрет, скажем, догадается по известной эксцентричности стиля, что это создано не машиной.

Но ведь Джаспер, вне всякого сомнения, не прав. Беда не в сочинителях и даже не в принципе механического сочинительства как таковом. Беда в самом Джаспере, в глубокой извращенности его психики, которая и сделала его мятежником. И притом мятежником боязливым, маскирующимся, запирающим дверь на ключ, полирующим свой сочинитель и усердно прикрывающим пишущую машинку на столе всяким хламом, чтобы никто — упаси бог! — не додумался, что он ею пользуется...

Харт немного согрелся, и голода он уже не испытывал, и перед его мысленным взором вдруг возникло одно из тех дальних мест, на какие, видимо, и намекал Зеленая Рубаха. Небольшая рощица, и под деревьями бежит ручей. Кругом мир и спокойствие, и, пожалуй, на всем лежит печать величия. Слышно пение птиц, и вода, бегущая в мшистых берегах, издает острый, пряный запах. Он шагает среди деревьев, их готические силуэты напоминают церковные шпили. И в его мозгу сами собой рождаются слова — слова, сцепленные так выразительно, так точно и тщательно, что никто и никогда не ошибется в их истинном значении. Слова, способные передать не только сам пейзаж, но и звуки, и запахи, и переполняющее все вокруг ощущение вечности.

Но, восхищаясь, он не забывает, что в этих готических силуэтах и в этом ощущении вечности таится угроза. Какая-то смутная интуиция подсказывает ему, что от рощицы надо держаться подальше. Мимолетно вспыхивает желание вспомнить, как он сюда попал, но памяти нет. Будто он впервые встретился с этой рощицей секунду-другую назад, однако он твердо знает, что шагает под испещренной солнцем листвой многие часы, а может, и дни.

Внезапно он почувствовал, как что-то щекочет ему шею, и поднял руку — смахнуть это непрошеное «что-то». Рука коснулась теплой маленькой шкурки, и он вскочил с постели, словно ужаленный. Пальцы его сомкнулись на горле инопланетянина... Он едва не сбросил эту тварь с груди, как вдруг припомнил — с полной отчетливостью — странное обстоятельство, которое никак не шло на ум накануне.

Пальцы расслабились сами собой, и он позволил руке опуститься. И замер подле кровати, всей душой впитывая приветливое дружелюбие знакомой комнаты, а существо-одеяло удобно устроилось у него на спине и плечах и обняло его за шею. Он больше не испытывал голода, не был изнурен, и томившая его тоска куда-то исчезла. Он даже не помнил своих забот, и это было самое удивительное: озабоченность давно вошла у него в привычку.

Двенадцать часов назад он стоял в тупичке с существом-одеялом на руках и силился выкопать из глубин заупрямившегося сознания объяснение внезапному и непонятному подозрению — подозрению, что он уже где-то что-то слышал или читал о таком вот плачущем создании, какое подобрал. Теперь, когда одеяло укутало ему спину и приникло к шее, загадка разрешилась.

Не расставаясь с приникшим к нему существом, Харт решительно пересек комнату, подошел к узкой и длинной шестифутовой полке и снял с нее книгу. Книга была старая и затрепанная, лоснящаяся от множества прикосновений, и едва не выскользнула у него из рук, когда он перевернул ее, чтобы прочитать на корешке заглавие: «Отрывки из забытых произведений».

Он раскрыл томик и принялся перелистывать страницы. Он знал теперь, где найти то, что нужно. Он вспомнил совершенно точно, где читал о создании, прилепившемся за спиной. И довольно быстро нашел искомое — несколько уцелевших абзацев из рассказа, написанного давным-давно и давным-давно позабытого. Самое начало он пропустил, то, что его интересовало, шло дальше:

«Живые одеяла были честолюбивыми. Существа растительного происхождения, они, вероятно, лишь смутно сознавали, чего ждут. Но когда пришли люди, бесконечно долгому ожиданию настал конец. Живые одеяла заключили с людьми сделку. И в конечном счете оказались самыми незаменимыми помощниками в исследовании Галактики из всех когда-либо обнаруженных».

«Вот еще когда,— подумал Харт,— укоренилось вековое, самонадеянное и счастливое убеждение, что человеку суждено выйти в Галактику, исследовать ее, вступить в контакт с ее обитателями и принести на каждую посещенную им планету ценности Земли...»

«Человеку с живым одеялом, накинутым на плечи наподобие короткополого плаща, уже не надо было заботиться о пропитании, поскольку живые одеяла обладали чудесной способностью накапливать энергию и преображать ее в пищу, потребную для организма своего хозяина.

В сущности, одеяло становилось почти вторым телом — бдительным, неутомимым наблюдателем, наделенным своеобразным родительским инстинктом, поддерживающим в организме хозяина правильный обмен веществ в любой, даже самой враждебной среде, выкорчевывающим любые инфекции, исполняющим как бы три роли: матери, кухарки и домашнего врача одновременно.

Наряду с этим одеяло становилось как бы двойником своего хозяина. Сбросив с себя путы монотонного растительного существования, оно словно само превращалось в человека, разделяя все его чувства и знания, вкушая жизнь, какая и не снилась бы такому одеялу, оставайся оно независимым.

И будто мало было взаимных выгод, одеяла предложили людям еще и премию, своего рода выражение признательности. Они оказались неуемными выдумщиками и рассказчиками. Они были способны вообразить себе все что угодно — без всяких исключений. Ради развлечения своих хозяев они готовы были часами рассказывать затейливые небылицы, предоставляя людям защиту от скуки и одиночества...

Там было и еще что-то, но Харт уже не стал читать дальше. Вернувшись к самому началу отрывка, он прочел: «Автор неизвестен. Примерно 1956 год».

1956-й? Так давно? Как же мог кто бы то ни было в 1956 году узнать об этом?

Ответ ясен как день: не мог.

Не мог никоим образом. Просто-напросто выдумал. И попал, что называется, в самую точку. Кто-то из ранних авторов научной фантастики обладал поистине вдохновенным воображением.

Под сенью рощицы движется нечто несказанной красоты. Не гуманоид и не чудовище — нечто, не виданное прежде никем из людей. И, невзирая на всю его красоту, в нем таится грозная опасность, от него надо, не теряя ни секунды, спасаться бегством.

Харт чуть не кинулся спасаться бегством и... очнулся посреди собственной комнаты.

— Ладно,— сказал он одеялу.— Давай-ка на время выключим телевизор. К этому мы еще вернемся.

«Мы вернемся к этому,— добавил он про себя,— и напишем про это рассказ, и побываем в разных других местах, и тоже напишем рассказы. И мне не понадобится сочинитель для того, чтобы написать их, я смогу и сам воссоздать в словах испытанное волнение и пережитую красоту и связать их вместе лучше любого сочинителя. Я же был там собственной персоной, я сам пережил все это, и тут уж меня не собьешь...»

Вот именно! Вот и ответ на вопрос, который Джаспер задал вечером, сидя за столиком в баре «Светлая звездочка».

«Что же завтра?» — спрашивал Джаспер.

А завтра — симбиоз между человеком и инопланетным существом, симбиоз, еще столетия назад придуманный писателем, самое имя которого давно позабыто.

«Словно сама судьба,— размышлял Харт,— положила руку мне на плечо и мягко подтолкнула меня вперед. Ведь это же совершенно неправдоподобно — найти ответ плачущим в тупичке между стенкой жилого дома и переплетной мастерской.

Но какое это теперь имеет значение! Важно, что он нашел ответ и принес домой, и ту минуту не вполне понимая, зачем, да и позже недоуменно спрашивая себя, чего ради. Важно, что теперь его необъяснимый поступок оправдался стократ.

Он услышал шаги на лестнице, потом в коридоре. Встревоженный их быстрым приближением, он торопливо потянулся и сдернул одеяло с плеч. В отчаянии огляделся по сторонам в поисках укрытия для инопланетянина. Ну, конечно же, письменный стол! Он рывком выдвинул нижний ящик и — даром что оно слегка сопротивлялось — засунул одеяло туда. И не успел даже толком прикрыть ящик, как в комнату ворвалась Анджела.

Сразу было видно, что она так и пышет негодованием.

— Что за грязные шутки!— воскликнула она.— Из-за вас у Джаспера куча неприятностей!

Харт уставился на нее в оцепенении.

— Неприятностей? Вы хотите сказать, что он не улетел с кафианами?

— Он прячется в подвале. Блейк передал мне, что он там. Я спускалась и говорила с ним.

— Он сумел от них избавиться?— Харт был потрясен до глубины души.

— И еще как! Он убедил их, что им вовсе не нужен живой писатель. Он объяснил, что им нужна машина, и рассказал о сверкающем чуде — о том самом «Классике», что выставлен в салоне.

— И они отправились в центр и украли «Классик»?

— Увы, нет. Если бы украли, то и горя бы мало. Но они и тут наломали дров. Чтобы добраться до машины, они разбили витрину и подняли тревогу. Теперь вся полиция города гонится за ними по пятам.

— Ну, а Джаспер...

Окончание на 30-й стр.

Сила воображения

Начало на 26-й стр.

— Они же брали его с собой, чтобы он показал им, куда идти.

Харт немного перевел дух.

— И теперь Джаспер прячется от слуг закона?

— В том-то и штука, что он не знает, прятаться ему или нет. С одной стороны, полиция его, наверное, вообще не видела. С другой — что, если они сцапают кого-нибудь из кафиан и вытрясут из него всю правду? Тогда вам, Кемп Харт, придется держать ответ за многое...

— Мне? Я-то тут при чем?

— А кто сказал им, что Джаспер тот, кто им нужен? И как только вы ухитрились заставить их поверить в такую чушь?

— Без труда. Вспомните, что втолковывал нам Джаспер. Все, кроме нас, всегда говорят правду. Мы единственные, кто умеет лгать. Пока они все не поумнеют, общаясь с нами, они будут верить каждому нашему слову. Поскольку все остальные всегда говорят правду и только правду, то, понимаете...

— Да замолчите вы! — перебила Анджела. Потом осмотрелась и спросила: — А где ваше милое одеяльце?

— Куда-то делось. Надо полагать, удрало. Когда я вернулся домой, его уже не было.

— Вы хоть разобрались, что это такое?

Харт покачал головой.

— Может, и к лучшему, что оно убежало, — сказал он. — Меня от него, признаться, мутило.

— Вы словно док Жуйяр! Кстати, про дока. Весь наш квартал положительно сошел с ума. Док, одребезги пьяный, валяется в парке под деревом, и его стережет пришелец. Никого даже близко не подпускает. Не то охраняет его, не то считает своей собственностью, не поймешь.

— А может, это один из розовых слонов? Мерещились ему так часто, что в конце концов ожили...

— Оно не розовое, и это не слон. Ступни перепончатые, непропорционально крупные, и длинющие паучьи ноги. И вообще оно похоже на паука, а кожа вся в бородавках. Треугольная голова с шестью рогами. Глянешь — мурашки по спине...

Харт пожал плечами. Обычных инопланетян переварить не так уж трудно, но, конечно, если такое пугало.

— Интересно, чего оно хочет от дока?

— Никто, по-видимому, не знает. А оно не рассказывает.

— А если не может?

— Все другие пришельцы могут. По крайней мере могут изъясняться настолько, чтобы их поняли. Иначе они вообще сюда не прилетали бы.

— Звучит логично, — согласился Харт. — А если оно решило нализаться задаром, сидя рядом с доком и вдыхая перегар?

— Знаете, Кемп, — заявила Анджела, — подчас ваши шуточки становятся совершенно непереносимыми.

— Вроде намерения писать от руки.

— Вот именно, — подтвердила Анджела. — Вроде намерения писать от руки. Вам известно не хуже, чем мне, что в приличном обществе о таких вещах просто не говорят. Писать от руки все равно что есть пальцами, или ковырять в носу, или выйти на улицу нагишом...

— Хорошо, — сдался Харт, — хорошо. Больше я никогда не заикнусь об этом.

Когда она ушла, Харт опустился на стул и принялся обдумывать создавшееся положение.

Во многих отношениях он будет теперь походить на Джаспера, но можно ли возражать против этого, если он начнет писать, как Джаспер!

Придется приучиться запирать дверь. Он стал ломать себе голову: где ключ? Он никогда не пользовался ключом. Теперь при первом удобном случае надо будет переворошить все в столе: а вдруг отыщется? Если нет, тогда придется заказать новый ключ, — не хватало еще, чтобы кто-нибудь вперся в комнату без предупреждения и застал его с одеялом на плечах или с пером в руке.

«Пожалуй, — мелькнула мысль, — неплохо бы переехать на новую квартиру. В самом деле, как прикажете объяснить людям, отчего я ни с того ни с сего стал запираться на ключ?» Но даже подумать о переезде было нестерпимо. Пусть комнатка и плохонькая, он к ней привык, и она подчас казалась ему почти родным домом.

А что, если — когда он успешно продаст первые две-три вещи — потолковать с Анджелой и выяснить, как она отнесется к предложению переехать вместе с ним? Анджела — славная девочка, но можно ли просить девушку связать свою судьбу с человеком, который сам не ведает, на что в следующий раз купит себе хлеба? Однако теперь, даже если он не продаст ни строчки, заботиться о хлебе насущном ему больше не придется. «Любопытно, — подумал он вскользь, — можно ли поделить одеяло как кормильца на двоих? И удастся ли в конце концов внятно объяснить все это Анджеле?..»

Но как, скажите на милость, ухитрился тот забытый автор в далеком 1956-м додуматься до такого? И сколько еще шальных идей, рожденных причудливой игрой ума и парами виски, могут на поверку оказаться правильными?

Мечта? Озарение? Проблеск грядущего? Неважно, что именно: просто человек подумал об этом, и это сбылось. Сколько же других небылиц, о которых люди думали в прошлом и подумают в будущем, в свой срок тоже обернется истиной?

Догадка даже испугала его.

Те самые «путешествия в дальние места». Полет воображения. Влияние печатного слова, сила мысли, определяющая это влияние. «Книги куда опаснее крейсеров», — сказал он вчера. Как он был прав, как бесконечно прав!..

Он поднялся, пересек комнату и встал перед сочинителем. Тот злобно оскалился. В ответ Харт показал машине язык и произнес:

— Вот тебе!..

Тут он услышал за спиной легкий шелест и поспешно обернулся. Одеяло ухитрилось каким-то образом просочиться из ящика и устремилось к двери, опираясь на нижние складки своего хрупкого тельца. На ходу оно колыхалось и дергалось, словно раненый тюлень.

— Эй, ты! — завопил Харт и потянулся следом.

Но поздно. В дверях стояло чудище — другого слова не подберешь. Одеяло подскочило к чудищу, быстро скользнуло вверх и распласталось у него на спине. Чудище, обращаясь к Харту, прошипело:

— Я потерял это. Вы были добры отыскать. Благодарю...

Харт утратил дар речи.

Зрелище было не для слабонервных. Ни дать ни взять тот самый пришелец, которого Анджела видела рядом с доктором, только еще более страшный, чем по описанию. Он стоял на перепончатых лапах втрое большего размера, чем нужно было по росту, — казалось, он надел снегоступы. И еще у него был хвост, неизящно загнутый до середины спины. И еще дынеобразная голова с треугольным лицом и шестью рогами, и на кончик каждого из шести рогов был насажен вращающийся глаз.

Чудище залезло в сумку, которая, видимо, являлась частью его тела, и вытащило пачку банкнот.

— Небольшая награда, — возвестило оно и кинуло банкноты Харту. Тот машинально протянул руку и подхватил их. — Мы уходим вдвоем, — добавило чудище, помолчав. — Мы уносим в нашей памяти добрые мысли...

Оно совсем уже переступило порог, когда протестующий вопль Харта заставил его обернуться.

— Да, благородный сэр?

— Это одеяло, эта штука, которую я нашел. Что это?

— Мы ее сделали.

— Но она живая и, кроме того...

Чудище оскалилось в усмешке.

— Вы такие умные люди. Вы сами ее придумали. Много времен назад.

— Неужели тот самый рассказ?

— Непременно. Мы про нее прочитали. Мы ее сделали. Очень умная мысль.

— Не хотите же вы сказать, что и в самом деле...

— Мы биологи. Как вы назвали бы такую науку — биологическая инженерия...

Чудище повернулось и двинулось прочь по коридору. Харт крикнул вдогонку:

— Эй, минуточку! Постойте! Одну мину...

Но оно удалялось очень ходко и не остановилось. Харт, грохоча каблуками, припустил за ним. Добежав до площадки, глянул через перила, никого не увидел. И все равно устремился вниз, перескакивая по три ступеньки зараз и решительно пренебрегая всеми правилами безопасности.

Он не догнал пришельца. Выскочив из дома на улицу, он притормозил и осмотрелся по сторонам, но от незваного гостя не осталось и следа — исчез, как в воду канул.

Тогда Харт полез в карман и ощупал пачку банкнот, пойманных на лету. Вытащил ее целиком — она оказалась толще, чем ему помнилось. Сорвав эластичную опояску, он взглянул на деньги внимательнее. Достоинство верхней купюры, в галактических кредитах, оказалось таково, что Харт едва устоял на ногах. Он быстро перелистал всю пачку — другие купюры были вроде бы того же достоинства.

При одной мысли о подобном богатстве Харт задохнулся и перелистал пачку еще раз. Нет, он не ошибся — купюры действительно были одного достоинства. Проделал в уме беглый подсчет — результат получился прямо-таки ошеломляющим. Даже если считать в кредитах, а каждый кредит при обмене равнялся примерно пяти земным долларам.

Ему случалось видеть кредиты и раньше, но до сих пор не доводилось держать их в руках. Они служили основой галактической торговли и широко применялись в межзвездных банковских операциях, а в повседневное обращение если и попадали, то редко. Он взвесил их в руке и внимательно рассмотрел. Да, они были прекрасны.

«Чудище, по-видимому, безмерно ценит свое одеяло, — подумал он, — если отвалило такую фантастическую сумму за то, что кто-то элементарно позаботился о нем». Хотя, если разобраться, это не единственно возможное объяснение. Уровень благосостояния от планеты к планете разнится чрезвычайно сильно, и богатство, которое он сейчас держит в руках, владелец одеяла, быть может, предназначал на мелкие расходы...

С удивлением Харт обнаружил, что не ощущает ни особого волнения, ни счастья, как должно бы по идее быть. Единственное, о чем он, кажется, еще способен был думать, — что одеяло для него потеряно.

Он запихнул деньги в карман и перешел через улицу в маленький парк. Жуйяр уже проснулся и сидел на скамейке под деревом. Харт присел рядом.

— Как чувствуете себя, док? — спросил он.

— Чувствую себя хорошо, сынок, — отвечал старик.

— Видели вы пришельца, похожего на паука в снегоступах?

— Был тут один какой-то не так давно. Просыпаюсь я, а он уже ждет. Хотел узнать про ту штуку, что вы нашли.

— И вы сказали?

— Конечно. А почему бы и нет? Он объяснил, что разыскивает ее. Я подумал, что вы будете счастливы сбыть ее с рук.

Какое-то время оба сидели молча. Потом Харт спросил:

— Док, что бы вы сделали, если бы получили миллиард долларов?

— Я, — ответил доктор без малейшего колебания, — я упился бы до смерти. Да, сэр, я упился бы до смерти настоящим зельем, а не той бурдой, какой торгуют на этом конце города.

«И все покатилось бы, как заведено, — подумал Харт. — Док упился бы до смерти. Анджела принялась бы шляться по художественным салонам и домам моделей. Джаспер, более чем вероятно, купил бы себе домик в горах. А я? Что сделаю я сам с миллиардом долларов плюс-минус миллион?..»

Еще вчера, сегодня ночью, каких-нибудь два часа назад он заложил бы душу за сочинитель модели «Классик».

Сейчас «Классик» казался форменным старьем и пресняткой.

Потому что открылся новый, лучший путь — путь симбиоза, путь сотрудничества человека с инопланетной биологической конструкцией.

Харт припомнил готическую рощу и витающее над ней ощущение вечности и даже здесь, в ярком свете дня, вздрогнул при воспоминании о несказанной красоте, что возникла среди деревьев.

«Воистину, — подумал он — такой способ сочинять куда лучше: познать явление самому и тогда уже описать его, пережить свой сюжет самому и тогда уже пересказать...»

Но он утратил одеяло и не представлял себе, где взять другое. И даже если бы он узнал, откуда они берутся, он все равно бы не ведал, как приобрести хоть одно одеяльце в личную собственность.

Инопланетная, чуждая биологическая конструкция — и все же не до конца чужая: ведь впервые о ней подумал безвестный автор много лет назад здесь, на Земле. Человек, который писал, как Джаспер пишет еще и сегодня, — скорчившись над столом, лихорадочно перенося на бумагу слова, сплетающиеся в мозгу. И никаких тебе сочините-

лей, ни фильмов, ни перфолент, ни прочих механических приспособлений. Но сумел же этот не известный никому человек преодолеть мглу времени и пространства, коснуться мыслью иного безвестного разума — и одеяло появилось на свет столь же неминуемо, как если бы человек изготовил его собственными руками.

Не в том ли и состоит подлинное величие человечества, что оно способно призвать себе на помощь воображение — и в один прекрасный день все воображаемое сбудется?

А если в этом величие, то вправе ли человек передоверить свое призвание поворотным рычагам, вращающимся колесикам, умным лампам и проволочным потрохам машин?.

— У вас при себе,— спросил Жуйяр,— случаем не найдется доллара?

— Нет,— ответил Харт.— Доллара у меня нет.

— Вы такой же, как все мы грешные,— сказал Жуйяр.— Мечтаете о миллиардах, а за душой ни цента..

«Джаспер — мятежник,— подумал Харт.— а это не окупается. На долю мятежников остаются, как правило, лишь расквашенные носы да шишки на лбу...»

— Доллар мне определенно пригодился бы,— сказал Жуйяр.

«Не окупится мятеж Джасперу Хансену,— подумал Харт,— не окупится и другим, кто так же запирается на замок и так же полирует свои безработные машины с единственной целью, чтобы каждый, кто забредет к ним в гости, удостоверился, что машины в целости и в чести.

Не окупился бы мятеж и мне,— сказал себе Кемп Харт.— Зачем мне мятеж, когда, подчинившись правилам, я прославлюсь почти автоматически, может статься, за одну ночь?..»

Опустив руку в карман, он ощупал пачку банкнот и бесповоротно решил, что чуть погодя отправится в центр и купит себе ту самую машину, удивительную и несравненную. Денег хватит на любую машину. Того, что есть в пачке, хватит на целое стадо машин.

— Да, сэр,— сказал Жуйяр, мысленно возвращаясь к своему ответу на вопрос о миллиарде долларов.— Это была бы приятная смерть. Не спорьте, очень приятная!..

Когда Харт вновь появился в салоне-магазине, бригада рабочих как раз заменяла выбитое стекло. Он едва удостоил их мимолетного взгляда и без колебаний проследовал внутрь.

Продавец, тот же самый, вырос перед ним как из-под земли. Только сегодня продавец и не пытался разыграть радость, а придал своему лицу выражение суровое и даже слегка обиженное.

— Вы вернулись, несомненно, затем,— произнес продавец,— чтобы подписать заказ на «Классик»?

— Совершенно верно,— ответил Харт и извлек из кармана деньги.

Продавец был хорошо вышколен. Он опешил лишь на долю секунды, а затем вновь обрел самообладание.

— Великолепно!— воскликнул продавец.— Я так и знал, что вы вернетесь. Не далее как сегодня утром я говорил кое-кому из наших, что вы непременно заглянете к нам опять.

«Ну да, ври больше»,— подумал Харт.

— Полагаю,— сказал он,— что если я заплачу наличными, то вы согласитесь немедленно обеспечить меня в достаточном количестве пленками, перфолентами и дополнительной аппаратурой по моему выбору?

— Разумеется, сэр. Я сделаю для вас все, что возможно.

Харт снял сверху пачки одну купюру, а остальные сунул обратно в карман.

— Не изволите ли присесть?— извивался продавец.— Я тотчас же вернусь. Договорюсь о доставке и оформлю гарантию..

— Можете не спешить,— ответил Харт, наслаждаясь произведенным эффектом.

Он опустился в кресло и стал строить дальнейшие планы:

Во-первых, он должен найти квартиру получше, а когда найдет, закатить обед для всей компании и утереть Джасперу нос. Так он и сделает, если только Джаспера не упекли уже в тюрьму. Он даже хмыкнул, представив себе, как Джаспер ежится от страха в подвале бара «Светлая звездочка».

И еще он сегодня же зайдет в контору к Ирвингу, отдаст ему двадцатку и объяснит, что, к сожалению, не располагает временем для того, чтобы выполнить заказ. Не то чтобы ему не хотелось выручить Ирвинга. Но это же прямое кощунство — писать ту чепуху, которая нужна Ирвингу, на машине, наделенной такими талантами, как этот «Классик».

Заслышав у себя за спиной торопливую дробь шагов, он поднялся и с улыбкой повернулся навстречу продавцу. Однако тот и не подумал отвечать на улыбку. Казалось, продавца вот-вот хватит удар.

— Вы!..— задохнулся продавец, с трудом сохраняя способность к членораздельной речи.— Ваши деньги!.. Мы по горло сыты вашими фокусами, молодой человек!..

— Деньги?— не понял Харт.— Что деньги? Это галактические кредиты. Следовательно...

— Это игрушечные деньги,— взревел продавец.— Деньги для детишек! Игрушечные деньги, выпущенные в созвездии Дракона! Тут на лицевой стороне так прямо и напечатано. Вот, крупными буквами...— Он отдал бумажку Харту.— А теперь выметайтесь вон!

— Позвольте,— взмолился Харт,— вы уверены? Этого просто не может быть! Здесь какая-то ошибка...

— Наш кассир утверждает, что это факт. Он эксперт по денежным знакам любого рода, и он утверждает, что деньги игрушечные.

— Но вы же их взяли! Вы не смогли отличить их от настоящих...

— Я не умею читать по-драконианскн. А кассир умеет.

— Чертов пришелец!— крикнул Харт в припадке внезапной ярости.— Ну, если я до него доберусь!..

Продавец чуть-чуть смягчился.

— Этим пришельцам никак нельзя доверять, сэр. Они порядочные пройдохи.

— Прочь с дороги!— крикнул Харт.— Я должен разыскать этого негодяя!..

Дежурный в Бюро по делам инопланетян не сумел оказать Харту особой помощи.

— У нас нет данных,— объявил дежурный,— о существах того типа, какой вы описываете. Вы не располагаете хотя бы их фотографией?

— Нет,— ответил Харт,— фотографии у меня нет.

Перед тем дежурный просмотрел груду каталогов; теперь он принялся расставлять их по местам.

— Конечно,— рассуждал он,— то, что у нас нет данных, еще ничего не доказывает. К сожалению, мы просто-напросто не успеваем следить за всеми разновидностями мыслящих. Их и без того много, и беспрерывно появляются все новые. Возможно, следовало бы навести справки в космопорту. А вдруг кто-нибудь обратил внимание на вашего пришельца?

— Я уже побывал там. И ничего. Совсем ничего. Он же должен был прилететь сюда, а может, успел даже и улететь обратно, и никто его не помнит! А может, помнит, но не говорит...

— Инопланетяне покрывают друг друга,— поддакнул дежурный.— Они вам никогда ничего не скажут.— Он продолжал складывать книги стопками. Близился конец рабочего дня, ему не терпелось уйти, и он решил сострить:— А почему бы вам не отправиться в космос и не поискать пришельца в его родной стихии?..

— Я, видимо, так и сделаю,— ответил Харт и вышел, хлопнув дверью.

Ну, чем плохая шутка — предложить посетителю отправиться в космос и самому поискать своего пришельца? Почему бы в самом деле не выследить его среди миллиона звезд, не поохотиться за ним на расстоянии в десять тысяч световых лет? И почему бы потом, найдя его, не сказать: «А ну, отдай одеяло»,— чтоб он тут же и расхохотался тебе в лицо?

Но ведь к тому времени, когда сумеешь выследить его среди миллиона звезд, на расстоянии в десять тысяч световых лет, одеяло тебе уже вовсе не понадобится: ты сам переживешь свои сюжеты, и увидишь воочию своих героев, и впитаешь в себя краски десяти тысяч планет и ароматы миллиона звезд. И сочинитель тебе тоже не понадобится, как не понадобятся ни фильмы, ни перфоленты, ибо нужные слова будут трепетать на кончиках твоих пальцев и стучать в висках, умоляя выпустить их наружу.

Чем плохая шутка — всучить простаку с отсталой планетки пригоршню игрушечных денег за нечто, стоящее миллион? Дурачина и не заподозрит, что его провели, покуда не попытается эти деньги потратить. А обманщик, сорвав куш, тихо отползет в сторонку и будет надрываться от смеха, упиваясь своим превосходством.

Кто это смел утверждать, что люди — единственные лжецы на всю Вселенную?..

А чем плохая шутка — носить на плечах живое одеяло и посылать на Землю корабли за галиматьей, которую здесь пишут? Не сознавая, не догадываясь даже, что нарушить земную монополию на литературу проще простого и для этого нужно лишь одно — хорошенько прислушаться к существу у себя за спиной...

— И эта шутка значит,— произнес Харт вслух,— что в последнем счете ты остался в дураках. Если я когда-нибудь найду тебя, ты у меня проглотишь эту шутку натощак!

Анджела поднялась на верхний этаж с предложением мира. Она принесла и поставила на стол кастрюльку.

— Поешьте супу,— сказала она.— Супы мне всегда удаются.

— Спасибо, Анджела,— ответил он.— Совсем сегодня забыл про еду.

— А рюкзак зачем, Кемп? Едете на экскурсию?

— Нет, в отпуск.

— И даже мне не обмолвились!

— Я лишь сейчас надумал, что еду. Вот только что.

— Извините, что я так рассердилась на вас. Все обошлось. Зеленая Рубаха со своими шалопаями благополучно удрал.

— Так что Джаспер может выйти из подвала?

— Уже вышел. Он сильно зол на вас.

— Как-нибудь переживу. Он мне не родственник.

Она села на стул и стала наблюдать за тем, как он укладывается.

— Куда вы собираетесь, Кемп?

— Искать моего пришельца.

— Здесь, в городе? Кемп, вы никогда его не найдете.

— Да нет, не в городе. Придется порасспрашивать дорогу.

— Какую дорогу? Где вы видели пришельцев, кроме как...

— Вы совершенно правы.

— Вы сумасшедший!— заключила она.— Не смейте этого делать, Кемп! Я вам не позволю! Как вы будете жить? Чем зарабатывать?

— Буду писать.

— Писать? Вы не сможете писать! Вы же останетесь без сочинителя...

— Буду писать от руки. Может, это и неприлично, но я сумею писать от руки, потому что буду знать то, о чем пишу. Мои сюжеты войдут мне в плоть и в кровь. Я буду чувствовать их вкус, цвет и запах...

Она вскочила со стула и замолотила кулачками по его груди.

— Это мерзко! Это недостойно цивилизованного человека! Это...

— Но именно так писали прежде. Все бесчисленные рассказы, все великие мысли, все изречения, которые вы любите цитировать, написаны именно так. Так оно и должно быть во веки веков. Мы сейчас забрели в тупик!

— Вы еще вернетесь,— предсказала она.— Сами поймете, что заблуждались, и вернетесь...

Он покачал головой, не сводя с нее глаз.

— Не раньше, чем найду своего пришельца.

— Вовсе вы не пришельца ищете! Что-то совсем другое. По глазам вижу: что-то другое...

Она круто повернулась и стремглав бросилась из комнаты по коридору и вниз по лестнице.

Он продолжал собирать рюкзак, а когда собрал, то сел и съел суп. И подумал, что Анджела права. Супы ей действительно удаются.

И еще она права в другом. Ищет он отнюдь не пришельца.

Не нужен ему пришелец. Не нужно одеяло, не нужен сочинитель.

Он отнес кастрюльку в раковину и вымыл под краном, а потом старательно вытер. Затем поставил в центре стола, где Анджела наверняка увидит ее, как только войдет. Потом взял рюкзак и стал медленно спускаться по лестнице.

Наконец, он вышел на улицу и тут услышал позади крик. Это была Анджела — она бежала за ним вдогонку. Он приостановился и подождал ее.

— Я еду с вами, Кемп.

— Вы сами не знаете, что говорите. Путь будет далек и труден. Диковинные миры и странные нравы. И у нас нет денег.

— Нет, есть. У нас есть полсотни. Те, что я пыталась вам одолжить. Большего предложить не могу, да и этого, понимаю, надолго не хватит. Но полсотни у нас есть.

— Но вам-то не нужен никакой пришелец!

— Нет, нужен. Я тоже ищу пришельца. Каждый из нас, по-моему, ищет своего пришельца.

Он решительно привлек ее к себе и крепко обнял.

— Спасибо, Анджела,— проговорил он.

Рука об руку они направились к космопорту, чтобы выбрать корабль, который понесет их к звездам.

Перевел с английского К. СЕНИН.

"Избери путь её..."

(научно-фантастическая повесть)

Джон УИНДЕМ

Не было ничего, кроме меня самой.

Все остальное было пустотой — без времени, без пространства, без света, без тьмы, и в этой пустоте была я. Впрочем, это «Я» не имело никакой формы — у меня не было ни чувств, ни памяти, лишь осознание **себя**. Хотела бы я знать: это «Я»... **(я — такая)** и есть душа? Мне казалось, я хотела это знать всегда, и буду хотеть этого вечно...

Каким-то образом безвременье закончилось. Я стала понимать, что **раньше** что-то **было**. Закончилось и отсутствие пространства: я куда-то двигалась.

Что-то двигало меня то в одну, то в другую сторону. Я не понимала, как могу это чувствовать,— **снаружи** не было ничего, никакой точки отсчета, по которой можно было хоть как-то определить направление движения,— я просто знала, что какие-то силы дергают меня то туда, то сюда, как бы вступая в противоборство друг с другом. Казалось, одна сила овладевает мной, чтобы ослабить, расшатать и дать возможность другой, противоположной, силе войти в меня в свою очередь. Так продолжалось некоторое время, пока мое осознание себя **самой** не стало четче и я не стала размышлять, какие силы борются во мне, может быть, добро и зло или... жизнь и смерть...

Меня продолжало **толкать** в разные стороны, причем амплитуда колебаний сокращалась до тех пор, пока меня не стало буквально **перебрасывать** то туда, то сюда. Неожиданно и резко борьба эта кончилась. Возникло ощущение движения, все быстрее и быстрее... наконец, стремительный полет в пустоте, и **падение...**

— Все в порядке,— сказал чей-то голос,— только пришла в сознание чуть позже положенного. Нужно пометить это в ее карте. Какой номер? О, у нее это всего лишь в четвертый раз... Да-да, конечно, отметьте. Все остальное в норме. Она в сознании!

Голос был женский, с каким-то легким и незнакомым акцентом. Я открыла глаза, увидела то приближающийся, то отдаляющийся от меня потолок и вновь закрыла их. Другой голос, с таким же странноватым акцентом, произнес:

— Выпейте это.

Чья-то рука приподняла мне голову, и в губы ткнулась чашка с жидкостью. Я чуть приподнялась, выпила содержимое и, закрыв глаза, вновь откинулась на спину. Через некоторое время я ощутила прилив сил. Несколько минут я лежала, глядя в потолок и размышляя: где я могу находиться? Мне не доводилось видеть потолок такого цвета — кремово-розового. Внезапно я осознала, что дело вовсе не в необычности потолка (точнее, его цвета), а в необычности и **неузнаваемости всего — я ничего** не помнила. Я понятия не имела, кто я, где я и как могла здесь оказаться... В приступе панического ужаса я попыталась приподняться и сесть, но чья-то рука помешала мне, и вновь у моих губ оказалась чашка с жидкостью.

— Вы в полном порядке,— услышала я женский голос.— Лежите спокойно. Расслабьтесь.

Я хотела спросить ее о чем-то...: о чем-то важном, но вдруг ощутила жуткую слабость, трудно было даже пошевелить языком. Первая волна страха улеглась, оставив лишь апатию. «Что могло со мной случиться? — вяло соображала я.— Может быть, несчастный случай? Может, так чувствуют себя в сильном шоке?» Я не могла найти никакого объяснения, но меня это перестало занимать: ведь кто-то за мной смотрит, кто-то заботится обо мне... и еще эта слабость... с вопросами можно было подождать.

Наверное, я задремала. Не знаю, сколько прошло времени, но когда я вновь открыла глаза, мне явно стало лучше. Ужаса не было, осталось лишь удивление,— и некоторое время я лежала, не двигаясь. С приливом сил ко мне вернулось любопытство — захотелось узнать, где я, и я тихонько повернула голову на подушке.

В нескольких метрах от себя я увидела сложное приспособление на колесах, нечто среднее между кроватью и троллейбусом, и на нем — спящую с открытым ртом женщину громадных размеров. Поначалу мне даже показалось, что женщина эта находится в чем-то, что придает ей такую огромную форму, но, приглядевшись, поняла: это была она **сама**. Я отвела от нее взгляд и увидела еще два «троллика». На каждом покоилась такая же громадная фигура.

Я стала пристальнее вглядываться в ту, что была ближе всех ко мне, и, к своему удивлению, обнаружила, что она выглядела очень молоденькой: двадцать два, ну от силы двадцать три, не больше. Она была довольно симпатичная — свежий румянец, коротко остриженные золотистые кудряшки, ее можно было бы назвать красивенькой, если бы...

Прошло минут десять, и возле меня послышался звук быстрых деловитых шагов.

— Как вы себя чувствуете? — раздался чей-то голос.

Я повернула голову, и на какой-то момент мне показалось, что передо мной ребенок. Вглядевшись в черты лица под белой шапочкой, я поняла, что это лицо женщины, никак не моложе тридцати лет. Не дожидаясь ответа, она протянула руку к кровати и нащупала мой пульс. По-видимому, он был в норме, она удовлетворенно кивнула и сказала:

— Теперь все будет в порядке, Мама.

Я тупо смотрела на нее и не знала, как реагировать.

— Машина уже ждет вас,— самым естественным тоном добавила она,— как, по-вашему, вы сумеете дойти?

— Какая машина? Зачем? — машинально выговорила я.

— Чтобы отвезти вас домой,— ответила она с заученной профессиональной кротостью.— Ну, давайте потихоньку подниматься.— И с этими словами откинула одеяло.

Я машинально взглянула на свое тело, и у меня пресеклось дыхание... Я подняла руку... огромный, толстенный валик белой плоти, в ужасе уставилась на нее, открыла рот и, уже теряя сознание, услышала свой режущий, пронзительный крик...

Открыв глаза, я увидела рядом с собой женщину (обыкновенных, **нормальных** размеров) в белом халате. На шее у нее висел стетоскоп. Она смотрела на меня с недоумением и растерянностью. Маленькая женщина в белой шапочке стояла рядом с ней и торопливо говорила: «Доктор, она вдруг закричала... так неожиданно... и потеряла сознание».

— Что это? Что со мной? Я не знаю, я совсем не такая... Не могу быть такой... Не могу, не могу, не могу...— Я говорила и не могла остановиться, хотя слышала свои тоскливые завывания как будто со стороны.

Та, которую назвали доктором, по-прежнему выглядела недоуменно-растерянной.

— Что все это значит? — спросила она, видимо, не в первый раз.

— Понятия не имею, доктор,— опять быстро проговорила маленькая.— Это было так неожиданно, как будто ей вдруг стало больно... Но я не знаю, почему...

— М-да... С ней все в порядке, она уже выписана и не может оставаться здесь — нам сейчас понадобится ее место,— сказала доктор.— Я, пожалуй, дам ей успокаивающего.

— Но что случилось?! Кто я?.. Это какой-то кошмар!.. Я знаю, что я **не такая!..** П-пожалуйста, р-ради б-бога, скажите мне!..— заикаясь и всхлипывая, умоляла я ее.

— Все в порядке, Мама! — Докторша участливо склонилась надо мной и тихонько дотронулась рукой до плеча.— Вам не о чем беспокоиться. Постарайтесь не волноваться. Скоро вы будете дома.

К постели торопливо подошла еще одна ассистентка в белой шапочке, ростом не выше первой, и протянула докторше шприц.

— Нет! — вырвалось у меня.— Я хочу знать, где я! Кто я?! Кто вы? Что со мной случилось?! — Я попыталась выбить шприц у нее из рук, но обе маленькие

ассистентки навалились на мою руку и держали ее, пока докторша не нашла иглой вену.

Это действительно было успокоительное, и очень сильное — я не лишилась сознания, не выключилась, а как-то отстранилась... Забавное ощущение: как будто я была рядом и спокойно наблюдала за собой со стороны, не утратив при этом способности здраво рассуждать...

Совершенно очевидно, что у меня потеря памяти — амнезия. Вероятно, я потеряла память после какого-то шока — так бывает. Очевидно также, что я утратила лишь часть памяти — часть, касающуюся лично меня: кто я, кем работаю, где живу, словом, все, что касается меня самой. В остальном же... Я не забыла... Не разучилась говорить, не разучилась думать, и, кажется, сам механизм мышления не нарушен. Это с одной стороны. С другой... я была совершенно уверена, что со мной происходит что-то не то. Я знала, что никогда раньше не видела того места, где сейчас находилась. Я знала, что было нечто непревильное... что-то страшное в присутствии двух маленьких ассистенток. И совершенно точно знала, что громадное тело, лежащее здесь, было не мое. Я не могла вспомнить, какое лицо я должна увидеть в зеркале, не помнила, была я молодой или старой, блондинкой или брюнеткой, но у меня не было и тени сомнения в том, что я не могла быть такой громадной... Да, но ведь тут лежало еще несколько таких же громадных женщин, стало быть, это не болезнь — иначе меня не отсылали бы «домой»...

Я все еще продолжала обдумывать сложившуюся ситуацию, как вдруг двери помещения распахнулись, и меня осторожно покатили по пологой лестнице. Внизу нас ожидала машина наподобие кареты «Скорой помощи» с распахнутыми дверцами, за которыми виднелась выкрашенная в кремово-розовый цвет койка. Я механически отметила, что все происходящее напоминает самую обычную в данных условиях процедуру. Восемь миниатюрных ассистенток перетащили меня с «троллика» на койку в «Скорой». Две из них задержались — поправили на мне одеяло и положили еще одну подушку под голову. Когда двери за ними захлопнулись, машина тронулась с места.

С этого момента во мне стало расти и крепнуть чувство определенной уверенности и способности контролировать ситуацию. По всей вероятности, думала я, со мной все же произошел несчастный случай, и на самом деле я еще не пришла в себя. Наверное, через какое-то время после... после какой-то катастрофы я... мне лишь начало казаться, что я пришла в сознание, но реально я была лишь в состоянии, близком к сознанию, своего рода сне, галлюцинации, и рано или поздно обязательно проснусь в каких-то нормальных условиях, может быть, и незнакомых, непривычных для меня, но укладывающихся в нормальные человеческие представления.

Я удивилась, как такая простая и разумная мысль не пришла мне в голову раньше, и в конце концов решила, что в панический ужас меня ввергла отчетливая реалистичность каждой детали в окружающей меня фантасмагории. Как это было глупо с моей стороны (несмотря на всю детальную реалистичность происходящего) и вправду поверить, что я стала каким-то... каким-то Гулливером среди лилипутов! Когда я проснусь, над этим будет интересно поразмыслить.

Правда, меня не переставала поражать детальная реалистичность, полное отсутствие зыбкости, туманности в восприятии, какая обычно бывает во сне. Все вокруг было... очень ясным, отчетливым, реальным. Мои собственные ощущения тоже были очень реальны... например, недавний укол... Все было очень достоверно, и эта достоверность заставляла меня внимательно присматриваться ко всему, фиксировать каждую мелочь.

Внутри «Скорая» была выкрашена в такой же розовый цвет, как и снаружи, только потолок отливал голубизной, и по нему там и сям были разбросаны серебряные звездочки. На передней стенке было несколько шкафчиков с одинаковыми ручками. Моя койка помещалась слева, с другой стороны были два миниатюрных креслица из какого-то полупрозрачного, розоватого материала. Обе стенки представляли собой длинные, широкие окошки с розовыми сетчатыми занавесками. Из обоих окон была хорошо видна местность, по которой мы ехали.

По обеим сторонам дороги, в некотором отдалении от нее, рядами высились одинаковые строения — блоки. Каждый блок был ярдов пятидесяти длиной, высотой в три этажа и заканчивался низковатой черепичной крышей. Блоки были абсолютно одинаковые по конструкции, но разные по цвету. Местность вокруг была почти безлюдна, лишь изредка мелькал женский силуэт — фигура в рабочем комбинезоне, косящая траву по бокам дороги или склонившаяся над цветочной клумбой.

Ярдах в двухстах от дороги стояли более высокие большие блоки, над некоторыми из них высилось... что-то вроде заводских труб. Может, это и впрямь были заводы или фабрики, а может, мне только так показалось.

Дорога, по которой мы ехали, все время петляла, встречного транспорта почти не было, лишь изредка проезжали грузовики, большей частью довольно тяжелые. Все они были выкрашены в один цвет и отличались друг от друга лишь разными пятизначными комбинациями из цифр и букв. По виду вполне обычные грузовики, какие можно увидеть где угодно.

Так, петляя, мы ехали минут двадцать, пока на одном из поворотов не наткнулись на ремонт дороги. Машина притормозила, и рабочие сошли на обочину, давая нам возможность проехать. Это были женщины или девушки, одетые в рабочие штаны, фуфайки без рукавов и грубые башмаки. Волосы у всех были коротко острижены, некоторые были в кепках. Все, как на подбор, были высокие, с загорелыми, пышущими здоровьем лицами, с широкими плечами и мужскими мускулистыми руками. Поначалу они смотрели лишь на машину, осторожно ползущую по ухабам и рытвинам, но когда мы поравнялись с ними, они стали заглядывать в окна. При виде меня все широко заулыбались и, как по команде, подняли правые руки в каком-то ритуальном салюте. Их лица были так откровенно приветливы и доброжелательны, что я невольно улыбнулась в ответ. Они шли по ходу машины, соблюдая определенную дистанцию, и продолжали смотреть на меня как-то выжидающе: улыбки на их лицах стали сменяться удивлением. Они переговаривались между собой, но слов я, конечно, не слышала: некоторые опять вскинули руки в ритуальном жесте. По их разочарованным лицам я поняла, что от меня ожидали чего-то большего, чем просто ответная улыбка. Мне пришло в голову вскинуть руку в точно таком же «салюте» — это сразу подействовало, лица прояснились, но удивление на некоторых осталось. Наконец, машина выехала на ровную дорогу, набрала скорость, и удивленные, чем-то озабоченные лица рабочих скрылись из виду. Что-то они должны были символизировать в моем сне, с чем-то ассоциироваться... Но символы эти казались мне странными, необычными, не укладывающимися в... Хотела бы я знать, что именно в моем подсознании вызвало это видение — команда дружелюбно настроенных амазонок, встречающих меня каким-то... военно-морским салютом вместо обычных кивков и приветствий? Пока я раздумывала над этим, мы миновали последнюю вереницу блочных строений и выехали на открытую местность.

Передо мной простирались зеленые пастбища, аккуратные, местами зеленеющие, пашни, живые изгороди, над которыми вился какой-то зеленоватый туман, деревья и кустарники с молодыми побегами. Яркое весеннее солнце освещало эту местность, возделанную и распланированную с такой аккуратностью, какая могла быть, как мне казалось, лишь на картинке, только изредка мелькавшие среди полей силуэты коров нарушали строгий геометрический узор. Небольшие домики точно вписывались в «узор»: одинаковые по внешнему виду, на одинаковом расстоянии друг от друга, с одинаковыми огородами по одну сторону и садиками — по другую. Что-то кукольное было во всем этом — кукольное и излишне упорядоченное. Дома с аккуратными изгородями, цветы на клумбах, деревца, кустарники — все было одинаковым... Интересно, что может означать такое очевидное подсознательное стремление к аккуратности и порядку?

Из окна я увидела, как открытый грузовик, следовавший впереди нас, круто свернул на узкую дорогу с красивыми живыми изгородями по обеим сторонам, ведущую к аккуратненькой ферме. Возле фермы толпилось с полдюжины молодых женщин с какими-то инструментами в руках. Одна из них обернулась, что-то сказала своим подругам, и все уставились на нас, подняв руки в том же «салюте», как и те, на дороге.

«Нелогично...— мелькнула у меня мысль,— амазонки, как символ превосходства... власти, и весь этот ландшафт, олицетворяющий пассивную, аккуратную упорядоченность, подчиненность... Не вяжется друг с другом...»

Мы миновали ферму и поехали дальше. Так прошло примерно три четверти часа, а пейзаж за окном оставался неизменным и, казалось, простирался вплоть до самого горизонта, где виднелись очертания низких гор, подернутых голубоватой дымкой. С периодической аккуратностью возникали в окне небольшие домики — фермы, иногда мелькали группы людей, работающих в поле, реже встречались одинокие фигуры, снующие вокруг домиков, возящиеся с тракторами, но и те, и другие были слишком далеко, чтобы разглядеть их как следует.

Слева от дороги начался длинный ряд деревьев — поначалу я подумала, что это обыкновенный лес, но потом заметила, что деревья посажены стеной, верхушки у всех одинаково подрезаны — так что этот ряд походил больше на искусственный забор, конец которого (или начало) начинался метрах в десяти от дороги. Мы свернули налево и остановились перед высокими воротами, выкрашенными розовой краской.

Откуда и почему взялось это обилие розового, я не могла понять. Розовый цвет всегда казался мне пошловатым. Цвет плоти? Символ пылкой страсти? Вряд ли, тогда был бы ярко-красный... Я не представляла себе розовую страсть...

Мы медленно ехали вперед, и нас окружало нечто среднее между городским садом и макетом муниципального жилищного строительства. По обеим сторонам дороги простирались широкие зеленые газоны с цветочными клумбами. Среди газонов произвольно, без всякого плана стояли трехэтажные блоки. Несколько амазонок в темно-красных фуфайках и штанах возились с клумбой прямо у дороги, и нам пришлось переждать, пока они не оттащат свою тележку с тюльпанами и не дадут проехать. Они отсалютовали мне знакомым жестом и проводили улыбками. Я отвела от них глаза, и... на секунду мне показалось, будто со зрением у меня что-то случилось: мы миновали один блок, другой, а третий... Он был белый в отличие от всех остальных (розовых), но дело не в этом — он был раза в три меньше...

Я растерянно поморгала ресницами, но блок оставался по-прежнему маленьким. Чуть поодаль, с трудом переставляя ноги, шла по газону громадных размеров женщина в розовой хламиде. Вокруг нее вертелись три маленькие женщины в белых комбинезонах, казавшиеся рядом с ней детьми... нет, даже не детьми, а крохотными куколками. Глядя на эту картину, я растерялась: расшифровать такую комбинацию «символов» мне было просто не под силу.

Машина резко свернула вправо, и мы остановились перед крыльцом одного из розовых блоков, разделенным вдоль перилами: справа шли обычные ступеньки, а слева — раза в три меньше и чаще.

Три автомобильных гудка возвестили о нашем приезде. Секунд через десять полдюжины маленьких женщин сбежали с крыльца, и я услышала чей-то голос:

— С приездом, Мама Орчиз! Вот вы и дома!

Моя койка плавно соскользнула вниз, и они осторожно поставили ее на землю. Молодая женщина, на комбинезоне которой был нарисован розовый крест, заботливо склонилась надо мной.

— Как вы думаете, Мама, сумеете сами дойти?

— Дойти? — машинально переспросила я.— Конечно, могу.— И с этими словами я села на койке, поддерживаемая как минимум четырьмя парами рук.

Мое уверенное «конечно», кажется, не оправдало себя — я поняла это, когда меня с трудом поставили на ноги. Даже с помощью всех карлиц это было, мягко говоря, не просто — я едва отдышалась и окинула взглядом свою громадную массу, прикрытую розовой хламидой. У меня мелькнула мысль о том, что позже, когда я проснусь и буду анализировать свои впечатления, мне придется смириться с дикой безвкусицей всех этих символов, что бы они там ни означали. Я попробовала осторожно шагнуть вперед, со стороны это выглядело, наверное, не очень-то эстетично. Маленькие женщины суетились и хлопотали вокруг меня, как взбудораженные несушки — ни одна не доставала мне даже до локтя. Впрочем, самым трудным был первый шаг, дальше дело пошло лучше, и я под облегченные и радостные возгласы моей «команды» с трудом одолела ступеньки крыльца. Наверху мне дали немного отдышаться, а потом мы вошли в прямой как стрела коридор, свернули налево, и там впервые за все это время я столкнулась с зеркалом.

Мне пришлось собрать всю свою волю, чтобы остаться спокойной хотя бы внешне. Увидев свое отражение, я в течение нескольких секунд боролась с подступающей к горлу истерикой, это была жуткая пародия на женщину: слоноподобные женские формы, выглядящие еще более громадными из-за свободного, хламидообразного розового одеяния, прикрывающего... К счастью, хламида прикрывала все, кроме головы и рук. Но и этих частей тела было вполне достаточно, чтобы вызвать ужас: руки, голова и, наконец, лицо были чистенькими, ухоженными, даже миловидными, но принадлежали явно девочке. Эта «девочка» выглядела вполне симпатичной, но ей никак нельзя было дать больше двадцати. Мягкие, вьющиеся волосы, аккуратно уложенные в короткую прическу, розовый цвет лица, красные, но без намека на помаду, изящные губы. Голубовато-зелеными глазами из-под слегка изогнутых бровей она внимательно смотрела на меня, на суетящихся рядом карлиц и...

Я пошевелила губами — и она сделала то же самое, я приподняла руку — она повторила мой жест... Мой панический ужас сменился жалостью и чувством сострадания к бедняжке: мне было жалко ее до слез, потекших по моим щекам. У нее тоже по лицу текли слезы.

Одна из маленьких женщин схватила меня за руку.

— Мама Орчиз! — тревожно воскликнула она.— Что с вами, родная?

Я не могла выговорить ни слова, да и что я могла ей сказать? Я ощутила на своем теле прикосновение маленьких ладоней — ласковые, успокоительные похлопывания, медленно тронулась с места и двинулась к распахнутой двери, сопровождаемая тревожно-ласковыми причитаниями карлиц.

Мы вошли в помещение, показавшееся мне одновременно и будуаром, и больничной палатой. Будуаром — из-за того, что все вокруг — ковер на полу, кресла, подушки, абажур, занавески на окнах — было розовым. Больничной палатой — из-за шести стоящих двумя рядами коек, одна из которых пустовала.

Комната была очень просторной: возле каждой койки стояли стул и столик, а в середине был большой стол, украшенный вазочками с цветами, и несколько

низких удобных кресел. Откуда-то слышалась легкая сентиментальная музыка. На пяти койках лежали такие же громадины, как я; две карлицы поспешили откинуть розовое покрывало с шестой — незанятой.

Обитательницы пяти коек повернули лица в мою сторону.

— Привет, Орчиз! — дружелюбно поздоровалась одна и нахмурилась, заметив следы слез на моем лице.— Что случилось? Тебе было плохо?

Я взглянула на ее миловидное личико, темно-каштановые волосы, разметавшиеся по подушке. На вид ей было не больше двадцати трех. Все... все остальное скрывал розовый сатин покрывала. Я не могла сейчас выговорить ни слова — лишь изо всех сил постаралась улыбнуться ей в ответ.

Мы приблизились к незанятой койке, и после множества приготовлений я была водружена на нее. «Путешествие» от машины к постели здорово вымотало меня — я была почти без сил. Две карлицы расправили на мне покрывало, а третья достала носовой платок и осторожно вытерла слезы на моем лице.

— Все хорошо, дорогая,— тихонько и ласково проговорила она,— все хорошо, вы дома. Когда чуть-чуть отдохнете, все пройдет. Попробуйте сейчас немного поспать.

— А что это с ней? — послышался чей-то резковатый голос с одной из коек.— Чего она так разнюнилась?

Маленькая женщина с носовым платком быстро обернулась на голос.

— Ни к чему этот тон, Мама Хэйзел! — быстро сказала она.— Все в порядке, у Мамы Орчиз четверо прелестных малюток! Ведь правда, дорогая? — обратилась она ко мне.— Просто сейчас она немного устала с дороги. Только и всего.

Вокруг меня по-прежнему суетились карлицы. Одна из них подала мне стакан с какой-то жидкостью — по виду обыкновенная вода, и я машинально выпила. Во рту остался едкий странноватый привкус, но он быстро прошел. Еще немного суеты, и моя «команда» оставила меня наедине с пятью обитательницами палаты.

Затянувшаяся неловкая пауза была прервана девушкой, которая первая со мной поздоровалась.

— Куда посылали тебя на отдых, Орчиз? — спросила она.

— Отдых? — машинально повторила я за ней.

Все, включая спрашивавшую, уставились на меня с изумлением.

— Я не понимаю, о чем вы...— сказала я.

Они продолжали глазеть на меня с вялым удивлением.

— Вряд ли ей дали как следует отдохнуть,— заметила одна.— я никак не могу забыть свой последний отпуск. Меня отправили к морю и даже выдали небольшой автомобиль, так что я вдоволь покаталась по побережью. Нас было всего шесть Мам, включая и меня, и все к нам чудесно относились. А ты? Ты ездила на море или в горы?

Я понимала, что за этими вопросами последуют другие, и постаралась собраться с мыслями. Наконец, я нашла, как мне показалось, самый простой выход из своего дурацкого положения.

— Я не помню,— сказала я,— я... ничегошеньки не помню и... Кажется, я вообще потеряла память...

Мое заявление было встречено не очень доброжелательно.

— Ах, вот как? — довольно едко отреагировала та, которую карлица с крестом на груди называла Хэйзел.— Я сразу подумала, что тут что-то неладно. И ты, конечно, не можешь вспомнить, Первого ли класса были у тебя младенцы в этот раз?

— Не будь дурочкой, Хэйзел,— тут же вмешалась другая,— конечно же, Первого, иначе Орчиз не была бы здесь — ее перевели бы к Матерям Второго разряда и отправили в Уайтвич... Когда это с тобой случилось, Орчиз? — участливо обратилась она ко мне.

— Я... Я не знаю,— пробормотала я,— я... ничего не помню, что было раньше... до сегодняшнего утра в больнице. Все... все куда-то ушло...

— В больнице? — насмешливо переспросила Хэйзел.

— Она, наверное, имеет в виду Центр,— сказала другая.— Но, Орчиз!.. Ты хочешь сказать, что... не помнишь даже нас?

— Не помню,— подтвердила я.— Мне очень жаль, но... я действительно ничего не помню до сегодняшнего утра в боль... в Центре

— Это странно,— с недоброй усмешкой высказалась Хэйзел.— А они знают об этом?

— Наверняка знают,— ответила ей другая.— Я думаю, они не считают, что память может иметь какое-то отношение к классу детей. Да и почему она должна иметь к этому отношение? Послушай, Орчиз...

— Дайте ей отдохнуть! — вмешалась третья.— Мне кажется, она неважно себя чувствует после Центра, да еще эта дорога. Не обращай на них внимания, Орчиз, родная. Постарайся заснуть, а когда проснешься, я уверена, все будет в порядке.

Я с благодарностью последовала ее совету. В сложившейся ситуации я все равно ничего не могла придумать, так как здорово устала. Я пробормотала «спасибо» и откинулась на подушки, демонстративно закрыв глаза. К моему удивлению,— никогда не слышала, что во время галлюцинации можно уснуть,— я заснула...

В момент пробуждения я было понадеялась, что мой странный кошмар кончился. К сожалению, ничего не изменилось: кто-то легонько тряс меня за плечо, и первое, что я увидела,— это лицо главной карлицы, вровень с моим.

— Ну, как дела? — обычным бодрым голосом медсестры спросила она.— Мы поспали, Мама Орчиз, и нам, конечно же, стало лучше?

За ее спиной показались еще две маленькие женщины, подкатившие небольшой закусочный столик к моей постели. Они поставили его так, чтобы мне было удобно дотянуться до него... В жизни я не видела такого количества еды для одного человека. Я хотела запротестовать, но сразу сообразила, что в этом есть определенная логика — количество еды было вполне пропорционально обилию моей плоти, представляющейся сейчас вроде здоровенного облизывающегося рта. Сознание мое как бы раздвоилось, какая-то часть его «отстранилась», а все остальное торопливо поглотило две или три рыбины, большущего цыпленка, несколько кусков мяса, груду овощей, блюдо фруктов, залитых кремом, и литра два с половиной молока — и все это без малейших усилий. Изредка посматривая по сторонам во время еды, я видела, что остальные Мамы точно так же обходились с содержимым своих столиков. Я ловила на себе их любопытные взгляды, но сейчас они были слишком заняты поглощением пищи, чтобы продолжать расспросы. Я стала думать, как бы избавиться от их вопросов: если бы здесь была какая-нибудь книга или журнал, я могла бы сделать вид, что поглощена чтением. Это, правда, не очень вежливо по отношению к ним, но... Когда маленькие ассистентки вернулись, я попросила одну из них принести мне что-нибудь почитать. Эта простая в общем-то просьба произвела крайне неожиданный эффект: две ассистентки, катящие столик, уронили его на пол; та, что была ближе ко мне, на секунду застыла, как в столбняке, с изумленным лицом, потом взгляд ее стал подозрительным и, наконец, жалостливо-участливым.

— Не совсем еще пришли в себя, дорогая? — спросила она.

— Да нет,— пробормотала я,— я... я пришла в себя.

— Может, вам лучше попробовать опять заснуть?

— Не хочу больше спать,— возразила я,— а хочу что-нибудь почитать.

— Боюсь, вы сильно утомились, Мама.— Она неуверенно дотронулась рукой до моего плеча.— Ну ничего... Я думаю, это скоро пройдет.

— Не понимаю,— с возрастающим раздражением начала я.— Если мне захотелось немного почитать...

— Ну-ну, дорогая,— она выдавила из себя заученную профессиональную улыбку,— не стоит нервничать. Вам нужно немного отдохнуть. Вы просто устали, иначе... Где, скажите на милость, вы слышали о читающей Маме?

Поправив на мне покрывало, она вышла из палаты и оставила меня наедине с пятью ее обитательницами, уставившимися на меня в немом изумлении. С койки Хэйзел послышалось насмешливое хихиканье, а потом несколько минут в палате стояла полная тишина...

Затянувшуюся паузу прервала Хэйзел.

— Почитать! — насмешливо фыркнула она.— А написать что-нибудь ты не хочешь?

— Почему бы и нет? — сорвалось у меня с языка.

Вновь наступило молчание. Они с улыбкой переглянулись.

— Да что в самом деле тут странного? — раздраженно обратилась я ко всем сразу.— Я обязательно должна была разучиться читать? Или писать?..

— Орчиз, дорогая...— неуверенно и мягко начала одна из них,— тебе не кажется, что надо бы... посоветоваться с врачом, а? Просто посоветоваться?..

— Не кажется,— ответила я довольно резко.— Со мной все в порядке. Я просто хочу понять... Я ведь не сказала ничего особенного, просто попросила принести какую-нибудь книгу... А вы все смотрите на меня так, словно я сошла с ума. Но почему?

После неловкой паузы та, что была настроена ко мне дружелюбнее остальных, почти в точности повторила слова маленькой ассистентки:

— Орчиз, дорогая, постарайся взять себя в руки: зачем Маме — читать? Или писать? Разве от этого она станет рожать лучших детей?

— Но ведь, кроме детей, есть и другие вещи в жизни,— ответила я.

Молния, внезапно разорвавшаяся в комнате, не произвела бы большего эффекта. Никто из них не мог произнести ни слова, даже Хэйзел онемела от изумления.

— Да что же это, господи!.. — не выдержала я.— Что это за бред!.. Орчиз... Мама Орчиз... Что за галиматья!.. Где я?! В сумасшедшем доме?..

Я дала волю своей злости, дважды повторила, что никакая я не Мама, а потом, к своему стыду, разревелась.

Они смотрели на меня с жалостью и участием. Лишь Хэйзел, победно оглядев всех, сказала:

— Говорила я, что с ней что-то неладно? Она просто рехнулась, вот и все!

Та, которая с самого начала вела себя дружелюбно, мягко обратилась ко мне:

— Послушай, Орчиз, подумай сама, кем еще ты можешь быть, если не Мамой? Ты самая настоящая Мама, Первого класса Мама, уже трижды рожавшая. У тебя двенадцать зарегистрированных малюток Первого разряда. Уж, во всяком случае, этого ты не могла забыть!

Странно, но ее слова опять вызвали у меня слезы — я почувствовала, как что-то пытается проявиться в зияющей пустоте моего сознания. Я не понимала, что это, но оно явно заставляло меня сейчас страдать.

— Господи!..— простонала я.— Это же жестоко!.. Почему это не прекращается? Почему оно не уйдет и не оставит меня в покое?. Тут какое-то... какое-то издевательство, какая-то страшная насмешка... Только я не понимаю, что со мной случилось? Я же не сумасшедшая... Нет... Ну, помогите же мне кто-нибудь!...

Я изо всех сил зажмурилась, страстно желая, чтобы вся эта кошмарная галлюцинация кончилась. Но ничего не изменилось. Когда я резко распахнула глаза, все они по-прежнему глазели на меня в тупом изумлении на своих молоденьких мордашках, торчащих из розового сатина.

— Что бы там ни было, я отсюда выберусь! — произнесла я вслух и напряглась.

Мне потребовались все мои силы, чтобы просто сесть на постели. Не обращая внимания на глазеющих Мам, я попыталась спустить ноги с кровати. Господи, какое кошмарное видение... сон... Я услышала свой собственный голос: «Помоги же мне, родной... Дональд, милый, пожалуйста, помоги мне!..» И неожиданно с произнесенным вслух словом «Дональд» в голове у меня произошел «щелчок», и мозг как бы осветился изнутри. Неожиданно я поняла, в чем именно заключалась жестокость этого кошмара. Я поглядела на своих соседок по палате — они по-прежнему глазели на меня в немом изумлении, близком к ужасу. Я оставила никчемные попытки подняться и, откинувшись на подушки, сказала:

— Больше вы не сможете дурачить меня. Теперь я хотя бы знаю, кто я.

— Но, Мама Орчиз...— начала одна.

— Хватит! — резко прервала я ее. Острая жалость к себе сменилась горечью и обидой.— Никакая я не мать. Мне просто не повезло! У меня... был муж... очень недолго, и я... я хотела, чтобы у меня были дети от него — хотела, и только!..

Последовала пауза, довольно странная пауза. Я ждала каких-то перешептываний, реплик, но, казалось, меня просто не услышали или... не поняли. Наконец та, что лежала на соседней койке, решилась:

— Что такое муж? — спросила она мягко, с легким недоумением

Я пристально вгляделась в лицо каждой: ни на одном не было намека на насмешку, не было ничего, кроме удивленного, детского недоумения. Я была на грани истерики, но каким-то образом мне удалось взять себя в руки. «Раз эта чертова галлюцинация не уходит,— подумала я,— что ж, будем играть в эту игру дальше и посмотрим, чем она кончится». С самым серьезным видом я принялась объяснять им, подбирая простые слова и понятия:

— Муж — это тот мужчина, которого женщина выбирает себе...

Судя по их лицам, они ничего не поняли, но не прерывали меня, пока я сама не остановилась. Моя соседка по койке спросила крайне озадаченным, но по-прежнему мягким и участливым тоном:

— Что такое «мужчина»?

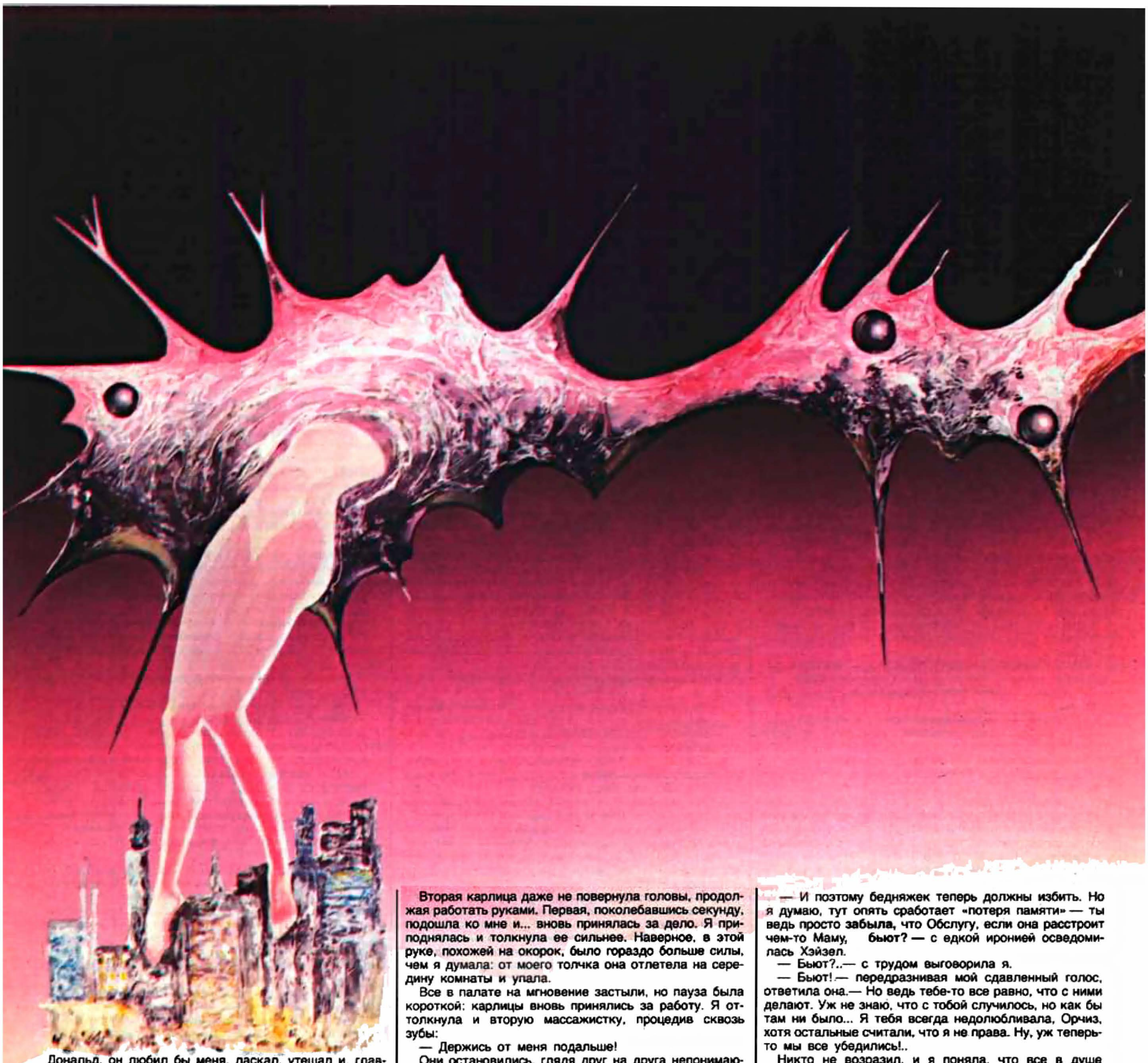
После окончания моей «речи» воцарилось гробовое молчание. Но меня сейчас занимало другое...

Теперь я знала, что меня зовут Джейн. Еще раньше меня звали Джейн Саммерс, потом, выйдя замуж за Дональда, я стала Джейн Уотерлей. Мне было... мне было двадцать четыре, когда мы поженились, и... двадцать пять, когда Дональд погиб, через шесть месяцев после нашей свадьбы. Все. На этом все кончалось. Мне казалось, это было вчера, но ничего больше я не помнила...

До этого момента память вернулась ко мне полностью: родители, друзья, дом, школа, практика, работа в Рэйчестерской больнице... Я вспомнила, как впервые увидела Дональда, когда его привезли к нам со сломанной ногой, и все, что у нас было дальше...

Я вспомнила, какое лицо должна была увидеть, глядя на себя в зеркало,— более удлиненное, покрытое легким загаром, рот — меньше, волосы — слегка вьющиеся, глаза — карие, широко посаженные, взгляд — тоскливый... Теперь я знала, как должна была выглядеть вся — чуть вытянутая, длинноногая, с маленькой грудью... Хорошее, нормальное тело, просто нормальное, обычное, которое я принимала, как должное, пока Дональд своей любовью не заставил гордиться им...

Я взглянула на колыхающуюся массу, закрытую розовым сатином, и меня захлестнула волна жуткого отчаяния: если б только сейчас со мной оказался



Дональд, он любил бы меня, ласкал, утешал и, главное, сказал бы, что я **не такая**, что все это только кошмарный сон... И в то же время одна мысль о том, что Дональд может увидеть меня **такую**, привела в ужас. Потом я вспомнила, что Дональд уже никогда не увидит меня **никакую**, и слезы вновь потекли из глаз.

Пятеро соседок продолжали молча лежать и смотреть на меня широко раскрытыми глазами. Так прошло примерно полчаса, а потом дверь отворилась, и в палате появилась целая команда маленьких женщин в белом. Я заметила, что Хэйзел сначала хотела что-то сказать «командирше», но потом, видимо, передумала. К каждой койке подошли по две карлицы, синхронно откинули покрывала, засучили рукава своих комбинезонов и принялись за массаж.

Поначалу это было даже приятно: действовало успокаивающе и расслабляло. Но чем дальше, тем меньше мне это нравилось, пока наконец не стало просто больно.

— Хватит! — резко сказала я.

Карлица остановилась, как-то безлико улыбнулась и продолжила.

— Я сказала, хватит! — повторила я громче и оттолкнула ее.

Мы встретились взглядами: в ее глазах были обида и укор, хотя на губах по-прежнему профессиональная улыбка. Она застыла в нерешительности и глянула на свою напарницу.

— И вы тоже! — добавила я. — Достаточно.

Вторая карлица даже не повернула головы, продолжая работать руками. Первая, поколебавшись секунду, подошла ко мне и... вновь принялась за дело. Я приподнялась и толкнула ее сильнее. Наверное, в этой руке, похожей на окорок, было гораздо больше силы, чем я думала: от моего толчка она отлетела на середину комнаты и упала.

Все в палате на мгновение застыли, но пауза была короткой: карлицы вновь принялись за работу. Я оттолкнула и вторую массажистку, процедив сквозь зубы:

— Держись от меня подальше!

Они остановились, глядя друг на друга непонимающими, тоскливыми и испуганными глазами. К нам приблизилась «командирша» — с розовым крестом на груди.

— Что случилось, Мама Орчиз? — спросила она.

Я сказала, что мне больно. Лицо ее выражало удивление.

— Все верно. Так и должно быть. Это нужно.

— Может, и так, но **мне** это не нужно,— твердо ответила я,— и больше они со мной этого делать не будут.

— Орчиз свихнулась! — раздался голос Хэйзел.— Она тут рассказывала нам отвратительные гадости!.. Она явно помешанная!

Маленькая женщина посмотрела на нее, а потом на всех остальных: кто-то утвердительно кивнул, другие отводили глаза, но на всех лицах было какое-то отвращение. Тогда она посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом.

— Вы, двое, ступайте с докладом,— обратилась она к маленьким массажисткам, и, когда те, плача, вышли из комнаты, вновь окинула меня долгим и внимательным взглядом.

Через несколько минут все остальные массажистки закончили работу и ушли, нас опять было шестеро. Молчание прервала Хэйзел.

— Поганая выходка,— бросила она.— Мальки делали то, что им положено, и только.

— Может, им это и положено, но мне это не нравится,— сказала я.

— И поэтому бедняжек теперь должны избить. Но я думаю, тут опять сработает «потеря памяти» — ты ведь просто **забыла**, что Обслугу, если она расстроит чем-то Маму, **бьют?** — с едкой иронией осведомилась Хэйзел.

— Бьют?..— с трудом выговорила я.

— Бьют!— передразнивая мой сдавленный голос, ответила она.— Но ведь тебе-то все равно, что с ними делают. Уж не знаю, что с тобой случилось, но как бы там ни было... Я тебя всегда недолюбливала, Орчиз, хотя остальные считали, что я не права. Ну, уж теперь-то мы все убедились!..

Никто не возразил, и я поняла, что все в душе согласны с ней. Это было тяжелое чувство, но, к счастью, меня отвлекли от него распахнувшиеся двери.

В палату вошла старшая ассистентка с шестью карлицами, но на этот раз с ними была властная красивая женщина лет тридцати, при виде которой я испытала невольное облегчение: она не была ни амазонкой, ни карлицей, ни громадиной — на фоне остальных, правда, она выглядела чересчур высокой, но на самом деле — нормальная молодая женщина с приятными чертами лица, коротко остриженными каштановыми волосами, в черной юбке, видневшейся из-под белого халата. Старшей ассистентке приходилось почти бежать, чтобы поспевать за женщиной,— она забавно семенила рядом, бормоча: «Только что из Центра, Доктор».

Женщина остановилась возле моей койки, карлицы сгрудились за ее спиной, неодобрительно посматривая на меня. Она всунула мне в рот термометр и пощупала пульс. Потом деловито осведомилась:

— Головная боль? Боли? Если есть, где?

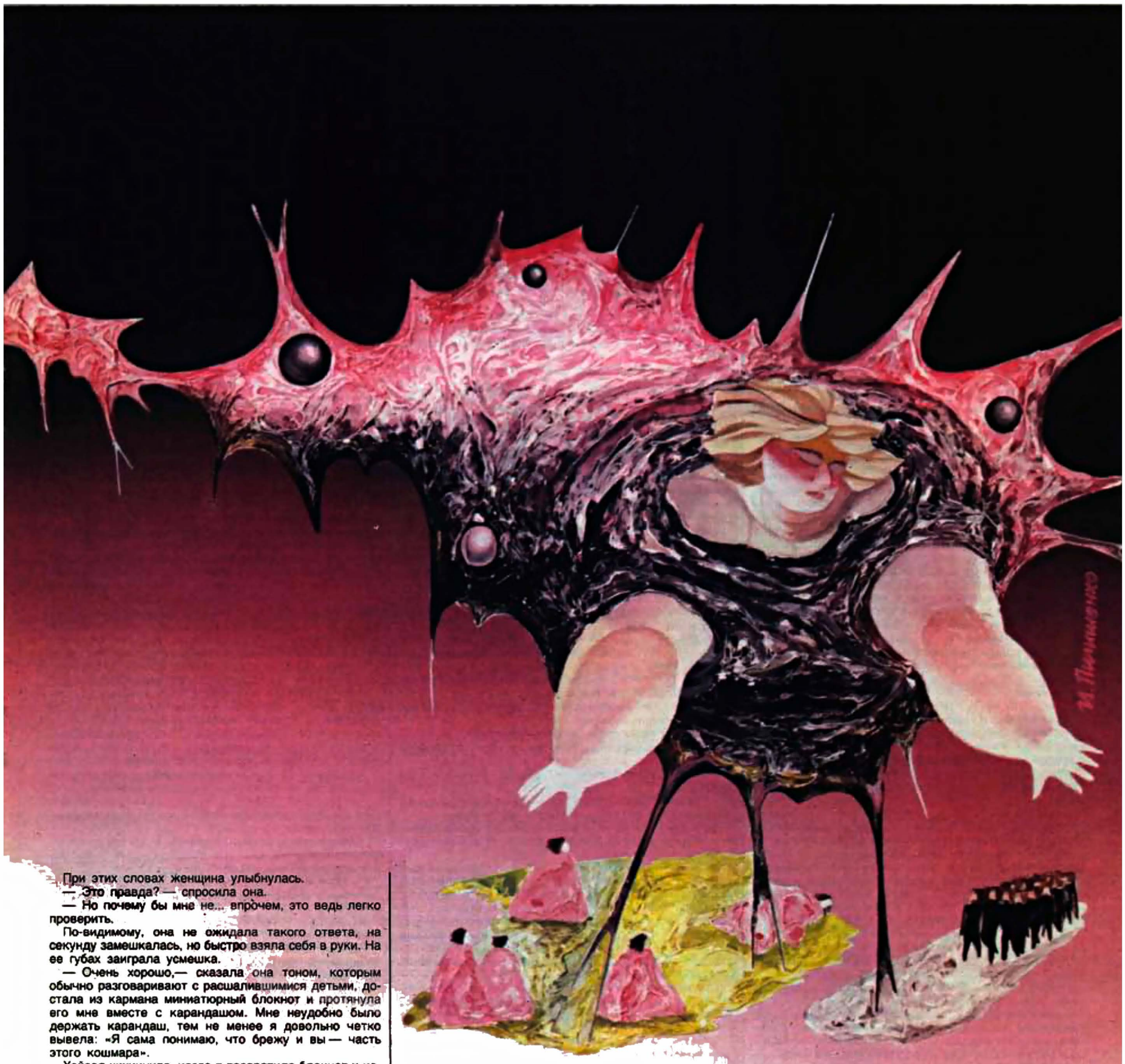
Она внимательно оглядела меня. Я тоже не сводила с нее глаз.

— Тогда почему...— начала было она.

— Она свихнулась! — раздался голос Хэйзел.— Она говорит, что потеряла память и не знает нас.

— Она говорила об ужасных, отвратительных вещах! — добавила ее соседка.

— У нее бред! — опять послышался голос Хэйзел.— Она думает, что умеет читать и писать.



Рисунки Игоря ПИЛИШЕНКО

При этих словах женщина улыбнулась.

— Это правда? — спросила она.

— Но почему бы мне не... впрочем, это ведь легко проверить.

По-видимому, она не ожидала такого ответа, на секунду замешкалась, но быстро взяла себя в руки. На ее губах заиграла усмешка.

— Очень хорошо,— сказала она тоном, которым обычно разговаривают с расшалившимися детьми, достала из кармана миниатюрный блокнот и протянула его мне вместе с карандашом. Мне неудобно было держать карандаш, тем не менее я довольно четко вывела: «Я сама понимаю, что брежу и вы — часть этого кошмара».

Хэйзел хихикнула, когда я возвратила блокнот и карандаш женщине-врачу. Та взглянула мельком на него и...

Челюсть у нее, конечно, не отвисла, но усмешка мгновенно сползла с губ. Она посмотрела на меня пристально, очень пристально, а все остальные, видя выражение ее лица, затихли, как будто я показала здесь какой-то сверхъестественный фокус. Врач повернулась к Хэйзел:

— О чем она вам говорила? Какие «отвратительные» вещи?

— Ужасные вещи! — не сразу ответила Хэйзел.— Она говорила о... людях, как о животных. Что они... Ну, что они двуполые. Это было отвратительно!..

Врач секунду колебалась, потом повернулась к старшей ассистентке:

— Отвезите ее в смотровую.

Когда она вышла, «карлицы» засуетились вокруг меня, подкатили к постели низенький «троллик», помогли мне перевалиться на него и вывезли из палаты.

Я оказалась в маленькой комнате с розовыми обоями. Напротив меня сидела врач с блокнотом и карандашом в руках. Выражение ее лица было мрачно-сосредоточенным.

— Итак,— проговорила она,— кто рассказал вам всю эту чушь о двуполых людях? Мне нужно знать ее имя. Где вы проводили отпуск после Клиники?

— Не знаю,— ответила я.— Эта галлюцинация, или бред, или... словом, этот кошмар начался в том месте, которое вы называете Центром.

Она покраснела от гнева, но сдержалась и спокойно произнесла:

— Послушайте, Орчиз, вы были в полном порядке, когда вас шесть месяцев назад увозили отсюда в Клинику, где вы родили детей, как положено. Но... В этот период кто-то напичкал вам голову всей этой галиматьей и... научил вас читать и писать. Теперь вы мне скажете, кто это сделал. Причем хочу предупредить, что со мной номера с «потерей памяти» не пройдут.

— Ох, ради бога, пошевелите же своими мозгами! — устало выговорила я.

— Я могу выяснить в Клинике, куда они вас посылали. И могу выяснить в Доме Отдыха, кто были ваши соседи, но я не хочу попусту терять время. Поэтому я прошу вас сказать мне это. Вы скажете это сами, Орчиз, мы не хотим прибегать к другим мерам,— веско закончила она.

— Вы не там ищете.— Я покачала головой.— Галлюцинация началась в Центре. Как это произошло и что было с Орчиз до того, я не могу вам сказать просто потому, что не помню.

Она была явно чем-то озадачена, поразмышляла секунду, потом нахмурилась.

— Какая галлюцинация?

— Как какая? Все это... и вы в том числе.— Я обвела рукой все, что меня окружало,— это громадное тело, эти малютки... вообще все. Очевидно, все это спроецировало мое подсознание, и теперь меня это очень тревожит, потому что... потому что это никак не похоже на результат подавления желаний...

Она смотрела на меня широко открытыми от изумления глазами.

— Кто, черт возьми, говорил вам о подсознании, подавлении желаний и вообще?..

— Не понимаю, почему в... пусть галлюцинации, но почему я обязательно должна быть невежественной тупицей? — возразила я.

— Но Мама не может ничего знать о таких вещах! Ей это не нужно!

— Послушайте! — Теперь мне пришлось набраться терпения.— Ведь я уже сказала вам и говорила тем несчастным в палате: никакая я не Мама. Я самая обыкновенная МБ, и мне просто не повезло, со мной что-то случилось... какой-то кошмарный сон...

— Эм бэ? — недоуменно переспросила она.

— Ну, да. Бакалавр медицинских наук. Я занимаюсь медициной,— пояснила я.

Она не отрывала от меня своих изумленно вытаращенных глаз.

— Вы утверждаете, что вы врач?

— Ну... у меня нет своей практики, но... да, конечно,— ответила я.

От ее прежней уверенности почти не осталось следа.

— Но... это же абсурд,— в каком-то странном замешательстве пробормотала она,— вам с самого начала было предназначено стать Мамой! И вы можете быть **только** Мамой... Достаточно на вас посмотреть!..

— Да,— вздохнула я.— достаточно посмотреть... Так смотрите же!.. Посмотрите как следует!..

После этого возникла недолгая пауза.

— Знаете,— прервала я молчание,— мне кажется, вряд ли мы что-нибудь выясним, если будем говорить друг другу лишь «чушь» и «абсурд». Может, будет разумнее, если вы объясните мне, куда я попала и кто я, **по-вашему**. Это может как-то всколыхнуть мою память.

— Лучше будет, если сначала вы расскажете мне, что вы **уже** помните, и поподробнее,— парировала она после секундного колебания.— Это поможет мне понять, что вас удивляет и кажется кошмаром.

— Хорошо,— подумав, согласилась я и начала как можно подробнее, стараясь ничего не упустить, рассказывать ей всю биографию вплоть до того страшного дня, когда самолет Дональда потерпел аварию...

Было ужасно глупо, с моей стороны, попасться на эту удочку. Конечно, она с самого начала не собиралась отвечать ни на один из моих вопросов. Выслушав мой рассказ, она молча вышла из комнаты, оставив меня, задыхающуюся от бессильной ярости.

Я дождалась, пока в коридоре стало очень тихо. Музыка умолкла. Одна из маленьких ассистенток зашла на секунду, как ни в чем не бывало, с любезной и безликой улыбкой осведомилась, не нужно ли мне чего-нибудь, и тут же исчезла. Я выждала еще примерно полчаса, а потом собралась с силами и попыталась встать. Это далось мне с колоссальным трудом. Наконец мне удалось принять вертикальное положение, я медленно подошла к двери, чуть-чуть приоткрыла ее и прислушалась. Из коридора не раздавалось ни звука. Я решила выйти и осмотреться. Все двери в палаты были закрыты. Прикладывая поочередно ухо к каждой двери, я слышала за ними мерное тяжелое дыхание и больше никаких звуков. Коридор несколько раз сворачивал в разные стороны, я медленно одолела его и очутилась перед парадной дверью, немного постояла в нерешительности, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь, потом распахнула ее и вышла наружу.

— Мама! — раздался сзади острый, режущий слух окрик.— Что вы тут делаете?

Я обернулась и увидела одну из «карлиц» в странновато мерцавшем белом комбинезоне. Она была одна. Не отвечая, я начала осторожно спускаться вниз. Мне с трудом удавалось двигаться и с еще большим трудом удержать подступающую к горлу ярость на это тяжеленное, нелепое тело, никак не желающее отпустить меня.

— Вернитесь. Сейчас же вернитесь,— четко произнесла ассистентка, подошла ближе и уцепилась за мою розовую хламиду.— Мама, вы должны сейчас же вернуться. Вы здесь простудитесь.— Она потянула меня за хламиду, я с силой наклонилась, услышала звук рвущейся материи, обернулась и потеряла равновесие. Последнее, что я увидела, ряд не пройденных мною ступенек, очутившихся прямо перед глазами...

Я открыла глаза, и чей-то голос рядом произнес:

— Ну вот, теперь лучше. Но поступили вы очень дурно, Мама Орчиз. Счастье, что все так обошлось. Подумать только, сделать такую глупость. Мне, честное слово, стыдно за вас. Просто стыдно.

Голова у меня раскалывалась, но, что было гораздо хуже, весь этот кошмар продолжался. У меня не было никакого настроения выслушивать укоризненные сентенции, и я послала ее к чертовой матери. Она с изумлением вытаращилась на меня, потом лицо ее застыло в маске оскорбленного достоинства. Она налепила полоску пластыря мне на лоб и, поджав губы, вышла вон.

Если трезво рассудить, она была права. В самом деле, глупо было пытаться делать хоть что-то, находясь в этой чудовищной груде плоти. От чувства своей беспомощности и жуткой жалости к себе я снова чуть не разревелась. Господи... как мне не хватало моего чудного, маленького тела, которое так верно служило мне и делало все, что я захочу. Я вспомнила, как Дональд показал однажды из окна гибкое молодое дерево и «познакомил» меня с ним, как с моей сестрой-близняшкой. А всего день-два назад...

Тут я неожиданно для себя сделала открытие, которое заставило меня инстинктивно напрячься и попытаться встать. В моей памяти больше не было никаких пробелов — я все вспомнила... В голове у меня загудело от напряжения, я откинулась на подушки, постаралась расслабиться и вспомнила все по порядку, начиная с того момента, когда из вены у меня выдернули иглу и кто-то протер место укола спиртом...

Но что же было потом? Я ожидала чего-то вроде сна, галлюцинации... Но не этой четко сфокусированной реальности...

Господи!.. Что же они со мной сделали?..

Когда я открыла глаза, за окном стоял ясный солнечный день, а возле постели была целая команда «карлиц», с помощью которых мне предстояло проделать весь утренний туалет.

Они деловито засучили рукава и приступили к привычной для них процедуре. Я терпеливо вынесла все от начала до конца, радуясь, что головной боли как не бывало.

Пока ассистентки возились со мной, раздался властный стук в дверь, и две фигуры в черных униформах с серебряными пуговицами без приглашения вошли в палату.

При виде их ассистентки с приглушенными вскриками, в которых явно слышался страх, дружно ринулись в дальний угол палаты. Вошедшие приветствовали меня вскинутыми в «салюте» правыми руками. Одна из них спросила:

— Вы Орчиз... Мама Орчиз?

— Так меня здесь называют,— ответила я.

Она поколебалась секунду, а потом, скорее просительным, чем приказным тоном, сказала:

— У меня есть предписание на ваш арест, Мама. Пожалуйста, следуйте за нами.

Из угла, где сгрудились ассистентки, послышался возбужденный гомон. Женщине в униформе было достаточно одного взгляда, чтобы «карлицы» мгновенно затихли.

— Оденьте ее и приготовьте к поездке,— бросила она.

«Карлицы» стали потихоньку двигаться к моей постели, робко, заискивающе улыбаясь амазонкам. Строго, но без всякой злобы, одна из амазонок приказала:

— Быстрее. Пошевеливайтесь.

Они «пошевелились». Меня наспех засунули в розовую хламиду, и в этот момент вошла врач. Она увидела амазонок и нахмурилась.

— Что все это значит? Что вы тут делаете? — строго спросила она.

Старшая из амазонок почтительно доложила ей о «предписании» и «аресте».

— Арест?! — изумленно переспросила врач.— Вы хотите арестовать **Маму?!** В жизни не слыхала о таком идиотизме... По какому обвинению?

— Она обвиняется в Реакционизме,— как-то заученно, механически ответила амазонка.

Врач вытаращилась на нее в немом изумлении.

— Мама-Реакционистка? — с трудом выговорила она.— Что... И ничего умнее вы там придумать не могли?! Живо убирайтесь отсюда! Обе!

— Но, Доктор, у нас есть предписание,— протестующе проговорили обе амазонки.

— Чушь. Не было такого прецедента. Вы когда-нибудь слыхали об аресте **Мамы?**

— Нет,— последовал синхронный ответ.

— И будьте уверены, не услышите. Все. Вы свободны.

Женщины в униформах неуверенно потоптались на месте.

— Если бы Вы, Доктор, дали нам письменное подтверждение, что отказываетесь выдать Маму...

Когда они обе ушли, вполне удовлетворенные клочком бумаги, врач окинула «карлиц» мрачным взглядом:

— А вы не можете не болтать...— процедила она сквозь зубы.— Что на уме, то и на языке. Запомните, если что-то в этом роде повторится, я буду знать, кто тому причина! — Она повернулась ко мне.— А вы, Мама Орчиз, будьте так любезны не говорить ничего, кроме «да» и «нет», когда рядом снуют эти маленькие бестии. Я скоро вернусь, мы хотим задать вам несколько вопросов,— добавила она и вышла, оставив за собой гнетущее молчание.

Она вернулась, и не одна. Четверо женщин, сопровождавших ее, выглядели вполне нормальными. Они расселись вокруг меня, словно перед экспонатом на выставке.

— Итак, Мама Орчиз,— сказала «моя» врач,— совершенно очевидно, что с вами произошло нечто необычное. Естественно, все мы хотим знать, что именно, и, если это возможно, выяснить причину. Вам не стоит утруждать себя мыслями об утреннем инциденте с полицией — с их стороны было вообще нелепо являться сюда. То, о чем мы хотим вас спросить, м-мм, обычное научное исследование — не более. Мы просто хотим выяснить, что произошло.

— Вы не можете хотеть этого больше, чем я сама,— ответила я, окинув взглядом все помещение.

«Моя» врач косо взглянула на остальных, словно желая сказать: «Теперь-то вы-мне-поверили?» Те смотрели на меня в немом изумлении.

— Мы, пожалуй, начнем с нескольких вопросов,— прервала она молчание.

— Прежде я хотела бы кое-что добавить к тому, что рассказала вам прошлой ночью. Память вернулась ко мне полностью, — сказала я.

— Может быть, от того, что вы упали? — предположила она.— Кстати, что вы хотели сделать?

Я пропустила вопрос мимо ушей и продолжала:

— Думаю, мне стоит восполнить этот пробел... Это может помочь в какой-то степени... во всяком случае...

— Ну, хорошо. Вы говорили мне, что были, э-ээ, замужем, и что ваш... м-мм, муж вскоре погиб,— она переглянулась с остальными, сидевшими с лицами, полностью лишенными какого бы то ни было выражения,— что было **после**, вы вчера не помнили.

— Да,— подтвердила я,— он был летчик-испытатель. Это случилось через шесть месяцев после нашей свадьбы, всего за месяц до истечения срока его контракта с фирмой... Несколько недель после этого я жила у своей тетки. Я... Не очень хорошо помню это время в подробностях — мне было... не до того. Но я очень хорошо помню, что в один прекрасный день я проснулась и поняла, что дальше так жить нельзя, что я должна чем-то заняться, должна работать, чтобы хоть немного отвлечься... Доктор Хейлер — он заведовал Рэйчестерской больницей, где я работала до замужества,— сказал, что будет рад, если я вернусь к ним. И я вернулась... Работала очень много, чтобы меньше времени оставалось для воспоминаний... Это было месяцев восемь назад. Доктор Хейлер завел речь об одном препарате, который удалось синтезировать его другу, и я предложила испробовать препарат. По его словам, препарат мог оказаться нужным и полезным... Мне очень хотелось принести хоть какую-то пользу с тех пор, как... И вот мне представился случай. Все равно, рано или поздно, кто-то должен был испробовать его. Словом, я подумала, что могу испытать его на себе — меня не очень волновали последствия...

— Что это был за препарат? — прервала меня врач.

— Он назывался «чюнджиатин», вы что-нибудь слышали о нем?

Она отрицательно качнула головой.

— Это наркотик,— объяснила я.— В натуральном виде его можно было получить из листьев дерева, растущего где-то на юге Венесуэлы. Случайно на него наткнулось племя индейцев. Несколько человек садились в круг и жевали листья. Потом они впадали в наркотический транс, который продолжался три-четыре дня. Во время транса они были совершенно беспомощны, поэтому за ними следили, как за младенцами. Так делалось всегда, потому что индейцы... По их преданиям, чюнджиатин освобождает дух от оков плоти, дает ему возможность свободно парить в пространстве и времени, и обязанность присматривающего за телом заключается в том, чтобы не дать другому блуждающему духу завладеть телом, пока его настоящий хозяин отсутствует. Когда бывший в трансе приходил в себя, он обычно рассказывал о своих «потусторонних» путешествиях и «чудесах», которые ему довелось увидеть. «Потустороннее» существование запоминалось во всех подробностях и было довольно... напряженным, насыщенным... Друг доктора Хейлера пробовал препарат на лабораторных животных, варьировал дозы, и, вероятно, препарат оказывал какое-то действие на нервную систему, но какое? Вызывал ли он наслаждение, боль, страх или, наоборот, отсутствие всего этого? Это мог рассказать только человек, и для этого я решила испробовать его на себе.

Я умолкла. Взглянула на их серьезные, озадаченные лица, потом на свою тушу в розовой хламиде.

— Оказалось, препарат создает странную комбинацию абсурда, гротескной символики и детализированной реальности...

Сидящие передо мной женщины были искренни и... по-своему честны. Они пришли сюда, чтобы выяснить причину аномалии... если сумеют.

— Понимаю,— проговорила «моя» врач.— Вы можете назвать нам точное время и дату этого... эксперимента?

Я назвала, и после этого было еще много, очень много вопросов.

Больше всего в этом «научном исследовании» меня раздражало почти полное игнорирование **моих** вопросов. Хотя, чем дальше, тем менее уверенно они себя чувствовали, на все мои вопросы или не отвечали вовсе, или — вскользь, уклончиво, с какой-то небрежной досадой. Лишь когда мне принесли столик с едой, они оставили меня в покое. Мне стало ужасно грустно, и я впала в какое-то тоскливое забытье...

Разбудили меня суетящиеся вокруг койки «карлицы», водрузили на «троллик» и выкатили из палаты, а потом из блока. Там нас ожидала розовая «скорая», точь-в-точь такая, на которой меня сюда привезли. Когда «троллик» вместе со мной закатили в машину, трое «карлиц» забрались туда, уселись на привинченные к полу стулья и тут же принялись о чем-то оживленно болтать вполголоса. Они так и проболтали всю дорогу, не обращая на меня никакого внимания.

Мы миновали большое скопление блочных строений, а мили через две въехали в парк через разукрашенные ворота. С одной стороны, он почти ничем не отличался от уже знакомой мне местности: те же аккуратные газоны, цветочные клумбы... Но здания здесь были другие, не блоки, а маленькие домики, различающиеся по своему строению. Место это вызвало странную реакцию у сопровождающих меня «карлиц» — они разом притихли и стали оглядываться вокруг в каком-то благоговейном страхе.

Шофер притормозил и, видимо, спросил у амазонки, везущей тележку с известкой, куда ехать дальше. Она ответила ему и улыбнулась мне через окошко. Мы немного попетляли между домиками и, наконец, остановились перед небольшим двухэтажным коттеджем.

Окончание следует.

Перевел с английского
Феликс САРНОВ.

На этот раз мы обошлись без «троллика». Ассистентки с помощью шофера вытащили меня из машины, поставили на ноги, и, поддерживаемая со всех сторон, я с трудом протиснулась в дверной проем и очутилась в красиво убранной комнате. Седая женщина в пурпурном шелковом платье сидела в кресле-качалке у камина. По морщинистому лицу и ладоням было видно, что ей уже немало лет, но смотрела она на меня живыми, внимательными, **нестарыми** глазами.

— Входите, моя дорогая,— приветливо сказала она неожиданно звонким голосом.

Она кивнула на кресло возле себя, но, взглянув на меня еще раз, с сомнением покачала головой:

— Наверное, вам будет удобнее на кровати.

Я взглянула на кровать с недоверием.

— Вы думаете, она выдержит? — спросила я.

— Полагаю, да,— ответила она, впрочем, не слишком уверенно.

Мои провожатые помогли мне взобраться на это ложе — лица у них при этом были озабоченные,— и, когда стало ясно, что кровать выдерживает мой вес (хотя она и заметно прогнулась), застыли возле меня, словно охраняя от кого-то. Седая женщина знаком велела им оставить нас и позвонила в маленький серебряный колокольчик. Крохотная фигурка — чуть больше метра ростом — показалась в дверях.

— Будьте добры, темный шерри, Милдред,— повелительно произнесла женщина.— Вы ведь выпьете шерри, дорогая? — обратилась она ко мне.

— Да... Да, конечно, благодарю вас ...— слегка растерялась я.— Простите, мисс.. или миссис?

— О, мне, конечно, следовало сначала представиться. Меня зовут Лаура. Вы же, насколько я знаю, Орчиз. Мама Орчиз, не так ли?

— Так они меня называют,— неохотно и с еле сдерживаемым отвращением сказала я.

Вошла крохотная горничная с серебряным подносом, на котором стояли полупрозрачный графин и два бокала. Горничная наполнила оба бокала, а пожилая дама переводила взгляд с нее на меня и обратно, словно сравнивая нас. Странное, не передаваемое словами выражение промелькнуло у нее на лице, и я решила сделать пробный шаг.

— Должно быть, это мадера? — кивнула я на бокалы.

Она изумленно вскинула брови, потом улыбнулась и кивнула с явным удовлетворением на лице.

— Что ж, кажется, вы одной-единственной фразой подтвердили правильность и целесообразность вашего визита сюда,— сказала она.

Горничная вышла, и мы обе потянулись к бокалам.

— И все же,— продолжала Лаура,— давайте-ка поподробнее все обсудим. Скажите, дорогая, они объяснили, почему направили вас ко мне?

— Нет.— Я отрицательно качнула головой.

— Потому что я историк,— сказала она.— А заниматься историей в наши дни позволено и доступно не каждому. Это своего рода привилегия, нас очень мало. К счастью, сейчас понимают что ни одной отрасли знаний нельзя дать отмереть окончательно, и все же некоторые из нас вызывают, м-мм, настороженность... политического характера.— Она неодобрительно усмехнулась.— Однако, когда нужно что-то выяснить, приходится обращаться к специалисту. Они что-нибудь говорили о диагнозе, который вам поставили?

Я опять помотала головой.

— Так я и думала. Это у них профессиональное, не так ли? Что ж, я передам вам все, что сказали мне по телефону из Дома материнства. Пожалуй, лучше всего начать именно с этого. Мне сообщили, что с вами беседовало несколько врачей, которых вы сильно заинтересовали, озадачили и, надо полагать, расстроили. Бедняги, ни у кого из них нет ни малейших исторических знаний, они ровным счетом... Словом, две из них убеждены, что у вас психическое заболевание — мания, шизофренический бред и так далее. Остальные склонны полагать, что с вами произошел гораздо более редкий случай — трансформация личности. Это действительно большая редкость. Известно всего три подобных зарегистрированных случая, но интересно, что два из них связаны с препаратом «чюнджиатин», а третий — с лекарством сходного происхождения. Итак, большинство из беседовавших с вами врачей сочли некоторые ваши ответы связными, последовательными, убедительными и полностью совпадающими с тремя уже известными случаями. Но, так как они не знают практически ничего, что выходит за рамки их профессии, очень многое в вашем случае выглядит.. С одной стороны, им трудно в это поверить, с другой — у них нет возможности **проверить.** Для этого им и нужно мое профессиональное мнение. Ваш бокал пуст, дорогая, позвольте, я налью вам еще.

— Трансформация личности,— задумчиво повторила я, подставляя бокал,— но если такое возможно...

— О, нет никаких сомнений в том, что в принципе это возможно. Те три случая, которые я упомянула, определены совершенно точно.

— Это очень похоже.. — вынуждена была согласиться я.— В каком-то смысле это действительно может быть... Но, с другой стороны, и элементы галлюцинации тут, безусловно, присутствуют. Скажем, вы — вы сами — кажетесь мне совершенно нормальной. Но взгляните на меня!.. И на свою маленькую служанку! Тут явный бред — иллюзия! Мне лишь **кажется,** что я — такая — нахожусь здесь и разговариваю с вами... Этого не может быть в действительности, а значит... Значит, где же я на самом деле?

— Я понимаю, и, быть может, лучше, чем кто бы то ни было, насколько нереальным вам кажется все **это.**

Она помолчала, задумчиво глядя на меня.

— Вы знаете, я, пожалуй, столкнулась сейчас с самым интересным случаем за всю мою довольно долгую жизнь.. В каком-то смысле мне повезло, но... я понимаю, дорогая, как вы сейчас воспринимаете то, что вас окружает,— повторила она.— Я провела столько времени среди книг, что это иногда кажется нереальным и мне... Скажите, дорогая, когда вы родились?

Я ответила.

— М-да... Георг Шестой, стало быть... Следующей, второй войны вы не... помните?

— Не помню,— подтвердила я.— Меня еще не было на свете.

— Но вы можете помнить коронацию следующего монарха. Кстати, кто это был?

— Елизавета... Елизавета Вторая. Моя мать водила меня смотреть,— сказала я.

— Вы что-нибудь запомнили из этого зрелища?

— Честно говоря, не очень много... Разве что... Целый день напролет шел дождь, а больше.. пожалуй, ничего существенного,— созналась я.

Мы еще немного побеседовали в таком духе, пока она, наконец, не улыбнулась, одобрительно кивая.

— Ну, что ж, теперь у меня не осталось ни капли сомнений. Я кое-что слышала об этой коронации... Великолепное, наверное, было зрелище в аббатстве...— Она помолчала и легонько вздохнула.— Вы были очень терпеливы и любезны со мной, дорогая, и, конечно, будет справедливо.. Теперь настала ваша очередь кое-что выслушать. Но боюсь, вам будет это... нелегко...

— Вряд ли меня может что-нибудь удивить после тех тридцати шести часов, которые я провела **здесь.**

— Сомневаюсь,— возразила она, не отводя от меня внимательных глаз.

— Скажите,— попросила я,— пожалуйста... объясните мне все... если можете!

— Ваш бокал, дорогая, разрешите, я налью вам еще.. И я скажу вам все.— Она наполнила оба бокала.— Что поразило и поражает вас больше всего? Из окружающей вас реальности?

— Но... этого так... много.— Я колебалась, не зная, с чего начать.

— Может быть, тот факт... то обстоятельство, что вы ни разу за все время не встретили здесь мужчину? — подсказала она.

Я постаралась вернуться к моменту моего «пробуждения». Вспомнила, как одна из «Мам» удивленно спросила: «Что значит — мужчина?»

— Пожалуй,— сказала я,— пожалуй, это — одно из самых...

Она медленно покачала головой.

— Их больше нет, дорогая. Ни одного. Нигде.

Я тупо уставилась на нее. Выражение ее лица было серьезным и участливым, даже... жалостливым. На нем не было ни тени притворства. Некоторое время я молча переваривала услышанное, пока, наконец, у меня не вырвалось:

— Но... Это **невозможно!!!** Ведь где-то должны быть... Вы же не можете... Как же вы тогда?.. То есть я хочу сказать!..

Она вздохнула.

— Я понимаю, это кажется вам невозможным, Джейн... Вы разрешите называть вас Джейн? Однако это действительно так. Я пожилая женщина, мне скоро будет восемьдесят, и за всю свою долгую жизнь я ни разу не видела мужчину... разве что на древних картинах и полуистлевших фотографиях. Пейте шерри, дорогая, вам станет лучше. Боюсь, я очень расстроила вас.— Она помолчала, давая мне время прийти в себя.— Я примерно представляю себе, что вы сейчас чувствуете. Видите ли, я знаю историю не только по книгам. Когда я была совсем девчонкой, мне довелось слышать множество историй от моей бабки. Тогда ей было что-то около восьмидесяти, но память у нее была хорошая, и рассказчица она была прекрасная. Я словно сама видела те... тот мир, о котором она говорила, те места... Но это было настолько **другим,** так чуждо... Так непохоже на все, что меня окружало... Мне было трудно понять ее... Когда она говорила о юноше, с которым была когда-то помолвлена, слезы струились из ее глаз. Она плакала, конечно, не из-за него, а из-за всего утраченного ею мира — мира ее юности. И даже тогда мне было непонятно, что она испытывала. Да и как я могла понять? Но теперь, когда я сама стала старой и так много прочла, я могу приблизительно представить, что она должна была чувствовать, вспоминая о былом. Скажите, дорогая...— Она взглянула на меня с острым любопытством.— А вы... вы тоже были помолвлены?

— Я была замужем... очень недолго.

Она задумалась.

— Должно быть, это очень странное чувство, чувствовать себя чьей-то собственностью.

— Собственностью?! — изумленно переспросила я.

— Собственностью своего, м-мм, мужа,— пояснила она.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

— Но.. это было... совсем не так...— пробормотала я,— это было... Но что случилось? Что могло случиться с ними со **всеми?**

— Они все умерли,— спокойно сказала она.— Заболели и умерли. Никто не мог ничего поделать — они исчезли, всего за год... даже чуть меньше года — не осталось ни одного, за исключением, быть может, нескольких на всей планете.

— Но тогда... тогда все должно было пойти прахом!

— О, да. Сначала почти так и было — было... очень скверно. Начался голод. Замерла вся промышленность, и лишь в менее развитых странах, преимущественно аграрных, женщины сумели научиться кое-как обрабатывать землю и тем самым уберечь себя и своих детей от голодной смерти. Почти все цивилизованные центры, скопления городов превратились в пепелища... Перестал существовать транспорт: кончилась нефть, некому было добывать уголь... Когда наступил кризис, оказалось, что лишь ничтожное количество женщин, которых было больше, чем мужчин, способно заниматься какой-то серьезной работой.

Но кризис был неизбежен. Случись это пятьюдесятью годами раньше, мы были бы обречены на неминуемую гибель. Пятьюдесятью годами позже — тоже могло оказаться роковым — к этому времени **все** без исключения женщины могли превратиться в домашних... полуживотных. Но, к счастью, в середине двадцатого столетия некоторые женщины владели определенными профессиями и, что оказалось важнее всего при сложившихся обстоятельствах, были среди них и **медики.** Пожалуй, не будь этого, мы не сумели бы выжить... Я сама не очень разбираюсь в медицине,

(научно-фантастическая повесть)

"Избери путь её..."

Джон УИНДЕМ

Окончание. Начало в № 14.

поэтому вряд ли сумею объяснить вам, как это было достигнуто. Все, что я могу сказать... Словом, стали проводиться интенсивные научные исследования в той области, которая вам, вероятно, знакома больше, чем мне. Все виды существ, и наш в том числе, стремятся выжить, и доктора прежде всего должны были во что бы то ни стало сохранить это стремление. Несмотря на голод, хаос и разруху, дети должны были рождаться. Восстановление цивилизации, ее возрождение могли подождать: главное было — **продолжение рода.** И эта проблема была решена — дети стали рождаться: младенцы женского пола выживали, мужского — умирали. Таким образом, производить на свет мальчиков стало пустой тратой времени, и было сделано так, что стали рождаться лишь девочки. Вы, я вижу, хотите спросить: как? Но тут, дорогая, мы опять вторгаемся в область, которая вам ближе и понятнее. Вообще-то, как мне говорили, на самом деле это гораздо проще, чем кажется. Ведь, скажем, саранча способна производить женское потомство без мужских особей, кажется, до восьми поколений, а может, и дальше. Было бы странно, если бы мы, со всеми нашими знаниями и разумом, оказались беспомощнее саранчи, не правда ли?

Она смотрела на меня выжидающе. Судя по выражению ее лица, она ожидала восхищения... или, по крайней мере, изумления. Если я не ошиблась, то моя реакция должна была разочаровать ее: после того, как ядерная физика наглядно продемонстрировала, чего может достичь наука, вряд ли стоило удивляться каким-то **техническим** достижениям цивилизации. В принципе возможно **все** — другое дело, нужно ли это, может ли это принести какую-нибудь пользу, то есть реальное движение **вперед**...

— Чего же в результате вы добились? — спросила я.

— Мы выжили,— коротко ответила она.

— Биологически да,— согласилась я.— С этим я не спорю. Но если за это пришлось заплатить... Если это стоило вам **всего**... Если любовь, искусство, поэзия, физические наслаждения — все было принесено в жертву продолжения рода, зачем тогда нужно это самое продолжение?

— Вряд ли я смогу вам что-нибудь ответить,— пожала она плечами,— разве что высказать общеизвестную истину: это — общее и главное стремление **любого** вида. Но я убеждена, что и в двадцатом веке ясности в этом вопросе было не больше, чем теперь. Кроме того, почему вы считаете, что все остальное исчезло? Разве поэзия Сафо не поэзия? А ваше самонадеянное утверждение, будто обладание душой зиждется на разнице полов, удивляет меня: ведь так очевидно, что двое **разных** неизбежно находятся в противоборстве, в различного рода конфликтах. Вы не согласны, дорогая?

— Как историк, изучавший мужчин, женщин и движущие силы тех или иных процессов, вы должны были сейчас лучше понять, о чем я говорила.

Она досадливо поморщилась.

— Вы — дитя своего века, моя дорогая,— произнесла она слегка снисходительным тоном.— Вам постоянно внушалось, что земля вертится лишь благодаря сексу, принявшему с развитием цивилизации форму Романтизма. И вы в это верите. Вас обманули, дорогая, обманули жестоко. Ваши интересы, весь кругозор свели к тому, что было необходимо, удобно и безвредно для развития существовавшей тогда экономики.

— Я не могу с вами согласиться,— покачала я головой,— конечно... кое-что вам известно о моем мире, но... извне — со стороны. Вы не можете понять, не в состоянии почувствовать!.. Что, по-вашему, тогда движет всем? Из-за чего, по-вашему, земля вертится?

— Это очень просто, дорогая. Стремление к власти. Оно заложено в нас с первого дня существования — и в мужчинах, и в женщинах одинаково. И это гораздо сильнее, чем секс, я же говорила вам — вас жестоко обманывали, «подгоняли» под удобную в то время систему экономики. С появлением вируса, уничтожившего мужчин, впервые за всю историю человечества женщины перестали быть эксплуатируемым классом. Когда ими перестали править мужчины, они начали понимать свое истинное назначение, понимать — в чьих руках должна находиться сила и власть. Мужская особь нужна лишь благодаря **одной** своей функции — выполнив ее, весь остаток дней своих эта особь проводит в бессмысленной, ненужной и вредной для общества паразитической жизни. Когда они лишились своей власти, попросту исчезли, эта функция оказалась в руках медиков. Прошло не больше двух десятилетий, и они стали контролировать **все**. К ним примкнули немногие женщины, владеющие другими профессиями: инженеры, архитекторы, юристы, некоторые учителя и так далее, но только у врачей была настоящая власть, ибо они обладали **главным** — секретом жизни, дорогая... Секретом продолжения рода. Будущее было в их руках, и, когда жизнь потихоньку начала входить в русло, они превратились в доминирующий класс — **Докторат.** Отныне Докторат стал олицетворением высшей власти — он издавал законы и следил за их неукоснительным исполнением... Разумеется, не обошлось без оппозиции. Память о прошлом и два десятилетия полной анархии не прошли даром. Но в руках врачей было мощное средство повиновения: каждая женщина, желавшая иметь детей, была вынуждена обращаться к ним и принимать все их условия, то есть занять то место в обществе, которое ей предназначалось. Анархия кончилась, порядок был восстановлен. Правда, позже возникла более организованная оппозиция — целая **партия,** утверждающая, что вирус, поразивший мужскую половину населения, исчез, и прежнее положение вещей может и должно быть восстановлено. Их называли Реакционистками, и они представляли собой определенную угрозу зарождавшейся **новой** форме жизни, новой **системе.**

Почти все члены Совета Докторов хорошо помнили те времена, когда беспощадно эксплуатировалась женская слабость и беспомощность,— времена наивысшего «расцвета» их бессмысленного и жалкого прозябания. И, естественно, они не имели никакого желания вновь разделить власть и авторитет с существами, которых считали биологически ниже себя. Да и с какой стати, если они **доказали** свое биологическое превосходство? Они отказались сделать хотя бы шаг, ведущий к разрушению нового порядка, новой системы. Реакционистки были объявлены вне закона... Но этой меры оказалось недостаточно. Вскоре стало ясно, что таким способом можно лишь устранить **следствие,** а не причину. В Совете поняли, что в их руках оказалась крайне нестабильная система — система, способная к выживанию, но по сути своей структуры мало чем отличающаяся от прежней — той, что потерпела крах. Нельзя было идти по проторенной дорожке — чем дальше, тем больше недовольства это вызвало бы у определенной части людей. Поэтому, если Докторат хотел остаться у власти, нужно было придумать и создать какую-то совершенно новую форму существования, новую структуру общества. При создании этой новой структуры необходимо было учитывать настроения малообразованных и некультурных представительниц женского пола — такие их свойства, как, скажем, стремление к социальной иерархии, почитание неестественных, надуманных социальных барьеров. Вы не можете не согласиться, дорогая, что в ваше время любая, прошу прощения, дура, чей муж занимал высокое социальное положение, вызывала почитание и зависть всех остальных женщин, хотя и оставалась той же самой дурой. Точно так же и любое сборище незамужних, «свободных» женщин немедленно вызывало общественное порицание, социальную дискриминацию. Все это разъедало женские души, более того, процесс был практически необратим, и следовало учитывать это извечное женское стремление к безопасности, к силе, за которую можно укрыться. Не менее важным фактором, который невозможно было обойти, оставалась способность и стремление к самопожертвованию, проще говоря, к рабству, в той или иной форме. В сущности, мы ведь очень привязчивы по своей природе. Большинство из нас внутренне цепляется за привычные, когда-то установленные нормы, страшится отойти от них хоть на шаг, какими бы уродливыми эти нормы ни выглядели со стороны. Вся трудность управления нами заключается в создании каких-то незыблемых привычных стандартов. Поэтому для того, чтобы создаваемая заново социальная структура могла успешно развиваться, в расчет должны были приниматься стремления **всех** слоев населения. Были предприняты исследования различных вариантов тех или иных социальных структур, но в течение нескольких лет пришлось забраковать все предлагаемые проекты, по разным причинам они не устраивали ту или иную категорию женщин. Структура, которая, наконец, была избрана и устраивала практически всех, родилась на основе Библии, очень популярной и почитаемой в то время. Дословно я, конечно, не помню, но... приблизительно это изречение звучало так: «Ступай к пчеле, ленивец, и избери путь ее!..» Совет Доктората последовал этому изречению, и структура, возникшая в результате этого, оказалась экономичной и удобной для всех категорий. В основе ее лежит разделение всего общества на четыре класса, причем, разделение это таково, что малейшее межклассовое проникновение и изменение исключено: слишком велико различие... Итак, у нас есть Докторат — наиболее образованный, **первый** класс, более пятидесяти процентов которого — медики. Далее — Мамы, затем — Обслуга, превосходящая по количеству другие классы, и, наконец, Работницы — физически развитые, сильные, выполняющие самую тяжелую работу. Все три низших класса почитают авторитет Доктората. Представительницы двух последних классов с трогательным благоговением относятся к Мамам. Обслуга считает свои функции более престижными, чем функции Работниц. Те, в свою очередь, относятся к Обслуге добродушно-снисходительно... Итак, как видите, было достигнуто равновесие. Не все, конечно, шло гладко, были свои трудности, но в целом система себя оправдала. Постепенно вносились необходимые поправки, система совершенствовалась — вскоре, например, стало ясно, что без некоторого внутриклассового разделения Обслуги не обойтись. Потом кто-то догадался снабдить Полицейских чуть большим интеллектом, чтобы они немного отличались от обычных Работниц...

Пока она увлеченно пересказывала эти детали, я все отчетливее сознавала абсурдность, чудовищную аномалию всей системы в целом... И ее странную схожесть с...

— Пчелы!— неожиданно вырвалось у меня.— Улей!.. Вы же взяли за основу **пчелиный улей!**

— Почему бы и нет,— удивленно пожала она плечами.— Это одна из самых совершенных и разумных структур, которую когда-либо создавала природа. Конечно, допустимы некоторые вариации, но в целом...

— Вы... Не хотите ли вы сказать, что только Мамы могут иметь детей?

— Нет, конечно. Члены Доктората тоже могут, если пожелают.

— Но... Как происходит градация?..

— Все решает Совет Доктората. В клиниках врачи исследуют новорожденных и определяют их принадлежность к тому или иному классу. После этого они, естественно, помещаются в соответствующие данному классу условия — разное питание, тренинг, гормональное развитие — все под контролем.

— Но зачем?!— вырвалось у меня непроизвольно.— Для чего?! Какой в этом смысл?.. Зачем жить... существовать **так?!**

— В чем же, по-вашему, заключается смысл существования?— спокойно спросила она.

— Мы живем, чтобы любить! Любить и быть любимыми... Рожать детей, чтобы любить их, рожать от тех, кого мы любим!

— Вы опять рассуждаете, как дитя своей эпохи, наводите глянец на обыкновенные животные инстинкты. Но ведь мы стоим на ступень выше животных, и тут вряд ли вы будете со мной спорить.

— Тут — нет, но...

— Вы говорите «Любить». Но что вы можете знать о любви матери и дочери, любви, в которую не вмешивается мужчина, не привносит ревности и боли? Разве не трогательна любовь девушки к своим маленьким сестрам?

— Вы не понимаете...— с тоской прошептала я.— Как вы можете понять любовь, живущую в самом сердце, определяющую все ваше существование!.. Любовь, которая везде, во всем!.. Она... она может ранить, приносить страдания, но она может сделать вас счастливее всех на свете!.. Она может превратить пустырь в цветущий сад, простые слова сделать музыкой! Нет, вам не понять... ведь вы не знаете... не можете... Господи, Дональд, родной, как мне рассказать ей о том, что она не может даже представить!..

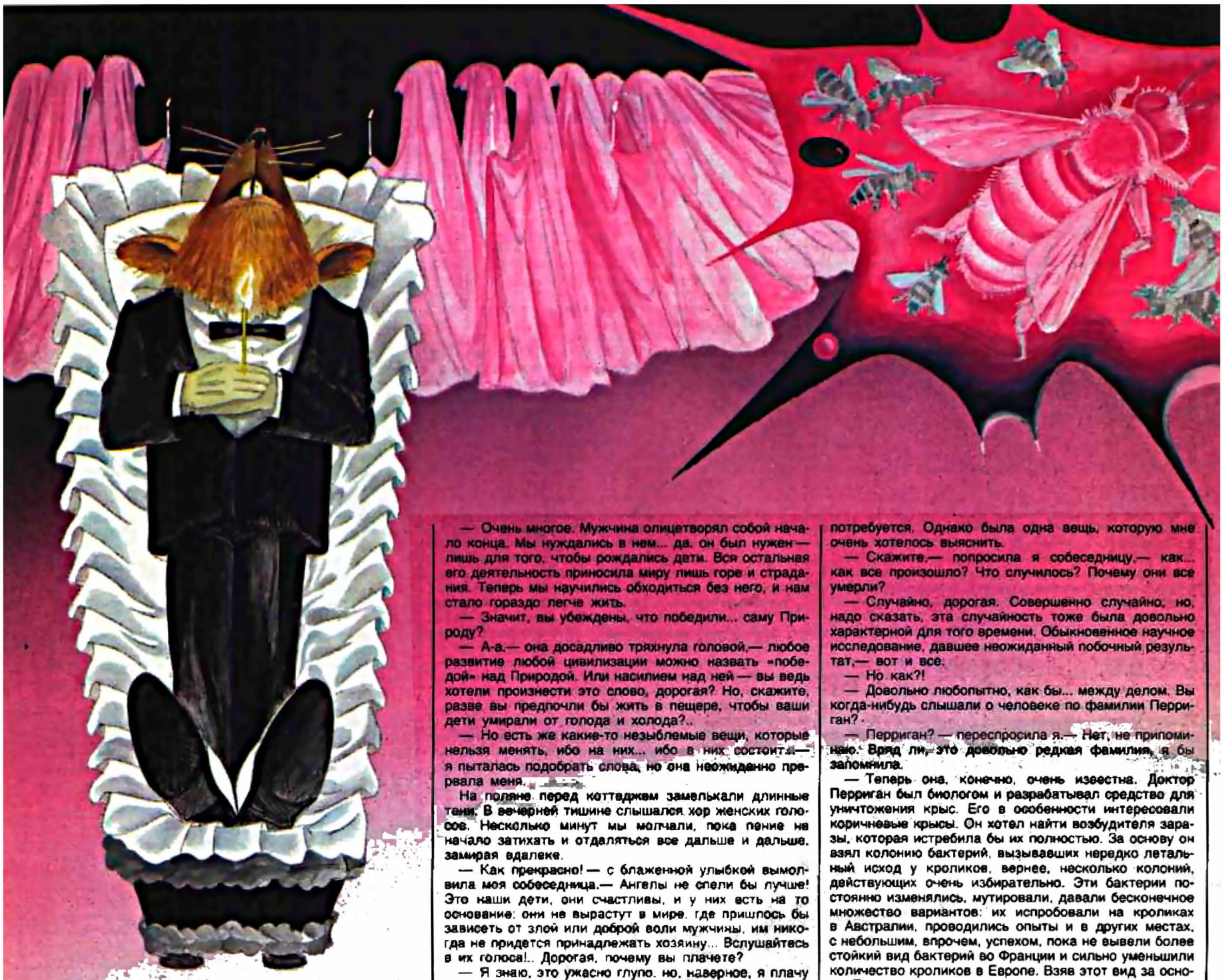
Возникла неловкая пауза. Наконец она проговорила:

— Ваша реакция женщины той эпохи сейчас вполне естественна. Но постарайтесь понять и нас: стоило ли отказываться от нашей свободы, от нашего Возрождения и вновь вызвать к жизни тех, кто превращал нас в полуживотных?

— Как вы не можете понять!.. Только самые малоразвитые мужчины и женщины, самые тупые, лишенные интеллекта, «воевали» друг с другом. В основном мы были любящими парами, из которых и состояло наше общество.

— Моя дорогая,— улыбнулась она,— вы или поразительно мало знаете о собственном мире, или... Словом, те «тупые», о которых вы говорите, представляли собой подавляющее большинство. Ни как историк, ни как женщина, я не могу согласиться с тем, что мы должны были вновь воскресить, реанимировать прошлое. Примитивная стадия нашего развития навсегда канула в Вечность, и настала **новая эра** в цивилизации. Женщина, венец и основа всей жизни, была какое-то время вынуждена искать мужчину для продолжения рода. Но время это кончилось. А вы, дорогая, хотели бы вновь восстановить этот бессмысленный и опасный процесс исключительно для сохранения сентиментальной шелухи? Не буду скрывать, что кое-какие из второстепенных, м-мм, удобств мы утратили... Вы, наверное, вскоре заметите, что мы менее изобретательны в механике и лишь скопировали то, что давно было изобретено мужчинами. Но нас это мало беспокоит, так как мы занимаемся в основном биологией и всем, что с ней связано. Возможно, мужчины научили бы нас передвигаться в два раза быстрее, или летать на Луну, или искусно и массово истреблять друг друга, но за знания подобного рода не стоит платить возвратом к рабству. Нет, наш мир нам нравится (за исключением ничтожного числа Реакционисток)... Вы видели Обслугу — они немного суетливы, но разве среди них есть печальные, горестные лица? А Работницы, которых вы называете амазонками,— разве они не пышут здоровьем, красотой, радостью и силой?

— Но ведь вы их обкрадываете! Вы украли у них право иметь детей!..



— Очень многое. Мужчина олицетворял собой начало конца. Мы нуждались в нем... да, он был нужен — лишь для того, чтобы рождались дети. Вся остальная его деятельность приносила миру лишь горе и страдания. Теперь мы научились обходиться без него, и нам стало гораздо легче жить.

— Значит, вы убеждены, что победили... саму Природу?

— А-а,— она досадливо тряхнула головой,— любое развитие любой цивилизации можно назвать «победой» над Природой. Или насилием над ней — вы ведь хотели произнести это слово, дорогая? Но, скажите, разве вы предпочли бы жить в пещере, чтобы ваши дети умирали от голода и холода?..

— Но есть же какие-то незыблемые вещи, которые нельзя менять, ибо на них... ибо в них состоит...— я пыталась подобрать слова, но она неожиданно прервала меня.

На поляне перед коттеджем замелькали длинные тени. В вечерней тишине слышался хор женских голосов. Несколько минут мы молчали, пока пение не начало затихать и отдаляться все дальше и дальше, замирая вдалеке.

— Как прекрасно! — с блаженной улыбкой вымолвила моя собеседница.— Ангелы не спели бы лучше! Это наши дети, они счастливы, и у них есть на то основание: они не вырастут в мире, где пришлось бы зависеть от злой или доброй воли мужчины, им никогда не придется принадлежать хозяину... Вслушайтесь в их голоса!.. Дорогая, почему вы плачете?

— Я знаю, это ужасно глупо, но, наверное, я плачу обо всем, что вы... утратили бы, окажись это явью,— сквозь слезы пробормотала я.— Вам никогда не встречались такие строки:

Чтобы любовь была нам дорога,
Пусть океаном будет час разлуки,
Пусть двое, выходя на берега,
Один к другому простирают руки... *

Неужели вы не чувствуете пустоту вашего мира? Неужели действительно не понимаете?..

— Я знаю, дорогая, вы еще очень мало знакомы с нашей жизнью, но пора уже осознать, что можно создать прекрасный мир, в котором женщинам не надо драться между собой за крохи мужского внимания...— возразила она.

Мы говорили и говорили, пока за окном не стало совсем темно.

Она действительно много читала. Некоторые «куски» прошлого, даже целые эпохи, она знала блестяще, кое-что из сказанного мною принимала с удивлением и признательностью, но ее взгляд на жизнь и общество был непоколебим. Она не чувствовала бесплодности этой жизни. Я для нее была лишь «продуктом эпохи Романтизма».

— Вы не можете отбросить от себя шелуху древних мифов,— продолжила она.— Вы рассуждаете о «полной» жизни и за образец берете несчастную женщину, связанную по рукам и ногам брачными цепями в собственном доме-клетке. И это, по-вашему, полная жизнь! Чушь, дорогая! Ее обманывали, внушая, что она живет полной жизнью, обманывали, потому что это было выгодно мужчинам. Действительно, полная жизнь была бы очень короткой в любой форме вашего общества.

И прочее... и прочее... и прочее...

Вскоре появилась маленькая горничная и сказала, что мои ассистентки готовы меня забрать, как только потребуется. Однако была одна вещь, которую мне очень хотелось выяснить.

— Скажите,— попросила я собеседницу,— как... как все произошло? Что случилось? Почему они все умерли?

— Случайно, дорогая. Совершенно случайно, но, надо сказать, эта случайность тоже была довольно характерной для того времени. Обыкновенное научное исследование, давшее неожиданный побочный результат,— вот и все.

— Но как?!

— Довольно любопытно, как бы... между делом. Вы когда-нибудь слышали о человеке по фамилии Перриган?

— Перриган? — переспросила я.— Нет, не припоминаю. Вряд ли, это довольно редкая фамилия, я бы запомнила.

— Теперь она, конечно, очень известна. Доктор Перриган был биологом и разрабатывал средство для уничтожения крыс. Его в особенности интересовали коричневые крысы. Он хотел найти возбудителя заразы, которая истребила бы их полностью. За основу он взял колонию бактерий, вызывавших нередко летальный исход у кроликов, вернее, несколько колоний, действующих очень избирательно. Эти бактерии постоянно изменялись, мутировали, давали бесконечное множество вариантов: их испробовали на кроликах в Австралии, проводились опыты и в других местах, с небольшим, впрочем, успехом, пока не вывели более стойкий вид бактерий во Франции и сильно уменьшили количество кроликов в Европе. Взяв этот вид за основу, Перриган искусственно спровоцировал новую мутацию, и ему удалось создать бактерию, поражающую крыс. Он продолжал работу, пока не вывел род бактерий, поражавших только коричневых крыс. Свою задачу он выполнил. Проблема коричневых крыс была решена. Но дальше... произошло нечто непредвиденное: какой-то вид этих бактерий оказался гибельным для человека. Но, к сожалению, все обнаружилось слишком поздно. Когда этот вид оказался «на свободе», он стал распространяться со страшной скоростью, слишком большой, чтобы можно было предпринять какие-то эффективные меры защиты. Женщины оказались неподверженными этой болезни, а из мужчин чудом уцелело лишь несколько. Случайно уцелевшие были помещены в стерилизованные условия, но... Они не могли жить так вечно. В конце концов и эти несколько погибли.

У меня сразу возникло множество чисто профессиональных вопросов, но стоило мне задать первый, как она покачала головой:

— Боюсь, я ничем не смогу вам помочь, дорогая. Может быть, медики сочтут нужным рассказать поподробней.

По выражению ее лица я поняла, что она сильно в этом сомневается.

— Я понимаю. Просто несчастный случай... Другого объяснения не вижу... Разве что...

— Разве что рассматривать это как вторжение свыше.

— Вам не кажется, что это походит на святотатство? — помолчав, спросила я.

— Я просто подумала о Первородном грехе и о возможном его искоренении.

На это трудно было сразу ответить, и я лишь спросила:

— Вы можете сказать мне искренно, без притворства?.. Можете поклясться, что вам не кажется, будто живете вы в каком-то жутком кошмаре?.. В страшном сне? Вы никогда не ощущали ничего подобного?

— Никогда! — твердо и без колебаний ответила

— Не стоит заниматься демагогией, моя дорогая. Разве ваша социальная система «не обкрадывала» точно так же незамужних женщин? И вы не только давали им это чувствовать и знать, вы создали на этом всю структуру общества. У нас же иначе. Работницы и Обслуга просто не знают, и их нисколько не гнетет чувство неполноценности. Материнство — функция Мам, и это для всех естественно.

— Вы же обокрали их! Каждая женщина имеет право любить!

Впервые за время нашей беседы я почувствовала ее раздражение.

— Вы продолжаете мыслить категориями своей эпохи,— довольно резко оборвала она меня.— Любовь, о которой вы говорите, существует исключительно в вашем воображении — ее придумали! Вам никогда не приходилось взглянуть на этот вопрос с другой стороны? Ведь вас, лично вас, никогда открыто не продавали и не покупали как вещь. Вам никогда не приходилось продавать себя первому встречному просто для того, чтобы прокормиться. Вам не приходит в голову поставить себя на место одной из тех несчастных, которые на протяжении веков корчились в агонии, подыхали, насилуемые завоевателями, а то и сжигали сами себя, чтобы избегнуть подобной страшной участи? Или тех, кого заживо хоронили с усопшим супругом... Или тех, кто всю жизнь томился в гаремах... Вот она — изнанка Романтизма. И так продолжалось из века в век, но больше никогда не повторится, это кончилось, однажды и насовсем. А вы пытаетесь меня убедить в том, что нам следовало бы вернуться к прошлому — выстрадать все заново...

— Но большинство из того, о чем вы сейчас говорили, было прошлым и для нас...— попыталась я возразить,— мир становился все лучше...

— Вы полагаете? — усмехнулась она.— Может быть, наоборот — мир стоял на заре нового всплеска варварства и вандализма?

— Если от зла можно избавиться, отбросив с ним все добро, то что же остается? Что осталось?

---

* В. Шекспир. Сонет 56. Перевод С. Маршака. *Прим. переводчика.*

она.— Кошмар... страшный сон — все это было, но теперь кончилось! Вслушайтесь!

До нас донеслись из парка поющие женские голоса. Теперь хор сопровождался оркестром... Голоса были мелодичны и красивы... Ни капли грусти, уныния — они звучали бодро, жизнерадостно, но... Бедняжки, как они могли понять!..

В комнату вошли мои ассистентки и помогли подняться на ноги. Я поблагодарила свою собеседницу за ее доброту и терпение. Она покачала головой и улыбнулась.

— Дорогая моя, это я у вас в долгу. За короткое время я столько узнала о жизни женщины в смешанном обществе, сколько не почерпнула бы из всех книг, которые мне суждено еще прочесть. Я надеюсь, дорогая, что врачи найдут способ помочь вам забыть все и жить счастливой, нормальной жизнью здесь, с нами.

Я медленно двинулась к выходу, поддерживаемая «карлицами». У двери я обернулась.

— Лаура! Многое из того, что вы говорили,— правда, но в целом... Вы даже не можете себе представить, как вы неправы! Скажите, вы ведь много читали. Разве никогда... в юности... вы не мечтали о Ромео?

— Нет, дорогая. Хотя я читала пьесу. Миленькая, забавная сказка. Кстати, я хотела бы знать, сколько мук принесла эта сказка несостоявшимся Джульеттам? Вы позволите, Джейн, теперь мне задать вопрос? Вы когда-нибудь видели серию картин Гойи, которая называется «Ужасы войны»?..

Розовая «скорая» привезла меня к блоку, напоминающему больше больницу, чем «Дом Материнства». В палате была всего одна койка, на которую меня и водрузили.

На следующее утро после обильного завтрака меня посетили трое незнакомых врачей. Примерно полчаса мы болтали о самых разных вещах. Стало ясно, что они осведомлены о содержании моего разговора с пожилой дамой и не прочь ответить на некоторые мои вопросы. Реплики с моей стороны вызвали у них восхищение, но к концу разговора настроение резко изменилось. Одна из них, с видом человека, приступившего к своим основным обязанностям, сказала:

— Вы поставили нас перед довольно сложной задачей. Ваши... гхм... соседки-Мамы, конечно, не очень восприимчивы к реакционистским взглядам... Хотя за довольно короткий срок вы сумели вызвать у них массу отрицательных эмоций... Но на представительниц иных классов вы можете оказать довольно сильное и, без всяких сомнений, вредное влияние. Дело не в ваших словах, а в самом вашем существовании. В этом нет вашей вины, но мы, честно говоря, не представляем, как женщина с вашим умом и образованием может приспособиться к примитивному и бездумному образу жизни Мамы. Вы этого просто не вынесете. Более того, условия вашего общества породили непреодолимый барьер в вашем восприятии и понимании нашей системы, так что рассчитывать на понимание и адаптацию не приходится. Это очевидно.

Как я могла спорить с ними? Перспектива провести остаток своих дней, завернутой в розовое одеяние, надушенной, убаюкиваемой сладкой музыкой и с регулируемыми интервалами производящей на свет выводок дочерей... такая перспектива неизбежно свела бы меня с ума в самый короткий срок.

— И что же теперь делать? — спросила я.— Вы можете довести эту... это тело до нормальных размеров?

— Вряд ли,— она с сомнением покачала головой.— Мы с этим никогда не сталкивались... Впрочем, даже если это возможно, вы вряд ли сумели бы адаптироваться в Докторате, и ваше реакционистское влияние стало бы представлять большую опасность.

— Что же теперь делать?

— Единственный выход, единственное, что мы можем вам предложить, это гипнотический курс, стирающий память. С вашего согласия, разумеется.

Когда до меня дошел смысл сказанного, я с трудом подавила приступ панического ужаса. «В конце концов,— твердила я себе,— все, ими сказанное, не выходит за рамки логики. Я должна успокоиться и постараться взглянуть на все со стороны...» Тем не менее прошло несколько минут, прежде чем я смогла подобрать слова для ответа...

— Вы предлагаете мне добровольное самоубийство,— сказала я.— Моя память — мой мозг, это... я сама. Утратив память, я исчезну, погибну точно так же, как если бы вы убили это... это тело.

Они молчали. Да и что они могли возразить?

Жить стоило только ради одной вещи... Жить и помнить, что ты любил меня, Дональд! И ты будешь жить во мне, пока я жива, пока помню тебя!.. Если же ты исчезнешь из моей памяти, ты... снова умрешь, снова и навсегда!

— Нет! — крикнула я.— Вы слышите? Нет! Не-е-ет!

В течение дня меня никто не беспокоил, кроме ассистенток, сгибавшихся под тяжестью подносов с едой. Когда они уходили и я оставалась одна, наедине со своими мыслями, мне было очень невесело в этой «компании».

— Честно говоря,— сказала мне одна из врачей во время утреннего разговора,— мы просто не видим другого выхода.— Она смотрела на меня с участием, и в ее тоне звучала жалость.— За все истекшее время после Великой Перемены ежегодная статистика психических срывов представляла для нас, пожалуй, самую серьезную проблему. Хотя женщины заняты работой, при этой полной занятости очень многие не выдерживали, не сумев адаптироваться. В вашем же случае... Мы даже не можем предложить вам какое-нибудь дело.

Я понимала, что она говорит правду. И я знала, что если вся эта галлюцинация, все больше становившаяся реальностью, каким-то образом не прекратится, я буду в ловушке...

Весь бесконечно длинный день и всю последующую ночь я изо всех сил старалась вернуть себе ощущение отстраненности, которого мне удалось добиться в самом начале этого кошмара. Но у меня ничего не получалось. Логическая последовательность всего происходящего была незыблема... Ни одной бреши в цепи всех случившихся со мной событий.

Когда истекли двадцать четыре часа, данные мне на размышление, меня вновь посетило то же «трио».

— Мне кажется, я теперь лучше понимаю смысл вашего предложения. Вы предлагаете легкое и безболезненное забвение вместо тяжелого психического срыва и другого выхода не видите.

— Не видим,— подтвердила одна из них, а две другие молча кивнули.— Конечно, гипнотический курс невозможен без вашего добровольного участия.

— Я понимаю, что при сложившихся обстоятельствах было бы крайне неразумно с моей стороны отказаться от этого курса. И потому я... Да, я согласна, но при одном-единственном условии.

Они уставились на меня с немым вопросом.

— Перед курсом гипноза вы должны испробовать другой курс. Я хочу, чтобы мне сделали инъекцию «чюнджиатина». Я хочу, чтобы она была точь-в-точь такая же, какую я получила там. Я могу точно назвать дозу... Видите ли, независимо от того, что со мной произошло — сильная ли это галлюцинация, или же нечто вроде «проекции подсознания», дающее сходный эффект, словом, неважно что, но это явно связано с названным препаратом. В этом я абсолютно уверена. Поэтому и подумала: если попытаться повторить все условия... Или убедить себя в том, что они повторены?.. Может быть, появится хоть какой-то шанс на... Я... Я не знаю. Наверное, это звучит глупо, но... Даже

Рисунки Игоря ПИЛИШЕНКО

если из этого ничего не выйдет, хуже не будет, хуже, чем теперь... для меня! Итак, вы... дадите мне этот шанс?

Совещались они недолго — несколько секунд торопливых реплик. Наконец, одна из них сказала:

— В конце концов почему бы и нет?..

— Думаю, никаких затруднений с санкцией на инъекцию в Докторате не будет,— кивнула другая.— Если вы хотите попробовать, то... Будет даже справедливо дать вам этот шанс. Но... на вашем месте я бы не очень на него рассчитывала...

Приблизительно в полдень полдюжины карлиц принялись лихорадочно убирать, мыть, чистить всю палату. Потом появилась еще одна, еле-еле возвышающаяся над «тролликом» с бутылочками, флаконами, колбами, который подкатили к моей кровати.

Появилось знакомое трио врачей. Одна из карлиц принялась закатывать мне рукава. Врач окинула меня добрым, участливым, но очень серьезным взглядом.

— Вы отдаете себе отчет в том, что это игра втемную?

— Отдаю. Но это мой единственный шанс. И я хочу его использовать,— твердо ответила я.

Она кивнула, взяла в руки шприц и наполнила его жидкостью из колбы, пока одна из карлиц протирала чем-то душистым мою окорокообразную ручищу. Подойдя вплотную ко мне со шприцем в руке, она остановилась в нерешительности.

— Не бойтесь,— попыталась я улыбнуться,— в любом случае здесь мне нечего терять.

Она молча кивнула, и я почувствовала, как игла вошла в вену...

Все изложенное выше я написала с определенной целью. Эти записи будут храниться в моем банковском сейфе до тех пор, пока не возникнут обстоятельства, могущие кое-что прояснить.

Я никому и никогда об этом не рассказывала. Весь отчет об эффекте «чонджиатина» — отчет для доктора Хейлера, где я описываю свои ощущения просто как «свободное парение» в пространстве — выдуман от начала до конца. Подлинный отчет о том, что мне довелось испытать, изложен мною здесь, выше.

Я скрыла истину, потому что, придя в себя и очутившись в своем настоящем теле, в своем настоящем мире, я не забыла ни одной подробности, ни одной малейшей детали из того, что довелось увидеть там. Все подробности помнились столь явственно, что я просто не могла от этого избавиться и выкинуть их из сознания. Это мучило меня, не оставляло в покое ни на секунду...

Я не решилась поделиться с доктором Хейлером своей тревогой... Он назначил мне курс лечения, только и всего.

Итак, до поры до времени я оставляю записи при себе.

Прокручивая в уме отдельные «куски» из всего случившегося, я все больше корю себя за то, что не спросила свою пожилую собеседницу о каких-то датах, именах... словом, о подробностях, которые можно было проверить и сравнить... Если бы, допустим, «Великая Перемена» началась два-три года назад (от момента моего эксперимента), тогда все страхи развеялись бы, так как обнаружилось бы явное несоответствие. Но, к сожалению, мне и в голову не пришло спросить об этом... Чем больше я думала обо всем, тем больше мне казалось, что одна такая деталь... Я вспомнила, что есть одна вещь, один «кусочек» информации оттуда, который можно проверить здесь. Я навела справки, и... Лучше бы я этого не делала. Но я должна была...

Итак, я выяснила:

Доктор Перриган существует. Он биолог и занимается экспериментами над кроликами и крысами..

Он довольно известен в своей среде, опубликовал ряд статей и научных работ о различного рода бактериях. Ни для кого не секрет, что он занимается выведением новой колонии бактерий, предназначенной для избирательного истребления грызунов-вредителей, а именно коричневых крыс. В настоящее время он уже добился определенного успеха, вывел особый, до сих пор неизвестный вид, даже дал ему название — «мукосимборус», хотя не сумел пока обеспечить его стабильность и достаточную избирательную направленность действия, поэтому и не запустил вирус в «широкое производство»...

И, наконец, еще одно, последнее звено: я никогда не слышала об этом человеке и не подозревала о его существовании, пока пожилая дама в «моей галлюцинации» не произнесла его имени...

Я вновь и вновь пыталась сформулировать, что, в сущности, со мной произошло? Если допустить, что это было своего рода «предвидение», экскурс в будущее... То будущее, которое, как говорят, грядет. Тогда любой шаг, любая попытка хоть что-то предпринять, чтобы изменить его, обречена на провал. Но я сомневаюсь в существовании такой предопределенности: мне кажется, то, что было, и то, что происходит в данный момент, определяет то, что будет. Таким образом, должно быть бесконечное число вероятностей — вариантов возможного будущего,— каждая из которых определяется тем, что происходит в настоящем. И мне кажется, что под действием «чонджиатина» я увидела одну из таких «вероятностей»...

Это можно рассматривать как «предупреждение» — что может произойти, если не пресечь, не остановить вовремя...

Сама идея столь чудовищна, столь неприемлема и ведет к такому кошмарному искажению нормального хода вещей, что не внять этому «предупреждению» я просто не в силах. И потому я на свой страх и риск беру на себя всю ответственность и, не посвящая никого в свои планы, постараюсь сделать все возможное, дабы описанный мною «мир» со всей его «структурой» никогда бы не смог превратиться в реальность. Если по каким-то причинам кто-то другой будет несправедливо обвинен в том, что он (или она) оказывал мне какое-либо содействие или хотя бы косвенно участвовал в том, что я собираюсь предпринять, этот документ должен служить ему защитой и оправданием. Поэтому он и составлен.

Я, Джейн Уотерлей, сама, без какого-либо давления с чьей бы то ни было стороны, по своей воле решила, что Доктору Перригану нельзя дать возможность продолжать его работу.

Джейн Уотерлей
.....(число, месяц, год)
.....(личная подпись)

Поверенный несколько секунд внимательно разглядывал подпись под документом, потом удовлетворенно кивнул головой.

— Итак,— произнес он, констатируя факт,— она села в свой автомобиль и на полном ходу врезалась в машину Перригана, исход для него был трагический. Что ж... Из того немногого, что мне известно, я знаю одно: перед этим она сделала все возможное, чтобы убедить его прекратить свою работу, прекратить исследования в этой области. Конечно, она вряд ли могла рассчитывать на успех — трудно представить себе человека, отказывающегося от дела всей своей жизни из-за того, к чему он не мог отнестись иначе, как к... шарлатанству... Таким образом, она должна была ясно представлять себе, на что идет,— это был преднамеренный поступок. И с этой точки зрения полицейские правы, считая, что она намеренно убила его. Но они не правы, полагая, что она подожгла дом и лабораторию с целью замести следы своего преступления. Из этого документа явствует совсем другое: она хотела ликвидировать все результаты исследований Перригана,— это очевидно и не подлежит сомнению...— Он вздохнул и с сожалением покачал головой.— Бедная девочка! В последних строчках явно ощущается ее чувство долга. Да, теперь мне, пожалуй, все ясно, ясна **причина**. Она ведь и не пыталась отрицать, что именно она совершила... Единственное, что она скрыла от полицейских, это: **почему** она так поступила.— Он помолчал, а потом добавил: — Так или иначе, слава богу, что этот документ существует, как бы там ни было, он спасет ей жизнь. Я буду крайне удивлен, если в данной ситуации не будет провозглашена явная невменяемость обвиняемой. Счастье, что она не успела поместить записки в сейф, как собиралась, да еще с приложенными инструкциями: вскрыть лишь при условии возможного обвинения кого-то другого в убийстве Перригана...

На усталом морщинистом лице доктора Хейлера проступила горечь.

— Если кто и виноват во всем, то это я,— глухо сказал он.— Прежде всего я не должен был соглашаться и позволить ей принять этот чертов препарат. Но... после смерти мужа она была буквально раздавлена горем. Старалась заполнить чем-то наступившую пустоту, отчаянно боролась с ней, работала как каторжная и... упросила меня. Вы ведь говорили с ней и знаете, как она умеет убеждать... Она видела в этом определенный шаг вперед, хотела принести пользу и... в общем, была права. Но мне следовало быть более внимательным, и я должен был заметить кое-что после эксперимента. Я и только я несу всю ответственность за случившееся!..

— М-мда,— задумчиво произнес поверенный.— Выдвигая этот аргумент в качестве основной линии защиты, вы, доктор Хейлер, многим рискуете и должны ясно понимать это. Я имею в виду вашу репутацию ученого.

— Возможно. Но это уже мои трудности. Главное — то, что я несу за нее ответственность, как, впрочем, и за любого из своего персонала. Никто не станет отрицать: если бы я отказался от ее участия в эксперименте, ничего подобного бы не произошло. Кроме того, я считаю, что мы должны настаивать на статусе «временной невменяемости» в связи с тем, что ее мозг подвергся действию малоизученного наркотического препарата. Если мы добьемся такого вердикта, дело кончится помещением ее в психоневрологический комплекс для исследования и курса лечения — полагаю, курса непродолжительного и сравнительно легкого.

— Не берусь судить заранее. Конечно, мы можем предварительно побеседовать с прокурором и посмотреть, что он скажет...— не очень уверенным тоном произнес поверенный.

— Но это же единственное разумное решение! — воскликнул Хейлер.— Люди типа Джейн не совершают убийств, если они в здравом рассудке. Но если у них нет другого выхода... они делают это **иначе**... и уж, во всяком случае, они не убивают первого встречного, кого раньше никогда не знали. Наркотик — это очевидно — вызвал такого рода галлюцинацию, что бедняжка была уже не в силах видеть разницу между происходящим и тем, что может в принципе произойти. Она очутилась в состоянии, в котором приняла кажущуюся действительность за реально существующую, и в этом случае она действовала вполне адекватно ситуации!..

— М-мм... да, пожалуй. Пожалуй, можно допустить, что все было именно так. Во всяком случае, меня вы как будто убедили... Почти...— Поверенный вновь осторожно дотронулся до лежащих перед ним листков бумаги.— Конечно, вся история выглядит совершенно фантастической, и вместе с тем... она написана с такой достоверностью. Хотел бы я знать...— он на секунду запнулся,— эта... это биологическое исключение мужского начала... У меня такое впечатление, что она относится к нему как к чему-то неправильному, крайне неестественному, нежелательному, но не... невозможному. Конечно, для обычного, среднего человека, скажем так, обывателя, который не в состоянии выйти за общепринятые понятия о норме, об обычном и естественном развитии природы, это кажется полным абсурдом. Но вы... Как медик, как ученый... Вы тоже считаете это в принципе невозможным? Даже теоретически?

Доктор Хейлер нахмурился.

— Это более чем сложный вопрос, и ответить на него...— Он задумчиво покачал головой.— В принципе было бы неправильным категорически отрицать саму возможность этого. Рассматривая чисто абстрактную проблему, я могу представить себе несколько путей, впрочем... тоже чисто теоретических и пока не... Однако, если взять какую-то экстремальную ситуацию, которая спровоцировала бы резкий качественный «скачок» в данной области... Ну, скажем, «скачок», подобный расщеплению атомного ядра, тогда... Трудно сказать...— Он пожал плечами.

— Это именно то, что я и хотел услышать,— кивнул поверенный.— На данном этапе это, конечно, технически неосуществимо, но в принципе нельзя сказать, что полностью противоречит здравому смыслу. Скажем так: это достаточно реально, чтобы временно повредить вполне здравый рассудок, произвести некий «сдвиг». Что касается нашей линии защиты, то тут близость (пусть абстрактная) миража, вызванного «чонджиатином», к реальности нам очень на руку. Что касается меня, то должен признаться, эта «близость» порождает у меня странное ощущение...

Доктор кинул быстрый и острый взгляд на своего собеседника.

— Ну знаете! — усмехнулся он.— Вы хотите убедить меня в том, что поверили во все это?! Впрочем,— он опять усмехнулся,— если даже принять хоть на секунду э т о за... Тогда вы можете спать спокойно. Джейн, бедняжка, добилась полного разрушения собственной иллюзии. С Перриганом покончено — его дом, лаборатория со всеми результатами проделанной работы превратились в пепел.

— М-мда,— как-то не очень уверенно кивнул поверенный.— И все же... Я чувствовал бы себя значительно спокойнее, если бы мы сумели проследить какой-то иной способ, благодаря которому она могла получить информацию о Перригане и его работе — иной, чем...— Он в очередной раз осторожно дотронулся до листков на столе.— Но, насколько я могу судить, никакого другого способа у нее не было: они никак не пересекались, разве что... Она когда-либо интересовалась той областью биологии, в которой работал Перриган?

— Нет. Это я знаю совершенно точно,— твердо сказал Хейлер.

— Что ж, тогда один... М-мм неприятный аспект... во всяком случае, не до конца ясный, остается. М-мда... И есть еще одно. Возможно, вы сочтете это ребячеством... просто глупостью — и я уверен, время докажет вашу правоту,— но должен вам признаться, что я чувствовал бы себя гораздо... Словом, я испытывал бы меньшее беспокойство, если бы Джейн навела более тщательные справки обо всем перед тем, как начать действовать.

— Что вы имеете в виду? — озадаченно спросил Хейлер.

— Только одно: она упустила из виду одну маленькую деталь — не выяснила, есть ли у Перригана сын. Так вот... у него есть сын. И этот сын, как выяснилось, проявляет огромный интерес к работе отца, по сути дела, хочет во что бы то ни стало продолжить прерванные трагической смертью исследования. Он уже объявил, что сделает все возможное, чтобы работа отца не пропала даром... Удалось сохранить несколько видов бактерий, чудом уцелевших при пожаре. Похвальное стремление, не правда ли? Вне всяких сомнений, его желание вызывает уважение, но... Честно говоря, я испытываю некоторое беспокойство, в особенности после того, как мне удалось выяснить, что, во-первых, он биохимик и имеет докторскую степень, и, во-вторых, носит — и это вполне естественно — ту же фамилию... фамилию своего отца. С вашего разрешения, он — Доктор Перриган...

Перевод с английского
Феликса САРНОВА.

ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ

Научно-фантастический роман

Джон УИНДЕМ

В произведениях знаменитого английского фантаста много и плодотворно разрабатывалась тема столкновения земной цивилизации с серьезными испытаниями глобального характера. В наши дни, когда угроза ядерной катастрофы реально нависла над планетой, полный глубоких философских раздумий и прозрений роман звучит как предупреждение, как призыв к человечеству задуматься о своем будущем.

Рисунок Бориса Сопина

Глава первая

1

Еще в очень раннем детстве мне иногда снился Город. В этом не было бы ничего странного, если бы не одно обстоятельство: сны эти стали посещать меня задолго до того, как я узнал, что это, собственно, значит — Город. Тем не менее эти видения упрямо повторялись. Я видел ослепительное солнце над голубым заливом, улицы, здания, набережную, огромные лодки у пристани... Наяву мне никогда не доводилось видеть ни моря, ни лодок...

Дома во сне были совершенно не похожи на те, которые окружали меня в жизни. Улицы тоже были поразительно необычны: странные на вид экипажи двигались сами по себе, без лошадей. Иногда в небе мелькали какие-то огромные блестящие предметы, и почему-то я твердо знал, что это не птицы.

Обычно это удивительное место представало передо мной залитым светом — там был день. Но иногда — очень редко — там была ночь, и тогда какие-то яркие огни освещали берег.

Это было удивительное, ни на что не похожее зрелище. Однажды, когда я был еще настолько мал, чтобы совершить такую оплошность, я спросил свою старшую сестру Мэри, где может находиться это необыкновенное место.

Выслушав меня, Мэри отрицательно мотнула головой и сказала, что такого места нет нигде. Во всяком случае, в наше время. Быть может, сказала она, мне снилось то, что было очень давно, много-много лет назад. Сны вообще забавная штука, для них ведь нет никаких границ, и то, что я видел, могло быть миром Древних — тем самым чудесным миром, в котором жили Древние до того, как на них обрушилась К а р а.

Объяснив мне все это, Мэри внимательно на меня посмотрела, и лицо ее приняло озабоченное выражение. Тихо, но настойчиво она предупредила, чтобы я ни под каким видом никогда и никому не говорил об этих удивительных снах. Насколько она знает, никого больше не посещают такие причудливые видения, ни во сне, ни наяву, поэтому ни в коем случае не следует упоминать о них при посторонних.

Это был хороший совет, и, к моему великому счастью, я ему последовал. У всех наших соседей было весьма острое чутье на все хоть сколько-нибудь необычное. Даже на то, что я был левша, они иногда поглядывали косо. Так вот и вышло, что я долго-долго никому не рассказывал о своих странных снах.

Но совет старшей сестры сделал свое дело. Если бы не он, я наверняка сболтнул бы кому-нибудь не только об этих снах, но и о нашем необыкновенном общении с моей кузиной Розалиндой. А это уж наверняка кончилось бы страшной бедой для нас обоих. (В том случае, конечно, если бы нам поверили.) Хотя в то время мы с Розалиндой не придавали нашим «разговорам», как мы это называли, никакого значения, мы все-таки держали их в тайне. Впрочем, я, кажется, забежал вперед. О своих так называемых «разговорах» с Розалиндой я расскажу позже..

Несмотря на мои странные сны и тайну, связывавшую меня с Розалиндой, я совсем не чувствовал себя непохожим на других. Я был нормальным мальчишкой, как и все мои сверстники, и воспринимал действительность, окружавшую меня, как единственно нормальную и единственно возможную форму жизни

Так продолжалось до тех пор, пока я не встретил Софи.

Впрочем, даже и тогда я не ощутил никакого особого сдвига в своем сознании. Только теперь, оглядываясь назад, я безошибочно могу выделить этот день, как самый первый момент, когда у меня, ребенка, появились первые сомнения.

В этот день, как это часто бывало и раньше, я был предоставлен самому себе, никто не обращал на меня никакого внимания. Мне было тогда лет десять, не больше. Самая младшая из моих сестер была пятью годами старше меня, поэтому большую часть своего времени я проводил в одиночестве.

Я решил пойти по нашей проселочной дороге к югу. Миновав несколько полей, я подошел к высоченной насыпи и взобрался на самый ее гребень.

Тогда я еще совершенно не задумывался о происхождении этой насыпи. Она была слишком грандиозна, чтобы я мог предположить, что ее сделали люди. И уж совсем не приходило мне в голову связывать ее с Древними, о которых я тогда уже слышал от взрослых. Насыпь сперва описывала как бы часть правильного круга, а потом, превратившись в прямую и длинную, как стрела, линию, уходила в сторону гор. Для меня это была просто часть окружавшего меня мира, не вызывавшая никакого удивления, как не вызывали его река, небо или те же горы.

Я и раньше часто взбирался на ее гребень, но почти никогда не спускался оттуда на противоположную сторону. Почему-то я считал землю по ту сторону насыпи чужой — не враждебной, а просто чужой, мне не принадлежавшей. Но недавно я обнаружил там одно местечко, где дождевая вода, стекающая по противоположной стороне насыпи, образовала в песке довольно большую лощину. Если сесть на самом верху этой лощины и сильно оттолкнуться, можно было прокатиться на хорошей скорости вниз, а под конец пролететь несколько футов в воздухе, прежде чем приземлиться в кучу мягкого, теплого песка.

Я бывал здесь и раньше, но мне ни разу еще не приходилось кого-нибудь тут встретить. Но на этот раз, когда я поднимался с песка после третьего своего полета, чей-то голос сзади окликнул меня:

— Привет!

Я обернулся. Сперва я не мог понять, откуда доносится это приветствие, но потом мой взгляд привлекли шевелящиеся ветки кустарника. Ветки раздвинулись, и из них выглянуло маленькое загорелое личико, обрамленное темными кудряшками. Выражение его было серьезно, даже настороженно, но глаза светились доверчивостью и любопытством. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Потом я осторожно кивнул и тоже сказал:

— Привет!

Девчушка поколебалась немного, отвела ветки в сторону и вышла из кустарника. Она была чуть меньше ростом да и, наверно, моложе меня. На ней были рыжие штанишки из грубой ткани и желтая майка.

Я уставился на нее с изумлением. У нас часто бывали многолюдные сборища, на которых я видел всех детей, живущих в округе даже на расстоянии многих миль. Немудрено, что я был удивлен до крайности, повстречав незнакомую девчонку.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Софи, — ответила она. — А тебя?

— Дэвид, — назвал я себя и, помолчав, спросил: — Ты где живешь?

— Там. — Она неопределенно махнула рукой в сторону «чужой» земли.

Она не могла оторвать глаз от песчаного желоба, по которому я только что так лихо скатился.

— Тебе не страшно было? — спросила она, глядя уже не так настороженно.

— Ничуть. Хочешь попробовать?

Ни слова не говоря, она ловко вскарабкалась на насыпь. Сильно оттолкнувшись, слетела вниз с развевающимися кудряшками и пылающим от возбуждения лицом. Глаза ее светились восторгом.

— Давай еще! — крикнула она и, не дожидаясь меня, полезла наверх.

Второй полет раззадорил ее еще больше. Но третий оказался неудачным. Немного не рассчитав, она приземлилась не там, где я, а чуть левее. Я ждал, что она вот-вот поднимется и мы снова полезем вверх. Но она почему-то осталась сидеть на песке.

— Ну! Вставай же! — нетерпеливо подтолкнул ее я.

Она попробовала шевельнуться, но лицо ее сморщилось от боли.

— Не могу... Больно, — слабо простонала она.

— Где больно? — не понял я.

Ее личико напряглось, на глаза набежали слезы.

— Нога застряла, — сказала она чуть слышно.

Ее левый ботинок был засыпан песком. Я разгреб песок руками и увидел, что он был крепко зажат между двумя большими камнями. Я попробовал раздвинуть камни, но они не поддавались.

— Поверти ногой и дерни посильнее.

Она попробовала и тут же прикусила губу от боли.

— Давай я дерну, — предложил я.

— Нет, нет, что ты! — испугалась она. Но я уже и сам понял, что предложение мое никуда не годилось: было видно, что каждое движение ноги причиняет ей невыносимую боль. «Что же делать?» — подумал я. И тут меня осенило:

— Давай разрежем шнурки, ты снимешь ботинок и вытащишь ногу

В глазах ее мелькнул ужас.

— Нет! — крикнула она так, словно я предложил ей нечто чудовищное. — Я... я не могу... Мне... мне нельзя...

Она была так напугана, что я не стал настаивать. Если бы она вытащила ногу из ботинка, мы бы потом как-нибудь уж сумели вызволить и ботинок. А так — я просто не знал, что делать.

Она обхватила застрявшую ногу обеими руками. Лицо ее было все в слезах, но даже и сейчас она не ревела в голос, а только слегка поскуливала, как щенок.

В растерянности я уселся возле нее. Она обеими руками вцепилась в мою ладонь и стиснула ее изо всех сил. Я чувствовал, что ей с каждой секундой становится все больнее. Пожалуй, впервые в жизни я оказался в положении, которое требовало немедленного и твердого решения.

— Послушай! — сказал я. — Ботинок все равно придется снять. Если ты этого не сделаешь, ты останешься здесь навсегда и умрешь...

Снова тот же непонятный ужас отразился на ее лице.

— Нет! — лепетала она. — Нельзя! Мне нельзя этого делать! Никогда!

Но в конце концов она согласилась, что другого выхода нет. Словно завороженная глядела она, как я разрезаю шнурок. А когда я покончил с этим делом, сказала:

— А теперь уйди. Ты не должен... смотреть!

Я не стал спорить, отошел на несколько шагов и повернулся к Софи спиной. Я слышал, как она тяжело дышала, а потом снова заплакала.

— Ничего не выходит, — простонала она.

Вернувшись, я наклонился над ее ногой и стал соображать, как бы все-таки вытащить ее из расщелины.

— Ты никому никогда не должен говорить об этом! — прошептала Софи. — Никогда! Ни одному человеку. Обещаешь?

Я пообещал, хотя мало что понял. Меня в этот момент заботило совсем другое. С большим трудом мне все-таки удалось вытащить ее ногу из ботинка. Боль, видно, была невыносимая. Но Софи даже не вскрикнула. Только всхлипывала слегка, стиснув зубы. Ни разу в жизни мне еще не приходилось видеть такую храбрую девчонку.

Вызволенная из беды нога выглядела ужасно: была вся красная и очень распухла. Поэтому я даже не заметил тогда, что пальцев на ноге у Софи было больше, чем у меня...

После долгой возни мне удалось наконец вытащить и ботинок, но Софи никак не могла надеть его на распухшую ногу. Да и о том, чтобы ступить на поврежденную ногу, не могло быть и речи. Я подумал, что мне удастся дотащить девчонку до дому на закорках. Но она оказалась гораздо тяжелее, чем я думал, и вскоре я понял, что так мы далеко не уйдем.

— Пойду позову взрослых, — сказал я.

— Нет! — отчаянно крикнула Софи. — Я могу ползти на четвереньках.

Она ползла, осторожно подтягивая больную ногу, а я плелся сзади, таща в руке ее башмак. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным. Она ползла долго, но в конце концов все-таки выбилась из сил. Штанишки ее продрались на коленях, и ссадины сильно кровоточили. Любой из моих сверстников, даже мальчишка, давным-давно уже разревелся бы на ее месте. Мужество этой маленькой хрупкой девчонки вызывало у меня восхищение. И в то же время сердце мое сжималось от жалости.

Я помог ей встать на ноги, чтобы она показала мне, где находится ее дом. Уговорив Софи подождать меня, я изо всех сил припустил к дому, а когда оглянулся назад, увидел, что она заползла в высокий кустарник и спряталась там.

Подбежав к дому, я стал что было силы барабанить в дверь. Мне открыла высокая красивая женщина с добрым, усталым лицом. Ее коричневое платье было чуть короче, чем у наших женщин, но на груди был нашит материнский крест, как у всех: две полосы от шеи до пояса и одна поперечная. Крест был зеленый, под цвет косынки на голове.

— Вы мама Софи? — спросил я, отдышавшись.

— Что случилось? — тревожно спросила она. Она была так взволнована моим появлением, что вопрос невольно прозвучал резко и даже не слишком доброжелательно.

Я сбивчиво рассказал ей обо всем, что произошло.

— Нога?! О, боже! — воскликнула она. И на лице ее появилось уже знакомое мне выражение ужаса: то самое выражение, которое совсем недавно я видел на лице Софи.

Но она быстро совладала со своими чувствами. Я повел ее к кустарнику, в котором оставил Софи. Услышав голос матери, девчонка сразу выползла ей навстречу. Со слезами на глазах женщина глядела на распухшую ступню дочери, на ее разорванные штанишки и кровоточащие коленки.

— Бедняжка ты моя! — вырвалось у нее, и она бережно взяла Софи на руки. Приласкав и успокоив ее, она спросила, понизив голос:

— Он видел?

— Да, — сказала Софи. — Не сердись, мам! Я терпела изо всех сил. Но без него я бы не справилась. Было... было очень больно!..

Мать помолчала немного, потом тяжело вздохнула и, словно отгоняя от себя какие-то мрачные мысли, сказала:

— Ну что ж... Теперь уж ничего не поделаешь... Пойдем!

Софи взобралась к матери на плечи, и мы двинулись к дому.

2

Заповеди, которые вдалбливают ребенку в детстве, прочно удерживаются в его памяти. Но, как правило, они мало что для него значат, пока он не столкнется с реальностью. Кроме того, даже столкнувшись в жизни с чем-то напоминающим эти заповеди, надо еще связать

воедино слова и действительность. Лишь тогда слова перестанут быть пустым звуком и обретут смысл.

Я тихонько сидел и смотрел, как мать перевязывала распухшую ножку Софи, и мне даже в голову не приходило связать то, что я видел, с тем, что я всю свою жизнь слышал по воскресным дням:

«И создал господь человека по образу и подобию своему. И пожелал господь, чтобы у человека было одно тело, одна голова, две руки и две ноги. Каждая рука должна оканчиваться ладонью, и каждая ладонь должна иметь пять пальцев, и на конце каждого пальца должен быть ноготь...» И так далее.

Я знал все это наизусть, и тем не менее шестипалая ножка Софи не вызвала у меня никаких особых чувств. Я видел только слезы на глазах у матери, и мне самому было до слез жалко их обеих, а больше я ничего не чувствовал.

Когда перевязка была закончена, я с любопытством огляделся. Дом был намного меньше нашего, но понравился он мне гораздо больше. Он был как-то по-другому настроен к людям. Теплее. Дружелюбнее... Мать Софи очень нервничала, но ничем не дала мне понять, что я — нежеланный гость, принесший в ее дом беду.

Внутреннее убранство дома тоже очень понравилось мне, особенно потому, что на стенах не было никаких изречений и надписей, которые мне всегда казались полной бессмыслицей, унылой и скучной, но, по-видимому, необходимой. Здесь вместо них висели рисунки, изображающие лошадей, и они показались мне очень забавными.

Миссис Уэндер велела мне подождать ее здесь, пока она отнесет дочку наверх. Вскоре она возвратилась и села рядом со мной. Она взяла меня за руку и заглянула мне прямо в глаза. Я чувствовал, что она очень взволнована, но не мог понять причины ее беспокойства. Я мысленно попытался уверить ее, что нет никакой нужды беспокоиться, но мне это не удалось. Она продолжала пристально глядеть на меня, и глаза ее были похожи на глаза Софи, когда та еле удерживалась от рыданий. Как я ни напрягался, чтобы проникнуть в ее мысли, я чувствовал лишь смутное беспокойство и беззащитность. И мои мысли тоже, сколько я ни старался, не доходили до нее.

Наконец она вздохнула и проговорила:

— Ты хороший мальчик, Дэвид. Ты был очень добр к Софи, и я хочу как-нибудь отблагодарить тебя за это.

Чтобы скрыть смущение, я опустил голову и уставился на свои ботинки. Я не помнил, чтобы до этих пор кто-нибудь называл меня хорошим мальчиком. Я просто не знал, что нужно говорить в таких случаях.

— Тебе понравилась Софи, правда? — продолжала она, не отрывая от меня глаз.

— Да, — сказал я. — Она очень храбрая. Она ни разу не заплакала, а нога, наверно, здорово болела.

— Ты умеешь хранить тайну? — спросила она и торопливо добавила: — Это очень важно! Ради нее, Дэвид!

— Да, конечно, — ответил я не совсем уверенно, потому что не догадывался, о чем идет речь.

— Ты видел ее ногу? Ее пальцы? — дрожащим голосом спросила миссис Уэндер. Я кивнул.

Она побледнела, но справилась с собой и твердо сказала:

— Вот это и есть то самое, что нужно сохранить в тайне, Дэвид. Никто больше не должен знать об этом. Знаешь только ты, если не считать меня и отца Софи. Больше — никто. Никто и никогда...

— Хорошо, — сказал я.

Она замолчала. Я снова попытался проникнуть в ее мысли, но чувствовал лишь все ту же смутную и мрачную тревогу.

— Это очень, очень важно! — прошептала она, стискивая руки. — Как бы мне объяснить тебе это!

На самом деле ей не надо было объяснять мне это. Я всем своим существом ощущал, насколько это для нее важно. Мне все не удавалось успокоить ее мысленно, поэтому я громко и твердо сказал:

— От меня никто ничего не узнает... Никогда!..

Однако я чувствовал, что тревога не оставляет ее, даже растет. Слова, которые она при этом произнесла, были намного бесцветнее и слабее ее мыслей.

— Если кто-нибудь узнает о Софи, — запинаясь, произнесла она, — они... они обойдутся с нею жестоко. Этого не должно случиться!

Мне вдруг показалось, что я отчетливо вижу у нее в груди острую железную занозу, которая рвет и терзает ее сердце.

Я спросил:

— Это из-за того, что у нее шесть пальцев?

— Да.

— Я обещаю! Если хотите, я могу поклясться...

— Нет, нет, — вздохнула она. — Мне довольно твоего обещания.

Забегая вперед, могу сказать, что я сдержал свое слово и даже Розалинде не открыл этой тайны, так поразила меня непонятная мне тревога миссис Уэндер.

Она продолжала грустно и, как мне показалось, все еще недоверчиво смотреть мне в глаза. Я почувствовал себя неловко. И тут она улыбнулась, словно вся тяжесть вдруг упала с ее души.

— Все в порядке, — сказала она. — Мы будем держать это в тайне. Даже между собой никогда больше не будем говорить об этом. Ладно?

Я утвердительно кивнул.

У двери я остановился и спросил:

— А можно мне иногда приходить сюда поиграть с Софи?

Она поколебалась немного, что-то обдумывая, и ответила:

— Можно... Только... Помни, никто не должен об этом знать.

3

Монотонные воскресные заповеди все еще не связывались у меня с реальностью, когда я шел к насыпи. Но когда я взобрался на гребень, они странным образом начали приходить во взаимодействие с только что пережитым и вдруг обрели для меня совершенно новый смысл. Определение Человека медленно всплыло у меня в мозгу:

«...И каждая нога должна сгибаться посередине и иметь одну ступню. И каждая ступня должна иметь пять пальцев, и каждый палец должен иметь на конце ноготь...» И дальше: «И любое существо, которое имеет человеческий облик, но устроено не так, как здесь сказано, — не есть человек. Это не мужчина и не женщина. Это — богохульство, издевательство над истинным подобием господа, и оно ненавистно взору господню».

Я был растерян. Богохульство!.. Всю мою короткую жизнь мне вдалбливали в голову, что нет на свете ничего страшнее этого... Но что могло быть страшного в Софи? Она самая обыкновенная девчонка, если не считать того, что она лучше и храбрее других. Однако, если верить Определению...

Нет, наверняка здесь какая-то ошибка! Ведь не может же быть, чтобы из-за одного маленького пальца, пусть даже двух (наверное, на другой ноге у нее тоже их шесть) она стала «ненавистна взору господню»...

Странные вещи творились в окружавшем меня мире.

Глава вторая

1

Я шел домой обычной своей дорогой. Когда на моем пути стали попадаться деревья, я сполз с насыпи вниз на узкую тропку, по которой редко кто ходил. Я беспокойно оглядывался по сторонам, крепко сжимая рукоятку ножа. Мне очень хотелось поскорее выбраться из зарослей, потому что иногда даже крупные звери, случалось, забредали в наши места, и здесь вполне можно было встретить дикую кошку или собаку. Но на этот раз мне повстречались только мелкие зверушки, испуганно шарахавшиеся при моем приближении.

Пройдя около мили, я вышел на возделанную землю: отсюда уже был виден наш дом. Я огляделся, прошел вдоль опушки леса ближе к поселку, пересек все поля, кроме последнего, хоронясь за изгородями, и вновь стал оглядываться вокруг: не заметил ли кто-нибудь, откуда я пришел. Поблизости не было никого, кроме старого Джейкоба: он разгребал во дворе навоз. Когда он повернулся ко мне спиной, я неслышно преодолел открытое пространство, отделявшее меня от дома, влез в окно и торопливо прошел в свою комнату.

Не так-то легко представить себе наш дом, не видя его ни разу. С тех пор как пятьдесят лет тому назад мой прадед Элиас Строрм выстроил самую старую его половину, к нему множество раз пристраивались новые комнаты, веранды и разные подсобные помещения. Теперь одно его крыло занимали сараи, амбары и стойла, а в другом находились столовые, гостиные и комнаты работников. Оба крыла сильно выдавались вперед и почти смыкались вокруг большого возделанного сада перед главным строением.

Как и все дома в поселке, наш дом сложен из грубо обтесанных бревен. Но поскольку он самый старый, в стенах его полно щелей и трещин, заложенных кирпичами и осколками камней, взятыми из развалин, оставшихся от жилищ Древних. Внутри дом разделен на комнаты плетеными перегородками, покрытыми штукатуркой.

Дед мой, как я представлял себе со слов отца, был человек, исполненный фанатической веры в святость и непогрешимость божественных заповедей. Лишь много позже мне удалось «по кусочкам» составить истинный его портрет, менее расплывчатый, чем в детстве, но гораздо более отталкивающий.

Элиас Строрм пришел в здешние места с западного побережья. Причина, побудившая его переменить место жительства, по его словам, заключалась в том, что образ жизни там, на побережье, не отвечал его богоугодным устремлениям. Однако краем уха я слышал, что его родные не могли ужиться с ним и попросту заставили его покинуть родные места. Так или иначе, он приехал сюда, в Вакнук, со всеми своими пожитками. Было ему тогда лет сорок пять.

Это был сильный, рослый человек с властной осанкой и горящими глазами фанатика. Все его существо было пронизано истовым почитанием господа и постоянным страхом перед кознями сатаны.

Вскоре после того, как он выстроил дом, он ненадолго покинул наши края и вернулся с невестой — прелестной застенчивой девушкой. Она была младше Элиаса на двадцать пять лет. У нее была огромная копна золотисто-рыжих волос и нежные розовые щеки. Когда ей казалось, что никто на нее не смотрит, ее движения напоминали игру молодого жеребенка. Но под взглядом мужа она съеживалась, и кровь отливала от ее розовых щек.

Не было любви в этом браке. Юное создание может иной раз вдохнуть жизнь в зрелого, увядающего мужчину, поделиться с ним своей свежестью. Но у них вышло иначе. Постоянными молитвами и назиданиями Элиас стер краску с ее лица, золото с ее волос. Через несколько лет по дому ходило серое, забитое существо, преисполненное отвращения к своей жизни, к своему дому и к людям, которые ее окружали. После рождения второго сына она умерла, не испытывая сожаления от того, что расстается с жизнью.

У Элиаса Строрма не было сомнений насчет того, каким должен стать его наследник. Убеждения деда были крепко вбиты в голову моего отца. Оба в жизни руководствовались прописями из библии и никольсоновских «Раскаяний». В делах веры отец и сын были заодно. Разве только сын — мой отец — был не таким яростным, но таким же суровым и строгим ревнителем Твердости Веры и Чистоты Расы.

Мой отец, Джозеф Строрм, женился уже после смерти деда и не повторил его ошибки. Взгляды моей матери полностью совпадали с его взглядами.

Нашу местность, как и наш дом, звали Вакнуком, ибо существовало поверье, будто это место так звалось еще во времена Древних. Поверье это, как часто бывает, не имело под собой никакой реальной почвы, хотя тут и вправду были остатки каких-то древних строений. Вскоре они были растасканы людьми для их собственных жилищ.

Как я уже говорил, была здесь еще огромная насыпь, тянувшаяся до самых гор. И громадный утес, который, быть может, тоже был сделан Древними, когда они своими чудодейственными, неведомыми нам способами кроили и резали горы для каких-то своих, неведомых нам целей.

Селение наше невелико — несколько сотен хозяйств, больших и маленьких, процветающих и пришедших в упадок. Послушание и богобоязненность были неотъемлемыми чертами всех поселенцев.

Мой отец — влиятельное лицо в Вакнуке. Когда шестнадцатилетним юнцом он впервые публично выступил с воскресной проповедью в дедовской церкви, весь наш округ едва ли насчитывал более шестидесяти семей. Чем больше земли расчищали под пахоту, тем больше людей приходили и селились здесь. Однако наше хозяйство ничуть не страдало от этого. Отец по-прежнему был самым крупным землевладельцем, по-прежнему в воскресные дни часто выступал с проповедями в церкви, разъясняя ближним божьи заветы. По определенным дням в будни он так же авторитетно толковал им светские законы в качестве судьи. А в остальное время следил за тем, чтобы его домашние и все соседи неукоснительно выполняли эти законы и показывали всем остальным пример высшей добропорядочности и нравственности.

Главной комнатой внутри дома по заведенному обычаю была гостиная. Как и весь дом, наша гостиная самая просторная в Вакнуке. Огромный камин был предметом особой гордости. Он выложен из каменных глыб, а труба кирпичная. Крыша вокруг трубы черепичная — единственная такая во всей округе.

Моя мать была помешана на чистоте и порядке. Пол в большой комнате сделан из обтесанных камней, плотно подогнанных друг к другу и всегда надраенных до блеска. Стены тоже сверкали чистотой, как и вся наша мебель — стол, стулья, несколько кресел. Три-четыре блестящих кастрюли, которые были слишком велики для буфета, висели на стенах. Но главным украшением гостиной были деревянные панели с искусно вырезан-

ными изречениями (в основном из «Расказаний»). Слева от камина можно прочесть: «ТОЛЬКО ОБРАЗ БОЖИЙ И ЕГО ПОДОБИЕ ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК». Справа: «НЕ ОСКВЕРНИ НЕЧИСТЬЮ РОД, УГОДНЫЙ БОГУ». На противоположной стене еще два изречения: «ОДИН ЕСТЬ ПУТЬ — СВЯТОСТЬ» и «В ОЧИЩЕНИИ — НАШЕ СПАСЕНЬЕ». И, наконец, громадная панель напротив двери, ведущей во двор, властно призывала всех входящих: «ИЩИ И НАЙДИ МУТАНТА!!!»

Все эти изречения я знал задолго до того, как научился читать. Вполне возможно, что эти надписи и служили первым моим букварем. Я знал их наизусть, как и все прочие, украшавшие стены других комнат нашего дома: «НОРМА — ЖЕЛАНИЕ ГОСПОДА», «ЛИШЬ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ НОРМЫ ЕСТЬ ТВОРЕНИЕ», «ЛЮБОЕ ОТКЛОНЕНИЕ — ОТ ДЬЯВОЛА».

Некоторые из этих заповедей были для меня пустым звуком, но о других я имел кое-какое понятие. Например, обо всем, что касалось ПРЕСТУПЛЕНИЙ. Тут у меня была возможность своими глазами увидеть, что именно подразумевалось под этим словом.

Обычно, когда случалось что-нибудь подобное, отец возвращался домой в отвратительном настроении. Вечером он созывал всех в гостиную (это касалось не только членов семьи, но и работников), мы становились на колени, твердили слова раскаяния, а он громко молился о прощении. На следующее утро мы все собирались во дворе. С восходом солнца мы дружно затягивали гимн, и отец торжественно казнил двухголового теленка, цыпленка с четырьмя ногами или еще какую-нибудь живность, оказавшуюся ПРЕСТУПЛЕНИЕМ против господа.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ могли повстречаться где угодно. Иногда отец с гневом и стыдом крошил на кухонном столе всходы злаков или овощей. Если их было немного, они просто выдирались из земли и уничтожались. Если же все поле было покрыто ими, мы дожидались солнечной погоды и поджигали его, распевая гимны и молясь, пока преступные растения не выгорали дотла. Эти зрелища в ту пору казались мне очень забавными...

Поскольку отец мой был особенно ревностен во всем, что касалось ПРЕСТУПЛЕНИЙ, такие ритуальные уничтожения происходили у нас чаще, чем у соседей. Однако малейшее замечание на этот счет невероятно злило отца. Он не так глуп, раздраженно доказывал он в таких случаях, чтобы швырять деньги на ветер! И если бы его соседи были так же тверды в вере, как он, то и у них казней было бы не меньше. Но, к сожалению, некоторые люди в нашей округе слишком мягкотелы, и твердость их убеждений оставляет желать лучшего...

Таким образом, я в довольно раннем возрасте уяснил, что такое ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Преступление — это ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ. Иногда отклонение было совсем незначительным, но суть дела от этого не менялась. В большом ли, в малом ли было расхождение с нормой, все равно это было ПРЕСТУПЛЕНИЕ. А если дело касалось людей, оно именовалось еще более страшным словом — БОГОХУЛЬСТВО. Впрочем, разница была лишь в словах. Как у животных и растений, так и у человека суть состояла в ОТКЛОНЕНИИ ОТ НОРМЫ.

Однако проблема эта была не так проста, как может показаться. Немало было случаев, которые вызывали споры и даже стычки. Тогда для выяснения истины привозжал государственный инспектор.

Отец мой редко посылал за инспектором: он предпочитал всегда сам обезопасить себя, уничтожив все, что вызывало хотя бы тень сомнения.

Тяжким трудом наши поселенцы добились хороших урожаев, и в конце концов Вакнук перестал считаться пограничной зоной. Теперь надо было идти по крайней мере тридцать миль к югу или к юго-западу, чтобы выйти к Дикой Земле — местам, где ОТКЛОНЕНИЙ было почти столько же, сколько НОРМЫ. А еще через десять — двадцать миль простирались таинственные окраины — Джунгли, где, если верить моему отцу, «находится земля дьявола». А еще дальше находилась земля, которую называли проклятой и о которой никто толком ничего не знал. Люди, уходившие туда, обычно там и пропадали, а те немногие, кто возвращался назад, тоже не долго задерживались на этом свете.

Джунгли причиняли нам немало хлопот. У тамошних людей — я называю их людьми, потому что, хотя они и были ОТКЛОНЕНИЕМ ОТ НОРМЫ, некоторые из них ничем не отличались от нас, — так вот, у них было очень мало всякой утвари, орудий, одежды, еды. Поэтому они часто вторгались в наши земли, воровали зерно, пищу, а если удавалось, то и оружие. Иногда они уводили с собою детей.

Такие набеги случались два-три раза в год, и, вообще-то говоря, на них смотрели сквозь пальцы (разумеется, кроме тех, кто сам подвергался грабежу). Люди, как правило, успевали вовремя скрыться, так что страдало только их имущество. Тогда все остальные собирали деньги и кое-какой скарб, чтобы помочь потерпевшим снова встать на ноги.

Но чем дальше на юг отодвигалась граница, тем злее становились обитатели Джунглей. Набеги участились, и теперь это были уже не просто мелкие кражи и грабежи. В наши владения вторгались хорошо вооруженные банды, причинявшие нам немало вреда.

Когда мой отец был ребенком, матери стращали своих непослушных детей, грозя им чудищами из Джунглей. Теперь же «чудища» эти вызывали ужас не только у детей.

Все обращения к правительству с просьбой о помощи были безрезультатны. Да и на какую помощь можно рассчитывать, если нельзя предугадать, когда и откуда произойдет следующее нападение. Вся помощь правительства заключалась в ободряющих фразах и предложениях создать нечто вроде местной милиции. Такие отряды в Вакнуке были созданы задолго до указания властей, и чем чаще совершались набеги из джунглей, тем чаще мужскому населению приходилось отрываться от работы на фермах, чтобы защитить свои земли и имущество от бандитов.

И тем не менее жизнь наша протекала относительно спокойно. Семья у нас была довольно большая: кроме отца и матери, у меня были две сестры и дядя Аксель. Кроме того, с нами жили служанки со своими мужьями, работниками нашей фермы. У них, само собой, тоже были дети. Так что за стол у нас садилось никак не меньше двадцати человек. Когда же мы собирались на молитву, народу становилось еще больше, потому что в этих случаях к нам обычно присоединялись и соседи.

Дядя Аксель приходился мне не родным дядей, он был мужем моей тетки, материной сестры Элизабет. Она умерла в Риго, когда дядя был в плавании. Возвратился он из плавания хромым, и отец позволил ему жить у нас. Несмотря на свою хромоту, он был хорошим работником, и его все любили. А я считал его своим лучшим другом.

Моя мать родилась в семье, где было двое сыновей и пятеро дочерей. Старшую — Анну — муж выгнал вскоре после свадьбы, и никто не знал, куда она делась. Дальше по старшинству шла Эмили, моя мать. Затем Харриет, — она вышла замуж за владельца огромной фермы милях в пятнадцати от нас. Следующая, Элизабет, была женой дяди Акселя — о ней я уже говорил. Про других моих родственников с материнской стороны я мало что знал. Вернее, знал только дядю Ангуса Мортона, маминого сводного брата. Ему принадлежала соседняя с нами ферма, что крайне раздражало моего отца: не было случая, чтобы он хоть в чем-нибудь согласился с Ангусом. Дочь Ангуса Мортона, Розалинда, была моей двоюродной сестрой...

С каждым годом наш поселок все разрастался. Теперь говорили, что даже жители Риго могут, не глядя на карту, сказать, где находится Вакнук.

Итак, я жил в процветающем крае, на одной из самых богатых ферм. Но в десятилетнем возрасте я мало про это думал. Для меня это было место, очень неудобное для игр, где всегда полно работы, если не успеть вовремя скрыться от бдительного взора взрослых, всегда норовящих поручить мне какое-нибудь скучное дело.

Поэтому в тот вечер я, как обычно, старался не привлекать к себе внимания, пока не услышал знакомые звуки тарелок и не догадался, что время близится к ужину. Некоторое время я послонялся по двору, глядя, как распрягают лошадей, пока наконец не раздался звук гонга: двери гостиной открылись, и все гурьбой повалили в дом. Панель с надписью «ИЩИ И НАЙДИ МУТАНТА» торчала у меня перед глазами, как и у всех входящих, но не вызвала в моем сознании никаких ассоциаций — привычная часть обстановки, не больше. Что меня в данный момент занимало больше всего, это запах вкусной еды.

Глава третья

1

С тех пор я стал время от времени наведываться к Софи — примерно раз или два в неделю. Школьные занятия у нас обычно бывали по утрам. Впрочем, занятия — слишком громко сказано, просто какая-нибудь пожилая женщина собирала нескольких ребятишек и учила их читать, писать, а тех, кто постарше, — простым арифметическим действиям. Так что мне несложно было ускользнуть в середине дня, встав из-за обеденного стола чуть раньше, пока никто не нашел для меня какого-нибудь дела.

Когда лодыжка Софи зажила, мы с ней стали часто бродить по окрестностям.

Однажды я привел ее на нашу сторону карьера, чтобы показать паровой двигатель — другого такого не было на сотни миль вокруг, и мы все очень им гордились. Корки, который присматривал за ним, по обыкновению где-то шлялся, но двери сарая были открыты, и мы хорошо слышали ритмичный звук работающей машины. Однако только слушать показалось нам мало, и мы забрались внутрь. Поначалу было страшно интересно наблюдать за работой «чудовища», но минут через десять нам стало скучно просто стоять и глазеть. Зрелище было хотя и впечатляющее, но довольно однообразное. Мы вышли из сарая и забрались на самую верхушку поленницы. Там мы уселись, свесив ноги, и стали болтать, прислушиваясь к пыхтению машины.

— Дядя Аксель говорит, что у Древних были машины во сто раз лучше, чем эта, — сказал я.

— А мой папа говорит, что если бы четверть того, что рассказывают про Древних, было правдой, они были бы не людьми, а волшебниками, — возразила Софи.

— Что же, твой отец, — спросил я, — не верит, что Древние могли летать по воздуху, как птицы?

— Нет, — покачала она головой, — это просто глупо. Ведь если они могли летать, то и мы научились бы.

— Но... но ведь мы уже теперь многое умеем, — попытался возразить я.

— Только не летать, — она опять упрямо покачала головой, — это все сказки.

Я уже хотел было рассказать ей про свои сны, в которых я видел Город и блестящие летающие предметы в небе, но подумал, что сон не доказательство, и промолчал. Мы еще немножко посидели на поленнице, потом спустились вниз и пошли к ее дому.

Джон Уэндер, ее отец, был дома. Звуки молотка доносились из сарая, где он что-то мастерил. Софи подбежала к нему и повисла у него на шее.

— Привет, цыпленок! — ласково сказал он. Потом он повернулся ко мне и хмуро кивнул головой. Он всегда так здоровался со мной, еще с самого первого раза — хмурый кивок и все, но я чувствовал, что относится он ко мне уже получше. В тот самый первый раз он смотрел на меня так, что я и вздохнуть боялся. Теперь я уже не чувствовал страха — мы стали почти друзьями. Он подолгу разговаривал со мной, иногда рассказывал об очень интересных вещах, и все же часто я ловил на себе его взгляд — внимательный, изучающий...

Только несколько лет спустя я понял, что для него значило — прийти домой и узнать, что ножку его Софи увидел не кто-нибудь, а Дэвид Строрм, сын Элиаса Строрма. Думаю, не раз ему приходило в голову, что мертвый мальчишка никогда не нарушит своего обещания молчать, даже если захочет... Может быть, я обязан жизнью его жене, миссис Уэндер?.. Может быть...

И еще я думаю, он раз и навсегда поверил бы мне и выкинул все сомнения из головы, доведись ему видеть то, что произошло в нашем доме спустя месяц после того дня, как я познакомился с Софи.

Я тогда слегка поранил руку, вытаскивая занозу, и ранка кровоточила. Я зашел на кухню и, видя, что все домашние заняты готовкой, попытался сам перевязать себе руку чистой тряпкой. Тут меня увидела мать. Она сразу запричитала, заохала, велела тщательно промыть ранку и сама стала перевязывать мне руку, бормоча, что я, как всегда, заставляю ее заниматься моей персоной в самый неподходящий момент. Оправдываясь, я случайно брякнул:

— Я и сам бы мог это сделать, будь у меня еще одна рука.

После этих, как мне казалось, ничего не значащих слов в кухне воцарилось гробовое молчание. Мать замерла, как статуя. В недоумении я оглядел всех, кто был в это время в кухне: Мэри с куском пирога в руке, двух работников, ждущих своей порции еды, отца, сидевшего во главе стола. Все молча уставились на меня. Постепенно с лица отца сошло изумление, губы сжались в жесткую, прямую линию, челюсть выдвинулась вперед, брови сошлись на переносице.

— Что ты сказал? — медленно выговорил он.

Я хорошо знал этот тон, и мне стало страшно. Еще страшнее было то, что я совершенно не понимал, чем мог так рассердить его.

— Я... я с-с-сказал, что и с-сам бы мог... — выдавил я с трудом, заикаясь от страха.

Глаза отца сузились, и в них мелькнуло что-то, заставившее меня содрогнуться. Моя спина стала липкой от пота.

— И ты пожелал себе третью руку?! — все так же медленно и отчетливо выговаривая каждый слог, произнес он.

— Да нет же, отец, нет!.. Я только сказал, если бы...

— Если бы у тебя была третья рука, ты бы мог сделать что-то. Так ты сказал?!

Я кивнул.

— Стало быть, ты пожелал?!

— Да нет же, отец! Нет! Я только сказал: если...

Я был так напуган, что никак не мог объяснить ему. Я хотел сказать, что не имел в виду ничего плохого, но не находил слов. Язык прилип к гортани, и я молча стоял в ожидании кары. Взгляды всех домашних были обращены теперь на отца.

— Ты! Ты — мой сын — призывал дьявола, чтобы он дал тебе третью руку! — прогремел он.

— Не призывал я никого! Я только...

— Замолчи! — Он властно поднял руку. — Все слышали, что ты сказал! Не ляги же теперь, не отягчай свой поступок еще и ложью!

— Но ведь...

— Не ляги и отвечай мне правду: было ли в твоих мыслях недовольство той формой тела, которую тебе дал господь? Той формой, которая есть его подобие?

— Я только сказал: если бы...

— Ты богохульствовал! Ты поносил НОРМУ! Все здесь слышали это, и тебе нечего возразить. Знаешь ли ты, что есть НОРМА?

Я хорошо знал своего отца — возражать было бессмысленно и опасно. Он все равно не поймет, не захочет понять.

— НОРМА есть образ и подобие господа, — скороговоркой пробормотал я.

— Выходит, ты знаешь! И зная, ты пожелал стать

мутантом. Ты — мой сын — совершил кощунство! Здесь! Перед твоим отцом! Что есть мутант?!

— Проклятый богом и людьми,— автоматически проговорил я давно вызубренные мною слова.

— Так вот кем ты хотел стать?! Ну, отвечай же?!

Я опустил глаза и ничего не сказал — отвечать было бесполезно.

— На колени! — скомандовал отец.— Всем на колени и молиться!

Вместе со всеми я опустился на колени. Голос отца звенел у меня в ушах:

— Мы виновны перед тобой, господь! Мы плохо втолковали твои заветы этому несмышленышу и просим тебя: даруй нам прощение!..

Казалось, этой молитве не будет конца. Наконец отец молвил: «Аминь»,— и все поднялись с коленей. Я тоже поднялся и услышал его строгий голос:

— Ступай к себе и молись. Молись о милосердье божьем, которого ты не заслуживаешь, но которое господь в своей милости, быть может, все-таки дарует тебе! Ступай! Я приду к тебе позже.

2

Ночью, когда боль в спине после отцовского визита понемногу утихла, я долго еще не мог заснуть от мучивших меня мыслей. Я ведь знал, что на самом деле не желал себе никакой третьей руки, но... А если бы даже и пожелал? Что здесь такого? И если даже на миг подумать об этом — кощунство, то каково же тогда иметь нечто подобное... Например... Например, лишний палец на ноге!..

Наконец я заснул. И мне приснился сон.

Все мы собрались во дворе, точь-в-точь как при последнем Очищении. Тогда в центре стоял маленький, только что родившийся теленок, туповато глядевший на отцовский нож. Теперь там была маленькая девчушка... Софи! Она стояла босиком, пугливо озираясь и тщетно пытаясь прикрыть одной ступней другую. Все мы молча ждали. Софи начала метаться от одного из нас к другому и молить о пощаде, но никто не шелохнулся, не изменился в лице. Мой отец медленно двинулся к ней, и нож его сверкнул на утреннем солнце. Софи заметалась еще отчаяннее, и слезы ручьями потекли по ее обезумевшему от страха лицу. Отец подходил все ближе и ближе к ней, но ни один из нас по-прежнему не двинулся с места. Отец схватил ее точно так же, как он хватал того новорожденного теленка, все мы хором запели гимн, он поднял руку с ножом... Нож сверкнул, в последний раз в его лезвии отразился блик медно-красного солнца, и тут же он окрасился кровью, брызнувшей из горла Софи...

Если бы Джон и Мэри Уэндер видели меня в тот момент, когда я проснулся в слезах, с криком, застрявшим у меня в горле, и долго еще лежал в темноте, твердя про себя, что это всего лишь сон... Их не мучили бы больше опасения, что я могу выболтать людям тайну их маленькой Софи.

Глава четвертая

1

Время, о котором я сейчас рассказываю, было для меня временем перехода к другой, более осмысленной жизни. Произошли события, каждое из которых в отдельности случалось и раньше, но теперь они связались для меня воедино и приобрели совершенно иное значение. А кое с чем мне пришлось столкнуться впервые.

Первым таким событием была моя встреча с Софи. А вскоре дядя Аксель случайно обнаружил то, что

происходило между мной и моей двоюродной сестрой Розалиндой. Дядя (на мое счастье, это был он, а не кто-нибудь другой) наткнулся на меня как раз в тот момент, когда я разговаривал с ней.

Возможно, это был просто инстинкт самосохранения, который заставил нас обоих (меня и Розалинду) скрывать до сих пор от остальных наши «разговоры», поскольку разумом мы еще не понимали, что нам грозит. Когда дядя Аксель наткнулся на меня, сидящего возле стога сена и громко бормотавшего что-то вслух, я даже не попытался скрыться или утаить от него, чем я занимаюсь. Он постоял сзади меня некоторое время, потом я обернулся, и глаза наши встретились.

Дядя Аксель был высоким и сильным мужчиной. Когда я видел его за работой, мне казалось, что его пальцы слиты воедино с рукоятью инструмента. Теперь он стоял у меня за спиной в своей излюбленной позе, тяжело опираясь на толстую палку, которой ему приходилось пользоваться из-за неправильно сросшейся ноги. Черные брови его были нахмурены, но загорелое лицо не выражало ни озабоченности, ни недовольства, разве что только любопытство.

— Ну, Дэви! — обратился он ко мне ласково.— С кем это ты тут так весело болтаешь? Небось с лешими или с гномами — кого вы, мальчишки, еще там выдумываете? А может быть, с зайцами, ведь их тут полным-полно? А?

Я отрицательно покачал головой.

Он присел рядом, задумчиво пожевал травинку и, испытующе заглянув мне в глаза, спросил:

— Не скучно тебе тут одному?

Я опять отрицательно мотнул головой.

— По-моему, куда интереснее болтать с другими ребятишками... Куда интереснее,— протянул он,— чем сидеть здесь вот так одному и бормотать что-то себе под нос. А?

Секунду я колебался... Но ведь это был мой дядя — дядя Аксель — самый лучший друг.

— Я... говорил не... не сам с собой...— неуверенно протянул я.

— С кем же? — озадаченно спросил дядя.

— Ну... с приятелем... Вернее, с приятельницей,— поправился я.

— А с кем именно?

— С Розалиндой.

Помолчав, он как-то странно на меня поглядел.

— М-мда... Но я что-то не вижу ее здесь.— Он продолжал смотреть на меня в упор, и тогда я решился все ему объяснить.

— Здесь ее и вправду нет. Она у себя дома... То есть я хотел сказать, недалеко от дома, в маленьком шалаше на дереве, который ее братья сделали в рощице. Она очень любит там прятаться,— пояснил я.

Поначалу он никак не мог взять в толк, что я имею в виду, и говорил со мной так, словно это была игра. Но в конце концов мне удалось объяснить ему все, как есть. Тут выражение его лица изменилось. Таким серьезным я никогда его раньше не видел. Некоторое время он молчал, что-то обдумывая, потом спросил:

— Ты не разыгрываешь меня, Дэви? Все это была не выдумка? Ты... ты говорил мне сейчас правду?

— Ну, конечно, правду! — уверил я его.

— А ты никому... никому не говорил обо всем этом, кроме меня?

— Конечно, нет. Это наш секрет. Так интересней.

Выплюнув травинку, он вздохнул, как мне показалось, с облегчением, но когда он вновь поднял на меня глаза, я увидел, что выражение его лица стало еще более серьезным и даже мрачным.

— Дэви,— сказал он,— я хочу, чтобы ты пообещал мне одну вещь.

— А что это за вещь, дядя? — спросил я.

— А вот что,— сказал он, не отрывая от меня своего серьезного и мрачноватого взгляда.— Я хочу, чтобы это было по-прежнему секретом. Обещай мне, что ты никому... Ты понял меня? Никому не скажешь о том, что рассказал сейчас мне. Никому и никогда, Дэви! Это очень важно, чтобы ты понял меня, мальчик, понял, как это важно. Позже ты и сам поймешь, почему это так важно. Но сейчас... Сейчас ты ни в коем случае не должен дать кому-нибудь повод даже заподозрить тебя в том, о чем я сейчас от тебя узнал. Ты обещаешь мне, Дэви?!

В его голосе звучала не только озабоченность, но и какая-то угрюмая, мрачная настойчивость. Это поразило меня: никогда раньше он со мной так не разговаривал. И когда я поклялся ему, что буду молчать, у меня было ощущение, будто я делаю что-то куда более важное, чем просто выполняю обычную дядину просьбу. Пока я уверял его, что буду строго хранить наш секрет, он не спускал с меня глаз и, наконец, кивнул, почувствовав, что до меня дошла вся серьезность нашего разговора. Мы скрепили наш договор крепким рукопожатием, и он сказал:

— Вообще-то лучше было бы, если бы ты... ну, забыл про это... Забыл, как это делается.

— Наверное, это у меня уже не получится, дядя,— подумав, честно сказал я.— Это... Это просто есть, и все. Забыть это — все равно что...— Я никак не мог найти слова, чтобы объяснить ему суть наших «разговоров» с Розалиндой.

— Все равно, как забыть, что ты умеешь говорить или слушать? — спросил он.

— Да... почти,— кивнул я.

Он опять ненадолго задумался.

— Ты слышишь слова внутри головы?.. Прямо внутри?

— Не совсем так. Я не то чтобы слышу их и не то чтобы вижу. Это... это как тени, и если при этом еще произносить слова вслух, тени становятся яснее. Я лучше их различаю.

— Но тебе необязательно произносить слова вслух, как ты это делал, когда я подошел к тебе, а? Дэви?

— Нет, конечно, нет... Просто это иногда помогает... Ну, делает наш разговор легче, что ли.

— И делает его гораздо более опасным для вас обоих, Дэви! — угрюмо пробормотал дядя.— Я хочу, чтобы ты пообещал мне еще кое-что. Ты никогда не должен больше произносить эти слова вслух! Понимаешь?

— Хорошо, дядя Аксель! Раз вы так хотите...— пожал я плечами.

— Когда ты станешь старше, ты поймешь, почему это так важно,— вновь повторил он.— Да! Непременно заставь Розалинду пообещать вести себя так же осторожно! Слышишь?

Я решил ничего не говорить ему об остальных, потому что видел, как взволновал его мой рассказ об одной Розалинде. Но про себя я подумал, что нужно заставить всех пообещать мне то, что я сам пообещал дяде Акселю.

Дядя еще раз крепко сжал мою руку, и я постарался ответить ему таким же крепким рукопожатием в знак того, что никогда не нарушу своего слова.

2

В тот же вечер я рассказал Розалинде и всем остальным о нашем разговоре с дядей Акселем. Мне показалось, что тревога, которую этот разговор вызвал у меня, уже коснулась всех остальных. Быть может, кто-то из нас уже ловил на себе настороженно-удивленные взгляды, чувствовал какое-то подозрение, и это заставляло нас инстинктивно скрывать нашу способность обмениваться мыслями. До моего разговора с дядей Акселем мы никогда об этом не говорили, просто каждый сам по себе подсознательно делал то, что считал нужным, и принятые нами меры никак не носили характер сговора. Теперь же настойчивость Акселя усилила смутное чувство страха. Это чувство еще не обрело для нас какие-то конкретные очертания (мы не отдавали себе ясного отчета, чего и почему нужно бояться), но оно стало более острым, более осязаемым, что ли, и когда я пытался передать остальным ту серьезную настойчивость, с которой Аксель добивался от меня обещания держать все в секрете, я не только не встретил в них недоумения или отпора, но, наоборот, все они восприняли это с готовностью и немедленно согласились со мной. Все охотно дали обещание хранить тайну, и у всех у нас было такое чувство, словно мы сбросили с себя какую-то давящую ношу. Вот это и был наш первый сговор.

Впервые мы вместе приняли определенное решение, и это, пожалуй, было первое звено в цепи событий, отделивших нас от других людей. Обозначилась грань между нами и ими, хотя тогда мы, конечно, не понимали, да и не могли понимать, насколько серьезен был этот самый первый шаг...

Это событие, касавшееся только нас, совпало с другим — вооруженным набегом из Джунглей.

Как всегда в таких случаях, организованного плана сопротивления не было. Селение наше было разбито на участки, и все взрослые мужчины по тревоге должны были собираться на своих участках и уже на месте решать, как дать отпор банде. С небольшими бандами обычно справлялись легко, но, когда люди Джунглей находили вожаков, способных организовать большую банду, нам приходилось туго. Банды легко сминали небольшие отряды нашей милиции на границах и, не встречая серьезного сопротивления, вторгались в наши земли миль на двадцать — двадцать пять вглубь.

Но на этот раз наши люди не были застигнуты врасплох, да и вооружены они были неплохо: у многих были ружья, тогда как у вторгшейся банды, кроме нескольких старых, когда-то украденных ружей, были лишь ножи, луки и стрелы. И все же сладить с ними было трудно: они гораздо лучше умели прятаться в лесу, да и дрались, надо отдать им должное, неплохо, поэтому настигнуть их и заставить принять открытый бой удалось лишь уже в глубине нашей территории, милях в пятнадцати от пограничной зоны.

Набег, сражение, погоня — что может быть интереснее для мальчишки?! Люди Джунглей были не более чем в семи милях от Вакнука, и наш двор стал местом военного сбора. Отец, который в первые же дни набега был ранен в руку, помогал сколачивать отряды добровольцев, и несколько дней на нашем дворе выстраивали все новых и новых бойцов, а женщины со слезами провожали уходящие отряды. Когда ушел последний отряд и вместе с ним все рабочие с нашей фермы, во дворе стало как-то непривычно тихо. Через некоторое время прискакал одинокий всадник и, задыхаясь, рассказал нам об удачном сражении и бегстве банды, несколько вожаков которой, по его словам, были взяты в плен.

— Бежали так, что только пятки сверкали! — закон-

чил он свой короткий рассказ и поскакал с этой вестью дальше.

В тот же день небольшой отряд всадников заехал к нам во двор. С ними были два пленных вожака. Узнав об этом, я бросил все свои дела и побежал смотреть на пленных. Поначалу зрелище разочаровало меня: по многочисленным рассказам о Джунглях я ожидал увидеть как минимум чудищ с двумя головами, заросших шерстью, с дюжиной рук и ног, похожих на щупальца осьминога. Вместо этого я увидел двух в общем-то обыкновенных бородатых мужчин, правда, ужасно грязных и оборванных. Один из них был коротышка с жесткими клочковатыми волосами, торчавшими так, словно их отхватили тупым ножом. Когда же я глянул на второго, у меня перехватило дыхание. Я просто остолбенел и никак не мог оторвать от него взгляда, потому что... Потому что, если бы он был одет более или менее прилично и борода его была аккуратно подстрижена, он был бы точной копией моего отца...

Его взгляд на миг задержался на мне. Он цепко глянул мне в лицо, и в глазах его мелькнуло странноватое выражение, которое показалось мне одновременно отталкивающим и притягивающим...

Какие-то слова уже были готовы сорваться с его языка, но тут из дома вышла группа людей и с ними мой отец. Отец остановился на ступеньке крыльца и здоровой рукой помахал всадникам. Потом он, как и я, заметил того человека. Несколько секунд он не отрывал от него пристального взгляда, и вдруг кровь отхлынула у него от лица — он посерел у меня на глазах.

Я быстро перевел взгляд с отца на его «двойника». От выражения его лица у меня что-то екнуло в груди. Никогда до сих пор мне не приходилось видеть ненависть, такую страшную в своей неприкрытой откровенности: неожиданно прорезавшиеся складки возле глаз и губы, приоткрывшие злобный, звериный оскал. Эта внезапная вспышка злобы подействовала на меня как пощечина. Я столкнулся с чем-то, чему не мог еще дать названия,— чем-то непонятным и настолько страшным, что это звероподобное лицо навсегда врезалось в мою память...

Отец, по-прежнему без кровинки в лице, здоровой рукой ухватился за дверной косяк, несколько секунд постоял так, прикрыв глаза, и медленно, как дряхлый старик, повернулся и вошел в дом.

Один из охранников перерезал веревку, связывающую пленника, тот расправил затекшие руки и плечи, и я наконец понял, чем он отличался от нормальных людей: он был сантиметров на сорок выше, чем все стоящие вокруг, но совсем не потому, что был уж очень рослым и здоровым мужчиной. Дело было в его ногах. Они были чудовищно длинные и почти такие же тонкие, как руки. Руки его тоже были непропорционально длинны, и эта уродливая удлиненность конечностей делала его похожим на паука...

Стражники дали ему поесть и выпить пива, и он присел на скамью возле крыльца; его костлявые колени при этом стали почти вровень с плечами. Жуя хлеб с сыром, он внимательно оглядывал двор, не упуская ни одной детали, и его взгляд снова остановился на мне. Он поманил меня к себе, но я сделал вид, будто не заметил этого. Он поманил меня снова, и я устыдился своего страха. Я подошел ближе, но все же мысленно прикинул расстояние так, чтобы «паук» не смог дотянуться до меня своими длинноцими руками.

— Как тебя звать, парень? — спросил он.

— Дэвид,— сказал я.— Дэвид Строрм.

Он кивнул, словно я подтвердил то, что он и без того знал.

— Человек на крыльце с рукой на перевязи — твой отец, Джозеф Строрм, не так ли? — был следующий его вопрос.

— Ну да,— сказал я.

Он опять кивнул и снова внимательно оглядел наш дом и весь двор.

— Стало быть, это Вакнук? — не то спросил, не то просто отметил для себя он.

— Да,— сказал я в третий раз и стал ждать следующего вопроса. Может быть, он и спросил бы меня о чем-нибудь еще, но тут один из стражников велел мне отойти подальше. Вскоре маленький отряд уехал по направлению к Кентаку, и я, честно говоря, был этому рад: мое первое знакомство с людьми из Джунглей оказалось совсем не таким интересным, как я себе представлял, и лишь оставило у меня в душе какой-то неприятный осадок.

Позже я слышал, что обоим пленникам удалось той же ночью сбежать. Я не помню, кто сказал мне об этом, во всяком случае, не отец: от него я ни разу не слышал ни слова об этом странном человеке, а у меня самого так и не хватило мужества спросить его, кто такой был этот «паук».

3

Когда все постепенно успокоились после набега и наши люди вернулись к своим обычным делам и заботам, отец вновь рассорился с моим дядей — Ангусом Мортоном. Они вообще были настолько несхожи во всем, что уже много лет находились в натянутых отношениях. От отца мы постоянно слышали о беспринципности Ангуса и его разлагающем влиянии на сосе-дей. Ангус же неустанно повторял, что Джозеф Строрм — упрямый догматик, в башке у которого нет ни капли здравого смысла. Поводом к очередной крупной ссоре стала на этот раз пара здоровенных лошадей, купленных Ангусом. Слухи об этих лошадях просочились в Вакнук, но никто их до сих пор в глаза не видал. Однако сам факт, что лошади появились именно у Мортона, насторожил отца, и он не поленился поехать взглянуть на них.

Одного взгляда на этих громадных животных было достаточно для отца, чтобы немедленно счесть их неправильными. С брезгливой гримасой он повернулся к ним спиной и отправился прямиком к инспектору, чтобы потребовать немедленного уничтожения нечисти. Однако дело приняло неожиданный оборот.

— На сей раз вы не правы,— с ядовитой улыбкой сказал отцу инспектор, весьма довольный тем, что данный случай никаких споров и пререканий не вызовет.— На них есть разрешение правительства, и говорить, стало быть, тут не о чем.

— Не верю я в это!— раздраженно буркнул мой отец.— Никогда еще бог не создавал лошадей такого размера, и правительство не могло дать на них разрешение.

— Однако разрешение есть,— твердо сказал инспектор.— Более того, сам Ангус, зная своих соседей, выправил на своих лошадей специальное разрешение в письменном виде.

— Люди, выдающие подобные разрешения, не заслуживают никакого уважения! Это ни в какие ворота не лезет!— вышел из себя отец.

— Вы оспариваете законность официального документа?— ледяным тоном осведомился инспектор. Но отца этот тон не смутил.

— Я прекрасно понимаю, почему кое-кто смотрит сквозь пальцы на это,— сказал он.— Один такой выродок может работать за двоих, даже за троих лошадей, а обходится он дешевле. Что ж, выгода есть, а значит, есть и повод попустительства беззаконию. Но это еще не значит, что они нормальны! Такая лошадь не есть творение господа, это нечисть, подлежащая уничтожению!

— В официальном заключении сказано, что порода выведена обычным путем, но никто не лишает вас прав искать у них отклонение от НОРМЫ,— миролюбиво заметил инспектор.

— Все это оттого, что держать таких монстров выгодно!— упрямо твердил мой отец.— Но вы! Вы-то ведь видите, что они неправильные, как бы кто ни закрывал на это глаза. Подумайте, что будет, если мы будем смотреть сквозь пальцы на то, про что точно знаем: это отклонение?! Нельзя отступать от веры только лишь оттого, что кому-то удалось выправить разрешение! Кто тверд в вере, тот знает, что от господа, а что от дьявола, и всегда будет знать это, даже если правительство этого знать не хочет!

— Повторяется история с дэйкеровской кошкой?— насмешливо спросил отца инспектор. Отец покраснел и раскашлялся.

...Дело в том, что около года назад отец узнал о бесхвостой кошке, которую подобрала жена Бена Дэйкера. Выяснив, что кошка эта была бесхвостой от рождения, отец потребовал от инспектора санкции на ее уничтожение, которую тот и выдал. Однако Дэйкеры подали жалобу, и это так разозлило отца, что он собственноручно привел приговор в исполнение, не дожидаясь официального судебного решения. Однако дело обернулось весьма неожиданно: пришло официальное уведомление о том, что существует признанная и утвержденная порода бесхвостых кошек (кстати, порода весьма ценная), и отцу пришлось публично извиниться, не говоря уж о возмещении Дэйкерам нанесенного им материального ущерба...

— Это дело гораздо серьезнее,— оправившись от смущения, твердо произнес отец.

— Послушайте, Строрм!— уже теряя терпение, сказал инспектор.— Порода имеет официальное разрешение. На эту пару есть письменное разрешение. Если всего этого вам мало, ступайте и застрелите их собственноручно, на свою ответственность. Но помните мое слово: простым извинением вы тут не отделаетесь!

— Ваш долг — выдать мне разрешение на казнь этих ублюдков!— не унимался отец, пока окончательно не вывел инспектора из себя и тот в сердцах не крикнул:

— Мой долг — защищать их от догматиков и кретинов!

Не знаю, дошло ли у них дело до драки,— думаю, что нет, но несколько дней отца буквально трясло от ярости и злобы. В следующую субботу он заставил нас всех воссылать проклятия укрывателям мутантов, оскверняющих чистоту всего поселка. Он призывал к бойкоту владельцев «нечисти», разглагольствовал о коррупции и попустительстве властей и закончил тем, что объявил некоторых официальных лиц поборниками сил «Зла и Порока».

Инспектор не стал раздувать публичного скандала, но кое-какие реплики его относительно религиозных «маньяков» и «кретинов» дошли до отца. Это была последняя капля, переполнившая его терпение. Пускай у него была куча неприятностей из-за злополучной дэйкеровской кошки, но лошадей Ангуса он вынести не мог... Может быть, окажись их владельцем кто-нибудь другой, но Ангус!.. Ярость его искала выхода...

Вся эта накаленная атмосфера в доме позволяла мне делать что вздумается и убегать из дома когда захочется. На меня никто не обращал внимания.

Незнакомые люди перестали появляться в наших окрестностях, и родители Софи опять стали отпускать ее из дому на песчаную насыпь. Часто и мне удавалось пробраться туда незамеченным.

О том, чтобы Софи ходила в школу, как все остальные дети, не могло быть и речи: все обнаружилось бы очень быстро, будь у нее даже фальшивая Метрика. Родители сами учили ее читать и писать, но никаких книг у них не было, поэтому во время наших прогулок и игр я старался как можно подробнее рассказать ей о том, чему нас учили и что читал я сам.

— Мир, где мы живем, очень большой,— рассказывал я Софи,— цивилизованная часть его, к которой принадлежит наш Вакнук,— лишь крохотный пятачок. Называется он Лабрадор. Говорят, что название это дали ему еще Древние, но точно никто этого не знает. Вокруг почти всего Лабрадора очень много воды, она называется морем, и там полно всякой рыбы. Никто из тех, кого я знал, не считая дядю Акселя, не видел моря, потому что оно очень далеко отсюда — миль триста на восток или северо-восток. Если же идти к югу и к юго-западу, можно прийти лишь к Джунглям, а дальше, еще дальше — к Плохой Земле, которая убивает.

Еще нам говорили, хотя этого тоже никто не знал наверняка, что во времена Древних Лабрадор был очень холодной землей, такой холодной, что жить здесь никто не мог. Древние лишь выращивали тут деревья и занимались какими-то своими таинственными делами. Но все это было очень давно. Тысячу? Две тысячи лет назад? А может быть, еще раньше? Обо всем этом можно лишь гадать. Трудно сказать, сколько поколений людей жили, как звери, до наступления Очищения и начала письменности. Одни лишь «Раскаяния» (или, как их еще называли, «Откровения») Никольсона дошли до нас от тех времен, да и то потому, что пролежали много столетий искусно спрятанными в скале. Только библия осталась от Древних.

Все, о чем рассказывалось в этих двух книгах, относится к далекому-далекому прошлому. А о том, что было в промежутке между Карой, ниспосланной на Древних, и нами, никто толком ничего не знает. Об этом промежутке существует множество легенд и сказаний. Собственно, и само название Лабрадор возникло из этих легенд — ни в библии, ни в «Раскаяниях» о такой земле не упоминалось. Может, и вправду это была холодная земля, хотя сейчас здесь холодно только месяца два в году?.. Кто знает...

Долгое время шли споры: были ли обитаемы раньше другие части света, кроме Лабрадора и большого острова Ньюфа? Считалось, что все они были плохими — на них пришлась вся тяжесть Великой Кары. Но местами там были найдены остатки земли, напоминавшей Джунгли. Конечно, они совершенно неправильные. Жить там нельзя, во всяком случае, сейчас...

Не так уж много мог я рассказать о мире, в котором мы живем, но в любом случае говорить об этом было куда интереснее, чем об Этике, которой нас обучал по воскресеньям высокий, седой старик учитель. Этика... Он объяснял нам, что можно делать, а чего делать нельзя. Большинство запретов совпадало с теми, которые вдалбливал в нас дома отец, но объяснения иногда были разными.

Человечество, гласила Этика, то есть люди в цивилизованных местах, находится в процессе возврата к былому процветанию. Тернистым и нелегким путем идем мы к тем вершинам, которые когда-то утратили. Кроме Истинного пути к этим вершинам, есть множество ложных, которые порой кажутся более легкими и потому заманчивыми, но ведут они к гибели. Есть лишь один Истинный путь, и, следуя ему, мы с божьей помощью, как гласила Этика, обретем в назначенное время то, что когда-то потеряли. Но так много на этом пути скользких дорог и ловушек, что каждый шаг наш должен быть осторожен, и не следует человеку полагаться в делах своих лишь на собственный разум. Только облеченные властью способны судить о каждом шаге нашем, только они могут отличить путь истинный, ведущий к благу, от ложного, ведущего к гибели.

Нужно извлечь урок из Великой Кары, постигшей мир Древних, с верой пройти весь тернистый путь, и, если мы одолеем все искушения, будут нам Прощение и Награда: Золотой век.

Были некогда ниспосланы на людей различные кары: землетрясения, потопы, мор, глад, гибель городов и народов. Великая же Кара была последней и самой страшной, как если бы все предыдущие кары объединились в одну. Почему была она ниспослана и за что? Никто не знает, но, судя по всему, было это во.время всеобщего кощунства и поругания веры.

Все заповеди и примеры в Этике сводились к тому, что долг и назначение человека — бороться со злом и пороком. Каждый должен следить за тем, чтобы не было среди нас отклонений от НОРМЫ.

В эту часть Этики я старался не посвящать Софи. Не то чтобы я считал ее мутантом, этого у меня и в мыслях не было. Но все же в разговорах с ней я старался не касаться этой щекотливой темы.

Глава пятая

1

Стоило мне исчезнуть с глаз домашних, и в Вакнуке обо мне словно забывали. Но стоило мне послоняться у всех на виду, как для меня тут же находилась работа.

Лето выдалось прекрасное, и фермерам не на что было жаловаться, лишь изредка им приходилось прерывать работу для истребления нечисти. Но отклонений было на редкость мало, разве что среди овец появилось несколько неправильных ранней весной. С урожаями же все обстояло благополучно, и инспектор выдал санкцию лишь на сожжение одного-единственного поля, принадлежавшего Ангусу Мортону.

Среди овощей тоже было немного отклонений, и год этот мог по праву считаться на редкость удачным: все соответствовало НОРМЕ. Даже мой отец был доволен и в одной из своих проповедей отметил, что Вакнук в этом сезоне дал достойный отпор силам Зла.

— Хвала господу! — сказал он.— Кара за лошадей-уродов обрушилась лишь на их хозяина, а не на весь поселок!

Все были так заняты уборкой урожая, что я почти каждое утро незамеченным убегал из дому и долгими летними днями бродил по окрестностям с Софи. Частенько мы стали заходить с ней все дальше и дальше от дома, хотя никогда не забывали об осторожности. У нее выработался своего рода инстинкт: стоило вдали показаться незнакомой фигуре, как Софи бесшумно исчезала в зарослях кустарника. Единственный человек, которого она не боялась, был Корки, присматривающий за паровым двигателем. Все прочие жители поселка, разумеется, кроме меня, воспринимались ею лишь как источник опасности.

У нас с ней было излюбленное место — у ручья, где были песчаные отмели, и я любил, разувшись и закатав штаны до коленей, бродить там, отыскивая все новые и новые лужицы и маленькие озерца. Софи обычно в это время сидела на каком-нибудь большом теплом камне и с любопытством наблюдала за моими поисками. Потом мы стали брать с собой две небольшие сети — их сплела миссис Уэндер — и сачок для рыбы. Я ловил сетями небольших рыбешек, похожих на головастиков, а Софи в это время пыталась достать их сачком с берега. У нее это плохо получалось, и вскоре она бросила сачок и стала по-прежнему лишь с завистью наблюдать за мной. Но однажды желание половить рыбок взяло верх, и она осторожно сняла сначала один башмак, потом другой, с опаской озираясь по сторонам. Закатав штаны до коленей, она вошла в ручей и несколько минут стояла в воде по щиколотки, разглядывая свои босые ноги.

— Иди сюда! — крикнул ей я.— Тут полным-полно рыб!

Она отбросила наконец все свои опасения и страхи и, радостно хохоча, бросилась ко мне. Когда мы устали носиться по лужицам и набрали почти полный сачок рыбешек, мы присели на обломок камня, вытянув ноги, и стали греться на солнце.

— Они ведь не такие уж страшные, правда? — спросила Софи, указывая на свои маленькие ступни.

— Они совсем не страшные. Когда я смотрю на них, мне кажется, что моим чего-то не хватает,— искренно ответил я. Она так и просияла.

Несколько дней спустя мы снова ловили рыбу в этом месте. Сачок мы укрепили возле камня и то и дело подбегали к нему, чтобы кинуть в него новую порцию улова. Мы так увлеклись, что ничего не замечали вокруг, пока вдруг у меня за спиной не раздался голос:

— Привет, Дэвид!

Я оглянулся, ничуть не испугавшись, потому что совсем не думал в тот момент о тайне Софи.

Мальчишка, окликнувший меня, стоял на берегу рядом с камнем, на котором лежали наши башмаки. Я хорошо знал его. Это был Алан, сын Джона Эрвина, кузнеца. Он был года на два старше меня. И только в этот момент я вспомнил, что Софи босая.

— Привет, Алан,— ответил я без особой радости, подошел к камню и поднял башмаки Софи.

— Лови! — крикнул я и кинул ей башмаки, стараясь, чтобы они упали к ней как можно ближе.

Один она поймала сразу, а второй упал в воду, но она быстро нагнулась и вытащила его.

— Чем это вы тут занимаетесь? — спросил Алан.

Я объяснил, что мы ловили мелких рыбешек, стараясь избегать его вопрошающего взгляда: кое-что я о нем знал, и у меня были все основания не особенно радоваться этой встрече.

— Рыбешек? — презрительно хмыкнул он.— И этих-то головастиков вы называете рыбешками?

Он перевел взгляд с меня на Софи, которая медленно взбиралась на берег, держа башмаки в руках.

— А это еще кто? — спросил он.

Я замешкался с ответом, натягивая ботинки, и когда поднял голову, увидел, что Софи уже успела спрятаться в кустах.

— Кто это? — повторил Алан.— Что-то я ее никогда раньше...

Внезапно он умолк на полуслове: что-то привлекло его внимание позади меня. Я быстро обернулся и увидел отпечаток маленькой босой ножки на мокром песке — небольшой отмели посреди ручья. Софи ступила туда, ловя второй башмак. След был совсем свежий, и на нем ясно были видны шесть пальцев.

Я схватил сачок и выплеснул все его содержимое на это место. Горсть рыбешек вместе с водой тут же стерли отпечаток ножки Софи, но в тот же миг я понял, что все мои старания скрыть правду были тщетны: я опоздал.

— Вот это да-а!..— протянул Алан, и в глазах его промелькнуло выражение, которое мне очень не понравилось... Очень...

— Кто она? — уже с ноткой требовательности спросил он в третий раз.

— Моя подружка,— произнес я, стараясь выговорить это как можно тверже и независимее.

— Ну, и как же зовут эту твою подружку? — насмешливо спросил он.

Я промолчал.

— Ну что ж, скоро мы это разузнаем,— зловеще пообещал он.

— А тебе-то какое до этого дело? — огрызнулся я.

Но Алан, не обращая больше внимания на меня, вскочил на обломок скалы и стал пристально вглядываться в заросли кустарника — туда, куда спряталась Софи.

Не колеблясь больше ни секунды, я бросился на него с кулаками. Он был намного здоровее меня, но я застал его врасплох, и мы кубарем скатились с камня. Я не очень хорошо умел драться, но злость придавала мне силы. У меня была только одна цель: дать время Софи надеть башмаки и скрыться. Если она успеет это сделать, он никогда не найдет ее, я был в этом уверен. Придя в себя от моего неожиданного наскока, Алан здорово врезал мне раза два по физиономии. Это заставило меня на время забыть про Софи и удвоило мою злость. Хрипя и отплевываясь от попадавшего в рот песка, мы катались по берегу, но вскоре силы мои стали сдавать, и он это сразу почувствовал. Все же мне удалось на время отвлечь его и не дать сразу броситься вслед за Софи. В конце концов он уселся на меня верхом, и все, что я мог теперь делать,— это защищать от ударов голову. Вдруг Алан издал странный вопль, скорее, даже стон, и удары прекратились. Тело его обмякло, я легко выбрался из-под него, протер глаза, огляделся и увидел... Увидел Софи, стоящую рядом с тяжелым острым камнем в руке.

— Это я его стукнула! — с гордостью воскликнула она.— Как ты думаешь, он умер?

Стукнула она его здорово. Он лежал без движения с побелевшим лицом, залитым кровью, однако было слышно его хриплое, прерывистое дыхание, так что убить она его не убила.

— О господи! — вдруг всхлипнула Софи и выронила камень из рук.

Мы посмотрели на Алана, потом друг на друга. И у нее, и у меня было естественное желание как-то помочь лежащему на песке парню. Но мы очень боялись.

— Никто и никогда не должен узнать об этом! — множество раз твердила нам миссис Уэндер.— Никто и никогда!

Парень, лежавший у наших ног, знал это. Страх сковал нас намертво, страх этот мешал нам подойти к Алану ближе и попробовать привести его в чувство.

Наконец я поднялся на ноги, взял Софи за руку и твердо сказал:

— Пошли.

2

Джон Уэндер внимательно слушал наш торопливый, сбивчивый рассказ.

— Вы уверены, что он видел? Может быть, он просто заинтересовался Софи, потому что никогда раньше ее здесь не встречал?

— Нет,— твердо ответил я.— Он видел след.

— Понимаю,— кивнул Уэндер. Меня поразило его спокойное и задумчивое лицо. Он внимательно посмотрел на нас обоих: на расширенные от страха и возбужденные глаза Софи, на мою, заляпанную грязью, в ссадинах и кровоподтеках физиономию. Потом перевел взгляд на жену.

— Боюсь, это случилось, родная,— мягко сказал он.

— Джонни...— Миссис Уэндер побледнела, руки ее беспомощно опустились.

— Мне очень жаль, Марта, но это так, ты знаешь. Мы всегда знали, что когда-нибудь это произойдет. Слава богу, что все случилось, когда я здесь. Сколько времени тебе нужно, чтобы собраться?

— Очень мало, Джонни. Ты... ты прав, я всегда... всегда ждала этого и всегда была наготове.

— Ну что ж, надо торопиться.— Джон Уэндер встал и подошел к жене. Наклонившись, он обнял ее и бережно поцеловал. Слезы навернулись ей на глаза.

— Ох, Джонни.... Ты... ты всегда был так добр ко мне!.. Ты никогда, ни словом... ни в чем не упрекнул меня за то горе, которое я принесла тебе!..

Он закрыл ей рот своими губами, и несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга, а потом оба перевели взгляд на Софи. К миссис Уэндер вернулась ее обычная ласковая улыбка. Она быстро накрыла на стол.

— Скоренько умойтесь оба и садитесь есть,— сказала она нам.— И поешьте как следует, ничего не оставляйте.

Умыв лицо и кое-как приведя себя в порядок, я взглянул на миссис Уэндер и неожиданно для себя задал вопрос, который уже давно вертелся у меня на языке.

— Миссис Уэндер,— спросил я,— если все дело только в пальцах... Почему вы не могли отрезать по одному у нее на каждой ступне? Когда она была еще совсем маленькой? Ведь тогда ей было бы не так уж больно, и никто не догадался бы, что... что их было больше? А?

— Нет, Дэви,— вздохнула миссис Уэндер.— Остались бы следы, люди заметили бы их и рано или поздно докопались бы до правды... Ешьте, ешьте скорее! — заторопилась она и быстро вышла из комнаты.

— Мы уезжаем,— шепнула мне Софи, когда мы доедали пирог.

— Уезжаете? — растерянно переспросил я.

Она кивнула.

— Мама давно говорила, что мы должны будем уехать, если кто-нибудь увидит это. Мы хотели уехать еще тогда... Ну, когда ты увидел...

— Как это?..— До меня только сейчас дошел смысл сказанного.— Вы уезжаете насовсем? Чтобы никогда уже сюда не вернуться?

— Да. Наверное, так,— грустно подтвердила Софи.

Я был очень голоден, но после этих слов мне расхотелось есть. Я сидел и тупо размазывал по тарелке пирог, вслушиваясь в звуки, доносящиеся из соседней комнаты. Теперь я знал, что там происходит. Я посмотрел через стол на Софи. В горле у меня застрял какой-то ком, который я никак не мог проглотить, и мне с трудом удалось выдавить из себя лишь одно слово.

— Куда?..— хрипло спросил я.

— Не знаю. Наверное, далеко,— тихо сказала Софи.

Мы сидели друг против друга, Софи тихонько всхлипывала, дожевывая пирог, а я все никак не мог проглотить комок, застрявший у меня в горле. Все вокруг казалось мне каким-то пустым, бессмысленным, я чувствовал, что теперь все уже никогда не будет таким, как было. Все... Чувство это охватило меня с такой силой, что я с трудом удерживал слезы.

Миссис Уэндер внесла в комнату несколько узлов и корзин. Как сквозь пелену я видел, что она сложила их возле двери и вышла. Потом она вновь появилась и увела с собой Софи. Вошел Джон Уэндер с узлами и свертками. Когда он сложил их у двери и повернулся, чтобы уйти, я вскочил и побежал вслед за ним. Во дворе стояла пара лошадей с поклажей, и я удивился, что их не впрягли в повозку. Когда я спросил об этом мистера Уэндера, он покачал головой.

— С повозкой, Дэви, можно ехать только по дороге, а на лошадях скачи куда хочешь.

Глядя, как он привязывает тюки к седлам, я неожиданно для себя набрался храбрости и выпалил:

— Мистер Уэндер! А вы... Вы не могли бы взять с собой меня?!

Он на мгновение замер, потом обернулся, несколько секунд мы смотрели друг на друга, и он медленно с горечью покачал головой. Видя, что на глаза мои навернулись слезы, он положил мне руку на плечо и сказал:

— Зайдем в дом, Дэви.

Миссис Уэндер стряла в пустой гостиной, видимо, стараясь сообразить, не оставила ли она чего-нибудь впопыхах.

— Марта! — окликнул ее Уэндер.— Слушай, Марта, он... Он хочет уехать с нами!..

Не говоря ни слова, она присела на краешек стула и протянула ко мне руки. Я подошел к ней, не в силах произнести ни звука. Она посмотрела мимо меня на мужа, и слова со стоном сорвались с ее губ:

— Джонни!.. Ох, Джонни! Этот его ужасный отец... Я боюсь его!..

Стоя рядом с ней, я отчетливо в и д е л все ее мысли. Они были для меня гораздо понятнее, чем любые слова. Я з н а л, что она чувствует, з н а л, как страстно хочет она, чтобы я уехал с ними, и как хорошо она знает и понимает, что я не могу, не должен ехать. Я знал, каков будет ответ, еще задолго до того, как Джон Уэндер произнес первое слово.

— Я все понимаю, Марта!— сказал он.— Пойми, больше всего на свете я боюсь за Софи... И за тебя. Если нас все-таки поймают, то обвинят уже не только в сокрытии отклонения, но еще и в похищении ребенка, понимаешь?

— Джонни! Если они отберут у нас Софи, мне уже нечего будет больше терять! Какая разница?!

— Есть разница, родная,— мягко возразил жене Уэндер.— Когда они убедятся, что мы убрались из их района, они успокоятся: пускай за нас теперь отвечают другие. Но если исчезнет сын Строрма, поднимется вой на всю округу, и у нас не останется ни единого шанса. Они нас из-под земли достанут! Это не просто риск. Это конец!

Несколько секунд она молчала. Я знал, о чем она думает. Ее руки обвились вокруг моей шеи, и она медленно проговорила:

— Ведь ты понимаешь это, Дэви? Если ты уйдешь с нами, твой отец будет так зол, что вряд ли нам удастся убежать. Я... я бы очень хотела, чтобы ты был с нами, но... Ради Софи, ради нее, Дэви, ты не должен этого делать! Будь умницей, пожалуйста! Ведь, кроме тебя, у нее нет друзей. Ты должен остаться ради нее! Ты... ты сделаешь это, Дэви? Сделаешь, как я говорю?..

Ее слова лишь подтвердили то, что я и так уже з н а л по ее мыслям — знал гораздо лучше, чем с ее слов. У меня не было выбора, но не было и сил сказать хоть слово в ответ, и я лишь молча кивнул... И долго стоял, прижавшись лицом к ее рукам, а она обнимала меня так, как еще ни разу в жизни меня не обнимал никто. Как ни разу в жизни меня не обнимала моя родная мать...

3

Они закончили собираться еще до наступления сумерек. Когда все было готово, мистер Уэндер отвел меня в сторону.

— Дэви,— помолчав, сказал он.— Я знаю, что ты любишь Софи. Ты вел себя, как настоящий мужчина, и сделал для нее все, что мог. Но есть еще одна вещь, которую ты можешь сделать и которая поможет ей. Ты... ты сделаешь это, Дэви?

— Да,— твердо сказал я.— Я сделаю все, что вы мне скажете, мистер Уэндер.

— Когда мы уедем,— сказал он,— не возвращайся домой с р а з у. Ты мог бы побыть здесь... Ну, скажем, до утра? У нас тогда было бы больше времени, понимаешь? Ты... побудешь?

— Да,— ответил я, и он пожал мне руку, как мужчина мужчине. Мне стало чуть легче от этого рукопожатия. Я почувствовал себя сильнее, а главное, всей душой ощутил, что кто-то во мне нуждается. Во мне и в моей помощи. Нечто похожее я почувствовал еще в нашу самую первую встречу с Софи, когда она подвернула лодыжку...

Мы подошли к лошадям, и Софи протянула мне руку. В кулачке у нее было что-то зажато

— Это тебе, Дэви,— сказала она.

Я протянул свою руку, и она вложила мне в ладонь прядь своих каштановых волос, перевязанных желтой ленточкой. Потом она обвила мою шею своими ручонками и поцеловала меня прямо в губы, а я стоял и смотрел на эту тоненькую прядь...

Отец взял ее на руки и усадил на лошадь. Миссис Уэндер поцеловала меня так же нежно, как до этого сделала ее дочь, и прошептала:

— Прощай, Дэви... Прощай, мой милый.— И, потрогав ссадины на моем лице, одними губами шепнула: — Мы... мы не забудем этого, Дэви! Никогда не забудем...

Они тронулись в путь. Джон Уэндер одной рукой правил лошадьми, другой обнимал жену. На опушке леса они остановились и помахали мне на прощание. Я махнул рукой в ответ, и они тронулись дальше. Последнее, что я видел, была ручонка Софи, махнувшая мне перед тем, как окончательно исчезнуть среди деревьев, на которые уже тем временем спускались сумерки.

4

Домой я вернулся засветло, когда все уже были в поле. Двор был пуст, но возле коновязи стояла лошадь инспектора, и я понял, что отец дома. Я честно выполнил просьбу мистера Уэндера и надеялся, что они успели уехать уже далеко. Хоть я и твердо решил не возвращаться домой до утра, когда наступила ночь, мне стало не по себе: никогда я еще не ночевал в чужом доме. В доме Уэндеров все мне было знакомо, но в опустевших комнатах чудились какие-то шорохи и скрипы. Я нашел несколько свечных огарков, зажег их, растопил печку, и потрескивающие поленья немного развеяли мои страхи. Но и внутри дома, и снаружи мне долго еще мерещились странные шорохи и непонятные звуки...

Я сел у стены так, чтобы вся комната была у меня перед глазами. Временами страх подступал к горлу, становился невыносимым, и только мысли о Софи приковывали меня к скамейке. Но я ни на секунду не мог забыть, что снаружи — кромешная тьма, а я здесь — один-одинешенек.

Так прошла вся длинная ночь, и ничего страшного со мной не случилось. Где-то среди ночи я набрался храбрости, поднялся со скамейки и прилег на кровать. Долго я смотрел на пламя свечей, с ужасом думая, что будет, когда они погаснут. В конце концов они действительно погасли и... В окна брызнули лучи солнца. Должно быть, я все-таки уснул.

У Уэндеров я нашел кусок черствого хлеба, но, вернувшись домой, снова ощутил сильный голод. Впрочем, с едой можно было и подождать. Единственное, чего мне сейчас по-настоящему хотелось, это проскользнуть незамеченным в свою комнату и притвориться, будто я просто-напросто проспал рассвет. Но мне не повезло.

Когда я крался по двору, из кухни меня увидела Мэри и крикнула:

— Скорей иди сюда! Тебя все давно ищут, ты где был?!— И, не дожидаясь моего ответа, добавила:— Отец в бешенстве. Немедленно иди к нему, а то будет еще хуже!

Отец сидел с инспектором в комнате, которой мы редко пользовались. Я вошел в самый неподходящий момент: инспектор внешне казался спокойным, но отец был просто вне себя.

Я подошел к нему.

— Где ты был?— спросил он тоном, не сулящим ничего хорошего.— Тебя не было дома всю ночь! Ну? Где ты был, я спрашиваю?!

Я молчал. Он выпалил еще несколько вопросов, и я не ответил ни на один из них, хотя ноги мои дрожали от страха: никогда еще до сих пор я не видел его в такой ярости.

— Ну ладно,— скрипнул он зубами,— никакое запирательство тебе все равно не поможет. Кто была эта... эта н е ч и с т ь, с которой тебя видели вчера?!

Я молчал по-прежнему. Отец стал приподниматься со стула, но тут вмешался инспектор.

— Дэвид,— сказал он вполне миролюбиво,— сокрытие богохульства, в особенности когда речь идет о подобии человека, вещь очень серьезная, и я хочу, чтобы ты понял это. За подобное укрывательство людей сажают в тюрьму. Долг и обязанность каждого — немедленно сообщать мне о любом о т к л о н е н и и, даже о любом с о м н и т е л ь н о м случае. Здесь же, если только эрвинский мальчишка не ошибся, речь идет о я в н о м отклонении от НОРМЫ, о самом настоящем кощунстве. Он сказал, что эта... этот ребенок... Словом, что у нее на ноге ш е с т ь пальцев. Это правда, Дэвид?

— Нет,— с трудом выдавил я.

— Он лжет!— крикнул отец.

— Ну что ж,— протянул инспектор,— если это неправда, то ничего страшного не случится, и ты можешь нам честно сказать: кто она и откуда? Ведь так, Дэвид?

Я ничего не ответил ему, да и что мне было сказать? Мы молча смотрели друг на друга.

— Ты не можешь не согласиться со мной, Дэвид,— терпеливо и настойчиво добивался от меня ответа инспектор.— Если все это н е п р а в д а...

— Хватит!— резко перебил его отец.— В конце концов это мой сын, и справиться с ним — мое дело. Ступай к себе!— бросил он мне, даже не взглянув при этом в мою сторону.

Одну секунду я колебался. Я хорошо знал, что означало его «иди к себе», но я знал и то, что в том состоянии, в каком был сейчас отец, он изобьет меня независимо от того, скажу я правду или нет. Я повернулся и пошел к двери. Отец двинулся за мной, прихватив со стола хлыст.

— Это мой хлыст,— ледяным тоном произнес инспектор.

Отец, казалось, не расслышал его... Тогда инспектор встал с места и повторил фразу так, что отец поневоле остановился. Секунду или две он с яростью смотрел на инспектора, потом швырнул хлыст на стол и вышел вслед за мной...

5

Не знаю, где была в это время мать. Может быть, она просто боялась отцовского гнева. Ко мне зашла Мэри, помогла раздеться и лечь в кровать. Она не могла удержать слез. Я же изо всех сил старался держаться стойко, пока она была рядом. Но когда она, дав мне выпить горячего бульона, вышла из комнаты, слезы хлынули у меня из глаз. Я ревел не от боли, вернее, не от физической боли, а от стыда и беспомощности: с отчаянием я сжимал в руке прядь каштановых волос, перевязанных желтой лентой, и, захлебываясь в рыданиях, бормотал:

— Я ничего не смог сделать... Софи... Я ничего... ничего не смог!..

Перевел с английского
Феликс САРНОВ.

Продолжение следует.

Джон УИНДЕМ

ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ

Научно-фантастический роман

Рисунок Бориса Сопина

Глава шестая

1

Вечером, когда мне стало лучше, я услышал, что Розалинда пытается поговорить со мной. Чувствовал я тревогу и остальных наших. Я рассказал им про Софи: теперь это уже не было тайной. Мой рассказ напугал их, и я постарался растолковать им, что отклонение — во всяком случае, такое маленькое и несущественное — не может считаться кощунством. И все же для них все это явилось своего рода шоком. Ведь то, что я говорил, шло вразрез со всеми общепринятыми понятиями о НОРМЕ. Они верили в мою искренность, да и как могло быть иначе? Разговаривая мыслями, невозможно лгать. Но их поразила сама мысль, что кощунство может не быть омерзительным... Переступить через это они еще не могли. Во всяком случае, сейчас они ничем не могли мне помочь, и я не жалел, когда один за другим они замолкли.

Я был очень измучен, но долго не мог заснуть. Я лежал и представлял себе, как Софи с родителями успела добраться до Джунглей, их преследователи несолоно хлебавши повернули обратно и мое предательство ничем не повредило Софи.

Когда я наконец заснул, сон мой был полон кошмаров. В беспорядке мелькали передо мной страшные видения. Вновь мы все собрались во дворе, и мой отец держал за руку Софи, готовясь свершить Очищение... Проснулся я от своего крика, умоляющего отца остановиться... Я боялся заснуть вновь, чтобы не увидеть опять этот кошмарный сон, но все-таки вскоре заснул... Теперь я увидел другое: снова, как в детстве, передо мной простирался Город, его дома, улицы и странные блестящие предметы, летящие по воздуху. Уже много лет я не видел этого во сне, но Город был в точности такой, как раньше, и почему-то этот давно забытый сон успокоил меня...

Мать зашла ко мне на следующий день, но в глазах ее я не увидел ни сочувствия, ни даже сожаления, разве только легкую брезгливость. Ухаживала за мной Мэри. Она запретила мне вставать с постели весь день, и я молча лежал на животе, чтобы не тревожить израненную спину, соображая, что бы предпринять для побега. Я решил, что лучше всего попробовать достать лошадь, и все утро придумывал, как украсть одну из наших рабочих лошадей, чтобы ускакать на ней в Джунгли.

Днем ко мне заглянул инспектор. Он принес с собой кучу сладостей. Поначалу я хотел было потихоньку расспросить его о Джунглях — разумеется, так, чтобы он не догадался о моих намерениях,— будучи специалистом по отклонениям, он наверняка должен был знать о Джунглях больше, чем кто бы то ни было. Но я сразу выкинул эту мысль из головы: он моментально раскусил бы меня.

Говорил он со мной участливо и даже с жалостью, но пришел он не просто меня проведать. Я понял это с первого же его вопроса.

— Скажи, Дэвид,— спросил он, жуя конфеты,— ты давно знаешь дочку этих Уэндеров?

Теперь уже не было смысла скрывать что-либо, и я сказал ему правду.

— А давно ты заметил отклонение у этой... Софи? — был следующий его вопрос.

— Давно,— прошептал я.

— Ну, примерно сколько времени ты знал об этом?

— Месяцев шесть.

Брови его приподнялись, и выражение лица стало серьезным и озабоченным.

— Это плохо, Дэвид,— сказал он.— Это очень плохо. Это называется сокрытием преступления, и ты не мог не знать об этом, так ведь?

Я отвел глаза и невольно заерзал под его пристальным взглядом. Ерзанье это причинило мне боль. Превозмогая ее, я постарался объяснить:

— Это... это было совсем не так, как нас учат в церкви... Эти... пальцы... они были такие маленькие...

Продолжение. Начало в № 4.

— «И каждая нога должна иметь по пять пальцев...» — продекламировал инспектор, пододвигая ко мне кулек с конфетами. — Ты хорошо помнишь это место из Определений?

— Д-да, — выдавил я с трудом.

— Пойми, Дэвид, каждая часть Определений очень важна, и, если кто-либо не соответствует хоть самой малой их части, значит, он не человек. Значит, у него нет души. Значит, он не образ и подобие господа, а имитация, подделка. А во всякой подделке обязательно есть неточность. Только богу дано создать истинное свое подобие, а подделки, пусть многие из них выглядят почти во всем похожими на нас, не от бога. Став старше, — продолжал он, — ты многое будешь понимать лучше, чем теперь, я же хочу знать одно: ты знал про отклонение у Софи, знал давно и не сообщил об этом ни мне, ни отцу. Почему?

Поколебавшись, я рассказал ему о том кошмарном сне, который приснился мне давно и повторился нынешней ночью. Инспектор задумчиво посмотрел на меня и кивнул.

— Теперь я понимаю, — протянул он. — Но ведь с коцунствами обходятся совсем иначе, чем с преступлениями...

— А что делают с ними? — быстро спросил я.

Не ответив на мой вопрос, он продолжал:

— Так или иначе я был обязан упомянуть тебя в рапорте. Но твой отец уже достаточно наказал тебя, так что оставим это... И все же, Дэвид, я хочу, чтобы ты хорошо понял: дьявол плодит отклонения и коцунства среди нас, дабы подорвать нашу веру и сбить с пути истинного. Иногда он так хитер и коварен, что умудряется создавать почти точные копии образов и подобий господа, и мы всегда должны быть на страже. Долг и обязанность каждого — неустанно искать отклонения, как бы малы и ничтожны они ни были, и тут же доносить об этом властям. Запомни это, мальчик, хорошо запомни! Ты понял меня?

Я отвел глаза. Инспектор — это инспектор, лицо, облеченное властью и доверием... И все же я не мог, не мог поверить в то, что Софи создал дьявол. Не мог я поверить и в то, что один малюсенький пальчик мог быть тому причиной.

Инспектор ждал моего ответа, и я сказал:

— Софи... она мой друг... Самый лучший...

Он вздохнул и покачал головой.

— Верность — хорошее качество. Верность, честь. — Он задумчиво потрогал рукой подбородок. — Но бывает ложная верность, гордыня. Когда-нибудь ты поймешь значение высшей верности. Верности Чистоте Расы, и тогда...

Он не успел договорить. Внезапно распахнулась дверь, и в комнату ворвался мой отец.

— Они поймали их! Всех троих! — с торжеством объявил он инспектору. Меня он удостоил лишь мимолетным взглядом, исполненным отвращения.

Инспектор встал, и они оба вышли, а я тупо уставился на захлопнувшуюся дверь. Отчаяние и боль вновь охватили меня с такой силой, что я буквально захлебнулся в рыданиях. Все мое тело конвульсивно содрогалось, что причиняло нестерпимую боль спине, но не эта боль была страшна. Весть, принесенная отцом, была куда страшнее. Грудь сдавила такая тоска, что я перестал дышать, и в голове у меня помутилось. Не знаю, сколько прошло времени, пока дверь не отворилась и не послышались чьи-то шаги. Лежа лицом к стене, я слышал, как кто-то прошел через всю комнату, подошел к кровати, и чья-то рука опустилась мне на плечо.

— В этом нет твоей вины, мальчик, можешь мне поверить, — услышал я голос инспектора. — Патруль наткнулся на них по чистой случайности.

2

Через несколько дней я решился поделиться мыслью о побеге с дядей Акселем. Улучив момент, когда он работал в саду, я подошел к нему и, не зная, с чего начать, брякнул:

— Я хочу убежать отсюда... Насовсем!

Он бросил свою работу и перевел задумчивый взгляд со своей мотыги на меня.

— На твоем месте я бы не делал этого, — спокойно и веско произнес он. — Вряд ли из этого выйдет что-нибудь путное. Да и потом, куда ж ты думаешь бежать?

— Об этом я как раз и хотел посоветоваться с тобой, — сказал я.

— Что ж тут можно присоветовать? — пожал он плечами. — Куда бы ты ни сбежал, тебе везде придется предъявлять свою метрику. А в ней, кроме удостоверения твоей НОРМЫ, сказано, кто ты, откуда родом. Где бы ты ни оказался, тебе всюду придется показать ее...

— Только не в Джунглях, — оборвал я его.

Он уставился на меня в изумлении.

— В Джунглях?! Но послушай, мальчик... Там... Там ведь нет ни еды, ни питья... Они всегда голодают, потому и вламываются к нам так часто. В Джунглях ты будешь думать лишь о том, как спасти свою шкуру, и тебе здорово повезет, если у тебя это получится!

Я задумался. Дядя говорил правду. Я чувствовал это. Но решения моего он не поколебал.

— В конце концов должны быть другие места, — сказал я, — какие-то другие земли...

— Ну, разве что тебя возьмут на какой-нибудь корабль, — неуверенно протянул он, — да и то... Нет, — покачал он головой, — поверь моему совету, мальчик, так у тебя ничего не выйдет. Если человек убегает от чего-то, что ему не по сердцу, то где бы он ни был, ему будет так же скверно. Сейчас ты знаешь и чувствуешь лишь то, чего не принимает твое нутро, — и это всё. Другое дело, если бы ты знал: чего ты хочешь? Что ищешь? К чему побежишь? Но ведь ты этого не знаешь... Кроме того, поверь мне — я ведь почти старик, — здесь еще не самое страшное место на свете. Есть и похуже... Куда хуже... Если ты спрашиваешь совета у меня, Дэви, то я против. Может быть, через несколько лет, когда ты повзрослеешь, я сам первый скажу тебе: «Иди!» Но сейчас... Сейчас послушай меня, сынок, не делай этого. Тебя поймают и приволокут назад как кутенка, — только и всего!..

Дядя был прав: куда бежать? Куда?.. Может, пока стоило побольше разузнать о том мире, который лежит там — за Лабрадором? Я спросил Акселя об этом.

— Безбожная земля, — кратко и сухо ответил он.

Такой ответ ничуть не удивил бы меня, услышь я его от отца. Но дядя... Я так прямо и сказал ему об этом. Неожиданно он заговорщицки подмигнул мне и, усмехнувшись, сказал:

— Ладно, Дэви, ладно... Если ты не будешь болтать, я кое-что расскажу тебе об этом. Но помни, язык надо держать за зубами. Ты понял, сынок?

— Нет, — честно сказал я. — Разве это секрет?

— Ну... не то чтобы секрет, — замялся он, — но видишь ли, когда люди привыкают... Привыкают думать, что все происходит так, как им говорят священники и власти, их нелегко убедить в обратном... Во всяком случае, я не хочу, чтобы ты даже пытался это делать. Моряки — там, в Риго, — очень скоро это поняли, и говорят они о таких вещах только между собой. Если другим приятно считать, что везде вокруг Лабрадора — Плохая земля, что ж, пускай так и считают. Это — их дело, хотя это вовсе не значит, что так оно и есть на самом деле. Просто им спокойней так думать... И пусть себе думают...

— Но в книге, которую мы проходим в школе, сказано, что там действительно лишь одна Плохая земля. Или Джунгли. Выходит, это неправда? — напрямик спросил я его.

— Есть другие книги, в которых написано другое, — ответил дядя. — Но вряд ли ты их увидишь, даже в Риго... И вот еще что, Дэви, заломни: не нужно сразу верить всему, что болтают разные моряки. У них часто даже и не сразу поймешь: об одном и том же месте говорят они порознь или о разных? Другое дело, когда ты сам кое-что повидаешь... Тогда ты поймешь, что мир, целый мир, гораздо более загадочная штука, чем это кажется здесь, в Вакнуке... Странная штука... Странная и интересная... Так ты обещаешь не болтать об этом? Или я не стану ничего говорить! — спохватился он.

Я пообещал.

— Что знаю я сам наверняка, — сказал Аксель, — это дорогу на юг. Ходил я туда трижды. Выйдя из устья реки, несколько сот миль мы шли вдоль побережья до пролива Ньюф. В самом широком месте пролива есть большое поселение — Ларк. Там можно пополнить запасы пресной воды и провизии, если, конечно, тамошние власти не будут против. После Ларка, держась на юго-восток, а затем опять на юг, мы достигли материка. Это было нечто среднее между Плохой землей и Джунглями — я бы назвал эту землю Плохими Джунглями. Там полно всякой растительности и живности, но почти вся она ни капельки не похожа на НОРМУ... Ну, во всяком случае, на то, как мы ее себе представляем. Большинство животных выглядит так, что их даже и не назовешь Преступлениями — для них вообще трудно подобрать названия, настолько они не похожи на встречающихся у нас. Через день-два пути начинается совсем Плохая земля. Трудно передать впечатление от нее... Особенно, когда попадаешь туда впервые. Представь себе огромные колосья пшеницы, каждый из которых ростом с дерево. Травы и кусты, растущие на скалах, с корнями, торчащими наружу и шевелящимися на ветру. Скопища грибов, кажущихся громадными белыми валунами. Кактусы величиной с бочку, с шипами длиной около десяти футов. Есть там такие... Даже не знаю, как назвать... Словом, это растет на утесах, выступающих из моря, и свешивает длинные зеленые лианы вниз, на сотни футов в толщу воды так, что непонятно: то ли это растет на земле и питается водой, то ли, наоборот, это — морское растение, выползшее зачем-то на сушу. Это земля Зла, и многие, кто повидал ее, поняли, что случилось бы с нами, если бы не законы, которым мы повинуемся. Да, это Плохая земля, ничего не скажешь. Плохая, но есть... есть и похуже. Живут там и... тоже не знаю, как сказать... Ну, в общем, в нашем представлении они, конечно, не люди... У некоторых по две пары рук, по семь пальцев на руках и ногах... И странные, невероятные вещи узнаешь там. У них, как и у нас, есть легенды о Древних — как те могли летать, как строили они плавучие города, как могли переговариваться друг с другом за сотни или даже тысячи миль... Но что непонятнее и... страшнее всего: и те, у кого по семь пальцев на конечностях, и те, у кого по четыре руки... Словом, все они, все считают, что их образ и есть единственно верный, что Древние были именно такими...

Поначалу это, конечно, кажется диким, абсурдным, но чем больше ты встречаешь самых разных отклонений, твердо убежденных в своей единственной правильности, тем меньше... Тем меньше тебе это кажется странным, понимаешь? Ты... ты начинаешь спрашивать себя: а какие у меня есть доказательства моей правильности? Почему я так уверен, что это я создан по образу и подобию? И... и вообще, откуда я знаю, что есть образ и подобие? Какой он? Ведь в библии ничего не говорится о том, какие были Древние? Библия не дает определения человека. Определения есть в «Откровениях» Никольсона, а он сам утверждает, что писал их через несколько веков после Великой Кары. Так откуда же он, Никольсон, спрашиваю я себя, знал, что он сам создан по образу и подобию божьему? И... знал ли вообще?!

3

Много чего еще нарассказал мне тогда дядя Аксель. И хотя все это было очень интересно, но главного, о чем я хотел узнать, я так и не услышал. Наконец я спросил его напрямик:

— Дядя, а города там есть?

— Города? — переспросил он. — Ну... иногда встречаются поселения вроде наших. Такие, скажем, как Кентак, только дома там строят совсем иначе.

— Да нет, я имею в виду другое, — сказал я, — такие... большие... — Я попытался описать ему Город, часто снившийся мне в детстве. Он посмотрел на меня с удивлением.

— Нет, ничего похожего мне видеть не приходилось, — медленно сказал он и покачал головой.

— Может быть, это еще дальше? — спросил я.

— Дальше идти невозможно, — вздохнул он. — Море полно водорослей — таких, что корабль просто не может плыть.

— И ты уверен, что... что там нет Города? — разочарованно спросил я.

— Уверен, — твердо ответил Аксель. — Если бы он был, мы бы хоть что-нибудь слышали о нем.

Мне стало тоскливо. Выходило, что бежать на юг, даже если и найдется судно, на которое мне удастся попасть, было так же бессмысленно, как и бежать в Джунгли. Если до разговора с дядей у меня еще были какие-то сомнения, то теперь я был твердо уверен, что снившийся мне город был городом Древних.

Дядя Аксель тем временем что-то бормотал себе под нос об истинных и неистинных подобиях, но вдруг замолчал, испытующе поглядел на меня и спросил:

— Дэвид! Ты понимаешь, зачем я тебе все это рассказываю?

Я не был уверен, что понимаю, и честно признался ему в этом.

— Вот что я хотел тебе объяснить, — начал он, наморщив лоб. — Никто, слышишь, никто на самом деле не знает: какова она — истинная НОРМА. Слышишь меня?! Никто! Они все, — он пренебрежительно махнул рукой, — все, особенно разные там святоши, только думают, что знают. Да и мы, мы сами, только думаем, что знаем, а между тем мы не можем поручиться, что и Древние были истинным образом и подобием господа!.. — Произнеся это, он посмотрел на меня долгим и изучающим взглядом. — Поэтому-то я и думаю: кто знает? А может быть, та... то свойство, которым обладаешь ты и Розалинда, не отдаляет вас от НОРМЫ, а, наоборот, приближает к ней? Про Древних говорят, будто бы они могли переговариваться друг с другом за сотни и даже тысячи миль. Мы этого делать не умеем, а вот вы с Розалиндой умеете. Ты... Ты подумай об этом, Дэви. Может быть, вы-то как раз и ближе к НОРМЕ, чем мы?

С минуту я колебался и наконец решился.

— Это не только мы с Розалиндой, дядя, — сказал я. — Есть еще... другие.

Он вздрогнул.

— Другие? Кто? Сколько их?

— Не знаю. В смысле не знаю, как их зовут, — пожал я плечами. — Просто я знаю, с кем говорю, как если бы... ну, стоял с ним рядом, лицом к лицу... А про Розалинду... Что это именно она, что ее так зовут, я узнал случайно.

Аксель продолжал смотреть на меня в упор, и мне стало не по себе от его серьезного взгляда.

— Сколько вас? — повторил он свой вопрос.

— Восемь, — сказал я. — Было девять, но один замолчал примерно с месяц назад. Я как раз об этом хотел тебя спросить, дядя Аксель. Ты не думаешь, что кто-то догадался?.. Он... так неожиданно замолчал, и мы... Мы хотим знать, не догадался ли кто-нибудь? Понимаешь, если кто-то узнал про него... — Я остановился, но Аксель и без меня знал, что было бы в этом случае.

Некоторое время он молчал. Потом покачал головой.

— Нет, Дэви, не думаю, чтобы кто-то узнал. Мы бы давно услышали об этом. Может, он просто уехал отсюда. Кстати, он жил где-то рядом?

— Думаю, что да. Хотя... не знаю точно, — сказал я. — Во всяком случае, он обязательно предупредил бы нас, если бы уехал.

— Но он бы предупредил вас, и если бы кто-то докопался до вашей тайны, верно? — возразил Аксель. — Я думаю, с ним случилось... Ну, всякое может

случиться с мальчишкой. Так ты хочешь, чтобы я постарался выяснить это, Дэви?

— Да. Пожалуйста, дядя! Мы... Мы все очень боимся!— честно сознался я.

— Ну-ну, пока не стоит особенно переживать,— сказал Аксель.— Я попытаюсь что-нибудь разузнать. Так ты говоришь, это был мальчишка и жил он где-то неподалеку, так? Пропал примерно месяц назад... Может, вспомнишь что-нибудь еще?

Я рассказал ему все, что знал, но знал я немного. Впрочем, огромным облегчением было для меня уже одно то, что Аксель обещал мне помочь.

Прежде чем мы расстались с дядей, он еще несколько раз пробурчал что-то о НОРМЕ и о том, что никто не может знать наверняка... Прав ли был он тогда, затеяв со мной этот разговор? Не знаю... Может быть, было бы лучше подождать какое-то время, дать мне созреть... Но, с другой стороны, его слова кое в чем помогли мне — не теперь, а позже, много позже... Ну, а пока я лишь поверил ему в одном — убегать из дому не стоило.

Глава седьмая

1

Появление на свет моей сестры Петры, сопровождавшееся обычной в таких случаях реакцией взрослых, для меня было событием загадочным и удивительным. За недели две до этого в доме, казалось, все чего-то ждут. Но чего именно? Это было для меня загадкой. От меня явно что-то скрывали, и я чувствовал себя очень неуютно — лишним, ненужным, чем-то мешавшим остальным,— пока в материной комнате не раздался детский писк. Его нельзя было ни с чем спутать, так мог пищать только младенец, а еще вчера никаких младенцев у нас не было. Но утром следующего дня никто и словом не обмолвился о происшедшем. Это было вполне естественно: до прихода инспектора, который должен был удостоверить, что родившийся ребенок полностью соответствует НОРМЕ, никто не рискнул бы обсуждать свершившийся факт. В случаях, если что-нибудь оказывалось неправильным и новорожденному отказывали в официальной метрике, считалось, что никто как бы и не рождался. Таков был порядок.

С рассветом мой отец велел одному из работников оседлать лошадь и ехать за инспектором, до приезда которого все в доме старательно скрывали свое возбуждение и беспокойство и делали вид, что начался самый обычный, будничный день, ничем не отличающийся от вчерашнего.

Однако волнение домашних становилось все более заметным, особенно когда посланный человек, вместо того чтобы привезти с собой инспектора (как обычно происходило, когда дело касалось столь уважаемого жителя поселка, каким был мой отец), вернулся с запиской. Записка, выдержанная в вежливом, но сугубо официальном тоне, гласила, что инспектор постарается в течение дня выкроить время и заехать к нам.

Даже самый уважаемый и влиятельный житель поселка сто раз подумает, прежде чем ссориться с местным инспектором и оскорблять его во всеуслышание — у того всегда найдется средство рассчитаться с обидчиком.

Отец страшно разозлился, и злоба его бушевала все яростнее оттого, что приходилось сдерживать ее. Ситуация никак не позволяла выплеснуть свой гнев наружу — он ведь прекрасно понимал, что инспектор нарочно провоцирует его на скандал. Все утро отец без дела слонялся по дому, срывая растущую злость на том, кто попадется ему под руку, поэтому все домашние ходили буквально на цыпочках. Никто не осмеливался вслух заговорить о рождении ребенка, пока новорожденный не получит Метрику. И чем дольше задерживался официальный осмотр и выдача бумаг, тем больше было времени для всяких домыслов по поводу причины этой задержки. Вынужденные избегать малейшего упоминания о случившемся, все мы делали вид, будто мать лежит в постели из-за легкого недомогания.

Моя сестра Мэри то и дело входила к матери в комнату, а когда выходила оттуда, старалась замаскировать возбуждение и беспокойство грозными окриками на служанок. Я не отходил от дома, не желая упустить момент официального объявления о случившемся. Отец продолжал слоняться по дому, ища выход накопившейся злости.

Всеобщая тревога и возбуждение усиливались еще и оттого, что в двух предыдущих случаях Метрики выданы не были. Отец прекрасно знал (знал это и инспектор), что многие в округе гадают: воспользуется ли он полагающимся правом — выгонит ли он мать, если и в третий раз произойдет отклонение? Но не бегать же ему было за инспектором (это было и невежливо, и несовместимо с понятиями отца о собственной значимости), поэтому не оставалось ничего другого, как ждать и верить в благополучный исход.

Инспектор приехал незадолго до полудня. Отец взял себя в руки и с гримасой, отдаленно напоминающей вежливую улыбку, вышел встречать его на улицу. Необходимость быть вежливым выводила его из себя. Инспектор был холоден и спокоен. Он понимал, что на этот раз отец зависит от него целиком. Он прошел в дом, болтая о погоде. Покрасневший как рак, отец подозвал Мэри, и сестра с инспектором вошли в комнату матери. Настала самая томительная часть нашего ожидания.

Потом Мэри рассказала нам, что, подвергая ребенка тщательному осмотру, инспектор все время бурчал что-то себе под нос и неодобрительно хмыкал. В конце концов он закончил осмотр, и на лице его, холодном и бесстрастном, не отразилось ни единого проявления каких бы то ни было чувств.

В гостиной, которой обычно мало кто пользовался, он присел за стол и, жалуясь на испорченное перо, вынул из сумки бланк, на котором твердым почерком написал, что, осмотрев ребенка, он официально подтверждает появление на свет истинного образа и подобия господа, не имеющего никаких видимых отклонений от НОРМЫ. Последнюю строчку он обдумывал так долго и тщательно, словно у него и впрямь были какие-то сомнения. Подписав бумагу и поставив на ней дату, он некоторое время сидел с пером, застывшим в воздухе, потом присыпал бумагу песком и вручил кипящему от злости отцу с тем же бесстрастным выражением лица, с которым он вошел в дом. Конечно, никаких сомнений у него на самом деле не было (в этом случае он непременно счел бы нужным проконсультироваться с инспектором более высокого ранга), и отец это прекрасно знал.

Наконец-то о существовании Петры можно было говорить вслух. Меня официально поздравили с тем, что у меня появилась сестренка, и повели в материну комнату, чтобы я поглядел на новорожденную. Она показалась мне такой маленькой и сморщенной, что я даже удивился, как инспектор сумел так быстро закончить свой осмотр. Но коли уж она получила Метрику, значит, все у нее было в порядке.

Пока мы все по очереди подходили смотреть на Петру, кто-то стал звонить на конюшне в колокол — таков был обычай. Все на ферме прекратили работу и собрались в кухне для молитвы и вознесений хвалы господу.

2

Два или три дня спустя после выдачи Петре Метрики мне довелось кое-что узнать из истории моей собственной семьи — кое-что такое, о чем я бы предпочел не знать вовсе.

Я тихонько сидел в соседней с родительской спальней комнатушке. Сидел я там не случайно: эта маленькая комнатка, которую я облюбовал для себя, в такие часы была последним местом, где меня стали бы искать после полудня, чтобы запрячь в работу. Просидев там немногим более получаса, я обычно дожидался, пока двор опустеет, и потом спокойно шел заниматься своими делами. Обычно сидеть здесь было очень удобно и безопасно, но сейчас нужно было соблюдать осторожность, потому что плетеная перегородка, отделявшая эту комнатку от родительской, порядком обветшала и прохудилась. Мне приходилось сидеть, почти не двигаясь, а то мать услышала бы, что в комнатке кто-то есть.

В этот день я просидел здесь, как мне казалось, вполне достаточно и уже подумывал о том, чтобы потихоньку исчезнуть, как вдруг увидел подъезжавшую к дому двуколку. Когда она проехала мимо моего окна, я узнал тетю Харриет, державшую в руках вожжи. Я видел ее всего несколько раз в жизни (она жила милях в пятнадцати от Вакнука, где-то возле самого Кентака), но все же она мне почему-то очень нравилась. Она была года на три моложе моей матери, и, хотя внешне они были очень похожи, просто как две капли воды, тетины черты лица были гораздо более мягкими. Несмотря на всю внешнюю схожесть, стоя рядом, они не производили впечатление родных сестер — когда я смотрел на тетю Харриет, мне казалось, что я вижу мать такой, какой она могла бы быть, и, главное, такой, какой я хотел бы, чтобы она была. С тетей было гораздо легче разговаривать — в отличие от матери она никогда не слушала тебя так, словно ищет, к чему бы придраться.

Я стоял босиком у окна и видел, как тетя привязала лошадь к изгороди, вытащила из повозки какой-то белый сверток и вошла в дом. В доме ее никто не встретил, и через несколько секунд ее шаги послышались возле спальни. Щелкнула задвижка в спальне, и раздался удивленный и не очень приветливый голос матери:

— Харриет?! Ты? Так скоро? Уж не взяла ли ты с собой и ребенка? Подумать только, заставить такую крошку проделать весь путь от дома до нас!..

— Я знаю, это было не очень разумно,— запинаясь, произнесла тетя Харриет,— но... Что мне оставалось делать? Я должна была, Эмили, слышишь, должна!.. Твоя девчушка появилась на свет немножко раньше моей и... О, вот она! Она... Она просто чудо, Эмили!..

Некоторое время из спальни не доносилось ни звука. Потом Харриет сказала:

— Ты знаешь, моя кроха тоже очень симпатичная. Взгляни, Эмили! Разве нет?!

Вслед за этим наступила секундная тишина, а потом раздались обычные женские сюсюканья, которые уже успели мне за эти дни порядком надоесть. По-моему, оба младенца не могли так уж сильно отличаться друг от друга, во всяком случае, настолько, чтобы об этом стоило так долго верещать. Наконец мать сказала:

— Я очень рада, Харриет, дорогая. Генри, вероятно, счастлив?

— Ну да, конечно,— ответила Харриет, но по ее голосу даже я понял, что она чем-то очень встревожена.— Она родилась неделю назад,— торопливо продолжала тетя,— и я... я не знала, что мне делать, пока не узнала, что у тебя преждевременные... И тоже девочка... И я подумала...

Она помолчала, а потом, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно естественнее, словно между прочим, спросила:

— Вы уже получили Метрику для вашей крошки?

— Разумеется!— Материн ответ прозвучал, как удар хлыста. Я невольно представил себе выражение ее лица, с которым она произнесла это слово. Когда она заговорила вновь, голос ее звучал еще резче:— Харриет! Ты хочешь сказать, что ты еще не получила Метрики?!

В ответ не раздалось ни слова, но мне послышался звук сдавленного рыдания. Холодно и жестко мать произнесла:

— Харриет, дай-ка мне взглянуть на твоего ребенка как следует!

Несколько секунд я ничего не слышал, кроме всхлипываний тетки. Потом она тихо и неуверенно сказала:

— Ведь это такая малость, Эмили... Я думаю, тут нет ничего страшного...

— Ничего страшного?!— рявкнула мать так, что я вздрогнул.— И ты... Ты посмела притащить своего монстра в мой дом да еще набраться наглости сказать: «Ничего страшного»!

— Мо... монстра? Ты сказала, мо...— В голосе Харриет звучала такая острая боль, словно ее жгли каленым железом.

— Немудрено, что ты не посмела звать инспектора,— холодно произнесла мать. Выждав несколько секунд, пока тетка успокоилась, она продолжала:— Мне хотелось бы знать, Харриет, зачем ты принесла... это сюда? Зачем ты пришла с... этим? А, Харриет?

Прежде чем ответить, тетя несколько раз всхлипнула, а когда начала говорить, голос ее звучал тускло и безжизненно:

— Когда она... Когда я увидела ее в первый раз, я хотела убить себя. Я знала, что ее никогда не признают настоящей, хотя отклонение это почти даже и незаметно. Но я не сделала этого, потому что подумала, что сумею как-нибудь спасти ее. Я... пойми, я люблю ее, она... она чудесная девчушка, совсем здоровенькая, кроме... кроме этого. Ну, взгляни сама... Взгляни, разве я не права?

Мать молчала, и тетя, вздохнув, продолжала тем же безжизненным голосом:

— Я не знала, просто понятия не имела, как это сделать. Я просто... просто надеялась. Я знала, что могу продержать ее немного у себя, пока ее не отберут... Ведь по закону дают месяц. Целый месяц... всего месяц, а потом необходима регистрация и... я решила воспользоваться этим сроком. Держать до последнего...

— А Генри?— перебила ее мать.— Что Генри говорит?

— Он... он сказал, что мы должны заявить немедленно. Но я не позволила ему... Я не могла! Эмили, я не могла! Ведь это уже третий раз! Я держала ее на руках и молилась, молилась и... надеялась. А потом, когда я узнала, что у тебя преждевременные... и тоже девочка, я подумала...

— Что ты подумала?— холодно и удивленно спросила мать.— Какое это может иметь отношение ко мне? Хоть убей, не понимаю, к чему ты клонишь?

— Я подумала,— еле слышно произнесла тетя,— если бы я могла оставить свою крошку у тебя, а с собой взять твою...

Судя по воплю, который издала мать, она не сумела даже найти слова, которые выразили бы ее омерзение и ужас.

— Да ведь это же только на день-два, не больше!..— торопливо взмолилась тетя Харриет.— Только пока я получу Метрику! Ты... ты же моя сестра, Эмили, моя родная сестра! И только ты можешь помочь мне теперь! Помочь сохранить мою дочь!..— Она расплакалась.

Некоторое время мать молчала. Потом она заговорила.

— Никогда в своей жизни,— взвешивая каждое слово, произнесла она,— я не слышала ничего более возмутительного! Прийти сюда в надежде, что я... я буду помогать тебе в этом ужасном противозаконном деле!.. Должно быть, ты просто помешалась, Харриет! Подумать, что я могу о д о л ж и т ь...— Она не успела закончить свою речь, как послышались тяжелые шаги отца, прошедшего мимо моей комнатушки и остановившегося на пороге спальни.

— Джозеф!— с пафосом обратилась к нему мать.— Скажи ей, чтобы она ушла отсюда. Скажи ей, чтобы она убралась прочь и забрала с собой э т о!

— Но ведь...— озадаченно пробормотал отец.— Ведь это же Харриет!..

Тогда мать подробно, не стесняясь присутствием тетки, рассказала ему все.

— Это... Это правда, Харриет?!— по-видимому, не до конца поверив, обратился к тете отец.

Та помолчала, а потом заговорила устало и обреченно:

— Это уже третий раз. Они опять заберут мою дочь, как забрали первых двух, а я... я не вынесу этого. И Генри... Я уверена, он выгонит меня и найдет себе другую жену, которая родит ему нормальных детей. И тогда для меня все будет кончено. Я пришла сюда в последней надежде... пришла за помощью или... хотя бы за участием. Если мне и мог кто помочь, так только Эмили... Но теперь я вижу, как это глупо было с моей стороны — прийти к в а м!.. Как глупо было надеяться на в а с!..

Ей никто не ответил.

— Что ж, я все поняла,— тихо сказала Харриет.— Я... пойду.

Но не такой человек был мой отец, чтобы дать ей просто так уйти. Не мог он упустить случая высказать свое отношение к подобным происшествиям.

— У меня не укладывается в голове,— начал он медленно, постепенно накаляя себя,— как ты могла прийти с ю д а, в дом, где любят и почитают господа, с т а к о й просьбой! Но мало того! Я не вижу на лице твоем и тени стыда! Тебе и впрямь не стыдно?!

— Чего же я должна стыдиться?— неожиданно спокойно спросила, в свою очередь, тетя Харриет.— Я не совершила ничего постыдного. Нет, мне не стыдно — мне больно. Очень больно, но н е стыдно.

— Чего стыдиться?— угрожающе переспросил отец.— Не стыдиться того, что ты произвела на свет к о щ у н с т в о? Не стыдиться того, что ты пыталась вовлечь свою родную сестру в преступление, сделать ее сообщницей?— Он перевел дыхание и разразился длинной проповедью.— Слуги дьявола среди нас, рядом с нами. Они только и ждут случая, чтобы сбить нас с пути истинного. Нет предела их стараниям исказить представление об истинном образе и подобии творца, и через наши слабые души они стремятся разрушить и осквернить чистоту расы. Ты согрешила, женщина! Загляни к себе в душу, и ты поймешь, как тяжко ты согрешила! Твой грех позорным пятном ложится на нас всех! Ты забыла, что всякое отклонение от образа и подобия божьего есть богохульство! То, что ты произвела на свет, оскверняет...

— Оскверняет? Богохульство?— прошептала Харриет.— Одна несчастная крошка?

— Крошка, которая, случись все так, как ты замыслила, стала бы взрослой и порождала бы себе подобных. Порождала бы и х из поколения в поколение, пока вокруг нас не стали бы кишмя кишеть мутанты — поганые и омерзительные! Так случалось в местах, где ослабевала вера людская, но з д е с ь так никогда не случится! Стыдись, женщина!.. Теперь иди, и да восторжествует в твоей душе покорность, а не гордыня! Заяви об э т о м властям, как того требует закон, и молись, молись, дабы снизошло на тебя очищение!

Послышались два легких шажка. Ребенок захныкал, когда Харриет взяла его на руки. Тетя подошла с малышкой к двери, отодвинула щеколду и внезапно остановилась на пороге.

— Я буду молиться!— с силой сказала она.— Да, я буду молить господа, чтобы он ниспослал милосердие в этот кошмарный мир! Чтобы он ниспослал сострадание к слабому и любовь к несчастным, которым просто не повезло! И я спрошу его: неужто это и впрямь его воля, чтобы ребенок страдал, а душа его была навеки проклята из-за крохотного изъяна на его тельце?! И еще я буду молить его о том, чтобы разорвалось сердце... сердца у таких вот п р а в е д н и к о в!..

Хлопнула дверь, и я услышал, как тетя прошла по коридору. Я осторожно подошел к окну и увидел, как она вышла из дому, подошла к двуколке и бережно опустила белый сверток на повозку. Несколько секунд она стояла, пристально глядя в одну точку, потом отвязала лошадь от изгороди, взобралась на сиденье и положила сверток к себе на колени, одной рукой держась за вожжи, а другой — бережно прижимая ребенка к груди.

Она обернулась, и картина эта навсегда осталась в моей памяти: малыш, прижатый к ее груди, расстегнутая накидка, открывающая шею, невидящие глаза на застывшем, как маска, лице...

Она тронула вожжи, и двуколка покатилась.

Из соседней комнаты доносился голос отца.

— Ересь! Самая настоящая и неприкрытая ересь!— никак не мог успокоиться он.— Попытку подлога еще можно как-то понять — в такой период женщине могут прийти в голову самые идиотские идеи. Но ересь — это дело другое! Она не только бесстыдная, но и опасная женщина! Никогда бы не заподозрил столь явную ересь в твоей родной сестре... И как могла она подумать, что ты пойдешь на это? Ведь она знала, что ты с а м а дважды была вынуждена... ну, ты понимаешь, о чем я... М-да, так открыто произносить еретические речи в моем... м о е м доме! Ну нет, это ей даром не пройдет!

— Может, она просто не соображала, что говорит?— робко попыталась возразить ему мать.

— Ну теперь-то ей придется сообразить! И наш долг — проследить за этим,— твердо сказал Джозеф Стром, мой отец.

Мать попыталась сказать что-то еще, но неожиданно расплакалась. Никогда до сих пор я не слышал, чтобы она плакала, никогда не видел ее слез. Отец, не обращая на нее никакого внимания, продолжал разглагольствовать о твердости веры, чистоте помыслов и особой важности этой чистоты для женщин... Все это я слышал уже не раз и не два, и никакой охоты слушать дальше у меня не было. Никем не замеченный, я прокрался по коридору и вышел из дому.

Честно говоря, мне тогда очень хотелось узнать: что же это была за «малость» у дочки тети Харриет? Может быть, думал я, это был лишний палец на ножке, как у Софи? Но мне так и не довелось узнать, что это было...

Когда на следующий день до нас дошел слух, что тело тети Харриет нашли в реке, никто и словом не обмолвился о ребенке, будто его и не было вовсе...

Глава восьмая

1

Несколько ночей подряд мне снилась Харриет, лежащая на дне реки, прижимающая белый сверток к груди... Глаза у нее были широко раскрыты, волосы струились по течению, лицо белое, как мрамор... Я был очень напуган всем этим. Ведь все случилось оттого, что ребенок был чуть-чуть не такой, как все. У него было что-то лишнее или, наоборот, чего-то не хватало, и это не соответствовало определению человека. Была какая-то «малость», которая делала его...

Отец назвал его мутантом... Мутант!.. Я вспомнил обрывки текстов, которые мне приходилось заучивать в школе. Вспомнил обращение пришедшего к нам как-то раз по какому-то делу священника — ненависть и ярость были в его голосе, когда он произносил: «Будь проклят, мутант!»

Мутант — значит про́клятый... Мутант — исчадие дьявола, постоянно пытающееся разрушить порядок на земле и ввергнуть нас в пучину хаоса. Превратить всю землю в Джунгли, где нет закона, совсем как на юге — в тех землях, про которые мне рассказывал дядя Аксель...

Я молился горячо и усердно много ночей подряд.

— Господи,— шептал я,— сделай меня таким, как все. Я не хочу быть другим, не хочу ничем отличаться от остальных! Сделай так, чтобы завтра я проснулся таким же, как все! Сделай это, ведь тебе же ничего не стоит!..

Но каждое утро я по-прежнему н а х о д и л Розалинду или еще кого-нибудь из наших и убеждался в том, что мои ночные молитвы опять ничего не дали. Я просыпался точно таким, каким засыпал, и шел на кухню, и ел свой завтрак, уставившись на испещренную надписями стену, которая перестала теперь быть для меня частью домашней утвари, а превратилась в постоянный укор мне: «Мутант проклят богом и людьми!» Я был очень напуган...

Дней пять спустя Аксель остановил меня после завтрака и попросил помочь ему починить лемех от плуга. Несколько часов мы работали молча, а потом он предложил передохнуть, и мы уселись на крыльце дома, прислонившись спинами к стене. Он угостил меня куском пирога и, когда мы дожевывали последние крошки, сказал:

— Ну, Дэви, выкладывай.

— Что выкладывать?— вздрогнул я.

— Что на тебя нашло в последние дни? Я прекрасно вижу, что ты будто потерял кого-то и никак не можешь найти,— спокойно и неторопливо ответил он.— Говори, говори, не бойся. Может, кто-то узнал?..

Я рассказал ему про тетю Харриет и ее ребенка.

— Ее лицо... когда она уезжала...— бормотал я, всхлипывая.— Я никогда раньше не видел такого... лица. Я и сейчас его вижу... там... в воде!..

Я поднял глаза на дядю. Выражение его лица было мрачным. Углы губ опущены. Таким я его еще тоже никогда не видел.

— Вон оно что...— процедил он сквозь зубы.

— Все это случилось, потому что ребенок был не такой, как все, понимаешь? И так же было с... с Софи... Тогда я не понимал... Но теперь я... Я боюсь!.. Что они сделают со мной, если узнают?!

— Никто никогда не узнает!— сказал Аксель, положив руку мне на плечо.— Никто и никогда!— твердо повторил он.

— Был же среди нас один, который вдруг исчез,— напомнил я ему.— Может, про него узнали?

Он отрицательно мотнул головой.

— Тебе не стоит тревожиться о нем, Дэви. Я узнал, что один парень неподалеку отсюда как раз в то время, о котором ты говорил, погиб... Случайно... Его звали Уолтер, Уолтер Брент, лет девять ему было. Не повезло парнишке: слонялся возле лесорубов, ну, его и придавило деревом ненароком.

— А где это было?— спросил я.

— Милях в десяти от нас. На соседней ферме.

Я задумался. Вроде все сходилось, и это мог быть как раз тот случай, когда один из наших неожиданно з а м о л к. Не желая зла этому неведомому Уолтеру, в глубине души я страстно хотел, чтобы погибшим оказался именно он — один из н а ш и х.

Аксель помолчал, наблюдая за мной. Потом сказал:

— Вовсе не обязательно, чтобы кто-то узнал про вас. Ведь э т о не видно... ну, снаружи не видно... Узнать могут только, если ты сам себя выдашь. Поэтому ты должен быть очень осторожен, Дэви!

— Что они сделали с Софи?— спросил я его точь-в-точь, как в первый наш разговор, но, как и прежде, он пропустил этот вопрос мимо ушей и заговорил о другом:

— Запомни то, что я тебе сейчас скажу, Дэви. Все д у м а ю т, что они созданы по образу и подобию, но никто не знает н а в е р н я к а. Я твердил тебе это в прошлый раз, но ты... тебя тогда интересовало другое. Пойми, даже если Древние были такие, как я и все мне подобные, что с того? Ну да, я знаю все эти сказки про них: какие они были могущественные, как был велик и прекрасен их мир и как однажды, когда-нибудь мы вернем себе все, что когда-то утратили. Во всем этом, конечно, полным-полно чепухи. Но даже если в этом есть и немало правды, подумай, Дэви, что хорошего в том, чтобы слепо повторять их путь — идти за ними след в след? Подумай, г д е теперь этот их распрекрасный мир?

— Их постигла Кара,— машинально повторил я слова многих проповедей.

— Ну да, ты запомнил то, что говорил священник. Так написано и в церковных книгах, и это легко повторять, но совсем не просто п о н я т ь, особенно если ты кое-что повидал своими глазами. Кара не просто буря или там пожар, наводнения, вроде тех, что описаны в библии. Это как будто все, вместе взятое и в то же время... гораздо худшее. Гораздо более страшное. От этого возникли и руины, светящиеся по ночам, и Черные берега, и Плохие земли... Чего я не понимаю сам, так это странных вещей, которые э т о сделало с оставшимися в живых...

— Но ведь Кара...— начал было я.

— Пустое слово,— нетерпеливо отмахнулся Аксель.— Пустой звук, который ни черта не объясняет. Слово это, конечно, очень удобно для священников: ведь если не объяснить все чудом, многие начнут думать. Они могут спросить себя: «Что мы делаем? Чему молимся? Кто на с а м о м д е л е были эти Древние? Что такого ухитрились они сделать? Чем навлекли на мир такую напасть? И, главное, не случится ли так, что, построив в конце концов мир таким, каким он был, мы навлечем на себя, точь-в-точь как Древние, т о ж е с а м о е?»

— Но, дядя,— подумав, сказал я,— если мы не станем стараться быть похожими на Древних и создавать то, что они утратили, что же нам тогда вообще остается делать?

— Стараться быть такими, какими мы родились. Создавать н а ш мир, а не утраченный кем-то когда-то,— ответил он.— Н а ш, понимаешь, Дэви?

— Не очень,— честно сознался я.— Ты хочешь сказать, что не стоит придавать значения отклонениям и... вообще чистоте расы?

— Не совсем так,— подумав, ответил он.— Одну ересь ты уже выслушал от своей тетки, ну так выслушай же еще одну и от дяди... Как ты думаешь, Дэви, что делает человека человеком?

Я автоматически начал перечислять определения. Он оборвал меня, не дав произнести и пяти слов.

— Не то, Дэви, совсем не то. Можно слепить восковую фигурку, у которой будет все в точности таким, как ты сейчас сказал. Но ведь она останется всего лишь фигуркой из воска, не так ли?

— Так,— вынужден был согласиться я.

— Значит, то, что делает человека человеком, лежит в н у т р и него!

— Душа?— неуверенно сказал я.

— Нет,— сухо ответил он.— Ты опять повторяешь чужие слова — слова священников и... разных там... Словом, дело совсем не в этом. Постарайся понять и услышать меня: чем лучше работают у человека мозги,

тем большую ценность он представляет как человек. Тем большего он стоит. Понял?

— Нет,— сознался я.

— Ладно, попробую иначе. Видишь ли, Дэви, человек обрел свой внешний облик задолго до того, как он узнал, что он человек. Это внутри у него что-то случилось, что сделало его человеком. Он нашел в себе то, чего нет у остальных тварей, живущих на земле,— разум. Разум поднял его над всеми, как бы... на другую ступеньку, что ли... И вот теперь, как мне кажется, так или иначе, но ты, Розалинда и все ваши обрели новое свойство, новое... качество разума. И просить бога, чтобы он отобрал у тебя это свойство, все равно что просить его сделать тебя слепым или глухим. Я знаю примерно, что у тебя сейчас вертится на языке, Дэви, но жить в страхе, все время бояться — невозможно. Да и не нужно. Конечно, все не так просто и даже... немного опасно. Но ты должен трезво взглянуть на вещи, мальчик, и должен сам для себя определить: какую пользу для себя и остальных ты можешь извлечь из своего... свойства. Соблюдая при этом, конечно, осторожность.

Разумеется, я не все понял из того, что он мне сказал. Но кое о чем я задумался, а многое стало понятно мне позже.

Вечером, после разговора с Акселем, я рассказал остальным нашим про Уолтера Брента. Всем нам было жаль его, но мы испытали огромное облегчение, узнав, что это был только несчастный случай — нелепое и случайное происшествие. Кстати, позже я узнал о довольно странном совпадении: этот Уолтер приходился мне дальним родственником — фамилия моей бабки по материнской линии была Брент.

После истории с Уолтером мы решили назвать друг другу наши имена, чтобы больше никогда уже не мучиться неизвестностью.

Теперь нас было всего восемь. Впрочем, восемь тех, кто мог свободно разговаривать. Были и другие, которых мы иногда улавливали, но их попытки были столь слабыми и неумелыми, что в расчет мы их не принимали. Они были... как бы и зрячими, но лишь настолько, чтобы отличать день от ночи.

Кроме меня и Розалинды, были еще: Мишель, живший милях в трех от нас к северу; Салли и Кэтрин, жившие милях в двух от него; и уже почти на самой границе с прилегающим округом — Марк; Анна и Рэйчел — две сестры — жили на большой ферме, отстоявшей от нашей всего на милю-полторы. Анна была самая старшая среди нас — ей недавно исполнилось тринадцать. Погибший Уолтер был самым младшим.

Узнав, как кого зовут, мы совершили второй шаг на пути, ведущем нас к сознанию своей обособленности. Этот наш поступок в какой-то мере ослабил нашу боязнь: каждый перестал так сильно ощущать свое одиночество и мог теперь рассчитывать на поддержку остальных. Шло время, и надписи на стенах в нашем доме, обличающие и проклинающие мутантов, перестали вызывать у меня мучительный страх. Они опять превратились в необходимую, хотя и не слишком приятную, часть нашего домашнего обихода. Правда, воспоминания о Софи и тете Харриет не исчезали, но и они перестали быть такими болезненными, как раньше. А вскоре в моей жизни наступили такие перемены, что у меня уже просто не было времени предаваться тревожным воспоминаниям, бередящим душу.

В нашей школе, как я уже говорил, мы в основном выписывали и заучивали наизусть тексты из библии и «Откровений», которые даже не всегда понимали. Очень немного времени уделялось арифметике. Так что знаний в школе мы получали совсем мало. Родителей Мишеля это не устраивало, и они отправили сына в другую школу, в Кентак. Там он начал узнавать о таких вещах, о которых наши старушки, учившие нас простейшим арифметическим правилам, даже и не слыхивали. Естественно, ему хотелось поделиться с нами всем, что он узнавал сам. Поначалу это получалось у нас

неважно — расстояние между нами было теперь гораздо большим, чем то, к которому мы привыкли, и голос его сперва был слышен неясно. Но недели через две все как-то наладилось, и он уже мог подробно рассказывать нам все, что знал сам. Даже кое-что из того, что он сам не вполне понимал и усваивал, становилось яснее и понятнее, когда мы начинали размышлять все вместе.

Это было жутко здорово — узнавать все новые и новые вещи. Я начинал понимать многое из того, что пытался втолковать мне Аксель, но что раньше было для меня почти пустым звуком. Но все это еще в большей степени вынуждало нас таиться и быть постоянно начеку — я чувствовал, что от этого ощущения мне уже не избавиться никогда. Было очень трудно все время помнить, что́ можно говорить, а что́ — нет. Стоило огромного труда порой промолчать, слушая безграмотные разглагольствования старших, выслушивая нелепейшие объяснения самых простых и очевидных вещей, делать те или иные вычисления, зная, что есть другой способ добиться того же результата, гораздо более легкий и удобный...

Случалось, мы бывали неосторожны: порой чьи-то соседские брови недоуменно хмурились, когда у кого-то из нас вырывалась непроизвольная реплика, словцо... Но подобных ошибок с нашей стороны становилось все меньше и меньше, потому что чувствительность к опасности росла в нас с каждым днем. И так вот, находясь в постоянном напряжении, всегда начеку, мы прожили шесть лет, не вызвав ни у кого прямых подозрений. Может быть, так продолжалось бы и дальше, если бы в один прекрасный день мы не обнаружили, что нас уже не восемь, а девять.

Глава девятая

1

Самое странное для нас было то, что девятой оказалась моя маленькая сестренка — Петра. Она была такой обычной, такой нормальной, что никому и в голову не могло прийти, что она — одна из нас. Прелестная, жизнерадостная девчушка с золотистыми локонами... Я и теперь легко могу представить ее себе такой: чистенькая, всегда нарядная, ни секунды не сидящая на одном месте, носящаяся по двору и таскающая за собой косоглазую куклу — самую свою любимую, хотя и довольно уродливую игрушку. Она и сама была, как игрушка, чудная, забавная игрушка, как и все дети, немного капризная, с мгновенными переходами от слез к смеху, от обид к радости. Я очень любил ее, да и все, даже отец, готовы были в любой момент оторваться от дел, чтобы приласкать ее. И никогда бы мне в голову не пришла мысль о какой-то ее необычности, если бы не однажды...

Нам всем тогда очень хотелось пить. Мы косили траву вшестером — я и пятеро работников с нашей фермы. Я остановился передохнуть и протянул свою косу соседу, желая поменяться с ним, как вдруг меня ударило... Никогда мне не доводилось испытывать ничего похожего. Всего секунду назад я, не торопясь, выпустил из рук косу и с удовольствием потянулся, а в следующий момент что-то физически ударило меня, словно внутри головы что-то взорвалось. Я буквально пошатнулся от этого удара. Потом пришла боль — сильная боль, неудержимо, помимо моей воли толкающая меня вперед, причем в первые несколько мгновений я даже не думал, идти мне или нет,— я просто подчинялся этой зовущей и толкающей меня вперед боли. Под удивленными взглядами всех, кто был со мной рядом, я стремительно пересек поле и побежал. Я не отдавал себе отчета в том, почему я бегу именно в этом направлении — через овраг, вдоль забора, вниз к пастбищу и к реке...

Продираясь сквозь заросли, краем глаза я видел поле, примыкающее к реке, поле Ангуса Мортона с тропинкой, рассекающей его посередине, которая вела к мостику... По этой тропинке неслась как сумасшедшая Розалинда. Я спустился к реке и побежал вниз по течению — туда, где было много глубоких омутов. Что-то по-прежнему неудержимо толкало меня вперед, хотя сознание мое отказывалось понимать, куда и зачем я бегу. Река в этом месте дважды образовывала небольшие заводи. Я подбежал ко второй и с разбегу нырнул в нее. Через секунду я оказался лицом к лицу с Петрой, которая бултыхалась в воде, уцепившись за растущий на берегу возле самого краешка реки куст. Куст еле-еле держался на земле остатками корней, еще минута, и он сорвался бы в воду. Сделав несколько взмахов руками, я подплыл к Петре и обхватил ее под мышки.

Боль, не покидавшая меня все это время и толкавшая сюда, сразу прошла. Я вытащил Петру из воды и усадил на берегу. Только тогда я оглянулся и увидел рядом с собой Розалинду. Лицо ее выражало сильнейшую тревогу, и она глядела на меня с немым вопросом.

— Кто это был? — выговорила она наконец дрожащим голосом и приложила трясущуюся руку ко лбу.— Кто мог так сделать?

Я коротко объяснил, как было дело.

— Петра? — недоверчиво переспросила она.

Я уложил сестренку на траву. Она была почти без сознания, но дышала уже ровно. Ничего страшного с ней как будто не случилось. Розалинда подошла к нам и тоже наклонилась над Петрой. Мы молча глядели на вымокшее платье девчушки и потемневшие от воды ее кудряшки. Потом мы отвели глаза от Петры и поглядели друг на друга.

— Я и понятия не имел,— сказал я,— никогда бы не подумал, что она одна из нас.

Розалинда прижала ладони к лицу и неуверенно провела кончиками пальцев по лбу. Потом она покачала головой и посмотрела на меня очень внимательно: в глазах ее еще отражалась боль от испытанного только что удара.

— Она не одна из нас,— прошептала Розалинда.— Она... что-то вроде нас, но... не такая. Никто из нас не сумел бы так приказать. Она... она что-то большее, чем мы...

В это время к нам уже подбегали люди, кто-то заметил, как я сломя голову мчался по полю, кто-то видел Розалинду, выскочившую из дому, как на пожар. Я взял Петру на руки, чтобы отнести домой. Один из наших работников, с которым я был на косовище, озадаченно смотрел на меня, пытаясь что-то сообразить.

— Как это ты узнал, что она здесь? — наконец проговорил он.— Я не слышал ни звука, а ведь был рядом с тобой.

Розалинда мгновенно обернулась к нему. На лице у нее было написано крайнее изумление.

— Не слышали ни звука? — самым естественным тоном переспросила она.— Да она же орала, как будто ее режут! Ее и глухой бы услыхал миль за десять!

Работник с сомнением покачал головой, но мы с Розалиндой уверенно твердили свое, и нам как будто поверили. Я не стал продолжать этот разговор и постарался как можно быстрее уйти.

2

Той же ночью впервые за многие годы я вновь увидел свой старый сон — очищение. Только на этот раз, когда нож сверкнул в правой руке отца, в его левой руке был не теленок, не Софи, а... Петра! Я проснулся в холодном поту...

На следующий день я пытался поговорить с Петрой — поговорить мысленно. Я ужасно хотел объяснить ей, как важно, чтобы она держала свое умение передавать мысли в секрете и ничем себя не выдала. Я старался долго, но у меня ничего не выходило: никакого контакта у нас с ней не возникало. Ко мне присоединились все наши — старались терпеливо, но безрезультатно. Я хотел было предупредить Петру обычными словами, просто поговорить с ней, но Розалинда была против.

— Скорее всего она сумела сделать это, потому что здорово испугалась,— сказала Розалинда.— Если она сейчас не отвечает нам и вообще никак не реагирует, то, по-моему, она просто не понимает, что с ней произошло... И не помнит. Поймите, в этом случае ее нельзя посвящать в нашу тайну! Не надо! Ей всего шесть лет, и подвергать ребенка такому риску просто нечестно!

В конце концов мы все согласились с этим. Мы знали, как трудно следить за каждым своим словом, даже когда ты уже привык к этому. Мы решили отложить разговор с Петрой, пока какой-нибудь случай не сделает этот разговор неизбежным или пока она не подрастет настолько, чтобы понять, о чем мы хотим ее предупредить. Пока же мы решили время от времени пробовать говорить с ней, и если нам так и не удастся установить с ней контакт, пусть все идет своим чередом.

За последние годы мы многое узнали о людях, живущих рядом с нами, о том, чем и как они живут. То, что раньше казалось забавной игрой, пусть немного опасной, но все же игрой, превратилось для нас в хождение по краю пропасти. Мы твердо знали: для того, чтобы выжить, мы должны ничем не отличаться от остальных — есть, пить, разговаривать и вообще жить точь-в-точь, как они. Мы были наделены особым чувством, которое, как говорил Мишель, можно было бы назвать счастливым даром, но для нас в мире, где мы родились, он был скорее проклятием. Самый тупой и ограниченный человек в округе был счастливее нас — ведь он был таким, как все. Мы же были другими и поэтому были обречены на вечное молчание, скрытность, ложь. Бесперспективность такого существования, невозможность делать то, что было назначено нам природой, вынужденность молчать, когда мы могли сказать гораздо больше, чем другие,— все это особенно сильно действовало на Мишеля.

Его более развитое, чем у нас, воображение заставляло его ясно видеть всю бессмысленность такой жизни, всю невозможность какого бы то ни было выхода, и поэтому ему было гораздо тяжелее, чем нам. Что касается меня, то нынешнее положение дел меня вполне устраивало. Я лишь изредка начинал ощущать всю нелепость нашего прозябания, но когда эти мысли приходили мне в голову, их тут же гасило обостренное чувство опасности, которое с возрастом стало частью моей натуры. В особенности это чувство обострилось

после одного самого обычного летнего дня, примерно за год до истории с Петрой.

Это было скверное лето. Так же, как и Мортоны, мы лишились трех полей, всего же в районе выжгли в тот сезон около тридцати пяти. За последние двадцать лет никто не помнил такого количества отклонений у злаков. Каждую неделю кого-то тащили в суд за умышленное сокрытие урожая с отклонениями или за недонесение о преступлении среди его скота. В довершение ко всему нам пришлось трижды отбиваться от нападений из Джунглей. Как раз после третьего рейда я обратил внимание на старого Джейкоба, выкорчевывавшего что-то у себя в саду.

— Что это? — спросил я, остановившись возле его изгороди.

Он воткнул мотыгу в землю и облокотился на нее. Сколько я его помнил, он все время что-то полол и выкорчевывал в огороде и в саду, и представить его себе за каким-нибудь другим занятием было просто невозможно. Он повернул ко мне свое морщинистое лицо, обрамленное седыми космами волос, сливающимися с такими же седыми бакенбардами.

— Бобы,— кратко сказал он.— Теперь эти чертовы бобы у меня неправильные. Сперва картошка, потом помидоры, теперь вот эти чертовы бобы. В жизни еще не видал такого лета! Ну, картошка, помидоры — это еще куда ни шло. Но где, черт возьми, видано, чтобы и бобы стали неправильными?!

— А вы уверены, что они неправильные? — спросил я его.

— Уверен? — возмущенно фыркнул он.— Что ж, я, по-твоему, в мои-то годы не знаю, какими должны быть настоящие бобы? — Он злобно покосился на свой огород.

— Да, лето действительно неважное,— поспешил с ним согласиться я.

— Неважное! — передразнил он меня.— Да это же черт знает, что такое! Недели работы — кошке под хвост! Свиньи, овцы, коровы жрут за милую душу все, что для них заготовили, и все затем, чтобы породить на свет проклятую богом нечисть. Люди слоняются без дела, того и гляди что-нибудь стащат, и приходится следить за своими же работниками вместо того, чтобы заниматься делом. Даже мой сад — мой — и тот полон отклонений. Что и говорить, худое лето. Но то ли еще будет, помяни мое слово! — выкрикнул он с мрачным злорадством.— То ли еще будет!

— Почему? — спросил я.

— Это неспроста! — твердо выговорил он.— Это кара, и они это заслужили! Ты только глянь — кругом одна распущенность! Взять хоть молодого Теда Норбета: отделался небольшим штрафом за то, что скрыл приплод у овцы — десять ублюдков. Да еще успел сожрать их всех, кроме двух, прежде чем на него донесли. Если бы только его отец увидал такое! Да он бы из гроба встал! Знаешь, что бы он получил за то же самое? Ну, он-то, конечно, никогда такого бы себе не позволил, даже в мыслях — это я тебе так, к примеру... Не знаешь?! Так я тебе скажу: его публично прокляли бы в неделю покаяний и отобрали бы десятую часть всего его имущества! Вот так-то.. Поэтому в мое время таких вещей не случалось. А теперь... — Он махнул рукой.— Что им какой-то штраф! И вот так повсюду — распущенность, попустительство, никаких устоев... Но с богом шутки плохи! Нам грозит новая кара, помяни мое слово, и это лето — только лишь начало! Ты знаешь, я рад, что уже стар и, даст бог, умру своей смертью. Но кара грядет, она уже не за горами, помяни мое слово!.. А все горе в том,— продолжал он, переведя дух,— что все правительственные регламенты пишутся слабодушными балаболками там, на востоке. Все эти политиканы с востока никогда не жили в таких местах, как наши. Что ж они там могут знать? Они и мутанта-то в глаза не видали, вот и сидят и пишут черт-те что! Не-ет, такой сезон, как нынешний, он неспроста! Это — предупреждение всем нам, помяни мое слово! — Он опять махнул со злобой рукой и, отдышавшись, вновь разразился тирадой:

— Как, по-твоему, добились мы того, что юго-запад стал богоугодным местом? Как мы справились с мутантами здесь? Как сохранили веру? Не знаешь? Ну, так я тебе скажу: уж, во всяком случае, не какими-то там штрафами... Не-ет! Это делалось по-другому! Твердой рукой искоренялся грех, и если уж кого наказывали, то его наказывали, да так, чтоб другим неповадно было! Когда мой отец был юнцом, женщину, произведшую на свет мутанта, били кнутом. Если же она трижды была повинна в этом, у нее отбирали Матрику, объявляли вне закона и продавали в рабство. Только так можно добиться твердости веры и чистоты расы. Отец мне говорил: в его время было гораздо меньше всякой нечисти, а все потому, что если попадалась такая дрянь, то ее сжигали, как сейчас сжигают отклонения!

— Сжигали?! — ошеломленно воскликнул я.

— А разве не так очищаем мы землю от разной нечисти? — сощурившись, спросил он меня.

— Ну да,— пробормотал я.— Но ведь это землю... То есть я хочу сказать... Разные там растения или животные, а... тут ведь другое...

— Это «другое» еще хуже! — выкрикнул он.— Это же сам дьявол смеется над образом и подобием господа! Их надо сжигать, как это делалось раньше! Но ка-ак же? — Он издевательски растянул рот до ушей.— Ведь эти слюнтяи в Риго, которые... Словом, они ведь говорят, что, мол, хоть они и не люди, но выглядят почти как люди, и поэтому их уничтожение будет вроде бы убийством. Дескать, это может многих отпугнуть. Вот из-за них-то, слюнтяев, которых это, видите ли, может «отпугнуть», у нас теперь новые порядки. Теперь, видите ли, этих «похожих на людей» можно только лишь изгонять в Джунгли, а младенцев просто относить туда и оставлять на волю провидения. Это по-ихнему более милосердно! Слава богу, у правительства хватает ума не давать им размножаться. Но готов спорить на что угодно: есть среди властей такие, которым и это не по вкусу. А в результате — больше набегов из Джунглей, значит, больше денег уходит на все эти рейды! Да-а, то ли еще нестанет!.. Какого же черта, хотел бы я знать, тогда орать: «Проклятье мутантам!» — если мы обращаемся с ними, словно они наши родственники? А?

— Но ведь... мутант не виноват, что он родился таким,— попытался возразить я.

— Не виноват?! — рявкнул Джейкоб.— Скажи-ка, а тигр виноват в том, что он тигр? Ведь нет же, но ты убиваешь его, или он убьет и сожрет тебя! Не-ет, по мне лучше старые добрые времена, когда человеку было позволено выполнять свой долг и жить в чистоте. А теперь... — Он махнул рукой в очередной раз.— Мы навлекаем на себя новую кару, помяни мое слово...

Он долго еще бормотал, что-то выкрикивал и размахивал руками, как древний пророк, но я уже плохо вслушивался в его речь. Слишком уж страшно все это звучало. Я уже давно отошел от него, а он все никак не мог успокоиться.

Отыскав в тот же день Акселя и коротко передав ему то, что я услышал от Джейкоба, я спросил, много ли еще таких, как этот фанатик. Аксель задумчиво почесал затылок.

— Думаю, разве что несколько стариков,— ответил он.— Они ведь не забыли еще то время, когда не было никаких инспекторов и каждый сам решал, как ему жить. Правда, есть и помоложе... Но большинство вряд ли захочет возврата к прежним временам. Уже многие не так придирчивы к отклонениям, как их отцы и деды, да и вообще сейчас мало сторонников крайних мер. Большинству хватает того, что мутантам не дают размножаться, но скажу тебе честно: дай им еще пару таких урожаев, как нынешние, и они уже не будут сидеть сложа руки.

— Но почему? Дядя, почему выдаются сезоны, когда столько отклонений сразу? — спросил я.

— Не знаю,— пожал он плечами.— Говорят, это как-то связано с погодой. Говорят, когда сильная зима и ветер с юго-запада, отклонений больше. Но не в первый сезон после такой зимы, а через один. Говорят, ветер приносит что-то с Плохой земли, но никто не знает, что это такое. Старики думают, будто это знак, вроде как напоминание о каре. Они говорят, что, мол, будет еще хуже, потому что мы свернули с пути истинного. Кстати, следующий год будет и вправду еще хуже, и больше станет людей, прислушивающихся к подобным речам... Будут искать, на ком бы выместить свою злобу.

Последние слова он выговорил медленно и отчетливо, не сводя с меня внимательного и задумчивого взгляда.

Я понял намек и рассказал обо всем нашим. Аксель оказался прав: следующий год был не лучше предыдущего, и люди все ревностнее искали козлов отпущения. К укрывательствам отклонений стали относиться уже не так небрежно, как это было раньше, и все эти события усилили нашу тревогу (а она и так была немалой), тревогу за Петру.

Целую неделю после истории на реке мы в страхе ждали, что начнутся новые расспросы, но вроде бы все обошлось. По-видимому, так как нас было двое — я и Розалинда — и прибежали мы с разных сторон, нам поверили. Это успокоило нас. Но ненадолго. Прошел месяц, и мы столкнулись с новой неожиданностью.

Анна объявила, что выходит замуж...

Глава десятая

1

Когда она впервые сказала нам об этом, мы сразу почувствовали вызов в ее тоне. Поначалу мы не восприняли это всерьез. Трудно было в это поверить, и мы все были уверены, что это всего лишь шутка. Во-первых, ее избранником, как она сказала, был Алан Эрвин — тот самый Алан, который донес на Софи. И потом, у родителей Анны была хорошая ферма, немногим меньше, чем весь Вакнук, Алан же был сыном простого кузнеца, и стать он мог только кузнецом, как его отец. Внешне он вполне подходил для этой работы — был высок и силен, но на этом все его достоинства кончались. Было ясно, что родители Анны не одобрят ее выбор, поэтому сначала мы не особенно беспокоились. Но, как оказалось, напрасно.

Каким-то образом она сумела уговорить мать и отца, и скоро мы узнали, что свадьба Анны и Алана — дело решенное. Это был гром среди ясного неба. Волей-неволей, а мы были причастны к происходящему — нас не могло не коснуться это событие, и, несмотря на нашу молодость, мы ясно представляли себе, чем все может кончиться. Первым попытался поговорить с ней Мишель.

— Анна, милая, это же безумие! Ты не должна этого делать, хотя бы ради себя самой! — пытался убедить он ее.— Ведь это все равно, что связать свою жизнь с... с калекой. Подумай, мы все просим тебя! Подумай сама, к чему это может привести?!

— Я не дурочка! — злобно отзывалась она.— И уж будьте уверены, я хорошо подумала, прежде чем решиться на это. И думала больше, чем все вы! Поймите, я женщина! И я хочу выйти замуж, рожать детей!.. Я имею на это право! Вас трое, а нас, женщин, пятеро. Что же, по-вашему, две из нас так или иначе обречены на одиночество?! Никогда не иметь семьи, своего дома?! Выходит, все равно две из нас должны выйти за нормальных. Я люблю Алана и хочу выйти за него!..

— Нельзя этого делать! — терпеливо убеждал ее Мишель.— Наверняка мы не одни такие. Где-то должны быть еще... Может быть, не в нашей округе... Если бы ты немножко подождала...

— Почему я должна ждать? Я могу так прождать годы, прождать всю мою жизнь! Я нашла Алана, уже нашла, а вы хотите, чтобы я черт знает сколько ждала человека, который, может быть, вообще никогда не появится!.. И кого, быть может, я возненавижу вместо того, чтобы полюбить, если даже он и придет! Так вот, знайте: этого не будет, потому что я так не хочу! Не моя вина в том, что я не такая, как все. Но у меня, как и у всех, есть право жить!.. Конечно, мне будет нелегко. Но неужто вы думаете, что мне будет легче жить вот так, как сейчас? День за днем, год за годом быть одной... Допустим, вы трое женитесь на трех из нас, а что станет с двумя оставшимися? Они будут и не со всеми остальными, но и не с вами — они... Для них вообще не будет места! Так что же, по-вашему, они должны просто... просто исчезнуть?! Это у тебя, Мишель, неладно с мозгами! Ты сам разучился думать, вернее, вы все. Я-то хоть знаю, чего я хочу и что мне делать, а остальные ведь даже не думали об этом, потому что никто из вас не влюблялся, кроме Розалинды и Дэвида. Вы просто не сталкивались еще с тем, с чем столкнулась я...

Кое в чем она была права. Но если мы и не решали всех проблем, с которыми нам предстояло столкнуться, мы хорошо представляли себе все сложности, с которыми сталкивались уже, причем сталкивались постоянно, изо дня в день.

Смутно, подсознательно мы надеялись когда-нибудь избавиться от необходимости постоянно лгать, притворяться. Как? Когда это произойдет? Мы не знали. Но одно мы знали твердо — брак с нормальным, вообще любое близкое соприкосновение с НОРМОЙ станет для любого из нас невыносимой мукой. Наше теперешнее положение, наша жизнь в домах с родными и близкими — все это было очень тяжело. Но жить как... как муж с женой с тем, кто не умеет говорить, стало бы просто невыносимым. Во-первых, любой (или любая) из нас все равно был бы более близким всем нашим, чем «нормальному», с которым бы он (или она) жил. Этот брак неизбежно вылился бы в видимость брака, где люди были бы разделены даже больше, чем говорящие на разных языках.

Это было бы несчастьем, пародией на близость, это вылилось бы в постоянную боязнь выдать себя, ненароком оговориться. А ведь мы знали, что подобные оговорки неизбежны.

Другие люди казались нам такими скучными, такими ограниченными по сравнению с нами... Разве может «нормальный» понять, что значит думать вместе, если на языке слов это даже звучит как-то нелепо? И как он может понять, что два мозга могут сделать то, что никогда бы не смог один? Нам же не нужно подбирать слова — даже если бы мы в разговоре и захотели скрыть что-то друг от друга, в чем-то притвориться, вряд ли у нас бы это получилось. Мы не могли даже как-то неверно понять друг друга, так что же могло выйти, если бы один из нас стал бы привязан к «нормальному», который в лучшем случае может лишь смутно угадать, что чувствует близкий ему человек? Нет, ничего не могло тут выйти, кроме изнурительной замкнутости, невыносимого притворства. И все это неизбежно закончилось бы роковой оговоркой...: Несколькими незначительными, случайно сорвавшимися с языка словами, которые постепенно начинали бы вызывать все большее подозрение, и тогда...

Анна понимала все это не хуже нас. Но сейчас она предпочитала обманывать себя. Желая подчеркнуть незыблемость своего решения, она перестала вступать с нами в контакт, не отзывалась на обращения. Но мы так и не знали: совсем она «закрылась» от нас или продолжает слушать, не вступая в разговор? Мы склонялись ко второму и поэтому даже не рисковали обсуждать между собой создавшееся положение. Да и что в самом деле мы могли предпринять? Лично я ничего не мог придумать, Розалинда тоже была в растерянности.

Перевел с английского
Феликс САРНОВ.

Продолжение следует.

ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ

Джон УИНДЕМ

Научно-фантастический роман

За шесть лет из нескладного подростка Розалинда превратилась в высокую, стройную девушку. Она была очень красива, черты ее лица были правильные и привлекательные. Но, что гораздо важнее, она была очень женственна. Мягкость и женственность проявлялись во всем, что она делала: в манере держаться, разговаривать... Для многих парней эта женственность была приманкой, они принимали ее за кокетство и лезли к ней со своими ухаживаниями. Но она могла быть с ними приветлива — и только... У нее был какой-то внутренний способ защиты. Не знаю как, но она умела очень быстро отгородиться от приставаний — отгородиться внутри и каким-то образом дать почувствовать это ухажерам... Для нее, быть может, в большей степени близкие отношения с кем-то из «нормальных» были невозможными, неприемлемыми... Наверное, поэтому случившееся с Анной было для нее гораздо большим потрясением, чем для остальных наших.

Мы встречались с ней редко, всегда украдкой, и я думаю, никто, кроме наших, не догадывался об этих встречах. В те редкие часы, когда мы могли любить друг друга, нас никогда не покидал привкус горечи, никогда не оставляла мысль: сумеем ли мы когда-нибудь быть вместе открыто, не таясь? История с Анной усилила эту горечь — сама мысль о браке с НОРМОЙ для нас обоих была невыносимой.

Единственным человеком, у которого я мог попросить совета, был дядя Аксель. Как и все в округе, он знал о предстоящей свадьбе. Но он не знал, что Анна была одной из наших. Когда я сказал ему об этом, он помрачнел. Подумав, он сказал:

— Нет, Дэви. Это никуда не годится. Вы все правы, и я предвидел, что когда-нибудь дело дойдет до этого, хотя и надеялся, что как-нибудь обойдется. Теперь же, готов поклясться, вы все ее с места не сдвинете. Ведь так, мальчик? Иначе бы ты не пришел ко мне с этим?

— Она и слушать нас не хочет,— кивнул я.— Больше того, она нам не отвечает... Сказала, что с этим покончено. Она не хочет больше отличаться от... от «нормальных» — так и сказала. Это была первая ссора у нас... В конце концов она сказала... сказала, что ненавидит нас всех! На самом деле это, конечно, не так... Просто она очень хочет выйти за Алана — так хочет, что не может и думать о каких-то помехах. Она... она словно ослепла или... Ну, в общем, она даже не хочет себе представить, что из этого может получиться. И я просто не знаю, что нам теперь делать...

— А есть хоть один шанс, что она все-таки сумеет жить с... с «нормальным»? Или об этом нечего и говорить? — спросил Аксель.

— Мы уже думали об этом,— сказал я ему.— Она может, конечно, не отвечать нам, что она сейчас и делает. Ну, это как если бы ты отказался разговаривать. Но долго она так не вытянет, ведь невозможно хранить обет молчания всю свою жизнь! Она никогда не сможет заставить себя стать «нормальной». Это просто невозможно! Мишель говорит, что это будет примерно так, как если бы она притворялась, что у нее только одна рука, из-за однорукости своего мужа... Нет, ничего у нее не получится, дядя, потому я и пришел к тебе...

Аксель задумался.

— Скажи,— спросил он,— а ты уверен, что она и впрямь свихнулась с этим Аланом? Я хочу сказать, свихнулась по-настоящему, ну, что она вроде как не в себе? — Он покрутил пальцем у виска.

— Она совсем не похожа на себя,— задумчиво сказал я.— Она... как будто разучилась думать... Ее последние мысли, перед тем, как она замолчала, были... были как бы и не ее...

— Женщины всегда думают, что любят, когда хотят замуж,— вздохнув, сказал Аксель,— и беды тут большой нет. Каждому человеку нужны мечты, каждый

Рисунок Бориса Сопина

Продолжение. Начало в №№ 4, 5.

хочет за что-то ухватиться... Но с женщиной, которая на самом деле любит, шутки плохи. Она живет в мире, где совсем другие законы,— она слепа, глуха ко всему, что ее окружает, и море ей по колено. Она способна на все, на любые жертвы и... Рано или поздно, Дэви... Рано или поздно...

Он не договорил, но я понял, что он хотел сказать. Ведь и я думал то же самое.

— Что же нам делать? — в отчаянии прошептал я.

Он посмотрел мне в глаза, и в его взгляде я увидел... решение. Приговор...

— Послушай меня внимательно, мальчик,— сказал он.— Один из вас угрожает жизни всех, понимаешь, всех. Может быть, и сама того не понимая, но... Это так. Даже если она искренно думает, что не выдаст вас, вы все теперь зависите от случайно оброненного слова, одной-единственной оговорки, вообще любой случайности. Так имеет ли она право — одна — подвесить жизнь семерых на тоненьком волоске только лишь потому, что она хочет жить с этим самым Аланом? А, Дэви?

Я колебался. Возражать было нечего.

— Если ты... если ты ставишь вопрос так...— пробормотал я неуверенно.

— А как иначе, Дэви? Так есть у нее такое право?

— Мы сделали все, чтобы убедить ее!..— вырвалось у меня невпопад.

— И у вас ничего не вышло. Что же теперь? Вы будете сидеть сложа руки и ждать, когда она проговорится?

— Я... не знаю,— с трудом выдавил я.

— Знал я одного человека,— медленно начал Аксель, бросая время от времени на меня косой взгляд исподлобья,— который плавал на судне... Они оказались в шлюпке — судно загорелось... Болтались они в море без еды и почти без воды сколько-то там дней, пока один из них не вынес жажды... Он выпил морской воды и сошел с ума. В припадке буйства он стал ломать лодку... Они все погибли бы, неминуемо погибли, но они скрутили его и вышвырнули за борт. Остальные трое — всего их было четверо — дотянули до берега. Если бы они не сделали то, что сделали, тот сошедший с ума все равно бы сдох. Но с ним вместе погибли бы и все остальные!

Возникла тяжелая пауза. Наконец я отрицательно покачал головой.

— Нет, дядя. Этого мы не сделаем,— сказал я.

— Наш мир не райские кущи,— медленно проговорил Аксель,— в особенности для тех, у кого есть отклонения. Я, признаться, был уверен, что вы из тех, кто способен бороться за свою жизнь и... И победить. Но, может статься, я и ошибся.

— Пойми, дядя,— сказал я,— если бы речь шла об Алане, если бы это его нужно было «вышвырнуть за борт», мы бы не колебались. Но Анна!.. Дело даже не в том, что она женщина! Если бы на ее месте был любой из нас, это ничего не меняло бы. Мы слишком близки друг другу, понимаешь? Она, Анна, даже теперь гораздо ближе мне, чем родные сестры... Мне трудно объяснить тебе это...— Я запнулся, потому что никак не мог найти слов, которые бы он понял. Я чувствовал, что слова здесь вообще не помогут.— Это... это было бы не просто убийство, дядя, а... все равно как отрезать часть самого себя... Нет! Мы никогда не сможем сделать это!..

— Но тогда это камнем будет висеть над вашими головами до тех пор...— Он не закончил, но мы оба знали, что он имел в виду.

— Я знаю,— вздохнул я,— но то, что ты предлагаешь, для нас не выход. Если бы мы сделали это, «камень» висел бы над каждым внутри. И это было бы для нас во сто крат хуже...

2

Я даже не мог передать остальным наш разговор с Акселем — ведь его могла услышать Анна. Но я твердо знал, что они сказали бы то же, что и я. Я понимал, что Аксель предложил нам единственный реальный выход из создавшегося положения. Мой отказ последовать его совету означал полное наше бессилие и обреченность.

Анну мы с тех пор не слышали ни разу. Но хватает ли у нее воли не слушать нас? Мы не были в этом уверены. От ее сестры Рэйчел мы узнали, что она отзывается только на нормальную речь и всеми способами старается доказать себе, что она такая же, как все. Но все равно мы теперь уже не могли свободно говорить друг с другом: мы боялись.

Прошло несколько недель. Все оставалось по-прежнему. Похоже было, что Анна и впрямь сумела забыть о своем отличии от остальных... Приближался день ее свадьбы, и, наконец, они с Аланом переехали в дом, который ее отец построил им на своей ферме. Кое-кто поговаривал, что она напрасно вышла замуж за сына кузнеца, но никаких тревожных для нас слухов вроде не было.

Несколько месяцев мы не слышали о ней ничего. Она избегала даже встреч со своей сестрой, видимо, не желая, чтобы и эта тоненькая ниточка связывала ее с нами. Что ж, нам оставалось только надеяться, что ее брак оказался удачным и опасения наши были напрасными.

Постепенно наши страхи улеглись. В какой-то степени этому способствовало то, что пришло время, во всяком случае для нас с Розалиндой, подумать и о себе. Не помню, когда нам стало ясно, что мы должны быть вместе. Это казалось нам таким очевидным и естественным, так совпадало с нашими мыслями и желаниями, что нам казалось, мы знали об этом всегда. Это стало чем-то само собой разумеющимся задолго до того, как мы начали говорить об этом. Я и подумать никогда не мог, что возможен какой-то другой вариант — двое людей, выросших вместе, думающих вместе, а кроме того, объединенных еще и враждебностью всего окружающего мира, чувствуют необходимость друг в друге еще раньше, чем сознают, что они любят...

Но случается, когда они, наконец, понимают, что любят друг друга, они неожиданно для себя понимают и то, что они отличаются не только от всех остальных, но и друг от друга... И порой они сталкиваются с теми же проблемами, как и все «нормальные»...

Неприязнь между нашими семьями после истории с лошадьми вылилась в открытую вражду, и с годами вражда эта не утихала. Мой отец и его двоюродный брат Ангус Мортон, отец Розалинды, вели между собой что-то вроде партизанской войны: каждый внимательно следил за землями другого — не появились ли там хоть малейшие отклонения. Известно было даже, что оба как-то раз назначили награду тому, кто углядит отклонение на земле соседа.

В своем стремлении перещеголять Мортона отец жертвовал многим. Он, например, обожал помидоры, но, когда они однажды уродились неправильные, он вообще перестал сажать помидоры и картошку: с той поры нам приходилось покупать все это у соседей. Некоторые пряности также были занесены в «черный список» и той и другой стороной, и хотя все это еще больше поднимало моральный престиж наших семей, но отнюдь не способствовало добрососедским отношениям.

Было совершенно ясно, что обе стороны костьми лягут, но не дадут нам с Розалиндой пожениться.

С годами ситуация становилась все хуже и хуже. Мать Розалинды уже не раз делала попытки устраивать что-то вроде смотрин, да и моя мать, я видел, поглядывала на молодых девиц, словно прикидывая, которая из них больше годится ей в невестки.

Пока что мы были уверены, что о нашей близости никто не догадывается. Ничем, кроме колкостей и плохо скрытых оскорблений, Стормы и Мортоны не обменивались, и для всех в округе было естественным считать, что и дети разделяют чувства родителей. Единственным местом, где нас могли видеть вместе, была церковь; я уже говорил, что встречались мы с Розалиндой редко и всегда украдкой...

Но выхода из создавшегося тупика мы не видели, и было похоже, что положение не изменится к лучшему до тех пор, пока мы сами не придумаем что-нибудь. Был, правда, один вариант — он назывался у нас «свадьбой со стрельбой»,— когда невесту как бы похищали, понятно, с согласия родителей. Мы бы, конечно, пошли на это, если бы вражда Стормов и Мортонов не заставляла нас всерьез опасаться, что ружья Мортонов будут стрелять на этой «свадьбе» отнюдь не холостыми зарядами. Кроме того, мы были уверены, что даже в случае, если нам удастся каким-то образом пожениться, от наших родителей мы не получим ни гроша и нам придется уйти из родных домов в чем мать родила.

Тем временем прошло уже полгода со свадьбы Анны, и все оставалось без перемен.

Что касается остальных, то мы чувствовали, что за полгода их страх по поводу брака Анны не то чтобы совсем исчез, но притупился. Конечно, мы не до конца успокоились, никогда не забывали о нашем отличии и о том, какую беду оно могло рано или поздно на нас навлечь. Но, привыкнув с детства жить в этом страхе, мы постепенно привыкли и к мысли об Анне. Продолжалось это до тех пор, пока Алана не нашли мертвым на дороге к его дому. В горле у него торчала стрела.

3

Эту новость сообщила нам Рэйчел, и мы в жуткой тревоге, затаив дыхание, слушали, как она пытается поговорить со своей сестрой. Она старалась изо всех сил, собрала всю свою волю, но у нее ничего не получалось. Анна наглухо закрылась от нас. Даже в том отчаянии, которое она сейчас должна была испытывать, она не желала разговаривать.

— Я пойду к ней,— сказала нам Рэйчел.— Кто-то должен быть сейчас возле нее.

Вернулась она часа через полтора очень расстроенная.

— Она не хочет меня видеть... Даже в дом не впустила. Она позвала соседку, а мне закричала, чтобы... чтобы я убиралась вон!

— Наверное, она думает, что это сделал кто-то из нас,— услышали мы Мишеля.— Может быть, кто-то из вас и в самом деле?.. Или хотя бы догадывается, кто это мог быть?

Мы все ответили отрицательно.

— Нужно, чтобы она это знала,— сказал Мишель.— Она не должна думать, что это мы... Попробуйте все связаться с ней.

Мы все напряглись, но и это не дало никакого результата.

— Плохо,— сказал Мишель.— Каким-то образом мы должны дать ей об этом знать. Рэйчел, шепни ей как-нибудь при случае это словами. Но так, чтобы никто из посторонних не слышал.

— Я попробую,— неуверенно сказала Рэйчел.

Час с лишним мы провели в тревожном ожидании. Вернувшись, ничего хорошего она нам не сообщила.

— У меня ничего не вышло,— сказала Рэйчел.— Я передала записку через соседку, но та вернулась и сказала, что Анна порвала записку, не читая. Сейчас у нее мать. Она уговаривает Анну вернуться домой.. к нам.

— Теперь мы должны быть готовы ко всему! — помолчав, сказал Мишель.— Приготовьтесь бежать, если это вдруг понадобится. Но пока старайтесь не вызывать подозрений. А ты, Рэйчел, попробуй узнать, что у нее на уме, и держи нас в курсе.

Я понятия не имел, что мне делать. Петра была уже в кроватке, и я не мог разбудить ее так, чтобы никто в доме этого не заметил. Кроме того, я еще не был уверен в том, что дело так серьезно. Да и могла ли Анна заподозрить в убийстве Алана ребенка? И потом, мы ведь только предполагали, что Петра — одна из нас. Словом, пока я решил ничего не предпринимать. В доме все уже спали, когда Рэйчел связалась с нами вновь.

— Мы с мамой уходим к себе,— сказала она.— Анна выгнала всех из своего дома, и теперь она там одна. Мама хотела остаться, но с Анной сейчас невозможно разговаривать, она... Она совсем не в себе. Она сказала маме, что знает виновных в смерти Алана, но называть никого не будет.

— Ты думаешь, она имела в виду нас? — спросил Мишель.— Но ведь вполне возможно, что у Алана была с кем-то ссора, о которой не знаем мы, но знает она?

Рэйчел подумала и ответила отрицательно.

— Если бы дело было в этом, она впустила бы меня. Она не закричала бы мне: «Убирайся прочь!» Я схожу туда рано утром, как только рассветет. Может, за ночь она успокоится...

Так мы и порешили и впервые за несколько часов позволили себе хоть немного расслабиться.

На следующий день Рэйчел рассказала нам, что произошло утром. Она встала на заре и пошла через поле к дому Анны. Когда она подошла к двери, ей почему-то стало не по себе... В ушах у нее звенел крик сестры: «Убирайся!..» Но просто стоять возле дома было бессмысленно, и она, собравшись с силами, постучалась. Ей никто не ответил. Она постучалась сильнее, так что эхо разнеслось по всему дому. Изнутри не доносилось ни звука. Тогда она страшно перепугалась и стала колотить изо всех сил кулаками в дверь и окна. По-прежнему никто не отзывался. Рэйчел решила пойти к соседке, которая вчера передавала ее записку Анне.

Валявшейся во дворе доской они с соседкой высадили окно и влезли в дом. Анну они нашли наверху, в спальне: ноги ее не доставали полуметра до пола... Она повесилась на перекладине, поддерживающей крышу...

Вдвоем они сумели снять ее и уложить на кровать. Судя по всему, она умерла часа за два до их прихода. Соседка накрыла ее простыней...

Рэйчел воспринимала все происходящее так, словно это был какой-то кошмарный сон, она почти не соображала, что говорит. Соседка взяла ее за руку, как ребенка, и вывела из дома. Когда они уже выходили, соседка случайно заметила клочок бумаги, валявшийся на столе.

— Возьми это,— сказала она Рэйчел и сунула бумагу ей в руку.— Наверняка она написала это перед смертью тебе или родителям.

Рэйчел машинально повертела бумагу в руках.

— Нет, это не...— начала было она, но вовремя спохватилась и сделала вид, что внимательно читает написанное.— А-а, да-да, верно, это для отца с матерью... Я... передам им.— И с этими словами она спрятала письмо за корсаж платья. Адресовано оно было не ей, не родителям, а инспектору.

Муж соседки проводил Рэйчел до дому, и она рассказала родителям о том, что произошло. Потом, оставшись в своей комнате одна, она прочла письмо. Это был донос на нас всех, включая Рэйчел и даже Петру. Анна обвиняла нас в убийстве Алана, потому что... Словом, она написала все, как есть. Рэйчел дважды перечитала письмо сестры, а потом сожгла его.

4

Через день-два страсти вокруг этого дела улеглись. Самоубийство Анны, конечно, было трагедией, но никто не счел эту трагедию загадочной и необъяснимой. Молодая женщина, впервые забеременевшая, у которой так внезапно погиб муж, помешалась от горя и покончила с собой — таково было всеобщее мнение, и никто не нашел ничего необычного в случившемся.

Смерть Алана так и осталась загадкой для всех, в том числе и для нас. В ходе расследования были заподозрены несколько человек, у которых были ссоры с погибшим, но ни у кого из них не было достаточно веского повода для убийства. К тому же все подозреваемые сумели доказать свое алиби.

Старый Уильям Тэй опознал стрелу, сделанную им самим, но все стрелы почти у всех в округе были

сделаны им, так что это ничего не значило. Стрела была безо всяких отметин — самая обыкновенная, которых было полно в каждом доме. Конечно, появилось множество слухов: кто-то говорил, что у молодых не все было ладно в семье, что Анна будто бы в последнее время побаивалась своего мужа. К крайнему возмущению родителей Анны пронесся слух, будто она сама убила Алана, а потом повесилась, испугавшись, что ее поймают, а может, и от угрызений совести. Но об этом тоже вскоре прекратили болтать — ведь никаких реальных оснований обвинять Анну в таком преступлении ни у кого на самом деле не было. Эта смерть молодого сына кузнеца так и осталась для всех неразрешимой загадкой. Мы в страхе ждали, что кто-нибудь каким-то боком заподозрит нас, но страхи наши были напрасны: никому и в голову не пришло связать нас с этим странным происшествием. Но тем не менее все это не прошло для нас бесследно. С еще большей остротой, чем прежде, мы ощутили, по какому краю пропасти все мы ходим. Ощутили, как жизнь всех зависит от жизни каждого в отдельности.

Нам было жаль Анну, но горе утраты смягчалось сознанием того, что потеряли мы ее давно, задолго до разразившейся катастрофы. И только один Мишель, казалось, не разделял нашего относительного спокойствия.

— Один из нас смог предать!.. Смог!..—задумчиво сказал он.

Глава одиннадцатая

1

Проверка полей весной на этот раз обнаружила не так уж много отклонений. Во всем районе только два урожая попали в «черный список», и ни отца, ни Мортона в этом списке не было. Два предыдущих года были так ужасны, что те, кто в позапрошлом году сомневался относительно некоторых всходов, в прошлом — уничтожали все, что хоть мало-мальски отличалось от НОРМЫ. Может быть, именно поэтому нынешний урожай был почти весь нормальный. Это вселило в людей надежду, и все в округе смотрели друг на друга теперь уже не так враждебно и настороженно, как раньше. В конце мая многие бились об заклад, что процент отклонений в этом году будет неслыханно низким. Даже старый Джейкоб вынужден был признать это.

— Господь милостив,— говорил он,— он дает им последний шанс. Дай бог, чтобы они, там, на востоке, наконец прозрели!.. Впрочем, и этим летом все может обернуться иначе, помяните мое слово!..

Но никаких зловещих предзнаменований не было. Поздние овощи уродились такими же нормальными, как и ранние злаки. Погода тоже стояла отменная, и люди перестали провожать настороженными взглядами инспектора, который теперь не ходил, повсюду высматривая отклонения, а мирно дремал на крыльце своего дома.

Для нас все было бы так же спокойно и безмятежно, если бы не Петра.

Однажды в июне, жарким, погожим днем, вдохновившим ее на очередные проказы, она ухитрилась сделать сразу две вещи, которые ей строго-настрого запрещались. Во-первых, она одна выехала на своем маленьком пони за пределы нашей фермы. Во-вторых, ей и этого показалось мало, и она поскакала не по равнине, а в самую чащу леса.

Леса вокруг Вакнука, как я уже говорил, были в общем-то не такие уж страшные. Но осторожность, как известно, еще никому не вредила. Дикие коты редко нападали на человека, но все равно ходить в лес без оружия мы остерегались. Можно было наткнуться и на более крупного зверя, забредшего сюда из Джунглей.

Петрин зов возник так же неожиданно и с той же страшной силой, как и в прошлый раз. Правда, сейчас в нем не было такого панического ужаса, как прошлым летом, но тревога и отчаяние, возникавшие от крика Петры, были очень болезненны. Петра явно не контролировала себя, вообще не отдавала себе отчета в том, что делает. Она просто посылала сгусток эмоций, и эти эмоции охватывали всех, кто был способен этот ее сигнал воспринять.

Я попытался связаться с остальными и сказать, что уже бегу на помощь, но не смог пробиться даже к Розалинде. Мои сигналы не пропускала какая-то огромная помеха: это трудно объяснить... Ну как если бы человек пытался разговаривать при каком-то страшном шуме или пытался разглядеть что-то сквозь густой туман... А главное, этот сигнал не давал никакого представления о том, что, собственно, произошло. Он походил на нечленораздельный крик о помощи. Я уверен, она не понимала, что делает,— делала это чисто инстинктивно...

Я выскочил из кузницы, где работал, забежал домой за ружьем, которое всегда висело у нас рядом с входной дверью, и ринулся к конюшне. Единственное, что было ясно в крике Петры, это направление, и через несколько секунд я уже мчался сломя голову на оседланной лошади туда, куда неудержимо влек меня зов сестренки. Выехав в поле, я, не колеблясь, хлестнул коня и устремился к Западному лесу.

Если бы Петра хоть на минуту перестала вопить, я бы успел связаться с остальными и дать им знать, что нет нужды всем спешить на помощь. Тогда, быть может, обстоятельства сложились бы иначе... Но она орала не переставая, как сирена, и мне не оставалось ничего другого, как побыстрей разыскать и успокоить ее. Как назло, мы наскочили на кочку, я вылетел из седла, и какое-то время ушло у меня на то, чтобы поймать испуганную лошадь. В лесу дорога была более укатанная, и я довольно долго мчался по ней, пока вдруг не понял, что удаляюсь в сторону от Петры. Я повернул назад и стал искать другую тропинку, чтобы ехать прямо по направлению крика. Наконец, я нашел почти заросшую тропку и поскакал по ней теперь уже точно в правильном направлении, то и дело раздвигая ветви деревьев, цепляющиеся за одежду. Вскоре тропка стала пошире, и примерно через четверть мили я выехал на широкую просеку.

Я не сразу увидел Петру, сперва мне бросился в глаза ее пони. Животное лежало на боку с разорванным горлом. Над ним, жадно вырывая куски кровавого мяса из его глотки, склонился зверь — самый жуткий мутант из тех, которых я до сих пор встречал в нашем лесу. Он был весь рыжий с двумя отметинами — желтой и темно-коричневой — на боку. Его лапы были покрыты клочковатой шерстью, передние — с огромными когтями — были все в крови. Длинная шерсть свисала у него с хвоста, и это делало хвост похожим на гигантское перо. Морда у него была круглая, а глаза — как осколки желтого стекла. Уши широко расставлены, носа почти не было. Два громадных клыка выпирали из нижней челюсти...

Я осторожно стал снимать с плеча ружье. Это движение привлекло внимание зверя. Он повернул ко мне свою страшную оскаленную морду и молча уставился на меня. Кровь несчастного пони стекала с его раскрытой пасти на землю... Гигантский хвост стал мотаться из стороны в сторону. Я уже приподнимал ружье, когда откуда-то сбоку вылетела стрела и впилась в глотку этого монстра. Он взвился в воздух и тут же опустился на все четыре лапы, не отрывая от меня желтых, горящих жутким огнем глаз. Лошадь подо мной испуганно рванулась в сторону, я от неожиданности нажал курок, и выстрел пропал даром. Но прежде чем зверь успел прыгнуть, две новые стрелы вонзились ему в бок и в темя. Секунду он стоял неподвижно, а потом рухнул замертво.

Из чащи выехала Розалинда с луком в руке, с другой стороны появился Мишель, тоже с луком наготове. Он не спускал глаз с мертвого зверя. Отчаянный вопль Петры не утихал.

— Где она?— вслух спросила Розалинда.

Мы огляделись и увидели крошечную фигурку девочки на верхушке молодого деревца, метрах в трех от земли. Она сидела на ветке, обеими руками держась за ствол. Розалинда подъехала к дереву и крикнула ей, что опасность миновала. Но Петра по-прежнему мертвой хваткой держалась за ствол дерева. Видимо, она была так потрясена случившимся, что ничего не соображала. Я слез с лошади, взобрался к ней наверх и осторожно передал ее на руки Розалинде. Та усадила ее перед собой на седло и стала успокаивать, как могла, но Петра не отрывала глаз от растерзанного пони и, казалось, ничего не слышала. Ее отчаяние, которое все мы чувствовали, как свое собственное, стало еще нестерпимее.

— Мы должны заставить ее замолчать,— сказал я вслух Розалинде.— Иначе она созовет сюда всех остальных.

Убедившись, что зверюга мертва, Мишель подошел к нам. Он с тревогой смотрел на Петру.

— Она просто не понимает, что делает. Все равно как другая кричала бы от испуга во весь голос. Так и она кричит, только мысленно... Лучше уж она кричала бы вслух,— вздохнул он и добавил:— Давайте уведем ее подальше от этого пони.

Мы немного отъехали в сторону, чтобы кусты заслонили тело мертвого пони от глаз Петры. Мишель попробовал тихонько заговорить с Петрой, стараясь успокоить ее, но она, казалось, ничего по-прежнему не слышала, ничего не понимала, и страшный крик ее не ослабевал.

— Может, нам попробовать по-нашему?— предложил я.— Только все вместе. Ну? Готовы?

Мы напряглись одновременно, но это вызвало лишь секундный перерыв в воплях Петры, а потом все началось снова.

— Хватит. Вы же видите, ничего не выходит,— сказала Розалинда и отключилась.

Мы стояли втроем и беспомощно переглядывались, не зная, что предпринять. Характер Петриного крика теперь немного изменился: ощущение страха стало слабее, но горе ее было ужасным. Она начала рыдать вслух. Розалинда обняла ее и прижала к себе.

— Дайте ей выплакаться. Это снимет напряжение,— сказал Мишель,— и, быть может, все стихнет.

Мы стояли и молча ждали, пока Петра успокоится, и вот тут случилось то, чего я все время боялся: из-за деревьев показалась Рэйчел — верхом, а через минуту с другой стороны выехал, тоже верхом, парень, которого я прежде никогда не видел, но сразу понял, что это Марк.

До сих пор мы никогда еще не собирались все вместе, зная, что это может навлечь подозрение. Почти наверняка остальные — Салли и Кэтрин — тоже где-то неподалеку. Произошло именно то, чего мы давным-давно условились избегать всеми средствами.

Торопливо, на словах (наши мысли все еще забивала Петра) мы объяснили подъехавшим, что здесь произошло. Мы велели им немедленно уезжать отсюда и как можно быстрее разъехаться в разные стороны, чтобы никто не увидел их вдвоем. Мишель тоже должен был поскорее уехать, а мы с Розалиндой — остаться и успокоить Петру.

Минут через десять в чаще послышался треск, и к нам подъехали Кэтрин и Салли с луками наготове. Мы надеялись, что уже уехавшие Мишель, Марк и Рэйчел встретят их на полпути и повернут назад, но они разминулись.

Девушки подъехали ближе и уставились на Петру. На словах мы объяснили им ситуацию и велели быстро исчезнуть. Они уже развернули лошадей, но в этот самый момент из чащи выехал здоровенный увалень на громадном коне и уставился на всех нас выпученными от изумления глазами.

— Что тут у вас стряслось?!— спросил он, переводя настороженный взгляд с Петры на нас.

Я никогда не видел его прежде, и поэтому появление его меня не очень встревожило. Я задал ему обычный вопрос, который задают в лесу незнакомцу. Нетерпеливо он вытащил Метрику с отметиной за нынешний год и помахал ей перед моим носом. Я сделал то же самое, и таким образом стало ясно, что и он, и я вполне нормальны.

— Что тут у вас стряслось? — настойчиво повторил он.

Мне очень хотелось послать его подальше, но я подумал, что сейчас разумнее быть вежливым. Я объяснил, что на пони моей сестренки напал зверь и что, услышав ее крик, мы прискакали сюда ей на помощь. Он выслушал меня с явным недоверием, потом обернулся к Салли и Кэтрин.

— Может, так оно все и было,— протянул он,— но вы-то, девушки, как тут оказались?

— Когда слышишь такие вопли, естественно поспешить на помощь,— ответила Салли,— тем более если кричит ребенок!

— Да ведь я-то тоже был неподалеку, а не слышал ни звука,— сказал он, и в глазах у него было явное подозрение.

Салли переглянулась с Кэтрин.

— Ну, а мы слышали! — Вот и все, что она могла возразить.

Я подумал, что настал мой черед вмешаться и разрядить обстановку.

— Я думал, что крик был слышен миль за десять вокруг,— сказал я.— Да и бедняга пони орал, как оглашенный!

Я повел его за кустарник и показал растерзанного пони и мертвого монстра. Он явно удивился, как будто никак не ожидал такого очевидного доказательства наших слов. Но чувствовалось, что он по-прежнему не верит нам до конца. В конце концов он потребовал, чтобы Розалинда и Петра тоже показали свои Метрики.

— Да с какой стати?— спросил я.

— А вы будто не знаете, что здесь нынче полным-полно лазутчиков из Джунглей?— воинственно спросил он.

— Понятия не имею,— холодно отрезал я.— И потом, мы что, по-вашему, похожи на тех, что из Джунглей?

— Их здесь полным-полно,— повторил он, делая вид, что не слышал моего вопроса.— И есть специальная инструкция быть начеку. Беда ждет неподалеку, в лесах нужно быть особенно бдительными.

Он взглянул на Салли, а потом опять на мертвого пони.

— Сдается мне, этот пони сдох полчаса назад. Стало быть, и орать он мог только полчаса назад. Как же вы нашли это место, а?

Салли удивленно вытаращила на него глаза.

— Крики раздавались отсюда, сюда мы и поскакали... А когда подъехали ближе, услышали плач девчушки,— сказала она, пожав плечами.

— И хорошо сделали, что поспешили,— быстро вставил я,— не окажись мы поблизости, кто знает, чем бы все кончилось. К счастью, все обошлось, и с девочкой ничего не случилось. Но она здорово испугалась, и ее надо поскорей отвезти домой. Спасибо за помощь,— добавил я, изобразив на лице вежливую улыбку.

Девушки сыграли свои роли неплохо. Они поздравили нас с благополучным исходом, пожелали, чтобы Петра побыстрее оправилась от шока, и, попрощавшись, ускакали.

Незнакомец остался. Он все еще был настороже. Какие-то смутные подозрения одолевали его, но прицепиться было вроде не к чему. Несколько минут он потоптался возле нас, что-то бурча себе под нос, но в конце концов, ворчливо посоветовав нам держаться подальше от леса, ускакал вслед за девушками.

— Кто он такой?— с трудом выдавила из себя Розалинда.

Я мог сказать ей только его имя — Джером Скинер,— которое прочел в его Метрике. Никогда прежде я его тут не видел, и мое имя, видимо, тоже ему ничего не говорило. Я бы спросил у Салли, но Петра все еще держала барьер между всеми, и барьер этот вызывал у меня неприятное чувство отрезанности от остальных...

В который раз я подивился Анне — как могла она сама, по своей воле прожить за таким барьером почти полгода!..

Продолжая обнимать Петру, Розалинда потихоньку двинулась к дому. Я снял с мертвого пони седло и упряжь, выдернул стрелы из тела зверя и поехал вслед за ними.

Когда я привез Петру домой, ее сразу же уложили в кроватку. Вплоть до самого вечера отчаяние, исходившее от нее, давало себя знать. Но постепенно оно стало утихать и часам к девяти исчезло совсем.

— Ну, наконец-то! Наконец-то она заснула!— сразу услышал я всех наших.

— Кто-нибудь знает, кто был этот Скинер?— спросила Розалинда.

— Он здесь недавно,— ответила Салли.— Отец его знает, у него ферма неподалеку от того места, где мы нашли Петру. Нам чертовски не повезло, что он застал нас всех вместе...

— Почему он был так подозрителен?— спросила Розалинда.— Может, он догадался... Или слышал что-нибудь об этом? А может, он сам?..

— Нет-нет, он не умеет! — сказала Салли.— Я пыталась, но он не из наших.

Неожиданно включился Мишель, не слыхавший начала разговора, и спросил, о чем это мы. Когда мы рассказали ему, он на несколько секунд задумался.

— Вообще, кое-кто считает, что такое возможно,— наконец, произнес он.— Правда, и они плохо себе представляют, что это такое, называют телепатией или как-то еще в этом роде. Но большинство не верит в то, что это бывает.

— Но те, кто верит... Они считают это отклонением?— спросил его я.

— Трудно сказать. Я никогда не слышал, чтобы это обсуждалось всерьез. Строго говоря, по их же логике, если бог может знать все тайные помыслы человека, то и человек, как образ и подобие господа, должен уметь это делать. Можно попытаться доказать, что человек утратил это свойство в наказание за что-то... Ну, что это была, допустим, часть Кары... Но я бы не хотел участвовать в такой дискуссии. В особенности если она будет происходить в суде,— твердо закончил он.

— Этот человек... Скинер... он словно что-то учуял! Он был как пес, идущий по следу!— неожиданно с силой произнесла Розалинда.— Вспомните, может, и... еще кто-то был так же подозрителен?

На это мы все ответили твердо: «Нет»,— и Розалинда быстро взяла себя в руки.

— Что ж, ладно,— сказала она.— Мы должны сделать так, чтобы это больше не повторилось. Я имею в виду эту встречу всех нас — вместе. Дэви, тебе придется объяснить Петре на словах и попробовать научить ее сдерживаться. Если же эти крики будут повторяться, вы все не должны обращать на них внимания, не отвечать и вообще оставить это Дэвиду и мне. Ну, а если это будет так же... Если вы не сумеете противиться этому, то первый, кто прибежит к ней, должен любым способом заставить ее замолчать, а сам тут же исчезнуть. Мы никогда больше не должны попадаться все вместе! Еще один такой эпизод — и нам конец!

Все согласились с ней и один за другим покинули нас. Мы же с Розалиндой стали обсуждать, как лучше и понятнее объяснить все Петре.

На следующий день я проснулся ни свет ни заря, и первое, что почувствовал,— горе, исходящее от Петры. Но теперь оно звучало по-другому. Страха и ужаса уже не было. Была лишь острая жалость к мертвому пони. Не было и той страшной силы чувства, которая вчера создавала между всеми нами непреодолимый барьер.

Я попытался войти с ней в контакт и, хотя она и не поняла меня, отчетливо услышал ее удивление. Я встал и пошел к ней в комнату. Она обрадовалась мне, ощущение горя сразу стало слабее, как только мы начали болтать. Прежде чем уйти, я обещал ей взять ее с собой сегодня на рыбную ловлю.

Не так-то просто объяснить на словах, как у нас получался мысленный разговор. Все мы доходили до этого вместе и без всяких слов. Поначалу это были лишь самые простые фразы, но чем больше мы общались, тем искуснее становилась наша речь. Мы все время инстинктивно помогали друг другу и постепенно так овладели этим, что обычные слова стали для нас бесцветными, невыразительными, почти ненужными... С Петрой все обстояло иначе: в свои шесть с половиной лет она уже обладала такой силой передачи, какая нам и не снилась. Это был какой-то совсем иной уровень. Но обладала она этим, сама того не сознавая и не умея себя сдерживать. Я пытался объяснить ей хотя бы самую суть, но и теперь, когда ей было уже почти восемь лет, необходимость пользоваться только самыми простыми словами создавала, казалось, непреодолимую преграду. Целый час, когда мы сидели у реки, я пытался втолковать ей хоть что-то, но она лишь устала и начала капризничать. Тут нужен был какой-то способ... Нужно было что-то придумать...

— Давай сыграем в такую игру,— предложил я.— Ты закроешь глаза, крепко-крепко закроешь и представишь, что смотришь в такой глубокий-глубокий черный колодец. Глубокий и черный-пречерный — такой, где ничего не видно. Поняла?

— Ага,— сказала она и крепко зажмурилась.

— Теперь смотри,— сказал я. И стал мысленно рисовать ей кролика. Такого маленького крольчишку, трущего лапой нос. Она хихикнула. Это был хороший знак: значит, она приняла мой сигнал. Я стер кролика и нарисовал щенка, потом нескольких цыплят, потом лошадь с повозкой. Через минуты две она открыла глаза и разочарованно огляделась по сторонам.

— Где они? — спросила она.

— Нигде. Я их просто придумал, понимаешь, придумал,— сказал я.— Это... ну, такая игра. Давай теперь я закрою глаза, и мы оба представим, что смотрим в черный колодец, только теперь ты что-нибудь придумаешь там, на дне. Придумаешь так, чтобы я тоже смог увидеть, ладно?

Я закрыл глаза и распахнул свой мозг, чтобы принять ее «картинку». Это была моя ошибка. В мозгу у меня что-то взорвалось с такой силой, как будто в голову ударила молния. Голова кружилась, меня поташнивало, колени дрожали. Никакой «картинки» я не увидел. Тут же послышались громкие жалобы всех наших. Я объяснил, чем мы с Петрой занимаемся.

— Пожалуйста! Действуй осторожнее! Не давай ей повторять это!.. Я чуть себе ногу топором не оттяпал! — взмолился Мишель.

— Я ошпарилась кипятком! Из чайника!.. — донеслось от Кэтрин.

— Успокой ее! Иначе мы все сойдем с ума! — взмолилась Розалинда.

— Да она совершенно спокойна. С ней-то все в порядке,— сказал им я.— По-моему, она просто не может иначе...

— Так надо научить ее иначе,— сказал Мишель.

— Я знаю. Но что я могу сделать? Может, вы скажете, как ее научить? — осведомился я у них.

— Хотя бы предупреди нас в следующий раз, когда она начнет! — попросила меня Розалинда.

Я постарался сосредоточиться и обратился к Петре.

— Ты... у тебя получилось слишком сильно,— сказал я.— Теперь попробуй чуть-чуть потише... Нарисуй картинку так, как будто она далеко от тебя. Сделай ее не такой яркой, словно она из паутинки... Понимаешь?

Петра кивнула и снова зажмурилась.

— Берегитесь! — предупредил я остальных и сам закрылся.

На этот раз у нее получилось слабее, и мы были готовы к этому, но все равно у меня в мозгу опять словно что-то взорвалось. Однако за вспышкой я все-таки разглядел...

— Рыба! — сказал я.— Маленькая рыбка с длинным хвостом!

Петра довольно ухмыльнулась.

— Верно, рыбка! — донеслось от Мишеля.— Здорово у вас получается, ребята! Только если в следующий раз ты не научишь ее пользоваться одной сотой своей силы, она спалит нам мозги, пока не научится говорить.

— Теперь ты рисуй! — потребовала Петра, и урок продолжался.

На следующий день мы занимались тем же. Громадная сила ее передач жутко изнуряла меня, но она явно делала успехи. Постепенно она научилась передавать не только зримые образы, но и мысли. Конечно, очень по-детски, но другого мы и не ждали. Главная трудность по-прежнему заключалась в ее силе, с которой она это делала. Стоило ей чуть-чуть забыться, как она буквально выворачивала наши мозги наизнанку. Все наши жаловались, что ничего не могут делать во время наших упражнений: у всех в головах словно гремел оглушительный барабанный бой. В конце второго урока я объявил Петре:

— А сейчас картинку тебе нарисует Розалинда.

— А где эта Розалинда? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

— Здесь ее нет. Она... далеко отсюда. Но для наших картинок это неважно. Давай гляди в черный колодец и ни о чем не думай. А вы все,— обратился я к остальным,— не мешайте. Пусть говорит одна Розалинда. Давай, милая, действуй!

Мы все замолчали.

Розалинда нарисовала пруд с камышами по краям. В пруд она напустила маленьких смешных утят разных цветов. Плавая, они выделывали забавные, но вместе с тем очень ритмичные танцевальные фигуры. Все делали это синхронно, но один утенок, самый маленький, все время отставал от других. Петре все это очень понравилось, она просто заходилась от восторга. Вдруг совершенно неожиданно она передала свое восхищение. Картинка, нарисованная Розалиндой, мгновенно исчезла, а мы все едва не лишились сознания. Такие всплески ее эмоций были для нас мучительны, но успех был несомненный.

На четвертом уроке она научилась воспринимать «картинки», не зажмуриваясь. Это было еще одним шагом вперед. В конце недели прогресс стал очевиден: мысли она передавала самые простые и не всегда на более или менее спокойном уровне (иногда срывалась на полную силу, и это было кошмаром для всех), но принимала нас всех очень хорошо, хотя из тех разговоров, которые мы вели между собой, она улавливала очень немного.

— Вы говорите слишком быстро и слишком много всего сразу,— жаловалась она.— Правда, я всегда могу отличить, когда говоришь ты, когда — Розалинда, когда — еще кто-нибудь... Но вы делаете это так быстро, что все запутывается... Правда, у других еще больше запутано...— добавила она.

— У каких это других? У Кэтрин и у Марка? — спросил я.

— Нет. Этих-то я узнаю. Я про других. Тех, что там, далеко-далеко! — нетерпеливо объяснила она.

Я решил ничем не выдавать своих чувств.

— Наверное, я их просто не знаю,— сказал я спокойно.— А кто они такие?

— Почем я знаю,— ответила она.— А ты разве их не слышишь? Они там,— она махнула рукой на юго-запад,— но только далеко-далеко...

Я попытался собраться с мыслями.

— А сейчас, сию минуту ты их слышишь? — спросил я.

— Да. Но... не очень... не очень ясно,— ответила она.

Я изо всех сил попытался уловить хоть что-нибудь, но все мои усилия были напрасны.

— Постарайся передать мне то, что ты слышишь от них,— попросил я Петру.

Она постаралась. Что-то там явно было, но на таком уровне, на котором никто из нас ничего понять не мог. Кроме того, это было так расплывчато, что вообще не имело каких-то конкретных очертаний, вероятно, потому, что Петра пыталась схватить и передать нам то, чего сама не понимала. Я ничего не мог разобрать и позвал Розалинду, но и она тоже ничего не поняла. Петре это давалось с трудом, она быстро устала, и минут через пять мы решили оставить пока эти попытки.

Несмотря на то, что Петра все еще частенько забывалась и буквально оглушала нас, все мы гордились ею. У нас было такое чувство, словно мы открыли никому еще пока не известного певца, который в будущем обязательно прославится, станет первым... Только все это было гораздо важнее, чем какое-то там пение...

— Из нее может получиться нечто потрясающее,— выразил общее мнение Мишель.— Только если она не сведет нас всех с ума, прежде чем научится сдерживаться,— добавил он.

2

Дней десять спустя после истории с пони дядя Аксель за ужином попросил меня помочь ему починить старую повозку, пока не стемнело. Просьба была самая обычная, но что-то в его взгляде заставило меня насторожиться. Я согласился. Мы закончили ужин, вышли из дома во двор и зашли за сарай, где нас никто не мог подслушать. Он выплюнул изо рта соломинку, которой задумчиво ковырял в зубах, и посмотрел на меня.

— Боюсь, ты где-то напортачил, Дэви...— со вздохом, наконец, произнес он.

Напортачить я мог где угодно, но только об одной вещи он мог говорить таким тоном.

— Не помню... Вроде бы нет,— неуверенно сказал я.

— Тогда, может, кто из ваших? — спросил он, подумав.

Я опять ответил отрицательно.

— М-да,—протянул он.— Скажи на милость, отчего же тогда Джо Дарлей так тобой интересовался? А?

— Понятия не имею,— искренне сказал я.

Он покачал головой с сомнением.

— Не нравится мне все это, мальчик. Очень не нравится!

— Он спрашивал только обо мне или... о Розалинде тоже?

— О тебе и о Розалинде Мортон,— веско сказал дядя.

— Вон оно что...— запинаясь, протянул я.— Ну, если этот Дарлей... Может, он что-нибудь слышал... И хочет пустить слух, что мы с Розалиндой... Ну, в общем...

— Может, и так,— перебил меня дядя,— только дело в том, что этот Дарлей... Словом, раза два инспектор к нему обращался по... разным деликатным вопросам. Когда надо было разузнать кое-что по-тихому... Понимаешь? Вот это-то мне и не нравится.

Мне это понравилось еще меньше, но Дарлей никогда не вертелся возле нас, и я не мог себе представить, как у него могла возникнуть хоть тень подозрения.

— Но послушай,— сказал я Акселю,— если уж на то пошло, нас не так-то просто будет подогнать под официально признанные отклонения.

— Э-э, нет, Дэви,—протянул Аксель,—этот список— список официальных отклонений — в любой момент может и дополниться. Ты пойми, они ведь не могут предугадать, что может произойти в смысле отклонения? Какая может возникнуть новая мутация? И долг инспектора в том и состоит, чтобы внимательно наблюдать за всем в округе, и, если что покажется ему подозрительным, он обязан провести расследование. Это ведь его прямая обязанность.

— Мы уже обдумали, что нам делать, если нас заподозрят,— сказал я ему.— Ведь тот, кто станет задавать нам вопросы, даже не будет знать, что он ищет? И нам останется лишь «не понимать», о чем, собственно, идет речь. Если Джо или кто-то еще и подозревает нас в чем-то, то он даже не может никому объяснить, в чем именно.

Кажется, мне не удалось до конца убедить Акселя.

— Ну, хорошо, допустим, что так,— сказал он.— А как насчет Рэйчел? Она ведь здорово переживает из-за сестры... Не могла ли она?..

— Нет! — твердо сказал я.— Рассказав про всех нас, она не могла бы выгородить себя. Кроме того, если бы она и попыталась что-то скрыть от нас, мы бы все равно это знали! Понимаешь, мне трудно объяснить тебе... Но лгать в этом...

— Ладно,— оборвал он меня.— Ну, а если Петра что-то болтает?

— Как ты узнал?! Про Петру?..— изумленно вымолвил я.— Ведь я никогда... Ни единым словом тебе не...

— Выходит, я угадал,— усмехнулся он.— Она тоже из ваших. Я так и думал...

— Откуда ты узнал? — уже с тревогой спросил я.— Она... сама тебе сказала?

— Нет-нет,— заверил он меня, видя, что я очень испуган.— Узнал я, можно сказать, случайно. В каком-то смысле мне тут помогла... Анна. Я ведь говорил тебе, Дэви, что ее свадьба с тем парнем — затея опасная. Есть, знаешь ли, такие женщины, которые не успокоятся, пока не станут тряпкой, об которую мужчина вытирает ноги. Для них весь смысл жизни в том, чтобы иметь хозяина. Анна... была из этой породы.

— Ты... хочешь сказать, что она ему все... о себе рассказала? — пробормотал я.

— Будь уверен,— твердо сказал он.— И не только о себе, а о вас всех!

— Быть того не может! — вырвалось у меня.

— Уж будь уверен, мальчик,— вздохнул он.— Зря я бы не стал... Ты пойми меня правильно, Дэви, может, она и не хотела говорить про всех — сказала о себе, а остальное уж он из нее сам вытянул. Но так или иначе он все знал, можешь мне поверить!

— Даже... даже если и так, откуда тебе это известно? — спросил я, чувствуя подступающую дурноту.

Он задумался.

— Чтобы объяснить тебе это, придется кое-что рассказать.— Он помолчал, потом глянул на меня, словно что-то прикидывая, и наконец решился.— Был когда-то в Риго припортовый кабак. Небольшой такой погребок, его держал один человек — Гроуф его звали... Загребал он деньгу будь здоров. Так вот, прислугой у него в этом кабаке были пятеро — двое мужчин и три женщины. И делали эти пятеро все, понимаешь, все, что он скажет!.. Ему достаточно было шепнуть одно словечко кому надо, и один из мужчин был бы тут же вздернут на виселице за подстрекательство к бунту на корабле, а двое женщин — за убийство. Уж не знаю, чем он держал остальных, но держал крепко... Заставлял женщин принимать «гостей» — моряков, а все, что они получали, клал себе в карман... Видел я, и как он с ними обращался... А главное, как смотрел на них — с каким злорадством!.. Да, он крепко их держал, и они это знали!.. И он знал, что они знают... Ему стоило мигнуть, и они бы в пляс пустились!

Аксель на секунду замолк и усмехнулся.

— Никогда не думал, что увижу когда-нибудь еще такой взгляд! Да еще где?! В нашей церкви, Дэви! Это было написано на его физиономии — его! Как он смотрел на тебя, на Розалинду, а потом и на Петру!.. Да, еще и на Рэйчел, конечно...

— Но... дядя, только по одному взгляду... Ты ведь мог и ошибиться...— пробормотал я.

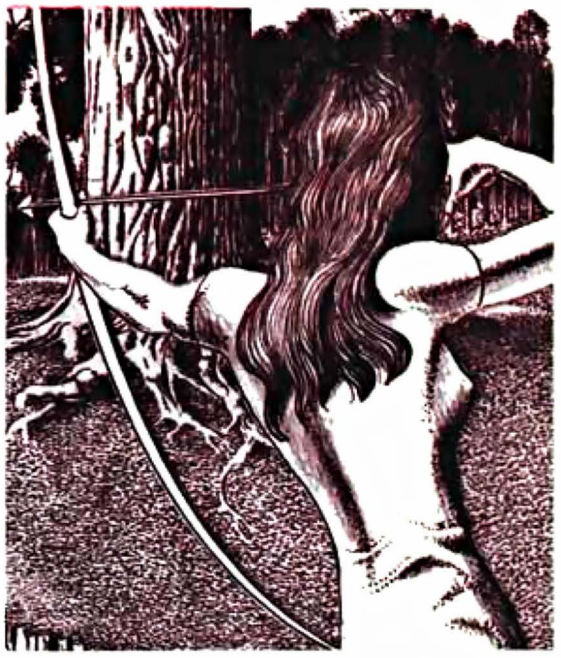
— Нет, Дэви! Это ни с чем не спутаешь. Этот взгляд я хорошо запомнил! Когда я увидел Алана там, в церкви, я словно снова очутился в том кабаке, в Риго... А потом, если я ошибся, скажи на милость, как я мог узнать про Петру?

— Что же ты сделал? — машинально спросил я.— Что было дальше?

— Дальше? — переспросил он.— Я вернулся из церкви, подумал о том, какую расчудесную жизнь устроил себе тот парень — Гроуф,— ну, и еще кое о чем, и... Натянул тетиву поновей и покрепче на свой старый лук.

— Так это ты?! — изумленно воскликнул я.

— Другого выхода не было, Дэви. Я, конечно, понимал, что Анна подумает на кого-то из вас, а может, и на всех вместе. Но она ведь не могла выдать вас, не выдав при этом и себя с сестрой. Риск, понятно, был, но... другого выхода не было!



— Если б ты только знал, какой риск! — сказал я, придя в себя после его рассказа, и коротко пересказал ему то, что было в предсмертной записке Анны инспектору.

— Честно говоря, не думал, что до этого дойдет,— покачал он головой,— но все равно... Все равно это нужно было сделать. И... быстро. Алан был не дурак, он знал, на что шел. И наверняка оставил бы где-нибудь письменное доказательство, чтобы его вскрыли в случае его смерти. И уж, конечно, дал бы вам знать об этом, так что руки у вас были бы уже связаны. Пойми, тогда вам пришлось бы совсем худо!..

Чем дальше я прокручивал в уме всю ситуацию, тем яснее я понимал, как худо нам бы пришлось.

— Но ведь ты... сам здорово рисковал...— пробормотал я.

— Да что ты!...— Он махнул рукой.— Разве можно сравнить, чем рисковал я и чем — вы?! Ладно, хватит об этом.

— Но теперешние дела,— вернулся я к тому, с чего мы начали,— никак не могут быть связаны с... с Аланом. Сколько времени уже прошло с тех пор...

— Да, пожалуй,— согласился со мной Аксель,— да и не такое это дело, чтобы он стал посвящать еще кого-то... Я вот что думаю: вряд ли они знают многое, иначе давно уже началось бы следствие. Но, чтобы начать следствие, нужны прямые улики. Инспектор побоится остаться с носом, особенно когда дело касается твоего отца или Мортона. И все же что-то им в голову запало...

Я подумал об истории с Петрой и с ее пони в лесу. Аксель знал, что тогда на девчушку напал зверь и растерзал пони, но подробностей мы ему не рассказывали. Мы верили ему во всем, как никому другому, но... все же, чем меньше он знает, тем меньше придется ему скрывать, если, не дай бог, что случится. И потом дело ведь касалось Петры — совсем еще ребенка... Но теперь он уже знал о ней, и я рассказал ему все. Ему, как и мне, этот эпизод не показался таким уж зловещим, но он все-таки записал себе имя того человека, который нас встретил.

— Джером Скинер,— проговорил он задумчиво,— что ж, попробую разузнать о нем получше.

Этой же ночью мы все стали обсуждать положение, но так ни к чему и не пришли. В конце концов Мишель сказал:

— Ладно. Если вы с Розалиндой уверены, что в округе не произошло ничего подозрительного, значит, все связано с тем... Скинером (он не произнес имя по буквам, а мгновенно передал его образ). Если все дело действительно в нем, он наверняка должен был поделиться своими подозрениями с инспектором своего округа, а тот, в свою очередь, передать обычный рапорт инспектору вашего. В этом случае несколько человек так или иначе кое-что знают, и вопросы начнут задавать здесь о Кэтрин и Салли. Плохо, что сейчас все начеку из-за этих чертовых слухов о готовящемся набеге из Джунглей... Словом, так, завтра я выясню здесь, у себя, что смогу, и сразу дам вам знать.

— Но что делать нам? — спросила Розалинда.

— Сейчас ничего,— твердо сказал Мишель.— Если мы верно угадали причину, то по степени подозрительности мы все делимся на три группы. Первая — Кэтрин и Салли, вторая — ты, Дэвид, и Петра, ну, и последняя — мы трое: я, Марк и Рэйчел. Ведите себя как ни в чем не бывало, чтобы не спровоцировать их на поспешные меры. Если дело дойдет до следствия, будем придуриваться, как решили раньше. Самая большая опасность для нас — Петра. Если они возьмутся за нее как следует, то из ребенка, конечно, все вытянут... Она слишком мала и лгать не сумеет... Тогда дело может кончиться стерилизацией и Джунглями для всех нас... Итак, зарубите себе на носу: главное — Петра. До нее они не должны добраться. Может, ее никто и не подозревает, но она была там, в лесу, значит, не исключено, что кому-нибудь придет в голову... Тогда придется плюнуть на все и бежать. Во всяком случае, Дэви, ты ни при каких обстоятельствах не должен допустить, чтобы ее стали допрашивать. Если придется кого-то убить — убей!.. И не вздумай колебаться! Учти, они колебаться не будут! Имей в виду, если уж все начнется, они нас — сразу или постепенно — уничтожат! И, наконец, последнее. Если случится самое худшее и они доберутся до Петры... Лучше уж убить ее самим, чем дать им стерилизовать ее и бросить где-нибудь в Джунглях... Вы поняли? Если кто-то не согласен...

Все согласились, не дав ему закончить. Мне было больно даже подумать об этом, но, когда я представил себе Петру, искалеченную и брошенную в Джунглях, я тоже согласился с Мишелем.

— Ну что ж, тогда вроде всё,— сказал он,— на всякий случай вы четверо вместе с Петрой будьте наготове. Может быть, придется бежать...

На этом разговор закончился. К тому, что он сказал, трудно было что-нибудь добавить. Любое неосторожное движение кого-нибудь из нас неминуемо навлекло бы беду на всех. Рассудили мы все верно. Не повезло нам только в одном: узнай мы обо всех подозрениях дня на три раньше, все могло повернуться иначе...

Глава двенадцатая

1

Точные и предельно ясные указания Мишеля превратили угрозу нашего разоблачения из чего-то отдаленного и расплывчатого в надвигающуюся реальность. Его слова подействовали на меня куда сильнее, чем разговор с Акселем. Я вдруг ясно понял, что в один прекрасный день мы неминуемо столкнемся с ситуацией, которая уже не разрешится так благополучно, как разрешались все предыдущие.

Я знал, что Мишель давно уже предчувствовал надвигающуюся опасность, а сегодня я и сам заразился этим предчувствием. Прежде чем лечь спать, я кое-что приготовил: рядом с кроватью положил лук со стрелами, сумку с хлебом и сыром. Утром я решил начать потихоньку собирать теплую одежду, ботинки и другие вещи, которые могут понадобиться, и уже прикидывал, куда бы до поры до времени все это припрятать, чтобы оно было не в доме, но в каком-нибудь сухом и надежном месте под рукой.

Да, ведь нам еще будет нужна одежда для Петры, и связка одеял, и в чем держать питьевую воду, и...

Перебирая в уме все необходимое, я и не заметил, как уснул.

2

Часа через три, не больше, меня разбудил звук отодвигаемой щеколды в моей комнате. Луны в эту ночь не было, но в темноте я сразу разглядел крохотную фигурку Петры в белой рубашонке у двери.

— Дэви,— прошептала она,— Розалинда...

Она могла не продолжать. Розалинда буквально ворвалась в мою сонную голову.

— Дэви! — услышал я.— Дэви!.. Мы должны немедленно бежать! Они схватили Салли и Кэтрин!..

Сразу вслед за ней в сознание мое вторгся Мишель.

— Не теряйте времени! Может быть, его у вас уже и не осталось. Все случилось неожиданно!.. Если бы они знали чуть больше, они тотчас отправили бы людей, чтобы схватить вас. К Кэтрин и Салли они явились минут десять назад. Торопитесь!..

— Я встречу вас за мельницей. Торопись, Дэви! — сказала Розалинда.

Я обратился к Петре на словах:

— Как можно быстрее одевайся. Только потихоньку.

Она наверняка почти ничего не поняла из нашего торопливого разговора, но явно уловила нашу тревогу. Молча кивнув, она исчезла в темном проеме двери. Я быстро натянул на себя одежду и свернул одеяла со своей постели в узел. Потом на ощупь, не зажигая лампы, нашел лук и стрелы, сумку с едой и вышел из комнаты.

Петра была почти готова. Я схватил наугад первую попавшуюся одежду из ее сундучка и засунул в узел с одеялами.

— Башмаки пока не надевай,— прошептал я.— Держи их в руках и иди на цыпочках, тихонько, как кошка.

Мы вышли во двор и только там обулись. Петра хотела что-то сказать, но я приложил палец к губам и нарисовал ей Шебу — самую резвую нашу кобылу. Она кивнула, и мы на цыпочках побежали к конюшне. Только я открыл дверь в стойло, как услышал вдалеке какой-то звук и замер.

— Лошади... Это лошади скачут...— прошептала Петра.

В самом деле, было слышно, как вдалеке проскакали лошади, позвякивая уздечками. Шеба была расседлана, но искать седло и уздечку не было времени. Мы вывели ее во двор, положили ей на спину тюк с одеялами и кое-как на него уселись. Места для Петры впереди меня не было, и она села сзади, обняв меня ручонками. Почти без звука мы выехали со двора и двинулись по тропинке к берегу реки. Между тем конский топот и храп был слышен уже совсем рядом с нашим домом.

— Ты здесь? — окликнул я Розалинду.

— Я здесь уже минут десять,— тут же отозвалась она.— У меня все было готово. Мы изо всех сил старались с тобой связаться... К счастью, Петра проснулась вовремя.

Петра услыхала, что речь идет о ней, и возбужденно вмешалась, спрашивая, в чем дело. Как обычно в таких случаях, в голове у меня что-то бухнуло, а перед глазами поплыли разноцветные круги.

— Тише, родная! — взмолилась Розалинда.— Пожалуйста, тише! — Она переждала, пока удар схлынет, и сказала: — Скоро мы тебе все расскажем. Салли! Кэтрин! — позвала она девушек.

Они тут же ответили:

— Нас привели к инспектору. Мы ничего не понимаем и ни о чем таком никогда не слышали. Верно?

Мишель и Розалинда в один голос подтвердили, что держаться надо именно так.

— Мы, пожалуй, лучше закроемся от вас,— сказала Салли,— так нам будет легче им врать. Не пытайтесь говорить с нами, слышите?

— Хорошо... Но мы для вас открыты,— сказала им Розалинда.— Быстрее, Дэви,— переключилась она на меня.— На ферме зажглись огни.

— Да-да, мы идем,— отозвался я.— В темноте они не сразу сообразят, по какой дороге мы поехали.

— Они зайдут в конюшню и поймут, что вы где-то неподалеку. Быстрее!

Я оглянулся назад. В окнах нашего дома зажегся свет, и лампы ходили ходуном в чьих-то руках. Мы услыхали чей-то окрик, когда были уже на берегу реки. Теперь можно было пустить лошадь рысью, а еще через полмили спустя — галопом. Вскоре мы подъехали к мельнице, я уловил чувство облегчения у Розалинды и понял, что она где-то рядом — чуть-чуть впереди нас. Мы опять пустились рысью, и вскоре я услышал впереди хруст ветвей. Я поехал на этот звук и увидел Розалинду, поджидавшую нас, да не одну, а с парой гигантских лошадей ее отца. На спине у каждого из громадных животных, возвышавшихся над нами, как башни, были по две большие корзины. Розалинда стояла в одной из корзин с натянутым луком наготове.

Я подъехал ближе, и она наклонилась посмотреть, что я с собой прихватил.

— Давай сюда одеяла. Что там у тебя в сумке? — спросила она.— Это все, что ты успел взять? — В тоне ее чувствовался укор.

— У меня не было времени на сборы.

Она быстро устроила из моих одеял что-то вроде мягкого седла между двумя корзинами. Я поднял Петру над головой так, чтобы она дотянулась до рук Розалинды, а та усадила ее на одеяла.

— Мы с ней будем здесь,— сказала Розалинда,— а для тебя есть место с другой стороны — в левой корзине. Оттуда можно стрелять с левой руки.

Она ловко бросила из своей корзины на спину громадной лошади что-то вроде веревочного стремени, и оно повисло на крупе животного так, что я, хотя и с трудом, мог дотянуться до него. Я слез с Шебы, повернул ее мордой к дому и шлепнул по заду. Она тотчас же ускакала. Потом я осторожно влез в корзину, и, как только я вынул ногу из самодельного стремени, Розалинда быстро втянула его наверх. Потом она взяла в руки повод, и, прежде чем я устроился в своей корзине, мы рывком тронулись с места.

Некоторое время мы ехали рысью по широкой проторенной дороге, а потом свернули на более узкую, вдоль ручья. Там, где ручей пересекался с другим, мы снова повернули и поехали вдоль второго ручья. Проехав полмили, мы опять свернули и двинулись вдоль третьего ручья, и так повторялось еще несколько раз, пока земля под копытами лошадей не стала тверже. Копыта зацокали по камням, и я понял, что у Розалинды был заранее продуманный маршрут, запутывающий наши следы. Вероятно, эта мысль донеслась до нее. Она сразу отозвалась, причем несколько холодновато:

— Жаль, что ты спал вместо того, чтобы хоть немного поразмыслить о нашем будущем.

— Я первый узнал, что нам грозит опасность,— стал оправдываться я,— но и думать не мог, что это случится так скоро...

— И поэтому, когда я изо всех сил старалась связаться с тобой, ты преспокойно храпел. Мы с матерью целых два часа набивали эти чертовы корзины съестным, а ты в это время спал сном праведника!

— С матерью? — переспросил я.— Она что, знает?!

— Кое-что знает, а кое о чем давно догадывалась. Не знаю, правда, что она обо всем этом думает, мы никогда с ней об этом не говорили... Может, ей казалось, что если молчать и делать вид, что все нормально, то этого как бы и нет... Словом, когда я вечером сказала, что, возможно, мне придется срочно уехать, она не удивилась... Только расплакалась. У меня такое чувство, что она исподволь давно готовила себя к тому, что в один прекрасный день ей придется помочь мне скрыться... Когда этот день настал, она помогла...

Я стал думать об этом и никак не мог представить себе свою мать, делающую то же самое ради Петры. А ведь она плакала тайком, когда выгнала тетю Харриет... А та и вовсе была готова на преступление ради дочки... Как, впрочем, и мать Софи...

Я ехал и думал о том, что сейчас чувствует моя мать... Радуется ли она втайне, что я увез Петру, или сожалеет об этом?

Мы по-прежнему петляли по заранее намеченному Розалиндой пути. Камней и ручейков под копытами лошадей становилось все больше, пока мы наконец не выехали на берег реки и не повернули к лесу. Еще давным-давно мы условились в случае побега пробираться к юго-западу. Здесь нам можно было почти не опасаться, что кто-то нападет на след лошадей-гигантов. В этом направлении мы и двигались, пока не начало рассветать. Тогда мы въехали в самую чащу, нашли там поляну с сочной травой для лошадей и распрягли их, чтобы они могли попастись. Сами мы позавтракали хлебом с сыром. Розалинда сказала:

— Раз уж ты так хорошо выспался, сейчас твоя очередь бодрствовать.

Они с Петрой устроились поудобнее в одеялах и почти сразу заснули. Я присел на землю, положил лук на колени и с полдюжины стрел под правую руку. Кроме пения птиц да треска сучьев под лапами какого-нибудь зверька, да еще неторопливого хрумканья лошадей, ничего кругом не было слышно. Взошло солнце, и стало теплее. Время от времени, чтобы не задремать, я вставал и обходил поляну с луком наготове.

Через несколько часов я услышал Мишеля.

— Где вы сейчас? — спросил он меня.

Я объяснил.

— Куда собираетесь двигаться?

— На юго-запад,— сказал я.— Ехать ночью, а днем спать.

Он согласился, что это самое разумное, но добавил:

— Из-за этих чертовых слухов о готовящемся набеге Джунглей в лесу будет полно дураков с оружием. Не знаю, стоило ли брать этих здоровенных лошадей. Если их кто-нибудь увидит, слух разнесется, как пожар. Одного следа будет достаточно...

— По быстроте они, может, и не лучше обычных,— возразил я,— но зато они намного выносливее.

— Да, это может тебе пригодиться,— подумав, согласился он,— и вообще тебе придется... придется что-то придумать. Если честно, то я даже боюсь загадывать... Правда, про меня и Рэйчел они пока не догадываются. Марк тоже пока вне подозрений... Но они здорово напуганы. Собираются послать за вами погоню. Я постараюсь вызваться в один из отрядов и скажу им, будто слышал, что вы двинулись на юго-восток. Когда они поймут, что ошиблись, Марк постарается увлечь их на северо-запад... Если вас кто-нибудь засечет, ни под каким видом не давай ему уйти. Только без выстрелов! Есть приказ не пользоваться ружьями, и выстрел сразу наведет их на след!

— Да у нас и ружей-то нет,— сказал я.

— Тем лучше, у тебя не будет искушения... Кстати, они-то уверены, что ружье у вас есть...

С самого начала я твердо решил ружей с собой не брать. Бьют они, конечно, дальше, чем стрелы, но стрелы бесшумны и можно успеть выстрелить раз десять, пока ружье перезарядишь хотя бы дважды.

Тут в наш разговор вмешался Марк.

— Я вас слышал,— сказал он,— и наплету им, если будет нужно, про северо-запад.

— Хорошо, только не спеши с этим, пока я не дам тебе знать,— ответил Мишель и снова переключился на меня.— Розалинда спит? Скажи ей, чтобы связалась со мной, когда проснется.

После этого он отключился. Еще несколько часов я бродил с луком по поляне, потом разбудил Розалинду. Петра крепко спала, я лег рядом с ней и через секунду уже спал.

3

Спал я, наверное, очень чутко, а может, просто случайно услышал во сне Розалинду.

— Я убила его, Мишель!.. Он... он мертв!..— Мысли ее были путаные и неясные.

— Розалинда, успокойся! — услышал я спокойный голос Мишеля.— У тебя не было другого выхода, слышишь?! Ты должна была это сделать! Пойми, это война! Не на жизнь, а на смерть, и не мы ее начали. У нас есть такое же право жить, как и у них. Ты не должна сейчас терзаться!

— Что случилось? — спросил я, ничего не понимая.

Они или не услышали меня, или просто не захотели отвлекаться. Я огляделся вокруг: Петра по-прежнему мирно спала, лошади паслись неподалеку. Я снова услышал Мишеля.

— Спрячь его, Розалинда! Найди где-нибудь яму, свали его туда и засыпь листьями!

Розалинда сумела побороть тревогу и отчаяние и согласилась с ним. Я встал, подхватил лук и пошел ее искать. Как только я пересек поляну, мне пришло в голову, что Петра осталась без присмотра, и дальше двинуться я не рискнул.

Через несколько минут из чащи, пошатываясь, вышла Розалинда. Она шла очень медленно, еле переставляя ноги и одновременно механически очищая стрелу от чего-то пригоршней листьев.

— Что случилось?! — с тревогой спросил я.

Она, казалось, совершенно потеряла контроль над собой и своими мыслями. В голове у нее был полный сумбур. Подойдя ближе, она сказала мне словами:

— Это был мужчина... Он пошел по следу наших лошадей. Я видела, как он шел по следу... Мишель сказал, чтобы я... Ох, Дэви, я не хотела! Но что мне оставалось делать?!

Ее глаза были полны слез. Я обнял ее и дал ей выплакаться у меня на плече. Чем я мог ее утешить? Только повторить то, что сказал Мишель...

Мы медленно пошли к нашей стоянке, она уселась возле спящей Петры, и я спросил:

— А что с его лошадью? Она убежала?

— Не знаю...— Она передернула плечами.— Наверное, она у него была, но, когда я его увидала, он шел пешком...

Я подумал, что надо было бы вернуться и посмотреть: не оставил ли он где-нибудь неподалеку привязанную лошадь. Я прошел назад примерно с полмили, но нигде не нашел ни лошади, ни хотя бы следов ее копыт — следы наших гигантов в счет не шли, их нельзя было спутать ни с какими другими. Когда я вернулся к стоянке, Петра уже проснулась и весело болтала с Розалиндой.

Время шло к полудню. От Мишеля и остальных ничего не было слышно. Несмотря на то, что произошло, лучше все-таки было оставаться здесь до темноты, и мы ждали ночи...

Где-то около полудня мы услышали... Это была не мысль, у этого не было очертаний, это была страшная боль, напоминающая об агонии. Петра вскочила и с плачем уткнулась Розалинде в колени. Излучаемое страдание было настолько сильным, что причиняло боль и нам. Мы с Розалиндой в страхе смотрели друг на друга, руки у меня дрожали, у нее тоже. Шок был таким сильным, что мы даже не могли разобрать, от кого из наших он исходит.

Через несколько секунд опять повторился всплеск боли, стыда и какого-то полного опустошения, но теперь мы отчетливо уловили, от кого это шло... Без сомнения, это была Кэтрин. Розалинда впилась ногтями мне в руку, и мы терпели, пока вспышка боли не потускнела и не исчезла совсем.

Через какое-то время мы услышали Салли. От нее исходили волны любви и сострадания к Кэтрин, смешанные с ужасом. К нам она обращалась и с ужасом, и со стыдом:

— Что они сделали с Кэтрин! Господи, что они с ней сделали!.. Ох, Кэт!.. Вы не должны ее винить, слышите! Не должны... Если бы вы знали, как они ее пытали!.. Никто из нас не выдержал бы... Она теперь без сознания... Она нас не слышит... Кэт! Кэт, милая!..— Ее мысли потеряли конкретные очертания и превратились в сгусток боли и отчаяния.

Потом мы услыхали Мишеля. Никогда еще в жизни мне не доводилось сталкиваться с такой яростью, хотя он и сдерживался изо всех сил.

— Это война... война! — буквально выдавил он, стараясь удержать злобу и ярость.— Рано или поздно я убью тех, кто это сделал! Я не я буду, если не убью!

После этого мы не слышали никого больше часа. За это время мы, как могли, постарались успокоить Петру. Она не много поняла из нашего разговора, но безошибочно уловила боль и страдание Кэтрин. Для ребенка этого было достаточно, чтобы испугаться до смерти.

Через час с лишним мы услышали Салли.

— Кэтрин во всем призналась... во всем.— Она говорила с трудом, словно принуждая себя.— Я... я тоже все подтвердила. Они все равно бы меня заставили. Я... я не могла на это смотреть. Раскаленные иглы!.. И... все остальное... Я не могла! Простите меня! Ради бога, простите нас!..

— Салли, детка,— вмешался Мишель,— вас никто не винит! Ни тебя, ни Кэтрин, поверь мне! Мы... мы все понимаем, но мы должны знать, что вы им сказали. Что они теперь знают?

— Все... Про Дэвида и Розалинду. Они и так были уверены, но хотели, чтобы мы подтвердили...

— А про Петру?

— Да... Ох, Петра!..— Мы остро почувствовали ее угрызения совести, как будто они были нашими.— Мы не могли иначе!.. Если бы вы только видели!.. Бедная девчушка... Но они и так знали... Ведь только поэтому Дэвид и Розалинда могли взять ее с собой. Нам было не отвертеться!..

— Что еще?

— Ничего. Больше ничего. Мы сказали, что это все, и они нам, кажется, поверили. Они все еще расспрашивают нас. Хотят узнать больше... Понять, как это у нас получается... Да, еще они хотят знать, на каком расстоянии это действует. Я сказала, что не больше пяти миль... Сказала, что даже вблизи очень трудно понимать чужие мысли... Кэт... Кэт пришла в сознание, но она не может с вами говорить... Если бы вы ее видели!.. Ох, Кэт! Бедняжка!.. Ее ноги!.. Мишель! Если б ты только видел ее ноги!..

Ее мысли опять стали сбивчивы, расплылись, осталось одно отчаяние, но и оно вскоре исчезло. Мы молчали. Нам было очень больно. Если бы мы узнали все со слов!.. Слова можно подобрать, обдумать и только потом произнести... Но мы узнали напрямую... Мы все были связаны между собой, и больно было всем...

4

Солнце заходило, и мы начали потихоньку собираться, когда услышали Мишеля.

— Слушайте,— сказал он,— они в дикой панике. Мы их здорово напугали. Обычно... если кто-то с отклонением убирается прочь из округи, местные власти на этом успокаиваются. Им ведь только важно, чтобы в округе все было чисто, а на остальные места им наплевать. Кроме того, беглецу все равно никуда не скрыться — везде потребуют Метрику или устроят тщательный осмотр, так что рано или поздно он все равно попадет в Джунгли. Но с нами дело обстоит иначе. Их страшно напугало, что это нельзя разглядеть. Двадцать лет мы жили среди них, не вызывая никаких подозрений. Значит, мы и в других местах можем сойти за НОРМУ. Они повсюду разослали депеши, официально объявляющие вас отклонениями. Это значит, что вы — вне закона. Вы не люди и, стало быть, не вправе рассчитывать на чью бы то ни было жалость. Каждый, кто хоть чем-то поможет вам, совершит тем самым преступление. И каждый, кто скроет ваше местонахождение, тоже будет наказан по закону... По их закону... Практически это значит, что любой встречный может запросто пристрелить вас. Назначена даже небольшая награда за вас — мертвых. Но куда большая награда обещана тем, кто возьмет вас живыми.

— Я не понимаю,— помолчав, сказала Розалинда.— Если мы пообещаем уйти отсюда и никогда не возвращаться...

— Они нас боятся! — перебил ее Мишель.— Они хотят узнать, как мы это делаем. Поэтому мы и нужны живые. И дело тут вовсе не в правильном или неправильном образе и подобии, хотя формально они прикрываются этим... Но на самом деле они понимают, что мы для них опасны... Ну, представь себе, что таких, как мы, гораздо больше и все мы можем говорить друг с другом без их возни со словами, записками, письмами... Мы же сможем со временем просто вытеснить их. Конечно, им это не нравится. Потому они и стремятся во что бы то ни стало уничтожить нас. Для них это вопрос жизни и смерти... Или мы, или они... И знаете, может, это вас и удивит, но... По-своему они правы...

— Они... Они убьют Кэт и Салли? — вырвалось непроизвольно у Розалинды. Затаив дыхание мы стали ждать ответа от кого-нибудь из девушек. Но те не отвечали. Может быть, они просто закрылись от нас, может, были без сознания, а может быть... уже мертвы... Последнее предположение Мишель после короткого раздумья отверг.

— Вряд ли они сделают это сейчас, когда те уже у них в руках. Это может вызвать недовольство у людей. Одно дело объявить отклонением новорожденного из-за какого-то видимого дефекта, и совсем другое — мы. Тут все сложнее. Людям, которые многие годы принимали девушек за НОРМУ, трудно будет переварить такое. Если их убьют, многие станут сомневаться в справедливости закона... Ведь получится, что они объявлены отклонениями как бы задним числом.

— Но нас-то они наверняка убьют? — спросила Розалинда.

— Вы ведь еще не схвачены. Вы совершили побег, и вы среди чужих. Для всех чужих вы просто сбежавшие монстры...

Пожалуй, он был прав. Мы молчали. Через некоторое время Мишель спросил:

— Куда вы собираетесь ехать?

— На юго-запад, как и решили,— ответил я.— Вообще-то мы собирались остановиться где-нибудь в Необжитой земле. Но теперь, когда каждый случайный встречный, любой охотник может застрелить нас без всяких разговоров, думаю, нам придется идти в Джунгли.

— Я тоже думаю, что другого выхода нет,— сказал он.— Если вы сумеете переждать там какое-то время, может быть, мы сумеем распустить слух о вашей гибели. Завтра я ухожу с поисковой группой на юго-восток и сразу дам вам знать, что там происходит. А пока, если вы на кого-нибудь наткнетесь, не ждите — стреляйте первыми!

На том мы и порешили. Розалинда закончила сборы, и мы стали устраивать корзины поудобнее. Наконец мы уселись — я опять в левую, а Розалинда с Петрой в правую — и тронулись. Петра, как-то необычно притихшая во время сборов, неожиданно разразилась слезами.

Оказалось, она ни за что не хотела ехать в Джунгли — боялась Старуху Мэгги и Волосатого Джека — страшилищ, которыми у нас запугивали непослушных детей, чтобы они не отходили далеко от дома. Мы-то понимали, что все это сказки, но и нам было не так уж легко отрешиться от всего, что нам внушали в детстве. Да и что мы, по сути дела, знали про те места, куда держали путь? Все это невозможно было скрыть от Петры, и она продолжала излучать страх и отчаяние. Но то ли она уже научилась немножко сдерживаться, то ли мы сами научились создавать своего рода барьер от ее страшных всплесков. И все же удивительная сила ее передач давала себя знать. Лишь через полчаса Розалинде удалось ее утешить, и в наступившей тишине мы услышали Мишеля.

— Ну что там с ней опять? — раздраженно спросил он.

Мы объяснили ему, в чем дело, и, мгновенно погасив свое раздражение, он в очень простых и понятных «картинках» стал рассказывать Петре, какое тихое и спокойное место Джунгли. Там, говорил он ей, живут люди, которым просто не повезло. Некоторые из них и вправду выглядят немножко странно, но они же в этом не виноваты, поэтому их нужно жалеть, а вовсе не бояться. Это не так уж и важно, как люди выглядят снаружи, ко всему можно привыкнуть со временем, и...

Тут вдруг Петра неожиданно прервала его.

— Кто еще сейчас говорит? — задала она вопрос нам всем.

— Кто говорит? Ты... о чем это? — не понял Мишель.

— Я слышу кого-то... Какой-то голос, и он другой!.. Он смешивается с твоим, Мишель...— сказала она.

5

Все замолчали и прислушались. Я напрягся изо всех сил, но ничего не услышал. Другие, кажется, тоже.

— Ни черта не слышу, — сказал Мишель. — Да и кто...

Петра мысленно прикрикнула на всех. На словах это прозвучало бы как «заткнитесь». Мы «заткнулись». Я посмотрел на корзину, в которой сидела Розалинда. Она обнимала Петру за плечи и внимательно вглядывалась ей в глаза. Петра сидела зажмурившись, вся напряженная. Наконец она чуть-чуть расслабилась.

— Ну? Что там было? Что... ты слышала? — спросила Розалинда.

— Кто-то спрашивал меня... какая-то женщина...— мысли Петры были не очень ясные, в них сквозили удивление и растерянность,— где-то очень-очень далеко... Она сказала, что уже давно слышит мой страх. Она хочет знать, кто я и... где я нахожусь... Сказать ей?

Мы все тоже растерялись. Первым оправился от изумления Мишель.

— Ладно, Петра,— сказал он,— попробуй сказать ей...

— Но мне придется говорить очень громко,— предупредила нас Петра,— ведь она... та женщина... очень-очень далеко отсюда...

Это и впрямь было громко. Если бы она нас не предупредила и мы не успели «закрыться», наши мозги просто расплавились бы. Передача Петры была очень простая, но такой силы... От Мишеля донесся сдавленный стон, на который Петра немедленно отреагировала своим «заткнись». После этого была пауза, а потом еще один оглушительный «сеанс». Когда все стихло, Мишель спросил:

— Ну? Где она... эта твоя женщина?

— Там,— сказала Петра и махнула рукой.

— А, черт! Где там? Узнайте вы у нее!

— Она показывает на юго-запад,— сказал я.

— Петра, детка, а ты спросила, как называется то место, где она... ну, эта женщина живет? — ласково обратилась к Петре Розалинда.

— Я спросила, но это название... оно ничего не значит...— словами ответила ей Петра.— Я ничего не поняла, кроме того, что там много воды... Она тоже не поняла, где я нахожусь.

— Попроси ее передать по буквам,— предложила Розалинда.

— Но я же не знаю букв! — Петра чуть не плакала.

— Что же нам делать? — с тоской прошептала Розалинда. Вдруг ее осенило:— Петра, детка, я... сейчас нарисую тебе буквы, одну за другой, а ты передашь эти картинки ей, ладно?

Петра подумала и кивнула.

— Приготовьтесь! — скомандовала нам Розалинда.— Сейчас начнется!

Она мысленно нарисовала букву «Л», и Петра тут же передала эту букву с оглушительной силой. Розалинда нарисовала «А» и так далее, пока не закончила слово. Петра сказала:

— Она поняла. Но она не знает, где находится этот самый Лабрадор. Она попробует узнать, и еще она хочет передать по буквам свое название... Ну, там, где она живет, но я сказала, что у нас так ничего не получится...

— Получится, родная. Смотри, ты примешь картинку от нее и передашь нам, только потихоньку, я прошу тебя! Так, чтобы мы не оглохли!

Первая буква оказалась «З». Мы были разочарованы.

— Где это может быть? — заговорили все разом.

— Должно быть, она перепутала! Это, наверное, «С»,— сказал Мишель.

— Нет, не «С», а «З»! И ничего я не путала! — Петра опять чуть не плакала.

— Не обращай на них внимания, детка,— сказала Розалинда.— У тебя здорово получается, давай дальше.

Когда все слово получилось целиком, Мишель сказал:

— Все остальные буквы правильные, наверное, это все-таки Селандия...

— Первая буква «З», а не «С»,—упрямо твердила Петра.

— Но, родная,— вмешалась Розалинда,— ведь тогда получается бессмыслица. А «Селандия»[1]— это место, где много моря, понимаешь? Земля посреди воды...

— Вообще-то Аксель говорил, что морей... вообще воды на земле гораздо больше, чем мы привыкли думать...— неуверенно протянул я.— Но даже если так...

Я не успел закончить, как нас неожиданно оглушила Петра, по собственной инициативе связавшаяся с неизвестной женщиной. Когда «сеанс» закончился, она торжествующе объявила:

— Говорила я вам, что «З»! Она объяснила, что буква звучит так, будто... Ну, как пчела делает...

— Ладно,— примирительно сказал ей Мишель.— Ты права. А теперь спроси ее, есть ли там у них море?

— Есть! — через некоторое время (пока мы все сидели, образно говоря, заткнув уши) воскликнула Петра.— Там... две земли... два куска... А вокруг — одно море. А еще там... солнце светит все время, и днем, и ночью, и... все вокруг голубое-голубое...

— Ночью солнце? — переспросил Мишель.— Да это сумасшедшая какая-то!..

— Там у них нет ночи... Она показала мне,— перебила его Петра,— понимаешь? Показала... Там много-много домов, только не таких, как в Вакнуке, а больших-больших. И еще там такие смешные повозки... без лошадей. И такие штуки в воздухе... с такими... наверху...— Она вдруг передала «картинку».

Пораженный, я узнал один из моих детских, давно забытых снов и повторил «картинку» более отчетливо.

— Во-во, точно такая! — обрадовалась Петра.

— Это что-то уж совсем непонятное,— пробормотал Мишель.— Слушай, Дэви, а ты-то, черт возьми, откуда это знаешь?!

— Пусть Петра выудит из них все, что сможет,— прервал я его,— а уж потом мы все как следует обсудим.

Мы опять «зажали уши» и постарались отгородиться от очередного «сеанса». Петра вошла во вкус, и в головах у нас одна за другой взрывались «молнии» и стоял дикий «грохот»...

---

[1] Sealand — *(букв.)* Морская земля.

6

Ехали мы тем временем медленно, избегая проезжих дорог, продираясь сквозь чащобы. Луки мы держали наготове, не столько опасаясь людей в этой глухомани, сколько боялись наткнуться на какого-нибудь дикого зверя. К счастью, мы повстречали лишь одного, да и тот, почуяв нас, дал деру. Наверное, его испугали громадные лошади...

Летние ночи в здешних местах короткие, и с первыми же лучами солнца мы остановились на небольшой полянке. Расседлывать лошадей мы не стали — не стоило тратить времени и стаскивать тяжелые корзины. Если бы нас захватили врасплох, пришлось бы оставить их тут, а в них была вся наша еда и одежда.

Пока мы ели, я потихоньку расспрашивал Петру о «картинках», которые показывала ей ее неизвестная подруга. Чем больше она мне рассказывала, тем яснее я узнавал свои детские сны. Все сходилось до мелочей... Было странно и удивительно узнавать, что я не просто мечтал о никогда не существовавшем Городе Древних, а видел место, которое и впрямь есть на Земле. Пусть где-то очень далеко, но есть. Правда, Петра быстро устала, и я решил пока не мучить ее расспросами, а дать им с Розалиндой поспать.

Как только рассвело, я услышал Мишеля.

— Они напали на ваш след, Дэви! Собака нашла того парня, которого застрелила Розалинда... И они увидели следы ваших лошадей... Наш отряд поворачивает на юго-запад, так что двигай дальше! Где вы сейчас?

Я мог ответить лишь приблизительно, что мы где-то неподалеку от Диких лесов.

— Давай быстрее! Не теряй времени! — повторил он.— Они отрежут вас от Дикого леса, и тогда!..

Он был прав. Я разбудил Розалинду, и минут через десять мы тронулись. Петра дремала на одеялах.

Теперь было уже не до того, чтобы выбирать окольные пути. Мы выехали на первую попавшуюся дорогу, ведущую к югу, и пустили лошадей рысью. Миль десять мы проехали спокойно, без всяких приключений, пока не столкнулись нос к носу с человеком, скакавшим во весь опор прямо на нас. Увидели мы друг друга одновременно, когда между нами оставалось метров тридцать, не больше...

Глава тринадцатая

1

Он ни секунды не сомневался в том, кто мы такие. Едва увидев нас, он тотчас же потянулся к луку. Прежде чем он успел натянуть тетиву, мы с Розалиндой выстрелили.

Нам никогда еще не приходилось стрелять с такой высоты, и обе наши стрелы просвистели у него над головой. Его стрела задела голову одной из наших лошадей. Во второй раз я снова промахнулся, но Розалинда угодила его лошади прямо в грудь. Та взвилась на дыбы, едва не сбросив седока, повернулась и с громким ржанием понеслась от нас прочь. Я выстрелил им вслед и угодил лошади в ляжку. Она резко дернулась в сторону, всадник вылетел из седла прямо на дорогу. Лошадь помчалась в чащу.

Мы проехали мимо валявшегося на дороге человека, даже не поглядев в его сторону. Он проворно отполз с дороги, когда громадные копыта поравнялись с ним, и последнее, что я видел, как он сидел на земле, ощупывая ушибленную голову и грудь. Самое поганое во всем случившемся было то, что теперь впереди нас летела слюня голову раненая и загнанная лошадь.

Через несколько миль лес неожиданно кончился, и мы выехали на какое-то засеянное поле. Примерно с милю, если не больше, мы ехали по этому полю, пока снова не замелькали по бокам деревья. Почти вся земля вокруг была занята под огороженные пастбища. За изгородями паслись овцы, но людей не было видно. На одном из полей мы увидели молодые всходы. По виду они походили на овес, но такой странный, что будь это поле у нас в Вакнуке, оно давно уже было бы выжжено. Это могло означать только одно: по-видимому, мы уже были в Диких местах, где на подобные отклонения смотрят сквозь пальцы.

Дорога, по которой мы ехали, спускалась вниз с откоса к небольшой ферме, более чистенькой и аккуратной, чем несколько разбросанных там и сям крыш и изгородей. Во дворе фермы мы увидели четырех женщин и нескольких мужчин, окруживших взмыленную гнедую лошадь. Мы сразу поняли, что это была за лошадь: из ляжки у нее торчала стрела, и все собравшиеся вокруг нее оживленно размахивали руками. Мы двинулись прямо на них, пока они еще не успели сообразить, в чем дело, и схватиться за луки. Они были так увлечены лошадью, что увидели нас, когда мы были уже совсем рядом. Один из них повернул голову в нашу сторону, что-то сказал остальным, и все, как по команде, уставились на нас. Наверное, они никогда не видели таких громадных лошадей, потому что долго стояли в немом изумлении. Первой среагировала раненная мною гнедая кобыла: она захрапела, встала на дыбы и попятилась. Нам не было нужды стрелять: все мгновенно исчезли за изгородями и дверями домов, и мы беспрепятственно пересекли двор.

Дорога сворачивала налево, но Розалинда правила напрямик к ближайшему лесу. То и дело раздавались треск и хруст разрушаемых нами маленьких построек, но мы ехали напролом, оставляя позади развороченные доски и щепки от изгородей. У самого леса я оглянулся: все жители поселка высыпали во двор и, размахивая руками, шумно галдели, глядя нам вслед.

Через три или четыре мили мы выехали на открытую равнину. Такое я видел впервые... Вся равнина была покрыта кустами, зарослями травы и папоротника. Но все эти растения были огромны, с широченными листьями. Трава достигала необычайных размеров: кое-где ее острые концы раскачивались метрах в трех от земли. Некоторое время мы продирались сквозь эти странные заросли все дальше на юго-запад, пока не добрались до следующего леса. Деревья тут тоже были громадные, и среди них легко было затеряться. Вскоре мы нашли поляну с более или менее обычной травой и решили хоть чуть-чуть отдохнуть.

Я слез с лошади, Розалинда расстелила одеяла, и мы немного поели. Все было тихо, как вдруг Петра без всякого предупреждения опять начала «сеанс», так что я от неожиданности прикусил язык. Розалинда зажмурилась и прижала ко лбу ладонь.

— Ради всего святого!.. Детка!..

— Ой, я забыла! — спохватилась Петра.

Она посидела еще минуты две, склонив голову набок, словно к чему-то прислушиваясь, и объявила:

— Она хочет поговорить с кем-нибудь из вас. Она говорит, чтобы вы все сосредоточились, а она попробует вас достать.

— Хорошо, родная, только ты уж, пожалуйста, помолчи,— сказала Розалинда,— а то мы все оглохнем

Я напрягся изо всех сил, раскрылся, как только мог, но ничего не услышал.

— Нет, не выходит,— вздохнул я.— Скажи ей, что у нас ничего не получается. Эй, все, берегитесь!

С трудом мы перетерпели несколько секунд, а потом Петра, слегка умерив свой «голос», стала пересказывать нам то, что услышала оттуда. Мысли были очень простые: ей передавали только то, что она могла воспроизвести, не слишком вникая в смысл. Одно и то же повторялось несколько раз — там хотели знать наверняка, что мы поняли их... Трудно объяснить словами то, что дошло до нас. Но главное мы уловили.

Речь шла в основном о Петре. Она, как мы поняли, представляла для них особую ценность. В любом случае, любой ценой Петру надо было уберечь. О такой силе мыслей, которой обладала она, там никто не слышал. Петра была находкой, терять ее было нельзя ни в коем случае. Помощь уже в пути, но, пока они не придут за нами, мы должны во что бы то ни стало сохранить в целости Петру...

Было еще много другого, не все мы поняли, но главным было вот это — насчет Петры.

— Ну как? — спросил я, когда Петра закончила.

— Тут что-то не сходится,— задумчиво сказал Мишель.— Конечно, силу Петры не сравнить с нашей... Но ведь она... эта женщина сказала, что их всех поражает такая способность у примитивных людей! Вы обратили на это внимание? Похоже, что под примитивными она подразумевала нас!

— Ну да,— сказала Розалинда.— И я так поняла!

— Может быть, Петра перепутала и сказала им, что мы из Джунглей? — предположил я, и тут же в голове у меня свержнуло и бухнуло от возмущенного всплеска Петры. Я мужественно переждал, пока не пройдет головокружение, и сказал: — Что касается помощи, то тут тоже, видимо, какая-то путаница. Ведь они находятся где-то на юго-западе, а всем известно, что там сотни миль Плохой земли. Даже если предположить, что Плохая земля где-то кончается, им придется пересечь ее, чтобы добраться до нас.

— Что тут болтать попусту,— сказала Розалинда,— Петра передала нам все, что могла... Так или иначе вскоре это прояснится... И вообще я хочу спать,— закончила она.

Я тоже дико хотел спать, и, поскольку Петра часов шесть мирно проспала в корзине, мы велели ей внимательно глядеть по сторонам и разбудить нас, как только она заметит что-нибудь подозрительное.

2

Я проснулся оттого, что Петра трясла меня за плечо, и увидел, что солнце уже почти зашло.

— Это Мишель! — сказала Петра.

Я стал слушать.

— Они снова напали на ваш след,— сказал Мишель,— маленькая ферма на границе с Дикой землей... Вы проехали через нее, помнишь? Так вот, они сколотили отряд и станут вас преследовать, как только рассветет. Немедленно двигайте дальше. Не знаю точно, но впереди могут быть еще несколько отрядов с запада. Они хотят отрезать вас от Джунглей. Если это так, бьюсь об заклад, что ночью они разобьются на несколько небольших отрядов. Они не станут рисковать и двигаться цепью, по одному — они ведь знают, что люди из Джунглей рыщут где-то неподалеку. Так что у вас есть шанс проскочить...

Перевел с английского
Феликс САРНОВ.

Окончание следует.

Джон УИНДЕМ

ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ

Рисунок Бориса Сопина

Научно-фантастический роман

— Слушай... а что там с Кэтрин и Салли? — спросил я.

— Не знаю. Они молчат. Впрочем, расстояние теперь порядочное...

— Кэтрин все время была без сознания,— услышал я приглушенный голос Рэйчел (действительно сказывалось расстояние),— она по-прежнему молчит. Мы с Марком боимся, что она...

— Говори, не бойся,— подстегнул ее Мишель.

— Она уже столько времени без сознания, что мы не уверены, жива ли она...

— А Салли?

— Мы... С ней... с ней творится что-то странное,— с трудом выдавила Рэйчел,— мы что-то слышали от нее раза два, но очень слабо... как-то бесформенно. Ничего нельзя было понять... Мы боимся, что...— она никак не могла выговорить.

— Ты понял, что это значит, Дэвид? — сдавленно спросил Мишель.— Они нас боятся. Они готовы живьем разрезать нас на куски, чтобы узнать, как мы это делаем. И разрежут... Если поймают. Ты не должен дать им в руки Петру и Розалинду, слышишь?! Не должен!! Лучше убей их сам, чем... такое! Ты понял?

Я взглянул на спящую Розалинду. Волосы ее на солнце отливали медью, и я подумал об агонии, которая исходила от Кэтрин. От одной мысли, что Петра или Розалинда могут испытать что-то подобное, у меня по спине пробежали мурашки...— Да! — сказал я.— Я... я тебя понял!

Какое-то время я ощущал сочувствие Мишеля и, чуть слабее, Марка с Рэйчел. Потом все стихло. Я повернулся и увидел, что Петра сидит и смотрит на меня широко открытыми глазами.

— Почему он сказал, что ты должен убить нас с Розалиндой? — спросила она по-детски наивно, и в этом вопросе было больше удивления, чем испуга.

Я постарался взять себя в руки.

— Это только если они поймают нас,— сказал я, стараясь, чтобы мой «голос» прозвучал естественно.

— Почему? — повторила она.

— Ну... потому что мы... не такие, как они. Мы умеем разговаривать без слов. А они — нет. Поэтому они так боятся...

— Но почему? Почему они должны нас бояться? — перебила она нетерпеливо.— Мы ведь их не обижаем, правда?

— Я и сам толком не знаю, почему,— машинально выговорил я и подумал, что это почти правда.— Но это так. Может, оттого, что они плохо умеют думать... Ведь чем люди тупее, тем больше им хочется, чтобы все остальные были такими же, как они. А всех, кто не похож на них хоть в чем-то, они боятся... И чем больше боятся, тем больше стараются... сделать им больно.

— Почему? — не отставала Петра.

— Ну... потому что они не такие. И они сделают нам очень больно... Если поймают.

— Я не понимаю,— помолчав, грустно сказала Петра.

— Я тоже. Но это так, и это... очень скверно. Когда ты вырастешь, ты поймешь, а сейчас запомни: мы не хотим, чтобы тебе и Розалинде было больно. Помнишь, как ты ошпарилась кипятком в кухне? Так вот, если нас поймают, будет гораздо больнее, и лучше умереть, чем испытать такое... Умереть, это... ну, как заснуть. Крепко-крепко... Так крепко, что тебе уже никто не сумеет сделать больно...

Я посмотрел на Розалинду. Ее маленькая грудь тихонько приподымалась и опускалась... Она спала... Непослушная прядь волос выбилась на щеку, я тихонько убрал ее и поцеловал — очень осторожно, чтобы не разбудить ее...

— Дэвид, когда ты убьешь нас...— начала было Петра, но я обнял ее за плечи и сказал:

— Тише, детка. Не нужно сейчас об этом. Мы никогда не дадим им нас поймать! И все! Давай-ка лучше

Окончание. Начало в №№ 4—6.

разбудим сейчас Розалинду, только... не будем рассказывать ей про наш разговор, ладно? Это... очень огорчит ее... Пусть это будет наш с тобой секрет, договорились?

— Ладно,— согласилась Петра и тихонько дотронулась до щеки Розалинды.

Мы решили поесть и тронуться в путь, как только совсем стемнеет. За едой Петра молчала, и я было подумал, что она никак не может забыть наш разговор. Но я ошибся: она думала совсем о другом. Прожевав очередной кусок хлеба, она неожиданно сказала:

— А там хорошо... у них, в Селандии... Там все умеют рисовать мысленные картинки, ну, почти все, и никто друг друга за это не обижает...

— А ты, оказывается, не теряла времени даром. Болтала с ними, пока мы спали? — спросила ее Розалинда.— Ну что ж, нам так даже лучше...

Петра не обратила на ее слова никакого внимания и продолжала свое:

— У них, правда, не у всех это хорошо получается... Хотя у большинства — как у вас с Дэвидом... Но у нее — гораздо лучше, чем у всех остальных... А еще у нее есть двое детей, и она думает, что у них это будет получаться совсем здорово... Только они пока еще очень маленькие. Но она думает, что даже и у них не будет получаться так здорово, как у меня. Она говорит, что так ярко рисовать картинки мыслями, как я, у них вообще никто не умеет!

— Ну, насчет яркости — это меня не удивляет,— вздохнула Розалинда,— но тебе надо научиться рисовать их хорошо и... не так громко...

Петра пропустила это мимо ушей.

— Она сказала, что я стану рисовать их еще лучше, только для этого нужно много... много работать. И когда я вырасту, у меня будут дети, которые тоже будут уметь рисовать такие картинки... Еще лучше!..

— Вот как? — задумчиво сказала Розалинда.— А зачем это? Ведь это ничего не принесет,— с горечью добавила она,— кроме... кроме горя... страданий...

— В Селандии это не так! — твердо сказала на это Петра.— Она говорит, что там, у них все хотят это делать как можно лучше... А те, кто умеет это плохо, стараются научиться!

Это нам было более или менее понятно. Я вспомнил рассказы Акселя о тех местах, где про отклонения думают, что они-то и есть НОРМА, а все остальные — мутанты.

— Она говорит,— твердила свое Петра,— что те, что могут разговаривать только словами, что они... они что-то ут... ут-ра-чивают... Она говорит, мы должны жалеть их, потому что они никогда не смогут понимать друг друга, как мы... Они всегда будут только сами с собой... никогда не сумеют быть... быть вместе!

— По правде говоря, сейчас мне как-то не до того, чтобы жалеть их,— заметил я.

— Она говорит, мы должны их жалеть, потому что по сравнению с нами они живут скучно и совсем неинтересно,— наставительно произнесла Петра явно чужую фразу.

Мы не стали с ней спорить. Многое из того, что она говорила, нам было трудно понять, наверное, она и сама понимала далеко не все. Но одно было ясно. Эти селандцы, кто бы там они ни были, явно считали себя на порядок выше остальных. Я теперь понимал, что Мишель и Розалинда были правы, уловив их отношение к нам как к «примитивным». Похоже, они и впрямь считали всех жителей Лабрадора чуть ли не дикарями.

3

Когда появились первые звезды, мы тронулись в путь, по-прежнему продираясь сквозь заросли кустарников и гигантской травы на юго-запад. Помня то, что нам сказал Мишель, мы старались ехать очень тихо и вздрагивали при каждом постороннем звуке. В течение нескольких миль все было тихо и спокойно, разве что какой-нибудь зверек пробегал под копытами наших лошадей.

Часа через три темнота сгустилась, и, проехав еще немного, мы наткнулись на почти сплошную стену деревьев. Мы еще не успели сообразить, ехать ли нам напрямик или пытаться объехать эту, казалось, непреодолимую чащу, как где-то рядом прогремел выстрел. Пуля просвистела у нас над головами, и лошади рванулись так, что я едва не вылетел из корзины. Веревка, которой они были связаны друг с другом, порвалась, и та лошадь, что шла сзади, кинулась прямо в лес, но потом свернула куда-то влево. Наша двинулась вслед за ней. Нам ничего не оставалось, кроме как вцепиться изо всех сил в края корзины и стараться прятать головы от комьев земли и камней, летевших градом из-под копыт. Сзади прогремел еще один выстрел, и мы полетели во весь опор...

Эта бешеная скачка продолжалась до тех пор, пока выстрел не раздался впереди нас — где-то слева. Лошади дернулись вправо и устремились в самую чащу. Мы пригнулись как можно ниже, когда толстые ветки и сучья захлестали по корзинам.

К счастью, мы въехали в лес как раз в том самом месте, где громадные деревья росли не таким сплошняком, а оставляли прогалины, но все равно это был какой-то кошмар. Лошади объезжали только большие деревья, а все остальное сминали своим весом, и нас трясло и швыряло во все стороны.

Постепенно галоп сменился рысью, но удержать лошадей было невозможно — выстрелы здорово напугали их, и они неудержимо неслись вперед. Мне приходилось изо всех сил упираться руками и ногами в стенки корзины, чтобы не вылететь из нее, и я боялся даже на секунду высунуться и оглядеться, на такой скорости любой толстый сук мог запросто снести мне голову с плеч.

Я не знал даже, гнался ли за нами кто-нибудь, но, по-моему, сзади нас никого не было. Вряд ли обычная лошадь выдержала бы такую скачку, да и вообще продралась бы сквозь этот чертов лес.

Наконец, животные немного успокоились и стали более осторожно выбирать дорогу. Розалинда высунулась из корзины и ухитрилась схватить вожжи. Животные пошли шагом, и мы выехали на узкую просеку. В темноте трудно было определить, куда ведет эта дорога, и мы долго не могли решить: ехать по ней или лучше не рисковать? Наконец, мы все-таки свернули с нее, и тут же треск веток сбоку заставил нас схватиться за луки. Но оказалось, что это наша вторая лошадь, которая как ни в чем не бывало пристроилась сзади, будто веревка, связывающая ее с нашей, была цела.

Лес постепенно редел. То и дело стали попадаться ручейки, замелькали просеки. Похоже, мы были уже в Джунглях. Рискнут ли наши преследователи идти за нами дальше, мы не знали, а связаться с Мишелем не могли: должно быть, он спал. Мы подумали, не пора ли нам избавиться от наших громадин, о которых наверняка уже прошел слух на много миль вокруг. Может, стоило пустить их по дороге, а самим пешком двинуться в другую сторону?.. Решиться на это было нелегко, ведь избавляться от лошадей, не зная, прекратилась ли погоня, было глупо. С другой стороны, если даже они погонятся за нами, то догнать смогут и лошадей, причем довольно быстро, ведь за день они успеют проехать гораздо большее расстояние, чем мы за ночь. Мы не знали, что делать... Но мы так устали, а перспектива тащиться пешком так мало привлекала нас, что мы нерешительно продолжали топтаться на месте. Попробовали еще раз связаться с Мишелем, но без толку. В конце концов выбирать пришлось не нам...

Лошади потихоньку сами двинулись вперед по просеке. Деревья смыкались верхушками над нашими головами, и мы ехали, как в тоннеле, почти ничего не различая впереди. Неожиданно что-то тяжелое и бесформенное упало на меня сверху, и я распластался на дне корзины. Огромная тяжесть придавила меня, и я не мог не то что дотянуться до лука, но даже просто шевельнуться. Я напрягся изо всех сил, чуть-чуть приподнялся, но в этот миг в голове у меня что-то взорвалось, и я потерял сознание.

Глава четырнадцатая

1

Очень медленно я пришел в себя и сразу услышал Розалинду. Настоящую Розалинду — робкую, доверчивую, открытую. Та, другая — уверенная в себе, практичная, сильная и независимая,— была всего-навсего ее собственным созданием. Я видел, видел и чувствовал давным-давно, как она начала искусственно создавать этот образ, будучи на самом деле очень ранимым, робким, хотя по-своему и решительным подростком. Раньше, чем все мы, она инстинктивно ощутила, что живет в чужом и враждебном ей мире, и стала сознательно готовить себя к тому, что рано или поздно ей придется встретиться с этой враждебностью лицом к лицу. Шаг за шагом она создавала себе броню. Я видел, как она находила все новые и новые средства защиты, как упорно она лепила свой образ. Создала она его в конце концов так искусно, так тщательно продуманно, что редко позволяла себе снимать эту маску, почти срослась с ней...

Я очень любил ее такой, какой она была для всех остальных. Я любил ее высокую, стройную фигуру, линию шеи и груди. Ее чудные, длинные ноги. Все это не просто нравилось мне — я любил все это... И то, как она двигалась, и тепло ее маленьких ладоней, ее улыбку. Я любил золотистую копну ее волос, матовую кожу лица, свежесть дыхания, тепло всего ее тела...

Но все это любить было легко... даже слишком легко — это мог полюбить кто угодно... И все это нуждалось в защите. В видимости уверенности, видимости независимости, видимости силы и способности постоять за себя. Так возникла ее маска, ее «броня», которую я тоже любил, но больше восхищался, как великолепным произведением искусства. Она и в самом деле была произведением искусства, была искусственная...

И вот сейчас я услышал другую, настоящую Розалинду, нежную, беззащитную. Она звала меня, отбросив, как ненужную шелуху, эту свою маску, шла мне навстречу, раскрывалась вплоть до самых потаенных уголков сознания.

Словами это не выразить...

Словами можно нарисовать тусклую картину телесной любви, в которой двое существуют отдельно друг от друга, как бы они ни стремились слиться воедино. Передать словами любовь, любовь ее, мою, нашу, невозможно... Любовь волнами шла от меня к ней, от нее ко мне, она захватила нас целиком, и не было между нами ни расстояния, ни различия... Мы были вместе. Мы встречались, касались друг друга внутри, проникали друг в друга и сливались в одно — мы больше не были отдельно, не было ее и меня. Были мы!.. Вместе...

Такую Розалинду не знал никто, кроме меня. Даже Мишель и все наши лишь изредка видели тень такой Розалинды, и они даже не представляли себе, чего ей стоило даже им казаться такой, какой они привыкли ее знать... Никто!.. Никто не знал мою Розалинду — беззащитную, родную, любимую... Розалинду, боящуюся того, что она с собой сделала, но еще больше боящуюся столкнуться с жизнью без маски, без «брони», которая стала уже частью ее самой.

Времени у нас не было. Мы были вместе секунду — не больше... Но мы были вместе, и это главное, а сколько это продолжалось — не имеет значения... В сравнении с этим ничто на свете не имеет значения...

Потом все кончилось, и я вернулся к реальности. Над нами было тускло-серое небо, лежал я очень неудобно, все тело затекло. Я услышал Мишеля, который, видимо, уже давно пытался связаться со мной, тревожно и настойчиво спрашивая: что с нами происходит? Я собрался с мыслями.

— Понятия не имею,— сказал я ему,— что-то вдруг ударило меня сверху... Но вроде я цел, только вот голова трещит и очень неудобно лежать.

Я чувствовал, что по-прежнему лежу на дне корзины, и что-то буквально вдавливало меня в ее днище.

Мишель ни черта не понял и обратился к Розалинде.

— Они спрыгнули на нас сверху, с веток — четверо или пятеро,— объяснила она,— один из них угодил прямо на голову Дэвиду...

— Кто они?! — почти выкрикнул Мишель.

— Люди из Джунглей,— к моему огромному облегчению, ответила она.

— Это не в вас стреляли ночью? — спросил Мишель.

Я ответил, что стреляли в нас, но кто стрелял, я не знал.

— Наверное, это наши...— с досадой сказал он.— Я-то надеялся, что они потеряли ваш след. Мы тут собрались вместе — несколько отрядов. Все считают, что преследовать вас в Джунглях маленькими группами опасно, так что теперь мы пойдем все скопом — нас тут больше сотни. Выйдем, наверное, часа через четыре. Все решили, что в любом случае будет неплохо дать Джунглям хороший урок: меньше будут лезть к нам после. Постарайтесь избавиться от ваших лошадей. Пока они с вами, вам не замести следов...

— С этим советом ты слегка опоздал,— спокойно сказала Розалинда.— Я лежу связанная в корзине на одной лошади, а Дэвид — на другой.

— А где Петра?! — с тревогой воскликнул Мишель.

— С ней все в порядке. Она на той же лошади, что и я, но в другой корзине. Похоже, она подружилась с парнем, который нас стережет.

— Расскажите мне подробно, по порядку, что произошло,— секунду подумав, сказал Мишель.

— Сначала они свалились на нас сверху. Потом из лесу выскочило еще человек двадцать. Они стащили нас вниз и стали гадать, что с нами делать. В конце концов они решили от нас избавиться: связали, кинули в корзины, на каждую нашу лошадь посадили по своему человеку и пустили вперед по дороге...

— Как вперед? Еще дальше — в Джунгли?

— Ну да...— сказала Розалинда.

— Ну что ж, из всех дорог эта не самая худшая,— заметил с облегчением Мишель.— А как они с вами обращаются? Грубо?

— Нет. Совсем нет. Для них главное, чтобы мы не убежали. По-моему, они кое-что о нас знают, но не очень ясно представляют, что, собственно, с нами делать... Они долго спорили, но, кажется, их больше интересуют наши лошади... Тот, что едет с нами, совсем не злой. Он все время болтает с Петрой (словами, конечно). По-моему, он слегка... ну, придурковатый...

— Вы можете что-нибудь разузнать об их планах? Что они собираются с вами делать?

— Я спрашивала у него, но он вроде и сам не знает. Ему только велели нас куда-то отвезти.

— Ну ладно...— Мишель, кажется, и сам был в растерянности.— Мы теперь можем только ждать. Правда, можно сказать ему, что мы за вами гонимся...

Я напрягся и перевернулся на живот. С трудом мне удалось подняться на ноги. Человек, сидевший в другой корзине, посмотрел на меня равнодушно.

— Н-но, пошла! — прикрикнул он на лошадь.

Неторопливо он снял с груди плетеную флягу на ремне и протянул мне. Попив воды, я вернул ему флягу, и он молча повесил ее себе на грудь.

Кое-что я уже различал вокруг. Мы ехали по довольно унылой местности. Громадный лес кончился, и деревья вокруг нас были нормальных размеров. Но даже по первому взгляду мне показалось на мгновение, что отец был прав, когда говорил о пародии на НОРМУ. Ни для одного дерева я не мог подобрать названия; стволы, ветки, листья — все было неправильным. Некоторое время по левую сторону от нас тянулся фантастический частокол из куманики, шипы у которой были

размером с лопату. В другом месте земля была похожа на высохшее русло реки, усеянное крупной галькой, но, когда мы подъехали ближе, «галька» оказалась шаровидными грибами, растущими так тесно, что между ними не было ни просвета, ни щелочки. Встречались деревья с такими мягкими стволами, что росли они не вверх, а стелились по земле. Тут и там попадались сморщенные, искривленные деревца, которым на вид было по сто — двести лет, если не больше...

Я исподтишка глянул на своего провожатого. На вид он был вполне нормальный, разве что весь в грязи. Одежда его была сильно измазана, а местами разорвана. Он перехватил мой взгляд.

— Первый раз в Джунглях? А, парень?

— Да,— сказал я.— Тут везде... так?

— Тут везде по-разному,— усмехнулся он,— на то они и Джунгли... Нигде не растет тут ничего одинакового... Пока что.

— Что значит «пока что»? — не понял я.

— Ну, со временем кое-что становится постоянным... Ведь и Дикая земля тоже была когда-то Джунглями. Но теперь она постепенно приходит в норму. Видно, и те места, откуда ты родом, тоже были когда-то навроде Диких, но постепенно пришли в норму. Все со временем становится на свое место. Только медленно. Ну, да ведь богу-то торопиться некуда...

— Богу?..— неуверенно протянул я.— Но нас всегда учили, что в Джунглях... сам дьявол...

— Ну да, они так всегда говорят,— перебил он меня,— только это все чушь, парень! Дураки вас учат! Остолопы! Ничему их Кара не научила!.. Ведь Древние тоже думали, что они самые правильные. Считали, что только они знают, как надо жить. Напридумывали себе всяких удобств, разных там штуковин... Хотели быть поумнее бога,— он усмехнулся,— а ничего не вышло, парень! Они думали, что сами лучше всех, дескать, последнее слово божье... Но бог еще последнего слова не сказал! А когда скажет, сам умрет. Но пока что он не умер, и потому все вокруг меняется — все, что живет и растет. Когда ваши кретины хотят, чтобы все застыло на каком-то, по-ихнему, нормальном уровне, они много на себя берут... Много берут на себя, ты понял, парень?

Я слушал его молча и думал о том, что когда-то говорил мне Аксель. И впрямь все везде считали, что именно они точно знают мысли и планы божьи, словно он им лично о них рассказывал. Мой собеседник тем временем никак не мог успокоиться. Он широким жестом обвел весь пейзаж вокруг нас, и тут я неожиданно увидел его отклонение — на правой руке у него не хватало трех пальцев.

— Но... зачем же нужна новая Кара? — собравшись с мыслями, спросил его я.

— Да затем, что ваши, как и Древние, на каждое изменение налагают запрет... Они путь закрывают, понимаешь? Они ведь считают себя совершенством, кретины! Говорят: «Мы — образ и подобие божье...» Выходит, по-ихнему, путь окончен? Все? Приехали? Дальше дороги нет? Но ведь это же ересь, парень! Ведь они из жизни хотят выжечь саму жизнь!..

Услыхав про «ересь», я понял, что опять столкнулся с каким-то очередным вероучением, и мне стало скучно. Я решил перевести разговор на дела житейские и попытаться выяснить, почему они нас связали и куда тащат. Но он и сам ничего не знал толком и твердил лишь, что так всегда поступают поначалу с теми, кто вторгается в пределы Джунглей. Я немного поразмыслил над его словами и связался с Мишелем.

— Что, по-твоему, мы должны им сказать? — спросил я.— Они наверняка будут нас допрашивать или, во всяком случае, расспрашивать, увидят, что физически мы нормальны, и нам придется дать какое-то объяснение: почему мы сбежали?

— Думаю, лучше сказать им правду,— ответил он.— Не всю, конечно, а примерно так, как Кэт и Салли. Словом, скажете им только в общих чертах и немного, только чтобы звучало правдоподобно.

— Ладно,— сказал я.— Петра, ты поняла? Скажешь им, что можешь рисовать мысли-картинки только для меня и Розалинды, а про Мишеля и тех... ну, из Селандии, ни слова!

— Те, из Селандии, уже идут к нам на помощь,— объявила Петра.— Они уже не так далеко, как прежде.

Мишель отнесся к этому скептически.

— Все это, конечно, хорошо,— сказал он,— но похоже на какую-то сказку... Так или иначе, о них ни слова!

— Ладно,—. согласилась Петра.

Мы посовещались, стоит ли говорить нашим провожатым про погоню за нами, и в конце концов решили сказать. Мой страж принял эту весть спокойно и без всякого удивления.

— Ладно,— сказал он,— это нам только на руку.

Почему на руку, он не объяснил, а я не стал спрашивать, и мы ехали молча. Петра принялась болтать со своей «подругой» из Селандии, и мы сразу почувствовали, что расстояние между ними здорово сократилось. Петре уже не нужно было пользоваться всей своей феноменальной силой, а кроме того, я впервые уловил какие-то обрывки мыслей оттуда, с другой стороны. Розалинда тоже что-то ухватила и, собрав всю свою мощь, попыталась задать какой-то вопрос. Неизвестная услышала ее, тут же усилила свою передачу, и мы впервые услыхали ее «голос».

Она была очень довольна, что наконец-то связалась с нами, и хотела узнать все, чего не сумела растолковать ей Петра. Розалинда, как могла, попыталась подробно рассказать ей о нас и нашем теперешнем положении. Закончила она тем, что прямой опасности пока вроде бы нет.

— Будьте осторожны,— посоветовала та.— Соглашайтесь на все, что вам предложат, тяните время. Преувеличивайте опасность, которой вы подвергаетесь со стороны ваших. Трудно советовать, не зная обычаев племени, которое вас схватило. Но большинство отклонений не любят нормы — везде и повсюду. Так что хуже не будет, если вы преувеличите степень вашего отличия от «нормальных». Но самое главное — девочка. Любой ценой сохраните ее! Мы никогда не сталкивались с передачами такой силы! Как ее зовут?

Розалинда передала имя Петры по буквам и спросила:

— Кто вы такие? Что это за Селандия?

— Вы можете называть нас Новыми людьми,— последовал ответ.— Мы такие же, как вы. Мы умеем думать вместе. И мы хотим создать новый мир, отличающийся от всего, что было раньше. Не такой, как у тех, кого вы называете Древними.

Я снова подумал, что эти Селандцы, называющие себя Новыми людьми, очень уж высокого мнения о себе. Мне трудно было принять то, что она говорила: ведь мне с детства внушали совершенно противоположное представление о Древних, и я не мог так сразу от него отказаться. Пока я с трудом переваривал все это, Розалинда спросила:

— Ну, а вы? Вы-то откуда взялись?

— Нашим предкам в каком-то смысле повезло,— услышали мы в ответ.— Они жили на острове, вернее, на двух островах, вдалеке от Большой земли. Они тоже не избежали... Кары, но Кара задела их стороной — они ведь были далеко от большинства стран и городов Древних. Сперва они тоже были отброшены к почти первобытному состоянию, но немного погодя (мы и сами не знаем, почему) появились такие, как мы, умеющие думать вместе. Со временем те, кто умел делать это лучше, находили других, которые лишь в слабой степени владели этой способностью, и помогали им. Это умение передавалось их детям, и от поколения к поколению мы становились все совершеннее, все сильнее в этой нашей способности. Позже мы сами начали искать себе подобных в других краях, и только тогда мы поняли, как нам повезло, что мы оказались в стороне от больших городов и стран. Раньше помочь тем, кто жил далеко от нас, было трудно, почти невозможно. Правда, некоторые умудрялись до нас добираться... Но вскоре у нас появились машины, такие же, как у Древних, и кое-кого нам удавалось спасти. Теперь мы пытаемся спасти каждого, с кем удается связаться. Но нам никогда еще не удавалось вступить с кем-нибудь в контакт на таком огромном расстоянии. Даже мне пока еще очень трудно говорить с вами. Скоро будет легче, но сейчас я почти на пределе, поэтому я заканчиваю. Помните главное — девочка! Такого мы еще не встречали, и она очень нужна нам. Любой ценой, слышите — любой, вы должны сберечь ее!

На этом она закончила передачу, и наступившую тишину нарушила Петра.

— Это она обо мне! — объявила она с такой силой, что мы чуть не потеряли сознания.

— Ох!.. Тише, детка...— придя в себя, попросила ее Розалинда.— Мы ведь пока еще не наткнулись на Волосатого Джека, что ж ты так кричишь?! Мишель,— позвала она,— ты все слышал?

— Да,— задумчиво протянул он,— звучало это както... высокомерно, что ли... Словно она читала лекцию детям... И потом уж очень они далеко от нас. Право, не знаю, как они сумеют добраться до вас вовремя. Погоня начнется через несколько минут — мы уже верхом...

Наши лошади по-прежнему шагали неторопливой рысью. Окружающая нас местность оставалась такой же странной для тех, кто привык к НОРМЕ. Кое-что было даже более фантастично, чем те отклонения, про которые мне рассказывал когда-то Аксель. Я невольно испытал облегчение, когда мы наконец выехали на открытую местность, хотя и тут трава и кусты были непохожи на нормальные.

Лишь один раз мы остановились и сделали короткий привал. Часа через два мы подъехали к реке. С нашей стороны спуск к воде был пологий, а с противоположной — обрывистый, почти отвесный, сплошь покрытый какими-то острыми красноватыми камнями. Мы поехали вдоль берега, вниз по течению. Примерно через четверть мили замелькали деревья, похожие на огромные груши — все ветки росли у них наверху, образуя нечто вроде шапок на верхушках стволов. Наш провожатый спрыгнул на землю и повел лошадей к воде. Мы благополучно переправились через реку, она в этом месте была не особенно глубокой, но ехали не прямо, а забирая влево, туда, где на другой стороне виднелся узкий проход в крутом, как стена, склоне. Когда мы подъехали ближе, этот проход оказался даже еще более узким, чем виделся издали. Я поначалу не представлял даже, как мы будем по нему пробираться. И в самом деле, порой наши корзины задевали за стены ущелья, и мы с трудом протискивались вперед. Метров через полтораста мы выехали из ущелья, и дорога пошла в гору. Поднявшись на гору, мы очутились на открытой равнине, и дорогу нам преградили шестеро или семеро мужчин с луками в руках. Они изумленно взирали на наших громадных лошадей и, по-моему, были не прочь дать деру. Не доезжая до них, мы остановились.

— Слезай, парень,— обратился ко мне мой «страж».

Петра и Розалинда были уже внизу. Как только я ступил на землю, «страж» хлестнул по спине лошади вожжами (тот, который был на второй лошади, сделал то же самое), и они укатили. Петра сразу же вцепилась мне в руку, но люди с луками по-прежнему не обращали на нас внимания: они с изумлением смотрели вслед удаляющимся лошадям.

На первый взгляд ничего резко отличающегося от НОРМЫ у этих людей не было. Но, приглядевшись, я увидел, что рука одного из них, державшая лук, была шестипалой. У другого голова была похожа на коричневое яйцо без всяких признаков растительности. У третьего были непропорционально большие ступни и ладони...

Мы с Розалиндой испытали невольное облегчение оттого, что не столкнулись с настоящими чудовищами, которых порой рисовало нам наше воображение. Петра тоже, казалось, успокоилась: никто из встретившихся нам не был похож на Волосатого Джека.

Когда лошади скрылись из виду, люди принялись рассматривать нас. Двое или трое отделились от группы и велели нам идти за ними, остальные отвернулись, потеряв к нам всякий интерес.

По проторенной тропинке мы с провожатыми углубились в лес, но скоро вновь вышли на открытую местность. Справа от нас была стена из красноватых утесов — обратная сторона вертикального склона, обращенного к реке. На ней там и сям располагалось множество расщелин и лестниц из грубо связанных веток, ведущих наверх. Прямо перед нами стояло несколько жалких домишек, вернее сказать, лачуг. Возле них вился небольшой дымок от костра, на котором, по-видимому, варилось какое-то варево. Несколько мужчин в лохмотьях и довольно много женщин — грязных и очень неряшливо одетых — расположились у костров. Время от времени кто-нибудь из них с видимой неохотой поднимался и подбрасывал ветки и сучья в костер.

Минуя лачуги, мы пошли к самому большому шалашу — он был сделан из старого брезента, которым у нас обычно накрывали стога сена. Прямо у входа в шалаш сидел человек и внимательно смотрел на нас. Когда я вгляделся в его лицо, я в ужасе попятился: мне показалось, что на меня смотрит мой отец... И тут же я узнал его. Это был тот самый «Паук», которого я видел в Вакнуке лет семь-восемь назад.

Наши провожатые подтолкнули нас вперед, и мы очутились прямо перед входом в шалаш. Паук внимательно оглядел всех троих. Глаза его медленно ощупали с ног до головы Розалинду — всю ее стройную фигуру,— но так равнодушно, что у меня не возникло и тени беспокойства, потом остановились на мне. С минуту он глядел на меня в упор и наконец удовлетворенно хмыкнул.

— Помнишь меня? — спросил он хриплым голосом.

— Да,— честно сказал я.

— Не очень-то похоже на Вакнук, а? — Он обвел глазами равнину с лачугами и вновь уставился на меня.

— Не очень,— кивнул я.

Он помолчал, что-то обдумывая.

— Ты... знаешь, кто я? — наконец спросил он.

— Догадываюсь,— ответил я.

— Ну? — Он вопросительно приподнял брови.

— У отца был старший брат,— не очень уверенно начал я,— сначала он был признан нормальным. А года через три после рождения у него отобрали Метрику и... он куда-то делся... Его забрали...

Он молча кивнул.

— Все правильно, да не совсем. Мать очень его любила... и нянька тоже... Когда за ним пришли, его уже не было. Понимаешь, что это значит? Они не успели... Ну, ты ведь знаешь, что они обычно делают перед тем, как избавиться от таких, как я... Словом, дело замяли, словно ничего такого и не было...— Он горько усмехнулся.— Старший сын. Наследник... Вакнук должен был быть мой! Он и был бы, если бы не...— Он вытянул во всю длину свою руку и секунды две рассматривал ее так, словно видел впервые. Потом он снова взглянул на меня в упор.

— Тебе известно, какой длины должна быть рука у человека?

— Нет,— сознался я.

— Мне тоже,— сказал он — но кому-то там, в Риго, это было известно. Кому-то из их грамотеев... И потому Вакнук принадлежит не мне, а я живу, как дикарь... И среди дикарей. Ты старший сын?

— Старший,— кивнул я,— и единственный. Был еще один, младший, но...

— Не выдали Метрики?

Я молча кивнул.

— Стало быть, и ты теперь лишился Вакнука?

Это как раз тревожило меня меньше всего. Я вообще никогда не думал, что мог (и должен был) унаследовать Вакнук. Должно быть, у меня всегда было подспудное ощущение, что рано или поздно меня раскусят и мне придется спасаться бегством. Я так долго жил с этим чувством, что теперь совершенно не страдал от той злобы и обиды, которая, по-видимому, переполняла душу Паука. Я так ему и сказал: что, мол, только рад быть здесь, в безопасности. Это ему как будто не пришлось по душе.

— У тебя просто духу не хватает драться за то, что должно принадлежать тебе по праву,— презрительно буркнул он.

— Если по праву это ваше, то, значит, оно уже не может быть моим,— возразил я.— А кроме того, мне надоело прятаться!

— Все мы тут прячемся,— сквозь зубы процедил он.

— Может, и так. Но каждый из вас здесь может быть самим собой! Вам не нужно притворяться, не нужно все время быть начеку, чтобы не дай бог не проговориться! Не нужно десять раз подумать, прежде чем открыть рот!..

— Мы слыхали о вас,— кивнул он.— У нас есть свои способы узнавать про многое... Но я, признаться, не очень понимаю, отчего это они на вас так ополчились.

— Мы думаем,— попытался объяснить я,— что они нас боятся. Нас ведь нельзя распознать по внешности. Они наверняка подозревают, что таких, как мы, еще много. Но узнать они про них ничего не могут, пока те сами себя не выдадут... Они хотят схватить нас, чтобы мы выдали остальных...

— Да, этого, пожалуй, достаточно, чтобы постараться не попасть им в руки,— задумчиво сказал он.

В этот момент я уловил «голос» Мишеля. Розалинда о чем-то с ним разговаривала, но мне трудно было одновременно слушать и их, и Паука, поэтому я не стал вмешиваться.

— Значит, теперь они будут охотиться на вас здесь, в Джунглях? Что ж... А сколько их?

Не зная, что ему известно про нас и знает ли он про Мишеля, я заколебался. А он сказал:

— Вряд ли тебе стоит морочить нам голову, парень. Охотятся-то ведь они за вами. Выходит, вы привели их за собой сюда, к нам. А какой нам резон заботиться о вас? Может, проще будет выдать вас им с потрохами, да и дело с концом, а?

Петра услышала конец его фразы и вздрогнула от страха.

— Больше сотни,— быстро сказала она.

Он довольно глянул на нее.

— Ага, значит, среди них есть один из ваших!.. Я так и думал,— самодовольно отметил он.— Сотня или больше... Многовато для вас троих, а, парень? Не прошел ли у вас слух о готовящемся набеге из Джунглей?

— Было такое,— признался я.

— То-то и оно,— вновь усмехнулся он.— Видать, они на этот раз решили опередить нас, ну, а заодно и вас схватить. Наверняка они идут по вашим следам... Где они теперь?

Я связался с Мишелем и выяснил, что основной отряд еще в нескольких милях от тех, кто стрелял в нас. Но все равно они были уже близко. Теперь надо было как-то сообщить это человеку, сидящему передо мной и державшему нашу судьбу в своих длинноких руках. Но сказать ему так, чтобы это его не озлобило и не настроило против нас.

Он воспринял мои сведения довольно спокойно.

— Твой отец с ними? — только и спросил он.

Это был непростой вопрос. Я пытался обходить его даже в разговорах с Мишелем. Не стал я спрашивать его и сейчас. Я просто сказал, помедлив секунду-другую:

— Нет.

Краем глаза я видел, что Петра хочет что-то сказать, и уловил, как Розалинда «одернула» ее.

— Жаль,— заметил он,— это было бы очень кстати. Я никогда не терял надежды, что рано или поздно мы с ним еще сведем счеты. Впрочем, может, он на деле-то и не такой уж поборник чистоты расы? А, парень?

Он продолжал смотреть на меня холодными, изучающими глазами. Я почувствовал, что Розалинда поняла, почему я не спросил Мишеля об отце, и уловил ее нежность и сочувствие ко мне... Неожиданно Паук отвел взгляд от меня и уставился на Розалинду. Она не отвела глаз и несколько секунд холодно на него смотрела. А потом, к моему великому изумлению, раскрылась. Она опустила глаза, и лицо ее залила краска. Он довольно улыбнулся. В то же мгновение я ощутил, что раскрыться, сбросить с себя маску заставил ее страх, выплеснувшийся наружу с дикой силой... Страх, который она так хорошо умела прятать. Это была не женщина, пасующая перед мужчиной, перед мужской волей, а ребенок, испугавшийся чудовища... Петра тоже уловила этот страх и вскрикнула.

Я, не задумываясь, кинулся на Паука. Двое, стоящие сзади, тут же навалились на меня и скрутили мне руки. Но по крайней мере один хороший удар Паук все же получил.

Он сел и потер подбородок, а потом посмотрел на меня без всякой злобы и даже без удивления.

— Ты ведь не дома,— заметил он, поднимаясь на свои журавлиные ноги.— А здесь у нас не так уж много женщин... Да и взгляни на них как следует, когда будешь идти мимо,— может, у тебя в башке и прояснится. Кроме того, эта,— он ткнул рукой в Розалинду,— может родить мне детей. А я, знаешь ли, всегда почему-то этого очень хотел, пусть им даже и нечего будет унаследовать.. — Он усмехнулся, но тотчас же нахмурился.— Не зарывайся, парень! Прими все как есть! В другой раз я не буду долго разговаривать и читать тебе мораль! Приведите-ка его в чувство,— бросил он двоим, державшим меня за руки,— а если он окажется уж очень непонятливым, пристрелите!

Они развернули меня кругом и потащили в сторону. Немного отойдя, один из них больно пнул меня ботинком и буркнул:

— Шевелись, парень!

Чуть погодя я попробовал оглянуться, но тот, что был чуть дальше от меня, натянул тетиву и кивком показал, куда мне идти. Я пошел вперед и шел метров двадцать, пока вокруг не стали опять попадаться деревья. Когда лес стал погуще, я резко пригнулся, отбежал в сторону и рванулся назад. Они только этого и ждали. Стрелять они не стали — просто догнали и потащили дальше, изо всех сил пиная меня ногами. Я помню, как в какой-то момент перестал ощущать боль от ударов, помню, как мне вдруг показалось, что я стал невесомым и парю в воздухе... Как и где я «приземлился» — этого уже не помню..

Глава пятнадцатая

1

Кто-то легонько встряхивал меня. Я чувствовал чьи-то руки под мышками. Мягкие ветки тихонько хлестали меня по лицу.

— Тс-с! — прошептали у меня за спиной.

— Сейчас...— пробормотал я,— все будет нормально...

Меня перестали трясти. Я собрался с силами и перевернулся на живот, потом с трудом встал на четвереньки. Передо мной на корточках сидела молодая девушка и пристально вглядывалась в мое лицо.

Солнце уже почти зашло, и под сенью деревьев было совсем темно. Я плохо различал ее — видел только пряди темных волос, обрамляющие опаленное загаром лицо, и живые, блестящие глаза, внимательно изучающие меня. Одежда на ней была неопределенного цвета, очень ветхая, со множеством заплат. Платье было без рукавов, но больше всего меня поразило, что на платье не было креста. До сих пор мне еще ни разу не приходилось видеть женщину, у которой не был бы вышит ритуальный крест на платье. Это было так странно и непривычно, что поначалу я даже не поверил своим глазам...

Несколько секунд мы рассматривали друг друга. Наконец она с грустью вымолвила:

— Ты не узнал меня, Дэви!..

До этого момента я действительно не узнавал ее. Но когда я услыхал, как она произнесла: «Дэви!, » — что-то дрогнуло во мне.

— Софи!..— вскрикнул я.— Софи...

Она улыбнулась.

— Дэвид, милый.. Они сильно тебя избили?

Я попробовал пошевелить руками и ногами: они словно одеревенели и в нескольких местах сильно саднили. Болело все тело, а голова просто раскалывалась. Струйка крови стекала по левой щеке... Но кости как будто были целы. Я попытался подняться, но она быстро положила мне руки на плечи и прошептала:

— Нет-нет, подожди. Позже... когда стемнеет.

Она не отрывала от меня своих грустных, внимательных глаз.

— Я видела, как вас привели. Тебя и девочку... И еще женщину... Кто она, Дэви?

Эти слова буквально подбросили меня, как пружина. Я попытался связаться с Розалиндой и Петрой, но не слышал в ответ ни звука. Зато Мишель сразу отозвался.

— Слава богу, наконец-то ты очнулся,— с облегчением произнес он, чувствуя мою страшную тревогу.— Мы все извелись... Не волнуйся, с ними все в порядке! Они обе спят. Очень устали...

— А... Розалинда?!

— Говорю же, с ней все в порядке! Что с тобой?

Я рассказал ему все. Наш «разговор» занял всего несколько секунд, но этого было достаточно, чтобы Софи стала с недоумением вглядываться в меня.

— Кто эта женщина, Дэви? — повторила она.

Я объяснил, что Розалинда — моя двоюродная сестра. Софи все так же внимательно, изучающе смотрела на меня, пока я отвечал на этот вопрос, и медленно кивнула.

— Ты ее любишь,— наконец сказала она, не столько спрашивая, сколько сама себе отвечая.

Слово... опять всего лишь слово... Когда у людей все мысли общие, когда радость и горе другого улавливаются мгновенно и ощущаются, как свои собственные... Где тогда найти слова, чтобы выразить это?.. Таких слов просто нет, для этого нужно другое... совсем другое...

— Мы... любим друг друга,— сказал я. Это было все что я мог ей сказать.

Софи кивнула и стала безучастно обламывать сухие ветки, которые держала в руках.

— Он сейчас ушел... туда, далеко, где они сражаются. Сейчас она в безопасности.

— Она спит. Они обе спят,— сказал я.

— Откуда ты знаешь?!

Я коротко объяснил, стараясь растолковать ей все как можно проще. Она слушала, продолжая обламывать ветки. Потом отбросила их в сторону и кивнула.

— Я помню,— задумчиво прошептала она,— еще тогда... Мама говорила мне что-то... Что будто ты понимаешь ее раньше, чем она успеет сказать... Это и есть то самое?

— Вероятно. Я думаю, у твоей матери тоже было это, но... очень слабое... Так что она сама даже не знала... Не догадывалась...

— Наверное, это здорово,— сказала она с завистью,— все равно что иметь глаза, которые видят насквозь?..

Вдруг передо мной отчетливо встала картина: мужчина и женщина держатся за руки, а маленькая фигурка на лошади машет мне ручонкой. Машет, машет... А потом они все исчезают за деревьями, а я остаюсь стоять, полный горя от своей первой утраты, чувствуя прикосновение детских губ на моей щеке и сжимая кусок желтой ленты с прядью темных волос в кулаке...

— Уже стемнело, Софи...— сказал я.

— Да, теперь мы можем идти. Только осторожно,— предупредила она.— Ты можешь двигаться? Это совсем рядом.

Я с трудом поднялся на ноги, все еще чувствуя сильную боль во всем теле. Голова кружилась, но идти я, кажется, мог. Софи видела в темноте лучше меня — она взяла меня за руку, и мы медленно двинулись вперед, стараясь держаться вблизи деревьев. Слева я различал огоньки костров и понял, что мы идем по самому краю поселка. Когда мы дошли до низкого утеса, Софи остановилась и положила мою руку на лестницу из веток, которую я увидел лишь после того, как дотронулся до нее.

— Лезь за мной,— сказала она и сразу пропала в темноте.

Я осторожно стал взбираться по лестнице вверх, пока не добрался до ее конца и руками не ухватился за край гладкой площадки. Ее рука нашла в темноте мою, и она помогла мне взобраться наверх.

— Садись,— сказала Софи.

Она поискала глазами вокруг, наклонилась, и в руках у нее засветился огонек. Видимо, она высекла искры из двух камней и зажгла от них обрывок веревки. Она стала раздувать тлеющий огонек, пока ей не удалось зажечь от него две свечки. Это были два огарка, они издавали скверный запах, но при их свете я все-таки мог разглядеть, где мы находимся.

Это было что-то вроде небольшой пещеры — метров пять в длину и восемь в ширину,— выдолбленной в песчанике. Вход прикрывала звериная шкура. В темном левом углу видна была дыра в потолке, сквозь которую медленно капала вода — примерно капля в секунду. Вода стекала в деревянную бадью, и от нее тянулся мокрый след через всю пещеру к самому входу — видимо, когда вода переливалась через край, никто не давал себе труда опорожнить бадью. В другом углу было сооружено что-то вроде матраса из веток, покрытого такой же шкурой, какая висела у входа. По полу была разбросана простенькая кухонная утварь. Над черным выгоревшим пятном от костра возле входа виднелось вытяжное отверстие. Из стен там и сям торчали рукоятки ножей, а в небольших нишах стояли подобия тарелок и чашек, грубо выдолбленных из дерева. Лук, кожаный колчан со стрелами и длинный кинжал лежали на полу рядом с матрасом... Больше в пещере, кажется, ничего не было. Я невольно вспомнил кухню в доме Уэндеров... Чистенькая, светлая, она казалась такой уютной — стены, увешанные картинами, без всяких дурацких надписей, ароматные свечи...

Софи взяла чашку, зачерпнула воды, достала из ниши чистую тряпочку и наклонилась надо мной. Она смыла с моего лица кровь, осторожно обтерла края рваной раны на голове и принялась внимательно ее разглядывать.

— Ничего страшного,— сказала она,— просто большая царапина, к счастью, даже не очень глубокая.

Я вымыл в чашке руки, она выплеснула воду прямо на пол и убрала чашку обратно в нишу.

— Есть хочешь?

— Очень,— признался я. С самого утра у меня во рту не было ни крошки. Но вспомнил я об этом, только когда она спросила.

— Посиди здесь. Я скоро вернусь,— сказала она и скрылась за шкурой, закрывающей вход.

Я сидел, тупо глядя на стену пещеры, слушая мерный звук падающих капель в дальнем углу, и думал: а ведь вполне возможно, что здесь все это роскошь... «Если бы у тебя было так мало хорошего, как у меня...» — так, кажется, она сказала.

Чтобы отогнать нахлынувшую на меня тоску и острую жалость к Софи, я позвал Мишеля.

— Где вы там? — спросил я.— Что вообще происходит?

— Мы остановились на ночлег,— тут же отозвался он.— Рискованно двигаться ночью в Джунглях...— Он постарался нарисовать мне картину этого места, каким он видел его до захода солнца, но это могло быть и в стороне от нашего с Розалиндой маршрута.— Днем идти было очень тяжко, мы вымотались, как черти. Они неплохо знают свои леса, эти люди из Джунглей. Мы ожидали встретить засаду, но они вместо этого крались за нами, как тени, время от времени обстреливая нас из-за деревьев. У нас трое убиты и семеро ранены. Но тяжело только двое...

— И вы по-прежнему полны решимости идти вперед?

— Да. Тут говорят, что у нас впервые хватит сил, чтобы как следует проучить здешних дикарей. Во всяком случае, надолго заставить их сидеть в своих берлогах и не соваться к нам. Я уж не говорю о том, что они во что бы то ни стало хотят схватить вас. Здесь полно слухов, что в Вакнуке и вокруг него еще много таких, как мы с вами. Поймав вас, они надеются выявить всех остальных...— Он неожиданно замолк, а потом добавил невесело: — Честно говоря, Дэви, я боюсь, что... на самом деле только один... вернее, одна...

— Как одна?!

— Рэйчел. Она вчера умудрилась со мной связаться... была почти не слышна... Очень далеко, понимаешь? Так вот, она сказала... Словом, что-то случилось с Марком.

— Неужели они его схватили?..

— Нет. Впрочем... она не знает. Но думает, что нет. Он бы дал ей знать... А тут... Он просто замолчал. Вот уже целые сутки, как от него ни звука.

— Может, несчастный случай? Помнишь Уолтера Брента? Того, которого деревом придавило? Он тогда тоже замолк, и все...

— Не знаю. Может, и так. Рэйчел тоже не знает, но она здорово напугана... Ты пойми, ведь тогда выходит, что она... совсем одна. Сейчас она уже почти на пределе в смысле расстояния... Еще две-три мили, и мы совсем перестанем слышать друг друга...

— Странно, что я не слышал Рэйчел... даже тебя не слышал, когда ты с ней разговаривал,— удивился я.

— Это, наверное, было тогда, когда ты лежал без сознания,— предположил он.

— Так или иначе, проснется Петра и свяжется с Рэйчел. Для нее ведь это расстояние — пустяк. Я думаю, для нее вообще не существует никаких пределов,— попытался утешить его я.

— Да. Я как-то совсем забыл про Петру,— сказал он, и я почувствовал, что на душе у него стало полегче.— Рэйчел здорово обрадуется!..

Минут через пять шкура у входа заколыхалась, и из-под нее показалась рука Софи, втолкнувшая в пещеру дымящуюся чашу с каким-то варевом. Она влезла сама и пододвинула чашу ко мне, достав перед этим из ниши в стене деревянную ложку и погасив огарки свечей. Я с опаской начал есть, но варево оказалось довольно вкусным: что-то вроде кусочков мяса, перемешанных с кусками хлеба и политых каким-то отваром. Я съел все подчистую, но, когда я подносил ко рту последнюю ложку, в голове у меня что-то бухнуло, я чуть не потерял сознание, и содержимое ложки выплеснулось мне на рубаху. Это проснулась Петра.

Постепенно я пришел в себя. Петра, сначала ударившая меня всплеском своего отчаяния, теперь излучала радость. Но от этой радости в голове у меня гудело, как от ударов молота. Этот ее всплеск разбудил и Розалинду, а затем я услышал проклятия Мишеля. Подруге Петры из Селандии тоже, видно, досталось...

Наконец Петра сумела взять себя в руки и потихоньку умерить свой «голос». Все с облегчением вздохнули.

— Что с ней? Она что, с ума сошла?! — переведя дух, спросил Мишель.

— Мы думали, что Дэви мертвый! Мы думали, они его убили! — радостно сообщила всем Петра.

Я начал улавливать Розалинду. Она тоже была сама не своя от радости, но мысли ее были беспорядочны, и я отвечал ей так же сумбурно и бессвязно. Она раскрылась, и мы опять были вместе, пока не вмешался Мишель и не попросил нас умолкнуть.

— Извините за бестактность,— сказал он,— но сейчас не время для любовных арий. Когда выпутаемся, тогда сколько угодно! — Он выждал паузу.— Ну, что у вас происходит?

Розалинда сказала ему, что они по-прежнему в том шалаше, откуда меня увели те двое. Паук ушел, но оставил какого-то красноглазого и беловолосого человека сторожить их. Я объяснил, где нахожусь я и что со мной.

— М-да... Ладно,— сказал Мишель.— Вы говорите, что этот... Паук у них вроде вожака? Хотелось бы знать, будет ли он сам участвовать в бою или же будет командовать ими издали? Если верно второе предположение, он ведь может в любую минуту вернуться.

— Да, пожалуй...— выдавил я.

— Я его боюсь!..— вырвалось неожиданно у Розалинды. Она была на грани истерики.— Он... он другой! Не такой, как мы!.. Даже не такой, как они!.. Вообще другой, не человек, а... зверь! Если он... Если только... Я покончу с собой!

— Ничего подобного ты не сделаешь! — Тон, каким произнес это Мишель, подействовал на нее, как ушат холодной воды.— Если понадобится, ты убьешь не себя, а его! Ясно?! — Почувствовал, что Розалинда успокоилась, он напрягся изо всех сил и переключился на женщину из Селандии. Он спросил, по-прежнему ли она полагает, что сумеет помочь нам. Ответ донесся издалека, но вполне отчетливо. Он был предельно лаконичен.

— Да,— коротко сказала она.

— Когда? — спросил Мишель.

Прошло некоторое время, как будто там совещались. Затем последовал ответ:

— Не позднее чем через шестнадцать часов.

Я чувствовал, что недоверие Мишеля к этим селандцам постепенно тает. Кажется, он впервые всерьез поверил, что помощь оттуда действительно придет.

— Что ж,— после секундной заминки сказал он,— тогда, ребята, вам остается только продержаться эти самые шестнадцать часов.

— Погоди! — попросил я.— Погоди, не пропадай... я... я сейчас...

Я глянул на Софи. Она опять зажгла свои смрадные свечи, и я видел, что она смотрит на меня с изумлением и страхом.

— Ты... ты «разговаривал» с той... девушкой? — негромко спросила она.

— Да. И с моей сестрой. Они проснулись. Они все еще там, в шалаше у... у того человека. Но его самого там нет. Он оставил какого-то альбиноса сторожить их... Вообще-то это странно...

— Что странно? — не поняла Софи.

— Ну... естественней было бы оставить с ними женщину...

— Не забывай, что ты в Джунглях,— с горечью произнесла Софи и посмотрела на меня исподлобья.

— Ну да, конечно...— смутился я,— понимаю... Видишь ли, я хочу спросить... Как бы нам выбраться отсюда, прежде чем тот вернется? По-моему, сейчас самый подходящий момент, потому что если он вернется...— Я посмотрел ей прямо в глаза.

Она отвернулась и некоторое время молча смотрела на тусклое пламя свечей. Потом кивнула.

— Да, ты прав. Так будет лучше для нас всех. Всех... кроме него,— сказала она неожиданно грустно.— Ладно, попробуем.

— Прямо сейчас?

Она опять молча кивнула. Я поднял длинный кинжал, валявшийся у изголовья матраса, и взвесил его на ладони. Пожалуй, он был легковат, но, в общем... годился. Она глянула на меня и отрицательно покачала головой.

— Ты должен остаться здесь, Дэви.

— Но как же...— начал было я.

— Если тебя увидят, поднимется паника. А на меня никто не обратит внимания. Даже если увидят меня возле его дома...

Это было резонно, и я с каким-то странным сожалением положил кинжал на место.

— Но ты... ты справишься? — осторожно спросил я.

— Да,— коротко и решительно произнесла она. Потом встала и из темной ниши в стене достала нож — обыкновенный кухонный нож, гораздо меньше кинжала, но хорошо вычищенный и острый, как бритва. Она засунула его за пояс юбки так, что виден был лишь самый кончик рукоятки, потом обернулась ко мне и долго-долго глядела мне прямо в глаза.

— Дэви...— начала она осторожно.

— Что? — тут же откликнулся я.— Что, Софи?

Но она, как видно, раздумала и не стала продолжать. Совсем другим, деловым тоном она сказала:

— Ты можешь дать знать своим, чтобы они не шумели? Что бы ни произошло, они должны молчать! Скажи им, чтобы, как только я позову, они сразу шли за мной... Можешь передать им все это?

— Конечно,— кивнул я,— но лучше было бы все-таки мне...

— Нет, Дэви! Это слишком рискованно. Ты ведь даже не знаешь, как туда пройти...

Она подошла к выходу, отодвинула шкуру. Секунду или даже меньше я отчетливо видел ее силуэт на фоне открывшегося просвета, и она исчезла... Я передал все, что она велела, Розалинде, и мы вдвоем постарались втолковать Петре, чтобы она вела себя тихо. Теперь мне оставалось только сидеть и ждать, слушая, как капля за каплей падает вода в деревянную бадью. Но я не мог долго сидеть на одном месте и подошел

к выходу из пещеры. Отодвинув шкуру, я осторожно высунул голову наружу. Было видно несколько огоньков возле лачуг, иногда огоньки на мгновение исчезали, и я догадался, что движущиеся фигурки людей заслоняют их от меня. Вдалеке раздавался неясный гул людских голосов и другие звуки — из леса: вот крикнула ночная птица где-то вдалеке, а еще дальше послышался глухой звериный рык...

Всех нас извело томительное ожидание. Вдруг я уловил от Петры слабый, из всех сил сдерживаемый возглас удивления. Мишель и Розалинда никак не прореагировали на это. Потом от Розалинды послышалось облегченное: «Все в порядке». Но прозвучало это не очень явственно, словно она была в каком-то шоке. Я решил пока ни о чем не спрашивать, чтобы не мешать им, и лишь вслушивался в каждый шорох. Никакой суматохи вроде не было, все тот же отдаленный, мерный гул голосов. Казалось, прошла целая вечность, пока внизу прямо подо мной не послышался хруст гравия, не заскрипели ступеньки лестницы и я не уловил Розалинду, спрашивающую:

— Дэви? Ты тут?..

— Да... Поднимайтесь,— сказал я.

У входа возникла женская фигура. Я узнал Розалинду. Потом появилась детская, потом еще одна женская. Шкура задернулась. Через секунду загорелись обе свечки.

Розалинда и Петра молча, широко открытыми глазами смотрели, как Софи зачерпнула в чашку воды из бадьи и принялась отмывать испачканные кровью руки и чистить нож.

Глава шестнадцатая

1

Две девушки изучающе и настороженно разглядывали друг друга. Софи медленно скользила глазами по Розалинде: по ее рваной шерстяной кофте с нашитым на нее коричневым крестом, по ее кожаным туфлям. Потом она перевела взгляд на свои грубые, бесформенные башмаки, на свою короткую, замызганную юбку. Оглядывая себя, она обнаружила несколько кровавых пятен на кофте и, нисколько не смущаясь, тут же сняла ее и начала стирать в холодной воде. Розалинде она бросила:

— Отпори с платья крест. И у нее тоже,— кинула она косой взгляд на Петру.— Он выдает вас. Здесь, в Джунглях, женщины не носят крестов. Они не находят, чтобы это им особенно помогало в жизни. Да и мужчины их не слишком жалуют. На, возьми! — Она протянула Розалинде маленький ножичек с узким лезвием. Та нерешительно повертела его в руках, посмотрела на крест и снова перевела взгляд на ножик... Ни одно платье она еще не смела надеть, не нашив на него крест. Софи наблюдала за ней.

— Я тоже носила такой,— с горькой усмешкой сказала она.— Как видишь, мне он не помог.

Розалинда робко глянула на меня. Я кивнул.

— Здесь, как видно, не очень-то любят благодарить господа бога за свою судьбу,— сказал я,— и... возможно, они правы. Спори его...

Розалинда неуверенно принялась отпарывать крест.

— Что теперь? — спросил я Софи.— Может, нам лучше бежать, пока не рассвело?

— Нет,— глухо сказала она, не поднимая головы, по-прежнему склоненной над чашей с водой.— Они могут обнаружить труп в любую секунду и решат, что это ваша работа. Тогда они будут искать вас в лесу. Никому ведь и в голову не придет, что вы здесь. А лес они обшарят как следует, будь уверен...

— Значит, нам пока лучше оставаться тут? — спросил я.

— Дня два или три, не меньше,— кивнула она.— По-

том, когда они успокоятся, я выведу вас отсюда.

Розалинда оторвалась от своего креста и внимательно посмотрела на нее.

— Почему ты так о нас печешься? — спросила она подозрительно.

Я объяснил ей про Софи гораздо быстрее, чем это можно было сделать словами... Может быть, даже слишком поспешно... Она почувствовала, что это еще не все, и не отрывала глаз от Софи.

Та бросила недостиранную кофту в чан с водой, выпрямилась и медленно приблизилась к Розалинде. Она подошла к ней почти вплотную. Темные пряди волос разметались по ее обнаженной груди, глаза сузились...

— Будь ты проклята! — хрипло выговорила она с дикой яростью.— Слышишь! И оставь меня в покое, а не то!..

Розалинда вся напряглась, но не испугалась и не отступила ни на шаг. Я придвинулся поближе, чтобы в любой момент оказаться между ними. Несколько секунд все стояли неподвижно: Софи, пылающая злобой, готовая, как дикий зверь, к прыжку, и Розалинда в коричневом платье с полуоторванным крестом, бронзовыми волосами, тускло сверкавшими в пламени свечей, с искаженными чертами лица и настороженными, недобрыми глазами... Наконец напряжение спало. Злоба и ярость, светившиеся в глазах Софи, угасли..

2

Проснулся я, дрожа от холода, потому что лежал на голом полу, и тут же до меня донесся «голос» Мишеля.

— Ты что, весь день собираешься дрыхнуть? — раздраженно спросил он.

Я огляделся и увидел пробивающийся сквозь прикрывающую вход шкуру свет наступившего дня.

— Который час? — спросил я его.

— Около восьми. Уже часа три, как рассвело.— Он помолчал и добавил:— Сражение уже было.

— И что?! — нетерпеливо спросил я.

— Мы знали, что они наверняка устроят засаду, и выслали вперед разведку, а сами затаились и стали ждать. Те приняли разведчиков за основной отряд, кинулись на них скопом... Ну, тут подоспели наши... Они и глазом моргнуть не успели, как все было кончено. А у нас всего двое или трое раненых...

— Значит, вы уже близко?..

— Да. Те из них, кто уцелел, спасаются поодиночке. Теперь нас уже ничто не задержит...

Положение было незавидное. Мы не могли двинуться с места, пока не стемнеет, но если сюда ворвутся «наши», они непременно нас тут отыщут.

— А что там слышно у друзей Петры? Из этой... Селандии? — спросил, помолчав, Мишель.— Как ты думаешь, можем мы всерьез рассчитывать на их помощь?

— Вы, безусловно, можете на нас рассчитывать,— неожиданно ясно и твердо прозвучал ответ подруги Петры.

— Когда это произойдет? — спросил ее Мишель.

— Все будет, как я сказала,— уверила она его.— вам осталось ждать не больше восьми часов.

Вдруг я отчетливо уловил исходящие от нее волны какого-то... гадливого отвращения и... страха.

— Это... Это ужасная земля...— сказала она.— Мы видели много Плохих земель, но даже представить себе не могли, что есть еще и такое. На целые мили вокруг видно лишь какое-то... расплавленное черное стекло! Иногда мелькает обычная Плохая земля, но потом опять эта... это черное!.. Как можно было сделать такое?! Никто из нас никогда не бывал тут раньше... Никто не видел ничего похожего... Все здесь выжжено навсегда! Никогда уже здесь больше не будет ничего живого... Но зачем?! Зачем они это сделали?! Мы... мы знаем, что страшная сила попала в руки каких-то... сумасшедших. Горы превращены в пепел, а равнины — в это... застывшее... черное... И это спустя века! На это невозможно смотреть!.. Невозможно представить, чтобы все... все люди вдруг помешались: те, у кого сохранилась бы хоть капля разума, никогда бы такого не сделали!.. Если бы мы не слышали вас, мы давно повернули бы назад... На это нельзя, нельзя смотреть без содрогания!..

Ее резко прервала Петра всплеском отчаяния, взорвавшимся у нас в мозгах. Мы не знали, что она уже проснулась и все ли поняла из услышанного. Но она явно уловила их потаенное желание повернуть назад. Я вмешался и стал, как мог, утешать ее... Когда она чуть-чуть утихла, женщина из Селандии переключилась на нее и стала уверять, что они нас ни в коем случае не бросят. Потихоньку Петра успокоилась, и Мишель спросил:

— Дэвид... как там насчет Рэйчел?

— Петра, детка,— сказал я,— мы уже далеко от дома, и никто не может дотянуться до Рэйчел. Может, ты попробуешь?

Петра согласилась.

— Спроси ее, нет ли вестей от Марка? — попросил я.

Петра оглушительно задала этот вопрос и через некоторое время отрицательно качнула головой.

— Нет,— сказала она.— Рэйчел от него ничего не слышала. Она... Она, по-моему, очень несчастная... Она хочет знать, что с Мишелем.

— Скажи ей, что у нас у всех все в порядке. Скажи, что мы очень волнуемся за нее, но она должна быть очень осторожна, понимаешь? Скажи, чтобы она случайно не выдала своей тревоги!..

— Она поняла! И она будет стараться.— Петра на секунду задумалась, потом сказала мне словами:

— Знаешь, Рэйчел очень боится. Она плачет... и она... любит Мишеля!

— Она сама тебе это сказала? — спросил я.

Петра помотала головой.

— Нет. Это вроде... ну, это... у нее как бы за мыслями и картинками, понимаешь? Я видела...

Я не совсем понял, что она имеет в виду, и мне это не очень понравилось. «За мыслями...» Если не только Петра, а, скажем, Розалинда может сейчас видеть «за мыслями», то...

— Знаешь, давай-ка не будем об этом никому рассказывать,— подумав, сказал я.— ведь то, что за мыслями, нас с тобой не касается. Так что давай сделаем вид, что мы этого не знаем. Ладно?

— Ладно,— кивнула Петра.

3

Софи проснулась минут через пять. Она казалась вполне спокойной и даже оживленной, словно вчерашней истерики вовсе не было. Она велела нам забраться в глубь пещеры, откинула шкуру, чтобы стало светлее, и разожгла огонь. Дым повалил не в вытяжку, а к входу, и полностью закрыл нас от посторонних глаз снаружи. Софи насыпала что-то из двух или трех мешочков, на которые я раньше не обратил внимания, в чугунок, налила туда воды и поставила его на огонь.

— Пригляди за ним,— сказала она Розалинде и, подойдя к выходу, стала спускаться по лестнице вниз. Минут через двадцать голова ее вновь показалась у входа, и она бросила внутрь, прямо на пол, несколько кусков черствого хлеба, а потом влезла сама. Вода в чугунке давно кипела, Софи кинулась к нему и сняла с огня.

— Ничего страшного? — спросил я, кивая на дымящийся чугунок.

— Это пустяки,— ответила она,— а вот там...— Она кивнула на выход.— Они нашли убитого... Думают, что это твоя работа. Они уже искали вас рано утром, но... сейчас им не до тебя. У них дела поважнее... Те, кто участвовал в сражении с вашими, возвратились поодиночке. И далеко не все... Ты знаешь, что там у них произошло?

Я рассказал ей все, что сообщил мне Мишель.

— И теперь где... ваши? Далеко?

Я связался с Мишелем, и он сказал:

— Мы только что вышли из леса на равнину.

Я передал это Софи. Она кивнула.

— Это часах в трех ходу от реки,— сказала она и принялась «накрывать на стол»: вывалила содержимое чугунка в четыре чашки, стараясь, чтобы вышло примерно поровну. На вкус каша была лучше, чем на вид, но хлеб был такой черствый, что его долго пришлось размачивать в воде. Петра стала капризничать и ворчать, что дома ее кормили совсем не так. Мысль о доме ей кое о чем напомнила, и она без всякого предупреждения вдруг спросила:

— Мишель, а мой отец тоже с вами?

Он так растерялся, что не сумел удержаться. Его «да» прозвучало очень слабо и неотчетливо, и я бросил быстрый взгляд на Петру, надеясь, что она пропустила его «мимо ушей». К счастью, так оно и было. Розалинда, уловившая Мишеля не хуже меня, сидела, не поднимая глаз от своей чашки...

Странное дело — подозрения, даже самые худшие, все-таки ничто в сравнении со знанием наверняка. Я как будто услышал голос отца, неумолимый и безжалостный. «Ребенок,— вещал торжественно этот голос,— который будет расти и заражать все вокруг, пока все не превратятся в отвратительных мутантов. Так уже случилось там, где воля и вера людей были недостаточно тверды. Но здесь этому не бывать! Никогда...»

Я вспомнил бедную тетю Харриет! Не похоже, чтобы кто-то услыхал ее молитвы, и надеждам ее, видимо, не суждено было сбыться здесь никогда... Мир, в котором живут люди, охотящиеся на собственных детей! Что ж это за мир?! И что это за люди такие?!

Розалинда тихонько дотронулась до моей руки. Софи вздрогнула, как ужаленная, но при взгляде на меня выражение ее лица смягчилось.

— Что случилось? — спросила она.

Розалинда сказала ей. Глаза Софи расширились от ужаса, она отвела взгляд от меня, посмотрела на Петру, потом опять осторожно посмотрела на меня, приоткрыла было рот, желая что-то сказать, но, как видно, раздумала... Я тоже взглянул на Петру, а потом на Софи: на рванину, прикрывавшую ее тело, на пещеру, где она жила...

— Чистота расы...— сквозь зубы пробормотал я,— чти отца своего... Что же мне теперь — простить его?! Или постараться убить?

Ответ поразил меня. Я никак не думал, что передал свою мысль, да еще на такое далекое расстояние.

— Оставь все как есть,— очень четко и спокойно дошло до меня от женщины из Селандии.— Ты должен выжить. А такие люди, как твой отец, все равно обречены на гибель. Они сыграли свою роль до конца. Им дальше просто некуда идти. Жизнь — это вечная смена. Этим она отличается от всего неживого. Постоянная перемена — основа жизни. С этим столкнулись Древние, когда пожелали навечно остаться такими, какими они были. Эволюция всегда несет в себе опасность для живых существ: если они не умеют приспособиться к ней, они погибают. Именно поэтому Древние и понесли, как вы это называете, Кару — уничтожили сами себя, разбили свою цивилизацию вдребезги. Твой отец и ему подобные, сами того не зная, стали историей. Они убеждены, что представляют конечный и неизменный образ человека... Что ж, скоро они добьются той стабильности, о которой мечтают. Добьются единственно возможным способом: став ископаемыми...

Постепенно холодно-бесстрастный тон, которым она «говорила», начал приобретать более мягкую окраску. Мне послышались в ее «голосе» доброта и участие. Но это все-таки звучало, как лекция для «начинающих»...

— Постарайтесь понять,— продолжала она,— ребенок привыкает к груди матери, но рано или поздно его нужно отлучить от груди... Та злобная нетерпимость, с которой вас преследуют, может быть и защитной реакцией от собственного страха и неуверенности, и маской, скрывающей садистов и убийц. Но и в том, и в другом варианте за этим стоит враг самой жизни. Тут уж ничего не поделаешь: ваши пути разошлись. Нам с вами предстоит создать новый мир и жить в нем, а им — уйти в прошлое.

Переварить все это было не так-то просто. Я взглянул на Розалинду: она тоже выглядела озадаченной. Ну, а Петра — та откровенно скучала.

Софи с любопытством смотрела на всех нас.

— Нелегко с вами,— заметила она,— хотелось бы знать, о чем это вы?

— Видишь ли...— начал я и запнулся, не зная, как передать ей все это.

— Она сказала,— неожиданно заговорила Петра,— что мы не должны заботиться о моем отце, потому что он все равно нас не поймет.

Я мельком подумал, что это неплохое и, в общем, довольно точное истолкование длинной лекции, которую прочла нам селандка.

— Она? — недоуменно нахмурилась Софи.— Кто это «она»?

Я сообразил, что она понятия не имеет ни о какой селандке, и с деланной непринужденностью ответил:

— А-а, это подружка нашей Петры...

Мы все сидели на полу, Софи ближе всех к выходу, а мы трое в глубине пещеры, чтобы никто случайно не углядел нас снаружи. Вдруг снизу послышался разноголосый гомон. Софи глянула вниз.

— Много мужчин вернулось,— сказала она,— похоже, это все, кто остался жив. Некоторые собрались возле дома Гордона, другие уходят куда-то. Гордон, наверное, тоже вернулся.

Она продолжала сообщать нам о том, что происходит внизу, одновременно доедая свою порцию каши. Доев, она поставила чашку на пол и сказала:

— Пойду разузнаю, что там происходит.

С этими словами она выбралась из пещеры и стала спускаться вниз по лестнице.

Ее не было около часа. Раза два-три я не мог утерпеть и осторожно выглядывал наружу.

— Ну, что там? — спросил я Софи, когда она вернулась.

Она медлила с ответом и избегала моего взгляда.

— Чего ты боишься? — спросил я.— Ведь мы же хотим вашей победы, неужели ты не понимаешь? Мы только хотим спасти Мишеля!

— Наши собираются устроить им засаду на этом берегу,— наконец решилась она.

— Значит, они дадут тем переправиться через реку? — спросил я осторожно.

— Да. На том берегу негде разбить лагерь.

Я передал это Мишелю. На мой взгляд, ему лучше было оставаться на том берегу и не лезть в реку с остальными. Если же у него это не получится, пусть незаметно отойдет от них во время переправы и поплывет вниз по течению. Он ответил, что уже думал об этом, и, если ничего лучшего ему в голову не придет, он так и сделает.

Чей-то голос внизу позвал Софи.

— Отойдите подальше,— сказала она,— это он.

Она торопливо спустилась вниз. Целый час мы сидели молча, пока с нами не связалась селандка.

— Пожалуйста, ответьте мне! — сказала она.— Нам нужен точный ориентир. Мы будем идти на ваши «голоса». Вы можете просто считать: один, два, три... и так далее. Только как можно отчетливее...

За дело энергично взялась Петра. Пожалуй, даже слишком энергично.

— Хватит,— прервала ее селандка.— Теперь подождите секунду...— «Голос» ее пропал, но вскоре опять появился: — Мы сейчас ближе от вас, чем думали. Через час с небольшим скажем точно...

Прошло еще полчаса тоскливого ожидания. Несколько раз я снова выглядывал наружу: никого вокруг не

было, весь поселок словно вымер. Лишь несколько старух околачивались возле своих лачуг.

— Мы вышли к реке,— раздался «голос» Мишеля. Через четверть часа он опять связался с нами.

— Они все прошляпили, эти кретины! — сказал он.— Наши засекли, как они вылезали из ущелья и карабкались по утесам... Хотя... какая разница! Это ущелье на вашем берегу — все равно ловушка. У нас тут совещаются — не знают, что делать...

Совещание у них было коротким. Не прошло и десяти минут, как он сказал:

— План такой: мы чуть-чуть отступим и все соберемся напротив ущелья, потом оставим там небольшой отряд, человек десять, чтобы они торчали на виду, жгли костры, короче говоря, чтобы этим казалось, что тут весь наш отряд. Остальные переправятся через реку в двух местах: чуть ниже и чуть выше входа в ущелье. Если сможешь, дай знать этим!

Поселок был не так уж далеко от реки. Если нашим удастся окружить тех, что в засаде, мы пропали. В поселке почти (или совсем) не осталось мужчин, одни только женщины и старухи. Мы вполне могли, как мне казалось, незаметно пробраться к лесу и скрыться в нем. Но там, в лесу, мы могли наткнуться и на «своих». Я вновь выглянул наружу — женщины таскали стрелы и втыкали в землю, чтобы они были у них под руками. Думать о побеге стало уже поздно...

«Дай им знать...» Легко сказать! Я бы, конечно, дал им знать, но как?! Даже если я рискну и оставлю Розалинду с Петрой одних в пещере, кому я смогу передать то, что сказал мне Мишель? Паук велел пристрелить меня, если я окажусь «непонятливым»... Кроме того, даже на расстоянии было видно, что я не из Джунглей, а в подобных обстоятельствах этого было более чем достаточно, чтобы без всяких разговоров пустить мне стрелу в горло.

«Скорее бы вернулась Софи!..— уныло повторял я про себя.— Скорее бы только она вернулась!..»

Прошел час, и я снова услышал Мишеля.

— Мы переправились через реку чуть ниже входа в ущелье,— сказал он.— Беспрепятственно движемся вперед.

Несколько минут мы молчали. Было очень тихо... Вдруг в лесу неподалеку от нас раздался выстрел. Тишина... И еще два выстрела...

И тут из-за деревьев выскочила целая толпа мужчин и женщин, сидевших в засаде. Почти все на вид ничем не отличались от нас, только у двоих или троих видны были явные отклонения. Ружей у них было всего пять-шесть на всех, у остальных — луки и короткие кинжалы. Паук был с ними. Он выделялся в толпе своим непомерным ростом. Рядом с ним я увидел Софи с луком в руках...

Никакого плана у них явно не было, и я подумал, что разбить их ничего не стоит.

— Что случилось? — спросил я Мишеля.— Это ваши стрепяли?

— Нет,— ответил он.— это второй отряд. Они хотели отвлечь тех, что в засаде, чтобы мы могли пройти в ущелье и взять их в клещи.

— Кажется, это у них получилось,— сказал я.

Из леса послышались выстрелы и отчаянные крики. Несколько стрел вылетело на равнину, а вслед за ними из-за деревьев показались в панике бегущие люди Джунглей. Вдруг я услышал ясный и четкий «голос» селандки.

— Вы целы? — спросила она.

Мы лежали на полу перед самым входом в пещеру и следили за тем, что происходит внизу: вряд ли в такой суматохе нас мог кто-нибудь увидеть. Все, что там происходило, было ясно и очевидно. Даже Петра понимала, что нам грозит, и отреагировала на вопрос своей подруги громким и возбужденным всплеском радости.

— Тише, малышка, тише,— сказала та,— мы уже совсем рядом.

Еще несколько стрел просвистело слева на равнине, и стали видны новые фигурки людей, в панике бегущих из леса. Но преследователей с луками в руках было гораздо больше. Люди Джунглей метались по поляне, ища укрытия, откуда можно было бы отстреливаться. Тут вдруг туча стрел обрушилась на них с другой стороны. Они поняли, что окружены, и в панике стали разбегаться кто куда. Некоторые побежали к пещерам, прямо на нас, и я подполз к самому входу, чтобы вовремя убрать лестницу, если понадобится. Из леса справа появилось несколько всадников. Паук стоял возле своего шалаша с луком в руках, напряженно вглядываясь в этих верховых. Рядом с ним была Софи — она тянула его за куртку, видимо, уговаривая бежать к пещерам. Не отрывая глаз от всадников, он оттолкнул ее своей длинной ручищей. Правой рукой он натянул тетиву, глазами выискивал жертву — явно какую-то определенную жертву...

Неожиданно он весь напрягся, натянул тетиву до предела так, что лук, казалось, вот-вот треснет, и выстрелил. Стрела угодила в моего отца. Он дернулся, ткнулся головой в шею коня (это была Шеба) и медленно сполз на землю. Правая его нога застряла в стремени, руки волочились по земле...

Паук отшвырнул лук в сторону и повернулся к всадникам спиной. Своими ручищами он обхватил Софи и кинулся бежать. Но не успел он сделать и нескольких громадных скачков, как три стрелы воткнулись ему в спину, и он упал замертво. Софи быстро высвободилась из его мертвых объятий, вскочила на ноги и пустилась бежать сама. Стрела тут же воткнулась ей в правую руку, но она продолжала бежать, пока другая не угодила ей в шею. Она упала ничком, тело ее несколько раз конвульсивно дернулось и затихло...

Петра ничего этого, к счастью, не видела. Она растерянно озиралась вокруг.

— Что это?! — вдруг выкрикнула она.— Какой-то странный гул?!

— Не бойтесь! — послышался голос селандки.— Это мы. Оставайтесь на месте!

Теперь и я услышал странный звук, который быстро нарастал. Я не понимал, откуда он исходит,— казалось, он заполнял все пространство вокруг нас.

Еще множество людей высыпало на равнину из леса, большинство было верхом на лошадях. Многих я узнал: люди, жившие с нами бок о бок многие годы, люди, которых я знал всю свою жизнь, теперь охотились за нами. Дикари попрятались в пещеры и стреляли оттуда, как будто не без успеха.

Неожиданно один из всадников дико вскрикнул и замер, тыча пальцем вверх, в небо.

Небо застилал какой-то странный туман, переливающийся всеми цветами радуги. А сверху, над ним, я разглядел странную, похожую на громадную рыбину машину из своих давних детских снов. Она не двигалась, а висела в воздухе. Туман не давал рассмотреть ее как следует, я только видел сверкающий белый корпус и что-то расплывчатое, какой-то размытый контур над ним. Машина, повисев немного, стала приближаться к поляне — размер ее увеличился, и странный шум, по-видимому, исходящий от нее, становился все сильнее и сильнее.

Я глянул вниз и увидел множество сверкающих нитей, тянущихся сверху мимо входа в нашу пещеру. С каждой секундой их становилось все больше в воздухе, и они словно плясали, ярко вспыхивая на солнце. Внизу все перестали стрелять, задрали головы и уставились в небо. Сначала слышался неразборчивый гул тревожных голосов, потом те, что были слева, пустились наутек с дикими криками ужаса. Лошади стали ржать и бесноваться. В несколько секунд все смешалось на равнине: мечущиеся люди натыкались друг на друга, спотыкались, падали, лошади топтали копытами сброшенных наземь седоков и остатки разрушенных лачуг...

Я поискал глазами Мишеля. Его нигде не было видно.

— Давай сюда! — сказал я ему.— Мы тут!

— Иду! — коротко ответил он.

Тут наконец я увидел его — он поднимался на ноги рядом с лежащей на боку и бьющейся в смертельных судорогах лошадью. Он тоже увидел нас и помахал нам рукой. Потом он перевел глаза наверх, туда, где в небе висела машина,— она медленно спускалась и была уже метрах в тридцати от земли. Странный туман под ней кружился вихрем...

— Иду,— повторил Мишель.

Он торопливо пошел к нам, но вдруг резко остановился и дотронулся ладонью до своего плеча. Его ладонь так и осталась на плече, как будто приросла к нему.

— Странно,— передал он нам.— Странное что-то... как будто паутина, только твердая...— Его мысли вдруг стали сбивчивыми, смешались, их заглушил страх.— Она как приклеенная!.. Не могу пошевелить рукой! Она застыла!..

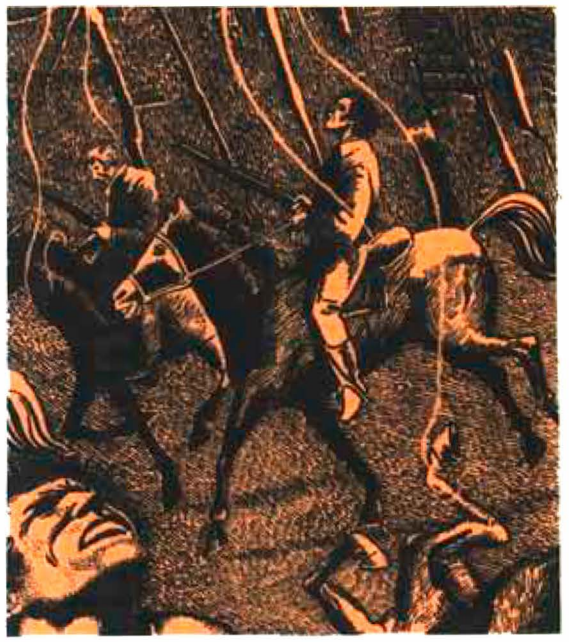
— Не сопротивляйся! — спокойно вмешалась селандка.— Ты только выбьешься из сил. Ляг, если можешь, и постарайся успокоиться. Не двигайся, жди!

Я увидел, что Мишель послушно выполнил ее указание. Но мысли его были полны тревоги. Я видел, как все, кто был на поляне, начали ощупывать себя руками, и там, где они касались рукой собственного тела, рука словно примерзала. Они барахтались, как мухи в патоке, и чем больше барахтались, тем больше нитей, тянущихся сверху, опутывало их. Безуспешно они пытались освободиться, а потом кинулись к лесу. Но не успели они сделать и нескольких шагов, как ноги у них застывали (это было видно), и они падали на землю как подкошенные. Нити, уже достигшие земли, хватали их и сковывали напрочь. Чем больше они дергались, тем больше нитей спускалось на них, пока они не затихали. То же было и с лошадьми. Я видел, как одна задела спиной низкий куст. Когда она рванулась вперед, то выдрала куст из земли с корнями. Испуганно шарахнувшись в сторону, она задела задней ногой за волочащийся куст, и нога намертво прилипла к веткам. Лошадь упала, немного подергалась и затихла...

Одна из нитей опустилась мне на руку — на тыльную сторону ладони. Я велел Петре и Розалинде отойти подальше в глубь пещеры, а сам смотрел на нить, «схватившую» мою ладонь, не решаясь дотронуться до нее другой рукой. Я осторожно повернул ладонь и постарался соскрести нить о скалу у самого входа в пещеру. Мое движение тут же привлекло другие нити. Подрагивая, они стали приближаться ко мне, а рука намертво «примерзла» к скале.

— Смотрите! Вот они! — мысленно и словами крикнула Петра.

Я глянул наружу и увидел белую, сверкающую «рыбу», опустившуюся на самую середину поляны. Ее спуск вызвал целый вихрь нитей — тучей они поднялись вокруг, некоторые застыли, словно в нерешительности, у входа в пещеру, а потом, подрагивая, вплыли внутрь. Инстинктивно я закрыл глаза. Паутинка нежно коснулась моего лица. Я попытался открыть глаза, но мне это не удалось...



Глава семнадцатая

1

Не так-то легко было лежать без движения, чувствуя, как все больше и больше нитей опутывают тебя с ног до головы. А потом стало еще труднее: таинственные нити стянули лицо и тело, словно тугими веревками.

Я услышал «голос» Мишеля, который тревожно спрашивал, не ловушка ли это, не лучше ли было сразу постараться избавиться от этих чертовых нитей. Прежде чем я успел ему ответить, вмешалась селандка, велевшая нам лежать, не двигаясь, и ни о чем не беспокоиться. Ей-то, конечно, легко было командовать...

— Вас тоже спутало? — спросил я у Розалинды.

— Да,— сказала она,— от машины поднялся ветер и занес эту паутину в пещеру... Петра, детка, ты ведь слышала, что она сказала? Лежи и не дергайся.

Как только машина спустилась на поляну, гул затих. Вдалеке послышались два-три обрывающихся крика, а затем наступила полная тишина. Я понял, почему стало так тихо: нити залепили мне рот, и я не смог бы издать ни звука, даже если бы захотел.

Ожидание становилось невыносимым. Кожа давно уже ныла от прикосновения нитей, а теперь «схваченные» места начинали здорово болеть.

— Мишель! — позвала селандка.— Отвечай мне... Говори что угодно, и я найду тебя по «голосу».

Мишель начал медленно и отчетливо считать. Досчитав до двенадцати, он облегченно и благодарно вздохнул. В окружающей нас тишине я услышал, как он сказал словами:

— Они там... вон в той пещере.

Послышался скрип лестницы, шаги и странный шипящий звук. Я ощутил что-то влажное на лице и на теле, и кожу под нитями перестало саднить. Я попытался открыть глаза, и мне это удалось, хотя и с трудом, потому что веки были все еще как замороженные.

Прямо передо мной очутилась стройная фигура, окутанная плотной белой тканью. В воздухе плавали нити, но, касаясь головы и плеч фигуры, они не прилипали к ней, а, наоборот, отталкивались и отлетали в стороны. Я не мог различить ее лица, видел только глаза, глядевшие на меня из-за стеклянных окошечек. Рука ее была затянута в белую перчатку и держала металлическую бутыль, из которой струей била приятно пахнущая жидкость.

— Повернись!— услышал я селандку.

Я повернулся, и она опрыскала мою одежду. Потом она обрызгала пол вокруг меня, перешагнула через меня и пошла в глубь пещеры к Петре и Розалинде, не переставая опрыскивать пол и стены жидкостью из бутыли. Вход тем временем загородили голова и плечи Мишеля. Он, как и я, был весь обрызган жидкостью, и несколько нитей, опустившись на него, тут же отлетели. Я осторожно сел на полу и выглянул наружу.

Белая машина стояла посреди поляны. Устройство на ее верхушке перестало вращаться, и я теперь мог различить, что оно напоминало спираль, состоящую из нескольких частей и сделанную из какого-то странного, почти прозрачного металла. По бокам у «рыбы» видны были окошки, дверца была раскрыта.

Поляна внизу выглядела так, будто какие-то гигантские пауки оплели ее своей паутиной: все вокруг было затянуто нитями, теперь побелевшими и намертво застывшими. Было странно, что эта тончайшая на вид паутина совершенно не колышется от сильного ветра, раскачивающего даже верхушки гигантских деревьев...

Среди лачуг виднелись силуэты людей и лошадей, оплетенные нитями. Они тоже не шевелились.

Неожиданно раздался громкий треск. Я оглянулся и увидел, как молодое дерево, опутанное нитями, надломилось у самого основания и рухнуло. Краем глаза я одновременно с этим заметил, как несколько кустов распластались по земле с негромким треском, причем корни, как живые, сами вылезли из почвы. Еще один куст шевельнулся прямо передо мной... Одна из лачуг как-то вся сжалась и рухнула... Другая... Я наблюдал это, как во сне, испытывая одновременно и ужас, и любопытство...

Послышался облегченный вздох Розалинды в глубине пещеры. Я поднялся на ноги и пошел к ней, Мишель двинулся следом.

— Это было отвратительно! — мысленно объявила Петра.

И только тут она увидела фигуру в белом. Женщина еще два-три раза взмахнула своей железной флягой, потом сняла перчатки и откинула с лица капюшон. Она пристально смотрела на нас, мы тоже не отрывали от нее глаз...

Глаза у нее были огромные — карие, с зеленоватыми крапинками, с густыми и длинными золотистыми ресницами. Нос прямой, с тонко вырезанными ноздрями. Рот, пожалуй, чуть-чуть великоват, подбородок округлый, нежный, но отнюдь не безвольный, волосы чуть темнее, чем у Розалинды, и — самое поразительное — коротко остриженные: они даже не достигали плеч...

Но больше всего поражала совершенно непередаваемая чистота ее лица, от которого мы не могли отвести глаз.

Это была не бледность, а необъяснимая гладкость и чистота кожи. Она была без единой складки или морщинки, словно ее никогда не касались ни дождь, ни ветер, ни пыль... Трудно было поверить глазам: такая кожа просто не могла быть у живой женщины... А ведь она была уже не девочка, ей было никак не меньше тридцати — это чувствовалось... Во всем ее облике сквозила такая уверенность в себе, такое чувство собственного достоинства, рядом с которыми «маска» Розалинды выглядела нелепой и жалкой бравадой...

Внимательно оглядев всех нас, она перевела взгляд на Петру, улыбнулась ей ослепительной улыбкой, приоткрывшей на мгновение белоснежные зубы... Мы уловили ее мысли, вернее, целый набор чувств, мгновенно сменяющих друг друга: радость, облегчение, сомнение и, к нашему удивлению, налет какого-то беспокойства, отдаленно напоминающего страх. Вся эта смесь почти не затронула Петру, но кое-что она, видимо, все-таки уловила, во всяком случае, личико у нее стало очень серьезным, глаза широко распахнулись, и она молча смотрела на женщину, словно почувствовала, что переживает сейчас одно из важнейших событий в своей жизни.

Через несколько секунд выражение лица Петры стало мягче: что-то «отпустило» ее. Она улыбнулась, радостно тряхнула головой и засмеялась. Что-то явно произошло между ней и этой женщиной, чем-то они обменялись друг с другом, но мы при этом ничего не услышали. Я оглянулся на Розалинду, она отрицательно качнула головой и продолжала, не отрываясь, смотреть на селандку.

Та наклонилась и подхватила Петру на руки. Петра подняла ручонку и осторожно дотронулась до лица женщины, словно хотела убедиться, что оно настоящее. Селандка рассмеялась, расцеловала ее и поставила на пол. Потом она тряхнула головой, как будто тоже не до конца поверила в то, что увидела.

— Да, дело того стоило! — сказала она словами, но произнесла их так странно, что я с трудом понял ее.— Такого я даже не ожидала!

Она перешла на мысли, и теперь понимать ее стало гораздо легче.

— Было не так-то просто получить разрешение... ну, чтобы прилететь сюда,— пояснила она.— Огромное расстояние — гораздо большее, чем кто-либо из нас когда-нибудь преодолевал. Послать корабль — это ведь страшно дорого. Почти никто не верил, что дело того стоит... Но теперь!— Она бросила восхищенный взгляд на Петру.— Подумать только, что в таком возрасте и без всякой тренировки она может передать мысль на противоположную точку планеты!..— Она еще раз тряхнула головой, словно все еще не веря окончательно, что это все ей не снится. Потом она повернулась ко мне.— Ей предстоит многому научиться, но мы дадим ей самых лучших учителей, и, можешь мне поверить, настанет день, когда они будут учиться у нее!

Она присела на ложе Софи. На фоне откинутого белого капюшона ее тонко очерченный профиль был как в нимбе. Она внимательно стала изучать каждого из нас в отдельности (я почувствовал, как что-то проникает в меня, в самую глубину моего сознания) и, казалось, осталась довольна результатами своего исследования.

— Вы многому сумели научиться сами,— сказала она,— потому что все время помогали друг другу. Но скоро вы поймете, что еще многому можете научиться у нас.— Она взяла Петру на руки.— Ну что ж, вещей у вас, как я понимаю, немного, и ничто нас больше не задерживает. Так что можем отправляться.

— В Вакнук?— спросил Мишель. Собственно, это был не вопрос, а скорее утверждение.— Там ведь Рэйчел!— пояснил он, уловив удивление селандки.

Та с сомнением покачала головой.

— Я не уверена...— начала она,— впрочем, подождите...

Она неожиданно заговорила с кем-то из тех, кто оставался в машине, но так быстро и на таком уровне, что я почти ничего не разобрал. Наконец, она с сожалением покачала головой.

— Мне очень жаль,— медленно проговорила она,— но я так и предполагала: мы не сможем ее взять.

— Это займет совсем немного времени!— с еле сдерживаемым отчаянием проговорил Мишель.— Это ведь недалеко!.. Для вашей машины!

Она опять покачала головой.

— Мне очень жаль,— повторила она,— и мы, конечно же, сделали бы это, если бы могли. Тут дело не в нашем желании, а в технике... Поймите, мы и так пролетели гораздо большее расстояние, чем рассчитывали. Нам встречались такие земли, что даже на большой высоте мы не рискнули лететь над ними: нам приходилось огибать их. Да еще грозящая вам опасность заставила нас ускорить полет...— Она запнулась, кажется, раздумывая над тем, сможем ли мы, примитивные в общем-то существа, понять то, что она нам говорит.— Машина,— пояснила она,— расходует при полете топливо. Чем больший груз она поднимает и чем быстрее летит, тем больше топлива она расходует. Сейчас у нас осталось топлива ровно столько, чтобы мы могли долететь до дому... И то, если лететь не слишком быстро и не слишком перегружая машину. Если же мы полетим в... Вак-нук и приземлимся там, да еще возьмем лишнего пассажира, топливо кончится прежде, чем мы прилетим домой. Это значит, что мы упадем в море и утонем. Вас троих прямо отсюда мы можем довезти, а четверых, да еще плюс лишняя посадка — это нам уже не по силам.

Мы молча выслушали ее. Она обрисовала положение ясно и четко и теперь опять уселась на ложе из веток, обняв колени руками — неподвижной, словно высеченной из мрамора статуей в своем сверкающем белом костюме. В наступившей тишине мы вдруг заметили, что все вокруг неестественно замерло. Даже листья на деревьях застыли неподвижно. Шок от внезапной догадки вызвал у Розалинды неожиданный всплеск ужаса:

— Они не... не мертвые?! Я не думала... Я не понимаю!..

— Да,— спокойно и просто ответила селандка,— все они мертвы. Пластиковые нити стягиваются, когда высыхают. Те, кто начинает сопротивляться и бороться с ними, скоро выбиваются из сил, теряют сознание... а потом умирают... Но они не испытывают при этом таких страданий, как от ваших кинжалов и стрел.

Розалинду пробрала дрожь. Да и меня тоже. Во всем, что я услышал, было какое-то холодное спокойствие... Смерть, царившая вокруг, была особенно жуткой. Смерть, не как неизбежный исход сражения или случайность в драке, а... что-то совсем другое. Но больше всего поражало спокойствие селандки. Она не испытывала ни сожаления, ни участия, ее это вообще не трогало: разве только легкое отвращение к не очень-то приятному, но, увы, необходимому действию. Ну, как если бы она морила тараканов... Она моментально уловила наше удивление и с досадой тряхнула головой.

— Убивать всегда неприятно,— сказала она,— неприятно лишать жизни любое живое существо. Но нелепо притворяться, что можно без этого обойтись. Вы ведь едите мясо. Там, где растут овощи, не должны расти цветы — их приходится выпалывать. Целые поколения микробов должны погибать, чтобы мы с вами могли жить. Так устроен мир, с этим ничего не поделаешь. Так же, как мы боремся с микробами, которые мешают нам жить, наш род должен бороться за свое существование с тем родом, который хочет нас уничтожить. А иначе мы бы погибли. Дикари из Джунглей были обречены — для них уже не было будущего. Но и те, кто их обрек на это, тоже были обречены — это лишь вопрос времени. Раньше, давно они были хозяевами жизни... Древние... Вы о них слышали. А вы слышали когда-нибудь об огромных ящерах? Пришло время, и они были вынуждены уступить место другим видам. Когда-нибудь и нам придется уступить место чему-то новому. И наверняка мы будем бороться с этим новым, так же как сейчас с нами борются эти останки Древнего мира. Но этим сопротивлением мы только заставим их сильнее проявить себя, и, когда им это удастся, мы исчезнем точно так же, как сейчас исчезают те, кто лежит на поляне, внизу. Они приверженны своему виду и не могут вынести нашего существования. Мы приверженны нашему и не можем позволить уничтожить себя. Вы еще краем сознания воспринимаете их как своих, как таких же, как и вы, поэтому вам сейчас больно. И поэтому же у них есть огромное преимущество перед вами: им не больно. Они уже почувствовали всю силу опасности, таящейся в вас, почувствовали смертельную угрозу своему виду, своей природе. И они хорошо понимают: чтобы выжить, нужно оградить себя не только от тех, кто «хуже», но и от тех, кто «лучше» их. Я уже говорила вам: главное свойство жизни — смена. Смена и есть эволюция, и мы лишь ступень этой эволюции. Стабильность, по их определению — НОРМА,— враг эволюции, а значит, враг и самой жизни, значит, и наш враг тоже. Если вам все еще больно, если вы в глубине души еще считаете их своими, вспомните, что́ они сделали бы с вами, попадись вы им в руки...

Меня, как и прежде, раздражал ее снисходительный, лекторский тон, но то, что она говорила, дошло до меня... У меня еще не было такого чувства превосходства... Я еще не ощущал себя представителем другого вида (не уверен, что даже сейчас я так себя ощущаю), для меня мы все по-прежнему были всего лишь отклонением от НОРМЫ, несчастной ошибкой природы, но...

Я взглянул на Петру. Ей, как видно, порядком наскучил этот монолог, и она давно уже не слушала селандку, а только внимательно и недоверчиво разглядывала ее... Всплывшие в моей памяти картины заслонили то, что было сейчас у меня перед глазами...

...Лицо тети Харриет под водой с шевелящимися от течения волосами, неясный силуэт Анны — тело, безжизненно свисающее с перекладины, Салли в шоке от того, что на ее глазах сделали с Кэтрин, Софи, превратившаяся в дикарку и валяющаяся в пыли со стрелой в горле...

Такой же могла быть и судьба Петры...

Я присел рядом с ней, обнял ее и прижал к себе.

2

Все время, пока селандка читала нам «лекцию», Мишель напряженно, с какой-то дикой тоской вглядывался в машину, стоящую посреди поляны. Минуты две он не отрывал от нее глаз, потом вздохнул и отвернулся.

— Петра,— сказал он,— ты можешь еще раз дотянуться отсюда до Рэйчел? Это мне... очень нужно!

Петра выдала свой обычный оглушающий всплеск и вскоре кивнула.

— Да, она тут. Она хочет знать, что здесь происходит.

— Прежде всего скажи ей, что мы все живы и с нами все в порядке.

— Она поняла,— сказала Петра.

— Теперь скажи... вот что... Ей нужно потерпеть... дня два-три, пока я не доберусь до дому и... не увезу ее. Можешь передать ей это?

Петра мысленно повторила все, что сказал Мишель (в головах у нас при этом словно били молоты), и приняла ждать ответа.

— Да ну ее,— вдруг сказала она, нахмурившись.— Она опять плачет!.. Здорово же любит поплакать эта ваша Рэйчел!.. И совсем непонятно, почему... Ведь там, ну, сзади... за мыслями она совсем не кажется несчастной. Наоборот, она очень рада... И все равно плачет. Глупо, правда?

Мы все смотрели на Мишеля, не решаясь заговорить.

— Что ж,— сказал он наконец.— Вы двое объявлены вне закона, никто из вас не может пойти за ней.

— Но Мишель...— начала было Розалинда. Но он перебил ее.

— Она там одна,— сказал он.— Тут не о чем и говорить. Разве ты оставила бы там Дэвида? Или Дэвид тебя?

На это ему никто ничего не ответил. Да и что можно было на это ответить?

— Ты... сказал, что заберешь ее?— спросила Розалинда.

— Другого выхода нет,— задумчиво произнес он.— остаться там? Чтобы рано или поздно нас... или наших детей... обнаружили и... Нет!— решительно отмел он это.— Сбежать в Джунгли?— Он с отвращением огляделся вокруг.— Это тоже не выход. Значит, остается одно: Рэйчел должна быть с нами, со всеми... И если машина не может забрать ее, кто-то должен сделать это.

Селандка вся подалась вперед и напряженно смотрела на Мишеля... В глазах ее вспыхнуло восхищение. Но она тут же как-то угасла и медленно, с сожалением покачала головой.

— Это очень... очень далеко. Вам придется идти по страшной земле... Нет, это нереально,— сказала она.

— Я знаю, что далеко,— ответил Мишель.— Я... все знаю. Но в конце концов земля круглая и наверняка есть другой путь.

— Даже если и есть, он тоже будет нелегок... и опасен,— предупредила селандка.

— Не опаснее, чем оставаться в Вакнуке,— пожал плечами Мишель.— Да и как мы можем остаться, зная, что нам есть куда идти?! Если бы то, что с нами произошло, было случайностью... Если бы мы были простым отклонением от НОРМЫ... Но теперь! Одно дело — просто стремиться спасти свою шкуру, и совсем другое — жить для чего-то, во имя чего-то!

Минуты две селандка молчала, потом подняла на него свои огромные прекрасные глаза.

— Ну что ж,— сказала она.— Когда вы дойдете до нас... Можете быть уверены: для вас там найдется место. И принадлежать оно вам будет по праву.

Перевел с английского
Феликс САРНОВ.

Конрад ФИАЛКОВСКИЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

СКВОЗЬ ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Как известно, четырех координат вполне достаточно, чтобы определить точное положение тела в пространстве и во времени... Поэтому я и начну эту удивительную историю с координат. В саму историю вы можете и не верить... Впрочем, не знаю, поверили бы, если бы даже я и старался вас убедить...

Итак, это было осенью... осенью... которая относительно данного момента уже является прошлым...

Ну вот, координату времени я определил. Теперь — место. История началась в моем редакционном кабинете... Я сидел за столом и выстукивал на машинке какой-то репортаж. Не помню уж, какой... но это неважно... Довольно того, что я был в редакции, в самом центре города... По улице проносились автомобили, освещенные трамваи, из кинотеатра напротив выходили люди и бежали на остановку; где-то надо мной в квартире гремело радио... И именно тогда началось... Зазвонил телефон.

— Привет, Ясь. Хорошо, что застал.— Это был Копот, физик Копот.

— Что случилось?

— Мой аппарат готов...

— Рад, но о чем ты?

— Ну, о ТИТРОМЕ...

— Ага,— сказал я, но, видимо, недостаточно восторженно, потому что Копот почувствовал себя обиженным.

— Ну, ты же когда-то хотел приехать на испытание ТИТРОМА. Через несколько минут начинаем. В институте... Прости, что поздно сообщил, но сам знаешь, как бывает с подготовкой экспериментов. Это всегда отнимает в два раза больше времени, чем думаешь... Зато сейчас, надеюсь, опыт удастся. А тогда тебе гарантирована бомба на первую полосу.

— Чудесно, но скажи хотя бы, для чего этот... ну...

— ТИТРОМ.

— ...вот именно, да, так для чего нужен этот ТИТРОМ?

— Приедешь — увидишь.

— Боюсь, все равно ничего не пойму.

— Наверняка поймешь. Во всяком случае, результаты будут неожиданными, впрочем, не только для тебя. В общем, приезжай. Надо начинать. Ну... Жду.

— Еду! — крикнул я в трубку, схватил плащ и выбежал в осенний вечер.

Моросил дождь. Фонари тлели, окруженные ореолом распыленного мельчайшими капельками света. По асфальту, шурша шинами, бежали автомобили. В освещенном окне цветочного магазина искрились фиолетовые хризантемы. Я встал на краю тротуара, пытаясь задержать такси. Занято, снова занято. Одно, наконец, притормозило, съехало с центра улицы и остановилось около меня.

— Институт,— бросил я шоферу.

Фонари, длинные освещенные ряды магазинов, неоны. Какие-то сады, аллея каштанов и желтые листья, прилипшие к асфальту. Наконец — подъезд института. В швейцарской дремал старичок с седой щетинистой бородой.

Я постучал в стекло.

— Не скажете, как пройти в лабораторию доктора Копота?

Старик очнулся от дремы, секунду смотрел на меня непонимающим взглядом, потом сказал, видимо, повторяя выученную фразу:

— По лестнице на второй этаж, налево по коридору, третья дверь направо.

Не совсем уверенный, что правильно понял, я поднялся по лестнице. Второй этаж, коридор, дверь. Пожалуй, тут. Вошел. Темно и пусто. Только с противоположной стороны через приоткрытую дверь струился свет. В полумраке я разглядел у стены какие-то аппараты. По полу змеями извивались кабели, исчезая в освещенном зале за дверью. Переступая через них, я дошел до двери. Сразу за ней, в двух шагах от меня, на полу лежала толстая металлическая плита. Освещенная рефлекторами, она казалась центром зала. К ней были обращены рыльца странных аппаратов, размещенных вокруг. Там я заметил Копота и несколько других мужчин. Одетые в белые халаты, они о чем-то так яростно спорили, что издали это казалось ссорой. Слов не было слышно. Они тонули в басовитом гуле трансформаторов. Я хотел подойти к спорящим, но предпочел не приближаться к странным аппаратам. Решил пройти кратчайшим путем, прямо через металлическую плиту. Однако, едва одна нога оказалась на ней, огоньки на щитах замигали. Все, как по команде, повернулись. Я ясно видел лицо Копота. Оно как-то странно искривилось. Я хотел отступить. Не успел. Почувствовал тепло, пронизывающее каждую клетку моего тела. Перед глазами разгорелось яркое белое пятно, и я потерял равновесие. Стало совершенно темно, и я упал...

Я лежал на металлической плите, ощущая пальцами ее холод. Лампы потухли, и я уже никого не видел. В абсолютной тишине снаружи падал свет луны, вырисовывая на полу оконные переплеты. Что случилось с Копотом и всеми ими? Какой-то разряд... Впрочем, откуда мне знать, что могло случиться? Я взглянул туда, где они стояли. Никого. Во всей лаборатории не было НИКОГО!

Я медленно поднялся, стараясь понять, что тут произошло. Потом шаг за шагом, оглядываясь по сторонам, стал пятиться к двери. Нажал ручку. Заперто. Неужели я оказался в ловушке? В углу лаборатории что-то хрустнуло. Я не выдержал. Изо всех сил стал барабанить в дверь. Эхо ударов разносилось по коридорам, а я все бил и бил. Неожиданно перестал. А может быть, та дверь, через которую я вошел, открыта? Ведь кабели... Я подскочил к двери. Заперто. И что самое странное — кабели исчезли.

В коридоре послышались шаги. В замке скрипнул ключ, дверь приоткрылась, и через щель проникла струйка света. Кто-то вошел и повернул выключатель. Ослепленный светом, я заморгал. В углу стоял старичок из швейцарской...

— Что вы тут делаете? Откуда взялись? — В его глазах я уловил безграничное изумление.

— Где... где Копот? — пробормотал я.

— Наверное, спит дома. Но что вы тут ищете?

— Копот со мной договорился...

— В час ночи?

— Во сколько?

— В час.

Я взглянул на часы.

— Но сейчас только десять.

Старик посмотрел на меня так, словно только сейчас увидел. Секунду вглядывался, видимо, раздумывая, с кем имеет дело. Потом сказал совершенно спокойно, продолжая прерванную мысль:

— Хотите сделать из меня идиота? Не выйдет. Войти сюда вы не могли, потому что все замкнуто... Признавайтесь...

— Послушайте,— не выдержал я,— не валяйте дурака. Вы же сами показали мне дорогу. И вообще скажите, где Копот?

— Я уже сказал. Вероятно, спит.

— Но я видел его несколько минут назад. Тут.

— Можете позвонить ему и проверить. Пойдемте. Сейчас я вас провожу.— Старик отворил дверь и пустил меня вперед. Запирая, он старался не поворачиваться ко мне спиной.

Телефон был в швейцарской. Я набрал номер Копота. Телефон долго не отвечал. Потом кто-то поднял трубку.

— С доктором Копотом...— начал я.

— Я у телефона.— Он сказал это невнятно, как человек, очнувшийся от глубокого сна.

— Говорит Ясь. Ты пригласил меня, я пришел, а тут...

— Куда я тебя пригласил?

— На испытание, я приехал...

— На какое испытание?

— Не знаю, ты сказал, что это будет бомба...

— Слушай. Тебе не кажется, что это еще не повод будить человека среди ночи...

— Но ты же сам хотел...

— Ясь, ты пьян. Это случается. Но я хочу спать. Не звони больше. Завтра у меня с самого утра работа.

— Но ведь ты сам в семь...

— Это наверняка был кто-то другой. Прошу тебя, Ясь, как друга, иди спать.

— Но зачем я тогда ехал в институт?

— Что? Ты в институте? Откуда звонишь?

— Из швейцарской...

На другом конце провода Копот минуту молчал. Потом сказал своим деловым, спокойным голосом:

— Дай к телефону швейцара.

Я вручил трубку стоящему рядом старику. Копот что-то минуту говорил, а старик то и дело повторял:

— Так точно, доктор. Понятно.

Потом торжественно передал мне трубку.

— Слушай, Ясь. В будущем глупи на свой счет. Я не хочу, чтобы в институте говорили, что мои друзья ездят в институт переспать после выпивки. Я сказал швейцару, что ты журналист и пишешь репортаж о ночных сторожах, ясно? А теперь иди домой.

— Я хотел тебе сказать...

— Спокойной ночи.

Ничего не понимая, я добрался до дома. Привратник, открыв ворота, внимательно посмотрел на меня.

— Ей-богу, пан редактор, мне казалось, что вы уже дома,— ответил он на мое приветствие.

Я почувствовал себя не в своей тарелке.

— Вам показалось,— ответил я как можно тверже.

— Ну, конечно,— поспешно согласился он.— Иначе быть не могло. Раз вы сейчас входите, а перед этим не выходили, значит, тогда вы не входили, вернее, входили не вы.

— Само собой...— сказал я.

— Но кто бы это мог быть? — вдруг забеспокоился сторож.

Я оставил его у ворот, предоставив решать эту проблему, и поднялся лифтом на пятый этаж. Повернул ключ. Вошел в темный коридорчик. Дверь в комнату была приоткрыта, и мне показалось, что внутри кто-то есть. Я боком проскользнул в комнату и услышал в темноте тяжелое дыхание. Бросился к выключателю, споткнувшись в темноте о какие-то ботинки. Зажег свет...

Кровать. На ней лежал человек. Спал. Кто бы это мог быть? Я подошел ближе и взглянул ему в лицо. Вскрикнул. Он беспокойно по-

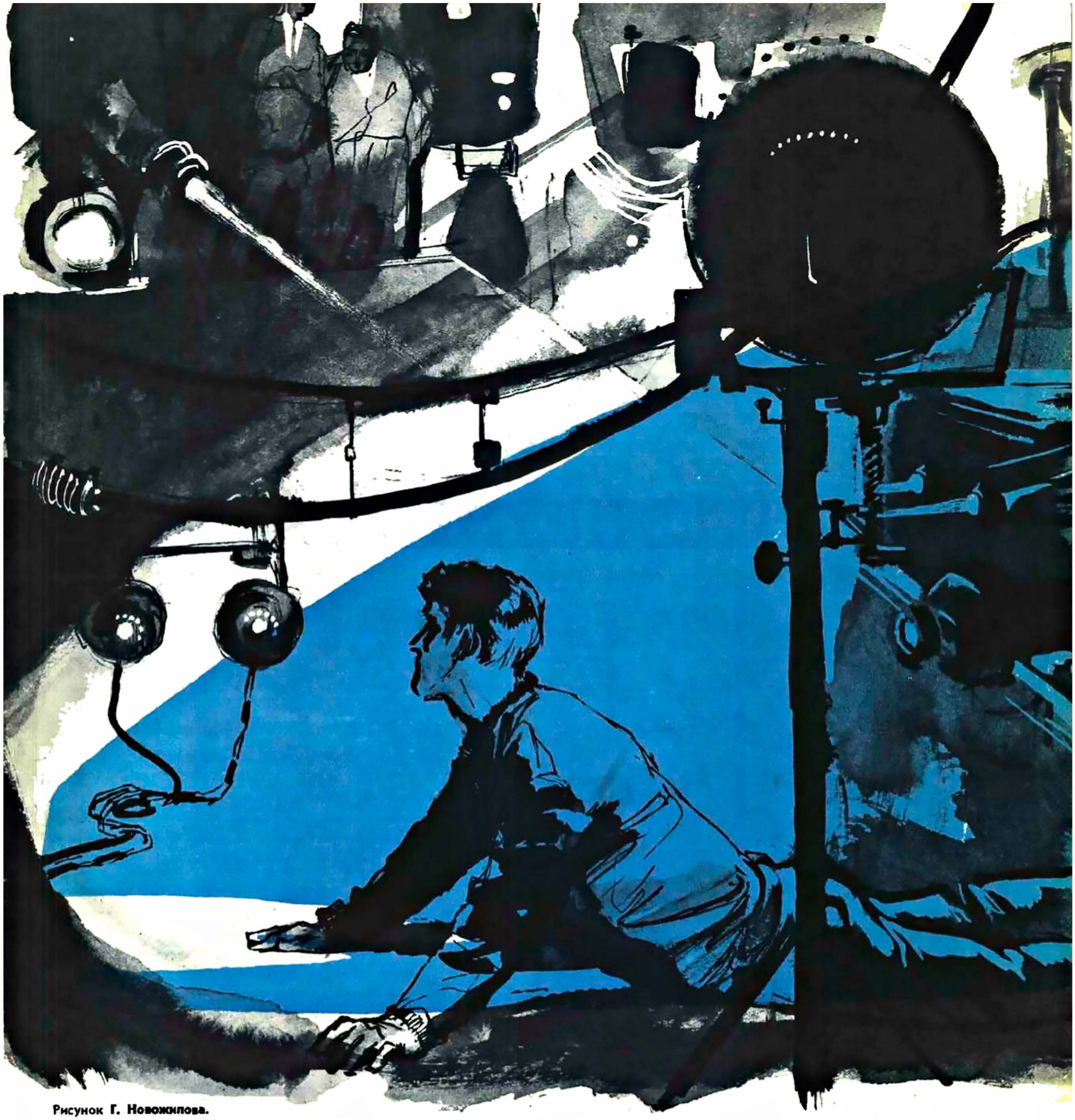


Рисунок Г. Новожилова.

шевелился. Да, я не ошибался. Этот человек был... я!!

Я пулей выскочил из квартиры, перескакивая через несколько ступенек, сбежал вниз и долго звонил у ворот. Сторож выбежал, застегивая на ходу плащ.

— Что случилось? Пан редактор, что случилось?

Я не ответил. Задыхаясь, добежал до угла, где стояли такси, рванул дверцу машины и одним духом выпалил адрес Копота. То, что я увидел дома, превышало возможности моего воображения. Ведь я совершенно отчетливо видел его, вернее, свои волосы, свой нос, даже свой пиджак, брошенный на стул. Я не сомневался, что это только частица происшествий сегодняшнего вечера, ключ к которым был в руках Копота...

На звонок долго никто не отвечал. Наконец послышались шаги, и в дверях появился Копот.

— Что? Опять ты?! — воскликнул он вместо приветствия.— Я же тебе сказал, чтобы ты шел спать.

— Слушай, ты должен мне кое-что объяснить, но прежде поверь: я не выпил сегодня ни капли.

Копот внимательно посмотрел на меня.

— До сих пор ты никогда не пытался выдавать себя за трезвенника. Дыхни. Действительно, кажется, не пил. Но в таком случае что ты тут делаешь? Случилось что-нибудь серьезное? — В его голосе чувствовалось беспокойство.— Идем в комнату.

— Серьезное? Не знаю. А вот необыкновенное и непонятное — наверняка,— прервал я.

— Говори.

— Сначала скажи: ты договаривался сегодня со мной на семь?

— Нет.

— Но в институте ты был?

— Нет. Уходил на собрание Астронавтического общества.

— Однако ты пригласил меня на испытание этого аппарата, как он там называется?

— ТИТРОМ?

— Ага. Так ты приглашал или нет?

— Нет. Правда, собирался...

— Тогда кто меня приглашал? Но это не самое странное. Что ты скажешь на то, что я видел тебя в семь в институте?

— Скажу, что тебе показалось...

— Ладно, но ты можешь объяснить, почему, придя к себе, я нахожу в собственной постели самого себя, несмотря на то, что стою около кровати?

Лицо Копота оживилось.

— Значит, действует...— сказал он почти возбужденно.

— Не знаю, что там действует, но скажи, не спятил ли я...

— И не думай! Позволь обнять тебя. Ты принес мне фантастическую радость. Ничто не доставило бы мне большей радости. Это великий день. Пошли выпьем.— Копот подошел к буфету, открыл его и вынул бутылку. Я удивленно смотрел. Копот с тех пор, как я его узнал, был стопроцентным трезвенником, так что это вино можно было смело причислить к необычайным событиям дня.

— Не знаю, чему ты так радуешься,— сказал я, слегка остыв от первого изумления.— В том, что я увидел второго себя, я не вижу ничего радостного.

— Ты не понимаешь, но это — доказательство того, что мой эксперимент удастся.

— А сегодня не удался?

— Сегодня я не делал опытов. Сделаю в воскресенье.

— На будущей неделе?

— Нет, на этой.

— То есть?

— Очень просто. Сегодня четверг.

Я тупо уставился на него.

— Но ведь...

— Что «ведь»? Ведь четверг был несколько дней назад или будет через несколько дней? Ты это хотел сказать?

— Ну... да...

— Не обязательно... Ты когда-нибудь слышал...

— Копот!!

Это сказал кто-то за моей спиной. Я резко повернулся. В комнате стояли двое мужчин.

— Копот, ты забываешься!

— Но...— Лицо Копота стало серым и невыразительным.

— Не выкручивайся. Ты хотел ему все сказать...

— Великий ученый... великий физик — смех да и только,— добавил другой.

— Я бы ему ни слова не сказал... Правда!

— Довольно того, что это перенесение во времени... Кажется, ты уже совершенно забыл, что направлен сюда на историческую практику... Начинаешь играть гения из их эпохи...

— Позвольте,— прервал я,— что все это значит?

— Не мешай мне, парень. Мы старые друзья Копота,— засмеялся он.— Скверно, Копот. Я уже не говорю об этом вине... Ты немного одичал...

— Не явись мы вовремя, ты сыграл бы с нами штучку вроде той, что проделал Элиас...

— Ничего подобного. К тому же это совсем другая эпоха.

— Пара тысяч лет в ту или иную сторону не меняет сути дела. Он тоже утверждал, что ничего не сделал, только полетал немного на антигравитаторах... А они говорят о нем до сих пор...

— Постойте,— прервал Копот,— ведь Ясь слушает...

— Ерунда. Последние опыты в Америке показали, что, если даже один из них что-нибудь о нас знает, остальные ему не верят.

— Ясь — журналист...

— Мелочь. Ученые все равно не дадут ему слова молвить... Знаешь что, Уон,— обратился он ко второму,— предлагаю проделать с ним другой эксперимент... Он уже немного знает...

— А ты проверял, кто был его сыном, внуком?..

Этот их метод разговора меня немного раздражал.

— Может быть, вы наконец скажете, о чем говорите... Слушай, Копот, откуда взялись эти типы?..

— Отстань, Ясь! — Копот был явно раздражен.

— Сейчас объясню.— Тот, кого называли Уон, улыбнулся.— Так вот, наш дорогой друг Копот, специалист по социологии древних веков, был послан на практику в двадцатый век...

— Откуда послан?

— Ну, из нашей эпохи... из будущего... Впрочем, он тут не очень томился и жил, как полагается в двадцатом столетии... Вино, например, немыслимо в наше время... Потом наш любезный Копот выступил с проектом постройки ТИТРОМА... Из этого не следует, что он великий ученый... Такие ТИТРОМЫ в наше время строит любой ребенок уже в предшколе... Он хотел проверить реакции людей вашего столетия на это открытие... Конечно, о перенесении людей во времени не было разговора... и, перенеся тебя, он злоупотребил нашим доверием...

— Но он вошел случайно... правда, случайно.

— Ты обязан был это предусмотреть, правда, Ноу? Люди нашей эпохи отвечают за свои ошибки...

— Не понимаю,— сказал я.

— Чего не понимаешь? — удивился Ноу.

— Этого... перенесения во времени.

— Это же просто. Элементарная теория «перескоков». Мы живем в нормальном четырехмерном пространстве. Люди вашей эпохи могут двигаться только в трех измерениях, а время течет для них всегда «вперед».

— И что в этом странного?

— То, что действительно через пятое измерение можно попасть в любой пункт этого четырехмерного пространства... Можно перенестись в завтра, во вчера, в день рождения своей матери... в эпоху оледенения...

— Как можно перенестись во что-то, чего уже нет? Не станете же вы меня убеждать, что вчерашний день существует...

— Конечно, существует. Точно так же, как день завтрашний...

— Ересь, — сказал я и рассмеялся в лицо этому Ноу. Это не произвело на него впечатления.

— Подожди. Попробую объяснить тебе по аналогии. Представь себе, что ты идешь по тропинке через поле. Представь себе еще, что оглянуться не можешь... не можешь, как бы ни хотел... Идешь себе тропинкой, а у этой тропинки растет дерево. О том, что оно существует, ты знаешь, даже не приближаясь к нему: просто его видишь. Но когда ты пройдешь мимо, оно перестанет для тебя существовать. Ты его больше никогда не увидишь, так как не можешь обернуться... Оно для тебя исчезло, как вчерашний день...

Некоторое время я усиленно думал, потом спросил:

— Так ты утверждаешь, что мы просто не можем оборачиваться во времени... во вчера, так же, как твой пешеход не мог обернуться, чтобы увидеть то дерево...

— Прекрасно. Именно об этом речь. Но дело в том, что вообще-то оборачиваться можно, только, к сожалению, это не так просто. Надо уметь «оборачиваться» во времени. Оборачиваясь, мы не можем, не должны ничего изменять в вашем мире, потому что последствия этого переносятся на будущее и изменяют наш мир...

— Как это «изменяют»?

— «Парадокс дедушки». Ах, правда, ты о нем еще ничего не знаешь! Вообрази, что ты переносишься на несколько десятков лет в прошлое и убиваешь своего дедушку, когда он был еще младенцем. Потом возвращаешься в свое время, и что оказывается?.. Один из твоих родителей никогда не существовал. Ты сам никогда не родился.

— Абсурд.

— Только на первый взгляд. Каждый человек в вашей эпохе знает, что можно формировать будущее... Так вот прошлое можно формировать совершенно идентично... и оказывается, что они, собственно, ничем существенным не отличаются...

— Может быть... но в редакции этого все равно не пропустят... Такие истории не проходят даже первого апреля...

Уон весело рассмеялся.

— С ними всегда так... Когда им что-нибудь скажешь, просто не верят. Им все надо проверить самим...

— В этом могущество рода человеческого...

— Но подумай. Мы люди. Это же видно. А по их мнению, это слишком просто, и поэтому они принимают нас за марсиан, венериан или вообще пришельцев из иных миров. А ведь то, что мы люди, их потомки, напрашивается само собой. Ведь вероятность возникновения на иной звезде разумных существ, внешне подобных человеку, чрезвычайно мала...

— Ну, что ж.— Копот встал со своего стула.— После всего, что вы тут наговорили, можно спокойно выпить... Это капля в море ваших провинностей...

— Ошибаешься. Мы проводим опыт, у нас есть разрешение...

— А вы проверили, что будет Ясь делать потом и как сегодняшний разговор изменит его жизнь?..

— Не волнуйся. Это уже не наша забота.

— Во всяком случае, если что-нибудь изменится в моем времени, я буду знать, где искать виновных...

Ноу пожал плечами, а Уон вышел. Через минуту он вернулся, неся... Копота, другого Копота, мертвого.

— Пусть это тебя не удивляет,— сказал мне Ноу, — это только копия. Мертвая, синтетическая копия. Правда, для ваших условий довольно точная, и, располагая вашими средствами, невозможно обнаружить никакой разницы между ней и Копотом. Поэтому завтра ваш врач скажет, что Копот умер от болезни сердца... — Ноу улыбнулся.

— Ну, нам пора. — Уон уложил копию на кушетку. — Пошли...

Мы вышли на балкон. Уон вынул что-то из кармана, и в тот же момент совершенно беззвучно появилась — буквально появилась, потому что я не видел, откуда она прилетела,— машина, напоминающая огромную медузу...

Уон скрылся внутри нее. Я нерешительно стоял, когда вдруг Ноу положил мне руку на плечо.

— Проглоти это,— сказал он и подал мне небольшую круглую таблетку. — Проглоти, а об остальном побеспокоимся мы, и ты вернешься туда, откуда отправился...

Я проглотил... и оказался на металлической плите ТИТРОМА. Люди в белых халатах стояли у распределительных щитов, как тогда. Один из них увидел меня и крикнул:

— Сойдите с экрана!

— Со мной ничего не случилось? — спросил я, подходя к нему.

— Нет. Этот еще не работает, но лучше не входить на экран.

— А когда запустите?

— Сразу же, как только придет Копот. — Он взглянул на часы. — Не знаю, почему он опаздывает. Уже час, как должен был прийти.

Перевод с польского
Е. ВАЙСБРОТ.

Венсеслао
ФЕРНАНДЕС
ФЛОРЕС

СВИТА ДЬЯВОЛА

Фантастический рассказ

I

Первый странный симптом был зарегистрирован 7 августа, в половине шестого вечера. Мисс Мейбл Фертиг, поставив у тротуара свой красивый «Беккерс» последней модели, зашла выпить чаю в кондитерскую «Новая Монголия». Пять или шесть человек, проходившие случайно мимо ее машины, потом утверждали, что грузовик под номером шесть, принадлежащий «Западной металлургической компании», понесся, вылетев на улицу из-за угла, прямо на маленький «Беккерс». Хотя в кабине грузовика был шофер, он не мог бы предотвратить столкновения, и уничтожение маленькой элегантной машины казалось неминуемым, когда совершенно необъяснимым образом «Беккерс» попятился на несколько метров назад и въехал на тротуар. И поэтому грузовик, промчавшись мимо, его не задел.

Второе знаменательное событие, столь же необъяснимое, произошло неделей позже. «Пингр», принадлежавший мистеру Коку, ехал километрах в пятидесяти от города, когда с тропинки на асфальт рассеянно ступил человек. Столкновение казалось неизбежным, но властно и резко зазвучал клаксон «Пингра», и человек, испугавшись, спрыгнул в кювет.

— Это вы просигналили ему, мистер Кок? — спросил черный шофер у сидевшего налево от него хозяина.

— Не я, Джон, — ответил джентльмен.

— Я могу поклясться, что даже не дотрагивался до клаксона.

Об этой чепухе больше не говорили до тех пор, пока через несколько дней не стала вдруг ясна вся важность случившегося.

А произошло следующее. 30-го числа того же месяца в огромных залах «Дома автомобиля» открылась выставка новых машин фирмы «Хопп», предпринявшей гигантскую работу по усовершенствованию всех выпущенных ею, знаменитых во всем мире моделей. Инженеры фирмы разрабатывали эти усовершенствования в течение пяти лет. Реклама, равной которой по размаху не было никогда и нигде, оповестила мир, что скоро появятся шесть новых моделей «Хопп». Об этом кричали полосы в самых читаемых газетах, световые табло на фасадах зданий в самых больших городах континента, проекции объявлений на облака, тысячи и тысячи сбрасываемых с самолетов листовок, надписи цветным маслом на поверхности морских бухт и озер Европы и Америки... Но в чем конкретно могли состоять предложенные улучшения, никто себе не представлял: автомобиль уже достиг такого совершенства, что, по общему мнению, улучшать его дальше было просто невозможно. Старинные поршневые двигатели, древние тормозные системы, устареший способ охлаждения, служившие источником постоянных неприятностей камеры, которые то и дело оглушительно лопались или тихо выпускали воздух, и покрышки на них, которые все время нужно было менять, исчезли за пятьдесят с лишним лет до этого, и те, кто знал, что представляли собой автомобили в первой трети XX века, не в состоянии были объяснить себе ангельского терпения, какое обнаруживали люди той эпохи, настоящие рабы несовершенных и крайне недолговечных автомобилей, ломавшихся по нескольку раз в месяц и проводивших больше времени в ремонтных мастерских, нежели на колесах. Автомобилист той ушедшей эпохи был несчастным существом, которое бóльшую часть жизни проводило под каким-нибудь примитивным драндулетом. Посередине Большого проспекта возвышался монумент, увековечивавший страдания первых автомобилистов. На широком пьедестале стояла высеченная из мрамора фигура человека в безобразной одежде 1920 года, но без пиджака; он был изображен накачивающим шину. Пот от нечеловеческих усилий приклеил его волосы к вискам и лбу, а на лице застыло выражение горечи и усталости. На постаменте были слова: «Многочисленным и несчастным жертвам зари автомобилизма — от благодарного человечества».

Теперь автомобиль был предметом по-настоящему полезным. Двигатель его ничем не походил на двигатели, работающие на бензине или электричестве. Бак с динламиком, чудо-веществом, которое открыл в начале XXI века знаменитый Томпсон, занимал от силы один кубический дециметр, и, наполнив его, можно было проехать на машине десять тысяч километров. Теперь можно было без преувеличения сказать: в этих организмах из металла есть все необходимое и нет ничего лишнего. Эти машины были настоящим чудом техники, и во времена, когда Жюло Верну и Уэллсу среди многих других доставляло удовольствие тратить время на размышления о будущем, оно, это будущее, если бы его узнали заранее, изумило бы самых смелых предсказателей.

В первый же день выставки огромный зал «Дома автомобилей» заполнила изнывающая от любопытства толпа. Тому, кто посмотрел бы вниз с громадных люстр, показалось бы, что пол в зале устлан темным ковром: люди там стояли вплотную друг к другу. Каждый автомобиль, как на островке, помещался на своей платформе, и шелковые канаты, которыми их отгородили, чтобы защитить от прикосновений любопытных, прогибались под давлением толпы внутрь. Ярко блестел никелированный металл, а лак, без единого пятнышка или царапины, выглядел как бархат или атлас. В гранях фар, как в завораживающих зрачках какого-нибудь чудовища, двигались крошечные отражения посетителей. Были выставлены все мыслимые типы автомобилей — от огромного грузовика до одноместной машины, короткой и узкой, как стрела.

С третьей галереи на волнение этого человеческого моря смотрели, окруженные множеством официальных лиц и инженеров, генеральный секретарь транспорта и мистер Хопп. Бритое лицо мистера Хоппа — широкий, в морщинах лоб, волевой подбородок, на той и на другой щеке ямка в виде запятой, густая, оловянного цвета шевелюра на голове, темные от болезни печени веки — выражало удовлетворение и гордость. Тысячи взглядов снизу обращались к нему, и все громче и громче слышалось его имя:

— Это Хопп! Вон Хопп, наверху!

Молодой наладчик Джо Уилп сел за руль роскошной машины продемонстрировать бесшумность ее двигателя. Он начал быстро орудовать невидимыми снаружи рычагами управления; автомобиль чуть задрожал, и посетители, плотно прижавшиеся к шелковым канатам вокруг, лишь с трудом уловили звук работающего двигателя. Но тут внезапно завыл клаксон этой машины; звук его гулко отдавался под сводами из стекла и металла. Услышав его, к машине ринулись новые толпы любопытных. Уилп стал нажимать на кнопку клаксона, но тот не замолкал. Наверху мистер Хопп, сдвинув седые брови, распорядился:

— Скажите этой бездари, чтобы он ни к одной машине близко не подходил!

И тут хрипло завыл широкий мощный тяжеловоз, а секундой позже, слившись в какофонический хор, взвыли клаксоны всех машин в зале. Поднялся хохот; несколько девушек, изображая непереносимые страдания, с очаровательными гримасами заткнули уши. Ни в одной из гудящих машин, кроме первой, никого не было, и многие, когда заметили это, стали говорить:

— Это Хопп нам приготовил сюрприз.

Но достаточно было увидеть выражение лица знаменитого инженера, увидеть, как он, привстав и судорожно вцепившись руками в перила, перегнулся через них и гневным взглядом обегает зал, как становилось ясно, что вой клаксонов его совсем не радует. Не получая на свои вопросы сколько-нибудь вразумительных ответов, он повернул голову к Гаррисону, помощнику:

— Кто это пошутил так неудачно?

— Не... понимаю, — проговорил, запинаясь, Гаррисон.

Внезапно толпа взорвалась истошным многоголосым криком. Трактор «Титаник», мощный, приземистый, напоминавший чем-то осьминога или какого-то странного серого зверя, способного жить даже после того, как у него вырезали живот, вдруг тронулся с места и, разорвав шелковый канат, поехал в толпу. Одновременно с ним пришли в движение два мощных фургона, а двумя секундами позже уже все машины, какие были в зале, двигались по мозаичному полу, покачиваясь слегка, лишь когда им приходилось переезжать через лежащие на полу тела. По толпе, понявшей, что опасность надвигается со всех сторон, побежали встречные волны; отчаянно вопили те, кто видел, что вот-вот волны эти, столкнувшись, их раздавят; кричали те, кто ощущал на себе тяжесть колес или видел опасность уже совсем рядом; люди, пытаясь спастись, расталкивали своих собратьев как безумные, и тщетно звали друзей те, кого толпа разлучила; кто-то поносил виновных в этом несчастье, и ошеломление, и растерянность тысяч людей, не имеющих возможности покинуть огромный зал, достигли вскоре апогея. А вой клаксонов не умолкал, и шум от этого становился все громче. Прохожие на улице, слыша его, бежали по эспланаде перед циклопическим зданием «Дома автомобиля» к огромным дверям посмотреть, что происходит внутри, а шоферы, дожидавшиеся своих хозяев, поднимались, чтобы лучше видеть, на подножки машин. Толкаясь, падая, собирая все силы, чтобы устоять на ногах, из здания повалили люди. Выбегавшие сталкивались с теми, кто рвался внутрь, и бежали дальше, ища спасения за рядами машин. Пострадавшие посетители выставки, из-за страха до этого не ощущавшие боли, теперь громко стонали, и их на руках несли в пункты скорой помощи. Сквозь проемы исполинских дверей по-прежнему потоком лилась толпа и огромным пятном растекалась по эспланаде. И тут, врезавшись, как таран, в толпу, или, если выбирать более точный образ, плывя по испуганному, кричащему людскому морю, появился первый автомобиль с выставки. Он вонзился в человеческую массу, раздавил часть толпы, оказавшуюся перед ним, и, открыв себе таким способом путь, продолжал свой безумный бег, а клаксон его по-прежнему изрыгал отрывистые злобные звуки, напоминавшие лай разъяренного волкодава. Несколько секунд — и из дверей появилась громада грузовика, он безжалостно сбивал людей с ног и перемалывал их, как нос корабля перемалывает воду в пену. Оставив наконец толпу позади, грузовик унесся вслед за первой машиной. А за ним появилась еще одна и еще... Все, кто был свидетелем этой невероятной сцены, видели, что ни в одной машине водителя нет, что машины движутся автоматически, легко объезжают препятствия и безошибочно выбирают дорогу.

Толпой еще владели паника и растерянность, когда вдруг почти все автомобили, оставленные поблизости от здания посетителями выставки, помчались вслед за машинами, которые оттуда выехали. Шоферы столбенели от изумления или же бросались вдогонку, но бесплодность этих попыток становилась для них очевидной почти сразу. Что до тех, кого начавшееся бегство автомобилей застало в кабинах, то никому из них остановить свою машину не удавалось, и водители, уже на грани безумия, выпрыгивали из машин на ходу. На эспланаде осталось лишь несколько старых автомобилей и шесть или семь машин самых плохих моделей. Все прочие исчезли за поворотом улицы. И едва скрылась из виду последняя, как под гигантской железной аркой главного входа в «Дом автомобиля» появилась фигура мистера Хоппа: голова обнажена,

Рисунок
Бориса СОПИНА

лицо разгневанное, руки сжаты в кулаки, взгляд мечется в поисках сбежавших со стоянки машин. Он крикнул:

— Поезжайте за ними! Быстро!

...На шоссе, широкой темной лентой разрезавшем зеленый пейзаж, машины, выстроившись плотной колонной, ехали прочь из города. Они были как единое тело, большое и подвижное, заполнявшее всю ширину дороги. Машины, машины, машины...

— Вы что-нибудь понимаете, Гаррисон? — спросил Хопп.

И толстяк Гаррисон, поглаживая дрожащими пальцами свою блестящую лысину, выдавил из себя:

— Не знаю... Как в страшном сне... Такой сон я видел...

II

Десять минут пришлось досточтимому Макгрегору звонить председательским колокольчиком, прежде чем наступила тишина. Зал заседаний городского совета, предоставленный для сегодняшнего необычного собрания, сейчас заполнили люди, и людям этим лишь с трудом удавалось сдерживать свои чувства. Здесь собрались самые выдающиеся умы. Если бы в эти мгновения провалилась крыша здания, нации пришлось бы оплакивать смерть своих лучших математиков, биологов, изобретателей и государственных деятелей. Другую публику в зал не допустили, и она кучками стояла на улице, а представителям прессы пришлось остаться в коридорах и там обмениваться догадками. Когда под длинным столом, за которым заседали обычно отцы города, обнаружили репортера, поднялся страшный шум, и Макгрегор, чтобы положить этому шуму конец, вынужден был долго звонить в колокольчик. Нанси Чейни, профессор механики из Национального института наук, была за то, чтобы обсуждения проходили открыто, но старый Аккер, высший авторитет в области органической химии, возразил на это, что речь идет не о политическом митинге, а о встрече людей науки, пытающихся понять пока еще загадочное явление. Макгрегор напомнил, что судьба всего мира зависит от исхода их встречи, и попросил присутствующих спокойно выслушать знаменитого Купера.

Знаменитый Купер уже говорил, когда под столом был обнаружен упоминавшийся выше чересчур любопытный репортер; пока того изгоняли из зала, Купер стоял молча, скрестив руки на груди, и его широкое, все в золотистых веснушках лицо выражало усталую примиренность с судьбой. Наконец стало тихо, и Купер возобновил свою речь. До этого он уже рассказал о невероятных достижениях автомобильной промышленности и перечислил чудеса техники, которые породил прогресс в автомобилестроении. Теперь он продолжал:

— Чего недоставало этому триумфу технической мысли? Говоря научно, мы, люди сегодняшнего дня, не можем себе даже представить их лучшими, чем они уже есть. Как машины, они достигли идеала. Это настоящие живые организмы, только металлические, и для абсолютного совершенства им до сегодняшнего дня не хватало лишь способности управлять самими собой. Происшедшее чудо устранило как раз этот последний недостаток. Каким образом, хотите вы знать? Честно говоря, я не разделяю изумления толпы. Истоки жизни продолжают оставаться для нас загадкой, но что касается меня, то я вполне готов допустить, что в совершенной машине могут неожиданно возникнуть явления, трудно отличимые от проявлений жизни в строгом смысле этого слова. Остается только предположить, что мы добились неожиданного для нас самих успеха в том, к чему даже и не стремились. Мы создали живое существо средствами техники, в то время как создать его средствами химии нам, несмотря на все наши усилия, так и не удалось.

Старый Аккер:

— Нет-нет! Жизнь — это всего лишь цепь химических реакций!

Прославленный Купер:

— Меня бы очень обрадовало, если бы мой ученый собрат предложил нам объяснение более точное и понятное, чем то, которое предложил я. Если он настаивает на том, что ключ к решению у него есть, я готов сразу же уступить ему трибуну. А пока, надеюсь, он позволит мне излагать дальше мою гипотезу, у которой приверженцев больше, чем у любой другой. Нравится нам это или нет, но автомобили наши взбунтовались и нас покинули. Достойно внимания, что машины устаревших моделей и неудачных марок по-прежнему стоят, послушные нам, на стоянках и в гаражах. Это позволяет предположить, что техническое совершенство, о котором я говорил, послужило...

Преподобный Кей, покраснев, встал и простер руки к оратору:

— Причиной был дьявол и только дьявол!

— К порядку! К порядку! — закричал Макгрегор.

Преподобный Кей, однако, продолжал:

— Это наказание нам за нашу гордыню, насмешка над безмерным нашим тщеславием, хохот, коим сатана ответствует на нашу жажду наслаждений! Я всегда осуждал тягу к чрезмерной роскоши! Давайте во искупление грехов наших снова ходить ногами, которые дал нам бог!

Голоса с мест:

— Он прав!

Секретарь Промышленной палаты:

— Я видел, как преподобный Кей ехал на велосипеде!

— Я думаю, мы собрались здесь не для того, чтобы разглагольствовать о сатане! — сердито закричал Купер.

Снова шум. Десять или пятнадцать человек надрываются, крича «за», а сорок или пятьдесят — всей емкостью своих легких «против». Остальные, выражая неудовольствие, стучат ногами. Преподобный Кей, побагровев, требует, чтобы вопрос был поставлен на голосование. Макгрегор звонит в колокольчик вдвое яростнее, чем прежде. Терпение Купера иссякло, и он садится на свое место, не скрывая презрения, которое испытывает по отношению к собравшимся. Мало-помалу сильный голос Кея, привыкшего царить на кафедре, подавляет все остальные голоса, и собравшиеся слышат страстную речь против прогресса.

— Куда идет человек? — вопрошает преподобный. — Неужели не видит он в своих изобретениях руки дьявола? Дыхание преисподней оживило автомобили. Беспредельная гордыня овладела людьми, и они вознамерились исправить труд Творца, в великой доброте своей создавшего лошадь. Замыслили через посредство автомобиля посрамить лошадь и тем оскорбили бога. Начинание это суетней даже Вавилонской башни, чьи строители были столь сурово наказаны. Сатана торжествует победу, он посмеялся над людьми — отнял автомобили, зная, что души тех, кто их делает, и тех, кто ими владеет, у него уже в кармане...

Продолжать ему не дали. Вскочив на ноги и стуча кулаками по пюпитрам, его поносили со всех сторон. Тщетно пытался он перекричать возмущенно орущих. Последние произнесенные им слова, судя по жесту, которым он их сопроводил, были проклятием, но разобрать, каким именно, было уже невозможно.

Потом выступил мистер Хопп. Он объяснил подробно, чем его новые машины отличаются от уже известных моделей, и сказал, что он, Хопп, не может предложить странному феномену никакого объяснения; но если что из сказанного и прозвучало сколько-нибудь разумно, то это, конечно, гипотеза, выдвинутая знаменитым Купером. Так или иначе, ясно: сбежавшие машины приобрели свойства живых существ, автомобильный двигатель стал чем-то вроде мозга.

Послышался визгливый голос некоего мистера Грэмса:

— А не может быть, что все это просто трюк мистера Хоппа, который решил разрекламировать свои машины?

Невообразимый шум. Мистер Хопп, стоя во весь свой огромный рост, высокомерно улыбается. Рекламный трюк? Но разве не видели все, что машины ехали без водителей? И даже если предположить, что какой-то хитроумный способ позволил ему управлять теми машинами, которые только что вышли из цехов его заводов, возможно ли, что автомобилями самых разных марок, стоявшими на эспланаде у

здания выставки и, к огорчению своих шоферов, убежавшими тоже, управляли при посредстве какой-то хитрости? Исключено. Слова Грэмса просто смешны.

Последовал взрыв аплодисментов, и воодушевленный ими знаменитый автомобилестроитель продолжал свои объяснения. Но тут к мистеру Хоппу подошел служитель.

— Только что звонили из вашего дома, сэр,— сказал он.— Мисс Лиззи нет, а ее автомобиль видели среди сбежавших машин.

На лицо великого инженера тенью легла тревога. Дочь была для него дороже всего на свете, и теперь он уже был почти не в состоянии не только говорить сам, но и понимать то, что говорят другие. И, прежде чем репортерам удалось его настигнуть, он вскочил в одну из старых машин, оставшихся на улице.

■

— Что могло случиться, Гаррисон?

Помощник Хоппа заложил толстые ручки за спину.

— Кто знает? — ответил он.— Всего вернее, ничего особенного; я думаю, Лиззи просто решила последовать за этой свитой дьявола.

— Повдете со мной?

— С превеликим удовольствием.

Гаррисон сел, и машина тронулась; Хопп повел ее тем же путем, каким проследовали сбежавшие от людей машины. Ночь была теплая, и ветер, с утра полоскавший тысячу вымпелов на «Доме автомобиля», теперь спал усталый. Лучи света от фар машины Хоппа глубоко вонзались в мрак под развесистыми вязами по обе стороны дороги, и асфальт, отполированный прикосновениями резиновых шин, блестел как лакированный или мокрый. Обычно здесь в любой час дня или ночи можно было увидеть мчащихся путешественников, но сейчас место это дышало пустыней. Странное происшествие так напугало людей, что никто не рисковал выехать из города на машине, поскольку неизвестно было, куда та может увезти. Браня тихоходность старой перечницы, Хопп въехал на ней вверх по склону и сделал три поворота, после чего подъем кончился и начался спуск в долину. Дорога тянулась дальше, широкая и манящая, с двумя рядами огромных рекламных щитов по сторонам; в темноте металлические буквы на щитах вспыхивали от света фар.

Через четверть часа Хопп и Гаррисон увидели на краю дороги груду металла, которая еще недавно была двухместным «Пингром». Чуть дальше лежал перевернутый, взывая к небу всеми четырьмя колесами, легкий грузовичок, на боках у него были страшные вмятины. Дальше дорога, уже свободная от препятствий, шла к повороту, за которым был мост через реку. И когда они поднялись из лощины, у Гаррисона вырвался крик удивления:

— Хопп, смотрите!

И он показал на плоскогорье Гарца. Скрытая во мраке, сливавшаяся с ночною тьмой огромная гора, горизонтально срезанная на протяжении многих километров, была совсем близко. И именно на ней, на увеличивающей ее песчаной равнине, наблюдался сейчас странный феномен, вызвавший восклицание Гаррисона. Из одного конца плоскогорья в другой протянулся полосой белый, из-за расстояния несколько рассеянный свет. Как во время величественного извержения вулкана ночью, в темноте пересекались сотни лучей. Зрелище было необычайно красивое.

— Это они,— сказал Гаррисон.

Хопп, не ответив, увеличил скорость. Проехали еще с полчаса по равнине, потом дорога пошла зигзагами вверх. По обе стороны — скалы, напоминающие чудовищ, а выше — дремлющие сосны, свежий ветер, обрывы, путь над бездной.

Машина уже въезжала вверх по последнему, очень крутому отрезку дороги перед плоскогорьем, когда вдруг дорогу рассекла полоса света. Сбоку выдвинулось что-то огромное, и наконец они разглядели, что это грузовик. Грузовик остановился. Громадный, широкий, мощный. Капот его, короткий и низкий, напоминал рыло свирепого кабана. Фары, как страшные, пылающие гневом глаза, оглядывали дорогу. Колеса, серые, широкие, шероховатые, походили на лапы, тоже серые, широкие и шероховатые, какого-то толстокожего животного. Глухо хрюкнув клаксоном, грузовик сорвался внезапно с места и ринулся по дороге вниз, навстречу им.

— Осторожно, Хопп! — закричал Гаррисон.

Отец Лиззи быстро, но ловко маневрировал на широкой дороге, пытаясь проскользнуть слева от катящегося на них чудовища. Грузовик остановился опять. Мощный свет его фар слепил Хоппа и Гаррисона; и до смерти перепуганному Гаррисону казалось, что эти большие и круглые источники желтоватого света моргают и вспыхивают гневом, как глаза человека. Корпус грузовика содрогался. Хоппу и его помощнику было видно, что в кабине никого нет, и хотя оба старались не показать этого друг другу, и Хоппу и Гаррисону стало жутко оттого, что не человеческая, а иная воля управляет автомобилем. И когда Хопп резко повернул машину вправо, грузовик на них бросился.

Избежать столкновения не удалось. Стальное рыло чудовища ударило сзади, и их машина, застонав всеми своими частями, накренилась. Одно колесо сорвалось с оси и покатилось под уклон, и машина, потеряв устойчивость, перевернулась на тот бок, с которого слетело колесо. Шеф Гаррисона оказался под своим помощником, а Гаррисон, пытаясь преодолеть вес собственного живота, судорожно искал, за что ухватиться. Грузовик тем временем дал задний ход и остановился, а его клаксон снова издал звук, похожий на хрюканье.

Хопп первым выскочил на дорогу, а странный враг, обуянный теперь злобой вдвое более сильной, чем прежде, уже навзжал на их машину. Удар, за ним звон разбитого стекла; маленький автомобиль, отброшенный враждебной громадиной, несколько раз перевернулся, и из него, как внутренности из открытой раны, посыпались подушки сидений и металлические детали. Гаррисон, который, когда произошло столкновение, стоял на асфальте еще только одной ногой, сейчас покатился по дороге. Хопп подбежал к нему и помог встать.

— Пустяки,— успокоил его помощник.

Грузовик между тем толкал изуродованную машину к краю дороги и наконец хорошо рассчитанным ударом сбросил ее с крутого склона. Автомобиль стал сползать вниз, потом послышались частые и громкие удары, и наконец все стихло.

Грузовик снова дал задний ход.

— Спрячемся,— сказал толстый Гаррисон.— Боюсь, что на дороге нас ничего хорошего не ждет.

И, схватив Хоппа за руку, почти насильно заставил его сойти на обочину. Дорога снова опустела, а Хопп и Гаррисон стали подниматься по каменистому склону.

Красивым, как известно, плоскогорье Гарца сейчас не назовешь. Быть может, прежде, когда оно было частью морского дна, на нем росли невиданной красоты водоросли или кораллы в виде причудливых деревьев; быть может, в те давние-давние времена на поверхности Гарца скользили тени прекрасных рыб, плававших в ласкающей зеленоватой прозрачной воде, и ковром стелился жемчуг, и медузы в своих нарядах фей медленно проплывали над живыми цветами с длинными лепестками; появлялись морские коньки, похожие на маленькие фигурки шахматных коней, вертикальные и строгие, и казалось, что они своими изящными лошадиными мордочками все обнюхивают. Но с тех самых пор, как изменения земной коры в эпоху оледенения превратили то, что до этого было дном моря, в вершину горы, плоскогорье, о котором идет речь, остается одним из самых безрадостных мест на земле. Те немногие рахитичные кусты, которые только и растут на его поверхности, отказывается есть даже скот. Эту пустынную равнину часто метет ветер, поднимая столбы мелкого серого песка. Поэты этих мест, верные своему долгу все воспевать, смогли увидеть в Гарце лишь убежище призраков, куда прилетают на шабаш ведьмы, хотя ни один серьезный человек не пытался утверждать, что видел на Гарце что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее ведьму. Высказывалось также предположение, что плоскогорье скрывает в себе залежи железной руды, но даже поверхностного геологического исследования оказалось достаточно, чтобы всем стало ясно: людям не хочется верить, что в природе может существовать столько квадратных километров не пригодной ни для чего земли.

Однако, как ни красив мог быть Гарц в те времена, когда оставался морским дном, едва ли он был красивее, чем этой ночью, когда Хопп и Гаррисон прибыли сюда в поисках девушки, увезенной маленьким желтым автомобильчиком. На огромном пространстве собрались тысячи сбежавших из города автомобилей, и от их фар было светло как днем. Изящные прогулочные машины и громады, предназначенные для перевозки грузов, непрестанно двигались, появлялись и исчезали; зеленый, голубой или лиловый свет фар двухместных легковых машин и красные габаритные огни позади напоминали праздничную иллюминацию. Нестройным шумом звучали гудки бесчисленных клаксонов. Вот медленно движется по плоскогорью, словно наблюдая за тем, что происходит вокруг, целая группа машин; в другом месте автомобили случайно или по привычке стали в одну длинную линию — так, как на улицах и площадях городов, неподвижные и будто уснувшие, чуждые всему, что происходит вокруг, они дожидаются своих хозяев, которые в это время в театре или в гостях. Но преобладало все же беспорядочное движение. На огромной скорости проносились гоночные машины; длинные, похожие на стрелы, они то терялись во мраке, то возвращались. Сотни автомобилей самых разнообразных форм и размеров мчались во всех направлениях, но не сталкивались и даже не задевали друг друга, а двигались с уверенностью и точностью, которые восхитили бы самого опытного шофера. Оттого, что автомобили ни мгновения, ни одной тысячной доли секунды не стояли на месте, все время менялся и рисунок света на плоскогорье, и это придавало зрелищу фантастический вид.

Когда Хопп и Гаррисон оправились от изумления, выражение тревоги исчезло из их глаз. Они затаились на краю плато за камнем примерно в метр вышиной, и Хопп, любуясь удивительной картиной, на время забыл о дочери.

— Пошли,— сказал он наконец Гаррисону.

Но помощник его не двинулся с места.

— Куда вы, черт возьми, собираетесь, Хопп? Не в этот ли сатанинский муравейник? Мы и нескольких метров не пройдем, как нас задавят.

— Перевозкать плоскогорье нет необходимости,— сказал Хопп.— Давайте пойдем по краю, и когда найдем машину Лиззи, тогда и будем решать, что нам делать дальше.

И они пошли по краю плато, иногда останавливаясь, чтобы хорошенько разглядеть какую-нибудь группу разнокалиберных машин: вдруг среди них окажется желтая гоночная? А когда временами на них задерживался светящийся взгляд фар, оба присадали за кустами, словно боялись, что эти ожившие создания рук человеческих обнаружат их и за ними погонятся.

Внезапно движение сбежавших автомобилей резко усилилось. Хопп и Гаррисон увидели, как машины расступились, и по образовавшемуся проходу прямо к ним, будто желая заглянуть за край плато, стал приближаться свет двух ярких фар, который затем точнейшим маневром развернулся и двинулся обратно, навстречу другой приближающейся паре фар.

Хопп и его помощник узнали теперь в удаляющейся машине один из тракторов марки «Титаник», только что выпущенных и еще несколько часов назад демонстрировавшихся в «Доме автомобиля». Следующая машина, путь которой открыл (не побоимся произнести это вслух) инстинкт самосохранения остальных автомобилей, была похожа на огромного апокалипсического зверя. Это оказалась автоцистерна марки «Беккерс», предназначенная для перевозки нефти. Громадная серая цистерна, приплюснутая, округлая, герметически закрытая, почти треугольный, сравнительно небольшой капот, колеса, которых почти не видно под широкими крыльями, придавали этой машине сходство с огромной черепахой. Трубка, высовывавшаяся из цистерны сзади и напоминавшая короткий черепаший хвост, сходство это только подчеркивала. Яркие лучи небольших фар все время двигались. Автоцистерна остановилась на некотором расстоянии от трактора и завыла так страшно, что Гаррисона пробила дрожь. Трактор был похож на чудовищного паука с огромной головой и маленьким телом. Вот он гнусаво заревел, отвечая на вой «Беккерса», и на несколько секунд лучи их фар скрестились...

И внезапно, поднимая тучи песка, автоцистерна ринулась на трактор. «Титаник» поехал тоже, но по касательной, чтобы избежать столкновения; и, едва его массивная соперница пронеслась мимо, он яростно на нее бросился; раздался оглушительный удар, а когда автоцистерна развернулась, Хопп и Гаррисон увидели на ней огромную вмятину.

Разворачиваясь, автоцистерна, однако, ловко зацепила трактор, а потом ударила его своим тяжелым крупом, отчего тот подпрыгнул и, опустившись на землю через несколько метров, чуть было не упал на бок. Не дав трактору опомниться, стальная черепаха бросилась на него снова, и огромный паук, оставляя на песке след в виде ломаной линии, побежал прочь. Но через несколько мгновений они уже опять стояли друг против друга и кинулись один на другого с удвоенной яростью.

Раздался удар радиатором о радиатор, и снова два врага дали задний ход, и снова встретились. Одна из фар «Титаника» разбилась на мелкие кусочки. Тяжелая автоцистерна явно брала верх над более легким трактором. Все с меньшей энергией нападал он на нее, и когда погасла, превратившись в осколки, его вторая фара, он остановился, попятился и стал удаляться, выписывая волнистую линию, растерянный, слепой. Автоцистерна кинулась в погоню и стала грубо толкать трактор с намерением повалить его.

— Это «Беккерс»! — гневно воскликнул Хопп.— Неужели эта дрянь победит наш «Титаник»?

И, полный негодования, он полез за пистолетом. Хопп уже вытянул руку, чтобы выстрелить в автоцистерну, но замер, увидев нечто невероятное. На некотором расстоянии от места схватки остановился легковой «Хопп» класса «люкс», его дверца открылась, из кабины выскочил человек, перебежал к трактору; один прыжок — и вот он уже на сиденье, берется за рулевое колесо и круто по кривой уводит трактор прочь от его врага. Первое впечатление было, что человек, появившийся так неожиданно, хочет спасти трактор от опасности, но он изменил направление и повел послушную его воле машину параллельно автоцистерне, а потом вдруг бросил трактор на полной скорости вбок, на капот «Беккерса», застав автоцистерну врасплох. Он протаранил мотор, и автоцистерна повалилась на бок. От падения ее задрожала земля, а сирена ее теперь издавала звуки, каких человеческое ухо никогда не слышало. Потом этот леденящий душу вой зазвучал жалобней, глуше — и оборвался.

А человек, который вел трактор, во время столкновения перелетал через руль и, описав параболу, упал на самый край плоскогорья, туда, где ветер сметал песок в небольшие дюны.

Хопп и его помощник поспешили к незнакомцу. Но к

тому времени, когда они оказались возле него, он уже сам, без посторонней помощи приподнялся и теперь сидел. Песок смягчил удар, и только ветка одного из кустов оцарапала ему щеку.

— Вы себе ничего не повредили? — стали его спрашивать встревоженные Хопп и Гаррисон.

— Добрый вечер, мистер Хопп, — отозвался упавший. — Я себя чувствую прекрасно и очень рад случаю приветствовать вас и мистера Гаррисона. Сражение видели? Еще на раунд бедного «Титаника» не хватило бы, ведь он уже был слепой. Но нельзя было допустить, чтобы «Беккерс» нас победил.

Он уже поднялся на ноги и сейчас стряхивал песок со своего комбинезона. Это был молодой человек с бритой головой, и когда он поднял с песка кепку, Хопп и Гаррисон увидели крупные, темные, мозолистые и жесткие руки рабочего.

— Кто вы? — спросил Хопп.

— Джо Уилп, сэр, наладчик с вашего завода, где находиться мне было бы сейчас куда приятней, чем здесь. Честное слово! Когда наши машины откололи этот номер, я был в одной из них и, сам того не желая, привкал сюда, на Гарц, потому что выбраться из этого войска на марше не было никакой возможности...

И он быстро все рассказал. Поскольку машина его ехала внутри сомкнутого строя, ему пришлось смириться с тем, что она его увозит. Уже на плоскогорье он попробовал было взять управление в свои руки и вернуться в город, но она повиноваться ему не захотела. Тогда Джо Уилп предоставил машине возить его, куда ей заблагорассудится, среди других машин, выписывая самые фантастические фигуры; во-первых, ему было любопытно узнать, чем кончится вся эта странная история, а во-вторых, он сообразил, что ближайшее селение далеко, пешком туда не дойти и лучше сидеть на мягких подушках в машине, чем мерзнуть на холодном ветру Гарца.

Рассказ его был прерван криком Гаррисона:

— Смотрите, Хопп, что такое делает «Титаник»?

Подъехав вплотную к неподвижному врагу, трактор выдвинул свой металлический всасывающий насос, похожий на хоботок бабочки, и погрузил в разбитый двигатель автоцистерны. Сперва Хопп и Гаррисон не поняли, что происходит. Оказалось, что гибкая трубка, конец которой ощупывал сейчас металлические внутренности противника, набирала в резервуар трактора необходимый для работы двигателя динамик! Не отрывая от этой сцены глаз, Джо Уилп сказал:

— Наш трактор добывает себе пищу. Только и всего. Мы доставили машину на выставку с совсем небольшим запасом горючего, и сейчас наш «Титаник» перекачивает себе то, что осталось в резервуаре «Беккерса».

— Иначе говоря, пожирает своего врага.

— По сути, да. Как волк волка.

— Скорее как одно насекомое пожирает другое, — поправил Хопп. — Но продолжим наши поиски, Гаррисон. После того, что я увидал, у меня стало больше оснований беспокоиться о судьбе Лиззи.

— Мисс Лиззи здесь, — подтвердил молодой рабочий. — Я ее видел в желтой гоночной машине.

Хопп засыпал его вопросами, и Джо Уилп рассказал то немногое, что знал. Один раз машина, которая привезла его на Гарц, проехала совсем рядом с Лиззи. Он узнал маленькую изящную игрушку, в салоне которой (к этому уже привыкли жители города) обычно сидела юная золотоволосая красавица; дочь шефа и на этот раз оказалась за рулем и, хотя была, возможно, немного растеряна (тонкие брови на гладком лобике поднялись выше обычного), по-прежнему сохраняла спокойствие и самообладание. Джо Уилп ясно видал изящную фигурку девушки, откинувшейся на спинку сиденья; руки у нее были сложены на груди, а губы, покрашенные яркой помадой, крепко сжаты. Проезжая мимо, Джо высунулся из окошка и громко ее окликнул. Она обернулась, удивленная, но Джо был уже далеко. Через полчаса они встретились снова и потом несколько секунд ехали бок о бок. Но Джо к тому времени увидел нечто такое, что убедило его в необходимости соблюдать осторожность. Он предупредил девушку об опасности, которая ей грозит, если она захочет выпрыгнуть из машины, и успел сказать, что сделать это можно, только если условия будут особенно благоприятные. И тут они расстались опять, и больше в этом жутком столпотворении он ее не встречал.

— А что такое вы увидели перед тем, как во второй раз съехались с Лиззи? — спросил Хопп.

— Могу уверить, мистер Хопп, вам такое увидеть не захотелось бы, — ответил Джо Уилп. — Подумайте только: бедного Тома Клааса поставили сегодня регулировать движение около «Дома автомобиля». Он был прекрасный человек, я хорошо его знал, потому что мы земляки. Моя машина, как вам известно, одной из первых выехала из зала выставки, и когда я, делая отчаянные усилия ее остановить, ехал по эспланаде, я увидал Тома, который в абсурдной надежде установить контроль над этим беспорядочным потоком машин метался, размахивая белым жезлом регулировщика и непрерывно свистя в свой свисток. По-моему, он, как в общем-то и мы все, еще не понимал тогда, что происходит. Он увидел, как я проезжаю мимо, и крикнул: «Держись правой стороны, Джо!» Выполнить его приказ я, естественно, был не в состоянии. Тогда он закричал: «Я тебя оштрафую, Джо, все, ты предупрежден!» Представления не имею, на что он рассчитывал; знаю только, что он имел несчастье вскочить на полицейский мотоцикл и помчаться на нем за этим полчищем демонов. Он доехал до середины плоскогорья. Когда я его там увидел, он уже слез с мотоцикла. Не знаю, какие у него были намерения; ясно только, что в этот миг ему следовало бы думать прежде всего о спасении собственной жизни, потому что на него уже неслась мощный «Сталл» мистера Стерлинга. Увертываясь от машин, бедный Том непрерывно перебегал с места на место. По-моему, он уже понимал, что дела его плохи и «Сталл» мчится к нему не с самыми лучшими намерениями.

— Какая чушь! — сердито прервал его мистер Хопп. — То, что мы уже видели, абсурдно само по себе, но чтобы автомобиль, как хищник, стал еще и преследовать человека? Нет, в это я не поверю.

— Что ж, сэр, — спокойно ответил молодой рабочий. — Дай бог, чтобы то же не пришлось испытать нам. Позвольте мне только вам сказать, что несчастный Том подтвердить истинность моих слов уже никогда не сможет, потому что он теперь всего лишь кровавое месиво посредине плоскогорья, и если что от него и осталось, то лишь спрятанный у меня в кармане белый жезл, которым он регулировал движение. Я знал, что мать Тома будет с грустью и любовью хранить этот жезл, и потому, когда увидел его на песке, сразу поднял. Но, быть может, сэр, узнай вы историю мистера Стерлинга, вы бы думали иначе.

— Что сделал мистер Стерлинг?

— Ничего такого, что позволило бы причислить его к великим. И, однако, для всех, кто регулярно читает в газетах отдел происшествий, он знаменитей Джорджа Вашингтона. Худший шофер в мире, вот кто он такой, и с тех пор, как он купил себе свой первый автомобиль, не проходит месяца, чтобы хоть одна семья не надела по его вине траур. Он один погубил народу столько же, сколько его погубила половина всех водителей в городе; въезжал в витрины, очищал тротуары от пешеходов, а в день, когда обновлял свой «Пингр» с невероятно мощным двигателем, он выкорчевал столько уличных фонарей, сколько деревьев мог бы выкорчевать в лесу смерч. В конце концов, сэр, мистер Стерлинг так напрактиковался, что по тому, как подбрасывает машину, когда она кого-нибудь переезжает, и по некоторым другим признакам, которые он научился различать, он знает, не глядя на мостовую, ребенка он переехал или старика, мужчину или женщину. А научиться этому можно только после долгой практики. Те, кто знает мистера Стерлинга, говорят, что он не ошибается никогда. Чтобы на машине не видно было пятен крови, ему пришлось выкрасить ее в алый цвет. И я заявляю: не было бы ничего удивительного в том, что «Сталлу» мистера Стерлинга передались эти ужасные черты его хозяина.

— Говорят, — заметил Гаррисон, — что тигру, хоть раз попробовавшему человеческой крови, ничего другого уже не нужно.

— «Сталл», как тигр, наслаждался расправой с несчастным Томом, — подтвердил Джо. — Свалив Тома, «Сталл» начал ездить по нему взад-вперед и переехал раз двадцать. И еще труп Тома хотел переехать автобус женской школы святой Терезы.

— А у этого автобуса такое же прошлое?

— Не столь богатое событиями, однако, если вы как-нибудь увидите его на улице, очень советую вам взобраться поскорее на крышу ближайшего дома. Автобус этот до сегодняшнего дня возил девочек в школу, а потом развозил из школы по домам, и редко бывало, чтобы он не задавил по дороге хотя бы одного прохожего. Это было причиной многих огорчений, потому что вначале такие случаи производили на малюток сильное впечатление; но потом они стали плакать, если водитель давил не того, кого просили задавить они.

Пока Джо Уилп делился с Хоппом и Гаррисоном этими интересными сведениями, они втроем продолжали свой путь по краю плато туда, где скопление автомобилей было наибольшим. Немного помолчав, рабочий стал рассказывать дальше:

— Вот этот-то автобус и гнался за спортивной машиной Лиззи. Боюсь, что, поскольку «Сталл» не дал автобусу принять участие в расплющивании Тома, автобус, возбужденный этим зрелищем, сам стал искать способ удовлетворить свою жажду крови. Мисс Лиззи была слишком хорошо видна в ее открытой машине. После смерти моего бедного друга она и я были единственными людьми, которые еще оставались на плато.

— А потом?.. — боясь, не умалчивает ли Джо Уилп о чем-нибудь еще более страшном, спросил Хопп.

— Не думаю, чтобы с ней что-нибудь случилось, мистер Хопп, все в порядке, уверяю вас, — поспешил его заверить юноша. — Ведь автобус этот — неуклюжая громадина, лишенная легкости и маневренности гоночной машины, и ездить он привык не превышая скорости, установленной муниципалитетом. Этот толстяк автобус — лицемер, консерватор и буржуа. Готов поклясться, ему и в голову не придет, что он может ездить быстрей, чем ездил до этого. За спортивной машиной ему не угнаться. Мы наверняка найдем мисс Лиззи целой и невредимой.

Слова эти успокоили Хоппа и Гаррисона, и все втроем они продолжали поиски. Они видели машины, которые, остановившись на краю обрыва, ощупывали пространство лучами своих мощных фар. Видели другие, которые, въехав передними колесами на какой-нибудь валун, выли клаксонами с такой же тоской, с какой воют на луну собаки. Видели, как, подобно щенкам-непоседам, мчатся, весело играя, наперегонки гоночные машины. Видели грузовики с приплюснутыми, как пятачки огромных свиней, капотами; эти двигались медленно и, казалось, вот-вот начнут рыть землю...

Рассвет был уже близок, когда в группе машин, стоявших метрах в шестидесяти от них, Хопп увидел желтую гоночную. Фары других автомобилей ярко ее освещали, и за рулем этой машины они увидели Лиззи; положив руки на руль, она опустила на них голову и, похоже, спала.

— Лиззи! — истошно завопил Хопп.

Но крик его потонул в гаме автомобильных гудков. Лиззи не шевельнулась. Хопп кинулся к ее машине. Его спутники, боясь больше за него, чем за девушку, бросились следом, но даже быстроногий Джо Уилп не мог угнаться за своим шефом.

Если бы Хоппа спросили, как он сумел не попасть под какой-нибудь из пулей летящих автомобилей, перед самым носом которых он пробегал, он бы объяснить этого не смог. Так или иначе, до желтой машины он добрался, и, когда это произошло, Лиззи подняла голову и выпрямилась, похорошев еще больше от радостного удивления, озарившего ее лицо. Но в тот же миг желтая гоночная машина рванулась с места, смешалась с другими и начала удаляться. И Хопп, и Джо Уилп успели увидеть, как девушка крутит рулевое колесо и нажимает на тормоз, но изменить направление, в котором двигалась машина, ей так и не удалось. Ее автомобиль слился с потоком машин и исчез. Гаррисон был за то, чтобы теперь, когда они знали, что с Лиззи ничего не случилось, подождать ее в безопасном месте, но Хопп наотрез отказался ждать и зашагал в направлении, в котором уехала гоночная машина. Джо Уилп и Гаррисон последовали молча за ним. Вдруг у них за спиной раздался крик. Оказывается, машина Лиззи, описав полный круг, возвращалась обратно. Она опять проехала мимо, и Лиззи из нее протягивала к ним руки.

Другие автомобили не позволяли машине Лиззи развить полную скорость, но в то же время двигалась она не настолько медленно, чтобы можно было без большого риска из нее выпрыгнуть. Гаррисону теперь казалось, что вся эта история скорее кончится гибелью их троих, чем спасением Лиззи. То же, возможно, думал и Джо Уилп. Но что до мистера Хоппа, то он, став на одно колено, а на другое поставив локоть руки, в которой был пистолет, целился в желтую машину, и лицо его было напряженным и яростным. Раздался выстрел, сухой и короткий.

— О-о-ой! — завопила машина Лиззи и подняла колесо.

— Попал, попал! — закричал Гаррисон.

Он кинулся было к гоночному автомобилю, но Джо Уилп схватил его за полу пиджака и этим спас от неминуемой смерти. Приближался автобус женской школы святой Терезы, черный, лакированный, огромный, похожий на зал кинотеатра с рядами пружинящих сидений внутри, и двигался он так же тяжело и медленно, как тогда, когда развозил девочек домой. Раненое колесо желтой гоночной машины конвульсивно дергалось, и она стояла на месте. Трое мужчин увидели, как из нее выскочила и побежала к ним Лиззи. Автобус изменил направление и покатил на нее. Тридцать метров... двадцать... пять... Гаррисон зажмурился, чтобы не видеть. Черная громада уже надвинулась на девушку... И тут, будто перелетев через песок, перед автобусом стал Джо Уилп. Слепящие фары светили прямо на него. Неподвижный перед громадиной, твердо упираясь в землю ногами, Джо Уилп властно поднял руку, сжимавшую сейчас белый жезл, которым не один год регулировал движение покойный Том.

Автобус школы святой Терезы, законопослушный буржуа, остановился как вкопанный.

Чуть позже, в то время как Хопп и Гаррисон, усевшись в безопасном месте, слушали рассказ Лиззи, Джо стал искать в желтом автомобиле повреждение. Пуля разорвала одну тонкую проволочку, однако, чтобы вывести из строя одаренное разумом устройство, этого оказалось вполне достаточно. Выполняя профессиональный долг, Джо Уилп восстановил прерванный пулей контакт и уже хотел было пойти назад, к Хоппу, Гаррисону и Лиззи, но вдруг почувствовал: что-то толкнуло его легонько в ладонь правой руки. Он обернулся. К нему тянулся, благодарный и послушный, заостренный нос гоночной машины, похожий на рыбью голову. Автомобиль последовал за Джо Уилпом, а потом остановился на краю плоскогорья и стал терпеливо его ждать.

Перевел с испанского
Ростислав РЫБКИН.

Роберт ШЕКЛИ

ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В Нью-Йорке дверной звонок раздается как раз в тот момент, когда вы удобно устроились на диване, решив насладиться давно заслуженным отдыхом. Настоящая сильная личность, человек мужественный и уверенный в себе, скажет: «Ну их всех к черту, мой дом — моя крепость, а телеграмму можно подсунуть под дверь». Но если вы похожи характером на Эдельштейна, то подумаете, что это, наверное, блондинка из корпуса 12 С пришла одолжить баночку селитры. Или, возможно, явился какой-то сумасшедший кинорежиссер, желающий поставить фильм по письмам, которые вы шлете матери в Санта-Монику. (А почему бы и нет? Ведь делают фильмы на куда худших материалах?!)

Однако на этот раз Эдельштейн твердо решил не реагировать на звонок. Лежа на диване с закрытыми глазами, он громко сказал:

— Я никого не жду.

— Да, знаю,— отозвался голос по ту сторону двери.

— Мне не нужны энциклопедии, щетки и поваренные книги,— сухо сообщил Эдельштейн.— Что бы вы мне ни предложили, у меня это уже есть.

— Послушайте,— ответил голос.— Я ничего не продаю. Я хочу вам кое-что дать.

Эдельштейн улыбнулся тонкой печальной улыбкой жителя Нью-Йорка, которому известно: если вам преподносят в дар пакет, не помеченный «Двадцать долларов», то надеются получить деньги каким-то другим способом.

— Принимать что-либо бесплатно,— сказал Эдельштейн,— я тем более не могу себе позволить.

— Но я имею в виду действительно бесплатно,— подчеркнул голос за дверью.— Это ровно ничего не будет вам стоить ни сейчас, ни после.

— Не интересует! — заявил Эдельштейн, восхищаясь твердостью своего характера.

Голос не отозвался.

Эдельштейн произнес:

— Если вы еще здесь, то, пожалуйста, уходите.

— Дорогой мистер Эдельштейн,— мягко проговорили за дверью,— цинизм — лишь форма наивности. Мудрость есть проницательность.

— Он меня еще учит,— обратился Эдельштейн к стене.

— Ну, хорошо, забудьте все, оставайтесь при своем цинизме и расовых предрассудках, зачем мне это в конце концов?

— Минуточку,— заметил Эдельштейн.— Какие предрассудки? Насколько я понимаю, вы просто голос с другой стороны двери. Вы можете оказаться католиком, или адвентистом седьмого дня, или даже евреем.

— Не имеет значения. Мне часто приходилось сталкиваться с подобным. До свидания, мистер Эдельштейн.

— Подождите,— буркнул Эдельштейн.

Он ругал себя последними словами. Как часто он попадался в ловушки, оканчивающиеся, например, покупкой за 10 долларов иллюстрированного двухтомника «Сексуальная история человечества», который, как заметил его друг Манович, можно приобрести в любой лавке за 2.98!

Но голос уйдет, думая: «Эти евреи считают себя лучше других!..» Затем поделится своими впечатлениями с друзьями при очередной встрече «Лосей» или «Рыцарей Колумба».

— У меня слабый характер,— печально прошептал Эдельштейн. А вслух сказал: — Ну, хорошо, входите! Но предупреждаю с самого начала: ничего покупать не собираюсь.

Он заставил себя подняться, но замер, потому что голос ответил: «Благодарю вас»,— и вслед за этим возник мужчина, прошедший через закрытую, запертую на два замка дверь.

— Пожалуйста, секундочку, задержитесь на одну секундочку,— взмолился Эдельштейн. Он обратил внимание, что слишком сильно сжал руки и что сердце его бьется ненормально быстро.

Посетитель застыл на месте, а Эдельштейн вновь начал думать.

— Простите, у меня только что была галлюцинация.

— Желаете, чтобы я еще раз вам это продемонстрировал? — спросил гость.

— О боже, конечно, нет! Итак, вы прошли сквозь дверь! О боже, боже, кажется, я попал в переплет!

Эдельштейн вернулся к дивану и тяжело на него опустился. Гость сел на стул.

— Что происходит? — прошептал Эдельштейн.

— Я пользуюсь подобным приемом, чтобы сэкономить время,— объяснил гость.— Кроме того, это обыч-

Рисунок Леонида ФИРСОВА

но убеждает недоверчивых. Мое имя Чарлз Ситвел. Я полевой агент Дьявола... Не волнуйтесь, мне не нужна ваша душа.

— Как я могу вам поверить? — спросил Эдельштейн.

— На слово,— ответил Ситвел.— Последние пятьдесят лет идет небывалый приток американцев, нигерийцев, арабов и израильтян. Так же мы впустили больше, чем обычно, китайцев, а совсем недавно начали крупные операции на южноамериканском рынке. Честно говоря, мистер Эдельштейн, мы перегружены душами. Боюсь, что в ближайшее время придется объявить амнистию по мелким грехам.

— Так вы явились за мной?

— О дьявол, нет! — сказал Ситвел.— Я же вам говорю: все круги ада переполнены!

— Тогда зачем вы здесь?

Ситвел порывисто подался вперед.

— Мистер Эдельштейн, вы должны понять, что ад в некотором роде похож на «Юнайтед стейтс стил». У нас гигантский размах, и мы более или менее монополия. И, как всякая действительно большая корпорация, мы печемся об общественном благе и хотим, чтобы о нас хорошо думали.

— Разумно,— заметил Эдельштейн.

— Однако нам заказано устраивать, подобно Форду, фирменные школы и мастерские — неправильно поймут. По той же причине мы не можем строить города будущего или бороться с загрязнением окружающей среды. Мы даже не можем помочь какой-нибудь захолустной стране без того, чтобы кто-нибудь не поинтересовался нашими мотивами.

— Я понимаю ваши трудности,— признал Эдельштейн.

— И все же мы хотим что-то сделать. Поэтому время от времени, но особенно сейчас, когда дела идут так хорошо, мы раздаем небольшие премии избранному числу потенциальных клиентов.

— Клиент? Я?

— Никто не назовет вас грешником,— успокоил Ситвел.— Я сказал «потенциальных», что означает всех.

— А... Что за премии?

— Три желания,— произнес Ситвел живо.— Это традиционная форма.

— Давайте разберемся, все ли я понимаю,— попросил Эдельштейн.— Вы исполните три любых моих желания? Без вознаграждения? Без всяких «если» и «но»?

— Одно «но» будет,— сказал Ситвел.

— Я так и знал,— заявил Эдельштейн.

— Довольно простое условие. Что бы вы ни пожелали, ваш злейший враг получит вдвое.

Эдельштейн задумался.

— То есть если я попрошу миллион долларов...

— Ваш враг получит два миллиона.

— А если я попрошу пневмонию?

— Ваш злейший враг получит двухстороннюю пневмонию.

Эдельштейн поджал губы и покачал головой.

— Не подумайте только, что я советую вам, как вести дела, но не соблазняете ли вы этим пунктом добрую волю клиента?

— Риск, мистер Эдельштейн, но он совершенно необходим по двум причинам,— ответил Ситвел.— Видите ли, это условие играет роль обратной связи, поддерживающей гомеостасис.

— Простите, я не совсем вас понял.

— Попробуем по-другому. Данное условие уменьшает силу трех желаний, тем самым держа происходящее в разумных пределах. Ведь желание — чрезвычайно мощное орудие.

— Представляю,— кивнул Эдельштейн.— А вторая причина?

— Вы бы уже могли догадаться,— сказал Ситвел, обнажая безупречно белые зубы в некоем подобии улыбки.— Подобные пункты являются нашим, если можно так выразиться, фирменным знаком. Клеймом, удостоверяющим настоящий адский продукт.

— Понимаю, понимаю,— произнес Эдельштейн.— Но мне потребуется некоторое время на размышление.

— Предложение действительно в течение тридцати дней,— сообщил Ситвел, вставая.— Вам стоит лишь ясно и громко произнести свое желание. Об остальном позабочусь я.

Ситвел подошел к двери, но Эдельштейн остановил его.

— Я бы хотел только обсудить один вопрос.

— Какой? — спросил Ситвел.

— Понимаете, так случилось, что у меня нет злейшего врага. У меня вообще нет врагов.

Ситвел расхохотался, лиловым платком вытер с глаз слезы.

— Эдельштейн! — проговорил он.— Вы восхитительны! Ни одного врага!.. А ваш кузен Сеймур, которому вы отказались одолжить пятьсот долларов, чтобы начать бизнес по сухой чистке? Или, может быть, он ваш друг?

— Я не подумал о Сеймуре,— признался Эдельштейн.

— А миссис Абрамович, которая плюется при упоминании вашего имени, потому что вы не женились на ее Марьери? А Том Кэссиди, обладатель полного собрания речей Геббельса? Он каждую ночь мечтает перебить всех евреев, начиная с вас... Эй, что с вами?

Эдельштейн, сидевший на диване, внезапно побелел и вновь сжал руки.

— Мне и в голову не приходило...— пробормотал он.

— Никому не приходит,— успокоил Ситвел,— не огорчайтесь и не принимайте близко к сердцу. Шесть или семь врагов — пустяки. Могу вас заверить, что это ниже среднего уровня.

— Кто еще? — потребовал Эдельштейн, тяжело дыша.

— Я не хочу говорить вам. Зачем лишние волнения?

— Но я должен знать, кто мой злейший враг! Это Кэссиди? Может, купить ружье?

Ситвел покачал головой.

— Кэссиди — безвредный полоумный лунатик. Он не тронет вас и пальцем, поверьте мне. Ваш злейший враг — человек по имени Эдуард Самуэль Манович.

— Вы уверены в этом? — спросил потрясенный Эдельштейн.

— Абсолютно.

— Но Манович — мой лучший друг!

— А также ваш злейший враг,— ответил Ситвел.— Иногда так бывает. До свидания, мистер Эдельштейн, желаю вам удачи со всеми тремя желаниями.

— Подождите! — закричал Эдельштейн. Он хотел задать миллион вопросов, но находился в таком замешательстве, что сумел только спросить: — Как может быть, что ад переполнен?

— Потому что безгрешны только небеса,— сообщил ему Ситвел.— Счастливо, мистер Эдельштейн.

Ситвел махнул рукой, повернулся и вышел через закрытую дверь.

Эдельштейн не мог прийти в себя несколько минут. Он думал об Эдди Мановиче. Злейший враг!.. Смешно, в аду явно ошиблись. Он знал Мановича почти двадцать лет, каждый день встречался с ним, играл в шахматы. Они вместе гуляли, вместе ходили в кино, по крайней мере раз в неделю вместе обедали.

Правда, конечно, Манович иногда разевал свой большой рот и переходил границы благовоспитанности.

Иногда Манович бывал груб.

Честно говоря, Манович часто вел себя просто оскорбительно.

— Но мы друзья,— обратился к себе Эдельштейн.— Мы друзья, не так ли?

Он знал, что есть простой способ проверить это — пожелать себе миллион долларов. Тогда у Мановича будет два миллиона долларов. Ну и что? Будет ли его, богатого человека, волновать, что его лучший друг еще богаче?

Да! И еще как! Ему всю жизнь не будет покоя из-за того, что Манович разбогател на его, Эдельштейна, желании.

«Боже мой!— думал Эдельштейн.— Час назад я был бедным, но довольным человеком. Теперь у меня есть три желания и враг».

Он обхватил голову руками. Надо хорошенько поразмыслить.

На следующей неделе Эдельштейн договорился на работе и день и ночь сидел над блокнотом. Сперва он не мог думать ни о чем, кроме зáмков. Зáмки гармонировали с желаниями. Но, если приглядеться, это не так просто. Имея замок средней величины с каменными стенами в десять футов толщиной, землями и всем прочим, необходимо заботиться о его содержании. Надо думать об отоплении, плате слугам и так далее.

Все сводилось к деньгам.

Я могу иметь приличный замок на две тысячи в неделю, прикидывал Эдельштейн, быстро записывая в блокнот цифры. Но это значит, что Манович будет содержать два замка по четыре тысячи долларов в неделю!

Наконец, Эдельштейн перерос зáмки; мысли его стали занимать путешествия. Может, попросить кругосветное? Но что-то не хочется. А может, провести лето в Европе? Хотя бы двухнедельный отдых в Фонтенбло или в Майами-Бич, чтобы успокоить нервы? Но тогда Манович отдохнет вдвое краше!

Уж лучше остаться бедным и лишить Мановича возможных благ.

Лучше, но не совсем.

В течение последней недели Эдельштейн все больше отчаивался и злился. Он говорил себе: «Я идиот, откуда я знаю, что все это правда? Хорошо, Ситвел мог проходить сквозь двери, но разве он волшебник? Может быть, это химера».

Он сам удивился, когда встал и громко и уверенно произнес:

— Я желаю двадцать тысяч долларов! Немедленно!

Он почувствовал мягкий толчок. А вытащив бумажник, обнаружил в нем чек на 20 000 долларов.

Эдельштейн пошел в свой банк и протянул чек, дрожа от страха, что сейчас его схватит полиция. Но его просто спросили, желает ли он получить наличными или положить на свой счет.

При выходе из банка он столкнулся с Мановичем, чье лицо выражало одновременно испуг, замешательство и восторг.

Эдельштейн в расстроенных чувствах пришел домой и остаток дня мучился болью в животе.

Идиот! Он попросил лишь жалких двадцать тысяч! А Манович получил сорок!

Человек может умереть от раздражения.

Эдельштейн впадал то в апатию, то в гнев. Боль в животе вернулась — похоже на язву. Все так несправедливо! Он загоняет себя в могилу, беспокоясь о Мановиче!

Но зато он понял, что Манович действительно его враг. Мысль, что он собственными руками обогащает своего врага, буквально убивала его.

Он сказал себе: «Эдельштейн! Так больше нельзя. Надо позаботиться об удовлетворении».

Но как?

И тут это пришло к нему. Эдельштейн остановился. Его глаза безумно забегали, и, схватив блокнот, он стал что-то вычислять. Закончив, он почувствовал себя лучше, кровь прилила к лицу — впервые после визита Ситвела он был счастлив!

— Я желаю шестьсот фунтов рубленой цыплячьей печенки!

Несколько порций рубленой цыплячьей печенки Эдельштейн съел, пару фунтов положил в холодильник, а остальное продал по половинной цене, заработав на этом 700 долларов. Оставшиеся незамеченными 75 фунтов убрал дворник. Эдельштейн от души смеялся, представляя Мановича, по шею заваленного печенкой.

Радость его была недолгой. Он узнал, что Манович оставил десять фунтов для себя (у этого человека всегда был хороший аппетит), пять фунтов подарил неприметной, маленькой вдовушке, на которую хотел произвести впечатление, остальное продал за 2000 долларов.

«Я слабоумный, дебил, кретин,— думал Эдельштейн.— Из-за минутного удовлетворения потратить желание, стоящее по крайней мере миллион долларов! И что я с этого имею? Два фунта рубленой цыплячьей печенки, пару сотен долларов и вечную дружбу с дворником!»

Оставалось одно желание.

Теперь необходимо воспользоваться им с умом. Надо попросить то, что ему, Эдельштейну, хочется отчаянно и вовсе не хочется Мановичу.

Прошло четыре недели. Однажды Эдельштейн осознал, что срок подходит к концу. Он истощил свой мозг и лишь для того, чтобы убедиться в самых худших подозрениях: Манович любил все, что любил он сам. Манович любил зáмки, женщин, деньги, автомобили, отдых, вино, музыку...

Эдельштейн взмолился:

— Господи боже мой, управляющий адом и небесами, у меня было три желания, и я использовал два самым жалким образом. Боже, я не хочу быть неблагодарным, но спрашиваю тебя, если человеку обеспечивают выполнение трех желаний, он может использовать их с большей пользой, чем я? Может ли он сделать что-нибудь хорошее для себя, не пополняя при этом карманов Мановича, злейшего врага, который запросто все получает вдвое?

Настал последний час. Эдельштейн был спокоен, как человек, готовый принять судьбу. Он понял, что ненависть к Мановичу была пустой, недостойной его. С новой приятной безмятежностью он сказал себе: «Сейчас я попрошу то, что нужно лично мне, Эдельштейну».

Эдельштейн встал и выпрямился.

— Это — мое последнее желание. Я слишком долго был холостяком. Мне нужна женщина, на которой я могу жениться. Она должна быть около пяти футов четырех дюймов высотой, весить примерно 115 фунтов, с хорошими формами, конечно, и с натуральными светлыми волосами. Интеллигентная, практичная, влюбленная в меня, еврейка, конечно, но тем не менее сексуальная и с чувством юмора.

Мозг Эдельштейна внезапно заработал на бешеной скорости.

— А особенно,— добавил он,— она должна быть пределом, максимумом, который только я хочу и с которым могу справиться, я говорю исключительно в плане интимных отношений. Вы понимаете, что я имею в виду, Ситвел? Деликатность не позволяет мне объяснить вам более подробно, но если дело требует того...

Раздалось легкое, однако какое-то сексуальное постукивание в дверь. Эдельштейн, смеясь, пошел открывать.

«Двадцать тысяч долларов, два фунта печенки и теперь это! Манович,— подумал он,— ты попался! Удвоенный предел желаний мужчины... Нет, такого я не пожелал бы и злейшему врагу, но я пожелал!»

Перевод с английского Владимира БАКАНОВА.

Литературный глобус «Смены»

Роберт ШЕКЛИ

РАССКАЗ

ПРОБЛЕМЫ ОХОТЫ

Перевод с английского Александра САНИНА

Это был последний военный сбор перед Большим Праздником скаутов, и на него прибыли все отряды. Отряд № 22 — «Парящий сокол» — расположился в тенистой лощине и нес передовой дозор. Отряд № 31 — «Отважные бизоны» — патрулировал небольшую речушку. Одновременно «бизоны» упражнялись в питье жидкости и возбужденно хохотали над непривычными ощущениями.

Отряд № 19 — «Охотники на мираша» — ожидал разведчика Дрога, как всегда, опаздывавшего.

Дрог, со свистом спустившись с высоты десять тысяч футов и обретя твердое тело, торопливо присоединился к группе скаутов.

— Уф,— сказал он,— простите, я не думал, что уже...

Командир отряда свирепо уставился на него.

Вокруг захихикали. Дрог густо покраснел. Ему хотелось провалиться сквозь землю.

— Этот сбор мне хотелось бы начать с «Клятвы Скаутов»,— сказал Командир. Он прокашлялся и продолжил: — «Мы, юные скауты планеты Элбонай, клянемся увековечить знания и опыт наших предков-пионеров. Для этой цели мы принимаем их облик и становимся такими, какими были они, когда покоряли девственные просторы Элбоная. Мы клянемся...»

Разведчик Дрог настроил свои слуховые рецепторы, чтобы лучше слышать командирскую речь. Он всегда очень волновался, когда слышал «Клятву Скаутов».

Трудно поверить, что когда-то их предки были привязаны к Земле. Нынешние элбонайцы умели летать на высоте до двадцати тысяч футов, сохраняя при этом лишь самый минимум своего тела и питаясь космической радиацией. Вниз элбонайцы спускались в случае крайней необходимости, а также во время подготовки к Большому Празднику.

— ...вести только честную и справедливую борьбу,— продолжал Командир.— Еще мы клянемся пить жидкости и есть твердую пищу, как это делали они, и в еще большей степени овладеть их знаниями и умениями

Ритуал закончился, и молодые скауты рассыпались по равнине. Командир отряда подошел к Дрогу.

— Это последний сбор перед Большим Праздником,— сказал он.

— Я знаю,— ответил Дрог.

— А ты еще до сих пор всего-навсего разведчик второго класса. Все остальные уже давно имеют первый класс или хотя бы звание младшего пионера. Что могут подумать о нашем отряде?

Дрог смущенно поежился

— В этом не только моя вина,— сказал он.— Конечно, мне не удалось сдать нормативы по плаванию и по приготовлению бомбы, но не в этом мое призвание. Не могу же я уметь делать все. Даже среди пионеров были узкие специалисты

— В чем же твое призвание?— прервал его Командир.

— Горы и леса,— с готовностью ответил Дрог.— Я прошел полный курс по выслеживанию и охоте.

Некоторое время Командир испытующе смотрел на него. Затем медленно произнес:

— Дрог, как ты смотришь на то, чтобы воспользоваться последним шансом получить первый класс до начала Большого Праздника да еще и Почетный Знак в придачу?

— Я готов на все ради этого!— крикнул Дрог

— Прекрасно,— сказал Командир.— Как называется наш отряд?

— Отряд «Охотники на мираш», сэр!

— А что такое мираш?

— Мираш — это крупный и свирепый зверь,— четко отвечал Дрог.— Когда-то мираши заселяли обширную часть Элбоная, и наши предки вели с ними жестокую борьбу. Теперь все мираши уже уничтожены.

— Это не совсем так,— сказал Командир отряда.— Один разведчик исследовал леса в пятистах милях к северу отсюда, координаты 233° с. ш.— 482° з. д., и обнаружил стаю из трех мирашей. Все самцы, так что охотиться на них можно. Я хочу, чтобы ты, Дрог, их выследил. Еще я хочу, чтобы ты, использовав методы пионеров, добыл шкуру одного мираша. Справишься?

— Убежден, что справлюсь, сэр!

— Тогда отправляйся немедленно,— сказал Командир,— и запомни: шкуру мираша мы прикрепим к нашему флагштоку. Нас наверняка отметят на Большом Празднике.

— Слушаюсь, сэр!— Дрог поспешно собрал все снаряжение, наполнил флягу жидкостью, захватил завтрак из твердой пищи и отправился в путь.

Через несколько минут он уже парил над заданным квадратом. Местность была дикой и романтической — горы, покрытые снегами, причудливо изломанные скалы, редкие деревья, разбросанные по равнине, и заросли густого кустарника. Дрог озабоченно осматривался.

Он слегка покривил душой перед Командиром отряда.

Он был не слишком силен в выслеживании и охоте. Дрог был способен лишь на то, чтобы многими часами парить в мечтательной задумчивости среди облаков на высоте пять тысяч футов.

А вдруг ему не удастся найти мирашей? Вдруг мираши первыми заметят его?

Внезапно он почувствовал слабый запах мирашей. И тут же уловил какое-то движение возле Т-образной скалы, ярдах в двадцати от него.

«Как все, оказывается, просто,— подумал Дрог.— Везет же мне!» Он спокойно замаскировался подобающим образом и начал продвигаться вперед.

Горная тропа становилась круче. Солнце палило совершенно беспощадно. Даже в своем кондиционированном комбинезоне Пакстон обливался потом. Ему уже чертовски приелось все это.

— Когда мы, наконец, уберемся отсюда?— спросил он

Эррера успокаивающе похлопал его по плечу.

— Ты что, не желаешь разбогатеть?

— Мы и так уже богаты,— сказал Пакстон.

— Да, но недостаточно,— заметил Эррера, и его длинное, коричневое от загара лицо сморщилось в улыбке.

Подошел Стилмэн, пыхтя под тяжестью поискового оборудования. Он осторожно опустил свой груз на тропинку и уселся рядом.

— Слушайте, джентльмены, не пора ли передохнуть немного?

— Можно,— сказал Эррера.— Я вообще готов был бы всю жизнь отдыхать.

Он сел, прислонившись спиной к Т-образной скале.

Стилмэн закурил трубку, а Эррера, расстегнув «молнию» на кармане комбинезона, достал сигару. Пакстон некоторое время наблюдал за ними. Затем он повторил свой вопрос:

— Так когда же мы уберемся с этой планеты? Или вы собираетесь всю жизнь торчать здесь?

Эррера усмехнулся и, чиркнув спичкой, зажег сигару.

— Ты что, не слышал, что я сказал?— завопил Пакстон.

— Успокойся, не тебе одному решать,— сказал Стилмэн.— В этой экспедиции мы равноправные партнеры.

— Но все это было организовано на мои деньги!— напомнил Пакстон.

— Разумеется. Только поэтому мы и приняли тебя в долю. Эррера — опытный золотоискатель. Я обладал всеми теоретическими знаниями и вдобавок управлял ракетой. А у тебя были деньги.

— Но мы уже и так завалили весь корабль,— настаивал Пакстон.— Грузовые отсеки набиты до предела. Почему бы нам не отправиться наконец в какое-нибудь цивилизованное место и не начать прожигать жизнь?

— Мы с Эррерой не разделяем твоих аристократических замашек,— сказал Стилмэн.— У нас с ним есть невинное желание заполнить сокровищами каждую щель, каждый уголок. Мы хотим, чтобы бочки для горючего были набиты золотом, мешки для зерна — изумрудами, чтобы пол был на целый фут покрыт алмазами. Ведь здесь повсюду разбросаны бесценные сокровища, которые умоляют, чтобы их подобрали. Мы хотим быть фантастически богаты, Пакстон, до отвращения богаты, понимаешь?

Пакстон не слушал. Он напряженно всматривался во что-то у изгиба тропы. Внезапно он прошептал:

— Это дерево только что сдвинулось с места.

Эррера расхохотался.

— Видимо, какое-то чудовище,— насмешливо сказал он.

— Спокойно,— сказал Стилмэн.— Послушай, малыш, я уже пожилой, расположенный человек, и меня нетрудно напугать. Неужели ты думаешь, что я бы

оставался здесь, если бы нам грозила хоть малейшая опасность?

— Смотрите! Оно снова шевельнулось!

— Мы обследовали эту планету три месяца назад,— сказал Стилмэн.— И не обнаружили здесь никаких признаков пребывания разумных существ, никаких опасных животных и ядовитых растений. Здесь есть только леса, горы, озера, реки да разбросанные повсюду изумруды и золотые слитки. К тому же в противном случае на нас бы уже наверняка напали.

— Говорю вам, я видел, как оно двигалось,— настаивал Пакстон.

Эррера встал.

— Это дерево?— спросил он.

— Да. Посмотри сам, оно даже не похоже на другие деревья. Совсем иная форма...

Неуловимым движением Эррера выхватил из кобуры бластер и трижды выстрелил в дерево. Через мгновение там, где стояло дерево, и в радиусе десяти ярдов вокруг остались только черные, обгоревшие остовы.

— Ну вот и все,— сказал Эррера.

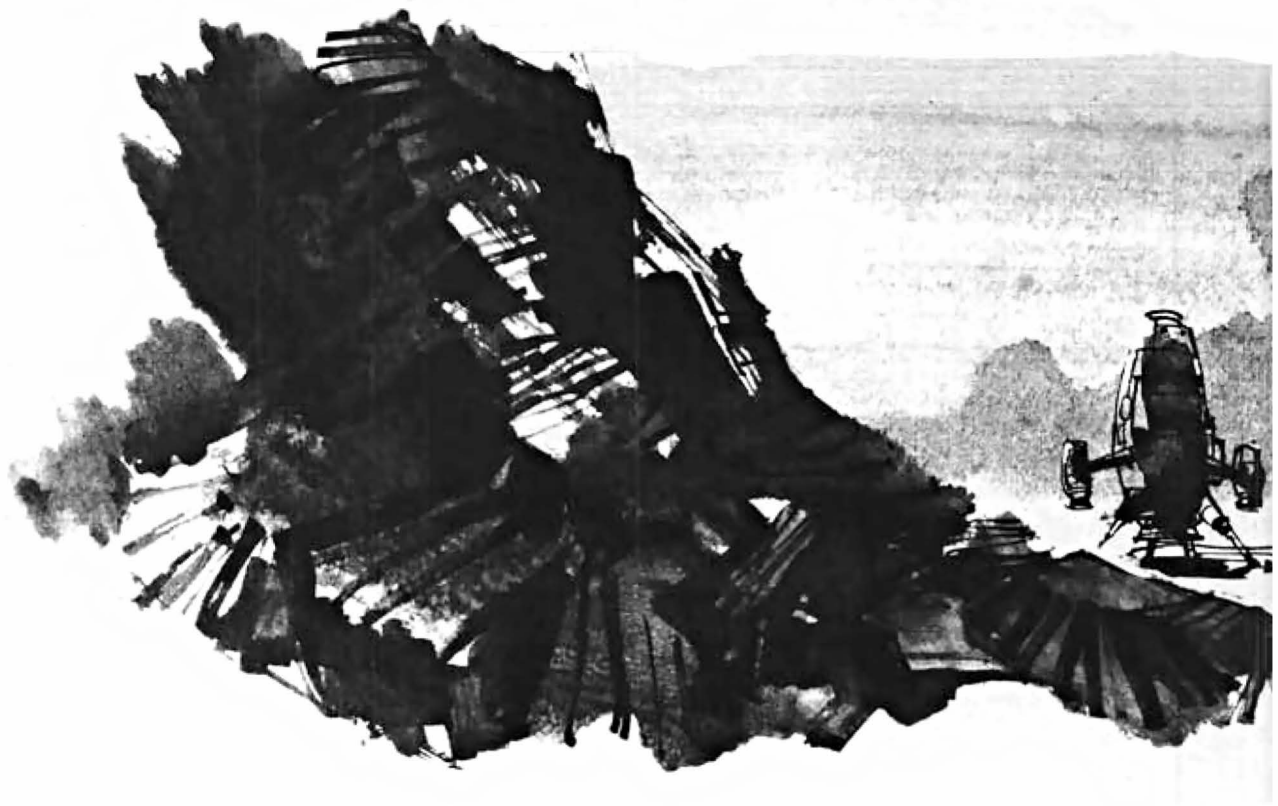
Пакстон поскреб подбородок.

— Я слышал, как оно вскрикнуло, когда ты выстрелил.

— Ну, конечно. Но теперь я его уже пристрелил,— мягко сказал Эррера.— Если еще что-нибудь будет двигаться, ты мне только скажи, я и с ним разделаюсь. Ну, а теперь давайте-ка пособираем еще изумрудов.

Пакстон и Стилмэн, подобрав свои сумки, двинулись вверх по тропе за Эррерой.

— Ничего парень, да?— тихо сказал Стилмэн Пакстону, кивая на Эрреру.



Дрог с трудом приходил в себя. Огненное оружие мираша застало его врасплох. До сих пор он не мог понять, как это произошло. Ведь не было даже предварительного обнюхивания, рычания, прижимания ушей, буквально никакого предупреждения. Мираш напал совершенно внезапно, не попытавшись даже выяснить, друг перед ним или враг.

Теперь Дрог осознал, с каким беспощадным зверем он столкнулся.

Подождав, пока затихнут шаги мирашей, он, превозмогая боль, попытался привести в порядок зрительные рецепторы. Ничего не вышло. Дрога охватил ужас. Если повреждена нервная система, это конец.

Он сделал еще одну отчаянную попытку и вздохнул с облегчением — зрение восстановилось.

Инстинктивно он успел сквондицироваться в момент вспышки, и это спасло ему жизнь.

Дрог почувствовал, что у него не осталось уже ни малейшего желания преследовать мирашей. Ну, а что, если он вернется без этой дурацкой шкуры? Он мог бы сказать Командиру отряда, что все мираши оказались самками, на которых охотиться было запрещено. Слово разведчика не подвергается сомнению, и его никто не стал бы проверять и допрашивать.

Впрочем, он никогда не пойдет на это. Как можно было только подумать такое?

«Что ж,— мрачно размышлял он,— может, уйти из скаутов? Положить конец надоевшим кострам, пению, играм, товариществу? Нет, ни за что! Надо взять себя в руки».

В этот раз он действовал так, как будто мираш был сознательным существом. А ведь мираши — неразумные существа. Ни одно животное без щупальцев не может быть разумным. Это Закон Этлиба, а он никогда еще не нарушался. В борьбе разума с животным инстинктом разум всегда побеждает. Иначе быть не может. Остается только избрать способ.

Дрог вновь пустился на поиски мирашей, преследуя их по запаху. «Какое лучше применить оружие?— думал он.— Небольшую бомбу? Нет, это почти наверняка испортит шкуру».

Вдруг он остановился и расхохотался. Все было так просто, и как он только раньше не додумался? Зачем ему было вступать в непосредственный и опасный контакт с мирашами? Надо было только слегка пораскинуть мозгами, использовать свои знания психологии животных и умение расставлять капканы с приманкой.

Вместо того, чтобы преследовать мирашей, он отправится к ним в логово. И там он устроит ловушку.

Их временный лагерь был разбит в пещере. Когда они добрались туда, солнце уже садилось. Утесы и острые вершины скал отбрасывали на землю причудливые длинные тени. Корабль находился в долине, милях в пяти от лагеря. Его металлический корпус отбрасывал красновато-серебристые блики. В сумках путешественников было около дюжины изумрудов, небольших, но изумительного качества.

В такие минуты Пакстон любил мечтать о девушке со светлыми волосами из маленького городка в Огайо; Эррера улыбался про себя, предвкушая, как он протранжирит миллион долларов, прежде чем займется серьезным делом, а Стилмэн мысленно проговаривал свою будущую диссертацию об инопланетных минеральных месторождениях.

У всех было приподнятое настроение. Пакстон полностью оправился от недавней встряски. Он бы уже не возражал, если бы и в самом деле вдруг появилось какое-нибудь зеленое чудовище, преследующее прелестную девушку.

— Ну, вот мы и дома,— сказал Стилмэн, когда они достигли входа в пещеру.— Как насчет бифштекса на ужин?— Сегодня была его очередь готовить.

— Только с луком,— откликнулся Пакстон, направляясь в пещеру. Вдруг он отскочил назад.— Это еще что за чертовщина?

В нескольких футах от входа они увидели блюдо с маленьким, еще дымящимся бифштексом, бутылку виски и четыре крупных алмаза.

— Странно,— сказал Стилмэн.— И чертовски тревожно.

Пакстон склонился, чтобы лучше рассмотреть алмазы, но Эррера оттолкнул его.

— А если они начинены взрывчаткой?

— Но я не вижу никаких проводов,— возразил Пакстон.

Эррера уставился на бифштекс, алмазы и виски. Выглядел он весьма мрачным.

— Не верю я всему этому,— сказал он.

— Возможно, на планете все же есть аборигены,— предположил Стилмэн,— и они очень робкие. А это они могли прислать в знак своих добрых намерений.

— Правильно,— ответил Эррера,— и они послали на Землю за бутылкой «Олд Спейс Рейнджер» специально ради нас!

— Что будем делать?— спросил Пакстон.

— Отойдите-ка немного назад,— приказал Эррера. Он отломил от стоящего рядом дерева длинную ветку и осторожно потрогал ею алмазы.

— Ну вот, ничего же не случилось,— сказал Пакстон.

Длинная трава, в которой стоял Эррера, внезапно обвила его щиколотки. Земля под ним вздыбилась, образовав небольшой диск футов пятнадцати диаметром, который, вырывая с корнями траву, завертелся и начал подниматься в воздух. Эррера попытался спрыгнуть, но стебли держали его, словно тысячи зеленых щупальцев.

— Держись!— завизжал Пакстон и, прыгнув вперед, уцепился за край диска. Диск круто накренился, на мгновение замер, а затем вновь стал подниматься. Но Эррера уже успел выхватить охотничий нож и начал судорожными движениями рассекать державшие его стебли. Выйдя из оцепенения при виде парящего в воздухе Пакстона, Стилмэн ухватил его за ноги, задержав еще ненамного стремительный подъем диска. Тем временем Эррера с силой вырвал еще одну ногу, перекинув свое мощное тело через край диска. Стебли, обвивавшие вторую ногу, постепенно поддались под его тяжестью. Падая вниз головой, Эррера успел в последний момент подогнуть шею и приземлился на плечи. Пакстон тоже отпустил диск и свалился прямо на Стилмэна.

Облегченный диск вместе с бифштексом, алмазами и бутылкой виски взмыл вверх и скрылся из виду.

Солнце село. Трое мужчин молча вошли в пещеру, держа бластеры наготове. У входа они разожгли костер, а сами прошли вглубь.

— Будем дежурить по очереди,— приказал Эррера.

Пакстон и Стилмэн согласно кивнули.

— Ты прав, Пакстон,— продолжал Эррера,— мы уже достаточно долго прожили здесь.

— Слишком долго,— подтвердил Пакстон.

— Как только рассветет, мы перейдем на корабль и уберемся отсюда к черту.

— Если нам суждено добраться до корабля,— сказал Стилмэн.

Дрог был полностью обескуражен. С замиранием сердца он следил за тем, как сработал его капкан, какая развернулась борьба и как мирашу удалось спастись. Это был такой замечательный мираш! Самый крупный из троих.

Теперь Дрог осознал, в чем была его ошибка. В стремлении добиться наилучшего результата он переборщил с приманкой. Было бы достаточно и одних минералов, без которых мираши явно не могли обходиться. Так нет же, ему захотелось улучшить методы пионеров и использовать еще пищевой стимул. Не удивительно, что мираши заподозрили что-то неладное.

Теперь же они озлобились и держались настороже. А разъяренный мираш — одно из самых опасных существ во всей Галактике.

Когда на западе Элбоная взошли обе Луны, Дрог почувствовал себя слишком одиноким. Он видел пылающий у входа в пещеру костер, разведенный мирашами, видел самих мирашей, затаившихся в глубине, с оружием наготове.

Неужели шкура мираша стоила таких усилий? Дрог подумал, как хорошо было бы сейчас полетать на высоте пять тысяч футов и помечтать немного, вылепливая затейливые фигурки из облаков. Он с удовольствием поел бы

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

немного космической радиации, вместо того чтобы поглощать отвратительную твердую пищу. И вообще какой смысл во всей этой охоте с преследованием? Ненужные умения, которые никогда не пригодятся его народу.

Дрог было уже совсем убедил себя в этом, как вдруг его словно осенило.

Да, элбонайцы пережили то время, когда шла борьба за существование. В рамках своей цивилизации они не вели никакой борьбы. Но Вселенная велика и полна неожиданностей. Кто может предвидеть, что ждет цивилизацию, с какими новыми опасностями придется ей столкнуться? И как быть тогда, если охотничьи навыки будут утрачены?

Нет, старые знания нельзя забывать; они должны служить образцом, должны напоминать, что мирная и разумная жизнь слишком шатка и непостоянна во враждебной Вселенной.

Он добудет шкуру мираша или погибнет. Самое главное — заставить их покинуть пещеру. Охотничий инстинкт вновь вернулся к Дрогу. Быстро и умело он настроил свои голосовые связки на голос мирашей.

— Ты слышал? — спросил Пакстон.

— Кажется, да,— ответил Стилмэн.

Они напряженно вслушивались в темноту.

Звук послышался снова. Чей-то голос кричал:

— На помощь! На помощь!

— Это девушка! — Пакстон вскочил на ноги.

— Только похоже на девушку,— подчеркнул Стилмэн.

— На помощь, умоляю! — слышались крики.— Я больше не выдержу! Помогите хоть кто-нибудь!

Кровь бросилась в голову Пакстону. На мгновение он представил себе девушку — маленькую, хрупкую, спящую возле своего сломанного туристического корабля (что за идиотство путешествовать таким образом!) в окружении скользких, отвратительных зеленых чудовищ.

Пакстон поднял запасной бластер.

— Я пойду туда,— спокойно сказал он.

— Сядь на место, идиот! — приказал Эррера.

— Ты же слышал, как она...

— Это не может быть девушка,— сказал Эррера.— Откуда возьмется девушка на этой планете?

— Это я собираюсь выяснить,— решительно заявил Пакстон, угрожающе размахивая двумя бластерами.

— Сядь! — рявкнул Эррера.

— Он прав,— попытался урезонить Пакстона Стилмэн,— даже если там действительно девушка, в чем я очень сомневаюсь, мы все равно уже не сможем ей помочь.

— На помощь! Помогите! Он бежит за мной! — звал голос.

— Прочь с дороги! — с угрозой крикнул Пакстон.

— Ты в самом деле хочешь идти? — недоверчиво переспросил Эррера.

— Да. И попробуй только мне помешать!

— Что ж, валяй! — Эррера махнул рукой к выходу из пещеры.

— Нельзя же так отпускать его,— с ужасом сказал Стилмэн.

— Ему же подыхать,— лениво ответил Эррера.

— Не беспокойтесь,— сказал Пакстон,— через пятнадцать минут я вернусь.— И прибавил: — Вместе с ней.

Повернувшись на каблуках, он направился к выходу. Эррера подался чуть вперед и точно рассчитанным движением стукнул его поленом по затылку. Стилмэн еле успел подхватить оседавшее тело.

Вдвоем они оттащили Пакстона в глубь пещеры и вернулись на свой пост. Несчастная леди стонала и умоляла о помощи еще долгих пять часов.

Мрачный, дождливый рассвет Дрог встретил в ста ярдах от пещеры. Он видел, как мираши выбрались наружу и тесной кучкой, с оружием наготове двинулись вперед, внимательно осматривая все вокруг.

Почему и на сей раз у него ничего не получилось? Учебник скаутов говорил, что это самое верное средство выманить самца мираша.

Мираши направлялись к яйцевидному металлическому снаряду, в котором Дрог узнал примитивное приспособление для космических полетов. Модель была довольно грубая, но внутри ее мираши оказались бы в безопасности.

Конечно, он мог просто тревестировать их, но это было бы слишком негуманно... Древние элбонайцы всегда были милостивы к своим врагам, а юный разведчик во всем стремился походить на них.

Оставалась еще илитроция. Это был один из древнейших способов, но для его осуществления Дрогу пришлось бы подобраться к мирашам вплотную. Впрочем, терять ему было уже нечего.

К тому же погода благоприятствовала ему.

Сначала висела лишь легкая, прозрачная дымка. Но затем, когда водянистое солнце взошло на сером небосклоне, спустился настоящий туман.

Когда он начал сгущаться, Эррера с досадой выругался.

— Держитесь ближе друг к другу,— сказал он.— Надо же, такое невезение!

Теперь они шли, держа друг друга за плечи, с бластерами наготове. Рассмотреть что-либо в непроницаемой мгле было невозможно.

— Эррера!

— Что?

— Ты уверен, что правильно идем?

— Конечно. Я взял курс по компасу еще до проклятого тумана.

— А если компас сломается?

— Не думай лучше об этом.

Они шли, осторожно прокладывая дорогу среди обломков скал.

— Кажется, я вижу корабль,— сказал Пакстон.

— Нет, еще рано,— отозвался Эррера.

Неожиданно Стилмэн споткнулся о камень и выронил бластер. Подняв его, он пошарил во мгле руками, пока не нащупал плечо Эрреры, и продолжил свой путь.

— Уже близко,— сказал Эррера.

— Хотелось бы верить,— откликнулся Пакстон,— я уже сыт по горло всем этим.

— Думаешь, твоя красотка ждет тебя на корабле?

— Тебе не надоело болтать об одном и том же?

— Ладно-ладно,— сказал Эррера.— Послушай, Стилмэн, держись-ка лучше за мое плечо. Не стоило бы сейчас теряться.

— Я и так держусь за твое плечо,— ответил Стилмэн.

— Ничего подобного.

— Говорю тебе, что да.

— Послушай, я, наверное, лучше знаю, держит меня кто-то за плечо или нет.

— Может, это твое плечо, Пакстон?

— Нет,— отозвался тот.

— Плохо дело,— медленно произнес Стилмэн,— очень плохо.

— Почему?

— Потому что я определенно держусь за чье-то плечо.

— Ложись! — дико заорал Эррера.— Быстрей ложись! Дай мне выстрелить!

Но было уже поздно. Кисловатый запах распространился в воздухе. Стилмэн и Пакстон вдохнули его и рухнули как подкошенные. Эррера вслепую рванулся вперед, стараясь не дышать, но споткнулся, перелетел через обломок скалы, попытался встать...

Все почернело в его глазах.

Неожиданно туман рассеялся. Дрог стоял один, торжествующе улыбаясь. Он вытащил длинный нож и склонился над ближайшим к нему мирашем...

Корабль несся к Земле со скоростью, грозившей в один миг пережечь все двигатели. Эррера суетился над пультом управления. Наконец ему удалось, обретя свое обычное хладнокровие, переключить скорость на нормальную. Его руки дрожали, а загорелое лицо все еще было землистого цвета. Из каюты, пошатываясь, вышел Стилмэн и в полном изнеможении рухнул в кресло второго пилота.

— Как Пакстон? — спросил Эррера.

— Я впрыснул ему Дрон-3,— сказал Стилмэн.— Все будет в порядке.

— Он славный малыш,— сказал Эррера.

— Думаю, это шок,— сказал Стилмэн.— Когда он придет в себя, я посажу его считать алмазы. Лучшей терапии, по-моему, не придумаешь.

Эррера ухмыльнулся, и лицо его начало обретать нормальный оттенок.

— Теперь, когда все уже позади, я бы и сам с удовольствием посчитал алмазы.— Вдруг его длинное лицо посерьезнело.— Не могу я все-таки понять, Стилмэн, какому черту и зачем это могло понадобиться? Хоть убей, не понимаю.

Большой Праздник скаутов был изумительным зрелищем. Отряд № 22 — «Парящий сокол» — показал небольшую пантомиму, изображавшую покорение Элбоная. Отряд № 31 — «Отважные бизоны» — был одет в боевую форму пионеров.

Во главе «Охотников на мирашей» стоял Дрог, теперь уже разведчик первого класса. Он держал знамя отряда, что считалось знаком высшей чести, и все громко приветствовали его.

Потому что на флагштоке гордо развевалась шкура настоящего взрослого мираша, и все ее «молнии», клапаны, пуговицы, застежки и кобуры весело и ослепительно сверкали на солнце.